КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1 (104)

ОГИЗ ★ ГОСПОЛИТИЗДАТ ★ 1941

Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России

(1894—1905 гг.)

Распространение произведений революционной печати в царской России преследовалось как большое государственное преступление. Особенно жестоко царизм преследовал виновных в распространении произведений гениальных основоположников научного коммунизма Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Существовала огромная сеть полицейских и цензурных учреждений, целая армия жандармов, охранников и провокаторов, которые осуществляли контроль и наблюдение за печатью. К тому же трудно найти такое учреждение в системе аппарата государственной власти царской России, которое бы не принимало участия в борьбе с печатью. Департамент полиции, охранные и жандармские отделения, Главное управление по делам печати, черные кабинеты, сеть всякого рода агентов были брошены на борьбу с революционной печатью.

Публикуемые ниже документы, извлеченные из полицейских архивов, показывают как свирепо расправлялся царизм с произведениями величайшего гения человечества В. И. Ленина. Царизм жестоко преследовал В. И. Ленина, его произведения подвергались зверскому истреблению. Все это делалось для того, чтобы предотвратить распространение идей марксизма-ленинизма в России. Но царизм был бессилен истребить ленинизм, ибо это означало бы уничтожить рабочий класс, интересы которого полностью выражал марксизм-ленинизм. «Более 80 лет прошло,— говорил т. Сталин на XVII съезде ВКП(б),— с тех пор, как марксизм выступил на арену. За это время десятки и сотни буржуазных правительств пытались уничтожить марксизм. И что-же? Буржуазные правительства приходили и уходили, а марксизм оставался. Более того,— марксизм добился того, что он одержал полную победу в одной шестой части света, причем добился победы в той самой стране, где марксизм считали окончательно уничтоженным» [1].

В. И. Ленин с первых шагов своей революционной деятельности придавал исключительное значение пропаганде идей марксизма в народных массах. Уже в первых устных выступлениях и литературных произведениях В. И. Ленин показал совершенно непревзойденные знания марксизма, умение довести его до сознания масс. В. И. Ленин не только блестяще организовал распространение учения Маркса — Энгельса в России, но и развил это бессмертное учение, обогатил новыми положениями и выводами, связал марксистскую теорию с революционной практикой. «Сила марксистско-ленинской теории состоит в том,— говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)»,— что она дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем» [2]. Марксистско-ленинская теория вооружала рабочий класс и его большевистскую партию боевым оружием в борьбе с самодержавием, помещиками и капиталистами, их агентами — легальными марксистами, а так-

[1] Ленин и Сталин, т. III, стр. 636.
[2] Краткий курс Истории ВКП(б), стр. 339.

же с различными мелкобуржуазными антимарксистскими течениями — народниками, меньшевиками и эсерами. Отсюда понятна та звериная ненависть, с которой обрушивались против марксизма-ленинизма царизм и целая свора его агентов. История распространения произведений В. И. Ленина наглядно показывает, какую громадную силу воздействия на массы оказали уже первые работы Ленина. Например: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — 1894 г., «Экономическое содержание народничества» — 1895 г., «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», «Фридрих Энгельс» — 1895 г., «Задачи русских социал-демократов» — 1898 г., «Что делать?» — 1902 г., «Шаг вперед, два шага назад» — 1904 г., «Две тактики социал-демократии в демократической революции» — 1905 г. и целый ряд других бессмертных произведений В. И. Ленина.

Произведения В. И. Ленина, несмотря ни на какие преграды и преследования, распространялись среди рабочих и крестьян по всей стране. Ленинское учение проникало в сердца миллионов людей, зажигало их ненавистью к угнетателям помещикам и капиталистам, сплачивало рабочий класс и угнетенные массы трудящихся вокруг партии Ленина — Сталина.

Борьба против ленинского учения шла с одной стороны путем всякого рода преследований и репрессий, а с другой — целая стая всевозможных апологетов буржуазии пыталась выступать со всякого рода опровержениями и ревизией принципов марксизма-ленинизма. Презренные опровергатели ленинизма, выступавшие в роли продажных писак, из кожи вон лезли, добиваясь искоренения ленинского учения. Травля, провокация и грязные бульварные измышления этих лженаучных писак сплетались с полицейскими формами борьбы против всепобеждающего марксизма-ленинизма.

В деле распространения произведений Ленина в массах большую роль сыграла ленинская «Искра».

Боевой аппарат агентов «Искры», преодолевая полицейские и цензурные рогатки, довольно успешно организовывал доставку ленинских произведений из-за границы в Россию. Доставленные таким образом труды Ленина распространялись не только в промышленных центрах, но и в самых отдаленных уголках страны. Такому распространению во многом способствовала работа большевистских подпольных типографий. Известны случаи, когда отдельные произведения Ленина, изданные за границей, размножались путем перепечатки местными большевистскими организациями. Обширная переписка полицейских и охранных отделений позволяет судить о широком распространении произведений Ленина по всей стране. Например, из сообщений полиции видно, что гениальные труды Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Что делать?», «Задачи русских социал-демократов» и другие были распространены и изучались почти по всей стране: в Петербурге, Москве, Казани, Баку, Тифлисе, Киеве, Полтаве, Одессе, Екатеринославе, Новгороде, Архангельске, Перми, Томске, Красноярске, Иркутске, Кронштадте, Ковно, Воронеже, Барнауле, Самаре, Вологде и в ряде других городов. Из тех же сообщений видно, что ленинские произведения распространялись не только среди рабочих крупных городов, они также проникали в уездные центры, в деревню и даже в царские тюрьмы. Например, в одном из писем, перехваченных охранкой, автор письма Солодуха из тюрьмы писал: «От книги Ленина в полном восторге. Прочел не отрываясь и жаль не успел прочесть другой раз». «Протест русских социал-демократов» был отобран полицией в городе Котельнич Вятской губ., «Задачи русских социал-демократов» отобрана у крестьян села Черкасы Пензенской губернии. «Что делать?» отобрано у крестьян дер. Бондарево Клинцевского уезда, Подольской губ. и т. д. Особенно широко была распространена среди крестьянства брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

В ночь на 23 декабря 1902 г., при аресте Казанской социал-демократической организации (18 арестованных и 35 обысканных) было найдено много неле-

гальной литературы, среди которой брошюры Ленина «Что делать?», «Задачи русских социал-демократов», «Объяснение закона о штрафах» и «Новый фабричный закон».

В сообщении московской охранки от 19 июня 1914 г. говорится: «В Москве при обысках у арестованных и привлеченных по делу представителей ЦК РСДРП в Северном районе (Н. Э. Бауман, Ф. В. Ленгник, Е. Д. Стасова и др.) были найдены брошюры Ленина: «К деревенской бедноте» — 15 экз., «Шаг вперед, два шага назад» — 4 экз., «Что делать?» — 1 экз., «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» — 1 экз.

В сообщении полицейских агентов Тифлиса от 10 июня 1904 г. указывается: что «на ст. Гори Тифлис. губернии были арестованы двое (Ив. Кецховели и К. Хомерики) с приготовленной для распространения по селениям Гурийского уезда нелегальной социал-демократической литературой и прокламациями, среди которых были 3 экз. брошюры Ленина «К деревенской бедноте».

Донесения охранников из разных мест России пестрят сообщениями об обнаружении произведений Ленина. Например: в Аткарское уездное полицейское управление были сданы нелегальные листовки и брошюры, среди которых брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

В ночь на 25 февраля 1905 г. у крестьянина в дер. Благуши, Игнатовской вол., Зубковского уезда, Тверской губ., была найдена подпольная литература, среди которой брошюра о III съезде РСДРП (резолюции, извещение о съезде, принятая программа и организационный устав)[1].

8 марта 1905 г. в сарае у крестьянина дер. Лазы, Ольшушского уезда были найдены нелегальные издания, среди которых брошюра «К деревенской бедноте».

Из перехваченного письма Киевского комитета РСДРП, адресованного Н. К. Крупской, видно, что Киевский комитет просит прислать брошюры В. И. Ленина «К деревенской бедноте» и «Шаг вперед, два шага назад».— «Брошюры для нас, говорилось в письме, имеют большое значение».

Произведения В. И. Ленина внимательно изучались в рабочих и партийных массах как в России, так и за границей. Об этом сохранилась значительная переписка, так, например: в одном письме из Берлина в Москву автор запрашивал адресата о том, читал ли он «новую» книгу Ленина «Шаг вперед, два шага назад» и указывал, что «наиболее интересны в ней последние главы, XVII и XVIII». Далее в письме говорилось, что «эта книга будет иметь громадное воспитательное значение для нас, интеллигентов, так как заставляет сознательнее относиться к своей роли в движении и тем ошибкам, которые свойственны нам именно, как интеллигентам. Меньшинство, конечно, ругает эту книгу...

Несмотря на преследования и репрессии, чинимые охранкой, произведения Ленина глубоко изучались в подпольных партийных и рабочих кружках. Так, например, в одном из сообщений охранки говорилось о том, что в программе, разработанной для кружков высшего типа, принятой съездом литераторов-пропагандистов при ЦК РСДРП, к лекции 5-й и 7-й указывалось произведение Ленина «Что делать?», к лекции 13-й и 14-й — произведение Ленина «К деревенской бедноте», к 15-й — «План Земской кампании», к лекциям 16-й и 17-й — брошюра Ленина «О временном правительстве» и др.

Царская охранка проявляла особую активность в борьбе с большевистской техникой переправки нелегальной литературы из-за границы в Россию. Но и здесь она была бессильна. Большевистская партия систематически переправляла значительный транспорт литературы и, прежде всего, произведения Ленина, издаваемые за границей. Одновременно не плохо была поставлена работа по переизданию трудов Ленина при помощи нелегальных большевистских типографий.

---

[1] Архив Революции, МСП. 1905 г., д. № 305, лл. 188, 201.

Распространение и переиздание ленинских произведений особенно хорошо было поставлено закавказскими большевистскими организациями, возглавляемыми товарищем Сталиным. Так, например, по делу распространения и переиздания ленинской литературы в донесении начальника Тифлисского губ. жандармского управления от 23 мая 1905 года сообщалось, что в Тифлисе существует «преступное общество, которым осуществляется массовое распространение листовок и прокламаций и чтение таковых рабочим, а также производится и устная пропаганда. В качестве вещественных доказательств, характеризующих деятельность общества, прилагались следующие работы Ленина, отобранные при произведенных охранкой арестах.

Брошюра на грузинском языке под заглавием «К деревенской бедноте».

Номера 1-й и 2-й газеты-журнала на грузинском языке «Социал-демократ».

Один экземпляр № 8-й журнала на грузинском языке «Борьба пролетариата».

Царское правительство стремилось огнем и мечом уничтожить ленинско-сталинское учение. Оно беспощадно уничтожало лучшие произведения классиков марксизма.

Только в результате Великой Октябрьской социалистической революции навсегда снят проклятый запрет, давивший бессмертные произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Только победивший пролетариат, возглавляемый партией Ленина — Сталина, обеспечил возможность угнетенным народам мира полностью использовать в своей борьбе бессмертное наследство основоположников марксизма. Величайшее литературное наследство Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина стало достоянием многомиллионных масс.

Труды В. И. Ленина и И. В. Сталина в стране социализма изданы и переиздаются многомиллионными тиражами. Так, например, «с 1917 года по октябрь 1939 года произведения Ленина изданы в СССР на 73 языках общим тиражем 123 миллиона экземпляров. Только за истекший 1939 год Государственное издательство политической литературы издало на русском языке свыше восьми миллионов экземпляров.

Избранные произведения Ленина и Сталина в трех томах впервые изданы в 1936 г. и переизданы в 1937 и 1938 гг. общим тиражем в 3.700 тысяч экземпляров» [1].

Приведенные факты достаточно показательны для того, чтобы понять все величие этой неиссякаемой сокровищницы марксизма-ленинизма.

Ниже мы публикуем хронику распространения произведений Ленина за период 1894—1905 гг. [2], составленную по материалам, извлеченным из полицейских архивов. Публикуемые материалы достаточно освещают то, как проникали произведения В. И. Ленина и какое воздействие они оказывали на массы рабочих и крестьян.

Оригиналы публикуемых документов хранятся в Центральном Государственном архиве Революции НКВД СССР.

Документы настоящей публикации подготовлены к печати тов. Сыромятниковой М. А.

Г. Костомаров.

---

[1] Газ. «Правда» № 21 (8067) от 21 января 1940 г., стр. 2.

[2] В последующих №№ журн. «Красный Архив» будет помещено продолжение хроники с 1906 по 1917 гг.

1894 г.

2-я половина 1894 г. Кружком социал-демократов в Петербурге[1] была издана брошюра Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»[2] — I и III выпуски: II выпуск ее был издан в Москве.

ДП, III, 1895 г., д. № 684, л. 15[3].

18 ноября. В Москву был доставлен из провинции выпуск III гектографированной брошюры «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», сентябрь 1894 г., издание провинциальной группы социал-демократов.

ДП, III, 1892 г., д. № 755, ч. I, л. 60.

3 декабря. При обыске у С. И. Мицкевича в Москве был найден выпуск III брошюры Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», сентябрь 1894 г.

МСП, 1896 г., д. № 28, т. I, доп. к дознанию, л. 66[4].

1895 г.

Начало года. Прокламация «Чего следует добиваться портовым рабочим»[5] появилась в Новом порту и на Механическом заводе «Московского товарищества» в Петербурге.

ДП, VII, 1895 г., д. № 339, лк. 1—6[6].

1 сентября. В письме из Москвы в Париж сообщалось о брошюре Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», выпущенной нелегально.

ДП, III, 1890 г., д. № 497, ч. I, л. 16.

В ночь на 9 декабря. При обысках и арестах членов Петербургского «Союза борьбы» у одного из них, А. Ванеева, была найдена рукопись статьи «О чем думают наши министры?»[7], а у П. Н. Лепешинского и некоторых рабочих отпечатанное на пишущей машинке воззвание «К рабочим и работницам фабрики Торнтона»[8], написанные Лениным.

ДП, VII, 1895 г., д. № 339, лл. 13—19[9].

Конец года. Брошюра Ленина «Объяснение закона о штрафах»[10] была отпечатана, по просьбе социал-демократов, в Лахтинской типографии народовольцев в Петербурге в количестве 1500 экз.; она была передана в типографию осенью.

ДП, VII, 1896 г., д. № 257, л. 340 об., т. II, лл. 37 и 51; т. III, л. 127.

До 29 декабря. В Казани был получен сборник[11] со статьей Тулина — Ленина.

ДП, III, 1894 г., д. № 1461, л. 30[12].

---

[1] «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».
[2] См. В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 51—222.
[3] Документ опубликован в «Красном Архиве» № 62, стр. 82.
[4] Документ опубликован в «Красном Архиве» № 62, стр. 82.
[5] Прокламация петербургской группы «стариков» «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», написанная В. И. Лениным, см. «Пролетарская революция», 1937 г., № 8, стр. 124—126.
[6] Документ опубликован в «Красном Архиве» № 62, стр. 84.
[7] См. В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 417—421.
[8] См. В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 449.
[9] Документ опубликован в «Красном Архиве» № 62, стр. 93—95.
[10] «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», см. В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 363—397.
[11] «Материалы к характеристике народного хозяйства в России». Сборник вышел легально в Петербурге в 1895 г.
[12] Документ опубликован в «Красном Архиве» № 62, стр. 112.

29 декабря. В письме из Казани в Пермь сообщалось о получении сборника со статьями Тулина — Ленина, Бельтова — Плеханова и др., со след. отзывом о нем: «Роскошная вещь».

ДП, III, 1894 г., д. № 1460, л. 30.

1896 г.

6 мая. А. Скляренко в письме из гор. Онеги, Архангельской губ., в Москву М. Елисарову сообщал: «прекрасная статья Т-на[1] объехала уже несколько городов Архангельской губ. и у меня по поводу нее затеялась довольно содержательная переписка с одним из сомневающихся вевистов»[2].

ДП, III, 1892 г., д. № 944, л. 37[3].

В ночь на 24 июня. С начала года стала усиленно распространяться среди рабочих брошюра «Объяснение закона о штрафах»; она была найдена у многих лиц, арестованных и привлеченных к делу в связи с арестом Лахтинской типографии в ночь на 24 июня.

ДП, VII, 1896 г., д. № 257, лл. I, об., 37, 17, 20, 45, 46, 150.

9 августа. У одной из привлеченных по делу Лахтинской типографии и высланной под особый надзор в с. Свинуху Балашевского уезда, Саратовской губ., при обыске была найдена брошюра «Объяснение закона о штрафах».

ДП, VII, 1896 г., д. № 257, лл. 288—289, 421.

22 августа. В деревне Кабанихе близ Петербурга, ст. Ржевки, Ириновской ж. д., при обыске у одного из привлеченных по делу Лахтинской типографии, у которого был склад издаваемой литературы, было найдено 25 экз. печатной брошюры «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах».

ДП, VII, 1896 г., д. № 257, лл. 306—308, 336, 444.

1897 г.

14 марта. На допросе в Петербургском губернском жандармском управлении Н. Э. Бауману было предъявлено обвинение в том, что он передавал 10 экз. «Объяснение закона о штрафах» на условленном свидании с рабочими фабрики Штиглица.

ДП, VII, 1897 г., д. № 96, т. I, л. 40[4].

1898 г.

До 18 ноября. Вышел легально в свет и продавался в книжном магазине «Знание» в Петербурге сборник статей Ленина под заголовком «Экономические этюды и статьи Владимира Ильина», С. Петербург, типография Лейферта, 1899 г.[5].

ДП, о. о., 1898 г., д. № 6, ч. 950, л. 163.

---

[1] Тулина — Ленина.

[2] Речь идет о статье Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».

[3] Документ опубликован в «Красном Архиве» № 62, стр. 114.

[4] Документ опубликован в брошюре «Н. Э. Бауман», 1937 г., изд. «Московский рабочий», стр. 33—34.

[5] В этот сборник вошли статьи В. И. Ленина по вопросам народного хозяйства, которые частично были напечатаны в газете «Новое слово».

1899 г.

30 августа. В письме из Московской тюрьмы один автор писал: «От книги Ленина я в полном восторге. Прочел, не отрываясь и, жаль, не успел в другой раз прочесть — торопился вернуть» [1].

МСП, 1899 г., д. № 39, лл. 207—208.

14 сентября. При обыске в г. Котельниче, Вятской губ., была найдена рукопись резолюции — «Протеста российских социал-демократов» [2] и письмо о посылке этой резолюции из гор. Орлова с просьбой ознакомить с этой резолюцией всех местных социал-демократов.

ДП, VII, 1899 г., д. № 363, лл. 69—83 [3].

1901 г.

В ночь на 17 апреля. Взята при обысках в Киеве у привлеченных по делу типографии Киевского комитета РСДРП брошюра Ленина «Объяснение закона о штрафах», издание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», напечатанная в типографии «Союза русских социал-демократов» в Женеве, 1897 г.

ДП, VII, 1901 г., д. № 249, лл. 9, 44.

20 декабря. В № 13 «Искры» была напечатана передовая статья Ленина «Начало демонстраций», которая потом была напечатана в типографии «Искры» отдельным листком в январе 1902 г. [4] — инв. № 18751, с добавлением «от издателей» о демонстрации в Харькове, состоявшейся 3 декабря, инв. № 25526 (2 экз.— один со штампом: «Южная революционная группа социал-демократов» и допечаткой «прочитав, передайте товарищам»).

1902 г.

Январь. Была издана отдельной листовкой в типографии «Искры» статья Ленина «Начало демонстраций», помещенная в № 13 «Искры» от 20 декабря 1901 г.

Типографская листовка инв. № 25526 (2 экз., один с печатью «Южной революционной группы социал-демократов»).

Эта же статья была издана в типографии «Искры» с добавлением «от издателей», в котором сообщалось о состоявшейся в Харькове вечером 3 декабря 1901 г. уличной демонстрации в количестве 4 тысяч организованных рабочих с общим числом демонстрантов в 12—14 тысяч.

Листовка инв. № 19751.

Брошюра Ленина «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» [5] была напечатана в Штутгардте в 1902 г. с приложением статьи «Попытка объединения «Искры» с «Рабочим делом».

Статья Ленина «Революционный авантюризм» [6], № 23—24 «Искры»

---

[1] В апреле 1899 г. вышла из печати книга В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» под псевдонимом «Владимир Ильин». Соч., т. III.

[2] Написано В. И. Лениным против «Credo» Кусковой,— см. В. И. Ленин Соч., т. II, стр. 473—486.

[3] Документ опубликован в «Красном Архиве» № 62, стр. 127—128.

[4] Статью «Начало демонстраций» в связи со студенческим движением написал В. И. Ленин; редакция «Искры» заказала отпечатать 10 тысяч в искровской типографии в Кишиневе — см. письмо Н. К. Крупской 11/24 декабря 1901 г. («Красный Архив», № 62, стр. 147). См. В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 345.

[5] См. В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 359—508.

[6] См. В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 145—161.

1 августа и 1 сентября 1902 г., была напечатана отдельной брошюрой в типографии «Искры» в 1902 г.

Инв. № 5633.

7 января. Из Киева был отправлен транспорт нелегальной литературы, среди которой листок «Искры» «Начало демонстраций»; 1203 экз.— в Екатеринослав, 1287 экз.— в Харьков, 222 экз.— в Полтаву.

ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 3, лл. 21—44.

9 января. Листок «Начало демонстраций» был отправлен из Киева в Одессу в количестве 1520 экз.

ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 3, л. 47.

13/26 января. Н. К. Крупская в письме извещала Одесскую организацию РСДРП: «Сейчас печатается несколько брошюр. Одна (мы ей придаем большое значение),— которая задается целью выяснить точку зрения «Искры» на организационные вопросы» [1]. «Эти вопросы — больное место, об этом ясно говорят получаемые нами письма...»

МОО, 1902 г., д. № 1459, л. 76.

До 16 января. Статья Ленина «Начало демонстраций», отпечатанная в типографии «Искры» в виде листовки с печатью Киевского комитета, распространялась по г. Киеву «в массе экземпляров».

М. Ю., вр. канц., 1901 г., д. № 10937, лл. 65—66.

20 января. При аресте 30 членов кружка рабочих Ярославской Большой Мануфактуры, в связи с разбросной прокламаций в ночь на 19 января, была найдена брошюра «Объяснение закона о штафах».

ДП, VII, 1902 г., д. № 443, лл. 1, 16, 19.

21 января. В Харькове был арестован ящик весом 1 пуд 3 фунта, отправленный багажом из Киева, где были 1535 экз. листовок «Начало демонстраций» вместе с 297 брошюрами «Десятилетие Морозовской стачки» и 100 экз. «Обвинительный акт по делу о майских беспорядках на Обуховском заводе», отпечатанных в типографии «Искры».

ДП, о. о., 1901 г., д. № 850, т. 3, лл. 70—71.

В ночь на 24 января и утром 24 января. Листовка «Искры» «Начало демонстраций» была разбросана по улицам гор. Одессы; было подобрано полицией 65 экз.

М. Ю., вр. к., 1902 г., д. № 15018, лл. 1, 3.

26 января. Среди вещественных доказательств по делу «о социал-демократических кружках рабочих в селе Кохме и Иванове-Вознесенске» имелась брошюра «Объяснение закона о штрафах», взятая при обыске у двух арестованных и привлеченных к этому делу лиц.

ДП, VII, 1902 г., д. № 89, лл. 7—8.

29 января. Среди вещественных доказательств по делу «О Южной революционной группе социал-демократов», в связи с массовым распространением прокламаций в гор. Одессе в ночь на 29 января, имелась брошюра «Новый фабричный закон» [2] издание РСДРП, Женева, типография Союза русских социал-демократов.

ДП, VII, 1902 г., д. № 340, лл. 16—22 об., 31.

В ночь на 9 февраля. В Киеве при массовых обысках и арестах лиц, привлеченных по делу Киевского комитета и группы «Искры», было найдено много нелегальной литературы, среди которой брошюра

[1] В. И. Ленин, «Что делать?».
[2] См. В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 125—165.

Ленина «Что делать?» — 42 экз., прокламация «Начало демонстраций» — 10 экз., брошюра «Объяснение закона о штрафах» — 2 экз., «Новый фабричный закон» — 2 экз.

ДП, VII, 1902, д. № 128, т. I, лл. 50, 25, 26, 27, 30 об., 44—45, 61—63.

17 февраля. На станции Вержболово у арестованного Таланова среди другой социал-демократической литературы было взято 3 экз. брошюры «Объяснение закона о штрафах», 1897, Женева, тип. «Союза русских социал-демократов», и «Задачи русских социал-демократов» [1], 1898, тип. «Союза русских социал-демократов».

МСП, 1903 г., д. № 1, дозн., т. III.

25 февраля. При аресте членов организации студентов Юрьевского университета была найдена брошюра «Объяснение закона о штрафах».

ДП, VII, 1902 г., д. № 174, лл. 4, 5, 58, 249, 276, 277.

1 марта. При обыске в гор. Кирсанове Тамбовской губ. у Неверова, привлекавшегося по делу типографии, Московским губернским жандармским управлением была найдена брошюра «Объяснение закона о штрафах», которая была включена в число вещественных доказательств по делу Комитета соц.-демократической группы «Рабочее знамя» и типографии «Свободной прессы» в гор. Козлове.

ДП, VII, 1902 г., д. № 696, лл. 5 об., 8 об., 14—16.

7 марта. Арестован на ст. Граница чемодан с №№ 12—17 «Искры» и брошюрой Ленина «Что делать?».

Канц. пом. варш. г.-г., 1902 г., д. № 5, ч. 1, вх. 1937.

8/21 марта. Н. К. Крупская в письме к Кржижановскому в Самару сообщала о выходе брошюры Ленина «Что делать?».

ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 6, лл. 3—5.

12 марта. Листовка «Начало демонстраций» была взята полицией при аресте типографии «Искры» в Кишиневе.

ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 6, л. 51.

Конец марта — начало апреля. Появившаяся за границей брошюра Ленина «Что делать?» вызвала «большую сенсацию».

ДП, о. о., 1898 г., д. № 14, ч. 48, л. 2 [2].

Март-апрель. Брошюры «Задачи русских социал-демократов» — 2 экз., «Что делать?» (2 экз.) имелись в числе вещественных доказательств по делу «о Северном рабочем союзе», члены которого были арестованы в марте и апреле 1902 г. в Ярославле, Костроме и Воронеже.

ДП, VII, 1902 г., д. № 523, лл. 9 об., 12, 75, 121.

4, 8 и 12 апреля. Среди найденных на заводе Гусь-Хрустальный, Владимирской губ., газет и брошюр имелась брошюра Ленина «Объяснение закона о штрафах».

ДП, VII, 1902 г., д. № 400, л. 8.

19 апреля/2 мая. Н. К. Крупская в письме в Московскую организацию РСДРП спрашивала, имеется ли книжка Ленина «Что делать?» и какое она произвела впечатление.

ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 9, л. 25.

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 167—190.
[2] Документ опубликован в «Красном Архиве» № 62, стр. 150.

А п р е л ь. Кружок, организованный в Берлине в апреле 1902 г., цель которого была подготовлять революционных деятелей, занимался изучением книги Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1902 г., д. № 1044, л. 6.

В н о ч ь н а 21 а п р е л я. При арестах в Москве членов и активных работников Московского комитета РСДРП была найдена брошюра «Что делать?».

ДП, VII, 1902 г., д. № 555, лл. 9, 25—27, 31.

25 а п р е л я. Среди вещественных доказательств по делу о съезде в Белостоке в конце марта имелись 2 брошюры Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1902 г., д. № 470, лл. 1, 7.

В е с н а. Среди вещественных доказательств по делу «об агитации среди крестьян Полтавской и Харьковской губерний, вызвавшей массовые волнения весной 1902 г.», имелась брошюра «Новый фабричный закон», издание РСДРП, Женева; типография «Союза русских социал-демократов», 1899 г.

ДП, VII, 1902 г., д. № 482, лл. 14, 15 об.
ДП, VII, 1902 г., д. № 1044, л. 6.

2 м а я. Директор департамента полиции отметил в своей «Записке для памяти» выход за границей брошюры Ленина «Что делать?» «около месяца тому назад».

ДП, о. о., 1898 г., д. № 14, ч. 48, л. 2.

5 м а я. После демонстрации 5 мая 1902 г. в Н.-Новгороде при одном обыске была найдена брошюра Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1901 г., д. № 755, т. 1, л. 13 об.

28 и ю н я. В селе Борисоглебске, Мологского уезда, Ярославской губернии, при обыске у семинариста Крылова, арестованного на съезде семинаристов разных городов в селе Морквашах, Симбирской губ., 22 июня, была найдена брошюра «Задачи русских социал-демократов» вместе с другими нелегальными изданиями.

ДП, VII, 1902 г., д. № 1025, лл. 8 об., 13, 23.

29 и ю н я. У одного из арестованных на сходке в Голосеевском лесу, близ Киева, был найден склад нелегальной литературы до 1000 экз., среди которой брошюра «Объяснение закона о штрафах» — 2 экз. и статья «Начало демонстраций», январь, 1902 г.

ДП, VII, 1902 г., д. № 951, лл. 8, 11 об., 14, 21—22.

В н о ч ь н а 3 и ю л я. В Киеве в квартире слесаря Самсонова при обыске был найден склад нелегальной литературы для распространения среди рабочих, среди которой брошюры «Объяснение закона о штрафах» и «Новый фабричный закон».

ДП, VII, 1902 г., д. № 1093, лл. 4 об., 6—7.

П о л о в и н а и ю л я. Пропагандистка Невского района Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» прочитала брошюру «Что делать?» на состоявшемся в Мурзинском лесу собрании всех представителей рабочих кружков этого района и сообщила о предложении «искровцев» принять систему централизации при постановке кружковой организации.

ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, ч. 10, л. 30 об.

14 и ю л я. На станции Александров Варшавско-Венской ж. д. при осмотре багажа были арестованы чемоданы с двойным дном, где сре-

ди большого количества социал-демократической литературы (95 названий) была брошюра Ленина «Что делать?».

МЮ, вр. к., 1902 г., д. № 15962, л. 64—65.

16 июля. При аресте Н. А. Морозова (заключенного в Варшавскую крепость) с транспортом нелегальной литературы в количестве 1460 экз., перевозимой из-за границы, были найдены 2 экз. брошюры «Новый фабричный закон» и брошюра «Что делать?».

ДП, VII, 1902 г., д. № 1616, лл. 3, 4, 5, 12.

28 июля. На пограничном пункте Морджееве при переезде из Галиции в Германию был арестован Каляев с транспортом нелегальной литературы, среди которой имелась брошюра Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1902 г., д. № 1123, лл. 1, 4, 8.

1 августа. На пограничном пункте Млава был арестован транспорт нелегальной литературы, перевозимой в двух чемоданах с двойным дном; среди литературы была брошюра «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1902 г., д. № 1125, лл. 4 об., 6.

23 августа. При обыске у лица, прикосновенного к Екатеринославскому комитету РСДРП и хранившего нелегальную литературу, было найдено 302 названия революционных изданий, среди которых брошюра «Новый фабричный закон» в 2-х экз.

ДП, VII, 1902 г., д. № 1274, лл. 1, 10 об., 14.

29 августа. В Клинцах Новозыбковского уезда, Черниговской губернии, был арестован склад-библиотека Новозыбковской социал-демократической группы с более чем 1000 экз. изданий (184 наименования), среди которых имелись брошюры «Задачи русских социал-демократов» и «Протест российских социал-демократов». Вся арестованная литература была присоединена к делу Новозыбковской социал-демократической группы, члены которой были арестованы в Новозыбкове в июне после систематического распространения прокламаций; у одного из арестованных была найдена брошюра «Объяснение закона о штрафах».

ДП, VII, 1902 г., д. № 553, лл. 6, 6 об., 10, 12, 27, 45, 52, 81—88.

15 сентября. При обыске в гор. Нежине в квартире лиц, занимающихся доставлением из-за границы нелегальной литературы, были найдены 119 названий изданий, среди которых «Задачи русских социал-демократов» изд. РСДРП, Женева, 1898 г.

ДП, VII, 1902 г., д. № 1365, лл. 3, 6, 8, 31.

18 сентября. Брошюра Ленина «Что делать?», в количестве 194 экз., была сдана феодоссийскому исправнику капитаном парохода «Боржом», прибывшим из Александрии, вместе с транспортом литературы, где находились: 425 экз. «Искры» №№ 13—19, 23 экземпляра «Зари», декабрь 1901 г., и 183 экз. брошюры «Тифлисское рабочее движение» и др.— всего 1536 экз., 16-ти названий.

МЮ, вр. к., 1902 г., д. № 16477, лл. 3, 12, 18.

14 октября. В письме из Одессы по адресу редакции «Искры» в Шарлоттенбург просили прислать брошюру Ленина «Что делать?» — «Побольше».

ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, л. 223.

6 ноября. Из Киева поступил запрос о присылке 10 экз. брошюры Ленина «Что делать?».

ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 13, лит. Ж., л. 4.

15 ноября. Начальником жандармского отделения гор. Одессы была представлена в департамент полиции оставленная на пароходе «Боржом» в Александрии брошюра Ленина «Что делать?».

ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 19, лит. Г, л. 198.

22 ноября. В Петербурге при обыске в квартире, где предполагалось печатание на гектографе новых изданий кружка социалистов-революционеров, а также у лиц, застигнутых в этой квартире, была найдена брошюра «Что делать?» — в 2-х экзем., которая была внесена в число вещественных доказательств по делу о кружке «Вперед».

ДП, VII, 1902 г., д. № 1716, лл. 4, 9, 11.

В ночь на 28 ноября. В гор. Кишиневе, на конспиративной квартире был найден транспорт нелегальной литературы весом около 9 пудов, среди которой имелась прокламация «Начало демонстраций» из № 13 «Искры» и брошюра «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1905 г., д. № 1756, лл. 15 об., 8, 13, 15.

В ночь на 28 ноября. Среди вещественных доказательств по делу о Московском комитете РСДРП и группе «искровцев» в Москве, аресты которых были в ночь на 28 ноября, имелась брошюра Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1902 г., д. № 1775, лл. 9 об., 39.

14 декабря. В селе Черкассах Пензенской губернии среди нелегальной литературы, хранившейся для распространения и арестованной при обыске, найдена брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1903 г., д. № 145, лл. 3, 5 и д. № 145, ч. 1, л. 3 об.

19 декабря. В Житомире был арестован склад нелегальной литературы около 2 тысяч разных изданий, среди которых брошюра «Задачи русских социал-демократов» с пометами № 6, № 3, № 37 и 31 и прокламация «Начало демонстраций»; они были привлечены в качестве вещественных доказательств по делу о типографии соц.-революционеров, арестованной 14 декабря в Житомире.

ДП, VII, 1902 г., д. № 1831, лл. 21, 22 об., 31 об., 46.

В ночь на 22 декабря. В Ковно была арестована нелегальная литература (в двух чемоданах), более 200 названий, среди которой брошюра «Новый фабричный закон» — 2 экз., «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1902 г., д. № 1845, лл. 4, 10—13.

В ночь на 23 декабря. При аресте Казанской социал-демократической организации (18 арестованных и 35 обысканных) было найдено много нелегальной литературы, среди которой брошюры Ленина «Что делать?», «Задачи русских социал-демократов», «Объяснение закона о штрафах» и «Новый фабричный закон».

ДП, VII, д. № 1842, лл. 5, 6 об., 7 об., 9, 17.

1903 г.

3 января. Вечером из Нижнего-Новгорода в Сормово был привезен чемодан с подпольной литературой, среди которой были сочинения

Ленина: «Что делать?» — 1 экз., «Задачи русских социал-демократов» — 5 экз., «Революционный авантюризм» — 15 экз. Литература была арестована.

ДП, VII, 1903 г., д. № 142, лл. 12, 16—17.

16 января. При обысках в Одессе найдена брошюра Ленина «Что делать?», листовка «Извещение об образовании «Организационного комитета» [1], декабрь 1902 г.

ДП, VII, 1903 г., д. № 108, лл. 5, 6, 7.

До 17 января. Московский комитет РСДРП выпустил в обращение сочинения Ленина: «Извещение об образовании «Организационного комитета» и брошюру «Революционный авантюризм» — оттиск из №№ 23—24 «Искры», 1 августа и 1 сентября.

МОО, 1902 г., д. № 1348, л. 350.

19 января. При обысках и арестах в Петербурге у одного рабочего была найдена брошюра «Революционный авантюризм» среди другой соц.-дем. литературы.

ДП, VII, 1903 г., д. № 159, лл. 3 и 5.

20 января. Среди транспорта нелегальной социал-демократической литературы, арестованной на границе, у дер. Исаковцы Каменецкого уезда, были взяты 13 экз. брошюры «Объяснение закона о штрафах», изд. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Женева, типография «Союза русских социал-демократов», 1897 г.

ДП, VII, 1903 г., д. № 146, лл. 1 и 7.

20 января. При обысках членов организации «Касса радикалов» в Петербурге у некоторых из них была найдена брошюра «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 180, лл. 1, 11, 30.

21 января. При обысках у группы рабочих Сормовского завода и у других лиц из социал-демократической организации были найдены брошюры Ленина: «Что делать?» — 2 экз., «Задачи русских социал-демократов» — 6 экз., «Революционный авантюризм» — 16 экз., «Извещение об образовании «Организационного комитета» — 1 экз., «Объяснение закона о штрафах» — 1 экз.

ДП, VII, 1903 г., д. № 142, лл. 12—15.

1 февраля. У одной из привлеченных к дознанию по делу Сормовской социал-демократической организации в Н.-Новгороде при обыске в квартире после ареста были найдены среди другой нелегальной литературы брошюры Ленина «Задачи русских социал-демократов», «Объяснение закона о штрафах» и «Извещение об образовании «Организационного комитета».

ДП, VII, 1903 г., д. № 142, лл. 33—34.

В ночь на 3 февраля. В Каменец-Подольске был арестован транспорт нелегальной социал-демократической литературы, присланной из Австрии, среди которой были брошюры Ленина «Что делать?» и «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1903 г., д. № 191, лл. 4—5, 11—12, 13.

В ночь на 11 февраля. В Харькове из полученного 9 февраля транспорта социал-демократической литературы, частично уже отправ-

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 225.

ленного в другие города, была арестована одна, также приготовленная к отправке, корзина, в которой были среди других брошюр, сочинения Ленина: «Задачи русских социал-демократов» и «Революционный авантюризм».

ДП, VII, 1903 г., д. № 282, лл. 3 и 6.

12 февраля. У арестованного на пограничном пункте Александров среди другой нелегальной литературы взята брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1903 г., д. № 320, лл. 4, 5.

14 февраля. Пограничной стражей были найдены у берега реки Збруч, между м. Гусятин и дер. Бандаровкой, Каменецкого уезда Подольской губ., тюки с 483 экз. нелегальной социал-демократической литературы, среди которой 7 экз. брошюры Ленина: «Задачи русских социал-демократов», Женева, 1902 г.

ДП, VII, 1903 г., д. № 353, лл. 1—5.

15 февраля. Была отобрана брошюра Ленина «Что делать?» у крестьянина дер. Бандаровки Каменецкого уезда, Подольской губ., близ границы.

ДП, VII, 1903 г., д. № 353, лл. 3—4.

В ночь на 19 февраля. При обыске в Киеве у членов Киевской организации РСДРП был взят проект программы для занятий в кружках, выработанный Киевским комитетом РСДРП, в котором как литература для проработки рекомендовались сочинения Ленина: «Аграрная программа»[1] из №4 «Зари», «Развитие капитализма в России» и «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 347, лл. 12—13.

В ночь на 28 февраля. При обыске у студента Технологического института (Шпалова) в Петербурге была найдена брошюра Н. Ленина на 8 страницах (без указания заглавия).

ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 6, лит. Ч, л. 9.

28 февраля. При обыске у Козеренко, привлекавшегося по 25 ст. ул. о наказ. в г. Баку, была найдена брошюра Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 495, ч. 4, лл. 1—2.

После 1 марта. Статья Ленина «Самодержавие колеблется...»[2], напечатанная в № 35 «Искры» от 1 марта 1903 г., была издана отдельным листком в типографии «Искры».

МЮ, 1903 г., д. № 17624, л. 59 п. (Подлинник листовки с печатью Екатеринославского комитета РСДРП).

3 марта. В Севастополе близ Малахова кургана был найден сверток нелегальной литературы, принадлежащий одному из команды работников при постройке в с. Сормове Нижегородской губ. крейсера «Очаков»; среди взятой литературы был 1 экз. печатного «Извещения об образовании «Организационного комитета» и «список с письма Ленина с проектом реорганизации». Обвиняемый по этому делу (Волошин) в 1902 г. имел связь с членами рабочего кружка в Сормове.

ДП, VII, 1903 г., д. № 142, лл. 8 об., 62.

---

[1] «Аграрная программа русской социал-демократии», см. В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 83—122.

[2] См. В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 250.

В ночь на 5 марта. В гор. Ковно у переправы через реку Неман таможенная стража задержала двух человек, перевозивших нелегальную литературу в корзине и в трех чемоданах с двойным дном; среди литературы были сочинения Ленина: «Революционный авантюризм» и «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 461, лл. 9—11.

В ночь на 6 марта. В Одессе при обыске у лиц, распространявших революционную литературу, найдено «Извещение об образовании «Организационного комитета».

ДП, VII, 1903 г., д. № 477, л. 7.

16 марта. В Петербурге при обыске у группы студентов и курсисток были найдены 2 экз. брошюры Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., № 531, лл. 5—7; № 531, ч. 7, л. 2; № 531, ч. 8, л. 2.

18 марта. В Москве у арестованного соц.-революционера была взята брошюра Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 1420, лл. 4, 7—8.

В ночь на 23 марта. В Казани при обыске у студента Казанского университета, в связи с делом о пропаганде среди рабочих г. Казани, была найдена среди другой социал-демократической литературы брошюра «Объяснение закона о штрафах» и 3 листка «Извещение об образовании «Организационного комитета», а у другого арестованного в этот день был взят список литературы, среди которой «Революционный авантюризм» (11 экз.).

ДП, VII, 1903 г., д. № 629, лл. 24 и 70.

В Саратове при обыске у рабочего, привлеченного по делу Саратовского революционного кружка, распространявшего в г. Саратове революционные издания, была найдена брошюра «Объяснение закона о штрафах», изд. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

ДП, VII, 1903 г., д. № 682, лл. 5, 46 и д. № 682, ч. 6, лл. 1—2.

В ночь на 24 марта. При обысках у группы лиц, принадлежащих к социал-демократической революционной организации «Рачий», была найдена брошюра «Объяснение закона о штрафах».

ДП, VII, 1903 г., д. № 581, лл. 9 и 16—17.

Март. В типографии Екатеринославского комитета печаталось «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» [1] — Ленина.

ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 8, лит. И, л. 16.

В ночь на 7 апреля. При обысках в Киеве были найдены 2 экз. брошюры «Революционный авантюризм» и 1 экз. «Что делать?» — Ленина.

ДП, VII, 1903 г., д. № 852, лл. 24, 29, 30, 37.

8 апреля. На границе в Волковышском уезде Сувалкской губ. был задержан транспорт нелегальной литературы в четырех чемоданах с двойным дном; среди литературы следующие сочинения Ленина: брошюры «Задачи русских социал-демократов» — 50 экз., «Что делать?» — 210 экз., «Самодержавие колеблется», отдельный оттиск из № 35 «Искры» — 117 экз. и «Новый фабричный закон» — 5 экз.

ДП, VII, 1903 г., д. № 728 лл. 5—6 и 9—10.

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 179.

В 4-х верстах от границы был арестован транспорт социал-демократической литературы, среди которой 10 экз. «Что делать?» — Ленина.

Канц. пом. Варш. ГЖУ, 1903 г., д. № 5, ч. 9, вх. 2945.

11 апреля. В дер. Тарнуцах Шумской гмины Мариампольского уезда, Сувалкской губ. был арестован транспорт нелегальной литературы, среди которой 1 экз. брошюры Ленина «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1903 г., д. № 738, лл. 1 и 4.

12 апреля. При обысках у арестованных на демонстрации в Житомире была найдена брошюра «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1903 г., д. № 898, л. 6.

В ночь на 16 апреля. В Харькове при обыске у лиц, привлеченных к делу о Харьковском комитете РСДРП, были взяты брошюры Ленина: «Революционный авантюризм», тип. «Искры», 1902 г., «Задачи русских социал-демократов», 1902 г. изд. Лиги.

ДП, VII, 1903 г., д. № 465, лл. 36—41.

16 апреля. При арестах в Петербурге была взята брошюра «Революционный авантюризм».

ДП, VII, 1903 г., д. № 870, ч. 5, л. 3 об.

20 апреля. В Красноярске в квартире троих рабочих желдор. мастерских была найдена среди другой нелегальной литературы брошюра «Объяснение закона о штрафах», женевск. изд. 1897 г., типография «Союза русских социал-демократов», а также красный флаг с лозунгом «Да здравствует политическая свобода, долой самодержавие!».

ДП, VII, 1903 г., д. № 991, лл. 3, 7.

21 апреля. В Кронштадте при обыске группы лиц, обвиняемых в распространении «противоправительственных идей» среди минеров крепостной артиллерии в Кронштадте, были найдены «Что делать?» и «К деревенской бедноте» [1].

ДП, VII, 1903 г., д. № 655, лл. 16, 20 об., 26, 37.

В ночь на 22 апреля. В Перми при обысках и аресте 8 членов местной социал-демократической организации была найдена брошюра «Объяснение закона о штрафах».

ДП, VII, 1903 г., д. № 1044, лл. 5—7.

22 апреля. При аресте проезжающего в омнибусе из г. Владиславова в г. Волковышки Сувалкской губ. была взята брошюра Ленина «Что делать?» и более 3 тысяч прокламаций «К офицерам» и «К солдатам» Военно-революционной организации, апрель 1903 г.

ДП, VII, 1903 г., д. № 861, лл. 4—5.

26 апреля. У возвращавшихся со сходки, устроенной социал-демократической организацией за городом по вопросу о праздновании 1 Мая в Смоленске, была отобрана листовка «Самодержавие колеблется», отдельный оттиск «Искры» и брошюра «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1903 г., д. № 950, лл. 18 об., 20, 24.

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 261—317.

На ст. Вержболово при осмотре багажа у возвращающегося из-за границы врача Вятской жел.-дор. больницы были найдены заделанными в переплеты медицинских книг социал-демократические издания, среди которых брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1903 г., д. № 903, л. 6.

29 апреля. В Екатеринославе в квартире типографского наборщика был арестован склад нелегальной литературы, среди которой листовка «Извещение об образовании «Организационного комитета».

ДП, VII, 1903 г., д. № 990, лл. 1—4.

Апрель 1903 г. Статья «Самодержавие колеблется» из № 35 «Искры» была напечатана в виде брошюры под № 2 в типографии Тверского комитета РСДРП, называвшейся типографией «Северного рабочего союза» и находившейся в Твери. Брошюра распространялась в Твери 16 и 19 июня.

ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 39, лит. В, л. 1 и лит. В, л. 30 — подлинник брошюры см. МЮ, 1903 г., д. № 17624, л. 59 п.

4 мая. В Воронеже у фельдшерской ученицы был взят при обыске № 4 «Зари», август 1902 г., со статьей Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии».

МЮ, вр. к., 1903 г., д. № 17141, л. 11.

В ночь на 9 мая. В Одессе при обысках у лиц, связанных с арестованной в ту же ночь типографией социалистов-революционеров и нелегальной библиотекой, были взяты две брошюры Ленина: «Революционный авантюризм» (2 экз.) и «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 1135, лл. 4, 8, 9, 11.

10 мая. В Житомире при обысках были найдены брошюры: «Задачи русских социал-демократов» и «Объяснение закона о штрафах».

ДП, VII, 1903 г., д. № 899, лл. 11—12, 23.

12 мая. При аресте нелегальной социал-демократической библиотеки в гор. Полтаве найдена брошюра «Объяснение закона о штрафах» в 2 экз.

ДП, VII, 1903 г., д. № 1268, лл. 5, 6 и ч. 1, л. 2.

В ночь на 15 мая. При аресте в Петербурге группы социалистов-революционеров и социал-демократов была найдена брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов» и письмо его, отпечатанное на пишущей машинке.

ДП, VII, 1903 г., д. № 1291, лл. 4 и 6.

21 мая. При аресте склада нелегальной литературы в Одессе была найдена брошюра «Революционный авантюризм».

ДП, VII, 1903 г., д. № 1320, л. 4 об. и ч. 1, л. 2 об.

23 мая. Н. К. Крупская в письме в м. Крестцы Новгородской губ. сообщала: «на днях вышла популярная брошюра Ленина для крестьян, называется «К деревенской бедноте» — заключает в себе популярное изложение социал-демократического учения вообще и аграрной программы в частности».

ДП, о. о., 1903 г., д. № 100, т. I, л. 74.

29 мая. При аресте склада революционной литературы в Петербурге была найдена брошюра «Революционный авантюризм».

ДП, VII, 1903 г., д. № 1325, лл. 12 об. и 23; д. № 1325, л. 1.

В ночь на 7 июня. В Москве при аресте членов московской организации «Искра» были найдены брошюры Ленина «Что делать?», «Задачи русских социал-демократов», «Революционный авантюризм».

ДП, VII, 1903 г., д. № 1537, лл. 6 об., 7 об., 19, 23—25.

13 июня. У крестьянина дер. Дойни Юрбургской вол. Россиенского уезда Ковенской губ. при обыске пограничной стражей были найдены 86 экз. брошюр 3-х названий, среди которых брошюра Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 1447, лл. 1, 5.

17 июня. В г. Таганроге при обыске у железнодорожного телеграфиста была найдена брошюра Ленина «Что делать?» вместе с другими социал-демократическими заграничными изданиями и изданиями Екатеринославского комитета РСДРП.

ДП, VII, 1903 г., д. № 545, л. 21.

19 июня. На прусской границе близ деревни Пасвенты Ковенской губ. пограничной стражей задержаны два тюка нелегальной социал-демократической литературы — 2769 экз., среди которой брошюра Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 1681, лл. 3—4.

24 июня. В Архангельске на прибывшем пароходе был арестован груз, состоявший из трех бочек с сельдями; внутри одной из них были два тюка нелегальной социал-демократической литературы, среди которой брошюры Ленина «К деревенской бедноте» — 6 экз., «Задачи русских социал-демократов» — 2 экз., «Революционный авантюризм».

ДП, VII, 1903 г., д., № 1633, лл. 8, 10 об., 14.

25 июня. В Костроме была взята прокламация «Самодержавие колеблется» — оттиск из № 35 «Искры», вместе с прокламацией Костромского комитета РСДРП, у арестованного Комарова, который те же прокламации разбросал по городу Кострома во время ярмарки в июне 1903 г.

ДП, VII, 1903 г., д. № 1517, лл. 4 и 8 и ч. 1, л. 2.

27 июня. При обыске у крестьянина с. Марьяновки Каменецкого уезда Подольской губ. найден склад нелегальных газет и брошюр, среди которых брошюры Ленина «Задачи русских социал-демократов», изд. 2-ое, Женева, и «К деревенской бедноте», типография Лиги, 1903 г.

ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 34, лит Б, л. 21.

9 июля. В гор. Таганроге при обыске у одного из активных работников местной организации было найдено 178 прокламаций и брошюр, среди которых «Извещение об образовании «Организационного комитета».

ДП, VII, 1903 г., д. № 960, лл. 6, 18 и 21 и ч. 15, л. 2.

В ночь на 11 июля. На русской границе в Подольской губ. пограничной стражей был арестован Андропов с транспортом нелегальной литературы, среди которой брошюра Ленина «К деревенской бедноте», клише № 42 «Искры» и листовка «Социал-демократы на суде».

ДП, VII, 1903 г., д. № 1686, лл. 5, 7, 11.

13 июля. На границе близ дер. Трумпеники Ковенской губ. часовым пограничной стражи были подобраны шесть тюков с нелегальной

литературой, брошенные проносителями их через границу после того, как они были замечены стражей; в тюках было 5 тысяч экз., среди которых брошюры Ленина: «Что делать?» — 12 экз., «Задачи русских социал-демократов» — 90 экз., «К деревенской бедноте» — 210 экз., «Революционный авантюризм» — 2 экз.

ДП, VII, 1903 г., д. № 1797, лл. 5—7.

15 июля. На станции Граница был арестован прибывший с поездом из-за границы, у которого в чемодане были найдены 57 экз. нелегальных брошюр и газет, среди которых брошюры Ленина «Революционный авантюризм», изд. РСДРП, и «Задачи русских социал-демократов», изд. загр. Лиги русск. рев. социал-демократии.

ДП, VII, 1903 г., д. № 1735, лл. 4—7.

25 июля. В Екатеринославле при аресте привлеченного по делу «Искры» и Киевского комитета РСДРП Образцова была найдена брошюра Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2035, ч. 1, лл. 2—3.

В ночь на 31 июля. В квартире членов Черкасской социал-демократической организации (Киевск. губ.) в м. Смеле был арестован склад нелегальной литературы, среди которой письмо Ленина[1], «Что делать?» и «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1903 г., д. № 1881, лл. 10, 13, 23 и ч. 2, л. 2.

Июль. Группа ссыльных социал-демократов из Восточной Сибири в письме в «Искру» признавала, что в книге Ленина «Что делать?» наиболее верно и решительно развиты тактические задачи российской социал-демократии.

«Искра» № 50 от 15 октября 1903 г. Письмо «К вопросу о наших партийных задачах».

1 августа. При обыске в квартире, в которой выдавалась нелегальная литература рабочим, были найдены брошюры и 178 экз. «Искры»; среди социал-демократических брошюр имелись брошюры Ленина «К деревенской бедноте», Женева, 1903 г.— 3 экз., «Задачи русских социал-демократов», Женева, 1902 г..— 2 экз., «Самодержавие колеблется» — 1 оттиск из № 35 «Искры».

ДП, VII, 1903 г., д. № 1879, лл. 4—5.

13 августа. При аресте привлеченных по делу Тверского комитета РСДРП у некоторых из них была найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1903 г., д. № 1978, лл. 5, 7, 47.

13 августа. На ст. Граница был арестован ручной багаж у возвращавшейся из-за границы Антонович, в котором была брошюра «К деревенской бедноте», номера газеты «Искра» и другая нелегальная литература.

ДП, VII, 1903 г., д. № 1971, л. 7.

16 августа. В Одессе, на таможне, при осмотре полученного из Парижа багажа, был арестован сундук с двойным дном, где помещалась нелегальная литература, среди которой брошюра Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2027, лл. 6—7.

---

[1] Печатный экземпляр.

18 августа. Близ дер. Поупи Эржовилковской вол., Ковенской губ. пограничной стражей были арестованы 5 тюков нелегальной литературы, среди которой были брошюры Ленина: «Что делать?», «Задачи русских социал-демократов», «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1903 г., д. № 1997, лл. 4 и 6.

19 августа. Чернорабочий Ростовского (на Дону) депо Владикавказской ж. дор. получил от маляра пассажирского цеха Ростовских главных мастерских брошюру Ленина «Задачи русских социал-демократов» с тем, чтобы передать после одному из работников Донского комитета РСДРП, который занимался распространением прокламаций по г. Ростову и развозкой нелегальной литературы по ближайшим к городу фабрикам и заводам.

ДП, VII, 1903 г., д. № 2094, л. 5.

24 августа. При обыске в Орехове-Зуеве у организатора местной социал-демократической организации, сформировавшейся летом 1903 г., была найдена брошюра Ленина «Объяснение закона о штрафах».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2096, лл. 5, 7—8, 17; ч. 4, лл. 3, 19—20.

1 сентября. В Батуме на ст., по выходе пассажиров из поезда, прибывшего из Тифлиса, были арестованы три человека, вещи которых содержали все необходимые части типографии, шрифт русский, армянский и грузинский, прокламации и брошюру Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2168, лл. 3, 4.

2 сентября. При обысках и арестах у членов социал-демократической организации в Феодоссии была найдена библиотека нелегальных социал-демократических изданий, среди которых были брошюры Ленина «Что делать?», «Задачи русских социал-демократов» и «Революционный авантюризм», издание газеты «Искра» из №№ 23—24, 1902 г.

ДП, VII, 1903 г., д. № 2153, лл. 8 и 15.

6 сентября. Князь Гр. Волконский в письме П. Б. Струве просил выслать ему брошюру Ленина «Что делать?».

ДСО, 1898 г., д. № 1, ч. 9, лит. Г, л. 229.

В ночь на 7 сентября. В Николаеве при обысках и аресте типографии Одесского комитета РСДРП, произведенных одновременно с арестами и в г. Одессе, были найдены: брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов», листовка «Извещение об образовании «Организационного комитета» и большое количество социал-демократической литературы.

ДП, VII, 1903 г., д. № 2292, лл. 12, 16, 20, 26—29.

В ночь на 7 сентября. В г. Красноярске в квартире кондуктора Красноярского лесничества найдены два тюка прокламаций Красноярского комитета, Сибирского союза и других, среди которых «Извещение об образовании «Организационного комитета» — 292 экз. и «Письмо к товарищу» [1] — 2 экз.

ДП, VII, 1903 г., д. № 2242, лл. 4—5, 11.

15 сентября. В Нижнем-Новгороде при обыске у одного из арестованных была найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2363, л. 4 об. и ч. 2, л. 2.

[1] Брошюра, перепечатанная на машинке.

17 сентября. При обыске в Каменец-Подольске у одного из активных работников кружка рабочей молодежи, арестованного на конспиративной квартире для собраний кружка, была найдена нелегальная литература, среди которой брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2301, лл. 3, 6.

В ночь на 18 сентября. Недалеко от пограничного поста Смыкуци (м. Юрбург, Ковенской губ.) был арестован транспорт нелегальной литературы после переноса его через границу, содержащий около 2 тысяч брошюр и газет и около тысячи книг, среди которых брошюры Ленина «К деревенской бедноте» и «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2322, лл. 12 и 15.

В ночь на 21 сентября. В Киеве при арестах членов Киевской организации РСДРП было найдено много нелегальной литературы, среди которой «Задачи русских социал-демократов» — 74 экз.

ДП, VII, 1903 г., д. № 2340, лл. 12—13, 37—38.

В ночь на 26 сентября. Была взята при обыске брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов» у одного из привлеченных по делу типографии Харьковского комитета РСДРП в Конотопе.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2765, л. 5 об.

До 4 октября. Григорий Пригорный в письме к Блавочинскому просил привезти ему «сегодня — Ленина и «Зарю».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2356, л. 4.

До 4 октября. Заключенному в военном карцере в Омске Пригорному была подброшена брошюра Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2356, л. 4.

В ночь на 5 октября. В Москве при арестах членов групп социал-демократической и социалистов-революционеров у М. А. Савельева была найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте»; эта же брошюра и брошюра «Что делать?» были взяты при обыске у другого привлеченного.

ДП, VII, 1903 г., д. № 2609, лл. 20, 23—25.

В ночь на 13 октября. В Николаеве при аресте типографии Николаевского комитета РСДРП в том же помещении было найдено более тысячи брошюр и прокламаций, среди них «Ответ Н. Ленина», изд. на гектографе.

ДП, VII, 1903 г., д. № 2580, лл. 5 об.— 6.

19 октября. В Севастополе в мастерской 3-й роты крепостной артиллерии была арестована сходка 14 солдат вместе с пропагандистом; при обыске были найдены нелегальные брошюры. Среди вещественных доказательств по делу «пропаганды среди нижних чинов Севастопольской крепостной артиллерии» указана брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2589, лл. 5, 7.

19 октября. На станции Ростов-Владикавказской был вскрыт полицией прибывший со станции Провелишки Петерб.-Варшавской ж. д. багаж из 2 ящиков, содержащих нелегальную литературу, среди которой 1344 экз. газ. «Искра», брошюра «К деревенской бедноте» и др.

ДП, VII, 1903 г., д. № 2662, лл. 4, 8.

В ночь на 20 октября. У села Волохи, Каменецкого уезда, Подольской губ., пограничной стражей были подобраны брошенные при преследовании проносителями через границу три тюка (весом 3 пуда 3 фунта) с нелегальной литературой, среди которой отдельный оттиск из №№ 23 и 24 «Искры», 1902 г. статьи «Революционный авантюризм».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2641, лл. 3 и 5 об.

20 октября. На станции Самара были получены ящики с нелегальной литературой, среди которой были 111 экз. брошюры Ленина «К деревенской бедноте». Они были найдены при обыске 29 октября в квартире, куда они были по получении перевезены и где литература подготовлялась для рассылки по другим городам. К моменту обыска из 16 пудов литературы осталось только 10½.

ДП, VII, 1903 г., д. № 2720, лл. 5—9—10.

22 октября. В селе Демиевке Киевского уезда при обыске была найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте» — 2 экз. вместе с прокламациями Киевского комитета РСДРП.

ДП, VII, 1903 г., д. № 2691, лл. 4—5.

25 октября. В Калуге при обысках и арестах членов рабочего кружка, образовавшегося в 1901 г. и объявившего себя Калужским комитетом в январе 1903 г., была найдена нелегальная литература, среди которой «Что делать?» — Ленина.

ДП, VII, 1903 г., д. № 2874, лл. 10 об., 54—56.

В ночь на 26 октября. В Ярославле при аресте группы лиц (7 человек) было найдено большое количество нелегальной социал-демократической литературы, среди которой «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2648, лл. 4 об., 7.

29 октября. Для одной из заключенных в Петербургской крепости была передана книга В. Ильина (Ленина) «Развитие капитализма в России», но департаментом полиции не была разрешена к выдаче.

ДП, VII, 1903 г., д. № 6, т. 2, ч. 2, лл. 328, 329.

31 октября. При обыске у одного из членов кружка, слесаря жел.-дор. мастерских на ст. Новороссийск, занимающегося пропагандой среди рабочих города, найдена среди другой социал-демократической литературы листовка «Самодержавие колеблется», изд. «Искры».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2204, лл. 4—5, 9.

В ночь на 3 ноября. В гор. Иркутске при обысках у группы лиц было найдено большое количество (более 2 тыс. экземпляров) нелегальной искровской литературы, по большей части имеющей оттиск печати Иркутского комитета РСДРП, среди которой «Задачи русских социал-демократов» — 3 экз., «Революционный авантюризм» и «С чего начать?» [1], перепечатка из № 4 «Искры».

ДП, VII, 1904 г., д. № 2867, лл. 5 об., 12—15, 17 об., 21.

10 ноября. В Иваново-Вознесенске при обыске у активных работников — организаторов рабочего кружка РСДРП, были найдены брошюры Ленина «К деревенской бедноте», «Объяснение закона о штрафах».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2801, лл. 8, 10—11.

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 107.

12 ноября. При обыске в Москве, в квартире, куда получалась нелегальная литература из-за границы, была найдена брошюра Ленина «Что делать?» вместе с другой нелегальной литературой.

ДП, VII, 1903 г., д. № 2826, л. 5.

12 ноября. Со ст. Шуя в Кинешму был отправлен транспорт нелегальной социал-демократической литературы, среди которой брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2801, л. 18.

17 ноября. В Ярославле при обыске было найдено «значительное количество» нелегальной литературы с оттисками штемпелей Северного комитета РСДРП, среди которой сочинения Ленина «Что делать?», «Задачи русских социал-демократов», «Объяснение закона о штрафах» — 2 экз.

ДП, VII, 1903 г., д. № 2884, лл. 4—5, 13—14.

17 ноября. В Казани у рабочего, привлеченного к дознанию о Казанской социал-демократической организации, при обыске была найдена брошюра «Объяснение закона о штрафах», женевское издание.

ДП, VII, 1903 г., д. № 3008, лл. 3, 5, 8 и ч. 1, л. 2.

18 ноября. При обыске в помещении передвижной библиотеки служащих Пермской железной дороги в г. Перми была найдена научная брошюра Н. Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2567, л. 31.

19 ноября. В Харькове на вокзале приехавшим из Киева активным деятелем Харьковского комитета Украинской партии был сдан на хранение чемодан с транспортом нелегальной литературы на украинском языке, в котором находилась и брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2960, лл. 9, 11—12.

22 ноября. В гор. Костроме у прибывшего вечером 20 ноября Санжура, привезшего с собой 221 экз. № 2 листка Северного комитета РСДРП для распространения и получившего транспорт (2 пуда 10 фунтов) нелегальной социал-демократической литературы, посланной со ст. Псков через Ярославль, была найдена брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2808, лл. 18—20, 27.

30 ноября. В Вильно в д. № 15 по Мостовой ул., кв. 12 была доставлена корзина с нелегальной социал-демократической литературой, перенесенной через границу, весом 3 п. 5 ф. в количестве 2049 экз., среди которых 114 экз. «К деревенской бедноте», 24 экз. «Задачи русских социал-демократов» и «Что делать?».

ДП, VII, 1904 г., д. № 100, лл. 14—15, 18—21.

16 декабря. В Киеве при обысках и арестах членов группы социалистов-революционеров у одного из них была найдена брошюра «Что делать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 3168, лл. 8 об., 12—15 и ч. 3, л. 2 об.

В ночь на 18 декабря. В гор. Таганроге, в предместье — посаде Камбициевке, при аресте типографии Донского комитета РСДРП и Союза горнозаводских рабочих, было найдено 2 экз. брошюры «Самодержавие колеблется», отдельный оттиск из № 35 «Искры».

ДП, VII, 1903 г., д. № 2716, лл. 5, 9—14, 17.

24 декабря. В Самаре при обысках и арестах лиц, привлеченных 24 декабря по делу об организации самарских рабочих, были найдены сочинения Ленина «Революционный авантюризм», «К деревенской бедноте», пять брошюр «С чего начать?».

ДП, VII, 1903 г., д. № 3210, лл. 1, 6, 9, об.—10 об.

До 28 декабря. Служащий Сосьвинского завода Пермской губ. передал для прочтения рабочему этого же завода нелегальную литературу, среди которой брошюра «Что делать?» [1].

ДП, VII, 1904 г., д. № 139, лл. 1, 4 и ч. 1, л. 2.

В период с 1 августа 1903 г. по 1 августа 1904 г. Иркутский комитет распространил 20 экз. брошюры «К крестьянской бедноте» [2], полученной из центра.

Отчет о деятельности Иркутского комитета РСДРП с 1/VIII—1903 г. по 1/VIII — 1904 г. [3]

1904 г.

В ночь на 9 января. В Вологде при обыске в квартире, где происходили «чтения рукописных и печатных произведений», среди других нелегальных книг была найдена брошюра «Революционный авантюризм».

ДП, VII, 1904 г., д. № 81, лл. 1, 4, 5.

В ночь на 18 января. При арестах и обысках у членов социал-демократической организации в Екатеринославе были найдены брошюры Ленина «Что делать» и «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 265, лл. 3, 4—6.

18 января. В письме из-за границы в Киев сообщалось о том, что Ленин написал брошюру «О разногласиях», которая «уже» набирается и выйдет к 1 февраля [4].

ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 13, лит. М, л. 263.

19 января. В книжный магазин Зихмана в Риге были принесены с предложением купить 4 нелегальные брошюры, среди которых «К деревенской бедноте» — Ленина.

ДП, VII, 1904 г., д. № 170, лл. 3, 5.

При аресте в Киеве ремесленника-переплетчика вместе с другими искровскими изданиями 1902—1903 г. найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 247, лл. 4—6.

23 января. При аресте крестьянина Эржвилковской волости, Россиенского уезда, Ковенской губ., распространявшего нелегальную литературу, была найдена брошюра Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1904 г., д. № 218, лл. 3—4.

Январь. Среди крестьян Микулинской волости, Оршанского уезда, Могилевской губ. распространялась брошюра Ленина «К деревен-

[1] Передавший был обыскан 28 декабря 1903 г.
[2] «К деревенской бедноте».
[3] Опубликован в сб. «Сибирские корреспонденции в ленинскую «Искру», Иркутск, 1939 г., стр. 83—89.
[4] «Шаг вперед, два шага назад», См. В. И. Ленин, Соч., т. VI. стр. 155—336.

ской бедноте», изд. заграничн. Лиги русских социал-демократов, Женева, 1903 г.

ДП, VII, 1904 г., д. № 880, лл. 1, 3—4.

2 февраля. В гор. Вильно при обысках в квартире слесаря была найдена библиотека из 2 685 экз. нелегальной литературы, среди которой сочинения Ленина «Задачи русских социал-демократов» — 3 экз. и «Новый фабричный закон» — 4 экз.

ДП, VII, 1904 г., д. № 340, лл. 8, 11, 20.

В ночь на 5 февраля. На улице в Москве были арестованы двое, один из которых при попытке убежать бросил сверток, в котором была брошюра Ленина «Что делать?» и другая нелегальная литература.

ДП, VII, 1904 г., д. № 398, л. 4.

7 февраля. В селе Демиевке Киевского уезда в усадьбе № 25 по Голосеевской ул. было найдено большое количество прокламаций Киевского комитета РСДРП и брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1904 г., д. № 635, лл. 1, 7.

8 февраля. В м. Никольском, Покровского уезда, Владимирской губ. при обыске в квартире одного агронома было найдено большое количество нелегальной литературы, среди которой 16 страниц — выписки из брошюры «Что делать?».

ДП, VII, 1904 г., д. № 444, лл. 9, 13.

9 февраля. При обысках и арестах группы социалистов-революционеров в гор. Витебске были найдены брошюры Ленина «К деревенской бедноте» и «Что делать?».

ДП, VII, 1904 г., д. № 392, лл. 6, 9 и ч. 14, л. 2.

14 февраля. В гор. Ярославле при обыске в квартире[1], где печатались прокламации Северного комитета РСДРП к 19 февраля, была найдена брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1904 г., д. № 423, л. 11 и ч. 8, л. 2 об.

18 февраля. В Харькове при обыске среди нелегальных социал-демократических брошюр была найдена брошюра «Письмо в редакцию «Искры»[2] — Ленина, Женева, 1903 г.

ДП, VII, 1904 г., д. № 623, лл. 11 и 17.

Брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов» вместе с другой социал-демократической литературой была послана из Твери в село Холмецы, Ржевского уезда, Тверской губ. с уезжающим туда человеком.

ДП, VII, 1904 г., № 560, л. 6.

22 февраля. При обыске у политссыльных гор. Пудожа, Олонецкой губ., которые распространяли нелегальную литературу и проводили групповые чтения, среди большого количества других нелегальных книг, была найдена брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1904 г., д. № 700, лл. 6, 13.

---

[1] А. Д. Суетовой.
[2] См. В. И. Ленин, Соч., т. VI, стр. 120.

24 февраля. При аресте в Херсоне собрания членов агитаторов Херсонского комитета РСДРП для получения прокламаций и разбросски их по городу была найдена нелегальная литература со штемпелями Одесского и Херсонского комитетов РСДРП, среди которой 4 экз. брошюры Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 298, лл. 6, 9—11.

26 февраля. В Н.-Новгороде у ученика 8 класса гимназии была найдена брошюра Ленина «Что делать?», Штутгарт, 1902 г.

ДП, VII, 1904 г., д. № 732, лл. 4—5.

В Н.-Новгороде при массовых обысках был найден склад нелегальной литературы (около 3 пудов), среди которой «Объяснение закона о штрафах».

ДП, VII, 1904 г., д. № 699, лл. 7 об, 19, 23.

Февраль—март. У лиц, привлеченных по делу об Юзовской группе РСДРП, при обыске в пос. Юзовка были найдены брошюры Ленина: «Что делать?», «Задачи русских социал-демократов» и «Письмо к товарищу о наших организационных задачах».

ДП, VII, 1904, г., д. № 1077, лл. 8 об., 10 об., 11, 40.

В ночь на 5 марта. В Томске при аресте типографии Томского комитета РСДРП [1] и Сибирского союза РСДРП и при обысках у лиц, связанных с ней, была найдена брошюра «Письмо в редакцию «Искры»— Ленина и приготовленные к отправке 1 296 экз. первых восьми страниц брошюры «К деревенской бедноте», сложенных и приготовленных к брошировке, 541 экз. этой же брошюры, но сложенной лишь вдвое и 1 221 экз. еще не сложенных, тюк этой же брошюры от 9 по 16 стр. в количестве 4 096 лл. и целая брошюра, с которой делался набор страницы 32-й, вместе с большим количеством социал-демократической нелегальной литературы.

ДП, VII, 1904 г., д. № 851, лл. 21, 42—47.

6 марта. В гор. Александровске, в квартире, где происходило собрание, были найдены прокламации Александровского комитета РСДРП «Ко всем рабочим и работницам г. Александровска» и 3 нелегальные брошюры, среди которых отдельный оттиск из № 35 «Искры» «Самодержавие колеблется».

ДП, VII, 1904 г., д. № 873, лл. 3—4.

15 марта. При обыске и аресте одного из главных распространителей литературы среди рабочих заводов Пересыпского подрайона была найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте» со штемпелем Одесского комитета РСДРП.

ДП, VII, 1904 г., д. № 295, л. 37.

20 марта. При обыске у лиц, привлеченных по делу арестованного собрания, была найдена брошюра «Что делать?» вместе с 615 прокламациями.

ДП, VII, 1904 г., д. № 1142, лл. 6 об., 7 и ч. 10, л. 2.

7 апреля. Организатору Городского района в Петербурге был передан чемодан с нелегальными социал-демократическими изданиями, среди которых были брошюры Ленина «К деревенской бедноте» — 4 экз. и «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1905 г., д. № 1511, лл. 4. об. и ч. 1, л. 2.

[1] По этому делу было привлечено 48 человек.

8 апреля. Среди нелегальной литературы, привезенной в Псков с рижским поездом, были 35 экз. брошюры Ленина «К деревенской бедноте», 11 брошюр «Задачи русских социал-демократов» и одна брошюра «Что делать?».

ДП, VII, 1904 г., д. № 1179, лл. 5, 13, 16 и ч. 4, л. 2.

23 апреля. Московский комитет РСДРП переиздал майскую листовку Ц. К. и Ц. О. РСДРП, написанную Лениным, напечатав ее в своей типографии под заголовком «Майский праздник» [1].

Подлинник прокламаций — МОО, 1904 г., д. № 392, л. 91 [2].

25 апреля. В письме из Петербурга в Москву автор [3] советовал прочесть книгу Ильина (Ленина) «Развитие капитализма в России». «Книга эта очень важная и просто необходимая, без нее нельзя шагу ступить». «Обратите внимание на выводы из II-й главы».

ДП, о. о., 1904 г., № 50, т. 2, л. 263.

27 апреля. В Петербурге при аресте типографии РСДРП была найдена брошюра «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1905 г., д. № 609, лл. 1 и 6.

В ночь на 28 апреля. При аресте перед 1 Мая в Москве 9 членов местной социал-демократической организации у одного из них была взята брошюра «К деревенской бедноте», издание ЦК РСДРП, 1904 г.

МОО, 1904 г., д. № 392, л. 109.

В ночь на 29 апреля. В гор. Севастополе при обыске у участников местной организации рабочих Севастопольского порта, у рабочих этого порта, был найден склад нелегальной литературы более 228 экз., среди которых брошюры Ленина «К деревенской бедноте», «Что делать?».

ДП, VII, 1904 г., д. № 1589, лл. 1, 5—16.

29 апреля. В Казани у рабочего завода Крестовниковых, арестованного на улице, при личном обыске был найден сверток нелегальной социал-демократической литературы, среди которой брошюра «К деревенской бедноте» и первомайские листовки.

ДП, VII, 1904 г., д. № 1568, лл. 4—6.

В гор. Таганроге при обысках и арестах лиц, принадлежавших к Донецкому союзу РСДРП, была найдена брошюра «К деревенской бедноте» у одного из представителей рабочих кружков вышеуказанной организации, который занимался распространением прокламаций.

ДП, VII, 1904 г., д. № 1513, лл. 1, 4 об., 13 и ч. 6, л. 2.

30 апреля. В Москве при обыске у слесаря Мякишева, получившего прокламации для распространения в день 1 мая, были найдены 1 918 майских прокламаций и 4 экз. брошюры «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 1681, лл. 4—5, и ч. 1, л. 2.

При обысках в Иванове-Вознесенске была найдена брошюра «К деревенской бедноте» вместе с 46 экз. нелегальной литературы.

ДП, VII, 1904 г., д. № 1462, лл. 7, 24 и ч. 3, л. 2.

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. VI, стр. 337—340.
[2] Опубликована в сб. «Первое Мая в царской России», стр. 117—119.
[3] Автор — студент Петербургского электротехнического ин-та Щучкин.

Среди нелегальной литературы, принадлежавшей к ученической нелегальной библиотеке в гор. Саратове, была найдена при обыске брошюра «К деревенской бедноте» и «С чего начать?».

ДП, VII, 1904 г., д. № 503, лл. 6 об., 15—16 и ч. 8, л. 2.

В ночь на 2 мая. При обыске у одного из членов московской с.-д. организации была взята брошюра Ленина «К деревенской бедноте», издание ЦК РСДРП, 1904 г.—в 3 экз.

МГЖУ, 1904 г., д. № 141, лл. 27 и 37, 147 и д. № 215, лл. 4 и 41.

2 мая. В Москве у одного из привлеченных к делу о социал-демократической организации рабочих Бутырского района токаря Матвеева при обыске найдена брошюра «К деревенской бедноте» в 3-х экз.

ДП, VII, 1904 г., д. № 1680, ч. 2, л. 2 и д. № 1680, л. 8.

12 мая. В Тамбове при обыске и аресте конторщика на Рязано-Уральской ж. д. были найдены нелегальные брошюры, среди которых брошюра «К деревенской бедноте» и «С чего начать?».

ДП, VII, 1904 г., д. № 1694, лл. 5—6, и ч. 1, л. 2.

В ночь на 13 мая. У организаторов и агитаторов, присутствующих на сходке крестьян в сел. Чхвишури Кутаисского уезда и арестованных там, была найдена брошюра Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1904 г., д. № 1768, л. 1.

15 мая. Из Пскова была послана брошюра «К деревенской бедноте» — 505 экз., вместе с транспортом искровской литературы, общим количеством 3½ пуда, вскрытого в Петербурге среди невостребованного груза 30 апреля 1905 г.

ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 1, л. 222 и ДП, VII, 1905 г., д. № 2370; лл. 1, 4.

В ночь на 19 мая. В Иркутске при обыске и аресте лиц, принадлежащих к местной организации РСДРП, были найдены в большом количестве прокламации и нелегальные социал-демократические брошюры, среди которых «К деревенской бедноте», «С чего начать?», «Письмо Ленина».

ДП, VII, 1904 г., д. № 1921, лл. 5—6, 7—10.

В ночь на 19 мая. В Казани при обысках и арестах лиц, привлеченных по делу Казанской группы социалистов-революционеров, были найдены 4 экз. брошюры Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 1830, лл. 5 об., 15—16.

19 мая. У крестьянина дер. Скираземы, Сартыникской вол., Россиенского уезда, Ковенской губ. были найдены в сарае два тюка с 981 экз. нелегальной социал-демократической литературы, среди которой брошюры Ленина «К деревенской бедноте» — 28 экз. и «Задачи русских социал-демократов» — 15 экз.

ДП, VII, 1904 г., д. № 1833, лл. 1, 5—6.

В Аткарское уездное полицейское управление были сданы нелегальные листовки и брошюры, среди которых брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 3166, л. 3.

24 мая. Киевский комитет РСДРП в письме Н. К. Крупской просил прислать брошюры Ленина «К деревенской бедноте» и «Шаг вперед, два шага назад». «Брошюры для нас имеют большое значение».

ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 3, лит. А, т. 2, л. 3

25 мая. В Баку при обыске в лавке был найден оставленным на хранение сундук с нелегальными социал-демократическими книгами, среди которых брошюра «Новый фабричный закон».

ДП, VII, 1904 г., д. № 1876, лл. 1, 7—8.

1 июня. В письме из Берлина в Москву автор запрашивал адресата о том, читал ли он «новую» книгу Ленина «Шаг вперед, два шага назад», и указывал, что «Наиболее интересны в ней последние главы, XVII и XVIII, так как остальные нам уже достаточно знакомы, поскольку дело идет о голосовании и группировке на съезде... Хотя книга эта в сравнении с «Что делать?» дает гораздо меньше, но все же она будет иметь громадное воспитательное значение для нас, интеллигентов, так как заставляет сознательнее относиться к своей роли в движении и тем ошибкам, которые свойственны нам именно, как интеллигентам. Меньшинство, конечно, ругает эту книгу»...

МОО, 1897 г., д. № 271, л. 101.

2 июня. У арестованного на станции Кудьма Московско-Казанской ж. д. статистика Нижегородского губернского земства Гехта, ехавшего из Н.-Новгорода в Арзамас, было найдено значительное количество нелегальной литературы, среди которой брошюры Ленина «К деревенской бедноте» — 5 экз. и «Задачи революционной молодежи»[1] — 1 экз.

ДП, VII, 1904 г., д. № 1926, л. 6, и ч. 1, л. 2.

3 июня. Брошюра Ленина «К деревенской бедноте» была передана одним рабочим пермских заводов, привлекавшимся по делу местной социал-демократической организации в 1902 г. и 1903 г., другому рабочему в Перми.

ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 13, лл. 102—103.

8 июня. В Ярославле у арестованных организаторов сходок и распространителей нелегальных изданий со штемпелем Северного комитета РСДРП была взята брошюра Ленина «К деревенской бедноте» с приложением проекта программы РСДРП.

ДП, VII, 1904 г., д. № 1988, лл. 1, 3, 4 и ч. 3, и ч. 4, л. 2.

9 июня. При обыске у одного из членов Петербургской организации РСДРП была взята брошюра Ленина «Шаг, вперед, два шага назад» с печатью ЦК РСДРП, вместе с документами Петербургского комитета РСДРП.

ДП, III, 1904 г., д. № 3648, ч. 1, л. 8.

10 июня. На ст. Гори Тифлис. г. были арестованы двое[2] с приготовленной для распространения по селениям Гурийского уезда нелегальной социал-демократической литературой и прокламациями, среди которых были 3 экз. брошюры Ленина «К деревенской бедноте» и отчет кассы Тифлисского комитета РСДРП — 15 экз.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2051, лл. 1, 4—5, 8—10, и ч. 1, л. 2.

15 июня. На ст. Граница были арестованы прибывшие с поездом из-за границы двое с транспортом нелегальной социал-демократической литературы, среди которой были сочинения Ленина «Задачи русских социал-демократов» — 5 экз., «Новый фабричный закон» — 3 экз., «Шаг вперед, два шага назад» — 1 экз., «Письмо к товарищу» — 2 экз.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2074, лл. 4—8.

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 353—364.
[2] Ив. Кецховели и Хомерики.

В ночь на 19 июня. При арестах и обысках представителей ЦК РСДРП и связанных с ними членов Московской организации РСДРП были найдены брошюры Ленина «Шаг вперед, два шага назад» с печатью ЦК РСДРП, «Что делать?», «Об аграрной программе Икса, ответ на критику нашего проекта программы» [1], «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», «Письмо в редакцию «Искры», а в квартире, где был арестован Н. Э. Бауман, были взяты 14 экз. брошюры «К деревенской бедноте», изд. ЦК РСДРП, 1904 г. и листовка «Майский праздник», 23 апреля, 1904 г.

МОО, 1904 г., д. № 548, лл. 41, 72, 74—75.

19 июня. В Н.-Новгороде в помещении арестованной типографии Нижегородского Комитета РСДРП было найдено очень много нелегальной литературы, среди которой статья Ленина «С чего начать?» — отдельный оттиск из № 4 «Искры».

ДП, VII, 1904 г., д. № 2063, лл. 5 об., 15.

22 июня. На ст. Александров была арестована женщина, прибывшая с курьерским поездом из-за границы с транспортом нелегальной социал-демократической литературы (196 экз.), среди которой 2 экз. брошюры Ленина «Шаг вперед, два шага назад», упакованной в чемодане с двойным дном.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2125, лл. 4, 6.

В ночь на 25 июня. При обыске в Екатеринославе были найдены 42 нелегальных брошюры, среди которых «Задачи русских социал-демократов» — Ленина.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2929, л. 4 и ч. 1, л. 2.

28 июня. В гор. Орле была арестована библиотека нелегальных социал-демократических листовок и брошюр в количестве 286 экз., среди которых «Задачи русских социал-демократов», изд. РСДРП, Женева, 1898 г.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2166, лл. 1, 4, 6.

3 июля. Пограничной стражей был арестован при переходе границы из Австрии около с. Мервы в 30 верстах от Радзивилова проноситель и транспорт нелегальной литературы на русском и большей частью на русинском яз., среди которой сочинения Ленина: «Революционный авантюризм» — 4 экз., «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» — 4 экз., «К деревенской бедноте» — 3 экз.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2295, лл. 4, 5, 6, 7 об., 8, 10.

4 июля. При обысках в Вильно был найден на чердаке дома транспорт нелегальной литературы на русском, польском, немецком и еврейском яз. в количестве 2 806 экз., среди которых сочинения Ленина: «К деревенской бедноте» — 1 экз., «Протест российских социал-демократов» — 2 экз., «Задачи русских социал-демократов» — 3 экз.

ДП, VII, 1904 г., д. № 260, лл. 5 об., 7 об., 11.

6 июля. Пограничной стражей был арестован транспорт нелегальной литературы, спрятанный в лесу около дер. Визборы Ковенской губ. в количестве 3 585 экз., среди которых имелись сочинения

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 325—336.

Ленина: «Задачи русских социал-демократов» — 45 экз. и «К деревенской бедноте» — 90 экз.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2466, лл. 4—5, 6.

18 июля. На ст. Тифлис был арестован мужчина, прибывший к поезду на Батум с багажом, в котором были 100 брошюр изд. ЦК РСДРП, 34 экз. брошюры Ленина «К деревенской бедноте» и другая нелегальная литература.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2376, лл. 4—5.

18 июля. На ст. Граница был арестован транспорт нелегальной литературы, зашитый в панцырь-рубашку у приехавшего из-за границы; среди литературы была брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов» — 11 экз.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2423, лл. 4—5.

До 19 июля. При обыске в Калуге у адресата письма от арестованного сельского учителя Вятской губ., который просил прислать ему новой литературы, была найдена среди других нелегальных книг брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1904 г., д. № 2018, лл. 1, 4, 6—7.

2 августа. В Астрахани у наборщика Федюнина была отобрана полицией брошюра Ленина «К деревенской бедноте», изд. ЦК РСДРП.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2489, лл. 1, 4, и ч. 1, л. 2 об.

3 августа. При обысках в Астрахани у группы лиц, предполагавших распространить прокламации 4 августа в связи с мобилизацией, была найдена нелегальная социал-демократическая литература, среди которой 7 экз. брошюры «К деревенской бедноте», а также арестован гектограф и приготовленное для перепечатки письмо Ленина «Почему я вышел из редакции «Искры» [1].

ДП, VII, 1904 г., д. № 2504, лл. 5—6.

6 августа. В лесу около деревни Кявлейки, Кретингенской вол., Тельшевск. уезда, Ковенской губ. пограничной стражей был арестован транспорт нелегальной социал-демократической литературы в количестве 1 595 экз. (1 пуд. 22 ф.) из 37 названий, среди которых имелись 29 экз. брошюры «К деревенской бедноте», 12 экз.— «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1904 г., д. № 2558, лл. 6—10.

До 11 августа. В Астрахани при обысках были взяты 7 экз. «К деревенской бедноте» в складе нелегальной литературы.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2504, л. 5.

13 августа. В гор. Шавли Ковенской губ. был арестован транспорт нелегальной литературы (4 ящика), среди которой сочинения Ленина «К деревенской бедноте» — 19 экз., «Задачи русских социал-демократов» — 45 экз., «Шаг вперед, два шага назад» — 15 экз.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2581, лл. 9—100.

20 августа. В Юрьеве при обыске и аресте поступающего в университет семинариста Миловидова была найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 2732, ч. 1, л. 2.

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. VI, стр. 124.

20 августа. В Киеве на чердаке Политехнического института был найден склад нелегальной литературы, среди которой брошюра «Новый фабричный закон».

ДП, VII, 1904 г., д. № 2642, лл. 4 об., 8.

В ночь на 26 августа. В Туле при обысках и арестах членов Тульской организации РСДРП были найдены и приобщены как вещественные доказательства по делу Тульского социал-демократического комитета брошюры Ленина «К деревенской бедноте» — 2 экз., «Письмо Ленина в редакцию «Искры» — 3 экз., «Шаг вперед, два шага назад».

ДП, VII, 1904 г., д. № 2629, л. 9, 12, 15 об., 16 и ч. 1, л. 2.

27 августа. В Вильно при обысках у лиц, принадлежащих к РСДРП и к организации «Бунд», арестованных на сходке в лесу на Антокольских горах, были найдены произведения Ленина «Задачи русских социал-демократов», «Что делать?», «Революционный авантюризм».

ДП, VII, 1904 г., д. № 2719, лл. 11, 12, 15.

2 сентября. В Томске при обыске в квартире студентов были найдены нелегальные брошюры, среди которых брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 2755, лл. 2—3.

10 сентября. В Тифлисе при обыске и аресте рабочего фабрики Адельханова и К° было найдено 339 нелегальных брошюр, 96 прокламаций и 3 отчета кассы с.-д. организации; среди брошюр имелась брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 2824, лл. 4, 7.

12 сентября. При аресте на ст. Брянск агитатора, возвратившегося с состоявшейся вечером 11 сентября сходки рабочих в лесу близ Радицкого завода, была найдена брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 2822, лл. 4, 7—8 и ч. 1, л. 2.

14 сентября. В гор. Гомеле при аресте типографии Полесского комитета РСДРП были взяты брошюры Ленина «Революционный авантюризм», «К деревенской бедноте», «О стачках» [1].

ДП, VII, 1904 г., д. № 2795, лл. 1, 5—6 об.

19 сентября. При обыске у полит. ссыльного в с. Сие, Холмогорского уезда, Архангельской губ. была найдена брошюра Ленина «Что делать?», 1902 г.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2776, ч. 1, л. 2.

20 сентября. В письме от комитета из Н.-Новгорода за границу просили прислать брошюру Ленина «Шаг вперед, два шага назад», «Литература нужна комитету».

ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 22, лит. Б, л. 16.

21 сентября. В Минске при обыске в д. Казакевича по Госпитальной ул. у Лернера была найдена нелегальная литература, среди которой брошюра «К деревенской бедноте», изд. ЦК РСДРП, 1903 г.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2840, л. 10—11.

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 569—578.

30 сентября. В лесу графини Тышкевич в Тельшевском уезде, Ковенской губ. был найден транспорт нелегальной литературы, среди которой брошюра «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1904 г., д. № 3442, лл. 1, 3.

В ночь на 3 октября. При обысках и арестах социал-демократической организации в Тифлисе среди другой социал-демократической литературы была найдена брошюра «Что делать?».

ДП, VII, 1904 г., д. № 2977, лл. 6, 9.

9 октября. В Орле при обысках и в арестованной на станции корзине, отправленной в Елец, были найдены сочинения Ленина «К деревенской бедноте» — 32 экз., брошюра «Новый фабричный закон», «Шаг вперед, два шага назад» — 2 экз.

ДП, VII, 1904 г., д. № 2974, лл. 4—5, 9—10.

10 октября. В Н.-Новгороде при обыске у Девятова, состоявшего в сношениях с активными деятелями социал-демократической организации, было найдено 400 экз. социал-демократических брошюр, среди которых 5 экз. «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 2961, лл. 7—8.

14 октября. При обыске в сарае Полтавской еврейской больницы были найдены 349 экз. нелегальной литературы, среди которой 5 листков «Письмо в редакцию «Искры» Ленина.

ДП, VII, 1904 г., д. № 3075, лл. 5—6.

21 октября. Департамент полиции переслал в МОО по описи 2 052 экз. подпольной литературы, среди которых 2 экз. брошюры Ленина «К деревенской бедноте».

МОО, 1904 г., д. № 30, т. 2, лл. 99—100.

Октябрь. Крестьянин дер. Юферевской, Киселев. вол., Котельнического уезда, Вятской губ. читал крестьянам с пояснением содержания книгу «К деревенской бедноте», которая при обыске была у него отобрана.

ДП, VII, 1904 г., д. № 3301, ч. 1, л. 2.

3 ноября. В гор. Екатеринославе была арестована библиотека местной социал-демократической организации; среди литературы была брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1904 г., д. № 3190, л. 5 и ч. 1, л. 4.

3 ноября. На ст. Цветково Фастовского участка Юго-западных жел. дорог был арестован пассажир, давший в вагоне другому пассажиру нелегальную листовку; при обыске у него было найдено большое количество нелегальной литературы, среди которой «К деревенской бедноте» — 1 экз.

ДП, VII, 1904 г., д. № 3315, лл. 5—6.

В ночь на 5 ноября. При обыске и аресте в Харькове токаря паровозных мастерских Курско-Харьково-Севастопольской жел. дороги, распространявшего вечером 4 ноября прокламации Харьковского комитета РСДРП, была найдена нелегальная литература, среди которой брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 3221, лл. 5—6, ч. 1, л. 2.

6 ноября. При обыске у арестованного при разбрасывании социал-демократических прокламаций в гор. Тифлисе была найдена брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 3268, л. 5, ч. 3, л. 2.

11 ноября. Брошюра «К деревенской бедноте» была передана извозчику пассажиром от ст. Издешково до села Николо-Погорелова, Смоленской губ., который, по его словам, получил ее от студента на вокзале в Смоленске 10 ноября.

ДП, VII, 1904 г., д. № 3491, л. 4, ч. 1, л. 2.

19 ноября (2 декабря). Н. К. Крупская в письме в Одессу сообщала о выходе новых брошюр «большинства»: произведения Ленина — «Услужливый либерал» [1] и «Земская кампания и план «Искры» [2].

ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 67, л. 43.

20 ноября. В Одессе при обыске у арестованных на демонстрации, организованной после банкета, посвященного дню сорокалетия введения судебных реформ, была найдена брошюра «Задачи революционной молодежи».

ДП, VII, 1904 г., д. № 3416, лл. 4—7, 8 об.

В ночь на 26 ноября. В Петербурге при арестах членов местной организации РСДРП была найдена брошюра Ленина «Шаг вперед, два шага назад».

ДП, VII, 1904 г., д. № 3422, лл. 9—10.

В ночь на 27 ноября. При обысках и аресте типографии Елизаветградской организации РСДРП было найдено около 3 тысяч экз. отпечатанных прокламаций и брошюры, среди которых «К деревенской бедноте» — Ленина, изд. ЦК РСДРП, 1904 г., и «Извещение об образовании Организационного комитета».

ДП, VII, 1904 г., д. № 3492, лл. 1, 8, 13.

28 ноября. При обыске у заведующей бесплатной народной библиотекой-читальней в гор. Иркутске, члена Иркутского комитета РСДРП, был найден склад нелегальной литературы для распространения, среди которой имелись сочинения Ленина: «К деревенской бедноте» — 3 экз., «Революционный авантюризм» — 1 экз., «Письмо к товарищу» [3], типография Сибирского соц.-демократического союза, июль 1904 г.— 14 экз., «С чего начать?», из «Искры», № 4, с печатью Сибирского соц.-дем. союза.

ДП, VII, 1904 г., д. № 3522, лл. 14, 15, 4, 5.

2 декабря. При обыске у столяра Григорьева, работающего на постройке школы в селе Иглино Уфимского уезда и распространяющего прокламации и нелегальную литературу, были найдены вместе с другими нелегальными изданиями сочинения Ленина: «К деревенской бедноте» и «С чего начать?» — перепечатка из «Искры».

ДП, VII, 1905 г., д. № 605, лл. 5, 7—9; ч. 2, л. 2 об.

4 декабря. В транспорте нелегальной литературы в количестве 1 775 экз. с печатью Донского комитета, который был арестован в

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. VI, стр. 368.
[2] См. В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 1—20.
[3] «Письмо товарищу о наших организационных задачах».

г. Ростове-на-Дону во время распределения литературы по районам, имелись 11 экз. брошюры Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 3456, лл. 1, 7—8.

11 декабря. У арестованного на сборном пункте по мобилизации войск в гор. Мариуполе Екатеринославской губ. с 64 листовками «К солдатам», изд. Донецкого союза РСДРП, при обыске на квартире был найден чемодан с более 500 экз. нелегальных изданий, среди которых «Извещение об образовании «Организационного комитета РСДРП».

ДП, VII, 1904 г., д. № 3521, лл. 5, 6, 9; ч. 2, л. 2.

18 декабря. В Казани при обыске у одного из арестованных при раздаче прокламаций солдатам в воинском поезде, отправлявшемся из Казани, 7 декабря была найдена брошюра Ленина «Задачи революционной молодежи».

ДП, VII, 1904 г., д. № 3613, лл. 7, 5 об.

22 декабря. В Костроме при обыске и аресте учителя Голубкова, выступавшего на митинге 8 декабря с призывом к вооруженному восстанию, была найдена брошюра «Шаг вперед, два шага назад».

ДП, VII, 1904 г., д. № 3560, лл. 4; об., 7—9; ч. 1; л. 2.

22 и 23 декабря. В Саратове при обыске у лиц, занимавшихся распространением прокламаций и других нелегальных изданий, были найдены сочинения Ленина: «К деревенской бедноте» — 2 экз., «Шаг вперед, два шага назад» — 1 экз.

ДП, VII, 1904 г., д. № 3655, лл. 4—5.

24 декабря. При обыске у арестованного на базаре с. Демиевки Киевской губ. при раздаче им прокламаций крестьянам были найдены нелегальные издания в количестве 44 экз., среди которых брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1904 г., д. № 3674, лл. 1, 5; ч. 1, л. 2.

«Письмо в редакцию «Искры» Н. Ленина было издано отдельной брошюрой в Женеве в декабре 1904 г., напечатанной в типографии партии.

Инв. № 7355.

Декабрь. «Письмо к товарищам» [1] Ленина было издано Берлинской группой содействия РСДРП.

Инв. № 10526.

Статья Ленина «Земская кампания и план «Искры» была издана издательством социал-демократической партийной литературы Н. Ленина и В. Бонч-Бруевича в Женеве под № 9 в 1904 г.

Инв. № 761.

В Саратов из-за границы была послана брошюра Ленина «Земская кампания и план «Искры».

ДП, о. о., 1905 г., д. № 451, т. 2, л. 147 об.

1905 г.

3 января. При обыске в Смоленске, где был организован прием и рассылка по другим городам нелегальной литературы, у Голубкова,

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. VI, стр. 372.

принадлежащего к ЦК РСДРП, было найдено много нелегальной литературы, среди которой брошюра «Земская кампания и план «Искры».

ДП, VII, 1905 г., д. № 19, лл. 1, 5, 7; ч. 1, л. 2 об.

5 января. Брошюра Ленина «Задачи революционной молодежи» имелась среди вещественных доказательств по делу о трех народных учителях Поречского уезда Смоленской губ.

ДП, VII, 1905 г., д. № 13, лл. 5—6.

После 12 января. Была издана отдельной листовкой статья Ленина «Начало революции в России» [1] из № 4 «Вперед» от 12 (25) января 1905 г.

Инв. №№ 9577 (напечатан на гектографе) и 9574, напечатанный в типографии за границей с указанием адреса экспедиции (V. Bontch-Brouevitch, rue de la Colline 3, Genéve, Suisse).

Январь. Николаевский комитет РСДРП издал в виде прокламации статью Ленина «Начало революции в России», напечатав ее в 2 тысячах в своей типографии.

ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 4, лит. 3, л. 2; ч. 34, л. 38; подлинник прокламации — инв. № 3438.

Саратовский комитет издал листовкой на гектографе статью Ленина «Начало революции в России».

Инв. № 11502.

Одесский комитет РСДРП большинства издал отдельной прокламацией статью Ленина «Начало революции в России» из газ. «Вперед» № 4, отпечатав ее в количестве 8 тысяч в своей типографии.

ДП, VII, 1905 г., д. № 731, л. 3, подлинник типограф. листовки.

23 января. В Одессе при обыске у архитектора З. Шапиро были найдены сочинения Ленина: «К деревенской бедноте», изд. ЦК РСДРП, 1904 г., и «Об аграрной программе Икса» — ответ на критику нашего проекта программы), изд. русской революционной социал-демократии, 1903 г.

ДП, VII, 1905 г., д. № 561, лл. 1, 4—5 об.

24 января. В Вятке при обысках было найдено «Письмо к товарищу» — Ленина, изд. РСДРП.

ДП, VII, 1905 г., д. № 447, лл. 5, об.— 6.

25 января. Сочинение Ленина «К деревенской бедноте» имелось среди вещественных доказательств, отобранных по обыску у жителей м. Микулино, Оршанского уезда Могилевской губ., привлеченных к делу после организованной в селе демонстрации 9 января.

ДП, VII, 1905 г., д. № 373, лл. 1 и 4.

28 января. У рабочего в железно-дорожных мастерских гор. Новороссийска была взята во время обхода жандармом брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 64, л. 1.

С 29 января по 6 февраля. По улицам гор. Одессы распространялись прокламации Одесского комитета РСДРП, среди которых «Начало революции в России» Ленина — 11 экз.

ДП, о. о., д. № 5, 1905 г., ч. 4, л. 37.

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 79.

30 января. При обыске у фельдшера больницы села Макаров-Яр, Славяносербского уезда Екатеринославской губ., была найдена брошюра Ленина «Что делать?».

ДП, VII, 1905 г., д. № 545, л. 4.

Январь. Были посланы из-за границы в Саратов брошюра Ленина «Заявления и документы о разрыве центральных учреждений с партией»[1], изд. журнала «Вперед» (1904 г.— 2 экз.) и прокламация «Начало революции в России» (статья Ленина) — 11 экз.

ДП, о. о., 1905 г., д. № 471, т. 2, лл. 146—149.

В ночь на 1 февраля. В Одессе при обыске были найдены 1 000 экз. листовки «Начало революции в России», которые должны были быть переданы для распространения организатору Дальницкого района.

ДП, VII, 1904 г., д. № 731, л. 2.

1 февраля. В Череповце брошюра Ленина «К деревенской бедноте» была передана рассыльным казенного винного склада рабочему завода Волкова, который передал ее другому рабочему этого же завода.

ДП, VII, 1905 г., д. № 679, лл. 5—8.

4 февраля. При обысках у Тимохина в г. Лубнах, который передавал для чтения другим прокламации, была найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 681, лл. 1 и 3; ч. 1, л. 2.

С 6 по 13 февраля. В Одессе по улицам города разбрасывались и раскладывались по почтовым ящикам прокламации Одесского комитета РСДРП, среди которых было подобрано полицией 4 экз. прокламации «Начало революции в России» — Ленина.

ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 4, л. 43.

9 февраля. В Москве при обыске у одного из членов Московской организации РСДРП, которая вела усиленную агитацию за устройство всеобщей забастовки рабочих города Москвы и вооруженной демонстрации, было найдено среди большого количества нелегальной литературы сочинение Ленина «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» изд. ЦК РСДРП.

ДП, VII, 1905 г., д. № 871, лл. 4 об., 6—7; ч. 1, л. 2.

13 февраля. В театре в гор. Николаеве, во время представления пьесы Горького «Дачники», были брошены 50 экз. прокламаций «Начало революции в России» Ленина, издания Николаевского комитета РСДРП.

ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 4, лит. 3, л. 1.

14 февраля. У арестованного в Уфе члена Уфимской группы РСДРП, принимавшего активное участие в забастовке рабочих мельницы Костерина и призывавшего их к продолжению забастовки, начавшейся 14 февраля, были найдены при обыске среди другой нелегальной социал-демократической литературы сочинения Ленина: «Что делать?», «К деревенской бедноте», «Шаг вперед, два шага назад», «С чего начать?». Брошюра «К деревенской бедноте» также была

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. VI, стр. 377—383.

найдена при аресте у рабочего той же мельницы, распространявшего среди рабочих прокламации перед забастовкой.

ДП, VII, 1905 г., д. № 843, лл. 4—5, 7, 25—27.

17 февраля. У членов Николаевского комитета РСДРП, собиравшихся на заседание, были произведены обыски и у одного из них было взято 52 экз. прокламации «Начало революции в России».

ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 4, лит. 3, лл. 3—4.

В Одессе у пекаря-подмастерья была найдена значительных размеров «библиотека» (50 наименований брошюр и листовок с печатью Одесского комитета партии социалистов-революционеров); среди листовок имелась «Начало революции в России» Ленина.

ДП, VII, 1905 г., д. № 924, лл. 4 и 8.

В ночь на 18 февраля. При обыске у ученика земской фельдшерской школы в Самаре были найдены печать Самарского комитета РСДРП, 2 ящика и корзина прокламаций и брошюр часть которых была приготовлена к разброске; среди брошюр имелась брошюра Ленина «К деревенской бедноте» — 2 экз.

ДП, VII, 1905 г., д. № 1630, лл. 5 и 7.

18 февраля. На станции Гомель был арестован пассажир с транспортом нелегальной литературы, среди которой брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 848, лл. 4, об.— 5.

В Николаеве у одного из участников собрания членов Николаевского комитета РСДРП по вопросу о демонстрации в день 19 февраля при аресте и обыске было найдено 1 360 брошюр и прокламаций, из них 53 экз. «Начало революции в России» Ленина, брошюра Ленина «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», «Письмо в редакцию «Искры», и печать Николаевского комитета РСДРП.

ДП, VII, 1905 г., д. № 854, лл. 4—5, 11—12; ч. 1, л. 2.

19 февраля. В Рославле Смоленской губ. при арестах группы лиц, занимавшихся массовым распространением прокламаций и подготовлявших демонстрацию 20 февраля в первый день ярмарки, была найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 988, лл. 10, об., 22—23.

20 февраля. На станции Варшава у приехавшей из Берлина Шлоссберг были найдены зашитыми в платке 60 экз. нелегальных брошюр, среди которых «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1905 г., д. № 1057, лл. 4, 9, 13.

В ночь на 20 февраля. Найдена при обыске у одного из арестованных в Петербурге по делу «Типографского комитета местной организации РСДРП» брошюра «Шаг вперед, два шага назад».

ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 1, л. 48.

В ночь на 21 февраля. В г. Аккермане (Бессарабия) были разбросаны по улицам прокламации, среди которых «Начало революции в России» Ленина, издание Николаевского комитета РСДРП.

ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 34, л. 36.

8 марта. В сарае у крестьянина дер. Лазы, Олькушского уезда были найдены нелегальные издания, среди которых брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 2053, лл. 3 об.— 4.

10 марта. В Екатеринославе при обыске и аресте члена местной организации РСДРП пропагандиста и руководителя распространением прокламаций, среди социал-демократических брошюр и листовок, была найдена листовка «Начало революции в России».

ДП, VII, 1905 г., д. № 1209, лл. 4 и 5.

В ночь на 11 марта. Вблизи посада Виштынца, Сувалкской губ. пограничной стражей был задержан транспорт (около 5 пудов) нелегальной социал-демократической литературы, среди которой брошюры Ленина: «К деревенской бедноте» — 4 экз., «Задачи русских социал-демократов» — 2 экз., «Земская кампания и план «Искры» — 12 экз., «Шаг вперед, два шага назад» — 3 экз.

ДП, VII, 1905 г., д. № 1367, лл. 3—4, 5.

11 марта. Была найдена при обыске брошюра «К деревенской бедноте», которая до этого распространялась среди крестьян селений Васильевки и Ивановки Стерлитамакского уезда Уфимской губ.; брошюра была привезена крестьянином с. Васильевки из Оренбурга и 4 марта передана для чтения крестьянину деревни Ивановки.

ДП, VII, 1905 г., д. № 1554, лл. 3 и 6.

13 марта. На станции Курск был арестован пассажир без билета, у которого при обыске найдены за бортом поддевки 57 экз. прокламаций Курского комитета РСДРП и ЦК РСДРП, 8 номеров газ. «Социал-демократ» и 14 брошюр, из которых одна «К деревенской бедноте» — Ленина, изд. ЦК РСДРП.

ДП, VII, 1905 г., д. № 1358, лл. 2 и 4.

В Кременчуге при обыске у Рагова были найдены нелегальные брошюры, среди которых «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 1544, ч. 1, л. 2 об.

14 марта. В с. Люберцах Московского уезда в комнате, где происходило собрание рабочих Люберецкого тормозного завода с представителем, приехавшим из Москвы, при обыске были найдены нелегальные брошюры, среди которых брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 233, лл. 6—7.

В посылке, посланной из Калуги на имя ученика Жиздринского городского училища и состоящей из нелегальных изданий, имелась брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 1652, лл. 3, 5.

В шахте № 1 Орлово-Еленевского рудника Славяно-Сербского уезда Екатеринославской губ. было найдено рабочими 133 экз. нелегальных социал-демократических брошюр, среди которых «К деревенской бедноте», «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1905 г., д. № 1490, л. 1, 3.

В Ростове на Дону при обыске была найдена отпечатанная на пишущей машинке статья Ленина «Начало революции в России», а также много других прокламаций.

ДП, VII, 1905 г., д. № 1422, лл. 1, 4 об.; ч. 1, л. 2.

В ночь на 15 марта. При обысках в Ростове и Нахичевани на Дону была найдена типография Донского комитета РСДРП и склад нелегальной социал-демократической литературы в количестве

600 экз., среди которых брошюра «К деревенской бедноте», изд. лиги русской революционной социал-демократии, «Письмо к товарищу» — Н. Ленина.

ДП, VII, 1905 г., д. № 1486, лл. 4 об., 6—7.

В ночь на 18 марта. В Екатеринославе при обыске и аресте (сестер Неер) среди другой нелегальной социал-демократической литературы были найдены 4 экз. брошюры «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 1376, л. 4; ч. 1, л. 2.

В ночь на 19 марта. В Петербурге при аресте организатора Невского района местной организации меньшевиков были найдены в большом количестве прокламации ЦК РСДРП «Первый шаг»[1] и другие, а также и брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 1460, лл. 4—5.

22 марта. В Одессе был арестован транспорт издания ЦК РСДРП, посланный из Бердичева, куда прибыл из-за границы; среди брошюр имелись 15 экз. «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 1622, лл. 4 об., 6.

24 марта. На станции Кременчуг был арестован (при получении багажа) транспорт нелегальной социал-демократической литературы, прибывший из Киева (2 пуда 26 фунтов), среди которой имелась брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 1455, лл. 3 об., 5.

30 марта. В Петербурге при аресте типографии Петербургской организации РСДРП была найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 1548, л. 4 об., 6.

При обыске агитаторов Саратовской организации РСДРП среди рабочих Покровской слободы была найдена нелегальная социал-демократическая литература, среди которой брошюра «К деревенской бедноте» и листовка «Начало революции в России».

ДП, VII, 1905 г., д. № 1802, лл. 3 об.— 4, 5—7.

В ночь на 12 апреля. В Екатеринославе арестована хорошо оборудованная типография местной организации РСДРП, архив и масса нелегальных изданий, среди которых сочинения Ленина «К деревенской бедноте» — 8 экз., «Задачи революционной молодежи» — 2 экз.

ДП, VII, 1905 г., д. № 1890, лл. 5, об.— 6, 9—12.

В ночь на 14 апреля. В районе Николаевского поста Волынской бригады пограничной стражей был арестован (в г. Владимире Волынском) транспорт нелегальной литературы, среди которой брошюры Ленина: «К деревенской бедноте» — 3 экз., и «Письмо к товарищу» — 4 экз.

ДП, VII, 1905 г., № 2225, лл. 4—5, 6.

21 апреля. При обыске в квартире присяжного поверенного Тесленко в Москве была найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 2401, лл. 1, 4 об.; ч. 1, л. 2.

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 165.

В ночь на 23 апреля. В Юзовке было арестовано более 15 тысяч нелегальной социал-демократической литературы, среди которой «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» — Н. Ленина и его же «Письмо в редакцию «Искры» — 2 экз., а также брошюра ЦК РСДРП «Первый шаг», печать Юзовской группы, знамя.

ДП, VII, 1905 г., д. № 2130, лл. 1, 5 об., 6.

В ночь на 24 апреля. Пограничной стражей в Сувалкской губ. (г. Волковышки) был арестован транспорт нелегальной литературы (около 7 пудов) по большей части анархистов-коммунистов, среди которой брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1905 г., д. № 2411, лл. 1, 4—5.

25 апреля. Полицейским стражником была отобрана брошюра «К деревенской бедноте», распространявшаяся среди служащих в экономии Пьянкевич при селе Золотой Колодезь Изюмского уезда Харьковской губ., которая была получена от рабочего; печати комитета, имевшиеся на книге, были затерты чернилами и вырваны.

ДП, VII, 1905 г., д. № 4359, лл. 1, 4.

26 апреля. Брошюра Ленина «К деревенской бедноте» вместе с другими нелегальными изданиями и письмами была принесена в жестяном чайнике с молоком и с двойным дном для передачи заключенному в Бакинской тюрьме.

ДП, VII, 1905 г., д. № 2220, лл. 1 и 4; ч. 1, л. 2.

27 апреля. В селе Кулебаках Ардатовского уезда Нижегородской губ., при обыске у одного из членов кружка, занимающегося пропагандой среди рабочих Кулебакского завода, была найдена нелегальная литература, хранившаяся на огороде, среди которой брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 2841, л. 6; ч. 1, л. 2.

В ночь на 29 апреля. В Иваново-Вознесенске при обысках была найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 2294, лл. 1, 3—4, 5.

2 мая. В Невеле Витебской губ. при обыске в квартире, куда приходили для чтения нелегальной литературы, была найдена брошюра «Задачи русских социал-демократов».

ДП, VII, 1905 г., д. № 2485, лл. 1, 4; ч. 1, л. 2.

10 мая. На ст. Граница в таможенном пакгаузе был обнаружен транспорт нелегальной социал-демократической литературы, среди которой 2 экз. брошюры Ленина «Задачи русских социал-демократов», сочинения Маркса, Энгельса и др.

ДП, VII, 1905 г., д. № 2601, лл. 1, 3.

18 мая. В Тифлисе при аресте членов кружка рабочих Закавказских железных дорог, занимающихся распространением прокламаций и устной агитацией среди рабочих, у одного из них была найдена брошюра «К деревенской бедноте» на грузинском языке.

ДП, VII, 1905 г., д. № 2859, лл. 4—5; ч. 1, л. 2.

В ночь на 23 мая. Вблизи дер. Липовки, Августовского уезда Сувалкской губ., был задержан транспорт нелегальной литературы, переносимый через границу из Пруссии и оставленный проносителями,

заметившими за собой наблюдение. В транспорте имелась брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 3125, лл. 3, 7—8.

24 мая. Среди описи вещественных доказательств по делу распространения прокламаций среди солдат Новогеоргиевской крепости значилась брошюра «К деревенской бедноте», взятая у ефрейтора 2-го Новогеоргиевского крепостного пехотного полка, распространявшего нелегальную литературу и поэтому привлеченного к этому делу [1].

ДП, VII, 1905 г., д. № 2793, лл. 1, 2, 3.

В ночь на 27 мая. Близ дер. Замостки Сувалкского уезда был арестован Пригорный при переходе границы с транспортом нелегальной социал-демократической литературы (75 названий) в чемодане с двойным дном, среди которой имелись сочинения Ленина: «Шаг вперед, два шага назад», «Ответ на критику нашего проекта программы», «Революционный авантюризм».

ДП, VII, 1905 г., д. № 2927, лл. 1, 4, 5; ч. 1, л. 8.

29 мая. В Москве у одного из арестованных на сходке рабочих, организованной местной социал-демократической группой в местности Покровское-Фили, в числе 100 человек, была найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 3237, лл. 2—3.

31 мая. В Николаеве при аресте на улице двух пропагандистов и активных работников Николаевского комитета РСДРП была найдена у них брошюра Ленина «К деревенской бедноте», а также «Извещение о III съезде РСДРП» [2] и две прокламации.

ДП, VII, 1905 г., д. № 2982, л. 6.

Май. Статья Ленина «Пролетариат и крестьянство» [3] из № 11 «Вперед» была издана Петербургским комитетом РСДРП в своей типографии. В ночь с 28 на 29 мая была разбросана во дворе казармы лейб-гвардии Московского полка в Петербурге; 2 экз. были подобраны караульным и переданы начальству.

Инв. № 2287 и ДП о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 1, л. 245.

7 июня. В Батуме при обыске у сотрудника «Черноморского вестника» Гусарева были найдены 21 экз. нелегальных брошюр, среди которых «К деревенской бедноте» и «Земская кампания и план «Искры»,— сочинения Ленина, а также № 23 «Вперед» — 1905 г., № 14 «Листок борьбы пролетариата» — 1904 г. и коробка с резиновыми буквами и штемпелем: «Батумский комитет РСДРП».

ДП, VII, 1905 г., д. № 3168, лл. 1—3.

8 июня. Близ гор. Николаева, в урочище «Лесках», где накануне состоялась массовка (100 человек) местной организации РСДРП, были найдены 19 экз. прокламации «Начало революции в России».

ДП, VII, 1905 г., д. № 3244, л. 5.

12 июня. В Петербурге был арестован транспорт нелегальной литературы, полученный Петербургской группой ЦК РСДРП, среди которой имелись 4 экз. брошюры Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 3187, лл. 9 и 14.

---

[1] Обыск был произведен 14 мая 1905 г. в лагере близ Новогеоргиевска. (ДП, VII, 1905 г., д. № 2793, ч. 2, л. 2.)

[2] См. В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 295.

[3] См. В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 158.

14 июня. В мест. Смеле Черкасского уезда Киевской губ., при обыске одного «бундовца» была найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 3258, л. 1.

До 16 июня. Был распространен в гор. Риге на русском и латышском языках листок «Извещение о III съезде РСДРП», написанный В. И. Лениным.

ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 33, л. 94; подлинник листовки инв. № 4477.

Прокламация ЦК РСДРП «Пролетариат и крестьянство» (статья Ленина) была брошена через окно в столовую 6-й батареи в городских казармах лейб-гвардии Артиллерийской бригады.

ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 1, л. 257.

В ночь на 23 июня. В Севастополе при обысках у местных социалистов-революционеров найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 3655, лл. 4—5.

25 июня. В Гомеле был арестован транспорт нелегальной литературы в количестве 1 451 экз. разных изданий, полученный членом местной организации «Бунда»; среди литературы имелись 11 экз. «Извещение о III съезде РСДРП».

ДП, VII, 1905 г., д. № 3466, лл. 1—2.

2 июля. Была найдена брошюра Ленина «К деревенской бедноте» при обыске у инженера-механика в гор. Богородицке близ Тулы, после того как он разбросал по дороге из села Малевки в гор. Богородицк прокламации «По поводу гибели русского флота».

ДП, VII, 1905 г., д. № 3557, л. 5, 4 об.; ч. 1, л. 2.

В ночь на 4 июля. В Екатеринославе при аресте типографии были найдены листовки Екатеринославского комитета большинства «Готовьтесь к вооруженному восстанию», брошюра «Извещение о III съезде РСДРП» и другая нелегальная литература.

ДП, VII, 1905 г., д. № 3691, лл. 7—9.

12 июля. В Перми при обыске у Вавилова найдено «Извещение о III съезде РСДРП».

ДП, VII, 1905 г., д. № 3972, лл. 1, 4; ч. 1, л. 2.

14 июля. На ст. Подольск был арестован пассажир, который во время следования поезда давал другому прокламацию; при обыске у него была найдена брошюра «К деревенской бедноте», а на квартире в Москве программа РСДРП.

ДП, VII, 1905 г., д. № 4011, л. 4.

17 июля. На месте сходки, состоявшейся в Дембовском лесу Новомилского уезда близ Варшавы [1], вместе с большим количеством нелегальной литературы была взята листовка «Три конституции или три порядка государственного устройства» [2].

ДП, VII, 1905 г., д. № 4040, л. 5.

---

[1] Сходка была собранием комитета с.-д. Польши и Литвы. На сходке присутствовали 40 чел., прибывших из Варшавы, среди которых был Ф. Э. Дзержинский. Все присутствовавшие на сходке были арестованы.

[2] См. В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 375—378

18 июля. В Екатеринославе в квартире, где хранилась нелегальная литература для распространения по городу, при обыске была найдена брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 3994, л. 5.

Июль. Рижский комитет выпустил листовкой статью Ленина «Три конституции или три порядка государственного устройства» на латышском языке — 1 500 экз. и на русском 1 500 экз.

Инв. № 4487 (перевод с латышского).

До 19 июля. Распространялся в гор. Риге листок «Три конституции или три порядка государственного устройства» на латышском языке, напечатанный в типографии.

ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 33, л. 96.

20 июля. Близ Платыревского поста, Дубенского уезда Волынской губ., был задержан транспорт нелегальной литературы, среди которой сочинения Ленина «К деревенской бедноте» — 90 экз.

ДП, VII, 1905 г., д. № 4307, лл. 3 и 5.

25 июля. При обыске и аресте членов группы пропагандистов Московского комитета РСДРП были взяты брошюры Ленина «К деревенской бедноте», «Шаг вперед, два шага назад», издания ЦК РСДРП и 3 экз. прокламации «Три конституции или три порядка государственного устройства», издание газеты «Пролетарий» — ЦО РСДРП.

ДП, VII, 1905 г., д. № 4724, лл. 3—4.

26 июля. В гор. Щиграх Курской губ. при обыске у Д. Лейтеса, хранившего нелегальную литературу для распространения, была найдена брошюра «Шаг вперед, два шага назад».

ДП, VII, 1905 г., д. № 4590, ч. 1, лл. 1—3.

29 июля. В Костроме в корзине с нелегальной литературой, перевозимой студентом Корваевым на вокзал, имелись сочинения Ленина: «Извещение о III съезде РСДРП» — 100 экз., «Три конституции или три порядка государственного устройства» — 10 экз., а также газ. «Пролетарий» — 20 экз. и другие социал-демократические издания в количестве 2 281 экз.

ДП, VII, 1905 г., д. № 4218, лл. 2—3.

30 июля/12 августа. Н. К. Крупская в письме в Н.-Новгород (Нижегородскому комитету РСДРП) сообщала о выходе листка «Три конституции» — Ленина и указывала, что было бы очень полезно каждому комитету перепечатать его в виде плакатов.

ДП, VII, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 22, лит. А, л. 56.

31 июля. В Одессе при аресте и обыске одного из привлеченных по делу боевой группы Одесского комитета партии социалистов-революционеров было найдено 289 экз. нелегальной литературы, среди которой брошюры Ленина: «К деревенской бедноте», изд. ЦК РСДРП, и «Заявления и документы о разрыве центральных учреждений с партией», № 13, издательство «Вперед».

ДП, VII, 1905 г., д. № 4335, лл. 4, 6 об.; ч. 5, л. 2.

Июль. Московский комитет РСДРП издал «Извещение о III съезде РСДРП», резолюции, принятые на съезде, и устав партии[1].

МГЖУ, 1906 г., д. № 326, л. 26—36.

[1] 4 февраля 1906 г. эта брошюра была взята при обыске в Москве (МГЖУ, 1906 г., д. № 326, л. 10).

2 августа. На Тверском бульваре в Москве был передан одним прохожим другому сверток с нелегальной литературой, среди которой имелась брошюра «Извещение о III съезде РСДРП».

ДП, VII, 1905 г., д. № 4525, л. 5.

9 августа. В дер. Лазаревке, Ровенско-Слобовской волости, Речицкого уезда Минской губ. при обыске у крестьянина, обвиняемого в размножении нелегальных изданий, была найдена брошюра «Задачи революционной молодежи».

ДП, VII, 1905 г., д. № 5031, лл. 1, 3; ч. 1, л. 2.

10 августа. В Саратове при обыске у печатающего на гектографе и распространяющего среди крестьян издания Саратовского комитета РСДРП были найдены брошюры, среди которых «К деревенской бедноте» — 1 экз.

ДП, VII, 1905 г., д. № 4787, лл. 6—7.

В Варшаве при обыске была найдена брошюра «Извещение о III съезде РСДРП».

ДП, VII, 1905 г., д. № 5072, лл. 4—5; ч. 1, л. 2.

14 августа. В гор. Опочке Псковской губ. был арестован агитирующий на улице среди крестьян; при обыске у него были найдены социал-демократические листовки к крестьянам, которые распространялись в г. Опочке с 3 на 4 августа, а также брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 4669, лл. 1, 4, 5—7.

15 августа. В гор. Луцке Волынской губ. был получен из-за границы транспорт нелегальной литературы (16 пудов), среди которой имелись 176 экз. брошюры «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 4709, лл. 1, 4 об., 5.

16 августа. При аресте и обыске у подозреваемого в покушении на убийство городового в Елизаветграде были найдены типографский шрифт и нелегальная литература, среди которой «Извещение о III съезде РСДРП» (на 30 стр.)

ДП, VII, 1905 г., д. № 4887, лл. 1, 4; ч. 1, л. 2.

16/29 августа. Н. К. Крупская в письме Казанскому комитету РСДРП сообщала о выходе брошюры Ленина «Две тактики» [1].

ДП, 1, 1905 г., д. № 5, ч. 27, лит. А, л. 135.

17 августа. В Смоленске у рядового 14 роты 108 пехотного Саратовского полка Горелик были найдены нелегальные большевистские газеты и брошюры, среди которых «Извещение о III съезде РСДРП».

ДП, VII, 1905 г., д. № 4833, лл. 4, 5.

В ночь на 21 августа. Арестованный в квартире рабочий в Иванове-Вознесенске по дороге в полицию выбросил 1 брошюру «Извещение о III съезде РСДРП» и несколько листовок.

ДП, VII, 1905 г., д. № 5067, ч. 1, л. 2.

21 августа. В Риге при обыске в квартире, где произошел взрыв во время приготовления разрывных снарядов, было найдено 405 экз. нелегальных социал-демократических брошюр и газет, среди которых

---

[1] «Две тактики социал-демократии в демократической революции», см. В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 27—126.

сочинения Ленина: «Извещение о III съезде РСДРП» с приложением устава партии и главнейших резолюций съезда, 1905 г.— 34 экз.; «Письмо в редакцию «Искры», Женева, декабрь 1903 г.— 3 экз., «К деревенской бедноте» — 2 экз., «Шаг вперед, два шага назад», Женева, 1904 г.; «Заявления и документы о разрыве центральных учреждений с партией» № 13, Женева, 1905 г.; «Земская кампания и план» «Искры», № 9, Женева, 1904 г.; «Письмо товарищу о наших организационных задачах», Женева, 1904 г.

ДП, VII, 1905 г., д. № 4816, лл. 5—7, 10; ч. 1, л. 2.

В ночь на 26 августа. При переносе через границу близ местечка Новоселици Бессарабской губ. был задержан транспорт нелегальной литературы, среди которой сочинения Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Извещение о III съезде РСДРП» (брошюра) 2 экз.

ДП, VII, 1905 г., д. № 5041, лл. 1, 4.

30 августа. В Костроме арестован транспорт нелегальной литературы (147 экз.), среди которой обложка от брошюры «К деревенской бедноте» и издания Костромского комитета.

ДП, VII, 1905 г., д. № 5364, лл. 1, 4; ч. 1, л. 2.

Сентябрь. Листовка Ленина «Три конституции или три порядка государственного устройства» была издана Центр. комитетом РСДРП и напечатана в типографии партии.

Инвентарный № 10533.

2 сентября. В Повенеже Ковенской губ. в гостинице был найден чемодан с большим количеством нелегальной литературы (121 название), среди которой брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 5407, лл. 4, 6, 8.

На пограничном пункте Александрово был задержан возвращавшийся из-за границы студент, у которого были зашиты в пальто брошюры Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» — 14 экз., листок «Три конституции» — 3 экз., № 13 «Пролетария» — 74 экз., № 14 «Пролетария» — 93 экз. и др.

ДП, VII, 1905 г., д. № 5218, л. 12.

11 сентября. В Астрахани на месте сходки (в количестве 40 чел.) были найдены спрятанными 117 экз. листовки «Три конституции или три порядка государственного устройства», перепечатанные на гектографе Астраханским комитетом РСДРП с издания газеты «Пролетарий».

ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 49, лит. А, 43; подлинник листовки лл. 44—45.

В ночь на 17 сентября. В Иркутске при обыске была найдена брошюра «Извещение о III съезде РСДРП» издание Сибирского социал-демократического союза.

ДП, VII, 1905 г., д. № 5754, лл. 4, 7.

До 22 сентября. Казанский комитет РСДРП издал в своей типографии 10 тысяч листовок «Три конституции или три порядка государственного устройства» произведение Ленина, перепечатав его в своей типографии с издания «Пролетарий» Ц. О. РСДРП.

Инвент. 29926; ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 27, т. 3, л. 34; МСП, 1906 г., д. № 565, л. 226.

22 сентября. Произведение Ленина «Три конституции или три порядка государственного устройства», переизданное листовкой Казанским комитетом с издания газеты «Пролетарий», разбрасывалось и раздавалось на сходке в Казанском университете, где в 1905 г. ежедневно собирались рабочие, крестьяне и учащиеся всех учебных заведений и где шел сбор денег на вооружение.

ДП, о. о., 1905 г., д. № 1350, ч. 29, л. 83 (подлинник типографской листовки) и 84.

23 сентября. В Москве при обыске у модельщика Белоусова было найдено 66 экз. нелегальной литературы, среди которой «Извещение о III съезде РСДРП».

ДП, VII, 1905 г., д. № 6100, л. 2; ч. 1, л. 2.

25 сентября. В Вышнем-Волочке Тверской губ., при обыске, была найдена брошюра «Извещение о III съезде РСДРП» среди нелегальной литературы, переданной на хранение одним из членов рабочего кружка; часть этой литературы (50 экз.) была роздана рабочим 15 сентября.

ДП, VII, 1905 г., д. № 5766, л. 2.

27 сентября. Солдатам Свияжского резервного батальона в гор. Казани были переданы две прокламации «Три конституции или три порядка государственного устройства» — Ленина.

Эти же прокламации распространялись во время сходок в Казанском университете.

ДП, о.о., 1905 г., д. № 5, ч. 27, т. 3, л. 30.

8 октября. Брошюра «К деревенской бедноте», издание заграничной Лиги РСДРП, 1903 г. была взята при аресте сходки в 20 человек в Севастополе в доме Александрова по Б. Морской ул.

При появлении полиции один из участников сходки пытался ее спрятать.

ДП, о.о., 1905 г., д. № 106, ч. 7, л. 59—61.

9—10 октября. При обысках в Москве была найдена печатная листовка «Три конституции» вместе с большим количеством литературы партии социалистов-революционеров.

ДП, VII, 1907 г., д. № 2, ч. 34, л. 207, об., 206.

До 10 октября. ЦК большевиков решил выпустить в громадном количестве брошюры, среди которых Ленина «К деревенской бедноте», с тем, чтобы по возможности повсеместно и одновременно распространить их в широкой массе крестьянства.

ДП, о.о., 1905 г., д. № 105, ч. 4, л. 24.

11 октября. В Николаеве в квартире, куда был доставлен из Одессы транспорт нелегальной литературы, привезенный 7 октября направленным для этого уполномоченным от Николаевского комитета РСДРП, была найдена брошюра «К деревенской бедноте», также 4 печати Николаевского комитета РСДРП.

ДП, VII, 1905 г., д. № 6064, лл. 3—4.

11 октября. В гор. Вологде на митинге в Пушкинском Народном доме были распространены прокламации, среди которых «Три конституции или три порядка государственного устройства», издание газеты «Пролетарий».

ДП, о.о., 1905 г., д. № 1350, ч. 19, лл. 3 и 7.

До 14 октября. Кондуктор на станции «Алатырь» Моск.-Казан. железной дороги передавал крестьянину дер. Шилонки, Лаишевского уезда, Казанской губерн., две листовки «Три конституции или три порядка государственного устройства», изданных в своей типографии Казанским комитетом РСДРП в количестве 10 тысяч.

ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 27, т. 3, лл. 33—34 (копия листовки).

20 октября. В Одессе при обыске у Бондаревой, агитировавшей среди жильцов своего дома, были найдены талонная книжка с печатью Одесского комитета РСДРП, несколько соц.-дем. брошюр, среди которых «Извещение о III съезде РСДРП».

ДП, VII, 1905 г., д. № 6353, л. 4.

31 октября. В Перми при обыске в квартире, где произошел взрыв снарядов, и у лиц присутствовавших в этой квартире во время взрыва, было найдено очень много нелегальной соц.-дем. литературы, среди которой 2 экз. «Извещение о III съезде РСДРП», 15 экз. брошюры «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Шаг вперед, два шага назад», 806 экз. листовки: «Три конституции или три порядка государственного устройства».

ДП, VII, 1905 г., д. № 6311, лл. 1, 5, 6, об., 7, 8.

31 октября. В Челябинске при обыске у слесаря Челябинского бюро Сибирской железной дороги Гаврилова, арестованного в казармах местной команды при раздаче прокламаций военной группы при Казанском комитете РСДРП, была найдена брошюра «Извещение о III съезде РСДРП» вместе с другой соц.-дем. литературой.

ДП, VII, 1905 г., д. № 6307, ч. 1, л. 2.

Октябрь. Вятский комитет РСДРП издал листовкой «Три конституции или три порядка государственного устройства» — Ленина, напечатав ее в своей типографии с издания газеты «Пролетарий».

Инвент. № 15426.

Октябрь. Нижегородский комитет РСДРП переиздал листовкой произведение Ленина «Три конституции или три порядка государственного устройства».

Дмитров. суд. след. 1906 г., д. № 471, т. 1, л. 84.

25 ноября. На ст. Сувалки были задержаны три человека с транспортом нелегальной социал-демократической литературы (в корзине и чемодане), среди которой брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов» — 130 экз. «Третий очередной съезд РСДРП»[1] — 71 экз., газета «Пролетарий», 1905 г., № 24 — 560 экз., № 23 — 24 экз. и другие.

ДП, VII, 1905 г., д. № 6505, лл. 1, 4, 6; ч. 1, л. 2.

29 ноября. В дер. Кавери, Землянского уезда, Воронежской губернии, у учителя, занимающегося пропагандой среди крестьян, при аресте[2] найдена нелегальная литература, среди которой листок «Три конституции», издание ЦК РСДРП.

ДП, VII, 1905 г., д. № 6743, лл. 4—5; ч. 1, л. 2.

---

[1] Речь идет о «полном тексте протоколов» третьего съезда РСДРП, вышедшем в Женеве в издании ЦК РСДРП, напечатанном в типографии партии под заголовком «Третий очередной съезд РСДРП» — Инв. № 1720.

[2] При аресте крестьяне, вооруженные кольями, пытались его освободить и заявили всем селом, что не будут давать показаний (это же дело, л. 5).

30 ноября. В гор. Кобеляках Полтавской губернии, при обыске у библиотекарши общественной библиотеки, найдена нелегальная литература (брошюры, газеты, прокламации — 78 названий), среди которых брошюра «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 7747, лл. 1, 4 об.; ч. 1, л. 2.

В Казани при аресте типографии Казанского комитета РСДРП были найдены 4 прокламации «Три конституции или три порядка государственного устройства», брошюры «Извещение о III съезде РСДРП», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», взятые при обыске и аресте главного организатора военной группы при Казанском комитете РСДРП.

ДП, VII, 1905 г., д. № 6587, лл. 4—5 об., 7, 10, 12, 14.

1 декабря. При аресте в Колупской области Двинского уезда двух агитаторов среди крестьян, раздававших прокламации и призывавших «к вооруженному восстанию», у одного из них была найдена брошюра «Извещение о III съезде РСДРП».

ДП, VII, 1905 г., д. № 6581, лл. 1, 4, 5; ч. 2, л. 2.

3 декабря. В Петербурге в карманах пальто прохожего, задержанного на улице, оказались прокламации, среди которых «Три конституции или три порядка государственного устройства».

ДП, VII, 1905 г., д. № 6647, л. 5.

3 декабря. В Риге при аресте Бергмана, члена Всероссийского почтово-телеграфного союза и члена Латышского соц.-демократического союза, наклеивавшего в этот момент прокламации у ворот Рижской почтово-телеграфной конторы, была найдена листовка «Три конституции или три порядка государственного устройства».

ДП, VII, 1905, г., д. № 6641, лл. 3—4.

8 декабря. В Петербурге при аресте собрания членов боевой дружины соц.-демократической организации были найдены 2 экз. брошюры «Извещение о III съезде РСДРП», женевское издание, 1905 г.

ДП, VII, 1905 г., д. № 7371, лл. 1, 6.

9 декабря. При аресте членов Пермского центрального железнодорожного комитета были найдены 2 экз. листовки «Три конституции» среди большого количества нелегальной литературы.

ДП, VII, 1905 г., д. № 7512, лл. 1, 7а.

Среди вещественных доказательств по делу обвиняемых по 121 ст. уг. ул. в Екатеринославском губернском жандармском управлении имелось указание на прокламацию издания Екатеринославского комитета РСДРП под заголовком «Пролетариат борется, либералы подкрадываются к власти» [1].

ДП, VII, 1905 г., д. № 7048, лл. 1, 3.

10 декабря. В Одессе при аресте 10 человек, состоявших депутатами от железнодорожных служащих в Одесском совете рабочих депутатов и агитировавших за забастовку в декабре 1905 г., у двух из них была найдена брошюра «Извещение о III съезде РСДРП».

ДП, VII, 1905 г., д. № 7195, лл. 1, 25, 26.

---

[1] Статья Ленина: «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти». См. т. VIII, стр. 128—135; впервые напечатана в № 10 «Пролетарий» 2 августа (20 июля) 1905 г.

В Риге на улице был задержан военным патрулем мальчик 14 лет, продававший издания на русском и латышском языках: у него были взяты 52 экз. прокламации «Три конституции или три порядка государственного устройства» на латышском языке и 134 экз. на русском, а также 2 экз. журнала «Вперед» за ноябрь 1905 г. на латышском языке.

ДП, VII, 1905 г., д. № 6793, лл. 1, 3, 4.

13 декабря. В Одессе при обыске и аресте ученика 6-го класса Коммерческого училища найдены социал-демократические прокламации, среди которых «Три конституции или три порядка государственного устройства».

ДП, VII, 1905 г., д. № 7192, лл. 1, 2, 4 об.

14 декабря. В Пензе при арестах местных групп социал-демократов и социалистов-революционеров (14 человек) были найдены брошюры «Извещение о III съезде РСДРП», «К деревенской бедноте».

ДП, VII, 1905 г., д. № 7081, лл. 4, 7.

В Киеве при аресте лаборатории взрывчатых веществ и типографии анархистов и социалистов-революционеров была найдена брошюра «Извещение о III съезде РСДРП».

ДП, VII, 1905 г., д. № 6898, лл. 1, 5, 8.

Комитет объединенных социал-демократических организаций гор. Николаева издал листовкой, напечатав в своей типографии, статью Ленина «Умирающее самодержавие и новые органы народной власти» [1], из № 19 «Новой жизни», 23 ноября (6 декабря) 1905 г.

Инвент. № 5331.

14 и 16 декабря. При аресте в Ярославле группы социалистов-революционеров и социал-демократов, у двух из них была найдена прокламация «Три конституции», издание ЦК РСДРП в 4-х и 1 экз.

ДП, VII, 1905 г., д. № 7155, лл. 16, об., 45, об., 48.

15 декабря. В гор. Сувалках при обыске в одной квартире найдено много нелегальной литературы, среди которой брошюры Ленина: «Земская кампания и план «Искры», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Задачи русских социал-демократов», литографированное письмо Ленина к друзьям о выходе органа партийного большинства.

ДП, VII, 1905 г., д. № 7032, лл. 1, 4, 5.

18 декабря. В Ярославле при аресте собрания (8 человек), были найдены прокламации Ярославского комитета РСДРП и листовки «Три конституции».

ДП, VII, 1905 г., д. № 7601, лл. 4, 5.

21 декабря. При аресте членов Пермского комитета РСДРП, организовавшего вооруженное восстание в Мотовилихе, были найдены брошюры Ленина: «Задачи русских социал-демократов», «Шаг вперед, два шага назад», «Три конституции или три порядка государственного устройства» (13 экз.), «Извещение о III съезде РСДРП» — (5 экз.).

ДП, VII, 1905 г., д. № 7513, лл. 1, 5—18.

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 405.

В ночь на 23 декабря. В Виндаве при арестах членов соц.-демократического комитета (16 человек), с оружием в руках захватившего власть в городе и стремившегося организовать Латышскую республику, было найдено много нелегальной социал-демократической литературы, среди которой 2 экз. листовки «Три конституции».

ДП, VII, 1905 г., д. № 7334, лл. 1, 2, 8, об., 14, 17.

23 декабря. Среди вещественных доказательств по делу оренбургской группы социалистов-революционеров, арестованной в декабре, имелась брошюра «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

ДП, VII, 1905 г., д. № 7508, лл. 10, 13.

26 декабря. Среди вещественных доказательств по делу «о революционной деятельности организовавшегося в гор. Таганроге Совета рабочих депутатов» указывалась брошюра «Две тактики социал-демократии в демократической революции», взятая в рабочем клубе 19 января 1906 г., где было собрание занимавшихся чтением брошюры.

ДП, VII, 1905 г., д. № 7634, лл. 15—16, 22—23.

Декабрь. В программе для кружков высшего типа, выработанной съездом литераторов-пропагандистов при ЦК РСДРП, к лекции 5-ой, 7-ой указывалось произведение Ленина «Что делать?», к лекции 13 и 14 — произведение Ленина «К деревенской бедноте», к 15-ой — «План Земской кампании», к лекциям 16—17 — брошюра Ленина «О временном правительстве» [1].

ДП, о. о., 1906 г., д. № 3, ч. 6, лл. 3—6.

Пензенская группа РСДРП два раза издавала листок Ленина «Три конституции или три порядка государственного устройства».

Инвент. № 27149 (2-ое издание напечатано на гектографе); ДП, V, 1906 г., д. № 768, лл. 14—15.

Произведение Н. Ленина «Аграрный вопрос и критики Маркса» было издано в 1905 году издательством «Буревестник», 49 стр. ц. 15 коп. Рецензии на эту книгу (за подписью «Сокол») см. фонд вещест. доказательств, кор. 27 №№ 2069 и кор. 28 № 2233.

Листовка бюро Большинства и редакции «Вперед», «Первое мая», написанная Лениным, была переиздана Терско-Дагестанским комитетом РСДРП и Екатеринославским комитетом большевиков [2].

Инв. № 4737, и № 7469 [3].

---

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 314—329 «О временном революционном правительстве», напечатанная в №№ 2—3 «Пролетария», от 21—27 мая 1905 г.

[2] Написанные Лениным майские прокламации в 1904 и 1905 гг. распространялись одновременно почти повсеместно, поэтому в хронике не учитывались. Листовка «Первое мая», см. XXXVI Лен. сб., стр. 68—71.

[3] Опубликовано в сб. «Первое мая в царской России», стр. 128—130.

Из боевой деятельности тов. Тимошенко в годы гражданской войны в СССР

Публикуемые документы рисуют боевую деятельность талантливого командира Красной армии Семена Константиновича Тимошенко в годы гражданской войны в СССР. В дни героической обороны Царицына, под руководством великого стратега пролетарской революции товарища Сталина, в ожесточенных боях против Краснова, Деникина, белополяков, Врангеля и в ликвидации контрреволюционных банд, на Украине и Северном Кавказе тов. Тимошенко, командуя полком, бригадой, а затем кавалерийской дивизией, наносит сокрушительные удары врагу.

Наряду с т.т. Ворошиловым и Буденным, С. К. Тимошенко сыграл огромную роль в организации и строительстве Первой Конной армии. Не случайно поэтому товарищ Сталин в своем приветствии бойцам, командирам и политработникам Первой Конной армии, в связи с ее двадцатилетним юбилеем, относит тов. Тимошенко к числу тех, которые положили основу Конной армии и превратили ее в грозную силу, сыгравшую крупную роль в разгроме белогвардейцев и интервентов в годы гражданской войны в СССР.

Военная работа С. К. Тимошенко развернулась еще до организации частей Красной армии. Он с первых дней революции встал с оружием в руках на защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

В дни, когда на Дону ген. Каледин поднял контрреволюционный мятеж, тов. Тимошенко, будучи еще в рядах революционных войск старой армии, принял участие в ликвидации мятежа.

В начале 1918 года тов. Тимошенко вступает в первый Черноморский партизанский отряд, а затем назначается командиром революционного конно-гвардейского Крымского полка.

В течение лета 1918 года тов. Тимошенко ведет решительную борьбу с белогвардейскими отрядами на Северном Кавказе.

Осенью 1918 г. он пробился к Царицыну в тот момент, когда белогвардейские части теснили Красную армию и сжимали кольцом Царицын. Полк, которым командовал С. К. Тимошенко, был влит в 10-ю Красную армию. Под руководством товарищей Сталина и Ворошилова Семен Константинович принимает активное участие в ожесточенных боях против белоказачьих частей Краснова и Мамонтова, показав себя в этих боях смелым и знающим военное дело командиром.

Под Царицыном в декабре 1918 года из Крымского полка и других кавалерийских частей тов. Тимошенко сформировал 2-ю кавбригаду 1-й сводной кавдивизии.

Командуя этой кавбригадой, С. К. Тимошенко принимает активное участие в ликвидации третьего окружения Царицына. Несмотря на огромное превосходство сил противника, бригада под командованием тов. Тимошенко отбросила вражеские силы к югу от Царицына, нанесла ему большие потери и преследовала противника до р. Сала и Маныча. В апреле 1919 г. тов. Тимошенко назначается командиром 3-й бригады 4-й кавдивизии тов. Буденного, являясь фактически постоянным заместителем начдива.

В июне 1919 года Деникин успешно развивал наступление. Части 10-й Красной армии отходили с рубежа р. Маныч к Царицыну. На 4-ю кавдивизию была

С. К. Тимошенко

возложена ответственная задача — обеспечить планомерный отход армии. В исключительно тяжелых условиях, в арьергардных боях, 4-я кавдивизия и ее 3-я бригада под командованием тов. Тимошенко с успехом выполнила свою боевую задачу и обеспечила планомерный отход 10-й армии. Это дало возможность в конце августа и в сентябре организовать контрнаступление частей 10-й армии и нанести сильное поражение противнику.

В начале октября 1919 г. по директиве товарища Сталина Конный корпус был переброшен на Южный фронт и на него была возложена ответственная задача — разгромить конницу белых и занять г. Воронеж, с последующей задачей нанести удар в направлении Касторная, Курск и отрезать белым путь отхода.

На подступах к Воронежу развернулись жаркие бои. 19 октября 3-й кавбригадой под командованием тов. Тимошенко в районе Сомово, Бабякино, Усмань (Собакино) белым был нанесен тяжелый удар.

На рассвете 24 октября, после тщательной подготовки, имея все средства переправы, бригада под сильным огнем белых форсировала реку Воронеж и захватила восточную окраину города. Одновременно с севера наступали на Воронеж 1-я и 2-я бригады 4-й кавдивизии. Умелая организация переправы и стремительная атака конницы под командованием тов. Тимошенко обеспечили успех нашим частям в поражении конницы Шкуро, Мамонтова и в освобождении гор. Воронежа.

Белые, потерпев серьезное поражение под Воронежом, отступили за р. Дон, надеясь на этом рубеже задержать наступление Конного корпуса и нанести ему удар. 28 октября части Конного корпуса Буденного начали переправу через р. Дон. Бригада тов. Тимошенко выполняла одну из важнейших задач в этой операции. Она первой переправилась на правый берег р. Дона и обеспечила переправу дивизии. 28 и 29 октября развернулись жестокие бои с превосходными силами белых, в результате чего бригада тов. Тимошенко нанесла сильное поражение противнику и захватила много пленных и трофеи.

В то время, когда Конный корпус громил конницу белых в районе Воронежа и Дона, под Орлом и Кромами части Красной армии, выполняя гениальный сталинский план, нанесли решительное поражение армии Деникина.

«Нашими успехами под Орлом и Воронежем,— писал товарищ Сталин,— был заложен фундамент всему дальнейшему продвижению наших армий на юг» [1].

После занятия Воронежа Конному корпусу была поставлена задача наступать в направлении на ст. Касторная и далее на Курск с тем, чтобы отрезать части противника, действующие севернее железной дороги Воронеж — Курск.

В этот ответственный момент, когда перед конными частями стояла огромная задача по разгрому противника, тов. Тимошенко назначается начальником 6-й кавалерийской дивизии.

В операции Конного корпуса под Касторной тов. Тимошенко, командуя 6-й кавдивизией, наносят сокрушительные удары деникинцам.

Получив 9 ноября ответственную оперативную задачу наступать совместно с 4-й кавдивизией в направлении станции Суковкина, окружить и уничтожить части белых, тов. Тимошенко с рассветом 10 ноября повел в наступление 6-ю дивизию. Несмотря на численное превосходство противника, 6-я кавдивизия отбила неоднократные ожесточенные атаки белых и, перейдя в контратаку у Н. Ольшанка, опрокинула основные силы их и захватила много пленных и трофеев. Белые вынуждены были отступить.

О доблести и геройстве бойцов и командиров, сражавшихся под командованием тов. Тимошенко, было отмечено в приказе по Конному корпусу от 12 ноября.

«Доблестная 6-я кавдивизия,— говорилось в приказе,— действуя 10 ноября половиной своих сил, несмотря на превосходство противника и гололедицу,

[1] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная армия, стр. 113.

сумела захватить 13 пулеметов с полной запряжкой, отбила до 70 лошадей с седлами» [1].

Успехи, достигнутые 6-й кавдивизией, обеспечили Конному корпусу проведение операции по овладению Касторной и разгрому белых. 15 ноября Касторная была занята.

После разгрома белых под Касторной Красная конница перешла в стремительное преследование частей Деникина.

По инициативе товарища Сталина в ноябре 1919 г. создается I Конная армия. Кавдивизия под командованием тов. Тимошенко вошла в состав Конной армии.

Тов. Тимошенко, широко используя свой богатый боевой опыт, вел свою дивизию от победы к победе. Он требовал от командного состава инициативы, самостоятельности, учил искусству маневрирования и нанесения фланговых ударов противнику. Особое внимание тов. Тимошенко отводил разведке. От командного состава дивизии он требовал исключительного внимания вопросам организации непрерывного ведения разведки. Так, например, благодаря хорошо поставленной разведке, тов. Тимошенко 22 ноября в районе Ст. Оскол внезапно нанес сокрушительный удар частям конного корпуса Мамонтова.

Наиболее интересной по своему замыслу операцией по разгрому конницы Мамонтова является разработанная С. К. Тимошенко операция в районе Волоконовка.

По плану белого командования конный корпус ген. Мамонтова должен был ударить во фланг и тыл Конной армии. Тов. Тимошенко, получив данные от разведки о противнике, занявшем Волоконовку, поставил 6-й кавдивизии задачу — внезапно атаковать белых и захватить Волоконовку. В 2 часа 7 декабря части кавдивизии внезапно атаковали белых у Волоконовки, ударили во фланг и тыл. В результате были разгромлены основные силы корпуса Мамонтова.

После разгрома белых у Волоконовки широко развернулась борьба за Донбасс. И здесь мы видим, как 6-я кавдивизия Тимошенко наносит удар за ударом белым. 26 декабря она нанесла серьезное поражение противнику в районе Голубовка. 27 декабря она совершает глубокий маневр и, зайдя в тыл, наносит фланговый удар белым, в результате чего противник вынужден был отступать по всему фронту. 31 декабря дивизия в районе ст. Алексеево-Леоново, отрезав путь отступления 1-й пехотной Марковской дивизии, разгромила ее.

Реввоенсовет Конной армии за умелое проведение операции по разгрому белых в Донбассе наградил тов. Тимошенко боевым оружием и подчеркнул его храбрость и распорядительность в боях с белогвардейцами.

Получив поражение в Донбассе, белые, отступая к Ростову, пытались задержать наступление Конармии, для чего под Ростовом они сосредоточили огромные массы войск с танками, артиллерией и бронепоездами.

Дивизия тов. Тимошенко получила новую оперативную задачу и с рассветом 7 января перешла в наступление. У Генерального Моста развернулся жестокий встречный бой. Славные бойцы 6-й кавдивизии под личным командованием С. К. Тимошенко шесть раз ходили в атаку, нанося белым сокрушительные удары. Противник был разбит и в панике начал отступать, бросая убитых и раненых, артиллерию, обозы и прочее военное имущество. 8 января был взят Ростов.

Тов. Тимошенко в своих воспоминаниях о сражении за Ростов у Генерального Моста писал:

«Вспоминаются ожесточенные бои у Генерального Моста. Наши бойцы дрались как львы. День выдался морозный. Но боевые схватки были настолько жаркими, что артиллеристы стреляли, раздевшись до белья. Смешалось все: гро-

[1] ЦАКА, ф. 245, оп. 4, д. № 602, л. 2.

мовые выстрелы орудий и дикое гиканье озверелых казаков, бесконечная дробь пулеметов и стоны раненых» [1].

Так были разгромлены основные силы белой армии Деникина. Остатки деникинских войск отошли за Дон, где в течение всей зимы оказывали сопротивление.

В январе — феврале 1920 г. дивизия тов. Тимошенко в составе Первой Конной армии, несмотря на огромные трудности, провела успешные бои в районе Батайска и на Маныче. Командующий Кавказским фронтом — ставленник Троцкого — дал директиву I Конной армии наступать по болотистой открытой местности на Батайск и производить лобовую атаку противника. В результате эти преступные действия комфронта привели к огромным потерям и изматыванию основных сил Конной армии. Только благодаря вмешательству товарищей Ленина и Сталина был положен конец предательским действиям комфронта. Назначенный членом Реввоенсовета Кавказского фронта тов. Г. К. Орджоникидзе утвердил план операций т.т. Буденного и Ворошилова по разгрому Деникина на Северном Кавказе и Первая Конная армия с честью выполнила свою боевую задачу по ликвидации остатков армии Деникина (бои у ст. Торговая, Белая Глина, Егорлыкская, Усть-Лабинская). В этих боях дивизия тов. Тимошенко вновь покрыла себя боевой славой.

После разгрома белых на Северном Кавказе тов. Тимошенко использует передышку и проводит всестороннюю работу по дальнейшему укреплению боевой мощи дивизии. Он организует тактическую и огневую подготовку частей и штабов бригад, налаживает работу тыла, поднимает и укрепляет дисциплину бойцов, развертывает политработу в дивизии.

Когда нависла угроза на западе, по требованию товарища Сталина, для укрепления Юго-западного фронта Первая Конная армия была переброшена с Северного Кавказа на Юго-западный фронт.

25 мая 1920 года, сделав тысячекилометровый переход, она сосредоточилась в районе Умань, имея задачу, в качестве ударной группы фронта, 27 мая перейти в наступление в направлении на Казатин.

6-я кавдивизия в районе Оратово — Гонората 29 мая 1920 г. вела бои с белополяками. Результаты этих боев тов. Тимошенко в своем приказе характеризовал так: «Вчера 29 мая дивизия впервые столкнулась на новом фронте с новым врагом и, как я не сомневался, сразу дала почувствовать врагу, что против него появилась часть стойкая, воодушевленная одним желанием защищать свою рабоче-крестьянскую власть» [2].

3 июня 1920 г. на совещании РВС I Конной армии, где были подведены первые итоги боев с белополяками, тов. Тимошенко говорил об изменении тактики ведения боя и изложил свою точку зрения на разницу применения конницы на польском фронте по сравнению с той тактикой, которую приходилось применять против Деникина. Он учитывал, что характер и масштабы вооружения противника требовали других приемов боя и, прежде всего, комбинированных действий конницы и пехоты. При этом он считал необходимым наносить удар во фланг и тыл. Эта идея красной нитью проходит во всех оперативных приказах тов. Тимошенко.

Преследуя белополяков, после прорыва, части I Конной армии во второй половине июня подошли к г. Новоград-Волынску. 27 июня 1920 г. 6-я дивизия тов. Тимошенко заняла его. В начале июля 6-я кавдивизия блестяще проводит ровненскую операцию и в 23 часа 4 июля совместно с 11-й и 14-й кавдивизиями захватывает г. Ровно.

Противник, сосредоточив превосходные силы в районе Ровно, пытаясь сбить части Конармии, повел контрнаступление и 9 июля ему временно удалось потеснить 6-ю и 4-ю кавдивизии от г. Ровно на юг, но вновь стремительным ударом 6-я кавдивизия, при содействии 4-й кавдивизии, после ожесточенного 17-часового боя снова выбила противника.

[1] «Комсомольская Правда» от 26 июня 1938 г.
[2] ЦАКА, д. № 202—814, л. 111.

Преследуя белополяков от Ровно и нанеся им поражение у Дубно, Броды, I Конная армия 18 августа подошла к Львову.

«Но подозрительные действия Троцкого и его сторонников в главном штабе Красной армии сорвали успехи Красной армии. ...Троцкий воспретил взять Львов и приказал им перебросить конную армию, то-есть главную силу южного фронта, далеко на северо-восток, будто бы на помощь западному фронту, хотя не трудно было понять, что взятие Львова было бы единственно-возможной и лучшей помощью западному фронту» [1].

Отойдя от Львова и выйдя в район Замостье, I Конная армия оказалась оторванной от общего фронта, окруженной белополяками и отрезанной от тылов. В эти тяжелые для Конной армии дни тов. Тимошенко назначается начальником 4-й кавдивизии. В сложнейших условиях тов. Тимошенко блестяще провел возложенную на него командованием операцию по обеспечению выхода всей Конной армии из окружения в районе Замостья. В минуты опасности тов. Тимошенко учил бойцов и командиров необходимости сохранения самообладания и дисциплины, быстрого и точного выполнения приказов и умелого проявления инициативы.

Конная армия, после выполнения боевых задач в боях с панской Польшей, в сентябре 1920 года получила новую ответственную задачу — по ликвидации Врангеля.

Ленин и Сталин возлагали большие надежды на Красную конницу.

Овеянная славой героических побед, Конная армия походным порядком двинулась на Врангеля.

28 октября по приказу М. В. Фрунзе армии Южного фронта перешли в наступление.

4-й кавдивизии тов. Тимошенко и 14-й кавдивизии тов. Пархоменко была поставлена задача — отрезать белым путь отступления в Крым.

Дивизия тов. Тимошенко встретила упорное сопротивление частей Корниловской дивизии. Развернулся жаркий бой. В результате этой операции дивизия захватила Сальково, Ново-Алексеевку, Геническ и разгромила запасные части Корниловской и Марковской дивизий, захватив много пленных и трофеи.

Врангель бросил все силы пехоты, бронепоезда и офицерские части против Конной армии.

Главный удар противника снова пришлось выдержать дивизии тов. Тимошенко.

На рассвете 31 октября в районе Ново-Алексеевка вновь завязался упорный бой. Противник, пытаясь прорваться в Крым, огромными силами, при поддержке бронепоездов, повел наступление. 4-я дивизия тов. Тимошенко стойко отбивала все яростные атаки противника. Бой длился весь день.

В этих ожесточенных боях тов. Тимошенко был тяжело ранен.

В приказе о награждении тов. Тимошенко вторым орденом Красного знамени говорится:

«В бою у станции Ново-Алексеевка в октябре 1920 г., с целью нанести решительный удар наступавшим превосходным силам армии Врангеля, несмотря на пулеметный огонь, увлекая вперед бойцов, тов. Тимошенко С. К. бросился на офицерский десант бронепоезда и, несмотря на два тяжелых ранения, в течение нескольких часов, продолжал командовать дивизией, как доблестный член РКП, исключительно заботясь об интересах дела великой борьбы с врагами пролетарской революции» [2].

Сражение в Северной Таврии закончилось разгромом основных сил Врангеля. Первый этап ликвидации Врангеля был закончен.

9 ноября части Красной армии захватили Перекоп. Белые в панике бежали. К середине ноября Первая Конная армия, вместе с другими армиями Южного фронта, под руководством М. В. Фрунзе, заняла Крым. Врангель был разгромлен.

По выздоровлении тов. Тимошенко вернулся в Конную армию и с прежней энергией взялся за боевую работу. Он принимает активное участие в лик-

[1] Краткий курс Истории ВКП(б), стр. 230, 231.
[2] Из приказа РВСР № 162 от 11 мая 1921 г.

видации банд Махно на Украине и остатков деникинских банд на Северном Кавказе до августа 1921 г.

В годы гражданской войны в боях с белогвардейцами и интервентами С. К. Тимошенко был пять раз ранен. За боевые заслуги перед социалистической родиной Советское правительство наградило тов. С. К. Тимошенко тремя орденами Красного знамени и почетным революционным оружием.

* * *

После окончания гражданской войны тов. Тимошенко, пройдя огромный командирский путь, проявляя выдающийся талант пролетарского полководца, вкладывал все свои силы и боевой опыт в укрепление рядов Красной армии. В сентябре 1939 года во главе частей Украинского фронта тов. Тимошенко, выполняя приказ Советского правительства, совершает освободительный поход в Западную Украину и освобождает единокровных братьев украинцев от панского гнета.

Под непосредственным руководством тов. Тимошенко части Красной армии разгромили белофиннов.

На основе личных указаний товарища Сталина, тов. Тимошенко в полном соответствии с опытом современных войн перестраивает всю систему боевой подготовки Красной армии.

Повседневно, вдумчиво и терпеливо он кует мощь Красной армии, личным примером и показом учит командиров искусству вождения войск, управления ими.

Под руководством тов. Тимошенко Красная армия, совершенствуя свое оружие, крепя советскую воинскую дисциплину, укрепляя единоначалие, зорко стоит на страже интересов Советской страны.

Преданный сын большевистской партии маршал и герой Советского Союза Народный комиссар Обороны СССР тов. Тимошенко заслуженно занимает почетное место среди плеяды талантливых полководцев, вышедших из гущи советского народа.

Настоящая публикация документов ни в коей мере не претендует на полноту освещения славного боевого пути Семена Константиновича Тимошенко в период гражданской войны. Эта публикация является началом работы по выявлению и изучению документов, относящихся к боевой деятельности С. К. Тимошенко.

Оригиналы публикуемых материалов хранятся в Центральном Архиве Красной Армии НКВД СССР.

Документы подготовлены к печати Военно-Историческим Отделом Ген. штаба РККА — тт. Сидоровым В., Кораблевым А., Кузнецовым Н. и ЦАКА — Озноби шиным Д.

Комбриг *Нефтерев.*

I. Бои под Царицыном

Из приказа по 4-й кавалерийской дивизии, хут. Слободской, 24 апреля 1919 г., № 47 [1]

Бывшего командира 2-й кавалерийской бригады тов. Тимошенко Семена, прибывшего из штаба 10-й армии, утверждаю в должности командира 3-й бригады. Зачислить на провиантское, приварочное и чайное довольствие с 16 апреля с/г., а на денежное довольствие с 1 марта 1919 г.

Справка: Резолюция начдива на рапорте от 16 апреля с. г., аттестат за № 148.

Начальник дивизии Буденный.

---

[1] ЦАКА, ф. 7657, оп. 4, д. № 2, л. 32.

Оперативная сводка по 4-й кавалерийской дивизии, 12 июня 1919 г., 7 час. 30 мин.[1]

Противник с 4-х часов 12 июня одной кавалерийской дивизией повел наступление на Варваровка. Находящийся в ней наш 20-й полк не выдержал натиска противника, отошел и занял позицию в одной версте восточнее Варваровка. Конница противника до одной дивизии сосредоточилась в балке в 4-х верстах юго-западнее Варваровка, которая составляет заслон против нашей 4-й кавдивизии. 4-кавдивизия готовится повести атаку с целью выбить противника, занимающего Варваровка. С пехотой имеется тесная связь. Левый фланг 38-й дивизии находится на правом берегу р. Червленная у устья Балки Песчаная. Правый фланг 37-й дивизии находится в 4-х верстах к востоку от Гавриловка. На участке 38-й дивизии в д. Береславский спокойно. На правом фланге 37-й дивизии и левее идет сильная артиллерийская стрельба.

За начдива 4-й кавалерийской Тимошенко.

Оперативная сводка по 4-й кавалерийской дивизии, 12 июня 1919 г., 10 час. 30 мин., № 192[2]

Противник ведет наступление 3-мя полками кавалерии по высотам от Ивановка и надпись «Крутая». Пехота 37-й дивизии отходит на линию Б. Короватка, Ольхи. Цепь пехоты в 10-30 перешла в балку Ягодная и временно задержалась. Разъезд, высланный от 4-й дивизии для выяснения положения левого фланга 37-й дивизии, сообщил, что командиры полка 32-й дивизии ответили: согласно приказа мы должны занять еще ночью позицию — высоты от Песчанка на Бекетовка. В районе Варваровка, Цыбенко противник сгруппировал одну кавдивизию при 4-х легких орудиях и ведет наступление по балке Песчаная и Короватка, но 4-я кавдивизия упорно задерживает наступление противника, нанося ему большие потери артиллерийским огнем. 2-я бригада 4-й кавдивизии прикрывает правый фланг пехоты 37-й дивизии. Левый фланг 38-й дивизии стоит на месте севернее Цыбенко в одной-двух верстах. Пехота 37-й дивизии, правый фланг, двигается по направлению Цыбенко для соединения с 38-й дивизией.

За начдива 4-й кавалерийской Тимошенко.

Оперативная сводка по 3-й бригаде 4-й кавалерийской дивизии, 8 июля 1919 г.[3]

Противник силою около 2-х полков двинулся из Разуваева на с. Николаевка, но нашей артиллерией был отброшен в балку Рассыпная, где и скрылся. Разъезды продолжают наблюдение вперед.

На остальных участках спокойно, донесений не поступало, о дальнейшем сообщу вам.

Командир 3-й бригады Тимошенко.

Оперативная сводка по 3-й бригаде 4-й кавалерийской дивизии, с. Николаевка, 10 июля 1919 г., 17 ч. 30 мин.[4]

Разъезд от 3-й бригады с рассветом подошел вплоть к сторожевому охранению противника. Противник занимает позицию по высотам, что впереди с. Ольховка, Поляков.

---

[1] ЦАКА, ф. 7657, оп. 2, д. № 666, л. 16.
[2] Там же, д. № 8, л. 60.
[3] ЦАКА, ф. 7937, оп. 2, д. № 95, л. 120.
[4] Там же, л. 93.

Силы и группировку противника не удалось обнаружить. Сторожевое охранение обстреливало ружейным и пулеметным огнем. Разъезд возвратился без потерь.

Вторично выслан разъезд для бдительного разведывания и выяснения сил и группировки противника. Обо всем сообщу.

Командир 3-й бригады Тимошенко.

Донесение С. К. Тимошенко командиру 1-го Конного корпуса, 11 июля 1919 г., 19 час.[1]

Доношу, что пехота противника, имея на флангах кавалерию, перешла в наступление на мой участок, обстреливала из двух тяжелых и двух легких орудий. Пехота сбила сторожевые охранения и перевалилась через балку Песковатку. 23-й полк перешел в контратаку, которой обратил противника в паническое бегство, при поддержке нашей батареи. Противник оставил село Макаровку, откуда не успел вывести два орудия. Ввиду того, что первая бригада не пошла одновременно с нами, а оторвалась сзади и принимала вправо, противник открыл беглый огонь из тяжелых орудий по 23-му полку, который отошел на линию с первой бригадой на хребет, что правее балки Песковатки. Броневики подошли не во время. Резерв подходил.

Я пока удерживаюсь южнее балки Песковатки по хребту, что юго-восточнее Макаровки.

Комбриг 3-й Тимошенко.

Донесение С. К. Тимошенко командиру 1-го Конного корпуса, [12 июля 1919 г.], 19 час. 35 мин.[2]

Сообщаю, что 3-й бригадой захвачено 28 человек пленных, обозы и пулеметы, число которых еще не выяснено. По вашему приказанию бригада остановлена на линии Макаровка, Каменный овраг. Противник убегает по направлению Грязнов, Малая Макаровка. Наши потери незначительны. Связь имеется, слева с Донским полком, справа с 2-й бригадой тесная. Предполагаю отойти на старую позицию.

Командир 3-й бригады Тимошенко.

Донесение С. К. Тимошенко командиру 1-го Конного корпуса, ст. Островская, 21 июля 1919 г.[3]

Доношу, что я перешел, согласно приказа, в ст. Островскую, где и сосредоточился, оставив в хут. Поповом 2 эскадрона, которые и занимают сторожевое охранение по хребту юго-западнее Попова. Имею связь влево с 1-й бригадой и вправо у хут. Тарасова с частями Иловлинского полка. Телефонная связь устанавливается. Летучая почта на месте (хут. Пшеничкин). Конная связь с соседними частями также имеется для передачи пакетов.

Комбриг Тимошенко.
Политком Бахтуров.

Из оперативной сводки по 3-й бригаде 4-й кавалерийской дивизии к 7 час. 22 июля 1919 г.[4]

Противник 1, 2 и 3-м Усть-Медведицкими полками в 23 часа 30 минут повел наступление из х. Ореховка на ст. Островская, успев пере-

[1] ЦАКА, ф. 7937, оп. 2, д. № 96, л. 8.
[2] Там же, л. 37.
[3] Там же, д. № 95, л. 11.
[4] Там же, л. 1.

править один полк, который яростно бросился на ст. Островская. Несмотря на это, сторожевое охранение, не отступив ни шагу, открыло ружейный и пулеметный огонь. Противник не пошел на заставу, но пытался обойти ее левым флангом от хут. Тарасова. Через 10 минут был встречен частями вверенной мне бригады, которые обратили его в паническое бегство при поддержке артиллерии, которая также находилась под усиленным обстрелом ружейного и пулеметного огня противника. Доблестные артиллеристы открыли ураганный огонь, которым противник был смят и бежал через брод у хут. Ореховка, успев подобрать убитых и раненых.

На остальных участках спокойно: редкая ружейная перестрелка с разведчиками противника. Дождь. Состояние дорог скверное.

Командир бригады Тимошенко.
Политический комиссар Бахтуров.

Донесение С. К. Тимошенко командиру 1-го Конного корпуса, ст. Лапшинская, 29 июля 1919 г., 12 час. 29 мин.[1]

Доношу, что противник 28-го в 12 час. повел наступление на участок вверенной мне бригады силою около двух полков кавалерии, которые нашей артиллерией были рассеяны и бежали в направлении хут. Пшеничкин и далее на Островская. Части пехоты 32-й стр. дивизии вышли на линию в 24 часа и заняли позицию, согласно приказа за № 77. Я сосредоточил бригаду у ст. Лапшинская и занимаю сторожевым охранением хребет, что юго-западнее Лапшинская, от высоты 771, и влево имею связь с 6-й дивизией, а также с пехотой. Телефонная связь со штабом корпуса устанавливается. Летучая почта выставлена в Купцово для срочных пакетов из штаба корпуса.

На участке спокойно. Со стороны противника замечено наблюдение. Жду дальнейшего вашего распоряжения.

Командир бригады Тимошенко.

Донесение С. К. Тимошенко начальнику штаба 1-го Конного корпуса, 4 августа 1919 г.[2]

Противник силою в три сотни кавалерии при двух орудиях и пяти пулеметах повел наступление на женский монастырь.

Противник, сбив наши сторожевые охранения, занял последний. 3-я бригада тотчас же выступила, но противник обратился в бегство и скрылся в Тетеревятка. Противник, заняв хребет Ята, севернее Тетеревятка, обстреливает ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Наши части занимают позицию по хребту, что в трех верстах южнее женского монастыря. 1-я бригада правым флангом,— начиная по дороге от женского монастыря, что по дороге на Тетеревятку, а левым флангом — по дороге, не доходя женского монастыря у Тетеревятка.

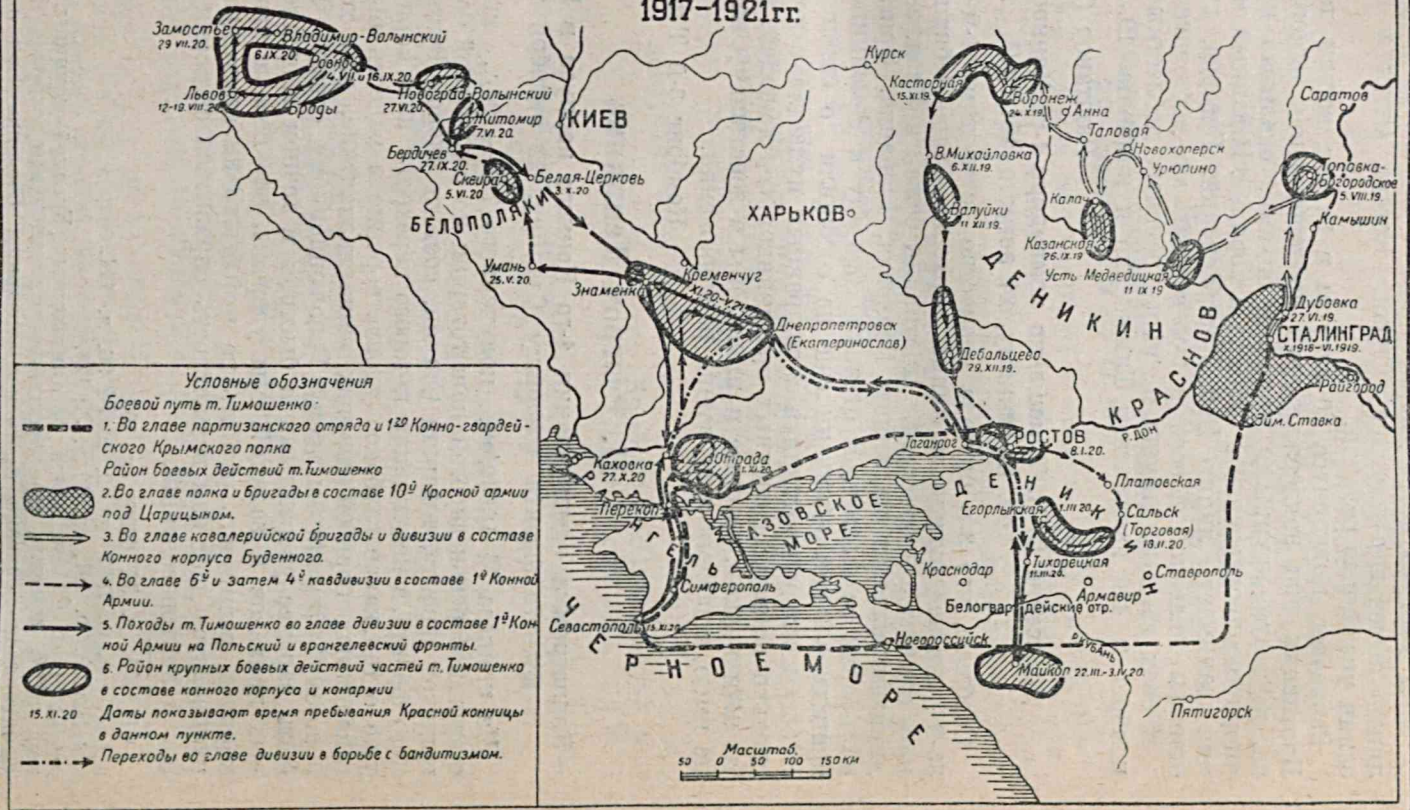
Третья бригада 4-й кавдивизии занимает участок 6-й кавдивизии, 6-я кавдивизия подалась вправо, чтобы установить положение правого фланга. Связь имею тесную с 6-й дивизией, 1-й бригадой и Донским полком. 38 стр. дивизия вышла на указанную линию, согласно приказа.

Комбриг 3 Тимошенко.

---

[1] ЦАКА, ф. 7937, оп. 2, д. № 93, л. 50.
[2] Там же, л. 106.

Маршал Советского Союза
Народный Комиссар Обороны СССР т. С. К. ТИМОШЕНКО
на фронтах гражданской войны
1917–1921 гг.



Условные обозначения

Боевой путь т. Тимошенко:

1. Во главе партизанского отряда и 1-го Конно-гвардейского Крымского полка

Район боевых действий т. Тимошенко

2. Во главе полка и бригады в составе 10-й Красной армии под Царицыном.
3. Во главе кавалерийской бригады и дивизии в составе Конного корпуса Буденного.
4. Во главе 6-й и затем 4-й кавдивизии в составе 1-й Конной Армии.
5. Походы т. Тимошенко во главе дивизии в составе 1-й Конной Армии на Польский и врангелевский фронты.
6. Район крупных боевых действий частей т. Тимошенко в составе конного корпуса и конармии

15.XI.20 Даты показывают время пребывания Красной конницы в данном пункте.

Переходы во главе дивизии в борьбе с бандитизмом.

Донесение начальника штаба 1-го Конного корпуса, начальнику штаба 10-й армии, 20 августа 1919 г.[1]

Части корпуса после упорного боя к 22 час. 19 августа вышли на линию высот юго-западнее Серин, Котово, Отметка 494, Кущово, заняв указанные селения.

Разъезды Конкорпуса 20 августа в 12 час. вошли в Ременниково. Противник при поддержке двух бронепоездов и одного автоброневика, действуя крупными конными силами, оказывал на всей линии упорное сопротивление и отходил в порядке. В данный момент противник занимает линию Вер. Коробковский, Гусарев, высоты по обе стороны железной дороги в 3-х верстах юго-восточнее Ременниково.

В боях 18 и 19 августа в числе раненых доблестные командиры: комбриг 3 4-й кавдивизии Тимошенко и комполка 19.

Наштакор (подпись).

Донесение С. К. Тимошенко командиру 1-го Конного корпуса тов. Буденному, 21 августа 1919 г.[2]

Сообщаю, что 3-я бригада совместно с частями 4-й кавдивизии и 35-й дивизией вышли на линию Верховка, Старо-Лебяжье включительно и заняты 3-й бригадой. Противник бежал в Упел. 38-я стрелковая дивизия выходит на линию Верховка, Елшанка. Бригада кавалерии на правом ее фланге. Я оттянул бригаду в Ременниково, 1-я и 2-я бригада 4-й кав. дивизии еще не сообщили о своем расположении. В бою взято у противника 2 исправных пулемета с лошадьми и несколько подвод, брошенных противником без лошадей. Пулеметы взяты 24-м полком, которые и приведены в действие. Связи с начдивом не имею и посему жду ваших распоряжений.

Комбриг 3-й Тимошенко.

II. Разгром Деникина

Радиограмма командования 1-го Конного корпуса в Реввоенсовет южного фронта товарищу Сталину, 23 октября 1919 г.[3]

Из приказа № 10632/оп, полученного 7/X—19 г., мы узнали, что старший борец и дорогой наш товарищ по совместной борьбе на Царицынском фронте, товарищ Сталин, состоит членом Реввоенсовета Южного фронта, в подчинение которого переходит наш корпус[4]. Не говоря уже о том, какое глубокое удовлетворение и радость вызвало в наших закаленных борьбой сердцах ваше назначение, нам хочется сказать дорогому товарищу и всему Революционному совету, что вы можете быть заранее уверенными в быстром и точном выполнении всех боевых приказов и заданий. Мы уверены, что боевые традиции нашего корпуса, решимость разбить во что бы то ни стало врага при вашем руководстве даст нам возможность справиться со всеми остатками мировой контрреволюции.

---

[1] ЦАКА, д. № 62068, л. 103.

[2] ЦАКА, ф. 7937, оп. 2, д. № 96, л. 114.

[3] ЦАКА, ф. 191, оп. 5, д. № 125.

[4] Товарищ Сталин был организатором Красной конницы. Вся история корпуса с момента его зарождения из отдельных отрядов на Царицынском фронте тесно связана с именем товарища Сталина. Под его руководством комплектовался командный состав Красной конницы, им были воспитаны замечательные командиры: Буденный, Тимошенко, Городовиков, Апанасенко и др., 27 сентября 1919 г. товарищ Сталин был назначен членом Реввоенсовета Южного фронта. 7 октября товарищ Сталин подписал приказ № 10632/оп о подчинении Конного корпуса Буденного Южному фронту и поставил ему задачу — разыскать и разбить Мамонтова и Шкуро.

Да здравствует закаленная в борьбе пролетарская партия коммунистов, выдвинувшая из своих рядов великих вождей и гениальных работников на благо всего человечества!

Комконкорпуса Буденный.
Наштабкорпуса Погребов.
Начоперотделения Зотов.
Начальник 4-й кавалерийской дивизии Городовиков.
Командир 3-й бригады 4-й кавалерийской Тимошенко.
Начальник 6-й кавдивизии Апанасенко.
Командир 1-й бригады 6-й кавдивизии Книга.
Инспектирующий корпус Щаденко.

Донесение С. К. Тимошенко командиру 1-го Конного корпуса, Репное, 23 октября 1919 г., 12 час.[1]

Доношу, что 3-я бригада сосредоточена в Репное[2]. Жду начала операции от 6-й кавдивизии. Обнаружено около 2-х полков кавалерии при 2-х орудиях и одном автомобиле, которая двигалась из Воронежа по Задонскому шоссе; пройдя 6—7 верст, возвратилась обратно и вошла в город.

Передовые части находятся в Отрожка, Монастырщина включительно, в тесной связи с 6-й кавдивизией. Противник сильно обстреливает ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Взвод, высланный для связи с 4-й кавдивизией, еще не возвратился; будет стоять у моста до соединения. Движение в направлении Чертовицкое не обнаружено. По получении сведений от начдива 4, немедленно доложу.

Бронепоезда на линии со мной обстреливают город Воронеж. По получении открытия операции 6-й кавдивизией, сейчас же перехожу совместно с ней.

О дальнейших действиях буду доносить.

Комбриг 3 Тимошенко.
Политком Бахтуров.

Донесение С. М. Буденного командующему Южным фронтом, Воронеж, 24 октября 1919 г.[3]

После ожесточенного боя доблестными частями Конкорпуса в 6 часов 24 октября занят город Воронеж. Противник отброшен за р. Дон. Преследование продолжается. Подробности дополнительно.

Командир корпуса Буденный.

Из оперативной сводки 4-й кавалерийской дивизии 1-го Конного корпуса, с. Перлевка, 30 октября 1919 г., 18 час., № 346[4]

На участке 4-й кавдивизии спокойно, поиски разведчиков и преследование отступающего противника.

В дополнение к оперативной сводке за № 345 о трофеях за 29 октября 3-й бригадой взято не 15 пулеметов, а 20 пулеметов и 4 орудия.

[1] ЦАКА, ф. 245, оп. 4, д. № 6, л. 206.

[2] Репное — пункт в 8 км, северо-восточнее гор. Воронежа.

Командование Конного корпуса, во исполнение приказа товарища Сталина, решило после соответствующей рекогносцировки форсировать реку Воронеж в ночь с 23-го на 24-е октября частями 4-й и 6-й кавалерийских дивизий. 3-я бригада 4-й дивизии, которой командовал тов. Тимошенко, располагалась на левом фланге дивизии, передовые части которой, как видно из донесения, находились в тесной связи с 6-й кавалерийской дивизией. 24 октября ночью 3-я бригада совместно с частями 6-й дивизии переправилась на правый берег Воронежа и с востока ворвалась в город.

[3] ЦАКА, д. № 62—068, л. 239.

[4] ЦАКА, ф. 245, оп. 4, д. № 6, л. 290.

Части дивизии остаются сосредоточенно в с. Перлевка, Богоявленская, Студеный и Чудов. 1-я, 2-я резервная и полевой штадив — в Перлевка, 3-я — Богоявленское, Студеный и Чудов.

6-я кавдивизия расположена — Губарево и Терновое, связь с которой имеется вправо со 2-й бригадой, с 11-й кавдивизией имеется — Задонск.

Наштадив (подпись).
Начоперод (подпись).

Из приказа войскам 1-го Конного корпуса, с. Губарева, 1 ноября 1919 г., № 67[1]

1. Командир 3-й бригады 4-й кавдивизии т. Тимошенко Семен Константинович назначается начальником 6-й кавалерийской дивизии с сего числа.

Врид. начдиву 6-й кавалерийской т. Апанасенко сдать дивизию т. Тимошенко и обратиться к исполнению своих прямых обязанностей командира 2-й бригады 6-й кавдивизии.

6. Политический комиссар 3-й бригады 4-й кавдивизии т. Бахтуров назначается с сего числа политическим комиссаром 6-й кавдивизии...

Командир Конного корпуса Буденный.

Из приказа по 6-й кавалерийской дивизии 1-го Конного корпуса, Киевка, 4 ноября 1919 г., № 190[2]

§ 1.

Приказом Конкорпуса от 1-го сего ноября № 67, § I, я назначен начальником 6-й кавдивизии. Вступая на столь ответственный пост, приветствую комсостав и бойцов вверенной мне дивизии за их геройские подвиги и мужество, проявляемое в боях с обнаглевшими бандами противника. Со своей стороны, приложу все усилия к тому, чтобы вести вверенных мне бойцов по тому светлому пути, о котором так красиво говорят наши красные знамена.

Путеводной звездой во всех действиях будет общая цель уничтожить окончательно белогвардейские банды и приступить как можно скорей, к устройству новой жизни на справедливых началах. К этому должны быть направлены все мысли лиц комсостава и бойцов, которые при единодушной работе и тесной спайке представят из себя ту несокрушимую стальную стену, о которую разобьются наголову все усилия доживающей контрреволюции.

Решительный удар нанесен противнику и наша задача, во что бы то ни стало и как можно скорее, докончить его жалкие остатки. Настоящий момент очень серьезный и решительно требует от каждого красного воина полного сознания своего революционного долга и службы ему с готовностью самопожертвования. Необходимо приложить все усилия и мы приведем наши красные войска к окончательному освобождению Советской России от контрреволюционных банд.

Лица комсостава должны строго стоять на своих постах, точно выполняя все приказы и распоряжения Советской власти. Всякое уклонение и невыполнение приказов затягивает борьбу, приносит огром-

---

[1] ЦАКА, ф. 7937, оп. 3, д. № 4, л. 286.
[2] ЦАКА, ф. 7672, оп. 2, д. № 5, л. 164.

ный вред делу освобождения трудящихся масс от насильников и является собою тягчайшее преступление. Советская власть требует от каждого красного воина той точности и готовности, которые необходимы, чтобы как можно скорее разбить противника.

Революционная дисциплина, ведущая к исполнительности и подвижности наших красных войсковых частей, должна быть на первом плане. Всякое разгильдяйство и халатное отношение к исполнению своих обязанностей лиц комсостава и бойцов мной будут в корне пресекаться. Верю, что вверенная мне дивизия не подорвет своего авторитета пред глазами пролетариата всего мира, который сторицей вознаградит все труды и подвиги своих верных сынов.

Начальник дивизии Тимошенко.
Дивполитком Бахтуров.

Из донесения начальника штаба 6-й кавалерийской дивизии начальнику штаба 1-го Конного корпуса, с. Киевка, 8 ноября 1919 г., 8 час.[1]

В 13 часов дивизия перешла в решительное наступление на Погожево. Несмотря на упорное сопротивление со стороны противника, он был сбит и стал отходить в юго-западном направлении, преследуемый нашими частями вплоть до Катовки. По подходе дивизии к Катовке, противник открыл ураганный огонь из 3-х бронепоездов, курсирующих по линии железной дороги на участке Катовка, Нижнедевицк. Несмотря на ураганный огонь со стороны противника, все же части дивизии заняли Катовку, но в виду того, что дивизия связи не имела как справа, так и слева, то с наступлением темноты пришлось оставить Катовку.

Силы противника, оперирующие на нашем участке, насчитываются не менее 3 000 сабель кавалерии корпуса Шкуро. Противник отступил на Н. Ольшанка и частью на Суковкина...

Дивизией много вырублено казаков, есть трофеи, но количество таковых не выяснено. На ночь дивизия расположилась: 1-я и 2-я кав. бригады в Погожево, Лозовка, 3-я кавбригада в Ореxово...

За начальника штаба 6-й кавдивизии (подпись).

Из оперативной сводки штаба 6-й кавалерийской дивизии 1-го Конного корпуса, 10 ноября 1919 г.[2]

С рассветом противник силою 2-х дивизий корпуса Мамонтова со стороны гор. Нижнедевицк повел наступление на с. Н. Ольшанка. Дивизия в свою очередь перешла в решительное контр-наступление и повела атаку. Противник упорно сопротивлялся, но дружным и энергичным ударом дивизии противник был сбит и панически бежал, преследуемый частями дивизии вплоть до Верх. Девицы.

По пути преследования было забрано: частями 1-й кавбригады 7 пулеметов с повозками, лошадьми и прислугой, 60 лошадей с седлами; частями 2-й кавбригады — 3 пулемета с повозками и 2 лошади с седлами; частями 3-й кавбригады — 3 пулемета с лошадьми и повозками, 2 лошади с седлами. Всего взято трофеев: 13 пулеметов, 64 лошади с седлами, 13 повозок из под пулеметов с лошадьми, повозки со снарядами, санитарные линейки, снаряды, оружие, число коих не выяснено. Много изрублено казаков и офицеров, а также есть пленные.

[1] ЦАКА, ф. 245, оп. 4, д. № 11, л. 72.
[2] Там же, л. 99.

По занятии нами Верх. Девица противник стал отходить в направлении Кулевка, Ясенки, преследуемый нашими частями. В связи с отходом 2-й кавбригады 4-й дивизии, главные силы дивизии стали спешно отходить в Н. Ольшанка, передовые же части, численностью одного полка, преследовали противника. Несмотря на малочисленность передовых частей, противник все же не пытался отбросить их, а отходил до самой темноты. Передовые части дивизии с наступлением темноты отошли в Н. Ольшанку.

Связь имелась вправо с 4-й кавдивизией, влево связи не имелось. Погода ясная, сильный мороз, дороги сильно скользкие. На восток от Верх. Девица большие овраги и для действия кавалерии местность страшно неудобная.

Врид. начальника штаба (подпись).

Из приказа по 6-й кавалерийской дивизии 1-го Конного корпуса, Киевка, 14 ноября 1919 г., № 191[1].

Объявляю для сведения копию приказа Конного корпуса Южного фронта № 0656.

«Приказ Конному корпусу Южфронта, с. Орехово, № 0656, 9 ноября 1919 г.

Красные командиры и красные бойцы! Настал решительный момент. На всем Южном фронте республики упорство противника сломлено. В течение шести дней красными войсками занято одиннадцать городов. На фронте корпуса в течение пятидневных боев противник обнаружил полное бессилие сломить железную стойкость нашего корпуса. В результате боя 9—11 ноября противник отброшен и прижат к ст. Касторная, Красная Долина, Суковкина и спешным маневром думает уйти из под сокрушительного удара корпуса. Боевым приказом Конкорпуса на 10 ноября ставится задача нанести этот удар и уничтожить живую силу противника.

Приказываю командирам и бойцам для исполнения этого приказа проявить всю энергию, помня, что от успеха предполагаемой операции во многом зависит успех операции всего Южного фронта республики[2].

В условленный час от командира до бойца все на свои места. Крепко сжавши винтовку в мозолистых руках, и бурным сокрушительным потоком на врага. Будем помнить, что республика не забудет наших подвигов, но не оставит безнаказанным преступное бездействие в решительный момент.

Подлинный подписали: командир Конкорпуса Буденный, начальник штаба, политком».

Начальник дивизии Тимошенко.

Дивполитком Бахтуров.

---

[1] ЦАКА, ф. 7672, оп. 3, д. № 1, л. 176.

[2] К исполнению этого приказа 6-я дивизия приступила с рассветом 15 ноября совместно с частями 4-й дивизии. В 12 час. была взята ст. Суковкина, а в 16 ч.— ст. Касторная — важнейший железнодорожный узел на коммуникациях белых.

Победа Красной конницы под Касторной знаменовала собой начало общего отступления Деникина по всему фронту. В последовавшем затем нашем победоносном наступлении на юг 1-я Конная армия (Конный корпус был переименован в 1-ую Конную армию 19 ноября 1919 г.) была ударной группой фронта.

Из приказа по 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, с. Хорошилово, 21 ноября 1919 г., № 99 [1]

Приказываю:

1) Частям дивизии выступить с мест стоянок с таким расчетом, чтобы к 8 часам прибыть в Озерки, где сосредоточиться и ждать моего приезда.

2) Комбригу 1-й, по сосредоточению дивизии и установлению предварительной связи с 11-й кавдивизией, перейти в стремительное наступление в общем направлении Бор, Верх. Атаманское. Разбить оперирующего в этом районе противника и выйти на линию Верх. Атаманское, Сорокина. Стараться отрезать с юга группу противника, оперирующего на участке 11-й кавдивизии. Держать все время связь вправо с 11-й кавдивизией и действовать во взаимной связи с ней.

3) Комбригу 3-й, после сосредоточения дивизии, двигаться вслед за 1-й кавбригадой, содействуя ее продвижению и оказывая поддержку, смотря по обстановке. Обратить внимание на левый фланг, дабы противник не мог ударить с фланга, для чего необходимо, с подходом передовых частей к полотну железной дороги, выслать сильный заслон в район Готовье, Петровское, которому вменить в обязанность прикрывать левый фланг дивизии от удара противника. Держать тесную связь с 1-й кавбригадой и 11-й кавдивизией.

4) Комбригу 2-й по сосредоточении дивизии двигаться вслед за 3-й кавбригадой и быть в дивизионном резерве. Кроме того выслать команду подрывников, которой вменить в обязанность во что бы то ни стало взорвать линию железной дороги в районе Голофеевка, Игнатовка, дабы там воспрепятствовать курсированию поездов противника.

5) Комбригам, комполкам действовать энергично и решительно, проявляя возможно большую инициативу, не ожидая особых распоряжений. О принятых решениях ставить в известность меня и соседей. Действовать в самой тесной связи между собой и соседними частями.

6) Обозам 1-го разряда оставаться на месте, за исключением подвод с огнеприпасами и санитарных линеек, которые должны непосредственно двигаться за строевыми частями.

7) Административному отделению штадива, Управлению отдела снабжения, ветеринарному и медицинскому лазаретам, конзапасу, Особой дивпродкомиссии и обозам 2-х разрядов перейти в ст. Меловое, 36-му спешенному полку — в Н. Меловое. Оперативному отделению штадива оставаться в Хорошилово, а по выходе дивизии на линию Верх. Атаманское, Сорокина, перейти в Сорокина.

8) В бою 21 ноября товарищи драгуны — орлы славной и непобедимой 6-й кавдивизии — во главе своих неустрашимых геров-командиров показали свою храбрость и неустрашимость бандам Шкуро, Мамонтова и Улагая. В этом бою окончательно уничтожено 2 кавалерийских полка корпуса Улагая: 2-й Уманский и 2-й Запорожский.

За столь проявленное геройство и храбрость объявляю революционную благодарность доблестным героям товарищам драгунам и их неустрашимым командирам. Надеюсь как на неустрашимое геройство командиров, так и на геройство товарищей драгунов, что они и в будущем покажут свое геройство остаткам банд Шкуро, Мамонтова, Улагая и компании.

9) Я буду находиться при действующих частях, куда и присылать донесения.

---

[1] ЦАКА, д. № 62—074, л. 198.

10) Мои заместители комбриги 2-й и 3-й кавалерийских.

11) О получении сего, отданных распоряжениях и начале выполнения донести.

Начальник дивизии Тимошенко.

Из приказа войскам 1-го Конного корпуса, гор. Старый Оскол, 23 ноября 1919 г., 16 час., № 167 [1]

Противник в результате боев 21 и 22 ноября на всем фронте Корпуса сбит и понеся тяжелые потери убитыми и ранеными, а в особенности зарубленными оставил гор. Старый Оскол и беспорядочными рядами в панике бежит в юго-западном направлении.

Особенное сопротивление противник оказывал на участке 6-й кавдивизии. Несмотря на это, доблестные храбрецы этой славной дивизии сломили упорство противника, к сроку выполнили поставленную задачу, захватив пленных, трофеи и уничтожив значительное количество противника.

Командир Конного корпуса Буденный.

Из оперативной сводки штаба 6-й кавалерийской дивизии 1-го Конного корпуса, 28 ноября 1919 г., 18 час. [2]

Ввиду невыполнения приказа по Конкорпусу от 26 ноября с. г. за № 169 вчера, 27-го с. м. дивизия сосредоточилась в селе Гнилое и в 9 часов выступила, имея задачу выйти на указанные приказом пункты. Считаясь с положением, что противник имеет два бронепоезда, обнаруженные вчера при наступлении, была пущена одна бригада обходным путем на Пришибин, Большой, с целью отрезать курсирующие бронепоезда противника, а остальные две бригады были пущены на Морквино.

Противник сильно обстреливал наступающие части с бронепоездов артиллерийским и пулеметным огнем, но нашей артиллерией был сбит и стал медленно отступать на ст. Чернянка, все время обстреливая наши части. На ст. Чернянка к противнику еще подошли два бронепоезда, которые став на станции, открыли ураганный огонь. Ловким ударом артиллерии один бронепоезд противника был разбит (разбит котел в паровозе), а в другом произошло тоже повреждение артиллерийским огнем наших батарей и они были взяты на буксир другими бронепоездами, которые стали отходить по линии железной дороги на Новый Оскол.

Приказ по Конкорпусу был выполнен в 15 час. 30 мин. и 3-я кавбригада дежурной частью со взводом артиллерии стала преследовать противника и его бронепоезда. 2-я кавбригада, пойдя в обход на Пришибин, Большой, выбила противника из первого, численность которого была в два кавалерийских и в два пехотных полка, которые отступили на Аделаидин и Мясловский, оказывая упорное сопротивление. Ввиду сделанного большого перехода по очень плохой дороге, вернее бездорожья, на ночь 2-я бригада сосредоточилась в селе Большой, взяв связь с пехотными частями 42-й стрелковой дивизии в Андреевке. Бронепоезд, разбитый нашей артиллерией, был под надписью «Генерал Каледин», а других названий выяснить не удалось...

Врид. начальника штаба (подпись).

---

[1] ЦАКА, д. № 62—255, л. 122.

[2] ЦАКА, ф. 245, оп. 4, д. № 11, л. 254.

На снимке (слева направо): тт. Бахтуров, Ворошилов (сидит), Тимошенко, Буденный, Зотов.

Из сведений о взятых пленных и трофеях частями 1-й Конной армии за время с 1-го по 30 ноября 1919 г.[1]

Наименование частей	Пленных: Офицеров	Пленных: Солдат	Перебежч.: Солдат	Лошадей	Орудий легких	Пулеметов	Винтовок	Револьверов	Шашек	Снарядов	Патронов	Грузовых автомобилей	Лошадей артиллерийских	Пулеметных станков	Походных кухонь	Повозок	Упряжи	Седел
6-я кавалерийская дивизия	17	1098	112	300	6	44	1119	5	135	557	138265	1	12	2	11	130	113	100

Начальник штаба 1-й Конной армии политком Беляков.

Из оперативной сводки штаба 6-й кавалерийской дивизии, Старая Ивановка, 5 декабря 1919 г., 20 час[2]

Около 16 часов разведкой обнаружено движение противника силою до 1 000 сабель — корпус Улагая — на большой Бирюченской дороге со стороны Шепшиновка, Покровский, Волоконовка. Дивизия была во время предупреждена и выступила на позицию, завязался сильный бой. Дивизия до четырех раз переходила в атаку, но противник упорно сопротивлялся и принимал наши атаки. Около 19 час. дивизия перешла в стремительную атаку и противник был сбит, панически бежал в направлении Кипнин, Бобровский, Фощеватый. Во время боя частями дивизии было вырублено много казаков, 4 офицера, из которых был один начальник штаба корпуса оперативного отдела.

Врид наштадив (подпись).

Из приказа войскам 1-й Конной армии, Афонькино, 7 декабря 1919 г., 20 час., № 179[3]

Из захваченного приказа противника от 5 декабря видно, что противник в составе 4-го Донского корпуса Мамонтова (9-я и 10-я кав. дивизии) занимал район Николаевка (16 верст юго-восточнее Н. Оскол), Лутовиновка, имея задачей, наступая двумя колоннами, 6 декабря атаковать нас на участке Волоконовка, ст. Ивановка.

В районе Успенское, Лутовиновка находился 2-й Кавказский корпус ген. Науменко, имея задачей прикрывать операцию 4-го Донского корпуса с востока и севера.

В районе Борисовка, Камышанка (10 верст южнее Волоконовка) сосредоточилась 1-я Кубанская кавдивизия корпуса Шкуро для обеспечения подступов из Валуйки и содействия 4-му Донскому корпусу.

План противника, удавшийся в начале, был разрушен искусным маневром 6-й кавдивизии, перешедшей вначале из Волоконовка в район Фощеватое, что на реке Сенная для наступления на Валуйки.

Узнав о занятии Волоконовка, 6-я кавдивизия с рассветом 7 декабря повела наступление на Волоконовка со стороны Покровский, в результате боя на голову разбила 9-ю Донскую казачью дивизию и сильно потрепала 10-ю Донскую кавдивизию, прорвавшуюся через Голофеевка на Валуйки, прикрываясь бронепоездами.

2-му Кавказскому корпусу удалось прорваться, понеся потери, на юго-восток. Доблестной 6-й кавдивизией захвачены орудия, пулеметы, пленные и громадный обоз.

Командарм 1-й Конной Буденный.

---

[1] ЦАКА, д. № 46—933, л. 12.
[2] ЦАКА, ф. 245, оп. 4, д. № 11, л. 303.
[3] Там же, д. № 3, л. 1.

Приказ по 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, с. Волоконовка, 7 декабря 1919 г., 23 часа, № 109 [1]

Корпус Мамонтова разгромлен частями вверенной мне дивизии, остатки которого бежали в направлении Голофеевка. По непроверенным сведениям корпус Улагая находится отрезанным в районе Успенское, 4-я кавдивизия вышла на линию Ольховатка, Березовка, 11-я кавдивизия на линии Оскола.

Конной армии ставится задача: 4-й кавдивизии охватить Валуйки с юга и взорвать железную дорогу, 11-й кавдивизии двигаться вдоль линии ж. д. на Валуйки, 6-й кавдивизии уничтожить корпус Улагая в районе Успенское, имея в дальнейшем движение на Валуйки.

Приказываю частям дивизии выступить с места стоянок с таким расчетом, чтобы к 8 час. 8 декабря сосредоточиться на восточной окраине с. Волоконовки, где ожидать моего приезда.

Комбригу 2-й, по сосредоточении дивизии, послать предварительно 1 эскадрон при пулеметах через Покровское на Успенское, выяснить местонахождение противника, также выслать один эскадрон при пулеметах через Фощеватое по направлению Мандровки, освещая возможно дальше впереди лежащую местность. Остальным частям бригады двинуться в направлении Фощеватое. В случае обнаружения противника стараться уничтожить его.

Комбригу 3-й, по сосредоточению дивизии, двинуться вслед за 2-й кавбригадой и, в случае обнаружения противника 2-й кавбригадой, помогать ей уничтожить его.

Комбригу 1-й, по сосредоточении, двигаться вслед за 3-й кавбригадой и быть в дивизионном резерве. Артиллерии следовать побатарейно при своих бригадах.

Комбригам действовать энергично и решительно в самой тесной связи между собой и соседними частями, проявляя возможно большую инициативу, не ожидая особых распоряжений. О принятых решениях ставить в известность меня и соседей. В случае обнаружения противника, во что бы то ни стало уничтожить его.

Обозам 1-го разряда выступить на два часа позже строевых частей, за исключением подвод с огнеприпасами, санитарных линеек, которые должны следовать непосредственно за строевыми частями. Старшим в обозах вести обозы в полном порядке, не давая перегонять друг друга и врезаться обозам других частей в колонну своего обоза.

Предупреждаю, за малейший беспорядок в движении обоза буду строго карать. Штабригам двигаться непосредственно за частями бригады. Оперативному отделению штабрига выступить через два часа после строевых частей. Административному отделению штадива оставаться на месте — на ст. Ивановка. Управлению отдела снабжения, медицинским и ветеринарному лазаретам, конзапасам и особой продкомиссии оставаться на месте — в Немцов. Обозам 2-го разряда и 36-му спешенному полку оставаться на месте — в Боровково.

Двигаясь ночью с 6 на 7 декабря в направлении Волоконовка и Фощеватое, части 1-й кавбригады вверенной мне дивизии удачно нащупали движение частей корпуса Мамонтова, начали быстро преследовать его, нагнав прикрывающий обозы полк корпуса Мамонтова, полностью уничтожив его, и продолжали преследовать дальше, сметая все на своем пути. В этом бою разгромлен корпус Мамонтова.

За столь блестящий удар, нанесенный бандам Мамонтова, объявляю революционную благодарность орлам 1-й кавбригады во главе

[1] ЦАКА, д. № 62—074, л. 232.

с их комсоставом и политкомами и, в особенности, за умелое руководство комбригу 1-й т. Книга.

Я буду находиться при действующих частях, куда и присылать донесения. Мои заместители комбриг 1-й и 3-й. О получении сего и начале выполнения донести.

Начдив Тимошенко.

Из приказа войскам 1-й Конной армии, ст. Кременное, 25 декабря 1919 г., 17 час., № 007 [1].

1. Противник под напором армии отступает на всем Южном фронте [2].

2. Ударной группе в составе 1-й Конармии, 9-й и 12-й стрелковых дивизий, для дальнейшего выполнения директивы командюжа, ставится задача разгромить противника в районе железнодорожных узлов Дебальцево, Иловайская, отобрать у него всю технику и к вечеру 29 декабря выйти на линию ст. Иловайская, сл. Алексеево-Леонова, Малекрепинский...

5. Во исполнение сего приказываю:

...Начдиву 6-й кавалерийской, составляя обходную колонну, 27 декабря выступить с мерами охранения и разведкой перейти в Фошевка, Поповка, Красный Кут (по маршруту Головиновка, Васильевка, Селезневка, Поповка), где расположиться на ночлег, выставив надежное сторожевое охранение и обязательно порвать железную дорогу в 5 верстах к югу от Городище.

28 декабря сосредоточиться в Приют, откуда двинуться через сл. Алексеево-Леонова и Амвросиевка, Б. Мешковка, где расположиться на ночлег, имея надежное сторожевое охранение; по пути обязательно порвать железную дорогу у буквы Х, что в 3 верстах северо-восточнее станции Чистяково.

29 декабря лихим налетом отрезать путь отступления противнику и овладеть станцией Иловайская, порвать железную дорогу в районе ст. Моспино, Б. Колесниково, после чего расположиться в Арчадинский, ст. Иловайская, Федоровка, Благодатный, Троицко-Харцызская, выставив охранение и вести глубокую разведку в южном направлении.

6. Начдиву 6-й кавалерийской на время указанной операции обозы 1-го и 2-го разряда присоединить к обозам 4-й кавдивизии, в набег же взять обоз с боевыми припасами и довольствием.

7. Начдивам к выполнению настоящего приказа приступить никак не позже 7 часов 27 декабря, обращая внимание на точность выполнения его, действуя в тесной связи друг с другом и при взаимной поддержке, имея в виду, что настоящим набегом ударная группа отрезает пути отступления противнику на Таганрог, Ростов; кроме того, по выполнении, указанная операция даст нам возможность миновать голод, создавшийся от природы в Донецком бассейне. Начдивам 9-й и 12-й стрелковых принять все меры к достижению к сро-

---

[1] ЦАКА, д. № 61—255, л. 139.

[2] Достигнув к 25 декабря рубежа на линии реки Сев. Донец, вступив в пределы Донецкого бассейна, 1-я Конная армия оказалась в следующей обстановке: белым, с упорными боями отступавшим на юг, удалось к этому времени перед фронтом 1-й Конной армии стянуть крупные силы; они ставили себе задачу во что бы то ни стало сдержать наступление 1-й Конной и обеспечить тем самым полную эвакуацию остатков своих армий за Дон. Задача 1-й Конной армии состояла в том, чтобы сломить сопротивление врага и быстро овладеть Донецким бассейном.

ку указанных в приказе рубежей, использовав для этого все перевозочные средства...

14. Обстановка требует от бойцов и комсостава большой энергии и полной решительности выполнить данный приказ, несмотря ни на какие препятствия.

Командарм 1-й Конной Буденный.
Член Реввоенсовета Ворошилов.

Из оперативной сводки штаба 1-й Конной армии, 30 декабря 1919 г., 12 час.[1]

Бахмутский район — правофланговые части ударной группы сосредоточились 28 декабря в Бахмут, перешли в наступление для окончательного выполнения указанной приказом группы задачи. Разведка выслана в сторону станции Никитовка.

Район Попасная — 4-я кавдивизия после трехдневных боев в районе Покровское отбросила 1-ю Кубанскую дивизию в сторону Никитовка, разгромив 2-ю стр. дивизию и к вечеру 28 декабря вышла в район Луганское (25 км юго-восточнее Бахмута), захватив 300 человек пленных, 4 орудия, 25 пулеметов, 150 лошадей с седлами и подводы со снарядами и другой обоз.

Район ст. Колпаково — 6-я кавдивизия, составляя обходную колонну, сосредоточившись в Криничная, Богдановка, отбросив 10-ю кондивизию противника, перешла в наступление с целью обойти ст. Дебальцево с востока и юга. К вечеру 29 декабря обход был окончен и противник, взрывая свои бронепоезда, но увозя живую силу, при небывалом сопротивлении нашему продвижению, оставил станцию Дебальцево. Подробные сведения о бое из полевого штарма не получены.

По имеющимся сведениям главные силы ударной группы к 16 часам 29 декабря были на линии Луганское, ст. Дебальцево, Городище и развивают преследование противника.

Наштарм 1-й Конной (подпись).

Из приказа войскам 1-й Конной армии, ст. Дебальцево, 30 декабря 1919 г., 17 час.. № 009[2]

1. Противник после упорного боя в районе ст. Попасная, ст. Дебальцево, понеся колоссальные потери в живой силе и технике, отступил в южном направлении...

4. Ударной группе, в составе 1-й Конармии, 9-й и 12-й стрелковых дивизий, для развития достигнутого успеха ставится задача разбить перед фронтом противника и к вечеру 31 декабря выйти на линию ст. Иловайская, Степановка, Артемовка, Мариновка, Дьякова.

5. Во исполнение сего приказываю:

...б) Начдиву 6-й кавалерийской с рассветом 31 декабря разбить противника, оперирующего в районе Степановка и захватить в свои руки ст. Иловайская, порвав железные дороги в районе ст. Моспино и у устья Б. Колесникова, после чего расположиться в Арчадинский, ст. Иловайская, Федоровка, Троицко-Харцызская, Степановка, выставить охранение и вести усиленную разведку в южном направлении.

Командарм 1-й Конной Буденный.
Член Реввоенсовета Ворошилов.

---

[1] ЦАКА, д. № 49—991, лл. 201—205.
[2] ЦАКА, д. № 61—255, л. 132.

Из приказа войскам 1-й Конной армии, ст. Чистяково, 31 декабря 1919 г., 23 час. 10 мин., № 0010 [1]

Противник, прикрываясь арьергардом, отступает в южном направлении, стараясь задержать наше наступление.

31 декабря 1-я Марковская пехотная дивизия противника в районе сл. Алексеево-Леонова попала под удар 6-й кавдивизии, где было оставлено на поле сражения до 1 500 трупов противника, взято в плен 40 офицеров, 700 рядовых и захвачено 12 орудий с упряжью и лошадьми, а также взято много пулеметов и обоза.

Командарм 1-й Конной Буденный.

Член Реввоенсовета Ворошилов.

Из постановления Реввоенсовета 1-й Конной армии, 2 января 1920 г. [2]

Революционный военный совет 1-й Конной армии на заседании от 2 января с/г постановил: наградить начальника 6-й кавалерийской дивизии Семена Тимошенко за проявленную храбрость и распорядительность в боях с белогвардейцами, за период с 25 декабря 1919 года по 2 января 1920 г., боевым оружием — револьвером системы «Маузер» за № ..., с правом выгравирования на нем выдержки из нижеуказанного текста: «За проявленную храбрость и распорядительность в боях с белогвардейцами за период с 25 декабря 1919 г. по 2 января 1920 г.».

Реввоенсовет 1-й Конной армии Ворошилов.
Буденный.
Щаденко.

Из приказа по 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, Каршин-Ивановский, 7 января 1920 г., 10 час., № 1 [3]

При сем объявляю приказ по Конармии от 6 января 1920 г. за № 2.

1. Противник под натиском ударной группы отходит на линию Ростов. Новочеркаск.

2. Ударной группой в 13 часов 6 января занят город Таганрог, где захвачено колоссальное количество трофеев...

5. Ударной группе в составе 1-й Конармии, 9-й и 12-й стрелковых дивизий ставится задача к вечеру 8 января овладеть городами Ростов и Нахичевань.

6. Во исполнение сего приказываю:

...В) Начдиву 6-й кавалерийской 7 января с мерами походного охранения и глубокой разведкой перейти в Сала (17 верст севернее Ростова), Несветай, Генеральский Мост, выставив надежное охранение и вести разведку в полосе Ростов, Аксайская, 8 января на рассвете, в связи с 12-й стрелковой и 4-й кавалерийской дивизиями, овладеть городом Ростов, стараясь в целости захватить железнодорожный мост через реку Дон, после чего расположиться в Ростов, выставив охранение и вести разведку в полосе гор. Азов, ст. Каяла, ст. Злодейская...

Е) Помощнику начальника артиллерии, оставив один бронепоезд на линии Покровская, Таганрог, а остальными курсируя Синявская, Ростов, способствуя частям конной группы, занять город Ростов.

Начдивам к выполнению настоящего приказа приступить не позже 7 января, действуя в тесной связи друг с другом и взаимной поддержке...

---

[1] ЦАКА, д. № 66—425, л. 3.
[2] ЦАКА, ф. 245, оп. 1, д. № 56, л. 67.
[3] ЦАКА, д. № 221—127, л. 10.

10. Обстановка требует от бойцов и комсостава большой энергии и полной решительности выполнить настоящий приказ, не взирая ни на какие препятствия, помня, что по занятии указанной линии, мы разрушаем гнездо контрреволюции и освобождаем Донскую область от ига палачей Деникина...

В виду позднего получения приказа по Конармии, приказываю: частям дивизии немедленно выступить с мест стоянок с мерами походного охранения и глубокой разведкой перейти в район Генеральский Мост, Несветай, Сала, где и расположиться на ночлег: 1-й кавбригаде в Сала, 2-й кавбригаде в Генеральный Мост, 3-й кавбригаде в Несветай. На ночь выставить усиленное сторожевое охранение на участках бригад и выслать разведку: комбригу 1-й в направлении Хопры, Ростов, Аксайская, комбригу 3-й в направлении Синявская. Я буду находиться при 1-й кавбригаде в Сала, куда и присылать донесения. 8 января частям дивизии выступить с мест стоянок с таким расчетом, чтобы прибыть на сборный пункт в Сала к 7 часам, где и сосредоточиться на южной ее окраине.

Комбригу 3-й, по сосредоточении, установить самую тесную связь с 4-й кавалерийской и 12-й стрелковой дивизиями и в тесной связи с последними бригаде перейти в самое решительное и стремительное наступление в общем направлении на Ростов и овладеть последним во что бы то ни стало. Стремительным налетом захватить в целости железнодорожный мост. На ночь бригаде расположиться на восточной окраине г. Ростова, выставив усиленное сторожевое охранение и выслав разведку в направлении ст. Злодейская.

Комбригу 2-й, по сосредоточении, двинуться вслед за 3-й кавбригадой и содействовать последней в выполнении поставленной задачи.

На ночь расположиться на южной окраине Ростова, выставив усиленное сторожевое охранение и выслав разведку в направлении ст. Каяла.

Комбригу 1-й, по сосредоточении, двигаться вслед за 2-й кавбригадой и быть в дивизионном резерве. На ночь расположиться на западной окраине Ростова, выставив усиленное сторожевое охранение и выслав разведку в направлении г. Азов.

Артиллерии следовать по-батарейно при своих бригадах, при обнаружении противника открывать ураганный огонь, чем способствовать кавчастям выполнить поставленную задачу.

Комбригам действовать энергично и решительно, в самой тесной связи между собой и соседними частями, проявляя возможно большую инициативу, помня, что обстановка требует от всех нас энергии и решительности выполнить настоящий приказ во что бы то ни стало, помня, что по занятии города Ростова, мы разрушаем гнездо контрреволюции и освобождаем Донскую область от ига палачей Деникина.

Оперативному отделению штадива 8 января с рассветом перейти в Сала, а по занятии Ростова, перейти в Ростов. Обозы 1-го разряда оставить в Генеральский Мост, за исключением подвод с огнеприпасами и санитарных линеек, которые должны следовать непосредственно за строевыми частями.

Административному отделению штадива 8 января перейти Петровской, 9 января — в Сала. Управлению отдела снабжения, медицинскому и ветеринарному лазаретам, конзапасу и особой дивпродкомиссии 8 января перейти в Б. Крепкая, 9 января — в Генеральский Мост.

Обозам 2-х разрядов 8 января перейти в район Каршин — Аннинский, Греков — Ульяновской, 9 января — в Петровской, Чистополье

Я буду находиться при действующих частях, куда и присылать все донесения. Наштабригам, не ограничиваясь донесениями комбригов, присылать донесения в оперативное отделение штадива. Донесения

присылать через каждые два часа, кроме табели срочных донесений.

Мои заместители комбриг 1-й и 2-й.

О получении сего, начале выполнения и о времени достигнутых пунктов донести.

Начдив Тимошенко.

Из оперативной сводки 1-й Конной армии, г. Таганрог, 9 января 1920 г., № 1200 [1]

За 8 и 9 января части Конармии приступили к выполнению приказа по Конармии за № 28. Противник сосредоточил крупные силы (12 000 пехоты и до 7 000 сабель конницы): в районе Мокрой Чалтыр, Крым. Султан Сала и Сала — пехотные части противника; Генеральский Мост, Константиновский Юдин, Гребцов, Протопоповский,— кавалерия противника.

Доблестные 4-я и 6-я кавдивизии Конармии, согласно приказа по Конармии за № 001, лихим налетом сбили в указанном районе противника. В результате боя взяты трофеи: 9 000 пленных, 7 танков, 33 орудия, 170 пулеметов и много обозов с разным военным имуществом. Не задерживаясь, на плечах противника части 4-й и 6-й кавдивизий ворвались в г.г. Ростов и Нахичевань, где и расположились в 24 часа 8 января 1920 г. Всю ночь по городу Ростов и Нахичевань продолжалась сильная перестрелка, в результате чего много перерезано офицерства и захвачено 1 000 пленных. Жалкие остатки в панике бежали с фронта.

Командарм 1-й Конной Буденный.
Член Реввоенсовета Ворошилов.

Из телеграммы командования Конной армией командующему Кавказским фронтом, Ростов, 29 января 1920 г., 22 час. [2]

Части Конармии вели целый день 29 января упорный бой с противником в районе Мало Западенский, Поздеев, Веселый, при чем 6-я кавдивизия, сбив правый фланг противника, который наступал на Поздеев, преследовала его до Веселый включительно, где захватила трофеи в числе коих 9 орудий и 30 пулеметов. 11-я кавдивизия совместно с 4-й кавдивизией, после упорного боя с превосходящими силами противника, отошли на исходне положение. 4-я и 6-я кавдивизии сосредоточены в Федулов, сторожевое охранение выставлено по правую сторону р. Маныч от Федулова до перекрестка дорог из Федулов в Солоный, Сусаткий, Манычско-Балабинский. 6-я кавдивизия до темноты 29 января вела бой с противником в районе Мало Западенский, Платовский...

Подробности будут сообщены дополнительно.

Командарм 1-й Конной Буденный.
Член Реввоенсовета Ворошилов.

Из приказания по 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, хут. Шаблиевский, 17 февраля 1920 г., 8 час., № 32 [3]

Частям конной армии ставится задача разбить противника, оперирующего у ст. Торговая и Воронцовское, занять последние обходным движением с юго-западной и с южной стороны.

Маршрут движений: головной — 6-я кавдивизия, за ней 4-я кавдивизия. 11-я кавдивизия в армейском резерве. На ночь расположиться:

---

[1] Архив ВИО Генштаба РККА, т. 2, разд. 4, док. № 1111.
[2] Там же, разд. 5, № 1446
[3] ЦАКА, ф. 7674, оп. 1, д. № 2, л. 210.

6-я кавдивизия — зим. Кузнецова, зим. Куренков и юго-западная окраина ст. Ворошцовская; 4-я кавдивизия — центр станицы Ворошцовской, 11-я кавдивизия — северная окраина Ворошцовской и станция Торговая. Правее нас действуют части 28-й и 50-й стрелковых дивизий и занимают зим. Королькова.

Левее нас 32-я стрелковая дивизия занимает Новый-Егорлык, Березовка. Конная группа занимает Сандата, 17 февраля движется для занятия Ивановка.

Во исполнение сего приказываю: с получением сего комбригам 1-й, 2-й, 3-й кавалерийских сосредоточить бригады на южной окраине Шаблиевка, где ожидать моего приезда. Комбригам захватить проводников, хорошо знающих дороги.

Порядок движений: головной — 1-я кавбригада, за ней 2-я кавбригада, 3-ю кавбригаду иметь в дивизионном резерве.

Комбригам приготовить подрывные команды. Бригадам двигаться по два полка рядом, не растягиваясь на дистанциях, все обозы, кроме [тех, что] с боевыми припасами и санитарных линеек, оставить на местах до особого распоряжения. Я буду находиться при строевых частях, а при занятии указанных пунктов при оперативном отделении штадива, куда и присылать все донесения, согласно табели срочных донесений, а в бою через каждые два часа. Заместитель мой комбриг 1-й тов. Книга.

Начдив Тимошенко.

Из оперативной сводки 1-й Конной армии, Крученая Балка, 20 февраля 1920 г., 8 час., № 312[1]

Противник в составе 2 конных корпусов (2-го и 4-го Донского) всего до 10 000 сабель — в ночь под 19 февраля повел наступление на Торговая, Ворошцовская. Нашей конницей совместно с пехотными частями противник был отбит, понеся значительные потери, скрылся в темноте, в направлении на запад. Части Конармии преследовали противника, который, отойдя 6 верст в западном направлении от села Ворошцовская, [здесь] задержался до рассвета 19 февраля. 19 февраля части Конармии в 11 часов приступили к выполнению оперприказа № 026.

Стрелковые дивизии приступили к выполнению того же приказа в 12 часов 19 февраля, с целью преследовать и разбить скрывшегося противника. 6-я кавдивизия двинулась авангардом и настигла противника, в составе одного полка дивизии Голубинцева, в районе Крученая Балка, уничтожила его, захватив у него имеющуюся технику в количестве 5 пулеметов и 2 легких орудий с полной запряжкой. В х. Сысоево, Александровское находились три кавполка противника, с которыми наша 6-я кавдивизия вступила в бой, в миг обратила противника в бегство и, преследуя, стала уничтожать его живую силу. Наша 6-я кавдивизия достигла Богородицкое, откуда донесла, что ею противник преследуется дальше в направлении Лопанка, Сред. Егорлыкское...

6-я кавдивизия на пути своего движения на Лопанка имела столкновение с четырьмя кавполками противника 2-го Донского корпуса, 4-ый же Донской корпус Мамонтова, который после ночного боя 19 февраля в Ворошцовская отступил в западном направлении, несмотря на принятые меры к розыску его, разведкой Конармии за 19 февраля 4 корпус Мамонтова не обнаружен. Предполагаем, что он находится в Сред.

---

[1] ЦАКА, ф. 245—4—108, д. № 54—960, л. 471.

Егорлыкское, Лопанка. На 20 февраля частям Конармии и пехгруппе дана задача занять линию Сред. Егорлыкское, Лопанка, Богородицкое, Развильное, Николаевка, Поливянное и тесно связаться с 32-й пехдивизией в Сандата. По получении сведений от частей, немедленно будет донесено дополнительно. Погода ясная, мороз 15—18 градусов, дороги тяжелые.

Командарм 1-й Конной Буденный.
Член Реввоенсовета Ворошилов.

Из Оперативной сводки 1-й Конной армии к 20 час. 22 февраля 1920 г., с. Белая Глина, № 292 /оп [1]

Части Конармии, согласно приказу № 028, с 6 часов 22 февраля приступили к выполнению последнего, после чего двинулись: 4-я и 6-я кавдивизии по направлению Новокорсунской, имея целью сделать глубокий обход бронепоездов противника....

Заняв Горькая Балка, 4-я кавдивизия двинулась в юго-восточном направлении, дабы глубже отрезать бронепоезда, которые курсировали в количестве трех в районе Белая Глина, Песчанокопская, 6-я кавдивизия двинулась в восточном направлении на Белая Глина; после трехчасового ожесточенного боя с бронепоездами противника, последние были взяты. В том числе взят эшелон 1-го Кубанского корпуса с штакором во главе комкора Крыжановского. Особенно упорное сопротивление оказывали офицеры штакора в количестве 150, которые, засев в бронепоезде, ни в коем случае не сдавались. Всего за 22 февраля частями Конармии захвачено 4 000 пленных, из которых 80 офицеров, 3 бронепоезда в исправности («Вперед за родину», «Генерал Алексеев», «Тяжелый № 2») и прочие трофеи, число которых выясняется.

Командарм 1-й Конной Буденный.
Член Реввоенсовета Ворошилов.

Приказание С. К. Тимошенко комбригу 2-й кавалерийской, пос. Иловайский, 26 февраля 1920 г., 1 час. 30 мин. [2]

Приказываю вам выставить сторожевое охранение: одну заставу при пулемете на северо-восточной окраине пос. Иловайский, наблюдая дорогу на Егорлыкскую, пустив по этой дороге дозоры; другую заставу на юго-восточной стороне пос. Иловайский, фронтом на Екатериновская, пустив дозоры для наблюдения по дороге, по которой пришли из Новороговской, выставив ночной караул на окраине пос. Иловайский, чтобы наблюдать пространство между Иловайский и той деревней, которая лежит впереди, где вы сегодня по приходе размещаете до боя. В этой деревне расположена 3-я кавбригада, которая тоже имеет ночной караул на своей окраине. Полк 1-й кавбригады располагается также в пос. Иловайский, выставляя сторожевое охранение на северной окраине и также наблюдая дорогу на Егорлыкская, с которой иметь связь.

Назначить лицо комсостава для проверки правильности бдительности несения сторожевого охранения. По имеющимся у меня сведениям, наступление можно ожидать со стороны Егорлыкской... [3].

Сборный пункт всей дивизии на юго-восточной окраине Иловайский. Я нахожусь также на площади у церкви в доме священника, куда присылайте донесения, все замечания. Двух человек для связи со

[1] ЦАКА, ф. 245, оп. 4, д. № 108, л. 479.
[2] ЦАКА, ф. 7674, оп. 1, № 11, ч. 1, л. 265.
[3] Далее несколько слов неразборчиво.

мной, если есть изменения, немедленно пришлите. Позаботьтесь с патронами и снарядами. Требую, чтобы каждый кавалерист имел при себе не меньше 100 патронов. Донесите о потерях.

Начдив 6-й кавалерийской Тимошенко.

Донесение начальника штаба 1-й бригады начальнику штаба 6-й кавалерийской дивизии, ст. Егорлыкская, 2 марта 1920 г., 6 час. 40 мин., № 135[1]

К 24 час. 1 марта противник был выбит окончательно из Егорлыкской, 1-я кавбригада на ночь расположена была в ст. Егорлыкской. За целый день боя бригада взяла у противника два пулемета, много седел и лошадей. Подсчет производится и будет представлен дополнительно. Потери наши незначительны, но есть убитые и раненые. Второй бригадой взято у противника два орудия (сообщил ординарец). Противника много порубали. Улицы ст. Егорлыкской были забаррикадированы боронами, телегами и пр. Из опроса пленных и перебежчиков видно, что противник намерен ночью напасть на Егорлыкскую. В бою 1 марта против нас действовало 3 корпуса кавалерии и два полка пехоты при поддержке двух бронепоездов. Штаб бригады и обоз 1-го разряда частей бригады остается на месте.

Начальник штаба (подпись).

Приказ по 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, хут. Петина, 16 марта 1920 г., 8 час., № 9[2]

Противник отходит в направлении Усть-Лабинская, уничтожая на своем пути переправы.

Дабы не дать ему взорвать переправу на р. Кубани в районе Усть-Лабинская, которая для нас имеет большое значение, приказываю:

Комбригу 2-й выслать один эскадрон при пулеметах в направлении ст. Раздольная, которому как можно глубже освещать вправо впереди лежащую местность и, прикрывая движение правого фланга дивизии, о всем как можно чаще и своевременно доносить; бригаде двинуться в пос. Кирпильский, откуда перейти в стремительное наступление в общем направлении на Усть-Лабинская, на плечах противника занять Усть-Лабинская и все переправы в исправности и удерживать последние за собой во что бы то ни стало.

Комбригу 3-й немедленно выступить с мест стоянки и двигаться в пос. Кирпильский, бригаде быть в дивизионном резерве.

Комбригу 1-й немедленно выслать один эскадрон при пулеметах в направлении ст. Раздольная, которому во все время движения двигаться в юго-западном направлении и служить в виде заслона от удара противника во фланг дивизии, держать самую тесную связь с частями дивизии и своевременно доносить о всем замеченном, бригаде подготовиться к выступлению и с подходом 2-й кавбригады двинуться вслед за ней, оказывая в случае надобности возможную поддержку.

Комбригам действовать самым решительным образом.

Обозы 1-го разряда оставить на месте; ни одной излишней повозки ни в коем случае не должно быть при частях, кроме необходимых с огнеприпасами и санитарных линеек.

Я буду находиться при 1-й кавбригаде, а по занятии Усть-Лабин-

[1] ЦАКА, л. 7673, оп. 2, д. № 12, л. 80.
[2] ЦАКА, ф. 7674, оп. 1, д. № 2, л. 123.

ская при оперативном отделении штадива, куда и присылать донесения.

Мои заместители комбриг 2-й и 3-й.

Начдив Тимошенко.

Военкомдив Бахтуров.

Из приказа по 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, х. Царский дар, 20 марта 1920 г., № 047 [1]

§ 1.

Считаю долгом от лица службы принести благодарность товарищам комиссарам, командирам, кавалеристам-бойцам за боевой революционный дух, результатом чего явился стремительный лихой натиск и стойкость дивизии в бою под станицей Усть-Лабинская. Сердце каждого революционера-военоначальника не могло не радоваться, видя лихие настойчивые атаки против превосходящего много раз численностью и упорно сопротивлявшегося противника [2].

Особенно должен отметить отличную работу во время боя 2-й батареи, за что благодарю командира батареи.

Теперь же представить к награде орденом Красного Знамени наиболее отличившихся в бою под станицей Усть-Лабинская комиссаров, командиров и кавалеристов-бойцов...

Начдив Тимошенко.

Военкомдив Бахтуров.

III. Бои с белополяками

Из приказа по 6-й Кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, ст. Усть-Лабинская, 11 апреля 1920 г., № 054 [3].

Объявляю по дивизии для руководства и точного исполнения приказ Революционного военного совета 1-й Конной армии от 9 апреля 1920 года, № 65/оп.

«1-я Конная армия, сломив врага на Южном фронте, была переброшена на Кавказский фронт, где решила окончательную судьбу южной контрреволюции, остатки которой распылились по Крыму и частью проникли в Грузию. На 1-ю Конную армию Советская Россия возлагает важную задачу покончить с контрреволюцией на Западе [4], и 1-й Конной армии в самом недалеком будущем придется итти по местности Советской России, где необходимо будет показать себя в том, что мы не только умеем бить нашего врага, но мы умеем и строить Советскую Россию. На 1-ю Конную армию смотрит не только вся Россия, но и весь мир, поэтому при движении на Западный фронт каждому

---

[1] ЦАКА, ф. 7674, оп. 1, д. № 2, л. 128.

[2] При первой атаке частей 6-й дивизии на ст. Усть-Лабинская 16 марта было зарублено более 300 белых, в ряды уцелевшего противника было внесено полное расстройство, но подоспевшими резервами атака была отбита. После перегруппировки дивизия вновь атаковала станицу, при этом противник был обращен в паническое бегство: около 300 человек утонули в Кубани, спасаясь вплавь, 500 человек было зарублено и 200 человек взято в плен.

[3] ЦАКА, ф. 7674, оп. 1, д. № 2, л. 150.

[4] Тысячекилометровый переход 1-й Конной армии на Запад (польский фронт) начался 3 апреля 1920 года.

командиру и бойцу нужно вести себя, как подобает честному революционеру Советской России, помня что народ от нас ждет порядка и надеется в будущем на нас, освободителей от ига буржуазии...».

Начдив Тимошенко.

Военкомдив Бахтуров.

Из оперативной сводки 1-й Конной армии, 29 мая 1920 г., 6 час.[1]

6-я кавдивизия к вечеру 28 мая заняла в районе Оратово, Павловка, Гонораткa, где и расположилась на ночлег. Разъезд 33-го кавполка у села Балабановка, что в 15 верстах северо-восточнее Монастырище, вступил в бой с противником в количестве 100 человек при 1 пулемете.

В результате рукопашного боя разъездов было зарублено 50 человек, взято в плен 20 и отобран 1 пулемет; остальная часть противника бежала в направлении Оратово.

Начполештарм 1-й Конной (подпись).

Приказ по 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, с. Скала, 30 мая 1920 г., 17 час. 30 мин., № 87[2]

Вчера 29 мая дивизия впервые столкнулась на новом фронте с новым врагом и, как я и не сомневался, сразу дала почувствовать врагу, что против него появилась часть стойкая одушевленная одним желанием защищать свою рабоче-крестьянскую власть и, быстро расправившись с врагом, вернуться к мирному строительству государства. Не нахожу слов благодарности всем строевым частям дивизии от кавалеристов и до командиров бригад и комиссаров включительно за их беззаветную храбрость, стойкость и готовность умереть за защиту правого дела. Вчерашний удар имел большое значение и по всей вероятности войска противника, получивши такой удар, потеряли в себе уверенность, а это для дальнейших наших операций имеет большое значение.

Спасибо вам всем, красные герои.

Убитым же на поле брани вечная память.

Нам предстоит еще дальнейшая борьба, но я уверен, что дивизия нанесет еще врагу подобный удар и он безостановочно покатится назад, как покатился Деникин. Я знаю и уверен в том, что в каждом из нас одно стремление — вперед, но ни в коем случае ни шагу назад, несмотря ни на какие обстоятельства.

Для дальнейшего поражения противника, ввиду данных от разведки, которая дала сведения о том, что в районе города Липовец находятся значительные части противника и что в Нападовка, Россоше, Скидки, имеются окопы противника с проволочными заграждениями и имеется 8 орудий, из которых есть и тяжелые, приказываю:

3-й кавбригаде с рассветом завтра 31 мая выслать разведывательный эскадрон с пулеметами по большой дороге на Липовец, от которого выслать разъезды на Зозов, гор. Липовец, другой разъезд выслать на Нападовка, гор. Липовец. Этим разъездам держать связь с ядром разведывательного эскадрона, который будет двигаться по большой дороге в Липовец. Бригада же ни в коем случае не позже 8 часов должна построиться на юго-западной окраине села Очеретно.

---

[1] ЦАКА, д. № 54—822, л. 59.

[2] ЦАКА, д. № 202—814, л. 111.

1-й кавбригаде выступить из места своего расположения 31 мая с таким расчетом времени, чтобы прибыть на сборный пункт в Очеретно к 3-й бригаде на юго-западную окраину не позже 8 часов, где обоим бригадам ожидать моего приезда. 1-й кавбригаде выслать разведывательный эскадрон вдоль полотна железной дороги на Богдановка. Россоше, выслав от эскадрона разъезд на Скидки, причем этому эскадрону вменяю в обязанность связаться с бронепоездами, которые должны курсировать от станции Липовец к северу и как можно чаще ориентировать о боевой обстановке начальников бронепоездов, которые при наступлении дивизии должны оказать поддержку своим огнем.

При наступлении 3-й кавбригаде двигаться в голове, 1-й кавбригаде быть в резерве и двигаться за 3-й кавбригадой в полверсте, имея с ней связь.

2-й кавбригаде оставаться расположенной в Спиченцы и быть готовой по первому требованию выступить за 1-й и 3-й кавбригадами, выслав с рассветом сильные разъезды не менее взвода каждый для охраны фланга наступающих бригад, один разъезд на Зозов, другой разъезд на Зозовка, третий разъезд на Ротмистровка и держать самую тесную связь с наступающими бригадами, а для связи со мной выслать один взвод. Вести разведку в направлении Мончин, Левковка, Степанки, Кулишово, Погребище и для связи с 11-й кавдивизией выслать разъезд в Дзиоиьков.

Командиру 9-го автоброневого отряда с отрядом двигаться при головной бригаде.

Командиру артдивизиона часть головного артпарка выделить в Андрусово, другую часть оставить в Чернянка, командирам бригад отдать приказ командирам батарей, что пополнение снарядами быть в Андрусово и Чернянка.

Раненых и больных направлять в дивизионный перевязочный отряд в Чернянка. Заведывающему санчастью сделать распоряжение о промежуточных перевязочных пунктах между дивизионным перевязочным отрядом и частями дивизии.

Штабу дивизии и всем учреждениям оставаться на месте. Бригадам не назначаю на 31 мая мест ночлега, так как это зависит от боевой операции, но ставлю задачей уничтожить противника, находящегося в районе города Липовец, по окончании которой будут мною назначены места для ночлега.

Начальнику штаба дивизии об операциях дивизии на 31 мая сообщить начальникам бронепоездов, дабы они могли огнем способствовать уничтожению противника.

Я буду находиться при головной 3-й бригаде, куда и присылать донесения, копии же донесений посылать одновременно и начальнику штаба в Скала через пост летучей почты, который будет находиться в Кожанка.

Командиру штабного эскадрона выставить пост летучей почты не менее как в 10 человек в селе Кожанка.

Во время боя донесения присылать через каждые 2 часа, по окончании же боя немедленно послать оперсводку в штаб дивизии с описанием боя по каждой бригаде отдельно с точным указанием пленных, трофей и потерь.

Начальнику отдела снабжения с летучкой передвинуться на ст. Франтовка, где ожидать дальнейших приказаний.

Заместители мои комбриг 3-й и 1-й.

О получении приказа и отданных распоряжениях донести.

Начдив Тимошенко.

Из приказа по 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, с. Якимовка, 1 июня 1920 г., № 88 [1]

Обращаю серьезное внимание всех лиц комсостава и кавалеристов на неправильность несения сторожевой разведывательной службы, результатом чего является неожиданное появление частей противника, что является недопустимым и влечет за собой лишние потери.

Приказываю всем детально изучить и твердо знать устав полевой службы, в особенности это является необходимым с имеющимся противником, который, видимо, хорошо обучен. Сторожевое охранение на месте должно быть круглые сутки, и в том ближайшем соприкосновении, какое имеет в данный момент дивизия. Это охранение должно состоять в каждом полку против расположения и сторожевого участка, куда, смотря по местности, должен быть назначен эскадрон, а то и более. Занимаемый участок сторожевым охранением должен состоять из застав, которые выставляют от себя полевые караулы, полевые караульные посты, причем как полевые караулы, так и посты должны иметь между собой зрительную связь, т. е. видеть друг друга. На заставе для собственного своего охранения должен быть выставлен часовой и подчасок и пространство между заставами и ее полевыми караулами должно наблюдаться конными дозорами, которые должны двигаться не по одному только направлению, а по всему району возложенного охранения на заставу. Впереди постов обязательно выслать конные дозоры не менее двух человек, которые всю впереди лежащую местность на участке, порученном каждой заставе, должны тщательно осматривать, дабы ни один кустик не оставался не осмотренным. Особенное внимание обратить на складки местностей и засеянные поля, которые являются удобными подступами для противника. Время от времени посылать специальные дозоры для поверки бдительности несения сторожевой службы. Впереди дозоров должна быть высылаема ближняя разведка не далее 3—4 верст. Такой вид сторожевого охранения на ночь должен усиливаться, т. е. гуще должны быть выставлены посты, дабы каждый пост видел соседний.

Фланговые заставы, помимо всего вышеизложенного, должны высылать разъезды для наблюдения за флангами. Помимо указанного сторожевого охранения должна быть в каждой части назначена дежурная часть и указана ей позиция, которую она должна занять по тревоге и, таким образом, первоначально вступает в бой сторожевое охранение и дежурная часть и тем временем дают возможность частям приготовиться к бою.

Кроме того, необходимо каждый населенный пункт, где располагаются части на ночлег, привести в оборонительное состояние, устроив всевозможные преграды для наступления противника. Днем иметь специальные наблюдательные пункты, с которых должна быть впереди лежащая местность видна как можно на большее расстояние. Сторожевое охранение на месте должно быть до тех пор, пока при выступлении части не пройдет охранение, полагающееся на исходе, т. е. дозоры, походные заставы, и только тогда сторожевое охранение, выставленное на месте, имеет право и должно собраться и присоединиться к своей части. При таком несении сторожевой службы никогда не может быть таких неожиданностей, которые были во 2-й бригаде в местечке Животово.

Высланная разведка должна достигать указанного ей пункта и оставаться там до тех пор, пока ей не будет смена или приказание возвратиться. В случае, если она не может достигнуть указанного пункта, то находиться и производить разведку в том районе, до которого

[1] ЦАКА, д. № 202—814, л. 112—113.

пункта могла продвинуться, тогда ни одно движение противника не скроется и, при своевременном донесении, будет известно начальнику, выславшему разъезд. У нас же хромает разведка в том, что посланный разъезд, дойдя до указанного пункта, занят ли он или не занят противником, побывши некоторое время в этом пункте, возвращается обратно, и местность, куда он был послан на разведку, остается без наблюдения, а противник за это время может делать передвижения, какие ему угодно и никто их не видит и не знает.

Начальник высылаемой разведки должен указать, надлежит ли разъезду возвратиться и когда, или ожидать смены. Разъездам, высланным от разных частей дивизии, обязательно держать связь между собой, а также и соседними дивизиями, а при высылке разведывательного эскадрона, от которого высылаются разъезды, ядро эскадрона, следуемое по центральному пути, должно держать связь с высылаемыми разъездами. Обязательно все люди дивизии должны знать пропуск, а начиная от командиров отделения и выше и отзыв, так же как начальник разъездов, застав и старшие полевых караулов.

Начдив 6 Тимошенко.

Из протокола совещания Реввоенсовета 1-й Конной армии совместно с начдивами и военкомдивами, 3 июня 1920 г.[1]

Начдив 6 Тимошенко: ...Противник все время старается обходить левый фланг дивизии. Тактику ведения с противником боев нужно резко изменить от[2] степной войны Дона — Кубани. Отмечает стойкость противника и большое поражение наших частей. Артиллерия противника бьет метко. Пехота противника не боится кавалерии. Большое употребление бомб противником. Нехватает у нас винтовок. Противник боится пехоты. Потери насчитываются — 450 человек, у противника — 4.000.

Военкомдив 6 Бахтуров: Отмечает стойкость противника перед кавалерией и необходимость действовать на противника пехотой. Политическое состояние частей хорошее. Политработа замерла, т. к. все политработники в цепи. Бойцы озлоблены и дерутся как львы. Настроение населения резко изменилось в сторону Советской власти. Крестьяне рубили поляков, и многие с вилами и топорами идут с Красной армией.

Из приказа войскам 1-й Конной армии, Нехворощ, 9 июня 1920 г.[3]

1. Противник пытается восстановить утраченное положение и вырвать инициативу из рук нашей армии. 8 июня противник подвел свою пехоту к ст. Попельня и занял последнюю. Кроме того со стороны Казатин кавалерия противника 8 июня пыталась вести наступление на расположение 6-й кавдивизии, но была отбита с большими для противника потерями.

2. Сведений о наших соседях не имеется.

3. Красные бойцы 1-й Конной армии, покрывшие себя неувядаемой славой, верные своей высокой революционной идее, здесь в далекой Украине, так же как и на родных нам степях Кубани, проявили мужество, беззаветную храбрость и своим революционным безудержным порывом гонят перед собой польские белогвардейские полчища. Враг дрогнул и в панике оставляет города и крупные стратегические пункты.

---

[1] ЦАКА, д. № 294—222, л. 73.
[2] Так в подлиннике.
[3] ЦАКА, д. № 54—590, л. 7.

За последние дни наши доблестные дивизии, прорвав укрепленный фронт противника, глубоко зашли ему в тыл, нанося удар за ударом, уничтожая отдельные группы противника и парализуя всю техническую связь между польскими армиями...

6-я же кавдивизия, идя в арьергарде главных сил, прикрывала тылы ударным группам и в значительной мере способствовала успеху 4-й и 11-й кавдивизиям и, расширяя плацдармы, уничтожала живую силу противника, забирая технику и разрушая техническую связь и железнодорожное движение, способствовала развитию общих успехов выполнению задачи Конармии. Реввоенсовет Конармии глубоко благодарит всех бойцов и комиссаров за проявленное мужество и храбрость в предыдущих боях, показавших нашему противнику силу и могущество непобедимой рабоче-крестьянской Красной армии.

...Начдиву 6-й кавалерийской с рассветом 9 июня выступить с места расположения и, прикрывая движение армии с юга, занять: Вел. Лисовцы (что 12 верст северо-восточнее ст. Бровки), Койловка, Волица, Миркова, Сокольчи, где и зекрепиться, выставив надежное сторожевое охранение на линии Парипсы (что в 4 верстах юго-восточнее ст. Попельня), Ерчики. Разведку вести в направлении Строков, что 12 верст севернее Каменка, Хорлеевка, Сквира, Паволочь, Михайловка, Верховня, Крыловка, м. Чернянка, с. Чернянка.

Командарм 1-й Конной Буденный.
Член Реввоенсовета Ворошилов.

Из приказа по 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, Укачин, 26 июня 1920 г., 6 час. № 106[1].

1. Противник упорно обороняет линию Подлубы, что 35 верст северо-восточнее г. Новоград-Волынск, Кука, Чижевка и далее на юг по реке Случь, сосредоточив на этой линии пехотные части, стремясь во что бы то ни стало удержать г. Новоград-Волынск.

2. Части 12-й армии находятся на линии Колцкие, что 20 верст западнее Коростень, Кривотин, Горбово, Эмильчино, Кулеши. Части 14-й армии подошли к Староконстантинов.

3. Конной армии поставлена задача занять Новоград-Волынск, в кратчайший срок разгромить группу противника, действующую в этом районе, и овладеть Ровно. Для чего командарм приказал вверенной мне дивизии:

С рассветом 26 июня форсировать реку Случь в районе Гильск и реку Смолка в районе Стриев, Кануны, развить дальнейшее наступление, уничтожая пехоту противника, обороняющую гор. Новоград-Волынск и забирая всю технику. После чего на ночлег расположиться в районе: Наталиндорф, кол. Анеты, Майстрова Воля — Юрковщина — Горки. Сторожевое охранение выставить по линии Княжа, Кропивенский, Майдан, Дедовичи, Тожир, Токарев, Жалобное.

Для чего приказываю:

а) Комбригу 2-й тов. Апанасенко, сосредоточив бригаду к 9 часам утра 26 июня на юго-западной окраине д. Романовка, оставить один эскадрон в сторожевом охранении на участке до смены 11-й кавдивизией и выслать один эскадрон на Гильск для разведки подступов к нему и для розысков переправ через реку Тня. По сосредоточении дивизии в сл. Романовской и Брониках выступить с бригадой и, охватив Гильск с северо-восточной и восточной сторон при поддержке всей артиллерии дивизии, выбить противника из Гильска, форсировать на его плечах и вброд реку Случь и, безостановочно преследуя, всей бригадой

[1] ЦАКА, д. № 202—814, л. ...

захватить Стриев, Кануны и переправиться через реку Смолку, где, выделив немедленно отряд для взрыва и разрушения железной дороги в районе ст. Порепье, подтянув батарею, развить энергичное наступление между рекой Смолкой и железной дорогой на север с целью захватить Новоград-Волынск с запада.

б) Комбригу 1-й тов. Книга сосредоточить бригаду к 9 часам в сл. Романовской, оставив один эскадрон на участке охранения до смены его 11-й кавдивизией. По выступлении 2-й кавбригады из Романовка, двинуться вслед за ней, оказывая полную поддержку ей в овладении Гильск. По переправе через реку Случь, немедленно выделить один эскадрон и направить его по шоссе на Новоград-Волынск, приказав отрезать и уничтожить противника, обороняющего участок от Гильск до Новоград-Волынск. С остальными частями бригады продолжать оказывать содействие 2-й кавбригаде в дальнейшем продвижении и выделить по переправе через реку Смолку сильный боковой авангард, которому, следуя между железной дорогой и рекой Черемо, захватить и закрепить за собой переправы в Ярунь и Пилиповичи. Кроме того, бригаде поручается оказать полное содействие переправе батареи, следующей за 2-й бригадой через реки Случь и Смолка.

в) Комбригу 3-й, сосредоточив к 9 часам 26 июня бригаду в Броники, двигаться вслед за 1-й бригадой, а по переправе ее через реку, выделить один эскадрон в направлении Киково, которому занять последнюю, связаться с 14-й кавдивизией, следуя с которой далее доносить о каждом достигнутом ею пункте.

г) Командиру 6-го конного артиллерийского дивизиона, приняв в свое распоряжение одну батарею 2-го конного артиллерийского дивизиона при подходе 2-й кавбригады к Гильск, расположить все четыре батареи на позиции с северо-восточной стороны, смести артиллерийской подготовкой окопы и артиллерию противника и прикрыть огневой завесой переправу 2-й бригады через реку Случь. По переправе последней, немедленно выделить 2-ю конную батарею вслед за бригадой и переправить ее на другой берег реки Случь. По переправе 1-й бригады приступить к переправе остальной артиллерии, после чего обратить внимание на борьбу с бронепоездами противника и дальнейшую поддержку наступающих частей. Запас не менее 100 снарядов сосредоточить по дороге Броники, Гильск.

4. Начальнику связи снять всю телефонную связь и быть готовым к установке новой в зависимости от необходимости.

5. Все обозы сосредоточить в Тупольцы, Несолон. За частями следуют только повозки с огнеприпасами.

6. Перевязочному отряду расположиться в Броники, а по переправе частей через реку Случь в Гильск. Раненых направлять в Гильск, Броники, Житомир, не задерживая их на перевязочных пунктах подолгу.

7. Донесения присылать в штадив, который будет находиться со мной при 3-й кавбригаде.

8. Заместители мои комбриг 2-й тов. Апанасенко и военкомдив тов. Бахтуров.

9. Обращаю внимание комбригов с одной стороны на необходимость более широкого использования нашей техники, а с другой стороны на самые решительные действия при движении к переправам, дабы не дать противнику возможности опомниться ни на одну минуту и итти не только на его плечах, но стремиться обскакивать его по сторонам.

10. О получении приказа и отданных распоряжениях донести.

Начдив Тимошенко.

Приказание С. К. Тимошенко комбригу 2, 26 июня 1920 г., 20 час.[1]

Командарм требует взять сегодня Новоград-Волынск во что бы то ни стало. Немедленно перейти в решительную атаку по всему фронту, ворваться в окопы и перестрелять обороняющихся. Для усиления атаки подтянуть ближе пулеметы, в случае надобности сняв все «Люйс» с тачанок.

Начдив 6-й кавалерийской Тимошенко.
Военкомдив Бахтуров.

Из оперативной сводки 1-й Конной армии, 27 июня 1920 г.[2]

Части 6-й и 11-й кавдивизии в 12 часов обходом с запада, после упорных боев в районе Ивашковка, Гильск, заняли Новоград-Волынск и продолжают преследование в панике отступающего противника, в направлении на Корец, Ярунь, Рогачев. В боях в районе Гильск, Ивашковка, Кануны частями дивизий изрублено до 1.000 поляков и много взято в плен, число коих выясняется...

Начполештарм 1-й Конной Зотов.

Из приказа по 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, г. Ровно, 6 июля 1920 г., № 112[3]

Объявляю по дивизии приказ по 1-й Конармии Юго-западного фронта за № 082/оп.

1. Поставленная директивой фронта 1-й Конной армии задача выполнена. Город Ровно под сокрушительными ударами красных бойцов славной 1-й Конной армии 4 июля в 23 часа пал. Разбитый враг оставил больше тысячи пленных, до 700 изрубленных, значительные трофеи (количество их и характер выясняются) и в панике отступил в северном и западном направлениях. Доблестные красные кавалеристы, не взирая на тяжесть переходов и другие препятствия, попрежнему сильны духом и крепки телом. Польские магнаты на своих подлых спинах уже испытывали силу удара наших острых шашек. Еще немного пройдет времени и ясновельможные разбойники вместе со своими англо-французскими и японо-американскими собратьями будут уничтожены окончательно и в этом деле бойцы 1-й Конной армии будут стоять в первых рядах.

6-я кавдивизия занимает Шпанов (что в 8 верстах севернее города Ровно), Клевань, Ясеневичи.

4. Конармии до получения директивы фронта ставится задача: закрепиться на занимаемых пунктах, ведя самую усиленную разведку в сторону противника и в случае его наступления, поддерживая друг друга, разбить его наступающие части, не дав выполнить ему задачи, для чего приказываю:

...б) Начдиву 6-й кавалерийской дивизии оставаться в занимаемом районе, выставив сторожевое охранение по линии реки Стубель, Александрия исключительно до Подгорцы, Плоска исключительно, Мизоч включительно, ведя перед своим участком усиленную и глубокую разведку, отнюдь не теряя соприкосновения с противником.

На основании вышеизложенного приказываю: дивизии оставаться на занимаемых пунктах.

Штаб дивизии остается расположенным на старом месте в городе Ровно.

---

[1] ЦАКА, ф. 7674, оп. 1, д. № 13, л. 4.
[2] ЦАКА, д. № 202—814, л. 146.
[3] Там же.

Я буду находиться при штабе, куда и присылать донесения, согласно табеля срочных донесений, а во время боя через каждые два часа. Сведения же, полученные от разъездов, немедленно представлять в штаб дивизии.

Заместители мои: военкомдив тов. Бахтуров и наштадив 2.

О получении приказа и отданных распоряжениях донести.

Начдив Тимошенко.
Военкомдив Бахтуров.

Из оперативной сводки 1-й Конной армии, Ровно, 10 июля 1920 г., 23 час. [1].

4-я кавдивизия после беспрерывного 17-часового боя с противником под Ровно, оказав содействие одной своей бригадой 6-й кавдивизии по овладению Ровно, 10 июля преследовала левый фланг противника и к 16 час. 10 июля расположилась на ночлег в районе: Александрия, Волошки, Забороль. При занятии 9 июля Александрия захвачено 4 грузовых автомобиля и 1 орудие. Потери дивизии в бою за Ровно велики. Связь с 44-й стр. дивизией установлена в Тучин. 6-я кавдивизия после кровопролитного 17-часового боя, захватив атакой, при содействии одной бригады 4-й кавдивизии, гор. Ровно, в 7 час. 10 июля начала преследовать отступающего противника по шоссе на Луцк. Восточнее Клевани, что 25 верст северо-восточнее Ровно, противник упорно задерживался в окопах протяжением до 3 верст, но к 18 час. 3-я кавбригада выбила противника из окопов и отбросила его на западный берег реки Стубель. На ночлег дивизии расположились в Клевань, Деревяне, Олыка, продолжая одной бригадой вести преследование отступающего противника.

Начполештарм 1-й Конной Зотов.

Приказ по 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, Б. Омеляны, 10 июля 1920 г., № 0024 [2]

Противник, подавленный нашей 4-й дивизией, оставил ночью Ровно и спешно отступает на Луцк, преследуемый нашими частями.

Дабы не дать противнику увести свою технику и спасти всю живую силу, частям дивизии приказываю: комбригу 2-й с получением сего двинуться с бригадой через Шестаково на Олыка, стараясь отрезать отступающие пехотные части противника, выслав подрывную команду с эскадроном, находящимся в Шестаково, которому взорвать полотно ж. д. ст. Литва и после стараться отрезать курсирующие бронепоезда противника. По подходе к Шестаково, выслать разведку в направлении Долгошеи, освещая свой левый фланг; на ночь расположить бригаду в Миловица, Персолынка, Горьяновка, выслав разведку на Уездцы — Романов.

Комбригу 1-й двинуться вслед за 2-й кавбригадой, выделив два эскадрона, которым преследовать на хвосту противника, остальным частям оказывать поддержку ее продвижению; по достижении Новоселки, бригадой поворотить вправо и занять Деревяне, Застава, Голышов, стараясь уничтожить встречающиеся на пути части противника. На ночь расположиться в указанном районе, выслав разведку в северном и восточном направлениях, которой точно выяснить место расположения сил и направление движения его.

---

[1] ЦАКА, д. № 54—882, л. 143.
[2] ЦАКА, ф. 7674, оп. 1, д. № 13, ч. II, лл. 275—276.

Комбригу 3-й бригады двигаться на хвосту противника по линии шоссейной дороги на Луцк, уничтожая отрезанные части противника. На ночь расположиться Клевань — Сморжово, выслав разведку в северном направлении, как можно глубже.

Я буду находиться во время движения при 1-й кавбригаде, а по расположении при штадиве Дыков.

Комбригу 3-й использовать наш бронепоезд, которому быстро продвигаться на ст. Олыка, помогая в продвижении частям дивизии.

Начдив 6 Тимошенко.

Приказание по 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, с. Миончин, 31 августа 1920 г., 18 час. 40 мин., № 774 [1]

Противник занимает Войславице, Грабовец, Грубешов, Тышовцы и ведет наступление на Комаров.

11-й кавдивизии совместно с Особой кавбригадой приказано ликвидировать противника в районе Комаров, Зубовице.

Ввиду того, что противник отрезал нас от тыла и находится со всех сторон, приказываю:

1) Комбригам ни в коем случае не разбрасываться, бригады держать сосредоточено в кулаке, в случае наступления противника с какой-бы то ни было стороны, немедленно принимать меры и немедленно же уничтожать такового. Бригадам выступать всегда по тревоге и в случае наступления на соседнем участке немедленно оказывать поддержку.

О всем немедленно ставить в известность и как можно чаще доносить в штадив.

2) Комбригу 1-й выслать немедленно разъезд в направлении Чесники, Снятыче, которому выяснить положение на участке Особой бригады и быть с бригадой наготове, в случае сильного давления противника в сторону Чесники, Ярославице.

3) Комбригу 3-й выслать разъезд в направлении Невирков, Дуб, Переспа и также выяснить положение в данном районе, имея в указанную сторону сильные охранения, а также немедленно донести, кем занимается Грубешов.

4) Комбригу 2-й немедленно занять сторожевым охранением Свидники, установив связь вправо с 3-й кавбригадой и не допустить попытки противника наступать со стороны Грабовец в направлении Миончин.

5) О получении приказания и отданных распоряжениях немедленно донести.

Начдив 4-й кавалерийской Тимошенко [2].

---

[1] ЦАКА, ф. 7657, оп. 2, д. № 47, л. 211. 18 августа дивизии 1-й Конной подошли к предместьям Львова, получив задачу занять этот важнейший стратегический пункт обороны поляков, что должно было оказать решающее влияние на весь дальнейший ход боевых действий в пользу красных войск, но в этот момент командование 1-й Конной получило предательский приказ Троцкого о переходе из под Львова севернее в район Замостье, Грубешов.

28 августа 1-я Конная вышла в район Замостье, где она оказалась в кольце превосходящего противника, отрезанной от общего фронта Красных армий.

[2] Тов. Тимошенко вступил в командование 4-й кавалерийской дивизией во второй половине августа.

Приказание по 4-й кавдивизии 1-й Конной армии, Гостынное, 1 сентября 1920 г., 8 час. 15 мин.[1]

Приказом Конармии № 0111 4-й кавдивизии приказано двигаться в направлении Гресчаны, Грубешов, прикрывая обозы 1-го разряда всей армии, очистить от противника район Грубешов, Теребинец, захватить в свои руки переправы через р. Гучва и обязательно установить связь с частями 12-й армии. Части 6-й, 14-й и 11-й кавдивизий двигаются вслед.

Поставленная дивизии задача наполовину выполнена геройски. Части дивизии, разгромив кавалерию противника, в районе ст. Антоновка, уничтожили упорно сопротивлявшегося противника в районе Рус. Горышев, Гостынное, Добромиронице.

Для дальнейшего выполнения задачи приказываю:

1. Комбригу 2-й с получением сего немедленно выступить и двинуться в общем направлении Теребинец, Грубешов, уничтожить перед собой противника и связаться с частями 12-й армии, ориентировав их о положении Конармии, вправо выслать боковой отряд, которому двинуться через Мудринец, Тихобуж, выслав глубокие разъезды вплоть до соприкосновения с противником в направлении Тышовцы, Сагрин, Мирче, выяснить силы и группировку противника.

2. Комбригу 1-й с получением сего двинуться вслед за 2-й бригадой и действовать согласно с обстановкой.

3. Комбригу 3-й оставить заслон силою 2 эскадрона в Молодятыче, Гресчаны. Постами занимать Гдешин, Заборие до подхода 11-й кавдивизии; с остальными силами двигаться вслед за 1-й бригадой и действовать согласно с обстановкой.

4. Обозы 1-го разряда двигать вслед за 3-й кавбригадой в следующем порядке: перпункт штадива и бригадные в порядке номеров бригад.

5. Комконардиву двигаться вслед за строевыми частями.

6. Я буду двигаться при 1-й кавбригаде, куда и присылать все донесения.

7. Распоряжение о расположении частей будет дано по выяснении обстановки.

Начдив 4 Тимошенко.

Приказание С. К. Тимошенко комбригу 3 4-й кавалерийской дивизии, с. Монатыче, 1 сентября 1920 г., 18 час. 30 м.[2]

1-я и 2-я кавбригады перешли в наступление на Кулаковице, Степанковице. Вам приказываю перейти в решительное наступление, имея задачей овладеть Неледов — Войславица, где и закрепиться, разбив предварительно наголову противника. Охранение Лащов включительно — Хижовице — Дарогоевка — Тресчаны исключительно, связь вправо с 1 кавбригадой влево с 14 кавдивизией. Приказание дополнительно. Бригада расположится в Янки-Мойсловице. Штадив — Грубешов.

Начдив 4 Тимошенко.
Военком Берлов.

Из оперативной сводки 1-й Конной армии, 2 сентября 1920 г., 12 час.[3]

4-я кавдивизия 1 сентября дважды отбив упорно наступающего противника с линии Степанковице, Кулаковице, Забудцы, сосредото-

[1] ЦАКА, ф. 7657, оп. 2, д. № 48, л. 1.
[2] Там же, л. 6.
[3] ЦАКА, д. № 202—758, л. 11.

чилась в Шпиколосы, Монатыче, Неледов, 5—8 верст севернее и северо-западнее Грубешов. В боях захвачено 700 пленных, три тяжелых орудия, пулеметы.

Начполештарм 1-й Конной Зотов.

Приказ по гарнизону города Грубешова, 3 сентября 1920 г., № 1[1]

Сего числа я вступил в исполнение обязанностей начальника гарнизона города Грубешова.

§ 1.

Призываю всех граждан города Грубешова к полному порядку и спокойствию.

§ 2.

1 сентября в городе Грубешове происходили грабежи. Этому преступному явлению польских агентов, переодетых в красноармейское обмундирование, будет положен конец со всей беспощадностью. Всякий замеченный в грабеже, кто бы он ни был, будет расстрелян на месте. По борьбе с темными личностями я надеюсь найти помощь со стороны Революционного комитета, а также и граждан города Грубешова.

§ 3.

Комендантом города назначаю коменданта штаба 4-й кавдивизии тов. Зотова, которому приказываю вступить в исполнение своих обязанностей.

§ 4.

Все имеющееся оружие, как огнестрельное, так и холодное, приказываю снести в течение 24-х часов со времени опубликования настоящего приказа в комендантское управление.

§ 5.

Всем владельцам магазинов приказываю открыть таковые и производить нормальную торговлю. Предупреждаю, что за взвинчивание цен со спекулятивной целью и за скрытие товаров, виновные будут привлекаться к ответственности по всем строгостям законов военно-революционного времени вплоть до расстрела.

§ 6.

Всем офицерам и чиновникам военного времени, какой бы то ни было армии, в течение 12 часов со времени опубликования приказа, явиться в комендантское управление, для регистрации. За неисполнение виновные будут привлекаться по законам военного времени.

§ 7.

Город объявляется на осадном положении, свободное движение по городу разрешается до 20 часов по официальному времени (до 8-ми по старому). После указанного времени лица, не имеющие пропусков, будут задерживаться и препровождаться в комендантское управление.

Начальник гарнизона Тимошенко.

---

[1] ЦАКА, ф. 7657, оп. 2, д. № 48 л. 19.

Приказ по 4-й Кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, Грубешов, 6 сентября 1920 г., 9 час., № 133/оп.[1]

Противник на фронте Конармии сгруппировал крупные силы и 5 сентября по всему фронту Конармии перешел в энергичное наступление и потеснил наши части на линии реки Гучва, причем 4-я кавдивизия, переходя несколько раз в контратаки, сбивала противника, и в одну из атак уничтожила пехотный полк противника, захватив 200 человек пленных.

Дабы не дать противнику сжать части Конармии на переправе через реку Буг в районе Грубешов и вывести армию из под фланговых ударов приказано:

14-й кавдивизии с рассветом 6 сентября произвести в брод переправу через реку Буг в Амбуков и расположиться Амбуков, Цуцнево, Поромов, Млыниски, Божанка.

11-й кавдивизии 6 сентября произвести переправу через реку Буг на участке Слипче, Крылов и стать в армрезерв в район: Навратин, Черчицы, Бубнов, Честный-Крест.

6-й кавдивизии с рассветом 6 сентября произвести переправу через реку Буг в районе Крылов и расположиться: Михал, Крылов, Кречев, Мольников.

Вверенной мне дивизии оставить передовые части в занимаемых пунктах, коим удерживать за собой имеющийся плацдарм на западном берегу реки Гучва, главными же силами с рассветом 6 сентября расположиться: Хотячев, Изов, Рокичница, Лудзин, Бортнов, удерживая за собой переправы через реку Буг от устья реки Луга до Выгоданка включительно. У последней, в случае надобности, взорвать имеющийся мост через реку Буг, при чем указанная переправа должна быть до последнего момента сильно укрепленной и обороняться сильной частью с артиллерией. Разведку вести в полосе: Корытница, Ухане.

Полештарму приказано расположиться в г. Владимир-Волынский.

Обозы 2-го разряда сосредоточить: 4-й кавдивизии — Хоростов, Выгодонка, Губин, Рогозино; 11-й кавдивизии — Микуличи, Яковичи; 14-й кавдивизии — Березовичи, Бобичи и 6-й кавдивизии — Крухиничи, Локачи.

Во исполнение поставленной задачи приказываю.

1. Комбригу 2-й, оставив на своем участке сильный заслон, главными силами с получением сего произвести переправу через реку Буг в районе: Стрижев, Руссынне и занять район: Изов, Русов, Хотячев, взять под строжайшую охрану участок: устье реки Луги, включительно — Черников, исключительно, произведя самую тщательную рекогносцировку реки Буг на своем участке и все пункты, где противник мог бы переправиться, охранять сильными частями с пулеметами, а если потребует обстановка, и артиллерией. Обратить особое внимание на район м. Устилуг, занятого пехотными частями 44-й стр. дивизии; в случае форсирования противником реки Буг в этом районе и невыдержки нашей пехоты, немедленно оказывать таковой помощь и ликвидировать противника. Установить тесную и непрерывную связь со штадивом и соседями, как живую, так и техническую. Разведку вести по западному берегу реки Буг в направлении Корытница.

2. Комбригу 1-й занять и упорно оборонять участок по реке Буг Черников — Выгодонка, оба пункта включительно, произвести на участке тщательную рекогносцировку переправ. Переправу у Выгодонка удерживать до последнего момента, укрепив позицию в районе

[1] ЦАКА, ф. 7657, оп. 2, д. № 19, л. 1.

таковой пулеметами и артиллерией и заняв сильной частью. В случае надобности, взорвать мост в Выгодонка через реку Буг. Главными силами бригады занять район: Рокичница, Лудзин. Рогожаны, Зелинов. Установить со штадивом и соседями связь, как живую, так и техническую. Разведку вести в направлении Степанковице, Ухане, Грубешов.

3. Комбригу 3-й с получением сего, оставив на занимаемом участке в районе Грубешов необходимый заслон, главными силами бригады переправиться у городка через реку Буг и занять район: Вощатин, Бортнов. Установить связь со штадивом и соседями, как техническую, так и живую. Оставленному в Грубешове заслону перед отходом уничтожить мост через реку Гучва.

4. Комконартдиву с артпарком с получением сего выступить и перейти в район Ласков.

5. Комбригам и комконартдиву обозы 1-го разряда расположить по своему усмотрению за строевыми частями, но с таким расчетом, чтобы они не могли мешать маневрированию конницы. По расположении в указанных районах и сосредоточении обозов немедленно выслать транспорт за получением огнеприпасов во Владимир-Волынский из головной артлетучки. Приемщикам иметь на руках точные сведения о наличии огнеприпасов в своих частях и расходе за последние бои.

6. Начснабдиву с обозами 2-го разряда и начсанчасти с дивлазаретом из района Зимно перейти и расположиться, согласно приказания по Конармии, в районе: Хоростов, Выгодонка, Губин, Рогозино. Начснабдиву с опродкомдивом принять меры к доставке в части продфуража, принимая во внимание бедность в таковом в занимаемом частями районе.

7. Адмчасти, подиву, Ревтрибуналу, ветчасти и ремкомиссии оставаться расположенными в Суходолы.

8. Полештарму с перпитпунктом № 1 6 сентября выступить из Грубешов и перейти в Оране, Новоселки, где и расположиться.

9. Начсвязи, по расположении штадива, немедленно установить связь со штармом во Владимир-Волынский и с 132-й Пластунской бригадой в Устилуг.

10. Комбригам принять решительные меры и части привести в полный боевой вид, установить на участках строжайшую бдительность. Помнить, что противник против Конармии стягивает все силы, чтобы парализовать ее мощь. Нужно быть всегда готовым, чтобы зарывающемуся противнику нанести сокрушительный удар. Нужно подтянуться всем и помнить, что победа зависит исключительно от нас самих. Строжайшая революционная дисциплина, быстрое и точное исполнение боевых приказов и распоряжений и умелое проявление инициативы — вот основные условия этой победы.

11. Заместители мои: комбриг 1-й и комбриг 2-й тов. Тиленев.

12. О получении приказа и отданных распоряжениях донести.

Начдив 4-й кавалерийской Тимошенко.

Из оперативной сводки 1-й Конной армии, 6 сентября 1920 г., 10 час.[1]

4-я кавдивизия, после упорных боев, разгромив противника и взяв до 200 пленных, ввиду уязвимости своих флангов, после отхода пехчастей за Буг и отхода 14-й кавдивизии, к ночи отвела свои части в район Стрижев, Грубешов, Выгодонка. Штадив — Грубешов.

Начполештарм 1-й Конной — Зотов.

[1] ЦАКА, ф. № 202—758, л. 24.

IV. Разгром Врангеля и ликвидация банд Махно на Украине

Приказ по 4-й Кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, с. Еразмовка, 10 октября 1920 г., 23 часа, № 155[1]

В лесах в районе Еразмовка оперируют крупные банды Черного ворона, Кваши и других. 3-я кавбригада до наступления темноты 13 октября вела упорный бой с бандитами в лесу южнее леса Еразмовка, многих бандитов изрубила и захватила пленных и трофеи. Остальная банда рассеялась в лесах. По полученным сведениям особенно крупные банды сосредоточены в лесу восточнее Еразмовка.

Для окончательной ликвидации указанных банд приказываю:

1) Комбригу 1-й, 14 октября выполнять приказ по дивизии № 154, при движении тщательно осветить район Сентов, Ульяновка.

2) Комбригу 2-й, с 21 и 22 полками оставаться в районе мал. и бол. Бирки, Иван Город. С рассветом 14 октября выслать сильный отряд в обход леса, идущего на восток от Еразмовка. Отряду при проходе Омель-город выслать разъезд на Елисаветградка, Цыбулево, остальными силами уничтожать банду, сосредоточенную в лесу.

3) Комбригу 3-й, с 23 и 24 полками оставаясь в прежнем районе, выслать сильные отряды, которыми осветить лес, как западнее, так и восточнее Еразмовка и полностью уничтожить остатки банд.

4) Комконартдиву 14 октября оставаться в занимаемом районе.

5) Начснабдиву с обозами 2-го разряда и начсанчасти 14 октября выполнять приказ по дивизии № 154.

6) Штадиву, подиву, ревтрибуналу, дивизионной школе и остальным учреждениям дивизии 14 октября оставаться в занимаемых районах.

7) Я буду находиться при штадиве, в Еразмовка, куда частям и присылать донесения.

8) 15 октября выполнять указанное в приказе по дивизии № 154 на 14 октября.

9) О получении приказа и отданных распоряжениях донести.

Начдив 4-й кавалерийской Тимошенко.

Из приказа по 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, пос. Березнеговатый, 26 октября 1920 г., 24 часа, № 161[2]

1. Вверенной мне дивизии приказано 27 октября к вечеру сосредоточиться в Бериславле.

2. Во исполнение чего приказываю:

а) Дивизии, в составе строевых частей, завтра 27 октября в 8 часов 30 мин. сосредоточиться у перекрестка дорог 4 версты юго-восточнее Березнеговатый над буквой А у надписи Васильевка, где ожидать моего приезда. Ровно в 9 часов со сборного пункта дивизии (в порядке 3-я, 2-я и 1-я бригады) двигаться в общем направлении Бериславль, при чем комбригу 3-й при своей, головной, бригаде иметь опытного проводника. Во время движения частям делать необходимые привалы, ввиду большого перехода. Движение совершать в строжайшем порядке.

По расположении частей, командирам и военкомам строго следить, чтобы не было шатания бойцов по городу, а тем паче каких-либо безобразий или недоразумений по отношению к другим частям, а осо-

[1] ЦАКА, д. № 76—453, л. 14.
[2] ЦАКА, д. № 80—331, л. 16.

бенно к мирным гражданам. В районах расположения частей соблюдать строжайший порядок.

2) Комбригу 3-й заблаговременно до выступления дивизии со сборного пункта выслать на хороших конях разъезд под начальством опытного командира, которому еще засветло произвести рекогносцировку переправ через реку Днепр в районе Каховка и результаты разведки с точным описанием переправ 27 октября представить мне.

4) Командирам частей иметь ввиду переход дивизии на левый берег реки Днепра, безводный и совершенно голодный, и кроме того необходимо все обозы, за исключением техники и огнеприпасов, оставить на правом берегу, ввиду чего под строжайшей ответственностью командиров и военкомов каждый боец, при выступлении из Береславля, для дальнейших операций — иметь при себе на седле двухдневный запас зерна — фуража и хлеба и, по возможности, так же воду в флягах. Обратить особое внимание на запас воды при пулеметах.

5) Перпитпункту двигаться и располагаться при полештадиве. Раненых и больных через дивлазарет направлять на ст. Снигиревку.

6) Начсвязи, по расположении частей, установить техническую связь с таковыми и полештармом в Бериславль. Для связи с адмчастью и начснабдивом установить посты летучей почты в Зацарный и Колмыченко.

7) Я буду находиться при полештадиве, куда и присылать все донесения.

8) Заместители мои: 1-й — наштадив, 2-й — комбриг 1-й.

9) О получении приказа и отданных распоряжениях донести.

Начдив 4-й кавалерийской Тимошенко.

Из приказа по 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, с. Натальино, 29 октября 1920 г., 7 час., № 163 [1].

Вверенной мне дивизии в 9 час. 29 октября приказано перейти в решительное наступление в направлении: Аскания-нова, Громовка, уничтожить на своем пути противника и на ночлег сосредоточиться в Сергеевка, Громовка, Воскресенская.

Во исполнение чего приказываю:

1) Дивизии к 9-ти часам 29 октября сосредоточиться в 3-х верстах юго-восточнее Натальино по большой дороге, идущей на Аскания-нова.

2) Комбригу 3-й со сборного пункта ровно в 9 час. двинуться с мерами походного охранения и разведкой через Аскания-нова в направлении Громовка, уничтожая на своем пути встречающиеся части противника. Авангарду бригады, не останавливаясь в Громовка, двигаться в направлении Ново-Дмитриевка, выслав глубокие разъезды, для освещения указанного района. Бригаде на ночлег расположиться в Сергеевка.

3) Комбригу 2-й со сборного пункта двинуться вслед за 3-й кавбригадой, оказывая таковой поддержку при столкновении ее с противником. При движении освещать местность влево — разъездами. По достижении Аскания-нова выслать левый боковой отряд, которому двигаться через Дорнбург, достигнуть Ново-Троицкое, после чего присоединиться к бригаде. Бригаде на ночлег расположиться в Воскресенская.

4) Комбригу 1-й со сборного пункта двинуться вслед за 2-й кавбригадой, выслав правый боковой отряд через Ново-Бугальские, Вол-

[1] ЦАКА, д. № 78—455, л. 13.

ковский, Ново-Покровка. При движении установить связь вправо с частями 51 стр. дивизии и с частями 14-й кавдивизии, которые будут двигаться через Б. Томаклы — Круглая, на ночлег расположиться в Ново-Покровка, Ново-Николаевка.

5) Комбригам в случае соприкосновения с противником действовать энергичным образом, сообразуясь с обстановкой, причем комбригу 2-й, в случае обнаружения противника, его штабов или обозов в Ново-Троицкое, сделав лихой налет, забрать последние. На ночлег комбригам выставить бдительное охранение. Комбригу 3-й на участке: берег озера включительно — дорога на Ново-Дмитриевка — дорога на Ново-Троицкое исключительно. Разведки вести в направлении: Ново-Дмитриевка, Геническ; комбригу 2-й на участке: дорога на Ново-Троицкое, дорога на Агайман обе включительно; разведку вести в направлении Рождественская, Петровская. Установить связь влево с частями 11-й кавдивизии, которая 29 октября к вечеру должна выйти в район Агайман.

6) Комконартдиву артпарк и 4-ю батарею двигать за 1-й кавбригадой и на ночлег расположить на северо-западной окраине Громовка.

7) Начснабдиву, начсанчасти, дившколе с получением сего перейти и расположиться в районе Бериславль. Начснабдиву заготовить достаточный запас продфуража и приготовить транспорты с огнеприпасами.

8) Обозам 1-го разряда до распоряжения оставаться в Каменка, учреждениям штадива в Береславле.

9) Я с полештадивом буду двигаться при 2-й кавбригаде и на ночлег с полештадивом расположусь в Громовка, куда присылать все донесения, в бою через каждые два часа.

10) Заместители мои прежние.

11) О получении приказа, о достижении сборного пункта и о расположении на ночлег — донести.

Начдив 4-й кавалерийской Тимошенко.

Приказание по 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, с. Громовка, 30 октября 1920 г., 8 час., № 0165 [1].

Приказываю с получением сего выступить на места расположения и сосредоточиться у цифры 4 под надписью Сергеевка [2], имея головной 3-ю кавбригаду, вслед 1-ю и за ней 2-ю, где и ожидать моего приезда. Приказ будет прислан на сборный пункт. Комбригам иметь ввиду стремительное наступление на ст. Ново-Алексеевка, а потому приготовить подрывников, которых снабдить подрывным имуществом.

Начдив 4-й кавалерийской Тимошенко.
Военком отсутствует.

Из донесения начдива 4 в штаб 1-й Конармии ст. Ново-Алексеевка, 30 октября 1920 г., 19 часов, № 1069 [3].

Доношу, что дивизия к 18 часам выполнила приказ Конармии... 1-я кавбригада заняла ст. Ново-Алексеевка и достигает Юзкуя, 3-я кавбригада почти без сопротивления заняла ст. Сальково и двигается в район Вихляева, выделив дивизион с артиллерией на Геническ. На ст. Ново-Алексеевка захвачена громадная добыча. Взят полностью 4-й Корниловский г/полк, пленных — всего до 1 000 чел.

---

[1] ЦАКА, ф. 7657, оп. 2, д. № 20, л. 130.

[2] Сергеевка — населенный пункт, на северном берегу Сивашского залива на пути движения 4-й кавалерийской дивизии из района Бериславля.

[3] ЦАКА, ф. 7657, оп. 2, д. № 73, л. 54.

Много офицеров порублено... Нами отрезаны 4 бронепоезда противника, ушедшие на ст. Рыково. Штадиву расположится на ст. Ново-Алексеевка. Сведения об 11-й и 14-й кавдивизии пока не поступали. Оперприказ прошу направить на ст. Ново-Алексеевка.

Начдив 4 Тимошенко.

Из приказа по 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, г. Бериславль, 1 ноября 1920 г., № 196/А[1]

§ 1.

1 ноября под станцией Ново-Алексеевской в жестоком бою с белыми бандами барона Врангеля я был ранен в ногу и там же лишился своего любимого коня. Не успели меня вынести из этого славного боя, как я был ранен вторично в предплечье, но доблестные лихие товарищи не дали погибнуть своему командиру и вынесли меня из-под града пуль[2]. Теперь временно я принужден покинуть позицию, но это только на несколько дней. Эти пять-шесть дней я буду находиться при основном штабе дивизии.

За эти бои много выбыло из строя славных командиров и комиссаров, но вы, оставшиеся товарищи командиры, военкомы и красноармейцы, помните, что 4-я дивизия все время была первой в боях, она никогда не уступала противнику, она всегда являлась для врага непреодолимой грозой. Пусть же и теперь, в дни моего отсутствия, она будет такою же славной и победоносной.

Находясь при штадиве, я буду следить за операциями и надеюсь, что мои славные сподвижники не омрачат меня своими действиями.

Я надеюсь, что все изданные ранее мною приказы будут выполняться точно и аккуратно, что порядок и дисциплина в дивизии будут такими же примерно, как это было раньше.

Товарищи, этим славным маршем мы нанесли барону смертельный удар. Враг мечется в агонии, в предсмертных судорогах. Конец его близок. Не нынче — завтра эта черносотенная банда будет нами окончательно раздавлена. Судьба его решена.

Помните, товарищи, что залог успеха, сила всякой армии зиждется на единой идее, порядке и дисциплине.

Нет армии без дисциплины.

Вместе с победами над врагом мы одерживали победы над разгильдяйством. Пусть же вместе с последним врагом нашим — бароном падут и все наши недостатки, если еще таковые где имеются, и мы выйдем двойными победителями и тогда уже никакой враг нам не будет страшен.

Начдив Тимошенко.

Из телеграммы К. Е. Ворошилова в Реввоенсовет республики, 12 ноября, 1920 г.[3]

Реввоенсовет Конармии ходатайствует о награждении вторым орденом Красного Знамени начдива 4-й кавалерийской тов. Тимошенко... за доблестное командование 4-й кавдивизией в боях на Польском

[1] ЦАКА, ф. 7657, оп. 4, д. № 18, лл. 33—34.

[2] 30 октября 1-я Конная отрезала пути отхода врангелевской армии из Северной Таврии в Крым, и, естественно, когда на следующий день начался массовый отход врангелевцев в Крым, вся тяжесть ударов пришлась на дивизии 1-й Конной армии, особенно на 4-ю, прикрывавшую пути отхода через восточную часть крымских перешейков.

[3] ЦАКА, ф. 245, оп. 1, д. № 56, л. 156.

фронте, соединенное с примерами исключительной храбрости и мужества, которое особенно было проявлено т. Тимошенко в боях в районе Замостья. При тяжелой боевой обстановке, в которой очутилась Первая Конармия, окруженная со всех сторон превосходными силами противника, т. Тимошенко, лично водя полки дивизии в бой и в ответственные моменты боя с передней цепью бросаясь в атаку, дал жестокий отпор наседавшей коннице противника; получив в дальнейшем задачу прорвать железное кольцо противника, блестяще выполнил таковую лихим маневром, сняв до трех батальонов лучшей пехоты противника, отрезавшей путь отхода Конармии, после чего Конармия вышла благополучно из окружения. В бою под ст. Ново-Алексеевка, желая нанести решительный удар наступавшим превосходным силам армии генерала Врангеля, несмотря на ураганный пулеметный огонь, увлекая вперед бойцов, бросился на офицерский десант бронепоезда и, получив два тяжелых ранения, в продолжении нескольких часов продолжал командовать дивизией, как член Российской коммунистической партии, исключительно заботясь лишь об интересах дела великой борьбы с врагами пролетарской революции[1].

Реввоенсовет 1-й Конной армии Ворошилов.

Из приказа по 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, с. Чернявка, 28 ноября 1920 г., № 206[2].

§ 1.

Приказ прочесть во всех эскадронах, батареях и командах.

Красные орлы 4-й кавдивизии!

Вы заслужили вполне себе название орлов. За время гражданской войны вы беспрерывными победами над врагами трудового народа покрыли красные наши знамена неувядаемой славой.

Цепь ваших побед тянется яркой лентой с деникинского фронта на польский и оттуда на крымский против барона Врангеля. Здесь с последним врагом нашим вам пришлось вынести жестокий бой с превосходными силами противника. Но вы знали, что это был последний и решительный бой и вы вышли из него как и всегда победителями.

Ваша храбрость, самоотверженность и преданность делу революции будет вписана в страницы истории и будет служить примером нашему потомству. Теперь, покончив с последними врагами, мы отойдем в резерв, дабы воспользоваться вполне заслуженным отдыхом.

Получив ранения, мне пришлось оставить вас, красные герои, на некоторое время и притом в довольно трудном положении, но вместо меня остались старые заслуженные вожди и я был спокоен за участь дивизии.

Уезжая, я обращался к вам с просьбой выполнять точно и аккуратно как отданные ранее мной приказы, так и издаваемые в моем отсутствии и высказывал надежду на вашу исполнительность.

Надежды мои не обманулись. Подлечив раны, я возвратился снова к вам и, вступая с сего числа в командование дивизией, я с радостью узнаю, что вы не только были храбры в боях с врагом, но вы были

---

[1] На наградных списках, представленных Реввоенсовету 1-й Конной армии в Реввоенсовет Южного фронта, командующий фронтом М. В. Фрунзе наложил следующую резолюцию в отношении товарища Тимошенко: «Ходатайствуем перед Реввоенсоветом республики. Реввоенсовет Южфронта Фрунзе». (ЦАКА, ф. 245, оп. 1, д. № 56, л. 166).

[2] ЦАКА, ф. 7657, оп. 4, д. № 19, л. 10

везде и все время достойными и честными воинами, за что всем командирам, комиссарам и бойцам приношу искреннюю мою благодарность.

Начдив Тимошенко.

Донесение С. К. Тимошенко командарму 1-й Конной, Михайловка, 1 декабря 1920 г., № 01167[1].

1-я кавбригада 4-й дивизии, поддержанная батареей 124-й бригады, ведет с 9 часов бой с группой махновцев[2], силы которых: 3 полка кавалерии и 2 полка пехоты при 6 орудиях и до 250 пулеметов. На поддержку из Михайловка в 12 часов выступил 22-й кавполк. 21-му кавполку приказано из Орлянск спешно прибыть и сосредоточиться в Михайловка.

3-я кавбригада занимает М. Белозерка, не допуская противника прорваться на с. Балки. Махновцы по всему участку ведут ожесточенное наступление сплошною цепью пулеметов и выбитые из Тимошевка в 11 часов 19-м кавполком к 12 часам потеснили таковой, заняв южную окраину села 2-мя кавполками кавалерии; третий кавполк махновцев и 2 полка пехоты ведут наступление со стороны Матвеевка в северо-восточном направлении, стремясь, очевидно, прорваться на Рейхенфельд. 370-й полк 42-й стр. дивизии, обезоруженный махновцами, отбит нами в с. Тимошевка и группами идет к Михайловке. 371-й пех. полк занимает цепью юго-западную окраину Михайловка. Наши части переходили несколько раз в атаку, изрубили до 100 кавалеристов, захвачены лошади и несколько пулеметов.

Быстрой ликвидации банды мешает обилие у нее пулеметов на хороших лошадях, а также отсутствие при наших частях автоброневиков. Бронепоезд № 63 до настоящего времени на ст. Пришиб не прибыл, а вместе с ним не прибыл и 12-й автоброневой отряд, и местонахождение их неизвестно. Бой продолжается, о результатах донесу дополнительно.

Начдив 4-й кавалерийской Тимошенко.

Донесение начальника штаба 4-й дивизии командарму 1-й Конной, с. Михайловка, 1 декабря 1920 г., 16 час.[3]

Банда махновцев, пытающаяся перейти в решительное наступление на Михайловка, сбита 1-й кавбригадой. К настоящему моменту бой идет в 10 верстах южнее Михайловка и на юго-западной окраине Тимошевка. Противник ведет бой, имея в действии до 250 пулеметов и до 1 000 сабель кавалерии (3 полка) и 2 полка пехоты. 1-я кавбригада и подошедшая 2-я кавбригада переходят в решительное наступление для ликвидации банды. 3-й кавбригаде приказано развить решительный удар из м. Белозерка в направлении Тимошевка для удара во фланг и тыл противника. Со стороны Рейхенфельд подходит 126-я бригада 42-й стр. дивизии. 124-я стр. бригада занимает: 372-й полк — м. Белозерки, 371-й полк — Михайловка. В бою нами захвачено 15 пулеметов, пленные и лошади. Начдив и военкомдив выехали на позицию. Окончательные результаты боя еще неизвестны.

Наштадив 4 (подпись).

---

[1] ЦАКА, ф. 7656, оп. 2, д. № 82, лл. 2—3.

[2] Борьба с бандами Махно началась немедленно после ликвидации Врангеля. Эта борьба продолжалась до июня 1921 года. Операции против Махно осуществлялись частями 1-й Конной армии, в рядах которой товарищ Тимошенко и продолжал свою боевую деятельность.

[3] ЦАКА, ф. 7656, оп. 2, д. № 82, л. 4.

Телеграмма С. К. Тимошенко начальнику штаба 4 кавалерийской дивизии, 1 декабря 1920 г., 17 час. 35 м.[1].

Частями 4-й дивизии банды Махно разбиты в районе село Матвеевка. Полностью уничтожена пехота, часть взято в плен. Много изрублено кавалеристов, захвачены лошади, тачанки с пулеметами, с упряжью и лошадьми. Остатки разделились на 2 группы: часть бежала на с. Веселое и часть на Спасское, преследуемые нашими полками. Точный результат и подсчет захваченных в плен сообщу дополнительно. Передать срочно командарму 1-й Конной и начтыла 4-й армии.

Начдив 4-й Тимошенко.

---

[1] ЦАКА, ф. 7656, оп. 2, д. № 82, л. 7—8.

Революционная деятельность тов. В. В. Куйбышева в Самаре (1916—1918 гг.)

В блестящей плеяде героических борцов за коммунизм одно из почетных мест принадлежит Валериану Владимировичу Куйбышеву.

Всю свою прекрасную жизнь Валериан Владимирович отдал великому делу Ленина — Сталина. Его сердце билось горячей любовью к рабочему классу, ко всем трудящимся.

Человек кристальной чистоты, стойкий ленинец-сталинец, непримиримый к врагам партии, он воплощал в себе лучшие черты революционера-большевика.

Куйбышев был подлинным профессионалом революционером. В суровых условиях подполья, когда на большевистскую партию обрушивались свирепые преследования царских властей, когда не только за революционную деятельность, но и за найденную при обыске запрещенную литературу грозила тюрьма и ссылка, Валериан Владимирович, пренебрегая опасностью, вел активную революционную работу.

История революционного пути Куйбышева изобилует арестами и ссылками. Ему пришлось пережить восемь арестов и четыре ссылки. Но куда бы судьба ни забрасывала Валериана Владимировича, он оставался бодрым, жизнерадостным, всегда деятельным. Человек неисчерпаемой энергии, Куйбышев не поддавался угнетающей обстановке тюремного режима. В царских тюрьмах и ссылках он продолжал усиленно заниматься самообразованием, читал марксистско-ленинскую литературу, журналы, беллетристику. С большевистской страстью овладевал он богатейшей сокровищницей марксистско-ленинской науки и неустанно пропагандировал ее.

Большевистские организации, в которых работал Куйбышев, всегда поручали ему руководство пропагандистской деятельностью. Один из участников подпольного кружка, руководимого Валерианом Владимировичем в Петропавловске летом 1907 года, так характеризует его пропагандистскую работу:

«Товарища Куйбышева я сравниваю с опытным машинистом паровоза, который умелой рукой подбрасывает уголь в топку и производит большой и верный огонь. Так и товарищ Куйбышев, агитируя среди рабочих, разжигал в них революционное пламя».

Большевистское подполье выковало из Куйбышева крупнейшего политического деятеля нашей партии. В период подготовки и проведения великой Октябрьской социалистической революции, в годы борьбы с белогвардейщиной и интервентами, Валериан Владимирович организует трудящихся на борьбу за власть советов.

На фронтах гражданской войны он один из виднейших политических и военных руководителей.

После окончания гражданской войны Валериан Владимирович ведет огромную государственную и партийную работу.

Враги народа, троцкистско-бухаринские изверги, с помощью убийц-врачей, предательски умертвили Валериана Владимировича. 25 января 1935 г. навсегда перестало биться сердце пламенного пролетарского революционера, ближайшего

соратника великого Сталина. В день похорон Валериана Владимировича товарищ Молотов на траурном митинге говорил: «Советский Союз, рабочий класс и партия лишились одного из своих лучших деятелей, соединявшего в себе глубокое понимание сложных государственных и партийных дел с беззаветной преданностью пролетарской революции... Валериан Куйбышев неизменно, несмотря на все препятствия и опасности, несмотря на малодушие многих, шел избранной им дорогой — дорогой непреклонного большевика. Он был и навсегда останется для нас примером революционной честности, последовательности, стойкости...»

* * *

Самарский период — один из наиболее ярких в жизни и революционной деятельности Валериана Владимировича Куйбышева.

Валериан Владимирович приехал в Самару в апреле[1] 1916 г. Это был его первый приезд в Самару, хотя жандармы и искали его здесь еще в 1913 г. 20 апреля 1913 г. начальник Томского губернского жандармского управления предупреждал самарскую жандармерию, что «состоящий под негласным наблюдением, бывший административно ссыльный Нарымского края Валериан Владимиров Куйбышев 4 сего апреля из г. Каинска выехал в г. Самару». Получив такое сообщение, жандармы бросились лихорадочно искать Куйбышева в Самаре но Валериан Владимирович в Самару не заезжал а отправился из Каинска в Тамбов, где жила его мать.

И только через три года, когда Куйбышеву удалось вырваться из далекой сибирской ссылки, он направился в Самару. Опасаясь ареста, Валериан Владимирович приехал с чужим паспортом на имя Иосифа Андреевича Адамчика.

На первых порах Куйбышев поступил табельщиком в пекарню местного богача Неклютина. Паспорт Адамчика был в полном порядке и новый служащий не вызвал никаких подозрений ни у хозяина, ни у полиции. Жандармам и в голову не приходило, что скромный табельщик пекарни Неклютина Иосиф Андреевич Адамчик и есть тот Куйбышев, которого они в 1913 г. напрасно искали в Самаре, и которого сейчас по всей России разыскивают как «беглого государственного преступника».

В пекарне Куйбышев проработал недолго. Связавшись с местной большевистской организацией, он стремился попасть в более крупное промышленное предприятие, где было больше простора для нелегальной партийной работы. Валериан Владимирович переходит на должность конторщика в рабочее кооперативное общество «Самопомощь». Помещение общества использовалось большевиками для конспиративных собраний. Это очень устраивало Куйбышева, который таким путем имел возможность ближе связаться с партийными работниками.

Но и служба в «Самопомощи» его не удовлетворяла. Валериан Владимирович решил поступить на крупное предприятие Самары — Трубочный завод, который был тогда центром подпольной большевистской деятельности.

Устроиться на Трубочный завод было очень трудно, так как он был военным предприятием и начальство подвергало поступающих придирчивой и строгой проверке. Кроме того завод нуждался тогда только в квалифицированной рабочей силе, и Куйбышеву, чтобы поступить туда, надо было иметь специальность.

На завод устроился Валериан Владимирович с помощью рабочих большевиков. На первых порах он допускал много поломок, но это продолжалось недолго. Валериан Владимирович оказался на редкость способным учеником. Вскоре он настолько овладел фрезерным станком, что вызывал удивление старых кадровых рабочих. В своих воспоминаниях Куйбышев писал:

«На заводе я проработал месяцев восемь. Кстати сказать, к концу моей работы на заводе я вырабатывал норму большую, чем любой старый фрезеровщик. Дело доходило до того, что мои партийные товарищи приходили ко мне и просили вырабатывать меньше, чтобы не снижать общий заработок рабочих».

[1] Точная дата не установлена.

Подпольная большевистская организация Трубочного завода после прихода Валериана Владимировича стала проявлять значительно бо́льшую активность. Под его руководством большевики вели неустанную борьбу с эсерами и меньшевиками, которые пытались укрепиться на заводе. Блестящий мастер конспирации, опытный пропагандист, умелый организатор, Куйбышев вел на заводе деятельную, но вместе с тем осторожную большевистскую пропаганду. Он разъяснял программу большевистской партии, разоблачал подлинные цели кровавой империалистической войны, он готовил рабочих к решительным битвам с самодержавием и капитализмом.

Валериан Владимирович в короткое время создал на заводе сеть кружков, которые охватывали наиболее передовых рабочих и работниц. В этих кружках Куйбышев и другие большевики вели неустанную пропаганду идей ленинизма. Валериан Владимирович умел находить простые и ясные слова для объяснения самых серьезных и сложных задач революции. Часто по его инициативе большевики завода собирались на конспиративные совещания для обсуждения проведенной работы и выработки планов своей дальнейшей деятельности.

Куйбышев был организатором забастовки рабочих Трубочного завода в 1916 г. Накануне забастовки Валериан Владимирович собрал большевиков завода и дал им наказ, как вести себя.

— Главное не волнуйтесь,— говорил он,— не поддавайтесь на провокацию, этого начальство и жандармы только ждут, чтобы приступить к избиению. Отпора мы им дать пока не можем...

Стачка произошла организованно, несмотря на многочисленные провокационные выходки со стороны начальства завода.

Руководя большевиками Трубочного завода, Куйбышев одновременно возглавлял Самарскую городскую организацию большевиков. К моменту приезда Валериана Владимировича в Самару местная партийная организация была разгромлена. С большим трудом Валериан Владимирович восстановил общегородской и районные комитеты РСДРП. Он создал разветвленную сеть большевистской организации во всех крупных промышленных предприятиях города.

Активность самарских большевиков пугала не только местную власть, но и петербургскую. Департамент полиции сообщал Самарскому губернскому жандармскому управлению, что он придает серьезное значение оживлению местных большевистских организаций, и требовал ликвидации этих организаций «не затягивая наблюдения».

Огромное значение в жизни самарских большевиков имело собрание, состоявшееся 6 августа 1916 г. около Красной Глинки, в 30 км от Самары. На этом собрании был избран городской комитет, пропагандистская коллегия и организационный комитет по созыву Поволжской конференции большевиков. Руководителем пропагандистской коллегии и организационного комитета был избран Валериан Владимирович.

Куйбышев придавал исключительно важное значение созыву Поволжской конференции, которая должна была обсудить ряд серьезнейших вопросов. На конференции предполагалось избрать организационный центр для руководства всей большевистской работой в Поволжье.

Валериан Владимирович с головой уходит в кипучую работу по подготовке созыва конференции. Он связывается с подпольными организациями Казани, Саратова, Нижнего-Новгорода и рассылает представителей в эти города, уточняет повестку дня, составляет тезисы, конспекты. Накануне конференции под руководством Куйбышева проводится целый ряд частных совещаний большевиков Самары и других городов.

Однако, конференции не удалось начать свою работу. Подлый провокатор Л. Соловьев-Сапожков, проникший в Самарскую большевистскую организацию, сообщил жандармам о предполагаемой конференции. Тем не менее жандармы долгое время находились в неведении относительно места и времени созыва конференции. С этой точки зрения крайне интересны печатаемые ниже документы. Например, начальник Казанского губернского жандармского управления

23 августа 1916 г. в Департамент полиции доносил, что «о конференции, предполагаемой в г. Самаре, большевиков социал-демократов никому ничего не известно». То же самое сообщили начальники Симбирского и Уфимского губернских жандармских управлений.

И только после более достоверных сведений Л. Соловьева-Сапожкова самарские жандармы получили возможность «ликвидировать» Поволжскую конференцию.

4 сентября 1916 г.[1] конференция должна была открыться. Куйбышев условился, что придет на конференцию последним для того, чтобы убедиться, не наблюдает ли кто-нибудь за конспиративной квартирой. Подходя к квартире, где собрались участники конференции, Валериан Владимирович заметил какого-то подозрительного человека. Куйбышев зашел в расположенный вблизи Александровский садик, сел там на скамейку и стал наблюдать за этим человеком. В своих воспоминаниях он пишет:

«Просидев полчаса, я увидел, что мимо квартиры прошел какой-то субъект помахивая тросточкой и пристально вглядываясь в окна квартиры (дом был двухэтажный, квартира была расположена на первом этаже). Я подумал, что может быть это еще недостаточное количество признаков для установления факта наблюдения за нами. Но когда этот субъект снова прошел в противоположном направлении, также помахивая тросточкой и также пристально смотря на квартиру, я уже прочно убедился, что конференция провалена».

Подозрения Валериана Владимировича оправдались, конференция была провалена. Желая предупредить товарищей о грозящем аресте, Куйбышев, найдя удобный момент, когда шпик отошел от дома, быстро и незаметно вошел в квартиру и предложил всем немедленно разойтись. Квартира опустела, делегаты разошлись, но это их не спасло. Вскоре делегаты конференции были арестованы. В ночь на 18 сентября 1916 г. арестовали и Валериана Владимировича.

Куйбышев был арестован под фамилией Адамчика и жандармы долгое время не знали, что Адамчик и Куйбышев одно и то же лицо. Им было только известно, что Адамчик играл руководящую роль в жизни большевистской организации и они смутно догадывались, что он проживает по чужому паспорту.

Только после того, когда надобность в скрытии своей настоящей фамилии исчезла, Куйбышев назвал себя. Начальник Самарского губернского жандармского управления полковник Познанский, производивший допрос Куйбышева, пытался выяснить, откуда он получил чужой паспорт. Но, конечно, все его попытки были тщетны.

Самарские власти содержали Валериана Владимировича в особо тяжелых условиях, его тюремный режим был более строгим. Жандармы пытались сломить этим волю Куйбышева и принудить его к «откровенным признаниям». Ничто не могло заставить несгибаемого пролетарского революционера отказаться от своих убеждений.

Валериан Владимирович, находясь в тюрьме, испытывал большие материальные лишения. В связи с этим он обратился к начальнику шестой мастерской Трубочного завода, где он работал до ареста, с просьбой выслать в тюрьму заработанные им деньги. Это заявление и связанная с ним переписка приводятся ниже.

Самарские жандармы ходатайствовали перед министром внутренних дел о возможно более строгом наказании Куйбышева. Конечно, это ходатайство было удовлетворено и по распоряжению министра Куйбышев подлежал высылке в Туруханский край сроком на пять лет.

В феврале 1917 г. Валериан Владимирович и другие товарищи, осужденные по делу Поволжской конференции, были отправлены из Самары в Сибирь. Рабочие, узнав о времени отправки арестованных, организовали им проводы.

---

[1] В воспоминаниях Куйбышева ошибочно приводится дата 13 сентября, однако документы и материалы, приводимые в данной публикации, подтверждают дату — 4 сентября.

Несмотря на то, что конвой разгонял собравшихся, толпа провожающих не расходилась. Рабочим удалось даже передать Валериану Владимировичу продукты, деньги и цветы. Когда поезд тронулся, Куйбышев крикнул:

«Не горюйте, товарищи, скоро опять увидимся с цветами в руках».

Царскому правительству не удалось привести в исполнение свой гнусный приговор. Не дойдя до места ссылки, на одном из промежуточных этапов, ссыльные узнали о революции в Петрограде. Куйбышев был освобожден и вернулся в Самару.

* * *

17 марта 1917 года (по другим данным 16 марта) трудящиеся Самары торжественно встретили своего любимого руководителя. Они пришли на вокзальную площадь организованными колоннами, над которыми развевались красные знамена.

Куйбышев возглавляет Самарскую большевистскую организацию. Он ведет упорную повседневную борьбу с эсеро-меньшевистскими агентами буржуазии и вскрывает предательские махинации соглашательских партий. Валериан Владимирович создает кадры агитаторов, направляет их на предприятия, в рабочие квартиры, в казармы, в окрестные села.

В лице Куйбышева самарские трудящиеся приобрели опытного руководителя, обладавшего огромным организаторским талантом, человека неукротимой энергии, страстного партийного журналиста и блестящего оратора.

Появление Валериана Владимировича на рабочих митингах восторженно встречалось аудиторией. С большевистской прямотой разоблачал он врагов революции. Опозоренные уходили с рабочих собраний буржуазные и соглашательские краснобаи. Буржуазия и ее прихвостни ненавидели Куйбышева, они не останавливались ни перед чем в своих попытках очернить его имя.

Вражеская ненависть была лучшим доказательством большевистской непримиримости Куйбышева. Он мог с полным правом сказать о себе словами поэта:

Мы слышим звуки одобрений
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

Несмотря на клеветническую кампанию буржуазно-соглашательской прессы, авторитет Куйбышева среди рабочих и солдат рос с каждым днем. Валериан Владимирович избирается членом, а затем председателем исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов. Возглавляя совет, Куйбышев превратил его в боевой орган самарских трудящихся. Очищенный от эсеров и меньшевиков, совет стал центром борьбы против буржуазной власти. Валериан Владимирович одновременно руководил губернским и общегородским комитетами партии.

Готовя трудящихся Самары к вооруженному восстанию против буржуазной власти, Куйбышев проявил огромную заботу об организации вооруженных рабочих отрядов. Он был инициатором создания отрядов Красной гвардии. Им написан устав Красной гвардии, который был утвержден общим собранием красногвардейцев.

После того как центральный комитет нашей партии решил вопрос о восстании, товарищ Куйбышев получил специальное задание ЦК руководить восстанием в Самаре. Валериан Владимирович дал резкий отпор анти-большевистским выступлениям некоторых членов Самарского губернского и городского комитетов партии, которые под влиянием предателей Зиновьева и Каменева высказались против восстания. 22 октября (4 ноября) 1917 г. губернский и городской комитеты по предложению Куйбышева приняли решение начать вооруженное выступление в Самаре, как только начнется восстание в Петрограде.

Радостная весть об Октябрьской социалистической революции пришла в Самару вечером 25 октября (7 ноября) 1917 г. На следующий день 26 октября

(8 ноября) большевики созвали экстренное заседание совета рабочих и солдатских депутатов, на которое были приглашены представители профессиональных и военных организаций.

Собрание прошло в торжественной обстановке. Товарищ Куйбышев объявил о передаче всей власти советам. Соглашатели пытались сорвать это предложение, однако их жалкие выступления с позором провалились. Резолюция о провозглашении советской власти была принята подавляющим большинством голосов.

На этом же заседании был избран революционный комитет под председательством Куйбышева. Ревком приступил к захвату местных государственных учреждений, вокзала, почты, телеграфа. Рабочие и солдаты с энтузиазмом поддерживали мероприятия Ревкома и строго выполняли все его распоряжения. Захват всех учреждений и важных стратегических пунктов прошел организованно, так как еще накануне восстания Куйбышев разработал подробный план действий Ревкома. Попытки врагов народа оказать вооруженное сопротивление были беспощадно подавлены.

С первых же дней своего существования Ревком стал неуклонно осуществлять исторические декреты советской власти, подписанные Лениным и Сталиным. Были приняты меры к улучшению материально-бытового положения трудящихся. Ревком обязал торговцев снизить цены на предметы широкого потребления, а домохозяев понизить квартирную плату. Ревком переселил бедноту из подвалов в квартиры, принадлежавшие ранее буржуазии.

Враги советской власти не хотели мириться с победой рабочих и крестьян. Буржуазия и ее агенты активно выступили против диктатуры пролетариата. Городская дума и земские учреждения не сложили своих полномочий и стали одним из центров, вокруг которого группировались антисоветские элементы. В Самаре возникли подпольные контрреволюционные организации, которые руководили антисоветскими выступлениями, саботажем антисоветских элементов.

Ревком объявил беспощадную войну контрреволюции. Вскоре большинство служащих прекратило саботаж и приступило к работе.

Так как антисоветские выступления, саботаж не дали ожидаемых результатов, то самарский контрреволюционный центр решил пойти на самые крайние средства. Контрреволюционеры готовили террористические акты против Ревкома и его председателя товарища Куйбышева. 13 декабря группа заговорщиков обстреляла «Белый дом» — бывший губернаторский дом, где помещался Ревком, убив при этом большевика красногвардейца Степанова. 15 (28) декабря контрреволюционерам удалось взорвать здание Ревкома. Валериан Владимирович в своих воспоминаниях пишет:

«Однажды в декабре 1917 г., во время заседания ревкома, мы вдруг услышали какой-то неописуемый грохот. Электричество погасло, здание потряслось, раздались выстрелы, а потом начался пожар. Оказалось, что все соседнее крыло здания взлетело на воздух и случайно уцелел тот участок здания, где мы заседали...

Мы работали во втором этаже и при помощи веревки спустились вниз. Как потом выяснилось, лестница, по которой я за две минуты до взрыва поднялся наверх, оказалась полностью разрушенной».

После взрыва Самара была объявлена на военном положении. Ревком призвал трудящихся к беспощадной борьбе с контрреволюцией. «Товарищи. Час решительной борьбы наступил...— говорилось в воззвании Ревкома.— Натиску врагов революции в этот грозный час нужно противопоставить всю энергию, всю организованную силу солдат, крестьян и рабочих, крепко спаянных узами братской солидарности».

Белогвардейский террор не сломил решимости Ревкома продолжать свою работу. Декреты советской власти неуклонно осуществлялись. Органы буржуазного самоуправления были ликвидированы, банки, кредитные учреждения, более крупные промышленные и торговые предприятия национализированы. Самарские капиталисты были обложены принудительным налогом.

Ревкому пришлось уделить большое внимание борьбе с контрреволюционными бандами казачьего атамана Дутова, который вел наступление на Самару со стороны Оренбурга. Были сформированы рабочие отряды для посылки на фронт. Ценою героических усилий трудящиеся Самары остановили наступление дутовских банд.

Огромную работу проводил Куйбышев по организационному укреплению советского аппарата. Под его руководством создались новые советские учреждения. Когда, согласно постановлению Совнаркома, Самарский ревком был ликвидирован 12 января 1918 года, Куйбышев возглавил Самарский губисполком. Одновременно он руководил губернским советом народного хозяйства и попрежнему оставался руководителем губкома партии.

Контрреволюционные элементы, притаившись в глубоком подполье, продолжали свою гнусную подрывную работу. Им удалось 17 мая 1918 г. поднять антисоветский мятеж. Банды эсеров, меньшевиков и анархистов захватили почту, телефон и телеграф, разоружили некоторые милицейские участки.

В эти решающие дни Куйбышев был в самых опасных местах. Спокойно и хладнокровно, с железной настойчивостью руководил он рабочими отрядами, которые самоотверженно, не щадя жизни, боролись с мятежниками, за каждую улицу, за каждую площадь, за каждую пядь земли. На следующий день 18 мая мятеж был подавлен.

Не успела Самара оправиться от потрясений, связанных с событиями 17 мая, как ей стала угрожать еще более серьезная опасность. По приказу Антанты против советской власти выступили чехо-словацкие легионы. Чехо-словаки, связавшись с уцелевшими самарскими белогвардейцами, выработали план, согласно которого наступление чехов должно было быть поддержано восстанием белогвардейцев внутри города.

Подлый враг народа Иуда Троцкий послал в Самару своего ставленника, некоего Яковлева. Этот матерый изменник, занимая пост командующего Урало-Оренбургским фронтом, вместо обороны Самары предал ее, открыв врагу путь в город. 8 июня 1918 г. чехо-словацкие отряды ворвались в Самару. Одновременно началось восстание местных белогвардейцев.

В дни борьбы с чехо-словаками Куйбышев, Галактионов, Масленников и др. руководители самарских большевиков сделали все возможное для обороны города. Вновь созданный Революционный комитет под председательством Куйбышева спешно создавал рабочие отряды, которые тут же отправлялись на фронт. Однако противник имел значительный перевес в живой силе и вооружении, кроме того его успехам способствовали контрреволюционное выступление самарской буржуазии и предательство троцкиста Яковлева. Самара была взята неприятелем.

С большим трудом товарищу Куйбышеву и некоторым другим большевикам удалось покинуть Самару и переехать в Симбирск.

Хотя Самара была взята белогвардейцами, но Самарский ревком и другие органы советской власти не прекратили свою работу, она продолжалась в Симбирске. Валериан Владимирович телеграфно известил председателя ЦИК'а тов. Свердлова о том, что Ревком возобновил свою деятельность. Куйбышев руководил так же Самарской подпольной большевистской организацией. По его указанию в белогвардейском тылу создавались повстанческие отряды.

Куйбышев был организатором вооруженных сил, которые вскоре разгромили бело-чешскую авантюру. Им были созданы регулярные отряды, которые затем были сведены в первую революционную армию Восточного фронта. Политическим комиссаром этой армии был назначен Валериан Владимирович. В боях с бело-чехами особенно отличилась Самаро-Симбирская дивизия, сформированная Куйбышевым. За свою храбрость и отвагу дивизия получила название «железной».

Куйбышев принимал деятельное участие в разгроме муравьевского мятежа в Симбирске 10 июля 1918 г. Пренебрегая опасностью, он отправился в восставшие отряды и убедил обманутых красноармейцев не выполнять никаких распоряжений Муравьева.

После взятия Симбирска белыми в июле 1918 года Самарский ревком переехал в Мелекесс, а затем в Покровск. Несмотря на свирепствовавший белогвардейский террор, Ревком держал тесную связь с рабочими Самары.

После освобождения Симбирска от бело-чехов 12 сентября 1918 г. Куйбышев телеграфировал Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич, взятие вашего родного города — это ответ на вашу одну рану, а за вторую — будет Самара» [1].

Это обещание было выполнено. 1-я революционная армия стремительным маршем продвигалась вперед к Самаре. Вечером 7 октября 1918 г. Красная армия освободила Самару от гнета интервентов и белогвардейцев. Противник в панике отступил к Уфе. Самара снова стала советским городом.

Вся гражданская власть в Самаре и губернии перешла к губернскому Революционному комитету советов, во главе которого стояли Куйбышев и Галактионов. Ревком проделал большую работу по восстановлению советских учреждений. 11 октября Ревком обратился к трудящимся с воззванием, подробно излагавшим программу его деятельности. Особенное внимание Ревком уделял восстановлению народного хозяйства, разрушенного белогвардейцами, и борьбе с контрреволюцией. Была создана чрезвычайная комиссия для борьбы с врагами советской власти. Ревком объявил об организации комитетов бедноты.

Ведя руководящую советскую и партийную работу, возглавляя губисполком, горсовет, ревтрибунал, губком партии, Куйбышев вместе с тем активно руководил боевыми операциями в борьбе с наступающей интервенцией.

В те годы, когда партия Ленина — Сталина объявила нашу родину в опасности, т. Куйбышев вместе с великим полководцем Красной армии М. В. Фрунзе возглавлял борьбу советского народа против Антанты на Восточном фронте.

Весь период самоотверженной деятельности т. Куйбышева на фронтах гражданской войны выходит за рамки нашей публикации. В настоящей публикации документы распадаются на 3 раздела. В 1-м разделе приведены документы, непосредственно относящиеся к Валериану Владимировичу. Материалы хранятся в фонде Самарского губернского жандармского управления. Документы 1-го раздела в основном охватывают тот период времени, когда тов. Куйбышев находился в Самарской тюрьме, т. е. с сентября 1916 г. по февраль 1917 г.

2-й раздел документов характеризует деятельность Самарской подпольной организации большевиков, руководителем которой был тов. Куйбышев. Эти материалы также хранятся в фонде Самарского губернского жандармского управления. Особенно интересны документы, относящиеся к созыву Поволжской большевистской конференции.

3-й раздел документов относится к периоду подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы за победу Советской власти в Самаре. Документы этого раздела хранятся в фондах Самарского совета рабочих и солдатских депутатов и Самарского революционного комитета.

* * *

Память о тов. Куйбышеве будет всегда жить в сердцах народа. Благородный и мужественный образ замечательного пролетарского революционера будет вдохновлять миллионы трудящихся на новые героические победы во славу родины, во славу коммунизма.

А. Шефер

I

Отношение начальника Томского губернского жандармского управления начальнику Самарского губернского жандармского управления, 20 апреля 1913 г. [2]

Состоящий под негласным наблюдением, бывший административно-ссыльный Нарымского края, сын личного дворянина Валериан Влади-

[1] Симбирск был взят вскоре после покушения эсерки Каплан на Ленина.
[2] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 1730, л. 102.

миров Куйбышев 4 апреля из гор. Каинска выехал в гор. Самару[1].

Означенный Куйбышев по сведениям Томского губ. жанд. управления в 1907 г. являлся одним из главных руководителей и пропагандистов «военной организации при Томском комитете Р.С.Д.Р.П.». В 1909 г. были получены сведения, что из гор. Киева от неизвестного лица на имя каинского уездного воинского начальника (отца Валериана Куйбышева) была послана посылка, содержавшая преступную социал-демократическую литературу и имевшая под своей обшивкою пометку «Валериану». В связи с имевшимися в управлении сведениями на принадлежность Валериана Куйбышева к социал-демократической организации, вызвали возбуждение о нем формального дознания по обвинению его по I ч. 102 ст. Угол. улож. Произведенным затем у него обыском обнаружена была переписка с разными лицами, сообщавшими ему сведения из партийной жизни социал-демокр., носившая конспиративный характер.

В 1910 г. Валериан Куйбышев был подвергнут обыску и аресту и привлечен к переписке в порядке положения о государственной охране, по рассмотрении которой в Особом совещании г. министр внутренних дел постановил выслать Куйбышева под гласный надзор полиции в Нарымский край на два года.

Состоя под гласным надзором полиции, Валериан Куйбышев, в ноябре месяце 1910 г., в числе других ссыльных, был привлечен при управлении к формальному дознанию по обвинению в преступлении, предусмотренном 102 ст. Угол. улож.; дознание это постановлением Томского губернского совещания от 29 июля 1911 г. дальнейшим производством прекращено. В 1912 г. был привлечен к дознанию по 121 ст. Уголов. уложения по делу о противоправительственной демонстрации, устроенной административно-ссыльными Нарымского края 18 апреля 1912 г. близ гор. Нарыма. Все обвиняемые по этому делу Томским окружным судом оправданы. О чем сообщаю для сведения.

Полковник Мазурин.

Отношение Самарского губернского жандармского управления начальнику Томского губернского жандармского управления, 3 мая 1913 г.[2]

Валериан Владимиров Куйбышев до сего времени по адресному столу прописанным не значится.

Ротмистр (подпись).

Предписание начальника Самарского губернского жандармского управления приставу 2-й части г. Самары, 17 сентября 1916 г.[3]

Прошу произвести сего числа в ...[4] час. ночи обыск в порядке ст. 21 Положения о государственной охране высочайше утвержденного 14 августа 1881 г. — в квартире дома № 74 по Садовой ул.

Тщательному обыску должны подлежать все надворные постройки, относящиеся к этой квартире, и посторонние лица. Иосифа Андреева Адамчика, живущего в этой квартире, задержать, а протокол обыска

---

[1] Предположения жандармов о выезде тов. Куйбышева 4 апреля 1913 г. в г. Самару не соответствовали действительности. Тов. Куйбышев приехал в Самару через 3 года — весной 1916 г.

[2] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 1730, л. 119.

[3] Там же, д. № 2274, л. 79.

[4] В документе пропуск.

с отобранными вещами и постановлением о заключении под стражу немедленно препроводить ко мне при надписи на сем же.

Полковник (подпись).

Протокол обыска квартиры И. А. Адамчика в Самаре, 17 сентября 1916 г.[1].

Я, отдельного корпуса жандармов подполковник Станкевич, в присутствии нижеподписавшихся понятых, производил осмотр предметов, взятых при обыске сего числа в помещении занимаемом крестьянином с. Знаменки, Ильгижской волости, Верхоленского уезда, Иркутской губернии Иосифом Андреевым Адамчиком, при чем оказалось:

1. Семь открытых писем с совершенно стертыми адресами и почтовыми штемпелями, за исключением двух, на коих остались заметны оттиски «Вологда» и «Пари». Содержание сих открытых писем частного, чисто семейного характера.

2. Одна открытка без адреса. На ней прописан чернилами ряд цифр в пять строк.

3. Восемь открытых писем с зачеркнутыми адресами и зачеркнутыми почтовыми штемпелями, вследствие чего возможно разобрать только на некоторых часть адресов, а именно: «Красная Гора», «Соборная улица, дом Воронина» и «Великий Устюг, Заовражная улица, д. Уваровой». Содержание сих открытых писем чисто семейного, частного характера. Одно же из них имеет перечеркнутыми в разных направлениях как текст содержания, так и адрес, вследствие чего разобрать что либо не представляется возможным.

4. Бессрочная паспортная книжка, выданная Ильгижским вол. прав. Верхоленского у., Иркутской губ. 25 авг. 1913 г. за № 172 на имя кр. Иосифа Андреева Адамчика.

О вышеизложенном составлен настоящий протокол.

Полковник Станкевич.

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления прокурору Самарского окружного суда, 21 сентября 1916 г.[2]

Уведомляю, что сын подполковника Валериан Владимиров Куйбышев при задержании 18 сентября назвался крестьянином дер. Ближне-Закорской, Ильгижской волости, Верхоленского уезда, Иркутской губернии Иосифом Андреевым Адамчик.

Полковник Познанский.

Отношение Самарского губернского жандармского управления начальнику Самарской тюрьмы, 21 сентября 1916 г.[3]

Прошу допустить во вверенную вам тюрьму фотографа Ушакова для снятия фотографических карточек с содержащегося в тюрьме Валериана Владимировича Куйбышева.

Подполковник (подпись).

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления начальнику Петроградского губернского жандармского управления, 22 сентября 1916 г.[4].

17 сентября по связям с местной группой социал-демократов большевиков в г. Самаре был задержан по моему распоряжению назвав-

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2274, л. 61.
[2] Там же, л. 139.
[3] Там же, л. 136.
[4] Там же, л. 143.

шийся при аресте крестьянином села Ильгижского Верхоленского уезда, Иркутской губернии, Иосифом Андреевым Адамчиком, предъявивший при задержании бессрочную паспортную книжку, выданную из подлежащих волостных правлений Адамчику, 25 августа 1913 г. за № 172.

При допросе назвавшийся Адамчиком объяснил, что он в действительности есть сын подполковника Валериан Владимиров Куйбышев, административно высланный в 1915 г. из Петрограда в Иркутскую губернию на 3 года за принадлежность к РСДРП, бежавший в феврале с. г. из места высылки с. Тутуры, Верхоленского уезда, Иркутской губернии, в г. Самару и проживавший в названном городе по означенной выше бессрочной паспортной книжке, которую приобрел в с. Тутуры перед побегом, но у кого и при каких обстоятельствах объяснить отказался.

Уведомляя о вышеизложенном, прошу о высылке во вверенное мне управление фотографических карточек названного Куйбышева и сообщения мне имеющихся в вашем распоряжении по вышеизложенному сведений.

Полковник (подпись).

Из отношения самарского губернатора начальнику Самарского губернского жандармского управления, 24 сентября 1916 г.[1]

Продлив на основании примечания 1-го к ст. 21 Положения о государственной охране срок ареста Валериану Владимирову Куйбышеву до одного месяца, уведомляю об этом ваше высокоблагородие для сведения.

Вице-губернатор (подпись).

Постановление начальника Самарского губернского жандармского управления, 26 сентября 1916 г.[2]

Я, начальник Самарского губернского жандармского управления полковник Познанский, принимая во внимание, что на ходатайство мое самарский губернатор отношением от 24 сентября сего года сообщил, что им разрешено продлить срок ареста привлеченному к переписке в порядке положения о государственной охране в качестве заподозренного Валериану Владимирову Куйбышеву до одного месяца, постановил: о продлении ареста до одного месяца объявить названному лицу, а копию с сего постановления препроводить в место заключения и прокурору Самарского окружного суда.

Полковник (подпись).

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления начальнику Самарской тюрьмы, сентябрь 1916 г.[3]

Препровождая при сем подлинное постановление и копии с него о продлении самарским губернатором содержащемуся во вверенной вам тюрьме Валериану Куйбышеву срока ареста до одного месяца, прошу подлинное постановление предложить подписать указанному лицу, каковое затем возвратить мне, а по копиям содержать его под стражей.

Полковник (подпись).

---

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2274, л. 150.
[2] Там же, л. 151.
[3] Там же, л. 153.

Из отношения начальника Иркутского губернского жандармского управления начальнику Самарского губернского жандармского управления, 12 октября 1916 г.[1]

Имею честь сообщить вашему высокоблагородию, что, как видно из дел вверенного мне управления, сын подполковника Валериан Владимиров Куйбышев, заподозренный в принадлежности к Петроградской организации РСДРП, по постановлению г. управляющего министерством внутренних дел выслан в порядке ст. 34 Положения о государственной охране, под гласный надзор полиции в Иркутскую губернию на три года, считая срок с 30 июля 1915 г., прибыл и водворен к 1 декабря 1915 г. в с. Тутуры, Верхоленского уезда, откуда он бежал в мае сего года.

По сообщению департамента полиции вышеприведенная виновность названного лица выяснена агентурными указаниями. Согласно означенных данных, названное лицо являлось представителем Петроградской местной подпольной организации ленинского течения РСДРП, совместно с другими партийными деятелями, после получения известия о московских беспорядках, задалось целью создать единую и сильную партийную организацию и подготовить путем систематического подстрекательства рабочие круги к ряду революционных выступлений и беспорядков, которые должны явиться началом нового революционного восстания. С этой целью он участвовал в ряде тайных собраний и сходбищ, на которых была избрана для выполнения задуманного «организационная комиссия».

О названном лице имеются следующие сведения:

Валериан Куйбышев в 1908 г. был арестован в Петрограде и препровожден в Томск, где подчинен гласному надзору полиции, но скрылся. В 1907 г. являлся одним из главных руководителей «военной организации при омском комитете РСДРП»[2]...

Оказывал содействие к проживанию в столице по нелегальным документам партийным лицам; в 1914 г. у него был произведен обыск в целях задержания у него скрывшегося лица, но последнее успело скрыться; по обыску у Куйбышева найдены две запрещенные брошюры.

Об Иосифе Андрееве Адамчике в делах управления никаких сведений не имеется. Паспортные книжки этого лица посланы мною верхоленскому уездному исправнику: 1) для опроса названного лица в порядке положения о государственной охране, при каких обстоятельствах и как мог он дать свою паспортную книжку административно-высланному и 2) для поступления с Адамчиком по закону.

По получении протоколов опроса и паспортных книжек, таковые будут вам высланы мною дополнительно.

Приложение: Протокол сличения фотографических карточек Куйбышева и две фотографические карточки.

Полковник Балабин.

Из отношения начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде начальнику Самарского губернского жандармского управления, 25 октября 1916 г.[3].

Возвращая при сем две фотографические карточки сына подполковника Валериана Владимировича Куйбышева, сообщаю, что лицо, изо-

---

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2274, л. 415.
[2] Далее следуют сведения, изложенные выше, см. стр. 112.
[3] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2274, л. 522.

браженное на нем, тождественно с имеющимися в отделении фотографическими карточками Куйбышева.

О названном лице в делах отделения имеются следующие сведения:

Куйбышев, по агентурным сведениям отделения, является одним из наиболее активных представителей местной подпольной руководящей группы ленинцев, ликвидированной в конце апреля и в начале мая месяцев 1915 г., выполнявшей функции и носившей наименование «Петроградского комитета РСДРП». После получения известий о московских беспорядках в конце мая месяца 1915 г., совместно с рядом других партийных работников, одновременно с ним ликвидированных, задался целью объединить в Петрограде социал-демократов всех оттенков и направлений, создать общую для них нелегальную партийную организацию и путем соответствующей агитации подготовить рабочие круги столицы к ряду революционных выступлений и беспорядков, долженствовавших, по предположениям его и его единомышленников, послужить началом нового вооруженного революционного восстания. В осуществление задуманного, Куйбышев принимал участие в ряде законспирированных сходбищ и собраний, на коих была избрана особая «организационная комиссия», коей и поручено было выполнение всего вышеизложенного.

Из дел отделения видно, что 11 июля 1908 г. Куйбышев, на основании розыскного циркуляра департамента полиции от 7 апреля 1908 г. был обыскан и арестован в Петрограде и препровожден в распоряжение томского губернатора, как скрывшийся из под гласного надзора полиции из Каинского уезда, Томской губернии.

Начальник Тамбовского губернского жандармского управления от 12 июня 1913 г. сообщил отделению, что Куйбышев в указанное время проживал в Тамбовском уезде и состоял под негласным наблюдением полиции. 18 сентября 1914 г. в Петрограде, в квартире Куйбышева, был произведен обыск с целью задержания проживавшего в означенной квартире по подложному документу лица, скрывшегося из под гласного надзора полиции в Нарымском крае, причем нелегальный до прихода полиции успел скрыться.

По совершенно секретным сведениям Департамента полиции за 1908 г. Куйбышев известен, как лицо, оказывавшее содействие партийным лицам, прибывшим на жительство в столицу по нелегальным документам.

В ночь на 7 июля 1915 г., при ликвидации представителей местной социал-демократической организации, Куйбышев был обыскан, арестован и привлечен к переписке, в разрешение каковой, согласно постановлению г. управляющего Министерством внутренних дел, выслан под гласный надзор полиции в Иркутскую губернию сроком на три года, считая с 30 июля 1915 года.

Полковник (подпись).

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления прокурору Самарского окружного суда, 26 октября 1916 г.[1]

17 сентября сего года в г. Самаре, по моему распоряжению, был задержан назвавшийся при аресте крестьянин села Ильгижского, Верхоленского уезда, Иркутской губернии Иосифом Андреевым Адамчиком, предъявивший при задержании бессрочную паспортную книжку, выданную из подлежащего волостного правления Адамчику — 15 августа 1913 г. за № 172.

При допросе назвавшийся Адамчиком объяснил, что он в действительности есть сын подполковника Валериан Владимирович Куйбышев,

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2274, л. 418.

административно высланный в 1915 г. из Петрограда в Иркутскую губернию на три года за принадлежность к РСДРП, бежавший в феврале месяце сего года из места высылки — села Тутуры, Верхоленского уезда, Иркутской губернии в гор. Самару и проживавший во второй части названного города по Садовой улице, в доме № 74, кв. 6, по означенной выше бессрочной паспортной книжке, которую приобрел в с. Тутуры перед побегом, но у кого и при каких обстоятельствах объяснить отказался.

Вследствие вышеизложенного и ввиду наличия признаков преступного деяния, предусмотренного 977 ст. Улож. о наказ. угол. и испр., препровождая на распоряжение вашего высокородия копию протокола осмотра предметов, взятых при обыске 17-го прошлого сентября в квартире Куйбышева, как материал, касающийся проживания названного лица по чужому виду, имеющийся в производимой о нем переписке в порядке положения о государственной охране, к коей он был привлечен в качестве заподозренного, сообщаю, что Куйбышев сего числа по делу о проживании его по чужому виду перечислен содержанием в Самарской губернской тюрьме за вами, а по производимой о нем переписке в порядке охраны будет числиться и за мною, о чем сообщено мною начальнику Самарской тюрьмы. Означенная же выше бессрочная паспортная книжка на имя крестьянина Адамчика, по коей проживал Куйбышев, препровождена мною начальнику Иркутского губернского жандармского управления от 22 сентября для установления ее подлинности.

Полковник (подпись).

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления начальнику Самарского трубочного завода, 15 ноября 1916 г.[1]

Прошу сообщить: числится ли в числе рабочих завода крестьянин Иркутской губернии, Верхоленского уезда, Ильгижской волости, дер. Ближне-Закорская, Иосиф Андреев Адамчик, когда он был принят на завод и состоит ли по отбытию воинской повинности на учете.

Полковник Познанский.

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления в Тамбовское уездное по воинской повинности присутствие, 17 ноября 1916 г.[2]

Уведомляю воинское присутствие, что при вверенном мне управлении привлечен к переписке в порядке положения о государственной охране в качестве заподозренного сын подполковника г. Тамбова Валериан Владимирович Куйбышев, 28 лет.

Полковник Познанский.

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления начальнику Тамбовского губернского жандармского управления, [ноябрь] 1916 г.[3].

При вверенном мне управлении привлечен к переписке, в порядке положения о государственной охране сын подполковника города Тамбова, рожденный в гор. Омске Валериан Владимирович Куйбышев.

---

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2274, л. 373.
[2] Там же, л. 388.
[3] Там же, л. 321.

Вследствие сего прошу сообщить мне в самый наикратчайший срок сведения: время и место рождения Куйбышева, вероисповедание, звание, сословие и место приписки, имена, отчества отца и матери и ее девичью фамилию, отношение к отбыванию воинской повинности, выдавался ли ему вид на жительство, кем, когда и за каким номером и кроме того вышлите на него копию с посемейного списка и сообщите все имеющиеся у вас сведения.

Полковник Познанский.

Из отношения начальника Тамбовского жандармского управления начальнику Самарского губернского жандармского управления, 24 ноября 1916 г.[1]

Препровождая при сем послужной список отца Валериана Владимировича Куйбышева, сообщаю, что названный Валериан Куйбышев в Тамбовской губернии проживал в 1913 г. с апреля по май месяц и 31 мая выбыл в Петроград; установленным за это время за ним наблюдением ничего предосудительного замечено не было...

...Ныне Куйбышев разыскивается циркуляром Департамента полиции от 10 октября сего года. Мать Валериана Куйбышева вдова, ныне проживает в гор. Тамбове, состоит на должности начальницы дома трудолюбия.

Генерал-майор Волков.

Постановление начальника Самарского губернского жандармского управления с ходатайством о высылке В. В. Куйбышева в Восточную Сибирь, 29 ноября 1916 г.[2]

Я, начальник Самарского губернского жандармского управления полковник Познанский, рассмотрев произведенную при управлении в порядке положения о государственной охране переписку, нашел, что деятельность местной большевистской социал-демократической организации, временно заглохшая с окончанием предвыборной кампании по избранию уполномоченных в рабочую группу военно-промышленного комитета, стала вновь проявляться среди рабочих Трубочного завода.

Как было отмечено агентурой, среди оставшихся на свободе с.-д. большевиков было приступлено к правильной организационной работе, было решено организовать с целью объединения большевистскую инициативную группу, дабы быть подготовленными к необходимым выступлениям революционного характера по окончании войны. 5 июня сего года большевики на частном совещании постановили начать подпольную работу более осторожную, конспиративно обставленную во избежание провала, приступить возможно шире к организации на фабриках и заводах и к организации репрессивной кассы, вербуя членами последней менее развитых, с целью впоследствии совратить их на революционный путь, и, наконец, на том же собрании было решено немедленно завязать необходимые связи с поволжскими городами. На том же собрании предположено было Самару разбить на несколько районов, причем казенный Трубочный завод, как наибольший по числу рабочих, должен быть выделен в самостоятельную единицу с подчинением инициативной группе через свой заводской коллектив, остальные же предприятия, входящие в районы через выборщиков, должны были избрать представителей районов, которые уже впоследствии должны были из себя избрать городской комитет.

---

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2274, л. 888.
[2] Там же, д. № 2210, л. 346.

Как выяснено впоследствии агентурой, к июлю месяцу был уже избран Самарский комитет, а в августе был таковой переизбран. 6 августа на массовке на «Красной Глинке» была избрана городская конференция, а затем были избраны: организационный комитет по созыву конференции, пропагандистская коллегия, сформированы были два районных комитета:

№ 1 — городской районный комитет, в каковой входили три городских русских и четыре латышских кружка: 1 — разные мастерские, 2 — конторщики, 3 — телеграфисты Самаро-Златоустовской ж. д. Четыре латышских кружка нумераций не имели, а именовались: «Амор», «Волга», «Май» и «Цинис».

№ 2 — районный комитет, обслуживающий лишь Трубочный казенный завод, имея свой подрайонный комитет или заводской коллектив и подразделявшийся на 10 заводских кружков, по числу мастерских с нумерацией в обратном порядке.

Первым проявлением означенной организации была массовка 6 августа с. г. на «Красной глинке», на каковой помимо избрания конференции был обсуждаем порядок дня.

Последующим же проявлением было стремление возможно скорее созвать Поволжскую конференцию в одном из городов Поволжья, а для подготовки конференции созвать частное совещание.

В организационном комитете по созыву конференции состоял сын подполковника Валериан Владимиров Куйбышев, арестованный как проживавший под именем Иосифа Андреевича Адамчика, и неизвестный от Саратова.

В пропагандистскую коллегию входил Куйбышев.

Все агентурные сведения, изложенные выше, нашли вполне подтверждения в результатах обысков, наружном наблюдении и показаниях некоторых лиц, допрошенных в качестве обвиняемых и свидетелей. Так в отношении собрания, состоявшегося 4 сентября сего года, на Вознесенской ул. в д. № 13, помимо указания агентуры, участие в таковом Куйбышева, делегата от Сормова, делегата от Нижнего-Новгорода и неизвестного делегата от Саратова наружным наблюдением было установлено.

Цель этого собрания, хотя перепиской и не выяснена, но по сведениям агентуры, собравшиеся намеревались обсудить вопросы Поволжской конференции, но принуждены были разойтись, не открывая собрания, ввиду замеченного за собой наблюдения.

При обыске на Старо-Панской ул. в д. № 433 между прочим обнаружены под полом две деревянные кассы, шапирографная лента со следами печатания, заголовок газеты, сделанный из ленолеума, «Волжская правда» — «Рос. с.-д. р. п.», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», две металлические пластинки для разделения шрифта, три буквы шрифта.

Осмотр денежного отчета за август месяц вполне подтверждает агентурные сведения о подразделении организации на два района, на существование четырех латышских кружков: «Амор», «Волга», «Май» и «Цинис», городских кружков, 10 кружков на Трубочном заводе, на приступ к оборудованию техники, на каковой предмет было отпущено 146 руб. 48 коп., и на существование репрессивной кассы.

Помимо указаний агентуры на принадлежность к Самарской с-д большевистской организации всех лиц, привлеченных к означенной переписке, усматривается, что Алексей Петров Галактионов, у которого, по сведениям агентуры, в холодное время года происходили заседания комитета, еще в средине мая приглашал рабочих вступить в какой-то средний кружок, образующийся в гор. Самаре, поясняя при этом, что

лектором в этом кружке будет «Товарищ Алексей» и что Галактионов среди рабочих Трубочного завода делал сбор в репрессивную кассу...

Лица, привлеченные к настоящей переписке, сплотившись между собой к моменту первой ликвидации, вполне осуществили первоначальный свой план по воссозданию Самарской большевистской с-д организации, включительно до подготовки в части подпольной типографии, намереваясь в будущем приступить к изданию своей газеты «Волжская правда» и приступили даже к обсуждению вопроса по организации Поволжского комитета и созыва Поволжской конференции и если последнее не было выполнено, то по причинам от них не зависящим, а потому находя дальнейшее пребывание Галактионова, Куйбышева, безусловно вредным не только в Самаре и Самарской губернии, но и в тех местах, где сосредоточены различные фабричные и заводские предприятия, работающие на оборону государства, постановил: настоящую переписку, как оконченную производством, препроводить самарскому губернатору для направления таковой в особое совещание с ходатайством о высылке в Восточную Сибирь на 5 лет под гласный надзор полиции мещанина гор. Бузулука, Самарской губернии Алексея Петрова Галактионова, сына подполковника Валериана Владимирова Куйбышева.

Полковник Познанский.

Из записки начальника Самарского губернского жандармского управления о В. В. Куйбышеве, ноябрь 1916 г.[1]

По сообщению Томского губернского жандармского управления Куйбышев в июне месяце 1913 г. проживал в Томском уезде и состоял под негласным наблюдением полиции. 18 сентября 1914 г. в Петрограде, в квартире Куйбышева был произведен обыск с целью задержания проживающего в означенной квартире по подложному документу лица, скрывшегося из под гласного надзора полиции в Нарымском крае, причем нелегальный до прихода полиции успел скрыться.

По сведениям департамента полиции за 1908 год Куйбышев известен, как лицо, оказывающее содействие партийным лицам, прибывшим на жительство в столицу по нелегальным документам.

По агентурным сведениям начальника Петроградского охранного отделения Куйбышев являлся одним из наиболее активных представителей местной подпольной руководящей группы ленинцев, ликвидированной в конце апреля и в начале мая 1915 г., выполнявшей функции и носившей наименование «Петроградского комитета РСДРП». После получения известий о московских беспорядках в конце мая месяца 1915 г. Куйбышев совместно с рядом других партийных работников, одновременно с ним ликвидированных, задался целью объединить в Петрограде социал-демократов всех оттенков и направлений, создать общую для них нелегальную партийную организацию и, путем соответствующей агитации, подготовить рабочие круги столицы к ряду революционных выступлений и беспорядков, долженствовавших по предложениям его и единомышленников, послужить началом нового вооруженного революционного восстания. В осуществление задуманного, Куйбышев принимал участие в ряде законспирированных сходбищ и собраний, на коих была избрана особая «организационная комиссия», коей было поручено выполнение всего вышеизложенного.

В ночь на 1 июля 1915 г., при ликвидации представителей Петроградской социал-демократической организации Куйбышев был обыскан, арестован и привлечен к переписке, в разрешение каковой, со-

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2274, л. 894.

гласно постановлению г. министра внутренних дел, выслан под гласный надзор полиции в Иркутскую губернию сроком на три года, считая таковой с 30 июля 1915 года. По сообщению начальника Иркутского губернского жандармского управления Куйбышев в означенную высылку прибыл и водворен 1 декабря 1915 г. в село Тутуры, Верхоленского уезда, откуда он бежал в мае месяце сего года.

Прибыв в г. Самару после побега из места высылки Иркутской губернии Куйбышев вошел в состав местной большевистской организации РСДРП, а именно: в организационный комитет по созыву Поволжской конференции и в пропагандистскую коллегию, проживал нелегально по паспорту на имя крестьянина Адамчика и участвовал в собрании 4 сентября сего года, где обсуждался вопрос по организации Поволжского районного комитета и Поволжской конференции с участием делегатов от поволжских городов.

По обыску, произведенному у Куйбышева, ничего преступного не обнаружено.

На допросе Куйбышев виновным себя в принадлежности к какой либо противоправительственной партии не признал, но в совершении побега с места высылки, в нелегальном проживании в Самаре по паспорту на имя Адамчика сознался.

Содержится под стражей в Самарской губернской тюрьме с 18 сентября 1916 г.

Принимая во внимание все изложенное и находя дальнейшее пребывание Куйбышева вредным не только в столицах, в столичных губерниях, в гор. Самаре и Самарской губернии, где имеются два казенных завода, но и в других местах, где имеются значительные предприятия, изготовляющие предметы на оборону, полагал бы Валериану Куйбышеву продлить срок высылки в Восточную Сибирь еще на пять лет.

Познанский.

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления начальнику Самарской губернской тюрьмы, 29 ноября 1916 г.[1]

Прошу объявить содержащемуся во вверенной вам тюрьме Валериану Куйбышеву, что возбужденная о нем при вверенном мне управлении переписка в порядке положения о государственной охране, производством закончена и сего числа препровождена самарскому губернатору, за которым и перечислите всех указанных лиц дальнейшим содержанием под стражей.

Полковник Познанский.

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления начальнику Самарского казенного трубочного завода, 17 ноября 1916 г.[2]

Препровождая при сем прошение содержащегося ныне в Самарской губернской тюрьме Валериана Владимирова Куйбышева, ходатайствующего о выдаче ему заработанных в заводе денег, уведомляю, что означенный Куйбышев действительно был арестован под фамилией Адамчика Иосифа Андреева.

При этом присовокупляю, что деньги могут быть направлены Куйбышеву через начальника Самарской губернской тюрьмы.

Полковник (подпись).

---

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2274, л. 934.
[2] Там же, л. 774.

Прошение В. В. Куйбышева начальнику 6 мастерской Самарского трубочного завода, 31 октября 1916 г.[1]

По 17-е сентября сего года я работал во вверенной вам мастерской фрезеровщиком № 12331 под именем Адамчика. Ввиду моего заключения сильно нуждаюсь в деньгах, прошу прислать мне причитающийся заработок по адресу: Самарская губернская тюрьма политическому заключенному Валериану Владимировичу Куйбышеву.

Валериан Куйбышев, он же И. Адамчик фрезеровщик № 12331.

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления самарскому губернатору, 25 января 1917 г.[2]

Мною получены сведения, что большинство из привлеченных к переписке по охране (переписка окончена и направлена вам 29 ноября) и содержащихся ныне под стражей социал-демократов,— намерены бежать.

Сообщая о сем для сведения, просил бы вас ваше сиятельство, по получении сообщения из министерства внутренних дел о разрешении переписки, не освобождать из под стражи никого, а с места из Самарской тюрьмы отправить в ссылку этапным порядком.

Полковник (подпись).

Из отношения самарского губернатора начальнику Самарского губернского жандармского управления, 1 февраля 1917 г.[3]

Департамент полиции уведомил меня, что по рассмотрении особым совещанием, образованным, согласно ст. 34 Положения о государственной охране, обстоятельств дела о нижепоименованных лицах, заподозренных в принадлежности к Самарской организации РСДРП, г. министр внутренних дел постановил: выслать под гласный надзор полиции в Туруханский край сына подполковника Валериана Владимирова Куйбышева на пять лет...

Об изложенном сообщаю вашему высокоблагородию для сведения и присовокупляю, что срок означенных административных взысканий исчисляется с 5 января 1917 г.

И. д. губернатора (подпись).

II

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления самарскому полицеймейстеру, 29 апреля 1916 г.[4]

Ввиду наступающего 1 мая — дня рабочего праздника, прошу распоряжения вашего высокоблагородия об усилении со стороны подведомственных вам чинов полиции надзора по городу вообще и в особенности в наиболее оживленных местах города: Дворянской улице, набережной реки Волги, в Струковском саду и у Трубочного завода, а равно и на Барбашиной поляне. У Трубочного завода необходимо бдительное наблюдение в обеденное время и в часы смены рабочих. О всякой попытке со стороны рабочих к проявлению демонстративного выступления прошу ставить меня в известность по телефону.

Полковник (подпись).

---

[1] Куйбышевский военный архив, д. № 649, л. 39.
[2] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2346, л. 65.
[3] Там же, ф. 4, д. № 2274, л. 1079.
[4] Там же, д. № 2222, л. 53.

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления самарскому уездному исправнику, 29 апреля 1916 г.[1]

Имеются сведения, что наступающее первое мая — день рабочего праздника, рабочие и торгово-промышленные служащие решили ознаменовать празднованием, так называемой «маевкой», за городом около Царева Кургана, куда они, по всей вероятности, по примеру прошлых лет, выедут на дачных пароходах.

Ввиду этого, для предотвращения могущих произойти демонстративных выступлений в революционном духе, прошу распоряжения вашего высокородия об учреждении со стороны подведомственных вам чинов полиции бдительного надзора как в местностях Царев Курган, Царевщина и Красная Глинка, так равно и в других известных вам наиболее оживленных местах.

Полковник (подпись).

Донесение самарского полицеймейстера начальнику Самарского губернского жандармского управления, 29 апреля 1916 г.[2]

Начальник Самарского сыскного отделения донес мне, что им получены секретные агентурные сведения, что рабочие Самарского казенного трубочного завода в количестве около 1000 чел. собираются 1-го будущего мая устроить забастовку, тот час же по получении сведений о забастовках рабочими на заводах в Петрограде и Москве...

Об изложенном сообщаю вашему высокоблагородию и присовокупляю, что к партии забастовщиков, по их словам, присоединяются артиллерийские солдаты, часть казаков, находящихся на заводе. Партиею этих рабочих руководит один из московских или петроградских токарей.

Полицеймейстер (подпись).

Из донесения начальника Самарского губернского жандармского управления директору Департамента полиции, 23 июня 1916 г.[3]

Временно затихшая революционная деятельность социал-демократов большевиков после произведенной ликвидации 26 апреля в настоящее время, по словам агентуры «Кудрявого», начала проявляться в организационной работе. Постановили начать партийную работу, но более осторожную, конспиративно обставленную во избежание провала, приступить возможно шире к организации кружков на фабриках и заводах.

Другая агентура, в лице «Родионова», подтвердив сведения о возрождении деятельности местных большевиков, [донесла, что], предположено командировать кого-нибудь из членов организации в поволжские города для завязания связей среди социал-демократов — большевиков.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству.

Полковник (подпись).

---

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2222, л. 54.
[2] Там же, л. 55.
[3] Там же, д. № 2210, л. 266.

Донесение начальника Самарского губернского жандармского управления директору Департамента полиции, 24 июня 1916 г.[1]

От заслуживающей доверия агентуры «Кудрявого» мною получены сведения, что недели через 1½—2 местными социал-демократами — большевиками в Самару ожидается заграничная литература, каковая, будто-бы, будет прислана через Саратов. Литература эта будет состоять из нескольких номеров газеты «Социал-демократ» и разного материала Кинтальской (в Швейцарии) конференции — продолжения Циммервальдской.

В данном случае речь идет, повидимому, о той интернациональной социалистической конференции, которая состоялась в Швейцарии, близ Берна.

Придавая серьезное значение результатам этой последней конференции, изложенным в циркуляре, одновременно эти сведения мною сообщены начальнику Саратовского губернского жандармского управления, которого я просил в случае привоза в Саратов транспорта литературы ликвидировать его там, не допуская в Самару. Если же этого, по агентурным соображениям, сделать не представляется возможным, то выяснить лицо, на которое будет возложена отправка литературы в Самару и сопровождать его наблюдением.

Об изложенном доношу вашему превосходительству.

Полковник (подпись).

Отношение Департамента полиции начальнику Самарского губернского жандармского управления, 1 июля 1916 г.[2]

Вследствие записки от 23 минувшего июня, департамент полиции сообщает вашему высокоблагородию, что департамент придает серьезное значение оживлению большевистских организаций, почему вам надлежит иметь особое наблюдение за таким оживлением в обслуживаемом вверенном вам управлением районе и при первых попытках к широкой организационной работе и завязыванию связей с другими поволжскими городами, не затягивая наблюдения, ликвидировать.

И. о. вице-директора Смирнов.

Донесение начальника Саратовского губернского жандармского управления директору Департамента полиции, 14 июля 1916 г.[3]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что при разработке сведений, сообщенных мне начальником Самарского губернского жандармского управления от 24 июня сего года, от подведомственной мне агентуры поступили указания на появление в Саратове социал-демократической литературы, газеты «Социал-демократ» и брошюр Ленина в перепечатке Петроградского комитета, каковую литературу, по предположению сотрудника, если не всю, то часть мог привезти из Петрограда некий «Костя» — чувяшник из Самары. До поездки в Петроград «Костя» жил некоторое время в Саратове, куда прибыл из Самары в первых, приблизительно, числах мая с несколькими другими самарскими рабочими. В Петроград «Костя» приехал вместе с пекарем «Семеном», известным Департаменту полиции из донесения моего от 20 июня, с которым и жили там на одной квартире по чужим паспортам.

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2210, л. 267.
[2] Там же, л. 14.
[3] Там же, л. 31.

«Костя» вернулся в Саратов с неделю тому назад, а «Семен» остался в Петрограде. «Семен» между прочим уклоняется от воинской повинности.

В Самару из гор. Саратова литературу не посылали. Вероятно она будет послана во второй половине текущего месяца с делегатами на областной Поволжский социал-демократический (большевистский) съезд.

Определенных сведений об этом съезде пока еще не получено, но по некоторым соображениям возможно предполагать, что таковой состоится в Самаре. Дальнейшая разработка вышеизложенных сведений продолжается.

Копии настоящего донесения сообщены начальникам: Петроградского охранного отделения и Самарского губернского жандармского управления.

Полковник Федоренко.

Донесение начальника Самарского губернского жандармского управления директору Департамента полиции, 29 июля 1916 г.[1]

Дальнейшая организационная работа местных социал-демократов большевиков, по сведениям сотрудника «Кудрявого», несколько замедлилась из-за некоторого раскола, происшедшего на почве несогласия, частью по тактическим вопросам.

По мнению «Кудрявого», надежды на созыв Поволжского съезда в Самаре весьма мало, скорее будет организована местная Самарская конференция, но пока об этом разговора не поднималось.

По заявлению агентуры «Родионова», в Самаре организовалась большевистская инициативная группа, состав ее агентуре пока неизвестен. Цель создания подобной инициативной группы — объединение всех самарских социал-демократов большевиков для будущей революционной работы, дабы быть подготовленным для необходимых выступлений к моменту окончания войны.

По выработанному плану, Самара должна быть разбита на несколько районов, причем казенный Трубочный завод должен быть выделен в самостоятельную единицу с подчинением инициативной группе через свой заводской коллектив. Каждое предприятие, входящее в район, должно избрать выборщика, из числа последних, в будущем будет избран городской комитет.

Пока организационная работа началась на Трубочном заводе, там имеется уже 8 групп по 6 человек в каждой. Каждая группа избрала по 2 представителя, которые 24 июля на собрании, происшедшем где-то за Волгой, избрали руководящий заводской коллектив, состоящий из 5 или 7 чел. До настоящего времени установлена одна из восьми групп.

Помимо восьми кружков, по заявлению агентуры «Кудрявого», организован особый женский кружок, в состав коего вошли работницы Трубочного завода.

Приняв во внимание, что агентуре не представилось доныне возможным выяснить полностью состав заводского коллектива и городской инициативной группы, ликвидацию этой организации приходится временно отложить, впредь до выяснения состава таковых как агентурным путем, так и установкой наружного наблюдения.

О вышеизложенном, вследствие указания Департамента полиции от 1 июля, доношу вашему превосходительству.

Полковник (подпись).

---

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2210, л. 46.

Телеграмма начальника Самарского губернского жандармского управления начальникам жандармских управлений Симбирска, Саратова, Астрахани, Казани, Нижнего, Костромы, Ярославля, Уфы и Оренбурга, 4 августа 1916 г.[1]

По сведениям агентуры в Самаре в скором времени ожидается Поволжский съезд большевиков. Телеграфируйте имеющиеся по этому поводу сведения. В случае выезда делегатов сопровождайте.

Полковник (подпись).

Донесение начальника Самарского губернского жандармского управления директору Департамента полиции, 4 августа 1916 г.[2]

24 июня сего года начальнику Саратовского губернского жандармского управления мною были сообщены агентурные сведения, что самарские социал-демократы большевики ожидают заграничную литературу, каковая должна быть прислана через Саратов, прося ликвидировать на месте лицо, коему будет поручена доставка в Самару литературы, если это по соображениям розыска представится возможным.

По разработке этих сведений агентурным путем, начальник Саратовского губернского жандармского управления отношением от 14 июля сообщил мне, что в Саратове появились «Социал-демократ» и брошюры Ленина в перепечатке Петроградского комитета, часть каковой, по мнению агентуры, мог привезти из Петрограда некий «Костя», чувяшник, который до поездки в Петроград некоторое время жил в Саратове, куда прибыл из Самары в первых числах мая сего года с несколькими другими самарскими рабочими, и что литература, вероятно, будет послана в Самару с делегатами на областной Поволжский большевистский съезд, каковой по предположению агентуры должен состояться в Самаре.

27 июля от полковника Федорченко мною была получена телеграмма о выезде «Кости» из Саратова на пароходе «Сын» купеческого общества в сопровождении филера, с просьбой ликвидировать его через несколько дней без ссылки на Саратов, а в случае неостановки парохода в Самаре — телеграфировать попутно для принятия наблюдений.

Ныне другая агентура, «Родионов», заявила, что в г. Самаре в скором времени будет созван Поволжский съезд большевиков.

О возможности Поволжского съезда мною телеграфировано начальникам губернских жандармских управлений Астраханского, Саратовского, Симбирского, Казанского, Нижегородского, Костромского, Ярославского, Уфимского и Оренбургского с просьбой телеграфировать имеющиеся по этому поводу сведения и сопровождать наблюдением делегатов в случае их выезда.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству и докладываю, что копии этого доклада препровождены начальникам губернских жандармских управлений Саратовского, Симбирского, Казанского, Нижегородского.

Подписал полковник (подпись).

Отношение начальника Уфимского губернского жандармского управления начальнику Самарского губернского жандармского управления, 8 августа 1916 г.[3]

Вследствие телеграммы вашей от 4 августа уведомляю, что сведений о предполагаемом в Самаре съезде большевиков во вверенное мне

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2210, л. 57.
[2] Там же, л. 61.
[3] Там же, л. 28.

управление не поступало. Вместе с сим прошу в случае поступления к вам каких либо сведений по сему поводу касающихся Уфимской губернии поставить меня в известность на предмет принятия соответствующих мер.

Генерал-майор Устинов.

Донесение начальника Казанского губернского жандармского управления в Департамент полиции, 10 августа 1916 г.[1]

В дополнение донесения начальника Самарского губернского жандармского управления от 4 августа на имя директора департамента полиции, имею честь донести департаменту полиции, что о предстоящем в Самаре съезде социал-демократов большевиков во вверенное мне управление до сего времени сведений не поступало.

Начальнику Самарского губернского жандармского управления сего числа сообщено.

Генерал-майор (подпись).

Отношение начальника Симбирского губернского жандармского управления начальнику Самарского губернского жандармского управления, 12 августа 1916 г.[2]

Вследствие телеграммы от 4 августа уведомляю ваше высокоблагородие, что по указанию агентуры вверенного мне управления, никому из проживающих в г. Симбирске социал-демократов большевиков об имеющем быть в Самаре Поволжском съезде большевиков неизвестно и никто из них пока ехать на этот съезд не собирается.

Полковник (подпись).

Донесение начальника Казанского губернского жандармского управления в Департамент полиции, 23 августа 1916 г.[3]

Имею честь донести Департаменту полиции, что из источника, заслуживающего доверия («Геня») во вверенное мне управление поступили непроверенные формальным порядком сведения о том, что среди партийных работников о конференции, предполагаемой в гор. Самаре большевиков социал-демократов, никому ничего неизвестно.

За жизнью рабочих со стороны вверенного мне управления ведется наблюдение.

Начальнику Самарского губернского жандармского управления сего числа сообщено.

Генерал-майор (подпись).

Отношение начальника Симбирского губернского жандармского управления начальнику Самарского губернского жандармского управления, 24 августа 1916 г.[4]

В дополнение записки моей от 12 августа сообщаю, что в г. Сызрани между местными социал-демократами хотя и идет разговор относительно съезда «Большевиков», но где таковой будет, а также и про-

---

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2210, л. 92.
[2] Там же, л. 132.
[3] Там же, л. 132.
[4] Там же, л. 133.

грамма этого съезда неизвестна, поэтому и делегатом на этот съезд никто не назначен, и по получении вновь сведений по поводу вышеизложенного мною будет сообщено дополнительно.

Полковник (подпись).

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления полковнику отдельного корпуса жандармов Станкевичу, 4 сентября 1916 г.[1]

Как усматривается из производящейся вами переписки в порядке положения о государственной охране, служащий в электрической мастерской Трубочного завода Алексей Петров Галактионов уличается в вербовке рабочих в организованные кружки для революционной деятельности, в участии в так называемой «репрессивной кассе рабочих Трубочного завода» и в сборе лично денег в эту кассу.

Ввиду этого для руководства при производстве вами переписки, препровождая при сем добытый агентурным путем устав репрессивной кассы, сообщаю, что по имеющимся в делах управления сведениям репрессивная касса на Трубочном заводе организована еще в марте месяце сего года; цель этой кассы — оказание денежной помощи пострадавшим за политические убеждения и преступления. Сбором денег в электрической мастерской заведывал Галактионов, который и являлся агитатором в электрической мастерской.

По имеющимся сведениям Галактионов собирал в обеденное время у Постникова оврага рабочих своей мастерской, раздавал нелегальную литературу и вел среди них агитацию к организации. Говоря на тему о войне, Галактионов как-то сказал рабочим, что война рабочим не нужна, так как их не спрашивали, когда объявляли войну; он же усиленно агитировал среди рабочих электрической мастерской и за бывшую 2 августа сего года на Трубочном заводе забастовку, дабы этим добиться выполнения требований рабочих об увеличении платы.

Полковник (подпись).

Из донесения начальника Самарского губернского жандармского управления директору Департамента полиции, 4 сентября 1916 г.[2]

Приняв во внимание, что о существовании репрессивной кассы имелись агентурные указания «Родионова» еще 28 марта сего года и указания той же агентуры 20 мая и что означенные сведения вполне подтвердились агентурой «Блондина», данными 19 июля, из коих видно, что сбором денег на репрессивных в электрической мастерской заведывал Галактионов, который по словам агентуры «Блондина» является агитатором в электрической мастерской, по моему распоряжению бузулукский мещанин Алексей Петров Галактионов 29 минувшего сентября был подвергнут обыску, аресту и привлечен к указанной выше переписке в качестве заподозренного.

По обыску отобран один экземпляр «Эрфуртской программы».

Об агитационной деятельности Галактионова имелись также указания агентуры «Блондина», представленные 28 сего года.

Полковник (подпись).

---

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2210, л. 228.
[2] Там же, л. 231.

Устав кассы рабочих и работниц Трубочного завода[1]

Касса рабочих и работниц Трубочного завода организуется с целью оказания помощи тем рабочим, которые подвергаются репрессиям за защиту своих классовых интересов в борьбе с капиталистами, а также и для поддержания рабочей печати.

1) Членами кассы могут быть все рабочие и работницы завода.

2) Средства кассы составляются из ежемесячного отчисления участниками кассы в размере 1% с заработного рубля и других случайных поступлений.

3) Из средств кассы отчисляются 70% на оказание помощи репрессивным, 20% на поддержку рабочей печати и 10% в запасный фонд. Причем в случае острой нужды на это распределительная комиссия имеет право перечислить из одного фонда в другой.

4) Пособие выдается товарищам, сидящим в тюрьме, ежемесячно 6 руб., их семьям от 20 до 30 руб., направляющимся в ссылку 30 руб., их семьям, если в этом имеется настоятельная необходимость, от 30 до 40 руб.; тем, которые благодаря репрессиям попали на позицию, ежемесячно не свыше 10 руб. Примечание: комиссии представляется право сообразно нужды повысить и понизить вышеуказанные суммы.

5) Для ведения дел кассы в каждой мастерской избираются сборщики, которые организуют группу и которые избирают общезаводскую распределительную и ревизионную комиссию.

6) Число членов распределительной и ревиз. комиссий определяется сборщиками, пропорционально количеству членов от каждой мастерской.

7) Распределительная комиссия заведует всеми делами кассы, как то организацией сборов, распределением их. Все заявления, как то о помощи, так и иного характера, поступают в распред. ком., которая обязана таковые немедленно рассмотреть.

8) Все суммы, кроме рабочей печати, поступают в распределительную комиссию, которые хранятся у казначея этой комиссии, в случае сумма денег превысит 200 р.— избирается второй казначей, 300 р.— третий и так далее. 20% на рабочую печать группы сборщиков каждой мастерской направляют в желаемую для них газету. В случае отсутствия таковой вносится в общую кассу для специального своего назначения.

9) Распределительной комиссии вменяется в обязанность ежемесячно составлять и выпускать отчет о своей деятельности для ознакомления членов кассы.

10) Ревизионная комиссия обязана проверять каждый раз отчетность комиссий, а также следить за правильностью действий распредел. комиссии. Ревизионная комиссия вправе по своему желанию или потребовать от членов кассы во всякое время проверять действительность кассы.

Отношение начальника Самарского губернского жандармского управления начальнику Петроградского охранного отделения, 22 сентября 1916 г.[2]

4 сентября в г. Самаре с участием приезжих из Нижнего-Новгорода состоялось совещание социал-демократов большевиков с целью обсуждения вопроса об организации в Поволжье районного комитета. Как участники этого совещания, так и вся местная организация в ночь на 5 сентября ликвидированы.

Полковник (подпись).

---

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2210, л. 310.
[2] Там же, л. 206.

Донесение начальника Самарского губернского жандармского управления директору Департамента полиции, 17 сентября 1916 г.[1]

В Самаре оставшиеся на свободе местные социал-демократы большевики решили создать инициативную группу и вменить ей в обязанность сплочение в единую организацию всех находящихся в наличии социал-демократов большевиков, а по окончании этой организационной работы группе этой придать значение городского комитета. Помимо инициативной группы на казенном Трубочном заводе был организован заводский коллектив и к моменту настоящей ликвидации, под руководством этого коллектива, были сформированы уже три мужских и один женский кружки.

Кроме Трубочного завода намечались кружки на заводах Зимина и Полякова ввиду наличия в этих заводах партийных работников.

Избрание коллектива последовало еще в начале июля на собрании рабочих, бывшем за Трубочным заводом у дачи Соколова. Партийная связь Самары существовала лишь с Саратовом и Нижним-Новгородом.

Поволжская конференция, действительно, предполагалась, но срок созыва и место установлено не было. Как оказалось впоследствии, на собрании семи человек, происходившем на Вознесенской ул. в д. № 13, 4 сентября, приехавшими делегатами был поднят вопрос об организации для более правильной работы в Поволжье районного комитета; второй вопрос — по словам делегатов, также должен был поднят на этом заседании,— обсуждению подвергнут не был, так как собравшиеся принуждены были разойтись, заметив слежку; успели лишь решить, что конференция должна состояться в окрестностях Самары.

Ожидался приезд делегатов от Ярославля и Костромы, но приезд их чем-то замедлился.

Что касается квартиры по Вознесенской ул. в д. № 13, то таковая была обыскана при общей ликвидации безрезультатно.

Полковник Познанский.

Донесение начальника Нижегородского губернского жандармского управления в Департамент полиции, 22 сентября 1916 г.[2]

Доношу, делегаты Нижнего-Новгорода и Сормова по сообщению начальника Самарского губернского жандармского управления арестованы 4 сентября в гор. Самаре. Между тем, по имевшимся у меня сведениям, Поволжская конференция должна была состояться не в гор. Самаре. Организация этого города служила лишь посредницей, куда являлись делегаты с явками для получения дальнейших указаний о месте и точном времени конференции. Ввиду этого, озабоченный, с одной стороны, возможностью провала подведомственной мне агентуры, с другой, желанием проверить данные ею сведения, я запросил об общих результатах ликвидации начальника Самарского губернского жандармского управления, при чем по сообщению его от 17 сентября сего года оказалось, что ликвидирована местная Самарская организация и двое нижегородских делегатов. По данным самарской агентуры делегаты эти прибыли в Самару будто бы не на конференцию, а лишь для переговоров по организации районного Поволжского комитета.

Таковое толкование самарской агентуры, неисходное с данными подведомственной мне агентуры, сообщившей сведения, подтвердившиеся вполне даже обысками в Самаре, я считаю долгом опровергнуть, тем

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2210, л. 182.
[2] Там же, л. 214.

более, что такие вопросы, как организация районного поволжского комитета, могла быть решена именно на конференции, а не частным совещанием самарцев. Поэтому поездка в Самару из Поволжья всего лишь двух делегатов от Нижнего-Новгорода также не выдерживает критики и остается лишь предположение, что ликвидация в Самаре произведена слишком поспешно, до приезда делегатов от других губерний. На эту поспешность указывает самое время ликвидации — 4 сентября, тогда как нижегородский делегат мог приехать в Самару не раньше 3-го. Благодаря этому не установлено наружным наблюдением ни место предполагавшейся конференции, ни делегаты других губерний и не взята сама конференция.

На конференции предполагались разбираться следующие вопросы:

А) Общие: 1) война и интернационал, 2) текущий момент в России, 3) отношение к буржуазным партиям, 4) отношение к обороне и оборонцам, 5) отношение к военно-промышленным комитетам и биржам труда.

Б) Организационные: 1) принципы организационного строительства, 2) отношение к центральному бюро и центральному комитету, 3) Всероссийская конференция, 4) о поволжском областном комитете, 5) о литературе.

Полковник (подпись).

Донесение начальника Самарского губернского жандармского управления директору Департамента полиции, 27 сентября 1916 г.[1]

Вследствие донесения начальника Нижегородского губернского жандармского управления от 22 сентября считаю долгом доложить вашему превосходительству, что первоначальные сведения о возможности созыва Поволжского съезда мною были получены в конце июля без указания места съезда (доклад мой от 4 августа), почему я счел нужным 4 августа телеграфно запросить начальников губернских жандармских управлений: Симбирского, Саратовского, Астраханского, Казанского, Нижегородского, Костромского, Ярославского, Уфимского и Оренбургского, прося телеграфно известить меня о всех сведениях предполагаемого съезда и сопровождать делегатов в случае их выезда. Из числа поименованных начальников, кроме Саратовского и Нижегородского, все дали отрицательные ответы.

Начальник Саратовского управления подтвердил первоначально полученные им сведения, изложенные в донесениях своих вашему превосходительству, указывая, что съезд возможно состоится именно в Самаре, отрицая совершенно созыв его в Саратове. Только один начальник Нижегородского губернского жандармского управления телеграфно известил меня, что съезд состоится в Саратове с явкой делегатов в Самаре, а затем 1 сентября дополнительно телеграфировал о выезде с наблюдением делегата из Сормова с явкой в Самаре.

Учитывая отсутствие в остальных управлениях Поволжья указаний на съезд и предполагая возможно скорее ликвидировать местную социал-демократическую большевистскую организацию, дабы положить предел ее организационной работе, я счел нужным ликвидацию произвести именно в ночь на пятое сего сентября. Кроме того, допуская возможность съезда в Самаре без участия делегатов от других городов, я избрал для ликвидации это число после того, как наружное наблюдение указало на состоявшееся 4 сентября собрание на Вознесенской улице в доме № 13, руководствуясь при этом указаниями Департамен-

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2210, л. 210.

та полиции, изложенными в телеграмме от 3 сентября, о желательности ликвидировать съезд.

Насколько ликвидация эта была своевременна, может служить арест Иосифа Адамчика, оказавшимся беглым из Иркутской губернии Валерианом Куйбышевым.

Полковник (подпись).

Донесение начальника Самарского губернского жандармского управления директору Департамента полиции, 26 октября 1916 г.[1]

Из числа ликвидированных до сего времени лиц один из арестованных пожелал раскрыть всю организацию при условии остаться неизвестным. По сведениям этой вспомогательной агентуры «неизвестного», Самарская большевистская организация РСДРП подразделяется на 1) исполнительный комитет, именуемый «Самарский комитет РСДРП», 2) городскую конференцию, 3) организационный комитет по созыву конференции и 4) пропагандистскую коллегию, при этом г. Самара подразделяется на два районных комитета. Первый городской районный комитет, в который входят три городских русских кружка: 1 — разные мастерские, 2 — конторщики и 3 — телеграфисты Самаро-Златоустовской жел. дороги и 4 латышских кружка без нумераций, именующиеся «Амор», «Волга», «Май» и «Цинис». Второй районный комитет, обслуживающий исключительно Трубочный завод, имеющий свой подрайонный комитет, или, как его называют «Заводской коллектив» и подразделяющийся на сеть кружков с присвоением каждому порядкового номера.

При комитете имелась квартира для собраний и приступлено было к оборудованию техники.

Городская конференция избрана была закрытою баллотировкой на массовке, бывшей 6 августа в местности, называемой «Красная Глинка».

В организационном комитете по созыву поволжской конференции состояли Иосиф Андреев Адамчик, оказавшийся сыном подполковника Валерианом Владимировичем Куйбышевым, и неизвестный из Саратова.

В пропагандистскую коллегию вошел Валериан Куйбышев.

Первый городской районный комитет состоял из четырех лиц.

Собрания комитета летом обыкновенно происходили в окрестностях г. Самары, с наступлением же холодного времени в квартире Алексея Галактионова, на даче Конюховых в 5 части города.

Относительно собрания, происходившего 4 сентября по Вознесенской ул. д. 13, агентура отметила лишь участие, помимо делегатов от Н.-Новгорода, от Сормова, также делегата и от Саратова, неизвестного блондина с курчавыми небольшими волосами, в пенснэ, высокого роста, на вид полуинтеллигента, лет 30.

О розыске и аресте этого делегата мною телеграфировано 20 октября с. г. начальнику Саратовского губернского жандармского управления.

Принимая во внимание обширный материал, в особенности на латышском языке, подлежащий просмотру через переводчика, цифровые записи у некоторых обысканных, значительную переписку по установке нелегальных и невозможность в силу этих обстоятельств означенную переписку закончить и направить к окончанию двухмесячного срока ареста первых арестованных, прошу ваше превосходительство об удовлетворении моего ходатайства, направленного через самарского

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2210, л. 281.

губернатора, о продлении срока ареста всем привлеченным к переписке до окончания таковой. С своей же стороны мною будут приняты все меры к скорейшему ее окончанию.

Полковник (подпись).

Донесение начальника Самарского губернского жандармского управления директору Департамента полиции, 28 октября 1916 г.[1]

В дополнение докладов моих по делу ликвидации членов Самарской большевистской социал-демократической организации и последнего по сему делу доклада от 26 октября, доношу вашему превосходительству, что со слов вспомогательного сотрудника «неизвестного» организационным комитетом по созыву конференции для предполагавшейся Поволжской конференции был заранее разработан следующий порядок дня:

1. Современный момент.
2. Отношение к буржуазным партиям.
3. Отношение к с.-д. думской фракции.
4. О печати.
5. О военно-промышленном комитете.
6. Об общественных организациях и
7. Выборы в Поволжское бюро.

При рассмотрении вопроса о создании Поволжского бюро и выборов в таковое имелось в виду созданием, таким образом, Поволжского центра, возложить на него общее руководство всей с.-д. деятельностью Поволжья включительно до издания газеты «Поволжская правда», к печатанию каковой предполагалось приступить в Самаре.

По делу издания этой газеты и должен был быть обмен мнений по вопросу о печати.

По сведениям агентуры «Художника», члены латышской с.-д. организации, сплотившись в Самаре, предполагали переустроить русскую самарскую организацию по образцу Латышской, решив для этого, кроме самарского комитета, образовать еще особый латышский руководящий центр с представительством от такового в комитете.

Недели три тому назад, большевики предполагали даже устроить на Трубочном заводе забастовку с выпуском соответствующего воззвания, но при совместном обсуждении с меньшевиками последние воспрепятствовали, и забастовка не удалась, отчасти из-за этого разногласия, а главным образом, из-за начавшихся арестов.

Полковник (подпись).

III

Протокол заседания комиссии по организации «Красной недели», апрель 1917 г.[2]

Председательствует тов. Куйбышев.

Принципиально собрание согласно с неотложностью организации «Красной недели». Предлагается устроить целый ряд митингов, для чего необходимо избрать комиссию.

Устройство собраний на фабриках и заводах поручить фабрично-заводскому комитету и профессиональным союзам.

Сведения об этом они за день сообщают в комиссию по распределению агитаторских сил.

---

[1] Куйбышевский областной исторический архив, ф. 4, д. № 2274, л. 498.
[2] Куйбышевский областной архив Октябрьской революции, ф. 86, д. № 1, л. 46.

Срок «Красной недели» устанавливается в семь дней, при чем обычные работы ни на минуту не останавливаются.

Начало «Красной недели» решено установить в субботу, т. е. 20 апреля.

Постановлено в пятницу созвать общее собрание совета совместно с представителями профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов.

Комиссии по устройству «Красной недели» поручается и распоряжение агитаторскими силами.

Комиссию эту постановлено избрать на собрании исполнительного комитета.

О выработке платформы празднования «Красной недели» постановлено передать этот вопрос на разрешение исполнительного комитета.

Председатель собрания (подпись).

Проект устава рабочей Красной гвардии[1]

1. Общие положения.

Красная гвардия ставит своей задачей: а) защиту завоеваний революции, б) борьбу с контрреволюционными выступлениями, в) охранение жизни, безопасности и имущества всех граждан без различия национальности, г) и усиление охраны заводов от злоумышленных покушений. Выступление, действие и формирование Красной гвардии состоит в ведении и под руководством Исполн. комитета совета рабочих депутатов.

Для непосредственного руководства действием и формированием Красной гвардии при Исполн. комитете учреждается штаб Красной гвардии, в состав которого входят: 1) десятники, а с ростом гвардии сотники или выбранные от десятников, 2) представители Исполн. комитета совета рабочих депутатов по 1 от каждой политической партии, 3) два представителя совета професс. союзов и 4) начальник Красной гвардии и два его помощника.

Примечание: штаб избирает из своей среды президиум. При штабе ведется делопроизводство и строгая отчетность.

II. Состав и организация гвардии.

1. Членами Красной гвардии может быть всякий работник и работница, состоящие членами социалистических партий и рекомендуемые районными, подрайонными и другими партийными комитетами.

2. Все члены Красной гвардии объединяются по десяткам и имеют во главе выборного десятского.

Десятки составляют сотни, во главе которых стоит сотский, выбираемый десятками.

Начальник всей Красной гвардии и два его помощника избираются прямым, равным и тайным голосованием всех дружинников и утверждается штабом Красной гвардии.

III. Права и обязанности дружинников.

1. Дружинникам принадлежит право избрания начальников.
2. Право товарищеского суда (выборный суд гвардии или сотни).
3. Заведывание административно-хозяйственной частью гвардии, сотни, десятка при посредстве выборных комитетов.

---

[1] Куйбышевский областной архив Октябрьской революции, ф. 86, д. № 1, л. 44.

Проект устава написан рукою т. В. В. Куйбышева в начале октября 1917 г.

4. Дружинники обязаны беспрекословно исполнять все приказы начальника, касающиеся службы.

5. При выходе, без уважительной причины, из дружины, дружинники обязаны предупредить о том за 2 недели.

6. Дисциплинарные взыскания, коим могут быть подвергнуты дружины, суть: а) товарищеский выговор, б) исключение из дружины (решается судом сотни и утверждается штабом), в) исключение из завода[1] (решается судом гвардии и утверждается штабом), г) общий бойкот по постановлению штаба.

Примечание: в случаях, не терпящих отлагательства, поименованные в пунктах а) и б) взыскания могут быть налагаемы единоличной властью начальника дружины с непременным условием представления на утверждение соответствующих учреждений.

IV. Вооружение.

Вооружение Красной гвардии производится советом рабочих депутатов всеми доступными ему средствами.

Оружие выдается на руки дружинников по рассмотрении каждого отдельного случая штабом Красной гвардии.

За выданное на руки оружие возлагается личная и денежная ответственность на дружинника и, в случае его несостоятельности, круговой порукой партии, рекомендовавшей дружинника. За продажу или умышленную порчу оружия налагается высшая мера взыскания из пунктов «б», «в» и «г».

Тоже и относительно патронов.

V. Служба.

Прохождение службы производится по уставу строевой службы применительно к воинскому (с сокращениями), а также уставу гарнизонному и полевому. Начальники гвардии, сотен и десятков отвечают за дисциплину, порядок и прохождение службы своих частей. Штаб гвардии имеет мобилизационные планы и производит учебные сборы и тревоги. Оружие, не состоящее на руках, хранится в депо штаба гвардии.

Красная гвардия не несет постоянно обязанностей милиции, но в особо исключительных случаях Красная гвардия берет на себя все функции милиции.

VI. Средства.

Средства Красной гвардии образуются из:

а) фонда Красной гвардии, составляемого отчислением из заработка рабочих и добровольных поступлений и сборов;

б) поступлений из средств совета рабочих депутатов, получаемых всеми доступными для него способами.

VII. Оплата.

Начальники гвардии, в случае если это будет признано необходимым,— получают вознаграждение по определению штаба, утвержденному исполн. комитетом.

Гвардейцам за потерянные при исполнении обязанностей часы в рабочее время возмещается средний заработок предприятиями, где они работают.

---

[1] Так в подлиннике.

VIII. Контрольная комиссия.

Исполнительн. комитет с. р. д. выделяет из своей среды постоянную контрольную комиссию из представителей всех фракций для ревизии наличности оружия, денежных сумм, состава и деятельности гвардии.

Примечание: к 1 п. отд. II. При выходе из социалистической партии по причинам принципиального характера вопрос о пребывании в гвардии решается штабом гвардии.

Из протокола заседания Самарского совета рабочих и солдатских депутатов, 20 октября 1917 г.[1]

3. Текущий момент, докладчик тов. Куйбышев.

Текущий момент характеризуется крайней остротой положения русской революции: продовольственный кризис, закрытие предприятий, носящее эпидемический характер, безработица. В это время, кроме внутренних неурядиц, над русской революцией скопляются еще тучи извне. Замышляется заговор всемирной империалистической буржуазии.

Английская и вся союзная буржуазия хочет задушить русскую революцию руками Вильгельма, русская буржуазия также надеется на Вильгельма.

Вводится институт назначенных комиссаров, которые были бы слепыми орудиями в руках контрреволюционного правительства.

Правительство предлагает изъять милицию из рук революционных самоуправлений и создать специальное управление милицией, чтобы сделать ее своим орудием.

Немцы подступают к Петрограду. Гибель Петрограда — гибель русской революции, а правительство готово предать Петроград, зная, что потом с провинцией справиться будет не трудно. Правительство хочет бежать из Петрограда. Таковы плоды семимесячного соглашательства с буржуазией.

Дальше так жить нельзя. Мы должны спасти страну, спасти революцию, спасти Петроград. Мы должны взять дело обороны страны и революции в свои руки. Власть должна перейти к народу в лице советов р. с. и кр. д. Мы знаем, что неизбежен новый стихийный подъем революции. Наша обязанность сделать его организованным, стать во главе этого движения.

Мы призываем массы рабочих, солдат и крестьян организовываться, отстранять от себя темные контрреволюционные силы, сплачиваться вокруг советов и ждать их призыва.

4. Вопрос о закрытии газеты «Волжский день».

Тов. Куйбышев вносит предложение передать полученные заявления объединенному Исполнительному комитету с. р. и с. д., которому поручено объединенным собранием разрешить этот вопрос. Исполнительный комитет, конечно, примет во внимание эти заявления.

Большинством голосов принимается предложение т. Куйбышева. Заседание закрывается.

Протокол общего собрания советов рабочих и солдатских депутатов заводских и полковых комитетов г. Самары, 29 октября 1917 г.[2]

Порядок дня:

1. Доклад тов. Шверника о петроградских событиях.

---

[1] Куйбышевский областной архив Октябрьской революции, ф. 86, д. № 2, лл. 11—12.

[2] Там же, л. 23.

2. Доклад революционного комитета.
3. Выборы штаба охраны.
4. О пайке солдатам.
5. О выборности командного состава.

Тов. Шверник докладывает о создавшемся положении рабочей и солдатской массы в Петрограде, вызвавшем переворот.

Слово для доклада предоставляется председателю Революционного комитета.

Тов. Куйбышев: Первый шаг, сделанный Революционным комитетом, был сделан в ту же ночь по избрании его. Пришлось удалить анархистов, захвативших «Волжский день», затем Революционный комитет закрыл газету «Волжский день» и секвестровал типографию. Кроме того, приняты были меры недопущения печатать закрытую Бугурусланским советом «Бугурусланскую жизнь», на этой почве возник конфликт с обществом печатников, который надеемся уладится. На правительственном телеграфе были усилены комиссары для строгого контроля телеграмм, т. к. казачество сообщало друг другу о своем передвижении и телеграммы попадали в руки враждебным лицам. Усиление комиссаров не имело в виду оскорбить почт.-телеграфн. служащих, но те объявили забастовку. Пока нехватает сил для замещения и телеграф будет работать неполностью. На жел. дороге телеграф значительно лучше. Городская милиция подчинена Революционному комитету. Рабочая красная гвардия доказала свою организованность и оказала комитету большую помощь. Военному комиссару Революционного комитета предоставлено право распоряжаться силами всего самарского гарнизона. Укрепилась уверенность, что весь гарнизон на стороне комитета. Полки избрали комиссаров, которые будут проводить в жизнь постановление комитета. Произведен подсчет оружия, снарядов и т. д. Для охраны от контрреволюционного нападения приняты все меры. Имеющаяся в Самаре сотня казаков разоружена. Нельзя пожаловаться, что у комитета нет опоры в массах солдат и рабочих.

Докладчик указывает, что соц. революционеры, несмотря на свое заявление о лояльности, создали «комитет спасения». Этот комитет без опоры в массах, даже расклеивать воззвания приходится самим членам этого «комитета спасения».

Заканчивает докладчик призывом к единению, и тогда не будет силы, могущей противостоять Революционному комитету.

Протокол заседания Совета народных комиссаров при Самарском революционном комитете, 3 ноября 1917 г.[1]

Председатель Галактионов.

Слушали: доклад председателя Революционного комитета тов. Куйбышева о необходимости организации при Революционном комитете, в помощь последнему, особого совета народных комиссаров из активных работников партии, стоящих на точке зрения власти советов.

Задача совета — предварительная разработка вопросов, возникающих в связи с деятельностью Революционного комитета. Этот же совет должен выделить из своей среды лиц для исполнения различных поручений комитета.

Постановили: организовать Совет народных комиссаров, введя в его состав в качестве постоянных членов 15 чел., освобожденных от каких либо других занятий и обязанных все свое время предоставлять в распоряжение революционного комитета. Для удобства работы установлены дежурства в 3 смены по пять человек в каждой смене.

[1] Куйбышевский областной архив Октябрьской революции, ф. 86, д. № 3, л. 33.

Сверх этого постоянного ядра должны функционировать особые комиссии, в которые приглашаются все могущие быть полезными лица.

Протокол заседания Совета рабочих и солдатских депутатов 18 декабря 1917 г.[1]

Доклад от Революционного комитета делает Куйбышев, который говорит: «Революционный комитет поручил мне сделать сообщение о его деятельности за эти несколько дней (с 13 декабря). Фактически работает и весь Губернский исполнительный комитет советов.

В ночь на 15 декабря заседал Губернский исполнительный комитет. Представитель одной из комиссий делал доклад. Во время этого доклада раздался оглушительный взрыв, после которого начался пожар. К счастью все члены Губернского исполнительного комитета остались невредимы. О причинах взрыва у всех членов Губернского исполнительного комитета нет никакого сомнения, что это следствие покушения. За это говорят многие факты. Я надеюсь, что следственная комиссия найдет виновников взрыва. Нормальной работы после этого взрыва, конечно, быть не могло, но аппарат уже налаживается. Губернский исполнительный комитет разбился на ряд отделов, которые уже начали функционировать. Мне хочется отметить один факт, доказывающий победу советской власти в Самаре. Вчерашний день поступило заявление капиталистов о том, что они избрали из своей среды комиссию, которая займется скорейшим проведением в жизнь обязательного налога на капиталистов в пять миллионов рублей, требуемого Революционным комитетом. Таким образом, несмотря на все разговоры наших противников, все время утверждавших, что постановление Революционного комитета о налоге и аресты капиталистов ни к чему не приведут,— опровергается самой жизнью. Другой факт в области борьбы с контрреволюцией. Еще Революционный комитет старого состава посылал отряд для борьбы с казачеством в Челябинске, а также и в Оренбурге. Революционный комитет нового состава послал на подкрепление отряда, идущего на Оренбург, шесть артиллерийских орудий, что обеспечивает нашу победу над Дутовым. Нам удалось также добиться признания подписей начальников, избранных железнодорожниками. На днях будет утверждена и подпись нашего губернского комиссара А. Галактионова. Кроме того, благодаря нашему содействию, Самара получила подкрепление денежными знаками.

Таким образом, власть советов все более и более крепнет. Присоединившаяся к нам часть губернского крестьянского съезда, члены которого принимают участие в работе новой власти, очень много помогла укреплению советской власти в Самарской губернии. Сопротивление встретилось со стороны организовавшегося из части губернского крестьянского съезда правого крыла комитета народной власти. Но и там начинается расслоение. Сопротивление это без сомнения будет сломлено очень быстро и, вероятно, без пролития крови. Таким образом, все факты говорят за то, что победа будет в конце концов на стороне Советов».

Протокол комиссии по выработке инструкции для сформирования партийной коммунистической дружины, 9 января 1918 г.[2]

Слушали: о постоянной дружине.

---

[1] Куйбышевский областной архив Октябрьской революции, ф. 86, д. № 2, л. 42.

[2] Там же, д № 18, л. 122.

Постановили: боевая партийная дружина губ. ком. партии коммунистов составляется: 1) из основного ядра постоянной дружины, организованной по принципу Красной армии.

Примечание: в основу постоянного ядра входит 9 рота 1 Советского полка.

2) Из всех членов партии, не вошедших в постоянную боевую дружину, составляется резерв, который мобилизуется в экстренных случаях по приказанию партийного штаба.

3) Во главе постоянной дружины и резерва становится штаб из 3-х лиц, назначаемых комитетом партии:

а) заведующий строевой частью,

б) заведующий хозяйственной частью,

в) политическая работа в дружине возлагается на городской комитет партии. Резерв находится при районных комитетах.

Распоряжение Самарского революционного комитета комиссариату внутренних дел, 27 мая 1918 г.[1]

Губернский революционный комитет на своем заседании от 24 мая постановил:

Предложить совету губернских комиссаров и всем губернским комиссариатам в самый кратчайший срок представить в губернский Революционный комитет план живой инструкторской связи с уездами и уездными комиссариатами, для немедленного проведения его в жизнь.

Сообщая о своем постановлении, губернский Революционный комитет предлагает принять его к сведению и точному исполнению.

Председатель В. Куйбышев.

Телеграмма Куйбышева в Совнарком, ЦИК — Свердлову, июнь 1918 г.[2]

Самарский губернский Революционный комитет после взятия Самары переехал в Симбирск, в лице председателя Куйбышева, и возобновил свою деятельность по управлению губернией. Возобновляют деятельность комиссариаты финансов, продовольствия, военный, труда, юстиции, земледелия, обеспечения, просвещения, совнархоза, почтель. Неизвестна судьба губкомвнудел Галактионова. Просим все сношения с губернией производить Симбирск, Самарский губревком, бывший кадетский корпус.

Председатель Самарского губревкома Куйбышев.

Телеграмма Куйбышева в Совнарком, ЦИК — Свердлову, июнь 1918 г.[3]

При эвакуации Самары все извещения и кредиты комиссариатов естественно остались в конторе банка казначейства. Ценности вывезены в Казань: пятьдесят шесть миллионов золота, тридцать миллионов кредитных знаков. Возобновляя деятельность по управлению губернией в Симбирске, ведя политическую и военную борьбу за освобождение Самары, губревком и комиссариаты не имеют кредитов. Просим срочно телеграфно ассигновать через Симбирскую контору банка пять миллионов рублей под строгую ответственность председателя и членов ревкома.

Председатель Ревкома Куйбышев.

---

[1] Куйбышевский областной архив Октябрьской революции, ф. 50, д. № 1, л. 191.
[2] Там же, д. № 49, л. 15.
[3] Там же, ф. 50, д. № 49, л. 14а.

Протокол совместного заседания Самарского губернского революционного комитета с представителями самарских губернских комиссариатов, 12 июня 1918 г.[1]

Председательствует т. Куйбышев.

Слушали: предложение т. Куйбышева о возможности восстановления работы самарской губернской советской власти ввиду того, что большинство ответственных советских работников в настоящее время сгруппировались в Симбирске.

Постановили: признать не только возможным, но даже необходимым немедленно возобновление функционирования самарской губернской власти в лице Революционного комитета и комиссариатов. Учет сил показал, что в настоящее время в Симбирске представлены следующие советские учреждения: Революционный комитет — предс. т. Куйбышев, комиссариат финансов, военный комиссар, комиссары — продовольствия, труда, юстиции, социального обеспечения, земледелия, почт и телеграфа, просвещения и совнархоз, председатель совета т. Куйбышев.

К следующему заседанию каждый комиссариат должен представить план своей предстоящей деятельности, принимая во внимание исключительную обстановку, в которой приходится работать советской власти в связи с наступлением чехо-словаков.

Слушали: просьбу делегата, представители Ставропольского совдепа, об отпуске 300 тысяч рублей, частично ввиде аванса под кредит, а частью в подкрепление денежных знаков.

Постановили: просьбу удовлетворить. Отпустить Ставропольскому совдепу 300 тыс. руб.

Слушали: вопрос о вознаграждении советских работников, состоящих в рядах коммунистических дружин.

Постановили: все дружины получают содержание в размере 150 руб. в месяц.

Следующее собрание назначить на 10 час. вечера 13 июня.

Собрание закрывается в 2 ч. ночи.

Протокол заседания Самарского губернского революционного комитета с представителями самарских губернских комиссариатов, 14 июля 1918 г.[2]

Слушали: сообщение т. Куйбышева о переводе денег, находившихся в ведении организационного отдела воинских отрядов, в связи с ликвидацией этого отдела, в распоряжение Сам. губ. рев. комитета.

Постановили: выдачу денег производить: на нужды Революционного комитета по требованиям председателя Самгубревкома, на нужды отряда — по требованиям заведующих отделами, утвержденных начальником отряда.

Казначею предложить представлять ежедневно бюллетень о состоянии кассы и расходовании сумм по отделам.

Протокол заседания членов Самарской организации партии коммунистов, 16 июня 1918 г.[3]

Слушали: предложение т. Куйбышева о представительстве Самарской губернии на съезде советов, имеющем быть в Москве с 28 июня.

---

[1] Куйбышевский областной архив Октябрьской революции, ф. 50, д. № 24, л. 2.

[2] Там же, л. 4.

[3] Там же, л. 6.

Постановили: в предстоящем съезде принять участие. Самарский совет делегирует 2 представителей.

Революционный комитет посылает 3 представителей от губернии ввиду того, что многие местности губернии заняты неприятелем.

Самарскому революционному комитету предоставить право делегировать от губернии 2-х из кандидатов, намеченных собранием.

Слушали: предложение т. Куйбышева о принятии мер к немедленному продуктивному использованию советских работников в интересах советской власти, в связи с известием из центра об изменившемся положении дел на фронте.

Постановили: сохраняя в неприкосновенности Революционный комитет и комиссариаты в лице ответственных комиссаров, все остальные свободные силы использовать для советской работы, обратив главное внимание на Симбирск, как на пункт, являющийся предметом особого внимания неприятеля после занятия им самарской магистрали.

Поручить комиссии опросить товарищей советских работников, в видах точного учета сил, и результаты учета представить в Революционный комитет.

Революционному комитету совместно с комиссией предоставляется окончательное распределение сил.

Заседание кончается в 5 ч. веч.

Председатель В. Куйбышев.

Протокол заседания Самарского губернского революционного комитета с представителями губ. комиссариатов и Сам. губ. комитета партии коммунистов, 16 июня 1918 г.[1]

Слушали: сообщение т. Куйбышева о готовящейся на утро отправке дружины коммунистов навстречу чехословакам и предложение о необходимости отправить с ней кого-либо из ответственных советских и партийных работников.

Постановили: отправить с дружиною пять товарищей.

Слушали: ходатайство представителей Самарского комиссариата труда об отпуске комиссариату взаимообразно 2 тыс. руб. в счет имеющих быть отпущенными из центра.

Постановили: ходатайство удовлетворить.

Собрание заканчивается в 5 час. утра.

Председатель В. Куйбышев.

Отношение уполномоченного СНК в Самарский революционный комитет, 23 августа 1918 г.[2]

Мы предлагаем Самарскому военно-революционному комитету, Саратовскому губернскому исполнительному комитету согласовать свою работу на следующих основаниях.

Самарский революционный комитет до взятия нами обратно Самары является политическим революционным центром оставшихся уездов Самарской губ. Его задача — партийная, агитационная, революционно-организационная работа, борьба с контрреволюционными элементами. В этом отношении необходимо ему всяческое содействие. Хозяйственно-административные функции управления самарскими уездами лежат на Саратовском губисполкоме.

---

[1] Куйбышевский областной архив Октябрьской революции, ф. 50, д. № 24, л. 5.

[2] Там же, л. 100.

Для связи, согласования действий мы настаиваем перед Саратовским губисполкомом на введение представителя Самарского революционного комитета в президиум Саратовского губисполкома.

Чрезвычайный комиссар (подпись).
Председатель особой следственной комиссии ВЦИК (подпись).

Телеграмма Самарского губревкома в Наркомфин, 1 сентября 1918 г.[1]

Ввиду исключительных условий Самарского губревкома и комиссариатов в связи с военными действиями, разрешите использовать кредит 5 миллионов руб. по сжатому общему расписанию предполагаемых расходов по комиссариатам авансовыми суммами, по мере надобности, с представлением подробных постатейных отчетов и оправдательных документов об израсходовании взятых авансов по израсходовании их. В настоящий момент представление подробного предварительного постатейного расписания не представляется никакой возможности и если это последнее требование будет обязательным, ревком не сможет использовать кредита своевременно и должным образом.

Председатель.

Информация Самарского губревкома народному комиссару внутренних дел, 24 сентября 1918 г.[2]

Настоящим Самарский губернский революционный комитет сообщает, что работа его, как органа губернской власти, налаживается, хотя и с большим трудом, так как приходится восстановлять работу при исключительно неблагоприятных условиях.

Как центру небезызвестно из отчета Ревкома и из докладов отдельных делегатов, самарские советские учреждения не эвакуировались из Самары, как учреждения со всем делопроизводством. Последнее, столь необходимое при восстановлении работы, осталось в Самаре. И затем, второе, члены самарских органов власти были милитаризованы и принимали и принимают почти до самого последнего времени непосредственное участие в военных операциях, будучи разбросаны почти по всем фронтам, и только в Покровске, где Ревком на территории своей губернии возобновил свою деятельность в качестве органа губернской власти, получилась впервые возможность постепенно собрать их воедино для работ по губернии.

Точно также центр поставлен в известность, что Ревкому в самом начале его пребывания в Покровске пришлось натолкнуться на известного рода трения, которые пришлось устранять путем принятия чрезвычайных мер, именно, путем посылки делегации в Москву для выяснения точки зрения ЦИК на самое существование Ревкома, и уже после окончательного разрешения этого вопроса, после получения Ревкомом телеграфного извещения за подписью т. Свердлова, Ревком получил возможность приступить к осуществлению своих планов работы по губернии.

В настоящее время организованы и работают отделы: управления, финансов, просвещения, юстиции, земледелия, народного хозяйства, социального обеспечения, труда. Работают с небольшим количеством штата и начинают вести работу, главным образом, путем знакомства с постановкою ее в близлежащих местах и соответствующего их инструктирования.

---

[1] Куйбышевский областной архив Октябрьской революции, л. 50, д. № 1, л. 228.

[2] Там же, д. № 23, л. 8.

Другим отделам временно приходится бездействовать в силу особых условий.

Так, временно сужена работа военного, ввиду того, что войска подчинены штабу IV-й армии и снабжаются им же или Саратовским губвоенкомом и поэтому даже самое существование Самарского губвоенкома можно было бы признать излишним, если бы не занятие нашими войсками Казани, Симбирска и ряда других городов, и возникшая в связи с этим уверенность в скорейшем занятии и Самары, что заставляет предпринять некоторые шаги и в области подготовительных шагов и к военным организациям.

В таком же положении находится и продовольственный отдел. Его работу ведет и по сию пору чрезвычайная комиссия по товарообмену, но это, конечно, не мешает тому, что Ревкомом принимаются все меры к воссозданию аппарата, который будет необходим, ввиду предстоящего занятия Самары.

К сведению сообщаю, что Ревкомом приняты меры, чтобы по занятии Самары советская власть в лице Ревкома могла принять управление губерниею.

Одновременно с настоящим сообщением Ревком считает необходимым обратиться с просьбою о разрешении некоторых вопросов:

1) Куда относить сметы городов (и безуездных) со всеми подотделами, которые не подходят под рубрику конституций?

2) Кто должен производить работу по отделению церкви от государства.

3) Ходатайствуя о присылке устава милиции с точными указаниями присвоенных ей функций и количества по отношению к населению, просим ответить, что делать с участками, если их было больше предусмотренных инструкциями, нужна ли милиция в волости и в каком количестве, и где взять для нее обмундирование и вооружение?

4) Сделать указания, куда прикомандирован ветеринарный отдел, какие взаимоотношения между ним и отделом управления и какие взаимоотношения между отделом народного здравия и фармацевтическим?

5) Обращаемся с просьбою о высылке журнала «Вестник Комвнудел» и «Известия отдела местного управления».

Положение учеников ремесленных училищ в дореволюционной Твери

Создание школ Главного управления трудовых резервов и прошедший с большим успехом призыв молодежи в эти школы вызвали значительный интерес в широких кругах трудящихся к ремесленному обучению в дореволюционной России.

Тяжел был путь к ремеслу для трудящейся молодежи до Великой Октябрьской социалистической революции. Далеко не все, поставившие перед собой задачу стать квалифицированными рабочими, добивались осуществления своей мечты. Многие не могли снести лишений, выпадавших на долю ремесленных учеников, бросали учение и на всю жизнь оставались людьми без определенной специальности. Тяжелая, плохо оплачиваемая работа перемежалась с длительной безработицей.

Обучение ремеслу в частных мастерских продолжалось 5—10 лет. Изнурительный труд до 17 часов в сутки, скверное питание, жалкое рубище вместо одежды — вот общие условия работы. К этому нужно добавить, что работали и жили ученики в грязных комнатах, спали на тряпье, укрывались верхнею одеждою. Побои являлись непременным условием такого обучения.

В 1862 г. по распоряжению тверского губернатора была создана специальная комиссия для обследования местных ремесленных заведений. На нее возлагались задачи выяснить условия жизни ремесленных учеников и выработать меры к улучшению этих условий. Комиссия не выполнила возложенных на нее задач. Она ознакомилась с жизнью учеников 64-х предприятий с числом учеников и работников 369 человек, т. е. около 23 процентов их общего числа по гор. Твери. О каждом осмотренном предприятии был составлен протокол. На этом и закончилась деятельность комиссии.

Протоколы обходят молчанием такой вопрос, как обращение владельцев мастерских с учениками. В них нет упоминания об издевательстве над детьми, об избиении их хозяевами, которые, как мы знаем из других источников, приводили нередко к увечиям и даже к смерти. И все же протоколы комиссии рисуют жуткую картину положения ремесленных учеников в пореформенной Твери.

Н. Журавлев.

Отношение тверского губернатора губернских дел стряпчему, 19 сентября 1862 г.[1]

До сведения моего дошло, что содержатели многих ремесленных заведений в г. Твери дурно обращаются с рабочими,— в особенности же с мальчиками и девочками, не одевают их, кормят дурною пищею и содержат в сырых и холодных комнатах. Вследствие сего прошу вас,

[1] Калининский областной истор. архив, ф. канц. тверского губернатора, д. № 418, л. 6.

милостивый государь, принять на себя труд — осмотреть все ремесленные заведения в г. Твери и о последующем уведомить меня.

Баранов.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Михайловой, 6 октября 1862 г.[1]

Тверской губернский казенных дел стряпчий Федоренко при частном приставе Никифорове и ремесленном старшине Ковригине осматривал портное женское заведение солдатской дочери Авдотьи Гавриловой Михайловой. При осмотре оказалось, что учениц состоит десять, которые работают в двух довольно чистых комнатах. Ночлег имеют половина внизу дома, а другая на мезонине. Помещение не отличается чистотой и комната наверху нетоплена. По отзыву учениц работают с 6-ти часов утра до 10-ти вечера.

Подписи.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Фейерберга, 6 октября 1862 г.[2]

Осматривали заведение медяника Теодора Фейерберг и нашли, что в оном находятся три работника и три ученика, которые занимаются работой в особо устроенной мастерской в высшей степени грязной и закопченной, может быть от самого свойства работы. В этой же самой комнате имеют ночлег ученики на устроенных палатях. Постель и одежда крайне неопрятны, что легко можно было устранить при большем внимании хозяина. Работают с 4 часов утра до 8 вечера.

Подписи.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Жукова, 11 октября 1862 г.[3]

Осматривали ремесленное заведение сапожника Михайлы Хрулева Жукова, в котором пять работников и пять учеников, помещающихся ночлегом в мастерской необыкновенно грязной и сырой.

Подписи.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Вольстрома, 12 октября 1862 г.[4]

Осматривали ремесленное заведение сапожника Густава Вольстрома, в котором три работника и пять учеников.

Мастерская помещается в кухне до крайности грязной. Пол от лоханей мокрый. На этом-то полу рабочие спят. На восемь человек только четыре довольно грязных постельника. Работают с шести часов утра до десяти вечера с промежутком в сумерки два часа. В бане бывают два раза в месяц.

Подписи.

---

[1] Калининский областной истор. архив, ф. канц. тверского губернатора, д. № 418, л. 12.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 17.
[4] Там же, л. 20.

Рапорт губернских казенных дел стряпчего Федоренко исполняющему обязанности тверского губернатора, 8 ноября 1862 г.[1]

Его сиятельство бывший начальник губернии поручил мне, предписанием от 19 прошедшего сентября осмотреть все ремесленные заведения в городе Твери и о последующем донести.

Освидетельствовав некоторые из означенных заведений при бытности частного пристава второй части Никифорова и ремесленного старшины Ковригина и составив по каждому отдельно надлежащие протоколы, мы нашли, что дальнейший осмотр заведений был бы бесполезен, т. к. содержатели заведений мало по малу были уже предупреждены и старались к нашему приходу исправить свои недостатки, а потому положили на некоторое время приостановиться, о чем я имел честь докладывать словесно начальнику губернии и получил согласие его сиятельства на таковое наше распоряжение с тем, чтобы по истечении некоторого времени приступить вновь к освидетельствованию.

Между тем в настоящее время, как известно вашему превосходительству, получив предписание управляющего министерством юстиции вступить в отправление должности товарища председателя тверской уголовной палаты, я не могу уже продолжать в остальных заведениях возложенного на меня освидетельствования, почему имею честь представить при сем дело это на благоусмотрение вашего превосходительства.

Коллежский ассесор Петр Федоренко.

Предписание тверского губернатора чиновнику особых поручений Сидоренко, 16 ноября 1862 г.[2]

Бывший начальник губернии поручил тверскому губернскому казенных дел стряпчему Федоренко освидетельствовать ремесленные заведения в Твери.

Ныне г. Федоренко, по случаю назначения его товарищем председателя Тверской уголовной палаты, представил мне переписку по этому предмету неоконченною.

Вследствие сего поручаю вам немедленно по получении сего освидетельствовать те ремесленные заведения, которые остались неосвидетельствованными г. Федоренко, при одном из частных приставов тверской полиции, о назначении которого мною вместе с сим предписано г. полицеймейстеру, и ремесленном старшине Ковригине и по освидетельствовании донести мне.

Генерал-майор Багратион.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Розанова, 17 ноября 1862 г.[3]

Старший чиновник особых поручений Сидоренко, при частном приставе Крылове и ремесленном старшине Ковригине, осматривал ремесленное заведение мужского портного Михаила Тимофеева Розанова. По осмотре оказалось: в заведении Розанова три работника и два ученика. Один из учеников живет у Розанова на его верхней одежде. Одежду этого мальчика составляет единственное холодное из солдат-

[1] Калининский областной истор. архив, ф. канц. тверского губернатора, д. № 418, л. 2.
[2] Там же, л. 1.
[3] Там же, л. 25.

ского сукна без подкладки коротенькое пальто с теплым воротником и теплые плохие сапоги. И работники и ученики работают от 6—7 часов утра до 9 вечера в весьма маленькой комнате — грязной, содержанной в высшей степени нечисто, с тяжелым воздухом. Ночлег имеют в этой же комнате на рабочих нарах. Так как нары эти устроены около окон, рамы которых плохи и неплотно затворяются, двойных же рам нет, то нужно предположить, что ночью на нарах холодно, хотя днем в мастерской и тепло, ибо здесь устроена небольшая, вроде лежанки, печь, которая, для нагревания утюгов, топится целый день. Для спанья на нары кладутся довольно чистые тюфяки и по одной на каждого ученика довольно грязной подушке. В баню ученики ходят в две недели раз и тогда сменяют белье.

Подписи.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Малыгина, 17 ноября 1862 г.[1]

Осматривали ремесленное заведение мужского портного Дементия Андреева Малыгина. По осмотре оказалось: в заведении пять работников и шесть учеников. Работают от шести и семи утра до десяти вечера, в комнате, расположенной в подвальном этаже дома, тесной, сырой, грязной и нечисто содержанной, с удушливым воздухом. Из шести учеников трое имеют ночлег в кухне рядом с мастерской, где спят они на катке, на котором днем работают, двое работников, подстилая на каток дерюги, коврики, подстилки,— все рваное и грязное и по одной подушке в головы, так же грязной. Остальные три мальчика, а также и работники спят в мастерской комнате на катке, постилая на него тоже такое же рваное и грязное, как и первые три. Приготовленная пища оказалась нечисто и невкусно приготовленною. Вообще это заведение отмечается неудобством помещения и страшною нечистотою.

Подписи.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Роде, 17 ноября 1862 г.[2]

Осматривали ремесленное заведение мужского портного Людвига Роде. По осмотре оказалось: в заведении Роде один ученик мальчик 11 лет. Живет он на своей одежде и имеет ее и мало и весьма плохую. Работает от семи и восьми часов утра до десяти вечера в просторной, светлой, теплой, но не совсем сухой и чистой комнате. Ночлег имеет в той же самой комнате, где спит на одной кровати с племянником хозяина — мальчиком того же возраста. При осмотре заведения кровать имела следующий вид: на нее были накрыты без всякого порядка половые ковры, дерюги, постилки, шубы, поддевки, грязное белье, тряпки и т. п.

На ночь кровать убирается так: вместо тюфяка на нее постилаются тоже ковры, дерюги, постилки и т. д. удивительно грязные: вместо подушек — те же шубы, казакины, поддевки и вместо одеяла, что нибудь из того же платья. Вообще кровать для мальчиков держится в безобразном беспорядке и невыносимой нечистоте.

Подписи.

---

[1] Калининский областной истор. архив, ф. канц. тверского губернатора, д. № 418, л. 25.

[2] Там же, л. 26.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Корещикова, 17 ноября 1862 г.[1]

Осматривали столярное ремесленное заведение Николая Павлова Корещикова. В заведении Корещикова семь человек работников и восемь учеников. И работники и ученики работают от пяти часов утра до восьми вечера без отдыха. И работники и ученики работают в одной комнате довольно просторной, светлой, теплой и сухой, которая, принимая в соображение свойство самого мастерства, держится довольно чисто. И работники и ученики имеют ночлег в той же самой мастерской комнате и спят на рабочих верстаках, постилая на них большей частью тюфяки по одной подушке под головы, одеваясь иные одеялами, иные верхней одеждой. Тюфяки, войлоки, подушки и одеяла не отличаются чистотою.

Подписи.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Нокерт, 17 ноября 1862 г.[2]

Осматривали ремесленное фортепианное заведение Густава Нокерт. В заведении Нокерт два работника и два ученика. И работники и ученики работают от шести часов утра до восьми вечера в двух комнатах светлых, просторных, но не очень теплых и сухих и нечисто содержанных. Ночлег имеют в тех же комнатах и спят на рабочих верстаках, постилая на них — работники тюфяки и мальчики что то вроде попон или дерюг и по одной подушке под головы. И постилки и подушки и рваны и грязны... Одеваются ночью верхним ходячим платьем. В баню ученики ходят в две недели раз и тогда сменяют белье. Отдыха днем не имеют.

Подписи.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Скобникова, 19 ноября 1862 г.[3]

Осматривали ремесленное каретное заведение Константина Иванова Скобникова. В заведении шесть работников и три ученика. Все ученики обучаются кузнечному мастерству и работают в находящейся при каретном заведении кузнице. Все ученики имеют ночлег в мастерской, где работают работники — каретники и размещаются на ночлег так: один на лежанке и двое на устроенных вдоль стен мастерской нарах, постилая себе что-то вроде постилок или теплых одеял, но весьма грязное и рваное. Подушки есть, но весьма грязные. Хотя по свойству самой работы мастерская не может держаться особенно опрятно, но при лучшем надзоре хозяина могла-бы быть несравненно чище нежели есть. И работники и ученики работают с 4—5 часов утра до девяти вечера, имея отдых в сумерки.

Подписи.

---

[1] Калининский областной истор. архив, ф. канц. тверского губернатора, д. № 418, л. 26.

[2] Там же, л. 27 об.

[3] Там же, л. 28.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Королева, 19 ноября 1862 г.[1]

Осматривали сапожное ремесленное заведение Василия Иванова Королева. В заведении Королева пять работников и восемь учеников. Из восьми учеников один живет на своей одежде, остальные семь на одежде хозяина. Одежда последних весьма неудовлетворительна. У большей части мальчиков старые, поношенные, рваные шубы. И работники и ученики работают в одной комнате довольно просторной, светлой, теплой и сухой, но грязной и с удушливым воздухом. Ночлег ученики имеют в этой же комнате и спят на полу, постилая на нем что попало: кто что-то вроде тюфяка, кто войлок, кто дерюжку, кто какую-нибудь постилку, но и тюфяки, и войлоки, и дерюжки, и постилки, а также и подушки, у кого они есть,— отвратительно грязны и рваны. У кого нет подушек, тот кладет себе под голову что-нибудь из одежды. Работают от шести часов утра до девяти и десяти вечера, имея отдых в сумерки. Едят щи и кашу и иногда по постным дням кроме того рыбу. Приготовленная пища оказалась нечисто и невкусно приготовленною. Вообще заведение это отличается беспорядками и нечистотою.

Подписи.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Громова, 19 ноября 1862 г.[2]

Осматривали столярное ремесленное заведение Федора Михайлова Громова. В заведении Громова десять работников и один ученик. Работники бывают в заведении только днем, когда работают, а на ночь, т. к. все они городские, уходят по домам. Помещений для работы два: одно для столярной, другое для золочения по дереву. Мастерская для столяров — светлая, просторная, сухая, но недостаточно теплая комната, и держится не особенно чисто. Ученик работает в столярной мастерской, где имеет и ночлег и спит или на полу на стружках, или на верстаке, постилая на последний фартук и что-нибудь из одежды, одну грязную подушку и покрывается шубой. Работает от шести часов утра до восьми вечера.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Хаханова, 20 ноября 1862 г.[3]

Осматривали ремесленное заведение медника Николая Петрова Хаханова. В заведении два ученика, из которых один имеет одежду свою хорошую, а другой от хозяина весьма плохую, старую, грязную и рваную. Работают в довольно просторной, но низенькой, довольно холодной комнате с тяжелым удушливым воздухом, что, может быть происходит также от свойства работы. Ночлег имеют в той же мастерской на особо устроенных палатях, постилая на них что ни попало. Вообще помещение мальчиков для ночлега дурно и грязно. Работают от шести и семи часов утра до восьми и девяти вечера без отдыха.

Подписи.

---

[1] Калининский областной истор. архив, ф. канц. тверского губернатора, д. № 418, л. 28.
[2] Там же, л. 29.
[3] Там же, л. 30.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Арсеньева, 20 ноября 1862 г.[1]

Осматривали сапожное ремесленное заведение Кузьмы Федорова Арсеньева. В заведении три работника и двенадцать учеников. Из двенадцати учеников семь живут на одежде хозяина и имеют от него одежду весьма плохую: кто старую, рваную шубу, кто такое же пальто. И работники и ученики работают в двух комнатах маленьких, не особенно светлых, чрезвычайно сырых, грязных и нечисто содержанных. Ученики имеют ночлег в одной из этих комнат и в грязной и сырой кухне хозяина на особо устроенных палатях, постилая на них грязные войлоки, постилки, что-нибудь из одежды, под головы грязные подушки и одеваясь кто рваным, грязным одеялом, кто шубой. Вообще постели мальчиков в крайнем беспорядке и нечистоте. Работают от шести часов утра до девяти и десяти вечера, имея отдых в сумерки. На вид мальчики грязны, вялы и большая часть из них худы, с бледным болезненным цветом лица.

Вообще заведение это отличается дурным помещением и нечистотою.

Подписи.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Непряхина, 26 ноября 1862 г.[2]

Старшим чиновником особых поручений Сидоренко при квартальном надзирателе Сулине и ремесленном старшине Ковригине осмотрено столярное ремесленное заведение Ивана Михайлова Непряхина. В заведении два работника и два ученика. И работники и ученики работают в одной мастерской комнате небольшой, холодной и нечистой. Ученики имеют ночлег в той же самой мастерской на верстаках, на которых один из учеников постилает небольшой грязненький постельник, а другой что попадет под руку, что-нибудь из одежды, какую-нибудь постилку, войлок и т. д. Вообще постели учеников не отличаются ни порядком, ни чистотой. Работают с шести часов утра, до девяти вечера, не отдыхая. Приготовленная пища — овсяная кашица и каша гречневая; кашица с несколькими снеточками, почти одна вода, оказалась невкусною и гречневая каша порядочною. Вообще заведение это по дурному помещению, нечистоте и плохой, судя по найденной, пище весьма неудовлетворительно. Претензий не объявлено.

Подписи.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Гласковского, 26 ноября 1862 г.[3]

Осматривали ремесленное заведение резчика Ивана Григорьева Гласковского. В заведении два работника и шесть учеников. Все ученики имеют довольно порядочные одежду и белье. И работники и ученики работают в одной холодной, закопченной и нечисто содержанной комнате. Ученики имеют ночлег в этой же комнате на палатях и верстаках, постилая кое что: постелей нет. Вообще ночлег для учеников весьма неопрятен. Работают от семи и восьми часов утра до 11 вечера, имея отдых в сумерки. В бане бывают в две и три недели раз,

---

[1] Калининский областной истор. архив, ф. канц. тверского губернатора, д. № 418, л. 31.

[2] Там же, л. 36.

[3] Там же, л. 37.

где и сменяют белье. Пища оказалась плохо приготовленною. Вообще заведение это и относительно порядка и чистоты и относительно содержания очень неудовлетворительно. Претензий не объявлено.

Подписи.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Гонтаева, 26 ноября 1862 г.[1]

Осматривали столярное ремесленное заведение Михаила Михайлова Гонтаева. В заведении один работник и четыре ученика. И работники и ученики работают в одной угарной, душной, в высшей степени грязной комнате. Ночлег ученики имеют в той же комнате на верстаках, постилая что попало: грязные постилки, коврики и т. п. Постелей нет. Работают с шести часов утра до девяти вечера, не отдыхая. Едят, по отзыву учеников, щи и кашу. Серые щи и гречневая каша оказались не особенно чисто и вкусно приготовленными. Вообще, заведение это отличается дурным помещением и нечистотою. Претензий не объявлено.

Подписи.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Жукова, 11 декабря 1862 г.[2]

Старший чиновник особых поручений Сидоренко при квартальном надзирателе Сулине и ремесленном старшине Ковригине осматривали ремесленное заведение Михаила Жукова. При осмотре заведение это оказалось в точно таком же положении в каком было найдено губернским казенных дел стряпчим Федоренко.

Подписи.

Из протокола осмотра ремесленного заведения Вольстрома, 11 декабря 1862 г.[3]

Старший чиновник особых поручений Сидоренко при квартальном надзирателе Сулине и ремесленном старшине Ковригине осматривали сапожное ремесленное заведение Густава Вольстрома. При осмотре заведение это оказалось в точно таком же положении, в каком было найдено губернским казенных дел стряпчим Федоренко, производившим осмотр некоторых ремесленных заведений г. Твери.

Подписи.

---

[1] Калининский областной истор. архив, ф. канц. тверского губернатора, д. № 418, л. 38.
[2] Там же, л. 48.
[3] Там же, л. 48.

Использование интервентами Северного морского пути

(1918—1919 гг.)

Огромное значение в жизни нашей родины, ее процветании и могуществе имеет Северный морской путь.

Проходя вдоль северных берегов Европейской и Азиатской части СССР, Северный морской путь соединяет Северный Ледовитый океан с Тихим океаном.

Через мощные речные артерии — Печору, Обь, Енисей, Хатангу, Лену, Индигирку и Колыму — эта водная магистраль образует сравнительно короткий путь между обширной территорией СССР и основными центрами нашей страны, а также и внешними рынками.

Освоение Северного морского пути до советской власти носило случайный характер. Царское правительство обращало внимание на Северный морской путь лишь тогда, когда к этому его вынуждали осложнения во внешней политике; лишь по военным и торговым соображениям был построен им ледокольный флот из 9 единиц и открыты в 1912—1916 гг. 4 радиостанции в западном секторе Северного Ледовитого океана: на Вайгаче, Югорском Шаре, в Маресале и на острове Диксон. Капитализм не смог освоить ни технически, ни тем более экономически даже западный участок Северного пути. Частным предпринимателям, руководствовавшимся только стремлением нажиться и действовавшим разрозненно, решение этой проблемы было не подсилу.

Ледовой режим морей оставался не изученным, морской путь не оборудованным. Лоции, навигационные ограждения и карты были крайне несовершенными.

Только стране социализма стало доступно освоение Северного морского пути. Только героические сыны советского народа, под мудрым руководством товарища Сталина, при сталинской заботе о людях, осуществили давнишнюю мечту человечества.

Опираясь на планомерное и всестороннее изучение Арктики, советские полярники успешно разрешили историческую задачу сквозного плавания по Северному Ледовитому океану в одну навигацию.

* * *

С первых дней Октябрьской социалистической революции Советское правительство поставило своей задачей организовать планомерное и научное освоение Северного морского пути, поставить Северный морской путь на службу экономического подъема страны и возрождения народов Севера.

В апреле 1918 г. Комиссариат по морским делам, по указанию Совнаркома, ставит перед Гидрографическим управлением задачу организовать экспедиции для изучения и оборудования морских путей на Северном Ледовитом океане по побережью Сибири, установить радиостанции и вести планомерное изучение атмосферы и движения льдов.

Было решено организовать 2 экспедиции:

1. Экспедицию Западно-Сибирского района, охватывающую восточную часть Баренцова моря, Карское море и воды, прилегающие к западной части Таймырского полуострова, и

2. Экспедицию Восточно-Сибирского района, включающую в себя воды Ледовитого океана от меридиана мыса Челюскина до меридиана мыса Дежнева.

Начальником экспедиции Западно-Сибирского района был назначен гидрограф Б. Вилькицкий.

10 мая 1918 г. Комиссариат по морским делам вручил Вилькицкому открытый лист, уполномачивающий его получить имущество и материалы, необходимые для полярного плавания. За экспедицией были закреплены: корабли, шлюпки, радиостанции и др. имущество. В Комиссариате по морским делам была обсуждена программа «развития деятельности экспедиции на первые два года, включавшая самые неотложные гидрографические работы и оборудование береговых станций, для установления наблюдения за гидрометеорологическим режимом океана» [1].

1 июля 1918 г. на заседании комиссии при Совнаркоме был заслушан специальный доклад об отпуске средств на нужды гидрографической экспедиции западного района Северного Ледовитого океана; в результате было постановлено:

«а) гидрографическую экспедицию западного района Северного Ледовитого океана снарядить для гидрографического оборудования в Обь-Енисейский бассейн, обязав ее выполнить, кроме главной задачи, пожелания комиссариатов: продовольствия, путей сообщения, почт и телеграфов и др.

б) Отпустить Народному комиссариату по морским делам для гидрографической экспедиции 1 млн. рублей авансом в счет сметы Морского комиссариата» [2].

Всего на расходы по гидрографической части на первую половину 1918 г. Совнаркомом была утверждена смета в сумме 6 720 тыс. рублей. 500 тыс. из этой сметы были отпущены специально на ремонт и снаряжение ледокольных судов «Таймыр» и «Вайгач».

Вилькицкий, продавшийся впоследствии интервентам и передавший им народное имущество, отпущенное Советским правительством на нужды экспедиции, в своей записке об организации гидрографической экспедиции Ледовитого океана, составленной им 10 августа 1918 г. для английского командования войсками интервентов на Севере, должен был признать, какое значение придавало Советское правительство этому вопросу и каким вниманием окружило всю подготовку и обеспечение работы экспедиции.

«Организация такого (гидрографического — *III.*) оборудования, пишет он, и считалось (со стороны Советского правительства) государственной задачей ближайшего времени. При этом полагалось желательным развернуть деятельность так, чтобы по возможности сразу коренным образом изменить вопрос об условиях плавания этим путем, обеспечив такое плавание в самом близком будущем» [3].

Дальше Вилькицкий описывает программу деятельности экспедиции, в которую входила и постройка баз гидроаэропланов в Югорском Шаре, в Маточкином Шаре, на Диксоне. За экспедицией было закреплено необходимое число судов, радиостанций и аэропланов. В Петрограде ремонтировалось 5 гидрографических судов, бывших тральщиков, и достраивались четыре парусно-моторных бота.

Из Петрограда в Архангельск было отправлено 14 вагонов разного имущества, среди которого было 15 моторных и гребных судов, около 40 моторных двигателей и различное снабжение для полярной экспедиции. На пути из Москвы находилось 5 вагонов с продовольствием, а из Перми речной системой шли 6 железных лихтеров. В Рыбинске достраивались для экспедиции 6 автосаней для полярных путешествий; кроме того большое авиационное и радиотелеграфное оборудование было собрано в Петрограде и Москве.

По всей Советской России разъехались участники экспедиции собирать имущество и проводить дело организации. На нужды экспедиции в Архангельск было послано 2 млн. рублей денег.

* * *

[1] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. № 65, л. 10.
[2] Там же, л. 1.
[3] ЦАОР, ф. 3909, д. № 5, лл. 43—48.

Осуществлению намеченной программы Советского правительства по освоению Северного морского пути помешала интервенция и развернувшаяся в стране гражданская война. «Империалисты Англии, Франции, Японии, Америки начали военную интервенцию без объявления войны, хотя интервенция была войной против России, причем войной худшего типа. Тайно, воровским образом, подкрались эти «цивилизованные» разбойники и высадили свои войска на территорию России» [1]. «Через некоторое время была объявлена интервентами блокада России. Были перехвачены все морские и иные пути сообщения с внешним миром» [2].

«Союзники могли проникнуть в Россию,— писал Ллойд-Джордж,— двумя путями, либо через Арктику в Мурманск и Архангельск, либо через Владивосток в Сибирь.

Нашей основной заботой было держать оба пути свободными» [3].

Вследствие предательства троцкистских ставленников, военспецов Викорста [4], Потапова и др., умышленно лишивших защиты Архангельск, 2 августа 1918 г. здесь высадился десант англо-французских войск, при содействии которых была установлена власть белогвардейского «правительства Севера России», во главе с эсером Чайковским.

Начинается полоса хозяйничанья интервентов в Северном крае. Интервенты захватывают ценное имущество свыше чем на 50 млн. рублей золотом; флот: крейсер «Аскольд», ледоколы «Илья Муромец», «Святогор», «Микула Селянинович», суда и лихтеры переходят в их безвозмездное пользование. Им переходит имущество и суда гидрографической экспедиции Западно-Сибирского района Северного ледовитого океана. Вилькицкий, изменив своему народу, переходит в качестве контрразведчика на службу к интервентам. «Английское командование,— пишет он,— отменило ранее намеченную программу экспедиции и отдало приказание «Таймыру» и «Вайгачу» пойти в Карское море для снабжения станции Диксона, ...узнать каково политическое положение в Западной Сибири и наладить радиотелеграфное сообщение Архангельска с Сибирью» [5].

В целях обследования состояния Западно-Сибирского участка Северного морского пути, для установления связи с Сибирью и выкачки оттуда ценных грузов и хлеба для союзной армии — интервентами с судами Вилькицкого был направлен пароход «Саламбо». Пароход вез оборудование для радиостанций Диксон и Дудинка, на его борту находилась французская военная миссия и представитель архангельского военного командования, который вез 90 тыс. руб. денег для закупки в Сибири хлеба, предназначенного для союзной армии.

Собрав огромную армию, Колчак предпринимает поход на Москву, в первую очередь он стремится соединиться с силами белоинтервентов на севере. Лучшие силы Колчак бросает в направлении Пермь — Вятка.

24 декабря 1918 г. Колчак взял г. Пермь.

В эту трудную для советской власти минуту на восточный фронт ЦК партии, тов. Лениным были посланы товарищи Сталин и Дзержинский. В кратчайший срок восстанавливают они боевую способность 3-й Красной армии Восточного фронта. Против Колчака были брошены лучшие силы большевиков, мобилизованы комсомольцы, рабочие. Красная армия, под руководством тов. Фрунзе, переходит в апреле 1919 г. в контрнаступление и наносит серьезные поражения Колчаку. Планы белоинтервентов на соединение северного и восточного фронта, встретив решительное сопротивление Красной армии и населения, рухнули.

В этих условиях идея использования Северного морского пути приобретала в глазах интервентов еще большее значение. «Текущее лето решающий период,— предупреждал из Парижа Колчака министр иностр. дел Сазонов.— Со-

[1] Краткий курс Истории ВКП(б), стр. 217.
[2] Там же, стр. 226.
[3] Ллойд-Джордж, Военные мемуары, т. VI, стр. 82.
[4] Викорст — командующий флотилией Северного Ледовитого Океана при ген. Миллере.
[5] ЦГАОР, ф. 3909, д. № 5, лл. 43—48.

юзники помогут только снабжением, здесь должны быть приняты все меры, чтобы облегчить выполнение задачи сибирской армии — освобождение Поволжья и дальнейшее их движение на Москву».

Идею использования Северного морского пути защищают и сибирские промышленники, стремящиеся поскорее сбыть награбленное народное добро и получить взамен иностранную валюту.

Вопрос об использовании Северного морского пути усиленно обсуждается в кругах Антанты. Стремление снабдить этим путем Колчака и вывезти из Сибири ценные грузы — золото, медь, пушнину и др.— вот задачи, поставленные себе интервентами: англичанами, американцами, французами, итальянцами и др. Ведется оживленная переписка об условиях плавания на этом участке Северного Ледовитого океана, о наличных грузах в Сибири, о поставке военного снаряжения и т. п. Усиленно обивает пороги министерств, акционерных компаний Америки и Англии американский делец господин Лид — директор Акционерного общества в Нью-Йорке по организации Северного морского пути.

«Расстройство железнодорожного транспорта... и необходимость создать новые пути для ввоза снабжения армии вызывает срочную необходимость использования Северного морского пути»[1] — писал управляющий Морским министерством Колчака контр-адмирал Смирнов в Совет министров.

С этой целью в апреле месяце 1919 г. при колчаковском министерстве торговли и промышленности создается Комитет Северного морского пути в составе: по одному представителю от министерств и с выборными от промышленников и кооперативных объединений.

К гидрографическому обслуживанию экспедиции из Архангельска в Сибирь привлекается тот же Вилькицкий.

* * *

При помощи англичан и французов в 1919 г. была организована экспедиция. 15 августа 1919 г. из Архангельска вышло 7 русских судов (среди них «Соловей Будимирович» — ныне «Малыгин») и 2 иностранных, которые 1 сентября прибыли в Обскую губу в бухту «Находка». На Енисей, в целях разведки, шел другой отряд морских судов ст. лейт. Неупокоева. Проводку судов, идущих из Архангельска под начальством Мессера, обслуживал на гидрографическом судне «Таймыр» — Вилькицкий.

Много было намечено по организации снабжения армии Колчака, а сделано было мало. Отступающая, под ударом Красной Армии, армия Колчака уже не внушала особого доверия союзникам.

Еще весной 1919 г. предполагалось, что в экспедиции белоинтервентов в Сибирь Северным морским путем примут участие 5 американских и 5 английских пароходов по 3 500 тонн вместимости каждый, которые должны были вывезти обратно 1 млн. пудов масла и 300 тыс. пудов разного сырья. В июле же месяце 1919 г. американцев не удалось уговорить на отправку и одного парохода со смазочным маслом (в котором кстати так нуждалась отступающая армия Колчака), когда американцы узнали от представителя колчаковского министерства торговли и промышленности Заворыкина, как сообщает Лид, что «не имеется сибирских продуктов, которыми бы возможно воспользоваться для возврата за какие бы то ни было товары, которые могут быть посланы из Америки. Это понятно, положило конец вопросу о смазочных маслах»[2].

Из Англии Северным морским путем были посланы 3 эшелона офицеров, по-видимому, имелось в виду при их помощи восстановить боеспособность колчаковской армии. В бухту «Находка» прибыло: 3 генерала, 22 штаб-офицера и 75 обер-офицеров, среди них 6 летчиков; около 100 тыс. пудов грузов военного снаряжения и машины для лесопильных заводов, причем котлы от этих

[1] ЦГИОР, ф. 530, д. № 93, л. 61.
[2] Там же, ф. 199, оп. 2, д. № 120, лл. 5—6.

машин были выброшены за борт, когда английский корабль «Байминго» сел на мель в Югорском Шаре.

В бухте «Находка» морские суда перегружались на суда Обской речной флотилии, тщательно вооруженной для борьбы с партизанским движением на реках, но очень плохо оборудованной. Команда экспедиции занималась грабежом окрестных жителей, суда и баржи подтекали, а во время погрузки затонуло 27 чел. грузчиков-военнопленных.

Перегрузка происходила спешно. Начальник Обской речной вооруженной флотилии получал телеграмму за телеграммой о необходимости срочной перегрузки военного снаряжения.

Красная армия наступала. Шли упорные бои на подступах к реке Тобол. Погрузка же задерживалась. «Как англичане, так и шведы очень неохотно сдавали нам свой груз, не получив должного товарообмена — писал начальник Обской вооруженной экспедиции,— а потому старались сдать нам самый малоценный груз... Англичане спешили получить от нас самый ценный груз — пушнину, а шведы — 27 тыс. пудов красной меди... Я так распределил груз, что эти самые ценные грузы... были... не сданы».

Захватив груз военного снаряжения и тщательно довооружившись, Обская вооруженная флотилия спешно направилась вверх, оставив ни с чем суда, прибывшие из Архангельска. Флотилия на пути сняла 3 радиостанции, расположенные на р. Обь, терроризовала население на стоянках. 21 октября флотилия прорвалась к Томску.

В Томске начальнику Обской речной флотилии предложили разгрузить в 24 часа военный груз и освободить суда, необходимые для убегающих белогвардейцев, а высадившимся на берег английским офицерам отказали в помещении «в виду чрезмерного переполнения Томска» [1].

«К концу 1919 г. армия Колчака была окончательно разгромлена. Сам Колчак был арестован и расстрелян в Иркутске по приговору ревкома» [2].

В конце сентября 1919 г. англо-французские войска спешно эвакуировались из Архангельска, увозя с собой и уничтожая ценные грузы. В начале января под ударами 6-й Красной армии белогвардейцы бежали во главе с Миллером из Архангельска. 21 февраля трудящиеся Архангельска торжественно встречали свою освободительницу — Красную армию.

Так кончилась попытка белоинтервентов использовать в своих хищнических целях Северный морской путь — тот путь, за освоение которого великий советский народ вписал много героических страниц.

Изгнав интервентов и белогвардейцев, советский народ принимается за восстановление хозяйства, за строительство новой жизни.

Советское правительство, глубоко веря в преданность и великие способности своего народа, в очередной план своих работ ставит задачу систематической и планомерной борьбы за освоение Северного морского пути, за освоение Арктики.

Уже 20 апреля 1920 г. Сибревком создает Комитет Северного морского пути и институт по изучению Севера. Уже в 1920—1921 гг. из Сибири в Архангельск и обратно совершают с грузом рейсы морские суда.

В 1921 г. было установлено на 1 600 млн. навигационных ограждений, открыта удобная бухта «Новый порт» и построено 4 радиостанции.

Годы сталинских пятилеток обогатили оборудованием Северный морской путь. Уже в 1-й пятилетке был поставлен вопрос о хозяйственном использовании всего Северного морского пути. В 1933 г., по указанию товарища Сталина, было создано Главное управление Северного морского пути при Совнаркоме СССР, перед которым правительство поставило задачу: «Проложить окончательно Северный

[1] ЦГАОР, ф. 3909, д. № 2, л. 13.
[2] Краткий курс Истории ВКП(б), стр. 227.

морской путь от Белого моря до Берингова пролива, держать его в исправном состоянии и обеспечить безопасность плавания по этому пути» [1].

В 1934 г. советские полярники одержали новую блестящую победу. Ледорез «Литке» прошел весь путь из Владивостока до Мурманска в одну навигацию, доказав практическую возможность регулярных перевозок грузов по всей трассе Северного морского пути.

XVIII съезд ВКП(б) поставил перед советскими полярниками историческую задачу: «Превратить к концу третьей пятилетки Северный морской путь в нормально действующую водную магистраль, обеспечивающую планомерную связь с Дальним Востоком» [2].

Выполнение этого указания еще более укрепит обороноспособность СССР, ускорит развитие производительных сил крайнего севера и подъем культуры его народов. Советские полярники, опекаемые сталинской заботой о людях, окруженные вниманием и поддержкой всего народа, руководимые Советским правительством и великой партией Ленина — Сталина, дали и дадут Советской стране и всему миру новые великие победы в деле дальнейшего изучения Арктики, в деле дальнейшей борьбы за рост могущества нашей родины.

Оригиналы публикуемых документов хранятся в Центральном Государственном Архиве Октябрьской Революции НКВД СССР.

Т. Шепелева.

Из доклада управляющего Морским министерством контрадмирала Смирнова в совет министров по вопросу об оборудовании Северного морского пути, 14 декабря 1918 г. [3]

Временная обособленность Сибири от Центральной России, наряду с другими мероприятиями государственного значения, выдвигает и вопрос о гидрографии, целесообразное решение которого дополнит картину прочного строительства возрождающегося государства и восполнит дефекты, созданные неудовлетворительной постановкой этого вопроса в Западной Сибири в предшествующие времена.

Богатая сырьем и бедная фабрикатами Западная Сибирь крайне нуждается в путях вывоза и ввоза. Возлагать надежды в этом отношении на железнодорожные пути, с расстроенным подвижным составом — нет основания, а потому взоры всех невольно обращаются к водным путям, главным образом, к обскому и енисейскому.

Считаясь с недостаточной исследованностью в гидрографическом отношении Обской и Енисейской губы и несвоевременностью систематического гидрографического исследования этих водных бассейнов, требующего расхода десятков миллионов рублей и целый ряд лет во времени, Морское министерство, по рассмотрении проекта корпуса гидрографов, представленного в докладе на имя министра торговли и промышленности, остановилось на решении ограничиться в 1919 г. производством рекогносцировочных гидрографических работ сокращенного масштаба, а именно оборудованием в достаточной степени Обской и Енисейской губы, и тем уже в навигацию 1919 г. открыть мореплавание по Северному морскому пути.

Это решение одобрено междуведомственным совещанием, собранным при Морском министерстве 19 ноября сего года.

---

[1] Советская Арктика, 1940 г., стр. 24.
[2] Из постановлений XVIII съезда ВКП(б)
[3] ЦГАОР, ф. 530, д. № 3, лл. 3—5.

Практическое открытие Северного морского пути даст возможность ввезти большое количество снабжения для армий, при условии продолжающейся войны, в случае же прекращения военных действий — оно даст возможность ввезти различные иностранные фабрикаты и вывозить избытки сырья на мировой рынок.

Для немедленного практического использования Северного морского пути необходимо, в срочном порядке, учредить дирекцию маяков и лоции Северного морского пути, определив границы ее компетенции от проливов Новой Земли до острова Диксон, со включением губ: Обской, Тазовой и Енисейской.

Из состава учреждаемой дирекции необходимо выделить отдельный обь-енисейский гидрографический отряд в составе трех гидрографических партий.

Ввиду необходимой экономии средств государства, вновь учреждаемая организация создается в сокращенном масштабе с минимальным количеством чинов, необходимых для осуществления выработанного Морским министерством плана.

Контр-адмирал Смирнов.

Письмо управляющего Морским министерством контр-адмирала Смирнова военному министру, 3 января 1919 г.[1]

С открытием навигации текущего года в Обскую губу отправляются суда дирекции маяков и лоции Северного морского пути для его практического открытия, что имеет громадное значение в вопросе снабжения русской и союзных армий предметами заграничного изготовления, почему прошу распоряжения вашего превосходительства отпустить из запасов военного ведомства 1500 пудов керосина и 100 пуд. бензина для моторов, без которых работа дирекции невозможна; другого же источника для своевременного получения названного материала у вверенного мне министерства не имеется.

Если ваше превосходительство найдете возможным удовлетворить настоящую просьбу, то прошу приказать выдать разрешение на получение из мест хранения запасов керосина и бензина на имя дирекции маяков и лоции Северного морского пути.

Контр-адмирал Смирнов.

Письмо морского министра военному министру, [февраля 1919 г.][2]

На сообщенную мне Главным штабом переписку по вопросу об учреждении управления мощными радиостанциями сообщаю вашему превосходительству, что относительно учреждения управления и по существу поставленных ему задач Морское министерство не возражает, при условии введения некоторых принципиальных дополнений, касающихся всех прибрежных радиостанций и строящейся в Омске французской радиостанции.

1) Все прибрежные радиостанции, коим по роду работы поручается поддержание связи по побережью, сношения с заграничными радиостанциями и с судами, плавающими в море, должны находиться в ведении морских начальников, руководствоваться правилами радиосношений, установленными в морском ведомстве, а для шифрованных сношений с судами и заграницей пользоваться исключительно морскими шифрами и кодами.

---

[1] ЦАОР, ф. 3909, д. № 3, л. 95.

[2] ЦГАОР, ф. 1415, оп. 1, д. № 19, лл. 16—20. Написано чернилами, без подписи.

Часы работы этих радиостанций определяются по соглашению с управлением мощными радиостанциями.

Необходимость такой меры определяется самым родом работы прибрежных радиостанций, т. к. связь их с судами как своими, так и иностранными может только тогда считаться обеспеченной, если будет происходить в порядке усвоенном флотами всего мира. Почти во всех заграничных государствах все прибрежные радиостанции находятся в ведении морских начальников, почему для той же обеспеченности связи и наши радиостанции, ведущие переговоры с заграничными, должны, как то и практиковалось в течение минувшей войны, находиться в ведении морских начальников.

2) Мощная французская радиостанция, достраивающаяся в Омске и способная сноситься с морскими радиостанциями на Диксоне, Югорском Шаре, в Архангельске, в Севастополе, должна получать все руководящие указания по использованию ее для целей русского правительства и командования исключительно от Морского министерства или через него.

Необходимость этого вызывается, во первых, тем, что иностранцы, во избежание ущерба для престижа правительства, не должны получать указаний от различных ведомств, кои по необходимости будут разноречивы.

Во вторых, тем, что в настоящее время Морским министерством достигнут уже полный контакт с начальником французской радиостанции и Морскому министерству постепенно удалось добиться постановки русских морских радиотелеграфистов на параллельный прием с французами.

В третьих, тем, что все русские радиостанции вышеуказанные есть радиостанции морские, связь с ними по проволочному телеграфу при помощи заграничной агентуры Морским министерством уже достигнута, обеспечено пользование морскими шифрами и дальнейшее развитие радиосвязи в районах Северного, Балтийского и Черного морей будет налаживаться также через морские радиостанции.

Письмо из Владивостока председателю совета министров Колчака Вологодскому, 13 февраля 1919 г.[1]

Глубокоуважаемый Петр Васильевич.

Из Владивостока в Омск отправляется г. Лид, организатор морских торговых плаваний из Европы и Америки в Сибирь через устье Енисея и Оби, с целью предложить правительству использовать его знания и опыт на этом пути. Г-н Лид известен мне по этой работе, как весьма предприимчивый и умелый организатор, снарядивший уже с 1912 года 5—6 экспедиций в сибирские реки и сам лично сопровождавший их вперед и обратно.

Во время пребывания моего в г. Омске я вынес впечатление, что правительство интересуется этим путем, ассигновало некоторые средства на оборудование и, повидимому, имело намерение использовать этот путь в предстоящую навигацию, чтобы доставить в Центральную и Западную Сибирь необходимые предметы и товары для нужд населения и армии, ввиду слабой пропускной способности Сибирской железной дороги, а также с целью вывоза излишков наших сибирских продуктов для улучшения торгового баланса. Если это намерение не оставлено, то я мог бы рекомендовать для этой работы г. Лида, как имеющего уже большой опыт в этом деле и потому просил бы напра-

[1] ЦГАОР, ф. 3909, д. № 4, л. 37. Печатается с копии письма, полученного в Морском министерстве, на основании резолюции Вологодского.

вить его к тем из г.г. министров, которые могли бы заинтересоваться этим вопросом и оказать ему содействие в снаряжении торговых экспедиций в Сибирь.

С искренним уважением (подпись).

На документе резолюция председателя Совета министров: «Сообщить копии письма г.г. министрам: морскому, снабжения и продовольствия и управляющему министерством торговли и промышленности. 24/II Вологодский».

Отношение управляющего Морским министерством начальнику штаба верховного главнокомандующего, 18 февраля 1919 г.[1]

Для лучшего достижения известных вашему превосходительству целей не найдете ли возможным приказать передать в морское ведомство приемные радиостанции военного ведомства в г. Омске и Перми (отправительных станций в этих городах не имеется) со всеми приборами и откомандировать в морское ведомство весь личный состав, обслуживающий эти станции.

Контр-адмирал (подпись).

Доклад управления по оперативной части флота управляющему морским министерством, 25 февраля 1919 г.[2]

Организация Северного морского пути может быть только тогда полной, когда кроме гидрографических работ и ограждений будет налажена ледяная служба. Оповещение судов о состоянии и движении льда, ветра и других метеорологических элементов должно быть даваемо радиостанциями, сеть которых должна быть соответственным образом раскинута по всему пути. В настоящее время из числа находящихся в ведении морского ведомства функционируют нижеследующие станции: Ципнаволок, Александровск, Мурманск, Юканга, Исакогорка, Моржовец, Канин Нос, Югорский Шар, Диксон и Дудинка.

Так как льды Карского моря не всегда находятся в стоячем положении, то ограничиваться одним проходом у Югорского Шара или Карскими Воротами значило бы не использовать всего пути, почему уже с давних пор возлагаются большие надежды на Маточкин Шар и даже более отдаленный путь в обход нордовой оконечности Новой Земли. Этот путь, требующий точно такого же освещения, должен так же обслуживаться радиостанциями, как и предыдущие.

Кроме того, желая использовать Северный морской путь целиком, надо обратить внимание и на реки; так самые хлебные места — верховья Оби и Иртыша вскрываются недели на две-две с половиной ранее судового фарватера, а суда, идущие с зерном вниз по течению, не всегда могут знать о проходимости средней части реки. Управление внутренних водных путей министерства путей сообщения высказало мысль, что наиболее подходящим для осведомления судов явится радиостанция, которую следовало бы выставить вблизи с. Сургут.

Ряд подобных вопросов, захватывающих не одно Морское министерство, но и прочие ведомства, заставляет всесторонне обсудить возможные мероприятия, почему Управление по оперативной части флота, представляя настоящее на рассмотрение вашего превосходительства, полагает необходимым созвать междуведомственное совещание из пред-

[1] ЦАОР, ф. 1415, оп. 1, д. № 19, л. 21.
[2] Там же, л. 27.

ставителей нижеследующих заинтересованных министерств: морского, военного, путей сообщения, внутренних дел (Гл. упр. почт и телеграфов) и торговли и промышленности.

Начальник Управления по оперативной части (подпись).

Из доклада министра торговли и промышленности совету министров, март 1919 г.[1]

По вопросу обследования Северного морского пути намечаются задания: первоочередные, имеющие чрезвычайно срочный характер, а именно,— использование навигации 1919 г., и второочередные, имеющие длительный характер, по использованию Северного морского пути вообще.

Для осуществления первого задания необходим орган, который сумел бы в короткий срок сорганизовать экспедицию с сибирским сырьем к устьям рек Енисея и Оби, приготовил бы тоннаж, обеспечил бы безопасность его плавания, а с другой стороны — принял бы меры к тому, чтобы одновременно в Англии или Америке была снаряжена такая же торговая экспедиция и на морских судах подошла бы к устьям названных двух рек для совершения товарообмена.

Осуществить эти задания к определенному и весьма неотдаленному сроку может лишь единоличный орган, на который прежде всего должна быть возложена обязанность выработки в кратчайший срок штатов и инструкций, которому должно быть и предоставлено право выбора ближайших своих сотрудников. Лицу этому должно быть дано звание особоуполномоченного министра торговли и промышленности по использованию Северного морского пути и оклад жалования, присвоенный лицам, занимающим должность III класса.

Из радиотелеграммы Б. Вилькицкого в Омск начальнику Морского генерального штаба Фомину, 5 марта 1919 г.[2]

Цели экспедиции изложены в моей докладной 1212[3], отправленной в Омск с Тихменевым. Наименьшая программа текущего года: снабжение действующих станций, разведка льдов Баренцова, Карского морей, провод торговых судов, попутно изучение условий плавания, охрана промыслов, гидрографические работы. Кроме того рассчитываю доставить к вам партию старлейта Неупокоева с малыми судами. Можно восстановить действия станций в Карских Воротах и Маре-Сале. Окончательная программа зависит от ваших указаний, моих полномочий, потребностей в судах ведомств Сибири, использования в этом году Северного пути, получения угля от союзников и Сибири, получения от вас части кредитов и продовольствия для экспедиции и развития здесь военных действий на реках. Вследствие демобилизации и раздачи судов флотилии, поднял вопрос о переходе из Сибири судов для работ в реках и губе Оби и Енисея.

Начальник гидрографической экспедиции Зап.-Сиб. района Сев. Ледовитого океана Вилькицкий.

---

[1] ЦАОР, ф. 199, оп. 2, д. № 22, л. 8.

[2] ЦАОР, ф. 3909, д. № 5, л. 60. Вилькицкий Б. (р. 1885 г.) — начальник гидрографической экспедиции Северно-Ледовитого океана, совершал в 1914—1915 г.г. полярное плавание Владивосток — Архангельск. В 1918—1919 гг. начальник гидрографической экспедиции Западно-сибирского р-на Сев. Ледовитого океана. Белоэмигрант.

[3] Имеется ввиду докладная записка Б. Вилькицкого от 25 сентября 1918 г. «Об организации гидрографического оборудования Карского моря и Ледовитого океана».

Из рапорта Б. Вилькицкого начальнику Морского генерального штаба, 6 марта 1919 г.[1]

В дополнение к докладной записке от 25 сентября, посланной мною сибирскому правительству через ст. лейтенанта Тихменева, которая у вас, вероятно, имеется, пользуюсь случаем отправления офицера и представляю вам для сведения копии некоторых бумаг, касающихся организации Северного морского пути и вверенной мне экспедиции.

Затем буду при всякой возможности доставлять дополнительные сведения и сообщу более подробно о возможной программе деятельности экспедиции в текущем году и о необходимом содействии вашего центрального правительства своим влиянием, отпуском кредитов, присылкой необходмого снабжения для станций и продовольствия для экспедиции.

Дело организации и развития в настоящее время чрезвычайно затрудняется отсутствием каких-либо указаний со стороны сибирских властей, малой заинтересованностью Северной области в осуществлении Северного морского пути, тяжелым экономическим положением этой области и большой зависимостью финансовой и в смысле получения разных продуктов, как-то: угля, керосина, продовольствия и пр. от союзного командования.

Это командование почти всецело занято вопросами военными, в силу чего проведение в жизнь мероприятий экономических не может рассчитывать на особое сочувствие.

В частности, на ваш запрос телеграммой 1177 сообщаю, что радиостанции на Вайгаче и Маре-Сале могли бы быть восстановлены вверенной мне экспедицией, в случае определенного требования центрального правительства, обращенного к правительству Северной области.

На постройку станции и наблюдательного поста в Маточкином Шаре пока расчитывать не приходится за неимением подходящего радиоимущества, невозможности получения сравнительно больших кредитов и недостатка тоннажа.

В случае желания сибирского правительства установить на Северном пути некоторые маяки в текущем году, маячные аппараты могли бы быть заказаны теперь же в Швеции и установлены в августе.

В настоящее время у меня на руках имеется 64 500 рублей Северной области, что по курсу составляет около 1.613 фунтов стерлингов, денег принадлежащих сибирскому правительству.

Эти деньги были получены за провизию, переданную мною некоторым организациям из запасов, присланных в сентябре истекшего года на «Таймыр» и «Вайгач»[2] заботами линейного инспектора Гековича и сибирского министерства путей сообщения.

Прошу об этом довести до сведения министерства путей сообщения и указать мне, можно ли будет располагать этими деньгами в случае получения от вас каких либо заданий.

Прошу вашего распоряжения бывшему командиру «Вайгача», старшему лейтенанту Тихменеву, и начальнику Енисейского отделения станций экспедиции, мичману Лейну, осведомить меня о выполнении ими моих распоряжений и об использовании оставшегося в их ведении имущества экспедиции.

---

[1] ЦАОР, ф. 3909, д. № 5, лл. 50—51.

[2] Судно,— на котором совершала плавание в 1918 г. гидрографическая экспедиция Б. Вилькицкого, потерпело в сентябре 1918 г. аварию у Ефремова камня.

В настоящее время возник вопрос о посылке некоторых офицеров бывшего Балтийского флота в распоряжение генерала Юденича.

Считал бы необходимым при предстоящем занятии Петрограда быть там.

Об этом прошу ваших телеграфных указаний.

Капитан 1 ранга Вилькицкий.

Телеграмма контр-адмирала Дудорова из Токио морскому министру, 11 марта 1919 г.[1]

Английский морской агент просит дать возможно подробные сведения о плавании до устьев Оби и Енисея. Будут ли организованы радиосигналы о состоянии льда в проходах? Также условия плавания и движения грузов вверх по рекам.

Дудоров.

Телеграмма начальника Морского генерального штаба Фомина генералу Миллеру, 12 марта 1919 г.[2]

В связи с организацией дирекции маяков и лоции Северного морского пути, выдвигается насущный вопрос о вывозе летом из Сибири этим путем миллионов пудов сырья в Европу, что особенно необходимо для получения иностранной валюты. Желательно выполнить это русскими средствами. Прошу вашего сообщения о количестве годных для этого пароходов, их грузоподъемность и осадку.

Набоков.

Докладная записка директора корпуса гидрографии в Управление по оперативной части флота, 16 марта 1919 г.[3]

Возможность плавания в Баренцовом море, в среднем, наступает на 2—3 недели раньше, чем в Карском море. Лучшим временем подхода судов с запада к проливам Новой Земли считаются первые числа августа по новому стилю. Подходящие к Новой Земле суда будут получать радио-сигналы со станции Югорский Шар и судна «Таймыр», которое будет находиться в начале августа или в Карских Воротах или в Маточкином Шаре.

При подходе морских судов к Обской губе и Енисейскому заливу они будут встречены судами дирекции маяков и лоции Северного морского пути и проведены к Обской губе к намеченному и исследованному месту перегрузки около бухты Находка, а в Енисейском заливе — до Усть-Енисейского порта, тоже как места перегрузки судов.

Правительством принимаются меры по подготовке речного тоннажа — на р. Оби на один миллион пудов экспортных и такового же количества импортных грузов; на р. Енисее от 400 тысяч до 500 тысяч пудов экспортных и такового же количества импортных грузов. Указанное количество грузов будет доставлено к речным пристаням до заморозков рек.

---

[1] ЦАОР, ф. 3909, д. № 93, л. 16.
[2] ЦАОР, ф. 17, оп. 1, д. 16, л. 16.
[3] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1, л. 14.

Фрахты речного транспорта будут выработаны и установлены правительством.

Директор корпуса гидрографов.

Из телеграммы Маклакова генер. Миллеру, 18 марта 1919 г.[1]

Прошу правительство Северной области принять энергичные меры к организации морской экспедиции в устья Оби с помощью ледоколов для доставки хлеба и масла. Последнего по сообщению Зефирова имеется для вывоза до 500 пудов. Надлежит снестись с союзными властями об оказании всяческого содействия экспедиции. Обращаю внимание на необходимость поставить во главе экспедиции опытное и энергичное лицо.

Маклаков.

Письмо управляющего Морским министерством контр-адмирала Смирнова главнокомандующему союзными с Россией войсками в Сибири России ген. Жанен, 30 марта 1919 г.[2]

Для обеспечения прохода судов из-за границы Северным морским путем, в числе прочих работ, было предположено установить на острове Новая Земля три радио-телеграфных поста — один в Карских Воротах (силою 2 киловатта), один в Маточкином Шаре (силою 10 киловатт) и один на северной оконечности Новой Земли (силою в 10 киловатт — на мысе Желание). Радиотелеграфные посты имеют целью сообщать о состоянии льда в проливах пароходам, идущим с запада.

Задача эта была мною поставлена капитану 1 ранга Вилькицкому, находящемуся в Архангельске. Капитан 1 ранга Вилькицкий ответил, что радиостанцию в Карских Воротах он предполагает поставить в течение предстоящего лета, так как все необходимые постройки там имеются и надо только доставить аппараты и необходимое снабжение. Радиостанции на Маточкином Шаре и на северной оконечности Новой Земли он не надеется построить в течение лета, во-первых, потому, что у него нет подходящих радиостанций, вторых, потому, что эта работа вряд-ли может быть выполнена в течение одного лета, тем не менее капитан 1 ранга Вилькицкий предполагает начать работы по постройке радиостанций в текущем году.

Одновременно он доносит, что у него не хватает материалов для постройки, провизии и теплого платья для снабжения радиостанций и что ему желательна помощь в этом отношении из-за границы.

Вследствие сего прошу ваше высокопревосходительство не отказать просить французское правительство поручить представителю Франции в Архангельске, выяснить у капитана 1 ранга Вилькицкого размеры потребных ему материалов и снабжения для радиостанций, которое он не может получить в Архангельске и оказать содействие по доставке этого снабжения из-за границы.

---

[1] ЦАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 3, л. 44.

[2] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1, л. 45. Письмо без подписи. Ген. Жанен — Пьер Морис, глава военной французской миссии при Колчаке. Активный организатор интервенции в Советской России.

Из телеграммы из Омска управляющего Морским министерством контр-адмирала Смирнова в Архангельск Б. Вилькицкому, [март] 1919 г.[1]

Для использования в текущем году Северного морского пути образована дирекция маяков и лоций и причисленному[2] к ней отдельного обь-енисейского гидрографического отряда. Район действий экспедиции — от проливов Новой Земли до острова Диксон, с включением Обской и Тазовой губ и Енисейского залива. Задачей экспедиции ставится рекогносцировка подходов к Оби и Енисею и встреча судов, идущих с моря. В состав дирекции входят пароходы: «Енисей», «Север», два лихтера и четыре моторных катера. Экспедиция отправляется из Красноярска и Томска в начале мая.

Просим французов доставить вам две радиостанции по 10 киловатт, но они считают, что в течение одного лета нельзя поставить такие мощные радиостанции, поэтому в текущем году надо лишь установить имеющуюся у вас радиостанцию в Карских Воротах и начать постройки для станций в Маточкином Шаре и на мысе Желание. Если же имеется запасная, хотя бы меньшей силы, радиостанция, то установить временно в этих пунктах. Телеграфируйте количество провизии, необходимой заготовить для снабжения ваших судов и радиостанций. Телеграфируйте подробно вашу программу этого года.

Смирнов.

Телеграмма Набокова из Лондона ген. Миллеру, 1 апреля 1919 г.[3]

Агенты Северного общества Ганечев и Туповашев просят передать в Архангельск, что цены на хлеб повысились. Пшеница в различных районах от 18 до 40 рублей за наличные. Аккредитивы оплатить отказались: Русский для внешней торговли банк — до подкрепления, Народный банк — за неполучением подтверждения, а также оригиналов подписей. Необходимо перевести валютой во Владивостокское отделение Националь-Сиби-банк. В случае невозможности валютой, возбудим ходатайство о ссуде в 10 миллионов рублей. Также ходатайствуйте перед верховным правителем. Возбудили ходатайство о предоставлении при первой возможности отправления нескольких маршрутных поездов с продовольствием в Котлас, и дальше — включения в плановую перевозку. Проектируется экспортировать в Англию, в целях товарообмена, через Обь — 6 миллионов пудов, через Енисей — 300 тыс. Ходатайствуем о предоставлении 200 тыс. пудов для Архангельска. Рассмотрите возможнось посылки из Архангельска тоннажа, также количество, род, цену товаров. Телеграфируйте в Омск через радио.

Набоков.

Перевод телеграммы из Вашингтона ген. Миллеру, [апрель] 1919 г.[4]

Коммерческий агент Медзиковский просит передать: «Вашу телеграмму 446 получил и начал наводить справки. Лица, заинтересованные вашим предложением, просят следующие детали: 1) если послать пароход непосредственно в Архангельск с товаром, какой обратный груз для Америки могут они ожидать и по каким фрахтам; 2) какой

---

[1] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1, л. 44.
[2] Так в тексте.
[3] ЦАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 16, л. 35.
[4] ЦАОР, ф. 17, оп. 2, д. № 48, л. 17.

обратный груз для Америки можете вы гарантировать; 3) какой вы потребуете фрахт и перегрузочные расходы за товары, посланные в Архангельск для переотправки на Обь и Енисей, и где и когда должны быть произведены платежи; 4) есть ли в Архангельске уголь и какая его цена; 5) какую скорость погрузки и отправки можете бы гарантировать для пароходов, скажем, в 8.000 тонн грузовых; 6) сообщите, какой максимальной осадки пароходы могут пройти через Архангельский бар. Немедленный ответ на эти вопросы весьма важен».

Уполномоченный в делах.

Телеграмма торгового агента в Стокгольме Никольского Миллеру, 14 апреля 1919 г.[1]

Получил от Глазенапа копию вашей телеграммы об енисейской экспедиции, которая встречает в Швеции уже подготовленную почву. Здешний представитель сибирского Закупсбыта[2] ведет переговоры с сильной шведской группой «Гоэтеборг Банк Ханделсое Фарт Альфасепаратор» о снаряжении в устье Оби двух пароходов, всего 5.000 тонн скандинавских грузов по выбору Закупсбыта, в обмен на сибирское масло, сало, щетину. В Сибирь уже выехали представители группы для организации дела. Пароходы будет сопровождать консул Восенберг бывшей латышской компании. Прошу телеграфировать на каких условиях примете в эскадру Вилькицкого указанные пароходы.

Никольский.

Рапорт Б. Вилькицкого морскому министру, 18 апреля 1919 г.[3]

В дополнение к рапорту № 242 от 6 марта[4] доношу и прошу следующее.

Из представленных при сем штатов, списков судов и офицерского состава вы усмотрите в какой мере экспедиция может выполнить своими средствами возлагаемые на нее задачи по оборудованию и обслуживанию Северного пути.

Несмотря на кажущееся большое количество судов, вследствие ремонта необходимого для части их и принимая во внимание предстоящие военные действия на реках, где будут вероятно заняты все мелкосидящие суда экспедиции, при распределении судов для разведки льдов и для снабжения и оборудования станций встречаются затруднения.

Правительство Северной области предполагает использовать в наступающую навигацию возможно больше судов для посылки в Сибирь за продовольствием. В состав такой продовольственной экспедиции на первых совещаниях намечены все ледокольные пароходы, т. е. «Русанов», «Сибиряков», «Седов» и «Соловей Будимирович», общею грузоподъемностью около 175 тыс. пудов.

Эти суда, как глубоко сидящие, предполагаются к походу на Енисей. Затем для рейса на Обь намечаются пароходы: «Кильдин», «Маймакса», «Колгуев», «Печора», «Вайгач», «Пахтусов» и «Полярный», всего грузоподъемностью 285 тыс. пудов.

---

[1] ЦАОР, ф. 17, оп. 2, д. № 48, л. 17.
[2] Закупсбыт — Союз сибирских кооперативных союзов.
[3] ЦАОР, ф. 3909, д. № 5, лл. 16—19.
[4] Рапорт Б. Вилькицкого № 242 от 6 марта 1919 г. см. стр. 162.

Кроме того выясняется возможность получения для той-же цели судов из-за границы, между которыми имеется ввиду «Новгород», подымающий 400 тыс. пудов.

Организация всего этого дела находится еще в первоначальной стадии, почему все приведенные сведения надо считать приблизительными.

Затем у меня имеются сведения, что использованием Северного пути заинтересовались французы, которые выясняют возможность посылки своих пароходов и условия товарообмена.

Таким образом, следует ожидать оживленную навигацию в Карском море, в силу чего является необходимость произвести возможно более полную разведку границ льдов и проходимости проливов.

Такая разведка особенно осложняется отсутствием береговых станций, кроме Югорского Шара, почему выполнение разведки должно лечь на суда.

Для удешевления этого дела я предлагаю, вследствие дороговизны угля, использовать в будущем парусно-моторный катер «Дмитрий Солунский», который плавал вокруг Новой Земли, но последние три года служил баржой на Мурмане. «Солунскому» требуется значительный ремонт корпуса, постановка мачт и пополнение снабжения.

При первой возможности приведу его с Мурмана в Архангельск и постараюсь срочно изготовить к плаванию, но опасаюсь, что раньше 1 июля на нем в море выйти не удастся.

В связи с этим, а также, учитывая возможное опоздание ремонта «Таймыра», необходимость широкого обследования и выбора мест для новых станций, я возбуждаю вопрос о передаче мне с 1 июня до 1 сентября ледокола «Иван Сусанин», который, не обладая грузоподъемностью, не может быть летом использован для другой цели. Полагаю, что такое мое ходатайство не встретит затруднения, т. к. [ледокол] содержится с полным составом команды, и при назначении его в экспедицию явится лишь добавочный расход на оплату угля.

Что касается открытия радиостанции в Карских Воротах, то, повидимому, этот вопрос разрешится положительно, особенно если Сибирь возьмет все радиостанции Карского моря на свое иждивение.

Вопрос о возможности получения тоннажа для постройки новых станций в Маточкином Шаре и на мысе Желания я выясняю.

Морская строительная часть разрабатывает по моим указаниям проекты деревянных зданий такого типа, чтобы при перевозке они весили возможно меньше, сборка их на месте могла быть произведена в кратчайший срок и выгрузка с корабля на берег была возможна проще, что особенно важно, вследствие необследованности берегов и почти постоянного в этих местах присутствия льдов.

Радиотелеграфное имущество для этих станций можно выписать из Англии через частные фирмы. Но я предполагаю сначала обратиться к содействию радиотелеграфной части английского командования и тогда, может быть, удастся получить такое имущество дешевле непосредственно от правительства.

Наибольшие трудности, кроме тоннажа, я предвижу в снабжении новых станций всем необходимым обиходным инвентарем, продовольствием и научными приборами. В Архангельске достать ничего нельзя, приходится выписывать из-за границы, что усложняется трудностью получения валюты и разнообразием необходимых мелочей.

Тем не менее, учитывая невозможность ежегодной продолжительной стоянки судов у пунктов, намеченных для постройки новых станций, и крайнюю важность скорейшего устройства этих станций, я считаю необходимым сделать все возможное, не откладывая до будущего года, т. е. строить дома, выписать радиотелеграфную часть, закупать все

имущество, собрать эти дома, если удастся, на месте, а также подбирать и обучать теперь же личный состав.

Если не удастся открыть обе станции, то надо открыть хотя бы одну, отложив окончание дела до следующего, подходящего по условиям распределения льда, года.

В силу изложенного, прошу вас о проведении сметы и ассигновании кредитов на постройку обеих новых станций в текущем году. Сметы сообщу по телеграфу.

Что касается телеграммы № 1322 и 1323 о судах, необходимых для Сибири, доношу следующее.

№ 1323 в Архангельске, по справке сообщенной мне из управления генерал-губернатора, не получен.

Возможно, что этому номеру соответствует секретная телеграмма без номера о желательности получения судов углублением не больше 10 фут и с запасом топлива на 23 дня.

К числу таких подходящих судов могут быть отнесены: «Иней», «Орлик», «Шуя», «Полезный», состоящие во вверенной мне экспедиции, пароход «Анна» — ведомства Торгового порта, буксиры, как «Голландия», «Лебедин» и «Нева» и некоторые пароходы.

Весь вопрос в том, в какой мере эти суда окажутся необходимыми в текущем году здесь в связи с военными действиями, и сколь срочно они нужны для Сибири.

Лихтеров морского ведомства здесь много, но в текущем году, в виду ожидания большого числа союзных судов и военных действий на реках, потребность в них также велика.

О принятых мною мерах вы узнаете из прилагаемой копии моего рапорта № 398 [1].

Снабжение радиостанций в Югорском Шаре, Карских Воротах и отчасти на Диксоне я полагаю выполнить на ледоколе «Соловей Будимирович» по пути его в Енисей и обратно, что не потребует особых ассигнований, в виду предназначения его в продовольственную экспедицию.

Считаю долгом вам доложить, что, вследствие весьма неопределенного и тяжелого финансового положения северной области, намечаются большие затруднения в получении от нее кредитов, хотя бы и на важные государственные надобности.

Вполне разделяя мнение о необходимости самого бережного [отношения] к финансам возрождающегося русского государства, я, тем не менее, должен предвидеть, что из бюджета Северной области будут в первую очередь вычеркнуты ассигнования на нужды, не имеющие близкого отношения к местным интересам края.

Таким образом, весьма вероятно, что кредиты на экспедицию не будут отпускаться, если не поступит об этом руководящих указаний омского правительства. При этом дело, конечно, упростится если правительство Северной области признает омское правительство центральным и всероссийским.

Прошу вас известить меня в какой мере можно расчитывать на получение кредитов из Сибири для содержания и постройки береговых станций, а также для плавания и содержания личного состава кораблей, обслуживающих Северный путь и других, предназначенных для перевода после войны в Сибирь.

Во избежание расформирования, до получения ваших указаний и выяснения потребностей Сибири в судах и имуществе, я принимаю все меры к тому, чтобы по возможности использовать малые суда и иму-

[1] Рапорт 398, от 5 апреля 1919 г.— об отпуске в распоряжение экспедиции 6 стотонных лихтеров.

щество экспедиции, а также офицерский состав для военных действий и других местных надобностей.

Для прекращения такого двусмысленного положения, я считал бы желательным подчинить экспедицию в хозяйственном и оперативном отношениях сибирскому правительству, оставляя в строевом и административном подчинении у командующего флотилией адмирала Н. Э. Викорста.

Все кредиты на экспедицию или наибольшую их часть надо бы получить от омского центрального российского правительства.

Для возможно более экономичного расходования денег можно было бы проводить ассигнования через финансовые учреждения Северной области, но указывая из Сибири, какие задачи должны быть поручены экспедиции, и обязываясь все расходы или по соглашению часть их учесть, например, при отпуске зерна из Сибири для Северной области.

Прошу по этому вопросу хотя бы первоначальных, но срочных телеграфных указаний.

Может быть будет найдено возможным поручить рассмотрение целесообразности составляемых мною смет, а также защиту интересов Сибири и руководительство моею деятельностью, например, адмиралу Л. Л. Иванову [1], который командовал здесь в августе и сентябре флотилией, пользуется исключительным авторитетом у союзников и уважением у всего офицерства, но в настоящее время свободен.

Зная адмирала по Балтийскому флоту, я полагаю, что он безусловно должен пользоваться доверием адмирала А. В. Колчака и вашим.

Более подробно финансовое положение Северной области и возможность проведения тех или других мероприятий, вам может осветить князь И. А. Куракин [2], управляющий отделом финасов и член правительства, которого я прошу доставить этот рапорт.

В связи с финансовым положением области я предполагаю, что будет сокращена деятельность дирекции маяков и лоции и экспедиции Белого моря.

В таком случае можно будет расчитывать на получение для Сибири освобождающихся малых судов, а также более исправных и подходящих кораблей для обслуживания Северного пути.

В настоящее время в дирекции состоят следующие суда: «Соломбала», «Пахтусов», «Купава», «Полярный», «Спасательный № 1» (бывший «Мод»), «Батарейный», «Кузнечиха», тральщики №№ 21 и 23, буксиры «Рюморт» и «Рассыльный», четыре мотора и три баржи.

В экспедицию Белого моря входят: «Мурман», «Лейтенант Овцын», тральщики №№ 1, 2, 4, 8, «Снежинка» и «Пушкин» и пять моторов.

В состав охраны водного района зачислены тральщики: №№ 3 и 5, «Обь», «Быстрый»; буксиры: «Энгельгард», «Разгонный», «Эрлинг», «Делегат», «Скорый», «Меркурий»; катера: «Разведка», «Воля» и «Ольга».

В Военном порту остались пять буксиров, два катера, а во флотилии: яхта «Ярославна», миноносцы «Бесстрашный» и «Юрасовский», один тральщик, два катера.

Находятся в руках союзников: «Аскольд», миноносцы «Грозовой» и «Властный», яхты «Горислава» и «Соколица» и четырнадцать тральщиков.

---

[1] Иванов — контр-адмирал, командующий флотилией Северно-Ледовитого океана при «правительстве» Чайковского. Председатель междуведомственной комиссии по организации экспедиции в Сибирь.

[2] Представитель «правительства» Северной области у Колчака.

Прошу сообщить какое гидрографическое оборудование предполагается провести в жизнь к приходу судов в наступающую навигацию в устья Енисея и Оби, будет ли там достаточное количество буксиров и свободных барж для перегрузки товаров, а также на какое предельное углубление кораблей рассчитывают при проводе через бар Оби.

Затем желательно знать, где именно предполагается перегрузка судов на Енисее, будет ли прислана рабочая сила для перегрузки товаров и будет ли зерно доставлено в мешках.

Прошу сообщить, получен ли начальником генмора мой рапорт от 6 марта № 242 [1], посланный с курьером.

Мною получено письмо из Вашингтона о том, что там при посольстве служат лейтенанты: Евгенов и Никольский, участники моей экспедиции в 1913, 1914 и 1915 годах.

Очень прошу вашего содействия о том, чтобы эти два офицера были срочно назначены во вверенную мне экспедицию, т. к. здесь крайний недостаток в офицерах достаточно опытных для плавания в Ледовитом океане.

Особенно мне нужен лейтенант Евгенов, которому я готов поручить всякую ответственную должность в экспедиции.

Командир Архангельского военного порта с разрешения командующего флотилией просит меня выяснить, возможно ли получить от вас за наличный расчет необходимое на год для флотилии количество зерна и масла.

Потребуется пшеницы и ржи вместе до 40 тыс. пудов, овса до 7 тыс. пудов, масла сливочного до 2.500 пудов и масла топленого до 2.500 пудов.

Прошу распоряжения об уведомлении меня об этом телеграммой.

Кроме того прошу, не найдете ли возможным сообщить мне телеграммой о получении настоящего рапорта.

Сообщаю для сведения, что во вверенной мне экспедиции имеется шесть полкилоуатных автономных радиостанций, которые в настоящее время отправляются на фронт в составе организованного экспедицией полевого летучего отряда, впоследствии могут быть использованы для установки на малых судах и, как добавочные, на береговых станциях экспедиции.

Капитан 1 ранга Вилькицкий.

Телеграмма ген. Миллера в Христианию Глазенапу, [май] 1919 г. [2]

Решено организовать в предстоящую навигацию посылку экспедиции в устье Енисея и Оби за хлебом для нас. Расчетная грузоподъемность пока триста тысяч пудов в устье Енисея, изыскиваем дополнительный тоннаж и своевременно сообщим. Согласны принять из фрахта грузы для доставки: в первую очередь заказанные сибирским правительством, во вторую сибирскими организациями, в третью частными лицами, в четвертую посылаемые в Сибирь на комиссию, помимо твердых заказов. Часть грузов нужно прислать в Архангельск для перегрузки, за другой можем послать ледоколы прямо в Англию и Скандинавию. Укажите возможную наличность грузов по указанным очередям. Навигационное руководство поручается каперангу Вилькицкому. Имеем опытных лоцманов и радио на судах. Имеем сведения о проектах частных обществ послать свои пароходы, предлагаем им

---

[1] См. стр. 162.

[2] ЦАОР, ф. 17, оп. 2, д. № 48, л. 3. Телеграмма была послана в Вашингтон Медзыковскому, в Лондон — Остроградскому, в Париж — Маклакову.

координировать их плавание с нашим в одном отряде. Сообщите нам, если вам известны имена инициаторов, укажите им наше предложение. Особо осообщите Ионас Лиду, а также Веймарну, Андрееву, Стерн и Никольскому [1].

Миллер.

Телеграмма из Архангельска в Лондон Остроградскому, [май 1919 г.] [2]

В устье Енисея назначены нами четыре ледокола общей грузоподъемностью 175 тыс. пудов. В устье Оби назначено 8 пароходов, общей грузоподъемностью 285 тыс. пудов, осадка до 17 фут. Заказано на Енисей 300, на Оби 500 тыс. пудов хлеба, не считая других продуктов. Необходимо получить дополнительно: 1) на Енисей один пароход, типа «Новгород» или «Иртыш»; 2) на Обь один пароход крепкого корпуса, осадка до 17 фут, грузоподъемность около 4 тыс. тонн из числа угольщиков Морведа, реквизированных Англией; 3) для установки двух радиостанций на Новой Земле, два парохода крепкого корпуса, осадки до 17 фут, грузоподъемность по 900 тонн, сверх сорока пассажиров и запаса угля на месяц хода и два месяца стоянки под парами. Прошу надлежащих сношений о передаче нам подходящих судов из числа реквизированных. Указания о сроках снабжения и погрузке последуют. Омск извещен и поддержит.

Из телеграммы помощника морского министра адмирала Ковалевского в Архангельск ген. Миллеру, 25 мая 1919 г. [3]

Сведения о необходимых к ввозу в Сибирь товарах французских и итальянских, а также вывозных из Сибири, по решению главных вопросов, будут сообщены их местным представителям в непродолжительном времени.

На Оби готов тоннаж на 1.300 тыс. пудов, на Енисее максимум на 300 тыс. пудов. Перегрузка в Обской губе будет в двух-трех милях от бухты Находка, в Енисее — в Усть-Енисейском порту, срочно строющемся у острова Пашкова. Суда, идущие в Обь, будут встречены у острова Белый, в Енисее у Диксона и будут введены на места перегрузок. Речные лоцмана и грузчики имеются. Бар р. Обь — 8 фут. С вопросами коммерческого характера необходимо обращаться в комитет Северного морского пути в Омске, учрежденный при министерстве торговли и промышленности.

Получить противоцынготные средства здесь невозможно, необходимо обратиться заграницу.

Врид минмор Ковалевский.

Телеграмма уполномоченного комитета Северного морского пути Антонова из Омска в отдел торговли и промышленности временного «правительства» Северной области, 30 мая 1919 г. [4]

Министерство снабжения и продовольствия 25 и 26 апреля сообщило, что оно ощущает крайнюю нужду в сельско-хозяйственных машинах, медикаментах, мануфактуре, кожевенных товарах и желало бы получить эти предметы путем нормального обмена на зерновой хлеб, заготовленный министерством на пристанях рек Сибири, всего до

---

[1] Андреев, Стерн, Никольский торговые агенты Колчака.
[2] ЦАОР, ф. 17, оп. 2, д. № 48, л. 35. Телеграмма без подписи.
[3] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1, л. 68.
[4] ЦАОР, ф. 17, оп. 2, д. № 48, л. 40.

600 тысяч пудов. На днях советом министров утвержден комитет Северного морского пути[1], который и приступил к организации речного тоннажа до одного миллиона пудов к 1 августа настоящего года к устьям Оби и Енисея, а также к организации перегрузочных средств в бухтах устьев рек. Благоволите срочно сообщить цены товарам, специальные технические условия по выполнению обмена этих товаров. Можно ли надеяться на увеличение тоннажа свыше 4-х тыс. тонн или остальные 6 тыс. тонн отправить в распоряжение комитета?

Уполномоченный Антонов.

Из протокола заседания комитета Северного морского пути, 2 июня 1919 г.[2]

...2) Председателем зачитывается инструкция начальнику экспедиции в Обскую губу для обмена экспортных и импортных грузов в навигацию 1919 года. При обмене мнениями представитель правительства Северной области И. А. Куракин заявляет, что принятие настоящей инструкции не должно закрывать пути для организации енисейской экспедиции.

Принять зачитанную инструкцию и просить министра торговли и промышленности об ее утверждении...

4) А. М. Вихман сообщает собранию, что в Усть-Енисейском порту уже в навигацию текущего года может быть принято на хранение на зиму до 200 тыс. пудов несрочных и не очень боящихся сырости грузов, с тем, что бы вывезти их с устья Енисея внутрь страны с началом навигации будущего года.

Принять к сведению.

5) Председатель докладывает собранию предложение морского министра подвергнуть обсуждению в комитете Северного морского пути следующие вопросы.

1) Возможность подачи угля для экспедиции, идущей из Архангельска.

2) Какие товары (французские) желательны для привоза в Сибирь, в каком количестве?

3) Какие сибирские продукты предположены к вывозу через Северный морской путь, в каком количестве и на каких условиях; пункты их приема и когда будут грузиться?

Может ли быть доставлен овес?

4) Как должны быть распределены суда, идущие из Архангельска — сколько и какие по углублению и тоннажу в Обь, сколько в Енисей?

5) Где намечена перегрузка?

6) Какой состав Сибирской экспедиции, идущей по Оби и по Енисею?

7) Время выхода из начальных пунктов отдельных судов и время подхода к пунктам перегрузки.

8) Имеются ли в достаточном числе лоцмана?

9) Будут ли грузчики в местах перегрузки (сколько человек)?

---

[1] Комитет Северного морского пути был создан на основании постановления Совета министров колчаковского «правительства» в апреле 1919 г. при министерстве торговли и промышленности. В его состав входили по одному представителю министерств: военного, морского, торговли и промышленности, путей сообщения, финансов, иностранных дел, земледелия, снабжения и продовольствия, государственного контроля; комитета по внешней торговли; по выборам от совета съездов торговли и промышленности, по выборам от кооперативных объединений, и 2 представителя от объединенных земских и городских учреждений.

[2] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1.

10) Будет ли зерно погружено в мешках?

По обмене мнениями комитет находит нужным ответить на вопросы морского министра, что:

1) Подать уголь для архангельской экспедиции к устью Оби в нынешнем году не представляется возможным по техническим затруднениям.

2) Вопрос о французских товарах в комитете не поднимался, но принципиально желательно ввезти — медикаменты, сельско-хозяйственные машины, мануфактуру и предметы для кожевенного производства, каковой ввоз должен быть организован до бухты Находка распоряжением импортеров, но с своевременным уведомлением комитета для решения вопроса о приеме грузов на речные суда.

3) Пока предположены к вывозу в Архангельск и заграницу хлеб, масло, лен, шерсть и лес, общим количеством до миллиона пудов. Пункты приема и погрузки будут своевременно выяснены и установлены для судовладельцев комитетом. Овса никто не вывозит.

4) Так как весь хлеб для Архангельска пойдет по Оби, то и архангельская флотилия вся пойдет к устью Оби, о чем комитет вошел в соглашение с представителем правительства Северной области здесь и снесся телеграфом.

5) Поручить члену комитета от Морского министерства доложить вопросы технического характера лично морскому министру, как-то: о перегрузке около бухты Находка, составе экспедиции, времени выхода, количестве грузчиков и лоцманов...

6) Вопрос о необходимости зафрахтования для нужд экспедиции мощного парохода Общества «Волга» с тремя баржами, чему противится главный доверенный общества Дмитриев, ставящий совершенно неприемлемые условия против других судовладельцев.

Запросить г. Дмитриева, в трехдневный срок, о согласии его войти добровольно в договорные отношения наравне с другими судовладельцами, а в случае отказа его передать дело в распорядительный комитет по водным перевозкам или же применить закон о военно-судовой повинности.

Памятная записка-приложение к протоколу заседания комитета Северного морского пути от 2 июня 1919 г.[1]

Пункт 5. Где намечена перегрузка?

В Обской губе:

Перегрузка морских судов на речные и речных на морские будет произведена к норд-осту от бухты Находка, в области 15—18 футовых глубин, лежащих от бухты в расстоянии 3—8 миль.

В Енисейском заливе:

Перегрузка будет произведена у места строющегося Усть-Енисейского порта у о-ва Пашкова, в области 20—24 футовых глубин.

Пункт 6. Какой состав сибирской экспедиции, идущей по Оби и Енисею?

По Оби:

8—9 буксирных пароходов с 25 баржами. Общий тоннаж экспортных грузов — один миллион пудов, импортных — один с четвертью мил. пудов.

По Енисею:

2—3 буксирных парохода с 4—6 лихтерами, для общей суммы экспортных грузов 100—150 тыс. пуд., импортных 120—170 тыс. пудов.

Пункт 7. Время выхода отдельных судов из начальных пунктов и время подхода к местам перегрузок?

---

[1] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1, л. 77.

Время выхода судов из начальных пунктов различно и подлежит изменению, а время подхода к местам перегрузок: в Обской губе — между 6—10 августа нового стиля; в Енисейском заливе — между 4—6 августа.

Пункт 8. Имеются ли в достаточном числе лоцмана?

Имеются.

Пункт 9. Будут ли грузчики в местах перегрузки, сколько человек?

Будет 800—850 грузчиков в Обской губе и около 100 человек в Усть-Енисейском порту.

Пункт 10. Будет ли зерно погружено в мешках?

Зерно будет в мешках (по заявлению представителя министерства снабжения).

Телеграмма Маклакова из Парижа Миллеру, 9 июня 1919 г.[1]

Согласно утвержденному генералом Щербачевым[2] плану отправки офицеров на фронты, в Архангельск предположено отправить, при содействии англичан, до 1.500 офицеров, из коих 300 офицеров вам, остальные для дальнейшего направления, по установлении связи, на фронт Сибирской армии. Офицеры будут прибывать в количестве примерно 600 в месяц. Сообщаю для заблаговременной подготовки дальнейшей отправки на фронт Сибирской армии.

Маклаков.

Из рапорта начальника Обской гидрографической экспедиции контр-адмиралу Иванову, 12 июня 1919 г.[3]

При плавании судов от проливов Новой Земли в Обскую губу и Енисейский залив необходимо иметь ввиду, что 18-ти футовые глубины у бурунов мыса Харасовай распространяются на вест значительно дальше показанного на карте, а потому этот мыс рекомендуется проходить в расстоянии 12—13 миль, если осадка судна превышает 18 фут. Суда с осадкой в 24 фута и более не должны проходить этот мыс в расстоянии меньше 15 миль. Подходя к мысу Харасовай, необходимо уменьшить ход судна и часто бросать лот. Эта мера вызывается несовпадением карточных глубин этого плеса с действительными — природными. У острова Белого, у острова Диксон будут ожидать прихода морских судов для ввода их к бухте Находка и Усть-Енисейскому порту, а потому идущие с веста суда, за сутки до подхода к проливам Новой Земли, должны телеграфировать на Югорский Шар о своем подходе и просить его о том телеграфировать на судно «Енисей», имеющее полуторакиловаттную станцию, и стоящие у острова Белый, и на Диксон.

Во время плавания Карским морем морские суда должны три раза в сутки, в 2, 10 и 18 часов по гринвичскому времени, повторять сообщение о своем подходе на ожидающие их суда, указывая время подхода. В случае плохой видимости или тумана во время подхода морских судов к острову Белому, стоящее на глубокой воде дирекционное судно «Енисей», сообщит свою широту и долготу, будет давать гудки, а при густом тумане — стрелять из орудия через каждые 15 минут. Заслышав звуковые сигналы, морские суда отвечают на них и,

---

[1] ЦАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 13, л. 123. Маклаков — кадэт. С 1917 г. посол временного правительства в Париже. В период гражданской войны — представитель Колчака, Деникина, Врангеля в Париже.

[2] Щербачев — военный агент Колчака в Скандинавских странах.

[3] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1, л. 84.

руководствуясь ими, подходят к судну «Енисей» и поступают под его проводку для следования к месту встречи с речными судами и перегрузки. Дирекционное судно «Север» будет стоять в гавани острова Диксон, вступит в связь с подходящими судами при помощи станции острова, а потом пойдет головным, указывая путь до Усть-Енисейского порта.

Эту телеграмму необходимо передать на Югорский Шар для руководства и для сообщения судам, идущим в Сибирь из Европы и Америки.

Директор маяков и лоции Северного морского пути.

Инструкция начальнику правительственной экспедиции в Обскую губу для обмена экспортных и импортных грузов в навигацию 1919 г.[1]

В навигацию сего 1919 г. комитетом Северного морского пути, состоящим при министерстве торговли и промышленности, снаряжается по рекам Оби и Иртышу экспедиция в Обскую губу, с целью вывоза из Сибири избытка сырья и продовольствия для Северной Европейской России и Европы, с одной стороны, и ввоза необходимых для населения Сибири товаров и снаряжения для армии, с другой.

Соответственно количеству груза, принятого комитетом Северного морского пути для перевозки (вывоз и ввоз), судовой состав снаряжаемой экспедиции состоит из следующего числа судов: 8 пароходов и 26 барж, кроме того ожидается прибытие из Архангельска 10 пароходов за хлебом и несколько судов из Америки и Европы. Общая численность личного состава экспедиции доходит до 2 тыс. человек.

Во главе экспедиции стоит начальник экспедиции, назначаемый верховной властью по представлению министра торговли и промышленности, по соглашению с морским министром.

Производство работ по срочной перегрузке грузов в населенной местности за полярным кругом, в большой удаленности от правительственных и административных центров создает необходимость организовать экспедицию на автономных началах, создав единый сильный орган власти в составе самой экспедиции. Совет министров постановил, согласно ходатайства морского министра, предоставить начальнику экспедиции права флагмана, отдельно командующего.

Начальник экспедиции, имея право флагмана отдельно командующего, подчиняется в военном отношении непосредственно морскому министру, как командующему флотом, но, имея одной из своих задач охрану каравана коммерческих судов и общее руководство операцией товарообмена, начальник экспедиции по отношению последних строго согласует свои распоряжения с указаниями министра торговли и промышленности и комитета Северного морского пути, в ведении которого находится груз, транспортируемый на судах. В продолжение плавания экспедиции начальник экспедиции и его помощники поддерживают связь с комитетом Северного морского пути.

В виду трудности поддержания связи с правительством и получения его указаний, а иногда и полной невозможности сего, начальник экспедиции должен иметь право самостоятельного исполнения данных ему инструкций с проявлением широкой личной инициативы. За свою деятельность начальник экспедиции ответственен перед правительством.

Ввиду возможной встречи экспедиции в низовьях Оби с [отрядами] большевиков, для охраны каравана коммерческих судов, для решительного проведения в жизнь распоряжений правительства, для под-

[1] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1, лл. 92—94.

держания престижа власти на должной высоте, в распоряжении начальника экспедиции находятся вооруженные суда дирекции маяков и лоции Северного морского пути и воинский отряд, подчиняющиеся ему, как флагману, отдельно командующему.

Начальнику экспедиции подчиняется весь личный состав экспедиции. В отношении военно-служащих и лиц военно-обязанных начальник экспедиции имеет права, в военно-морских законах определенные. Весь командный состав коммерческих судов, а также вольнонаемные служащие подчиняются всем распоряжениям начальника экспедиции. Все чины командного состава судов экспедиции, на основании 18 ст. положения о военно-судовой повинности, имеют право наложения дисциплинарных взысканий по военно-морскому дисциплинарному уставу на подчиненных им. Определение, каким чинам, должностям и званиям эти лица соответствуют, принадлежит начальнику экспедиции.

В виду возможного обмеления фарватера реки, недостатка в продовольствии, или береговых перевозочных средствах, начальник экспедиции, выполняя срочную задачу обмена грузов, имеет право реквизиции судов, продовольствия и перевозочных средств, в случае крайней необходимости в них.

Для успешного исполнения возложенных на него правительством заданий, начальник экспедиции имеет право обращаться за содействием ко всем военным и гражданским властям по проходимой экспедицией территории, а эти власти обязаны оказывать ему таковое. ,

В случае нападения большевистских [отрядов] на караван судов, или каких либо враждебных действий со стороны кого-либо, препятствующих осуществлению задач экспедиции, начальник экспедиции принимает все меры, которые он найдет нужными для противодействия им, или полной ликвидации их.

Ближайшими сотрудниками начальника Обской экспедиции являются помощники его и обер-аудитор. Они утверждаются в занимаемых должностях министром торговли и промышленности. Один из помощников начальника экспедиции заведует нагрузкой, перегрузкой, выгрузкой, как экспортных, так и импортных грузов; другой — организацией артелей грузчиков, производством ими работ, оплатой их труда и ведет учет всем работам по перегрузкам. Обер-аудитор помогает начальнику экспедиции и его помощникам в разрешении юридических вопросов, производит предварительные следствия и дознания по преступлениям и поступкам, могущим иметь место во время плавания и стоянок судов экспедиции. Как помощник начальника экспедиции, так и обер-аудитор находятся в непосредственном подчинении начальнику экспедиции.

Начальник экспедиции и его помощники, по указаниям комитета Северного морского пути, ведают окончательным выбором судов экспедиции, их подготовкой для плавания по рекам в Обскую губу, следят за выполнением условий найма как судов, так и личного состава, уже заключенных комитетом. Самостоятельно, на основании заданий и данных комитета, считаясь с обстановкой, распределяют суда и назначают места их перегрузок, в зависимости от местонахождения грузов, их рода и количества и следят за самой погрузкой, устанавливают сроки выхода груженых судов в Обскую губу. По прибытии в Обскую губу они определяют места их стоянок и перегрузок и сроки таковой и руководят самой перегрузкой товарообмена. Начальник экспедиции и его помощники сообщают обо всем комитету Северного морского пути, входят в связь с судами, идущими с моря, вводят их в Обскую

губу и выводят обратно, доносят правительству о состоянии плавания экспедиции.

Во время отсутствия начальника экспедиции заместителем его является один из его помощников, действующий по указаниям, полученным им от начальника экспедиции и о всех своих действиях сообщает непосредственно комитету Северного морского пути и начальнику экспедиции.

На начальника экспедиции и его помощников возлагается обязанность охранять караван коммерческих судов как во время пути, так и во время стоянок, руководить его движением, товарообменом, а равно во время перегрузок и при обратном возвращении до момента передачи их владельцам. Во время пути в Обскую губу, начальник экспедиции в случае аварий, или непредвиденных повреждений судов, определяет степень повреждения судна и решает вопрос способно ли судно продолжать дальнейшее плавание.

В случае выхода какого-либо судна из строя, начальник экспедиции принимает меры для исправления повреждений судна, и дает соответствующие распоряжения и указания, а если исправление такового займет слишком много времени сносится с комитетом Северного морского пути, прося выслать замену выбывшему из строя судну. Если выбывает из строя пароход, то баржи, буксируемые им, распределяются между другими пароходами, по указаниям начальника экспедиции, или его помощников, дабы не задерживать в пути остальных судов и придти в Обскую губу к установленному сроку. Начальник экспедиции и его помощники руководят всем личным составом экспедиции, как в пути, так и во время стоянок и перегрузок, обслуживают экспедицию в метеорологическом, навигационном и гидрографическом отношениях. По прибытии в Обскую губу, начальник экспедиции и его помощники определяют место стоянки и перегрузки судов, назначают время выхода их обратным рейсом. Ни одно судно не может ни уходить, ни менять свое место без разрешения на то начальника экспедиции или его помощников.

Подчинение судов, прибывающих под русским флагом и их командного состава будет установлено особой инструкцией морским министром. Взаимоотношения начальника экспедиции и судов, прибывших с моря под иностранным флагом, и их командным составом определяются нормами действующего международного права.

Комитет Северного морского пути в заседании 11 июня 1919 г. постановил принять настоящую инструкцию и просит министерство торговли и промышленности об ее утверждении.

Телеграмма ген. Миллера в Париж Сазонову, 17 июня 1919 г.[1]

Связь между Архангельском и Омском поддерживается пока только при помощи радиотелеграфа. Пропускная способность достаточна для того, чтобы можно было без задержки направлять ваши телеграммы в Омск.

Проезд отсюда в Сибирь морем возможен лишь в июле—августе. В настоящее время здесь и в Сибири идет подготовка к морской экспедиции в целях использования навигационного времени для товарообмена с Западной Европой. Сухопутное сообщение летом весьма затруднительно.

Миллер.

[1] ЦАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 13, л. 142.

Из телеграммы из Омска контр-адмирала Ковалевского в Архангельск контр-адмиралу Иванову, 17 июня 1919 г.[1]

Организация и снабжение дирекции маяков и лоции Северного морского пути закончены. Считаясь со сроками, диктуемыми навигационным и метеорологическим режимом низовьев Оби, Обской губы, Енисейского залива и Карского моря, дирекция отплывает из Омска и Красноярска 16 сего июня. По приходе в Обскую губу и к Усть-Енисейскому порту — немедленно приступает к обвехованию, постройке навигационных знаков с огнями, промеру намеченных мест перегрузки и мест укрытия от ветра и волны, отысканию, нанесению на карту и обстановке рекомендованного фарватера. Суда дирекции, получив по радио сведения о подходе морских судов, идут им навстречу, вводят их на места перегрузки и выводят их обратно. Место перегрузок в Обской губе — 18-тифутовый плес вблизи бухты Находка, в Енисейском заливе — Усть-Енисейский порт. Производя перечисленные работы, дирекция будет поддерживать связь с Морским министерством и радиостанциями Северного морского пути. Ожидается экстренных грузов для Оби — около миллиона пудов, для Енисея — около 100—150 тысяч, а импортных грузов для Оби — 1—1¼ миллионов, для Енисея около 120—175 тысяч.

Организация речного каравана и грузчиков своевременно будет закончена...

Инструкция начальнику правительственной экспедиции утверждена мною и товарищем министра торговли и промышленности.

Ковалевский.

Рапорт н-ка Обской гидрографической экспедиции управляющему Морским министерством, 22 июня 1919 г.[2]

Настоящим доношу вашему превосходительству, что чины вверенной мне дирекции со всеми боевыми и другими запасами, инструментами и приборами благополучно прибыли в Тобольск.

По выходе из Омска немедленно было приступлено к сборке и временной установке орудия Маклена и трех пулеметов на пароходе «Св. Николай» — и произведена пробная стрельба из них.

Чтобы совершенно исключить возможность каких-либо посягательств со стороны всяких злоумышленников, на каждой пристани выставлялись вооруженные часовые, а весь офицерский состав, а также и конвой был в полной готовности.

12 человек сопровождающего нас конвоя оказались совершенно не обучены ружейным приемам и обращению с винтовками, результатом чего чуть не произошел несчастный случай.

18 июня, около 15½ ч., только что сменившийся часовой Косырев, разряжая винтовку, произвел нечаянный выстрел. Пуля пробила палубу спардека, сидение дивана и его спинку, стенку салона 1-го класса, прошла в расстоянии полутора фут от сидевшей пассажирки, пробила верхний мостик и пошла в пространство. Принятыми мерами устранена возможность повторения таких случайностей. Конвойная команда заново обучается приемам и обращению с оружием, а затем будет пройден с нею курс стрельбы.

Прошу срочного распоряжения вашего превосходительства на сформирование вооруженного отряда вверенной мне дирекции под коман-

[1] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1, л. 90.
[2] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1, л. 103.

дой капитана Путинцева из обученных солдат, в противном случае отряд не оправдает своего назначения и будет только вреден для экспедиции.

(Подпись).

Телеграмма ген. Миллера в Лондон Набокову, [июнь] 1919 г.[1]

Великобританский представитель здесь ознакомил Временное правительство с предложением русско-шведской группы г. Армитстеда, бывшего представителя Худсон-бей в Архангельске, принять участие в организации морской экспедиции к устьям р.р. Оби и Енисея. Ввиду принципиального согласия Временного правительства на участие группы Армитстеда, предполагающего отправить в Сибирь два парохода с товаром, Остроградскому и Богдановичу надлежит войти с ним в контакт для заключения детального соглашения.

Телеграмма контр-адмирала Иванова и ген. Миллера в Лондон Набокову, 26 июня 1919 г.[2]

Руководство организацией морской экспедиции в Сибирь поручено мне при участии особой исполнительной комиссии. Ваши соображения приняты к сведению. Согласны принять военное обмундирование Сибирской армии в наш тоннаж. Его состав: «Беотик», «Брюс», «Бенавенчур», «Кильдин», «Маймакса», «Вайгач»[3], «Колгуев», «Печора», «Соломбала», «Пахтусов», «Полярный». Просим: 1) содействовать готовности к сроку «Брюса», «Беотика» и «Бенавенчура», «Печоры», 2) погрузить их в Англии потребным запасом угля и указанным военным обмундированием, что позволит избегнуть лишней перегрузки в Архангельске, где она затруднена отсутствием рабочих рук.

Ремонт «Бенавенчур» здесь надеемся кончить к сроку. Указания на «Бакан», «Иней» и Бурковские[4] суда мало обоснованы. Прошу содействовать ремонту «Печоры». На участие двух английских офицеров для ознакомления с плаванием согласны. Понимаем что два парохода Закупсбыта идут в Обь.

Контр-адмирал Иванов.
Генерал Миллер.

Из телеграммы Хоор генер. Миллеру, 2 июля 1919 г.[5]

Министерство иностранных дел сообщило мне телеграмму британского генерального консула в Омске нижеследующего содержания:

«Назначенная правительством специальная комиссия для организации ввоза и вывоза через Енисей и Обь ожидает, что через Обь будет вывезено 1.200 тысяч пуд. и около 200 тыс. через Енисей. Груз будет состоять из зерна для Архангельска и масла, а также лен и другие пищевые продукты. Законтрактовано 20 барж в среднем по 1000 тонн для отправки этого груза в порты отправления, а именно Усть-Енисей и Находка. Пароходы должны остаться на рейде и разгружаться собственными приспособлениями. Меня уверяют, что имеется достаточно буксиров и посылается 800 человек рабочих. Очевидно, что обслужить

---

[1] ЦАОР, ф. 17, оп. 2, д. № 48, л. 53. Телеграмма без подписи.
[2] Там же, л. 59.
[3] «Вайгач», на котором плавал Б. Вилькицкий, в 1918 г. потерпел аварию у Ефремова Камня, здесь другой «Вайгач».
[4] Так в тексте.
[5] ЦАОР, ф. 17, оп. 2, д. № 48, л. 70. Хоор — заместитель английского поверенного в делах при «временном правительстве» Северной области.

можно только ограниченное число пароходов. Если Лид пошлет 15 пароходов, как он это предполагал сделать, когда он был здесь, то ничего кроме беспорядка и неудачи нельзя ожидать».

Что касается торгового общества, организованного г-м Армистедом, мне сообщают, что хотя они и желают воспользоваться опытностью капитана Вилькицкого и ехать вместе с экспедицией из Архангельска, но работать они будут совершенно самостоятельно, и вошли в соглашение непосредственно с кооперативными обществами в Сибири.

Хоор.

Рапорт н-ка Обской гидрографической экспедиции управляющему Морским министерством, 4 июля 1919 г.[1]

Доношу вашему превосходительству, что 21 июня я с чинами и снаряжением вверенной мне экспедиции благополучно прибыл в г. Тобольск.

Согласно заключенного с торговым домом «М. Плотников и с-вья» условия, заарендованная у них баржа «Пур» должна была уже быть в Тобольске к 21 июня, но между тем «Пур» пришла в Тобольск только 24 июня и в самом невозможном виде. Палуба «Пур» во многих местах текла, борта неконопачены и просвечивали и имелось много других дефектов, уже не говоря о том, что снаружи не окрашена смолою. Я потребовал у здешнего представителя т. д. «М. Плотников и с-вья» немедленно исправить эти дефекты.

Пароход «Енисей» из-за неисправности в машине пришел в Тобольск, имея на буксире лихтер № 622 и моторную лодку «Чайка», только 29 июня и одновременно с ним прибыл пароход «Мария», вместо того, чтобы быть в Тобольске не позднее 20 июня, как то условлено заключенным мною с Плотниковыми контрактом. «Мария» оказалась с плохо ходящим рулем, от того, что в плавании ее навалило кормой в берег и руль помялся. Двое суток было потрачено на поднятие кормы «Мария» и осмотр руля. Руль оказался в удовлетворительном состоянии. Каюты на судне текут, в каютах матрацов и мебели нет. Канат правого якоря длиною в 40 саж., левого — в 25 и много других недостатков и дефектов. О невыполнении условий договора, заключенного мною с Плотниковым, назначенной мною комиссией составлен акт.

Несмотря на все это, не имея другого выхода, я все же иду выполнять программу, утвержденную вашим превосходительством.

Перегрузку угля, строительных материалов и других грузов дирекции производим круглыми сутками, не останавливаясь перед расходами.

Результатом напряженной работы и чрезвычайных усилий всех чинов дирекции, удастся закончить работы к полдню субботы 5 июля и, отсужив напутственный молебен, выйдем из Тобольска по пути в Обскую губу.

О выходе донесу телеграммой вашему превосходительству.

(Подпись).

Телеграмма контр-адмирала Ковалевского в военное министерство ген. Будбергу, 5 июля 1919 г.[2]

Прошу ваше превосходительство о срочной высылке офицеров, приемщиков английского обмундирования. 20-го истекает последний срок возможности отправки офицеров на пароходе.

Контр-адмирал Ковалевский.

[1] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1, л. 154.
[2] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1, л. 135.

Телеграмма контр-адмирала Иванова русской миссии в Стокгольме, 11 июля 1919 г.[1]

Омск сообщает, что Нобель заключил условие с «Азиатик Петролеум» доставить в Архангельск для перегрузки на наши суда 500 тыс. пудов нефтепродуктов в таре для Оби. Мы ничего не знаем. Прошу снестись с Хагелином и телеграфировать нам, откуда и когда уходит этот груз в Архангельск.

Севертуть контр-адмирал Иванов.

Письмо директора горного департамента министерства торговли и промышленности представителю английского акционерного о-ва «Спасских медных руд» Г. Ф. Пьюзи, 14 июля 1919 г.[2]

По докладе 7 июля 1919 г. вашего заявления от 25 июня 1919 года за вр. управляющего министерством торговли и промышленности товарищ министра А. М. Окороков распорядился объявить вам следующее:

1) Министерство торговли и промышленности согласно купить до 60 тыс. пудов меди Спасского общества в городе Петропавловске (Акмолинской области) по цене 160 рублей за пуд.

2) Министерство окажет содействие Спасскому обществу в вывозке за границу Северным морским путем меди о-ва, если последнее найдет это для себя выгодным.

3) Министерство согласно, вместо покупки меди, выдать Спасскому о-ву ссуду по 120 руб. за пуд меди (на общем основании, т. е. под проценты), находящейся в г. Петропавловске, за медь же, находящуюся в г. Акмолинске, в той же сумме, за вычетом стоимости гужевой ее доставки до г. Петропавловска.

4) Министерство не отвечает за те убытки, которые может понести Спасское о-во, если о-во пожелает вести дальнейшую эксплоатацию своих промыслов при настоящей высокой себестоимости меди, так как покупная цена на медь в дальнейшем будет определяться правительством в соответствии с общим положением медного рынка.

Директор Робук.

Телеграмма контр-адмирала Иванова русской миссии в Христиании, 17 июля 1919 г.[3]

В связи с предстоящим участием в походе в устье рек Оби и Енисея скандинавских и английских судов, мы намерены установить с ними предварительную связь через норвежскую радиостанцию на Инге. Прошу войти в соглашение с подлежащими авторитетами, организовать в Инге: 1) прием наших радио о состоянии льдов и условии плавания; 2) передавать эти сведения в Тромзе русскому консулу и вам для сообщений в Лондон и Стокгольм; 3) отзываться на запрос идущих в Карское море судов о наших сведениях и сообщать их им.

---

[1] ЦАОР, ф. 17, оп. 2, д. № 48, л. 76.
[2] ЦАОР, ф. 1933, оп. 1, д. № 106, л. 87.
[3] Там же, л. 88.

Наша разведка льдов начинается с 15 июля. Расходы в Инге должны быть отнесены на счет пароходов пользующихся ее работой. Результат сообщите.

Севпуть контр-адмирал Иванов.

Телеграмма Набокова из Лондона ген. Миллеру, 22 июля 1919 г.[1]

По частным сведениям узнал, что одна шведская компания посылает пароход с товарами в устье Енисея, чтобы взять обратный компенсационный груз с Богословских и Вознесенских заводов меди и асбеста. Наименование шведской фирмы мне неизвестно.

Набоков.

Доклад директора акционерного об-ва «Лид» в Нью-Йорке И. И. Лид министру торговли и промышленности, 29 июля 1919 г.[2]

Когда я прибыл в Омск в феврале месяце 1919 г., вопрос о посылке экспедиции из Америки и Англии в навигационный период сего года обсуждался на разных правительственных заседаниях в департаменте торговли и промышленности в Омске; на некоторых из которых был приглашен и я.

Практическим результатом тех заседаний явилось предложение рекомендовать, при помощи американского и британского правительства, организацию экспедиции, состоящей приблизительно из 10 пароходов, каждый в 3500 тонн вместимости, из Англии и 5 пароходов такой же величины из Америки, нагруженных разного рода продуктами, в которых ощущается настоятельная потребность в Сибири. Двенадцать из этих судов должны были быть посланы на реку Обь и три на реку Енисей. По приблизительному расчету эти пароходы должны вывезти обратно 1 млн. пудов масла и 300 тыс. пудов разного другого сырья, каковое во всех его видах, по мнению заседания, могло быть получено в Сибири для этой цели. Заседания также нашли, что необходимое количество речных грузовых пароходов на такое число тонн имеется там.

С копиями протоколов этих заседаний для русских торговых агентов в Вашингтоне и Лондоне и со следующим свидетельством из департамента торговли и промышленности в Омске:

«Предъявитель сего есть действительно директор-распорядитель акционерного общества «Лид», Иона Иванович Лид, которому российское правительство доверяет, как организатору ввоза и вывоза товаров по Северному (Обь — Енисей — Карское море — Англия) пути и по использованию этого пути в наступающую-же навигацию, каковому вопросу российское правительство придает исключительное значение.

В настоящее время г. Лид срочно выезжает в Америку и Англию для зафрахтования судов, определения груза и пр., в виду чего министерство просит все учреждения и лица, представительствующие как ведомство торговли и промышленности, так и другие министерства российского правительства за границей, оказывать г. Лиду всяческое содействие, как в посредничестве при сношениях с представителями вашингтонского и лондонского правительств и частными лицами, так и в получении сведений, справок и пр.» я оставил Омск 23 марта и через Японию прибыл в Нью-Йорк 5 мая. Я немедленно же отправился в Вашингтон, где мне посоветовали поехать в Париж, где главные представители американской исполнительной власти, решение которых

---

[1] ЦАОР, ф. 17, оп. 2, д. № 48, л. 103.
[2] ЦАОР, ф. 199, оп. 2, д. № 120, лл. 2—6.

в делах такого рода считалось настоятельным, принимали участие в Конференции мира [1]. Так как, во всяком случае, мне следовало представить дело перед английским правительством в Лондоне, я отправился из Нью-Йорка в Англию 15 мая, дав инструкции моей компании в Нью-Йорке достать необходимые сметы на различные товары от правительственных и частных источников для вывоза из Соединенных Штатов.

Я прибыл в Лондон 26 мая и немедленно же вступил в сношение с британским адмиралтейством и военным министром. Лондонский «Times» в статье, копию которой я при сем прилагаю, сильно рекомендовал этот проект, на который также благоприятно посмотрели и британские правительственные власти. Однако, скоро оказалось, что британское правительство по техническим причинам не могло устроить через свою собственную организацию предполагаемую экспедицию и посему я обратился к фирме британских банкиров, хорошо известной британскому правительству, и к торговой фирме в городе Лондоне, пользующейся прекрасной репутацией, финансируемой сказанной фирмой банкиров, которые выразили свое согласие действовать в качестве агентов для британского правительства на комиссионных началах. Подобное же предложение было сделано, поскольку то касалось американской стороны этой экспедиции.

Предложение, которое было представлено военному министру в Лондоне, было передано департаменту заморской торговли, учреждению британского правительства, которое было недавно устроено для поощрения британского заморского вывоза и ввоза. По рассмотрении они нашли, что потребуется значительное время для предложения такого рода пройти через все инстанции британской правительственной рутины перед тем, как таковое может быть принято, посему было бы поздно для отправления такой экспедиции в этом году.

Эти отношения продолжались до второй половины июня и тогда уже было поздно по сезону, и мое предполагаемое посещение Парижа для свидания с американскими властями по этому делу казалось бесполезным и посему я оставил Англию 28 июня, прибыв в Нью-Йорк 5 июля.

Все-таки еще оставалась небольшая возможность для устройства отправки одного или более пароходов из Америки, нагруженных смазочными маслами для сибирских дорог, и, зная, что вопрос этот был большой важности для Сибири, я немедленно же по прибытии занялся этим делом. Однако, несколько дней спустя, г. Зворыкин, который прибыл в Нью-Йорк в качестве представителя русского министерства торговли и промышленности в Омске, получил каблограмму из Омска, извещающую, что не имеется сибирских продуктов, которыми бы можно воспользовался для возврата за какие бы то ни было товары, которые могут быть посланы из Америки. Это, понятно, положило конец вопросу о смазочных маслах.

Во время моего пребывания в Лондоне я нашел, что сибирские кооперативные общества уже устроили дело посылки за их частный счет одного или двух пароходов в связи с британской фирмой в Лондоне, и я надеюсь, что они успешно приведут в исполнение их намерения. Подобное же предложение на устройство небольшой экспедиции за частный счет было сделано и мне, но таковая экспедиция была бы недостаточной для доставления осязательной помощи большим нуждам сибирского населения, и посему я счел неудобным сопровождать ее. Что привело меня сюда — это устроить в этом году с помощью

[1] Мирная конференция 18 января — 28 июня 1919 г. по разработке условий т. н. Версальского мирного договора.

американского и британского правительств экспедицию, которая исключала бы частную спекуляцию и была бы полезна русскому правительству для общей помощи сибирскому населению и, когда реализация той цели не осуществилась, я не видел, как я могу принимать участие в настоящее время в предприятиях, имеющих в виду другие цели, тем более, что моя компания в Нью-Йорке в настоящее время очень занята развитием планов по отношению к некоторым сибирским промышленностям. И поэтому я решил оставить это дело в этом году и телеграфировал 15 июля следующим образом:

«Министру торговли, Омск.

Предполагавшаяся большая экспедиция с помощью американского и британского правительств невозможна в этом году, рапорт следует».

К моему великому сожалению я нашел невозможным вполне использовать в этом году, в предполагавшемся масштабе, путь через Карское море. В то же время я желаю сказать, что мне было оказано всякое содействие вашингтонским и лондонским посольствами, где гг. Угет, Набоков и Остроградский сделали все, что в их силах, чтобы не только помочь мне в моих стараниях, но также и доставить помощь их собственными путями.

В заключение я скажу, что я в распоряжении русского правительства в деле своевременных подготовлений на американской и английской сторонах для экспедиции в 1920 г. и буду находиться в Нью-Йорке по вышеозначенному адресу еще некоторое время. Я выражаю мое мнение, что подготовления для такой экспедиции должны быть начаты немедленно.

Письмо профессора Вострогина управляющему министерством торговли и промышленности, 30 июля 1919 г.[1]

Копия телеграммы, посланной вами в г. Красноярск с предложением принять председательствование в комитете Северного морского пути, мною сего 29 июля получена.

Настоящим имею честь уведомить вас, что председательствование в комитете я принять согласен.

Считаю необходимым оговориться, что в организации экспедиции нынешнего года как со стороны сибирских рек Оби и Енисея, так и со стороны Архангельского и европейских портов, а равно и в сметных исчислениях, я участия не принимал, а потому не могу принять на себя ответственности за все могущие произойти последствия и неудачи.

Настоящую оговорку вынужден сделать в виду того, что пароходы и баржи с экспортным грузом и для перевозки военнопленных по перегрузочным работам, предназначенные к отправке в бухту Находка, постоянно реквизируются военными властями, а отправители несвоевременно подают грузы к пристаням. Все эти обстоятельства уже привели к тому, что суда с грузами до настоящего времени не вышли по назначению, и нельзя с точностью определить, когда таковые могут выйти из Новониколаевска по Оби, между тем установленный Комитетом для отхода срок уже прошел более 8 дней тому назад. Такая задержка может гибельно отразиться на перегрузке судов в устьях рек, за сокращением остающегося для перегрузки времени, и кроме того на Обь, вопреки существующим указаниям практики, по

[1] ЦАОР, ф. 199, оп. 2, д. № 85, л. 19—20.

мелководью Обской губы, в районе бухты Находка, куда направляются из европейских портов суда с осадкой в 19, 18, 17 футов, каковое обстоятельство еще более затруднит подход судов к бухте Находка и увеличит трудности перегрузки.

В виду постоянных сношений лица, стоящего во главе комитета Северного морского пути, с военными, морскими и гражданскими властями, иностранными правительствами, частными как русскими, так и иностранными предпринимателями, для придания большего авторитета в его сношениях и действиях, считал бы необходимым предоставление ему прав товарища министра.

По окончании текущей навигации мною будет представлен разработанный план организации экспедиции будущего года и необходимых мер планомерного улучшения Северного морского пути, от принятия коих правительством, в том или ином виде, будет зависеть и моя дальнейшая работа в роли председателя комитета Северного морского пути.

Степан Васильевич Востротин.

Телеграмма контр-адмирала Иванова русской миссии в Стокгольме, 31 июля 1919 г.[1]

Наш экспорт на группу судов Армистед совместно с Закупсбыт: меди 30 тыс. пудов, масла Закупсбыта 30 тыс. пудов, сырья 45 тыс. пудов, разных фирм кожи и меди 6700 пудов, также сыру 10 тыс. пудов, всего 131700 пудов.

Севпуть контр-адмирал Иванов.

Телеграмма ген. Миллера в Лондон Хоору, [июль] 1919 г.[2]

Усматривая из письма г. Линдлей[3] от 19 мая с. г. стремление британского правительства оказать поддержку Временному правительству Северной России в деле организации морской экспедиции в Сибирь, путем облегчения финансового бремени, ею налагаемого, имею честь уведомить вас, что Временное правительство с полной готовностью относится к предложению группы г. Армистеда принять участие в этой экспедиции.

Означенная группа может рассчитывать на взаимное сотрудничество с русской организацией, разрабатывающей план экспедиции и имеющей руководить ее операциями, и на содействие с ее стороны, ввиде предоставления всех преимуществ, вытекающих из условий совместного плавания, при наличии особой гидрографической экспедиции капитана Вилькицкого.

Само собой разумеется, что груз британского военного министерства, предназначенный для Сибирской армии, с особой готовностью будет принят для доставки на наших судах в устье реки Обь.

В виду вышеизложенного Временное правительство вполне рассчитывает на поддержку британского правительства в этом деле, которая могла бы быть определена следующим образом:

Британское правительство оказывает полное содействие ремонту судов экспедиции в Англии, их срочной разгрузке и нагрузке там грузом британского военного министерства для Сибири и потребным углем, с таким расчетом, чтобы не позже начала августа они могли идти прямо к Карскому морю. Такой порядок позволит сохранить много времени,

[1] ЦАОР, ф. 17, оп. 2, д. № 48, л. 113.
[2] Там же, л. 64.
[3] Линдлей — английский поверенный в делах при «Временном правительстве» Северной области.

а, главное, устранит излишнюю перегрузку в Архангельске, которая здесь нежелательна еще и потому, что рабочий вопрос стоит очень остро.

Суда, которые находятся в Англии и туда направляются суть: «Беотик», «Брюс», «Бенавенчур» и «Печора».

Британское правительство оказывает полное содействие по снабжению экспедиции углем, смазочными материалами и потребным продовольствием, предоставляя таковые по расценке для военных учреждений с известным кредитом.

Несомненно, что тесная связь русских и британских интересов в этой экспедиции позволяет нам надеяться на благоприятное отношение британского правительства к удовлетворению наших нужд, с нею связанных.

Грузы экспедиции [1]

Место погрузки	Отправитель	Род груза	Количество в пудах	Место назнач. груза	Пароходства, перевозящие грузы
Бийск	Север. прав.	Сыр	4000	Архангельск	Т-во Зап. Сиб. парох.
»	» »	Масло	8500	»	»
Усть-Чарыш.	» »	»	2400	»	»
Барнаул	» »	»	1000	»	»
»	» »	Хлеб	120000	»	»
»	» »	Медь	125	»	»
»	» »	Валенки	190	»	»
»	Бр. Нобель	Хлеб	2500	»	»
»	Закупсбыт	Сырье	15000	Загран. порта	»
Камень	Сев. правит.	Масло	3500	Архангельск	»
»	» »	Хлеб	200000	»	Богосл. пароходство
Н.-Николаев	» »	Масло	146000	»	Т-во Зап. Сиб. пар.
»	» »	Валенки	8000	»	»
»	Закупсбыт	Сырье	30500	Загр. порта	»
Омск	»	»	20000	» »	О-во «Волга»
»	Пашанов	Сыр	10000	» »	» »
»	Сев. прав.	Хлеб	180000	Архангельск	Т-во Зап. Сиб. пар.
»	Мор. мин.	»	40000	»	О-во «Волга»
»	Сиб. пов.	Пушнина	1500	Загр. порта	» »
Устье Иртыша	Бог. гор. о-во	Медь	62000	» »	О-во «Волга» 22 тыс. Богослов. 40 т.

Импортные:

Группы Англии — Архангельск

Военного обмундирования	300.000 пуд.
Сборный груз Сев. правит.	120.000 »
Группа Армистед — Закупсбыт	267.778 »
Всего	687.778 пуд.

Речной тоннаж судов экспедиции выражается: 13 барж по 60 тысяч пудов на каждой — 780.000 пудов.

[1] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1, л. 164. Документ имеет вид справки, составленной в комитете Северного морского пути о грузах, предназначенных к навигации в 1919 г. Северным морским путем. Внизу подписано комитет Северного морского пути: Профессор Вестротин. Секретарь Васильев. Справка относится примерно к июлю 1919 г.

Телеграмма ген. Миллера в Лондон Набокову, 1 августа 1919 г.[1]

Сибирская армия переживает тяжелый кризис, вследствие недостатка оружия, обмундирования и всякого снабжения техническими средствами, при наличии большого запаса людей, неиспользованных по вышеуказанным причинам. Единственная возможность быстро доставить в Сибирь все необходимое — переслать с полярной экспедицией Вилькицкого, отходящей к устьям Оби из Архангельска 10 августа. Здесь запасов всяких избыток, английское командование без объяснения причин отказывает во всем кроме 50 тыс. ружей с патронами. Прошу срочно добиться телеграфного распоряжения[2] английскому штабу здесь о немедленном, возможно широком удовлетворении потребностей Сибирской армии, согласно моим просьбам, для немедленной погрузки. Уход экспедиции отсрочить нельзя по состоянию льдов.

Миллер.

Телеграмма контр-адмирала Иванова и ген. Миллера русской миссии в Стокгольме, 4 августа 1917 г.[3]

Известите пароходы, идущие в Сибирь, что они должны иметь при себе полный запас угля для обратного плавания. В Сибири угля нет, наши суда имеют его только для себя.

Северпуть контр-адмирал Иванов.
Ген. Миллер.

Телеграмма контр-адмирала Иванова и ген. Миллера в Омск комитету Северного морского пути, 4 августа 1919 г.[4]

Набоков сообщает: 1) нет надежды получить «Беотик» по сроку, «Брюс» под сомнением. 2) Закупсбыт посылает только один пароход из Скандинавии. 3) Бритиш военмин[5] отказалось посылать свои грузы, считая путь сомнительным. Британский представитель в Архангельске подтверждает п. 1, дополняя что «Беллавенчур» и «Бенавенчур» также не будут готовы. Окончательно считаем, что ледоколы не пойдут, надеемся получить только «Брюс», дабы 1) иметь ледокол для оказания помощи, 2) снять «Вайгач». При условии участия «Новороссии» наш наличный тоннаж достигает 573 тыс. пудов. Просим вашего энергичного представления Антра, срочно разгрузить «Новороссию» и включить в нашу экспедицию и снабдить всем необходимым. Если «Новороссия» не будет готова к сроку, наш тоннаж будет лишь 300 тыс. пудов.

Северопуть контр-адмирал Иванов. Миллер.

Телеграмма комитета Северного морского пути в Обдорск, н-ку Обской гидрографической экспедиции, 4 августа 1919 г.[6]

По сообщению Архангельска в бухту Находка прибудут суда «Брюс» — осадка 19, «Бенавенчур» — 19, «Колгуев» — 18, «Кильдин» — 17½, «Маймакса» — 13, «Беотик» — 19, «Вайгач» — 17, «Полярный» — 14. Осадка, название судов английского и шведского, неизвестны. Последний срок выхода судов из Архангельска 20 августа. Наш

---

[1] ЦАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 16, л. 98.
[2] В подлиннике пропуск.
[3] ЦАОР, ф. 17, оп. 2, д. № 48, л. 117.
[4] ЦАОР, ф. 199, оп. 2, д. № 85, л. 2.
[5] Британское военное министерство.
[6] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1, л. 189.

караван выйдет с места с опозданием на двенадцать дней. Причина — несвоевременная подача барж, реквизиция судов по надобностям военных властей.

Северпуть.

Телеграмма морского министра Смирнова в Архангельск командующему морскими силами адмиралу Викорст, 5 августа 1919 г.[1]

Ввиду неимения карт северного побережья, прошу о доставлении экспедицией капранга Вилькицкого и передаче для гидрографии Омска возможного числа комплектов русских карт от Мурмана до Берингова пролива.

Контр-адмирал Смирнов.

Доклад председателя комитета Северного морского пути министру торговли и промышленности, 7 августа 1919 г.[2]

Радиотелеграммой из Архангельска от 26 июля контр-адмирал Иванов и Миллер извещают, что британское военное министерство отказалось послать свои грузы, считая Северопуть сомнительным и что, если разгрузка парохода «Новороссия» не будет произведена к сроку, то тоннаж Архангельска будет лишь в 300 тыс. пудов. Такая неожиданная отмена британским военным министерством посылки сюда своих грузов перепутывает все расчеты комитета и ставит экспедицию в чрезвычайно критическое положение. Радиотелеграммой от 27 июня нас извещали, что английское правительство имеет вывезти к нам 300 тыс. пудов груза военного снаряжения, но с условием, что груз этот будет принят нашим военным министерством в устье Оби и взят под особую охрану. Условия эти были приняты военным ведомством, о чем нас известил телефонограммой № 74 от 5 июля помощник военного министра генерал-лейтенант Сурин, на основании чего комитет радиограммой № 501 от 7 июля просил Миллера в Архангельске поставить о согласии нашего военного министерства в известность английское правительство. И в дальнейшем вся организация вывоза экспортных грузов, в количестве около 700 тыс. пудов, строилась комитетом в расчете на этот английский тоннаж в 300 тыс. пудов, уравновешивавший предполагавшийся ввоз и вывоз.

В настоящее время главная часть грузового каравана Обской экспедиции вышла уже отсюда в бухту Находка.

Накануне отправки с обских пристаней и вторая часть каравана, вместе с которой имеет выехать и представитель военного ведомства для приема английских грузов военного снабжения. Полученное же теперь сообщение об отмене присылки последнего, сокращая ожидаемый морской тоннаж, грозит тем, что значительную часть отправляемых грузов придется вывозить из бухты Находка обратно. Изложенное ставит перед необходимостью добиваться срочной отмены последнего решения английского военного министерства, так как невозможно предвидеть совет последнего, и необходимо одновременно принять все зависящие меры к срочной разгрузке парохода «Новороссия» и включению его в состав архангельской экспедиции с снабжением его всем необходимым, в каком случае мы могли бы рассчитывать вывезти в Архангельск весь отправляемый нами груз. Но если бы оказалось невозможным и это, то единственным и частичным выходом из грозящего положения является задержка соответствующего количества гру-

[1] ЦАОР, ф. 3909, д. № 1, л. 183.
[2] ЦАОР, ф. 199, оп. 2, д. № 85, л. 1—3.

за, имеющего еще отправиться каравана, что возможно лишь при чрезвычайно срочном выяснении вопроса о «Новороссии».

По существу полученной телеграммы комитет обратился с ходатайством к министрам: военному, морскому и иностранных дел и представителям: правительства Северной области князю Куракину и английского правительства г. Ходгсон о принятии зависящих от них мер, как к отмене решения британского военного министерства, так и к срочной разгрузке парохода «Новороссия». Внося вместе с тем вопрос этот на обсуждение экстренного заседания комитета, имеющего быть в пятницу 8-го с. августа, обращаюсь с просьбой к вам принять со своей стороны все зависящие меры к его скорейшему и благоприятному разрешению.

Что же касается вопроса о задержании части назначенных к отправке продовольственных грузов, то я полагал бы, что разрешить его подлежит комитету, по соглашению с вами и представителем правительства Северной области князем И. А. Куракиным.

За председателя комитета (подпись).

Телеграмма Набокова из Лондона ген. Миллеру, 23 августа 1919 г.[1]

20 августа из Ливерпуля к Карским Воротам вышел пароход «Брюс» архангельской экспедиции, имеющей пассажирами 40 офицеров, 2 сестры милосердия, 2 подпрапорщика и 5 солдат — всего 49. Из них значатся арестованными 3 офицера, 1 сестра, оба подпрапорщика и 4 солдата. Прошу сообщить это начальнику экспедиции, дать указания для дальнейшего их направления в Сибирскую армию.

Набоков.

Телеграмма контр-адмирала Иванова в Омск в отдел иностранных дел, 27 августа 1919 г.[2]

На отношение от 22 августа с. г. сообщаю, что в разговоре с г. Гияр по вопросу о вывозе масла из Сибири, я действительно указал на невозможность принять специальный груз масла по заказу французского правительства для города Парижа, однако сделал предположение, что из числа 30 тыс. пудов масла, предназначенного для Северной области, часть его Временное правительство может быть нашло бы возможным уступить представителю союзных стран для вывоза из Северной области; при этом считаю совершенно невозможным предоставить специальный тоннаж для доставки масла во Францию.

Ввиду же нерешенного еще вопроса о посылке в устье реки Обь парохода «Новороссия», еще только разгружающегося в Англии,— возможность вывоза 30 тыс. пудов масла на ушедших уже в Сибирь наших судах очень не велика, так как надо считать зерно наиболее ценным грузом для Северной области. Если «Новороссия» не примет участия в экспедиции, то грузовая способность нашего отряда уменьшится почти вдвое и все внимание будет обращено на погрузку зерна и валенок.

Свои предположения о возможности уступить для вывоза часть сибирского масла основывал на сведениях, почерпнутых в отделе внешней торговли, которые указывали, что Северная область обеспечена сравнительно достаточно местным производством и, если сибирское масло явится избыточным, то для него всегда найдется заграничный спрос.

Контр-адмирал Иванов.

---

[1] ЦАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 16, л. 111.
[2] ЦАОР, ф. 17, оп. 2, д. № 48, л. 146.

Из телеграммы начальника Обской гидрографической экспедиции в комитет Северного морского пути, 6 сентября 1919 г.[1]

Первого сентября из Архангельска в Находку прибыли суда: «Соломбала», «Колгуев», «Кильдин», английское судно «Байминго», шведское «Хальвар», общей суммы грузов 500 тыс. пудов, остальные суда из Архангельска ожидаются на днях. Суда были встречены мною в океане и доведены в Находку. Срочно приступили к перегрузке на речные суда. С приходом остальных кораблей донесу подробно о их грузе. Для непрерывной связи Находки, ставлю судно с радио в Обдорске. Пассажиров отправляю в Обдорск, где готовится помещение для доставки пассажиров в Тобольск, требую пароход «Пермяк», совершающий срочные рейсы в Обскую губу. «Таймыр» пробился на камнях Новой Земли, итти в Енисей не может, с двумя спасательными пароходами возвращается в Архангельск. Есть надежда довести благополучно, если во время пути не будет шторма.

(Подпись).

Телеграмма Б. Вилькицкого из Дудинки в Омск Морскому министерству, 9 сентября 1919 г.[2]

На Обь прибыла и встречена продовольственная экспедиция, руководимая директором маяков Белого моря кавторангом Мессером, в составе шести следующих пароходов: «Соломбала», «Вайгач», «Колгуев», «Кильдин», «Пахтусов» и «Соловей Будимирович». «Соловей» заходил на Диксон, вышел вчера. Кроме того «Полярный», окончив снабжением станцию, сегодня идет так же в распоряжение Мессера. Затем в Обь прошел шведский пароход «Хальвар» и английский «Байминго». Последний с грузами Закупсбыта, Центросоюза и Армистеда. «Байминго», пройдя в Югорский Шар очень рано и не имея карты пролива, десять дней стоял на мели и был снят при помощи наших судов и английского буксира. Затем «Байминго» под влиянием норвежца лоцмана два раза поворачивал домой, едва удавалось его уговорить на путь в Обь. Пропустив все суда через Карское [море], я на «Сусанине» прибыл на Диксон. Сдаю станцию и отряд Неупокоеву в дирекцию. 11 сентября иду к Белому [морю], чтобы встретить и провести обратно первый эшелон Мессера. Разведка льдов, сделавшаяся[3] с конца июля «Таймыром» и «Сусаниным», выяснила, что в этом году наиболее свободный путь южным проливом. Лед прижат к Новой Земле и встречается пока в разных частях моря, трудное место пришлось пройти близ Шараповых кошек. Но условие навигации считаю удовлетворительным и обратный путь нетрудным. Работая около Маточкина Шара, «Таймыр» выскочил на камни, получил повреждение подводной части, был снят при помощи англичан, пришедших с Мурманска, и теперь находится в Югорском Шаре. Радиостанция в Карских Ворот восстановлена. Югорский Шар огражден створами и вехами. С передачей отряда Неупокоеву и двух станций [н-ку обской экспедиции] полагаю свои обязательства по организации Северного пути выполненными. Считаю желательным остатки моей экспедиции на «Таймыре», «Солунском» и ст. Новой Земле, если не будет ваших указаний о подчинении [н-ку обской экспедиции] или других, соединить с дирекцией Белого моря.

Вилькицкий.

---

[1] ЦАОР, ф. 3909, д. № 2, л. 40
[2] ЦАОР, ф. 3909, д. № 5, лл. 1—6.
[3] Так в тексте.

Из телеграммы Б. Вилькицкого с Диксона в Омск начальнику Генерального морского штаба, 13 сентября 1919 г.[1]

Принял радио из Москвы о занятии Тобольска неприятелем. Послал в Обь «Инея» сообщить об этом... Советовал срочно уводить все речные суда в Енисей. Если связи с Обдорском не имеете, прошу сообщить срочно о положении (фронта) через Архангельск.

Вилькицкий.

Телеграмма начальника продовольственной экспедиции Мессера в Омск морскому министру, 16 сентября 1919 г.[2]

Доношу: первого сентября прибыли в бухту Находка пароходы «Соломбала», «Колгуев», «Кильдин», шведский «Хальвар», английский «Байминго». «Пахтусову» приказал стать на острове для радиосвязи до прихода из Карского моря судов гидрографической экспедиции, после чего идти в Находку. «Полярный» пошел на Диксон выгружать материалы для радиостанции Диксон и Дудинка, затем идет в Находку. Ледокольный пароход «Соловей Будимирович», «Брюс» буксирует до Диксона. Гидрографический пароход «Анна», который поломал винт во льду, идет в Находку. На переходе четверо суток был во льду у Шараповых кошек. Прошу сообщить донесение Севернуть Вострогину, Архангельск адмиралу Иванову.

Начальник продовольственной экспедиции кавторанг Мессер.

Телеграмма начальника Обской гидрографической экспедиции в Омск начальнику Генерального морского штаба, 27 сентября 1919 г.[3]

Прибыли в Обдорск 26-го. Принято английских товаров 3590 мест на сумму 50 миллионов, обратный груз пушнина — 6.000 пудов — 10 миллионов, всего 110 миллионов, который застрахуйте немедленно.

Сведения об экспортируемых грузах в навигацию 1919 г.[4]

1-й караван	440.000 п.	Семя льняного	6.000 п.
2-й караван	250.000 »	Кожи	5.000 »
Хлеба	560.000 »	Валенок	5.000 »
Масла	55.000 »	Конопли	3.000 »
Сыру	12.000 »	Льна	2.000 »
Меди	34.000 »	Пушнины	1.000 »
Шерсти	12.000 »	Волоса конского	750

Приказ командующего флотилией Северного Ледовитого океана, 13 октября 1919 г.[5]

Отряд судов экспедиции в Сибирь, снаряженный распоряжением Временного правительства Северной области и состоявший под командой капитана 2-го ранга Мессера, 15 августа вышел из Архангельска в бухту Находка в Обской губе с ценным боевым грузом для Сибирской армии.

28 сентября весь отряд экспедиции вернулся в Архангельск, доставив для Северной области продовольственные запасы, заготовленные сибирским правительством.

---

[1] ЦАОР, ф. 3909, д. № 5, л. 9.
[2] ЦАОР, ф. 3909, д. № 2, лл. 41—43.
[3] ЦАОР, ф. 3909, д. № 2, л. 26. Копия телеграммы была направлена в Закупсбыт и Центросоюз в г. Новониколаевск.
[4] Там же, л. 28.
[5] ЦАОР, ф. 22, д. 40, л. 38.

Попутно экспедицией были выполнены еще и другие работы, как-то: оказано содействие усть-енисейской гидрографической экспедиции старшего лейтенанта Неупокоева при следовании ее из Архангельска к месту назначения; снабжены и восстановлены радиостанции Карского моря; произведены дополнительные гидрографические исследования по пути своего движения и оказана помощь английскому пароходу, шедшему из Англии в Обь и севшему на мель в проливе Югорского Шара.

Итак, давно назревшая в России потребность установить северный морской торговый путь в Сибирь осуществлена, благодаря настойчивой и плодотворной работе начальника гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана капитана 1 ранга Вилькицкого и начальника сибирской экспедиции капитана 2 ранга Мессера.

Отмечая всю важность для северных областей России успешно выполненной экспедициями сложной и ответственной задачи, порученной им, считаю своим долгом принести благодарность начальникам обеих экспедиций капитану 1 ранга Вилькицкому и капитану 2 ранга Мессеру, их ближайшим помощникам, старшему лейтенанту Анцеву, капитанам дальнего плавания Кузнецову и Николаеву и лейтенанту Калинину, труды которых внесут новую ценную страницу в историю полярных плаваний и изучения северных морских торговых путей.

Генерального штаба, генерал-лейтенант Миллер.

Из доклада «правительству» Колчака начальника Обской гидрографической экспедиции о выполнении программы в навигацию 1919 года, [октябрь] 1919 г.[1]

Всероссийское правительство, в первую очередь, одновременно с другими важными мероприятиями, решило прорубить новое окно из Сибири в Европу — открыть для практического мореплавания Северный морской путь и тем непосредственно связать Сибирь с портами мира, для вывоза избытков сырья на мировой рынок и для получения крайне необходимых для Сибири иностранных фабрикатов.

Среди громадной и напряженной работы, с небывалой в предшествующие времена быстротою, Совет министров, постановлением своим от 24 декабря 1918 г., создает новые организации — дирекцию маяков и лоции Северного морского пути и комитет Северного морского пути, срочно получившие утверждение верховного правителя. По указанию правительства комитет Северного морского пути организует правительственную экспедицию, на которую возлагается производство товарообмена в Обской губе и подготовительные организации по составу и подготовке соответствующего речного каравана, необходимой организации грузчиков, вооруженного охранного отряда экспедиции и прочее.

На мою долю выпала высокая честь и громадная ответственность, как получившего назначение на должность директора маяков и лоции Северного морского пути и начальника Обской вооруженной правительственной экспедиции, с правами отдельно командующего флагмана или, что тоже,— командующего отдельной армией, а в комитете Северного морского пути — должность начальника технической части. С того момента, параллельно с подготовительными работами по выполнению утвержденной морским министром программы для дирекции маяков и лоции Северного морского пути, мною, совместно с двумя моими помощниками по должности начальника правительственной экспедиции, кстати сказать — оба управляющие пароходствами, был

[1] ЦАОР, ф. 3909, д. № 6, лл. 24—30.

выработан список речных пароходов — самых мощных по тяговой силе, а барж — более прочных по постройке и молодых по числу лет своей службы (не старше 8 л.), а главное, в число барж входило четыре железных баржи типа «Тоболка», значительно подкрепленных своими продольными и поперечными переборками в корпусе, как приспособленных для наличного груза. Две из этих прочных железных барж большой грузоподъемности должны были следовать к б. Находка порожними, чтобы была возможность немедленно приступить к разгрузке пришедших морских кораблей и тем положить начало перегрузке. Была заарендована баржа «Алей» и срочно подготовлена для жилья и продовольствия трехсот человек грузчиков. Был решен вопрос об организации вооруженного военного отряда для охраны в пути экспедиции и для неукоснительного проведения в жизнь директив правительства и поддержания на должной высоте престижа и твердости власти.

К 15 июня эти организационные работы были закончены, и 17 июня я отплыл из Омска с составом вверенной мне дирекции маяков и лоции Северного морского пути для подготовки в навигационном отношении бара реки Оби и Обской губы. 5 июля дирекция в полном своем судовом и командном составе отплыла из Тобольска, направляясь к устью р. Оби. Плыли спокойно и благополучно. 14 июля прибыли в Обдорск, 15 июля вышли из Обдорска и 17 подошли к бару р. Оби и начали его исследовать и обставлять вехами. 24 августа заарендованная дирекцией пар. шхуна «Мария» была уже в Карском море, у острова Белый, выйдя навстречу морским кораблям, а остальные суда дирекции, оставшись в б. Находка, обставляли береговые рифы бухты, окаймляя пределы безопасной стоянки речных судов, с глубиною до 12-ти четвертей, и устанавливая входной в б. Находка огневой створ для безопасного ночного плавания. Морские суда приходом сильно запаздывали, и стоять в открытом океане не мореходным судном «Мария» было прямо опасно. Много голосов раздавалось за уход в защищенные от волны и ветра места, но это значило уйти с пути морских судов и рисковать разойтись с ними на широком водном пространстве. Радио-телеграф, установленный на «Енисее», оказался неисправным и войти в радиосвязь с кораблями не представлялось возможным. Стояли, подвергаясь большой опасности, и ждали.

28 августа показались на горизонте долгожданные дымки первых морских кораблей, радостно встреченные чинами дирекции. То были суда: «Полярный», «Колгуев», «Кильдин» и «Вайгач», а 28 августа подошли «Соломбала», шведский пароход «Хальвар» и английский «Байминго». Экономя драгоценное время, в тот же день, всем отрядом судов двинулись к бухте Находка, несмотря на туманную погоду. Плавание было уже изучено и опорные пункты для определения местонахождения корабля казалось приветливо встречали корабли, весело мигая им своими огнями.

Паровая шхуна «Мария» шла впереди, располагая плавание отряда в четырехмильной полосе, исследованной симметрично вдоль линии основного рекомендованного курса. Для проводки остальных, сзади идущих, кораблей: «Пахтусова», «Соловья Будимировича», «Инея» и «Орлика» были мною оставлены на «Полярном» у о-ва Белый два офицера дирекции, «Полярный» оставался у о-ва Белый для радиосвязи и передачи офицеров-проводников на остальные, идущие к бухте Находка суда. На архангельских судах «Колгуев» и «Вайгач» прибыло два эшелона офицеров и на ледоколе «Соловей Будимирович» следовал из Англии еще третий эшелон тоже с гг. офицерами, стремившимися в Сибирь, как страну с твердой властью и интенсивной борьбы с большевизмом.

Радостно встречали мы это ценное подкрепление для нашей доблестной армии, но вместе с тем надо было организовать их питание и дать им помещение. Прибыло три генерала, 22 штаб-офицера и 75 обер-офицеров, в числе которых находилось 30 кадровых артиллерийских, 12 офицеров инженерных войск и 6 летчиков. С приходом в б. Находка прекращалось их довольствие на доставивших их судах и кроме того у них не было денег. При отправлении их им был выдан аванс по 500 р., но за продовольствие от Архангельска до Находки им нужно было, переходя на суда экспедиции, уплатить по 615 р. 06 к. Такое положение создалось потому, что вопросы о снабжении офицеров деньгами и о стоимости их продовольствия — решались различными учреждениями. Когда начальники эшелонов обратились ко мне по этим вопросам, то я сейчас же отдал распоряжение срочно снабдить их самым необходимым как продовольствием, так и деньгами. Было выдано одиноким офицерам по 500 р., а семейным по 1000 р. О том, что прибудут пассажиры, я получил сообщение с большим запозданием, так как телеграмма долго пролежала в Обдорске и продовольствие пришлось отпустить из случайных средств экспедиции, а деньги из других параграфов, но этим устранялось впечатление организационного хаоса и создавался дополнительный показатель прочной и разумной организации, присущей твердой власти. До окончания перегрузочных операций г.г. офицеры и пассажиры были оставлены на судах, доставивших их до б. Находка.

По приходе в б. Находка 1 сентября я получил шифрованную телеграмму за подписью вр. управляющего Морским министерством, контр-адмирала Ковалевского и врем. управляющего министерством торговли и промышленности Окорокова, датированную 15 августа: «В связи с военной обстановкой возможно прекращение сообщения по Оби ниже устья Иртыша. В этом случае вашему усмотрению предоставляются следующие решения: первое — гидрографические суда и баржи с грузом, прибывшим из Архангельска, вести на зимовку в Березов или Ляпино; в этом случае необходимо оставить из сибирского экспорта годовую провизию на остающихся. По установке на зимнюю стоянку войти сухим путем в связь с архангельским правительством, у которого испросить дальнейших указаний. Второе решение — оставить караван с грузом и охраной на зимовку под командованием прапорщика Пушкарева, или другого, выбранного вами офицера, а гидрографическими судами пройти морем в Енисейск или Красноярск. В настоящее время линия фронта идет по р. Тоболу. Сохраняйте связь с Омском через Обдорск и Тобольск до получения приказаний. По прекращении связи с Омском действуйте самостоятельно. О получении телеграммы и о последующем телеграфируйте».

В б. Находка нас ожидал пароход «Волга» с моим старшим помощником Пушкаревым и две порожних баржи, предназначенные для начала перегрузок. От Пушкарева я узнал следующее: первый караван экспедиции, под командованием прапорщика Пушкарева, прибыл и до прихода морских судов оставлен у мыса Ямсале, в защищенной от ветра и волны части р. Оби, а второй караван, под командованием моего второго помощника Добрынина, может быть у устья Оби только через неделю — полторы. Когда первый караван проходил Тобольск, то в Тобольске была полная паника и Тобольск спешно эвакуировался[1]. Ввиду близости большевиков, еще до эвакуации Тобольска, почти все пароходы и баржи были отосланы в Томск во избежание перехода этих судов большевикам. Проводившие веления правительства по эвакуации Тобольска военные власти, под давлением переживаемого мо-

[1] 15 октября 1919 г. Красная армия форсировала реку Тобол и 23 октября заняла город Тобольск.

мента, невольно сошли с государственной точки зрения и почти самые лучшие пароходы и баржи, в том числе и две порожних железных баржи, отобрали от Пушкарева для перевозки эвакуированных, их имущества и эвакуируемых правительственных учреждений.

Только выдающейся энергии и отличной преданности делу прапорщика Пушкарева мы обязаны тем, что он вместо отобранных судов сумел и успел срочно получить другие, но уже гораздо низшего качества. В царившей в то время разрухе, экспедиция, вместо 500—600 грузчиков получила только 196 человек. Рассчитывать на скорый приход второго каравана экспедиции не было надежды и мы совершенно лишались возможности использовать для начала выгрузки морских судов свободные палубы тех 24 барж, которые были условлены в выработанном нами плане перегрузки еще весною в комитете Северного морского пути. В результате, в моем распоряжении оказалось только 2—3 парохода из указанных мною и необходимых для дела, а остальные были мало пригодны. Вместо 500—600 грузчиков — 196 и вместо четырех надежных железных барж — только одна и та до верху наполненная грузом.

Что было делать с этими, почти негодными средствами и одной третью грузчиков в такой, прямо катастрофической, военной и политической обстановке, находясь за полярным кругом в полной отрезанности от центров? Кроме всего вышеизложенного невольно возникал вопрос — а удастся ли импортные грузы доставить по назначению и не явятся ли они добычею врагов?.. Раздумывать было некогда, приходилось спешить и особенно потому, что морские корабли прибыли с опозданием в 5—6 суток. Подсчитав находившиеся в моем распоряжении силы, рассчитывая на присутствие и помощь 125 человек офицеров, массу ручного оружия и пулеметов, три 37 м/м. орудия, на получение с «Соломбалы» 75 м/м. пушки с достаточным количеством снарядов, надеясь вооружить и забронировать имеющиеся в моем распоряжении три морских судна: «Мария», «Орлик» и «Енисей», двигатели и рули которых являлись защищенными водой, а котлы двойными железными стенками и толщею угля в угольных ямах, что давало мне громадное превосходство в бою перед речными, легко уязвимыми пароходами, и в остальном положившись на улучшение военной обстановки в нашу пользу, я решил, хотя и с половинными средствами, срочно начать перегрузку грузов и в первую очередь военного груза. Для увеличения количества грузчиков были мобилизованы команды барж и пароходов и солдаты вооруженного отряда были тоже обращены в грузчиков. Эта мера увеличила число грузчиков с 200 до 400 человек. Только самая необходимая часть солдат отряда была оставлена для охраны военного груза.

Весь июль и август в Обской губе стояла сплошная штилевая погода с высокой (до 26° Р. на солнце) температурой и надо было полагать, что она скоро сменится затяжной штормовой погодой.

В тот же день, вечером 1 сентября, я послал пароход «Волгу» с Пушкаревым за караваном к м. Ямсале, чтобы караван перевести в б. Находка, а две порожние деревянные баржи, взятые взамен прочных железных, прямо подвести и поставить под борт кораблей «Кильдина» и «Колгуева» и сейчас же начать выгрузку военного груза. В 7 час. утра 2 сентября караван был переведен в б. Находка и началась выгрузка военного груза. Сильно ощущался недостаток грузчиков, но работали до полного напряжения. 8 сентября случилось несчастие: перевернулась большая мореходная моторная шлюпка (шестерка) и утонуло 27 человек, из которых 26 человек военнопленных грузчиков и один судовой моторист... Под вечер 8 сентября пришел ледокол «Соловей Будимирович» и «Полярный», доставившие с Диксона от капи-

тана 1 ранга Вилькицкого сведения о военном положении. Вилькицкий сообщал мне от 15 сентября: «На Тобольском фронте продвижение большевиков продолжается и большевики уже в 80 верстах к северу от Тобольска около села Нового».

Продолжая перегрузку грузов, параллельно приступил к организации боевого отряда судов и организации всего офицерского состава и всех воинских чинов вверенной мне правительственной экспедиции. Приказом № 1 для управления вооруженной экспедицией я образовал при себе штаб, назначив его начальником полковника Генерального штаба Борицкого, начальником вооруженных сил экспедиции, дополнявших силы боевого отряда судов,— генерал-майора Семенова, начальником вооруженной охраны транспортной флотилии — генерал-майора Грузевича-Нечай, начальником ариергарда — генерал-майора Ясникова и начальником авангарда (разведочного судна «Енисей») гвардии полковника Угричич-Требинского, которые срочно приступили к организации своих частей, вооружению и практической подготовке, с таким расчетом, чтобы, еще находясь в б. Находка, явиться действительной защитой и охраной экспедиции, а главное, высоковажного военного груза. Часто прерываемая штормовой погодой перегрузка продолжалась, а особенно интенсивно во время спокойной или хорошей погоды. По утвержденной морским министром программе работ дирекции для разгрузки судов был подготовлен близкий к бухте Находка рейд с глубинами на среднюю воду до 20 фут. Прибывшие иностранные корабли — шведский «Хальвар», имевший осадку в 19—20 фут, и, особенно, английский «Байминго», с осадкою в 21 фут, остановились в 28 километрах от бухты Находка и очень осложняли перегрузку большой удаленностью от нашей базы и открытостью плеса. Во время свежей погоды пароход с одной груженой баржей на буксире тратил 2½—3 часа на переход от базы до пароходов. Пароход стоял с баржею у морского корабля до последней возможности, а потом направлялся в б. Находка, а за время его трехчасового плавания погода сильно ухудшилась и создавала опасные положения.

В дни штормовой погоды, когда не было возможности выводить речные баржи на рейд, усилением всего состава грузчиков нагружали паровую шхуну «Мария» и ею выходили к морским судам и, хотя с двойной перегрузкой одного и того же груза, продолжали дело разгрузки. 15 сентября пришел в мое распоряжение задержанный Вилькицким пароход «Иней» и доставил самые тревожные сведения. От 12 сентября Вилькицкий сообщал: «Адмирал Колчак разбит, в тылу у него партизанские восстания, нарастающий большевизм. Весь тыл восстал. Около Тары и Омска красными потоплено два правительственных парохода. В Омске крупные большевистские организации. Крушение колчаковской государственности. Тобольск занят большевиками. Линия фронта — Самаровское — Мургут». По этим последним сведениям выходило, что путь правительственной экспедиции отрезан не только от Омска, но и от Томска... Я не огласил этих последних тревожных сведений, и работа по вооружению экспедиции продолжалась. Приходилось спешить с окончанием перегрузки и торопиться прорваться около устья Иртыша, чтобы добраться в Томск еще до заморозков реки Оби в Сургутском плесе. Выгрузка военного груза подходила к концу и только оставалась еще большая часть импортного груза на «Байминго» и «Хальвар». Как англичане, так и шведы очень неохотно сдавали нам свой груз, не получив должного товарообмена, а потому старались сдать нам самый малоценный груз, как шотландские сельди или машины для лесопильных заводов, котлы для которых они, когда сели на камни в Югорском Шаре, выбросили за борт. Англичане спешили получить от нас самый ценный груз — пушнину,

стоимость которой они определяли многими миллионами долларов, а шведы — 27 тысяч пудов красной меди. Будучи предупрежден об этом представителями Закупсбыта и Центросоюза, я так распределил груз, что эти самые ценные грузы из экспортных были еще не сданы.

Срок арендного состояния паровой шхуны «Мария» оканчивался 15 августа, но так как «Мария» являлась крайне необходимой для экспедиции, то я ее оставил в своем распоряжении. Когда были получены сведения, что экспедиция совершенно отрезана не только от Тобольска, но и Томска и что только прорыв с победным боем даст возможность пройти в Томск — надо было решить вопрос как быть с «Марией» и с рыбопромышленным караваном Плотникова, находящимся в Тазовской губе и который вывести и поднять до Тобольска должна была «Мария», если бы не был отрезан путь на Тобольск. В такой обстановке поднимать рыбопромышленные караваны выше Обдорска было бы крупной ошибкой, так как он мог быть задержан большевиками и ценный рыбный груз расхищен. Посылать «Марию» в Тазовскую губу тогда, когда всей экспедиции было необходимо срочно двигаться вверх по Оби, с боевым отрядом и военным грузом прорываться с боем — это значило бы оставить «Марию» много сзади боевого отряда экспедиции следовать самостоятельно. «Мария» легко могла попасть большевикам и явилась бы у них отличным боевым судном. Решение являлось одно — оставить «Марию» в составе экспедиционного боевого отряда, а плотниковский караван оставить зимовать в Тазовской губе.

Только 10 сентября прибыл второй караван экспедиции с А. А. Добрыниным, который я приказал оставить у м. Ямсале, так как доставленные 550 тысяч пудов хлеба не могли быть погружены в архангельские суда, с общею суммою тоннажа в 250 т. пудов. Со вторым караваном я получил приказ морского министра и министра торговли и промышленности спешить с выгрузкой военного груза и прекратить выгрузку и нагрузку иностранных кораблей на том, что успеем сделать ко времени окончания выгрузки военного груза. 19 сентября была закончена выгрузка военного груза, архангельскую экспедицию снабдили мукой, маслом и рыбой, приняли от них единственную 75 м/м. пушку со снарядами в обмен на 10 винтовок, наполнили их суда зерновой пшеницей (только «Кильдин» вместо 100 тыс. пудов успел взять 70 тыс. пудов), и решено было на завтра начать двигаться экспедицией вверх по Оби, чтобы до конца выполнить свой долг.

В 4 часа утра 20 сентября я вышел на «Марии» к иностранным кораблям, чтобы сообщить им о прекращении перегрузок, и, не считая себя вправе говорить им о положении вещей, я сослался на то, что получил сведения о наступивших преждевременных холодах в верховьях Оби и Иртыша, чем и вызывался приказ морского министра и министра торговли и промышленности о срочном возвращении экспедиции. Любезно распрощавшись с представителем английского правительства — профессором Пирс, с представителем английской пароходной компании мистером Армистед и с капитаном шведского корабля, я вернулся в бухту Находка и в тот же день, в 12¾ ч., всеми судами экспедиции двинулись по пути к устью Иртыша.

21 сентября утром подошли к стоявшему у м. Ямсале второму каравану экспедиции и тут мне доложили, что вольнонаемные матросы речных барж, совместно с частью солдат вооруженного отряда экспедиции, разграбили несколько самоедских чумов и забрали их зимнюю одежду. Немедленно назначено было следствие и когда обыскали и свидетельскими показаниями были определены виновные в количестве 23 человек, то я сейчас же приказал составить военно-полевой суд, который и приговорил всех виновных, по лишении всех прав

состояния, к 15 годам каторжных работ, но в виду их чистосердечного раскаяния и возвращения взятых у самоедов вещей, военно-полевой суд постановил ходатайствовать передо мною о смягчении их участи. Принимая во внимание обстановку хищения, я понизил для каждого из осужденных срок каторжных работ до четырех лет, со взысканием с каждого из них в пользу пострадавших по 500 рублей, а солдатам предоставил возможность своей примерной и полезной службой за оставшееся время плавания экспедиции заслужить мое ходатайство перед российским правительством о их помиловании.

22 сентября «Орлик» вернулся к экспедиции, выполнив данное ему поручение. 15 человек осталось зимовать в Тазовской губе, а остальных 21 чел. привезли на «Орлике» для доставки в Обдорск, а если явится возможность, то и в Тобольск.

У м. Ямсале стояли двое суток, нагружаясь дровами, весь военный груз с палуб многих барж поместили в две баржи, чтобы лучше охранять и защищать их в пути, и тут же закончили вооружение нашего боевого отряда, забронировав жизненные части кораблей и защитив прислугу у орудий и пулеметов. Вооружение экспедиции получилось следующее: «Мария» — две 37 м/м. пушки, 6 пулеметов и 10 винтовок; «Орлик» — одна 75 м/м. и одна 37 м/м. пушки, 6 пулеметов и 12 винтовок; «Енисей» — четыре пулемета и 6 винтовок; парох. «Заметный» — 4 пулемета и 10 винтовок; баржи с военным грузом «Тоболка» и № 2 — по 4 пулемета и по 10 винтовок; баржа «Пур» — 1 пулемет и 12 винтовок; на транспортной флотилии: пар. «Волга» — 4 пулемета и 10 винтовок и на каждом из остальных пароходов по 10 винтовок. Экспедиция следовала в таком порядке: пар. «Енисей», разведчик, шел на полсуток впереди, головным шел пароход «Мария» с начальником экспедиции и штабом экспедиции, за которым следовали пар. «Заметный» с баржами военного груза и офицерским отрядом и вооруженным охранным солдатским отрядом, транспортная флотилия из 6 пароходов и 17 барж и прикрывавшее тыл экспедиции арьергардное судно «Орлик». Экспедицию объявил на военном положении.

Закончив все приготовления к плаванию и всю организацию, в 4 часа утра, 24 сентября, снялись с якоря и пошли всем караваном дальше. Вскоре встретили пароход «Храбрый», шедший в мое распоряжение. На «Храбрый» переданы были все офицеры и пассажиры, страдавшие от холода и недостаточной приспособленности на барже «Алей». В Пуйко взяли дрова и 26 сентября «Марией», «Орликом» и «Енисеем» пришли в Обдорск, а остальной караван был послан вперед грузиться дровами. В Обдорске стояли: пар. «Гражданин», «Пермяк» и целый ряд рыбопромышленных судов, ожидавших экспедицию, чтобы быть двинутыми по пути к Тобольску.

В Обдорске мы получили из частных источников успокоительные слухи, что движение большевиков вперед остановлено. Потребовал к себе агентов Плотникова и Корнилова и приказал им собрать весь рыбопромышленный караван и подымать его к устью Иртыша. Дал им предписания на это, а также и пароходу «Волна» Фофанова, оставшемуся ниже Обдорска. Ввиду разыгравшихся непомерных и преступных аппетитов этих господ в определении фрахта и сведения личных счетов между своими конкурентами по рыбным промыслам, гибели предприятий которых они цинично радовались, я указал в предписаниях, что за неисполнение моих распоряжений они будут отданы под военно-полевой суд, карающий виновных смертной казнью. В Обдорске оставили баржу с 20 тыс. пуд. муки и 24 тыс. пуд. зерновой пшеницы, 50 пудов керосина для освещения правительственных учреждений и училища, а частью и для жителей. Ввиду тревожного состоя-

ния Обдорска оставлено 30 винтовок и 8 ящиков патронов. В пулеметах я отказал.

В начинающемся рассвете 27 сентября боевым отрядом я вышел из Обдорска, выслав вперед разведчика «Енисей». Ввиду начавшейся паники среди команд коммерческих судов и частных пассажиров и распускания панических слухов объявил приказом, что виновные будут предаваться военно-полевому суду и беспощадно наказываться за это. Сообщение между судами категорически воспретил...

1 октября, в 4 ч. утра, мы боевым отрядом и военным грузом двинулись из Березова вверх по Оби, оставив транспортный караван под охраной вооруженных сил генерал-майора Грузевича-Нечай, снабдив его инструкциями на всевозможные случаи. Идя спешно, безостановочно и в темное время ночи, мы благополучно достигли с. Кондинского вечером 2 октября.

4 октября около 14½ час. подошли к устью Иртыша и, оставив тут караван военного груза под охраной «Орлика», «Марией» и «Енисеем» вошли в Самаровское, где встретили вооруженный пароход «Сарт» и отряд вооруженных и бронированных катеров боевой флотилии. В Самаровском было получено распоряжение начальника штаба верховного главнокомандующего — экспедицией следовать в Томск. Вечером в Самаровское пришел сверху сильный буксирный пароход «Добрыня», Богословского горного округа, чтобы поднять до Тобольска две баржи, стоявшие в Самаровском. Узнавши от командира парохода «Добрыня» и начальника дивизиона боевых катеров, что в Тобольске много буксирных пароходов, могущих заменить «Добрыню», я срочно телеграфировал о том уполномоченному военных сообщений ставки — Рындену и начальнику бригады полковнику Бардзиловскому о необходимости взять «Добрыню» в состав вверенной мне экспедиции и срочно выслать его навстречу отставшему транспортному каравану экспедиции, а выслать взамен «Добрыни» другой пароход. «Добрыня» сильно увеличит скорость движения каравана и избавит его от заморозков в пути и даст возможность важный в политическом отношении груз доставить до Томска и Ново-Николаевска...

Оставался в Самаровском по 6 октября, ожидая ответа на посланную телеграмму. До утра 6 октября я ответа не получил и, не считая себя вправе еще дольше ждать, дал предписание командиру парохода «Добрыня» — срочно следовать вниз, взяв на буксир баржу с дровами, навстречу транспортному каравану и, встретившись, поступить в распоряжение генерала Грузевича-Нечай, которому с «Добрыней» послал предписание — не останавливаться у устья Иртыша и, не заходя в Самаровское,— срочно следовать в Томск.

В 8 час. утра двинулись из Самаровского, а около 12 час. боевым отрядом и транспортом военного груза благополучно прошли устье Иртыша, направляясь на Сургут и Томск.

Так миновали самое трудное и опасное для нас устье Иртыша, что составляло нашу заветную мечту с самого начала нашего движения от б. Находка.

В 15 час. 8 октября пришли в Сургут, где оставили 57 пудов керосина и получили телеграмму о проходе устья Иртыша нашей транспортной флотилией. Помощь «Добрыни» сказалась — караван идет быстро и не замерзает в плесе, дойдя до места назначения. За ночь, нагрузившись дровами, запаслись провизией и в 6½ час. утра 9 октября вышли из Сургута, а 15 августа пришли в Колпашево.

Все время пути офицеры и солдаты несли усиленный караул по охране экспедиции, не подпускали к судам шлюпок, а при встрече с пароходами отдавался приказ о боевой готовности, так как были слухи, что в пути мы можем столкнуться с злоумышленниками.

К истории революции 1830 г. в Бельгии

25 августа 1830 г. в Брюсселе вспыхнуло национальное восстание бельгийцев против чужеземного, голландского господства, установленного над Бельгией в 1814 г. после того, как она, вследствие падения наполеоновской империи, освободилась от французского господства, под которым находилась с 1795 года. Присоединение Бельгии к Голландии было проведено по решению Венского конгресса, принятому по инициативе английского правительства, которое видело в этом лучшее средство помешать Франции вновь овладеть Бельгией и тем самым снова занять один из важнейших подступов к Англии на континенте Европы. Голландия, усиленная присоединением Бельгии, насчитывавшей тогда 4 млн. жителей (вдвое больше чем в Голландии), должна была, по мысли английского правительства, служить барьером против Франции и плацдармом для нападения на нее войск Четверного союза (Англия, Австрия, Пруссия и Россия) в случае новой войны с нею.

Революция 1830 г., начавшаяся брюссельским восстанием 25 августа, привела к вооруженной борьбе с голландскими войсками, завершившейся отделением Бельгии от Голландии и образованием самостоятельного Бельгийского королевства, независимость которого была, после долгих дипломатических переговоров, признана «великими державами».

Вопреки утверждениям европейских реакционеров, бельгийская революция не была простым откликом на революцию во Франции, происшедшую 27—29 июля 1830 г., хотя французские события в огромной степени ускорили взрыв революции в Бельгии. Насильственно присоединенная к Голландии, Бельгия в течение 16 лет подвергалась со стороны последней жестокому гнету — национальному, политическому, экономическому и религиозному. Член бельгийского временного правительства 1830 г. демократ Поттер дал яркую характеристику этого гнета в своей речи на открытии Национального конгресса в Брюсселе (10 ноября 1830 г.[1]).

Борьба бельгийского народа за самостоятельное национальное существование особенно усилилась с 1828 г., когда обе оппозиционные партии Бельгии — либеральная и католическая — слились в единый «союз» для борьбы против короля Нидерландов Вильгельма I и его реакционного, резко враждебного бельгийцам министра Ван-Маанена. Голландское правительство сурово преследовало бельгийских националистов. Так, например, упомянутый выше Поттер, один из главных руководителей левого, демократического крыла либеральной партии, был в 1828 г. приговорен к большому денежному штрафу и к тюремному заключению на 1½ года за статью, содержавшую нападки на правительство. Этот приговор вызвал сильное недовольство в либеральных кругах бельгийского общества. Защищавший Поттера и его единомышленника Тильманса видный политический деятель Жандебьен говорил на суде: «Да, наши национальные, материальные и нравственные интересы нарушаются ежедневно, на наши деньги проводятся на севере каналы, на наши деньги строятся на севере новые дороги и на наши

[1] См. ниже, стр. 241.

деньги содержится огромная бюрократия, нужная не нам, а северянам. И после этого ставят в вину господам Поттеру и Тильмансу, что они желают отдельного административного управления для Бельгии. Разве в этом желании есть что либо беззаконное, запрещенное моралью и каким-либо кодексом?»[1]

Экономическая политика голландского правительства в Бельгии (тяжелая пошлина на каменный уголь, двойной акциз на пиво, высокие налоги на убойный скот, муку и мясо) задевала интересы широких слоев ее населения, как городского, так и сельского. Промышленная буржуазия бельгийских областей тщетно добивалась такой же свободы торговли, какою пользовалась, в ущерб Бельгии, Голландия.

Введение (в 1822 году) голландского языка в качестве обязательного для всех официальных и судебных документов восстановило против правительства бельгийских адвокатов, пользовавшихся обычно французским языком. Издание сурового закона о печати возбудило сильное недовольство среди журналистов и владельцев типографий, которые по новому закону должны были нести — наряду с редакторами и издателями газет — ответственность перед судом за содержание инкриминируемых статей.

Наконец, правительство своей политикой оттолкнуло от себя и клерикалов. Закрытие ряда монастырей, лишение многих религиозных конгрегаций права преподавания, смещение епископов, заподозренных в антиправительственной агитации, репрессии против ряда органов клерикальной печати — все это усиливало недовольство католических кругов Бельгии королем протестантом и протестантским правительством Гааги. Бельгийские либералы требовали свободы слова и печати, бельгийские католики свободы совести и преподавания. Общая вражда к голландскому правительству привела к тому, что обе оппозиционные партии Бельгии, несмотря на все разногласия, существовавшие между ними, объединились, как уже сказано, для совместной борьбы с ним. «В один прекрасный день,— пишет один историк (Гемелли),— католические журналы выступили в защиту либерализма, а либеральные газеты стали отстаивать католические интересы, и правительство Вильгельма I потеряло голову от этой неожиданной перемены ролей»[2].

По предложению Поттера сторонники либерально-католической «унии» стали подавать королю петицию с требованием свободы слова, печати, преподавания и т. п. За девять дней — с 20 по 28 ноября 1828 г.— было подано 70 тысяч таких петиций, подписанных представителями самых различных слоев бельгийского населения. Король Вильгельм резко выступил против этого движения и назвал поведение приверженцев «унии» гнусным. Возбуждение в бельгийских областях, вызванное этим заявлением короля, усилилось еще более, когда в декабре 1827 г. появилось королевское послание Книжной палате, содержавшее угрозы по адресу оппозиционной прессы и католического духовенства Бельгии и отказ от введения ответственности министров перед парламентом.

Бельгийская печать встретила крайне враждебно этот документ. «Королевское послание,— писала газета,— есть манифест деспотизма против свободы. Бельгийцы! довольно молчать, станем на защиту свободы печати, потому что с ее потерей потеряна и надежда на освобождение отечества от чужестранцев»[3]. В таком же духе высказывались и другие газеты.

К концу 1829 г. общественное недовольство зашло так далеко, что проявилось даже в парламенте, который 55 голосами против 52 отверг бюджет, так что правительству пришлось удовольствоваться временным бюджетом. «Я убежден, что ход дел в этой стране прямым путем ведет к анархии, чтобы не сказать — к революции»,— писал в феврале 1830 г. поверенный в делах Дании в Гааге. С своей стороны, английский посол находил, что у короля Вильгельма нет другого способа предупредить взрыв, как упорядочить финансы, создать от-

[1] С. Г. Лозинский, История Бельгии и Голландии в новое время, стр. 126.
[2] Там же, стр. 123.
[3] Там же, стр. 125.

ветственное министерство, а главное установить «полное равновесие» в политических правах и в экономической жизни между Голландией и Бельгией. «Если ваше превосходительство спросит меня,— откровенно заявлял один голландский чиновник в письме к Ван-Маанену,— в каком классе населения правительство еще насчитывает сторонников, я буду вынужден ответить, что ни в каком» [1].

В том же направлении действовал и свирепствовавший в этот момент в Голландии острый торгово-промышленный кризис, революционизировавший рабочее население больших городов, среди которого имелась масса голодающих безработных. Число нищих составляло во всем королевстве 700 тысяч человек (свыше 11% населения), а в одной только бельгийской провинции Брабант — 23% ее населения.

При таких обстоятельствах достаточно было одного толчка, чтобы произошел взрыв. Толчком этим явилась революция во Франции. «Первое же известие о революционных событиях в Париже подействовало здесь как электрический удар»,— писал 20 августа 1830 г. брюссельский корреспондент одной немецкой консервативной газеты [2].

24 августа, когда столица Бельгии должна была праздновать день рождения короля Вильгельма, на стенах города появились воззвания, которые заканчивались словами: «В понедельник — иллюминация, во вторник — фейерверк, в среду — революция». 25 августа в Брюсселе вспыхнуло восстание под лозунгом отделения Бельгии от Голландии.

Испуганные народным движением брюссельские либералы потребовали немедленно отставки Ван-Маанена, установления ответственности министров, равномерного распределения государственных должностей между бельгийцами и голландцами и созыва Генеральных штатов для обсуждения бельгийских требований.

Бельгийские события вызвали сочувственные отклики в Париже, откуда в восставшую Бельгию направлялась помощь — деньгами, оружием, людьми. Возникшее в Париже 30 июля «Общество друзей народа» прислало в Бельгию целый батальон добровольцев.

Голландское правительство отказалось удовлетворить требования восставших бельгийцев и решило силою оружия подавить движение. Против Брюсселя были двинуты войска под начальством принца Фридриха, второго сына короля Вильгельма. Это привело 20 сентября к новому восстанию в бельгийской столице, которая покрылась баррикадами и приготовилась дать отпор врагу. Трехдневный бой между брюссельскими инсургентами, которыми руководил французский генерал Мелline, и голландскими войсками, закончился 26 сентября отступлением голландцев, потерявших несколько тысяч человек убитыми и ранеными.

Эта победа отозвалась по всей Бельгии, которая с большим единодушием выступила на поддержку столицы. В Брюсселе образовалось временное правительство, в состав которого вошли шесть политических деятелей, принадлежавших — одни к умеренному крылу либеральной партии, другие к католической партии; в составе правительства был и один республиканец — Поттер. 4 октября временное правительство провозгласило независимость Бельгии и объявило о созыве Национального конгресса. Конгресс, заседания которого открылись 10 ноября, принял решение о низложении короля Вильгельма и всего Оранского дома и о превращении Бельгии в самостоятельное государство с конституционно-монархической формой правления. Временно, до избрания короля, регентом (правителем) королевства был выбран председатель конгресса барон Сюрле де-Шокье, крупный помещик, принадлежавший к умеренному крылу либералов.

Бельгийская революция и последовавшая за нею вооруженная борьба между Бельгией и Голландией привлекли внимание других европейских держав. С осени 1830 г. и до конца 1831 г. бельгийско-голландский конфликт стал одним из центральных вопросов европейской дипломатии. Географическое положе-

---

[1] H. Pirenne, Histoire de la Belgique, t. VI, p. 366—368, Bruxelles, 1926.
[2] «Allgemeine Zeitung» (Augsburg) 29 August 1830, Beilage zu № 241.

ние Бельгии (ее близость и к Франции, и к Германии, и к Англии) делало ее территорией, где скрещивались и сталкивались противоречивые интересы «великих держав» Западной Европы. С другой стороны, отделение Бельгии от Голландии в результате революционного восстания означало новый удар по венским трактатам 1815 г., по всему зданию европейской реакции, по всей системе Священного союза, уже сильно подорванной такими событиями как освобождение Греции от турецкого господства и свержение монархии Бурбонов во Франции. Вслед за Францией и Бельгия оказалась теперь под угрозой иностранной интервенции.

Правительство Луи-Филиппа, верное провозглашенному им «принципу невмешательства» во внутренние дела других государств, оставалось совершенно чуждым бельгийской революции. Однако, в глазах европейских монархов, членов Священного союза, оно оказывалось ответственным за бельгийские события.

Военная тревога, нависшая над Европой после июльской революции, еще более усилилась. В правящих кругах России снова стали слышаться угрозы по адресу Франции.

3 октября (21 сентября по ст. стилю) граф И. И. Дибич, все еще находившийся в Берлине, куда он был послан Николаем I для переговоров по вопросу о совместных действиях России и Пруссии против Франции, отправил в Петербург большой доклад по вопросу о военных мероприятиях на случай европейской войны, которую он считал почти неизбежной. Делая правительство Луи-Филиппа ответственным за бельгийскую революцию и подозревая его в намерении присоединить Бельгию к Франции, фельдмаршал рекомендовал, в качестве предупредительной меры против французского вмешательства, занятие бельгийских крепостей частью прусскими, частью английскими войсками.

В сентябре — октябре 1830 г. в Берлине при руководящем участии русского уполномоченного был выработан план военной интервенции в Бельгию и во Францию, который предусматривал совместные действия вооруженных сил трех крупнейших военных монархий Европы — России, Австрии и Пруссии, поддержанных войсками Германского союза.

Несмотря на то, что Николай I и его военный министр граф Чернышев вполне разделяли планы Дибича, вооруженное выступление против бельгийской революции не состоялось, главным образом, по обстоятельствам внешнего порядка.

Наметившееся после июльской революции сближение между Англией и Францией и сочувственное отношение английского общественного мнения к освободительной борьбе бельгийского народа принудили герцога Веллингтона занять позицию, враждебную планам интервенции против Бельгии, и предложить другим державам созыв конференции для урегулирования бельгийских дел. Конференция эта открылась в Лондоне 4 ноября. Кабинет вига Грея, пришедший вскоре (16 ноября) на смену торийскому кабинету Веллингтона, еще более решительно выступил против всякой помощи голландскому королю.

Антиинтервенционистская позиция Англии оказала сдерживающее влияние на поведение других европейских держав, в частности Пруссии. Еще большее влияние оказало на них заявление французского правительства, что оно не допустит чьей-либо интервенции против Бельгии. «Иностранные правительства глубоко ошибаются, полагая, что мы могли бы когда-либо согласиться на их попытку вооруженной силой снова подчинить Бельгию господству Оранского дома»,— писал министр иностранных дел граф Моле новому французскому послу в Берлине барону Мортье [1].

Политику Моле в бельгийском вопросе продолжал его преемник — Себастиани. Но правительство, однако, не было намерено оказать поддержку освободительным движениям в других странах, как того требовала французская демократия. «Мы хотели,— разъяснял Себастиани в письме к Талейрану от 2 декабря смысл лозунга невмешательства,— противопоставить его противоположному принципу, санкционированному Священным союзом, но, как и всякий дру-

[1] Noailles, Le comte Molé, sa vie—ses mémoires, Paris, 1925, p. 144—146.

гой принцип, он имеет свои границы, и, понятно, мы не хотели поощрить им народы к тому, чтобы они свергали свои правительства в расчете на поддержку нашего оружия... Но в бельгийских делах речь идет о нашей собственной безопасности; мы не можем допустить, чтобы туда вступили войска какой-либо иностранной державы» [1].

С того момента как прусское правительство убедилось в том, что интервенция против Бельгии приведет Пруссию к войне с Францией, и что Англия поддерживает последнюю, оно отказалось от всякой помощи голландскому королю. Австрийский император, ссылаясь на «географическое положение» своей монархии, отвечал, что может оказать голландцам только «моральную поддержку». Слабость австрийской армии и необходимость держать сильные гарнизоны в верхней Италии, где национально-освободительное движение получило после июльской революции новый импульс, исключали всякое участие монархии Габсбургов в войне против Бельгии, а стало быть и Франции. Но, отказываясь осенью 1830 г. от поддержки короля Нидерландов, венское правительство отнюдь не отказывалось в принципе от интервенционистской политики. «Император никогда не признает принципа невмешательства перед лицом активной революционной пропаганды,— писал Меттерних 21 октября дипломатическому представителю Австрии в Лондоне, князю Эстергази,— его императорское величество признает за собой не только право, но и обязанность оказывать всем законным властям, подвергшимся нападению общего врага (т. е. революционеров — *А. М.*) все виды помощи, которые допустят обстоятельства» [2]. Ратуя за всемерное укрепление Священного союза, этого «единственного — по его словам — якоря спасения, который еще остается у Европы» [3], высказываясь за тесный союз «трех великих контингентов держав», за объединение «их военных сил» и скорейшее приведение их «в состояние боевой готовности», австрийский канцлер, оговаривался, что этот союз, при наличии стольких угрожаемых пунктов не должен ввязываться в такое безнадежное дело, как вмешательство в бельгийские дела.

Такой ответ получил в Вене чрезвычайный уполномоченный русского императора генерал-адъютант граф А. Ф. Орлов перед своим отъездом из австрийской столицы, состоявшимся 9 декабря.

20 декабря 1830 г. конференция представителей пяти великих держав — Англии, Австрии, Пруссии, Франции и России — признала независимость Бельгии. Последняя превратилась в буржуазную монархию с цензовой конституцией; либеральная буржуазия, стоявшая во главе революции 1830 г., не допустила установления в Бельгии республиканского строя.

Было несколько кандидатов на королевский престол. Часть членов Национального конгресса высказывалась в пользу принца Оранского («оранжисты»). Сторонники французской ориентации стояли за герцога Немурского, второго сына Луи-Филиппа; против этой кандидатуры решительно возражала Англия. Некоторые члены конгресса выдвигали герцога Лейхтенбергского, сына принца Евгения Богарнэ (пасынка Наполеона), но против этой кандидатуры выступало французское правительство, не желавшее создания у границы Франции очага бонапартизма.

3 февраля 1831 г. конгресс большинством голосов выбрал королем Бельгии герцога Немурского. Но Луи-Филипп, под нажимом Англии, отказался дать ему разрешение принять бельгийскую корону и заявил депутатам конгресса, что «пример Людовика XIV и Наполеона должен служить предостережением против губительной попытки создавать троны для своих сыновей».

4 июня королем Бельгии был выбран немецкий принц Леопольд Саксен-Кобургский, ставленник Англии. Против этой кандидатуры голосовало 43 депу-

---

[1] Guichen, La révolution de Juillet 1830 et l'Europe, p. 271—272.

[2] Metternich, prince de, Mémoires, documents et écrits divers, t. V, p. 44, № 976.

[3] Ibidem, p. 51, № 979.

тата; 14 из них подали свой голос за регента, Сюрле де-Шокье, как «национального кандидата», кандидата, «не навязанного Священным союзом».

Король Леопольд согласился принять условия мирного договора с Голландией, выработанные Лондонской конференцией (так называемые «18 пунктов»). Согласно этим условиям, на Бельгию возлагалась уплата части государственных долгов Нидерландского королевства и она отказывалась от притязаний на Люксембург и часть провинции Лимбург. Обсуждение этих условий в Национальном конгрессе сопровождалось резкими выпадами против Лондонской конференции. Ораторы оппозиции отвергали вмешательство Европы в бельгийские дела и оспаривали у конференции право определять границы Бельгии. «Бельгия,— заявил, обращаясь к министрам, депутат де-Брукер,— существует раньше нас, раньше самого конгресса. Народное восстание, природа, история, народная воля создали Бельгию, и вы не можете дробить ее по своему усмотрению».

9 июля, большинством 126 голосов против 70, конгресс принял «18 пунктов» Лондонской конференции. Но король Вильгельм отказался принять их и 2 августа двинул свои войска против Бельгии. В столкновении с голландскими войсками бельгийцы были разбиты, но им на помощь пришла французская армия под начальством маршала Жерара, принудившая голландцев к отступлению. На этом военные действия, продолжавшиеся десять дней, прекратились. Новые мирные условия («24 пункта»), выработанные Лондонской конференцией, оказались более тяжелыми для Бельгии, чем первоначальные. Побежденная Бельгия должна была согласиться на введение в пользу Голландии налога на судоходство по Шельде и на ежегодную уплату Голландии 8,4 млн. флоринов в виде процента к своему участию в нидерландском государственном долге.

15 ноября 1831 г. в Лондоне был подписан окончательный трактат между пятью державами и Бельгией, признавший независимость бельгийского королевства и его вечный нейтралитет и определявший границы Бельгии с Голландией. Король Вильгельм отказался, однако, признать этот договор и удерживал за собой Антверпен. Французским войскам пришлось вторично вмешаться в бельгийско-голландскую войну. После месячной осады (ноябрь — декабрь 1832 г.), поддержанной действиями английского флота, Антверпен был взят французскими войсками и передан Бельгии. Но лишь в 1838 г. король Нидерландов согласился признать ее независимость.

Остается добавить, что европейская дипломатия и ее представители, заседавшие на Лондонской конференции, готовили Бельгии, героически боровшейся за свою национальную независимость, участь Польши. Талейран, назначенный после июльской революции французским послом в Лондоне, поддерживал выдвинутый правительством Луи-Филиппа проект раздела Бельгии между Францией, Пруссией и Голландией с объявлением Антверпена порто-франко (последнее — для успокоения Англии) [1].

Английское правительство, в лице министра иностранных дел Пальмерстона, решительно выступило против этого проекта, в котором оно усматривало существенное нарушение британских интересов [2]. Пальмерстон выказал себя ярым противником планов французской экспансии и расширения французской территории за счет Люксембурга или хотя бы только некоторых частей Бельгии (крепостей Ландау, Бульон, Мариенбург и Филиппвиль с прилегающими к ним областями). Характерно также, что в августе 1831 г., когда армия маршала Жерара находилась в Бельгии, Пальмерстон потребовал и добился немедленной эвакуации французских войск, грозя Франции европейской войной в случае невыполнения этого требования.

Так выглядела на деле англо-французская «дружба» начала 1830-х годов, о которой с таким пафосом декламировали политические деятели обеих стран. С течением времени вся непрочность этой антанты должна была обнаружиться

[1] G. Lacour-Gayet, Talleyrand, t. III, p. 267. Paris, 1932.

[2] Еще Питт-младший, ставший во главе английского правительства в 1783—1801 гг. и в 1804—1806 гг., говорил, что Бельгия в руках французов — это пистолет, направленный в сердце Англии.

еще более очевидным образом, что не мешало, однако, французскому правительству цепляться за Англию. «Хотя может быть и верно,— говорил в 1835 г. французский посол в Вене граф Сент-Олер австрийскому канцлеру,— что лорд Пальмерстон любит подставлять нам ножку, он тем не менее наш друг, и нужно, чтобы он оставался таковым для нашего блага и для блага Европы». «Вы правы,— отвечал Меттерних,— но смотрите, будьте осторожны: нет ничего полезнее союза человека с лошадью, но нужно быть человеком, а не лошадью».

* * *

Печатаемые ниже материалы представляют собой русский перевод неизданных документов, хранящихся (во французском подлиннике) в Архиве внешней политики СССР — в фонде бывшего министерства иностранных дел. Подготовлены к печати и прокомментированы М. И. Рыбаковой. Документы эти принадлежат деловой переписке канцелярии министра иностранных дел (они хранятся под шифрами К-42, К-43, К-74, К-205, К-206, К-207) и относятся к периоду август 1830 г.— февраль 1831 г. Они имеют тот двойной исторический интерес, что, с одной стороны, освещают события бельгийской революции, а с другой стороны, характеризуют интриги европейской дипломатии в бельгийско-голландском конфликте. И по тому, и по другому вопросу эти документы дают если не новые факты, то все же ряд новых данных, представляющих несомненный интерес для историка.

Так, например, мы находим здесь новый материал, иллюстрирующий полную непричастность правительства июльской монархии к революционным событиям в Бельгии. «Франция, по крайней мере правительство и установленные власти, непричастны к беспорядкам; нет никаких оснований полагать, что это восстание вызвано каким-либо заговором в Париже»,— категорически заявляет нидерландский министр иностранных дел барон Верстольк де-Солен в депеше от 31 (19) августа 1830 г. Он добавляет, что по имеющимся у него точным сведениям «бельгийские мятежники несколько раз обращались за помощью к гражданским и военным властям Северного департамента, но каждый раз наталкивались на отказ». Как явствует из другого печатаемого здесь документа (депеши, адресованной 29 (17) августа нидерландскому министру иностранных дел), аналогичную позицию занимал в этом вопросе командующий французскими войсками в Лилле генерал-лейтенант Корбино, получивший на этот счет соответствующие указания из Парижа.

Но если французское правительство непричастно к бельгийским событиям, то значит ли это, что они не инспирированы из Парижа, что они не являются делом рук французов? Секретарь русского посольства в Гааге князь Голицын убежден в противном. «Теперь уже нет сомнений,— пишет он князю Ливену 7 сентября (26 августа),— в том, что толчок был дан из Парижа не французским правительством, но той же якобинской партией, которая только что произвела революцию во Франции... Де-Поттер, бельгийский Лафайетт, при помощи некоторых своих французских единомышленников, придерживающихся тех же принципов, что и он, сумел ловко использовать возбуждение умов, чтобы вызвать взрыв, только что происшедший в Брюсселе...»

Голицын не отрицает того, что ненависть к голландскому господству обусловила взрыв восстания, но решающую роль он отводит подстрекательству извне. Полемизировать против этой легенды об «иностранных заговорщиках», к которой всегда и всюду прибегает реакция для объяснения причин революции,— не к чему. Абсурдность подобных утверждений ясна и так. Стоит ли также доказывать, что и Лафайетт, и бельгийский демократ Поттер были, как небо от земли, далеки от якобинизма!

Столь же враждебно относился к бельгийской революции русский посланник в Нидерландах граф Н. Гурьев, депеши которого вице-канцлеру графу Нессельроде составляют основную массу печатаемых здесь документов. «Сумасбродные и преступные элементы», «сборище иностранцев и негодяев», «толпы бандитов» — таковы эпитеты, которыми царский дипломат наделяет восставших

бельгийцев и их руководителей. В полном согласии с Голицыным, Гурьев утверждает, что Бельгия «оказалась жертвой заговора, составленного во Франции». Мы уже говорили о том, чего стоят эти утверждения. Но в донесениях Гурьева попадаются иногда и верные суждения. Так, например, он правильно отмечает активную роль народных масс в революционных событиях в Бельгии, что, впрочем, не мешает ему объяснять эти события происками «маленькой кучки преступников», терроризующей умеренные слои населения.

Наряду с депешами Гурьева другим основным источником информации русского правительства о бельгийских делах были письма нидерландского поверенного в делах в России О'Сюлливан де-Грасса графу Нессельроде. Тон этих писем — тот же, что и депеш русского посла в Гааге.

Ни малейшего интереса все эти рассуждения, упрощающие и искажающие действительное положение дел в Бельгии осенью 1830 г., конечно, не имеют. Зато большой интерес представляют документы, освещающие политику «великих держав» Европы в бельгийско-голландском конфликте.

Среди публикуемых нами документов имеется письмо нидерландского короля Николаю I от 2 октября 1830 г., содержащее просьбу о военной помощи России против восставших бельгийцев. Свою просьбу король Вильгельм мотивирует тем, что это восстание задевает интересы «всей Европы». Касаясь вопроса о том, что вмешательство иностранных держав может привести к войне с Францией, король заявляет, что победа революции в Бельгии «явится не менее серьезной опасностью», нежели возможная война с Францией. Он выражает надежду, что присутствие союзных войск на территории Нидерландов можно будет согласовать с сохранением общего мира.

В тот момент, когда голландский король писал это письмо, в правящих кругах Гааги еще имелась некоторая надежда на то, что удастся сохранить Бельгию за Голландией, не прибегая к иностранному вмешательству. Надежда эта основывалась на существовании в Бельгии партии «оранжистов», которая хотела, чтобы королем Бельгии стал принц Оранский, старший сын короля Нидерландов. Принц Оранский горячо поддерживал этот проект, осуществление которого должно было, по его расчетам, фактически свести на-нет отделение Бельгии от Голландии, сделать это отделение призрачным. Любопытно в этом смысле приводимое ниже письмо принца к отцу от 10 декабря из Антверпена, куда он отправился, чтобы поддержать своих сторонников. Письмо это показывает, как сильно преувеличивал принц свою популярность в Бельгии.

Из других публикуемых ниже документов отметим еще депешу Гурьева от 24 (12) ноября, в которой русский посол в Гааге с большим удовлетворением констатирует умеренно-либеральный характер бельгийского Национального конгресса и неудачу, постигшую демократов, добившихся провозглашения республики. Победа монархического принципа в Бельгии являлась некоторым утешением для европейских реакционеров, не желавших примириться с революционным происхождением нового государства.

Особое место среди публикуемых ниже документов занимает текст речи, произнесенной членом бельгийского временного правительства Поттером при открытии Национального конгресса. Этот документ не может считаться неизданным, но на русском языке полностью он появляется тут впервые. То же следует сказать и о собственноручных заметках Николая I по поводу политических событий 1830 года. Заметки эти напечатаны — во французском подлиннике — в документальных приложениях к известной книге Н. К. Шильдера о Николае I[1]. Мы публикуем здесь этот документ не столько потому, что он до сих пор не был издан в русском переводе, сколько потому, что он хорошо характеризует легитимистскую принципиальность Николая I, защитника контрреволюционных традиций Священного союза, и проливает яркий свет на подлинные мотивы политики царизма в бельгийско-голландском конфликте начала тридцатых годов.

Проф. *А. Молок*

[1] Н. К. Шильдер, Николай I, т. II, стр. 563—565.

Письмо лица, заслуживающего доверия нидерландскому министру иностранных дел барону Верстольк де Сёлен, 29 (17) августа 1830 г. *

Командующий Северной дивизией, генерал-лейтенант Корбино, высказал мне свои сожаления по поводу событий в Брюсселе [1] и свои опасения, что у его величества короля Нидерландов [2] может возникнуть мысль, что французское правительство причастно к мятежному движению; он меня уверял, что король Франции [3] и его министры огорчены этими событиями, и при этом сообщил мне только что полученную им телеграфную депешу, составленную в следующих выражениях: «Я вам приказываю оставаться совершенно в стороне от бельгийских событий и не допускать какой бы то ни было связи с виновниками этих беспорядков. Правительство не желает вмешиваться ни в какие дела других государств».

Я счел нужным, милостивейший государь, сказать г-ну генерал-лейтенанту, что его величество имеет очень большой политический опыт, который позволит ему правильно избрать ту линию поведения, которой надлежит придерживаться французскому правительству. Я его поблагодарил за это конфиденциальное сообщение, уверив его, что немедленно поставлю в известность ваше превосходительство. Он не раз уже говорил мне, что французское правительство желает сохранить наилучшие взаимоотношения с нидерландским королем, пользующимся заслуженным уважением в Европе.

Г-н генерал-лейтенант конфиденциально сообщил мне, что к нему являлись уполномоченные бельгийских мятежников и что он отказался иметь с ними дело, выразив им свое порицание и заявив им, что они не найдут ни одного честного француза, который согласился бы принять участие в их мятежном проекте. Я высказал свое мнение о преступных заговорщиках, недостойно чествуемых в Париже, и дал г-ну генерал-лейтенанту правильное представление об этих бунтовщиках.

Депеша нидерландского министра иностранных дел барона Верстольк де Сёлен русскому министерству иностранных дел, 31 (19) августа 1830 г. **

За последние дни положение вещей в южных [4] провинциях не ухудшилось. В Брюсселе гарнизон попрежнему расположен перед дворцами короля и принцев [5], а гражданская гвардия занимает другие части города и охраняет их от грабителей и поджигателей. Значительные вооруженные силы двигаются из северных [6] провинций к Антверпену и Маастрихту. Принц Оранский и принц Фридрих находятся в Антверпене. Перед их прибытием гражданская гвардия вынуждена была открыть огонь против напавшей на нее толпы. В результате этого столкновения двое или трое из толпы были убиты, а несколько человек ранено. После этого в Антверпене установилось полное спокойствие Крепость находится в оборонительном состоянии. В Брюгге мятежники сожгли дом г-на Санделина ***, члена генеральных штатов, но порядок в городе был восстановлен. В Генте, несмотря на некоторое возбуждение в народе, порядок также поддерживался. Так же обстоит дело в Монсе и Намюре. В Маастрихте — полное спокойствие. В Люттихе — сильное брожение; однако организовавшаяся там гражданская гвардия поддерживает спокойствие; создана комиссия, в состав которой входят

---

* К—205.

** Там же.

*** Г-н Санделин, упомянутый в этой депеше, является председателем суда в Брюгге и был избран в нижнюю палату на предпоследних выборах на место г-на Мюленера, оппозиционного кандидата (Прим. в подлиннике).

члены оппозиционной партии. В равнинных местностях спокойно. В Вервье спокойствие, повидимому, еще не восстановлено. В Лувене сформирована также гражданская гвардия. В этом городе так же как и в Брюсселе носят городские или брабантские цвета. Две комиссии, одна из Брюсселя, а другая из Люттиха, находятся в Гааге; они направлены в качестве депутатов к королю. Вполне можно надеяться, что войска, посланные из Антверпена в Брюссель, смогут беспрепятственно занять город.

Франция, по крайней мере правительство и установленные власти, не причастна к беспорядкам; нет никаких оснований полагать, что это восстание вызвано каким-либо заговором в Париже. По поступившим ко мне донесениям, Поттер [7] пытался что-то предпринять в этом направлении, и я точно знаю, что бельгийские мятежники несколько раз обращались за помощью к гражданским и военным властям Северного департамента, но каждый раз наталкивались на отказ.

Верстольк де-Сёлен.

Депеша секретаря русского посольства в Нидерландах Голицына русскому послу в Лондоне Ливену, 7 сентября (26 августа) 1830 г.*

Князь!

События, разыгрывающиеся в Бельгии, с каждым днем приобретают все более серьезный характер. Мятежный дух не только проник почти во все южные провинции, но даже перешел через прусские границы; серьезные беспорядки имели место в Аахене и в Кельне. К счастью, прусское правительство энергичными мерами сумело подавить зло в самом зародыше.

Требования мятежников возрастают, вследствие мягкости и снисходительности, которые были проявлены к ним. Перед вступлением его высочества принца Оранского в Брюссель мятежники через особую депутацию просили у короля удовлетворения своих жалоб, из которых некоторые были даже справедливы,— теперь они этим уже не ограничиваются. Для разработки необходимых мер по восстановлению порядка и спокойствия принцем создана комиссия, которая, как выразительница желаний подавляющего большинства жителей, настаивает на полном отделении южных провинций от северных, не допуская никакой связи между ними, кроме царствующей династии. Члены Генеральных [8] штатов, находящиеся в настоящее время в Брюсселе, открыто заявляют, что они не явятся на сессию в Гаагу и что разделение обоих частей неизбежно.

Таким образом, чтобы выполнить требования жителей Брюсселя, пришлось бы полностью ниспровергнуть строй, на котором основывается деятельность и сила правительства, пришлось бы изменить основной закон, пришлось бы создать две совершенно отдельных администрации, которые не будучи руководимы одной и той же властью, в конце концов привели бы королевство к крушению и распаду.

Теперь уже нет сомнений в том, что толчок был дан из Парижа не французским правительством, но той же якобинской партией, которая только что произвела революцию во Франции,— революцию, свидетелями которой мы еще являемся. Это якобинская партия старается вызвать беспорядки и в Бельгии. Де Поттер, бельгийский Лафайет [9], при помощи некоторых своих французских единомышленников, придерживающихся тех же принципов, что и он, сумел ловко использовать возбуждение умов, чтобы вызвать взрыв, только что происшедший в

* К—43.

Брюсселе. Он нашел сильных приверженцев среди мирных деревенских жителей, обработанных и злобно настроенных духовенством, среди некоторых оппозиционных членов Генеральных штатов, увлеченных наиболее крайними либеральными идеями, наконец, среди высшего дворянства, одна часть которого послушна только голосу снедающей его ненависти к голландцам, а другая — желанию играть роль среди восставшего народа. Руководителями этой партии являются редакторы «Вестника Нидерландов и Бельгии». Это по большей части французы, изгнанные из своей родины при последнем правительстве[10] за свои убеждения и принципы; к ним присоединилось несколько исповедающих те-же принципы бельгийцев.

Теперь, когда толчек уже дан, когда все мятежные страсти разнузданы, никакой голос благоразумия, никакая речь примирения не в силах более заставить себя слушать. Общее мнение сводится к тому, что правительство должно выбрать одно из двух: либо обращаться с восставшими провинциями, как с мятежными и подавить их силою оружия, либо отозвать все войска, всю администрацию и ждать, пока восстание исчерпает, так сказать, себя среди беспорядка и анархии.

Голицын.

Письмо нидерландского министра иностранных дел барона Верстольк де Сёлен нидерландскому поверенному О'Сюлливан де Грасс, 7 сентября (26 августа) 1830 г.*

Честь имею переслать вам прокламацию на двух языках, с которой король, в связи с переживаемыми тяжелыми обстоятельствами, обратился к нидерландскому народу. По поручению его величества прошу вас ознакомить с ней графа Нессельроде. Потрудитесь в личной по этому поводу беседе изложить его превосходительству следующее: слияние Бельгии и старых объединенных провинций в одно государство и полное их единство, предусмотренное восемью пунктами приложения к ст. 8 договора от 31 мая 1815 года, казалось, в принципе вполне соответствовало интересам Европы и всех нидерландских провинций: действительно, деятельность учреждений, регулирующих это объединение, приводила в первые годы к удовлетворительным результатам. Тем не менее партии, которые впоследствии образовались в южных провинциях и возникновение которых с точностью трудно установить, не считались с возрастающим благосостоянием этих провинций и не хотели учесть постоянного стремления правительства идти в ногу с веком и не давать повода к справедливым жалобам; напротив, они постоянно разжигали страсти, приостанавливая или препятствуя тому сближению двух великих частей королевства, которое удалось осуществить вопреки различию во взглядах и нравах жителей.

Можно считать, что последние события во Франции послужили если не причиной, то поводом как к восстанию, охватившему Брюссель, Льеж и некоторые другие местности, расположенные в провинциях Южного Брабанта и Люттиха, так и к всеобщему возбуждению в соседних провинциях. Каков бы ни был действительный характер событий, тем не менее серьезность положения не допускает применения обыкновенных мер.

При данном положении вещей, повидимому, придется решиться на пересмотр и существенные изменения основного закона и ослабить некоторые узы, связывающие в настоящее время нидерландские провинции.

---

* К—205.

Так как пожелания каждой из них до сих пор в точности еще неизвестны, то было бы рисковано заранее высказаться относительно принципов, которыми следует руководствоваться в этой работе.

Впрочем, каково бы ни было решение, на котором остановятся правительство и народные представители, вероятно, придется во всяком случае коснуться содержания вышеупомянутых восьми пунктов. Но так как в этом отношении король связан договорами, то его величество желал бы обеспечить себе на всякий случай предварительное согласие четырех держав, подписавших [11] эти статьи. Он желает также, чтобы находящиеся при нем представители держав были облечены доверием и снабжены полномочиями для согласования, если потребуется, с нидерландским правительством нужных изменения восьми пунктов и для санкционирования надлежащих мероприятий; это позволит нам избегнуть промедлений, которые, вследствие быстрого развития событий, могут стать опасными.

Исходя из этих соображений, его величество уполномочил меня просить вас, милостивый государь, прочесть это письмо его превосходительству графу Нессельроде и выразить пожелание нашего двора, чтобы русский посланник или поверенный в делах уже теперь и в возможно более короткий срок получил полномочия на открытие, в случае надобности, вместе с миссиями остальных трех держав, подписавших упомянутые восемь пунктов, конференции в Гааге для обсуждения тех пунктов, изменение которых может потребоваться.

Не предугадывая, какое влияние окажет подобное изменение в нашем публичном праве на внутреннее благополучие нидерландских провинций, можно не сомневаться, что все четыре державы, подписавшие восемь пунктов, сойдутся в мнениях, что нидерландские провинции, хотя и менее тесно связанные, но удовлетворенные и спокойные, более будут соответствовать интересам Европы, чем оставшиеся подчиненными принципу строгого единства, но волнующиеся и считающие свою национальную индивидуальность ущемленной.

Нет надобности добавлять, что подобные конференции и соглашения, к которым они придут, никоим образом не могут быть названы интервенцией и следовательно не внушат недоверия Франции, миссия которой может быть также при случае допущена на конференции.

Прошу вас соблаговолить возможно скорее известить меня, как принял эти соображения двор, при котором вы состоите, и согласен ли дать соответствующие инструкции своему посольству в Гааге.

Такое же сообщение я отправлю нашим миссиям при остальных дворах, подписавших вышеупомянутые восемь пунктов.

Верстольк де Сёлен.

Депеша секретаря русского посольства в Нидерландах Голицына русскому послу в Лондоне Ливену, 9 сентября (28 августа) 1830 г.*

Князь!

Бельгийское министерство, постоянно проявляющее величайшую сдержанность в сношениях с дипломатическим корпусом, до сих пор не сочло нужным сделать ему какие бы то ни было сообщения о событиях в Бельгии. О демарше, который нидерландское правительство только что предприняло перед четырьми державами, в связи с распадением королевства на две части, я узнал только косвенным путем. Депеша, отправленная бароном Верстольк представителям короля в Санкт Петербурге, Вене, Берлине и Лондоне, была однако передана

* К—43.

генералу Валюзе, который немедленно переслал ее с курьером своему правительству.

Впечатление, которое произвела в Брюсселе прокламация, приложенная к моему докладу, не было единодушным. В то время, как здравомыслящая часть населения приветствовала твердое, примирительное и конституционное выступление короля, вожди революционной партии и подстрекаемые ею низшие классы народа приняли ее неблагосклонно.

Главари мятежных партий хотят, чтобы отделение было ясно произнесено. Опасение, что законные шаги, предпринимаемые в данном случае правительством, могут склонить в пользу последнего настроение подавляющей массы народа, утомленной настоящим положением вещей, заставляют главарей желать, чтоб прокламация вовсе не была опубликована. В связи с этим слышатся угрозы по адресу городского управления. Принцу Фридриху, находившемуся еще в Вильверде, через особую депутацию была послана просьба употребить всю власть и не допустить обнародования прокламации. Так как принц отказался выполнить эту просьбу, а «Газета Нидерландов» тем временем напечатала прокламацию, то они оказались вынужденными не препятствовать более ее обнародованию.

Несколько членов нижней палаты, находящихся в Брюсселе, обратились с воззванием к своим южным коллегам, предлагая им собраться в столице и, следовательно, не отправляться на чрезвычайную сессию Генеральных штатов, которая должна открыться в Гааге 13-го числа этого месяца. Полагают, однако, что за исключением депутатов Южного Брабанта и провинции Люттиха, почти все остальные соберутся в этой резиденции и собрание будет достаточно многочисленным для совещания. Граф де Селл, бывший посланник в Риме, является, повидимому, главным и наиболее влиятельным вождем революционной партии.

Город Амстердам через депутацию, составленную из наиболее почетных жителей этой столицы, упрашивал короля не противиться разделению королевства на две части, так как это разделение столь же желательно голландцам, как и жителям юга. Выражая его величеству это пожелание, они руководились скорее действительными интересами страны, чем слепою ненавистью. Голландия, отделившись от Бельгии, откроет свои порты для всякого рода иностранной мануфактуры и нанесет этим смертельный удар промышленности, которая за последнее время делала такие быстрые успехи в обеих Фландриях, в Брабанте и в провинции Люттиха.

Главная квартира принца Фридриха находится в данное время в Антверпене. В этом городе сосредотачиваются все войска, направляемые в Брюссель. Отныне на Антверпен надо будет смотреть, как на оплот, который должен будет защищать провинции, еще не тронутые революционной заразой.

Голицын.

Депеша русского посланника в Нидерландах Гурьева министру иностранных дел Нессельроде, 23 (11) сентября 1830 г.*

Граф!

Вернувшись в Гаагу, я спешу вновь схватить нить событий, происходящих в Бельгии, и в то же время информировать вас, ваше пре-

* К—42.

восходительство, о решениях, принятых правительством для ликвидации серьезных беспорядков, потрясающих эту страну.

Восстание сосредоточено в трех городах: Брюсселе, Люттихе и Лувене. В Брюсселе царит полная анархия. Созданный там клуб ввел террор при помощи вооруженного населения и угроз грабежа. Гражданская гвардия, которая до сих пор заставляла себя уважать, теперь частично разоружена народом. Утверждая, что его предали, народ после этого бросился на ратушу и, разрушив склад оранжевых кокард, предался крайним эксцессам. В Люттихе буржуазия также с трудом сдерживает народ, который, пользуясь оплошностью и слабостью гарнизона, захватил форт Шартрез на правом берегу Маас. Но господствующая над городом крепость занята королевскими войсками и находится в полной безопасности от покушений со стороны восставших. Лувен полон баррикад и им деспотически управляет какой то студент-юрист, провозгласивший себя диктатором.

Центром восстания является Брюссель, и туда именно правительство направляет теперь свое внимание и свои силы. Количество королевских войск, которыми сейчас располагает Бельгия, исчисляется приблизительно в 50 тысяч человек; из них половину составляют гарнизоны крепостей. Вторая половина войск разделена на два армейских корпуса, из которых один имеет точкой опоры крепость Антверпен, а другой крепость Маастрихт, двигается под командой принца Фридриха на Брюссель. Его высочество перед своим вступлением в город должен обнародовать прилагаемую прокламацию [12] и он надеется, что она внушит спасительный страх виновным и создаст ему поддержку со стороны тех жителей, которые стонут под тяжестью удручающих их бесчисленных бедствий. Дух армии, повидимому, до сих пор хорош, хотя она перенесла самое сильное испытание, какому могла быть подвергнута, а именно трехнедельному бездействию среди гражданских беспорядков; причем настроение солдат не кажется сильно подавленным и дезертирство не произвело большого опустошения в их рядах.

Позиция, занятая правительством, весьма выгодна, так как оно опирается на свое право. Опираясь на основной закон, оно отклонило требования мятежников и этим привлекло на свою сторону Генеральные штаты, проявляющие умеренные настроения.

Выдвинутая необузданными страстями, неосуществимая на практике мысль о полном разделении двух великих частей королевства теряет постепенно своих сторонников, по мере того, как рассудок одерживает верх. Политический характер, который старались придать восстанию некоторые мятежники из дворян и адвокатов, к счастью, изменил свой вид. Эти лица остались позади и должны были отстраниться. Восстание обрело свое первоначальное значение народного бунта, возникшего вследствие заразительного примера и вследствие иностранного влияния, бунта, руководимого сумасбродными и преступными элементами, имеющимися в стране.

Если к мудрости, руководившей действиями правительства в этих тяжелых обстоятельствах, оно прибавит еще энергичные меры, то имеется полная надежда, что порядок и спокойствие будут вскоре восстановлены; таким образом были бы предотвращены неисчислимые последствия, которые могут произойти от малейшего ошибочного мероприятия, от проявленной слабости, колебания и был бы дан спасительный пример правительствам, которым грозят те же опасности, а, может быть, и всеобщая война с Европой, правда, пока еще отдаленная.

Гурьев.

Депеша русского посланника в Нидерландах Гурьева министру иностранных дел г. Нессельроде, 24 (12) сентября 1830 г.*

Граф!

Тороплюсь воспользоваться проездом курьера, перевозящего императорскому министерству почту из Лондона, чтобы передать вашему превосходительству полученные нами известия о первых операциях принца Фридриха против города Брюсселя. Так как прокламация его королевского высочества воздействия не оказала, то он отдал приказ войскам, состоящим приблизительно из 12 тысяч человек, выступить по мехельнской дороге, между тем как принц Саксен-Веймарский со своим армейским корпусом сделает диверсию в направлении на Гент. 21 и 22-го передовые отряды армии его королевского высочества отбросили в город отряд инсургентов, занимавший наблюдательный пост. Атака города началась вчера утром через ворота Шарбек. Было оказано сильное сопротивление. Войска, пробиваясь по Королевской улице под градом пуль, летевших на них из домов, овладели верхней частью города вплоть до Королевской площади. Адъютант короля, прибывший из Брюсселя полчаса тому назад, сообщает, что принц продолжает занимать уже захваченную часть города, но встречает большие препятствия к дальнейшему продвижению. Вчера в девять часов вечера, в момент отъезда этого адъютанта, к его королевскому высочеству явились парламентеры с просьбой прекратить огонь и пощадить город. Принц ответил, что для этого они должны предварительно покориться. Войска храбры и верны. Город покинут своим подлинным населением и обороняется сборищем иностранцев и негодяев, находившимися в окрестностях. Таинственная рука обильно снабжает их деньгами. Надеются, однако, что они сдадутся из-за недостатка продовольствия и снаряжения.

Среди раненых называют генерал-квартирмейстера Констана и командира авангарда Шурманса. Среди убитых один артиллерийский штаб-офицер.

Н. Гурьев.

Депеша русского посланника в Нидерландах Гурьева министру иностранных дел гр. Нессельроде, 28 (16) сентября 1830 г.**

Граф!

Барон д'Ивуа, маршал двора принца Фридриха, и генерал-квартирмейстер барон Констан, получивший ранение руки, один за другим прибыли в Гаагу с тем, чтобы, по поручению его королевского высочества, дать отчет его величеству о ходе военных операций против города Брюсселя. Сделанный ими доклад далеко не успокоителен и правильно отмечает неуверенность в исходе борьбы, продолжающейся с трудно вообразимым ожесточением.

Большинство брюссельского населения остается нейтральным в происходящей борьбе и думает только о своем собственном спасении и о сохранении своего имущества. Некоторые местные экзальтированные граждане, а также большое количество жителей Люттиха и французов захватили в свои руки оборону города, решившись, повидимому, похоронить себя под его развалинами. Толпы бандитов, приветствуя свободу и испуская крики ненависти к голландцам, предаются грабежам и резне под руководством иностранных главарей. Среди последних называют бывшего эмигранта бонапартиста, французского генерала Мел-

* К—42.
** Там же.

лине и испанского ван-Галена, служившего в России, известного по опубликованным им мемуарам. Целые дома превращены в развалины для того, чтобы воздвигнуть уличные баррикады. Те из них, которые расположены в кварталах, подвергающихся атакам, так зазубрены и продырявлены, что образуют крепости с внутренними переходами. Несколько раз королевские войска ходили на приступ, но только что покинутые дома вновь наполнялись стрелками. Не имея возможности сохранять далее свое преимущественное положение и желая избегнуть бесполезных потерь людьми, принц вынужден был принять решение очистить занятую им первоначально позицию. В распоряжении армии оставалась еще половина парка, где она окопалась, а также трое ворот: Намурские, Лувенские и Сарбукские. Бельгийские и голландские войска дерутся одинаково горячо, ни в чем не уступая ожесточению своих противников. Но всякая армия становится бессильной против города, защищаемого подобными средствами; для овладения им остается еще сомнительное средство — поджечь. В настоящий момент положение настолько серьезно, что, может быть, уже не остается такой крайности, к которой не следовало бы прибегнуть.

Как бы ни была кровопролитна возникшая борьба и каковы бы ни были ее последствия, военная демонстрация против Брюсселя стала необходимой. Правительство не могло долее оставлять свои войска в бездействии, не подвергая дезорганизаторским влияниям и разложению, а восстание с своей стороны только окрепло бы и распространилось.

Теперь уже ясно, что восстание вызвано и поддерживается революционной партией во Франции, которая стремится к тому, чтобы, овладев Бельгией, ввергнуть государство во всеобщий беспорядок. Агенты этой партии открыто вербуют в Париже бельгийцев, подкупая их сражаться в Брюсселе в рядах бунтовщиков. Правительство, которое допускает подобные действия, свидетельствует этим или свою причастность или свое бессилие, рискуя навлечь на себя ответственность за вызванные им бедствия.

Только что, заканчивая свою депешу, я узнал, что из Мехельна и Антверпена посланы подкрепления в Брюссель и что принц Фридрих решил держаться на сохранившейся у него в городе позиции. Деревня еще спокойна и восстание еще не сделало там заметных успехов.

Н. Гурьев.

Депеша русского посланника в Нидерландах Гурьева министру иностранных дел г. Нессельроде, 28 (16) сентября 1830 г.*

Граф!

События развиваются с ужасающей быстротой. Правительство получило вчера вечером, но скрыло до сегодняшнего утра, сообщение о том, что 26-го в полдень восставшие сделали общую вылазку и бросились из нижней части города на войска, расположенные в парке и занявшие позиции в королевском дворце и во дворце Генеральных штатов. Войска были сначала оттеснены, но затем перешли в наступление и огнем артиллерии произвели огромное опустошение в рядах нападавших; но так как оба дворца были подожжены, то удержать за собой позицию в городе, вдоль Герцогской улицы, стало невозможным. Созванный принцем Фридрихом военный совет признал отступление необходимым, поэтому и был отдан соответствующий приказ. В величайшем порядке войска отступили до Дигема, откуда его королевское вы-

* К—42.

сочество и послал свой последний рапорт. Дух войска продолжает быть превосходным; потеря людьми исчисляется приблизительно в 500 человек и в 25 офицеров, по большей части раненых.

В данный момент положение резко изменилось, говорят уже не о том, чтобы продолжать кампанию, а о том, чтобы принять быстрые меры к спасению, если это еще возможно, угрожаемых крепостей. Хотя крепости обеспечены от внезапного нападения, но они недостаточно защищены и недостаточно снабжены, в особенности продовольствием, для того, чтобы устоять против угрожающих им нападений как изнутри, так равным образом и извне. Рассчитывают, что принц Фридрих быстро решится послать отряды для укрепления важнейших крепостей. Вот размеры гарнизонов некоторых из этих крепостей: Монс насчитывает 2000 человек, Намюр — 3000, Антверпен — 1500, Люттих — 2000, в Люксембурге находится 3500 пруссаков.

Поведение генерала Валюзе с полным основанием возбуждает серьезнейшие подозрения. В продолжение осады он не покидал города. Банды французов ежедневно переходят границы, направляясь на указанный им сборный пункт в Брюсселе. Бельгия перестала бороться за свое дело. Она оказалась жертвой заговора, составленного во Франции и осуществляемого с крайней дерзостью и бесстыдством при содействии особо благоприятных обстоятельств. Ни один уважаемый бельгиец не причастен к восстанию. Последние события превзошли всякие ожидания. Ни дворянство, ни духовенство уже не в состоянии обуздать страсти. Торговля и промышленность находятся под угрозой неизбежного разорения. Люди всех стран, которым нечего терять и которых оплачивают бесчестные вожаки, решили навлечь поток бедствий на несчастную Бельгию, еще недавно столь счастливую и процветавшую, а также и на Европу.

Н. Гурьев.

Р. С. Прибывший адъютант короля сообщает, что Мехельн охвачен восстанием. Ему едва удалось вырваться от инсургентов, которые хотели задержать его. Принц Фридрих отступает на Маастрихт, чтобы укрепить и оказать помощь крепости Люттиха. Третьего дня настроение жителей Антверпена стало ухудшаться. Генерал Шассе выражает опасение, что он не сможет справиться с ними, если гарнизон не будет усилен.

Н. Гурьев.

Р. С. Сегодня утром, в связи с ужасными известиями, полученными правительством, Государственный совет был созван на совещание о мероприятиях, необходимых при настоящих тяжелых обстоятельствах. Было решено направить четырем дворам сообщение, излагающее историю событий в Бельгии, поведение правительства и его бессилие выполнить обязательства, возложенные на него договорами. Поэтому правительство просит державы рассмотреть то положение, в котором оно оказалось, решить, не наступит ли момент casus foederis[13] союза. Оно доверяется их мудрости в отношении мероприятий, которые они сочтут возможным предпринять, чтобы восстановить порядок и повиновение в восставших провинциях и поддержать гарантированное договорами существование королевства. Таковы основные положения документа, редактирование которого будет закончено только завтра, после чего он будет подвергнут обсуждению Совета.

Н. Гурьев.

Депеша русского посланника в Нидерландах Гурьева министру иностранных дел гр. Нессельроде, (30) (18) сентября 1830 г.*

Граф!

Моим последним донесением я сообщил вашему превосходительству, что принц Фридрих занял позицию в деревне Дигхеме, расположенной между Лувеном и Вильвердем, и собирается отступить на Маастрихт для оказания помощи люттихской крепости. Полученные им затем сведения о враждебных настроениях в Мехельне и о брожении умов в Антверпене, повидимому, заставили его изменить план и расположиться перед Антверпеном, на дороге в Мехельн.

Отступление королевских войск из Брюсселя послужило сигналом к новым волнениям в других местностях, до сих пор сдерживаемым усилиями властей и преданностью некоторых хороших граждан. Брюгге восстал и заставил свой гарнизон, в составе 1100 человек, покинуть город и укрыться в Остенде. Самому же Остенде, согласно донесению английского консула, ежеминутно угрожает восстание простонародия. Остенде не в состоянии обороняться, и войска будут вынуждены броситься в Ньюпорт, находящийся на военном положении и снабженный продовольствием. Не меньше тревоги внушает и мануфактурный город Гент, фабриканты которого скоро будут не в состоянии предоставить работу своим рабочим.

В дни атаки Брюсселя, 24 и 25 сентября, там во время анархии образовалось нечто в роде временного правительства в составе г-на Эмануила Гугворста, проживающего в Люттихе французского адвоката г-на Рожье и бывшего бельгийского офицера в отставке г-на Жолли.

В то же время г-н ван-Гален выпустил прокламацию, в которой он заявляет, что, будучи предан делу Бельгии, он в качестве свободного испанца, взял на себя командование вооруженными силами. Согласно утренним сообщениям г-н де-Поттер совершил свой въезд в Брюссель при шумных приветствиях народа.

Находящийся в настоящее время в Гааге проездом из Лондона в С.-Петербург граф Болеслав Потоцкий любезно согласился отложить, по моей просьбе, на несколько дней свой отъезд, чтоб захватить с собой почту для императорского министерства, а также переписку их королевского и императорского высочеств.

Н. Гурьев.

Депеша русского посланника в Нидерландах Гурьева министру иностранных дел гр. Нессельроде, 2 октября (20 сентября) 1830 г.**

Граф!

Король и совет одобрили вчера редакцию документа, который его величество решил послать четырем державам с уведомлением их о критическом положении королевства и с просьбой о немедленной помощи. Документ этот должен быть направлен завтра утром одновременно в Лондон, Вену, Берлин и С. Петербург. Чтобы не проявить неуважения к Франции, как к одной из сторон, участвовавших в венских договорах, и чтобы не дать ей ни малейшего повода для подозрений и упреков, гаагский кабинет намерен послать этой державе ту же декларацию, только в форме простого извещения. В то же время представителям короля при остальных кабинетах будет поручено прочесть им особый документ, в котором нидерландское правительство изложит известные ему факты об участии в бельгийских беспорядках

* К—42.
** Там же.

революционеров Франции. Этот образ действия признан наиболее подходящим для согласования всех мер предосторожности, которые благоразумие должно было подсказать в столь тяжелых и щекотливых обстоятельствах.

Вопрос о поддержании всеобщего спокойствия целиком зависит от лойальности французского правительства и от имеющихся у него средств приостановить движение, невольно, повидимому, его захватывающее. Ему следует бороться с одной стороны против народного стремления к завоеванию естественных границ, а с другой стороны против заговора, подготовляющего ниспровержение государственного порядка в Европе. Нидерландский кабинет питает еще некоторую надежду, что откровенная и в то же время энергичная декларация держав о мотивах мероприятий, которые они сочтут нужным предпринять в связи с его демаршем, укрепит правительство Луи Филиппа поддержкой влиятельной части нации, желающей сохранения мира, оказав в то же время благотворное действие и на Бельгию.

Захваченное врасплох быстротой событий правительство Нидерландов приняло посильные меры, чтобы в первый момент обеспечить оборону крепостей и подготовить имеющиеся в его распоряжении силы. Король, верный взятым на себя обязательствам, окружил себя законными органами своего народа и в согласии с ними принял решения, соответствующие выраженным ему пожеланиям. Все меры правосудия, убеждения и силы, которые были до сих пор применены, чтобы успокоить заблуждение умов, которые крамола старается возбудить, всячески внушая ненависть и национальное соперничество, оказались бесплодными.

При таком положении вещей правительство считает себя бессильным прекратить восстание своими силами. Оно взывает поэтому к державам, чтобы они спасли, если еще есть время, свое создание и подавили заразу революционных учений в одном из ее наиболее грозных очагов.

Н. Гурьев.

Письмо короля Нидерландов Вильгельма императору Николаю I, 2 октября (20 сентября) 1830 г.*

Брат мой!

Ваше императорское величество узнает от своего посольства в Гааге о восстании, вспыхнувшем во многих частях Бельгии. Мне очень тяжело быть вынужденным заявить вам, что смута далеко еще не достигла своего предела и, несмотря на предпринятые от моего имени примирительные и энергичные меры для восстановления спокойствия, размеры бедствия сделали мои усилия бесплодными. При этом положении вещей, плачевном как с точки зрения ущерба, наносимого благосостоянию моих верноподданных, так и в виду осложнений, угрожающих спокойствию Европы, мое посольство в С.-Петербурге будет иметь честь представить министерству иностранных дел вашего императорского величества отчет о положении Бельгии, в котором я счел своею обязанностью просить у моих союзников военного содействия. Льщу себя надеждой, что вашему императорскому величеству угодно будет благосклонно принять это сообщение, а также мою просьбу и не отказать во внимании, вызываемом силою обстоятельств, повидимому, требующих весьма быстрых мероприятий. Я думаю, что не заблуждаюсь, полагая, что вопрос, о котором идет речь, касается не только моих собственных владений, но и всей Европы. Если я совершенно не скрываю от себя тех трудностей, которые, принимая во внимание Францию,

* К—207.

может создать военное содействие, то и ваше императорское величество, смею думать, разделит, вероятно, мое мнение, что предоставленное самому себе восстание в моем королевстве явится не менее серьезной опасностью, что оно парализует назначение Нидерландов в европейской системе и что присутствие союзных войск на территории Нидерландов можно будет согласовать с сохранением общего мира.

Пользуюсь этих случаем просить ваше императорское величество принять выражение неизменной дружбы и величайшего уважения, с которым пребываю, брат мой, вашего императорского величества добрый брат.

Вильгельм.

Письмо нидерландского поверенного в делах в России О'Сюлливан де Грасс министру иностранных дел Нессельроде, 2 октября (20 сентября) 1830 г. *

Граф!

Пользуясь разрешением, которое вашему превосходительству было угодно мне дать, посылаю вам письмо, адресованное г-ну барону Верстольк де Сёлен. Прошу вас принять мою глубокую благодарность за любезность, с которой вам было угодно взять на себя отправку этого письма.

Полученные мною вчера из Гааги частные письма полностью подтверждают, граф, все то, что ваше превосходительство соблаговолили рассказать мне о благих намерениях, одушевляющих депутатов южных провинций. Вот что пишет мне 16 сентября г-н де Гэккерн:

«Поведение принца Оранского все еще выше всяких похвал; своею храбростью и преданностью он спас город Брюссель от неизбежного разрушения и сумел сохранить Бельгию для династии. Нельзя в достаточной степени оценить то, что он сделал. Депутаты одушевлены благими намерениями и мы начинаем надеяться на скорое восстановление лучшего положения дел. Наиболее пылкие признают, что зашли слишком далеко, и в настоящее время довольно любопытно наблюдать, как южане отвергают полное отделение, между тем как северяне громогласно требуют его».

Мой отец в своем письме от 18 сентября пишет то же самое и добавляет, что депутаты, которые вначале хотели собраться в Брюсселе и образовать там временное правительство, в настоящее время всячески извиняются, ссылаясь на то тяжелое положение, в которое их поставили «ярые», старавшиеся довести их до того, чтобы и они себя скомпрометировали.

Мне сообщают также, что Брюссель находится в полной анархии. Гражданская гвардия, вначале созванная для прекращения грабежей, остается вооруженной и, вопреки мнению огромного большинства, становится совершенно враждебной. Организованы приготовления к обороне; начальники секций собирают горожан и назначают комиссаров, чтобы давать предписания в комитете главного штаба гражданской гвардии. Этот комитет состоит из вожаков, которые увлекают начальника Гугворста дальше, чем он хотел бы, но ни он, ни его сторонники не смеют отступить. Ораторы, часто совершенно чуждые городу, пугают хороших и робких, возбуждают дурных и глупых, а последних не мало.

Депутаты секций собираются, чтобы контролировать выступления членов Генеральных штатов; они составили на открытом заседании адрес с указанием их обязанностей. Этот адрес был доставлен в Гаагу

* К—205.

двумя молодыми людьми без имени и положения, прибывшими 17-го; повидавшись с г-м Сюке и с некоторыми депутатами, они уехали.

Вожаки собираются учредить клуб для публичного обсуждения интересов юга. А пока лавки закрыты, ничего не продают, коммерческие дела стоят, векселя поступают в протест; рабочий прохаживается, кричит, поет, угрожает, пьет и ест за счет города; ходят из дома в дом, требуя добровольных пожертвований в пользу защитников свободы.

Хорошие граждане дрожат и молчат, а национальные агитаторы вместе с темными личностями — французами, присланными партиями, стремящимися к беспорядкам, овладели общественным настроением, командуют разным сбродом и всеми силами подготовляют разорение страны.

Таково печальное состояние Брюсселя. Люттих и Лувен в таком же положении. Монс, Намюр и почти все маленькие города следуют примеру столицы; пытаются взволновать деревню и демократизировать солдат. Каждый день ждут ужасных потрясений, если виновники не будут остановлены в их дерзком движении благонамеренными людьми, пребывающими до сих пор в бездействии из-за страха перед простонародием, а также из-за опасений, что, если успокоятся умы, ничего не будет сделано для удовлетворения неудовольствий.

Как ни тяжело мне, граф, рисовать столь удручающую картину моей родины, я не мог устоять перед желанием сообщить вашему превосходительству основанные на фактах сведения, знакомство с которыми вы могли бы признать полезным.

Спешу воспользоваться случаем, чтобы повторить вашему превосходительству уверения в глубочайшем уважении, с которым имею честь и т. д.

А. О'Сюливан де Грасс.

Депеша русского посланника в Нидерландах Гурьева министру иностранных дел Нессельроде, 5 октября (23 сентября) 1830 г.*

Граф!

В момент, когда гр. Болеслав Потоцкий, соблаговоливший принять на себя передачу настоящего отправления, уже собирался пуститься в путь, его высочество, принц Оранский, выразил желание, чтобы я задержал графа, пока его королевское высочество сможет дополнить сообщения, предназначенные им для передачи его императорскому величеству, сведениями о намеченных королем новых мерах для умиротворения восставших провинций.

Затем принц оказал мне честь, пригласив меня к себе и объявив мне о своем назначении генерал-губернатором бельгийских провинций и о своем отъезде в Антверпен, который он избрал своею временной резиденцией. Его величество снабдило его королевское высочество широчайшими полномочиями, предоставив ему действовать в зависимости от обстоятельств, в пределах прав, которыми обладает сам король. При нем будет состоять совет в составе обер-гофмейстера, герцога д'Юрселя, министра внутренних дел, г-на де ла Коста, министра колоний, г-на ван-Гольбельштрау, и семи статских советников,— все они урожденные бельгийцы. Чтобы заручиться содействием и хорошим расположением духовенства, принц пожелал, чтоб его сопровождал папский посланник при нидерландском дворе, г-н Капачини.

Если бы оказалось возможным устранить на время все преступные влияния и страсти, которые руководят восставшим населением, и побудить его подлинные чувства и интересы действовать против горяч-

* К—42.

ки, которая должна же, наконец, пройти,— то несомненно можно было бы надеяться на полнейший успех этого мероприятия.

Принц явится к бельгийцам со всепрощением в одной руке, с удовлетворением всех жалоб и претензий в другой. Он им приносит то разделение провинций, которое он им обещал не как необдуманную уступку, какую король без нарушения своей присяги и своих политических обязательств и не мог даровать, а как зрелый дар, сделанный с сохранением законных и конституционных форм. Когда решениям правительства предшествует натиск событий, то успех первых часто оказывается подорванным. Как бы сомнителен ни был исход только что принятой меры, он все-таки принесет ту пользу, что этим будут использованы все пути к примирению их в глазах Европы, а также части бельгийской нации, будет оправдано обращение к иностранной интервенции. Являясь от имени короля миролюбивым посредником, принц предлагает тем, кто желает восстановления порядка, путь к объединению. Он рассчитывает обрести опору в среде дворянства и духовенства, существование которых, так же как и трон находится под угрозой.

Трудно, однако, скрыть от себя, что без интервенции дело Нидерландов, равно как и интересы всей Европы, будут подвергнуты величайшим опасностям. Авторитет короля уже не действует за пределами, отделяющими северные провинции от южных, и передового поста — Антверпена. Через несколько дней вся линия европейских укрепленных городов, за исключением некоторых крепостей, окажется во власти мятежников и, следовательно, в распоряжении Франции. Даже линия, расположенная между Антверпеном и Маастрихтом, не может быть удержана средствами одной Голландии. Бельгийская армия распущена, а находящиеся за Мосдиком самое большое пятнадцать тысяч голландцев предназначены для борьбы против прекрасно снабженного бельгийского всеобщего ополчения, которое немедленно по окончании своего формирования начнет наступление.

Допуская, что сожаление нового французского правительства по поводу неуместного возникновения беспорядков в Бельгии искренно, тем не менее является неопровержимым, что открыто ведущаяся в Париже пропаганда мятежников фактически является явным враждебным актом по отношению к нидерландскому правительству и подготовляет для Франции возможность без боя захватить ключ к Европе.

Гаагский кабинет больше всякой другой державы боится осложнений с Францией, которые могут быть вызваны требуемой интервенцией. Для предотвращения этих осложнений гаагский кабинет не отвергает мысль допустить Францию к участию в поддержании порядка вещей, гарантированного ею вместе с ее союзниками. Чтобы не подвергать опасности мир, гаагский кабинет счел необходимым воздержаться от принятия на себя инициативы в этом требующем осторожности вопросе, мудрого решения которого он ожидает от заинтересованных дворов, главным образом, от лондонского.

Н. Гурьев.

Письмо принца Вильгельма Оранского королю Нидерландов, 10 октября (28 сентября) 1830 г. *

Мой дорогой отец!

Созыв в Гааге Генеральных штатов имел, к несчастью, те последствия, которые я вам предсказывал: члены южных провинций, опираясь на ст. 97 и 98 основного закона, не явились и собираются провоз-

* К—206.

гласить, что считают его нарушенным вашим актом. Они, вероятно, сорганизуются и пожелают под каким-нибудь титулом вручить мне верховную власть. Временное правительство желает добиться той же цели другими средствами. Гент хочет того же самого, а Люттих, повидимому, тоже стремится к той же цели, что и Антверпен. Таким образом, имеется, кажется, значительное большинство, желающее одного и того же. По мнению всех, как туземцев, так и иностранцев, ожесточение против голландцев в Брюсселе, а под влиянием последнего и в других провинциях, достигло высшего предела. По этому вопросу будет интересно выслушать английского поверенного в делах, г-на Картрайта, который находится здесь третий день и сегодня же отправляется в Гаагу к своему посланнику. Это ожесточение является следствием покушения на Брюссель, где наши солдаты совершили некоторые, почти неизбежные в подобных случаях эксцессы, как например, грабежи и насилия, а может быть и самовольные убийства невинных, как например, детей. Подобные явления, неизбежные при таком наступлении и сопротивлении, каким было брюссельское, послужили могучим рычагом в руках партии, чтобы восстановить умы против вас, мой отец, против Фритца, одним словом, против Оранского дома, ибо против меня было возбуждение так же, как и против всех остальных членов семьи; по отношению ко мне настроение изменилось только с моим приездом сюда. Этот факт в числе других подтвердил мне и г-н Картрайт, указав, что в Брюсселе имеются три преобладающие партии: французская, республиканская и оранжистская. Французская партия стоит за герцога Немурского. Теперь уверяют, что г-н Лафит прислал денег для агитации за своего зятя князя Московского, сына Нея. Республиканская партия хочет федеративную республику, а оранская желает из нашей фамилии только меня.

Таковы факты. Возникает теперь вопрос: что делать? Постараюсь обосновать вам мою точку зрения. Решение наиболее легкое и наиболее соответствующее моим желаниям и моему сердцу заключается в том, чтобы сесть на фрегат и возвратиться к вам в Гаагу. Что однако из этого произойдет? В Антверпене начнется тогда восстание, ибо, по словам всех, моральное успокоение наступило, благодаря лишь моему присутствию здесь. Генеральные штаты соберутся на конгресс г-на де Поттера и провозгласят низложение всей Оранской фамилии. Тогда, наверное, наступит гражданская война, может быть, европейская, и театром действия станет Бельгия. В этом случае провинции либо окажутся навсегда потерянными для нашей фамилии, либо будут нам возвращены лишь после пролития потоков крови и опустошения их иноземными армиями. Теперь я верю и особенно надеюсь, что мне удастся избегнуть столь печальных бедствий следующим образом, а именно, поощряя всех, кто стоит за мою особу, и сделав самого себя, если смогу, центром, в котором сосредоточились бы все взгляды и все идеи. Вы, конечно, должны согласиться, что в моем поведении нет и следа честолюбия, так как я не могу в данный момент подняться выше того, чем я стал теперь. Но необходимо избегнуть ужасного несчастья, могущего в то же время потрясти всю Европу, ибо революция продвигается здесь гигантскими шагами и глубоко внедрилась в умах под видом нежелания оставаться под верховной властью Голландии. Вот слово, возбуждающее все головы, как молодых, так и стариков. Поэтому я прошу вашего молчаливого разрешения мне — не сопротивляться ходу событий и при случае воспользоваться подходящим моментом для захвата власти в этих провинциях любым образом. Овладение мною властью было бы равносильно тому, как если бы эта власть была у вас. Ибо не забудьте, что я остаюсь и навсегда останусь вашим преданным сыном, что у нас с вами одни и те же интересы и

что я никогда не забуду, что я являюсь наследником короны Нидерландского королевства, хотя может случиться, что я окажусь вынужденным совершить поступки, как будто я позабыл об этом; произойти это может лишь в крайнем случае, если не будет иных средств вновь овладеть тем, что мы потеряли. В настоящем письме ставится крупный вопрос и по-моему он имеет европейское значение. Если я овладею властью, мир будет сохранен; если я этого не сделаю, европейская война неминуема. Настоящее письмо вам передаст ничего не знающий относительно его содержания Крукенберг. Соблаговолите отослать его обратно ко мне, как только это окажется возможным. Прилагаю при сем протоколы различных заседаний совета.

Вильгельм.

Доклад министра иностранных дел Нессельроде Николаю I, 12 октября (30 сентября) 1830 г.*

Курьер маршала Дибича, о котором нас уведомил вчера граф Алопеус, только что прибыл. Спешу передать вашему величеству депеши и частные письма, которые он доставил. Эти документы нам доказывают, что графу Дибичу не удалось побудить Пруссию к изолированному воздействию на Бельгию, воздействию, которое она считает слишком запоздавшим, чтобы спасти крепости, и слишком компрометирующим по отношению к Франции, чтобы согласиться подвергнуться риску подобной комбинации. С другой стороны, она признает необходимость совместного выступления четырех держав и имеет ввиду предпринять необходимые шаги, чтобы вызвать мероприятия и декларации, вследствие которых статьи существующих договоров были бы немедленно применены к восстанию в Бельгии. Таков смысл немецкого письма, которое генерал Витцлебен направил маршалу Дибичу, и к которому я счел необходимым присоединить французский перевод, так как это письмо есть единственный документ, который с некоторой точностью знакомит нас с точкой зрения прусского короля.

Нессельроде.

Письмо нидерландского поверенного в делах в Петербурге г. О'Сюлливан де Грасс министру иностранных дел Нессельроде, 14 (2) октября 1830 г.**

Граф!

Спешу передать вашему превосходительству интересующую вас выписку из депеши, которую я имел честь прочесть вам сегодня утром.

При сем прилагаю брюссельскую газету от 29 сентября с интересными подробностями о положении дел; она подтверждает, что комиссия общественной безопасности еще существует, что она называется

---

* К—74.

В подлиннике приписка: «Собственноручная надпись карандашом его величества императора:

«Нет возможности отступать; взять инициативу — это вопрос нашей чести. следует поэтому, чтобы вы изготовили ноту трем правительствам, настаивающую на необходимости воздвигнуть вооруженный барьер против угрожающей все воспламенить революции, а для этого я, кроме причитающегося с меня контингента, двину 150 тыс. человек, которые перейдут границу, как только хотя один француз вступит в Бельгию.

Составьте ноту и сейчас же пошлите ее мне.

Декларация, которую предлагает Пруссия, хороша для Франции, но это недостаточно; надо подтолкнуть наших союзников, так как они сами идти не хотят».

** К—205

временным правительством и что во главе ее все еще стоит барон Гугворст.

В другой газете помещен список убитых, раненых или взятых в плен офицеров.

Только что полученное письмо подтверждает мне, что Гент спокоен и верен.

В Брюгге гражданский губернатор покинул город вместе с гарнизоном, состоявшим из бельгийцев и насчитывавшим приблизительно 1 100 человек. Перед отъездом губернатор кого-то наметил в качестве своего заместителя. Вместе с войсками он отправился в Остенде, где также происходят беспорядки и где гарнизон отказался стрелять в народ.

Главная квартира его высочества принца Фридриха все еще в Дигхеме. С момента отступления его королевского высочества инсургенты за пределами Брюсселя не показывались. Немецкие переводы, которые я оставил вашему превосходительству, содержат некоторые сведения о положении войск.

Депеша на голландском языке от 2 сентября, которую я сегодня утром показывал вашему превосходительству, гласит: «По сведениям из Монса от 28-го, большое количество вооруженных и одетых в блузы людей бродили вокруг укреплений и обнаруживали большое желание пробраться в окрестности Брюсселя, где должна быть сформирована так называемая национальная армия. Эти люди называют себя Borrains (этим именем называют валлонцев [14]) и шахтерами, но на самом деле это французы, по большей части, бывшие военные или еще теперь являющиеся таковыми. Во главе их находится большое число французских офицеров и эти, так называемые Borrains или национальные войска, представляют собой не что иное, как французскую армию».

Пользуюсь настоящим случаем повторить вашему превосходительству свои уверения.

А. О'Сюлливан де Грасс.

Доклад министра иностранных дел Нессельроде Николаю I, 20 (8) октября 1830 г.*

Как я уже доводил до сведения вашего величества в моем докладе от 6 октября, нам не пришлось долго ждать решения наших союзников о событиях в Бельгии, ставшей театром кровавых событий.

Вчера вечером капитан Авинов, возвратившийся сюда на пароходе, передал мне почту из Лондона, а этой ночью гр. Болеслав Потоцкий доставил мне депеши из Гааги и Берлина. Чтение этих документов вызовет в одинаковой степени и изумление и досаду вашего величества. Пруссия не считает возможным выступить без сотрудничества с Англией, а герцог Веллингтон находит, что Англия и Пруссия в настоящий момент не располагают достаточными силами, чтобы наверстать упущенное, и хочет поэтому сделать еще одну последнюю попытку к примирению и выгадать таким образом для себя время. С своей стороны нидерландский король провозгласил отделение Бельгии и назначил принца Оранского генерал-губернатором этой части королевства. По сообщениям гамбургских газет, доставленных на пароходе и содержащих более свежие известия, нежели депеши гр. Гурьева, принц Оранский уже прибыл в Антверпен и обнародовал там прокламацию, возвещающую и общую амнистию [15]. В Брюссель он от-

* К—74.

правил эту прокламацию с кавалером Баго, который таким образом стал посредником между правительством и восставшими.

Повидимому, после победы между инсургентами в Брюсселе уже произошел раскол и там образовались три партии. Одна из них хочет создать из Бельгии монархическое государство, под верховной властью герцога Немурского, другая — республику под президентством Поттера, а третья, которую считают наиболее сильной, желает создания отдельного правительства под скипетром Оранского дома. Таково положение вещей, ожидающее решения вашего величества и относительно которого я осмеливаюсь высказать следующие соображения.

Как ни печальна развязка бельгийских событий, независимо от того, удастся ли затея принца Оранского или она потерпит поражение, будет бесполезно предаваться бесплодному сожалению по поводу обстоятельств и ошибок, приведших к подобной развязке. Столь же бесплодными будут сожаления о невозможности немедленно излечить болезнь средствами, единственно подобающими союзным державам. Задуманный герцогом Велингтоном план слаб по своим средствам и сомнителен по своим результатам. Он свидетельствует о малодушии, которого никак нельзя было ожидать от человека, сыгравшего столь прекрасную роль во главе армий. Но этот план уже начал осуществляться, и, если Франция к нему присоединится, он окажется уже выполненным к моменту, когда в Лондоне узнают наше мнение, которое мы предполагаем высказать об этом плане. Мы следовательно не имеем уже времени противиться этому и нам ничего другого не остается, как попытаться найти в самом плане путь к той благодарной цели, которой задалось ваше величество, и склонить герцога Велингтона к военному вмешательству,— склонить на тот путь, от которого он решил отклониться.

По этому поводу я осмеливаюсь предложить вашему величеству поручить своему полномочному министру в Лондоне участвовать во всех совещаниях, которые будут иметь место в связи с планом английского кабинета, выявляя, однако, все слабое и ошибочное, что содержится в плане, дать ему эти полномочия не как выражение взгляда вашего величества, а как доказательство постоянного желания оставаться за одно со своими союзниками и как доказательство уступчивости, основанной на надежде, что в случае неудачи плана союзники и, главным образом, Англия, не взирая на сопротивление Франции, немедленно отправят в Бельгию достаточное количество войск, чтобы силой оружия сделать ее покорной государю, которому обладание ею гарантировано самыми торжественными договорами.

Чтобы еще более уточнить эти мысли, осмелюсь при сем повергнуть на усмотрение вашего величества набросок депеши графу Матушевичу. Заключение ее будет соответствовать тем намерениям, с которыми вашему величеству угодно было меня ознакомить относительно передвижения ваших войск и относительно сообщений переданных мне по вашему повелению гр. Чернышевым. В то же время кн. Ливен получит необходимые полномочия для участия по своему возвращению в Лондон во всех совещаниях, а также в декларациях, которые обстоятельства могут потребовать.

Нессельроде.

На докладе приписка Николая I: «Я подтвердил проект депеши Матушевичу; это значит, мой дорогой друг, что, увы..., я полагаю, как и вы, что в данный момент это единственное решение, которое можно принять. Но сколько несчастий предвижу я, если наряду с этим долготерпением, которое я назову, думаю более правильно, трусостью Велингтона, он не намерен искренно использовать оружие для выполнения наших обязательств. Все это меня не удивляет, и это не помешает, если представится случай, двинуться на помощь моему союзнику, хотя бы временно и одному, так как

я убежден, что мой пример увлечет других, или, по крайней мере, даст нам возможность погибнуть с честью. Я считаю, что буду там бороться не против Бельгии, а против всеобщей революции, которая все приближается и скорее, чем это думают; она будет угрожать нам самим, если увидят, что мы дрожим перед нею.

Вот письмо Вильгельма и приложения, прочтите все это и распорядитесь сделать мне выписку из последних. Моя жена прочтет вам письмо из Антверпена, вы увидите, благоразумно ли с нашей стороны оставлять там Гурьева в такой момент, когда он никому нежелателен, когда никто не питает к нему доверия».

Депеша русского посланника в Нидерландах Гурьева министру иностранных дел Нессельроде, 21 (9) октября 1830 г.*

Граф!

Спешу переслать вашему превосходительству лист гаагской газеты с напечатанным в ней посланием короля, с которым он только что обратился к Генеральным штатам по поводу прокламации принца Оранского, опубликованной 16 октября[16] в Антверпене. В нем его величество устанавливает факт разделения королевства на две части. В ожидании пока державы вместе с ним решат судьбу южных провинций, он предлагает представителям Севера посвятить свои заботы исключительно интересам тех провинций Голландии, которые остались верными.

Неблагоприятное впечатление, произведенное в Голландии прокламацией принца Оранского и вызванное ею возбуждение умов, повидимому, заставили короля принять решительные меры к удовлетворению и успокоению общественного мнения той части королевства, которая при настоящем кризисе не переставала проявлять доказательства любви и ненарушимой привязанности к его величеству.

Сообщают о прибытии в Гаагу трех министров, герцога д'Юрселя, ван-Гобельшроу и ла Коста, которые как представители короля, не считая возможным продолжать свои обязанности при его королевском высочестве, подали в отставку, которая и была принята принцем.

Все возрастающее возбуждение населения в Антверпене заставило коменданта крепости, генерала барона Шассе, объявить осадное положение. Тем более критическим становится положение его королевского высочества, который в настоящее время не может выбрать себе для резиденции другого места. Он не может ни вернуться в Голландию, не возбуждая там проявления резкого неудовольствия, вызванного его прокламацией, ни обосноваться без риска в каком-либо городе восставших провинций.

Ваше превосходительство найдет также в листе газеты, при сем прилагаемом, статью о прокламации его королевского высочества; по ней вы составите себе представление о том, как высказывается об этом мероприятии общественное мнение Голландии. Я оставляю за собой право дать по данному поводу новые пояснения в отправлении, которое я собираюсь послать на-днях императорскому министерству.

Н. Гурьев.

Письмо нидерландского поверенного в делах в Петербурге О'Сюлливан де Грасс министру иностранных дел Нессельроде, 23 (11) октября 1830 г.**

Предсказания, изложенные в отношении к его превосходительству гр. Нессельроде от 2/14 октября, полностью оправдались. Применяемая королевскими войсками оборонительная система оказалась слишком

* К—74, без даты.
** К—205.

недостаточной, чтобы задержать распространение в Бельгии восстания. Здоровой части населения не только не удалось восстановить власть законов, но внешне она совершенно подпала под ярмо, против которого она вначале боролась в Брюсселе. Большое количество городов и крепостей объявило себя восставшими.

В этом нет ничего удивительного, это совершенно естественный результат неудачи наступления на Брюссель. Во всех революциях достаточно одержать победу, чтобы приобрести союзников.

Эта истина относится ко всем временам и ко всем странам, но ее проявление более или менее быстрое и единодушное зависит всегда от случайных обстоятельств.

На этот раз зараза распространилась значительно быстрее, чем этого можно было вообще ожидать. Это явление дало повод говорить об единодушии, которое, действительно, имеется, но только в поступках, а не во взглядах. Чтобы убедиться в этом достаточно исследовать, на чем зиждется это единодушие.

Бесполезно доискиваться источников событий. Известно, в каком цветущем состоянии находилось Нидерландское королевство, но когда во Франции вспыхнула революция, оппозиция, действительно, выдвинула некоторые жалобы, но эта оппозиция была весьма резка только вне национального собрания, внутри же его она сама разъединена различными интересами.

Главари этой партии были журналисты, причем многие из них, преследуемые законом, стремились лишь к ниспровержению законного порядка, отвергавшего их.

Они видели, что Нидерландское королевство, стоявшее до того времени значительно впереди Франции по либерализму, оказалось сильно отставшим.

Они сочли момент благоприятным. Пользуясь возбуждением умов, вызванным восстанием во Франции, они не довольствовались более требованием в газетах удовлетворения своих жалоб, но и побудили к тому легко воспламеняющееся простонародие.

Легко было предвидеть, что буржуазия окажет сопротивление этим эксцессам, и она действительно вооружилась против виновников, не подозревая, однако, что она сама становилась орудием в их руках.

Главари прекрасно знали, какие обязанности возлагал на правительство основной закон, и, понимая, что медлительность законных путей предоставляет им достаточно времени для осуществления их плана, они избегали, конечно, призывов к открытому восстанию, грозившему им быстрой расправой, для сопротивления которой они еще были недостаточно сильны. Они предпочли подготовить это сопротивление, усиливая постепенно возбуждение умов.

Таково было положение, когда принц Оранский подошел к Брюсселю. Честные люди стояли еще твердо на своих постах и высший класс еще считал себя руководителем движения. Эта гарантия — с одной стороны, боязнь бесполезного кровопролития с другой, внушили его королевскому высочеству благородное решение рискнуть только самим собой [17] и положиться на честь восставшего народа.

Тогда за требованием удовлетворения жалоб последовали требования отделения от Голландии. В начале требование отделения от Голландии исходило от людей благонамеренных, но, очевидно, это новое требование входило и в план вожаков, которые еще оставались за сценой. Это требование явилось непреложным последствием общего положения вещей. Все знали, что удовлетворение жалоб Бельгии неминуемо повлечет за собой не менее обоснованные жалобы со стороны

Голландии. Разделение управления этими двумя странами было, может быть, единственным средством удовлетворить одну, не оскорбляя другой. С другой стороны, не трудно было также предвидеть, что это средство не удовлетворит ни торговлю, ни промышленность. Можно было поэтому расчитывать на противодействия палат. Мало того, не следует забывать, что де Поттер первый выдвинул год тому назад в «Нидерландском курьере» («Courrier des Pays-Bas») этот проект разделения.

Отсюда можно заключить, что революционная партия, прекрасно сознавая, что король, всегда верный своей присяге, и в данном случае не уклонится от возложенных на него основными законами обязательств, понимала также, что, как только обсуждение перейдет на эту почву, национальные противоречия не замедлят прийти в столкновение, и что за вопросом о фактах последует в скорости вопрос о лицах.

Вот именно в этом и заключалась действительная цель революционной партии, на этих именно противоречиях она заранее основывала свой успех. Народная партия быстро ослабевает, если она не опирается на национальную идею. В данном случае она поняла, что сможет найти такую опору только в том случае, если она исказит вопрос и превратит столкновение принципов в раздор между людьми: между бельгийцами и голландцами.

Если бы главари предоставили события своему естественному течению, то их план не удался бы: смягченная форма отделения успокоила бы умы, прекратила бы вражду при самом ее зарождении, без потрясений восстановился бы законный порядок и погрузил бы в забвение уже поблекших людей.

Этим людям, снедаемым честолюбием, очень хотелось толкнуть правительство на антиконституционный акт, в этом также была их цель. Впоследствии они использовали бы это нарушение конституции в качестве орудия против правительства, которое, лишившись опоры в законах, было бы вынуждено искать поддержки в партии, ниспровергнувшей эти законы, правительство оказалось бы во власти своих врагов.

Так как заговорщикам не удалось ввести в заблуждение правительство, то им ничего иного не оставалось, как вынудить правительство применить репрессии против их же самих. Они тогда сорвали маски, ниспровергли все, что оставалось от старой власти, разоружили честных людей, стали угрожать депутатам штатов и призвали к себе на помощь то простонародие, которое они подкупили уже с первых дней.

Буржуазия, очутившись под игом черни, обратилась с мольбой о помощи к королевской власти, которая в ответ на призыв, выполняла только свой долг, т. е. оказывала защиту.

Но партия, вызывавшая эту атаку, была подготовлена, она знала, что отец наказывает обычно мягко, ей же терять было нечего и она решила ничего не щадить. Ей удалось пробудить чувство национальной гордости, при поддержке толпы темных личностей, жаждущих битв только для того, чтоб поживиться за счет павших, ей удалось отвести от себя меч правосудия. Основывая свою власть на мертвецах и разрушениях, которые она сама нагромоздила, она кричала бельгийцам, что голландцы объявили им войну. Именно эти крики и доставили ей союзников. Именно этому слепому патриотизму следует приписать распространение восстания и измену части армии.

В настоящее время Бельгия думает, что она обороняется от голландского гнета. Будучи жертвой заговора, столь же вероломного,

сколь и преступного, она верит, что у нее имеются враги, и не подозревает, что она одурачена.

Это единодушие и способствовало быстрому распространению заразы. Но достаточно короткого размышления, чтобы убедиться в том, что это только видимость единодушия, которая быстро уступит место раздорам, лишь только дело дойдет до вопроса, как использовать победу.

Его величество король проявил высокую мудрость, выбрав этот момент, для возложения на принца Оранского примирительной миссии.

Ввиду того, что Генеральные штаты одобрили принцип отделения, король получил законные полномочия даровать его. Принц в сопровождении бельгийцев, составляющих высшую администрацию, прибыл в Антверпен и назначил его местопребыванием нового правительства Бельгии. Перед его приездом была дарована всеобщая амнистия по всем политическим делам. Партии, которая в восьми лье от резиденции принца имеет притязание на господство, он противопоставляет справедливую и легальную власть, примкнуть к которой были призваны все уважаемые люди. Нет сомнения в исходе этой кратковременной борьбы.

Видно, однако, как несколько человек, жадных, политически неустойчивых, без общественного положения господствуют в столице против воли наиболее многочисленной и наиболее уважаемой части населения.

А в других городах, как видно, горожане, которые раньше были охвачены единым порывом, теперь очутились под властью партии, чуждой местным интересам. Скоро в каждом городе возникнет оппозиция. Некоторые из них уже не признают самозванное временное правительство и создают сами местное управление.

Брюссельская партия требует федеративного государства, иначе говоря,— республику. Это требование нескольких интриганов находится в противоречии с желаниями не только высших классов, но и большей части горожан. Когда последние имели возможность свободно избирать себе начальников, они их выбирали среди наиболее известных членов аристократии, весьма влиятельной во всей Бельгии.

Эта аристократия связана с королевскими интересами своей присягой и своими выгодами. Один из наиболее популярных ее членов, герцог д'Юрсель, возглавляет временный совет принца Оранского.

Мехельнский архиепископ выразил принцу Оранскому свою покорность и свои поздравления. Все духовенство последует примеру своего прелата и сопровождающего его королевское высочество папского посла. Влияние же духовенства в южных провинциях неоспоримо.

Члены Генеральных штатов, которые несомненно популярны в своих городах, дали королю недвусмысленные уверения в своей верности и совершенно не будут склонны признавать власть, первым актом которой было анулирование их мандатов и которая заявила, что в Гааге они находились на положении пленных, т. е. что они действовали под влиянием страха.

Если предположить, что брюссельской партии удастся созвать собрание представителей различных провинций, то тогда или звание представителей окажется узурпированным и представители не будут избраны, и тогда их деятельность не произведет большого впечатления, или же они явятся выразителями воли большинства, тогда они не замедлят свергнуть создавшую их власть и почувствуют потребность примкнуть к законному порядку.

Это предположение, однако, неприемлемо: провинции не подчинятся подобному призыву, в то же время принц Оранский окружит себя,

как только он этого захочет, подлинными представителями общественного мнения. Есть все основания полагать, что как только несколько крупных восставших городов признают его власть, остальные вскоре последуют этому примеру. И если в этом случае анархия будет продолжать опустошать главные очаги восстания, то без сомнения долгом правительства будет восстановить там закон силой. Если при этом воспользуются королевскими войсками, в большинстве состоящими из голландцев, то, очевидно, окажутся перед прежними трудностями и перед опасностью вновь вызвать первоначальное раздражение.

Вот почему иностранная интервенция стала необходимостью. Можно, конечно, надеяться, что одним моральным вмешательством удалось бы примирить партии и заставить крайних отступить перед перспективой бедствий, которые они накликают на свою родину, но из того, что такой результат вероятен, еще не следует, что он настолько надежен, чтоб им можно было ограничиться.

Делая все возможное, чтобы облегчить путь к примирению, король в то же время приготовился к войне и призвал к оружию всех своих верноподданных. Его союзники, содействуя мерам убеждения, должны, однако, предвидеть, что эти меры могут оказаться недостаточными.

Мы подходим к самому большому затруднению: неизбежности войны с Францией, которая намерена оказать сопротивление всякому вооруженному вмешательству. Здесь не место вступать в обсуждение этого намерения, являющегося прямой угрозой помешать выполнению договора. Однако, следует иметь ввиду, что в этом случае объявление войны союзным державам будет исходить от Франции. А между тем французская нация, которая вся поднялась бы против нашествия, не окажется, конечно, столь единодушной, когда дело коснется нападения. Большинство этой нации желает мира, так как нарушение его быстро приведет в упадок ее промышленность и торговлю. Это большинство не настроено революционно. Доказательством этого является тот страх, который внушают департаментам, особенно южным, парижские якобинские клубы. Война с Англией повлекла бы для Франции не только гибель ее торговли, но и уничтожение ее африканской армии. В особенности не следует забывать, что французское министерство в настоящее время борется с республиканской партией, что в случае интервенции в Бельгии именно эта партия, а может быть также и роялисты, приверженцы старого порядка, будут толкать Францию на крайности, что правительство, имеющее в этих партиях только одних врагов, будет сопротивляться этим партиям, опираясь при этом преимущественно на ту партию, на которую уже опиралась, становясь у власти, и что, наконец, близость союзных армий укрепит тогда моральную силу этой миролюбивой оппозиции поддержкой монархического принципа и тем, что много пылких людей может устрашиться непосредственных результатов своей агрессии.

Что действительно может сделать неизбежной войну с Францией, это длительное и упорное сопротивление Бельгии иностранным войскам, но именно этого не приходится опасаться. Эти войска будут как избавители встречены большинством, являющимся жертвой партии, требования которой простираются гораздо шире и дальше желаний большей части населения. Последнее повернется против этой партии, как только оно будет удовлетворено достаточными гарантиями и увидит, что его стране грозит общее разрушение.

Эти соображения стремятся только доказать, что события, наступившие после составления вышеупомянутого отношения, не внесли никаких изменений в сделанные тогда заключения.

Письмо Николая I королю Нидерландов Вильгельму I, Тверь, 25 (13) октября 1830 г.*

Брат мой!

Я живо разделяю понятную и глубокую скорбь, которую ваше величество выражает мне в своем письме от 2 октября. События, о которых вам угодно было мне сообщить, уже дошли до моего сведения. Отеческая власть вашего величества была отвергнута в части вашего государства. Восстание подняло там преступную голову и посеяло беспорядок и анархию в провинциях, пользовавшихся, благодаря просвещенным заботам правительства, в течение пятнадцати лет всеми благами глубокого мира и все возрастающего процветания. Миролюбивые пути, равно как и вынужденное применение вооруженной силы, оказались бесплодными приостановить столь преступные покушения. Желая предупредить еще большие бедствия, ваше величество оказались перед тяжелой необходимостью обратиться за помощью к союзным дворам. Я представляю себе, что вы должны были пережить раньше, чем сделать этот решительный шаг, но я вполне признаю справедливость соображений, которые вас к нему побудили. Интересы всех правительств и мир всей Европы затрагиваются событиями в Бельгии. Проникнутый этими убеждениями, я готов выполнить в согласии с моими союзниками взятые на себя обязательства во всем их объеме и в части, касающейся меня, я не колеблюсь ответить на призыв вашего величества: уже отдан приказ, чтобы были собраны необходимые войска.

Однако, ваше величество сами считали подобающим мудрой политике направить это обращение также и другим союзным дворам, которые, подобно мне, солидарны в этих важных обстоятельствах, и некоторые из них имеют даже бо́льшие возможности применить быстрые и решительные меры против разоряющих ваше государство бедствий. Только совместно с этими дворами я буду в состоянии оказать полезное посредничество в интересах мира и общественного порядка и помочь усилиям вашего величества. Всякое изолированное выступление с моей стороны не только не достигнет намеченной цели, но возможно нанесет реальный ущерб. Я поручаю моему министерству представить по данному поводу более подробное обоснование кабинету вашего величества. Смею льстить себя надеждой, что вашему величеству угодно будет принять это обоснование и что ваше величество почерпнете в нем убеждение, что я желал бы помочь быстрому и счастливому восстановлению власти вашего величества не бесплодными пожеланиями, а основательно расчитанными и, следовательно, более действительными совместными действиями. Спешу настоящим обнадежить ваше величество и добавить также уверение в высоком уважении и неизменной привязанности, с которыми пребываю.

Депеша русского посланника в Нидерландах Гурьева министру иностранных дел Нессельроде, 26 (14) октября 1830 г.**

Граф!

Надежды, которые его высочество принц Оранский возлагал на впечатление от своей прокламации от 16 октября, в восставших провинциях далеко не оправдались. Как это всегда бывает во времена рево-

* К—207.
** К—42.

люций и смут, мирное и расположенное к порядку большинство, сдерживаемое страхом и духом консерватизма, ограничивается лишь пожеланиями, между тем как маленькой кучке преступников удается дерзостью и террором воспрепятствовать распространению этих пожеланий. Действительно в Бельгии большая часть их благоприятна для принца Оранского, но для того, чтобы они могли одержать верх над опасностями и препятствиями, следует ждать, пока события достигнут известной степени развития и зрелости. Кроме иных неудобств, созданных выступлением его королевского высочества, известную роль сыграла и его поспешность. Сторонники принца Оранского упрекали его в ней, а враги воспользовались ею, чтобы повредить его успехам на юге и уважению к нему на севере.

Как бы-то ни было, мы не видим никаких признаков того, что его прокламация вызвала где-либо в Бельгии хотя бы малейшее благоприятное для него движение, которым он мог бы гордиться. Напротив, его прокламация увеличила дерзость временного правительства, как в этом ваше превосходительство можете убедиться из документов, которые я имею честь приложить к сему для просмотра. Первый документ представляет собой ответ временного правительства на уведомление о прокламации; два других относятся к предложению о перемирии, которое его королевское высочество считало нужным направить временному правительству. По правде говоря, входящие в это правительство члены не смеют придерживаться той благопристойности и умеренности, видимость которых они сами хотели бы соблюсти в своем поведении и в своих выражениях. Неистовый якобинский клуб, с каждым днем разрастающийся и становящийся все более угрожающим, держит правительство в полной зависимости от своих распоряжений и от своего руководства.

Как утверждают, этот клуб уже замышляет что-то против будущего собрания национального конгресса, созываемого в Брюсселе. Он предвидит, что большинство членов национального конгресса будет голосовать за монархию, что оно, вероятно, будет склонно остановить свой выбор на принце Оранском и поставить его во главе правительства. Вследствие этого клуб собирается навязать национальному конгрессу свои резолюции и свои республиканские принципы или же силой разогнать его. Положение действительно таково, что совершенно неизбежен перелом в отношениях между крайней и умеренной партиями, кровавое столкновение которых приведет либо к эксцессам анархии, либо к некоторым новым возможностям восстановления порядка и лучшего будущего.

Пока же революция продолжает развиваться среди смятения идей и прискорбнейших эксцессов. В некоторых провинциях установилась система грабежей, целью которых является не только личная месть, но и бессмысленное разрушение наиболее прекрасных мануфактурных и промышленных заведений, составлявших славу и богатство Бельгии. Сведения об этом, поступающие из Генегау и обеих Фландрий, удручающи и нельзя без содрогания думать о наступающей зиме, которая еще усугубит бедствия многочисленного населения, лишенного занятий и хлеба.

Повидимому, инсургенты мало беспокоятся за Антверпен и Маастрихт, остающиеся на их флангах, и стараются проникнуть в Северный Брабант через Турнхут, где они уже появились. Настроение этой провинции вызывает беспокойство, так как население ее исповедует по большей части католическую религию и преисполнено поэтому духом вражды и недоверия по отношению к своим согражданам — протестантам Севера. План революционеров добраться до берегов Мааса, который они называют своей естественной границей, твердо установ-

лен, а пути к его осуществлению тайно подготовляются их эмиссарами, которые уже широко проникают по направлению к северу, и, разжигая преимущественно религиозную вражду, стараются вызвать волнение умов и восстание.

Н. Гурьев.

Депеша русского посланника в Нидерландах Гурьева министру иностранных дел Нессельроде, 26 (14) октября 1830 г.*

Граф!

Тронная речь, произнесенная при открытии Генеральных штатов, и последовавшее за ней послание короля как будто уже предвещали формальное осуждение шагов, предпринятых 16 октября в Антверпене принцем Оранским. Последующим постановлением от 25-го числа сего же месяца его величество отменил полномочия, которыми был облечен его королевское высочество, в качестве генерал-губернатора бельгийских провинций, и возложил эти полномочия на главнокомандующего крепостями Антверпена и Маастрихта. Так как новые обязанности, возложенные на его королевское высочество, таким образом, прекратились, и его дальнейшее пребывание в Антверпене, объявленном на осадном положении, должно было являться весьма неудобным, то ожидается его скорое возвращение в Гаагу. Все искренне преданные принцу и желающие, чтобы он как можно скорее вышел из тягостного положения по отношению к своему августейшему отцу, единодушно хотят, чтобы он, не теряя ни минуты, принял это решение. При уверенности, которую должен иметь король в чистоте намерений своего сына и при доказательствах ее, постоянно им получаемых при самых тяжелых обстоятельствах, невозможно допустить мысли, чтобы, после краткого объяснения, не было предано забвению выступление принца, основанное на доверчивости и побуждениях благородной души. Немедленное возвращение его королевского высочества тем более желательно, что оно еще может предупредить неисчислимые последствия все возрастающего раздражения, которое его прокламация вызвала в общественном мнении Голландии.

Только что узнал, что инсургенты подходят к Антверпену и что на расстоянии четверти лье от города завязалось сражение. Крепость и город обороняются семью тысячами голландцев под командой генерала Шассе, пользующегося репутацией решительного и храброго офицера.

Н. Гурьев.

Депеша русского посланника в Нидерландах Гурьева министру иностранных дел Нессельроде, 28 (16) октября 1830 г.**

Граф!

Вчера, в то время, когда часть гарнизона сделала вылазку из города против инсургентов, пал город Антверпен, вследствие предпринятой народом атаки на внутренние ворота крепости. Гражданская гвардия, не будучи в силах сдерживать далее натиск простонародия, сдала оружие. После этого голландские войска, подвергавшиеся со всех сторон отдельным нападениям и державшиеся в течение всего утра, были принуждены оставить свои позиции и укрыться в крепости. Немедленно, воспользовавшись внутренним переворотом, восставшие под начальством ген. Меллинэ, вступив через ворота Малинэ, овладели городом. Голландские военные корабли стоят на якоре на Шельде перед

* К—42.
** Там же.

крепостью, которая, таким образом, может прекрасно снабжаться продовольствием и имеет мощную защиту.

Падение этого важного города открывает Северный Брабант для вторжения восставших. Следует опасаться, что за Антверпеном последует Маастрихт, который еще более ненадежен по своему положению и характеру гарнизона, состоящему на треть из бельгийцев. Говорят, что значительный отряд восставших, под командой бывшего депутата Генеральных Штатов г. де-Брушера, уже выступил, чтобы попытаться атаковать эту крепость. Революция, таким образом, продвигается гигантскими шагами дальше к северу с такой смелостью, обилием средств и искусством, что попытки слабого и беспомощного правительства бороться с ней будут напрасны. Пока державы придут между собой к соглашению и выберут Париж или Лондон, как место, где можно было бы созвать конференцию для умиротворения Нидерландов, другие события, развиваясь с ужасающей быстротой, вероятно, опять опередят их: действительно, представляется невозможным предвидеть в настоящее время, где остановится развитие бедствий, со всех сторон угрожающих этой несчастной стране распадом столь же близким, как и неожиданным.

Его высочество принц Оранский покинул Антверпен накануне его сдачи и отправился в Вильгельмсдорф, расположенный на дороге из Бреда в Гаагу, куда на встречу ему выехала ее высочество принцесса Оранская.

Н. Гурьев.

Отношение русского министерства иностранных дел нидерландскому поверенному в делах в Петербурге О'Сюлливан де Грасс, 29 (17) октября 1830 г.*

Милостивый государь!

Я счел долгом представить его императорскому величеству ноту от 2/14 октября, в которой вам угодно было представить императорскому министерству настоящее положение Бельгии и просить от имени вашего правительства о присылке вооруженных сил союзников для восстановления в южных провинциях Нидерландов спокойствия, нарушенного столь гибельными событиями.

Его императорское величество с глубоким интересом и скорбью принял это сообщение и поспешил сам выразить это чувство в ответе на полученное им письмо его величества короля Нидерландов.

Присоединение бельгийских провинций к Голландии под покровительством Оранского дома рассматривалось державами, подписавшими Венский и Парижский договоры, как необходимое условие европейского мира. Если бедствия, опустошающие эти провинции, и не могли быть предупреждены существующими соглашениями, союзные кабинеты тем не менее взяли на себя моральное обязательство посвятить сохранению порядка вещей, установленного этими соглашениями, те же заботы и усилия, которые требуются для поддержания общего мира.

Сам император глубоко проникнут этим убеждением, и со своей стороны готов откликнуться на призыв правительства Нидерландов, поэтому его величество приказал сформировать впредь армию, которая немедленно будет сосредоточена на границах империи.

Но считая необходимым оправдать доверие государя, с которым он связан узами не только дружбы, но и близкого родства, его императорское величество не скрывает от себя того, что изолированным выступлением можно принести вред; сотрудничество держав может принести

* К—205.

пользу королевству Нидерландов лишь в том случае, если оно будет единодушным.

В самом деле, помощь, которую правительство Нидерландов просит у союзников, вытекает из обязательств солидарности. Кабинет Гааги своим единовременным обращением к с.-петербургскому, венскому, лондонскому и берлинскому дворам сам подтвердил эту истину. К тому же вопрос слишком серьезен и слишком близко затрагивает не только судьбу Бельгии, но и безопасность всей Европы, и кабинеты должны предварительно сговориться о мероприятиях, которые необходимо выработать с общего согласия для выполнения их общими силами.

Император желает верить, что правительство Нидерландов должным образом оценит эти соображения и что король найдет в них, равно как и в военных распоряжениях, о которых я имел честь вас известить, новое доказательство участия, проявляемого его императорским величеством, и заботы о наиболее целесообразном выполнении обязательств, налагаемых на него существующими соглашениями.

Обращаясь к вам, милостивый государь, с просьбой соблаговолить довести содержание настоящей ноты до сведения вашего двора, я пользуюсь этим случаем повторить уверение в моем глубоком уважении.

В начале документа имеется пометка Николая I: «Быть по сему».

Депеша министерства иностранных дел русскому посланнику в Нидерландах Гурьеву, 31 (19) октября 1830 г.*

Вы найдете при сем копию письма короля Нидерландов, которым он просил военного сотрудничества императора для подавления восстания его бельгийских подданных; переданную мне г-ном О'Сюлливан де Грасс ноту по тому же поводу; наконец, ответ его императорского величества на письмо короля и ответную ноту министерства. Я прилагаю также в оригинале кабинетное письмо, приглашая вас, граф, передать его по высокому назначению.

Это письмо и моя нота поверенному в делах Нидерландов ознакомят вас с решениями, которые нашему августейшему государю было угодно принять в связи с обращением кабинета Гааги.

Нет никакого сомнения в том, что четыре двора, к поддержке которых он обратился, признают свои обязательства, необходимость оказать ему поддержку и тем подтвердить нерушимость одного из существенных пунктов венского протокола.

С своей стороны император до того проникнут этим убеждением, что не колеблясь благосклонно принял просьбу короля и даже приказал, как он об этом извещает его величество, уже сейчас сформировать армию, готовую перейти границы империи, как только его сотрудничество будет признано необходимым. Однако, действия императорских войск, как бы многочисленны они ни были, как бы ни было быстро их продвижение к театру событий, не принесут действительной пользы делу, на защиту которого они призваны, пока их операции не будут согласованы с операциями остальных союзных держав. Вам, граф, остается добиться одобрения этих соображений. Наитеснейшее единение кабинетов, составляющих четверной союз, до сих пор было и всегда будет самой верной, если не единственной гарантией устойчивости порядка вещей, освященного общими соглашениями. Но для того, чтобы это единение было крепко и соответствовало благожелательному намерению, которое его создало, необходимо, чтобы оно проявлялось не только в единообразных высказываниях, но также и в общих действиях.

* К—42.

Эта истина доказана опытом прошлого, и при настоящих обстоятельствах больше чем когда-либо необходимо иметь это в виду.

Мало того, в своем письме к императору король Нидерландов сам признал, что интервенция союзников может встретить препятствия со стороны Франции. Это предсказание более чем оправдано странной претензией французского правительства, намеревающегося оказать сопротивление, даже силой оружия, всякой попытке иностранной державы бороться с бельгийской революцией. Таким образом, посылка помощи королю Нидерландов поставит нас перед выполнением двойной задачи: помочь ему привести к послушанию его восставших подданных и не допустить, чтобы наша интервенция привела к всеобщей войне. Но для достижения этой двойной цели необходимо сотрудничество Англии, так как мы знаем, что это единственное средство воздействовать на французских революционеров, особенно боящихся морской войны и гибельных последствий, которые она может иметь для промышленности и торговли Франции.

Между тем, вы, граф, из сообщения графа Матушевича узнаете, что британский кабинет, хотя и признает за королем Нидерландов право обратиться к союзникам за помощью, желает, однако, прежде чем выполнить просьбу короля, исчерпать все возможности для поддержания общего мира, предложив французскому правительству присоединиться к переговорам, имеющим целью умиротворение Бельгии и сохранение ее за Оранским домом. С другой стороны, король Нидерландов с той же спасительной целью только что поручил генерал-губернаторство в южных провинциях предполагаемому наследнику престола. Наш августейший государь не заблуждается, что обе эти попытки, к сожалению, внушают мало надежды на успех. Тем не менее при настоящих обстоятельствах эти попытки признаны уместными, а потому его императорское величество полагает, что следует подождать результатов этих попыток и в особенности не помешать их успеху, как бы маловероятен он ни был.

Представляя эти пояснения королевскому министерству, вы постараетесь убедить его, главным образом в том, что его императорское величество не только не желает пользоваться указанными попытками, чтобы задержать отправку своих войск, напротив он готов двинуть их, как только их действия будут признаны существенно необходимыми, пока же он, не колеблясь, присоединяется к своим союзникам для всяких публичных деклараций и выступлений, признанных с общего согласия необходимыми в интересах порядка и мира; наконец, его императорское величество ни в коем случае не может согласиться с требованием Франции не допускать никакого вооруженного вмешательства в дела Бельгии, поэтому он будет в согласии со своими союзниками во взглядах даже в том случае, если Франция захочет отстаивать свою претензию с оружием в руках.

Копия настоящей депеши и ее приложений будут переданы императорским представителям в Вене, Лондоне, Берлине.

В начале документа имеется пометка Николая I: «Быть по сему».

Депеша русского посланника в Нидерландах Гурьева министру иностранных дел Нессельроде, 4 ноября (23 октября) 1830 г.*

Граф!

В своем докладе от 7/19 октября я имел честь представить отчет вашему превосходительству о мотивах и надеждах, которые, повиди-

* К—42.

мому, заставили принца Оранского опубликовать прокламацию от 16 октября.

Отправившись затем к министру иностранных дел за объяснениями по поводу выступлений принца, я застал его озабоченным теми последствиями, которые это выступление может повлечь за собой. Министр высказал опасение, как бы оно не вызвало на севере крайнего раздражения, которое, вероятно, поставит правительство перед досадной необходимостью отменить акты его королевского высочества и наметить решительные меры для успокоения умов. Не подвергая ни малейшему сомнению чистоту намерений, руководивших принцем, он однако не скрывает от себя серьезности последствий поведения, на какое полученные его королевским высочеством инструкции не уполномачивали, и которое ставит его в глазах Европы и части нации, оставшейся верной, в тягостное и затруднительное положение. На мое замечание, что при том тяжелом состоянии, в котором очутилась страна, было бы весьма желательным избегнуть, хотя бы только по видимости, разрыва между королем и наследником короны и предотвратить неблагоприятное впечатление, которое этот разрыв произведет на общественное мнение, допустимо только одно из двух решений, какие можно принять по отношению к принцу: или предложить ему возвратиться в Гаагу, или придать его поведению для общества такое толкование, которое его как бы оправдывало. В первом случае принц окажется в гораздо более ложном положении, чем если бы он продолжал оставаться в Антверпене, где его присутствие могло бы еще содействовать поддержанию спокойствия и сохранению города.

Если же, во втором случае, его величество сделает декларацию в указанном смысле, то он поставит себя в противоречие с правильным и законным путем, который он сделал для себя обязательными и которому он до сих пор неуклонно следовал.

Между тем, через два дня после этой беседы, принц, получив отставку, покинул Антверпен, который вслед за его отъездом пал. Не желая возвращаться в Гаагу без приглашения короля, он решил отправиться в Вильгельмсдорф и там ждать приказаний его величества. Перед отъездом он попрощался с бельгийцами и городом, обнародовав прокламацию, в которой он полностью подтверждал чувства и намерения, выраженные им в прокламации от 16 октября.

Тогда же принц дал мне знать о своем желании поговорить со мной и сэром Баго по поводу своего намерения уехать в Англию, в связи с полученным им предписанием короля немедленно покинуть страну. Мы сговорились с британским послом о том, что нам следует предпринять, и не допустить, если возможно, столь досадной крайности и решили отправиться вместе к барону Верстольк де Сёлен, чтобы умолять его приложить все усилия и добиться сближения между королем и принцем, а также устранить все препятствия, которые могли бы помешать возвращению его королевского высочества в Голландию. Министр заявил со своей стороны, что мы глубоко заблуждаемся, воображая, будто выступление, совершенное принцем, повлияло хотя бы в малейшей степени на отношения между королем и его сыном, напротив, они по прежнему полны любви и нежности друг к другу, что соображения, побудившие его королевское величество предложить принцу предпринять путешествие за границу, исходили исключительно с одной стороны из опасения, как бы личность принца не подверглась опасности в Голландии, а с другой стороны вследствие критического положения страны, требующего крайней осмотрительности. Его превосходительство, очевидно побуждаемый чувством досады, добавил, что если уже произошло такое осложнение, то его следует приписать тому беспомощному положению, в котором оказались покинутые державами

Нидерланды, и тем ежечасно возрастающим опасностям, которое им угрожают. Со своей стороны он нисколько не сомневается, как это он и ранее утверждал, в добрых намерениях, руководящих принцем, но что он не осмелится в качестве министра, дабы не принять на себя слишком тяжелой ответственности, посоветовать принцу вновь появиться в Голландии перед раздраженным и возбужденным народом.

На следующий день я, с согласия короля, отправился к принцу в Вильгельмсдорф. Я его нашел удрученным суровым по отношению к нему поступком короля и тем, что его истинные намерения были неправильно поняты северными провинциями, чувства которых он никогда не помышлял оскорбить и интересам которых он не желал повредить. Его королевское высочество прочитал мне письмо, которое он направлял королю, чтобы испросить у него более широких полномочий, и в котором принц предусматривал случаи, когда он, может быть, увидит себя вынужденным преступить пределы предоставляемых ему полномочий.

Ответ короля, повидимому, вполне соответствовал намерениям и видам принца и предоставлял ему требуемую свободу. Его королевское высочество уверило меня, что опубликованием своей прокламации он не преследовал никаких других целей, кроме успокоения брожения в Антверпене и привлечения к себе партии оранжистов для того, чтобы вернуть династии и королю восставшие провинции. Я позволил себе дать ему понять, насколько важно в общих интересах и в интересах Нидерландов, чтобы ни один из вопросов, относительно которых король пригласил державы сговориться с ним, не оказался опрометчиво предрешенным необдуманными актами. Я ему подчеркнул все неудобства и опасности, связанные с получением короны из рук народа на унизительных и тягостных условиях между тем, как она может достаться ему чистой и незапятнанной, благодаря его неотъемлемым правам и поддержке Европы. Я выразил надежду, что использовав все средства и всем пожертвовав, чтобы вразумить население, сбитое с толку недостойной партией, принц будет спокойно и доверчиво ожидать решений союзников, которые займутся судьбой Бельгии.

Английский посланник, приехавший в Вильгельмсдорф к принцу через несколько часов после моего отъезда оттуда, пользовался теми же доводами и говорил в том же духе. В момент своего приезда он застал принца за составлением письма, в котором тот сообщал отцу, что со взятием Антверпена его, принца, отношение к бельгийцам коренным образом изменилось и, что ввиду намерения последних напасть на голландскую землю, он умоляет его величество разрешить ему защищать ее и принять его услуги. В ответ на это письмо король пригласил принца приехать в Гаагу, где после долгих колебаний было окончательно решено, что его королевское высочество отправится в Лондон и повезет с собой письмо его величества к английскому королю. В то же время принц должен обратить внимание английского правительства на опасное положение, в котором теперь оказалась Голландия, не располагающая оборонительными средствами против угрожающего распространения повстанческой армии, а также настойчиво добиваться, чтобы Англия вместе с берлинским кабинетом немедленно выработали необходимые для приостановления движения повстанцев меры и этим предупредили бесчисленные бедствия, к которым это движение может привести.

Вопреки опасениям барона Верстольк де Сёлен, связанных с появлением в настоящих условиях в Голландии принца Оранского, его пребывание в Гааге не было омрачено никакими проявлениями неудовольствия или досады со стороны публики.

Поведение принца было, конечно, прискорбно, но если его королевское высочество и допустил ошибки в суждениях и в выборе средств, то это произошло от горячего желания добиться цели, которую сам король в своих секретных инструкциях наметил ему. Его намерения были чисты и лойяльны, между тем как во взглядах и надеждах советников его величества можно заподозрить меньше искренности и откровенности. Они построили свои расчеты на результатах миссии принца, и так как она успеха не имела, им оставалось только одно из двух, либо скомпрометировать в глазах Европы и нации принца, либо самих себя. К счастью, исход этих чрезвычайных осложнений ничего не прибавил к затруднениям, которыми бельгийские дела и так уже слишком обильно загружены: правительство, король и принц ходом событий были возвращены на тот прямой и надлежащий путь, на котором я с своей стороны буду стараться их удержать всеми моими слабыми силами.

Н. Гурьев.

Депеша русского посланника в Нидерландах Гурьева министру иностранных дел Нессельроде, 4 ноября (23 октября) 1830 г.*

Граф!

Его высочество принц Оранский вчера в полдень сел в Роттердаме на паровой пакетбот и отправился в Лондон. Для посадки на корабль его королевское высочество спустился на городскую набережную среди многочисленной толпы, ожидавшей его там и встретившей его с выражением удовлетворения. Его свита состоит из трех адъютантов: графа Крокенбурга, де Монсо и де Стиума, а также из двух секретарей.

Отправляя принца с миссией добиваться в Лондоне помощи английского кабинета, чтобы, если возможно, отстоять по крайней мере важную антверпенскую позицию и Голландию от нашествия восставших, король поручил в то же время своему представителю в Берлине настаивать на подобной же просьбе относительно Маастрихта и других пунктов на Маасе. Его величество полагает, что Франция, не станет противодействовать, если державы согласятся оказать Голландии поддержку, а территория Бельгии останется неприкосновенной. Если же Франция на самом деле захочет довести до таких пределов поддержку абсурдного принципа невмешательства, тогда она наиболее очевидным образом докажет всему миру свои враждебные намерения по отношению к Европе и навлечет на себя всю ответственность за последствия своего поведения.

В своих беседах с дипломатическим корпусом французский посланник при нидерландском дворе г-н Бертен де Во, повидимому, намекает на желание своего двора, чтобы принц Оранский был поставлен во главе правительства Бельгии, обращенной в независимое государство. То же пожелание этот посол выразил во время своей первой аудиенции лично принцу, ставя, конечно, осуществление этого пожелания в зависимость от необходимого согласия короля и держав.

Общественный кредит в Голландии временно укрепился, благодаря правительственным финансовым мероприятиям, направленным к покрытию чрезвычайных расходов государства и к обеспечению выплаты процентов по долгам. Финансовые мероприятия заключаются главным образом в увеличении прямых налогов и в выпуске правительственных 6-процентных бумаг, которые будут приниматься королевскими кассами по номинальной цене.

Н Гурьев

* К—42.

Депеша министерства иностранных дел русскому посланнику в Нидерландах Гурьеву, 5 ноября (24 октября) 1830 г. *

Граф!

Ваши депеши нами получены и представлены на усмотрение императора. Та депеша, которая дает отчет о решении его высочества принца Оранского признать независимость Бельгии и стать, так сказать, во главе движения, волнующего эту провинцию, должна была, конечно, произвести на нашего августейшего государя глубокое и тягостное впечатление. Однако, его императорское величество желает пока воздержаться от всякого преждевременного суждения относительно шага, который его королевское высочество сочло нужным предпринять и относительно мотивов, которыми этот шаг мог быть продиктован. Каковы бы они ни были, его величество с сожалением предвидит те новые осложнения, к которым неизбежно должна привести прокламация от 16 октября и в особенности насколько она затруднит вмешательство союзных дворов в дело умиротворения бельгийских провинций и сохранения их за Оранским домом.

При настоящем положении вещей император полагает, что императорской миссии в Гааге не подобает присутствием одного из своих чиновников при его высочестве принце Оранском, так сказать, одобрять поступок столь ясно противоречащий намерениям союза, поэтому его величество предлагает вам, граф, отозвать к себе кн. Голицына. Мы хотим думать, что его королевскому высочеству самому угодно будет оценить мотивы этой меры.

Депеши графа Поццо ди Борго и графа Матушевича сообщают нам о просьбе французского правительства назначить местом для переговоров по бельгийскому вопросу Париж, а между тем английское министерство сильно и основательно настаивает на необходимости избрать Лондон, даже предпочтительнее, чем Гаагу, местом открытия конференции.

Соображения, говорящие за этот выбор, представляются столь решительными в глазах нашего августейшего государя, что он без колебаний присоединяется к ним, и вы соблаговолите, граф напрячь все усилия, чтобы побудить нидерландское правительство также присоединиться к ним.

В первый момент, когда король пригласил союзников договориться с ним по вопросу об административном отделении Бельгии, императорский кабинет поспешил снабдить вас наставлениями и полномочиями, позволяющими вам принимать участие в совещаниях, которые тогда могли беспрепятственно происходить в Гааге или в каком-либо другом городе королевства, как предполагало королевское министерство.

Но с тех пор события развивались с такой быстротой и положение вещей так досадно изменилось, что сейчас более чем когда-либо безусловно необходимы быстрые решения. А между тем, последние будут невозможны, если они предварительно станут предметом переписки, связанной с неизбежными задержками. Англия, более всех других союзных держав заинтересованная в делах Бельгии, не может спокойно дать своему представителю в Гааге столь широких полномочий, чтобы он был в состоянии немедленно разрешать все разнообразные вопросы, которые ежедневно могут возникнуть в связи с этим делом. Таким образом, переговоры надлежит вести только в самом Лондоне, на глазах, так сказать, у британского кабинета для того, чтобы эти переговоры дали результаты, требуемые неотложной спешностью момента.

* К—12.

Есть еще одно соображение, которое нидерландский двор не должен упускать из вида. Если местом совещания будет Гаага, то французское правительство, допущенное на совещание, не преминет потребовать, чтобы Бельгия также была приглашена принять в нем участие через своего представителя. Для нидерландского короля было бы одинаково неудобно как отклонить это предложение, так и принять его. В Лондоне же будет легко его отклонить. Таким образом, в интересах самого нидерландского правительства, мы должны предложить ему присоединиться к желанию британского кабинета и снабдить своего посла в Лондоне полномочиями, которые ему потребуются для разрешения с английским министерством и с представителями других дворов важных вопросов, затрагивающих судьбу Бельгии.

Вы соблаговолите, граф, держать гр. Матушевича, а после него кн. Ливена, в курсе результатов, которых вы достигнете в этом отношении.

В начале документа имеется помета Николая I: «Быть по сему».

Речь, произнесенная г-ном де Поттером от имени временного правительства на открытии национального конгресса в Брюсселе 10 ноября (30 октября) 1830 г.*

Именем бельгийского народа временное правительство объявляет Собрание представителей нации открытым.

Этим представителям нация поручила высокую миссию — воздвигнуть на широких и прочных основах свободы здание нового социального порядка, который станет для Бельгии началом и обеспечением продолжительного счастья.

Вы знаете, господа, что в эпоху нашего объединения с Голландией, нотаблям [18], назначенным правительством, был представлен основной закон не с тем, однако, чтобы они рассмотрели, обсудили его, внесли поправки и, наконец, приняв, сделали его условием договора между народом и главой государства, а единственно для того, чтобы они слепо подчинились ему или же целиком отвергли его. Он был отклонен, как этого и следовало ожидать от здравого смысла и честности бельгийцев; но с неслыханными уловками он был объявлен принятым; и навязанная Голландией конституция тяготела над нашей родиной.

Если бы все предписания этого основного закона, по крайней мере, выполнялись свободно, то, может быть, со временем и благодаря успехам, которых ежедневно достигала на своем поприще под влиянием министерского произвола конституционная оппозиция, этот закон мог стать надеждой бельгийской свободы.

Но как далеко до этого! Насилие над совестью; скованное преподавание; печать, принужденная либо превратиться в орудие правительства, либо молчать; произвольный подмен законного строя, установленного общественным договором, режимом постановлений; непризнание права петиций, смешение всех властей, перешедших в ведение одной из них; самовластное навязывание привилегированного языка; несменяемость судей, низведенных до роли правительственных комиссаров; полное отсутствие обеспечения гласности и суда присяжных; долги и огромные расходы, доставшиеся нам от Голландии в качестве единственного приданого за время нашего плачевного объединения; налоги невыносимые по размерам и еще больше по их распределению, крайне непопулярному, целиком направленному вовред нуждающимся классам; законы, принятые голосами голландцев в пользу одной

* К—42.

только Голландии и направленные против Бельгии, столь неравноправно представленной в старых Генеральных штатах; назначение местопребыванием всех главных присутственных мест и всех важных государственных учреждений в той же Голландии; позорное расхищение специальных фондов, предназначенных для поощрения промышленности; наконец, возмутительное пристрастие, проявляемое при распределении гражданских и военных должностей правительством, в глазах которого бельгийское происхождение являлось позорным клеймом; одним словом, с Бельгией обходились как с завоеванной провинцией, как с колонией. Все это, господа, делало революцию необходимой, неизбежной и ускоряло ее взрыв.

Такие глубокие обиды, такие действительные обиды должны были также обеспечить соответствующий исход революции.

Когда мы восстали против деспотизма, чтобы отвоевать наши права, с нами тирания обращалась как с мятежниками. Наши сожженные города, варварские деяния, не пощадившие даже стариков и женщин, попираемые ногами законы человеколюбия и прав войны,— все это свидетельствует о свирепости наших врагов и в то же время заставляет благословлять победу народа, очистившего от них нашу землю.

Плодом этой победы явилась независимость. Народ провозгласил ее через нас. Будучи выразителем его желаний, временное правительство созвало вас, господа, людей избранных бельгийской нацией, чтобы установить эту независимость и упрочить ее навсегда.

В ожидании, когда вы могли бы явиться для выполнения этой задачи, был необходим центральный аппарат для удовлетворения первоначальных, наиболее неотложных, потребностей государства. Было образовано временное правительство и оно на время заняло место отсутствующей власти. Необходимость какого-нибудь правительства явилась оправданием его миссии. Согласие народа утвердило его полномочия.

Все приходилось делать заново, все приходилось создавать. Необходимо было реорганизовать внутреннюю администрацию, судебную власть, финансы, армию и ту гражданскую гвардию, на которую отныне будут опираться современные государства. Вам, господа, и нации, смеем надеяться, предстоит все это утвердить. Отмена ненавистного налога на убойный скот[19], введение полной гласности уголовного судопроизводства, введение обещанного суда присяжных и обеспечение новыми гарантиями подсудимых в уголовном суде, отмена унизительных телесных наказаний, народные выборы бургомистров и городских управлений, прямые выборы депутатов в национальный конгресс, уничтожение общих полицейских управлений, уничтожение общей высшей полиции, освобождение драматического искусства, гласность бюджетов общин и, наконец, полная и широкая свобода печати, преподавания, всевозможных объединений, мнений и исповеданий, отныне освобожденных от всякой боязни преследования и от всяких опасных привилегий — вот, господа, главные мероприятия, с которыми временное правительство предстает перед нацией и ее представителями.

В условиях, в которых находилась нация и мы сами, мы не сочли нужным установить сношения с иностранными государствами. Мы, впрочем, совершенно точно знали и можем вас решительно уверить, что принцип невмешательства по отношению к нам будет строго соблюдаться. Мы считаем, таким образом, что свободная Бельгия должна основать свою независимость собственными силами и быть всегда готовой направить их против всякого, кто захотел бы нарушить это священное право.

Уже после того, как мы приняли это решение, мы получили от пяти великих держав официальные сообщения, которыми мы счастливы по-

делиться с вами в этот торжественный день. Эти сообщения полностью подтверждают высказанные выше уверения и дают нам право надеяться, что с близким прекращением враждебных действий вся территория Бельгии будет эвакуирована без всяких условий.

Господа, вам предстоит закончить и упрочить нашу работу. Положите основание нашего будущего благополучия на принципах всеобщей свободы, равенства всех перед законом и самой строгой экономии. Пусть народу будет дана возможность извлечь пользу из нашей революции. Уменьшив государственные расходы до размеров, соответствующих действительным потребностям, снизив жалование общественным чиновникам до такого уровня, чтобы оно являлось только справедливым вознаграждением за время и способности, отданные родине, наконец, отменив ненужные должности и многочисленные пенсии, слишком часто назначаемые за раболепие, вы получите возможность закончить дело нашего национального возрождения.

А мы, господа, в каком бы положении мы ни оказались, всем сердцем, всеми нашими средствами, всеми нашими усилиями будем поддерживать это патриотическое дело после его успешного завершения и будем счастливы раствориться в рядах народа, который разом все одолеет и обеспечит благодеяния победы.

Именем бельгийского народа национальный конгресс открыт!

Депеша русского посланника Гурьева министру иностранных дел Нессельроде, 24 (12) ноября 1830 г. *

Граф!

Ваше превосходительство, несомненно, уже знаете из газет о поводах, на которые сослался г-н де Поттер, мотивируя свой уход из временного правительства и домогаясь от национального конгресса власти, превышающей власть правительства, в силу которой конгресс был созван и получил свое бытие.

Переходя к порядку дня, в связи с письмом г-на де Поттера, в котором он представил свои соображения, конгресс объявил о поражении республиканской партии. После этого в собрание были внесены предложения высокой важности, касающиеся предполагаемой формы правления в Бельгии и устранения династии Нассау от верховной власти в этой стране.

Полный перерыв в наших сношениях с восставшими провинциями, сведения откуда мы получаем лишь косвенным образом из французских и германских газет, ставит меня, к великому моему сожалению, в совершенную невозможность осведомлять о происходящих событиях императорское министерство со всей той быстротой и точностью, которых эти события заслуживают. Сегодня, однако, я в состоянии передать ему некоторые заслуживающие доверия сведения, в частности о положении города Брюсселя, о преобладающем там настроении и вообще о намерениях членов конгресса.

Удаление вольных отрядов, составленных большей частью из французов и всякого рода авантюристов, к границам Бельгии весьма благоприятствовало восстановлению порядка и спокойствия в Брюсселе. Тем временем там образована под начальством барона Гугворста многочисленная и хорошо вооруженная городская стража, полная решимости предупредить возобновление эксцессов, жертвой которых уже был этот город. Ей удается удерживать простонародие в страхе и послушании. Усилиями мирной и благонамеренной буржуазии клубы оказались совершенно дискредитированными и низведенными до малень-

* К—42.

кой кучки людей. Всевозможные попытки г. де Поттера восстановить их до сих пор оставались тщетными. Он сам, возбуждавший тревогу своими происками и приписываемыми ему зажигательными плакатами, взят под строгий надзор. Никто не сомневается, что большинство городской буржуазии еще склонно высказаться в пользу принца Оранского, если бы ее не удерживало опасение, что враждебное принцу меньшинство постарается вновь возбудить беспорядки.

Тот же дух умеренности, повидимому, также преобладает в недрах национального конгресса, за исключением нескольких исступленных католиков и якобинцев, которые своим единением и своим поведением нарушают тем не менее свободу прений и выражения действительных чувств, а также свободу голосования большинства. Между тем последнее высказалось за монархический образ правления. Что касается устранения династии, то оно голосовало за устранение ее не в абсолютном смысле, а из желания оставаться последовательным и исходить из популярного принципа на случай, если впоследствии придется остановить свой выбор на принце из дома Нассау. Таким образом возможность избрания конгрессом принца Оранского не вполне отпала.

Если бы Бельгия была предоставлена самой себе, если бы бельгийцы имели время поразмыслить, то нет сомнения, что стоит лишь разъяснить им их выгоды и их положение, и они в конце концов согласуют свои пожелания с теми, которые наилучшим образом обеспечат им одновременно их благополучие и всеобщее спокойствие. Но, к несчастью, нет возможности изолировать эту страну от коварного соседства французских революционеров, действующих против бельгийской нации и даже против самого временного правительства. Они, очевидно, намерены всеми имеющимися в их распоряжении средствами воспрепятствовать установлению какого бы то ни было порядка в Бельгии для того, чтобы смутой и беспорядками заставить ее быть с ними за одно. Вопреки повторным распоряжениям временного правительства не допускать больше помощи людьми и вооружением, поступающей со стороны Франции, толпы французов, после предварительной посылки ружей, продолжают переходить границы и насильно становятся в ряды инсургентов.

Н. Гурьев.

Собственноручные заметки его величества императора Николая I о политических событиях года*

Настоящие серьезные обстоятельства в их связи с прямыми интересами России заставили меня дать самому себе отчет в испытываемых мною побуждениях. Последствия их рассмотрения перед судом моей совести, повидимому, определяют мои обязанности.

Географическое положение России до того благоприятно, что в отношении ее собственных интересов оно делает ее почти независимой от всего происходящего в Европе; ей незачем искать себе союзников, так как ей нечего страшиться, ей достаточно ее границ — в этом отношении ей нечего желать и, следовательно, она не должна бы никому внушать беспокойства. Обстоятельства, приведшие к заключению существующих договоров, относятся к эпохе, когда Россия, победив и уничтожив неслыханную агрессию Наполеона, явилась в качестве освободительницы на помощь Европе для свержения угнетавшего ее ига. Но воспоминания о благодеяниях стираются быстрее, нежели воспоминания об оскорблениях. Уже в Вене недобросовестность чуть не расторгла едва скрепленный союз [20], и только новая общая опасность

* К—74, без даты.

заставила державы искренно примкнуть к тому, кто, однажды, уже был их освободителем и кто всегда был великодушным[21].

В течение последовавших затем 10 лет союз между Россией, Австрией и Пруссией казался крепким, однако, эти две державы не раз отклонялись от буквального смысла и основных принципов, на которые опирались союзные договоры. И только терпению и умеренности императора удавалось или направлять их на истинный путь, или скрывать расхождение во мнениях, благодаря неисчерпаемому желанию сохранить видимость полнейшей дружбы.

Когда провидение отняло его у России, мы вскоре увидели, что наряду с прекраснейшими уверениями Австрия имела свои скрытые замыслы. Пруссия, правда, долгое время оставалась верной нам, но у нас обнаружилось значительное различие в отношениях лично с королем и с его министрами.

Все таки до позорной Июльской революции не было поводов для резкого расхождения. Мы задолго предвидели это ужасное событие и для убеждения Карла X и его министров мы исчерпали все средства, допустимые дружбой и нашими добрыми отношениями. Все было напрасно. Тогда мы не поколебались энергично выразить порицание незаконным выступлениям Карла X, но могли ли мы в то же самое время признать другого, менее законного для Франции,— чем того, кто имел все права быть призванным. В этом заключалось выполнение нашего долга и верность принципам, которые руководили всеми действиями союзников в течение пятнадцати лет. Между тем наши союзники, не посоветовавшись с нами о столь важном, столь решительном шаге, поспешили своим признанием увенчать восстание и захват власти, фатальный и непонятный шаг, с которым следует связать цепь бедствий, не переставших с этого момента обрушиваться на Европу. Мы сопротивлялись, ибо в этом был наш долг; я уступил исключительно ради сохранения союза. Не трудно было предвидеть, что после такого примера столь пагубной трусости целый ряд событий и выступлений, вытекающих отсюда, не мог остановиться и, действительно, Брюссель вскоре последовал примеру Парижа. Там, в Париже, была виновата королевская власть, так как восстанию дала повод именно она. В Брюсселе, напротив, ничего подобного не произошло; были лишь благодеяния монарха. А между тем был применен тот же принцип. Было сказано: «Страна больше не признает своего прежнего господина, значит это страна независимая. Поспешим признать ее таковой и организуем ее, дав ей господина». Но государь еще владел своим древним наследием и, думая только о своей чести, не поколебался употребить все усилия для ее сохранения — этот величественный пример заслуживает лучшей участи и более достойной оценки.

Австрия и Пруссия, подобно тому как они поступили относительно Франции, не посоветовавшись предварительно со своими старыми союзниками,— поспешили дать свое согласие. Мы же с самого начала следовали по иному, более благородному пути и, будучи поборниками принципа справедливости, не посчитались с гневом Англии и Франции. Можно ли нам, заявляем мы, изменить свое поведение.

Оставим, однако, в стороне вопрос о чести и поговорим только о выгоде. Заключается ли она в том, чтобы дать согласие на этот новый акт несправедливости? Значит ли это сохранять старый союз, если мы сообща будем стремиться разрушить наше собственное создание? Существует ли еще старый союз, если две из держав идут по направлению прямо противоположному тому, которое обусловило возникновение старого союза? Существует ли он еще, если Пруссия дает понять, что даже в случае французского вторжения в Австрию, она окажет последней лишь моральную поддержку? Это ли, великий боже, союз, созданный

нашим бессмертным императором? Будем постоянно хранить этот священный огонь и не обесчестим его новым согласием с актами подлости и несправедливости держав, претендующих на союз с нами лишь тогда, когда мы им нужны для усложнения подобных действий. Будем сохранять, говорю я, священный огонь для торжественного момента, которого никакая человеческая сила не может избежать, не может задержать,— момента, когда должна будет возникнуть борьба между справедливостью и адским принципом. Час близок, и пусть в таком случае, мы явимся тем знамением, к которому поневоле и в собственных интересах еще раз присоединятся те, кто сейчас трепещет.

Мы признали факт независимости Бельгии, так как король Нидерландов сам признал его, но мы не признаем Леопольда [22], так как не имеем никакого права это сделать потому, что король Нидерландов его не признает. Не будем, однако, скрывать нашего явного неодобрения двойственному и фальшивому поведению короля и покинем конференцию.

Если Франция и Англия объединятся, чтобы напасть на Голландию, мы будем протестовать, ибо большего мы сделать не можем, но имя русское, по крайней мере, останется незапятнанным участием в подобном акте. Мы все время должны твердить Австрии и Пруссии об одном и том же, мы должны постоянно им указывать на опасность того пути, по которому они идут, и доказывать, что именно они удаляются от принципов союза, что мы никогда не совершим той же ошибки, так как узрели бы тогда неминуемую гибель доброго дела, что в опасный момент мы всегда будем готовы поспешить на помощь тем из наших союзников, которые вернутся к нашим принципам, но что в противном случае Россия никогда не станет жертвовать ни сокровищами своими, ни драгоценной кровью своих солдат.

Такова моя исповедь,— она серьезна, решительна, она ставит нас в новое положение,— пусть изолированное, но, смею сказать это, почтенное и нас достойное.

Кто посмеет на нас напасть? Если кто-нибудь дерзнет, то я буду одной из опор народа, так как он определит положение и сумеет, с божьей помощью, наказать дерзость атрессоров.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] События в Брюсселе.

Недовольство бельгийцев политикой нидерландского правительства усилилось еще больше под влиянием вспыхнувшей во Франции июльской революции.

Сигналом к восстанию в Брюсселе послужило представление 25 августа оперы «Фенелла или Немая из Портичи», оперы патриотического характера. До того времени исполнение в Бельгии этой оперы было запрещено. Когда после окончания спектакля опустился занавес, ясно обнаружилось стремление присутствующих привести в исполнение содержание оперы.

Перед театром собралась толпа, бросившаяся затем громить типографию министерской газеты «Le National», созданной для борьбы с враждебной правительству прессой и выходившей под редакцией ненавистного бельгийцам итальянца Либри-Баньона. Толпа разрушила здание министерства юстиции, дома начальника полиции Книффа и министра юстиции Ван-Маанена. На следующий день пострадали и некоторые фабричные здания. Испуганная народным выступлением крупная буржуазия организовала гражданскую гвардию для охраны «порядка» в городе. Был учрежден комитет, который временно взял в свои руки правительственную власть. На городской ратуше было вывешено (27 августа) черно-красно-желтое древнее знамя Брабанта, а королевские гербы сняты.

Из Брюсселя восстание стало перебрасываться в другие города южных провинций.

[2] Вильгельм I, первый король Нидерландов, великий герцог Люксембургский, принц Нассау-Оранский (1772—1843). В 1795 г. разбитый войсками французской республики бежал из Голландии, вместе со своим отцом, наследственным штатгальтером Нидерландов Вильгельмом V. В 1806 г., по смерти отца, наследовал Нассауские владения; тогда же, служа в прусской армии, попал в плен к французам и был лишен Наполеоном I. принадлежавших ему владений. В 1809 г. служил в австрийской армии, затем, побывав в Англии, в качестве претендента из Оранского дома на нидерландский престол, переехал на материк. В 1814 г., во время войны с Наполеоном, которую вела коалиция европейских держав, он присоединил к союзным армиям голландские войска и захватил власть в Голландии. Когда по постановлению Венского конгресса к Голландии была присоединена Бельгия, он сделался в 1815 году первым королем Нидерландским под именем Вильгельма I.

После революции 1830 г., когда Бельгия отделилась от Голландии и Вильгельм I остался королем только северных провинций бывшего Нидерландского королевства, он упорно не признавал самостоятельности Бельгии и подчинился решению держав лишь в 1839 г., когда был наконец заключен мир между Нидерландами и Бельгией.

В 1840 г. Вильгельм I отрекся от престола в пользу своего сына — Вильгельма II.

[3] Луи Филипп (1773—1850), король Франции (1830—1848).

[4] Часть Брабанта, часть Фландрии, Геннегау (Эно), Намюр, Лимбург, Люксембург, южная часть Гельдерна и Люттих.

[5] У короля Нидерландского Вильгельма I было два сына, игравших большую роль во время бельгийской революции 1830 года, принцы: Вильгельм и Фридрих.

Принц Вильгельм Оранский, наследник Нидерландского престола (1792—1849). Воспитывался в военной академии в Берлине. Кончил курс Оксфордского университета. Служил полковником в Испанской армии. В 1815 г. командовал нидерландскими войсками, показал себя способным военачальником, был ранен при Ватерлоо. Принц Оранский был женат на сестре русского императора Николая I, великой княгине Анне Павловне. Во время революции 1830 г., после того как король-отец лишил его полномочий, он должен был уехать в Англию, но затем вернулся и стал во главе нидерландских войск, которые вели вооруженную борьбу с бельгийцами. Успешные действия принца Вильгельма Оранского были парализованы в 1831 г. вмешательством французских войск.

В 1840 г., после отречения его отца, принц Вильгельм Оранский вступил на престол под именем Вильгельма II. Царствовал с 1840 по 1849 г.

Принц Фридрих (Фриц) — второй сын короля Нидерландов Вильгельма I, адмирал флота и генерал-полковник сухопутных войск. Принимал активное участие в борьбе с бельгийцами во время революции 1830 года.

[6] Голландия, Зеландия, Утрехт, Гельдерланд, Овер-Иссель, Фрисляндия, Гронинген, часть Брабанта, часть Фландрии, северная часть Гельдерна.

[7] Де Поттер Луи-Жозеф-Антуан (1786—1850) — бельгийский политический деятель, литератор и публицист либерально-демократического направления. Выступал в печати против нидерландского правительства, католического духовенства и аристократии. В 1828 г., за статью, содержавшую резкие нападки на правительство, был приговорен к денежному штрафу и восемнадцатимесячному заключению в тюрьме.

За новую статью, в которой Поттер выяснял, что существующая система управления Бельгией совершенно не соответствует духу конституционной монархии, а также за учреждение общества взаимопомощи должностных лиц, сторонников либеральной оппозиции, Поттер был приговорен судом к восьми годам изгнания. Из Парижа, куда он уехал, он отправил письмо королю Вильгельму, убеждая его сделать уступки желаниям народа, выраженным в многочисленных петициях. Когда вспыхнула бельгийская революция, Поттер вернулся в Брюссель и стал членом Временного правительства.

На созванном после заключения перемирия Национальном Конгрессе (10 ноября 1830 г.), который провозгласил независимость Бельгии и отверг права Нассау-Оранского дома на бельгийский престол, Поттер предложил учредить в Бельгии республику. Его предложение не было принято. Конгресс решил установить конституционно-монархический образ правления и по согласованию с европейскими державами избрать новую династию. Тогда Поттер отказался от политической деятельности и уехал во Францию, где и окончил жизнь частным человеком.

[8] Генеральные штаты в Голландии, согласно конституции 1814 г., являлись собранием представителей, избираемых провинциальными штатами. После соединения Голландии с Бельгией в единое Нидерландское королевство Ге-

неральными штатами и собранием нотаблей была принята 24 августа 1815 г. новая конституция.

Большинство бельгийцев было недовольно конституцией, как более выгодной для голландцев, и считали ее насильно навязанной им уже потому, что при ее утверждении было допущено произвольное толкование произведенного голосования. В то время как в Гааге конституция была принята (голландцами) безо всяких возражений, в Брюсселе она была отвергнута (бельгийцами) большинством голосов. Из наличных 1323 нотаблей за нее подало голос 527 человек, а 796 высказались против нее; тогда не принимавшие участия в подаче голоса были причислены к вотировавшим за нее.

В силу принятой таким путем конституции на обе составные части королевства, т. е. на Голландию и Бельгию, приходилось по равному числу представителей, в то время как по густоте населения Бельгия должна была бы иметь в Генеральных штатах не менее 68 депутатов из общего числа 110. Этой неравномерностью в представительстве также были недовольны бельгийцы.

Генеральные штаты были разделены на две палаты. Между представителями Голландии и Бельгии не было единодушия, и в Генеральных штатах законопроекты проводились голосами голландцев, объединившихся с министерской фракцией бельгийцев.

[9] Лафайэтт (1757—1834), с которым здесь сравнивается Поттер, был французским генералом и политическим деятелем умеренно-либерального направления. Он участвовал в войне за независимость Северо-Американских штатов (1776—1783) и во Французской революции 1789 года. Командовал национальной гвардией и выступал против демократического движения. В 1792 г., после провозглашения Республики, бежал за-границу. В 1818—1824 и 1825—1830 гг. был членом палаты депутатов и принадлежал к ее левой части. В качестве одного из вождей либеральной партии Лафайет принял деятельное участие в Июльской революции 1830 г. и в первое время после нее пользовался большим политическим влиянием в качестве главнокомандующего национальной гвардией.

[10] Имеется в виду правительство Реставрации (1814—1830).

[11] В столице Австрии, городе Вене, с октября 1814 г. по июнь 1815 г. происходил конгресс представителей европейских государств, собравшийся для того, чтобы по-новому перекроить политическую карту Европы, подвергшуюся большим изменениям в результате революционных войн и войн Наполеона I. Главными действующими лицами на Конгрессе были представители четырех союзных держав — Англии, Австрии, Пруссии и России. В основу работы конгресса был положен реакционно-монархический принцип легитимизма, выдвинутый представителем Франции — Талейраном. Так называемый заключительный или генеральный акт Венского конгресса был подписан 9 июля 1815 г. Англией, Австрией, Пруссией, Россией, Францией, Испанией, Португалией и Швецией. Конгресс увековечил политическую раздробленность Германии и Италии, поставил часть верхней Италии под власть Австрии, раздробил польские земли между Россией, Пруссией и Австрией, увеличил территории этих государств и обеспечил торгово-промышленное преобладание Англии в Европе.

Чтобы не дать разгромленной Франции быстро оправиться и вновь стать грозным противником, а также чтобы создать более надежную охрану северо-германских границ, была, по настоянию Англии, усилена Голландия присоединением к ней Бельгии. Решением конгресса 31 мая 1815 г. было создано Нидерландское королевство.

Политическая система, сложившаяся на основе реакционных венских трактатов 1815 г., была окончательно ликвидирована лишь в период национального воссоединения Германии и Италии.

[12] Ввиду того, что буржуазная часть населения Брюсселя, опасавшаяся за свое имущество и жизнь, просила принца Фридриха занять город, он не преминул сослаться на это в прокламации, обнародованной им 21 сентября 1830 года. Он заявил в этой прокламации, что общая амнистия не коснется главных зачинщиков волнений и «беспокойных иностранцев», которые будут наказаны по всей строгости законов, и предложил гражданской гвардии снять брабантские национальные цвета. Но жители Брюсселя, приглашая Фридриха, высказали пожелание, чтобы все восставшие остались безнаказанными.

[13] Casus foederis — латинское выражение, означает: предусмотренное союзным соглашением обстоятельство, разрешающее договорившимся сторонам ссылаться на статьи такого соглашения.

[14] Валлоны — название, даваемое народу галло-романского происхождения, населяющему большую часть бельгийских провинций (Южный Брабант, Ген-

негау, Люттих, запад. часть Люксембурга и Намюр) и говорящему на французском языке. Валлоны играли большую роль в бельгийской революции 1830 г.

[15] Одной из попыток сохранить для Оранской династии обе части Нидерландов — Бельгию и Голландию была прокламация принца Оранского от 4 октября 1830 г., в которой он обещал учреждение отдельной администрации для бельгийских провинций, полную амнистию за политические проступки и свободу в организации народного образования.

[16] Прокламация принца Оранского от 16 октября 1830 г. является дальнейшей попыткой сохранить для Оранской династии бельгийские провинции. В этой прокламации он, идя на дальнейшие уступки, признавал независимость Бельгии и выражал готовность стать во главе бельгийского национального движения и подчиниться решению свободно избранного конгресса. Король Вильгельм не одобрил этой прокламации и признал ее недействительной. Выступлением принца был очень недоволен и Николай I.

[17] Когда в августе 1830 г. возникли волнения в южных бельгийских провинциях, король Вильгельм согласился, чтобы наследный принц Вильгельм Оранский отправился в Брюссель, главный очаг волнений, и попытался вступить в переговоры с восставшими. Принц Вильгельм, вместе с братом, принцем Фридрихом, в сопровождении войск направились к Брюсселю и расположили свою главную квартиру в 2-х часах езды от него, в Вильвурдене. Прибывшая туда депутация горожан во главе с Гугворстом и бывшим мэром города Руппе выслушала упреки и распоряжения снять городские цвета, восстановить сброшенные королевские гербы и не чинить никаких препятствий вступлению королевских войск в Брюссель. Требования принцев послужили сигналом к восстанию; все население приготовилось к обороне. Чтобы избегнуть сражения в городе со всеми его последствиями, принц Вильгельм Оранский добился согласия горожан допустить его с небольшой свитой для переговоров в город. Переговоры оказались безрезультатными.

Прибывшей в Гаагу депутации король ответил, что требования брюссельцев об увольнении ненавистного народу министра юстиции Ван-Маанена и установлении ответственности министров не будут выполнены, пока порядок не будет вполне восстановлен, что король будет поступать в согласии с Генеральными штатами, имеющими собраться в Гааге 13 сентября. Такой ответ короля подорвал всякую надежду на мирное соглашение.

[18] Нотабли — именитые люди страны, выбираемые из среды духовенства, дворянства и крупной буржуазии.

[19] В силу конституции 1815 г. постоянные государственные расходы утверждались на 10 лет, а чрезвычайные ежегодно. Все возрастающие расходы, ежегодный дефицит заставляли нидерландское правительство повышать ставки старых налогов на предметы первой необходимости и устанавливать новые палоги на убойный скот и муку.

[20] Имеется, вероятно, в виду союзный договор 25 марта 1815 года, заключенный правительствами Австрии, Англии, Пруссии и России (к ним присоединились затем другие державы) для борьбы с Наполеоном, бежавшим с о-ва Эльбы и снова захватившим власть во Франции.

[21] Николай I имеет здесь в виду своего брата Александра I.

[22] Леопольд Саксен-Кобургский (1790—1865) — немецкий владетельный князь. В 1808—1810 гг. и в 1813—1814 годах состоял на русской службе. В 1816 г. женился на наследнице английского престола Шарлотте и был произведен в британские маршалы и тайные советники. В 1830 году отказался от предложенной ему греческой короны. В 1831 году был избран королем Бельгии (Леопольд I).

Первый русский проект подводной лодки

Публикуемые ниже материалы о первом русском проекте подводной лодки и его авторе представляют значительный интерес. Во-первых, они знакомят читателя с первою в России попыткою изобретения подводной лодки. Во-вторых, они рисуют очень яркую картину апатичного отношения царского правительства к делу громадного военного значения, и с этой точки зрения материалы следует рассматривать не как случайный эпизод в судьбе одного изобретения, но как черту, характерную для отжившего прошлого и уничтоженного политического строя. В-третьих, представляет интерес и трагичная судьба изобретателя. Он был узником обеих, самых страшных по своему режиму государственных крепостей — Петропавловской, а затем и Шлиссельбургской.

По причинам, которых не удалось выяснить, минский помещик Черновский 6 мая 1829 г. был заключен в одну из одиночных камер Кронверской куртины Петропавловской крепости. Через пять месяцев он был переведен в секретный замок Шлиссельбургской крепости. Здесь разыгралась драма изобретателя, пытавшегося летом 1831 г. покончить с собой самоубийством. До мая 1834 г. фамилия Черновского постоянно стояла в списках заключенных Шлиссельбургской крепости. Причины его выбытия из крепости также неизвестны, как и причины его заключения: Черновский мог быть куда-нибудь сослан, переведен в больницу или умереть. Едва ли причиной исключения из списков узников крепости было освобождение. В истории Шлиссельбурга это случалось слишком редко. К тому же если бы он получил свободу, он не отказался бы от дальнейшей разработки планов подводного судостроения и его имя не пропало бы так бесследно, как это произошло.

Как видно из письма Черновского к Николаю I от 19 июля 1829 г., т. е. через два с половиной месяца одиночного заключения в Петропавловской крепости, автор письма называет годом своего изобретения подводной лодки 1825 год. Для России того времени эта идея была совершенно новая, а за границей она очень не задолго перед тем получила практическое осуществление в виде первых опытов. Первые опыты были произведены во Франции в 1810 г. и даже несколько ранее. Полная новизна для русского правительства идеи подводного судоходства видна из обширного заключения эксперта генерал-майора инженера Базена, которому был передан на рассмотрение проект Черновского. Базен ни словом не говорит ни о каких предшествующих попытках изобретения подводной лодки в России. Несомненно, как знакомый с этим вопросом, этот эксперт не преминул бы подчеркнуть наличие предшественников у изобретателя Черновского. Совершенно серьзное и вдумчивое отношение Базена к проекту показывает, что этот проект не был ни бредом сумасшедшего, ни фантазией человека, запертого на пространстве нескольких аршин одиночной камеры Петропавловской крепости. Эксперт прямо подчеркивал ту пользу, которую могли бы принести для отечественного подводного судоходства дальнейшие работы и опыты изобретателя. Конечно, для всего этого обстановка одиночной тюрьмы была менее всего подходяща.

Насколько невнимательно отнеслось правительство к изобретению, видно уже из того, что Черновского очень скоро перевели подальше от Петербурга в Шлиссельбургскую крепость, при этом ни одним словом не уведомили коменданта Шлиссельбурга о праве Черновского работать над своим проектом. Комендант прежде всего позаботился о том, чтобы покрепче запереть нового узника и отобрать от него его чертежи и записки. По режиму крепости требовалось «высочайшее» разрешение на предоставление заключенному письменных принадлежностей. Только через девять месяцев в Петербурге вспомнили изобретателя и запросили о состоянии его работы. Комендант объяснил полную свою неосведомленность и запросил о разрешении выдать Черновскому бумагу и чертежные принадлежности.

Читатель из публикуемых материалов увидит дальнейшую судьбу изобретения и самого изобретателя. Не имея под руками никакой литературы и не обладая некоторыми необходимыми знаниями, этот несомненно талантливый изобретатель самоучка совершил серьезное покушение на свою жизнь. Девять месяцев он про-

лежал в постели. После этого он остался и без чертежных принадлежностей, которые у него отобрали, так как на новый запрос о возможности выдачи их заключенному Николай I ответил предоставлением самому коменданту решить вопрос под условием полной его ответственности. Комендант предпочел инструментов не давать.

В сентябре 1832 г. военный министр осведомлялся у коменданта Шлиссельбургской крепости о работе Черновского. Комедант ответил, что инструментов он заключенному не дал, но... «убеждал его работать». Однако заключенный работает с большой леностью, жалуясь на свое болезненное состояние. Из этого ответа видно, что огонь вдохновения, которым горел изобретатель, был потушен страшными условиями заточения.

Случай с изобретателем — узником Черновским был не единственным в истории изобретений в царской России. Через 52 года после проекта Черновского в 1881 г. другой узник той же самой Петропавловской крепости, Кибальчич составил проект воздухоплавательного аппарата для завоевания воздушного пространства, еще более обширного, чем океанские глубины. Царское правительство, ни с чем не считаясь, само подняло изобретателя на воздух на аршин от земли, на перекладину столбов виселицы.

Заслуженный деятель науки
Мих. *Гернет*

Письмо К. Черновского из Петропавловской крепости Николаю I, 19 июля 1829 г.[1]

Первой опыт трудов моих с верноподданическим усердием дерзаю представить у подножья трона вашего императорского величества. В 1825 году я изобрел подводное судно и до нынешнего время старался оное усовершенствовать, и надеюсь, что мое изобретение может иметь отличительный успех перед другими доныне известными, и так ежели будет приготовлен материал, и достаточное количество рабочих нужных людей, то в продолжении сорока дней могу построить подводную лодку в несколько саженей, в которой можно будет плавать под водою, опускаться на морское дно для собирания растений и жемчугу, где находится, и в военном искусстве она будет полезною, потому что можно будет под водою подплыть под неприятельские корабли и оные истреблять, либо делать вылазку в местах во всех, неожиданных неприятелем. В продолжении же шестидесяти дней могу построить подводное судно, в котором можно будет поставить несколько пушек, и так нынешней еще осени можно будет действовать на подводных судах против неприятелей.

Августейший монарх, единый взгляд всемилостивейшего государя на верноподданного своего, который не жалеет ни трудов, ни жизни своей, чтобы только быть полезным своему государю, прекратит мои несчастия.

Вашего императорского величества всемилостивейшего государя верноподданный
Казимир Черновский.

Отношение дежурного генерала Главного штаба е. и. в. ген.-майору корпуса путей сообщения Базену, 16 августа 1829 г.[2]

Содержащийся в С. Петербургской крепости минский дворянин Черновский всеподданейше представлял в июле сего года о изобретенном им подводном судне, обещаясь выстроить оное в 40 дней, при достаточном количестве материалов и рабочих.

На сие сообщено коменданту С. Петербургской крепости, для объявления Черновскому, высочайшее повеление, что прежде нежели может быть приступлено к испытанию его судна, должен он представить подробное описание оного.

Ныне исправляющий должность коменданта доставил ко мне такое описание Черновского, в запечатанном пакете, при рапорте сего на высочайшее имя, за № 373, в собственные руки.

Означенный пакет честь имею поднести при сем.

(Подпись).

Описание подводных судов[1]

Представляются в трех частях, а именно

Часть первая

О подводных суднах вообще; и подробное описание подводной лодки.

Часть вторая

Описание большого подводного суда, с поставленными в нем пушками.

Часть третья

Действие и польза подводных судов, и сравнение оных с обыкновенными суднами, плавающими только на поверхности воды, или надводными.

Описание подводных суднов

Часть первая

О подводных суднах вообще, и подробное описание подводной лодки.

---

[1] ЦВИА, ф. дежурного генерала Главного штаба е. и. в., 1829 г., св. 46, д. № 60, л. 2. Документы подготовлены к печати М. М. Семиным.

[2] Там же, л. 5.

[1] Там же, л. 20—51. Описание подводных судов, насчитывающее несколько десятков страниц, дается нами в сокращенном виде. Вторая часть описания, являющаяся повторением первой части,— из публикации исключена.

Различных видов, или очертаний могут быть подводные судна, служащие к различным употреблениям, но все можно поделить на три главные виды, или очертания, а именно: Во 1-х, на остродонные, имеющие острое дно, с обоих боков сжатое, плавующие перпендикулярно; сии подводные судны могут быть весьма плавки, то-есть скоры на ходу по своему строению и могут плавать под водою только на глубоких местах. Во 2-х, на плоскодонные, которых дно плоское, и верх тоже, сжаты сверху и с исподу, они могут удобно плавать под водою на мелких местах, как то на отмелях, реках и озерах. В 3-х, на цилиндрические, которые имеют цилиндрическое очертание с коническим носом; сии подводные судны удобны потому, что в них более можно грузу поместить, и притом оные будут весьма плавки. Оттого упоминаю о различных видах подводных судов, что я могу сделать, ежели угодно, различных очертаний подводные судны, которые будут служить к различным действиям, ибо я употребил много времени в продолжении нескольких лет над их изобретением и усовершенствованием. Но самые плавкие подводные судны будут те, которые наименее воде своим очертанием противодействуют, или на которых поверхность вода наименее действует. Обыкновенные надводные судны, плавчее те, которые узкие и остроносы, как например длинные, узкие кожанные байдарки дикарей, должны быть весьма плавки, то-есть скоры на ходу. Подводные же судны будут плавчее те, на которых поверхности более уместится вещей удобо-способствующих к их скорому плаванию, ибо органические вещества совершеннее те, которые большое число совершеннейших органов им нужных имеют...

Подводные судны по их величине, можно поделить на три части, а именно: во 1-х, на малые подводные лодочки, коих длина от одного до двух саженей простирается, а вышина, от киля до дека, от одного с половиной аршина до двух аршинов может простираться; во 2-х, на подводные лодки, коих длина от трех до пяти саженей русских, а вышина, от киля до дека, от одного с половиною аршина до четырех аршинов простирается, и в 3-х, на большие подводные судны, которых длина от шести до десяти и более саженей российских простирается, а вышина, от киля до верхнего дека, от одного с половиною до двенадцати и более аршинов может простираться.

Подводная лодка может быть сделана из железа либо из меди, потому что металлы по своей протяженности, крепкости и упругости, весьма способны к постройке подводных суднов и к тому же в России оне в изобилии находятся. Вид или очертание подводной лодки на подобие лежащего цилиндра с коническим носом, которого верх немного срезан.

Пусть подводная лодка длиною будет пять российских саженей, ширина на четыре аршина, вышина от киля до дека будет тоже четыре аршина; основанием ее будут две железные полосы, всякая из них шириною один вершок с половиною, толщиною один вершок, сии полосы будут простираться в длину перпендикулярно, кругом целой лодки; между ними, начиная от тыла лодки, будет проходить чрез всю длину нижней части трюма и оканчиваться на поверхности носа или переда лодки, третья железная полоса или киль лодки, он будет шириною четыре вершка, толщиною пол-дюйма, киль будет крепко притвержен винтами к обоим длинным полосам, которые между собою будут тоже скреплены винтами. Между сими полосами снизу вверх будут поставлены подпоры, коих средница толщины будет один вершок с половиною, они будут расстоянием одна от другой в два аршина, и как вверху, так и внизу на них будут прикреплены на нос упорки длиною поларшина и сие будет означать вышину лодки, а ширину лодки будет означать железная полоса шириною один вершок с половиною, а толщиною полдюйма. Сия полоса будет обходить горизонтально во всю длину кругом всей лодки, проходя через длинные перпендикулярные полосы так в тыле, как и в носу лодки. Кроме сих полос, будут еще простираться через всю длину кругом всей лодки железные шины, расстоянием одна от другой в один аршин, а на верх сих шин будут обнимать в поперек кругом лодку поперечные железные шины, которые тоже будут расстоянием одна от другой в один аршин, что составит большую решетку объемлющую всю поверхность подводной лодки. Все сии шины будут прикреплены одна к другой винтами, что вместе взятое составит основание подводной лодки. К сим шинам снаружи будут прибиваться железные листы, либо медные, а внутренность лодки будет выбита вдвое кожами сиричными белыми, крепко между собою сшитыми, а наверх бело-сиричных кож будет обита лодка еще юхтовыми кожами, спод трюма, на верх кож юхтовых, будет еще выбит железными, либо медными листами, что все вместе взятое составит стены подводной лодки; на тыле подводной лодки будет умещен руль из железных, или медных листов сделанной, железными шинами окованной, из коих три будут простираться горизонтально, а три перпендикулярно; снизу вверх руля, на котором остануться их концы в два вершка длиною, для накладного наружного румпеля, который на конце сих шин своими отверстиями будет наложен; вышина руля от киля до дека будет четыре аршина, а ширина три аршина; руль будет соединен с коренным внутренним румпелом железными полосами, которые в длину и в поперек руля будут простираться и с накладным наружным румпелем; кроме того руль еще будет соединяться с тылом подводной лодки посредством пробоев железных, на которых будет двигаться во

все стороны; румпель внутренной железной будет длиною шесть аршин, средница его толщины один вершок с половиною, он будет положен в румпельном люке, в котором будет во все стороны двигаться; румпельный люк как снаружи, так и изнутри, будет обит сиричными двойными кожами, которые будут покрыты изнутри и снаружи белоюхтовыми кожами, выкрашенными олейными красками; румпель наружной накладной сделан из железа длиною два сажни, средница его толщины один вершок; он будет иметь три отвертия, которыми будет накладываться на концы трех шин, находящихся на верху руля и будет поворачиваться на деке во время, когда лодка будет плавать над водою. В верху на тыле лодки, по обоим сторонам руля, находятся ружейные люки, имеющие один вершок средницы; под ними умещены четыре круглые окна, всякое из них имеет средницу четыре вершка, под сими окнами находятся четыре ручные люки с рукавцами, а ниже их находится четыре люки с рукавцами, а ниже их находится такое ж количество весляных люков, а в них четыре зонтикообразных весел, под ними столько ж стульев для гребцов, под стульями четыре водные мешки; внизу под румпелем опять четыре окна, всякое имеет средницу четыре вершка, под сими окнами четыре ручные люки, столькож зонтикообразных весел горизонтальных и такое ж количество стульев для гребцов, а под ними два земчужные люка с земчужными латами. Внизу трюма находится ограда, сделана из железных прутов, простирающиеся от конца румпеля через всю длину трюма до носа лодки; сия ограда длиною три сажени и два аршина, а шириною два аршина, она служит для груза подводной лодки; по обоим бокам трюма, во всю его длину, простираются ряды различных частей подводной лодки, а именно, начиная от самой вымостки трюма, простирается первой нижней ряд водных мешков расстоянием один от другого в один аршин, их будет числом шесть, находившихся в первом нижнем ряду; над ними будет простираться второй ряд стульев для гребцов, такого-ж числа; третий ряд будет весляных люков, с зонтикообразными веслами, такого ж числа; четвертой ряд будет воздушных мешков, с люками воздушными, коих числом будет восемь в сем ряду; пятой ряд будет ручных люков, с рукавицами, коих числом будет шесть; шестой ряд будет окон небольших, коих числом будет шесть, а всякого средница будет два вершка, и на сих окончатся нижние ряды, а начнутся верхние, таким же образом и числом, начиная от водных мешков, а оканчивая на малых окнах, которые будут в верху простираться, а над ними будут простираться под самым деком четырнадцать ружейных люков.

Кроме сих частей подводной лодки, будут еще умещены на сей же стороне трюма два люка с воздушными мешками, люк воздухо-отпустительный и окно, имеющее четыре вершка средницы, что все вместе взятое составит один бок трюма; такой же должен быть и другой бок трюма подводной лодки. На деке, в носу подводной лодки находится люк бушприт, для бушприта тут же два верхне-латные люка, и возле их шпуль и якорь; далее матрос-люк и два окна, имеющие средницу четыре вершка; и вблизи находится верхне-весляной люк для перпендикулярного весла, за ним грос-люк с трубным люком, на средине люк мачтовой для мачты, возле него подводная башня, рядом с нею два окна, имеющие средницу четыре вершка, вблизи два верхне-латные люка, тут же шипер-люк, и при нем верхне-весельный люк, по плеч его два верхне-латные люка, а вблизи их два окна, имеющие средницу по четыре вершка, на конце дека, вблизи руля находится люк подводного хобота.

Сии и прочие различные части подводной лодки следующим образом описываются. Ружейные люки суть малые отверстия, находящиеся вверху подводной лодки, под самым деком, всякого из них средница один вершок, они с нутра запираются щитом, а снаружи закрышкой винточной, и отпираются тогда, когда подводная лодка, плавая на поверхности воды, должна производить ружейную пальбу, то солдаты могут стрелять чрез оные; круглые окна должны иметь весьма толстые и чистые стеклы, оные будут с нутра закрываться щитами, а с наружи крышками винточными, во время ночи; ручные люки имеют средницу три вершка с половиною, а от них рукавцы будут простираться с наружи лодки, сии рукавцы будут сделаны с двойных сиричных кож и обложены с нутра и снаружи юхтовыми кожами, выкрашенными олейными красками. Сии рукавцы будут служить к различным действиям снаружи лодки, они будут закрываться винточными крышками снутри и снаружи. Весляные люки суть малые отверстия, в коих привинчены небольшие трубки, в средине которых натянуты кожи, жиром напоены, чрез которые проходят ручки зонтикообразных весел; сие железные ручки имеют длины два аршина, к сим ручкам будут прикреплены зонтикообразные веслы, которые будут расширяться, или распространяться в то время, когда гребцы будут посовывать ручки к люкам весляным, и, напротив, будут смыкаться зонтикообразные веслы, когда матросы будут сунуть их ручки от люк внутрь подводной лодки; таковое действие даст скорый ход подводному судну.

Стулья для гребцов будут сделаны из железных листов длиною в один аршин, шириною четырнадцать вершков, они будут притверждены к железным согнутым полоскам винтами, а сии полоски будут прикреплены к стенам лодки над мешками водными; всякий стул будет иметь скамейку, которая тоже сделана из же-

лезных листов длиною один аршин с дюймом, шириною четырнадцать вершков, сии скамейки во время плавания под водою судна будут сложены на стульях, а когда подводная лодка будет плавать на поверхности воды, то будут разложены, и концы их положатся на концах стульев, что составит общую скамейку, обходящую кругом трюма, которая может служить вместо коек матросских, но чтобы подводным матросам удобнее было отдохнуть по дневных трудах на тюфяках, которые по малости пространства во внутри подводной лодки не могут быть иные, как только воздушные, сии тюфяки будут сделаны с юхтовых мелких кож, и внутри выбиты пузырями, либо тонкою клеенкою, к ним будет в боку прикреплена малая трубка, чрез которую будет надуваться тюфяк, коего будет длина два аршина, ширина четырнадцать вершков, толщина, когда будет надут, три вершка, а во время дня воздух будет выпущен и тюфяк вдвое сложен на гребцовом стуле, водные мешки всякой шириною будет один аршин, вышиною пол аршина, длиною четырнадцать вершков; они будут сделаны с двойных сиричных кож снутри и снаружи и обложены юхтовыми кожами, выкрашенными олейными красками, кроме того еще будут изнутри клеенкой обложены, отверстия их будут иметь средницу шесть вершков и будут привинчены к мешководным лесам, которые будут иметь снаружи лодки винточные крышки, притверженные к лодке на железных цепочках. Поверхность водных мешков будет покрыта железными листами, которые будут служить для складывания мешков, а на дне противуположном отверстию мешка будет приделанная ручка, служащая для складания мешка; все водные мешки будут выкрашены попарно особенными красками, для удобности скорейшей команды происходящей в подводных суднах...

Во всяком подводном судне должны быть умещены воздухочистительные сосуды, которые состоят: во 1-х, из воздухо-сгущательного сосуда или «Eolipila», во 2-х, из башни подводной, в 3-х из хобота подводного «Eolipila»; воздухо-сгущательной сосуд описан в экспериментальной физике, и всякой его знает, кто только учился физики, то мне и ненадобно его описывать, а только нужно сказать каким образом можно им пользоваться в подводных суднах. Воздухо-сгущательный сосуд должен быть сделан гораздо большой, то-есть большего калибру от тех как обыкновенно бывают в физических кабинетах, для того чтобы более могло в нем поместится свежего сгущенного воздуху. Когда подводное судно будет плавать над водою, то «Eolipila» будет подниматься на верхней дек, и будет набирать в себя свежий воздух, а по сгущении свежего воздуха до возможного количества опустится во внутренность судна. На подводной лодке должно их быть, по крайней мере, шесть, то-есть четыре таковых сосуда со сгущенным свежим воздухом будут умещены вблизи румпела, а два пустые, служащие до сгущения спорченного воздуха, будут умещены в носу подводной лодки. Когда ж надобно будет их употребить к перемене воздуха, то в сосуде, наполненном свежим сгущенным воздухом, отворится кран и свежий воздух будет выходить, а в то же время сосуд пустой, стоящий в носу судна, будет беспрестанно наполняться спорченным воздухом до возможного количества. Когда же в нем воздух спорченный сгустится до возможного количества, в то время сей сосуд приставится к воздухоотпускному люку, так оборочен, чтобы малая трубка, приделана нарочно к крану сосуда и обита снаружи кожей, входила в воздухо-отпускной люк. Сей воздухо-отпускной люк будет умещен сбоку носа подводной лодки, в нем находится небольшая медная трубка с краном, который находится во внутри лодки, конец внутренний сей трубки будет кругом обведен пузырем, а наверх мягкою кожею, которая вместе с пузырем объемлет малую трубку воздухо-сгущательного сосуда и крепко обвяжется около крана. Когда хорошо будет соединен воздухо-сгущательный сосуд с воздухо-отпускным люком, то в то время отворятся оба крана и воздух спорченный будет выходить в воду; над воздухо-отпускным люком будет находиться небольшое чистое окно, чрез которое можно будет видеть движение воздуха в воде; и так воздух завсегда будет переменятся в подводной лодке, ибо спорченный воздух будет собиран и выпускан за борт в воду, а свежий воздух завсегда будет продувать в подводном судне. Можно бы еще употребить к перемене воздуха воздушный насос, но сей сосуд подвержен частым починкам, был бы более затруднительным, нежели полезным на подводной лодке.

Подводная башня длиною четыре аршина, на подобие цилиндра, имеющая один аршин средницы, умещена вблизи средины подводной лодки, она поднимается вверх, когда лодка на ходу под водою; в верху башни находится привинченная крышка двумя дюймами менее диаметра толщины башни, сия крышка кругом имеет отверстия, чрез которые воздух входит, для всякого отверстия находится клапан, а во внутри крышки над нею привинчением есть медный обруч с туго натянутою кожею, напоенною маслом деревянным. Сим обручем запираются отверстия от крышки, когда башня должна опускаться, а когда будет опущена внутрь лодки, то в то время другою крышкою сверху привинтится. Башня в своем подъеме будет проходить туго чрез башенный люк, который внутри будет натянут туго кожею, напоенною маслом деревянным; вверху башенного люка будет находится железный об-

руч, внутри натянутый туго кожею, тоже напоенною маслом деревянным. Сей обруч будет стеснять башню тужее или слабее, смотря по надобности. Подводная башня будет подниматься на кожанных сыричных тягнях, которые около башенного люка будут проходить через железные блоки; когда башня совсем вверх поднимется, то в то время засунется железный засов под нижними загнутыми обручами башни; сей засов будет длиною один аршин с половиною, средница его толщина будет один вершок; он будет засоваться чрез железные пробои или уши, которых толщина будет иметь один вершок средницы. В небольшом расстоянии от крыши башни, вверху ее, находятся со всех сторон малые оконцы, имеющие средницу один вершок; они будут запираться снутри медными щитами, натянутыми туго кожею, напоенною маслом деревянным. В сию башню будет входить смотритель по лестнице, сделанной из сыричных ремней, которая будет привязана к стулью башни, и может смотреть чрез подзорную трубу на окружающие предметы, ежели же заметит неприятельский корабль, то тот час сходит вниз и башня вниз опускается и закрывается верх ее винтовочною крышкою, а с нею и подводная лодка, еще ниже опустившись, плывет под водою.

Подводный хобот сделан с кож, на подобие хобота, употребляемого в пожарных инструментах. Подводный хобот должен быть двойной, то-есть перешит на средине пополам, всякое его отверстие будет иметь средницу один вершок, длина его должна быть определена по глубине моря, на котором подводное судно должно плавать. Нижний конец хобота прикреплен к хоботному люку на деке подводной лодки, верхней же его конец будет оканчиваться небольшой жестяной трубкой, в которой близ преграды хобота будет находится небольшой блок, движущейся от снурка, положенного на блоку, с обоими концами опущенными в оба отверстия хобота. На том снурку будут частые вузелки, а на них кружелки с тонкой твердой кожей, выкрашенной олейными красками; оба конца сего снурка будут связаны с собою под хоботным люком, и матрос, подвигая беспрестанно снурок, будет отсвеживать воздух; вверху же хобота на жестяную трубку будет надета кружелка с пробки и притвержена к трубке, нижний конец трубки будет окружен свинцом для весу, чтобы трубка перпендикулярно плавала на воде, а на всем хоботе, что всякой сажень, будут находится свинцовые колечки для весу. Сии колечки будут препятствовать, чтобы какая часть хобота не всплывала на поверхность воды; хотя волны невелики будут на море, то небольшая трубка, выкрашена черною краскою, вместе с пробкой и хоботом не очень будет приметною; ежели же будут большие волны, то к малой трубке привинтится большая жестяная трубка тоже черною краскою выкрашена.

Шипер-люк имеет положение между верхне-латными люками, средница его отверстия один аршин и два вершка, в прочем он таков же как и матрос-люк. Помпы до выливания воды будут железные и положены в трюмы; ежели же надобно будет ими действовать, то в то время они поставятся в люках.

Нагрузка подводной лодки будет состоять из железных или медных шестистенных ящиков, длиною в два аршина, шириною в один аршин. Сии ящики должны быть выкрашены снаружи, а снутра выбелены оловом, в них может находится вода, съестные припасы и прочий груз; они будут уставлены на дне трюма в длину лодки, от румпеля почти до самого носа лодки, и займут пространство шириною в два аршина. Сие пространство будет огорожено железными прутами нарочно для груза. Вблизи внутреннего румпеля на шиперском столе будут помещены компас, планы гидрографические, часы, фонари, подзорные трубы, барометр и прочие надобности.

Неподалеко будет находится лестница, простирающаяся до шипер-люка. Сия лестница будет сделана из железных или медных ящиков вышиною в четыре вершка. Они будут вдвое полезными, ибо можно будет в них уместить некоторый груз, и будет служить лестницею. Вокруг подпор будут умещены матроские ружья и прочее военное вооружение, которые могут служить в вылазке на берега или в обордажах, либо в плавании над водою могут с них стрелять чрез ружейные люки подводные служители. Кругом дека подводной лодки будут простираться паренчы, которые могут опускаться на дек во время плавания под водою. Шпора подводной лодки есть длинная четвероугольная железная полоса, на которой находятся со всех боков пружины и на сих пружинах положены подвижные рехвы, соединены железными шомполами с концем отдаленным от лодки, а конец приближенный к лодке раздваивается на подобие шпоры и объемлет нижнюю часть носа лодки. Сия шпора будет предохранять удар лодки в подводные камни Внизу снаружи лодки будут притвержены кольца, для привязки звероловных вооружений, то-есть багров, пик, клещей, топоров, сетей и прочих рыбацких надобностей. Вся подводная лодка будет снаружи выкрашена черною либо темною краскою, по тому, чтобы не была приметною, когда будет плавать под водою...

Дабы доказать, что различные подводные судны, суть моим собственным изобретением, то позволено мне будет, если угодно, сделать выбу, которая по своей наружности и по своему плаванию и различному движению покажется зрителям такое ж рыбою, как и прочие большие рыбы, плавающие в воде.

Если мое описание подводных суднов

найдется в чем нибудь недокладное или неясное, то всепокорнейше прошу меня в том извинить, потому что мне не позволено иметь никаких инструментов для сделания плана, а так за неимением оных не сделал плана, а только с памяти описывал. Ежели же я буду столь счастлив, что мне позволено будет делать подводные судна, то что теперь неясным показывается в описании, будет изъяснено самым лучшим образом в деле, ибо я не могу столь хорошо изъяснятся письменно, сколь чувствую себя способным сделать разных видов подводные судны...

Великой пользы должно ожидать с подводных суднов. Но в военном искусстве сколь велика польза быть может с подводных суднов, это трудно во всей точности изобразить, только представить себе, что одним или двумя только подводными суднами можно истребить весь флот надводной неприятельской с огромными линейными кораблями, и то вовсе неожиданным способом, ибо надводной неприятельский флот, не видя своих неприятелей, получит от них гибель неизбежную, без сражения. Сколь велика польза может быть с подводных суднов при взятии крепостей и городов, лежащих над морскими берегами или над реками и большими озерами...

Подводные судны, в сравнении со всеми надводными суднами до ныне известными, имеют большой преферанс над обыкновенными суднами, ибо оные вместе и подводные и надводные, то-есть что подводные судны могут исправлять всю ту должность, которую исправляют все обыкновенные надводные судны, и кроме сей должности исправляют еще должность подводных суднов. Скорый ход подводных суднов, и особливо в большом расстоянии, гораздо полезнее, чем ход обыкновенных надводных суднов, например, если б два вместе судна, то-есть в одном времени, были высланы из Кронштадта в Ост-Индию, одно из них подводное, а другое обыкновенное надводное, то подводное судно, опередив на ходу, пришло б в Ост-Индию, насобирало б жемчугу, и оный там же продавши, с деньгами возвратилось б в Кронштадт, покамест обыкновенное надводное судно дошло бы только до Ост-Индии, а может быть и не дошло б еще для противных ветров...

А так как я полагаю, что нет на земном шару ни одной крепости и над морской или над речной, которой нельзя было б взять посредством подводных суднов, исключая только те, которые построены на малых мелких реках, по которым нельзя доплыть подводным суднам, и на высочайших недоступных скалах, то из сего следует: во-первых, что только то государство завладеет всем земным шаром, которое первое будет иметь большую сухопутную армию и знатный подводный флот, под начальством знающих свое дело командиров; во-вторых, что ежели два государства будут стремиться к одной сей цели и будут иметь оба подводные флоты, то они, чувствуя свою силу, будут стараться распространять свои границы и, смотря завистным оком на себя взаимно, воспламенять войну между собою, которая представит образ Рима и Карфагена; в-третьих, ежели несколько государств будут иметь подводные флоты, то они все разделят между собою весь земной шар.

Но чтобы одно государство имело преферанс над прочими государствами, находящимися на земном шаре, то должно строить подводные флоты и содержать на них войска так, чтобы ни одно иное государство и даже во внутренности государства никто не знал, где и каким образом строются подводные судны, какое их число, и какое количество армии на них находится, кроме сих, которые будут к этому приставлены, что ежели угодно будет его императорскому величеству, то я могу после представить этот предмет.

Мои изобретения докажут, что я желаю со всевозможным усердием служить его императорскому величеству и быть полезным государству.

Итак, нет сомнения, что я могу делать подводные судны, ибо если б я в чем сомневался, то бы никогда не осмелился представить мое изобретение его императорскому величеству, от которого единого взгляда зависит мое счастье, но как я крепко уверен, что сделаю подводное судно и на нем поплыву под водою, то в противном случае, если б мне был дан материал и работники, а я бы не сделал подводного судна, то жертвую моею жизнью.

Его императорского величества всемилостивейшего государя.

Верноподданный Казимир Черновский.

Рапорт г.-м. корпуса путей сообщения Базена дежурному генералу Главного штаба, 31 августа 1829 г.[1]

Во исполнение высочайшего повеления мне сообщенного при предписании от 27-го сего августа № 539, честь имею представить вашему превосходительству замечания и заключение содержащие мое мнение насчет изобретения, описанного в особой записке о подводных судах, представленной минским дворянином Черновским, и приложить при сем обратно сию записку.

Генерал-майор Базен.

Выписка из замечаний г.-м. корпуса путей сообщения Базена о подводной лодке, изобретенной К. Черновским[2]

IV. Заключение. Записка, ныне рассматриваемая, доказывает, что сочи-

[1] ЦВИА, д. № 60, 1829 г., л. 8.
[2] Там же, лл. 16—19.

нитель ее имеет более усердия и воображения, нежели основательных познаний в науках. Большая часть его предположений не представляет той простоты и благонадежности, которые должны составить одно из главнейших свойств подводных судов, и потому приведение оных в исполнение требовало бы непременно разных дополнений или значительных изменений.

Сие, по моему мнению, происходит, во-первых, оттого, что сочинителю были неизвестны сделанные уже по сему предмету исследования, и, во-вторых, оттого, что он принял употребление подводных судов в слишком пространном смысле. В столь важном и затруднительном предприятии, должно поступать постепенно и со всякой осторожностью. Правила об устройстве подводных лодок не дошли еще до такого совершенства, чтоб позволено было заниматься приложением сих правил к построению военных подводных судов большого размера. До приступа к таковому обширному приложению необходимо усовершенствовать подводные небольшие суда до возможной степени, а в сем отношении описанная в настоящей записке лодка не только не исполняет всего желаемого, но даже далеко отстает от известных уже подобных изобретений.

Древние, сколько я могу помнить из истории, имели уже понятие о подводном судоходстве. Греческие писатели говорят о некотором мореплавателе, который в лодке проплыл несколько верст под водой, дабы известить греков об истреблении их флота бурей.

В новейшие времена Корнелий Дребель построил для английского короля Якова, подводное судно о 12-ти веслах, но с какой скоростью оно двигалось под водой история о том не упоминает.

В начале сего века славный механик Фултон изобрел также подводную лодку, которая была приведена в движение в Париже и в портах Нормандии. Устройство как сей лодки, так и судна Дребеля мне неизвестно, но в 1810-м году братья Куасин, с коими впоследствии я имел случай познакомиться, построили новое подводное судно, ими изобретенное, над которым разные опыты были произведены в Гавре в присутствии особой комиссии, назначенной морским министерством.

Сии опыты заслужили полное одобрение комиссии и неоспоримым образом доказали возможность учредить подводное судоходство без больших издержек.

Подводное судно братьев Куасин имело форму продолговатого эллипсоида длиной около 30 фут.; в нем поместились 9 человек, из коих 4 гребца, и оно проходило в час половину французской мили, или 2 версты.

Я не представлю здесь описания сего последнего подводного судна, чтоб не выйти из подлежащего моему рассмотрению предмета. Я только скажу, что оно, по моему мнению, гораздо просторнее и благонадежнее подводного судна, изобретенного сочинителем записки. Если благоугодно будет государю императору удостоить сии замечания всемилостивейшим одобрением и повелеть мне повергнуть к священнейшим стопам его величества все подробности, которые мне известны касательно подводного судна братьев Куасин, я не премину сего исполнить со всей аккуратностью, могущей зависеть от памяти моей, с присовокуплением моих собственных соображений по сему важному предмету.

Впрочем я не могу не признаться, что хотя описанная лодка не удовлетворяет всем желаемым условиям, однако, изобретение ее делает честь сочинителю, и должно полагать, что его усердие и практические познания могли бы быть полезными при дальнейших исследованиях и производстве решительных опытов для введения и усовершенствования подводного судоходства в Российской империи.

Генерал-майор Базен.

Рапорт командира Шлиссельбургской крепости ген.-майора Колотинского I дежурному генералу Главного штаба Потапову, 30 августа 1830 г.[1]

Минской губернии помещик Казимир Черновский поступил в крепость прошлого 1829 года октября 4-го дня. С ним доставлены были бумаги и планы его без всякого предварительного уведомления, почему отложены были и находятся у меня. Ныне, получив предписание вашего превосходительства за № 521, испрашивал его лично, желает ли представить требуемые доказательства по сделанному на проект его возражению, на что изъявил он совершенною свою охоту с тем, что в скором времени может оное исполнить. Представляя о сем вашему превосходительству, всепокорнейше прошу разрешить мне, ежели последует на то ваше соизволение, о выдаче ему бумаг и снабжении его нужными вещами к письму и чтению.

Генерал-майор Колотинский I.

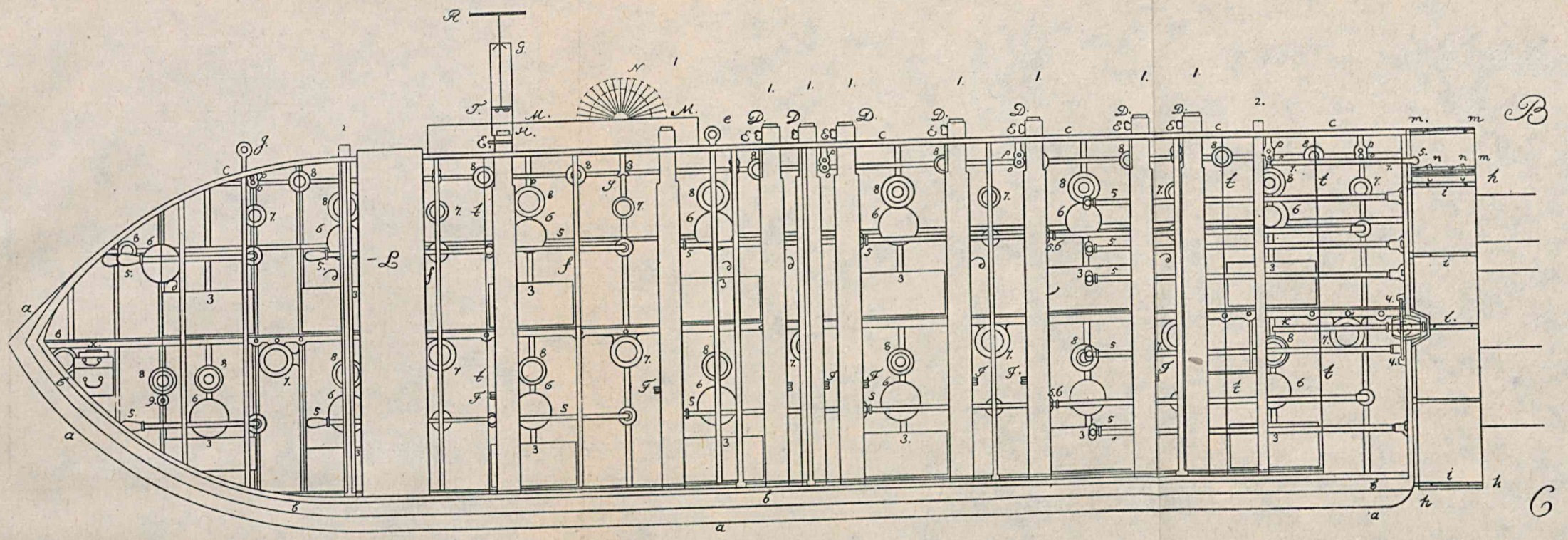
Рапорт коменданта Шлиссельбургской крепости г.-м. Колотинского I дежурному генералу Главного штаба г. Клейнмихелю, 16 мая 1832 г.[2]

На предписание вашего превосходительства сего месяца за № 328 честь имею почтеннейше донесть, по разрешении [данном] мне бывшим дежурным генералом господином генерал-адъютантом и кавалером Потаповым отношением 6-го сентября 1830 года за № 534, отдав

[1] Там же, л. 57.
[2] Там же, л. 60.

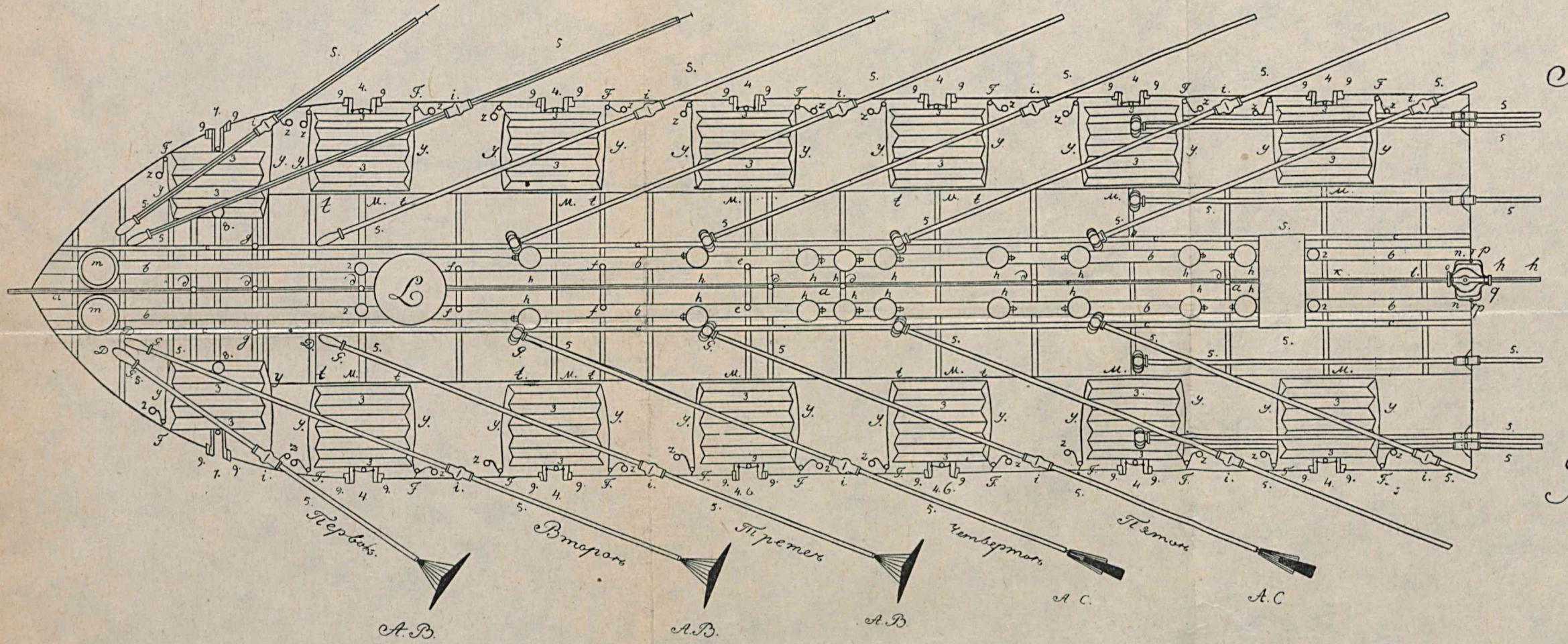
Листъ Первой.

Чертежъ Первой



Профиль Подводной Лотки

Чертежъ Четвертой



Сей чертежъ представляетъ внутренность подводной-лотки, смотра съ вѣрху на сподъ на

Рисовал

Аршины

Вершки

Сажни.

арестанту дворянину Черновскому хранящиеся у меня бумаги, относящиеся до проекта его об устроении подводных судов, и доставив нужные пособия, я ожидал от него окончания. В начале принялся он делать планы разным подводным лодкам и вместе писать объяснения против замечаний корпуса путей сообщения генерал-майора Базена с довольною охотою, но начертив двенадцать черновых планов, показал себя не так прилежным и становился задумчивым. Наконец июля 5 дня прошлого года сделал покушение на свою жизнь, но был остановлен в исполнении, и хотя оцарапал себе, так сказать, шею перочинным малым ножем, но вскоре был излечен; после сего сам просил чтобы все от него отобрать и слег в постелю больным до апреля месяца сего года. Ныне же по выздоровлении отдал я ему бумаги для продолжения писать свои объяснения, на что он и согласился, чертить же лодки допустить его не могу, ибо нужно к тому дать в руки циркуль и ножичек, последний — так как не могут угодить ему очинивать карандаши его.

Впрочем ожидать буду вашего превосходительства предписания, должные же к сему осторожности, как прежде были наблюдаемы, так и ныне наблюдатели будут.

Генерал-майор Колотинский I.

Отношение дежурного генерала Главного штаба Клейнмихеля коменданту Шлиссельбургской крепости г.-м. Колотинскому I, 25 мая 1832 г.[1]

От 16 сего мая № 18, ваше превосходительство донесло мне, что содержащийся в крепости дворянин Черновский, занимаясь составлением объяснений по проекту его об устройстве подводного судна, впал в задумчивость и покушался было на жизнь свою, ныне же хотя выздоровел и получил бумаги к продолжению своих занятий, но потребных к сему математических инструментов и перочинного ножа вы не решаетесь дать ему в руки по наклонности его к самоубийству.

Рапорт ваш доведен был до сведения государя императора и его величество, высочайше представляя собственному усмотрению вашего превосходительства снабдить арестанта Черновского инструментами нужными для чертения, изволит повелеть и всякое могущее произойти с ним приключение отнести на вашу ответственность.

Дежурный генерал Клейнмихель.

Отношение канцелярии Военного министерства в Главный штаб, 30 октября 1832 г.[1]

В июле 1829 года, содержавшийся в С.-Петербургской крепости минский дворянин Черновский представил описание подводных судов его изобретения.

Описание сего, по высочайшему повелению, препровождено было на рассмотрение корпуса инженеров путей сообщения генерал-лейтенанта Базена, и сделанные им замечания, в сентябре того же года, переданы были Черновскому, для представления противу оных объяснений, дабы можно было обратить на изобретение его внимание.

Впоследствии Черновский переведен в Шлиссельбургскую крепость, и после сделанных ему в августе прошедшего 1830 и в мае сего 1832 года побуждений, представил ныне, чрез коменданта оной крепости, 4 чертежа изобретенной им подводной лодки с описанием к оным, присовокупля, что прочие чертежи хотя и окончены, но не сделано еще описания.

Сии 4 чертежа и описание оным, были также передаваемы на рассмотрение генерал-лейтенанта Базена, который в представленных замечаниях изъясняет, что изобретенная сочинителем проекта подводная лодка, с одной стороны, не имеет необходимого свойства опускаться по произволу под водою до неопределенной глубины, а с другой, не представляет всегдашней возможности возобновлять внутренний воздух для свободного дыхания людей в оной находящихся, и потому чрез невыполнение сих двух главнейших условий и по многим другим недостаткам, устройство по сему проекту лодки генерал-лейтенант Базен почитает неудобоисполнительным, признавая впрочем, что сочинитель имеет много воображения и даже сведений, приобретенных им практикою или чтением книг, но проект его служит новым доказательством, что воображение, не управляемое основательными познаниями в науках, не в состоянии произвесть полезных изобретений.

[1] ЦВИА, д. № 60, 1829 г., л. 63.

[1] Там же, л. 84.

Содержание номеров журнала «Красный архив» за 1940 год

№ 1 (98)

Заветы Ленина воплощены в жизнь.— Отклики на смерть В. И. Ленина.— Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г.— Боевой путь Чапаева (продолжение).— К истории интервенции на Севере.— Быт солдат в царской казарме.— Положение крестьян в Западной Белоруссии в XIX в.— Борьба И. Н. Ульянова за народную школу.— Герцен и царская цензура.— Царская цензура о произведениях украинского писателя И. Франко.

№ 2 (99)

Верному соратнику Ленина и Сталина — Вячеславу Михайловичу Молотову.— Верному соратнику Ленина и Сталина, главе Советского Правительства — Вячеславу Михайловичу Молотову.— Вячеслав Михайлович Молотов (краткая биография).— Гражданская война в Финляндии.— Восстание русских солдат во Франции в 1917 г.— Вооруженная борьба новороссийских рабочих в декабре 1905 г.— Крестьянское движение в Западном Закавказьи в 1902—1905 гг.— Начало железнодорожного строительства в России.

№ 3 (100)

Очередные задачи журнала «Красный архив» (передовая).— Краткий обзор документов, опубликованных в «Красном архиве».— М. В. Фрунзе на Туркестанском фронте.— Сельскохозяйственная выставка 1923 г.— К биографии П. Ф. Лесгафта.— Новые материалы о М. В. Ломоносове.— И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове.— Из дневника В. П. Гаевского.— Из переписки П. И. Чайковского.

№ 4 (101)

Военно-революционный комитет Эстонского края 1917 — нач. 1918 гг.— Румынский произвол в Бессарабии.— Ликвидация лево-эсеровского мятежа в Москве в 1918 году.— К истории возникновения сельскохозяйственных коммун и артелей в СССР (1918 г.).— Польская война 1794 г. в реляциях и рапортах А. В. Суворова.— Из истории Москвы (опись г. Москвы после пожара 10 апреля 1629 г.).— К пребыванию русских войск во Франции в 1917 г.

№ 5 (102)

К истории борьбы литовского народа за Советскую власть в 1918—1919 гг.— Из истории борьбы карельского народа за власть советов.— Из истории рабочего движения на Украине в 1905 г.— Революционные события в Прибалтике в 1905 г.— К истории революции 1905—1907 гг. в Белоруссии.— Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен».

№ 6 (103)

К 40-летию «Искры».— Мероприятия Советского правительства Латвии (1918—1919 гг.).— Вооруженное восстание в Мотовилихе в декабре 1905 г.— Материалы к истории рабочего контроля над производством (1917—1918 гг.).— Англо-бурская война в донесениях русского военного агента.— Ларга и Кагул (материалы о полководческой деятельности Румянцева-Задунайского).— Д. И. Писарев и царская цензура.— Древняя русская грамота 1368 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 6, 1940 г., на стр. 15 ошибочно дано примечание № 2. Н. К. КРУПСКАЯ имеет в виду не петербургское — более позднее издание книги немецкого профессора ТУНА «История революционного движения в России», — а издание этой книги под редакцией Г. В. ПЛЕХАНОВА с его же примечаниями, вышедшей в Женеве в 1903 г.

Замеченные опечатки в № 6 (103) «Красного Архива»

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
5	15 сверху	Народное	Надгробное
35	3 снизу	По предложению	По предположению
225	9 снизу	«подолокой»	«подольской»
131	1 снизу	в Южную Америку	в Южную Африку
132	2 снизу	Испано-американскую войну 1894 г.,	Испано-американскую войну 1898 г.,

Содержание

Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России (1894—1905 гг.) Вводная статья *Г. Костомарова* 3

Из боевой деятельности тов. Тимошенко в годы гражданской войны в СССР. Вводная статья комбрига *Нефтерева* 54

Революционная деятельность тов. В. В. Куйбышева в Самаре (1916—1918 гг.) Вводная статья *А. Шефера* 103

Положение учеников ремесленных училищ в дореволюционной Твери. Вводная статья *Н. Журавлева* 143

Использование интервентами Северного морского пути (1918—1919 гг.) Вводная статья *Т. Шепелевой* 154

К истории революции 1830 г. в Бельгии. Вводная статья проф. *А. Молок* 199

Первый русский проект подводной лодки. Вводная статья заслуженного деятеля наук *М. Гернет* 249

Содержание номеров журнала «Красный архив» за 1940 г. 258

Редакционная коллегия

Год издания 20-й. Подписано к печати 15/II 1941 г. Тираж 4 650 экз. А36113. Объем 16¼ печ. л. В 1 п. л. 60 000 зн. Уч.-издат. 23,5 л, Зак. тип. 31. Цена 5 руб.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ
(СТО ПЯТЫЙ)

1941

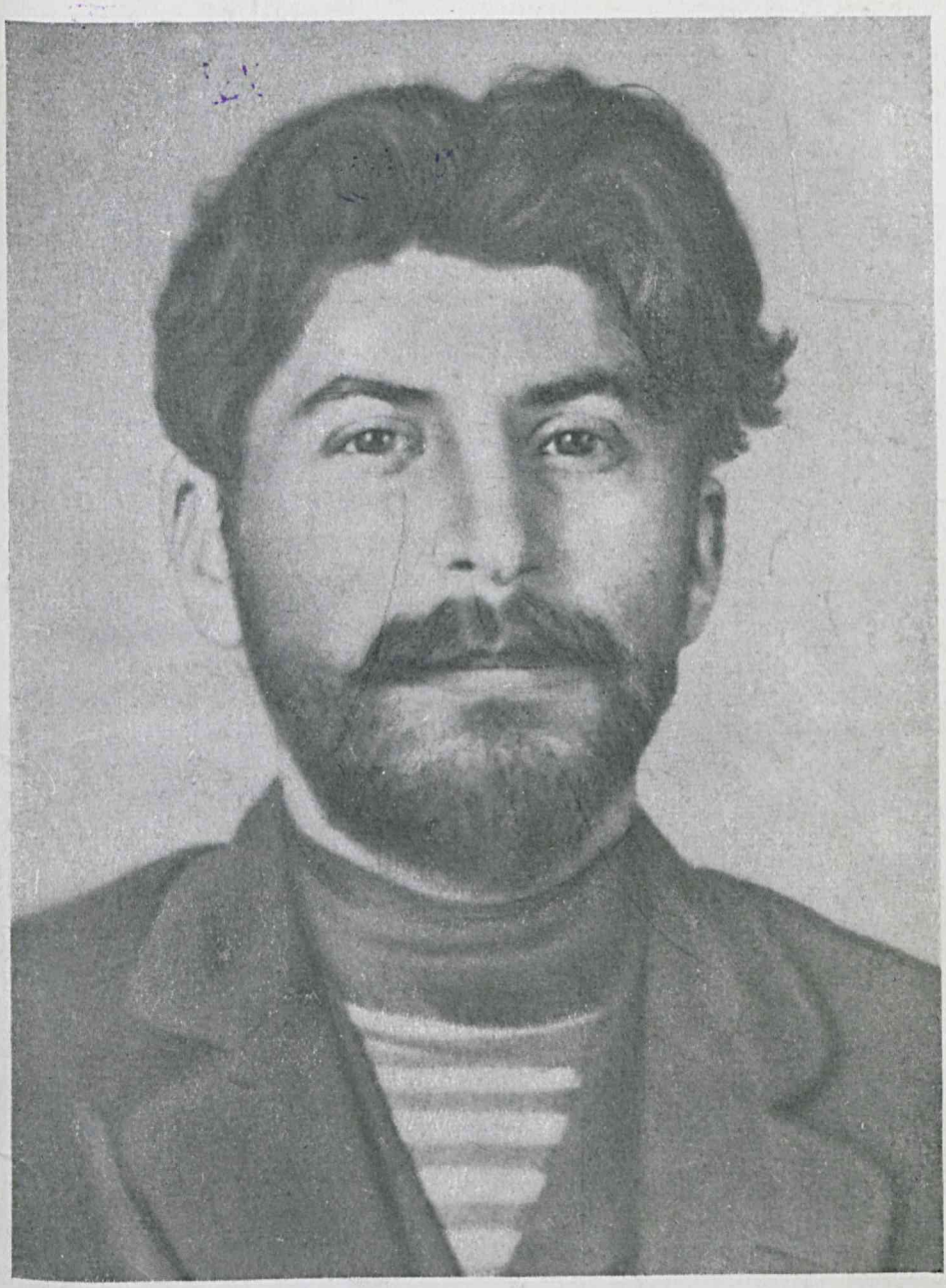
ОГИЗ ★ ГОСПОЛИТИЗДАТ ★ 1941

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2 (105)

ОГИЗ ★ ГОСПОЛИТИЗДАТ ★ 1941



И. В. СТАЛИН
(1911 г.)

Архивные материалы о революционной деятельности И. В. Сталина

1908—1913 гг.

Публикуемые ниже материалы о революционной деятельности Иосифа Виссарионовича Сталина относятся к периоду столыпинской реакции и нового революционного подъема 1908—1913 гг.

Документы этой публикации, связанные с учреждением гласного и негласного надзора, арестами, ссылками товарища Сталина, составляют лишь незначительную часть того огромного материала, который выявлен по данному вопросу в государственных архивах СССР.

Подавляющее большинство документов настоящей публикации появляются в печати впервые. Оригиналы их хранятся в архиве Института Маркса—Энгельса—Ленина и в Центральном Государственном архиве революции НКВД СССР.

Отношение начальника Бакинского жандармского управления пом. начальника Кутаисского жандармского управления, 31 мая 1908 г., № 3092 [1]

25 марта, в порядке охраны, был заключен под стражу в Бакинскую тюрьму [2] проживавший по подложному паспорту на имя Каиоса Виссарионова Нижарадзе... Его настоящее имя Иосиф Виссарионов Джугашвили — крестьянин Диди-Лиловского сельского общества, Тифлисской губернии и уезда, и он в 1902 г. привлекался в г. Батуме к делам Кутаисского губернского жандармского управления за пропаганду, за что и был выслан административным порядком в Якутскую область, сроком на три года, в 1904 г. самовольно скрылся.

Прилагая фотографическую карточку, прошу ваше высокоблагородие сообщить мне, действительно ли изображенное на этой карточке лицо, называющее себя Джугашвили, привлекался в качестве обвиняемого в г. Батуме и какие еще имеются у вас о нем сведения.

Ротмистр (подпись).

Донесение помощника начальника Кутаисского жандармского управления начальнику Бакинского жандармского управления, 13 июня 1908 г., № 709 [3]

Вследствие отношения от 31 мин. мая за № 3092 доношу, что крестьянин Диди-Лиловского сельского общества Тифлисской губернии и уезда Иосиф Виссарионов Джугашвили, действительно, привлекался при вверенном мне пункте в 1902 г. к дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 251 ст. Улож. о наказаниях, причем преступная деятельность его заключалась в том, что он был главным руководителем и учителем батумских рабочих в их рабочем

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 43698, л. 2. Документы подготовлены к печати С. М. Познер.

[2] Того же числа у товарища Сталина был произведен обыск.

[3] Архив ИМЭЛ, № 43698, л. 3.

революционном движении, сопровождавшемся разбрасыванием прокламаций с призывом к бунту, к низвержению правительства.

Опознать же Джугашвили по представляемой при сем фотографической карточке, ввиду давности времени, никто из чинов вверенного мне пункта и полиции не мог. К сему считаю нужным присовокупить, что названный Джугашвили, как видно из дел вверенного мне пункта, в том же 1902 г. привлечен был к дознанию в качестве обвиняемого при Тифлисском губернском жандармском управлении по делу «О Тифлисском кружке РСДРП», по каковому делу являлся одним из главных виновных.

Подполковник (подпись).

Представление начальника Бакинского жандармского управления в департамент полиции, 4 августа 1908 г., № 4288 [1]

При сем имею честь представить в департамент полиции копию с заключительного постановления моего по собранию сведений о выяснении степени политической благонадежности Каиоса Нижарадзе, оказавшегося Иосифом Виссарионовым Джугашвили. Докладываю, что оконченная по сему делу переписка вместе с сим, за № 4287, препровождена на распоряжение г. бакинского градоначальника.

Генерал-майор Козинцов.

Постановление начальника Бакинского жандармского управления, 4 августа 1908 г., № 4287 [2]

Я, начальник Бакинского губернского жандармского управления, генерал-майор Козинцов, рассмотрев оконченную производством переписку по собранию сведений о выяснении степени политической благонадежности назвавшегося Каиосом Нижарадзе и в действительности оказавшегося Иосифом Виссарионовым Джугашвили, нашел следующее: 25 марта сего года чинами Бакинской сыскной полиции был задержан неизвестный, назвавшийся жителем села Маглаки Кутаисской губернии и уезда Каиосом Нижарадзе, при обыске у которого найдена была переписка партийного содержания. Произведенной по сему делу перепиской в порядке охраны выяснено, что Нижарадзе крестьянин Диди-Лиловского сельского общества Иосиф Виссарионов Джугашвили, привлекавшийся в 1902 г. при Кутаисском губернском жандармском управлении по 251-й ст. и при Тифлисском по 1 ч. 251-й ст. Улож. о наказан. Последнее дознание было разрешено административным порядком и Джугашвили по высочайшему повелению от 9 июля 1903 г. был выслан под гласный надзор полиции на три года в Восточную Сибирь, откуда скрылся и разыскивался циркуляром департамента полиции от 1 мая 1904 г. за № 5500. Иосиф Джугашвили с 25 марта сего года содержится под стражею в бакинской тюрьме. Полагал бы Иосифа Виссарионова Джугашвили водворить под надзор полиции в Восточную же Сибирь сроком на три года [3].

Постановил: настоящую переписку препроводить на распоряжение г. бакинского градоначальника.

Генерал-майор Козинцов.

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 40019, л. 10.

[2] Там же, л. 11.

[3] Следствие «о политической неблагонадежности» было закончено 1 августа 1908 г. (Архив ИМЭЛ № 40019, л. 6), 26 сентября состоялось постановление «особого совещания» о высылке «Джугашвили... в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции на два года...» Это постановление было утверждено министром внутренних дел 29 сентября 1908 г. (Архив ИМЭЛ, № 40020, л. 57), и только 4 ноября бакинский градоначальник отдает приказ о высылке.

Предписание бакинского градоначальника бакинскому полицеймейстеру, 4 ноября 1908 г., № 4204 [1]

Согласно представления моего последовало распоряжение министра внутренних дел о высылке в Вологодскую губернию под гласный надзор, сроком на два года, считая с 29 сентября 1908 г., содержащегося в бакинской тюрьме Иосифа Виссарионова Джугашвили, назвавшегося Каиосом Нижарадзе, изобличенного в преступной деятельности.

Предлагаю вашему высокоблагородию об этом теперь же поставить в известность названного Джугашвили и выслать его с первым же отходящим этапом к месту ссылки, о чем мне донести для уведомления местного губернатора с представлением сведений о семейном и имущественном положении высылаемого.

Ген.-майор Фольбаум.

Выписка из поименного списка лиц, отправляемых этапом 9 февраля 1909 г. из Вятки до г. Сольвычегодска [2]

Иосиф Джугашвили остался в г. Вятке, старший конвод не принял из тюрьмы [3].

Рядовой Перепечкин.

Из агентурных сведений Бакинского охранного отделения за 17 июля 1909 г. [4]

В Баку приехал «Коба», известный на Кавказе деятель социал-демократической партии. Приехал он из Сибири, откуда, вероятно, бежал, так как он был выслан в 1908 г. ... Здесь, конечно, он займет центральное положение и сейчас же приступит к работе [5].

Из агентурных сведений бакинской охранки за 27 июля 1909 г. [6]

К типографии партии имеют отношение... «Коба», Шаумян и Джапаридзе. За Алешей [7], Кобой и Тимофеем [8] ведется наружное наблюдение. Внутреннее наблюдение продолжается.

Из агентурных сводок Бакинского охранного отделения за август 1909 г. [9]

5 августа вышел № 6 «Бакинского Пролетария», возобновленный после значительного промежутка. Статьи писаны Джапаридзе, «Коба»...; типография помещается в городе. «Бакинский Пролетарий» вы-

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 43700, л. 18.

[2] Архив ИМЭЛ, из дела сольвычегодского уездного исправника за 1909 г.

[3] По пути в ссылку товарищ Сталин заболел, в связи с этим была сделана остановка в Вятской тюрьме. 8 февраля 1909 г. товарищ Сталин в качестве больного арестанта был помещен в Вятскую губернскую земскую больницу. 20 февраля товарищ Сталин снова был переведен в Вятскую тюрьму (Выписной журнал Вятской губернской земской больницы на 1908—1909 гг. Порядковый номер записи больных 696. Архив ИМЭЛ). 27 февраля товарищ Сталин прибыл этапом на место ссылки в г. Сольвычегодск.

[4] Архив ИМЭЛ, № 39262, л. 4.

[5] Товарищ Сталин бежал из Сольвычегодска 24 июня 1909 г. (Архив ИМЭЛ, № 40018, л. 15). По возвращении в Баку товарищ Сталин принялся за энергичную работу по укреплению большевистских организаций Закавказья. Точной даты возвращения товарища Сталина в Баку в имеющихся архивных материалах нет. Но в «сводках» Кавказского охранного отделения по г. Баку имеются сведения от 12 июля 1909 г., в которых сообщается, что приехал «социал-демократ, известный в организации под кличкой «Коба», имя Сосо, работает в настоящее время в Тифлисе» (Архив ИМЭЛ, № 39262, л. 2).

[6] Архив ИМЭЛ, № 39262, л. 5.

[7] «Алеша» — Джапаридзе.

[8] «Тимофей» — Сурен Спандарян.

[9] ЦАР, ДП, о. о., д. № 5, ч. 3, лит. А. 1909 г., лл. 38—39.

шел в количестве около 600 экземпляров, из которых 500 разошлись в Балаханах. Время печатания следующего номера будет зависеть от того, как скоро успеют собрать на это необходимые средства...

Квартира с техникой должна ремонтироваться и хозяин требует ее очищения к 1 сентября. Бакинский комитет озабочен приисканием новой квартиры и выпуском следующего № «Пролетария» еще на старой квартире; хотя не все статьи еще готовы, но к набору имеющегося материала уже приступлено; «Коба» посещает типографию почти ежедневно.

Ведется за «Кобой» наружное наблюдение под кличкой «Молочный».

Внутреннее наблюдение продолжается и направлено на установление времени печатания и, по возможности, самой квартиры.

Из агентурной сводки Бакинского охранного отделения за сентябрь 1909 г.[1]

...«Коба» грузин... профессиональный работник комитета..., постоянной квартиры не имеет, можно видеть его в городе в Бюро врачей по освидетельствованию рабочих...»

Из агентурной сводки Тифлисского охранного отделения за 12 сентября 1909 г.[2]

Известный социал-демократический работник «Коба» («Сосо») приехал в Тифлис и возобновил работу в партии. Выясняется личность «Кобы».

Из агентурной сводки Бакинского охранного отделения за сентябрь 1909 г.

8 сентября. Новую квартиру для типографии подыскивает сейчас «Коба»... Вероятно, найдут в Крепости и переедут в нее те же два работника, что работают и сейчас — один русский и одна девица. Переезд состоится через неделю, новая квартира будет известна.

Внутреннее наблюдение продолжается, наружное временно приостановлено, так как становится заметным. После перевозки техники вскоре приступят к печатанию следующего номера «Бакинского Пролетария». По получении об этом сведений, будет ликвидирована техника и все известные по принадлежности к организации.

13 сентября. Типография Бакинского комитета помещается в доме № 66 по Бондарной улице. На этих днях состоится переезд на новую квартиру, которая немедленно будет известна. О времени открытия работ, будет тотчас сообщено.

Наружное и внутреннее наблюдение за лицами, стоящими близко к технике, и за техникой продолжается. По приступе к печатанию на новой квартире, приступлю к ликвидации[3].

Предписание департамента полиции начальнику Бакинского охранного отделения, 19 сентября 1909 г.[4]

Из представленного вашим высокоблагородием 5-го текущего сентября за № 2881 отчета наружного наблюдения за август сего года по гор. Баку по Российской социал-демократической рабочей партии усматривается, что в названном городе имеется собственная, повидимому, типография помянутого сообщества, в коей совершенно беспре-

[1] Архив ИМЭЛ, № 39268, л. 4.
[2] ЦАР, ДП, о. о., 1909 г., № 5, ч. 61, лит. А, л. л. 131, 132.
[3] ЦАР, ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 3, лит. А, лл. 54—56.
[4] Там же, л. 36.

пятственно печатается нелегальная газета «Бакинский Пролетарий», находящая себе широкое распространение среди местного населения. Сверх того, в том же отчете помещены сведения о состоявшейся «общегородской конференции» членов названной партии.

Принимая во внимание, что в задачи политического розыска отнюдь не может входить подобное допущение свободного развития деятельности противоправительственных организаций и что цель розыска состоит в предупреждении и подавлении в самом зародыше не только возможных выступлений политических сообществ, но даже и самого их образования, прошу вас, милостивый государь, принять самые решительные меры к постановке розыска во вверенной вашему наблюдению местности на достодолжную высоту, путем приобретения хорошо осведомленной агентуры, дабы иметь в будущем возможность в корне пресекать всякое злоумышление революционной среды [1].

Из агентурной сводки Бакинского охранного отделения за сентябрь 1909 г. [2]

20 сентября. Из дома № 66 по Бондарной улице типография вынесена ночью 16 сентября и перемещена в доме рядом; машина разобрана; часть ее и часть шрифта осталась в доме № 64 по Бондарной ул., часть увезена в Армянскую слободку. Шрифт был там же, но вчера большая его часть в мешках, в которых он связан по отдельным литерам, помещена в квартире «Петербуржца» в д. № 495 в Крепости, небольшая часть шрифта на Баилове. Работать не начнут пока не найдут постоянного помещения для типографии. Квартиру ищут «Коба»... в Крепости. Смотреть за ними не следует, так как все равно все будет известно.

24 сентября. Розыском подходящей квартиры занят «Коба», квартира еще не подыскана. Техника продолжает оставаться в разобранном виде... Внезапность переезда, когда еще не была найдена квартира постоянная, вызвана распространившимися слухами о провале».

27 сентября. «Кобе» стало известно, что жандармское управление собирается арестовать весь Бакинский комитет вместе с типографией, как только в ней будет приступлено к печатанию следующего номера «Пролетария». После этих слухов типографию постановили переместить и тогда же ее разобрали ночью и перенесли через крышу в соседний дом. Затем шрифт частями перевезен в разные места... Третьего дня, в пятницу, разобранный станок вывезли на арбе из старой квартиры и перевезли в Балаханы, где он теперь и находится, около промысла Шибаева. По окончательной установке техники, квартира ее станет известной...

28 сентября. Типографский станок перевезен в Балаханы. Постоянная квартира еще не найдена, но в Балаханах станок не оставят, опасаясь провала... В виду множества распространившихся в последнее время слухов о провале техники, Бакинский комитет решил вы-

[1] Видимо приказ департамента полиции возымел свое действие. Из отчета бакинской охранки за сентябрь видно, какую напряженную борьбу пришлось вести Бакинскому комитету за сохранение печатной техники и всей партийной организации. Несмотря на усилившийся сыск, бакинской охранке все же не удается установить настоящую фамилию товарища Сталина. Товарищ Сталин живет в Баку нелегально. Жизнь Бакинской организации большевиков в сентябре 1909 года протекала особенно тревожно, так как в нелегальную типографию проникла провокация. Товарищ Сталин лично уделял огромное внимание спасению бакинской техники и раскрытию провокации.

[2] ЦАР, ДП, о. о., 1909 г., № 5, ч. 3, лит А, лл. 57—60.

пустить прокламацию, отпечатав ее в частной типографии. Прокламация написана «Кобой» и содержит в себе изложение мер, принятых Бакинским комитетом для спасения техники, и объявление о ряде провокаторов, обнаруженных в среде организации. Прокламация эта будет заказана сегодня вечером в одной из легальных типографий и к утру будет готова. Повидимому, типография эта будет известна, и если окажется возможным, ее можно будет взять с набором. Об этом сообщено будет дополнительно... Предположено произвести обыск в типографии, если таковая будет указана...».

Прокламация Российской социал-демократической рабочей партии, 29 сентября 1909 г.[1]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Заявление Бакинского комитета членам Бакинской организации РСДРП.

Оживление партийной работы за последние месяцы, появление шестого и седьмого номеров «Бакинского Пролетария», усиленная работа по подготовке к общей забастовке,— все это всполошило местную администрацию, подняло ее на ноги. Градоначальник и жандармы, охранка и шпики, провокаторы и добровольцы-доносчики, словом, все гады самодержавия подняли головы для того, чтобы уничтожить, искоренить нашу организацию. Пускаются в ход все средства: подкуп, угрозы, широкие обещания «за выдачу техники», аресты и т. д. И все это создает атмосферу лжи и недоверия, дезорганизующую работу. Создаются целые легенды о неимевших места провалах несуществующих товарищей, партийных учреждений и т. д.

В видах пресечения всякого рода ложных слухов и легенд, а также для того, чтобы раз навсегда разочаровать людей, верящих в всемогущую силу провокации, Бакинский комитет считает нужным заявить следующее:

1) Бывшие наши «техники», работавшие в нашей нелегальной типографии уже три года, Александр Прусаков (слесарь из Петербурга, среднего роста, брюнет, смуглое лицо, лет 30—32) и жена его Дуня Козловская (ткачиха из Петербурга, низенькая, серые глаза, лет 27—29) уже несколько месяцев состоят на службе у охранки.

2) Они выдали охранке нашу «технику» за известное вознаграждение.

3) У охранки было намерение взять «технику» при печатании восьмого номера «Бакинского Пролетария», стараясь выследить к тому времени Бакинский комитет и его активных работников.

4) Для отвода глаз охранка искала «технику» не там, где она помещалась, а в Балаханах через своих агентов: Фирсова балаханского и Сашку романинского.

5) Получив все эти сведения из самых разнообразных источников, не подлежащих ни малейшему сомнению, Бакинский комитет распорядился немедленно принять меры к спасению «техники».

6) Старания Бакинского комитета увенчались успехом,— несмотря на отчаянную «слежку», машину, весь шрифт и необходимые приспособления удалось уже перевести в надежное место.

7) В разгаре перевозки «техники» Бакинский комитет получил новое подтверждение своего открытия в виде письма от Дуни Коз-

---

[1] ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 3, лит. А, л. 47. Несмотря на то, что жандармерия знала о подготовке прокламации и приняла «меры», прокламация вышла в свет и была распространена среди рабочих.

ловской, где она признается в провокаторстве и предлагает спасти «технику» «пока не поздно».

8) В виду всего сказанного Александр Прусаков и Дуня Козловская (жена его) объявляются провокаторами.

9) На основании неопроверженных данных объявляется также провокатором бывший секретарь союза нефтепром. рабочих, Николай Леонтьев, недавно арестованный с мирзоевцами и потом освобожденный. В Москве и за границей известен он как провокатор Демьян.

10) Копия сего заявления и фотографические карточки всех трех названных провокаторов пересылаются в Центральный комитет для опубликования.

Бакинский комитет РСДРП.

Из агентурных сводок Бакинского охранного отделения за октябрь 1909 г.[1]

10 октября «Алеша» приехал. Ночевал с «Кобой» в четверг 8 октября в Балаханах, на промысле Московского товарищества.

«Коба» на днях уезжает в Тифлис на обще-тифлисскую конференцию. Будут присутствовать представители 7-ми тифлисских районов. Конференция состоится от 12 по 20 октября... На вокзале за выездом «Кобы», наблюдаемого под кличкою «Молочный», установлено наружное наблюдение, которое будет сопровождать его до Тифлиса.

11 октября. Сегодня или завтра «Коба» едет в Тифлис для переговоров о технике. Типография остается в разобранном виде в Балаханах. Рабочие интересуются, когда выйдет следующий номер, 8-й, «Пролетария»... Наружное наблюдение установлено.

Кто-то сильно разыскивает «Кобу». На-днях в помещение Союза нефтепромышленных рабочих явился какой-то человек, сказал, что он работал на Биби-Эйбате, но должен был оттуда уйти и теперь ищет работы в Балаханах, что он партийный товарищ и хорошо знает «Кобу», его друга, который должен помочь найти ему здесь работу. Рассказав все это мнимый рабочий обратился к «Кобе», находившемуся тут же, и спросил его, где он может найти «Кобу», где «Коба» живет теперь. «Коба» ответил: «не знаю» и ушел.

18 октября. Скорым поездом № 11 в 6 ч. вечера «Коба» выехал в Тифлис на конференцию. Там будет решен вопрос об издании общего для Кавказа органа «Кавказский Пролетарий» и другие, связанные с этим вопросы...

Из телеграммы Бакинского губернского жандармского управления Тифлисскому ГЖУ, [18 октября] 1909 г.[2]

По выяснении того, что назначенный на вокзале пост наружного наблюдения не видал выезда «Кобы», срочно телеграфировано начальнику районного охранного отделения о встрече «Молочного» в Тифлисе с указанием цели его поездки...

Из агентурной сводки Тифлисского охранного отделения за 22 октября 1909 г.[3]

В настоящее время в Тифлисе находится «Коба» («С-со»). На-днях он должен прочесть на собрании передовых работников большевиков

[1] Архив ИМЭЛ, № 39263, лл. 5—9.
[2] Там же, л. 9.
[3] Архив ИМЭЛ, № 39274, л. 1.

реферат на тему «История Российской социал-демократической партии». К выяснению, где именно в Тифлисе проживает «Коба», приняты меры. По установлении его в Тифлисе будет учреждено наружное наблюдение.

Из агентурной сводки Тифлисского охранного отделения за 23 октября 1909 г.[1]

«Коба» в настоящее время находится в Тифлисе на конференции, откуда он скоро должен приехать со специальным рабочим (армянином) по набору и должен будет немедленно приступить к постановке типографии. Денег, однако, в организации нет совершенно и, таким образом, время постановки техники предугадать трудно... Внутреннее наблюдение продолжается.

Из донесения начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 24 октября 1909 г.[2]

Вследствие предложения департамента полиции 30 минувшего сентября за № 136706, Кавказское районное охранное отделение доносит, что, по сообщению начальника Бакинского охранного отделения, бежавший из Сибири «Сосо», кличка в организации «Коба», является по установке жителем гор. Тифлиса Оганесом Вартановым Тотомянцем, на каковое имя он имеет паспорт, выданный тифлисским полицеймейстером с 12 мая сего года за № 982 на один год... Тотомянц — «Коба» стоит во главе Бакинской организации РСДРП...

(Подпись).

Из донесения Кавказского районного охранного отделения в департамент полиции, [октябрь] 1909 г.[3]

Интенсивности работ бакинских социалистических организаций много способствуют существующие в Баку профессиональные союзы и общества, как-то: кооперации, клубы рабочих и т. п. Все это в руках партии считается сильным средством для решения социальных ее вопросов. Каждый союз или общество рабочих находится под управлением той или иной социалистической организации, пользующихся ими для своих целей. Союз нефтепромышленных рабочих, центральное бюро которого находится в Балаханах, на Центральной улице, против промысла Шибаева, отделения его в Сураханах и на Биби-Эйбате, всецело находится в руках Российской социал-демократической рабочей фракции «большевиков». Секретари и другие служащие в этом союзе находятся под непосредственным контролем и управлением этой партии, они распространяют на промыслах и заводах литературу, собирают собрания для пропаганды и устраивают всякого рода свидания, причем избранным местом для означенных целей партии служит помещение союза. Как неопровержимое доказательство к сему прилагается прокламация социал-демократической рабочей партии от 29 сентября 1909 года[4].

Балаханский район считается более важным и от него исходят распоряжения в остальные районы, как-то: Биби-Эйбатский, Черногородский, Железнодорожный и Морской. Во главе Биби-Эйбатского района стоит Б. Э. комитет С.Д.П. из 5 человек...

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 39263, л. 11.
[2] ЦАР, ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 3, лит. А, л. 61.
[3] Архив ИМЭЛ, № 39272, лл. 1—2.
[4] См. выше, стр. 8.

Этот комитет имеет так называемое районное собрание, которое составляется из выборных представителей каждого промысла и завода, так что районный комитет передает все нужное этому собранию, собирающемуся два раза в месяц, а выборные собрания делают сообщения своим промыслам и заводам. Этим путем распространяется литература, производятся сборы в пользу партии и собираются кружки рабочих, в кои являются члены пропагандистской коллегии для ведения пропаганды.

Работа в социал-демократической партии, благодаря связям со всеми бакинскими социалистическими организациями и хорошо оборудованной технике, хорошо налажена и ведется беспрерывно, почему в благоприятный для партии момент они могут оставить работу одновременно во всех местах...

При Бакинском комитете Российской социал-демократической рабочей партии существует «Пропагандистская коллегия». В эту коллегию входят лица хорошо умеющие устно излагать рабочим кружкам и на собраниях теорию социализма, программу партии и т. п. В состав означенной коллегии входят следующие лица: 1) «Коба», 2) Степан Шаумян [и др.].

Чиновник особых поручений ротмистр (подпись).

Из агентурных сводок Бакинского охранного отделения за ноябрь 1909 г.[1]

5 ноября. «Коба» все еще находится в Тифлисе, куда переписка с ним направляется по следующему адресу: «Тифлис, в типографию Грузинского товарищества, Ванская улица Манасию Гогвадзе, передать «Сосо»... Приедет он, вероятно, на следующей неделе... Сообщено в районное отделение для установки за Сосо «Кобой» наружного наблюдения.

Установить личность «Кобы» не удалось.

12 ноября. «Коба» на днях приехал из Тифлиса. Относительно постановки работы здесь еще не высказывался... Внутреннее наблюдение продолжается. Сообщено для сведения начальнику Тифлисского охранного отделения.

15 ноября. «Коба» приехал из Тифлиса и поселился в городе, в Крепости... Внутреннее наблюдение продолжается.

24 ноября. В Тифлисе должна выйти собственная газета местной социал-демократической организации под наименованием «Тифлисский пролетарий»; газету эту будут доставлять и в Баку.

29 ноября. Интеллигенты отходят от дела, работников мало... Главными деятелями остались: 1. «Коба», взявший на себя работу в Железнодорожном районе, Черногородском, Городском и среди моряков, так как там есть сочувствующие...

Из агентурной сводки бакинской охранки за 11 декабря 1909 г.[2]

Теперь в Балаханах происходит разборка шрифта... «Коба» каждый день ездит в Балаханы и наблюдает за работой; он написал несколько статей порядочного объема — видимо, готовятся к печатанию. Однако, квартира все еще не снята и станок не собран. Внутреннее наблюдение продолжается. За «Кобой» «Молочным» вновь установлено наружное наблюдение.

[1] Архив ИМЭЛ, № 39269, лл. 12, 6—7.
[2] Архив ИМЭЛ. № 39265, л. 1—2.

Из сообщения начальника Бакинского охранного отделения начальнику Тифлисского губ. жанд. управления, 24 марта 1910 г.[1]

Упоминаемый в сводках наружного наблюдения под кличкой «Молочный», известный в организации под кличкой «Коба» — член Бакинского комитета РСДРП, являвшийся самым деятельным партийным работником, занявшим руководящую роль... задержан по моему распоряжению... 23 сего марта.

К необходимости задержания «Молочного» побуждала совершенная невозможность дальнейшего за ним наблюдения, так как все филеры стали ему известны и даже назначенные вновь, приезжающие из Тифлиса, немедленно проваливались, причем «Молочный», успевая каждый раз обмануть наблюдение, указывал на него и встречавшимся с ним товарищам, чем конечно уже явно вредил делу. Проживая всюду без прописки, «Молочный» имел в минувшем году паспорт на имя Оганеса Вартанова Тотомянца, при задержании его при нем был обнаружен документ (паспортная книжка) на имя жителя сел. Баган Елизаветпольской губ. и уезда Закара Крикорьяна Меликянца, относительно которого он заявил, что документ этот ему не принадлежит и был им куплен в г. Баку. Наконец, задержанный по доставлении в 7 полицейский участок назвался жителем сел. Диди-Лило Тифлисской губ. и уезда Иосифом Виссарионовым Джугашвили, причем по справкам оказалось, что он разыскивается циркуляром департамента полиции от 19 августа 1909 года за № 15385/53...

Ротмистр Мартынов.

Постановление пом. начальника Бакинского губернского жандармского управления, 26 марта 1910 г., № 386[2]

1910 г. марта 26 дня, г. Баку, я, за помощника начальника Губернского жандармского управления, поручик Подольский, ввиду имеющихся сведений в Управлении о преступной деятельности крестьянина Тифлисской губернии Иосифа Виссарионова Джугашвили и руководствуясь 21-й ст. положения о государственной охране, высочайше утвержденного 14 августа 1881 г., постановил: поименованного Иосифа Джугашвили заключить под стражу в бакинскую тюрьму, впредь до разъяснения обстоятельств дела, копию сего постановления препроводить г. прокурору бакинского окружного суда, г. бакинскому градоначальнику и в место заключения, о чем объявить задержанному.

Поручик Подольский.

Настоящее постановление мне объявлено. Иосиф Джугашвили.

Отношение вологодского губернатора помощнику начальника Бакинского губернского жандармского управления, 5 апреля 1910 г.[3]

Вследствие отношения от 27 марта сего года за № 403 канцелярия губернатора уведомляет ваше высокоблагородие для соответствующих распоряжений, что задержанный 23-го минувшего марта в г. Баку крестьянин Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Лило Иосиф Виссарионов Джугашвили, скрывшийся с места водворения — города Сольвычегодска 24 июня 1909 г., подлежит высылке в Вологодскую губернию для отбывания определенного ему по постановлению г. министра внутренних дел 2-х годичного срока гласного надзора полиции.

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 43700, л. 15.
[2] Там же, л. 22.
[3] Архив ИМЭЛ.

Из постановления начальника Бакинского губернского жандармского управления, 26 июня 1910 г., № 3745[1]

1910 года июня 26 дня, в гор. Баку, я, вр. и. д. начальника Бакинского губернского жандармского управления, ротмистр Гелимбатовский, рассмотрев произведенную в порядке охраны переписку об исследовании политической благонадежности крестьянина Тифлисской губ. Иосифа Виссарионова Джугашвили... нашел:

23 марта сего 1910 г. по распоряжению начальника Бакинского охранного отделения был арестован член Бакинского комитета РСДРП, известный в организации под кличкой «Коба», проживавший в г. Баку без прописки, по бессрочной паспортной книжке, выданной Управлением бакинского полицеймейстера от 16 июня 1907 г. за № 4682 на имя жителя сел. Баган, Елисаветпольской губ. и уезда, Закара Крикорьяна Меликянца, оказавшийся в действительности скрывшимся из под гласного надзора полиции в Вологодской губ. и разыскиваемым секретным циркуляром департамента полиции от 19 августа 1909 года за № 151385/53, жителем сел. Диди-Лило Тифлисской губ. и уезда Иосифом Виссарионовым Джугашвили. Названный Джугашвили указать место своего жительства в гор. Баку отказался.

Произведенным у Джугашвили личным обыском ничего указывающего на его какую-либо преступную деятельность не обнаружено...

Что-же касается Джугашвили, то ввиду упорного его участия, несмотря на все административного характера взыскания, в деятельности революционных партий, в коих он занимал всегда весьма видное положение, и ввиду двукратного его побега из места административной высылки, благодаря чему он ни одного из принятых в отношении его административных взысканий не отбыл, я полагал бы принять высшую меру взыскания — высылку в самые отдаленные места Сибири на пять лет.

Ротмистр Гелимбатовский.

Предписание и. д. кавказского наместника и. д. бакинского градоначальника, 27 августа 1910 г., № 993[2]

Рассмотрев представленную вашим высокоблагородием от 29 июля с. г. за № 3890 переписку об исследовании степени политической благонадежности содержащегося в бакинской тюрьме крестьянина сел. Диди-Лило, Тифлисской губ. и уезда, Иосифа Виссарионова Джугашвили и принимая во внимание, что он, будучи выслан в Вологодскую губернию, в порядке ст. 34 положения об охране, из места высылки скрылся и разыскивается циркуляром департамента полиции от 19 августа 1909 г. за № 151985/53, и. д. наместника на Кавказе поручил канцелярии указать вам на необходимость отправления Джугашвили в место его прежней высылки, для отбывания остающегося срока гласного надзора полиции.

Помимо того, ввиду проявленной Джугашвили за время нелегального проживания в г. Баку вредной деятельности, генерал-от-инфантерии Шатилов признал соответственным воспретить ему жительство в пределах Кавказского края, сроком на пять лет, в порядке п. 4, ст. 27 учр. упр. Кавк. края, т. II, св. зак., по прод. 1906 г.

Об этом канцелярия уведомляет ваше высокоблагородие для соответствующего распоряжения и объявления препровождаемого при сем извещения за № 10445 Джугашвили под расписку, прося таковое возвратить обратно.

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 40017, лл. 11, 12.

[2] Архив ИМЭЛ, № 43702, л. 7—8.

К сему канцелярия присовокупляет, что о перечислении названного лица дальнейшим содержанием под стражей за вами, одновременно с сим, сообщено смотрителю бакинской тюрьмы.

И. о. директора Львович.

Из циркуляра кавказского наместника губернаторам, начальникам областей и отдельных округов Кавказского края и бакинскому градоначальнику, 27 августа 1910 г.[1]

Воспретить крестьянину села Диди-Лило, Тифлисской губернии и уезда, Иосифу Виссарионову Джугашвили, жительство в пределах Кавказского края, сроком на пять лет, как лицу вредному для государственного порядка и общественного спокойствия. Об этом канцелярия, по поручению генерала-от-инфантерии Шатилова, сообщает для надлежащих распоряжений к недопущению названного лица в течение указанного срока времени на жительство во вверенной вам губернии (области, округе).

Донесение и. д. бакинского градоначальника в департамент полиции, 21 февраля 1911 г., № 772[2]

Уведомляю департамент полиции, что содержавшийся под стражей в бакинской тюрьме Иосиф Виссарионов Джугашвили, как самовольно скрывшийся из места высылки и розыскиваемый циркуляром департамента полиции от 19 августа 1909 года за № 151385/53, 23 сентября 1910 года отправлен этапным порядком в место его прежней высылки — Вологодскую губернию, для отбытия остающегося срока гласного надзора полиции[3].

Помимо того, Джугашвили, ввиду проявленной им за время нелегального проживания в гор. Баку вредной деятельности, наместником на Кавказе воспрещено жительство в пределах Кавказского края, сроком на 5 лет, в порядке п. 4 ст. 27 учр. упр. Кавказск. края, т. II, св. зак., по прод. 1906 года.

И. д. градоначальника, подполковник Мартынов.

Из предписания Вологодского жандармского управления сольвычегодскому уездному исправнику, 16 февраля 1911 г.[4]

По имеющимся во вверенном мне управлении негласным сведениям политический ссыльный в г. Сольвычегодске Иосиф Виссарионов Джугашвили намерен бежать из ссылки. Сообщая о вышеизложенном, прошу усилить наблюдение за Джугашвили и принять меры к воспрепятствованию ему побега из-под надзора полиции[5].

Донесение сольвычегодского исправника Вологодскому ГЖУ, [июнь] 1911 г.[6]

Джугашвили за последнее время проживания в гор. Сольвычегодске был замечен в сходке, в среде ссыльных, за что по обязатель-

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 43702, л. 4.
[2] Цар. ДП., VI, 1910 г., д. № 3, лл. 66, 67.
[3] 29 октября 1910 г. И. В. Сталин прибыл этапным порядком в г. Сольвычегодск. (Архив ИМЭЛ, из дел сольвычегодского исправника).
[4] Архив ИМЭЛ, из дел Вологодского ГЖУ, № 17, 1911, л. 115.
[5] Основанием для этого предписания явилось перехваченное жандармерией письмо И. В. Сталина от 24 января 1911 г. Бобровскому.
[6] Архив ИМЭЛ.

ному постановлению г. вологодского губернатора от 18 июня 1911 г. за № 360 отбывал наказание под арестом при полиции с 23 по 26 июня, в течение 3-х дней[1].

Из агентурных сводок Вологодского охранного отделения за июль — август 1911 г.[2]

26 июля. «Кавказец» проживает в доме Новожилова по Калашной улице.

Начато наблюдение с 10 ч. утра.
Окончено 9 ч. 30 м. вечера.

В 12 ч. 45 м. дня из квартиры наблюдаемый вышел и, дойдя до киоска, купил газету и пошел в Александровский сад, где подошел к нему неизвестный человек, с которым посидел в саду 40 м., и пошли вместе в дом Бобровой по М. Козленской ул., где пробыли 30 м. Вышли и пошли на почту, через 6 м. вышли и, дойдя до Александровской площади, разошлись, «Кавказец» пошел по направлению на свою квартиру, а неизвестный проведен в фруктовый магазин под гостиницей пассаж Ишмемятова, откуда выхода его, выждав 1 ч. 36 м., не замечено, а также и при покупке яблок в магазине его не замечено. Можно полагать, что неизвестный вышел другим ходом; более вечером выхода «Кавказца» из квартиры не замечено. Ильчуков и Мухин[3].

1 августа. Начато наблюдение с 8 ч. 40 м. утра.
Окончено 10 ч. 40 м. веч.

В 8 ч. 50 м. утра наблюдаемый из квартиры вышел вместе с неизвестным человеком, повидимому, живущим в том же доме Новожилова и, дойдя до булочной Синицина по Московской ул., неизвестный зашел в булочную, а «Кавказец» пошел в гастрономический магазин Мазалева по Гостинодворской площади, где купил колбасу и пошел

---

[1] За время пребывания в Сольвычегодске в 1911 г. товарищ Сталин подвергался обыскам местной полиции; так 18 марта исправником был произведен обыск, причем «ничего предосудительного» не было найдено, 29 апреля был произведен обыск и снова безрезультатный. 12 мая 1911 г. вологодская жандармерия доносит петербургской охранке о деятельности товарища Сталина: «Иосиф Виссарионов Джугашвили [и ссыльные с.-д.] решили между собою организовать с.-д. группу и стали устраивать собрания по нескольку человек... На собраниях читаются рефераты и обсуждаются вопросы о текущем политическом моменте, о работе Государственной думы... Цель этих собраний — подготовка опытных пропагандистов среди ссыльных. Агитация среди крестьян пока не ведется. Техники и библиотеки нет. Население относится к ссыльным довольно сочувственно, но никто из них на собраниях не участвует... Получается из Москвы по два номера «Социал-демократа», из коих второй экземпляр предназначается для г. В. Устюга» (Архив ИМЭЛ).

[2] Прибыв в Вологду с проходным свидетельством, товарищ Сталин 16 июля 1911 г. подал прошение вологодскому губернатору о разрешении временно остаться в Вологде (Архив ИМЭЛ, д. № 43970). С 19 июля 1911 г. стал исчисляться двухмесячный срок проживания товарища Сталина в г. Вологде, разрешенный губернатором. По приказу из Петербурга в Вологде за товарищем Сталиным был установлен гласный надзор полиции и постоянные наблюдения шпиков. Слежка за товарищем Сталиным («Кавказцем») велась из месяца в месяц, изо дня в день, буквально по часам. Эти своеобразные «дневники», сохранившиеся в архивах, конечно, ни в какой мере не вскрывают внутреннего значения встреч и отношений товарища Сталина с людьми за это время, но они дают яркое представление о том, в каких жестоких тисках находился товарищ Сталин, как зорко следила полиция за каждым его движением, однако, несмотря на то, что «недремное око» всюду следовало за товарищем Сталиным, ему все же удавалось скрываться из поля зрения полиции.

[3] Архив ИМЭЛ, № 42263, л. 5.

домой, а неизвестный, оставшийся в булочной Синицина, повидимому, занимается в Банке для внешней торговли.

В 3 ч. 20 м. дня «Кавказец» из квартиры вышел и пошел, имея при себе книгу, в библиотеку, где пробыл 10 м., вышел тоже с книгой и пошел в дом Беляева по М. Екатерининской ул., где пробыл 1 ч. 10 м., вышел и с той же книгой пошел домой. В 8 ч. 15 м. вечера «Кавказец» из квартиры вышел, имея при себе книгу в белой обвертке, и пошел в д. № 12 Безпалова по Кузнецкой ул., вниз, где пробыл 2 ч. 10 м., вышел без означенной книги и пошел домой. Более выхода его не замечено. Ильчуков. Мухин [1].

13 августа. С 9 ч. утра до 9 ч. 15 м. вечера.

В 11 ч. 35 м. утра «Кавказец» вышел из своей квартиры и, купив газету в киоске Михайлова, пошел в магазин Ишмемятова, где пробыл 15 м., вышел с «Кузнецом» [2], занимающимся в упомянутом магазине, постоял 5 м., расстались, «Кузнец» вернулся в магазин, а «Кавказец» в Александровский сад, где сидел и ходил по саду до 1 ч. 20 м. К нему в сад пришел «Кузнец», пройдя два раза по саду, вышли и против «Золотого якоря» встретились с «Косоглазым», простояли 5 м., расстались. «Косоглазый» пошел без наблюдения, а «Кузнец» и «Кавказец», дойдя по Свешниковской ул., вернулись и пошли в дом № 13 Бобровой по М. Козленской ул. (во дворе). Через 40 м. вышли и, дойдя до почтовой конторы, «Кузнец» пошел на почту, а «Кавказец» остался дожидаться и прохаживаться около почты, где в виду невозможности близко находиться из вида были утеряны и более выхода и прихода «Кавказца» до 9 ч. 15 м. вечера не замечено. Шибалов. Ильчуков [3].

Сообщение начальника Московского охранного отделения начальнику Вологодского ГЖУ, 17 августа 1911 г. [4]

Согласно имеющихся во вверенном мне отделении повторных и заслуживающих доверия указаний секретной агентуры, в г. Вологде в настоящее время проживает отбывающий или уже отбывший срок административной высылки активный и весьма серьезный деятель Российской социал-демократической рабочей партии, носящий псевдоним «Коба» [5].

Названный «Коба» вошел в непосредственные сношения с заграничным партийным центром и ныне получил уже предложение приехать за границу для соответствующего инструктирования и исполнения обязанностей разъездного агента ЦК.

Для сношения с названным «Кобой» служит следующий адрес: «гор. Вологда, магазин Ишмемятова, Петру Алексеевичу Чижикову»,

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 42263, л. 6.

[2] Чижиков Петр Алексеевич, луганский рабочий, бывш. ссыльный соц.-дем., служил в магазине Ишмемятова, давал свой адрес для переписки товарища Сталина; при побеге товарища Сталина из Вологды предоставил свой паспорт товарищу Сталину. Товарищ Сталин в Вологде встречался с Чижиковым почти ежедневно.

[3] Архив ИМЭЛ, № 42263, л. 9.
Дальнейшие записи за август 1911 г. почти ежедневно отмечают встречи товарища Сталина с Чижиковым, получение писем для товарища Сталина, встречи с другими товарищами и пр. Шпики, конечно, отмечали чисто внешние факты, так как подойти на более близкое расстояние к товарищу Сталину они не осмеливались. Вот почему в этих записках почти нет никаких указаний на какие бы то не было беседы товарища Сталина с людьми, и записи часто оканчиваются отметками: «был из виду утерян», «выхода не замечено» и т. п.

[4] Архив ИМЭЛ, № 40014, л. 1.

[5] 27 июня 1911 г. окончился срок ссылки товарища Сталина, 6 июля он по проходному свидетельству выехал в «избранное» место жительства, в Вологду.

по этому же адресу будут высланы и необходимые для путевых расходов «Кобы» денежные средства.

Тождественны ли «Коба» и «Чижиков» установить не представляется возможным.

Сообщая о вышеизложенном на распоряжение вашего высокоблагородия, прошу, в случае выяснения личности «Кобы», сообщить все имеющиеся в вашем распоряжении о нем сведения, и, буде представится, его фотографическую карточку.

Изложенные сведения, как добытые отчасти через весьма близко стоящую к делу нелегального корреспондирования секретную агентуру, и частью представляющие собой материал из «совершенно секретного» источника, имеют быть использованы с исключительной осторожностью и предъявлению не подлежат ни в коем случае.

Полковник Заварзин.

Телеграмма начальника Вологодского губернского жандармского управления начальнику Московского охранного отделения, 20 августа 1911 г.[1]

Коба, бывший ссыльный Иосиф Виссарионов Джугашвили, ес-дек, кличка наружного наблюдения «Кавказец», находится в сношениях с приказчиком Чижиковым, кличка «Кузнец», при выбытии Джугашвили будет сопровождаться наблюдением, подробно почтою.

Из донесения начальника Вологодского ГЖУ начальнику Московского охранного отделения, 21 августа 1911 г.[2]

Указанная в вашем сообщении от 17 августа кличка «Коба» относится к временно проживающему в г. Вологде бывшему политическому ссыльному Иосифу Виссарионову Джугашвили, копия сведений о котором на имя г-на директора департамента полиции от 14 марта с/г. за № 53 была тогда же препровождена вам начальником Тифлисского губернского жандармского управления.

Из дел же вверенного мне управления видно, что Джугашвили 27 февраля 1909 г. прибыл по этапу на место определенной ему ссылки в гор. Сольвычегодск, откуда 24 июня того же года скрылся. Задержанный 23 марта 1910 г. в городе Баку, он был обратно препровожден в тот же город Сольвычегодск, откуда 27 июня 1911 г. за окончанием срока ссылки был освобожден и с проходным свидетельством прибыл в город Вологду, где ему, согласно его ходатайства, разрешено временно остаться на 2 месяца по 19 сентября с/г....

По прибытии в гор. Вологду 19 июля Джугашвили поселился в доме Бобровой по Мало-Козленской улице, а с 24 июля вошел в сферу наблюдения по кличке «Кавказец».

Названным наблюдением установлена его связь: 1) с приказчиком фруктового магазина Ишмемятова Петром Алексеевым Чижиковым, кличка наблюдения «Кузнец»...

Наблюдением установлено, что он с Чижиковым видится несколько раз в день и заходит к нему в квартиру. За корреспонденцией ходят ежедневно на почту Чижиков и Джугашвили, но получает ее первый. Узнать по какому адресу и откуда она получается не представляется возможным, так как Джугашвили, будучи видимо очень хорошо знаком с техникой наблюдения, ведет себя крайне осторожно.

До настоящего времени Чижиков по делам управления не проходит.

[1] Архив ИМЭЛ, № 40014, л. 12.
[2] Там же, лл. 13, 14.

Как можно полагать Джугашвили в скором времени выедет в С. Петербург или Москву для свидания с тамошними представителями организации и при выбытии из Вологды будет сопровождаться наблюдением.

Принимая во внимание, что Джугашвили очень осторожен и вследствие этого наблюдением легко может быть потерян, являлось бы лучшим производство обыска и ареста его ныне же в Вологде, ввиду чего и прошу сообщить — не имеется ли в вашем распоряжении таких данных о Джугашвили, которые могли бы быть предъявлены к нему по возбуждении о нем дела и не имеется ли препятствий с вашей стороны к обыску теперь же у этого лица.

К изложенному присовокупляю, что на благоприятные результаты обыска у него в Вологде рассчитывать нельзя, ввиду его крайнего конспиративного образа действий.

Одновременно с обыском у Джугашвили будут произведены и у всех лиц с коими он находится здесь в сношениях.

Полковник Конисский.

Из представления начальника Вологодского ГЖУ директору департамента полиции, 24 августа 1911 г., № 471 [1]

...Сведения начальника Московского охранного отделения об Иосифе Джугашвили, изложенные в копии, представленной вашему превосходительству, подтверждаются и полученными мной 23 сего августа агентурными сведениями от моего сотрудника Пацевича из города Сольвычегодска.

Из последних видно, что Иосиф Джугашвили за окончанием ему срока в гор. Сольвычегодске приехал 19 июля в гор. Вологду, чтобы «выяснить куда ехать далее и заручиться явками». В городе Сольвычегодске Джугашвили занимал видное положение среди ссыльных, предоставляя свою квартиру для сходок и стремился соорганизовать там с.-д. фракцию, однако, образование которой своевременно принятыми мной мерами не было допущено.

В настоящее время для выяснения деятельности и связей Иосифа Джугашвили направлена соответствующим образом агентура и ведется наружное наблюдение.

Ротмистр Попель.

Из отношения Вологодского ГЖУ начальнику Московского ГЖУ, 25 августа 1911 г. [2]

Согласно полученных мной 23 сего августа агентурных сведений, известный вам Джугашвили действительно прибыл в г. Вологду, чтобы выяснить, заручившись здесь явками, план дальнейшей своей поездки. В настоящее время он ведет конспиративную переписку с ссыльными г. Сольвычегодска...

Телеграмма начальника Московского охранного отделения начальнику Вологодского губернского жандармского управления, 25 августа 1911 г. [3]

Обыск Джугашвили не допустим, в случае отлучки сопровождайте наблюдением, одновременно телеграфируя мне о времени и направлении поездки.

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 40014, л. 21.
[2] Там же, л. 22.
[3] Также, л. 23.

Телеграмма Вологодского ГЖУ начальнику Петербургского охранного отделения, 6 сентября 1911 г.[1]

Поездом третьим выехал Джугашвили под наблюдением филера Ильчукова. Прошу принять, подробности почтой.

Ротмистр Попель.

Телеграмма Петербургского охранного отделения начальнику Вологодского ГЖУ, 8 сентября 1911 г.[2]

Телеграфируйте, в случае выезда Джугашвили кроме Вологды, имеется ли препятствие аресту.

Телеграмма Вологодского ГЖУ начальнику Петербургского охранного отделения, 8 сентября 1911 г.[3]

Прошу не подвергать аресту, выезде сопровождать наблюдением. Подробности почтой.

Ротмистр Попель.

Из донесения начальника Вологодского ГЖУ начальнику Петербургского охранного отделения, 9 сентября 1911 г.[4]

...Сообщаю, что по выяснении связей Иосифа Джугашвили я предполагал произвести ликвидацию всего кружка лиц, среди которых он вращался, но начальник Московского охранного отделения телеграммой от 25 августа просил меня не производить пока по агентурным соображениям обыска и ареста Джугашвили, а только сопровождать его наблюдением в случае выезда из Вологды.

В настоящее время мной получены из совершенно секретного источника сведения о его сношениях с проживающими в Омске лицами, из которых усматривается, что Джугашвили должен принять участие в созыве в скором времени «узкого ЦК» и озаботиться о высылке партийной литературы.

Ввиду изложенного мной приняты меры к всестороннему выяснению деятельности и связей Джугашвили, который затем, по соглашению с начальником Московского охранного отделения, подлежит одновременной ликвидации с остальными лицами.

Из агентурных сводок Петербургского охранного отделения за сентябрь 1911 г.

8 сентября. Наблюдая 6 сентября на вокзале станции Вологда за отходящим пассажирским поездом 3 ч. 45 м. по полудни, пришел на вокзальную платформу «Кавказец», имея при себе 2 места багажу: небольшой чемодан и узел, повидимому, постель, и сел в вагон III кл. отходящего в 4 ч. 15 м. дня поезда № 3 в г. С. Петербург, где оставил багаж, вышел обратно из вагона и тут же подошел к нему «Кузнец», а перед отходом поезда перешел со всем багажом в другой вагон, а «Кузнец» ушел до отхода поезда из вокзала, простившись с «Кавказцем», и поезд отправился. Сел «Кавказец» после 3-го звонка. Следуя по пути, два раза проходил «Кавказец» вагоны. На станции Чебоксары «Кавказец» из вагона во время стоянки поезда вышел с неизвестным

[1] Архив ИМЭЛ, № 40014, л. 29.
[2] Там же, л. 33.
[3] Там же, л. 34.
[4] Там же, л. 37.

человеком и, пройдясь по платформе, обратно зашел в вагон вместе. На станции Череповец по приходе поезда из вагона «Кавказец» вторично вышел вместе с тем же неизвестным, выпили за буфетом III класса и обратно пошли в вагон. По приходе поезда в гор. С.-Петербург 8 ч. 35 м. утра 7 сентября на платформе «Кавказца» и неизвестного для дальнейшего наблюдения передал филеру местного охранного наблюдения Полудеткину.

Приметы неизвестного описаны в дневнике за 7 сего сентября и передано в Петербургское охранное отделение. Ильчуков[1].

7 сентября с поездом № 3 приехавший в Петербург наблюдаемый под кличкой «Кавказец» наблюдением принят[2].

7 сентября 1911 г. наблюдение велось с 7 ч. 30 м. утра и до 1 ч. 20 м. ночи. Николаевский вокзал. В 8 ч. 40 м. утра с поездом № 4 приехал из Вологды вместе с неизвестным мужчиной под наблюдением вологодского филера Ильчукова. По выходе с вокзала были утеряны. В 12 ч. 5 м. ночи пришли на вокзал вместе еще с одним неизвестным мужчиной, взяли вещи, которые были сданы на хранение. По выходе с вокзала, неизвестный мужчина, который приехал из Вологды, расстался, пошел под наблюдением, а «Кавказец» с неизвестным пошли по Гончарной улице, дом № 3 в гостиницу «Россия», скоро вышли, прошли по Гончарной улице, вернулись обратно в гостиницу «Россия». Зашли в 12 ч. 15 м. ночи, через 5 минут вышли без вещей, пошли по Невскому пр., дошли до Литейного пр., вернулись обратно, у Николаевского вокзала расстались. «Кавказец» пошел в гостиницу «Россия», где был оставлен в 1 ч. 5 м. ночи, а неизвестный мужчина был проведен Невский пр. дом № 106 в ворота, в 1 ч. 10 м. ночи был оставлен, а неизвестный, который приехал из Вологды, был проведен Лиговская ул. д. № 71 в гостиницу «Южная». Зашел в 1 час ночи, где был оставлен в 1 ч. 30 м. ночи. Извозчик С. Кудрявцев[3].

Проведенный 7 сентября в гостиницу «Россия» неизвестный под кличкой «Кавказец» проживает в упомянутой гост. в комнате № 8 — Чижиков Петр Алексеев, кр. Орловской губ. Болоховского уезда Алешинской волости дер. Близна, 23 года... прибыл 7 сентября, прописан паспорт волостн. прав. 881 от 31 декабря 1910 года[4].

8 сентября. Наблюдение велось с 8 ч. утра до 1 часу ночи. Джугашвили «Кавказец», Гончарная ул. д. № 3, вышел из дома в 9 ч. 15 м. утра, прошел Невский пр. дом. № 106 в ворота, пробыл 2 часа, вышел вместе с неизвестным мужчиной и еще, который проживает в упомянутом доме. Все трое прошли Невский пр. дом № 134 во двор, лестница, где №№ квартир 9—10—11, в 11 ч. 30 м., пробыл 1 ч. 30 м., вышел вместе с мужчиной, который проживает Невский пр. № 106, пошли на Пушкинскую ул. д. 8 в столовую, где был мужчина, который приехал вместе из Вологды. Все трое сидели за столом. «Кавказец» пробыл 15 м., вышел вместе с невским, а вологодский остался в столовой. «Кавказец» с невским дошли до Литейного пр., сели в трамвай, поехали на Самсониевский пр. дом № 16, в ворота зашли в 2 ч. 20 м., откуда до 5 ч. 30 м. дня не были взяты... «Кавказец» вернулся домой в 12 ч. 45 м. ночи, где и был оставлен[5].

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 42263, л. 33.
[2] Архив ИМЭЛ, № 40004, л. 5—6.
[3] Там же, л. 7, 8.
[4] Там же, л. 2.
[5] Там же, л. 10.
Из последующих записей видно, что полиция предприняла «расследование» в отношении всех тех лиц, с которыми товарищ Сталин встречался в эти дни, а также и в отношении тех, с которыми хотя бы отдаленным образом были связаны эти лица.

Телеграмма Петербургского охранного отделения Вологодскому ГЖУ, 9 сентября 1911 г.[1]

Джугашвили проживал нелегально. Сегодня арестован.

Полковник Котен.

Телеграмма Петербургского охранного отделения начальнику Московского охранного отделения 9 сентября 1911 г.[2]

Сегодня арестован Джугашвили, прошу сообщить [имеющиеся в] вашем распоряжении сведения.

Полковник Котен.

Из донесения Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 17 сентября 1911 г., № 17058[3]

...Сообщаю, что 7 сего сентября прибыл в Петербург из Вологды, в сопровождении наблюдения, бывший политический ссыльный Иосиф Виссарионов Джугашвили.

Учрежденное за Джугашвили наружное наблюдение установило, что он остановился в гостинице «Россия» (дом № 3 по Гончарной ул.), причем затем было выяснено, что в указанной гостинице Джугашвили прописался по паспорту Алешинского волостного правления от 31 декабря 1910 г. за № 881 на имя крестьянина Петра Алексеева Чижикова.

Ввиду изложенного 9-го сего сентября названный Джугашвили был арестован, с производством у него обыска, оказавшегося безрезультатным. Об аресте его сообщено начальникам Московского охранного отделения и Вологодского губернского жандармского управления телеграммами от 9 сего сентября за №№ 883 и 884.

О проживании Иосифа Джугашвили в Петербурге по подложному паспорту будет сообщено прокурору Петербургского окружного суда, для привлечения Джугашвили к ответственности...

Ротмистр (подпись).

Из отношения Вологодского ГЖУ начальнику Московского охранного отделения, 24 сентября 1911 г.[4]

Сообщаю, что в ночь на 21 сего сентября была произведена ликвидация связей по городу Вологде известного вам Иосифа Виссарионова Джугашвили, выбывшего отсюда в С. Петербург и арестованного там 9 сего сентября по распоряжению охранного отделения. Обыскам были подвергнуты нижеследующие лица, с коими Джугашвили во время своего пребывания в Вологде находился в непрерывных сношениях: бывший ссыльный крестьянин Орловской губернии Петр Алексеев Чижиков...

Ничего преступного при обыске у вышеназванных лиц обнаружено не было. Отобранная у них переписка просматривается в управлении и, если окажутся данные, имеющие какое-либо отношение к городу Москве, то будет сообщено вам дополнительно.

Чижиков в порядке охраны арестован и заключен под стражу в местной тюрьме впредь до просмотра отобранной у него переписки, которую он при обыске пытался скрыть от производивших обыск лиц.

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 40014, л. 38.
[2] ЦАР, ДП, о. о., 1911 г., д. № 267, л. 20.
[3] Там же, л. 18.
[4] Архив ИМЭЛ, № 40014, л. 54.

Донесение начальника Петербургского ГЖУ петербургскому градоначальнику, 7 октября 1911 г., № 19447[1]

6-го сего октября во вверенное мне управление поступила из С. Петербургского охранного отделения переписка о задержанном 9-го минувшего сентября в гор. С. Петербурге, бывшем политическом ссыльном в Вологодской губ. крестьянине Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Лило, Иосифе Виссарионове Джугашвили.

Возбудив сего числа переписку, в порядке положения о государственной охране, по исследованию степени политической благонадежности Иосифа Джугашвили, личность коего необходимо установить и выяснить, а между тем срок ареста его оканчивается 9-го сего октября, прошу ходатайства вашего превосходительства о продлении срока содержания под стражей названного Иосифа Джугашвили в порядке примечания к ст. 33 положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, высочайше утвержденного 14 августа 1881 года.

Генерал-майор Клыков.

Из постановления начальника Петербургского ГЖУ, 17 ноября 1911 г.[2]

Я, начальник С.-Петербургского губернского жандармского управления, генерал-майор Клыков, рассмотрев произведенную при вверенном мне управлении переписку... о политической неблагонадежности крестьянина Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Лило, грузина Иосифа Виссарионова Джугашвили, нашел... В конце пребывания своего под гласным надзором полиции в Вологодской губернии Иосиф Джугашвили, как установлено агентурным путем, будучи активным и весьма серьезным представителем Рос. соц.-дем. раб. партии, успел завязать сношения с заграничным центром названной партии, коим ему было предложено взять на себя исполнение обязанностей делегата сего центра, и он получил приглашение приехать за границу за надлежащими инструкциями.

Во исполнение сего Иосиф Джугашвили, взяв паспорт своего знакомого, бывшего политического ссыльного, крестьянина Петра Чижикова, 6 сентября выехал в С. Петербург, намереваясь проехать отсюда через Москву и другие города за границу, причем, прописавшись здесь под именем Чижикова, тотчас же вошел в сношения с политически неблагонадежными лицами, но 9 сентября был арестован. По обыску у него взята записная книжка, в которой оказались записки, озаглавленные: «Вопросы политической экономии», «Заметки по социологии», «Капитал 1-й том», «Русская история» (заметки) и между прочим сборник разговорных фраз на немецком языке, в коих могла встретиться надобность при путешествии за границей, а также разных глаголов на немецком же языке, что может служить подтверждением правильности агентурных сведений о намерении Джугашвили отправиться за границу...

Ввиду изложенного, признавая крестьянина Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Лило, грузина Иосифа Вассарионова Джугашвили лицом безусловно-вредным для общественного спокойствия и государственного порядка, я полагал бы: названного Иосифа Виссарионова Джугашвили выслать в пределы Восточной Сибири под глас-

[1] Архив ИМЭЛ, № 40018, л. 11. Это донесение 8 октября было переслано петербургским градоначальником в департамент полиции, на что последовало извещение, что «на продление... ареста Иосифа Виссарионова Джугашвили... на срок не свыше двух месяцев, последовало согласие министра внутренних дел».

[2] Там же, л. 6.

ный надзор полиции, сроком на пять лет, а потому постановил: настоящую переписку заключить и направить г-ну с.-петербургскому градоначальнику на предмет внесения в особое совещание, учрежденное при министерстве внутренних дел.

Генерал-майор Клыков.

Из извещения Петербургского охранного отделения начальнику Вологодского ГЖУ, 16 декабря 1911 г.[1]

Департамент полиции отношением от 9 сего декабря за № 78913 уведомил, что по рассмотрении особым совещанием... обстоятельств дела о кр-не Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Лило Иосифе Виссарионове Джугашвили, изобличенном в революционной деятельности

г-н министр внутренних дел постановил: подчинить Джугашвили гласному надзору полиции в избранном им месте жительства, кроме столиц и столичных губерний, на три года, считая срок с 5 декабря 1911 г.

По объявлении настоящего постановления Джугашвили избрал местом жительства гор. Вологду.

Сообщая об изложенном и препровождая при сем, согласно циркуляра департамента полиции от 29 января 1911 г. за № 66074, фотографическую карточку Джугашвили, охранное отделение уведомляет, что названное лицо 14 сего декабря выбыло в г. Вологду с проходным свидетельством за № 23602[2].

Проходное свидетельство № 23602[3]

Согласно постановления г. министра внутренних дел, изложенного в отношении департамента полиции от 9 декабря 1911 г. за № 78913, дано сие свидетельство крестьянину Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Лило Иосифу Виссарионову Джугашвили на свободный проезд из г. С.-Петербурга в гор. Вологду для подчинения Джугашвили гласному надзору полиции.

Декабря 14 дня 1911 г....

За начальника петербургского охранного отделения подполковник

Гаврилов.

Донесение вологодского полицеймейстера начальнику Вологодского жандармского управления, 27 декабря 1911 г.[4]

Состоящий под гласным надзором полиции крестьянин Тифлисской губернии, Тифлисского уезда, села Диди-Лило Иосиф Виссарионов Джугашвили 25 декабря прибыл из С.-Петербурга в избранное место жительства гор. Вологду.

Из агентурной сводки Вологодского охранного отделения за 31 декабря 1911 г.[5]

«Кавказец» проживает по Золотушной наб. в доме № 27.

Начало в 9 ч. 10 м. утра.
Окончание в 8 ч. 40 м. вечера.

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 42267, л. 2.
[2] 25 декабря 1911 г. товарищ Сталин прибыл в Вологду, где за ним снова был установлен тщательный надзор полиции.
[3] Архив ИМЭЛ, № 42250, л. 2.
[4] Архив ИМЭЛ, № 42267, л. 3.
[5] Архив ИМЭЛ, № 42263, л. 35.

В 11 ч. 40 м. дня «Кавказец» вышел из своей квартиры и проведен в городскую общественную библиотеку по Кузнецкой ул., угол. Б. Дворянской, где пробыл 45 м., вышел с книгой и вернулся в свою квартиру. В 6 ч. 45 м. вечера «Кавказец» вторично вышел из своей квартиры и пошел в магазин Мазалева по Гостинодворской ул., где пробыл 10 м., вышел с покупкой и пошел в бакалейную лавку Сахарного по Золотушной наб., через 5 м. вышел и проведен в свою квартиру; более наблюдаемого не видел. Везигин. Мухин.

Рапорт пристава 1-го участка г. Вологды вологодскому полицеймейстеру, 4 января 1912 г.[1]

Вследствие предписания от 27 декабря 1911 г. за № 2147 доношу вашему высокоблагородию, что за прибывшим в гор. Вологду административно ссыльным Иосифом Виссарионовым Джугашвили гласный надзор полиции учрежден.

Из агентурных сводок Вологодского охранного отделения за январь 1912 г.[2]

4 января. «Кавказец» проживает по Золотушной наб. в доме № 27. Начато в 9 ч. 15 м. утра, окончено в 8 ч. 40 м. веч.

В 11 ч. 10 м. дня наблюдаемый вышел из своей квартиры и пошел на Кирилловскую ул., на Гостинодворскую улицу и на Московскую ул., ввиду невозможности вести дальнейшие наблюдения был утерян; более наблюдаемого не видели. Мухин. Шибалов.

8 января. Наблюдение начато 10 ч. утра, окончено 8 ч. 40 м. веч.

В 11 ч. 20 м. дня «Кавказец» из дома вышел и проведен в дом Беспалова по Кузнецкой ул., где квартирует «Кузнец», где пробыл 1 ч. 15 м., вышли вместе с «Кузнецом» и пошли в почтово-телеграфную контору, через 10 м. вышли; «Кузнец» имел в руках газету или журнал, повидимому, полученную с почты, и проведены в дом Артемова по Засимовской ул., где продаются домашние обеды, через 35 м. вышли и проведены в пивную лавку Воденко по Кирилловской ул., через 40 м. вышли и тут же были, за невозможностью, из виду утеряны. В 5 ч. 40 м. вечера «Кавказец» пришел домой. Ильчуков, Мухин.

Из агентурных сводок Вологодского охранного отделения за февраль 1912 г.[3]

18 февраля. «Кавказец» проживает в доме Гаврилова по Леонтьевскому ручью.

С 9 ч. 30 м. утра и до 8 ч. 40 м. вечера.

В 2 ч. 10 м. дня «Кавказец» с неизвестным мужчиной были взяты на Архангельской ул. и пошли на Кирилловскую ул., на Красный мост и, дойдя до торговых бань Назарова, вернулись обратно и проведены в кавказскую виноторговлю, что в доме Смекаловой по Московской ул., где пробыли 50 м., вышли и пошли в С.-Петербургскую парикмахерскую по той же Московской ул., где, наблюдая до 6 ч. вечера, выхода их не видели, а также прихода «Кавказца» в свою квартиру и выхода из нее до окончания наблюдения не замечено. Шибалов. Везигин.

26 февраля. С 9 ч. утра и до 8 ч. 45 м. вечера.

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 42250, л. 9.
[2] Архив ИМЭЛ, № 42263, л. 37—38.
[3] Там же, л. 49, 51.

В 11 ч. 15 м. утра «Кавказец» вышел из своей квартиры и пошел на Кирилловскую ул., прошел один раз и проведен в городскую общественную библиотеку, откуда выхода его не видели, а так же более выхода и прихода его в квартиру тоже не замечено. Шибалов. Мухин.

Донесение пристава 3-го участка гор. Вологды в Вологодское городское полицейское управление, 29 февраля 1912 г.[1]

Состоящий под гласным надзором полиции в доме наследников Гаврилова на Леонтьевском ручье вверенного мне участка, политический ссыльный из крестьян Тифлисской губ. Иосиф Виссарионов Джугашвили в ночь на сие число около 2 час. ночи, без надлежащего разрешения, забрав часть ценного своего имущества, выбыл из гор. Вологды неизвестно куда, будто бы по своим делам на одну неделю, как объяснила старшая наследница, о чем имею честь донести полицейскому правлению на распоряжение.

Донесение Вологодского ГЖУ начальнику Петербургского охранного отделения, 6 марта 1912 г., № 1713[2]

Высланный из С.-Петербурга и подчиненный вновь гласному надзору полиции в избранном им месте жительства — городе Вологде, известный вверенному вам охранному отделению крестьянин Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Лило Иосиф Виссарионов Джугашвили 29 минувшего февраля скрылся из Вологды неизвестно куда; по предположению в одну из столиц. По агентурным сведениям Джугашвили продолжает попрежнему свою преступную деятельность по партии с.-д., являясь там одним из деятельных членов.

Розыскная ведомость на Джугашвили представлена в департамент полиции 6 сего марта за № 1712.

Приказ вологодского полицеймейстера участковым приставам г. Вологды, 1 марта 1912 г.[3]

Предписываю г.г. приставам произвести тщательный розыск по городу Вологде места жительства гласно-поднадзорного крестьянина Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Лило Иосифа Виссарионова Джугашвили и о последующем донести без промедления.

Из сообщения начальника Бакинского охранного отделения директору департамента полиции, 9 апреля 1912 г.[4]

Иосиф Виссарионов Джугашвили выбыл в Петербург в воскресенье 1 апреля. В Петербурге он может посетить Аллилуева, служившего слесарем в Тифлисе, рабочего, другие его петербургские связи неизвестны.

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 42250, л. 11.

[2] Архив ИМЭЛ, № 42267, л. 7. В № 10 «Вологодских губернских ведомостей» от 9 марта 1912 г. было напечатано объявление о розыске Джугашвили.

Сразу после побега из Вологды товарищ Сталин развернул огромную работу по реализации решений Пражской конференции. Он едет в Тифлис, затем в Баку, где проводит совещание бакинских большевиков.

1 апреля 1912 г. товарищ Сталин выезжает нелегально из Баку в Москву. В Москве происходит встреча с Серго Орджоникидзе. 9 апреля 1912 г. товарищ Сталин вместе с Серго выезжает в Петербург.

[3] Архив ИМЭЛ, № 42250, л. 18.

[4] ДП, о. о., д. № 5, ч. 6, 1912 г., л. 23.

Сообщение начальника Московского охранного отделения директору департамента полиции, 9 апреля 1912 г.[1]

В дополнение к представлению моему от 5 сего апреля за № 295076 доношу, что член Ц.К. РСДРП «Серго», взятый в наружное наблюдение под филерской кличкой «Прямой», оставался все время в гор. Москве и встретился здесь 7 апреля с прибывшим из г. Баку неизвестным; последний, по сведениям секретной агентуры, оказался упоминаемым в предыдущих моих представлениях центровиком «Кобой», кооптированным в ЦК по окончании заседаний Пражской партийной конференции.

В виду близости «Серго» и «Кобы», имеющейся в отделении центральной секретной агентуры, и невозможности вследствие сего арестовать наблюдаемых в г. Москве, отъезду их препятствий мною не ставилось, и оба они, в сопровождении филеров Андреева, Атрохова и Пахомова, выбыли сего числа в г. С. Петербург с поездом номер восьмым.

Об отъезде поименованных лиц и принятии наблюдения, начальник С. Петербургского охранного отделения извещен мною срочной депешей.

Полковник Заварзин.

Сообщение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 24 апреля 1912 г.[2]

10 сего апреля, вследствие телеграммы начальника Московского охранного отделения о выезде 9-го сего апреля из гор. Москвы в С.-Петербург Серго и Коба и о принятии их в наблюдение, прибывший с названным поездом Серго был принят в наблюдение, Кобы же с названным поездом не оказалось. По установлении связей, Серго 14 сего апреля был задержан на улице и при задержании назвался крестьянином Тифлисской губ. Борчалинского уезда, селения Сорван Асланом Новрус-Оглы Гусейновым и в удостоверение своей личности предъявил паспортную книжку на это имя, выданную из управления Тифлисского полицеймейстерства.

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 18 апреля 1912 г., № 5699[3]

Иосиф Виссарионов Джугашвили прибыл в С. Петербург 10-го сего апреля и был взят филерами отделения в наблюдение. Вечером того же 10 апреля он был проведен в д. № 22, по Константиновскому проспекту в кв. № 19, где и остался ночевать. 11 апреля Джугашвили из указанного дома не вышел и до настоящего времени взять его в наблюдение не удалось. Меры к обнаружению его приняты.

За начальника отделения (подпись).

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 22 апреля 1912 г., 5941[4]

Иосиф Виссарионов Джугашвили 22-го сего апреля арестован на улице. При аресте он заявил, что определенного места жительства в гор. С. Петербурге не имеет. При личном обыске у Джугашвили ничего преступного не обнаружено.

За начальника отделения (подпись).

---

[1] ДП, о. о., д. № 5, прод. П. 1910 г., лл. 234—235.
[2] Там же, л. 249.
[3] ДП, о. о., д. № 5, ч. 57, лит. В, л. 15.
[4] Там же, л. 17.

Из предписания департамента полиции томскому губернатору, 14 июня 1912 г., № 69936 [1]

По рассмотрении особым совещанием... Иосифа Виссарионова Джугашвили, изобличенного в принадлежности к социал-демократической организации, г. министр внутренних дел постановил:

1) Выслать Иосифа Джугашвили в пределы Нарымского края, Томской губернии... под гласный надзор полиции на три года и 2) состоявшееся 3 декабря 1911 г. в отношении Джугашвили постановление особого совещания в дальнейшее исполнение не приводить.

О таковом постановлении, сообщенном к исполнению с. петербургскому градоначальнику, департамент полиции уведомляет ваше превосходительство для зависящих распоряжений к подчинению названного лица, по прибытии его во вверенную вам губернию, гласному надзору полиции на вышеуказанных условиях, присовокупляя, что срок высылки и надзора полиции надлежит считать с 8 июня сего года [2].

Инструкция томского губернатора томскому уездному исправнику, 19 июля 1912 г. [3]

Препровождая при этом, в копии, отношение департамента полиции от 14 июня 1912 г. за № 69936, по делу Иосифа Виссарионова Джугашвили, предлагаю вашему высокоблагородию: а) по прибытии названного лица во вверенный вам район, сделать распоряжение о подчинении его гласному надзору полиции на указанных в приложении условиях, б) объявить ему о существе правил указанного надзора, в) истребовать от него подписку в том, что со всеми своими ходатайствами он должен обращаться непосредственно ко мне и г) представить мне ведомость о названном гласно-поднадзорном...

(Подпись).

Рапорт полицейского надзирателя приставу 5 стана Томского уезда, 2 сентября 1912 г. [4]

Проверяя по обыкновению каждый день свой участок административно-ссыльных в городе Нарыме, сего числа я зашел в дом Алексеевой, где квартируют Джугашвили Иосиф и Надеждин Михаил, из них первого не оказалось дома. Спрошенная мною хозяйка квартиры Алексеева заявила, что Джугашвили сегодняшнюю ночь не ночевал дома и куда отлучился не знает. Надеждин же его товарищ заявил, что Джугашвили в субботу 1 сентября уехал в село Колпашево Кетской волости. Об изложенном доношу вашему высокородию.

Полицейский надзиратель Титков.

Приказ томского губернатора по губернскому управлению, 3 ноября 1912 г. [5]

Томский уездный исправник донес мне, что высланный по распоряжению г. министра внутренних дел в Нарымский край под гласный надзор полиции крестьянин селения Диди-Лило Иосиф Виссарионов

---

[1] Архив ИМЭЛ, № 42249, л. 3.

[2] 2 июля 1912 г. товарищ Сталин был отправлен в Нарымский край (Архив ИМЭЛ, № 42249, л. 9) через Томск, откуда «18 июля 1912 г. выслан в Нарым на пароходе «Колпашевец» с надзирателем» (Архив ИМЭЛ, № 42249, л. 13).

[3] Архив ИМЭЛ, № 42249, л. 2.

[4] Там же, л. 15.

[5] Там же, л. 5а.

Джугашвили 1 сентября 1912 г. из места водворения бежал. Предлагаю вашему высокоблагородию сделать распоряжение о производстве в пределах вверенного вам района розыска названного лица и, в случае задержания, о передаче его в ведение томского уездного исправника, с тем, чтобы об этом было донесено мне.

Телеграмма начальника Московского охранного отделения начальнику Петербургского охранного отделения, 29 октября 1912 г.[1]

Коба Джугашвили бежал из Нарымского края, был в Москве, откуда отправился в Питер. Близко связан с избранным в государственную думу рабочим Бадаевым, с коим намерен отправиться к Ленину на совещание. В случае обнаружения наблюдением, просьба задержать не сразу, лучше перед отъездом за границу. Указаний и ссылок на Москву не делать ни коем случае.

Ротмистр (подпись).

Из донесения Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 9 ноября 1912 г.[2]

Упомянутый в телеграмме начальника Московского охранного отделения от 29 минувшего октября скрывшийся из Нарымского края «Коба» — кр. Тифлисской губ., Иосиф Виссарионов Джугашвили — прибыл в Петербург 29 минувшего октября, в 1 час. 40 минут дня, и был встречен филерами вверенного мне отделения. Посетив непосредственно с вокзала студента С. Петербургского университета, проживающего по Пушкинской ул., в д. № 17, кв. 9 и пообедав с ним в ресторане Федорова, на Екатерининской ул., Джугашвили на извозчике отправился на Финляндский вокзал и там был утерян.

О возможном выезде Джугашвили через Финляндию за границу поставлен в известность начальник Финляндского жандармского управления запиской от 30 того же октября за № 18293, и филеры отделения, знающие его в лицо, были командированы к отходящим за границу пароходам в Або и Ганге.

За начальника отделения (подпись).

Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 11 ноября 1912 г., № 19123[3]

В дополнение к записке от 9-го сего ноября за № 18983, сообщаю департаменту полиции, что командированные в Або и Ганге для указаний Джугашвили филеры вверенного мне отделения за безрезультатностью наблюдения 5-го сего ноября отозваны.

За начальника отделения (подпись).

Запрос департамента полиции начальнику Петербургского охранного отделения, 25 ноября 1912 г.[4]

Вследствие записки от 9 ноября 1912 года за № 18983 департамент полиции просит ваше высокоблагородие уведомить, чем объясняется утеря столь серьезного наблюдаемого, как помянутого в означенной записке Иосифа Виссарионова Джугашвили.

Вице-директор О. Виссарионов.

---

[1] ДП., о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 57, лит. В, л. 35.
[2] Там же, л. 34.
[3] Там же, л. 42.
[4] Там же, л. 46.

Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 13 февраля 1913 г.[1]

В виду просьбы начальника Московского охранного отделения, изложенной в телеграмме его от 29 октября 1912 г.,— арестовать Джугашвили «не сразу, лучше перед отъездом за границу», мной было приказано не задерживать Джугашвили тотчас по прибытии его в С. Петербург, а по возможности при его отъезде[2].

В тот же день вечером Джугашвили, сопровождаемый наблюдением, приехал на Финляндский вокзал, где, ввиду большого скопления отъезжающей публики и по оплошности филеров, был утерян в толпе и затем в отходящем поезде, равно и на вокзале обнаружен не был.

Полагая, что Джугашвили может выехать за границу через Або или Ганге, в означенные города были командированы знающие его филеры, но означенное наблюдение в Финляндии результатов не дало и филеры были отозваны оттуда 5 ноября.

За начальника отделения (подпись).

Из агентурных сводок Петербургского охранного отделения за октябрь 1912 г.[3]

29 октября. Наблюдение велось с 6 ч. утра. «Кавказец» в 1 час. 30 минут приехал с приходящим поездом из Москвы, по выходе с вокзала, пошел мимо товарной станции, вышел на Полтавскую ул., потом по Невскому пр., по 1-й Рождественской ул., ходил 30 мин., по-видимому, проверял, пошел на Пушкинскую ул. дом № 17 первый подъезд от Невского пр. (в 2 часа дня). Пробыл 4 часа 45 м., вышел в 6 ч. 45 м. дня вместе с неизвестным мужчиной, студентом университета, пошли Екатерининская ул. д. № 8, в ресторан Федорова, пробыли 2 часа, вышли, пошли по разным ул., ходили 20 м., на углу Инженерной и Караванной расстались, неизвестный пошел без наблюдения, а наблюдаемый сел на извозчика и поехал на Финляндский вокзал, на вокзале был упущен в 9 ч. 30 м. вечера.

30 октября. С 9 ч. 30 м. утра до 7 ч. вечера. «Кавказец». Муравьевский пр., д. № 44. В течение наблюдаемого дня прихода в дом и выхода из дома не видели.

С 9 ч. утра до 11 ч. 30 м. веч. «Кавказец». Царскосельский вокзал. В течение наблюдаемого времени отъезда «Кавказца» замечено не было.

Наблюдение с 9 ч. утра окончено в 8 ч. вечера. «Кавказец». 8-я Рождественская ул., д. 41. В течение наблюдаемого дня выхода и прихода не видели.

Наблюдение велось с 7 час. утра до 5 ч. 15 мин. веч. «Кавказец». Финляндский вокзал. В течение наблюдаемого дня приезда и отъезда не видали.

Наблюдение велось с 8 ч. утра до 11 ч. вечера. «Кавказец». Приморский вокзал. В течение наблюдаемого времени приезда, а также и отъезда не видели.

С 8 ч. 30 м. утра, кончили в 8 час. веч. «Кавказец». Клиника Вилье. В течение наблюдаемого дня приезда из Лесного корпуса не видали, а также и отъезда в Лесной.

Наблюдение с 9 ч. утра до 9 ч. вечера. «Кавказец». Зеленина ул., д. 9. В течение наблюдаемого дня выхода и прихода не видели.

---

[1] ДП., о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 57, лит. В, л. 55.

[2] Товарищ Сталин благополучно миновал всех сыщиков и приехал в Краков к В. И. Ленину.

[3] Архив ИМЭЛ, № 40004, л. 25—39.

«Кавказец». Варшавский вокзал. В течение наблюдаемого дня прихода на вокзал не было.

Наблюдение велось с 8 часов утра до 12 час. 10 м. ночи. «Кавказец». Николаевский вокзал. В течение дня отъезда «Кавказца» не видали.

31 октября. 10 ч. утра — 6 час. 30 м. вечера. Муравьевский пр. № 44. Прохода «Кавказца» замечено не было.

Наблюдение велось с 7 час. утра оконч. в 1 ч. ночи. «Кавказец». Финляндский вокзал. В течение наблюдаемого дня отъезда и приезда «Кавказца» не было.

Сообщение департамента полиции начальнику Петербургского охранного отделения, 20 февраля 1913 г.[1]

...Помянутый в записке вашего высокоблагородия от 13 февраля за № 2756 «Коба» в установке Джугашвили вернулся в Петербург, настоящее его местожительство неизвестно, но имеются сведения, что он останавливался в Петербурге по адресу: Большой Сампсониевский проспект, д. 16, кв. 63.

Из донесения Петербургского охранного отделения начальнику Петербургского губернского жандармского управления, 7 марта 1913 г., № 6362[2]

По позднейшим сведениям, Джугашвили вошел в непосредственные сношения с заграничным центром социал-демократической организации и состоит агентом Ленинского Центрального комитета этой организации, нося партийные клички «Коба» и «Василий». В С. Петербург приезжал исключительно по делам местной социал-демократической организации, работу в коей должен был наладить совместно с полоцким мещанином Яковом Мовшевым Свердловым, переписка о коем передана вашему превосходительству при записке от 13 февраля с. г. за № 2855.

В феврале поступили сведения о том, что Джугашвили поселился на жительство в С. Петербурге. Так как постоянной квартиры он не имел, то мной было отдано распоряжение об арестовании его при встрече.

23 минувшего февраля в зале Калашниковской биржи был устроен вечер местной большевистской социал-демократической организации, на каковом, в числе присутствовавших, агентами отделения был замечен и Джугашвили и, согласно полученных ими на сей случай инструкций, арестован.

По личному обыску у арестованного ничего преступного не обнаружено. Квартиру свою указать не пожелал, а равно и на допросе в отделении от дачи показания отказался...

Постановление начальника Петербургского ГЖУ, 19 апреля 1913 г.[3]

1913 г. апреля 19 дня, в гор. С. Петербурге, я, начальник С.-Петербургского губернского жандармского управления генерал-лейтенант Клыков, рассмотрев настоящую переписку, произведенную при вверенном мне управлении, в порядке положения о государственной охране, высочайше утвержденного в 14 день августа 1881 года, по исследованию политической благонадежности крестьянина Тифлис-

---

[1] ДП., о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 57, лит. В, л. 63.
[2] Архив ИМЭЛ, № 40015, л. 13.
[3] Там же, л. 24.

ской губ. и уезда, селения Диди-Лило Иосифа Виссарионова Джугашвили, нашел:

В октябре месяце минувшего 1912 г. в С.-Петербургском охранном отделении были получены сведения, что скрывшийся из под гласного надзора полиции из Нарымского края видный деятель Российской социал-демократической рабочей партии, упомянутый Джугашвили должен прибыть в С.-Петербург. Вследствие изложенного, за появлением его в С.-Петербурге было установлено наблюдение, которым он был встречен 29 октября 1912 г. и проведен в квартиру студента местного университета, проживавшего по Пушкинской улице, в доме № 17... Поехал один на Финляндский вокзал, где, ввиду большого скопления публики, был утерян наблюдением; впоследствии стало известно, что Джугашвили выбыл в тот же день в Финляндию, откуда неоднократно приезжал в С.-Петербург исключительно по партийным делам.

По полученным названным отделением позднейшим сведениям, Джугашвили вошел в непосредственные сношения с заграничным центром социал-демократической организации и принял на себя обязанности делегата Ленинского Центрального комитета указанной партии, нося партийные клички: «Коба» и «Василий».

Ввиду полученных в феврале сего года сведений, что Джугашвили поселился на жительство в С.-Петербурге, и отсутствия у него постоянной квартиры, он был арестован 23 того же февраля на вечере в зале Калашниковской биржи, устроенном местной большевистской социал-демократической организацией, при чем он отказался указать свою квартиру и дать какие-либо объяснения, при личном же обыске у него был обнаружен самоучитель по немецкому языку, купленный в г. С.-Петербурге в книжном магазине Ясного и озаглавленный: «Русский в Германии», в котором были подчеркнуты необходимые в путешествии фразы для разговора и сделаны рукой Джугашвили неразборчивые заметки, касающиеся фракции меньшевиков-ликвидаторов упомянутой партии.

Принимая во внимание, что в виду вышеизложенных сведений крестьянин Иосиф Виссарионов Джугашвили представляется лицом безусловно вредным для общественного спокойствия и государственного порядка и что он скрылся из места административной высылки — Нарымского края, п о с т а н о в и л: настоящую переписку препроводить для дальнейшего направления, согласно ст. 34 положения о государственной охране, с.-петербургскому градоначальнику на предмет административной высылки названного Джугашвили в Нарымский край на срок по усмотрению особого совещания[1].

Генерал-лейтенант К л ы к о в.

Из предписания департамента полиции енисейскому губернатору, 18 июня 1913 г.[2]

По рассмотрению особым совещанием... представления с.-петербургского градоначальника от 23 апреля сего года за № 9270, о высылке крестьянина Тифлисской губернии и уезда, селения Диди-Лило Иосифа Виссарионова Джугашвили, изобличенного в принадлежности к революционной организации, г. министр внутренних дел постановил:

---

[1] Это постановление «особому совещанию» показалось недостаточным, и товарищ Сталин был приговорен к ссылке в Туруханский край, сроком на четыре года.

2 июля 1913 г. товарищ Сталин этапом направляется в ссылку. Прибывает он в Туруханский край 10 августа 1913 г. и водворяется в станке Костино.

[2] Архив ИМЭЛ, д. № 42245, л. 2.

1) выслать Иосифа Джугашвили в Туруханский край под гласный надзор полиции на четыре года и 2) оставить без дальнейшего исполнения состоявшееся о нем 7 июня 1912 г. постановление особого совещания.

О таковом постановлении, сообщенном к исполнению с.-петербургскому градоначальнику, департамент полиции уведомляет ваше превосходительство для зависящих распоряжений к подчинению названного лица, по прибытии его во вверенную вам губернию, гласному надзору полиции на вышеуказанных условиях.

К изложенному департамент присовокупляет 1) что срок высылки и надзора полиции надлежит исчислять с 7 июня сего года, 2) что вышеприведенная виновность Джугашвили выяснена агентурными сведениями и 3) что согласно означенным данным и сведениям о прошлой деятельности, Джугашвили неоднократно привлекался и был подвергнут взысканиям...

О месте, которое будет назначено для водворения Джугашвили, и времени прибытия названного лица департамент полиции просит уведомить.

Вместе с тем департамент просит ваше превосходительство принять меры к строгому надзору за Джугашвили для предотвращения возможности совершения им нового побега с места высылки.

Иранская революция 1905—1911 гг. и большевики Закавказья

Революция 1905 г. в России, открывшая собою новую страницу в истории борьбы с царизмом и капитализмом в нашей стране, имела большое влияние на все международное революционное движение и на рабочий класс западноевропейских стран, который в борьбе русских рабочих с царизмом видел борьбу с империализмом и, воспринимая уроки русской революции, ринулся в схватку с капитализмом за улучшение своих экономических и политических прав.

Вместе с тем первая русская революция, ставившая своей задачей разрешение аграрного вопроса, свержение власти помещиков-полуфеодалов, ускоряла борьбу с феодальными отношениями в Азии.

Развивавшийся в царской России капитализм устремлялся на окраины государства, в том числе и на Кавказ. Проникая на окраины, капитализм обращал их в свои колонии. Окраины государства влекли капиталистов своими огромными естественными богатствами, богатой сырьевой базой. Сюда же они направляли промышленную продукцию своих предприятий, вытесняя и уничтожая местное производство.

Рабочие, вовлекаемые в развивающуюся промышленность, подвергались жесточайшей эксплоатации. Рабочий день был не нормирован, заработок не постоянен. В донесении канцелярии царского наместника на Кавказе в департамент полиции о положении на шелкомотальных фабриках Шушинского уезда, мы читаем: «работают по преимуществу женщины, из коих большинство девочки, начиная с семилетнего возраста. Работа на этих фабриках начиналась до восхода и кончалась после захода солнца; отдыха почти не было, давался только час на обед. Заработную плату женщины получали от 20 до 35 копеек в день, а девочки и мальчики от 7 копеек» [1]. И такое положение не было исключением.

В деревнях Кавказа господствовал помещик, и феодализм был здесь значительно крепче, чем в центральной части империи.

В условиях колониально-капиталистического и феодально-помещичьего гнета сравнительно быстро шло вызревание классового сознания пролетариата и революционизирование крестьянства многонационального Закавказья. Этому способствовало в значительной мере то, что на рубеже XIX и XX веков в Закавказье стала складываться и расти революционная организация, стала развиваться ленинская большевистская партия, во главе которой стал товарищ Сталин. В 1901 г. был организован Тбилисский комитет РСДРП. В конце этого же года товарищ Сталин развернул большую партийную работу в Батуми. Ведя успешную борьбу с меньшевиками, эсерами и буржуазными националистами, товарищ Сталин в 1904 г. завершил оформление большевистских организаций в ряде мест Закавказья; в 1904 году, после побега из сибирской ссылки, товарищ Сталин значительное время провел в крупнейшем рабочем центре Закавказья — Баку, где в поисках заработка сосредотачивались труженики Грузии и Армении, отходники с берегов Волги и из соседнего Ирана.

[1] Центр. архив революции, ДП, д. № 19, ч. 2, л. 11.

С началом революции в России в движение пришли и трудящиеся Закавказья. III съезд РСДРП, заседавший в Лондоне в апреле — мае 1905 г., принял специальное решение «По поводу событий на Кавказе».

«Принимая во внимание:

1) что особые условия социально-политической жизни Кавказа благоприятствовали созданию там наиболее боевых организаций нашей партии;

2) что революционное движение среди большинства населения Кавказа как в городах, так и в деревнях дошло уже до всенародного восстания против самодержавия;

3) что самодержавное правительство посылает уже войско и артиллерию в Гурию, подготовляя самый беспощадный разгром всех важнейших очагов восстания;

4) что победа самодержавия над народным восстанием на Кавказе, облегчаемая иноплеменным составом тамошнего населения, будет иметь самые вредные последствия для успеха восстания во всей России,—

III съезд РСДРП от имени сознательного пролетариата России шлет горячий привет геройскому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручает Центральному и местным комитетам партии принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел на Кавказе путем брошюр, митингов, рабочих собраний, кружковых собеседований и т. д., а так же к своевременной поддержке Кавказа всеми имеющимися в их распоряжении средствами» [1].

В дни декабрьского вооруженного восстания в Москве прошли вооруженные восстания в Тбилиси, Кутаиси и других городах. «Почти вся Грузия была охвачена восстанием» [2].

Проиграв войну с Японией царизм все же нашел силы нанести поражение лучшей части народа своей собственной страны. Трудящиеся массы Закавказья отступали с большими и упорными боями. Они уходили в леса и горы и оттуда вели нападения на царские войска, развернув партизанскую борьбу.

Революция 1905 года, несмотря на ее поражение, высоко оценена большевиками и создателем партии — Лениным. В статье «К оценке русской революции» он писал, что «декабрьская борьба была самым необходимым, самым законным, самым великим пролетарским движением после Коммуны» [3].

Вслед за революцией 1905 г. в России пришел в движение Иран, расположенный по соседству с Закавказьем.

В период развития капитализма в Европе Иран, страна аграрная, экономически отсталая, должен был разделить судьбу стран Востока. Западно-европейский капитализм и русский царизм обратили его в свою полуколонию. Земельные отношения Ирана были типично феодальными.

Земли делились на принадлежавшие шаху («хализса»), мечетям и религиозным обществам («вакуф») и частно-собственнические — помещичьи («мульк»). Основную массу населения составляло крестьянство, жестоко эксплоатировавшееся и обремененное непомерными налогами, собираемыми откупной системой, открытым насилием помещика и полным произволом в различного рода повинностях. Некоторая его часть закабалялась на работе у помещика, другая, менее значительная, переходила к мелкому ремеслу или жила подаяниями. Часть же отправлялась на заработки в эмиграцию.

В стране было широко развито кустарное производство, достигавшее в свое время большого совершенства. С проникновением же в Иран фабричной продукции капиталистических стран кустарное производство стало приходить

---

[1] «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов Ц. К.» ч. I, стр. 49.

[2] «История ВКП(б)», Краткий курс, стр. 79.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. XII, стр. 212.

в упадок. Разорявшиеся кустари, число которых было особенно значительно в городах Северного Ирана, пополняли ряды эмигрантов. В начале XX в. в Иране было открыто несколько небольших промышленных предприятий, но промышленное развитие страны тормозилось конкуренцией крупных капиталистических стран, боровшихся за овладение рынком Ирана, а национальная буржуазия была слаба. На пути ее развития стояли крупные и сильные иностранные конкуренты и феодальная шахская власть. Слабое развитие промышленности привело к тому, что Иран был в числе стран Востока — «где нет или почти нет промышленного пролетариата» [1].

Закабаление страны капиталистами производилось: займами шахскому правительству на кабальных условиях и концессионной практикой, а царская Россия, в дополнение к займам и концессиям, свое влияние закрепляла посылкой советников в шахский дворец, командированием офицеров на службу к шаху, для организации так называемой казачьей бригады.

Захватническая политика царизма встречала сопротивление и значительной силы противодействие со стороны Англии. Последняя оберегала подступы к Индии — «жемчужине в короне Британской империи» и старалась не допускать Россию до берегов Персидского залива. К тому же Англия сама стремилась закрепиться в Иране, имея в виду естественные богатства, главным образом, нефтяные, столь необходимые для ее военного и коммерческого морских флотов.

Политическим строем Ирана была абсолютная монархия. В стране не было какой-либо строго централизованной и хорошо организованной власти. Главной функцией всего шахского аппарата были: сбор налогов и изыскание способов личного обогащения. Все главнейшие должности сдавались на откуп. Писанных законов страна не имела. Все возникавшие тяжбы между отдельными лицами разрешались на основе Корана. В роли судей выступали лица, знавшие религиозные книги и монополизировавшие тем судейские дела в государстве.

С конца XIX в. в Иране начало развиваться антифеодальное движение, подымался народ против шаха и его пособников. В стране вызревали предпосылки надвигавшейся революции. Ряды борцов против шаха и феодалов-помещиков пополнялись возвращавшимися с заработков из России. Находясь в пределах России, в особенности в городе Баку, эмигранты наблюдали жизнь рабочего класса нашей страны, его борьбу, вовлекались в эту борьбу, получали опыт, укрепляли свое классовое самосознание. Газета «Гудок» от 22 августа 1907 г. в передовице давала сравнительно подробную характеристику пришлых в Баку рабочих: «Последние 15 лет пришлый элемент среди рабочих особенно возрос и составляет в настоящее время очень значительный % в общем числе бакинских рабочих, достигающем со всеми горнорабочими, вероятно, до 65 тысяч». Газета отмечала большое количество временных рабочих и определяла их в 60%. Среди временных рабочих — «большею частью персы». Большое количество их было занято в буровых командах и в особенности в тартании. Возвращаясь на родину, эти эмигранты способствовали более ускоренному развертыванию событий.

В 1905 году в городах Северного Ирана стали складываться массовые революционные организации «муджахидов». Народные выступления, положившие начало революции, развернулись к концу 1905 г. С декабря 1905 г. по июнь 1908 г. революция в Иране развивалась успешно. Ее победами было завоевание конституции, созыв парламента. Конституция определяла более прогрессивные порядки, чем ранее существовавшие, способствовала укреплению буржуазии, наносила удар феодальной бюрократии. Конституция имела антиимпериалистическую направленность и защищала национальную независимость страны. Парламент рядом мероприятий упорядочил финансы страны, принял закон против взяточников, уменьшил жалование крупным чиновникам, сокра-

[1] И. В. Сталин, Сборн. «Об оппозиции», стр. 573.

тил пенсии сановникам и цивильный лист шаху. При обсуждении бюджета, вместо предполагавшегося дефицита в 14 млн. франков, был установлен излишек в 6 млн. Были приняты подготовительные меры к организации национального банка, разрабатывался и обсуждался проект введения подоходного налога, раздела государственных земель между крестьянами и уменьшение рабочего дня на предприятиях до 10 часов.

Успешное развитие революции в Иране грозило оказать революционизирующее воздействие на Кавказ, поэтому царизм после третьеиюньского переворота в России перешел в наступление на иранскую революцию, стал подготовлять штыки для интервенции и внутренний контрреволюционный переворот силами своих агентов и шахских сатрапов.

В августе 1907 г. было подписано англо-русское соглашение, по которому разрешался целый ряд спорных вопросов, в том числе и вопрос о «сфере влияния» в Иране.

23 июня 1908 г. царские агенты в Иране подготовили и провели контрреволюционный переворот. Казачья бригада шаха под командованием царских офицеров разгромила парламент. Но переворот в столице не остановил революции. Как только весть о разгроме меджлиса и о восстановлении абсолютистской власти разнеслась по стране, революционеры усилили свою деятельность. К этому времени революционный центр переместился на север Ирана, в Азербайджан, Гилян.

Особо выделялся город Тавриз, где широко развернулась деятельность Саттар-хана. Выходец из крестьянской среды, рядовой солдат, он сумел благодаря своим организаторским способностям снискать авторитет среди революционеров. Им был создан крупный и боеспособный вооруженный отряд. Он был «вождь революционного персидского войска» (Ленин).

Английский буржуазный историк Броун приводит в своей книге «The Persian Revolution of 1905—1909» информацию одного корреспондента: «Когда началась в Тавризе борьба он (т. е. Саттар-хан — *Б. Р.*) проявил храбрость и способность руководить своими единомышленниками... он действовал хорошо в нападении. И я готов признать, что персы многим ему обязаны... Конечно ему очень помогали кавказцы, к большому опыту в войне которых он обращался. Но было бы несправедливым отрицать за ним самим большую храбрость, опыт в выигрыше казалось бы безнадежной борьбы. Его последователи уговаривали его не рисковать собой, так как его смерть могла привести к срыву борьбы конституционалистов. Он отказался слушать их доводы и говорил, что не понимает этого, заявляя о том, что его место на линии огня... Он завоевал симпатии европейцев в Тавризе. Его поведение было восхитительно».

Под руководством Саттар-хана Тавриз выдержал осаду контрреволюционеров и успешно оборонялся с июня 1907 по апрель 1909 г., когда в город вступили царские войска под командой генерала Снарского, пришедшие на помощь иранским феодалам.

В то время как внимание внутренней контрреволюции и царской интервенции было привлечено к Тавризу, развернулись крупные события в Реште. Вооруженное восстание в начале февраля 1909 г. здесь закончилось успехом. Саттар-ханом была выдвинута идея вооруженного похода на Тегеран. Эта идея была осуществлена. Рештская революционная армия начала поход на столицу. В июле 1909 г. объединенными силами северян совместно с вооруженными силами бахтиарских племен столица была с боем взята, а шах низложен. К власти пришло правительство помещиков и умеренной буржуазии. На трон был возведен малолетний сын шаха при регентстве одного из принцев каджарской династии. Вскоре был созван второй меджлис, состав которого отразил происшедшие в стране социальные сдвиги. Крупная буржуазия и помещики намерены были положить предел революции. Под давлением империалистов правительство разоружило в столице революционные войска, а свергнутый шах с помощью царского правительства, намеревавшегося восстановить власть шаха, начал поход на Тегеран, но был разбит и бежал из Ирана.

Разгром шахского похода показал, что внутренних сил для окончательного подавления революции в стране недостаточно. Поэтому англо-русские империалисты подготовили и провели открытую интервенцию, в результате чего иранская революция была разбита, и к власти вернулись реакционные феодалы.

В. И. Ленин внимательно следил за развитием революционных событий в Иране. Он особо отмечал упорную борьбу в Тавризе, где — «неоднократный переход военного счастья в руки революционеров, совсем уже — казалось — разбитых на-голову, показывает, что башибузуки шаха, даже при помощи русских Ляховых и английских дипломатов, встречают самое сильное сопротивление снизу» [1].

Мастерской рукой срывал В. И. Ленин демократические одежды с тех, кто пытался в них рядиться, прикрывая свое эксплоататорское лицо. «Либеральные английские буржуа... все чаще, все откровеннее, все резче показывают, какими з в е р я м и становятся самые «цивилизованные», прошедшие самую высшую школу конституционализма, европейские политические «деятели», когда дело доходит до пробуждения борьбы масс против капитала, против капиталистической колониальной системы...» [2].

В. И. Ленин звал к объединению всех трудящихся и эксплоатируемых, к созданию революционного единого фронта пролетариев Запада и угнетенных Востока против соединенных сил реакции. «Суть того, что происходит теперь на Балканах, в Турции, в Персии, сводится к контр-революционной коалиции европейских держав п р о т и в растущего демократизма в Азии. Все усилия наших правительств, вся проповедь «больших» европейских газет сводятся к тому, чтобы замазать этот факт, чтобы сбить с толку общественное мнение, чтобы прикрыть лицемерными речами и дипломатическими фокус-покусами к о н т р - р е в о л ю ц и о н н у ю к о а л и ц и ю так называемых цивилизованных наций Европы против наименее цивилизованных и наиболее рвущихся к демократизму наций Азии... Наша задача, задача международной социал-демократии — разъяснить народу именно общую связь событий, основное направление и подкладку всего происходящего» [3]. Разъясняя широким массам смысл происходящих событий, В. И. Ленин требовал от партии и ее членов пропаганды и агитации на собраниях, в листовках и с парламентской трибуны. Большевистская организация в Закавказье, созданная и руководимая соратником В. И. Ленина — товарищем Сталиным, принимала живое участие в иранской революции. В газетах, издаваемых большевиками в Баку и Тифлисе, помещались статьи, посвященные борьбе народов Ирана. Орган тифлисских большевиков «Борьба» в № 2—4 за 1908 г. поместил статью «Революция на Ближнем Востоке». В ней давалась оценка международного значения русской революции 1905 года и ее влияния на Запад и Восток. Газета «Бакинский рабочий» в № 1—2 от 6 сентября 1908 г. поместила обширную статью «События в Персии и бакинский рабочий рынок». В ней также отмечалось влияние революции 1905 г. в России на народы Ирана.

Большевистские организации Закавказья, откликаясь на развертывавшиеся события, выпускали посвященные им листовки массовыми тиражами. Большевики призывали к всяческой помощи и поддержке народов Ирана в его справедливой войне за свое освобождение и прежде всего к усилению борьбы с общим врагом народов Ирана и нашей страны — российским самодержавием. Большевики Закавказья поддерживали революционеров Ирана, вселяя в них уверенность в борьбе за освобождение своей родины. Созданная большевиками мусульманская социал-демократическая организация «Гуммет» была связующим звеном между большевиками и иранскими революционерами. Иранские революционные демократы создали свою организацию «муджахидов». Гумметовцы помогали им, и эти организации раскинулись по всему Закавказью, там, где

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XII, стр. 304—305.
[2] Там же, стр. 304.
[3] Там же, стр. 358.

были эмигранты из Ирана. В 1907 г. муджахиды провели в гор. Мешеде конференцию, на которой приняли новую программу и устав.

Сравнивая программу и устав муджахидов с программой «Гуммет», мы можем убедиться в наличии влияния последней на первую. В программе и уставе нашли свое отражение ряд положений из программы «Гуммет». От нее шло социал-демократическое, революционное воздействие. Но вместе с тем следует сказать и о том, что в организациях муджахидов было распространено сектантство, заговорщичество, индивидуальный террор. На программе и уставе иранской революционно-демократической организации муджахидов отразилась недоразвитость их политических взглядов. Определялось это социальным составом организации, слабостью и малочисленностью пролетарских кадров в Иране. Большевики стремились укрепить свое влияние среди муджахидов и превратить их организации в массовые последовательно-революционные организации. Муджахидские организации в Закавказье работали в царском подполье, восприняимая методы нелегальной работы большевиков. В марте 1907 г. наместник царя на Кавказе доносил в Петербург, что в Баку раскрыта подпольная организация иранских социал-демократов муджахидов. Эта организация имела отделение в рабочем районе, Черном городе. Полицией произведены были аресты, конфисковано было большое количество революционной литературы.

В декабре месяце того же года наместнику пришлось доносить и о другой, обнаруженной полицией, организации, в Нахичевани. Причем, в этом донесении он писал о том, что раскрыт «Комитет муджахидов, имевший связь с Гумметом». В июне 1908 г. начальник Эриванского губернского жандармского управления сообщил в Тифлис о наличии муджахидских организаций в Эриване и Карсе. С каспийского побережья, из города Петровска, сообщали о перехваченных письмах с печатью «Петровское отделение партии Муджахид».

Все эти донесения свидетельствовали, во-первых, о широте развернувшейся организации, во-вторых, о том, что против нее были поставлены на ноги все полицейско-жандармские силы царизма. Однако, умелой конспирацией, помощью и поддержкой гумметовцев, организации сохранялись и деятельность их усиливалась. Организации муджахидов, сплачивая иранских революционеров, занимались сбором средств, печатанием литературы, закупкой оружия и отправкой всего этого в Иран. Проводили они вербовку и отправку добровольцев для пополнения армии революционеров. В 1907 году, при помощи иранского подданного Мирза-Мамед-оглы, в Тавриз была вывезена типография. Гартвиг, царский посол в Иране, 12 марта 1907 г. доносил в министерство иностранных дел: «Продолжаются сношения с батумскими и бакинскими революционерами, которые ободряют здешние энджомены обещаниями поддержки».

Как только петербургское правительство было поставлено в известность шахскими властями об установлении связи революционеров Закавказья и Ирана, в Тифлис, наместнику, полетели предложения и приказы «о необходимости принятия мер на границе».

Кавказские социал-демократы организованно направлялись в Иран и принимали участие в развернувшейся гражданской войне. В составе рештских революционных организаций действовали, главным образом, направлявшиеся из Баку. Рештские же революционеры со своей стороны поддерживали тесную связь с Баку.

Из Баку через Решт шла отправка волонтеров и в Тавриз. Генеральный консул России в Гиляне осведомлялся секретарем консульства о том, что «Решт вошел в близкие сношения с бакинскими муджахидами... Что же касается бакинских муджахидов, то они обнаруживают в настоящее время, повидимому, усиленную деятельность. Кроме посылки эмиссара в Решт, здесь следует упомянуть еще об отправке в Тавриз отряда в 70 человек на помощь Саттар-хану. Вместе с отправленными ранее весь отряд, доставленный в Тавриз энджоменом, состоит из около 800 человек. Одновременно с этим Саттар-хану отправлены в подарок панцырь и два ружья».

Отправляя добровольцев из числа рабочих, социал-демократы принимали меры к организации отправки и солдат. В январе 1909 г. подготовлялся побег группы нижних чинов 1-го и 2-го кавказских саперных батальонов, но план ухода солдат был раскрыт охранкой и тем самым предотвращен.

После того, как генерал Снарский ворвался в Тавриз на защиту шаха от революционных войск и приступил к арестам, кавказские социал-демократы скрылись из города, часть их стала возвращаться на Кавказ. Русский поверенный в делах сейчас же телеграфировал из Тегерана в Тифлис: «Желательно было бы, чтобы власти наши на Кавказе не применяли к ним никаких дисциплинарных мер, дабы этим не мешать добровольному возвращению их на родину. Для наших интересов все эти выходцы будут безусловно безвреднее на Кавказе, чем в Персии».

Отправка оружия шла теми же путями, что и отправка добровольцев. Но вместе с тем часто отправка шла и под видом официальных грузов; в мешках риса, в ящиках аптекарской посуды, в цибиках чая, в кипах ситца, в тюках кож и т. д.

Помощь кавказских социал-демократов выражалась и в содействии изданию иранскими революционерами прокламаций. Печатались листовки в подпольной типографии «Гуммет», в Баку; полиция их находила и в Эривани.

Осенью 1909 г. бакинской организацией большевиков в Иран был направлен Георгий Константинович Орджоникидзе. Свою кипучую деятельность он развернул в Гилянской провинции. Руководя местными революционными организациями, он пропагандировал идеи Маркса — Ленина. По его инициативе в городах Гиляна были созданы интернациональные клубы, как политические центры революционного воспитания рабочих и ремесленников. В этих клубах читались лекции, доклады, проводились беседы. Часто выступал и сам тов. Орджоникидзе. Тесно связанный с демократическими слоями населения, он завоевал себе среди них заслуженный авторитет.

Когда вооруженной рукой царизма и английского капитализма иранская революция была задушена, только большевики с Пражской конференции протестовали против этой разбойничьей политики. «Конференция констатирует, что всячески рекламируемый и поддерживаемый русскими либералами союз российского правительства с правительством Англии направлен прежде всего против революционного движения азиатской демократии и что этот союз делает английское либеральное правительство соучастником кровавых зверств царизма.

Конференция выражает свое полное сочувствие борьбе персидского народа и, в частности, борьбе персидской с.-д. партии, понесшей столько жертв в борьбе с царскими насильниками» [1].

Е. Бор-Раменский.

I

Революция на Ближнем Востоке [2]

Великая Российская революция влияла одновременно на Запад и на Восток. Под влиянием того обстоятельства, что вождем революции в России являлся рабочий класс, пролетариат Европы вновь воспрянул духом и с большей энергией ринулся на борьбу за дальнейшую демократизацию политического строя. Под влиянием того обстоятельства, что в России велась борьба против крепостнических отношений, ускорилась борьба против феодальных отношений и в Персии. Там теперь, как известно, идет революция. Но вождем и двигателем этой революции является молодая, нарождающаяся буржуазия, к которой

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 394.
[2] Жур. «Борьба», орган тифлисских большевиков, № 2—4, 1908 г., стр. 7—8.

за последнее время начинает примыкать и крестьянство. В силу того обстоятельства, что пролетариат совершенно отсутствует в этой стране, буржуазия персидская является революционным классом. Поэтому эта буржуазия, вернее, мелкая буржуазия не боится углублять революцию, привлекать к ней все больше и больше новых, еще почти не вступивших в борьбу, сил. У нее нет, в данный момент, соперника, у нее нет еще грозного призрака социализма и она смело бросилась в беспощадный бой с правительством шаха, которое является представителем интересов класса феодалов.

Но персидская революция имеет врага не только в лице шаха и его приверженцев. Как русская революция является толчком революции персидской, точно также русское самодержавие (у нас ведь нет еще конституции) является пособником персидского самодержавия — реакции. Не будучи в состоянии, при демократических порядках, конкурировать с английскими товарами, русское самодержавие всячески стремится поддержать реакцию шаха и при посредстве последнего захватить персидский рынок. Поэтому мы думаем, решительная победа персидской революции возможна лишь при решительной победе революции в России. Вместе с этим, мы думаем, что революция в Персии поведет за собой укрепление капитализма в Персии, вызовет там пролетарское движение, а стало быть и персидскую соц.-демократию. Над страной, дремавшей у «жемчужного фонтана», раздается бодрый и смелый клич «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и в лоно международной семьи пролетариата войдут все новые и новые кадры обездоленных и угнетенных. И мы, как революционные соц.-демократы, шлем свой социалистический привет персидскому народу и свое пожелание полнейшей победы революции.

Да здравствует революция!

События в Персии и Бакинский рабочий рынок [1]

Много есть причин, которые мешают, а часто делают невозможной борьбу рабочих за дальнейшее улучшение условий труда и за сохранение завоеванных улучшений.

Одной из таких главных причин является постоянное существование запасной армии — армии безработных. В города, фабрики, заводы и промысла тянется вереницей, в поисках за заработком, деревенская беднота. Спасаясь от голодной смерти, переезжают они моря, океаны, забираются в другие государства, чужие края. Измученные безработицей и ее спутниками: голодом, холодом и болезнями — готовы они стать за гроши на работу. Готовы дни и ночи работать, лишь бы кое-как прокормить себя, жену и голодных детей. Сотнями и тысячами собираются они из деревень, городов в центры промышленности и постоянной угрозой своей конкуренции держат они в страхе работающих. Постоянным своим существованием придают они бодрость, уверенность и дают возможность побольше выжимать из рабочих капиталистам.

В нашем черном царстве мазута, такой запасной армией такой угрозой работающим являются, по большей части, пришлые с востока рабочие — персияне. Они находятся на низкой ступени развития, с жалкими сравнительно потребностями. С трудом поддаются они организации, и работающие из них пока неспособны к стойкой организационной и сознательной борьбе, чем сильно затрудняют борьбу бакинских рабочих за лучшие условия труда, за лучшую жизнь.

[1] Газ. «Бакинский рабочий» № 1—2 от 6 сентября 1908 г.

Борьба с безработицей, с существованием запасной армии и условиями, которые ее порождают, является задачей пролетариев всех стран. И каждое событие, которое затрудняет или облегчает эту борьбу, должно интересовать и глубоко интересует рабочих всех уголков.

И с этой стороны, со стороны непосредственных интересов бакинского рабочего рынка и интересов всего пролетариата мы и рассмотрим события, которые развернулись и разворачиваются на ближнем востоке: в Персии и Турции.

Маленькая мусульманская Персия, как и другие государства Востока, сильно отстала в своем социально-экономическом развитии от государств Европы. Земледелие, садоводство, кустарное ремесло (выделка ковров и шелковых тканей и пр.) являлись главным занятием большинства населения.

Спокойно пахал под палящими лучами восточного солнца свою ниву персидский крестьянин. Добытым и сотканным собственными своими руками кормил и одевал он себя. И безропотно отдавал он львиную долю труда сидевшим на его шее государству, помещикам, духовенству. Крепостничество в деревне, религиозный фанатизм, тьма и невежество, политическое бесправие,— вот обстановка, в которой жил долго персидский народ...

А в это самое время быстро развивались государства Западной Европы. Гигантский рост капитализма в этих государствах, несметное количество товаров, которые ежедневно выбрасывались их заводами и фабриками, требовал все новых покупателей, все новых рынков. Тесно стало у себя дома, недостаточно оказалось покупателей внутри государства и обладатели капитала должны были перенести свою деятельность к близким и дальним соседям.

Под видом насаждения христианства и культуры, с мечем в одной и крестом в другой руке, пустились представители капитала в дальний поход для завоевания новых рынков, новых мест для устройства заводов и фабрик, для выжимания прибавочной ценности. Фабриканты, купцы, ученые, военные и духовные рассыпались под всевозможными предлогами по всему свету.

Маленькая отсталая Персия тоже оказалась в числе тех мест, где можно было прибыльно продавать свои товары, приобрести выгодный торговый рынок. И европейский капитализм направил туда свои стопы. Представители капитала, забираясь в Персию, привозили с собой деньги, всевозможные продукты своих фабрик, и прививали потребность в них у жителей государства.

Сначала они непосредственно меняли свои товары на изделия персидских крестьян и ремесленников, а после перешли к их покупке — за деньги, чем создавали и расширяли рынки, втягивали страну в денежное хозяйство, в круговорот товарного производства. Старый деревенский уклад должен был рушиться и существовавшие взаимные отношения между жителями деревень и городов должны были принять новые формы.

Придя со своими новыми товарами, предметами роскоши, европейский капитализм раньше и больше чем у всех остальных развивал потребность в них у тунеядцев страны дворянства и чиновничества. Но средства для удовлетворения своих новых потребностей они могли доставить исключительно увеличением налогов, поборов с крестьянства. Увеличение налогов перешло в формальные грабежи и вымогательства. Под напором вторгшегося иностранного капитала и его последствий увеличением потребностей, возможности накопления, увеличения налогов и перехода к поборам деньгами — все это вынудило

крестьянина превратить свои продукты полей и садов в товары для продажи на рынке, и подвергнуться его конкуренции со всеми ее последствиями.

Все эти причины разлагали медленно, но верно персидскую деревню. Чем дальше, тем больше беднела она и разорялась. Все больше беднея, выбрасывала она своих голодных, невежественных крестьян в начинающий развертываться и расти город, который не мог всем им дать работы и хлеба. Голод толкал их дальше и волны нужды прибивали их к бакинским берегам в нобелевские и ротшильдские казармы.

Но наряду с разорением деревни, европейский капитализм создавал благополучие в городе. Начали расти и развиваться торговля и промышленность, улучшались старые и развивались новые пути сообщения. Зарождалась и росла своя персидская, на первых порах торговая, буржуазия.

Появившийся свой капитализм, как и капитализм других стран, требует для своего роста и развития новых условий, свободных законов, нового государственного устройства. Уменьшение налогов, прекращение грабежа и обирательства крестьян со стороны государственных чиновников — всецело в интересах народившейся персидской буржуазии, ибо тогда увеличится покупательная способность крестьянства, и больше прибыли принесет буржуазии торговля и промышленность.

Началась глухая борьба между новой экономической силой — буржуазией и старым порядком.

А правители Персии, шах и окружавшая его армия чиновников «служивых дворян», почуяв возможность нападения на незыблемые основы страны, взялись за укрепление своих позиций. Они создали собственную гвардию в виде казачьей бригады под руководством русского офицера, вооружили и обучили ее по-европейски бороться с внешним, а больше с внутренним врагом. Полную возможность получили городские и деревенские власти грабить, давить, усмирять подвластный им персидский народ. Экономические потребности буржуазии, глухое недовольство народных масс подготовили и создали почву для пропаганды свободных идей. Широкой волной разлилось по стране глухое брожение.

Движение началось, но оно было слабым, нерешительным. События 1905 года в соседней России придали этому движению бодрость, энергию и веру в свои силы и победу, началась открытая борьба между буржуазией с идущими за ней городской и отчасти деревенской беднотой и существующим в Персии строем. Начались забастовки купцов и лавочников, закрывались базары, городские массы начали собираться в мечетях, где произносилась проповедь борьбы с персидским абсолютизмом и борьбы за конституцию, за свободу.

Напуганное событиями в России персидское правительство уступило народному движению. Была объявлена конституция, обещались свободы, реформы, созывался парламент. Руководитель народного движения — буржуазия,— боясь начавшегося движения народных низов, и с доверием отнесшаяся к обещаниям правящих сфер, стала звать народ к спокойствию, порядку, к прекращению волнений. Открылись базары, началась торговля и народ ждал реформ и свободы.

Персидское правительство уступило народу, но никак не хотело отказаться от своих привилегий. Персидский шах дал народу конституцию, но оставил на своих местах всех министров, губернаторов и прочих правителей, которые привыкли к старому строю, которые боролись за сохранение его.

И скоро пришлось с этим считаться персидскому народу. Собравшийся вскоре после объявления конституции меджлис [1], сразу натолкнулся в своей работе на эту силу старой власти и старых порядков. Выборные от народа, которые хотели ввести необходимые для возобновления и развития торговли реформы, порядок и успокоение в страну, должны были заняться очисткой авгиевых конюшен старой Персии. На этой почве начались столкновения меджлиса с двором и все учащались. Реформы не вводились и все оставалось по старому.

Обманутый в своих надеждах народ начал вновь волноваться. Вширь и вглубь разливалось недовольство народа. Одно за другим посылал он свои требования в парламент. Но заседавшая там буржуазия, боясь и не доверяя движению народа, делала все, чтобы помириться и столковаться со старой властью. Переговоры тянулись, а народ изнемогал под бременем царившей анархии в стране, подкупов, грабежей и насилия.

Мечети стали вновь наполняться городской и деревенской беднотой, создавались народные комитеты, «энджомены» [2], которые призывали народ к поддержке поданных в парламент требований. Они начали деятельно готовиться к борьбе за выполнение обещанных шахом реформ и свобод. Призывали меджлис стойко бороться за народные права, обещая ему силой поддержать его требования.

Близилась открытая борьба защитников конституции, свободы с персидским правительством. Не дремали, конечно, в это время и защитники старого строя: шах и дворянство. Обманом и подкупом собирали они под знамена черные силы персидской страны. Разные дикие и полудикие кочующие племена персидских окраин призывались к борьбе с «крамолой», с «вероотступниками» и т. д.

События в России, торжество старого строя над нарождавшимся новым и поддержка европейских порядков в Персии придали бодрость реакционным силам страны и ускорили события. Была объявлена новая воля шаха: меджлис должен разойтись, и он будет созван на новых началах. Выполнить эту волю шаха взялся инструктор казачьей бригады бравый русский полковник Ляхов [3]. Орудийными залпами и ружейным огнем разрушил он здание меджлиса. Оставшиеся в живых депутаты были захвачены в плен, закованы в цепи и рассажены по тюрьмам. В столице Персии гор. Тагеране было объявлено военное положение, начались казни, пытки, аресты, ссылки. Старая власть была восстановлена и разгул начавшейся реакции не знает конца. Грабежи и разбои воцарились в стране, приостановилась торговля, замерла жизнь.

---

[1] Меджлис — парламент.

[2] «Энджомен» — объединение. В первое время энджоменом называли объединение выборщиков в меджлис. В ходе революции в городах и местечках стали возникать энджомены как органы местного самоуправления.

Наряду с энджоменами этого типа возникли и иные объединения по принципу профессиональному, сословному и т. д. Социальный состав энджоменов был разнообразным, в силу чего различна была и роль энджоменов.

[3] Ляхов В. П., полковник русской царской армии. Накануне и в первые годы революции был командиром «казачьей бригады его величества шаха». Бригада эта была сформирована в Иране в 90-х годах прошлого века царским правительством, являлась орудием петербургского кабинета и опорой шахского трона. Бригада возглавлялась царскими офицерами, была укомплектована, главным образом, кочевниками Ирана.

Контрреволюционный переворот 23 июня 1908 г. был подготовлен царскими дипломатами с участием Ляхова. На донесении о разгроме иранского парламента царь Николай II Кровавый сделал надпись: «молодцы казаки, спасибо храбрым офицерам».

Покончив с конституцией в столице, старая власть направилась в провинцию. Легко удалось реакции восстановить в городах и деревнях прежнее свое могущество. Лишь один город Тавриз не пожелал подчиниться ей и объявил войну не на жизнь, а на смерть. Завладев несколькими кварталами города, укрепив их баррикадами, население Тавриза стойко и упорно защищает свободу. Под руководством старого воина Саттар-Хана [1] борется в течение нескольких месяцев оно с войсками персидского правительства. На чьей стороне будет победа, пока трудно сказать. Это зависит от борьбы народа в других городах и селах. Вот что произошло и происходит в Персии.

Победа персидского народа над старым абсолютизмом, введение реформ и свободы будет способствовать развитию и расцвету страны. Разовьется торговля и промышленность, разовьются пути сообщения, падет народное невежество. Окрепнет крестьянство и меньше голодных будет выбрасывать оно на рынок в поисках за заработком. Город потребует много рабочих рук и прилив из Персии рабочих в другие места, главным образом, сюда в Баку, значительно сократится, чем облегчится борьба бакинских рабочих за свое положение. Победа же старого строя в Персии — значит дальнейшее разорение деревни, народное невежество и наплыв голодных, готовых стать за гроши на работу персидских крестьян и рабочих и затруднение борьбы бакинских рабочих с нефтепромышленниками.

Хотя победа старой власти в Персии может быть лишь временной: власть капитализма и законы развития, накопляющаяся народная ненависть к гнету и насилию окажутся сильнее европейски вооруженной бригады под командой незабвенного отныне для персидского народа полковника.

Старый уклад рухнет, разовьется капитализм и персидское государство войдет в семью государств Европы, а персидский рабочий войдет в семью пролетариев всего мира и вместе с другими будет бороться против безработицы, запасной армии и причин порождающих их.

Но в ближайшее время, бакинский рабочий рынок, будет, несмотря ни на что, наполняться голодными, обираемыми персидскими крестьянами, которые, как и теперь, будут затруднять борьбу бакинских рабочих за лучшие условия труда.

Поэтому не выселением отсюда надо бороться против наплыва и конкуренции персидских рабочих. Полицейскими рогатками не удержать голодного от перехода границы в поисках за куском хлеба. Да это и невозможно, так как буржуазия никогда не допустит искусственного сокращения столь выгодной для нее запасной армии безработных. Упорная, кропотливая работа по организации и сплочению персидских рабочих вместе с рабочими других национальностей в единый профессиональный союз для общей борьбы за общие цели здесь на месте — вот средство, единственно допустимое для каждого сознательного рабочего. Горячее сочувствие освободительному движению персидского народа — вот чувства, которые должны воодушевлять всех бакинских рабочих.

---

[1] Саттар-хан — сын крестьянина; начал революционную деятельность задолго до революции, возглавляя крестьянскую бедноту своего района. В первые же дни революции начал формирование вооруженного отряда, принял активное участие в деятельности тавризского эндженомена, организовал оборону города, оказывал сопротивление войскам шаха в течение 11-ти месяцев.

Среди революционеров Саттар пользовался заслуженным авторитетом, стремился распространить свою деятельность на весь Северный край. Ему же принадлежит идея похода на Тегеран против шаха. В. И. Ленин называл Саттар-хана «вождем революционного персидского войска» (т. XII, стр. 361).

Листовка Тифлисского комитета РСДРП 29 сентября 1908 г.[1]

Российская соц.-демократическая раб. партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Настало великое время!

Весь Восток объят пламенем революции и, как восходящее солнце, озаряет весь край.

Революция в Персии.
Революция в Турции.

Трудящиеся обоих стран, веками измученные и истерзанные, организованными рядами выходят на поле брани.

Их отчаянная героическая борьба сотрясла до основания и навсегда разрушила развратный трон восточных деспотов: шаха и султана. Наступил конец эксплоатации крестьян беками, напрасными оказались проповеди мулл о терпении!.. Разбушевавшаяся народная волна оказалась сильнее старых реакционных сил — черных воронов престола, ввиду чего турецкий народ и празднует сегодня свою блестящую победу. А Персия все продолжает строить баррикады... и вот-вот ударит последний час и персидский народ, с розами на груди вышедший на торжество, будет приветствовать павших за свободу героев... Таковы события в соседних странах.

Что же мы видим в России? В каком положении русская революция? Революция, которая впервые нарушила безмолвие всего человечества; революция, которая после революции в Европе была первым сигналом к распространению революционных мыслей в народах всего Востока. Если XVIII век был эпохой революций Запада, то XX век является эпохой революций Востока, только первый удар набата принадлежит русской революции, первый «удар» сделан ею. За ней последовали Персия и Турция. Недалеко то время, когда присоединится и Китай со своим 400 милл. населением и вот, товарищи, эта великая революция у нас сегодня как будто дремлет, придавлена. Ее место заняла русская черная реакция; а революции, происшедшие после русской революции, празднуют свою победу.

В чем причина этого? Причина этого — политическая неподготовленность наших трудящихся — крестьянства и пролетариата, малосознательность армии. Итак, политическая подготовка, товарищи, внесение сознательности среди остальных товарищей, распространение революционных мыслей в армии — вот задача момента, вот сегодняшняя наша тактика, вопрос дня. Главное внимание на это, товарищи, дабы более подготовленными, объединенными в одну политическую партию, в социал-демократическую организацию, мы могли бы перейти в последнюю атаку на оплот реакции, разнести его в пух и прах и на развалинах его водрузить красное знамя республики! Это поднимет нас экономически, материально, поднимет нас интеллектуально и морально, даст нам возможность принять участие в управлении государством и тем подготовит почву для осуществления главной цели человечества — социализма. Вот там, и только там сложим мы свое боевое оружие и «под знаменем святого труда» начнем мы жизнь спокойную и культурную.

---

[1] Ф. библиотеки Тбил. фил. ИМЭЛ, инв. № 40, перевод с грузинского. Там же имеется такая же листовка с подписью «Горийская центральная организация РСДРП».

Итак, готовьтесь, товарищи, для будущих решительных боев и победа будет за нами!..

Долой реакцию!
Да здравствует новая революция!
Долой безнадежность!
Да здравствует демократическая республика!
Да здравствует соц.-дем. раб. партия!
Да здравствует социализм!

Тифлисский комитет РСДРП.

Из листовки Тифлисского комитета РСДРП, август 1909 г.[1]

Борющийся народ в Персии и Турции не ждал милости ни от кого,— поэтому он торжествует победу; они не верили обещаниям кровавых тиранов и поэтому сбросили их иго.

Сбросим же и мы, товарищи, всякие иллюзии; будем опираться лишь на нашу силу, воодушевимся величавой надеждой на будущее и всегда будем способствовать объединению, солидарному действию для осуществления конечной цели человечества — социализма.

Да здравствует союз пролетариата!
Да здравствует социал-демократия!
Да здравствует социализм!

Тифлисский комитет РСДР партии.

Листовка Бакинского комитета РСДРП[2]

Российская соц.-дем. рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Новая авантюра правительства[3]

Мы все больше возвращаемся к прежним порядкам. Европейский жандарм — русское правительство, покорный раб русского и иностранного капитала, пулеметами водворив спокойствие на родине, заковав свой народ в цепи старого режима, снова начинает пускаться в заграничные авантюры. На этот раз его вожделения направлены на ближний Восток, куда в погоне за барышем и наживой устремилась буржуазия всего света. Но былая слава о могуществе российского жандарма навсегда похоронена на полях далекой Манчжурии. По-прежнему бесстыдное и жестокое, по-прежнему коварное и продажное, наше правительство уже не может громко похваляться своими миллионами штыков. Японская война показала, что, несмотря на беззаветную храбрость солдат, штыки казнокрадов ни для кого не страшны. Европейская буржуазия учла этот факт и, если раньше относилась к своему жандарму с некоторым почтением и боязнью, то теперь ничего кроме полного презрения не оказывает ему. Заставив

---

[1] ЦАУ Грузинской ССР, ф. 3, д. № 286, 1909 г., л. 82—об.

[2] ДП, о. о., д. № 5, ч. 3, 1909 г., л. 44—45. Без даты.

[3] Листовка выпущена была Бакинским комитетом, в связи с началом открытой царской интервенции в Иран.

31 августа 1907 г. в Петербурге было подписано англо-русское соглашение, по которому в числе ряда вопросов англо-русские империалисты решали вопрос о разделе Ирана на «сферы влияния». Осуществление этого пункта требовало разгрома иранской революции. Убеждаясь в том, что внутренних сил контрреволюции в Иране недостаточно и что в Тавризе революция успешно развертывается, царизм перешел к открытой интервенции. 25 апреля 1909 г. оккупационные войска перешли границу и через 4 дня вступили в Тавриз, начав аресты и преследования революционеров.

его продать славян за милостивую улыбку германских и английских купцов, согласиться на захват Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, она милостиво бросила ему кость, разрешила обрушиться на маленькую беззащитную Персию. На Персию уже давно обращены были беспокойные взоры нашего правительства. Персидский народ, воодушевленный великой борьбой России с самодержавием, решил ограничить и своего деспота. Он принудил шаха дать конституцию и созвать меджлис.

И вот, как только правительство почувствовало почву под ногами в борьбе с внутренним врагом — русским народом, оно сейчас же попыталось подавить революцию и в Персии. Не решаясь действовать открыто, оно через своих безответственных агентов — «храброго» полковника Ляхова, странным образом оказавшегося в одно и то же время на службе и у персидского шаха и у русского царя, и табачного фабриканта Шапшала, повело кампанию против персидского освободительного движения. Вслед за разгромом русской революции, полковник Ляхов, образовавший при особе персидского шаха банду опричников, по тайному приказу из России разгромил меджлис и попытался потопить в потоке крови народа, депутатов, женщин и детей персидскую свободу. Но расчеты правительства оказались неверными. Одной шайки убийц и «доблестного» полковника Ляхова оказалось недостаточно, чтобы задавить хотя бы маленький и слабый народ.

Персы подняли знамя восстания, и во главе стала наиболее культурная и торговая провинция, соседний с Россией Тавриз. Борьба упорная и тяжелая разгоралась, захватывая все новые провинции, привлекая в ряды постанцев все новых борцов. Скоро шах оказался сам-друг с полковником Ляховым и его опричниками, запертым в своем дворце-крепости. Без денег, без народа, без войска и оружия он представлял жалкое зрелище; достаточно было слабого натиска революционеров, к которому они и готовились, чтобы освободить страну от векового рабства, от векового гнета, грабежа и насилия. И вот в этот-то момент шаху пришли на помощь европейская буржуазия и русское правительство. Революция затормозила торговлю в Персии, уменьшила прибыль иностранного капитала, давно уже обратившего темный, забитый персидский народ в дойную корову для своих необъятных карманов. И в дальнейшем полная победа революции грозила иностранной буржуазии уменьшением грабежа, ограничением бесконтрольного хозяйничания в стране. Нужно было изменить ход вещей, и просвещенная английская буржуазия, поборница свободы, действует вкупе с героями виселиц, убийств и погромов, с одной стороны уговаривая шаха возвратить расстрелянную им конституцию, с другой, позволяя русскому правительству направить свои войска в Тавриз.

Русские авантюристы, стремящиеся хоть чем-нибудь покрыть позор поражений в иностранной политике последних лет, привлекаемые в Персию поживиться на счет персидского народа, поспешили двинуть войска в Тавриз, якобы для защиты своих подданных. Последние известия сообщают, что новый герой — генерал Снарский[1] распоряжается в Тавризе, как все они, эти герои последних лет, у себя на родине. Прежде всего он поспешил уничтожить баррикады и обезоружил революционеров, а затем обложил громадным штрафом все обнищавшее население Тавриза, только что выдержавшее продолжительную осаду и голод, за какое-то, быть может, провокационное по-

[1] Снарский — генерал-майор царской армии, командовал оккупационным отрядом, перешедшим 25 апреля границу у Джульфы. Отряд первоначально состоял из 2-х стрелковых батальонов, 3-х батарей артиллерии, 4-х сотен казаков, 1 роты сапер.

ранение русского часового. Выполнение задачи европейской буржуазии — успокоить Персию и вместе с тем дать ей возможно меньше свободы, возможно полнее сохранить в ней старые порядки, господство своего наемника — шаха, взял на себя, другой ее наемник — русский жандарм — царь.

Английская буржуазия, разрешая русскому правительству своевольничать в Персии и устанавливать там новые «конституционные» порядки вроде тех, которые оно водворило в России, сама лицемерно умывает руки и выводит свои войска из Бушира, занятого было ею в виду возможных там беспорядков. Одним ударом она убивает двух зайцев. Подавляя при помощи русских войск революцию в Персии, устанавливая там столыпинские порядки, она отказывается от явного вмешательства в персидские дела и тем приобретает симпатии персов, вся ненависть которых обрушится на Россию, а симпатии персидского народа она сумеет конечно использовать впоследствии. Понимают ли персидские борцы ту роль, которую призван сыграть в их борьбе всемирный жандарм — русское правительство? Мы думаем, что понимают ясно, и, если они не оказывают сопротивления, если они беспрекословно подчиняются всем толмачевским распоряжениям генерала Снарского, то они делают это по необходимости, вследствие отсутствия какой бы то ни было возможности в данный момент ответить силой. Но они никогда не должны забывать, что уступчивость ничего кроме вреда не принесет ни делу революции, ни делу освобождения страны от ига иностранцев. Иностранная буржуазия и русское правительство идут к определенно заранее намеченной цели, и они не откажутся от нее из-за уступчивости и покорности. Покорность только облегчит им достижение своей цели. А между тем широкие народные массы Персии могут быть введены в заблуждение, они могут принять иностранные державы за действительных друзей народной свободы, что в будущем, когда персидскому народу придется отстаивать свою самостоятельность, может значительно ослабить его силы.

Уступчивость плохая тактика. Мы, русские, это хорошо узнали за последние годы. Она только раздражает аппетиты врагов, увеличивает их требования. Сейчас русское правительство захватило Тавриз, кто поручится, что оно не пойдет дальше? Кроме этого у него есть причины, заставляющие подозрительно относиться к персидской свободе. Кавказ пользуется давнишним вниманием правительства; усмирить, успокоить этот край — одна из задач нашего правительства внутри страны.

Оно знает, что значительное число кавказских революционеров, отчаявшись в успешном исходе русской революции в ближайшем будущем, ушло в ряды персидских борцов за свободу, и генерал Снарский прежде всего начал с ними счеты, арестовывая и препровождая их в Россию. А с другой стороны — оно знает также большое культурное влияние Персии на кавказских мусульман. Свободная Персия будет влиять на эту наиболее отсталую и темную часть населения Кавказа совсем не так, как этого хотелось бы самодержавному правительству. Только Персия раба, забитая, темная и голодная своим влиянием будет удерживать кавказских мусульман в том невежестве, которое делает возможным армяно-татарскую резню и в будущем.

Борясь с освободительным движением в Персии, русское правительство облегчает себе борьбу на родине. Итак, холопская услужливость перед европейской буржуазией, перед жадными хищниками и эксплоататорами обездоленных классов и прежде всего пролетариата всех стран, и стремление удержать свое господство внутри страны, на костях ограбленного и разоренного народа, вот что толкает наше правительство на новые авантюры, чреватые всякими последствиями для

русского народа, вот что заставляет и теперь, как в старину, играть роль жандарма, подавляющего и расстреливающего восставшие против своих угнетателей народы. Как у себя на родине, так и за границей,— везде наше правительство одно и то же. Всюду оно несет угнетение и рабство, обман и преступление — вот его вечные спутники.

Мы, русские рабочие, со всем международным пролетариатом должны энергично протестовать против новой попытки европейской буржуазии, кровавыми руками русского самодержавия задушить народную свободу в Персии. Мы должны везде и всюду, всякими способами доказывать, что все наши симпатии лежат на стороне восставшего народа, мы должны помогать и содействовать ему и прежде всего мы должны удвоить свои усилия в борьбе с нашим общим врагом — российским самодержавием. Ослабив последнее на родине, мы окажем самую существенную помощь персидским борцам. Это должны помнить кавказские мусульмане и мусульманские рабочие. Если они хотят свободы и счастья себе и своим единоплеменникам, они должны направить все усилия на борьбу с самодержавным правительством, они должны вступить в ряды русского борющегося пролетариата под красное знамя социал-демократии.

Да здравствует соц.-демократия! Долой самодержавие!

Бакинский комитет РСДРП.

Из «Письма из Персии» [1]

От г. Хой до г. Тавриза.

В 5 часов вечера мы прибыли в сел. Дизохалил. Это самое большое селение Азербайджана, имеющее шесть верст длины и насчитывающее несколько тысяч жителей. Здесь улицы чисты и они во многих местах загорожены баррикадами. Жители этого селения ярые реакционеры, являются сторонниками шаха.

Рано утром 2 января мы заплатили хозяину дома три рубля за расходы и ночлег за четырех человек и выступили по направлению к Тавризу.

Вдали показались с. Алвари, горы и река Аджи-Чай. Из этих местностей реакционеры осаждали Тавриз. Много революционеров погибло здесь, но теперь места эти заняты революционными дружинами. Мы обошли русскую военную дорогу, охраняемую русскими войсками, и направились на Запад по сельскому пути. Мы прошли через сел. Карамалики, где раньше стояла главная сила Самад-хана и господствовали реакционеры, и прибыли к вечеру в окрестные сады Тавриза. Стены, превращенные в баррикады, уже убраны, волчьи ямы наполнены, некоторые пробитые пулями дома отремонтированы, только сожженные реакционерами дома мрачно выглядят. Мы вступили в передовые улицы города, откуда видны были освещающие красным светом занумерованные фонари и исправленные телефонные и телеграфные столбы.

В 8½ часов мы были уже у дворца Саттар-хана, где, пораженная нашим неожиданным приездом, дворцовая прислуга выбежала к нам и повела нас в приемную комнату.

После 4-дневного путешествия верхом из Хой до г. Тавриза мы вошли к Саттар-хану, где все нам показалось по старому, за исключением некоторых изменений.

[1] Газ. «Ахали схиви» («Новый луч») № 2 от 5 февраля 1910 г.; ежедневная газета, издававшаяся в Тифлисе на грузинском языке.

Вооруженные муджахиды охраняли дворец; секретарь и несколько чиновников сидели у стола в комнате правления и разбирали «деловые» бумаги. «Главнокомандующий (Саттар-хан),— сказала нам прислуга,— пошел в мечеть молиться и скоро вернется обратно». Затем нам подали чай. Первым долгом меня спросили, как проживают уехавшие отсюда грузины, потом — что творится в Тегеране и будет ли война между Россией и Японией?

Вдруг все встали: пришел главнокомандующий, и встретивший его швейцар взял большую серебряную палку и стал у дверей.

Саттар-хан вошел важно, крепко нам пожал руку и поздравил нас с счастливым прибытием. Узнав подробности о путешествии, Саттар-хан сказал: «что грузины храбрые — я это знал, но я не мог представить себе, что и среди женщин находятся такие храбрецы». Саттар-хан нам устроил ужин и затем он мне рассказал некоторые эпизоды из Ардебильского сражения.

«Некоторые главари государства,— начал он,— ослепленные личной враждой и ненавистью, не прислали мне во время подкрепления в Ардебиль. Этим воспользовались реакционеры и повели сильную атаку против города... Паника охватила обывателей, реакция стала усиливаться и среди войск, чему способствовал, между прочим, и консул одной из держав, подкупивший нескольких лиц для агентурных надобностей. Рахим-хан, ободренный таким положением вещей, сильно подчинил себе жителей окрестности города и сосредоточил в горах громадную армию (от 200—300 тыс. чел.). Вышеупомянутый консул обратился к населению с следующим предложением: «Не надейтесь на Саттар-хана, он не сможет защитить город, идите в мое консульство и я вам буду покровительствовать». Интрига увенчалась успехом и в консульстве стали ютиться не только жители и купцы, но и охваченные страхом реакционеров мои муджахиды. Остался я один во главе незначительной дружины; я отражал в течении нескольких дней напор сильного неприятеля, и даже оставил на поле битвы 1500 человек убитых и раненых из лагеря противника...

В это время, благодаря содействию консула, город начал капитулировать; против меня стали возмущать жителей и распространять разные сплетни. Когда все дрожало от страха, консул осмелился и предложил мне тоже прибегнуть к его покровительству.

Ничего унизительнее этого для меня не могло быть. Нет, это было слишком много для моей родины, для меня и, по некоторым чисто тактическим соображениям, я оставил его предложение без надлежащего ответа; я ему лишь сказал, что «Саттар-хан скорее предпочтет покончить с собой самоубийством, чем просить у вас приюта. Разве я могу просить у вас помощи в своей же родине, в стране оросенною кровью революционеров и всего народа, где теперь развевается знамя свободы? Нет и тысячу раз нет... Вы можете других приютить у себя, я же, Саттар-хан, избранный народом главнокомандующим, не нахожу нужным просить вас о чем-либо; если мне суждено умереть, то умру там, где в неравной борьбе наши борцы умирают за свободу, или же я сумею очистить себе путь и выйти отсюда, где все измена и обман. Я сообщу всему миру, кто наши враги и кто приятели и буду служить, как до сих пор, угнетенной моей родине и моему народу»... С 50 человеками я прорвал линии неприятельских войск и прибыл в Тавриз...»

Гор. Тавриз, 11 января. Переводчик Пармаксизов.

II

Программа и устав мусульманской социал-демократической организации «Гуммет» («Энергия») [1]

Партия «Гуммет» основывается для соблюдения интересов и улучшения положения бедных, рабочих и прикащиков.

Эта партия желает и добивается:

1) Свободы слова, то-есть, чтобы всякое лицо могло говорить о том, что ему угодно, и чтобы полиция не имела права препятствовать ему и наказывать его; если слова его будут оскорбительны или вредны для кого-нибудь, то, чтобы за это мог судить его суд.

2) Свободы собраний и союзов, то-есть, чтобы повсюду народ мог собираться безбоязненно для обсуждения своих политических и экономических нужд и для образования всяких союзов и обществ.

3) Свободы мнений и убеждений, то-есть, чтобы никому не оказывалось препятствий в его убеждениях.

4) Свободы печати, то-есть, чтобы не было цензуры, и всякий мог бы писать и печатать все что ему угодно, причем, если какое-либо произведение окажется вредным или задевающим других, то, чтобы таковое передавалось на рассмотрение суда.

5) Свободы личности, то-есть, чтобы правительство не имело права арестовывать кого бы то ни было по подозрению и чтобы без приказания и удостоверения суда полиция не могла входить в чужие помещения.

6) Свободы забастовок, т. е. чтобы рабочие могли во всякое время устраивать политические и экономические забастовки, без препятствий на то со стороны правительства и хозяина.

7) Восьмичасового рабочего дня, т. е. чтобы рабочие не работали в день больше 8 часов.

8) Всеобщего прямого и тайного избирательного права, т. е. чтобы все население при избирании депутатов в государственную думу пользовалось одинаковыми правами.

9) Одинаково справедливого разбирательства дел, как богатых, так и бедных.

10) Народных училищ свободного правительства, т. е. всеобщего, даровой и обязательного обучения.

11) Упразднения казенных податей и введения подоходного прогрессивного налога.

12) Упразднения постоянной казенной армии и введения взамен ее народной милиции.

13) Отчуждения и передачи земледельцам всех земель как казенных, так и дворянских и помещичьих.

Организационные правила партии «Гуммет».

1. В партию «Гуммет» принимается всякое лицо не моложе 15 лет.
2. Оно должно быть снабжено со стороны партии билетом за печатью ее.
3. Каждый член этой партии должен вносить в ее кассу по 50 коп. в месяц.

Примечание: Такое лицо, которое не имеет ежемесячных определенных доходов и жалованья.

[1] ЦАУ Груз. ССР, ф. 3, д. № 248, 1909 г., лл. 183—184 об.

4. Партия эта разделяется на три части: а) специальное и тайное собрание, б) собрание, состоящее из 12 членов, и в) все другие члены партии.

5. Рабочие и приказчики, состоящие членами этой партии, должны вносить в кассу партии по 2% своего ежемесячного дохода.

6. Партия будет иметь свой специальный суд; в случае, если кто-нибудь из ее членов будет обвиняться в измене, то об этом будет сообщено собранию, которое передаст дело в означенный суд; последний, рассмотрев дело, назначит соответствующее наказание.

7. Никто из членов не может самовольно выбыть из партии без причин и без разрешения собрания; в противном случае он будет считаться изменником и понесет кару.

8. Без разрешения собрания никто из членов партии не может самостоятельно делать чего-нибудь в стороне от имени ее; в противном случае такой член будет считаться изменником и понесет кару, назначенную судом партии.

9. Специальное собрание будет тайное и никто не будет знать об нем.

10. Второе собрание, состоящее из 12 членов, будет подчиняться постоянно первому — специальному собранию.

11. Из 12 членов, входящих в состав второго собрания, будут: один председатель, один секретарь, один казначей, который всякие приходы будет сдавать по счету в специальное собрание, два оратора, два раздателя прокламаций, два сборщика денег и один помощник казначея.

12. Третьи общие члены будут разделены на несколько частей, причем 10 человек будут подчинены одному лицу, которое в свою очередь будет подчинено второму собранию.

13. Специальное собрание будет составлять ежемесячно отчеты о приходах и расходах партии, о чем будет объявлять всем членам.

14. Кроме упомянутых в 3 и 5 пунктах ежемесячных взносов, а также добровольных пожертвований в пользу партии, ни с кого, никакие деньги под угрозой и вообще насильственным путем получаемы быть не могут.

15. Не проявляя никаких враждебных отношений к другим партиям, учрежденным для принесения пользы населению, партия «Гуммет», наоборот, будет работать солидарно и дружно вместе с ними на пути свободы [1].

24 декабря 1909 г. г. Елисаветполь.

Некролог о Ханлар Гасан-оглы Сафаралиева [2]

26 сентября с. г. скончался злодейски раненый в ночь с 19 на 20 сентября токарь «Нефталанского товарищества», тов. Ханлар Гасан-оглы Сафаралиев. Покойный товарищ родился в 1885 году в селении Ахмедлу Карягинского уезда Елисаветпольской губернии.

Печальная крестьянская беднота, повсеместно господствующее безземелье, насильственное отчуждение земель у крестьян бюрократией

---

[1] В конце оттиск печати с надписью «Тифлисское отделение партии «Гуммет», справедливость, равенство, свобода».

[2] Из газ. «Гудок» № 5 от 14 октября 1907 г., стр. 7. Сафаралиев погиб от руки убийцы, подосланного царскими жандармами-охранниками. Его похороны превратились в мощную рабочую демонстрацию, собравшую более 20 тысяч человек. За гробом, во главе демонстрации, шли тт. Сталин, Орджоникидзе, Шаумян, Азизбеков, Джапаридзе. Тов. Сталиным на могиле была произнесена речь.

В 1939 г. Бакинский совет установил памятник-обелиск на могиле и на месте гибели Сафаралиева.

и передача их переселенцам, продолжительный произвол сельской администрации и фарисеев, крепостников-беков, ханов, остатки средневекового варварства — крепостного права, страшный бич народа — темнота, все это с горькой долей крестьянской оставило свой отпечаток на чуткой душе мальчика, от природы энергичного, сильного волей и отзывчивого на все проявления общественной жизни Ханлара. С ранних лет он стал помогать отцу в земледельческой работе, посещая в то же время Карабазарскую сельскую школу, где мог учиться одной только русской грамоте, так как тогдашняя школа могла давать лишь это. А по-татарски же он успешно учился дома. Этим и кончилось его образование: скудность заработков семьи заставила его подыскать себе где-нибудь работу. Отсутствие работы в деревне загнало его в город; наконец, он в Баку вступил в ряды пролетариата, интересам которого он и посвятил свою жизнь.

Он соединил в себе пламя, огонь души пролетария и горе, скорбь крестьянина.

Ханлар один из тех немногих сознательных пролетариев, которых за последнее время стала выделять мусульманская рабочая масса, все более пробуждающаяся к сознательной жизни, к борьбе за классовые интересы. Он не жалел сил и трудов, стоя на страже интересов рабочих. Он самоотверженно исполнял свой долг. Он боролся за экономические интересы, но в то же время принимал участие и в политической жизни, состоя членом Биби-Эйбатского коллектива РСДРП и исполнительного бюро Мусульманской соц.-дем. группы «Гуммет»; в этих организациях он неустанно работал. Но враги пролетариата не спали и Ханлар пал жертвой наемных убийц, предательски сразивших его 19 сентября. Они думали, что стремление пролетариев к борьбе можно убить пулями. Близорукие слуги капитала!

Ханлар умер, но его дело живет. Память о нем долго останется среди рабочих и будет будить новых и новых борцов из рядов мусульман к завоеванию и осуществлению светлого идеала рабочих — социализма.

Мир праху твоему, дорогой товарищ!

Муфти-заде.

III

Программа персидской революционной мелко-буржуазной организации «Муджахид»[1]

Необходимость бытия персидских муджахидов.

Оберегание чести народа и сохранение священного отечества, а также уничтожение насилия — для всякого человека обязательно, а это, согласно требованиям времени, может быть осуществлено лишь при наличности национального собрания (меджлиса), конституции, при распространении справедливости и проведения равенства, так как народ имеет до известной степени доверие и веру в выбранных им из своей среды депутатов.

Однако, что касается до кабинета министров, то он не может пользоваться доверием. Ни в каком случае народу не дозволительно, чтобы он, доверившись министрам, как в прежние времена, сидел спокойно; таким образом можно сразу выпустить все дела из своих рук.

Посему усердники о народе и патриоты должны постоянно состав-

[1] Центр. ист. архив Аджарии, ф. 1, д. № 223, лл. 40—41.

лять общество, именуемое обществом ревнителей (муджахидинов) которые бы заботились о сохранности и неприкосновенности основ нации и национального собрания (меджлиса) и пожертвовали бы своей жизнью и имуществом ради охраны меджлиса и распространения справедливости.

Следовательно, осуществление священного отдела муджахидов в Персии, как части конституции, необходимо и обязательно, как уже во всех цивилизованных странах Европы и Азии образованы под различными именами подобные общества. Они денно и нощно работают, жертвуя собой ради распространения справедливости, сохранности меджлисов-парламентов и достижения своих целей и стремлений.

Как говорится в Коране, «прославляет бог усердного превыше неподвижного». Из этого видно, сколь высока степень муджахидов и сколь цели их — суть стремления священные. Посему необходимо, чтобы всякий желающий вступить в это священное сообщество, прежде всего понял истинное значение Муджахида и вполне постиг нижеизложенные священные цели его и лишь затем вступил в него, чтобы это почетное звание было ему в украшение.

Надо понять, что значит «Муджахид», какие цели этой священной группы.

Они таковы:

Ст. I. Существование и увековечение священного национального собрания в Персии (меджлиса).

Ст. II. Всеобщее право голосования без различия положения, национальности, бедности и богатства.

Ст. III. Тайное и единовременное избрание депутатов.

Ст. IV. Распределение выборов по количеству населения, а не классам и разрядам.

Ст. V. Осуществление и соблюдение 7 свобод.

а) Свобода права и печати:

то-есть каждый, кто ради благополучия страны и народа, и подъема и улучшения положения простонародия, прогресса страны, пресечения насилия со стороны притеснителей, раскрытия козней изменников напишет книгу, газету или какой-нибудь листок и напечатает, тому никто не имеет права препятствовать или конфисковать печатное произведение, разве только на основании закона, который выработан меджлисом касательно печати.

б) Свобода речи:

то-есть всякий, кто знает что-либо полезное для благополучия страны или ограждения границ своего государства, или об измене правителей и насильников, может свободно высказывать это и никто не может на это жаловаться и наказывать за это.

в) Свобода собраний:

т. е. правительство и правители не могут запрещать собраться обществу, где оно пожелает, ради содействия благополучию страны или народа, обсуждения общих нужд, политики, хода дел или преуспеяния своего собственного цеха, при условии подчинения основным законам.

г) Свобода слова:

т. е. никто не имеет права препятствовать кому бы то ни было высказывать свои убеждения и мнения о политических делах и целях народа и правительства.

д) Свобода личности:

т. е. правительство не имеет права касаться кого-либо, или входить в чей-либо дом без установления судом вины или преступления данного лица.

е) Свобода сообществ:

т. е. всякий класс или разделение имеет право образовать общество или землячество для обсуждения между собой своих дел или политики, и правительство не может запрещать или мешать образованию таких обществ.

ж) Свобода стачек:

т. е. рабочие, когда бы ни учинили стачку ради устройства своих личных дел, будь цель ее частная или общеполитическая, правительство не может мешать этому, ни понуждать к работам.

Ст. VI. Образование должно быть обязательное и бесплатное, т. е. правительство должно в каждом городе и селении учредить начальные, средние или высшие школы и принуждать всех персидско-подданных, без различия класса и положения, послать детей для обучения.

Ст. VII. Деревни и земли, принадлежащие шахскому дому, а также деревни и земли помещиков, сверх необходимого для их существования количества, должно — первые отчуждать безвозмездно, вторые же через посредство банка купить, раздать и распределить между жителями и земледельцами.

Ст. VIII. Правительство должно в каждом городе создать приюты для бедных, слабых и больницы для больных, чтобы нуждающиеся не погибали от нужды.

Ст. IX. Подати и налоги должны взиматься пропорционально богатству и капиталу, а не по-душно, т. е. подати правительственные должны взиматься лишь с доходов от торговли, имений, кто же этого не имеет, должен быть свободен от всяких податей и налогов правительственных и шахских.

Ст. X. Национальное собрание народное и правительственное должно быть лишь одно, т. е. никакого другого собрания ни под каким названием, напр. сенат, не должно существовать.

Ст. XI. Количество войска не должно быть ограничено или определенно, но все персияне должны быть солдатами и входить в состав армии. Посему правительство должно составить войсковые списки, чтобы все сыновья подданных всех классов и состояний, достигшие 18-ти лет, поступали в военные школы и в течение 2-х лет обучались военным предметам, а затем уже занимались своими частными делами, дабы при враждебных действиях соседей и нарушении ими границы, прав отечества и народа, все сыны отечества, как один человек, могли пожертвовать для него своею жизнью.

Ст. XII. Срок рабочего дня не должен быть более 8 часов.

Ст. XIII. Министры должны быть ответственны перед меджлисом, который сам их выбирает.

Вот приблизительно цели, как мы их изложили; впоследствии, бог даст, согласно требованиям времени и когда персидский народ пробудится, мы прибавим еще несколько статей.

15 шабана 1325 (10 сентября 1907 г.) в г. Мешеде. Да здравствуют муджахиды, да здравствует меджлис!

Устав персидского отдела Общества муджахидов (ревнитель), образовавшегося в Мешеде[1]

Путем размышления и опыта дознано, что без установленного порядка и определенного устава прогресс нашего общества невозможен. Те правила, которые были выработаны здесь два года тому назад,

[1] Центр. ист. архив Аджарии, ф. 1, д. № 273, лл. 33—39.

не соответствуют нынешнему положению дел. Поэтому необходимо теперь, с ведома подотделов выработать новый подробный устав, обязательный для всех «муджахидинов» (ревнителей, социалистов, членов общества Муджахид). Тогда можно надеяться, «что такие муджахидины, действуя с полным усердием ради блага отечества, согласно этому уставу, станут достойными быть занесенными в список истых ревнителей».

Поэтому 15 шабана 1325 года, в день рождения Имама, были, с одобрения центрального управления (комитета) Общества, выработаны его выборными вместе с депутатами и представителями подотделов по большинству голосов следующие правила, каждый пункт коих должен усердно выполняться муджахидинами; неисполнение же их влечет за собою удаление из общества и наказание.

1) Главный центр управления муджахидинами остается как и прежде Кавказ, все отделения внутри страны (в Персии) и заграницей обязаны исполнять беспрекословно приказания центрального управления (комитета).

2) Члены центрального комитета должны быть в количестве не менее 15 человек и избираться из числа людей умных и образованных, способных справиться с важными задачами Общества.

3) В круг прав и обязанностей центрального комитета входит следующее:

1. Собираться аккуратно два раза в неделю; в случае крайней необходимости созывается экстренное собрание.

2. Центральный комитет распределяет работы между подотделами (отделениями), ревизует их, исправляя непорядки в них.

3. Он обязан своевременно извещать отделения о важных политических событиях и переменах, имеющих отношение к жизни общества и его целям.

4. Обязан каждые 6 месяцев печатать и сообщать отделениям отчеты о расходах и приходах поступающих денег.

5. Если какое-нибудь отделение (подотдел) обратится с просьбой о присылке опытного оратора, прокламаций или взрывчатых веществ, то комитет по большинству голосов обязан исполнить просьбу.

6. Печатание членских билетов составляет исключительное право центрального комитета; никакой подотдел не имеет этой привилегии.

7. 10% сбор с билетов, стоящих на персидские деньги 5 кран и на русские один рубль, должен поступать в кассу центрального комитета, остальное идет в кассы и распоряжение отделений.

8. Центральный комитет рассылает билеты отделениям по их просьбам.

9. Он имеет право, если состав какого либо подотдела бездействует, распустить его и избрать другой.

10. В случае нужды может черпать из кассы отделений.

11. Комитет имеет право требовать от отделений присылки «фидаи» (активных революционеров).

12. Всякое новое отделение (подотдел) обязано получить печать от центрального комитета; само же не имеет права устанавливать (изготовлять) для себя печать.

13. Обязан отвечать на все запросы отделений не позже чем через две недели, не обращая внимания на их важность.

14. Управление комитета должно сообщить председателям отделений свой адрес.

15. Если члены комитета выкажут небрежность к своим обязанностям или по отношению отдела, то председатель оного имеет право заявить протест перед комитетом.

16. Адрес и печать центрального комитета имеют отличительный знак, никому неизвестный кроме отделений.

17. В случае если центральный комитет (главное управление) созовет собрание для изменения или пополнения устава, то новые статьи его обязательны для всех членов.

18. Открытие отделения в каждом данном месте должно состояться с разрешения управления (центрального комитета). Никто из муджахидинов не может открыть подотдела без разрешения комитета.

4) Относительно прав и обязанностей отделений (подотделов) и их членов.

1. Назначение членов особого (специального) заседания (хусуси) отделения зависит от центрального комитета (главного управления).

2. Отделения обязаны исполнять распоряжения главного управления, согласно с уставом и целями общества.

3. Каждые три месяца они обязаны денежную отчетность сообщать своим членам и посылать в управление.

4. Они не должны никому сообщать адреса главного управления (центрального комитета).

5. О своей деятельности обязаны доносить главному управлению (центр. ком.).

6. Отделения обязаны признавать уполномоченных, командированных центральным комитетом (гл. упр.) и снабженных рекомендательными письмами.

7. Телеграфные сношения с главным управлением должны проводиться особым шрифтом, который хранится у председателя.

8. Наказание каждого члена отделения в случае измены принадлежит управлению.

9. Во всех делах отделения ответственны перед управлением.

10. Отделения могут распространять прокламации, если они не противоречат целям Общества.

5) Отделения имеют два собрания: одно специальное (частное) — хусуси и другое общее — умуми.

6) Относительно особого собрания (хусуси).

1. Постоянных членов этого собрания (хусуси) должно быть не менее 7 и не более 11 человек.

2. Оно должно быть настолько тайным, что с ним никто сноситься не может, даже из муджахидинов, иначе как через общее собрание (умуми). Члены последнего не имеют права разведывать об особом собрании (хусуси). Если кто будет стараться, будет наказан.

3. Особое собрание управляет всеми членами данного отделения.

4. Оно ответственно перед центральным управлением (гл. упр.).

5. По большинству голосов хусуси избирает среди своих членов председателя, товарища его, секретаря, казначея и двух лиц — посредников с общими собраниями (умуми).

7) О правах и обязанностях председателей.

1. Раз в неделю он собирает заседание, в особых случаях назначает экстренное собрание.

2. Он открывает собрание.

3. Имеет право контроля над членами.

4. Ведет прения, лишает права говорить.

5. Наказывает члена в случае отступления от устава.

6. Во время заседания докладывает важнейшие дела.

7. По большинству голосов постановляет решения.

8. Имеет два голоса; при равносильном количестве голосов, его голос дает перевес.

9. Если кто возбудит вопрос, выходящий из пределов устава, председатель обязан остановить.

8) О правах товарища председателя.

1. В отсутствии председателя он пользуется его правами.

9) Относительно казначея.

1. Все поступления денежные в руках казначея, он обязан заносить пожертвования поименно в особую книгу.

Никто не имеет, помимо его, права держать у себя на руках ни копейки из поступлений.

2. Расходы должны быть совершаемы с одобрения собрания и заноситься в книгу. Расходы не более 5 туманов или 10 рублей могут производиться с ведома трех членов собрания, но потом должны быть доложены всему собранию.

3. В конце каждого месяца казначей обязан представлять денежную отчетность.

4. Наличные деньги и документы денежные должны храниться в надежном месте, иначе казначей ответственен за их пропажу перед общим собранием (умуми).

10) Права и обязанности секретаря.

1. Он должен заносить имена муджахидинов (членов Общества) по номерам членских билетов в книгу.

2. Должен записывать постановления собрания.

11) Для кворума собрания необходимо более половины членов. Остальные не имеют права опротестовать решения.

12) Печать общества хранится у председателя и особо доверенного лица. Он не может ею пользоваться без ведома собрания или половины его членов.

13) Никто не имеет права знать членов особого тайного собрания (хусуси), даже члены общего (умуми), кроме двух посредников и одного начальника фидаи (актив. револ.). Кто же попытается узнать, тот будет признан изменником и наказан.

14) Распоряжение общим собранием принадлежит особому (хусуси), перед которым первое и ответственно.

15) Сношение между обоими собраниями (хусуси и умуми) и фидаи должно быть письменное с приложением печати через посредника или начальника фидаи (революционеров).

16) Относительно общего собрания (умуми).

1. Не менее 11 и не более 17 человек.

2. Собирается один раз в неделю.

3. Повинуется особому собранию (хусуси) и ответственно перед ним. Если приказание этого собрания противоречит уставу, общее (умуми) может протестовать, иначе не имеет права.

4. Свои постановления сообщает собранию хусуси через посредников.

5. Имеет особую печать, которую должны знать собрание хусуси и члены общества.

6. Имена членов общего собрания должны быть занесены в книгу тайного (особого) собрания.

7. Выбирает из своей среды, по большинству голосов, одного председателя, одного товарища, его секретаря, казначея и трех посредников для сношений. Их права такие же как и у особого собрания.

8. Общее собрание не имеет права сношения с центральным комитетом или другими отделениями (подотделами).

9. Оно должно разделить всех своих членов на группы по 25 человек в каждой и назначить каждой одного начальника.

10. Районы должны быть перенумерованы. Члены их ответственны перед своим начальником. Кроме начальника никто из них не может сноситься с общим собранием.

11. Общее собрание должно выбрать 3 или 5 человек для сношения с районами. Оно сообщает им через них и начальника все свои распоряжения.

12. Общее собрание должно приготовлять у себя ораторов, которые обязаны раз в месяц поучать районы, собрав их через районных начальников.

13. Оно должно оказывать содействие в разборах дел и жалоб. Для того избирается особая комиссия.

14. Кроме посредников члены общего собрания (умуми) должны быть тайными.

17) Постановления общего собрания (умуми) действительны после утверждения особого (хусуси).

18) Если кто-нибудь из членов умуми замечен в измене, то об этом через посредников заявляют собранию хусуси.

19) Если председатель одного из собраний будет замечен в неисправности, то по большинству голосов он должен быть смещен.

20) Если председатель особого собрания (хусуси) совершит измену, то об этом сообщают на распоряжение в центральный комитет. Наказание членов каждого из собраний принадлежит главному управлению (центр. комит.).

21) Если член не может присутствовать на заседании, должен заранее уведомить. Если кто три раза без причины отсутствовал на заседаниях, то ему грозит штраф или удаление из Общества.

22) Каждый из членов собрания хусуси может быть и членом умуми, но при условии, чтобы скрывал свое положение как член первого из них.

23) Членские билеты выдаются из особого собрания в общее и должны храниться у секретаря последнего.

24) Собрание умуми собирает взносы и плату за билеты и передает деньги в собрание хусуси.

25) Касса Общества находится у общего собрания, но распоряжается ею собрание хусуси. Казначей никому не может выдать денег без разрешения последнего. Всякий раз, как общее собрание пожелает произвести расход, оно должно испросить разрешения особого собрания, разве только в исключительных случаях и то на сумму не более 5 туманов, как об этом сказано раньше.

26) Печать общего собрания должна быть такая:
«Меджлис умуми общества Муджахид такого-то города».

27) Относительно лиц, которые хотят вступить в общество Муджахид.

1. Лицо, желающее вступить в Общество, должно написать в прошении свое имя, имя отца, занятия и подать его там, где назначит общее собрание (умуми).

2. Должно дать одного или двух поручителей из муджахидинов, которые должны отвечать за него.

3. Он должен пользоваться хорошей репутацией.

4. Должен принять присягу в присутствии посредника от общего собрания (умуми) в том, что он не изменит и не откроет тайны и будет руководствоваться всегда уставом, иначе будет наказан.

5. Вступающий должен раньше изучить устав, чтобы видеть, может ли он его исполнить, потому что по получении членского билета и вступивши в Общество, он уже не может отказаться и должен все выполнить.

6. После подачи прошения и принесения клятвы должен получить билет (членский). Цена билета — 5 кран или один рубль; не имеющий билета не муджахидин.

28) Права и обязанности каждого из муджахидинов (членов общества).

1. Так как известно, что это Общество основано с политическими целями, то они (муджахидины) должны быть как можно более тайными.

2. Если ради собственного интереса какой-нибудь сам себя откроет или под именем муджахидина пожелает играть роль среди людей, то будет наказан.

3. Каждый год, по крайней мере два человека должны быть отправлены в центральное управление, если больше, то еще лучше.

4. Никто из муджахидинов не должен делать ничего дурного людям, которые им не вредят, напротив, они должны со всеми обращаться очень любезно и вежливо, чтобы люди их не возненавидели, и чтобы они могли распространять свои убеждения и показать, насколько их Общество хорошо.

5. Если кто-нибудь из членов Общества узнает про кого-нибудь, что тот реакционер и насильник, то должен об этом сообщить отделу (отделению).

6. Каждый из муджахидинов может вступить и в другие общества, ищущие свободы, и цели которых не противоречат нашим.

7. Если кто-нибудь при исполнении поручения будет арестован, то Общество должно принять меры к его освобождению и расходы уплатить из общей кассы.

8. Если кто-нибудь при исполнении поручений будет убит или ранен, Общество обязуется оказать материальную поддержку семье, пока она не станет на ноги.

9. Кто окажет особые услуги Обществу, тот будет награжден главным управлением, если он представит от своего отдела удостоверение об этом.

10. Кто состоит членом Общества, тот должен точно придерживаться устава, иначе будет наказан по постановлению суда.

29) Кто имеет какое-нибудь дело к Обществу, должен обратиться с письменным заявлением в отделение и в заседание (меджлис). Никто из муджахидинов и членов собрания не может самовольно действовать по делам, касающимся Общества, и вести переговоры за него, но каждый имеет право, согласно уставу, где угодно и кому угодно объяснить цели Общества и выяснить его хорошие стороны.

30) Если кто из муджахидинов хочет выйти из Общества, это возможно, но только он должен написать подробное прошение с приложением членского билета и обязательства о том, что после выхода из Общества не откроет тайны и не будет действовать против него, и передаст это прошение через посредника в собрание. После одобрения и разрешения собранием он будет уволен из Общества.

31) Для рекомендации член Общества должен представить или паспорт от центрального управления или от своего отдела удостоверение личности, иначе его не будут признавать членом Общества.

32) Если кто из муджахидинов внутри страны или заграницей заявит о том, что его назначили для какого-нибудь поручения, то без приказа центрального управления или от отдела, давшего поручения, ему не поверят.

33) Надпись должна быть следующая на письмах, адресуемых в центральное управление или друг к другу:

«Во имя бога, дарующего свободу».
(бе нами Худавенд азади бахш).

34) Общество Муджахид должно оказывать содействие и усердие в распространении знаний, посредством печати, поддержки полезных

газет, открытия училищ, которые наиболее всего способствуют прогрессу и охране прав народа.

35) Относительно доходов центрального управления и отделов; они следующие:

1. Деньги за билет (5 кран или 1 рубль).
2. Ежемесячные взносы от 1 кр. до 100 туманов, в зависимости от состояния каждого из членов и возможности установляемых отделом. На Кавказе от 50 коп. до 50 руб.
3. Пособия добровольные от богатых лиц сочувствующих делу.
4. То, что берут от злых реакционеров и противников.
5. Десятую часть от судебных дел, которые разбирают в обществе.

36) Относительно расходов центрального управления и отделов.

1. Приготовление бомб и заготовка оружия.
2. Расходы лиц, «командированных» из фидаи.
3. Плата ораторам, сколько потребуется.
4. Расходы по канцелярии, печатание прокламаций, отправка телеграмм и писем и т. п.
5. Расходы по приему приезжих муджахидинов.
6. Расходы на арестованных и на их освобождение.

37) Отделения в важных городах: в Тегеране, Тавризе, Мешеде, Исфагана, Реште и Тифлисе, — называются окружными отделениями и их собрания (меджлис) имеют право открывать подотделы и наблюдать за ними. Как оно ответственно перед центральным управлением, так и они перед ним.

38) Если кто из муджахидинов от имени центрального управления или отдела или вообще от Общества напишет что-нибудь, или составит устав, или подделает печать, или будет угрожать от имени Общества, или от кого-нибудь возьмет деньги, то после доказательства этого будет строго наказан.

39) Кроме как от богатых реакционеров (мустабеддинов) деньги ни от кого насильно отнимать не разрешается.

40) От кого бы и где бы деньги не были получены, должна быть выдана расписка, за печатью, без расписки не позволяется принимать денежных сумм.

41) Относительно прав и обязанностей фидаи и их начальника.

1. Начальник назначается особым собранием отделения.
2. Их начальник никому не должен быть известен, кроме фидаи и собрания хусуси.
3. Он должен выбрать себе 2 помощников.
4. Должен иметь у себя список фидаи и их членские билеты.
5. Билеты фидаи получают через начальника.
6. В билетах их должен быть особый знак.
7. Начальник, по жребию, распределяет между фидаи их поручения.
8. По возможности нужно, чтобы друг друга фидаи не знали.
9. Оружие и бомбы должны храниться у начальника фидаи; по поручению собрания он по расписке их получает и сдает.
10. До получения поручения фидаи не выдается оружия.
11. Когда назначают на поручение, то выдают оружие и деньги на расходы и берут о них расписку.
12. Расходы для фидаи начальник с разрешения собрания получает от казначея.
13. Он, начальник, должен представлять в собрание отчеты в расходах с расписками. Отчет в оружии каждый фидаи дает начальнику, а тот собранию. В каждом отделении на жаловании не должно быть больше двух фидаи. Без жалования — сколько угодно, но во время поручения расходы и этим фидаи выдаются из кассы. В отсутствии

начальника его заменяют помощники, и фидаи обязаны повиноваться им.

14. Начальник обязан доставлять собранию сведения об именах и количестве фидаи.

15. Он должен сообщать собранию кто его помощники.

16. Он должен докладывать собранию все дела фидаи и результаты их деятельности.

17. Он должен немедленно выполнять приказания собраний.

42) Относительно фидаи, их прав и обязанностей.

1. Они должны повиноваться беспрекословно начальникам.

2. Ответственны перед ним.

3. Они без приказания и разрешения начальника не имеют права действовать от имени Общества.

4. Они по исполнении поручения обязаны сдать оружие Общества начальнику; если оружие будет утеряно во время поручения, то должно это доказать.

5. Если каждый фидаи без ясного оправдания не выполнит поручения, то он будет наказан и признан изменником.

43) Относительно суда.

1. Существует два суда: Один собрания хусуси и другой — умуми (особого и общего). Последнему принадлежит суд над муджахидинами, членами умуми и посторонними. Но дело, касающееся одного из членов хусуси или начальника фидаи, разбирается в суде хусуси.

2. Необходимо постоянное присутствие, но назначаются временные члены суда.

3. Если нужно судить фидаи, то избираются члены из военных, которые судят с одобрения начальника, по утверждении постановления собрания хусуси.

4. В этих судах ничего другого не разбирается, кроме дел членов Общества и их протестов.

44) Относительно обязанностей членов суда.

1. Должны до суда заявить истцу и ответчику о разборе.

2. Не выказывать пристрастия.

3. Должны руководствоваться уставом.

4. После допроса должны свое постановление отправить в собрание умуми и хусуси, и после их одобрения оно получает силу.

5. Без прошения никакого дела не разбирать.

45) Относительно наказаний виновных.

1. Измена от ошибки и неведения не имеет другого наказания, кроме выговора.

2. Никто не будет наказан без доказательства и расследования.

3. Четыре рода наказаний признается в этом Обществе.

а) Высылка (удаление),

б) денежный штраф,

в) арест,

г) казнь смертная.

46) Относительно меры наказания виновных.

1. Кто одного из членов собрания хусуси или умуми и фидаи выдаст властям, должен быть убит (казнен).

2. Кто от имени общества сделает печать или напишет письмо — казнь.

3. Кто из членов общества тайну откроет и намеренно изменит, тот будет уничтожен.

4. Кто из членов по отношению к кассе Общества или оружию выкажет недобросовестность — уничтожается.

5. Кто бы то ни был, если совершит измену великую по отношению к религии, народу и отечеству — уничтожается.

6. Кто нарочно и намеренно действует против отечества, когда два раза уличен в том, то смерть ему.

А если кто будет виновен в других преступлениях менее важных, то по постановлению суда будет наказан арестом, или штрафом, или бойкотом.

47) Относительно наказаний (подробности).

1. В обществе в каждом отделении есть своя тюрьма.
2. Срок ареста не менее часа и не более 7 дней.
3. Тюрьма должна быть удовлетворительна в санитарном отношении.
4. Денежные штрафы не менее 5 кран и не более 25 туманов.
5. Время бойкота не менее 7 дней и не более года.

15 шабана 1325 г.

IV

Из донесения полковника Ляхова в главный штаб Кавказского военного округа, 14 февраля 1908 г.[1]

По всей видимости против Решта кое что предпринято; 11-го отправлен из Тегерана солидный транспорт с оружием. Готовятся также к выступлению шахсеване[2] из Ардебильской провинции. Тем временем Решт спешно вооружается, строятся батареи в самом городе, дорога Решт — Менджиль минируется, у Меджиля выросло укрепление на два орудия, такое же укрепление строится у Рудбара. Всеми этими работами орудует бывший корреспондент газеты «Речь», Панов, пользовавшийся достаточным доверием нашего посланника Гартвига, хорошо изучивший персидскую обстановку, смелый, энергичный, решительный болгарин, побывавший на службе в македонских четах. Он выполняет обязанности начальника штаба и арсенала национальной армии, которую организует и создает при помощи 500[3] кавказцев, наводнивших Решт. Смелость рештских революционеров доходит до того, что они даже останавливают нашу почту и осматривают ее. Дальше идти некуда. В Персию перекочуют все закавказские боевики.

Транспортные конторы отказываются принимать грузы на Энзели и Джульфу. Тегеран надо считать почти отрезанным от России. Население его волнуется. Часть его обратилась в нашу миссию, прося защиты в случае волнения. Дальше ждать немыслимо. Необходимо принять решительные меры, не допуская в Тегеране повторения пекинской истории[4].

Докладная записка министра иностранных дел Извольского премьер-министру Столыпину, 21 февраля 1908 г.[5]

Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству копию с секретной телеграммы посланника в Тегеране, из которой вы изволите усмотреть, что следствие, производимое по делу о покушении на шаха, обнаружило русское происхождение бомб, коими пользовались злоумышленники при совершении посягательства, причем энзелийской таможне удалось задержать партию подобных снарядов.

---

[1] ЦАУ Груз. ССР, ф. 2, д. № 899, 1908 г., лл. 48—49.
[2] Шахсеваны — одно из кочевых, полудиких племен Северного Ирана. Подкупая вождей племен, шахская власть привлекала их на борьбу с революцией.
[3] Эти данные явно преувеличены.
[4] Полковник Ляхов имеет в виду народное восстание в Китае против иностранных империалистов в последние годы XIX века.
[5] ЦАУ Груз. ССР, ф. 3, д. № 100, 1908 г., лл. 3—4.

По этому поводу Мухамед-Али[1] обратил внимание гофмейстера Гартвига на продолжающийся усиленный вывоз снарядов и оружия из Кавказа и просил принять возможно строгие меры к прекращению такого вывоза, преимущественно из Баку и Ленкорана.

Передавая о вышеизложенном и прибавляя, что, с точки зрения наших интересов, является, конечно, крайне желательным сделать все от нас зависящее, чтобы положить предел развивающемуся за последнее время тайному вывозу революционерами упомянутых выше предметов в соседнее государство, имею честь обратиться к вам с покорнейшею просьбой благоволить уведомить меня, не признаете ли вы необходимым снабдить соответствующие подведомственные вам власти указаниями, в смысле установления возможно строгого надзора за тайным провозом оружия и снарядов в Персию.

К сказанному считаю нужным прибавить, что с подобным же ходатайством я обращаюсь вместе с сим к наместнику е. и. в. на Кавказе и к министру финансов.

Извольский

Телеграмма гофмейстера Гартвига министру иностранных дел Извольскому, 18 февраля 1908 г.[2]

Следствие обнаружило, что бомбы, коими совершено недавнее покушение, русского происхождения; одна партия таковых была задержана энзелийской таможней. По сему поводу шах обратил мое внимание на то, что из Кавказа продолжается усиленный подвоз снарядов и оружия. Его величество усердно просит о принятии возможно строгих мер к недопущению вывоза помянутых припасов, доставляемых сюда преимущественно из Баку и Ленкорана.

Донесение начальника жандармского полицейского управления Закавказских железных дорог в департамент полиции, 2 августа 1908 г.[3]

22 июля, при выгрузке мест из багажного вагона, прибывшего поездом № 75 около часу ночи на ст. Джульфа, унтер-офицер Эриванского отделения вверенного мне управления Яков Храмцов обратил внимание на один ящик, следовавший большой скоростью по накладной Тифлис — Джульфа за № 11320, весом 2 пуд. 17 фунт., именованный — аптекарские стеклянные пузырьки, и, ввиду несоразмерной величине тяжести, приказал, по сдаче ящика в амбар, рядчику по нагрузке Леону Арутюнову, без его, Храмцова, ведома получателю не выдавать. Получатель, очевидно, находясь среди пассажиров, заметив, что на ящик обращено внимание, за получением его не явился, вследствие чего означенный ящик в присутствии понятых 24 июля сего года был вскрыт и в нем под слоем аптекарских пузырьков оказалось разных фабрик динамитных патронов всего один пуд десять фунтов и 200 штук подрывных медных капсюлей. Получатель груза, как усматривается из накладной, значится предъявитель дубликата, а отправитель комиссионер станции Тифлис Сужадинов.

---

[1] Мухамед-Али — шах Ирана. Террористический акт, о котором идет речь, не удался. Шах остался жив. Брошенными бомбами были убиты и ранены девять человек из личной его охраны и свиты. Мухамед-Али был крайне реакционен, раболепно почитал царизм и был верным слугой петербургского правительства. На престол вступил в 1907 году и был свергнут 16 июля 1909 г., после чего удалился в Россию.

[2] ЦАУ Груз. ССР, ф. 3, д. № 100, 1908 г., л. 4 об.

[3] Там же, лл. 245—245 об.

Задержанные взрывчатые вещества надо полагать предназначались для революционных целей в Персии.

О вышеизложенном имею честь сообщить, присовокупляя, что для избежания на будущее время возможности подобных неправильных действий со стороны нижних чинов управления мною сделаны соответствующие указания.

Полковник Астафьев.

Сообщение начальника Эриванского губернского жандармского управления начальнику Тифлисского губернского жандармского управления, 2 сентября 1908 г.[1]

5 июля сего года по накладной Баку — Эривань за № 37448/9912 прибыло 4 мешка рису, весом 29 пудов 30 фунтов. Унтер-офицер Эриванского отделения жандармского полицейского управления Закавказских железных дорог Никанор Яценко, находящийся на товарной станции Эривань, заподозрев, что мешки по своей величине не соответствуют весу риса, потребовал их вскрытия в присутствии получателя, комиссионера Мамеда Кязим Ибрагимова, по вскрытии коих обнаружено 2800 боевых револьверных патронов, из коих 2200 шт. к револьверу Смита и Вессона № 42 и 500 штук № 9 и 100 шт. к револьверу «Бульдог». По заявлению Ибрагимова груз принадлежит проживающему в г. Эривани Кербалаю Насир-оглы. При опросе Кербалай Насир-оглы сознался, что груз принадлежит ему и что патроны им куплены в бытность его в г. Баку на базаре у неизвестного ему лица для провоза в Персию.

Об изложенном начальником Эриванского отделения мне сообщено не было.

Полковник (подпись).

Из телеграммы посланника в Тегеране Гартвига ген. Шатилову, 27 сентября 1908 г.[2]

Телеграфирую в министерство иностранных дел: «Шахским правительством получены крайне тревожные известия о роли, которую в азербайджанских событиях играют кавказские революционеры, имеющие постоянные сношения с тавризскими, поощряющие Саттара-хана, снабжая его всякими средствами для продолжения борьбы с правительством...

Все это, смею думать, указывает, какое громадное значение для России имеют тавризские события, могущие в случае продления смуты повести к самым неожиданным и опасным для нас последствиям. Исходя из этих соображений, я посему позволил себе уже высказать мысль о необходимости, во-первых, принятия самых энергичных мер к прекращению связей кавказских революционных обществ с персидскими и, во-вторых, производства какой-либо военной демонстрации на нашей границе».

Гартвиг.

Из рапорта секретаря Российского консульства в Гиляне Антипова генеральному консулу, 29 сентября 1908 г.[3]

В недавнее время Решт вошел в близкие сношения с бакинскими муджахидинами. Две недели тому назад сюда прибыл их эмиссар с по-

[1] ЦАУ Груз. ССР, ф. 3, д. № 100, 1908 г., л. 248—248 об.
[2] ЦАУ Груз. ССР, ф. 3, д. № 78, 1908 г.
[3] Там же, л. 68.

ручением организовать энджомен. Эмиссар этот тщательно скрывается. Весьма вероятно, что не без его участия делались и продолжаются до настоящего времени, правда, безуспешные попытки войти в соглашение с муштеидом Хаджи-Мирза-Мамед-Резой для организации энджомена. Достоверным можно считать, во всяком случае, то, что лица, являющиеся с такими предложениями к муштеиду, действуют не от себя, а лишь играют роль передаточной инстанции. Какова программа действий зарождающегося энджомена в точности неизвестно. Во всяком случае, на первых порах он имеет в виду принять самое деятельное участие в предвыборной агитации.

Что же касается бакинских муджахидинов, то они обнаруживают в настоящее время, повидимому, усиленную деятельность. Кроме посылки эмиссара в Решт, здесь следует упомянуть еще об отправке в Тавриз отряда в 70 человек на помощь Саттар-хану. Вместе с отправленными ранее весь отряд, доставленный в Тавриз энджоменом, составит около 800 человек. Одновременно с этим Саттар-хану отправлены в подарок панцырь и 2 ружья.

Секретарь консульства В. Антипов.

Телеграмма министра иностранных дел Извольского наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову, 6 февраля 1909 г.[1]

По нашим сведениям в Решт приехало не менее ста человек армян и грузин русско-подданных, принимающих деятельное участие в революционном движении. Провозятся они в Персию на тагиевских пароходах, доставляющих также, по слухам, бомбы и другие боевые припасы. Шахское правительство неоднократно жаловалось на поддержку, оказываемую революции в Персии со стороны русско-подданных, справедливо указывая при этом, что с международной точки зрения такое явление недопустимо.

Тем не менее выезд революционеров из Кавказа в Персию и снабжение их оружием и взрывчатыми веществами, повидимому, продолжается неустанно. Против этого необходимо принять самые решительные меры еще и потому, что пока в волнениях участвуют лишь персидско-подданные, жизни и имуществу иностранцев в Персии грозит все же гораздо меньшая опасность, чем когда в это вмешиваются наши кавказцы, в глазах коих иностранцы,— в особенности же русско-подданные, конечно, не пользуются тем традиционным престижем, который до сих пор является их надежной защитой в Иране. Ввиду сего не признаете ли вы возможным распорядиться установлением строжайшего надзора над уходящими из Баку в персидские порты тагиевскими пароходами и принятием всяких зависящих мер против проникновения в Персию наших революционеров и боевых припасов.

Извольский.

Из сообщения тифлисского губернатора наместнику на Кавказе, 4 апреля 1909 г.[2]

...Кроме того, еще в январе сего года, имелись сведения что Садыковым[3] организовывался побег в Персию для пополнения отрядов Саттар-хана партии нижних чинов из некоторых местных войсковых частей, каковой не осуществился благодаря заранее принятым мерам. В феврале сего года Садыков ездил в Дагестан для постановки дела

[1] ЦАУ Груз. ССР, ф. 3, д. № 899, 1908 г., лл. 31—31 об.

[2] ЦАУ Груз. ССР, ф. 2, д. № 896, 1908—1909 гг., л. 57 об.

[3] Садыков Али-Мамед-Наги — иранский подданный, торговец коврами в Тифлисе. Мелкобуржуазный демократ, принимал активное участие в организации помощи иранским революционерам.

революционной пропаганды среди горцев, куда им и Ахундовым[1] были посланы в качестве пропагандистов четыре лица.

В виду всего изложенного, 28 и 29 января сего года все упомянутые лица были обысканы и задержаны.

Телеграмма посланника в Тегеране Саблина наместнику на Кавказе, 23 мая 1909 г.[2]

Положение вещей в Казвине принимает благоприятный оборот. Сепехдар[3], вняв нашим советам, принял губернаторство над Рештом. Дабы привлечь его на свою сторону персидское правительство дало ему еще и Мазандеран[4]. В Казвин назначен Шереф-уд-Довле, бывший депутатом от Тавриза, угодный и правительству и Сепехдару. Эвакуация национальных отрядов к Решту началась. Несколько кавказцев покинули уже Гилян. Желательно было бы, чтобы власти наши на Кавказе не применяли к ним никаких дисциплинарных мер, дабы этим не мешать добровольному возвращению их на родину. Для наших интересов все эти выходцы будут безусловно безвреднее на Кавказе чем в Персии.

Сообщение елисаветпольского губернатора наместнику на Кавказе, 30 марта 1910 г.[5]

В январе месяце сего года, в гор. Шуше, по дошедшим до местной полиции сведениям, были распространены прокламации Бакинского комитета персидских революционеров. Из числа этих изданий полиции удалось добыть два экземпляра, лица же, доставившие означенные прокламации, пока не выяснены.

Препровождая при сем перевод сказанного издания, сообщаю, что печатные экземпляры такового препровождены помощнику начальника Тифлисского губернского жандармского управления в Елисаветпольской губернии.

И. д. губернатора (подпись).

Воззвание Бакинского комитета поддержания персидских революционеров населению Кавказского края[6].

Соотечественники!

Настало время, когда весь Восток охвачен великим всеобщим движением... Веками — со времен нойского потопа — царствующий на земле «Стибдад» (т. е. самодержавное управление) приходит к падению и расшатался вконец... Ложное предубеждение, что «царь есть ставленник бога» начинает озаряться светом предполагаемого всеобщего народного правления.

Народы Востока с давних пор привыкли видеть себя окутанными облаками самодержавного управления на земле, жаждая света всегреющего солнца, изнывают в мучениях подобной единоличной системы

[1] Ахундов Гулам-Гони-Оглы — иранский подданный. Мелкобуржуазный демократ, принимал активное участие в организации помощи иранским революционерам.

[2] ЦАУ Груз. ССР, ф. 2, д. № 896, 1908—1909 гг., л. 168.

[3] Сепехдар — крупный помещик, находился в оппозиции к шаху, пользовался некоторой популярностью среди населения.

[4] Мазандеран — провинция Северного Ирана.

[5] ЦАУ Груз. ССР, ф. 2, д. № 1378, 1910 г., л. 34.

[6] Там же, лл. 35—37.

правления. С тех пор народы эти считали себя обязанными и созданными лишь для того, чтобы своей кровью, своим добром и своей национальностью позаботиться только на предмет доставления удовольствия признающим в себе силу верховной власти и их ненасытным прислужникам. И властелины стран Ислама полагали, что, управляя странами и народом, они ничем им не обязаны, как только по возможности широко воспользоваться своей властью в деле проведения своего времени в кутежах за счет народного добра. А народ, благодаря неразвитости своего ума, первобытному состоянию своих способностей, взирал на все это терпеливо. Народ этот не жил для самого себя, а был орудием для обогащения и счастливого существования других...

Мало того, что все народы Востока в общем, а страна ислама в особенности, по примеру безнадзорного стада баранов, сделалась добычею волков-доморощей, но в конце концов они попали в ловушку, устроенную им народами соседей, именно Европы... Не довольствуясь постигшим народов этих несчастьем у себя в отечестве и со стороны своих соотечественников, варвары-европейцы задумали господствовать над оставшимися без хозяина народами и наполнить их добром и без того переполненные свои карманы.

Сознавая такое положение своего народа, что должны были предпринять те представители духовенства, которые называют себя отцами народа? Но народ не мало вытерпел от сих последних. Не брезговали никакими средствами в деле помощи представителям алчной бюрократии,— будь они извне или изнутри. Таким образом шахи, султаны, ханы и эмиры и иностранная буржуазия и духовенство игрались с счастьем и благим существованием восточных народов и начали с них снимать шкуры, как у сушеной луковицы. Народы Востока и ислам с ними продолжали держаться в этой обстановке своего бытия.

Разыгравшийся на улицах Петербурга в 1905 г. кровавый акт, известный обилием пролитой крови русского революционного пролетариата, является последним представлением восточной трагедии. Представлявшая поныне собою целую жандармерию стояла твердой стеной между Востоком и Западом, против проникновения свободы из последнего в первый, Россия — палач. Благодаря этому перевороту, свет европейской свободы стал проникать на Восток. Непроницаемая и опасная тьма, в которой до сих пор находилась и Персия, также рассеивалась, и населяющие ее народности озарились светом просвещения и стали понимать цель и призвание свои. Находившийся до сих пор в положении пленника, усмиренный ударами палки и плети народ восстал наконец против своих притеснителей и разыгралась между ним — с одной стороны, и сорокоглавым чудовищем, в лице верховного земного властелина и его сторонников и приверженцев, с другой,— открытая схватка.

Тогда некоторые из представителей нашего духовенства, привыкшие проповедывать слепое повиновение, молитву за царя, терпение и явно показывающие иногда свое противоположение народной свободе,— находясь под влиянием всеобщего народного движения и против царской власти, а также пристыживаясь перед героизмом соседнего русского народа, начали несколько поддерживать народ в их справедливом требовании и издавали в этом направлении свои «фитвы» (указ).

В то время, когда северный медведь шел походом против своих несчастных и бедных собратьев, называя их «социалистами», народы Персии после долгих стараний достигли своей цели. Для водворения в стране нового строя жизни и правления съезжались депутаты — избранники народа, открылся парламент и начались обсуждаться нуж-

ды народа.— Но... все надежды к встрече лучшего будущего не оказались прочными и скоро народ в них обманулся.— Благодаря поддержке европейских капиталистов и содействию своей внутренней бюрократии, русское правительство вновь усилило свое прежнее влияние и ожило. Чувствуя почву под собою твердую на родине и сознавая, что новый режим и новый образ правления, по требованиям времени, в Персии идут в ущерб видам и планам, которыми лелеяло себя русское правительство в отношении к будущему Персии,— оно через проклятых Ляхова и Шапшаля принудило шаха к разгону народного собрания «меджлис».— Что же касается до шаха, то он, считая советы русского правительства выгодными для своих личных интересов, опираясь на его поддержку, преступил неоднократно данные им клятвы и даже расстрелял тех невинных и ангельски-чистых детей и подростков, которые со священным аль-кораном в руках обратились к нему со слезами на глазах и умоляли его пощадить народное представительство. И таким образом, шах бросил в лужу невинной крови и омыл ею ту священную книгу, которую не так давно он целовал в знак верности своей народному делу и меджлису. Мечети обратились в бойни и их топтали ляховы, а улицы Тегерана, окрашенные кровью невинных жертв, представляли собою бойню священного места «Кербала».— Шах этот сделался убийцею заместителей мученика Гусеина в Тегеране и убил таких народных представителей, которые в роде оратора Меликель-Мутакаллимин и Джан-Гир-хана, силою своей воли и правдою своею разбудили от вечной спячки свой несчастный народ, и намеревался даже перебить съезжавшихся в меджлис депутатов.

Но возможно ли напугать кровью то общество, которое вкусило уже плоды свободы? В невинно пролитой крови обыкновенно должен тонуть проливший ее, а лучину, исходящую из добра и блага, нельзя затушить той же кровью.— Не найдется ли того, который отомстил бы за пролитую в Тегеране невинную кровь? «Каждая капля моей крови обратится в тысячу народных боевиков, они отомстят тебе за меня»... (так говорил Меликель-Мутакаллимин шаху).

Сосредоточившийся в Тавризе народный гнев, не жалея живота, задумал всячески стараться удержать представительный образ правления в стране и освободить ее раз навсегда от дикообразных протекторатств ляховых. Как же остаться равнодушным зрителем, когда Персия, потеряв значение своего самобытия и самостоятельное существование, как особая правительственная единица, начинает теряться и изнывать под ногами русских офицеров? Как может Тавриз смотреть спокойно и хладнокровно на то, что дорогая родина подвергается разгрому и опустошению тех воинов и дикарей кочевников, которых содержит шахское правительство на ссуды русских банков? Смотрите, как поддерживали шаха единомышленные и родные ему русское и турецкое (до введения в последней конституции) бюрократические правительства. Естественно, что когда восстанет целый народ против своих мучителей и притеснителей-бюрократов, то соседи этого народа, бывшие или находящиеся и теперь в его положении, обязаны оказать всякого рода содействие к достижению своих справедливых требований. Смотря же на энергию и деятельность кавказских выходцев, без различия национальностей, в Тавризе, показанные ими в деле помощи персидскому народу, не приходится сомневаться в действительности этого воззрения.— Но как бы то ни было, может ли один народный отряд, действующий только в Тавризе, противиться соединенной силе персидского шахского правительства и его помощников извне и биться с нею с успехом? Конечно нет... Необходимы посторонние содействия и вспомоществования...

Персидская революция прежде всего нуждается в поддержке деньгами. В этом направлении и заключается цель учреждения нашего комитета, который для достижения этой инициативы должен и умеет работать в русской территории нелегальным путем и в тайне от представителей ныне существующего русского правительства.

Комитет же этот первым своим воззванием, в лице ныне выпущенного, обращается к населению края и приглашает его, без различия национальностей и вероисповедований, к взносу денег по своей возможности каждый. Мы надеемся твердо, что собратья наши — кавказцы, которые доказали нам свое мужество в деле отстаивания свободы, не останутся неотзывчивыми на это доброе дело и всячески будут поддерживать бьющегося и страдающего за свободу и родного им народа Персии.

В особенности должны не жалеть своей поддержки материально и даже жизнью мы, мусульмане Кавказа, которые спокон веков связаны, во всем прошлом и настоящем, с названным народом. Это тем более необходимо нам, что главы нашего духовенства великие «Мучтанды», заседающие в священном Неджефе[1], признали своею фитвою (указом) борьбу против нынешнего режима в Персии святым делом, сопоставляя примером проклятого Езида[2], открытая вражда с которым является обязанностью каждого правоверного и за борьбу с ним обещаются религиею особые привиллегии.

Вместе с сим утверждаем, что мы сознательны в своих действиях. Да здравствует обновляющий[ся] во имя общего человечества мусульманский мир. Да здравствует революция. Да здравствует единение нации и народов.

Объявление.

Комитет объявляет, что пожертвование следует вносить только тем из его членов, которые будут снабжать жертвователей росписками с приложением нижеприложенной печати. Все прочие росписки и документы недействительны и просим остерегаться.—

Баку 25 августа № 1.

Перевел переводчик уездного управления Фр. Угурлубеков.

---

[1] Неджеф — один из трех пунктов Месопотамии (Неджеф, Кербела, Самарра). Эти пункты считаются у мусульман — шиитов «святой землей». В них пребывают высшие духовные лица, суждения которых шиитами воспринимаются безапелляционно.

Высшие духовные лица из Неджефа неоднократно выступали с призывом к борьбе с шахом; они например писали: «объявляем категорически, что всякое старание для укрепления конституции обязательно, как священная война для сохранения религии, а всякая помощь и подчинение приказаниям противников парламента равносильны подчинению Езиду-ибн-Муавии и не совместимы с мусульманством».

Подобного рода указания рассылались в города Ирана, Турции, Закавказья.

[2] Езид-ибн-Муавия — легендарное лицо, приказавшее в свое время перебить потомков Магомеда.

К истории борьбы крестьянства Правобережной Украины против Центральной рады и Временного правительства в 1917 г.

Первые месяцы после февральской буржуазно-демократической революции 1917 года аграрное движение в Подольской, Волынской и Киевской губерниях сдерживалось тем, что они входили в прифронтовую полосу. Расположенные здесь казачьи, драгунские, кирасирские и др. специальные части до поры до времени были опорой для помещиков.

Стремление крестьян захватить землю помещиков жестоко подавлялось войсками Юго-западного фронта, поэтому на правобережьи до осени аграрное движение носило относительно «мирный» характер.

Большевистская партия «терпеливо разъясняет солдатам, крестьянам необходимость совместных действий с рабочим классом. Она разъясняет им, что крестьяне не получат ни мира, ни земли без дальнейшего развития революции, без замены буржуазного Временного правительства правительством Советов»[1].

Украинские и польские помещики попрежнему грабили крестьян и, опираясь на военную силу, жестоко расправлялись с теми, кто отказывался работать на господ.

Подготовка корниловского мятежа и корниловские приказы об уборке урожая ободрили помещиков, а крестьянам угрожали лишением земли и хлеба и принуждали их попрежнему гнуть спину перед помещиками.

Помещики чувствовали себя попрежнему полными хозяевами земли и урожая и категорически требовали от правительства и командования Юго-западного фронта решительной расправы с крестьянскими комитетами и с целыми селами, покушавшимися на захват и раздел земли и леса.

Началась свирепая расправа с крестьянами. Там, где крестьяне были более организованы (как, напр., в с. Звониха, Подольской губернии), комитеты ушли в подполье. Но несмотря на репрессии, крестьянские массы отказывались выполнять приказы Корнилова.

Неудача июньского наступления на фронте, жестокие репрессии против солдатских масс, не желавших воевать за интересы буржуазии, расстрелы и аресты сотен и тысяч революционных рабочих и солдат, террор против крестьянства, заговор Корнилова, пытавшегося потопить в крови революцию — все это окончательно раскрыло трудящимся массам контрреволюционную суть Временного правительства.

«Борьба с корниловщиной оживила захиревшие было Советы рабочих и солдатских депутатов, освободила их из плена соглашательской политики, вывела их на широкую дорогу революционной борьбы и повернула их в сторону большевистской партии.

Влияние большевиков в Советах выросло, как никогда. Влияние большевиков стало быстро расти также и в деревне. Корниловское восстание показало широким массам крестьянства, что помещики и генералы, разгромив большевиков и Советы, насядут потом на крестьянство. Поэтому широкие массы крестьянской бедноты стали все теснее сплачиваться вокруг большевиков...

Широкие массы крестьянства стали понимать, что только партия больше-

[1] «История ВКП(б)», краткий курс, стр. 173.

виков может избавить их от войны, способна сокрушить помещиков и готова отдать землю крестьянам. Сентябрь и октябрь 1917 года дают огромное повышение количества захватов крестьянами помещичьих земель. Самовольная запашка помещичьих земель принимает повсеместный характер. Ни уговоры, ни карательные отряды уже не останавливают крестьян, поднявшихся на революцию» [1].

Аграрное движение на правобережной Украине настолько приняло широкий и грозный размах, что Временное правительство специальным указом объявило Подольскую губернию на осадном положении.

Центральная рада так же принимает все меры для подавления восстаний крестьян. В начале октября Генеральный секретариат созывает специальные совещания губернских и уездных комиссаров с представителями командования Юго-западного фронта. На этих совещаниях были приняты решения и выработаны мероприятия для подавления восстания. На подавление восстаний было решено направить казачьи дивизии, польские и чешские легионы, броневики, артиллерию и т. п. В губернских и уездных городах создавались комиссии по борьбе с «анархией» и «насилием».

Вооруженная расправа и террор над крестьянами начали применяться со всей силой.

Посланные большевистской партией в села рабочие и революционные солдаты организовывали крестьян вокруг лозунгов большевиков. Революционные части Волынского, Кексгольмского и других полков, находившихся в селах правобережья, совместно с сельскими комитетами, выносили решения о немедленном захвате помещичьих земель.

То, что в официальных бумагах представителей Центральной рады называлось «погромом», «расхищением» имущества помещиков, «анархией» и т. п., в действительности имело совершенно иной характер. Перепуганные и растерявшиеся чиновники Центральной рады в своих донесениях старались представить начавшуюся организованно, под руководством большевистской партии, революцию в деревне, как анархию и насилие.

Захват земли и помещичьих имений проводился крестьянами вполне обдуманно и организованно.

Крестьяне, сознавая правоту своего дела, созывали сходы и выносили приговоры об отобрании земли и имущества помещиков, о передаче земли беднейшим крестьянам и т. п. Революционные методы и средства борьбы крестьян с помещиками настолько напугали последних, что, как доносил киевский губкомиссар, среди помещиков «были случаи полной потери у некоторых лиц психического равновесия, граничащегося с безумием». На факте развития крестьянских восстаний перед октябрем, В. И. Ленин подчеркивал полное банкротство эсеров и меньшевиков. Указывая на необходимость немедленного вооруженного восстания против Временного правительства, Ленин ссылается и на факты массовых вооруженных выступлений крестьян, которые Временное правительство при помощи эсеро-меньшевистского охвостья готовилось подавить. «Имея оба столичных Совета, дать подавить восстание крестьян значит потерять и заслуженно потерять всякое доверие крестьян, значит сравняться в глазах крестьян с Либерданами и прочими мерзавцами» [2].

Великую социалистическую Октябрьскую революцию и ленинский декрет о земле крестьянство Украины встретило с огромной радостью. Декрет читали на сходах, несмотря на запрещения его со стороны Центральной рады.

Чтобы обмануть крестьян, Центральная рада в III универсале от 7 ноября обещала крестьянам землю даже без «выкупа», но на другой день своим же разъяснением запретила отбирать от помещиков землю. Мациевич,— товарищ секретаря земельных дел, писал, «что универсал выдвинул только принципы

[1] «История ВКП(б)», краткий курс, стр. 193—194.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 240.

отмены частной собственности, но ни в коем случае не проведение этих принципов в жизнь».

Центральная рада, находившаяся всецело в руках помещиков и буржуазии, делала все для того, чтобы земля никогда и ни при каких условиях не перешла от помещиков к крестьянам.

Для украинского крестьянства земля оставалась запретным плодом вплоть до установления Советской власти на Украине.

Центральная рада, объявив войну Советской России, в то же время внутри страны проводила жестокую расправу с рабочим классом и крестьянством.

Против крестьян были посланы отряды «вольных казаков», польские легионы и т. п.

Между крестьянами и контрреволюционными отрядами рады происходили настоящие сражения.

Освобождаясь от влияния эсеров, меньшевиков и мелкобуржуазных националистов, крестьянство Украины в подавляющем большинстве переходило на сторону большевиков... Крестьянские восстания против помещиков и Центральной рады возрастали с невероятной быстротой, принимая всеобщий характер. О размахе борьбы можно иметь представление по цифрам захватов помещичьих имений — в Мотилевском уезде, Подольской губернии: за 8 декабря 1917 г. было организованно захвачено 15 экономий, 12 декабря — 8 экономий. Только за 15 декабря 1917 г. в Центральную раду поступило 216 телеграмм, а за 16 декабря 209 телеграмм о захватах помещичьих экономий.

Первый съезд Советов Украины 11 декабря 1917 г. в своем манифесте провозгласил Советскую власть на Украине и немедленное распространение на Украину декретов Советской власти. Центральная рада была объявлена вне закона.

Для борьбы против украинской контрреволюции и для установления Советской власти на Украине по указанию партии Ленина — Сталина были посланы на помощь отряды красногвардейцев Петрограда, Москвы и других городов. Вместе с отрядами рабочих и крестьян Украины они повели наступление против Центральной рады.

Победоносное шествие советских войск радостно встретили крестьяне правобережной Украины.

В Проскурове, Виннице, Ровно, Луцке большевики захватили власть и повели наступление на Киев, где засела Рада.

26 января Киев стал советским. Остатки разбитой армии Рады были выгнаны из пределов Советской Украины.

Крестьянство Украины было свободно и могло провести в жизнь завоевания Великой Октябрьской социалистической революции.

Публикуемые ниже документы освещают период ожесточенной борьбы крестьянства правобережной Украины против Центральной рады и Временного правительства в конце 1917 г. и в начале 1918 г.

М. Осетров.

I

Из доклада летичевского уездного комиссара подольскому губернскому комиссару, 12 июля 1917 г.[1]

С начала июля положение уезда стало тревожное, как в связи с приближением урожая, так в связи с пропагандой большевизма, имевшей место на крестьянском съезде, собранном в местечке Деражня большевиками.

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 57, лл. 37—38.

Особенно опасна тенденция крестьян... не допустить владельцев убирать хлеб.

Кроме того, с разных мест и имений уезда приходят весьма тревожные известия о настроении населения, разжигаемого пропагандой большевиков против владельцев...

Как представитель Временного правительства, первой мерой к успокоению уезда я считаю удаление из уезда местных большевиков. Второй, чрезвычайно важной мерой я считаю издание в Летичеве газеты, путем которой можно было бы бороться с большевизмом.

Летичевский уездный комиссар Корпачевский.

Телефонограмма гайсинского уездного комиссара подольскому губернскому комиссару, 22 сентября 1917 г.[1]

На сходе в селе Серединке вынесено постановление 21 сентября — убить управляющего экономией и других лиц. Казак, уговаривавший людей, был арестован, посажен в карцер и с него сорвали погоны, рабочих плантаций сняли, царит беспорядок. Прошу сделать расследование и виновных предать уголовной ответственности.

Гайсинский уездный комиссар Брескун.

Из доклада летичевского уездного комиссара подольскому губернскому комиссару, 26 сентября 1917 г.[2]

Со времени расквартирования частей VII армии в пределах Летичевского уезда, порядок народной жизни в уезде в корне пошатнулся. Спокойное дотоле население солдатами выведено из нравственного равновесия, и солдаты вместе с крестьянами чинят разные бесчинства, терроризуют всех, у кого есть какое-либо имущество, разрушая до основания сельские хозяйства и истребляя леса, сады и огороды, уничтожая запасы рыбы, спирта и пр. Грабежи, насилия и самосуды составляют теперь в Летичевском уезде обычное явление, и каждый день приносит жалобы на новые несчастья, которые предотвратить не в моей силе и власти...

За вторую половину только сентября поступили следующие более важные заявления:

1) Об аресте солдатами семьи помещика Каллюса в имении Монастырек, разгроме имения и разграблении всего имущества...

2) О разгроме имения Ходаки, с разграблением всего имущества помещика, его запасов хлеба и живого и мертвого инвентаря.

3) Об уничтожении запасов зерна в окрестностях Ялтушковского завода.

4) О расхищении имущества помещика имения Гредчинец.

5) О разграблении имущества владельца имения Буглаев.

6) О массовом истреблении крестьянами под охраной солдат леса и запаса дров в имении Снитовке.

7) О массовом уничтожении лесов в имении Нижнем.

8) О таком же истреблении казенных лесов.

9) О захвате всех лесов имения Гармак крестьянским обществом.

10) Об арестовании и попытке самосуда над председателем Совета солдатских депутатов в м. Дережне штабс-капитаном Кузьминым.

Беспорядки прогрессируют.

Мирное население доведено до отчаяния. Установилось убеждение в полной безнаказанности всех преступлений. На мелкие насилия и хи-

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 34, л. 252.
[2] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 94, л. 10.

щения части имущества уже никто не жалуется. Нужны бы серьезные меры, ибо могут наступить весьма серьезные события.

С вооруженными дивизиями милиция бороться не может.

Одно спасение — распределить скученные в Летичевском уезде военные части по нескольким уездам или прислать внушительную и надежную военную силу для водворения порядка, на которую могли бы опереться и я и лишенные власти и терроризованные своими же солдатами военачальники и войсковые комитеты...

Исполнительный комитет регулирует деятельность волостных и сельских комитетов. Совет солдатских депутатов занимается разного рода агитацией и часто выступает посредником при беспорядках и конфликтах между населением и солдатами.

Летичевский уездный комиссар Я. Корпачевский.

Из донесения ушицкого уездного комиссара подольскому губернскому комиссару, 28 сентября 1917 г.[1]

Крестьяне м. Дзыговки самовольно устранили председателей и некоторых членов волостного исполнительного комитета и продовольственной управы, избрав без участия в выборах представителей других сельских обществ волости новых лиц.

Те же дзыговские крестьяне захватили две водяные мельницы в м. Дзыговке, арендуемые Зусем Зильберштейном и расхищают с полей местных экономий овес.

Крестьяне д. Маевки и с. Тростянца препятствуют местным экономиям возить свеклу в сахарные заводы экономическими подводами и снимают рабочих с копки свеклы, требуя по 8 руб. за копку одной мерницы свеклы.

Крестьяне с. Фелициановки самовольно убрали с поля местной экономии за третий сноп просо.

В с. Игнатовке толпа местных крестьян арестовала управляющего местным имением Винцковского и в с. Пилипах-Боровских толпа местных крестьян напала на дом управляющего имением, Стефановского, с целью арестовать его...

Ушицкий уездный комиссар Вильчевский.

Донесение летичевского уездного комиссара подольскому губернскому комиссару, 30 сентября 1917 г.[2]

Впоследствие предписания от 22 сентября с. г. за № 11554 доношу, что в Летичевском уезде идет разгром имений и расхищение народных богатств, истребление лесов, рыбы, пасек и т. п.

Разгромлены имения Монастырек, Гармаки, Кодаки, Добровцы, Голенищев, Гребчинцы, Копачевка, Копытинцы и Чапля, во многих других имениях уничтожаются леса. Вырубаются до основания казенные леса и вообще личная и имущественная безопасность граждан вполне не обеспечена; так как все эти погромы производятся вооруженными полками, то милиция оказалась совершенно безсильной и ничем не может помочь гражданам. Из гражданской милиции в городе Летичеве повальное бегство, военная милиция представляет собою совсем ничтожную силу.

Разсылаю всюду телеграммы с мольбой о помощи, но уезду придали 70 козаков забайкальских и те выразили полное недовольство, что их

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 35, л. 60.
[2] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 94, л. 84.

командировали... водворять порядки. Город ждет погрома, ему угрожают целых 3 полка. Если они учинят нападения, то Летичеву грозит судьба, постигшая Умань во дни Железняка.

Летичевский уездный комиссар Корпачевский.

Из доклада ген. для поручений при главнокомандующем армиями Юго-западного фронта, 2 октября 1917 г.[1]

Беспорядки, возникшие в последних числах сентября в Ушицком, Литинском и Летичевском уездах Подольской и Староконстантиновском и Изяславском — Волынской губернии разбиваются на три категории:

1) Беспорядки местных войск (259 п. в Полонное, 23 зап. п. в Войтовцы, 609 п. в Монастырек).

2) Беспорядки проходящих войск.

(2 гв. корпус на пути из Ушицкого в Винницкий уезд).

3) Аграрные беспорядки — с участием войск и крестьян.

Необходимо постоянно иметь в виду еще одну категорию беспорядков, возможность которых связана с массовой переброской войск по ж. д., т. е.

4) железнодорожных беспорядков.

Эпизодическая хроника всех этих печальных событий начинается примерно 21 сентября, когда 609 полком разгромлено имение Монастырек Летичевского уезда и разгромлен первый винный погреб, 22 сентября — 2 гв. корпус, идя на отдых в тыловой район, начал громить попавшиеся на пути запасы спирта. Гв. Кексгольмский полк разбил завод в Карачиевцах, разогнал огнем охрану из казаков. Гв. артил. бригада начала громить Браиловку. 23 сентября — гв. Петрогр. полком разгромлена экономия члена Гос. думы Чихачева вблиз Бара, расхищен скот, зерно, имущество. Того же числа солдатами тыловых учреждений в районе Межибож разграблен спиртовой склад и совместно с крестьянами расхищено имение Митковцы Летичевского уезда... 26 сентября — 2-й гв. корпус совместно с местными крестьянами громят имения Сербиновцы и Севериновцы, где находится, по сведениям, и штаб корпуса. 27 сентября — начался погром на севере — г. Острове и разгорелся целый ряд аграрных беспорядков в уезде в крупных имениях кн. Сангушко, в Славуте, Изяславле, Белгороде. Стоящие в том районе части гв. кавалерии не способствуют умиротворению; ими же разгромлен Гринцов (в том же районе принимали участие люди 1-й и 4-й батарей гв. конной артиллерии). 27 сентября — на пути 2 гв. корпуса разгромлено имение Шенновского, слободка Межировская, уведены лошади, расхищен хлеб, солдатами 4 гв. ст. полка разбиты подвалы со спиртом. 28 сентября — зарегистрировано участие 10 роты 23 зап. полка в разгроме д. Войтовцы ю.-в. Летичева, где уничтожен запас хлеба — 10 тыс. пуд., уведен весь скот, сожжено 17 построек. Удалось задержать 43 человека с офицером, прапорщиком Караща... Принятые на местах меры, к сожалению, могли иметь неполное значение, как всякие меры, принимаемые в настоящей политической обстановке. Для полноты впечатления о том, что предпринято было и что могло иметь успех, а что нет,— необходимо ознакомиться с рядом распоряжений командующего VII армией, в тылу которой главный очаг всех беспорядков.

Из распоряжений этих ясно: 1) что всякая попытка командного состава в сторону порядка вызывает грубый отпор с обвинением в старом режиме и служении интересам буржуев-помещиков; 2) что и при

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 82, лл. 88—89.

таких размерах бедствия кавалерия, как бы ее много ни было, в конец изматывается и отказывает в дальнейшей работе; 3) что отсутствие в большинстве случаев шоссе исключает широкое пользование броневиками, которые также портятся и быстро отказывают в работе...

Подполковник Богаевский.

Из доклада начальника Литинской уездной милиции подольскому губернскому комиссару, 6 октября 1917 г.[1]

В течение истекшей недели с 26 сентября по 2 сего октября в южной части Литинского уезда разгромлено, разграблено и сожжено несколько винокуренных заводов и целый ряд экономий с расхищением спирта, хлеба, фуража, живого и мертвого экономического инвентаря, комнатной обстановки, одежды и пр., а именно: 1) винокуренный завод с расхищением спирта в экономии землевладельца Шенновского при с. Межировская слободка; 2) разгромлена контора Севериновского сахарного завода владельца Соколовского, в которой разбита касса и похищено все содержимое в ней, и там же разгромлен склад медовых крепких напитков того же владельца и напитки расхищены...

Такой массовый и анархический разгром, разграбление и поджоги заводов и экономий перешел в южную часть Литинского уезда из Могилевского и Летичевского уездов и стихийно начался с приходом в эту часть уезда воинских частей 2 корпуса. Отдельные группы пьяных и озверелых солдат, в особенности 2 и 4 стр. полков, при массовом участии местных крестьян, произвели разгромы, грабежи и поджоги. Часть означенных имений разграблена и разгромлена солдатами 23 пехотного запасного полка, а усадьба Львова в Боркове разгромлена частью пулеметной команды 15 пехотного запасного полка, присланной было из Винницы для подавления беспорядков...

Меры к недопущению и ликвидированию анархии приняты, для чего в Литине организован уездный комитет по борьбе с анархией, а по всем селам, деревням и другим населенным пунктам организованы ответственные исполнительные комитеты по борьбе с анархией.

Для содействия этим комитетам и вообще борьбы с анархией по уезду распределены эскадроны командированного в Литинский уезд 10 гусарского полка. Действиями эскадронов распоряжается непосредственно уездный комитет.

Донося об этом, докладываю, что в местах происшедших беспорядков все время остаются расположенные в них дезорганизованные воинские части, благодаря чему чины милиции лишены возможности приступить к собранию точных сведений и производству дознаний о произведенных разгромах, так как солдаты положительно парализуют всякие начинания чинов милиции в этом отношении; тем не менее участковыми начальниками посланы судебным следователям сообщения о тех разгромах, о которых имеются у них сведения.

Начальник Литинской уездной милиции (подпись).

Из телеграммы ольгопольского уездного комиссара подольскому губернскому комиссару, 7 октября 1917 г.[2]

Замечается стремление крестьян завладеть частновладельческой землей, в некоторых имениях земля отнята самовольно, в восточной части уезда стачки сельско-хозяйственных рабочих продолжаются.

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 95, лл. 185—186.
[2] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 34, л. 257.

принимая острый характер, присланных рабочих-пленных самовольно снимают с работы. Солдаты 17 полка, расквартированного в уезде, учиняют поджоги построек, в лесах те же солдаты охотятся, стреляя из винтовок; есть сведения, что офицеры 17 полка призывали крестьян к самовольному немедленному разделу частновладельческой земли...

Ольгопольский уездный комиссар (подпись).

Доклад начальника милиции Летичевского уезда прокурору Винницкого окружного суда, 7 октября 1917 г.[1]

Согласно § 40 инструкции чинам милиции доношу, что в последних числах истекшего сентября, с 25 по 30-е, в Войтовецкой и Сусловецкой волостях (в 1 участке милиции) местными крестьянами, при участии зачинщиков солдат из квартирующих в этих волостях воинских частей, разгромлены частновладельческие имения:

По Войтовецкой волости:

1) с. Голенищев, имение Марии Маньковской,— все экономические постройки, за исключением построек, прилегающих непосредственно к крестьянским дворам, разграблены. Комнатные обстановки, сельскохозяйственные орудия и машины, скот, лошади, свиньи, птицы, хлеб и зерно и частью в снопах разграблены, расхищены, разнесены и увезены в крестьянские дворы с. Голенищева и соседних селений. Разгром начат солдатами квартирующей в с. Мордине, 10 роты 23 пех. зап. полка.

2) с. Войтовцы, имение графа Николая Моркова. Разгромлена контора имения и помещение управляющего, а также господский дом; вся комнатная обстановка расхищена и унесена, двери и окна сорваны и унесены. Поджогов не было. Зачинщиками разгрома были солдаты той же 10 роты 23 полка.

3) д. Варинка, имение Юлия Струнке. Все комнатное имущество помещика, вплоть до постельного и носильного белья, а также живой и мертвый инвентарь, продукты продовольствия, зерновые хлеба и пр. разграблены и увезены крестьянами д. Варинки, с. Мордина и д. Новой Гуты при содействии солдат той же 10-й роты. Поджогов не было.

4) д. Червоно-Дашево, хутор Ирины Стасюк. Разгромлена и расхищена домашняя утварь, сожжена клуня и 21 копна ржи в снопах.

5) д. Червоно-Дашево, имение Маркелла Шпиркана. Ограблено и увезено 500 пуд. разных сортов зерновых продуктов и 35 п. муки. Комнатная обстановка частью разгромлена, частью ограблена и увезена. Скот пока уцелел. Поджогов не было.

6) м. Буцневцы, имение Марии Довбни. Разбиты замки, амбары и ограблены зерновые продукты. Комнатная обстановка потрепана сравнительно мало. Одежда и обувь прислуги ограблена. Землевладелица сбежала. Зачинщиками грабежа были местные крестьяне Никита Гусарец и Василий Бочуля при поддержке квартирующих в Буцневцах солдат.

По Сусловецкой волости:

7) с. Бугнаи, усадьба Юлии Шимановской. Господский дом и служба при нем полуразрушены; полы, двери, окна и печные приборы в помещениях сорваны и унесены. Весьма ценная комнатная обстановка отсутствовавшей землевладелицы Шимановской разгромлена и расхищена полностью. Лесная роща и молодой лес при доме вырублены и вывезены дочиста.

---

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 94, лл. 29—30.

8) с. Бугнаи, имение Индутной, управляемое ее отцом полковником Булюбашем. На это имение было погромное покушение со стороны солдат квартирующего в Сусловецкой волости 414 пех. Торопецкого полка, в котором преобладают украинцы. Ограблено около 160 п. зерновых и продовольственных продуктов, 2 шт. скота и приводные ремни к машинам. Комнатная обстановка пока не разгромлена. Усадьбу охраняет пулеметная команда. Полковник Булюбаш уехал в Литин к своей дочери, успел вывезти туда на 30 подводах значительную часть ценной комнатной обстановки.

9) с. Морковцы, имение графа Лидерс-Вейнмарна. По распоряжению военных властей взорвано квартирующим в помещичьей усадьбе штабом 104 пех. дивизии подвальное помещение с хранившимся в этом помещении казенным ректификованным и сырым спиртом в количестве около 7000 ведер. Затем начался разгром винокуренного завода и некоторых жилых помещений при нем. Ценные части заводских машин изуродованы. Дом и имущество заведующего подвалом еврея Ставницера разгромлены. Значительная часть спирта расхищена. Два пруда с искусственным рыбозаведением обезводнены и рыба расхищена, зверинец и птичий двор разгромлены, птицы разграблены, а 27 диких коз расстреляны и растащены. Истребления огнем имущества не было.

10) с. Копытинцы, имение Пелагеи Колачевской. Все весьма ценное комнатное имущество землевладелицы, вплоть до постельного и носильного белья, разгромлено и расхищено. До разгрома землевладелица с мужем были насильно вывезены из имения солдатами на войсковой подводе. Квартирующий в нижнем этаже разгромленного дома Колачевской штаб во главе с командиром полка не мог предотвратить разгрома.

Во всех перечисленных выше случаях разгрома человеческих жертв не было. Малочисленная гражданская милиция (в моем участке из 40 сел 6 милиционеров — инвалидов) бессильна.

Все эти сведения представляют краткий обзор событий, обследованных мною на местах. Подробности будут установлены дознаниями, производством которых я уже занялся.

Начальник милиции К о ц е б а.

Из телеграммы ново-ушицкого уездного комиссара подольскому губернскому комиссару, 9 октября 1917 г.[1]

В уезде войсковые организации и даже отдельные части и личности самовольно решают социальные и экономические вопросы, не только поощряют, но заставляют делать захваты, грабить леса, местами части войсковых организаций или отдельные солдаты сами принимают участие в грабеже. Борьба с ними может привести к столкновению с войсками и разгрому уезда. Необходимо защитить уезд от вмешательства войск. Милиция, боясь столкновений, бессильна: части, имеющиеся в моем распоряжении, отказываются действовать против военных и крестьянских насилий, суды не действуют, приговоры не исполняются. Единственный суд — приговоры сельских исполнительных комитетов... Уезком изменяет свой состав постоянно, влиянием не пользуется. Земельный комитет организован незаконно, действует открыто, влияния не имеет. Земство, меняя состав гласных и управы, страдает безденежьем, нелюбимо. Авторитетом пользуется комиссар, но бессильный. Интеллигенция терроризирована, в политических событиях мало принимает участия. Комиссия по выяснению убытков,

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 35, лл. 81—82.

причиненных 2 гв. корпусом, работает. Хочу организовать другую для выяснения насилий и практической стороны дела, ходатайствую командировании представителей в эту комиссию с ассигнованием на расходы. Ходатайствую распоряжении о применении указа главковерха прокурорам и судьям.

Ново-ушицкий уездный комиссар Вильчевский.

Доклад подольского губернского комиссара Временного правительства министру внутренних дел, 15 октября 1917 г.[1]

Во исполнение телеграммы от 10 сентября за № 4575, сообщаю, что с половины сентября губернию охватила волна погромов, которые, начавшись в районе сосредоточения 2 гв. корпуса в Ушицком уезде, перекатились из уезда в уезд по всем закоулкам Подолии. Толчок был дан неопорожненными своевременно спиртохранилищами. Первые вести о начавшейся беде даны ушицким комиссаром.

Привожу дословно телеграмму: «Через уезд проходят гвардейский корпус. В Карачиевцах Кексгольмский полк разбил винный склад, который горит. Много жертв. В Браиловке артиллерия гвардии разбила завод, горит, много жертв». Вслед за этой телеграммой стали поступать донесения из других мест, все более или менее одинакового содержания.

Солдаты разбивают заводы со спиртом. Уничтожение культурных хозяйств заставит владельцев скорее уйти и передать землю крестьянам.

Пропаганда эта ведется настойчиво и широко солдатским элементом по преимуществу центральных губерний, заявляющих, что в России давно уже все хозяйства разрушены и что земля уже поделена.

До сентября аграрное движение в губернии [сдерживалось] авторитетом Центральной Украинской рады, которая находилась в тесней-шем единении с народом, путем многочисленных съездов, собраний, проводила идею неприкосновенности народных богатств, и действительно не обходилось и одного самого небольшого крестьянского собрания, где бы ни выносилась резолюция: лесов не уничтожать, самовольных захватов не делать, ничего не разорять и ждать решения Учредительного собрания.

Таково же настроение и сейчас там, где нет влияния солдат. Больше того, на местах погромов и грабежей, когда грабившие войска уходят, все отрезвившиеся крестьяне приходят в себя — они тотчас же возвращают владельцам скот, лошадей и очутившиеся в крестьянских руках разграбленные вещи. Невольно рождается мысль, что будь в губернии части войск, составленные из местного населения, они разрушительной для края деятельности не проводили бы.

Нельзя пройти мимо наметившегося способа решения земельных отношений, а именно: самоличного раздела частновладельческой земли зажиточными домохозяевами в свою пользу, а не в пользу безземельных односельчан.

Наряду с погромными настроениями, охватившими, кстати сказать, и города, без меры переполненные войсками, идет другое явление — это рубка леса, причем во многих местах рубки принимают настолько значительный характер, что это начало граничить с сплошным уничтожением леса. И здесь приходится отметить громадную роль солдат, которые кладут почин. Не без вины впрочем и многие землевладельцы. Красной нитью проходит такая особенность: чем строже и круче был землевладелец, чем меньше он считался с крестьянской нуждой,

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 82, лл. 162, 163.

чем тщательнее берег лес от взрослых и детей, тем опустошительней идет у него уничтожение леса, и наоборот, помещики, не запрещавшие пользоваться хотя бы за плату валежником, сухостоем, разрешавшие собирание грибов и ягод и давшие своевременно крестьянам право забирать дерево при расчистке леса, находятся как бы под охраной села, и их леса стоят нетронутыми. Но наибольшее ожесточение проявляется на тех сервитутных угодиях, где земля числится за крестьянами, а лес за помещиком, и где споры из-за права владения тянутся десятилетиями между селом и помещиком. Там нет ни мер, ни удержу: рубка идет сплошная, сопровождающаяся оттенком озлобления.

В связи с разыгрывающимися событиями еще резче обозначилось падение и бессилие власти — не на кого опереться, некому верить, не на что надеяться. Идет смерч, и, очевидно, не будет удержу ему, пока не пронесется — очевидно, что не сломит он лишь того, кто не попадет случайно в его полосу.

Регулирование жизни невозможно, ибо жизнь идет без плана. Самые неожиданные события сменяют одно другое и застают врасплох самое прозорливое предвидение. Ни имущество, ни жизнь, ни честь не гарантированы ни в каком отношении, авторитета нет. То, что утром считалось достойным уважения, к полудню клеймится маркой контрреволюционности; что вечером считалось отвечающим духу демократии, на утро квалифицируется, как проявление буржуазности, а стало быть, уже становится неприемлемым и враждебным. Партийные страсти горят безудержно; проведение в жизнь выборного начала бросило везде и каждого в партийный водоворот, появились модные и немодные партии. Причем преданность партийной программе имеет менее значения, чем лозунг момента, а это ведет к росту недоверия внутри партии и их слабости. О выборах в земства и Учредительное собрание говорят, покачивая головой. Сами выборы идут не всегда закономерно, а почасту сопровождаются требованием нарушения сроков, включения в списки без права быть включенным; кой-где толпами арестовываются избираемые и руководители комиссий, все это без малейшей законности. Суда нет, он и неосуществим, потому что приведение приговора в исполнение — вещь для власти недоступная... Кражи и порубки происходят днем и ночью. Характерные явления — разбойные нападения лиц в военной форме и другое характерное явление: среди населения в качестве оружия [употребление] ручных бомб, так в одном уезде милицией Кавказской дивизии конфисковано 80 бомб.

Продовольственный вопрос в пределах губернии до половины сентября можно было считать вполне благополучным, поставка хлеба шла прекрасно. С развитием же погромов половина губернии разорена и в отношении снабжения попадает в условия настолько скверные, что самой нечем будет обсеменяться. Громадным ущербом для губерний послужило удвоение цен на хлеб, вызвавшее общее вздорожание и повлекшее за собой ряд массовых протестов, как в форме постановлений, так и уличных выступлений.

За губернского комиссара А. Самошенко.

Из доклада винницкого уездного комиссара подольскому губернскому комиссару, 19 октября 1917 г.[1]

Доношу, что с 1 по 15 сего октября среди населения вверенного мне уезда были следующие происшествия:

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 35, лл. 95—96.

а) В последних числах сентября с. г. в с. Кудиевцах Станиславчикской волости расквартировался л.-гв. Кексгольмский полк, солдаты которого со дня расквартирования стали разграблять в Кудиевцком имении, принадлежащем Константину Михайловичу Длусскому, имущество, заключающееся в скоте, хлебе и пр.; но на какую сумму разграблено, пока неизвестно за отсутствием как самого владельца Длусского, так и управляющего имением. Меры к выяснению отдельных личностей солдат, разобравших имущество Длусского, приняты.

б) 30 прошлого сентября при с. Слободе Носковецкой Станиславчикской волости неизвестными солдатами взломаны у сараев и амбаров замки и расхищено разное имущество, заключающееся в скоте, домашней птице, упряжи и пр. Определить количество и сумму ограбленного имущества пока не представляется возможным, в виду отсутствия как самой владелицы, так и служащих, кои, будучи перепуганы, выехали из имения. Меры к обнаружению виновников приняты.

в) В с. Носковцах Станиславчикской волости расквартировавшиеся там солдаты л.-гв. Волынского полка, собрались было бандами человек 25—80 и более, вторгнулись в имение «Затишье» Павла Николаевича Раненкампфа и, совместно с присоединившимися к ним крестьянами соседних сел, расхитили в течение 29 и 30 сентября из экономии имущество, заключающееся в зерновом хлебе, скоте, домашней птице, земледельческом орудии, мебели и пр., количество которого и сумма убытков пока не выяснено. К выяснению виновников погрома приняты меры.

г) 28 сентября с. г. в с. Носковцах Станиславчикской волости расквартировался л.-гв. Волынский полк, солдаты которого вместе с крестьянами того же села стали расхищать находившиеся в арендуемом евреем Менделем Злоченным помещичьем саду, принадлежащие ему Злоченному фрукты, и, по заявлению Злочена, расхищено со склада более 10 тыс. пудов яблок и несколько мешков груш, а также и ременант[1] при складе, всего на сумму более 202 тыс. рублей. Меры к выяснению виновников разграбления фруктов и ременанта, а равно к обнаружению таковых приняты, и дознание производится.

д) 7 сего октября толпа людей, жителей села Сутисок, под предводительством уволенных домой по болезни солдат, с целью обнаружения пулемета, произвела у управляющего винокуренным заводом в Сутисках Петра Коханского обыск, но пулемета не обнаружили, а нашли у Коханского германскую винтовку, австрийский штык и пять патронов. Означенная толпа во дворе завода подняла шум и драку, вызывая на беспорядки, требовала арестовать управляющего Коханского, акцизного контролера и других лиц, служащих при заводе...

е) В лесах при с.с. Колибабенец, Писаревки, Хижинец крестьянами систематически расхищаются дрова и из свекловичных плантаций при м. Пикова расхищается свекла, а также из Хомутинецкого имения расхищена солома и экономический инвентарь.

ж) В с. Шершне Тывровской волости местными крестьянами производятся разные беспорядки, причем производятся хищения как из Шершнянского имения, так и из леса. Беспорядки эти возникают с помощью Шершнянского сельского исполнительного комитета.

И. д. винницкого уездного комиссара (подпись).

---

[1] Инвентарь.

Телеграмма председателя Подольского общества сельских хозяев подольскому губернскому комиссару, 20 октября 1917 г.[1]

Погромы и грабежи, чинимые солдатами вообще и в частности 609-м украинским полком, опять вспыхнули с необычайной силой в Летическом уезде, перебросились в Проскуровский уезд. В одну ночь с 16 на 17 октября разграблены четыре экономии: Михалполь, Михалковцы, Михайловская слободка и Лука. Просим принять решительные меры.

Председатель Проскуровского отдела Подольского общества сельских хозяев Баранецкий.

Из доклада начальника Винницкой уездной милиции подольскому губернскому комиссару, 15 ноября 1917 г.[2]

Деятельность преступных агитаторов перенесена из смежных уездов, уже разгромленных, в Винницкий уезд. Под влиянием агитации этих элементов темное крестьянское население совершенно терроризовано. В последнее время крестьянским населением, при помощи тыловых дезертиров и местных комитетов... разгромлены в с.с. Дзялове, Алексеевке, Колибабинцах, Кривошеинцах, Шепиевке, Червлинове, Бохониках, Пикове, Крышевке, Могилевке и других местах, где совершенно разграблен весь живой и мертвый инвентарь, часть которого непроизводительно уничтожена. Повсюду производятся самовольные рубки лесов, самочинно отнимаются, как у самих владельцев, так и у арендаторов мельницы, хлеб и разное ценное имущество. Землевладельцы, оставляя в селах свое достояние, для спасения своей жизни бегут в панике в город. Сознательная часть крестьянства терроризована в селах группами демагогов, вооруженных бомбами и другим огнестрельным оружием, каковое обстоятельство вынуждает эту часть населения пассивно смотреть на анархические выходки безответственных демагогов, широко использующих ленинские декреты.

Для содействия милиции к подавлению беспорядков на Винницкий уезд имеется одна сотня казаков 40 Донского казачьего полка, прибывших в мое ведение лишь 11 ноября. Прекратить при помощи этой силы разгромы, самоуправства и прочие анархические явления чины милиции, при всем своем желании, не в состоянии и, если экстренно не будет командирована вооруженная сила для охраны каждого еще не разгромленного имения, сахарных заводов и крупных торговых предприятий, то и таковые вряд ли уцелеют, и уезд может превратиться в сплошной разгром. Помимо присылки вооруженной силы, безусловно из надежных солдат или казаков для восстановления в уезде порядка, необходимо получить прямые указания Центральной рады по вопросу борьбы и с агентами ленинского правительства, выпускающего воззвания к населению противозаконного характера.

Докладывая о вышеизложенном вам, г. комиссар, на зависящее распоряжение, присовокупляю, что промедление в организации сильной и планомерной борьбы с анархическим движением приближает уезд к гибели.

Начальник Винницкой уездной милиции (подпись).

---

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 82, л. 250.
[2] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 89, л. 57.

Из донесения гайсинского уездного комиссара подольскому губернскому комиссару, 23 ноября 1917 г.[1]

Сообщаю, что опубликование универсала[2] вызывает недоразумения; на местах темная анархия и в селах поняли как свободу. Разграблены экономии в селах Затковцы, Янов, Паланка, Гнатовка.

В Янове забрали крестьяне хлеб и инвентарь, но после прочтения универсала Центральной рады начальником милиции возвратили инвентарь и хлеб...

Везде между крестьянами появились агитаторы, которые называются большевиками, подрывают доверие к местной власти.

В Завальи крестьяне Саврани Балтского уезда захватывают экономическую землю, про это вынесли постановление.

Гайсинский уездный комиссар Брескун.

Заявление крестьян с. Звонихи подольскому губернскому комиссару, 27 ноября 1917 г.[3]

Ввиду того, что общество граждан с. Звонихи предусмотрело, что помещик Ярошинский умышленно и тайно стал вывозить живой и мертвый инвентарь неизвестно куда и, стараясь ухудшить в имении сельское хозяйство, принимал для этой цели разные меры, дабы повредить на будущее часть названного живого и мертвого инвентаря и умышленно уничтожить,— общество, заподозрев Ярошинского в его замыслах, что оставшийся несбытый скот не имеет удовлетворительного присмотра и с голоду начал гибнуть, а потому общество, собравшись на общее собрание 22 сего ноября и обсудив названный вопрос, поручает сельскому исполнительному и земельному комитету произвести опись и выяснить выше замеченное и умышленное истощение живого и мертвого инвентаря. При описи обнаружено, что действительно зерновых запасов для корма скота совершенно не оказалось за исключением одного лубика, от которого погибло 8 штук лучших лошадей, а кроме названного лубика и пшеничной соломы скот ничего не получает. Почему скот начал гибнуть и истощаться. Также Ярошинский отказался платить служащим, которые ухаживали за скотом. Ввиду сего общество порешило разобрать скот, не допуская к гибели, теми лицами, которые, нуждаясь в скоте, и теми, которые имеют излишний запас корма, и солдатками для сохранения названного скота к весенним работам.

15 подписей.

Доклад винницкого уездного комиссара подольскому губернскому комиссару, 8 декабря 1917 г.[4]

Мною получена 1 декабря с. г. от начальника Станиславчикской участковой милиции телефонограмма такого содержания:

«В пределах участка беспрестанно почти во всех селах уничтожаются леса, как местными крестьянами, так и солдатами гвардейцами. Везде постепенно разграбляются остатки оставшегося, благодаря охране милиции, по имениям имущества. В данное время, в виду увеличения в пределах волости численности солдат гвардейцев, продвигающихся

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 90, л. 215.
[2] Универсал — законоположение Центр. рады. Имеется в виду III универсал.
[3] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 86, л. 223.
[4] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 89, л. 170. Перевод с украинского.

из Литинского уезда, милиция совершенно бессильна оградить оставшиеся леса и имущество от грабежа; вооруженные солдаты нападают [на чинов милиции], порою стреляют в последних, был случай обезоружения милиционера, и в последнее время, благодаря солдатам, чинам милиции трудно исполнять исходящие от начальства распоряжения. Кроме того, [солдаты] вооружают крестьян против местной администрации, являющейся представителями украинского правительства, совращают крестьян в сторону большевизма, каковое движение приняло серьезный характер. В с. Кудиевцах осуществляется местным населением декрет большевистского правительства о земле, согласно которому произведен захват всего имущества местной экономии и последним распоряжается по своему усмотрению сельский исполнительный комитет, не признавая никаких распоряжений свыше.

Вообще по изложенным обстоятельствам чины милиции лишены всякой возможности исполнять приказания начальства, как например приказ за № 2804, при отсутствии содействия милиции надежно вооруженной украинской силы; затруднительно изложить все происходящие в районе участка происшествия благодаря вмешательству солдат гвардейцев».

Уведомляя о вышеуказанном, прошу о командировании в район Станиславчикской волости вооруженных воинских частей, которые помогли бы милиции выполнить распоряжения, даваемые для поддержания порядка, и остановить всякое самоуправство и насилие.

Винницкий уездный комиссар (подпись).

Из донесения каменецкого уездного комиссара подольскому губернскому комиссару, 12 декабря 1917 г.[1]

Приказ Генерального секретариата о привлечении опасных людей к суду нельзя исполнить, потому что суд фактически не существует, так как нет никакой силы принуждения ни у суда, ни у комиссара. В милицию не желают итти на службу, так как очень мизерное жалованье; а которые еще есть,— ничего не делают; против милиции селянство враждебно настроено. Недавно в Балине селяне арестовали начальника района, отобрали оружие, какого не хотят возвратить, так что милиция фактически не имеет никакой силы...

Последние дни погромы имений очень уменьшились... но за то перекинулись на селян...[2].

Каменецкий уездный комиссар (подпись).

Телефонограмма подольскому губернскому комиссару из Ямпольского уезда, 12 декабря 1917 г.[3]

В Федоровке, благодаря агитации большевиков, в количестве 4 человек, крестьяне избрали самочинный сельский комитет, который поступает по декрету Ленина и не желает признавать универсала Рады. Этот же комитет объявляет себя революционным судом, грозя арестами и самосудом. Моя жизнь, жизнь служащих в опасности. Разграбление имения неотвратимо. Прошу немедленной помощи военной силы и приказа арестовать большевиков.

Добровольский.

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 52, л. 100.
[2] Имеется в виду кулачество.
[3] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 104, л. 113.

Заявление подольского епископа подольскому губернскому комиссару, 12 декабря 1917 г.[1]

Ко мне и в Подольскую духовную консисторию поступили следующие заявления о покушениях и самочинных захватах со стороны крестьян церковной недвижимой собственности.

1. Священник с. Старо-Христища Ольгопольского уезда Дмитрий Солтановский донес 11 октября сего года, что, по распоряжению местного сельского комитета, некоторые крестьяне завладели значительной частью земли Старо-Христищенского причтового надела, приступив без ведома и согласия причта к запашке земли.

2. Эконом подольского архиерейского дома иеромонах Тихон представил при рапорте от 25 октября, за № 102, отношение исполнительного комитета с. Кадиевая Каменецкого уезда от 17 октября, в котором сообщается, что приговором Кадиевецкого сельского схода от 15 октября сего года постановлено приступить к арендному содержанию мельницы архиерейского дома и земли при ней, которые арендатор Шреф обязан сдать по описи.

3. Священник с. Стражгорода Гайсинского уезда Василий Крыжановский донес рапортом от 29 октября, что в сем году местные крестьяне разделили, распахали и засеяли весь причтовый надел, объявив священнику, что вся земля — их и что если он с ними не согласен, то может от них уходить.

4. Благочинный 4-го Винницкого округа священник Евгений Гадзинский доносит рапортом от 30 октября, за № 729, что, по сообщению приходского священника м. Нового Пикова, 23 октября крестьяне Антополя вышли всем селом с плугами на принадлежащую Покровской церкви м. Нового Пикова землю, именуемую «Хутор», в количестве 53 десятин 45 кв. сажен и самоправно распахали ее, как свою собственную.

5. Крестьяне с. Лабушной Балтского уезда 28 октября сего года захватили местную церковную землю, поделив ее между собою и местными евреями.

Подольский епископ (подпись).

Рапорт начальника Винницкой уездной военной милиции начальнику военной милиции при подольском губернском комиссаре, 15 декабря 1917 г.[2]

12 сего декабря вечером я с командой военных милиционеров прибыл в Михалевку для прекращения самочинных деяний Михалевских крестьян. На следующий день я вызвал представителей от общества, предложил последним немедленно сдать ключи арендатору мельницы Белявскому, самочинно забранную ими, а равно и прекращения распродажи заготовленных дров. Председатель сельского исполнительного комитета Гавриил Матвеевич Банзяк заявил мне, что соберет сельский сход, и решение мне будет сообщено. Вечером явилось два члена комитета и заявили, что они никого не признают, Центральную раду также не признают, как за правительственный орган, потому моих требований не исполнят.

Когда же я их предупредил, что буду принимать самые решительные меры к восстановлению порядка, члены, ничего не говоря, ушли.

---

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 83, лл. 208, 209.

[2] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 89, лл. 180—182.— Военная милиция — бывшая полиция Черновицкой и Тарнопольской губерний; после июльского наступления 1917 г. эти губернии были заняты австрийскими войсками. Военная милиция была эвакуирована и расположена в Подольской губернии.

Поздно вечером я узнал, что жители села Михалевки вооружаются и намерены оказать сопротивление. Это все создано ими, в виду агитации прибывшего из Петрограда члена Совета солдатских депутатов Митрофана Ивановича Ванжулы, прибывшего в Стрижавскую волость для погромной агитации и скрывшагося при моем появлении. На следующий день, 13 декабря, я опять тоже вызвал представителей от общества и подтвердил им, что не уеду, пока не восстановлю порядка, и дал им на размышление срок до 4-х часов дня, а сам уехал с частью команды в с. Сосонку для прекращения анархии.

В с. Сосонке удалось ликвидировать мирным путем. В 2 часа дня возвратился обратно в Михалевку, где доложили, что после моего отъезда пришла толпа к дому лесничего Белявского, где я помещался, и порвала телефонные провода. После этого я конным нарочным послал донесение губернскому комиссару о присылке подкрепления, а сам стал стягивать с соседних экономий милицию. Около 10 часов вечера прибыли ко мне на квартиру члены комитета и представили удостоверение волостного комитета, в котором указывается, что они лишь должны избрать из своей среди комитет для контроля, самочинных действий не должны проявлять и что милиция вмешается тогда, если есть призывы к бунту. После настаивали на удалении милиции, затем добавили, что и земельный комитет они не признают. Утром 14 декабря я с командой в 23 человека совместно с участковым начальником милиции, подпоручиком Стаховым, явился в комитет и окончательно предъявил требование подчиниться моему законному распоряжению. Члены комитета заявили мне, что к 12 час. дня соберется вторично сход и мне о последующем решении будет к 5 часам сообщено. Я удалился. Прождав до 8 час., я никакого результата не получил; поэтому собрал приехавших военных милиционеров — 118 человек, двинул в село, где встретил в разных местах толпы враждебно настроенных; при появлении нашем начались раздаваться сигналы и в некоторых местах выстрелы по милиции.

Заняв позицию в рассыпном строю, я скомандовал в ответ на выстрелы дать залп в воздух. После залпа была открыта сильная со всех сторон стрельба по милиции, почему я в свою очередь скомандовал: стрелять по толпе учащенным огнем. Перестрелка велась энергично со всех сторон около 10 минут, а затем, когда начало прибывать к толпе вооруженное подкрепление, я скомандовал отступить. Некоторые, около 6 человек, милиционеры мне изменили, скрылись, список о которых представляю, а остальные держали себя стойко, в особенности мужество проявили Кравцов, Замотало, Андрушков, Луканчук и Пивоваров, которым прошу в поощрение выдать награду.

Пока со стороны толпы зарегистрирован один раненый, который нами подобран и доставлен в Винницу в госпиталь.

Начальник военной милиции Богута.

Предложение управляющего делами комиссии по охране порядка на Украине подольскому губернскому комиссару, 21 декабря 1917 г.[1]

Совет и правление Всероссийского профессионального союза служащих во всех отраслях сельского хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности письмом от 28 ноября, за № 6549, сообщает Генеральному секретариату внутренних дел, что в Комаровском имении Винницкого уезда крестьяне захватили имение с живым и мертвым инвентарем, в Ямпольском уезде земельные комитеты Антополя, Сов-

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 110, л. 15. Перевод с украинского.

чин, Теклевки и Крижополя взяли на учет весь запас хлеба и корма и не дают этих продуктов служащим и работникам, в имении Крестище Ольгопольского уезда селяне приступили к фактическому владению имением.

Сообщая вам о вышеуказанном, комиссия по охране порядка на Украине предлагает вам расследовать дело и принять решительные меры к посылке военных частей включительно к прекращению самочинства, действуя в этих делах в границах универсала Украинской рады. По выполнении вами сообщите комиссии.

Управляющий делами Комиссии по охране порядка на Украине (подпись).

Письмо проскуровского уездного комиссара подольскому губернскому комиссару, 30 декабря 1917 г.[1]

Ко мне продолжают поступать от имени разных лиц и учреждений, подчас через посредство нашего генерального секретариата, письменные заявления и телеграфные сообщения по поводу происходящих в Проскуровском уезде грабежей и беспорядков с просьбами принять меры к прекращению таковых.

К великому прискорбию все исчерпываемые меры, мною принимаемые, весьма паллиативны и безуспешны, что комментарии излишни, так как одна переписка с подведомственной милицией и всеми волостными и земельными комитетами, обращения за содействием к Проскуровскому военно-революционному комитету, рассаднику той же анархии, моральные воздействия и уговоры и т. п.— весьма непродуктивны тогда еще, когда преимущественно и чуть ли не всегда зачинщиками этих погромов и грабежей и главными руководителями грабящих селян являются войсковые части, для противодействия коим необходима значительная боевая и, главным образом, надежная сила, которой, к великому сожалению, в моем распоряжении нет.

Ввиду такого печального положения, связанного с все еще не прекращающейся анархией, было бы весьма желательно и даже крайне необходимо, чтоб г. губернский комиссар вошел с надлежащим представлением в Центральную раду о предоставлении в мое распоряжение надежной боевой силы, проникнутой чувствами любви и преданности к своей дорогой Украине и готовой всеми силами защищать и отстоять ее интересы, при наличности коей допускаю полную возможность, что порядок в уезде восстановится и все жалобы и ропоты на беспорядки прекратятся.

Проскуровский уездный комиссар Киселюк.

Донесение начальника Могилевской уездной милиции подольскому губернскому комиссару, 5 января 1918 г.[2]

Положение уезда тяжелое. Помещичьи имения, еще не разгромленные, считаются малыми единицами, но и им не избежать общей участи. Разрушительные инстинкты развиваются и ищут практического применения. Уже крестьяне начинают грабить друг друга, беднейшие нападают на более зажиточных, маскируясь при выступлениях в солдатские шинели. Грабят по дорогам «буржуев», евреев, крестьян и кого попало.

Опаснее всего, что в грабежах конкурируют с профессиональными грабителями простые рядовые селяне.

---

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 102, л. 180.
[2] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 98, л. 144—145.

Интеллигенция не только состоятельная, но и бедная: учителя, фельдшера и пр., те самые, которые просвещали и приводили к сознанию необразованные массы, часто получают отказы в просьбах продать съестных продуктов, и уже намечается стремление выживать интеллигенцию из сел и даже местечек (Шаргород).

Идет пропаганда за бойкот интеллигенции домашней прислугой: «Хай, паны сами работают!»

Некоторые исполнительные комитеты (Ярышев, Шаргород) выносят постановления о смене своими ставленниками чинов милиции, под разными неосновательными предлогами. Силы милиции являются равными одинокому суденышку на волнах разбушевавшегося океана.

Администрация не располагает никакой вооруженной силой. В виде слабого паллиатива применяем добровольную самооборону, вооружить которую удается лишь с невероятными трудностями, но и по отношению к ней проявляется у «граждан» стремление разоружить (Ярышев).

Драгуны, призванные охранять, тоже в одних случаях отказываются защищать общественное достояние, а в других случаях переходили на сторону самочинцев. Драгунские эскадроны постепенно исчезли из уезда.

Военная милиция оказалась в смысле помощи администрации несостоятельной, а теперь совсем распылилась (осталось около 10 человек).

«Вільне козацтво» из бумажного царства в реальную жизнь не перешло. А народ тем временем начинает уверять сам себя, что он сам для себя закон и движется по линии автономизирования, каждый в своей деревне. Хлеб у помещиков расхищен и рассасывается по отдельным клуням и самогонным заводам. Экономические лошади, инвентарь расхищен и большею частью распродан. Тем временем подходит весна, не все земли будут обсеменены и предстоящий год будет непременно голодным по сахару и в значительной степени по хлебу. Чтобы смягчить надвигающуюся беду, надо агитировать устно и письменно, но никто не делает почин.

Все скрепы лопнули, и все низшие преступные элементы получили свободу преступлений и размах произвола.

Дела по преступлениям кое-как проходят предварительную инстанцию, но застревают в дверях и зданиях судебных установлений, ибо суд в параличе. Он не осуществляет своих функций, и это создает фикцию безнаказанности. Преступность растет. Честные, отказывающиеся грабить помещичье добро, терроризируются инициаторами грабежей и либо присоединяются к грабителям, либо сами остаются ограбленными. Со всех сторон несутся требования и вопли о помощи. А какой реальной силой располагает уездная администрация? Пятьдесят пять милиционеров, шестнадцать помощников начальника милиции, восемь участковых начальников милиции — раскиданных по пространству всего уезда. Положение тяжелое, темный народ начинает болтать о «ерофеевской ночи» для панов. Власть, состоящая из элементов права и принуждения, утратила последние качества (силу принуждения), стала однобокой и бесполезной.

Стихию, анархию не прекратить без дисциплинированной вооруженной силы.

Начальник Могилевской уездной милиции (подпись).

Из телеграммы председателя Ольгопольской уездной управы начальнику снабжения Юго-западного фронта, 10 января 1918 г.[1]

Вследствие неправильного толкования универсала Украинской рады от 8 ноября 1917 г. разгром имений распространяется все более и бо-

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 101, л. 160.

лее. Агитаторы-большевики бунтуют крестьян и организуют погромы экономий... Крестьяне окрестных сел с толпами солдат, уходящих с фронта, расхищают не только зерно, фураж, но также мертвый и живой инвентарь, лошадей, скот, повозки и грабят казенные деньги у заведующих пунктов. Южная часть уезда в положении безнадежном, земельные комитеты воспрещают покупку скота в разграбленных имениях, крестьяне причитающееся с них [количество] скота не поставляют. Пока разгромлены следующие пункты: Грушка, Каменка, Хрустовая, Боданы, Ольшанка, Дмитрашковка, Кукулы, Терновка, Гоноровка, Чечельник, Лесниче, Тростянчик...

Председатель Ольгопольской уездной управы (подпись).

Доклад подольского губернского комиссара генеральному секретариату внутренних дел, 12 января 1918 г.[1]

Настали действительно черные дни. Ново-Ушицкий уезд, который и всегда тянул серенькую жизнь за отсутствием просто порядочных людей, не говоря уже об их политической осведомленности, сейчас, во время «мору, гладу, меча, нашествия иноплеменников и междуусобной брани», представляет страшную полосу анархии и волнения. Прифронтовой полосой уезда завладели отряды хищных разбойников, они беспрерывно, безбоязненно «почем зря» разрушают страну «слез и печалей». Сейчас получил маленькую депешу. Вот она: «Везде разруха. Остатки имений грабят, возглавляют комитеты сами. В Сиворогах комитет сельский выдает удостоверения селянам на грабеж; в Калюси волостной исполнительный и земельный комитеты, по жалобам владельцев, производят обыски у крестьян, грабивших имущество: вещи продавали, а деньги брали себе. Уездная управа сидит без денег, милиции за декабрь не уплочено, хотят уйти; в милиции нет порядку, не слушают, бросают работу. Что-то в уезде трудно, потому что нет никакой силы, на которую можно было опереться. Телефоны не действуют, потому что их не исправляют; почта бастует, потому что ей не выдают денег; полный беспорядок; суд не судит, так как селяне не хотят суда и выгоняют судей, осужденных не карают, потому что нет милиции, чтобы приводить в исполнение решения суда. Чтобы привести к порядку, нужно дать силу администрации и права. Уездный комиссар Вильчевский».

На коленях умоляю высокое генеральное секретарство смилосердиться над невинным, несчастным, бедным людом и, не ожидая ни одного дня, притти мне, несущему вместе с другими мучениками «за щирую ідею», на помощь в такой форме:

1. Первым поездом или другим путем отправить в Новую-Ушицу курень «Вільних козаків», которые бы без политической болтовни, силою оружия показали, что твердая государственная власть на Украине существует. «Вольные казаки» обязаны с первого же дня переловить, договорившись с милицией, грабителей, воров, благонамеренных дураков-анархистов, применить решительные меры, чтоб «мародеры» от селянства и другие «граждане» немедленно платили подати. Всякие самочинства прекращали бы, не останавливаясь перед арестами даже большинств сельских «легальных» злодеев комитетчиков.

2. Одновременно направить в Н.-Ушицу инструкторов по организации «Вольного казачества», дать им известные денежные авансы и оружие.

3. В ближайшее время необходимо выдать солидную денежную помощь (обыкновенный заем) ново-ушицкой уездной управе; но поскольку

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 99, лл. 239—240. Перевод с украинского

ко сумма потребного кредита неизвестна, то перевести кредит на новоушицкое казначейство тысяч 25 — на мое имя (сообщив мне об этом по телеграфу), после чего я вызову в Каменец на совещание кого следует и выдам им, сколько нужно.

4. Приказать судьям самоотверженно работать. Не дело сидеть на «печи»; работайте в тяжелое время.

5. Земельный уездный комитет нужно обеспечить деньгами, так как без них ничего не сделаешь на грешной земле.

6. Наконец, необходимо сейчас же командировать на место помощника ново-ушицкого уездного комиссара какого-нибудь надежного и солидного человека с таким расчетом, чтобы через несколько дней утвердить его в должности «самого комиссара», так как г-н Вильчевский, хотя и много и усердно работает, но не пользуется (как землевладелец и поляк) нужным авторитетом.

Все вышеуказанное распространяется в полной мере еще на Каменецкий и Могилевский уезды. О Проскуровском молчу, там, извините, господствуют «народные» комиссары.

Как благодати, жду ответа, который меня повысит и воскресит, так как тяжело-тяжело на душе, уже руки опускаются и млеешь весь. Рятуйте! Телеграфируйте!

Подольский губернский комиссар Степура.

Донесение начальника Ямпольской уездной милиции подольскому губернскому комиссару, 6 марта 1918 г.[1]

3 сего марта в с. Игнатовке между прибывшими туда из г. Ямполя партизанами георгиевского партизанского отряда и жителями с. Игнатовки и окружных сел произошло вооруженное столкновение, во время которого убито 73 партизана и 10 крестьян и ранено 7 крестьян. Оставшиеся в г. Ямполе партизаны 12 человек во главе с атаманом Милобельским... 4 сего марта арестованы и заключены в тюрьму.

Начальник Ямпольской уездной милиции (подпись).

II

Телеграмма поверенного Бабинского т-ва киевскому губернскому комиссару, 8 мая 1917 г.[2]

В имениях Стржижакове, Синарне Липовецкого уезда Киевской губернии крестьяне запахали и засеяли зерном земли, предназначенные под посев свеклы Бабинского завода, площадь посевов будет значительно уменьшена, местные власти бессильны. Покорнейше прошу сделать распоряжение о восстановлении прав и устранении захватов.

Поверенный Бабинского т-ва присяжный поверенный Пратковский.

Отношение митрополита киевского чигиринскому уездному комиссару, 29 июня 1917 г.[3]

Священник села Болтышки Чигиринского уезда Александр Татаров телеграммой донес, что 21 июля местный комитет выбросил его вещи из церковного дома, дав срок прожить в с. Болтышке до 1 июля, конфисковал урожай хлебов, сена и собственные его, Татарова, постройки и под конвоем ночью он был приведен к благочинному. Сообщая

[1] ЦГИА УССР, ф. 535, д. № 104, л. 216.
[2] Киевский областной государственный архив (КОГА), ф. 52, д. № 58, л. 146.
[3] КОГА, ф. 52, д. 55, л. 112.

о сем, покорнейше прошу ваше превосходительство принять зависящие от вас меры против самоуправства комитета с. Болтышки с уведомлением о последующем.

Призываю на вас благословение божие, с истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугой.

Владимир, митрополит киевский.

Телеграмма из губернской продовольственной управы киевскому губернскому комиссару, 24 июля 1917 г.[1]

Губпродком препровождает на ваше распоряжение телеграмму Ярошинского следующего содержания: «Помимо моих письменных заявлений липовецкому уездному комиссару о самовольном захвате крестьянами снопом уборки урожая... Комиссар никаких мер не принимает. Крестьяне заявили выехавшему на место начальнику уездной милиции, что не признают обязательных постановлений ген. Корнилова и ссылаются только на напечатанные воззвания, подписанные уездным комиссаром, считая таковые обязательными.

Уездный начальник милиции заявил мне, что его поездки безрезультатны, пока комиссар не отменит своих постановлений. Крестьяне начали самовольно убирать горох за третий сноп и угрожают самовольно вывозить из полей пшеницу. Прошу содействия. Владислав Ярошинский».

Губпродуправ Колиберский.

Из телеграммы липовецкого уездного комиссара киевскому губернскому комиссару, 5 августа 1917 г.[2]

Значительная часть озимого хлеба остается в поле. Часть погибла. Остальной портится. Получается много телеграмм владельцев. При проверке оказываются вымышленными, иногда прямо провокационными. По циркуляру министра продовольствия, никакого участия разделе урожая не принимаю. Упорство владельцев и дожди могут вызвать самовольный раздел снопом. Пока удается сдерживать население.

Липовецкий уездный комиссар В. М. Григорович.

Заявление землевладельца Э. А. Рогозинского киевскому губернскому комиссару, 7 августа 1917 г.[3]

Представляю при сем полученную мною от моего управляющего из имения моего при дер. Острожанах, Липовецкого уезда, срочную телеграмму, из которой видно, что местные крестьяне:

1. Не признают законов Временного правительства о признании хлеба государственной собственностью и передаче такового в распоряжение государства.
2. Не признают обязательного постановления главнокомандующего армиями Юго-западного фронта от 8 июля сего года.
3. Принуждают платить за уборку урожая натурою в хлебе.
4. Грозят убить моего управляющего, если он не рассчитается с ними за уборку хлеба натурою в хлебе, и грозят насильственно захватить собранный хлеб в свою пользу.
5. Грозят насильственно захватить землю под озимый посев и таковой посев произвести для себя.

---

[1] КОГА, ф. 52, д. № 58, л. 152—153.
[2] КОГА, ф. 52, д. № 58, л. 253.
[3] КОГА, ф. 52, д. № 58, л. 89.

6. Что во всех этих требованиях, угрозах и действиях крестьяне действуют скопом. Довожу до сведения вашего, что во всех моих имениях крестьяне в моих прудах, где ведется мною правильное и ценное рыбное хозяйство, беспрерывно ловят рыбу и уничтожают рыбное хозяйство.

Имею честь просить вас принять решительные меры для предотвращения исполнения всех этих намерений, насильственных действий и угроз крестьян и для прекращения истребления рыбного хозяйства, а виновных привлечь к уголовной ответственности по законам.

Одновременно с сим мною подается аналогичное заявление в Киевский губернский продовольственный комитет.

Землевладелец Эрнест Антонович Рогозинский.

Из ведомости о происшествиях по Чигиринскому уезду за 2 половину сентября 1917 г.[1]

Забастовки: 21 сентября в с. Тимошевки в имении Костылевского, арендуемого Л. А. Давыдовым под влиянием большевистских резолюций киевских и петроградских советов солдатских и рабочих депутатов, совершенно прекращены полевые работы, и местное население отказывается работать, предъявляя требование о повышении цен...

Уездный комиссар (подпись).

Из доклада бердичевского уездного комиссара киевскому губернскому комиссару, 16 октября 1917 г.[2]

В виду циркуляра от 30 сентября 1917 г., за № 1824, честь имею донести следующее:

В области партийной и общественной жизни Бердичевского уезда выдающихся или особо заслуживающих внимания явлений в настоящее время не наблюдается. Что же касается стремлений и резолюций, выносимых теми или другими организациями, а равно и внутренней жизни различных общественных и политических групп, то более обстоятельный доклад будет сделан мною по получении соответствующего материала. Эксцессов на почве отсутствия продовольствия пока нет. Было около трех случаев разгрома крестьянами еврейских лавок в разное время в виду высоких цен на товары, однако беспорядки ликвидировались быстро, не приняв широких размеров. Как постоянное явление наблюдается недопущение селянами вывоза предметов продовольствия из одного села в другое, из одной экономии в другую. Задерживание обычно мотивируется тем, что в данном селе может нехватить продуктов для собственного потребления, или тем, что помещичье имущество составляет часть общественного достояния данного села, которое только и имеет на него право. Запрещение вывоза продолжается, несмотря на борьбу с этим явлением продовольственных органов и администрации. Обычны также явления недопущения на работу в заводах, экономиях и пр. жителей соседних сел.

С наступлением осени участились случаи расхищения соломы в экономиях; за последнюю неделю было четыре жалобы (многие случаи остаются неизвестными, когда владельцы сами ликвидируют инциденты).

В одной из экономий Терещенко увезено, по заявлению управляющего, около 10.000 пудов соломы, предназначенной для армии, при

[1] КОГА, ф. 52, д. № 17, л. 7.
[2] КОГА, ф. 52, д. № 17, л. 25.

совершенно исключительных обстоятельствах, а именно: крестьяне совершили свой поступок вполне обдуманно, в сознании своей правоты, на том основании, что народу теперь принадлежит все, сначала разберут солому, потом инвентарь, землю и пр., т. е. выполнили задуманное ими дело планомерно без обычных эксцессов и недоразумений. Явление это, несомненно, результат большевистской пропаганды, заносимой в деревню исключительно солдатами. Военная масса вообще пропитана большевистскими тенденциями.

Стремление к захвату земель обнаруживалось сравнительно редко: земельные комитеты, иногда и сами владельцы предупреждали их тем, что отдавали часть помещичьей земли в аренду. В двух случаях были захваты, санкционированные земельным комитетом на арендном праве: комитету пришлось считаться с фактом. Вообще, желание забрать помещичьи земли в аренду, выселять арендаторов, где они имеются, велико и повсеместно. Хроническое явление — запрещение рубки и вывоза леса. Причина та, что крестьяне смотрят на лес, как на свою будущую собственность. Земельный комитет распространил среди сельского населения постановления, что рубка и вывоз дров разрешается только для нужд обороны, чем оказал мало услуг в борьбе с упомянутым явлением. Приходится доказывать, что потребность в дровах для населения также относится к обороне.

В октябре в селе Полчинцах в квартиру управляющего имением брошена бомба через окно. Разрывом попорчена комната и имущество; из людей случайно никто не пострадал, производится следствие...

Выборы в Учредительное собрание в самом плачевном состоянии. Почти ничего не сделано. Комиссия топчется на месте. Нет людей и средств. Списки не составлялись. Приступили и то не повсеместно к исправлению и пополнению старых, т. е. земских списков. Председатель уездной комиссии по выборам в Учредительное собрание уехал в Киев в связи с выборной кампанией.

Бердичевский уездный комиссар (подпись).

Из доклада черкасского уездного комиссара киевскому губернскому комиссару.

...В связи с корниловскими событиями в уезде широко распространился слух об усиленном подвозе в имения крупных землевладельцев огнестрельного оружия. Для успокоения общественного мнения и предупреждения самочинных обысков разрешено было милиции в особо подозрительных случаях производить обыск. Путем обысков в Мошногородищенском имении Калашевой, Сердюковском бр. Иентч и других обнаружено главным образом запасы охотничьих ружей, винтовок... во дворце Балашева обнаружено до 200 ведер спирта...

Черкасский уездный комиссар Мельниченко.

Заявление киевского уездного комиссара киевскому губернскому комиссару, 19 октября 1917 г.[2]

В ответ на ваши №№ 2243, 2244 о принятии самых решительных мер против захватов и самовольств крестьянами в лесах, имениях, парках и пр., имею честь сообщить, что на неоднократные мои ходатайства о присылке вооруженных сил для водворения порядка я не получал

[1] КОГА, ф. 52, д. № 17, л. 23.
[2] КОГА, ф. 52, д. № 25, л. 156.

удовлетворения своих просьб, принятие же мер в последнее время может иметь действительное значение при подкреплении их вооруженной силой.

Однако общее настроение народных масс позволяет думать, что и применение вооруженной силы теперь уже будет безрезультатно.

Народные массы разочаровались в доброжелательности правительства и руководящих кругов к их нуждам и интересам, устали ждать и намерены осуществлять свои права самочинно, почему и покатилась широкая волна захватов, что окончательно лишило представителей власти всякой опоры и доверия масс.

По моему глубокому убеждению, организовать морально народные массы вокруг руководящих кругов можно только путем немедленной передачи земель и лесов в заведывание земельных комитетов, что даст народу доказательство, что защита народных интересов находится в надежных руках. Кто произведет это действие,— тому народ отдаст все свое доверие и покорность. Тогда представители власти смогут принимать решительные меры и проводить волю правительства в жизнь.

Благоволите довести об этом до сведения Генерального секретаря внутренних дел.

Киевский уездный комиссар (подпись).

Из телеграммы уманского союза землевладельцев киевскому губернскому комиссару, 20 октября 1917 г.[1]

15 октября Багвянский волостной земельный комитет под председательством почтового чиновника Ковалевского постановил отобрать частновладельческий инвентарь и, согласно постановлениям уманского уездного земельного комитета от 16 июля, а также киевского губернского земельного комитета от 14 и 15 сентября, не вспаханные до 1 октября отобрать частновладельческие земли и продать малоземельным крестьянам. Постановление это было немедленно отменено уездным земельным комитетом, и о том волостной земельный комитет поставлен в известность. Несмотря однако на это, он немедленно привел свое отмененное постановление в части отобрания земли в исполнение: во всей Багвянской волости крестьяне — и то не безземельные, а преимущественно состоятельные и подстрекаемые, а даже принуждаемые — самовольно заняли частновладельческие земли и, хотя до сих пор даже крестьянские поля не окончены пахотою на зябь, тем не менее захваченные земли запаханы. И в дальнейшем продолжаются захваты и вспашки, а к плугам частновладельческим не допускают ни местных, ни пришлых рабочих...

Усматривая в действиях Багвянского волостного земельного комитета все признаки преступления — превышение и злоупотребление властью, а в действиях крестьян, действовавших скопом и захвативших чужие земли, признаки преступления... и обращая внимание ваше на то, что если указанные беззакония не пресечь немедленно, то... это приведет ко всем тем бездействиям и разорениям, которым подверглись большая часть Подольской губернии и другие районы юго-западного края, житницы России,— уманский союз землевладельцев покорнейше просит прекратить отбирать земли и обратно передать владельцам...

Уманский союз землевладельцев.

[1] КОГА, ф. 52, д. № 31, л. 8.

Из доклада липовецкого уездного комиссара киевскому губернскому комиссару, 6 ноября 1917 г.[1]

Сообщаю: захваты соломы, дров и другие аналогичные нарушения порядка принимают массовый характер; не только для предупреждения захватов, но даже для восстановления прежнего положения и прекращения беспорядков во время учинения их нет достаточных сил. В уезде есть около 80 донских казаков, распределенных в четырех наиболее опасных пунктах. В случае нужды высылаются казачьи разъезды. Но это отнюдь не дает возможность действовать, хотя бы сколько-нибудь планомерно. Милиция недостаточна и личный состав ее неудовлетворителен. Уездная земская управа не принимает решительно никаких мер к лучшей постановке милиции; вследствие этого встречаются крайние затруднения даже в таком сравнительно простом деле, как выяснение главных виновников для предания их суду. Захваты являются почти исключительно следствием агитации разного рода военных депутатов, которые являются в уезд на самое короткое время и исчезают неизвестно куда.

Волостные управы, по моим поручениям, делают все, что в их силах. Выясняется крайняя необходимость немедленного принятия мер общего характера. Агитации депутатов и возвратившихся с фронта солдат подавить нет возможности особенно при настоящих условиях...

Липовецкий уездный комиссар В. Григорович.

Из доклада бердичевского уездного комиссара киевскому губернскому комиссару, 14 ноября 1917 г.[2]

О состоянии уезда 13 ноября сего года честь имею донести следующее: в уезде имеются два совета солдатских и рабочих депутатов, а именно: в самом г. Бердичеве и в м. Казатине. Судя по принятым ими за последнее время резолюциям, оба названные советы настроены не большевистски. Однако настроением Советов не характеризуется еще полностью настроение военных частей, так как в Бердичеве некоторые войсковые части требуют переизбрания совета, явно сочувствуя большевистскому движению. Что касается рабочих масс, то хотя в них преобладает меньшевистское течение, но за последнее время сдвиг в сторону большевизма также проявляется в большей степени нежели раньше. Попыток к активным наступлениям пока не было. Вообще, с политической точки зрения жизнь в городе протекает более или менее нормально. С точки же зрения безопасности граждан положение ухудшилось...

Переходя к жизни уезда, прежде всего следует отметить, что движение вокруг земельного вопроса наростает с невероятной быстротой и дошло в некоторых местах до крайнего своего предела, а именно: селяне, рассматривая себя, как хозяев всей земли, захватили в свои руки экономии с живым и мертвым инвентарем, производят опись имущества, ставят своих доверенных, запирают помещения и устраняют администрацию от распоряжений. Рубка лесов в большинстве случаев берется в распоряжение сельского общества и устанавливается своя такса. Борьба с означенными явлениями, с трудом возможная до сих пор, стала невозможной в настоящее время, так как крестьяне смотрят на свои действия, как на вполне закономерные акты, считая, что всякая собственность на помещичью землю отменена и все передано народу.

---

[1] КОГА, ф. 52, д. № 60, л. 26—27.
[2] КОГА, ф. 52, д. № 32, лл. 112—113.

В уезде уже функционируют все 17 волостных земств. Одновременно с ними существуют еще волостные продовольственные управы, каковое явление надо признать нецелесообразным, и необходим был бы более скорый переход продовольственных органов в ведение земства. Между прочим, ряд волостных земских собраний вынесли постановление о переходе продовольственного дела в их руки; правил же, регулирующих этот переход, не имеется. На это ненормальное явление, по моему мнению, следует обратить внимание губернского продовольственного комитета, дабы предотвратить бессистемную и дезорганизованную ликвидацию волостных продовольственных управ. Новое уездное земство еще не функционирует. 19 ноября сего года созывается 1-е уездное земское собрание.

Уездный комиссар (подпись).

Из донесения липовецкого уездного комиссара киевскому губернскому комиссару, 12 декабря 1917 г.[1]

Доношу о положении дел в уезде за истекший ноябрь месяц.

В последнее время на съезде представителей Вольного казачества уезда решено было раскассировать всю милицию и принять выполнение ее функций на себя. Казачество решительно настаивает на этом, мотивируя свое требование следующим положением вещей:

1. Малочисленность милиции заставляет ее сплошь и рядом при устранении беспорядков прибегать к содействию Вольного казачества.
2. Что Вольное казачество, исполняя поручения милиции, не получает за то никакого вознаграждения, и
3. Что Вольное казачество пользуется большой популярностью в массе населения.

Предотвратить такой поворот дела нет возможности, и есть уверенность, что попытки к этому грозят серьезными осложнениями со стороны организовавшегося казачества, а потому я, в целях установления однородности власти, не препятствую этому и стараюсь направить деятельность казачества на путь законности.

Между прочим, на последнем совещании моем с полковником и атаманами казачества, а также остальной администрацией уезда были вынесены следующие резолюции:

1. Обыски производить только по ордерам высшей административной власти уезда.
2. За охрану лесов требовать от продовольственной управы за вывозимые ею дрова по 3 коп. с пуда — вознаграждения казачеству; в случаях разграбления имущества, если таковое будет от виновных отобрано казаками и возвращено потерпевшему, земельная управа удерживает с последнего вознаграждение казачеству в размере 5% стоимости возвращенного...

Мною также принимаются решительные меры к прекращению возникающих аграрных беспорядков, при чем в этом немалую роль играют земельные управы, которые принимают в свое ведение все помещичьи владения, стараясь с пользой их теперь же утилизировать для общей пользы. Это до некоторой степени удовлетворяет крестьян и предупреждает от попыток к захватам и разгромам экономий. Однако чувствуется потребность как можно скорейшего разрешения земельного вопроса в законодательном порядке и в окончательной форме.

В дер. Каменогорке крестьянами было разграблено имение местного помещика. Оказать своевременно препятствий самоуправству не представилось возможным, но благодаря принятым мерам, большая часть

[1] КОГА, ф. 52, д. № 58, лл. 195—196.

разграбленного имущества уже отобрана и возвращена потерпевшему, а остальное имущество сносится самими виновниками. В общем попытки к захватам экономий в большинстве случаев предупреждаются Вольным казачеством, но в селах, где еще казачество не организовано, случаи самоуправства возможны и впредь, но агитация за организацию Вольного казачества ведется, и рост его быстро увеличивается. При чем мною обращено главное внимание на установление ответственности казачества за незаконные действия, а также к тому, чтобы оно, не ограничиваясь милицейскими обязанностями, вело агитацию среди населения в сторону порядка, разъясняя мероприятия правительства.

Леса в уезде за истекший ноябрь подверглись значительной самовольной порубке, но при помощи того же Вольного казачества удается налаживать охрану лесов.

Надеюсь, в скором времени порядок в уезде установится полный, если мне удастся поставить казачество на должную высоту.

Вр. и. об. уездного комиссара (подпись).

Недельные сведения о событиях и политической жизни в Чигиринском уезде с 17 по 23 декабря 1917 г.[1]

Работаю я в полном контакте с милицией, кроме совета рабочих и солдатских депутатов, ведущих большевистскую программу.

Ведется усиленная большевистская агитация среди местного совета рабочих и солдатских депутатов. В экономиях почти везде захваты движимого имущества и порубки и вывоз казенного и частновладельческого леса.

В уезде ширится большевистское движение, вливаемое в деревню прибывающими туда из неукраинских воинских частей солдатами, для коих требуется широкая [агитация] с целью ознакомить их с задачами Украинской республики и ее «Установчими Зборами»[2].

Донесение Стайковской волостной управы в Киевскую уездную земскую управу, 26 февраля 1918 г.[3]

[Представляя] настоящее донесение Стайковской сельской управы, волостная народная управа представляет в уездную управу, что действительно большевизм внес не только в с. Стайки, но и в другие села волости — Ветачев и Стретовку полную разруху анархии; местные большевики везде строго приказали не слушаться вообще всех властей, не вносить еще прошлогодние сборы: государственные, уездные, волостные, вследствие чего волостная управа и училища функционировать больше не могут. Донося о всем изложенном, Стайковская волостная управа просит киевскую уездную управу, не медля ни одного часа, найти выход из такого положения волости и не допустить полного развала в селах.

Стайковская народная волостная управа
Председатель управы (подпись).

---

[1] КОГА, ф. 52, д. № 55, лл. 177—178.
[2] Учредительное собрание.
[3] КОГА, ф. 61, д. № 183, л. 54.

У великой могилы

(Революционные настроения среди украинского крестьянства в связи со смертью Т. Г. Шевченко)

10 марта (26 февраля) 1861 года на 47 году жизни перестало биться пламенное сердце великого украинского поэта, революционера-демократа Тараса Григорьевича Шевченко.

Замученный тюрьмами, тяжелой солдатчиною, постоянными полицейскими преследованиями, Т. Г. Шевченко разделил судьбу многих передовых людей той эпохи, став одною из жертв царского самодержавия.

В первых числах мая 1861 года друзья поэта, выполняя его «Заповит», перевезли тело Шевченка на родную Украину. 10 мая близ Канева на Чернечьей горе, у самого Днепра, украинский народ хоронил своего любимого Кобзаря.

Беспрерывным потоком стекались сюда со всех сторон крестьянские массы, чтобы отдать поэту свой последний долг. Многие приходили издалека, прослышав, что «батько Тарас» похоронен на днепровских кручах. Эта демонстрация народной любви к поэту-революционеру вызвала серьезную тревогу у местных помещиков и царских слуг.

Похороны Шевченка происходили в обстановке, когда первые известия о грабительской реформе 1861 г. привели к крушению надежд миллионных масс крестьянства получить волю и землю.

Командированный в Киевскую губернию для «содействия губернскому начальству» флигель-адъютант князь Лобанов-Ростовский доносил, что крестьяне ожидали «окончательного освобождения от крепостной зависимости и безвозмездного дарования им находящихся в их пользовании угодий» [1].

Обманутое крестьянство отвечало на реформу восстаниями, отказом выполнять повинности, нежеланием вступать в какие-либо соглашения с помещиками.

С такими чувствами и настроениями крестьяне шли к могиле Т. Г. Шевченка. Здесь, собираясь вместе, они слушали замечательные поэмы Шевченка, в которых так ярко были выражены сокровенные чаяния и революционные стремления закрепощенного крестьянства. Вспоминали они все, о чем писал и чему учил «батько Тарас». Разочарование и обманутые долгожданною реформою надежды сменялись убеждением, что без уничтожения помещиков крестьяне воли не получат.

Революционный призыв Шевченка к топору падал на подготовленную почву.

...Добра не жди,
Не жди сподіваної волі —
Вона заснула: цар Микола
Ее приспав. А щоб забудить
Хиренну волю, треба миром,
Громадою обух сталить.
Та добре вигострить сокиру —
Та й заходиться, вже будить.

(Шевченко, «Я не нездужаю, 1858 г.)

[1] «Великая реформа», т. 5, стр. 189.

Каневский предводитель дворянства писал: «Крестьяне, которые и без того ожидают безвозмездной отдачи им мирских земель... теперь тем более упрочивают себя в этом мнении, а потому не желают приступать ни к каким с помещиками добровольным соглашениям, не желают переходить ни на оброк с исдельной повинности, ни приобретать земли в собственность, ожидая чего-то другого в будущем».

В представлении правящих кругов дворянства и помещиков, движение крестьян к могиле Шевченка вырастало в призрак «правильно организующегося заговора против их жизни». Они были убеждены, что могила Т. Шевченка является «как бы знаменем соединения людям, порождающим ненависть народа к здешнему дворянству». Они жили под страхом, что вот-вот произойдет восстание и повторятся времена гайдаматчины.

Эту уверенность в существовании «заговора» не могли поколебать отрицательные результаты полицейских и жандармских розысков. Такие результаты они объяснили не отсутствием заговора, а тем, что «народ здешний умеет упрямо сохранять всякую такого рода тайну»...

Обо всем этом рассказывают публикуемые ниже документы. Эти документы, с одной стороны, лишний раз характеризуют огромное революционное значение Т. Г. Шевченка, и с другой,— показывают, насколько велик был страх помещиков перед возможностью крестьянского восстания в дни, непосредственно следовавшие за обнародованием Положения 19 февраля 1861 года.

А. Юрченко, А. Гринберг.

Распоряжение киевского губернатора начальнику Каневской уездной полиции, 8 мая 1861 г.[1]

Сегодня повезут на пароходе в Канев тело умершего академика Шевченко, где и предполагают предать его земле.

Так как при погребении, по всей вероятности, будет большое стечение народа, то я предписываю вашему высокоблагородию принять надлежащие меры к сохранению порядка и о последующем мне донести.

Генерал-лейтенант Гессе.

Отношение киевского военного подольского и волынского генерал-губернатора киевскому гражданскому губернатору, 16 мая 1861 г.[2]

Вашему превосходительству известно из донесения начальника Каневской уездной полиции и чиновника особых при вас поручений Скрипцова от 12 сего мая, по делу о дворянине Борисе Познанском[3], что при погребении 10 числа сего месяца в г. Каневе тела академика Тараса Шевченко студенты Киевского университета говорили речи, в которых ясно высказывалась будто надежда на будущую свободу Малороссии.

---

[1] Киевский Облгосархив, ф. киевского губернатора, 1861 г., ст. 1-й, д. № 198, л. 1.

[2] Там же, л. 2.

[3] Познанский Борис Степанович (умер в 1906 г.) — один из деятелей либерального украинского движения. Упоминаемое в документе «дело о дворянине Борисе Познанском» заключалось в том, что Познанский, якобы, возбуждал крестьян против помещиков. Сам Познанский позднее в своих воспоминаниях отрицал это: «...Дело прошлое — но ничего противозаконного я не втолковывал крестьянам, а всегда держался легальной точки зрения» (Б. С. Познанский, Воспоминания, изд. «Украинской жизни», М., 1913, стр. 53). Арест Познанского продолжался всего две недели.

Покорнейше прошу ваше превосходительство немедленно требовать от начальника Каневской уездной полиции донесения, кто именно из студентов говорил при погребении Шевченко речи и в чем они заключались. Прикажите ему употребить все старания достать эти речи, если они существуют, в рукописи, в противном же случае пусть он подробно укажет, в чем речи эти заключались и кто может подтвердить достоверность того, что в них говорилось о будущем освобождении Малороссии.

Генерал-губернатор князь Васильчиков.

Рапорт начальника Каневской уездной полиции киевскому гражданскому губернатору, 15 июля 1861 г.[1]

Во исполнение предписаний вашего превосходительства от 19 и 23 минувшего мая, имею честь почтительнейше донести, что при всем старании моем ни во время погребения академика Тараса Шевченка, ни теперь я не мог приобрести речей, говоренных студентами университета св. Владимира на гробе его. Смысл этих речей был следующий: «что правый берег реки Днепра принял в свои недра человека, которого думы глубоко запечатлены в сердце каждого малоросса,, что теперь пусть плачут: Канев, Черкассы и Чигирин — свидетели погребения Кобзаря Малороссии, но настанет время, когда явится достойный человек и осуществит мысли сего великого мужа, тогда оба берега реки Днепра соединятся и над могилою сего великого мужа воздвигнется памятник, который будет свидетельствовать о славе его».

Смысл этих речей могут подтвердить чиновник особых поручений вашего превосходительства Скрипцов, помощник мой, полковник Булах, судебный следователь I участка Каневского уезда, Хантинский и другие лица, которые находились во время шествования похоронной процессии и погребения Шевченка.

Начальник уездной полиции (подпись).

Рапорт полковника князя Лобанова-Ростовского киевскому генерал-губернатору, 15 июля 1861 г.[2]

Долгом считаю донести вашему сиятельству, что вчера вечером, довольно поздно, помещик Павел Петрович Лопухин получил от соседнего помещика Парчевского письмо, копию которого имею честь при сем приложить. Письмо это было мне сообщено, и я сегодня до рассвета сам поспешил отправиться в Межиричи к господину Парчевскому, чтобы мне от него подробнее узнать сведения, которые он мог иметь, и об источниках оных.

Сведения эти оказываются, конечно, не довольно точными, но, по крайней мере, он называет несколько лиц, на которых показывают разные подозрения, и других, от которых, по предположению его, узнать многое можно, как например, один из его экономов, как сие видно из копии прилагаемой при сем его записи.

Флигель-адъютант князь Лобанов-Ростовский.

---

[1] Киевский Облгосархив, ф. киевского губернатора 1861 г., ст. 1-й, д. № 198, л. 9—10.

[2] Киевский Облгосархив, ф. киевского губернатора, секретная часть, 1861 г., ст. 1-й, д. № 136, л. 1.

Письмо помещика Парчевского помещику кн. П. П. Лопухину, 12 июля 1861 г.[1]

Г. Канев есть центр заговора против помещиков, а Корсунь подручное место. Есть очень деятельные агенты между последователями Шевченки. Мы на волкане[2], неведение или беспечность полиции удивительны.

Я поставляю себе в священную обязанность предупредить об этом вашу светлость и прошу поручить г. Змеевскому приехать сюда разузнать о деле. Данные, которые я имею, не вымышлены, и каждому позволено защищать, кто знает, быть может, свою жизнь, а время не терпит.

Я бы просил письмо это сжечь.

Записка помещика Парчевского кн. Лобанову-Ростовскому, 15 июля 1861 г.[3]

В предместьи Канева есть один артист. Некоторые называют его Грицем, другие говорят, что Гриц есть старый, воскресший после 16 лет смерти, крестьянин, который главное пребывание имеет на могиле Шевченки и ходит по окрестным селениям.

Эконом Буркат знает об этом деле. Место свидания этих личностей — могила Шевченки и Канев. Соцкий из с. Пекари везде сопровождает Гриця. Кулиш[4] прибыл из Петербурга в Канев и оттуда отправляется в Корсунь 15 июля.

Рапорт каневского уездного стряпчего киевскому губернатору, 15 июля 1861 г.[5]

С прибытием в Канев тела покойного малороссийского поэта Шевченка, прибыли сюда несколько лиц, как можно полагать, приверженцев малороссийской национальности, но после погребения они, пробыв некоторое время в Каневе, уехали отсюда, один же из них — Григорий Честаховский[6] до сих пор остается в Каневе. Образом жизни своей и поступками Честаховский обращает на себя внимание, как человек подозрительный: сначала он казался странным своим малороссийским костюмом, но когда и действия его стали казаться странными и предосудительными, он, известный здесь в простом народе под именем Грицька, обратил на себя особое внимание.

Следя за толками и слухами, которые о нем ходят, я узнал, что он в постоянных беседах с простолюдинами, происходящими большею

---

[1] Киевский Облгосархив, ф. киевского губернатора, 1861 г., ст. 1-й, д. № 198, л. 19—20.

[2] Так в оригинале.

[3] Киевский Облгосархив, ф. киевского губернатора, 1861 г., ст. 1-й, д. № 198, лл. 19—20.

[4] Кулиш, Пантелеймон Александрович (1819—1897),— известный украинский писатель, публицист, историк, этнограф и критик. Был арестован по делу Кирилло-Мефодиевского братства, в котором принадлежал к сторонникам умеренной тактики. Кулиш высоко ценил поэтический талант Шевченко, но не разделял его взглядов революционера-демократа и враждебно относился к революционному содержанию творчества Шевченко.

[5] Киевский Облгосархив, ф. киевского губернатора, ст. 1-й, д. № 198, лл. 31—32.

[6] Честаховский Григорий — художник, знакомый Т. Г. Шевченко по Петербургу, деятель либерального украинского движения. Только испугом и опасением перед крестьянским восстанием можно объяснить, что царские сатрапы и помещики принимали Честаховского за революционного пропагандиста и организатора заговора.

частию на могиле Шевченко, старается внушить им идею малороссийской независимости, свободы, разсевает между народом слухи, будто Тарас Шевченко не умер, но живет и, проникнутый мыслью малороссийской пропаганды, не перестает думать о дорогой ему Малороссии и современем даст знак к действиям, что в так называемой могиле Шевченко находятся ножи. Честаховский старается поселить в своих слушателях ту мысль, что они до тех пор не могут воспользоваться совершенной свободой, пока не перережут ляхов — своих панов, которые всегда были и будут их врагами; что даже попам не нужно верить потому, что здесь все подкуплены и все действуют за одно во вред простому народу. Честаховский старается как можно больше распространить в обращении сочинения Шевченко и продает маленькие экземпляры их по 3 коп. сер. Книжечки эти, склад которых, как говорят, у купца Карпова, заключают в себе выдержки из поэмы «Гайдамаки», и, в особенности, те главы, где всего более говорится о кровопролитиях, бывших в Украине. По воскресным и праздничным дням, когда люди свободны от работы, на могиле Шевченко можно видеть всегда большое стечение народа и, в особенности, девок и парней. Здесь они по целым ночам, пьянствуя и бесчинствуя [1], слушают рассказы Грицка (Честаховского). Честаховский посещает также по праздничным дням окрестные села, а в особенности во время храмовых праздников. Все действия Честаховского возбуждают сильное подозрение. Он являлся в полицию, прося отнестись к капитулу орденов, где, вероятно, служит, что он не может по болезни отправиться туда, но старший заседатель полиции под благовидным предлогом отклонил удовлетворение его ходатайства и предварил о том городового врача.

Недавно приезжал сюда, как говорят, некто Лазаревский [2], служащий, как я слышал в С. Петербурге. Лазаревский выдавал будто себя за великого князя Константина Николаевича [3], рассказывая, что хотел приехать инкогнито, но паромщики его узнали. Он говорит, что теперь нет никого в С. Петербурге, кроме государя и государыни, все же прочие члены царской фамилии уехали из столицы. Лазаревский делал, говорят, выговор Честаховскому, что тот ничего до сих пор не приготовил. Он отправился в Корсунь, куда часто ездит Честаховский. Инспектор киевской гимназии Чалый [4] также был в Корсуне. Все они бывают там для свидания с помощником тамошнего управляющего Шевченком (родственником покойного поэта) [5] известным также преданностью малороссийской национальности.

---

[1] Понятно стремление стряпчего в своем донесении к губернатору всячески очернить крестьян, собиравшихся на могиле Т. Г. Шевченко, приписывая им «пьянство и бесчинство». В действительности же, как рассказывает в своих воспоминаниях Г. Честаховский, крестьяне «обращались с вопросами их свободы из крестьянского состояния или с жалобами на притеснения панов помещиков» или читались ...разные стихи и повести известных сочинений Шевченко» (см. «Эпизод на могиле Тараса Шевченко», записки художника Честаховского, «Киевская старина», 1896, кн. I—II, стр. 230—241).

[2] Имеется в виду Лазаревский Михаил Матвеевич (1818—1867). Т. Шевченко познакомился с ним в Орской крепости и тесно был связан до конца своей жизни, называл Лазаревского М. М. «нелицемерным другом». С 1850 г. М. М. Лазаревский служил в Петербурге и отсюда поддерживал поэта материально, хлопотал вместе с семьей Толстых об освобождении Т. Шевченко из ссылки.

[3] Великий князь Константин Николаевич (1827—1892) — второй сын Николая I. Слова документа о том, что «...Лазаревский выдавал будто себя за великого князя Константина Николаевича, рассказывая, что хотел приехать инкогнито» объясняются, очевидно, репутацией «либерала» этого князя в аристократических кругах. Это, конечно, не соответствовало действительности и ни в какой мере не мешало сыну Николая Палкина быть достойным своего отца.

[4] Чалый Михаил Корнеевич — известный биограф Т. Г. Шевченко.

[5] Имеется в виду Варфоломей Григорьевич Шевченко — свояк Тараса Григорьевича.

На днях, как я слышал, привезли какой-то зеленый сундук, опечатанный, и что в нем заключается не знают, но догадываются, что ножи.

Все эти слухи рассказывают в разных вариациях, и потому можно думать, что донесения по этому вашему превосходительству не будут во всем согласны.

При нынешних же обстоятельствах и при тревожном настроении умов простого народа все подобные слухи и толки не могли не обратить на себя внимание, и потому я счел моим долгом донести о них вашему превосходительству и его сиятельству г. генерал-губернатору.

Уездный стряпчий (подпись).

Письмо старшего заседателя Каневской уездной полиции помещику кн. Лопухину, 15 июля 1861 г.[1]

В г. Каневе и его окрестностях с мая месяца с. г. имеет пребывание чиновник капитула орденов Григорий Честаховский, доставивший в Канев тело умершего академика Шевченко. С некоторого времени я устремил все мое внимание на действие этого виновника и из под руки дознал, что он весьма вреден для порядка; народ, перед которым он распространяет нелепые толки, угрожающие общим волнением, совершенно ему предан и разглашает весьма опасное будущее.

Честаховский часто бывает в м. Корсуне у двоюродного брата Шевченки, который состоит в экономической должности в имении вашей светлости; оба они преданы, кажется, одному делу и едва ли бывшие в имении вашей светлости, лет тому несколько назад, волнения крестьян не происходили от влияния Шевченки, так тесно своею службою с ними соединившегося; поэтому независимо от распоряжений, какие будут вслед за сим сделаны официальным путем о чиновнике Честаховском, я долгом счел почтительнейше представить на благоусмотрение вашей светлости, что состояние Шевченки в экономической должности, а также и самое пребывание его в имении, при настоящих обстоятельствах очень некстати, доселе по крайней мере носится молва, что Честаховский успел убедить простой народ, будто бы в могилу вложено не тело Шевченки, а ножи, которые присланы для произведения резни и получения, таким образом, простому народу полной свободы.

Старший заседатель Каневской уездной полиции
Владислав Монастерский.

Рапорт начальника Каневской уездной полиции киевскому губернатору, 17 июля 1861 г.[2]

По соображении обстоятельств, изложенных в рапортах моих от 15 и 17 сего июля относительно поступков губернского секретаря Честаховского и слухов об устраивающихся трех шайках крестьян, я, признавая необходимым нахождение войск в г. Каневе для предупреждения могущих произойти беспорядков в народе, в случае, если привязанность простого сословия к Честаховскому так велика, что беспорядки сразу обнаружатся, а в особенности, если Честаховский будет подвергнут аресту, и слухи об этом разнесутся по окрестностям уезда,— представил об этом вместе с сим губернатору, прося его сия-

[1] Киевский Облгосархив, ф. киевского губернатора, ст. 1-й, 1861 г., д. № 198, л. 22.

[2] Киевский Облгосархив, ф. киевского губернатора, 1861 г., ст. 1-й, д. № 198, лл. 55—56.

тельство, не благоугодно ли будет распорядиться, независимо батальона Алексапольского полка, квартирующего в 3 стане Каневского уезда, командировать для означенной надобности в г. Канев и его окрестности для квартирного расположения еще хотя 2 роты пехоты.

Донеся о сем вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не оставить своим ходатайством о скорейшем разрешении представления моего о командировании в г. Канев и его окрестности воинских чинов.

Начальник уездной полиции Котляров.

Отношение киевского генерал-губернатора киевскому гражданскому губернатору, 17 июля 1861 г.[1]

14 сего июля, поздно вечером, помещик князь Павел Лопухин получил от соседнего помещика с. Межиричи Парчевского письмо, в котором извещает князя о существующем в г. Каневе и с. Корсуни заговоре против помещиков, где будто бы находятся очень деятельные агенты этого заговора между последователями Шевченко, и, указывая на беспечность полиции, просит прислать некого Змиевского для разузнания об этом деле, так как данные, которые он имеет, не вымышлены, и каждому позволено защищать свою жизнь, а время не терпит.

Письмо это было сообщено флигель-адъютанту полковнику князю Лобанову-Ростовскому, который поспешил отправиться с рассветом следующего дня к помещику Парчевскому, чтобы получить от него более подробные сведения по настоящему делу, а затем представил мне копию записки Парчевского.

В записке этой Парчевский объясняет, что в предместьи г. Канева есть крестьянин музыкант Гриць, о котором говорят, будто он воскрес после 16 лет смерти. Он ходит по окрестным деревням, но главное пребывание свое имеет на могиле Шевченка, которая вместе с Каневым, служит местом свидания заговорщиков, о чем известно эконому Буркату, что соцкий с. Пекари сопровождает везде Гриця и что Кулиш прибыл из Петербурга в Канев, а оттуда намерен отправиться в Корсунь.

Препровождая при сем в переводе письмо помещика Парчевского к князю Лопухину и записку флигель-адъютанту князю Лобанову-Ростовскому, покорнейше прошу ваше превосходительство распорядиться тотчас командировать корпуса жандармов полковника Грибовского в г. Канев и с. Корсунь и поручить ему, прибыв туда под благовидным предлогом наблюдения за исполнением крестьянами своих повинностей в отношении помещиков или за успехами мер, принятых к истреблению саранчи, совершенно секретно собрать самые подробные сведения по обстоятельствам письма и записки помещика Парчевского, для чего полковник Грибовский может секретно вызвать в Канев или Корсунь его и эконома Бурката, при указании и содействии их разузнать о существовании в Каневе заговора, его цели, руководителях и участниках, а также о крестьянине Грице, соцком из Пекари, Кулише, цели его прибытия из Петербурга в Канев, занятиях и сношениях в этих местах. Если по розыскам собранные помещиком Парчевским сведения будут подтверждаться, то полковник Грибовский обязан сделать немедленно обыск на законном основании у всех лиц, на которых падает подозрение в участии в заговоре, и когда по обыску найдены будут улики, тотчас арестовать виновных и ожидать дальнейших моих распоряжений по этому делу.

[1] Киевский Облгосархив, ф. киевского губернатора, 1861 г., ст. 1-й, д. № 198, лл. 17—18.

О результатах розысков полковника Грибовского и мерах, которые будут приняты им на месте к раскрытию истины, изобличению виновных в преступных замыслах, ваше превосходительство не оставите сообщить мне в возможной поспешности по получении донесения Грибовского.

Генерал-губернатор князь Васильчиков.

Донесение киевского штаб-офицера корпуса жандармов, шефу жандармов, 18 июля 1861 г.[1]

Вследствие полученных губернским начальством письменных извещений, что в г. Каневе, на могиле погребенного там малороссийского поэта Шевченко, собираются заговорщики противу помещиков, г. начальник Киевской губернии, согласно последовавшему распоряжению его сиятельства г. генерал-губернатора, предложил мне отправиться в г. Канев, произвести негласное там дознание и, если бы потребовала надобность, произвести у подозрительных лиц обыски, подвергнуть виновных аресту и об оказавшемся донести в Киев, в ожидании на месте дальнейших затем распоряжений начальства.

Об отъезде своем сего числа из Киева в Канев вашему сиятельству донести честь имею.

Полковник Грибовский.

Телеграмма киевского генерал-губернатора III отделению, 20 июля 1861 г.[2]

В Каневе на могиле Шевченки было сходбище народа, встревожившее жителей и подавшее повод опасению заговора против помещиков. Губернатор поехал на место успокоить.

Генерал-адъютант князь Васильчиков.

Отношение киевского генерал-губернатора начальнику III отделения, 21 июля 1861 г.[3]

В первых числах мая месяца сего года в числе других лиц, сопровождавших тело покойного академика Тараса Шевченки, прибыл из С. Петербурга в г. Канев служащий в капитуле орденов губернский секретарь Григорий Честаховский. Оставшись в Каневе для обделки могилы Шевченки, он странным поведением своим обратил на себя общее внимание местных начальства и жителей.

Получены были мною сведения, что, занимаясь обделкою могилы и срисованием с натуры разных видов, Честаховский стал сближаться с простым народом, оделся в его костюм и, говоря его языком, вошел в фамильярные отношения с ним, запрещая называть себя по имени и отчеству, а именуя себя просто Грицком, посещал шинки и народные сходбища и привлекал простонародие к себе, на могилу [Шевченка], где и начали собираться крестьяне соседних деревень, преимущественно в праздники, а иные и в будни, в свободное от работ время. Здесь Честаховский распевает с простонародием гайдамацкие песни и читает ему сочинения Шевченки. В то же время он старается распространять эти сочинения и изданную Кулешом граматку, распродавая их по самой низкой цене от 3 до 5 копеек за экземпляр и раздавая

[1] Центральный архив революции УССР, III отд., I экспед., 1861 г., д. № 222, л. 3.

[2] Центральный архив революции УССР, III отд., I экспед., 1861 г., д. № 222, л. 1.

[3] Центральный архив революции УССР, I экспед., 1861 г., д. № 222, лл. 4—7.

многим крестьянам даром, в особенности поэму Шевченки «Тарасову ночь», в которой описывается картина истребления поляков и жидов. Распродажа сочинений Шевченки имела значительный успех, так что в течение нескольких дней текущего месяца Честаховский сам успел сбыть несколько сот экземпляров, а переданные им в то же время для продажи в Каневе одному купцу все распроданы.

В народе Честаховский сделался известным под именем Грицька, и по поводу его рассказов о Шевченке, сочинениях последнего, исторических событиях и преданиях Украины возникли разные толки и тревожные слухи. Стали рассказывать, что Шевченко не умер, а живет и не перестает думать о дорогой Малороссии и со временем подаст знак к действиям малороссов; что в могиле его находятся ножи и что скоро наступит Тарасова ночь, в которую будут резать панов, ляхов и жидов. В день отправления панихиды по Шевченко 8 сего июля приезжал в Канев к Честаховскому служащий в сенате коллежский секретарь Лазаревский, и это подало повод к толкам, будто он привез ему сундук ножей, а в простом народе распространились слухи, что это был великий князь Константин Николаевич, который будто бы хотел быть в Каневе инкогнито, но рабочие парохода, на котором он приехал из Киева, узнали его.

Все это встревожило и в особенности окрестных помещиков из поляков, которые видят в этом правильно организующийся заговор против их жизни.

Получив об этом самые неопределенные сведения от флигель-адъютанта полковника князя Лобанова-Ростовского, которому сообщил их один из помещиков Каневского уезда Парчевский, передавший дело в самых темных и неясных выражениях и с весьма неопределенными указаниями, я распорядился тотчас послать на место для розысков штаб-офицера корпуса жандармов полковника Грибовского, поручив ему, в случае подтверждения сообщенных Парчевским сведений, произвести обыски у подозреваемых лиц и арестовать виновных. Вслед за тем получены были мною более подробные сведения по настоящему делу от местного начальства и, наконец, вчерашнего числа начальник полиции Каневского уезда донес мне, что он получил частные сведения, вероятность которых совершенно ничем еще не подтверждается, будто в одном из селений Каневского уезда формируются три шайки из крестьян, которые готовятся прийти в Канев для истребления ляхов, панов и евреев, и что поэтому он находит необходимым для предупреждения могущих возникнуть беспорядков усилить в Каневе число квартирующих там войск.

Вследствие этого последнего донесения начальник Киевской губернии сам отправился вчерашнего числа в Канев, получив от меня уполномочие, в случае необходимости, передвинуть в г. Канев нужное число войск из расположенных вблизи этого города.

О последствиях розысков полковника Грибовского и поездки генерал-лейтенанта Гессе я ожидаю сведений, по получении которых не премину сообщить их вашему сиятельству, но тем не менее полагаю, что предположение о существовании заговоров в г. Каневе с преступною целью и слухи о формирующихся будто бы шайках крестьян для истребления панов, ляхов и жидов слишком преувеличены и возникли вследствие боязливо настроенного воображения окрестных помещиков да поляков, которые в малейшем народном движении видят угрозу себе. Сколько можно судить по доставленным мне сведениям, Честаховский принадлежит к числу приверженцев малороссийской народности и своими необдуманными действиями мог подать повод к тревожным толкам в местах, полных преданий и воспоминаний о кровавой борьбе Малороссии с Польшею. При таком положении края жаль,

что было разрешено перевезти тело Шевченки в Канев, место его родины, где память о нем еще так жива.

Генерал-губернатор князь Васильчиков.

Уведомление киевского губернатора каневскому уездному предводителю дворянства, 25 июля 1861 г.[1]

По распоряжению моему, 28-го сего июля, то-есть, в пятницу, из м. Смелой Черкасского уезда, прибудет в г. Канев на квартиры одна сотня казаков Донского казачьего № 37 полка.

Уведомляя об этом ваше высокоблагородие, покорнейше прошу вас распорядиться о назначении для казачьих лошадей пастбищных мест, примерно на 120 лошадей.

Гражданский губернатор генерал-лейтенант Гессе.

Отношение каневского уездного предводителя дворянства киевскому губернскому предводителю дворянства, 26 июля 1861 г.[2]

Зная, что все, касающееся безопасности и спокойствия дворянства, составляет предмет особенной заботливости вашего превосходительства,— считаю долгом сообщить здесь следующие обстоятельства:

1. От некоторого времени распространились между простым народом, т. е. между мещанами г. Канева и крестьянами соседних селений, слухи, которые привели весь край в уныние и тревогу. Слухи эти заключаются в следующем: что в скором времени настанет час, в который попрежнему народ будет резать помещиков (панов) и притом не пощадит ни духовенства, которое держит за-одно с панами, ни чиновников, которых дворянство оплачивает для того, чтобы они скрывали права народа; скоро будет время, что здесь останется только один народ. Царь желает того, это подтвердил князь Константин — говорят о приезжавшем здесь каком-то лице, которое народ считает князем. Есть розыски[3] о спрятанных в могиле над прахом Шевченка священных ножах, для совершения всеобщего истребления панов, жидов, попов и всех людей в тонких жупанах с большими воротниками; о неисчисленном множестве казаков, рассыпанных по всей Украине от Хортицы до Тамани, по всему Запорожью по-над Днепром и других странах; они соберутся в Канев совершать то, что проповедывал «отец Тарас» (Шевченко); Канев не будет в состоянии обнять их всех — так их будет много; время их прибытия назначено в этом году между пречистыми, т. е. от 15 августа по 1 сентября; чтобы начать резь[4], ожидают особенного сигнала. Рассказы эти повторяли многие из г.г. чиновников, которые сами слышали их от мещан каневских, а также от крестьян из окрестных селений и других простолюдинов; рассказы эти повторялись на рынке и торговой площадке, на улице и при выходе из церкви. Почти все чиновники, с коими я об этом предмете говаривал, удостоверяли мне, что они сами слышали эти рассказы.

Слухи подобные распространяются даже и в дальние деревни Каневского уезда, а особенно со времени начатия следствия; рассказывает народ на ярмарках, что ищут священных ножей, присланных на

---

[1] Киевский Облгосархив, ф. киевского губернатора, ст. 1-й, 1861 г., д. № 198, л. 38.

[2] Киевский Облгосархив, ф. киевского губернатора, ст. 1-й, 1861 г., д. № 798, лл. 151—159. Документ частично использован в статье И. Билыка «Над свежей могилой Т. Г. Шевченка», «Киевская старина», т. XIV, апрель 1886 г.

[3] Так в оригинале.

[4] Так всюду в оригинале.

то, чтоб резать панов, и что ножи эти закопаны в могиле Шевченка. Слухи вышеупомянутые, хотя оные не основаны на положительных доказательствах, что кто-либо побуждал народ к истреблению помещиков, сами собою составляют важное и страшное явление, а посему тревожат всех дворян-помещиков. Предположив, что многие из них для собственного спокойствия и безопасности выедут из селений, неминуемым последствием того будет разорение имуществ и совершенное расстройство удерживаемого в хозяйстве и сельских обществах самим их присутствием порядка. Тревога, какую слухи эти распространили, имеет то основание, что подобные признаки предшествовали прежней гайдамацкой рези в здешнем крае и вообще повторялись везде перед каждою этого рода катастрофою.

2. Могила Шевченка служит как бы знаменем соединения людям, порождающим ненависть народа к здешнему дворянству. Это только предлог, а предметом ненависти народа становятся: все помещики, которые требуют от них повинностей за земли; все начальство, побуждающее их к исполнению обязанностей, и самое даже духовенство, которому он тоже не верит, ибо оно ему не толкует положения нового[1] в том смысле, как его желали понимать крестьяне.

Друзья Шевченко, любители его сочинений и, наконец, люди одних с ним идей приезжают в наши страны, имеют частые непосредственные тайные сношения с народом, собирают людей под предлогом работы на могиле; читали простому народу из сочинений Шевченко рассказы об гайдаматчине, речи, представляющие так известные здешнему народу имена герштов[2] разбойничьих: Гонты и Железняка[3], как священных героев, и, наконец, представляющих самую резь священными ножами, как справедливое, священное дело, составляющее славу здешнего народа.

При чтении этих сочинений эти господа, как видно из рассказов, позволяли себе [распространение] толков, еще более возбуждающих народ противу всего высшего у нас сословия. По рассказу мещанина Степана Кутаха, один из друзей Шевченки, г. Честаховский, на вопрос его, Кутаха: почему со времени похорон Шевченка и приезда его, Честаховского, и частых его с народом подготовок, люди пришли в тревогу и уныние говорят о вещах, о которых страшно подумать, г. Честаховский отвечал: что так как некогда, по причине их (т. е. панов) лилась кровь и пот из народа, так в скором времени польется кровь и пот из их. Этот разговор был вечером после того, как г. Честаховский читал сочинение «Тарасова ночь» собранным на работу людям. Слова, приведенные здесь, указывают, в каком духе производились толки о читанных народу сочинениях.

3. Сочинения Шевченки «Гайдамаки», «Тарасова ночь», «Грамотка» другого автора, хотя и позволены цензурою, но заключают в себе рассказы, дышащие неумолимою ненавистью к дворянству нашему, и при том резко изображенные картины гайдамацкой рези — что именно в наших сторонах, где народ и сам по сю пору сохраняет предание этих кровавых событий, крайне опасны для дворянства и всех других сословий и общества. Пока эти сочинения составляли предмет чисто литературный, оставались в сфере людей образованных, они,

[1] Речь идет о Положении 19 февраля 1861 г.
[2] От польского «герщт» (herszt) — т. е. предводитель.
[3] Максим Железняк и Иван Гонта — выдающиеся руководители крестьянского восстания 1768 г. (колиевщины) против польской шляхты. Последняя жестоко расправилась с восставшими. Гонту пытали и казнили, Железняка, который был российским подданным, царский суд приговорил к наказанию батогами и к ссылке в Сибирь. Понятно, что имена Железняка и Гонты должны были внушать ужас помещикам.

конечно, не могли иметь столь пагубного влияния на читателя, но низведенные между простой народ, как народные песни, как предания старины, изображающие славу предков, крайне опасны, ибо народ, видя в них исключительно только изображение мести-рези, кровопролития, побуждается к тому, чтобы повторить эти дела, столь прославленные.

Одно из этих сочинений распространяемо было несколько год тому назад, в ту именно пору, когда представители нашего дворянства в Киевском губернском комитете, по вызову государя императора, приступали к осуществлению благих намерений монарха в деле освобождения и улучшения быта крестьян, и тогда сочинение это, как возбуждающее ненависть одного класса народа к другому и возобновляющее предания давно погасшей национальной вражды, почтено было главным начальством нашего края вредным для оного, и потому распродажа этого сочинения у нас воспрещена. Ныне приведение в действие нового Положения, когда более всего благомыслящие люди должны стараться о том, чтобы настоящая реформа осуществилась в духе мира и доброжелательства,— появилось опять это сочинение и распространяется между народом систематически, раздачею его даром или распродажею оного по самой низкой цене. Лица, занимающиеся в Каневе продажею «Грамотки» и сочинений Шевченко, продают его преимущественно простолюдинам, дабы они расходились по деревням. Таким образом, в то время, когда более всего нужно взаимное доверие помещиков и крестьян во всех их между собой отношениях, когда при составлении уставных грамот все дворянство желало бы положить прочное основание будущего благополучия обоих земледельческих классов, полагаясь на правде, справедливости, взаимных выгодах и добровольном обоюдном согласии, в то именно время, посторонние лица, в непонятных для них целях, возбуждают ненависть к дворянству и возобновляют предания вражды и мести. Крестьяне, которые и без того ожидают безвозмездной отдачи им мирских земель, несмотря на все усилия г.г. мировых посредников объяснить им слова высочайшего манифеста, что было бы крайне несправедливо пользоваться землею от помещиков и не нести за то никакой обязанности, теперь тем более упрочивают себя в этом мнении, а потому не желают приступать ни к каким с помещиками добровольным соглашениям, не желают переходить ни на оброк с исдельной повинности, ни приобретать земли в собственность, ожидая чего-то другого в будущем. Расходящиеся слухи о совершенном истреблении помещиков, может быть, не одному из крестьян наводят ту мысль, что ему не нужно покупать землю, когда по выбытии настоящих их собственников вся земля остается им даром.

4. Тело Шевченко погребено столь торжественно, восторг для него возбужден с таким искусством и такою ревностью, что народ толпами собирался на его могиле; идущие на богомолье в Киев люди, проходящие здесь по дороге, как к священному месту, почитают Шевченка, как бы народным пророком своим и каждое слово его заветом для народа. Видя в его сочинениях, что резь священными ножами изображена делом, составляющим славу здешнего народа,— легко себе можно представить, какими чувствами одушевляются в этом месте прохожие. Все рассказы вышеупомянутые распространились в Каневе со времени погребения Шевченка и прибытия туда же г. Честаховского для устройства его могилы; к сему последнему приезжало, по рассказам мещан, много лиц, воодушевленных, вероятно, теми же, что и он, идеями; между простолюдинами он известен под именем Грицка; его считают внуком Гонты или Железняка, при встрече с крестьянами он приветствует каждого словами: «Здравствуй, гайдамако», несмотря

на то, что слово это до сих пор в нашем народе значило не что иное, как простой разбойник.

Из лиц, кои приезжали на похороны Шевченка, были такие, кои явно провозглашали мысль, что в здешнем крае не должны оставаться лица других вероисповеданий, кроме православного; это последнее обстоятельство было мне подтверждено начальником Каневской уездной полиции.

В заключение скажу, что если нет положительных фактов, обвиняющих кого-либо в прямом возбуждении народа к истреблению помещиков, то это еще не доказывает, чтобы заговор этакого рода не существовал, действительно, между простым народом. Народ здешний умеет упрямо сохранять всякую такого рода тайну. Лучшим доказательством того служит дело о совершенном пять год тому назад убийстве Гудим Левковича[1] крестьянами с. Григоровки. Преступление это совершено многими лицами, без сомнения, известно многим, несмотря на то, что долговременные усилия производивших неоднократно следствия к открытию виновных остались тщетными. Если в распространенных слухах есть много несообразностей, то потому, что распространяют их люди, отвергающие мысль всякого заговора и предполагают даже, как говорят, удалиться во время рези, если бы таковая совершилась. Они по тому самому и не знали бы всех тайн заговора, если бы таковой существовал. Можно сказать, что во всяком случае, большинство народа не дало бы себя увлечь никакой пропаганде, но есть среди оного такие лица, кои обо всем этом отзываются полусловами,— видно в глазах их и в целом лице какую-то строгость и постоянное уныние, они то возбуждают страх жителей г. Канева и его окрестностей.

Собрав все сведения об этом важном деле и представляя его вашему превосходительству так, как понимаю его я сам и все дворянство моего уезда, покорнейше прошу исходатайствовать у высшего начальства все то, что почтете нужным к ограждению спокойствия и безопасности дворянства. По моему мнению, прежде всего следовало бы удалить лиц, уличенных в тайных и непосредственных сношениях с крестьянами, коих вредное влияние на народ доказывается уже тем, что они подали повод к распространению таких слухов; сверх того, воспретить распространение и продажу помянутых здесь и других им подобных сочинений; поставить в наших сторонах достаточную военную силу, чтобы, в случае существования заговора, не допустить разгореться пламени; предпринять все меры к убеждению народа в том, что и правительство строго будет взыскивать с виновных, угрожающих нарушить спокойствие и общественный порядок; убедить народ, что освященных ножей не было и быть не может и что никакой обряд не может быть употреблен на то, чтобы очистить убийство и орудие, коим оно совершается. Народ предполагает, что никто не смеет коснуться этих ножей, скрытых в могиле отца Тараса (Шевченка). Не было ли угодно начальству разрыть эту могилу и показать народу, что этих ножей вовсе не было.

Отношение киевского генерал-губернатора начальнику III отделения, 28 июля 1861 г.[2]

Изложенные в отношении моем к вашему сиятельству от 21 июля предположения о преувеличенности возникших в Каневском уезде

[1] Гудим Левкович — помещик. См. ф. киевского губернатора, секр. часть, 1857 г., д. № 174. «Об упущениях временного отделения Киевского земского суда в деле о смерти помещика Гудим Левковича».

[2] Центральный архив революции УССР, III отд., I экспед., 1861 г., № 222, лл. 11—14.

толков и опасений на счет образования будто там заговора и шаек между крестьянами, в видах истребления будто бы панов, ляхов и жидов, оправдались поверкою на месте.

На днях начальник Киевской губернии возвратился из Канева и официально довел до моего сведения, что все слухи и тревоги о мнимых заговоре и шайках крестьянских возникли единственно, по поводу неблагоразумного поведения и необдуманных действий занимавшегося обделкою могилы Шевченки губернского секретаря Честаховского, который, сближаясь с народом, своими рассказами и чтениями сочинений Шевченки о гайдаматчине, запорожцах, казачьей вольности, ненависти к полякам и мщении за угнетение ими свободы и веры малороссиян, а также распространением между простонародием сочинений Шевченки и Кулеша произвел такую тревогу между жителями из поляков и евреев, что генерал-лейтенант Гессе нашел нужным собственно для успокоения их поставить в г. Каневе на некоторое время сотню казаков.

При этом начальник губернии, признавая такое поведение Честаховского и других подобных ему лиц вредным, в особенности при настоящем преобразовании крестьянского быта, выразил свое предположение о необходимости строгих мер против выходок малороссийской национальности, а к предупреждению подобных настоящему случаев, он полагал нужным поручить местной полиции строгий надзор за всеми приезжающими на могилу Шевченки с тем, что если эти лица станут делать какие бы то ни было вредные внушения крестьянам, немедленно обязывать их подписками тотчас оставлять Канев; в то же время принять меры к прекращению распространения между крестьянами сочинений Шевченки и Кулеша. В заключение генерал-лейтенант Гессе высказал мнение о неудобстве производства формального о действиях Честаховского следствия, так как дело достаточно разъяснилось путем секретных розысков и придавать гласность этому делу нет никакой надобности.

Разделяя взгляд начальника Киевской губернии на поведение Честаховского, подавшего повод своими необдуманными действиями к тревожным толкам и опасениям жителей, и соглашаясь в необходимости бдительного наблюдения за слишком крайними проявлениями малороссийской национальности, но не видя, однако, никакой необходимости обращаться в этом отношении к каким-либо другим мерам, которые должны быть принимаемым в случае действительного открытия вредных или преступных замыслов, я признал достаточным, пока ничего подобного не обнаружено и все дело заключается только в пустом страхе и неосновательных опасениях, навеянных слишком пугливым воображением, ограничиться внимательным наблюдением за действиями подобных Честаховскому малороссийских пропагандистов, чтобы иметь возможность во-время сдержать их слишком горячие порывы и не дозволить им выйти за пределы благоразумия, и потому просил начальника губернии приказать полиции, в случае положительного удостоверения в делании приезжающими на могилу Шевченки лицами вредных внушений простонародию, не ограничиваясь заставлением их оставлять Канев, принимать в то же время меры к обеспечению личности, для предания их законной ответственности.

Что касается мнения генерал-лейтенанта Гессе на счет приостановления сочинений Шевченки и Кулеша, то я признал возможным сделать это только в отношении малороссийских букварей, последнего на том основании, что сельские школы в здешнем крае открыты правительством и им же разосланы для обучения крестьян русские буквари, и потому другие буквари не должны быть допускаемы в этих школах.

Затем, согласившись с мнением начальника губернии о неудобстве производства формального следствия о действиях Честаховского, я поручил немедленно вызвать его ко мне в Киев, где и предполагаю подробно расспросить его по обстоятельствам взведенных на него обвинений и о цели его действий и поступков, обративших на себя общее внимание жителей и подавших повод к такому беспокойству со стороны их. Потом прикажу ему возвратиться в С. Петербург, если не представится, впрочем, как надеюсь, необходимости в бытности его здесь.

Генерал-губернатор князь Васильчиков.

Рапорт начальника Каневской уездной полиции киевскому губернатору, 29 июля 1861 г.[1]

По распоряжению вашего превосходительства, 28 сего июля вступила в г. Канев одна сотня казаков Донского казачьего 37-го полка, в которой числится воинских чинов: обер-офицеров 3, нижних чинов 135; вступившие казаки, по распоряжению моему, расположены по квартирам в г. Каневе, по домам обывателей, а для их строевых лошадей отведены на городских лугах пастбища.

Начальник уездной полиции Котляров.

Рапорт начальника Каневской уездной полиции киевскому губернатору, 5 августа 1861 г.[2]

Управляющий имением помещицы княгини Ширинской-Шахматовой, частью с. Грищинец Кагаевский 31-го минувшего июля уведомил меня, что крестьянин с. Трощина помещика Ц. О. Понятовского Осип Галабурда, 23-го минувшего июля, прийдя в дом к Кагаевскому, требовал возврата своей свитки, оставленной им в Грищинской экономии в прошлом году за потраву его скотом, но когда Кагаевский сказал, что он тогда еще в Грищинцах не был и о свитке его ничего не знает, а также советовал ему скота на потраву не пускать, то Галабурда, будучи пьян, ответил: «як будем мати свои поля, тогда не будем на чужи пускати, поздоров боже батька Тараса, вин нам дав свободу и.....[3] Тарас три раза умирав и не умер, вин и тепер живе, а похавали только его празднование, мы ждали год, а ще год подождем, тогда будем мати свои поля и будем дворянами».

По сделанному удостоверению, обстоятельства эти подтвердились, при чем оказалось, что крестьянин Галабурда поведения неодобрительного, часто напивается до пьяна и самопроизвольно бродит по разным местам; в произнесенных им нелепых выражениях не сознался, объясняясь, что он говорил только то, что во время похорон Тараса Шевченка он был в г. Каневе и тогда всем людям было приказано молиться богу за Тараса; что хотя Тарас Шевченко помер, но слава его будет на всю Украину; что крестьяне будут дворянами, то это он слышал от разных лиц в виде насмешки по случаю освобождения их из крепостной зависимости; но говорил ли что-либо более изложенного, не помнит потому, что тогда был пьян.

Крестьянина Галабурду я подвергнул аресту при Каневской уездной полиции впредь до распоряжения вашего превосходительства.

---

[1] Киевский Облархив, ф. киевского губернатора, ст. 1-й, 1861 г., № 198, л. 84.
[2] Там же, л. 111—113.
[3] Одно слово не разобрано.

О чем вашему превосходительству на благоусмотрение честь имею почтительнейше донести и спрашиваю в разрешение сего предписания, при чем присовокупляю, что о нелепых выражениях крестьянина Галабурды я передал сведения штаб-офицеру корпуса жандармов полковнику Грибовскому 31-го минувшего июля и донес вместе с сим г. генерал-губернатору.

Начальник уездной полиции Котляров.

Рапорт начальника Каневской уездной полиции киевскому губернатору, 8 августа 1861 г.[1]

По распоряжению штаб-офицера корпуса жандармов г. полковника Грибовского, при Каневской уездной полиции содержится под арестом отставной матрос Трусенко, прикосновенный к делу о вредных толках, разсеянных в толпе простого народа чиновником капитула орденов Григорием Честаховским.

Почтительнейше донося об этом вашему превосходительству, имею честь испрашивать в разрешение предписания: следует ли и на дальнейшее время содержать Трусенка под арестом или же он должен быть освобожден из-под ареста; при чем присовокупляю, что об этом вместе с сим донесено мною г. генерал-губернатору.

Начальник уездной полиции Котляров.

---

[1] Киевский Облгосархив, ф. киевского губернатора, ст. 1-й, 1861 г., д. № 198, л. 107.

К биографии Шамиля

О Шамиле написана обширная литература в нашей стране и за-границей. Государственная и политическая деятельность Шамиля освещена в многочисленных документальных изданиях, как, например «Акты Кавказской археографической комиссии» и др.[1], особенно в томе XII. В периодических изданиях «Кавказский сборник», «Военный сборник» в свое время были о Шамиле опубликованы ценные фактические данные. Имеются три рукописи о Шамиле, составленные его сподвижниками — Мухаммед Тахиром («Три имама»)[2], Гаджи-Али («Сказание очевидца о Шамиле»)[3] и Абдар-Рахмана («Воспоминания Абдар-Рахмана о пребывании Шамиля в Ведене и о прочем»)[4]. Но все эти, казалось бы весьма ценные исторические источники для биографии Шамиля обесценены тем, что они несовершенно, примитивно переведены с арабского на русский язык.

Все эти источники в основном посвящены истории борьбы горцев под руководством Шамиля, но очень пока мало источников о жизни Шамиля после его пленения в 1859 г. русским царизмом.

Этот пробел в некоторой степени восполняется настоящей публикацией.

Шамиль вошел в историю народов нашей страны, как выдающийся, смелый и талантливый руководитель борьбы горцев Северного Кавказа за независимость против русского царизма. Шамиль родился в 1212 г. (Гиджры — по мусульманскому летоисчислению), в 1798 г., а по некоторым данным в 1800 г. (по европейскому летоисчислению) в Дагестане, в ауле Гимры, Койсубулинского общества. Отец Шамиля происходил из аварских узденей — вольных поселян, звали его Дэнгау Мухаммед. Мать Шамиля — Баху-Меседо, была дочерью Пирбудач-бека из аула Ашильта.

Отец Шамиля занимался садоводством и земледелием. «Сады и угодья давали ему хорошее состояние». Детские и юношеские годы Шамиля проходили в Гимрах («природою укрепленном месте»), среди суровых гор. Первоначальным именем Шамиля было Али. Но затем по местным обычаям он переменил имя и стал называть себя — Шамиль, «каковым именем — указывает биограф Шамиля — назывался один из пророков бек-Израиля»[5]. С ранних лет он стал ревностным последователем ислама. Он брал уроки по изучению корана, местных обычаев у известного проповедника исламизма, первого имама — Гази-Мухаммеда. Вместе с ним он ходил по аулам Дагестана и аулам плоскости (Прикаспийское побережье) в качестве ученика — муталима. Гази-Мухаммед знаком был с проповедниками мюридизма Бухары, Закавказья и Ирана.

---

[1] См. подробную библиографию в моей монографии «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля», 1939 г., и рецензии на мою книгу проф. Петрушевского («Историк-марксист», 1940 г.).

[2] Магомет-Тагир, Три имама (Мемуары мюрида Шамиля Магомета-Тагира (из Караха), Махач-Кала, 1927 г.

[3] Гаджи-Али, Сказание очевидца о Шамиле, Сборник сведений о кавказских горцах, выпуск VII, 1873 г.

[4] Газета «Кавказ», 1862 г., №№ 72, 73.

[5] Абдур-Рахман, Воспоминания, глава о детских и юношеских годах Шамиля.

Шамиль был одним из способнейших и любимейших учеников Гази-Мухаммеда. Шамиль, как и его учитель в конце 20-х годов прошлого столетия целиком отдались пропаганде священной войны (Газавата) против русского царизма.

Шамиль был физически воспитан в спартанском духе. «В молодости имам,— писал Абдур-Рахман,— был необыкновенно силен и отважен: никто не мог догнать его на бегу, никто не мог побороть его, не мог скакать так высоко и с таким искусством, как он» [1]. Эти качества сыграли большую роль в его военной деятельности. В 1830 г. он уже командовал отрядом мюридов под общим руководством Гази-Мухаммеда.

Они вместе с ним вели борьбу против аварского ханского дома, феодальной аристократии Дагестана, которая поддерживала политику русского царизма. Царизм защищал интересы беков и ханов. Во владениях аварского ханства находились царские войска. Осенью 1832 г. войска под командованием барона Розена окружили мюридов и их руководителей — Гази-Мухаммеда, Шамиля в крепости Гимры.

17 октября 1832 г. Гази-Мухаммед героически погиб с оружием в руках при защите родного аула — крепости Гимры, а его помощник, смело прорвавшись сквозь кольцо окруживших его царских войск [2], засунул за пояс полы черкески, засучил рукава и, схватив шашку, выбросился из башни с такой силой и стремительностью, что очутился по ту сторону живой штыковой изгороди. Но это стоило ему тяжелых ранений. Уйдя из Гимр, он скрывался в горах, где залечивал свои раны. Около 20 дней,— повествует Мухаммед-Тахир ал-Карахи,— Шамиль провел в сидячем положении, так как рана не позволяла ему лечь. Его лечили местные лекари. После 2 месяцев рана его зажила и он отправился в аул Ирганай и приступил к распространению шариата, произносил проповеди, обращался к горцам с грозными речами. Он клялся поднять святую веру на подобающую высоту. Он проявил себя в этот период выдающимся оратором, уста которого, по признанию современников, источали мед. Деятельность Шамиля способствовала укреплению власти Гамзад-бека, который был избран мюридами вторым имамом после гибели Гази-Мухаммеда.

Гамзад-бек довершил разгром аварского ханства и казнил ханшу Паху-Бике.

В сентябре 1834 г. Гамзад-бек погиб в Хунзахской мечети от руки заговорщиков, в числе которых был воспитанник аварского хана, известный нам по повести Л. Н. Толстого — «Хаджи-Мурат». Феодальные аристократы отомстили мюридам.

Получив весть о гибели Гамзад-бека, Шамиль напал на аул Новый Гоуатль и убил там уцелевшего младшего сына Паху-Бике, единственного, оставшегося в живых наследника аварской династии. Шамиль захватил все имущество Гамзад-бека и фактически занял его место. Шамиль пользовался уже большим авторитетом среди мюридов. Вскоре он был избран имамом и стал во главе мюридистского движения.

В организации борьбы за независимость ему приходилось по несколько раз принуждать одни и те же «вольные общества» Дагестана, а затем Чечни и Ингушетии, к борьбе против русского царизма. В 1836 г. он избрал местом своего пребывания аул Ашильту, близ которого на неприступном утесе был возведен укрепленный пункт Ахульго. В 1837 г. против Шамиля были направлены крупные силы под командованием ген. Фези. 9 июня 1837 г. Ашильта была взята приступом и сожжена. Шамиль после кровавого штурма 12 июня 1837 г. сдал Ахульго — свою первоначальную резиденцию и отдал в аманаты своего сына Джемалэдина.

Судя по письмам Шамиля, русские военные власти заключили с ним мир, как с «горным правителем» и «я взывал к ним,— писал Шамиль,— во весь свой голос о том, что между мной и русским падишахом состоялось перемирие.

---

[1] Газета «Кавказ» от 20 сентября 1862 г.

[2] Сборник сведений о кавказских горцах, выпуск VII, стр. 7.

которое с моей стороны не будет расторгнуто, пока я буду жив» [1]. Это перемирие Шамиль называл самым «полным и всеобъемлющим».

После этого перемирия Шамиль в августе 1838 г. удалился в горные районы Чечни. В конце 1838 г.— начале 1839 г. вместо старого Ахульго Шамиль построил Новое Ахульго, куда он и перенес свою резиденцию, в которой находилось до 5 000 мюридов.

Он очень быстро нашел себе многочисленных сторонников и приверженцев. Чеченцы, которые к этому времени уже испытали на себе тяжелый гнет русского царизма, стали стекаться к нему со всех сторон. В мае 1839 г. он имел под своим командованием 16 тысяч мюридов. Шамиль очень скоро подчинил своему влиянию разоренных, обездоленных, политически униженных чеченцев. С 12 июня 1839 г. до 23 августа, почти в течение десяти недель, продолжалось единоборство Шамиля с многочисленной царской армией. Из Нового Ахульго, из которого он был выбит ген. Граббе, Шамиль бежал через Салатау в Аргун, где и остановился.

Уроки падения Ахульго не прошли для Шамиля даром. Шамиль понял, что без военной и государственной организации, без системы военных укреплений, непрестанных вылазок против врага,— победить и отстоять независимость — нельзя. С конца 30-х годов XIX в. Шамиль приступает к осуществлению этой задачи и в ходе борьбы за независимость создает большое государство, опираясь на которое Шамиль одерживал одну победу за другой. Все это вместе взятое, с конца 30-х годов до 1845 г., до самого высшего взлета могущества Шамиля, составило второй период его деятельности, так называемую «блистательную эпоху Шамиля». «Мы имели дело,— писал один видный русский генерал Фадеев,— не с обществами, ничем не связанными между собой, сопротивляющимися или покоряющимися отдельно, но с государством, самым воинственным и фанатическим, покорствующим перед властью, облеченною в непогрешимость, и располагающим несколькими десятками тысяч воинов, защищенных страшною местностью, с государством вдобавок окруженным сочувствующими ему племенами, готовыми при каждом успехе единоверцев взяться за оружие и поставить наши войска между двух огней» [2].

В своих письмах Шамиль именует себя «Имамом, господином праведных, рубящим шеи неверным, мощным и победоносным правителем».

К началу 40-х годов Шамиль овладел значительной частью территории Восточного Кавказа, которая занимала пространство «девятьсот верст в окружности» (главным образом, Чечня и Дагестан).

С 1840 г. по 1845 г. Шамиль имел резиденцию в Дарго. В соответствии с военными задачами, Шамиль разделил всю подвластную ему территорию на 20 областей, которые назывались наибствами. В этом отношении он во многом напоминал деятельность Абд-Эль-Кадера, которому «удалось объединить под своей властью все разрозненные кабильские племена Алжирии, и в течение почти 20 лет с успехом сопротивляться сильнейшему противнику. Под его начальством алжирские кабилы не раз наносили жестокие поражения французским войскам» [3].

Во главе каждого наибства стоял назначенный Шамилем-имамом наместник-наиб. Они располагали все одинаковой властью. Они должны были управлять согласно указаний имама, при чем, над группой наибов Шамиль ставил своих близких помощников — мюридов, которые были представителями высшей власти в государственной системе, созданной Шамилем. В каждом наибстве был создан своеобразный гражданский, духовный аппарат власти. Судьи (кади), старшины, муллы, муфтии, алимы (мусульманские ученые), войско — все это составляет особые разряды, которые воплощали государственную власть, созданную не по какому-либо заранее предназначенному плану, а в ходе массо-

[1] Архив Института истории Ак. наук СССР, письма Шамиля (Сборник документов, сост. С. К. Бушуев и Г. Е. Грюнберг).
[2] Фадеев, 60 лет Кавказской войны, т. I, ч. I, стр. 28—29.
[3] М. Фрунзе, Избранные произведения, стр. 250.

вого движения узденчества против агрессии русского царизма, в ходе развития социальной жизни горцев Чечни и Дагестана.

Во главе учрежденных Шамилем наибств стояли в большинстве своем способные и выдающиеся горцы, хотя социальный их состав был крайне неоднороден. Подавляющее число наибов происходило из состоятельных узденей, которые в целом ряде случаев накладывали отпечаток на внутреннюю и внешнюю политику. В числе известных нам 82 наибов, которые были назначены в разное время Шамилем, был только один наиб из бедных узденей — это Уллубей из Ауха. Духовный, гражданский и военный аппарат в каждом наибстве формировался из родовой знати, духовенства, именитых узденей, старшин. Экономически выделявшееся именитое узденчество, которому сельское хозяйство и скотоводство давало хорошее состояние, пыталось стать в центре государственной системы Шамиля.

Обязанности каждого наиба были определены в особом законе, введенном Шамилем. Этот закон назывался «низамом». Каждый наиб, согласно этому закону должен был «строго и добросовестно наблюдать за непрерывным исполнением шариата, уничтожать существование между различными племенами раздоров, соглашать их различные выгоды, устранять между ними враждебные столкновения и в особенности кровное мщение». Каждый наиб обязан был в своем наибстве беспрекословно выполнять все приказания имама по вопросам военной, духовной и гражданской деятельности. В распоряжении наиба имелся аппарат судей, алимов, духовенства и воинов. Наиб опирался на них в проведении повелений имама. Судьи обязаны были «поддерживать порядок», разбирать ссоры, выдавать преступников, опубликовывать в своих судах воззвания и приказы имама. Разбор судебных дел велся по шариату, т. е. особым законодательным нормам, которые были разработаны Шамилем и законоведами, исходя из потребностей и интересов государства. Среди наибов было много и таких, которые не всегда выполняли приказы Шамиля, были и прямые изменники, которые переходили на сторону русского царизма. По законам они карались смертной казнью.

Большие и сложные вопросы государственной жизни Шамиля разрешались на главном имамском совете и на съездах наибов. Вопросы, связанные с управлением государством, решались «присутствующими с общего совета и голос имама не имел здесь особого значения», имам излагал только сущность дела и высказывал свое мнение. Члены же имамского совета могли одобрить или опровергнуть его. Решающее слово имама, его настойчивость имела место в отношении ведения военно-тактических операций». Заседания имамского совета происходили по несколько раз в день.

В центре внимания многочисленных съездов наибов стоял главный вопрос — борьба с русским царизмом и укрепление вооруженных сил мюридов. Шамилю удалось создать большую армию и он намерен был также завести постоянную пехоту и конницу. Он намечал «устройство каждой из них, разрабатывал право, кто может поступать в тот или другой вид ополчения, на какой срок и на каком основании»[1]. При крайне ограниченных средствах Шамилю все же удалось организовать многочисленную армию, а также создать экономическую базу для ведения войны; он вменил в обязанность каждому наибу иметь в своем распоряжении не менее 300 человек только одной конницы. Наиб имел право в зависимости от количества населения в наибстве увеличить число своей конницы, которая набиралась в каждом обществе по одной только единице с 10 дворов. Выбор конного предоставлялся хозяевам дворов, которые обязаны были выставлять и содержать его. Последняя обязанность лежала на остальных 9 дворах, которые выполняли эти обязанности натурой (около 10 четвертей зернового хлеба и 10 арб сена) и деньгами (примерно по 40 р серебра в год). Помимо действующей армии в распоряжении наибов была еще подвижная армия, которую Вернер называл «народной гвардией». В состав,

[1] Прушановский, «Исторические записки, глава о вооружении Шамиля.

так называемой, народной гвардии входили все жители аулов в возрасте от 15 до 50 лет. Это население обязано было упражняться в стрельбе и в верховой езде. В обязанности этой гвардии входила защита своих селений против нападения царской армии, и, в случае необходимости, они обязаны были сопровождать Шамиля в его далеких экспедициях. В таком случае каждые 10 семей возглавлялись тем всадником действующей армии, которого они выставили. Помимо этого, в армии Шамиля был специальный батальон, который состоял из русских и польских дезертиров.

Войска Шамиля обычно расквартировывались во всех аулах. Во главе каждой группы стоял ответственный за нее начальник (наибы, пятисотенники, сотенники, десятники). Все эти начальники были связаны с Шамилем, защищали перед ним «местные интересы», обсуждали вопросы войны и мира.

Военные силы мюридов достигали самых крупных размеров в период 40-х годов. По данным советника-наиба Шамиля, Юсуф-Галжи-Эфенди-Сафарова, в 40-х годах число вооруженных мюридов исчислялось почти в 15 тыс. чел. (в т. ч. 5 880 конных). Это была наиболее сильная и организованная часть мюридистского движения. Количество армии Шамиля в отдельных кампаниях исчислялось в несколько тысяч, доходя иногда до 30—40 тыс. пеших и конных бойцов.

Во время военных походов, военных экспедиций и партизанских вылазок командиры находились не в лучших условиях, чем простые солдаты. В этом следует усматривать одно из преимуществ боеспособности военных сил Шамиля по сравнению с царской армией, где привилегированное положение офицеров имело место не только в мирной обстановке, но и в военной, а дисциплина царской армии базировалась на палке.

При всех ограниченных средствах и ресурсах, Шамилю все же удалось создать у себя небольшую артиллерию. На своем цветистом языке горцы, как отмечает майор Вернер, называли пушку «1000 воинов». Очевидно они хотели сказать, что одна пушка легко заменяет 1000 бойцов.

Позже Шамилю при помощи специалистов удалось наладить литье собственных пушек. Шамиль стремился к тому, чтобы подготовить все необходимое для войны.

Шамилю удалось также создать единую государственную казну. Все племена Дагестана и Чечни должны были вносить $^1/_{10}$ часть своего урожая в общую казну.

Шамиль резко ограничил доходы духовенства. Земли, принадлежавшие раньше мечетям и служившие только для поддержания бездельничания духовенства и дервишей, были переданы государству. Духовенство стало получать определенный оклад. Дервиши, способные носить оружие, должны были поступать в армию, остальная часть была изгнана из страны. Подробную картину организации государственной казны Шамиля дает нам секретарь его Гаджи-Али, который должен был вести запись приходов и расходов. Главными статьями прихода в государственную казну Шамиля являлись: 1) зекат (узаконенный шариатом сбор); 2) харадж (подать с горных пастбищных мест и некоторых селений, которые раньше платили эту подать ханам; 3) доходы от военной добычи мухаджиров и др.

Шамиль следил также за чистотой нравов своих приверженцев и их бытом: за расходы на табак и вино, за танцы и песни они подвергались строжайшим наказаниям. Шамиль неоднократно говорил проповеди о бережливости и экономии.

Организация государственной казны Шамиля являлась весьма существенным шагом в деле создания нового централизованного государства.

Немало сделал Шамиль и для развития горской торговли, хотя для этого в условиях непрерывных военных действий и плохих путей сообщения имелось очень большое количество стеснений и препятствий. Но и в этой обстановке Шамиль всячески поощрял торговлю. Он «предоставил многим торговым

пунктам льготы, возвышающие их значение» [1]. Торговые люди пользовались у него большим почетом; в целях поощрения торговли Шамиль некоторых купцов ссужал деньгами (например, Муссу-Казикумыхского).

Шамиль пытался развить торговлю не только внутри страны, но и за ее пределами. Рядом льгот он поощрял купцов, привозивших товары на территорию его государства. Затем он издал распоряжение о приеме тифлисского серебра в пределах его государства.

Поощряя торговлю, Шамиль замечал, что среди разбогатевших людей наблюдается «порча нравов». На этом основании он запретил разработку серебряных руд, выражая опасение, что народ увлечется этим делом и забросит защиту края и хлебопашество. По мнению Шамиля, чеканка собственной монеты неизбежно привела бы к водворению среди горцев роскоши и к развращению нравов, чего он особенно опасался, основывая прочность своей власти на спартанском образе жизни горцев.

Шамиль также всячески поощрял развитие ремесла среди населения. Перед замком Шамиля был специальный аул, в котором жили исключительно одни ремесленники. Там мы встречаем даже часовщиков.

Для осуществления намеченных преобразований Шамиль мечтал «окружить себя людьми умными, знакомыми с наукой и искусством» [2]. Шамиль проявлял большой интерес, как указывает майор Вернер, к европейской жизни. Так, например, в одной из бесед он задавал множество вопросов о французах, о венграх, об организации их армии и устройстве их жизни.

В преобразовательной деятельности Шамиля мы также встречаем ряд мер, направленных на некоторое изменение социальных отношений. К числу этих социальных мер Шамиля следует отнести:

а) уничтожение целого ряда исконных привилегий ханов и беков;

б) освобождение рабов.

Во время борьбы горцев Дагестана и Чечни за независимость под руководством Шамиля, были разгромлены ханские дворцы в Аварии, Кази-Кумухе и шамхальстве Тарковском. Шамиль в этих ханствах отменил все ханские привилегии. Подати, которые раньше шли в пользу беков и ханов, направлялись Шамилем в общественную казну, на общее дело борьбы за независимость. С ханами и беками Шамиль вел смертельную борьбу, а тем, которые прислушивались к русскому царизму, «беспощадно рубили головы».

В части подвластных ему районов, где господствовало крепостное право, Шамиль объявил безусловно свободными принадлежавших феодалам крестьян и освободил рабов.

«Вместо прежних условий крепостного быта, по которым весь труд крестьянина принадлежал помещику, освобожденные рабы были обложены такой же точно податью в пользу общественной жизни, какую платило население целого края» [3].

Дворовые люди должны были исполнять всякие работы безвозмездно, но владетелям их Шамиль вменил в обязанность снабжать своих людей всем необходимым и обращаться с ними по-человечески. Аул Тлаутукх, населенный рабами аварских ханов, был приравнен к остальной части населения.

В целях укрепления своего положения Шамиль предпринял попытки завязать сношения с целым рядом государств, с мусульманскими сектами.

К 40-м годам относится переписка Шамиля с турецким султаном: в своих письмах к султану Шамиль просил оказать ему помощь в борьбе с гяурами. «Бог нам приказал вынуть меч из ножен для того, чтобы драться с неверными, и сказал: рай есть под тенью шашки, убитый против неверных есть живой и будет он жить в раю, а кто будет бежать, тот есть ничтожный человек

[1] Газета «Кавказ» № 74, 1862 г.

[2] Абдур-Рахман, Воспоминания о Шамиле, газета «Кавказ», № 74, 1862 г.

[3] Руновский. Донесение пристава при Шамиле с выписками из дневника, согласно данной ему инструкции, т. I—III, ЦВИА, ВУА, № 1293, 1859—1862 гг.

и будущая его жизнь есть ад» [1]. Затем Шамиль в своих письмах обычно просит султана молить за него бога.

Письма Шамиля к султану начинались как правило следующими словами:— «От бедного Шамиля — султану Абдул-Меджиду, который управляет всеми мусульманскими народами, которого всякий должен уважать и почитать, исполнять все его желания, известному щедростью, которому желаю, чтобы бог дал постоянную силу и достоинство» [2]. Вместе с тем он указывает на необходимость тесной связи, на трудность осуществления этой связи, ибо между Дагестаном и Турцией — «расстояние большое».

В письмах масса фраз, характеризующих религиозный фанатизм Шамиля. В этих письмах Шамиль называет себя потомком пророка, уподобляя его солнечному свету. О себе он говорит, как о существе, которому, якобы, сам бог внушил «помогать правоверным» [3].

В своей переписке с турецким султаном Шамиль никогда не говорил о формах взаимоотношений между его государством и государством турецким. Другие отношения были у Шамиля с Черкесией, с которой ему удалось установить связь. В 1848 году он посылает в Черкесию лучшего своего наиба Мухаммед-Эмина.

«Шейх Шамиль прислал сюда наиба шейха Мухаммеда Дагестанского; этот собрал племена (жанеевцев, мохошевцев, темргоевцев, бжедухов, абадзехов, натухайцев и убыхов) и в их присутствии, положа руку на Коран, принес клятву и присягу на верную службу, по пути божьему, истинному падишаху; тогда прочие присутствующие от десятилетнего до семидесятилетнего возраста также принесли присягу на службу падишаху и на исполнение его приказаний. После того наиб заложил в Абазахе Гукушд укрепление с мечетью, темницею и училищем; он назначил туда трех кадиев, одного муфтия и определил им все, что следует для их содержания» [4].

С тех пор отношения Шамиля с наибом Мухаммед-Эмином не прерывались. У них была общая задача — борьба с царизмом за независимость. «В общем и целом... писал М. В. Фрунзе в своей статье «Европейские цивилизаторы и Марокко», история героической борьбы Кавказских горцев за независимость и по характеру и по энергии сопротивления представляет полную аналогию с борьбой марокканских племен. Она же дает ключ к пониманию затяжного характера этой борьбы и причин поражений, понесенных здесь европейским империализмом».

«По своим военным дарованиям,— писал Фрунзе об Абд-Эль-Кадере,— неукротимой энергии, железной воле и влиянию на массы он смело может стать рядом со своим современником и борцом за те же цели — кавказским Шамилем» [5].

Громадное истощение экономических и военных сил государства Шамиля, при явной измене значительной части корыстных состоятельных наибов, привели к резкому ослаблению силы сопротивляемости мюридов против русского царизма.

Особенно явственно это обнаружилось в конце 40-х годов. Наибы, усилившись экономически, пытались закрепить за собой это положение всеми средствами, завязывая тайные сношения с русским царизмом и выговаривая при этом себе сохранение привилегированного положения в будущем. Наибы провоцировали народ, распространяя ложные слухи о Шамиле.

Только небольшое число наибов строго и добросовестно наблюдало за исполнением шариата. Остальные наибы, которые среди населения представляли наиболее зажиточную группу, не всегда выполняли указания Шамиля. Лихоимство, сребролюбие, корыстолюбие отдельных наибов,— очень существенная черта, характеризующая тогдашний состав наибов в государстве Шамиля.

[1] МИД, Азиатский департамент, д. № 166, л. 3.
[2] Там же, л. 6.
[3] Там же, л. 3.
[4] МИД, Азиатский департамент, д. № 166, л. 18—19.
[5] М. В. Фрунзе. Избранные произведения, стр. 249—250.

Стяжание «больших имений», земель и скота в руках наибов было результатом роста имущественного неравенства среди населения государства Шамиля, и этот рост ускорялся, вследствие наличия полноты власти наибов. Секретарь Шамиля Гаджи-Али и родственник Шамиля Абдурахман подчеркивали, что значительная часть наибов управляла плохо, что народ ими не был доволен, ибо они злоупотребляли в сборе налогов и брали взятки.

В лагере руководящей верхушки мюридистского движения, среди наибов и мюридов, уже с самого начала борьбы за независимость обнаружились существенные разногласия по основным вопросам внутренней и внешней жизни государства Шамиля. Из 82 наибов, которые были выдвинуты Шамилем в разное время, значительная часть впоследствии была смещена. В числе смещенных наибов оказалась почти одна треть всего количества руководящей верхушки мюридистского движения, которая думала уже не об усилении борьбы горцев за независимость против русского царизма, а о примирении и подчинении последнему.

В лагере Шамиля явственно можно было видеть уже три группировки, которые соперничали между собой, ведя борьбу за обладание руководящим местом в мюридистском движении и государстве Шамиля: группировка Хаджи-Мурата, Кебет-Магомы Тилитлинского и Даниэль-бека Елисуйского вместе с зятем Гази-Магомедом (сыном Шамиля). Группировавшиеся вокруг Хаджи-Мурата и Даниэль-бека наибы явно тянули в сторону усиления и консервации феодальных порядков, которые служили им для укрепления их имущественного положения. Эти группы старались добиться привилегий в имущественном и политическом положении и их меньше всего интересовала борьба горцев за независимость. На это указывает факт прямой измены Шамилю со стороны Хаджи-Мурата и Даниэль-бека. Тот и другой открыто перешли в лагерь царизма. Ханское прошлое Хаджи-Мурата и Даниэль-бека взяло верх над задачами общей борьбы горцев за независимость против русского царизма.

Пока успехи горцев за независимость шли по восходящей, когда вокруг Шамиля была плотная стена преданных ему храбрых наибов, корыстные наибы с ханским прошлым и солидным состоянием не поднимали голоса против Шамиля, хотя и не переставали вести против него интриги (шпионаж в пользу царизма, заговоры против Шамиля, распространение ложных слухов и т. д. и т. п.).

В этой исключительно сложной обстановке, опираясь на широкие узденческие массы и на преданных ему наибов (Ахверду-Магома, Шуаиб-мулла, Уллубей-мулла и Нур-Магомет), Шамиль проводил решительные меры по борьбе с врагами внутри мюридистского лагеря, смещая их и даже предавая смертной казни.

С конца 40-х годов Шамиль начинает терпеть неудачу за неудачей. Наличие ряда успешных военных операций не меняло основного направления движения по нисходящей,— наспех созданная военно-административная система имамства Шамиля начала распадаться.

Усиление внутренней борьбы в лагере мюридов сказывалось почти на всех военных операциях Шамиля, это и объясняет «метания» Шамиля в Кабарду, Закаталы, Кахетию и Грузию.

Летом 1848 года пал важнейший Гергебильский аул, а в 1849 году Шамиль потерпел большие неудачи под аулом Чох. «Наибы пали духом. Их энтузиазм погас, их энергия и воля парализовались. Они впали в малодушие и отчаяние» [1].

Внутренняя борьба в мюридистском лагере углублялась под усиленным напором царизма, который, с одной стороны, увеличивал численный состав своей армии и улучшал ее вооружение, с другой, подкупал наибов и переманивал их.

Вскоре Хаджи-Мурат открыто перешел к русским. Даниэль-султан Елисуйский энергично вел агитацию против Шамиля, склоняя на свою сторону мю-

[1] Магомет-Тагир, Три имама, стр. 131.

ридов и колеблющихся наибов. Кебед-Магома тайно от имама вел переговоры с Агаларханом по вопросу о передаче ему части дагестанских аулов.

Если представить себе во всей полноте крайне суженный экономический базис государства Шамиля с исключительно разоренным населением в результате длительной борьбы (почти в течение 30 лет), то станет ясно, что опасность распадения военно-административной системы имамства Шамиля почти вполне созрела задолго до пленения Шамиля на Гунибе. Факт ослабления могущества Шамиля дал возможность царизму перебросить часть войск в Западный Кавказ, с целью его систематического завоевания.

После окончания Крымской войны (1853—1856 гг.) русский царизм усилил натиск на горцев Восточного Кавказа. Царизм сделал попытку компенсировать «поражение» и разгром на Крымском побережьи победами над горцами, силы которых к этому времени были уже крайне истощены. Самые храбрые, преданные борьбе независимости против русского царизма были убиты в многочисленных битвах и кровавых схватках с русским царизмом. Армия Шамиля лишилась всех лучших сил и подкреплений. Разбогатевшие на войне наибы один за другим переходили на сторону русского царизма. Перешел на сторону царизма Кебед-Магома Тилитлинский и Даниель-бек Елисуйский. Военные тайны Шамиля были выданы русскому командованию.

Шамиль напрягал все усилия к тому, чтобы восстановить былую силу. Все чаще прибегал к резким мерам, к казням и смещениям наибов. Но это не давало уже эффекта. Лучшие и преданные наибы, как например, Шуаиб-мулла и Ахверды-Магома погибли. Отходило от Шамиля и население, которое беспощадно эксплоатировалось наибами, являющимися в целом ряде случаев для своего народа «обнаженными саблями», «взяточниками», «насильниками», «подлыми и своекорыстными людьми». Шамиль посылал карательные экспедиции в ряд наибств. Население все чаще и чаще восставало против наибов. Классовые противоречия в лагере Шамиля обострились. Силы Шамиля ослабели. За этим внимательно следили царские генералы, которые были в курсе всех событий в лагере Шамиля. Против истощенных до крайности мюридов Шамиля были посланы свежие силы и подкрепления. Небольшие военные группы Шамиля были окружены со всех сторон железным кольцом войск под командованием Барятинского. Вскоре пал Дарго и Ведено — самые укрепленные пункты мюридов. В течение 1858 г. войска под командованием ген. Евдокимова овладели Чечней — самым богатым с.-х. районом, житницей государства Шамиля. Шамиль отступал под натиском многочисленных отрядов царской армии. 1 апреля 1859 г. им был покинут Ведено, третья по счету резиденция. Большинство наибов отказались выполнять приказания имама.

Видя измену своих наибов, Шамиль заявил: «В Карахе мы не сможем драться с царскими войсками, как на Гунибе, ибо Гуниб из всех дагестанских мест наиболее прочное» [1]. Гуниб-даг расположен на вершине в 7 тыс. футов над уровнем моря. С трех сторон эта высота оканчивается отвесным, почти недоступным обрывом. И только с востока имеет более отлогий скат.

Вот здесь 25 августа 1859 г. разыгралась последняя драма кавказской войны — пленение Шамиля.

На Гунибе у Шамиля и его мюридов имелась в распоряжении одна пушка. Около 300 мюридов, измученных в многочисленных схватках на горе Гуниб, были окружены в 12 пунктах.

Князь Барятинский желал во что бы то ни стало захватить Шамиля живым. Он послал к Шамилю мирную делегацию для переговоров, в составе полк. Лазарева, Даниэль-бека и нескольких человек из бывших наибов имама. Шамиль поставил условие — пропустить его в Мекку вместе с мюридами, в противном случае он отвергал мирные переговоры. Барятинский был разгневан и приказал взять Гуниб с боя. Когда в аул Гуниб вошли русские войска, оставшиеся в живых мюриды во главе с сыном Шамиля — Гази-Мухаммедом про-

[1] Абдур-Рахман. Воспоминания, глава о пленении Шамиля.

силы имама сдаться в плен. Шамиль, внимая их просьбам, отправился к Барятинскому с 13 мюридами.

Когда Шамиль был доставлен в ставку Барятинского, для него уже была приготовлена палатка, убранная по азиатскому обычаю. В другой палатке было приготовлено место для его семьи. На другой день членам семьи Шамиля были вручены ценные подарки. Жена имама получила часы, украшенные бриллиантами, а жены сыновей имама — украшенные бриллиантами брошки. Самому имаму подарена была шуба на меху американского медведя. Затем Шамиль был отправлен в Калугу, на поселение под надзором особого пристава.

Пленение Шамиля было встречено в России с большой радостью. С пленом Шамиля по существу заканчивалась кавказская война.

По этому поводу Н. Г. Чернышевский писал: «Слава богу, теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно по 25 000 русских солдат; одна из тех язв, которые истощали Россию, закрывается» [1].

За-границей, особенно в Англии, пленение Шамиля встретили с нескрываемым раздражением.

27 июля 1861 г. Шамиль вместе со своим сыном Гази-Мухаммедом, Абдур-Рахманом, приставом кап. Руновским выехал в Петербург для свидания с Александром II.

Они были восхищены железной дорогой Москва — Петербург. «Подлинно, русские делают то, чего правоверным и на мысль не может придти... Чтобы сделать то, что они делают, надо иметь слишком большие средства, а главное, слишком большие знания, которые, не знаю, почему отвергаются учением нашей религии» [2].

Вместе с Шамилем и Абдур-Рахман мечтает о тех временах, когда железные дороги появятся и на Кавказе. По приезде в Петербург они были помещены в гостинице, которая изумила их великолепием.

В необычайно восторженных отзывах Абдур-Рахмана описан прием Шамиля Александром II. «Государь прямо подошел к имаму и, устремив на него свой благодушный взор, сказал, что он очень доволен, видя имама, и затем спросил его о здоровье, а также о здоровье его семейства, и о том, покойно-ли ему живется в Калуге. На это приветствие имам ответил, что он и все его домашние здоровы и совершенно довольны, что признательность за это благополучие и за постоянно оказываемые государем милости так велика, что человеческий язык не в состоянии выразить [3].

Шамиль вместе с Абдур-Рахманом восхищались военным парадом русских войск. Кавалерия, артиллерия произвели на них удивительное впечатление — «способное ослепить зрение и помрачить ум». Роскошные дворцы Петербурга и Петергофа привели их в состояние полного восторга. «Мы видели много,— говорили они,— много такого, чего ни глаз не видал, ни ухо не слышало и мысль не представляла».

В Петербурге Шамиль и его семейство были облагодетельствованы ценными подарками. Сам Шамиль получил из рук царя — богатую золотую шашку, принадлежавшую когда то Мехти-Шамхалу, дагестанскому феодалу.

Шамиль впервые увидел в Петербурге электрический телеграф, кронштадтский флот, стекольный завод, монетный двор. Все, что его изумляло, все эти достижения «ума человека, просветленного наукой», он желал видеть у себя, в родных краях.

В беседах с своим приставом Руновским он затрагивал многие вопросы из общественно-политической жизни России. Во время пребывания в Калуге он вел большую переписку с родственниками и знакомыми на Кавказе. Все письма Шамиля проходили строгую цензуру, даже тогда, когда он принял русское подданство в 1866 г.

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Литературное наследие, т. II, стр. 288.
[2] Газета «Кавказ» № 76, 1862 г.
[3] Там же.

Шамиль, будучи в Калуге, много читал. Он имел собственную библиотеку в 1000 томов. Усиленно интересовался он своим путешествием в Мекку. Старое брало верх. Мусульманские традиции были весьма цепки и живучи. Он не раз просил царя разрешить ему отъезд в Мекку, но царь боялся, что Шамиль мог стать во главе недовольных горцев, которые были выселены царизмом в Турцию. Александр II получил письмо Абд-Эль-Кадера с ходатайством перед русским царем «об увольнении Шамиля в Мекку». По этому поводу военный министр Милютин писал: «Государь император изволил отозваться, что если бы даже и признано было впоследствие возможным разрешить Шамилю путешествие в Мекку, о чем он давно и много раз просил, то во всяком случае разрешение это может низойти от собственного и непосредственного благоусмотрения его величества, а ни в коем случае не вследствие ходатайства иностранца» [1].

Царское правительство считало, что отпуск Шамиля ни в коем случае не может быть допущен до тех пор, пока не затихнут волнения в Малой Азии, неизменно отражающиеся на всем мусульманском населении.

Калужский климат вредно отражался на здоровье семьи Шамиля. В 1868 г. Шамиль получил разрешение выехать из Калуги в Киев, куда он и переселился в ноябре месяце того года.

По дороге в Киев он заехал в Курск, где имел встречу с фельдмаршалом Барятинским.

В 1869 г. Шамиль, уже физически надломленный старик, со сказочным прошлым, полным подвигов, получил разрешение выехать в Мекку. Сыновья его оставлены были в России в качестве своеобразных заложников. За самим Шамилем установлен был надзор в Константинополе и в пути его следования в Мекку.

Высшие правящие круги вместе с Александром II всячески хотели обезвредить для себя Шамиля. Шамиль был произведен герольдмейстером в дворяне со всеми нисходящими потомками. В указе от 13 января 1871 г. объявлялось, что «Шамиль со всем его нисходящим потомством всемилостивейше пожалован в потомственное дворянское российской империи достоинство» [2].

Этот документ, переведенный на арабский язык, был отправлен в Мекку в феврале 1871 г. Находившийся в то время в Медине Шамиль «стал заметно слабеть, что должно, между прочим, приписать климату Медины, неблагоприятно подействовавшему на его физические силы, уже потрясенные, как преклонными летами, так и прежними ранами».

В довершение ко всему присоединилась его отеческая горесть и уныние, в которое он впал после смерти двух своих дочерей в Аравии. Временами он впадал в «детское состояние».

Документ о пожаловании Шамиля в дворянство был доставлен ему в 1871 г., когда он умирал в Медине, вдали от родных мест — в обстановке полного одиночества.

Печатаемые ниже документы относятся к периоду пребывания Шамиля в России, сначала в Калуге, потом в Киеве до отъезда его в Мекку.

Документы подготовлены к печати тов. Бондаревским.

С. Бушуев

Отношение калужского губернатора приставу при военно-пленном Шамиле штабс-капитану Руновскому, 20 декабря 1859 г. [3]

Возвращая к вашему высокоблагородию копию с условия, заключенного с государственным крестьянином Мустафою Як'ином [4], дол-

---

[1] МИД, Азиатский департамент, д. № 166, л. 93.
[2] МИД, Азиатский департамент, д. 166, л. 136.
[3] Киевский областной Исторический архив (КОГА), Ф. пристава при военно-пленном Шамиле, д. № 1, 1859 г.
[4] Переводчик, назначенный к Шамилю.

гом считаю уведомить вас, милостивый государь, что о немедленном выполнении, на основании высочайше утвержденного положения для г. Калуги о постойной повинности, представления вашего от 19 сего декабря за № 40, относительно отвода для Ях'ина квартиры, мною вместе с сим предписано здешней квартирной комиссии, с тем, чтобы о распоряжении своем она безотлагательно уведомила вас.

Исп. долж. гражданского губернатора (подпись).

Отношение инспекторского департамента военного министерства штабс-капитану Руновскому, 31 декабря 1859 г.[1]

Письма от Шамиля, или его семейства на имя наместника кавказского должны быть на будущее время отсылаемы из Калуги прямо по адресу.

Равномерно и письма генерал-фельдмаршала князя Барятинского к Шамилю, которые будут доставляемы к вам или начальнику губернии при особой бумаге Главного штаба Кавказской армии, должны быть тотчас вручаемы Шамилю без предварительной отправки в Петербург, с корреспонденциею же Шамиля с другими лицами следует поступать на основании § 6 инструкции.

Дежурный генерал (подпись).

Отношение инспекторского департамента военного министерства штабс-капитану Руновскому, 7 января 1860 г.[2]

Государь император в 1-й день сего января высочайше повелеть соизволил: в должность положенного при Шамиле переводчика с правами государственной службы определить кандидата С. Петербургского университета Турминского, с зачислением в число чиновников инспекторского департамента военного министерства и с производством ему содержания, по осьми сот рублей серебром в год.

О таковом высочайшем повелении уведомляю вас, присовокупляя, что вместе с сим я прошу комиссариатский департамент, чтобы причитающееся Турминскому по означенной должности содержание отпускалось по требованию вашему.

Дежурный генерал (подпись).

Письмо военного министра командующему войсками Киевского военного округа, 6 июля 1868 г.[3]

Шамиль обратился ко мне с просьбою об исходатайствовании высочайшего соизволения на переселение его в г. Киев, в том внимании, что город этот, по своему местоположению и климатическим условиям, лучше других городов России, в особенности же Калуги.

Государь император, по докладу этой просьбы, с удовольствием соизволяет на переселение Шамиля в Киев.

Сообщая об этом высочайшем соизволении вашему высокопревосходительству и имея в виду, что прежде, чем привести его в исполнение, необходимо приискать для Шамиля в Киеве помещение, соответствующее всем условиям жизни его, я считаю необходимым изложить нижеследующие сведения для вашего соображения по этому предмету.

---

[1] Киевский областной исторический архив, ф. пристава при военно-пленном Шамиле, д. № 1, 1859, л. 3.

[2] Там же, л. 6.

[3] КОГА, ф. канц. киевского губ-ра, д. № 328, л. 2; печатается по копии.

Шамиль получает ежегодного содержания от казны 15 тыс. руб. сер. и сверх того, для него нанимается от земства особый дом, имеющий 22 комнаты, а на лето, для найма дачи, отпускается ему от казны ежегодно по 300 руб.

Семейство Шамиля состоит из 11 душ и прислуга из 2-х человек, показанных в прилагаемом списке. В первые годы после поселения в Калуге состоял при Шамиле пристав, как для надзора за ним, так и для того, чтобы среди чуждого для него населения, по неведению им законов, нравов и обычаев края, он имел при себе близкое лицо, с которым мог бы советоваться.

Но в 1866 г. должность пристава при нем упразднена в том внимании, что в продолжение 8-летнего поселения в Калуге, он успел уже достаточно ознакомиться с нашим бытом, надзор же за ним в качестве военно-пленного поручен губернскому воинскому начальнику, а как городского жителя на общих основаниях, губернатору (губернскому воинскому начальнику дана была инструкция, при сем прилагаемая).

В 1866 г. Шамиль со всеми членами его семейства мужского пола принял присягу на верноподданство государю императору, а потому он не может уже более причисляться к военно-пленным, но инструкция, данная губернскому воинскому начальнику, еще не изменена, и ныне, с переселением его на новое местожительство, необходимо будет изменить эту инструкцию, сообразно новому его положению, заменив открытый надзор секретным наблюдением.

Для сношений с Шамилем состоит при калужском воинском губернском начальнике, в качестве переводчика, офицер Донского казачьего войска, получивший воспитание в отделении восточных языков Новочеркасской гимназии, сотник Онуфриев. Он получает от казны двойное жалованье по чину и от города двойные квартирные деньги. Кроме того при Шамиле находится еще вольнонаемный переводчик, Ях'ин, получающий содержания от казны по 400 руб. в год и пользующийся квартирою в доме, занимаемом Шамилем.

В продолжении 8-летнего пребывания Шамиля в Калуге опыт показал, что хорошим обращением с ним можно управлять им по желанию и что в нем есть много прекрасных и возвышенных чувств, особенно же безпредельная преданность его государю императору.

По этому было бы желательно, чтобы он был в ведении лиц, достойных уважения и способных приобрести расположение его. Желательно также, чтобы он не лишен был тех удобств жизни, которыми пользуется в Калуге. Старший сын Шамиля, Кази-Магомет, живущий постоянно при отце, человек еще молодой, пользовался большою популярностью в Дагестане и, по некоторым бывшим с ним случаям, требует принятия против него больших мер предосторожности, чем сам Шамиль.

Для приведения в исполнение высочайшей воли, имею честь покорнейше просить сообщить мне соображения ваши об устройстве Шамиля.

Именной список семейства Шамиля и состоящей при нем прислуги

1 Шамиль . . . . . 72 лет
2 Загидат жена его . . . . . 42 »
3 Шаунет » » . . . . . 41 »

Сыновья

1 Кази-Магомет . . . . . 37 »
2 Магомет . . . . . 6 »

Брат жены Кази-Магомета

1 Мухамед

Дочери Шамиля

1 Фатимат . . . . . 23 »
2 Наджабат . . . . . 19 »
3 Софиат . . . . . 13 лет
4 Баху-Меседу . . . . . 11 »

Жена Кази-Магомета

1 Габибат . . . . . 22 »

Дочь Абдурахмана

1 Маговзат . . . . . 9 »

Служанки

1 Вали-Кизь . . . . . 62 »
2 Джариат . . . . . 22 »

Отношение киевского, подольского и волынского генерал-губернатора киевскому губернатору, 31 июля 1868 г.[1]

Генерал-лейтенант Карлгоф телеграммою от 30 июля из Петербурга уведомил меня, что для выбора помещения Шамилю командируется сын его Гази-Магома с сотником Онуфриевым.

Нужным считаю сообщить об этом вашему превосходительству для распоряжений к оказанию названным лицам с вашей стороны законного содействия при выборе помещения Шамилю.

Генерал-адъютант (подпись).

Записка, составленная переводчиком Онуфриевым со слов Кази-Магомета по вопросу о выборе помещения для семейства Шамиля, 15—17 августа 1868 г.[2]

Из всех домов в г. Киеве, предложенных для помещения Шамиля и его семейства,— дом г-на Судьенка более других подходит под условие образа их жизни, хоть и он не вполне удовлетворяет всем их требованиям.

При отделке этого дома необходимо иметь в виду следующие условия:

1) Парадные комнаты с парадного входа в бельэтаже: передняя, зала и гостинная, а в нижнем этаже передняя и гостинная — отделать в европейском вкусе необходимою для них мебелью и обстановкой. Обои в них, а равно и в остальных комнатах, сделать сообразно внутренней обстановки и драпировки находящейся мебели.

2) Остальные комнаты для семейства распределить и отделать, сообразно приложенного при сем списка семейства Шамиля под лит. А.

3) При переделке печей сделать по возможности топки с наружной стороны жилых комнат, чтобы истопник не мог беспокоить семейства.

4) В число мебели поместить 4 двухспальных кровати, 7 односпальных, 3 детских и 3 простых односпальных для татарской прислуги; а также во всех спальнях поставить умывальники с необходимыми для них принадлежностями.

5) Спальни необходимо отделать если не коврами, то набивными войлоками. Поставить на наружных окнах, выходящих на улицу, ширмочки, которые закрывали бы нижние стекла, и завесить окна и двери портьерами.

6) Приделать к нижнему этажу ретирадное место, которое бы имело сообщение с корпусом дома, и еще бы удобнее, если бы последняя перед этим местом комната могла бы служить купальней для совершения омовения перед молитвой.

Относительно кухонной посуды и других домашних принадлежностей, как-то ламп стенных и столовых, зеркал и туалетов, постелей, медных кувшинов и тазов различной величины и формы, приспособленных к омовению, и других необходимых при доме вещей, в настоящее время положительно нельзя ничего сказать, так как о подобных вещах, заготовленных правительством в г. Калуге и пришедших уже в ветхость в продолжение девяти лет, сделан запрос, как поступить с ними, перевозить ли их в г. Киев или продать в г. Калуге и заготовить новые в г. Киеве. В последнем случае гораздо удобнее было бы командировать кого-либо из лиц, состоящих при Шамиле в г. Калуге, хорошо знакомых с домашним их бытом и обстановкой, за месяц или недели за две до переезда Шамиля с семейством в г. Киев.

---

[1] КОГА, ф. канц. киевского губ-ра, д. № 328, л. 12, печатается по копии.
[2] Там же, лл. 35—40.

для заготовления необходимых домашних вещей, найма прислуги и распределения обстановки и мебели в ихнем вкусе.

7) Поместить офицера переводчика, состоящего при Шамиле, в соседстве с его домом, который постоянно будет необходим при посещении Шамиля посетителями и при выездах его, а равно и семейство вольно-наемного переводчика, жена которого бывает часто необходима для семейства Шамиля.

В избранном для найма доме затрудняет, по неимению помещения, поместить дворецкого и экономa, а равно разместить и остальную прислугу, число которой означено в списке под лит. Б.

14 августа 1868 года г. Киев.

При осмотре еще некоторых помещений нашлись совместными два дома: генерал-лейтенанта Новицкого и г-на Попова, которые бы оба вместе удовлетворили вполне желанию и удобствам для Шамиля и его семейства, первый по изящной отделке, а второй с большим садом при доме, но имея ввиду, что наем этих домов будет сопряжен с большим ущербом для правительства и ремонтировка их будет дорого стоить — сын Шамиля Гази-Магома просит об них не заботиться, а приступить к скорейшей отделке дома г-на Судьенка, который по вторичному осмотру на первый раз вполне удовлетворяет их потребностям и будет достаточным по помещению своему. Если же в доме Шамиля случатся какие-либо перемены, то об этом в свое время Шамиль не оставит просить ходатайства местного начальства об устранении встретившихся затруднений, тем более что дом г-на Судьенка по своему местоположению находится в лучшей части города и, следовательно, имеет первенство перед другими помещениями. Относительно же помещения переводчика и офицера, состоящего при нем, можно расположить их на частных квартирах, в соседстве с домом Шамиля, что будет стоить гораздо дешевле для правительства и устранит всякое столкновение с домами семейства Шамиля.

Войска Донского сотник Онуфриев.

15 августа 1868 года г. Киев.

Так как дом г-на Судьенка не отдается под наем для помещения Шамиля и его семейства, то приискан другой дом — генеральши Масловой, против царской площади; на первый раз будет достаточным для помещения семейства Шамиля, хотя на один год, впредь до приискания более удобного помещения, но как дом этот со всем подворьем и флигелем находится в запущении и стар, то требует тщательного ремонта и исправления. Исправление и переделка в доме г-жи Масловой лично указаны Гази-Магомой состоящему по особым поручениям при начальнике Киевской губернии поручику Алексееву.

Войска Донского сотник Онуфриев.

17 августа 1868 года г. Киев.

Список лит. А, семейства Шамиля для наглядного соображения, с разделением отдельных их семейств для распределения помещения.

1) Имам Шамиль: отдельную комнату (кабинет) для молитвы, его занятий и помещения библиотеки, состоящей из 1000 экземпляров; необходимая для него мебель: односпальная кровать, умывальник, письменный стол, гардероб или комод для платья и шкапы для вмещения библиотеки.

2) Жена его Загидат: три комнаты — спальня, уборная и гостинная; мебель: двухспальная кровать, умывальник, туалет, гардероб и другие необходимые принадлежности.

3) Детская комната — одна для взрослой дочери Наджибат и Баху-Меседо; две односпальных кровати и другая необходимая мебель.

4) Другая жена — Шуанет: две комнаты — спальня и уборная; мебель: двухспальная кровать, умывальник и другие необходимые принадлежности и мебель.

5) Детская для ее дочери Софиат с необходимою обстановкою и мебелью.

6) Замужняя дочь Шамиля — Фатимат: три комнаты — спальня, уборная, гостинная; мебель: двухспальная кровать, туалет, умывальник, мебель и другие необходимые принадлежности.

7) Старший сын Шамиля, Гази-Магома: три комнаты — спальня, кабинет, гостинная; мебель: письменный стол, кровать, туалет, и другая обстановка, и мебель для всех трех комнат.

8) Жена его Хабибат: пять комнат — а) спальня с двухспальной кроватью, умывальником и другими принадлежностями, б) уборная со шкапом для платья и туалетом, в) детская с детскою кроватью и девичья, г) гостинная с мебелью.

9) Мамка Джариат: две комнаты — спальня и детская с кроватью для дитяти 2-х лет.

10) Экономка Вали-Кыз: три комнаты — одна для жилья, 2-я для продуктов и 3-я для погреба.

Войска Донского сотник Онуфриев.

Список лит. Б.
Прислуга, необходимая для Шамиля и его семейства [1]

1 Один швейцар и лакей в передней
2 Буфетчик — один
3 Повар — два: один татарский и один русский
4 Эконом, он же и приходорасходчик
5 Кучер один
6 Дворник — два: один истопник, один водовоз
7 Дворецкий или управляющий домом
8 Прачка одна
9 Кухарка для людей — одна
10 Горничные — четыре

Татарская прислуга

11 Эконом — татарин (Магома)
12 Экономка — татарка (Вали-Кыз)
13 Каравашка (крестьянка) Джариат

Итого 18 душ

Отношение штаба Киевского военного округа киевскому губернатору, 27 августа 1868 г. [2]

Постоянный надзор за Шамилем и его семейством я полагаю поручить киевскому коменданту на основаниях, изложенных в составленной для сего инструкции, проэкт которой прилагается и для вашего сведения, так как, независимо от надзора со стороны коменданта, Шамиль с семейством, в качестве городского жителя, согласно высочайшему повелению, должен быть подчинен и наблюдению вашего превосходительства на общих основаниях, как и другие городские жители.

Как переселение Шамиля с семейством, по сношению моему с военным министром, имеет последовать в конце сентября, то не оставьте,

[1] КОГА, ф. канц. киевского губ-ра, д. № 328, л. 38, печатается по копии.
[2] Там же, л. 19.

ваше превосходительство, озаботиться, чтобы к тому времени было окончено приспособление для них помещения, при чем самое приспособление необходимо произвести по соглашению вашему с киевским комендантом.

О времени окончательного устройства помещения прошу уведомить меня.

Командующий войсками генерал-адъютант (подпись).

Отношение киевского губернатора состоящему в распоряжении губернатора поручику Алексееву, 2 сентября 1868 г.[1]

Переселение из Калуги Шамиля с семейством имеет последовать в конце сентября, к каковому времени должно быть окончено приспособление для них помещения.

Вследствие сего поручаю вашему высокоблагородию немедленно донести мне, какие именно вещи для устройства помещения для Шамиля следует перевести из Калуги, или же там продать, а здесь купить новые.

Губернатор (подпись).

Письмо военного министра командующему войсками Киевского военного округа, 1 ноября 1868 г.[2]

Препровождая при сем к вашему высокопревосходительству для зависящего распоряжения копию с высочайше утвержденной в 8 день прошлого октября инструкции киевскому коменданту о надзоре за Шамилем и семейством его в г. Киеве, имею честь уведомить, что министром финансов предложено уже Киевской казенной палате о производстве по требованию киевского губернатора, из экстраординарной по губернии суммы, денег на наем и отопление квартиры, нанятой для Шамиля в Киеве. При этом считаю нужным присовокупить, что как Шамилю в пособие на подъем для переезда в г. Киев и для обзаведения на новом месте жительства всемилостивейше пожаловано 3 тыс. руб., и вместе с тем предоставлено ему продать в свою пользу мебель и все вещи, заведенные для него в Калуге на счет казны, то в заготовлении для него в Киеве мебели и проч. вещей на казенный счет не представляется уже надобности и должно ограничиться только наймом для него квартиры и отоплением ее.

О времени выезда Шамиля из Калуги в Киев будет сообщено вашему высокопревосходительству особо.

Военный министр, генерал-адъютант Милютин.

Инструкция киевскому коменданту[3]

1

Правительство, вверяя киевскому коменданту надзор за Шамилем, возлагает на него также обязанности ограждать его от всего, что может отягощать его положение, и в уважительных просьбах быть за него ходатаем.

2

Присмотр за Шамилем и его семейством должен быть постоянный, но для него нестеснительный.

[1] Там же, л. 96.
[2] Там же, л. 65.
[3] Там же, лл. 66—70; печатается по копии. На копии имеется помета: «На подлинной написано «Высочайше утверждена в 8 день октября 1868 г. Подписал военный министр, генерал-адъютант Милютин».

3

Шамилю и семейству его дозволяются беспрепятственные прогулки: пешком, в экипажах и верхом, как в городе так и за городом.

Он и семейство могут свободно посещать театры и собрания, как публичные, так и частные, держать своих собственных лошадей верховых и упряжных. При выезде Шамиля и его семейства за город должен сопровождать их по назначению киевского коменданта офицер. При выездах Шамиля в гости и публичные собрания сопровождает его офицер переводчик, состоящий при киевском коменданте, если Шамиль того пожелает; при поездках же Шамиля и семейства его за город представляется усмотрению киевского коменданта назначать для сопровождения их офицера переводчика, или одного из офицеров киевского гарнизона.

4

Киевский комендант разрешает посторонним лицам, как русским подданным, так и иностранным посещать Шамиля, заботясь, однако, о том, чтобы посещения эти не беспокоили его. При посещениях посторонних лиц присутствовать непременно офицеру переводчику, исключая тех из городских жителей, которые лично известны киевскому коменданту, и получат от него раз навсегда дозволение посещать Шамиля, во всякое время. Магометан, приезжающих с Кавказа, для свидания с Шамилем допускать к нему не иначе, как с письменного разрешения от главного кавказского начальства; допущение же к нему прочих магометан зависит от усмотрения киевского коменданта. Вообще наблюдать, чтобы Шамиль и его семейство не могли иметь каких-либо подозрительных сношений.

5

Для объяснения с Шамилем назначаются два переводчика: один офицер из донских уроженцев, окончивший курс в отделении восточных языков Новочеркасской гимназии и практически приобревший службою на Кавказе навык свободно объясняться на арабском или одном из кавказских языков, и другой вольнонаемный домашний переводчик в семействе Шамиля. Первый состоит при киевском коменданте, пользуется правами действительной службы и назначается для таких разговоров с Шамилем и его семейством, которые не касаются до обыкновенных его сношений по домашним его делам и хозяйству, последний же, состоя в полном подчинении киевского коменданта, назначается для переводов в домашнем его быту.

6

Все письма, которые будут получаться в Киев на имя Шамиля или его семейства, а также письма, отправляемые ими, киевский комендант представляет в главное управление иррегулярных войск.

7

Киевский комендант должен избегать без надобности обременять Шамиля частою посылкою к нему офицера переводчика, особенно не должен препятствовать ему и его семейству в исполнении религиозных его обрядов и привычек домашней жизни.

8

Всемилостивейше назначенное содержание Шамилю с его семейством по 15 тыс. руб. сереб. в год принимается по распоряжению киевского коменданта за каждые три месяца вперед, и принятые деньги тот час

же вручаются самому Шамилю под собственную его расписку, которая должна служить квитанциею в исправном доставлении ему денег и быть передана в казначейство. Киевский комендант не должен вмешиваться в расходы Шамиля и вообще ни в какие хозяйственные и семейные распоряжения его, если они не заключают в себе ничего противнаго нашим законам. На наем для Шамиля летом дачи и на все прочие расходы по летнему пребыванию Шамиля на даче отпускается в распоряжение киевского коменданта из Государственного казначейства ежегодно 300 рублей серебром.

9

Киевский комендант должен, по возможности, стараться исполнять просьбы и желания Шамиля, если к тому не встречается особых препятствий и если это во власти киевского коменданта.

Обо всем же, что будет превышать его власть, он представляет командующему войсками для разрешения своею властью, или через сношение с военным министром.

10

В доме, занимаемом Шамилем, постоянно помещается вольнонаемный переводчик, а при переезде Шамиля летом на дачу должен постоянно при нем жить офицер, назначенный по распоряжению киевского коменданта. Более никто из людей, не принадлежащих к семейству и прислуге Шамиля, не должен в доме и на даче, занимаемых ими, помещаться без разрешения киевского коменданта, а горцев, ссылаемых с Кавказа, воспрещается Шамилю принимать к себе в дом.

11

Содержание для офицера переводчика, состоящего при киевском коменданте, и вольнонаемного переводчика отпускается: для первого двойное жалованье по кавалерийскому окладу, табели 1841 года, от казны, по военному ведомству, и квартирные деньги по чину от города; а последнему 400 руб. серебр. в год, от казны по военному ведомству; деньги же на наем, ремонт и отопление дома,отпускаются из Государственного казначейства, по требованию киевского губернатора, на обязанность которого возлагается заботиться о приличном и исправном помещении Шамиля с его семейством.

12

О важнейших происшествиях с семейством Шамиля и о всех случаях, непредвиденных инструкциею и представляющих какое-либо затруднение в разрешении, киевский комендант доносит командующему войсками и военному министру или сообщает Главному управлению иррегулярных войск.

13

Как житель города Киева, Шамиль с его семейством подчиняется киевскому губернатору на общих основаниях, как все другие обыватели, во всех же прочих случаях киевскому коменданту, на основании инструкции.

14

По делам Шамиля, относящимся одинаково до ведения киевского губернатора и киевского коменданта, они поступают по взаимному между собою соглашению.

Начальник Главного управления, генерал-лейтенант Карлгоф.
Начальник отделения полковник Линднер.

Отношение калужского губернского воинского начальника киевскому губернатору, 8 ноября 1868 г.[1]

Вследствие полученной телеграммы из Главного управления иррегулярных войск, прикомандированный к присвоенному мне Управлению, для объяснения с Шамилем, войска Донского сотник Онуфриев 8 числа сего месяца выехал в г. Киев для заготовления необходимых для Шамиля вещей, найма прислуги и размещения обстановки и мебели в нанятом для него доме.

Об окончательной ремонтировке дома, поименованной офицер должен сообщить телеграммою и по получении ответной телеграммы о выезде Шамиля, выехать для встречи к нему в Курск для присутствования при свидании с генерал-фельдмаршалом князем Барятинским, котораго Шамиль намерен посетить при проезде в г. Киев.

О чем для сведения имею честь сообщить вашему превосходительству.

Воинский начальник генерал-майор (подпись).

Письмо главнокомандующего Кавказской армией в. к. Михаила Николаевича военному министру Д. А. Милютину[2]

Прилагаемым при сем в копии письмом Шамиль просит ходатайства моего о дозволении ему отправиться в Мекку для поклонения священным для мусульман местам.

Вопрос об увольнении Шамиля в Турцию уже был обсуждаем мною в 1866 г. по поводу отзыва вашего высокопревосходительства от 5 февраля. В то время я высказался против этого увольнения, видя причину тому, как в положении сопредельных нам малоазийских провинций Турции, так и в настроении горского населения в кавказских пределах, более обыкновенного напряженном, вследствии частию только что совершившихся, а частию еще предстоявших важных реформ в быте этого населения.

В настоящее время в состоянии горских населений, и вообще в положении кавказских дел исключительно, я не нахожу причины отказывать безусловно Шамилю в исполнении его желания, тем более, что, соображая обстоятельства, касающиеся настоящего положения Шамиля и всего поведения его со времени водворения в России, а также в виду того, что, прося отпуска, Шамиль оставляет в России своих сыновей, я мало склонен заподозрить его в неискренности и видеть в поездке его какую-либо, противную интересам правительства, заднюю мысль.

Затем неудобство увольнения Шамиля в Турцию представляется мне только в том случае, если отношения наши к этой державе останутся неразъясненными и представляющими возможность близкого разрыва. Тогда, весьма вероятно, как турецкое правительство, так и вообще многочисленные недоброжелатели наши, пребывающие в Турции, не преминули бы употребить усилия, чтобы извлечь пользу из пребывания там Шамиля и сделать его орудием для действия на кавказских мусульман во враждебном для нас смысле.

Может быть, что при известном закале характера Шамиля, он и в этом случае остался бы верен данным русскому правительству обетам, но, по мнению моему, все-таки было бы осторожнее дать ему отпуск только тогда, когда отношения наши к Турции перестанут возбуждать опасения близости враждебного столкновения.

---

[1] КОГА, ф. канц. киевского губ-ра, д. № 328, л. 71; печатается по копии. На копии имеется помета: «На подлинной написано «Высочайше утверждена в 8 день октября 1868 г. Подписал военный министр, генерал-адъютант Милютин».

[2] Архив внешней политики, д. № 6, 1849 г., лл. 99—100. Письмо без даты.

Прошу ваше высокопревосходительство настоящее мнение мое, вместе с письмом Шамиля, повергнуть на всемилостивейшее воззрение государя императора и о том, какое по настоящему предмету последует высочайшее соизволение, уведомить меня и приказать сообщить Шамилю [1].

Обращение Шамиля к главнокомандующему Кавказской армиею в. к. Михаилу Николаевичу, 19 декабря 1868 г. [2]

Прожив в России более девяти лет, я постоянно пользовался и пользуюсь милостями государя императора,— милости эти увеличивались с каждым днем.

Осыпанный благодеяниями не по моим заслугам, я не нашел других средств, выразить мою сердечную благодарность и мою глубокую преданность, как принять, с моим семейством, присягу на верноподданичество его императорскому величеству и в лице его моему новому отечеству — России, что, с божиею помощью, и совершил в 1866 году.

Вместе с этим, я давно уже имел намерение просить разрешения о дозволении мне отправиться к святым местам, так как по священному обету обязательно для каждого мусульманина посетить святые места и поклониться гробу пророка Магомета, но до сих пор я ни пред кем не заявлял официально моей просьбы.

В настоящее время, будучи дряхл и слаб моим здоровьем, боюсь, чтобы без исполнения святого моего обета не пришлось мне расстаться с земною жизнью, и потому обращаюсь к в. имп. высочеству с самой искренней просьбой, исходатайствовать у государя императора разрешение отправиться мне, с семейством, в Мекку, для исполнения святого обета и, вместе с тем, пристроить моих взрослых дочерей, оставив в России дорогих сыновей моих — Гази-Магомета и Магому-Шеффи.

По исполнении святой моей обязанности, если бог продлит мои дни, я долгом сочту возвратиться в Россию, чтобы лично повергнуть мою искреннюю признательность к стопам моего благодетеля государя императора и в. имп. высочества, как ходатая моего у престола его величества.

Позволяю себе надеяться, что в. имп. высочество не отринете самой искренней просьбы дряхлого старца и утешите его на закате дней земных!

Вашего императорского высочества искренно преданный и молящийся за вас дряхлый старец Шамиль.

Отношение штаба Киевского военного округа киевскому коменданту, 16 февраля 1869 г. [3]

Государь император, по всеподданнейшему докладу военным министром, высочайше повелеть соизволил: чтобы все письма на имя Шамиля получались с почты переводчиком, и присланные от состоящих на службе родных Шамиля передавались прямо ему, а письма от других лиц прочитывались переводчиком и, если они не заключают в себе ничего особенного, отдавались Шамилю, в противном же случае представлять в Главное управление иррегулярных войск. Что же касается до писем от самого Шамиля, адресуемых на имена высочай-

[1] Печатается по копии. На документе помета: «На подлинном собственною рукою его императорского высочества главнокомандующего Кавказскою армиею написано: «Искренно доброжелательный и душевно-преданный Михаил».

[2] Архив внешней политики, д. № 6. 1849 г., лл. 97—98.

[3] Там же. лл. 6—7.

ших особ, то таковые доставлять в означенное Управление для дальнейшего представления их по адресам, письма же на имя военного министра, а также к генерал-фельдмаршалу князю Барятинскому и к другим лицам дозволить Шамилю отправлять самому безпрепятственно.

О таковом монаршем соизволении, сообщенном к исполнению министру внутренних дел, согласно отзыва Главного управления иррегулярных войск от 7-го сего февраля № 264, поставляю в известность ваше превосходительство для изменения § 6 инструкции, данной вам для надзора за Шамилем и зависящего по сему распоряжения.

Временно командующий войсками генерал-лейтенант (подпись).

Отношение Управления иррегулярных войск киевскому коменданту, 3 января 1869 г.[1]

Начальник штаба Кавказского военного округа, на сделанное отношение уведомил, что так как имение Шамиля в селении Гимра, состоящее в заведывании гимринского старшины Джамал Эдина, не было конфисковано в казну, то его императорское высочество, главнокомандующий Кавказскою армиею, изволил разрешить начальнику Дагестанской области исполнить желание Шамиля о завещании сказанного имения в пользу сирот сел. Гимра.

Главное управление иррегулярных войск уведомляет об этом ваше превосходительство для объявления Шамилю.

Начальник главного управления генерал-лейтенант (подпись).

Отношение штаба Киевского военного округа киевскому коменданту, 28 февраля 1869 г.[2]

Государь император, по всеподданнейшему докладу военным министром просьбы Шамиля, высочайше соизволил разрешить отправиться ему с семейством в Мекку, для поклонения гробу Магомета, оставив в России сыновей его Гази-Магомета и Магому-Шеффи.

Командующий войсками генерал-лейтенант (подпись).

Записка переводчика при Шамиле Онуфриева киевскому коменданту, 12 марта 1869 г.[3]

Военный министр письмом от 17 февраля уведомил Шамиля, что государь император высочайше соизволил разрешить ему, согласно его просьбы, отправиться с семейством в Мекку, оставив в России сыновей своих Гази-Магома и Магомет-Шеффи. Шамиль, желая лично принести свою глубокую признательность государю императору за исполнение его просьбы, телеграммой от 5 сего марта просил министра о разрешении прибыть ему, Шамилю, в С. Петербург; 6 марта получена от его высокопревосходительства ответная депеша, в которой изображено, что государь император с удовольствием узнал об его намерении но, не желая утруждать его пред предстоящим дальнем путешествием, заочно прощается с ним и желает ему счастливого пути, выражая надежду видеться с ним по возвращению из Мекки.

Пользуясь милостивым разрешением государя императора, Шамиль торопится собраться с семейством в дорогу и рассчитывает выехать из

---

[1] КОГА, ф. киевское комендантское управление, 1869 г., № 27, л. 2; сбоку на документе написано: «содержание передано Шамилю 16 января, сотник Онуфриев».

[2] Там же, л. 12.

[3] Там же, лл. 26—35.

Киева не позже последних чисел будущего апреля м-ца; но прежде выезда своего желает, чтобы разъяснены ему были официально следующие вопросы:

1. От кого он Шамиль должен получить заграничный паспорт для себя с семейством, состоящим из девяти душ и для прислуги из трех лиц. Подробный список семейства и прислуги при сем прилагается под лит. А и Б.

2. Шамиль просит, чтобы по выезде его с семейством из Киева в Мекку все содержание, высочайше ему дарованное, оставалось за ним и чтобы Гази-Магома, оставаясь с остальным семейством в Киеве, до возвращения его Шамиля пользовался бы теми же удобствами, какие представлены ему лично; но с тем, чтобы он, т. е. Гази-Магома, в случае надобности высылал бы ему, Шамилю, деньги через банкирские конторы, существующие за границей.

3. Гази-Магомет испрашивает разрешения проводить своего отца с остающимся в Киеве семейством до г. Одессы (список лиц остающихся при Гази-Магома при сем прилагается под лит. В.).

4. Если имеется в виду назначение официального лица от правительства для сопровождения Шамиля в пути, то Шамиль желал бы, чтобы был назначен состоящий при коменданте офицер переводчик, сотник Донского войска Онуфриев, знающий восточные языки, и могущий более других быть полезным ему в дороге. Сотник Онуфриев, как заявил коменданту, согласен сопутствовать Шамилю, если будет со стороны высшей власти дозволено.

5. Сын Шамиля Гази-Магома просит разрешения местных властей до отъезда его отца в Мекку съездить ему по железной дороге в Курск для свидания с генерал-фельдмаршалом князем Барятинским.

6. Шамиль просит ходатайства о дозволении проехать ему с семейством по новой линии железной дороги от Киева до Одессы, которая вероятно еще ко времени его выезда из г. Киева открыта не будет.

Список семейства Шамиля, едущего на поклонение с ним в г. Мекку. Лит. А.

1	Имам Шамиль	74-х лет
2	Загидат жена его	44 »
3	Шуанет жена его	43 »
4	Наджибат, дочь его от Загидат	21 »
5	Баху-Меседо, дочь его от Загидат	14 »
6	Магомет, сын его от Загидат	8 »
7	Софиат, дочь его от Шуанет	15 »
8	Фатимат, дочь его от умершей жены Фатимат: замужем за Сейд Абдурахимом-Хусейн, корнетом 2-го лейб. гусарского Павлоградского ея величества полка	24 года
9	Маговзат, внучка Шамиля от умершей дочери Нафисат, бывшей жены Абдуррахмана	11 лет

Список лиц живущих в доме Шамиля и желающих ехать с ним в Мекку. Лит. Б.

1. Экономка Вали-Кыз, прибывшая из Дагестана вместе с семейством Шамиля в 1859 году, 63-х лет.

2. Эконом Магома-Ходжо-оглы, уроженец из Дагестана, сел Гимры, взятый в плен русскими до покорения Дагестана и служивший в Рос-

сии 13 лет; в настоящее время находится в бессрочном отпуску, поступил в услужение к Шамилю в конце 1867 года.

3. Житель селения Орота, Аварского округа, Дагестанской области Нур-Магома Хаджиев, прибывший из Дагестана в прошлом, 1868 г., для свидания с Шамилем, по билету с разрешения военного министра, где он может Хаджиев оставаться на срок по усмотрению Шамиля.

Список членам семейства Шамиля, остающимся в России, в г. Киеве. Лит. В.

1 Гази-Магомет, сын Шамиля . . . . . 38 лет
2 Хабибат, жена Гази-Магомета . . . . . 23 »
3 Нафисат, дочь Гази-Магомета . . . . . $1\frac{1}{2}$ »
4 Джарият, служанка из татарок . . . . 30 »
5 Магома Зейд, сын ея . . . . . 2 »
6 Магомет-Шеффи, сын Шамиля, служащий в Петербурге в конвое его величества штабс-ротмистром, ныне по службе в г. Тифлисе . . . . . 31 г.
7 Сейд Абдуррахим-Хусейн, зять Шамиля, корнет 2-го лейб-гусарского Павлоградского ея величества полка, расположенного в гор. Торжке Тверской губернии . . . . . 29 лет

Рапорт состоящего при Шамиле переводчиком Онуфриева киевскому коменданту, 11 мая 1869 г.[1]

Вследствие предписания вашего превосходительства от 8-го сего мая за № 2967, имею честь донести, что Шамиль завтрашнего числа утром выезжает на пароходе с семейством из Киева. Для сопровождения его до г. Одессы едет сын его Гази-Магомет с семейством, откуда, проводив отца, воротится вместе со мною обратно в г. Киев.

Войска Донского сотник Онуфриев.

Из отношения киевского коменданта начальнику штаба Киевского военного округа, 15 мая 1869 г.[2]

Уведомляю ваше превосходительство для доклада командующему войсками округа, что Шамиль с семейством 12 числа сего мая выехал из г. Киева на пароходе.

(Подпись).

Отношение главного штаба военного министерства киевскому, подольскому и волынскому генерал-губернатору, 23 августа 1871 г.[3]

Сыновья покойного Шамиля, Гази-Магомет и штабс-ротмистр собственного его величества конвоя Магомет-Шеффи, обратились с ходатайством дозволить Гази-Магомету переселиться, в виде безсрочного отпуска, в Турцию для устройства быта оставшихся вдов Шамиля и для попечения за ними, и при этом, во внимание к издержкам, понесенным Гази-Магометом при поездке его за границу для свидания

[1] КОГА, ф. киевское комендантское управление, 1869 г., № 27, л. 2; сбоку на документе написано: «содержание передано Шамилю 16 января, сотник Онуфриев», л. 55.
[2] Там же, л. 56.
[3] КОГА, ф. канц. киевского, подольского и волынского ген.-губ., д. № 201, 1868 г., лл. 20, 21.

с покойным Шамилем, увеличить отпускаемое семейству шейха содержание и дать средства на уплату сделанных долгов.

По всеподданнейшему моему докладу о таковом ходатайстве государь император в 17-й день сего августа соизволил повелеть.

1. Дозволить Гази-Магомету (находящемуся ныне в Киеве) с его семьею, вдовами покойного Шамиля и находящимся при одной из них сыном, проживать за границею, не лишая их при этом назначенного уже им высочайшею милостию содержания, именно Гази-Магомету по пяти тысяч руб. в год, а двум вдовам Шамиля (с сыном одной из них) по одной тысяче каждой, всего же по семи тысяч руб. в год. Штабс-ротмистру собственнаго его величества конвоя, Магомету-Шеффи, как состоящему на службе, производить, как уже было повелено, по одной тысяче добавочного пособия сверх получаемого им по службе содержания.

2. Для покрытия долгов, вызванных переселением Шамиля с его семейством в Мекку, болезнью его, и расходов на предстоящий переезд Гази-Магомета отпустить сему последнему, в виде единовременного пособия, всю ту сумму, которая останется свободною по смете текущего 1871 г. от уменьшения расходов казны на содержание покойного Шамиля и на наем ему в Киеве помещения.

О таковом высочайшем повелении имею честь сообщить вашему сиятельству для объявления Гази-Магомету. Последовавшее монаршее соизволение оставаться ему и другим членам семейства Шамиля безсрочно за границею, с получением назначенного им содержания,— должно служить им лестным для них выражением высочайшего доверия к благородным и честным правилам сыновей Шамиля.

Военный министр генерал-адъютант (подпись).

Царизм в борьбе с революционной печатью в 1905 г.

В период первой русской революции большевистские газеты, листовки и брошюры были зажигательными бомбами, воспламенявшими пожар революции. Поэтому царское правительство, ведя борьбу с революционной печатью, самые ожесточенные удары направляло против марксистской и большевистской печати, как наиболее опасной для правительства. Об этом свидетельствуют многочисленные репрессии против сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, против марксистских и большевистских газет и журналов.

Царское правительство в 1905 г. вело борьбу с революционной печатью двумя способами: с одной стороны оно все более и более усиливало административные и судебные репрессии против этой печати. Авторы и издатели революционных произведений привлекались к судебной ответственности и административным взысканиям, а сами издания подвергались беспощадному уничтожению. С другой стороны, правительство организовало ряд монархических печатных органов для борьбы с революционной печатью. Такие органы печати, как «Русское знамя», «Стрела», «Двуглавый орел» и другие черносотенные, погромные газеты, были специально созданы для борьбы с революцией 1905 г. и вообще с революционно-социалистическим движением в России. Для борьбы с революцией в деревне была организована правительственная газета «Сельский вестник».

Ведя беспощадную борьбу с революционной печатью, царское правительство всячески содействовало реакционной, монархической печати, субсидируя и рекламируя ее. Поэтому понятно, что пресловутая свобода печати, якобы предоставленная народу манифестом 17 октября 1905 г., была наглым обманом. Свобода была лишь для монархической и буржуазной печати, выражавшей интересы помещиков, кулаков и капиталистов. Рабочая, большевистская печать всячески преследовалась. Манифест 17 октября, как и Государственная дума были средствами борьбы самодержавия с революционным движением рабочих и крестьян. Царское правительство, напуганное революцией 1905 года, издало манифест 17 октября с целью отвлечения рабочих и крестьян от революционного движения и создания передышки с тем, чтобы, собрав силы, снова обрушиться на революционный народ. И мы знаем, что вскоре после манифеста пресловутой «свободы», правительство повело беспощадную борьбу с революционным движением, расстреливая рабочих и крестьян, организуя карательные отряды для расправы с революционными крестьянами. Царский манифест «свободы» был залит кровью рабочих и крестьян. После революции 1905 года правительство незамедлило взять обратно все свои обещания свободы и ликвидировать те мизерные уступки, которые были им вынужденно даны под натиском революционной волны.

Не успело правительство огласить манифест 17 октября, как появились временные правила о периодической печати 24 ноября 1905 года, которые по существу были направлены против свободы печати. Для обмана народа говорилось, что эти правила исходят из манифеста 17 октября и «обеспечивают свободу слова», но сами правила устанавливали широкое применение административных мер и судебных преследований против революционной печати. Правда, по сравнению с прежним варварским положением печати, в 1905 г.

наблюдается некоторое послабление цензуры, что отмечал и В. И. Ленин. Например, в 1905 г. были разрешены цензурой произведения, которые до сего времени находились под строгим запретом. Были разрешены сочинения Чернышевского, ранее запрещаемые произведения А. С. Пушкина, Т. Г. Шевченко и др. Но это было не долго. Собрав силы и расправившись с революцией, царское правительство незамедлило повести решительную борьбу с произведениями, которые были пропущены цензурой в 1905 году, а также и с теми произведениями, которые были изданы в это время помимо цензуры. Так, например, произведения Шевченко, дозволенные цензурой и изданные в период первой русской революции, подверглись в 1911—1912 гг. судебному преследованию и уничтожению.

В конце 1905 года Совет министров и Государственный совет сочли нужным предоставить министру внутренних дел возможность единолично и безнаказанно глушить противоправительственную печать. Было решено «облечь министра внутренних дел властью арестовывать отдельные номера газет и журналов и временно, на срок не свыше одного месяца, приостанавливать повременные издания, не прибегая к возбуждению судебного преследования»[1].

Указом 18 марта 1906 г. вводятся новые стеснения печати. В указе отмечалось, что временные правила оказались недостаточными для борьбы с нарушениями правил периодической печати. 24 марта 1906 г. был опубликован закон «об установлении уголовной ответственности за распространение ложных сведений о деятельности правительственных установлений и должностных лиц»[2], который был направлен, главным образом, против революционной печати. 26 апреля того же года последовал новый указ о цензуре непериодических изданий (книг и брошюр). Местные комитеты и инспектора по делам печати обязаны налагать аресты на все экземпляры книг, признанных преступными, с извещением об этом судебных органов для возбуждения уголовных преследований.

На основании этого закона царское правительство в течение нескольких лет до самой революции 1917 года подвергало судебному преследованию и уничтожению книги, изданные еще в период революции 1905 года.

1 декабря 1906 г. Совет министров внес постановление «об установлении уголовной ответственности за восхваление преступных деяний в речи или печати».

Кроме этих законов, доведенных правительством до общего сведения, имелись секретные предписания губернаторам, цензорам и другим чиновникам высшей и местной власти по борьбе с революционной печатью.

Особое внимание было обращено на газеты и книги, предназначенные для распространения среди народа. Царское правительство давно вело борьбу с массовыми изданиями противоправительственного и революционного содержания. Эти дешевые брошюры ценою в 2—3 копейки предназначались, главным образом, для народного чтения и расходились в большом количестве. Еще в 1848 году Комитет, прилагая все усилия для искоренения революционной и социалистической литературы, беспощадно запрещал издание книг для народа. В последующие годы многократными циркулярными распоряжениями цензура душила массовые революционные книги для народа (особенно книги о Разине, Пугачеве), в которых выражалась классовая ненависть рабочих и крестьян к помещикам, капиталистам и царским чиновникам.

В противовес революционной литературе царское правительство стремилось создать свою, монархическую правительственную печать, считая это важнейшим средством борьбы с революционной печатью. Правительство реорганизовало свои органы печати: «Правительственный вестник» и «Сельский вестник» с целью более широкого распространения монархических идей. С этой же целью

[1] «Правительственный вестник», 27 ноября 1905 г., № 256.
[2] «Правительственный вестник» 24 марта 1906 г., № 68.

при газете «Сельский вестник» издавались миллионными тиражами дешевые и бесплатные приложения.

16 марта 1905 г. А. Г. Булыгин в своем докладе Николаю II предложил превратить газету «С. Петербургские ведомости» в консервативный орган правительства. 12 апреля того же года в другом докладе царю о борьбе с революционной печатью путем организации правительственной печати Булыгин писал: «Давно сознано, что печать есть великая сила, которою пользуются обыкновенно правительства, а в государствах, имеющих развитую и окрепшую политическую жизнь, и отдельные политические партии для проведения в общество и жизнь своих общих и партийных взглядов и стремлений... Такую силу печати прекрасно поняли развившиеся в последнее время в России революционные группы, которые образовали здесь разного наименования революционные сообщества (социал-революционеров, социал-демократов, коллективистов и проч.) и которые стали забрасывать районы своей деятельности особыми революционными листками — прокламациями, отпечатанными иногда в значительном числе экземпляров».

Далее, указывая на революционное действие прокламаций и трудность борьбы с ними административно-полицейским путем, Булыгин сожалел, что прокламации «все более и более распространяются среди простого народа и расположенных в городах войсковых частей». Ввиду этого Булыгин предлагал Николаю II бороться с этой печатью «иными средствами, между прочим, при помощи той же печати, так как подпольная литература не в состоянии выдержать свободной критики и эта последняя вполне может парализовать тот вред, который приносится означенной литературой».

Стремление создать мощную реакционную печать в противовес революционной печати поддерживалось всеми мракобесами царской России. 2 апреля 1905 г. московский губернатор в письме А. Г. Булыгину, указывая на революционное влияние газет на рабочих и крестьян и видя в этом угрожающую опасность для самодержавия, предлагал немедленно организовать правительственную газету для народа.

Свои планы Булыгин приводил в исполнение. В апреле 1905 года, он предложил начальнику Главного управления по делам печати А. В. Бельгарду выработать конкретный план реорганизации газеты «Сельский вестник». Было решено сделать эту газету более живой и массовой газетой для крестьян, сделать ее ежедневной, постоянной газетой крестьянина и влиять на него в духе непреклонного подчинения царю, чиновнику и церкви. 5 июля 1905 г. этот план реорганизации «Сельского вестника» был доложен Булыгиным Николаю II и утвержден. Эта монархическая газета скоро широко развернула свою деятельность и привлекала к себе наиболее реакционных сотрудников.

Большевистская периодическая печать в 1905 г. испытывала постоянные гонения. Бесконечным репрессиям подвергались большевистские газеты: «Новая жизнь», «Волна», «Вперед», «Эхо», «Тернии труда», «Простые речи», «Зрение», «Новый луч», «Рабочая молва», «Кавказский рабочий листок», выходивший под руководством товарища Сталина.

Но несмотря ни на какие рогатки, большевистская печать росла и крепла и, проникая в народ, звала его на борьбу с самодержавием и капитализмом.

Публикуемые документы хранятся в Центральном Государственном Архиве внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде.

И. Ковалев

Циркуляр Главного управления по делам печати редакторам периодических безцензурных изданий, 12 января 1905 г., № 400 [1]

По соглашению министра внутренних дел с с. петербургским генерал-губернатором, на основании статьи 140 устава о цензуре и печати, Главное управление по делам печати, в дополнение к п. 9 циркуляр-

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 235, 1905 г., л. 15.

ного распоряжения от 22 июля 1902 г. за № 6389, имеет честь объявить гг. редакторам повременных безцензурных изданий, что всякого рода известия о стачках и беспорядках на наших фабриках и заводах, а равно о других нарушениях скопом общественного порядка и спокойствия, могут появляться в печати лишь с разрешения высшей полицейской власти того города, где выходит издание. Вместе с тем, ввиду замечаемого возбуждения среди различных слоев населения, гг. редакторам предлагается относиться с особою осторожностью к статьям, обсуждающим происходящие в различных городах Империи стачки и беспорядки.

Независимо от изложенного, Главное управление по делам печати находит себя вынужденным напомнить гг. редакторам о неуклонном исполнении вышеупомянутого циркуляра от 22 июля 1902 г., который, в частности, в пункте 9 указывает на неподлежащие оглашению сведения по делам политическим.

Начальник Главного управления по делам печати, сенатор Н. Зверев.

Циркуляр Главного управления по делам печати редакторам безцензурных периодических изданий, 29 января 1905 г., № 1040[1]

Ввиду вновь обнаруживающегося среди фабричных и заводских рабочих г. С. Петербурга и его окрестностей стремления к устройству стачек и забастовок, г. министр внутренних дел признал необходимым, в дополнение к циркулярному распоряжению от 12 сего января за № 400, воспретить периодическим изданиям, временно впредь до особого распоряжение, печатание и перепечатку резких и возбуждающих статей и заметок по рабочему вопросу, как способствующих к обострению отношений между рабочими и управлениями здешних фабрик и заводов.

О таковом распоряжении г. министра, Главное управление по делам печати объявляет гг. редакторам безцензурных периодических изданий.

Исп. об. начальника Главного управления по делам печати, член Совета В. Адикаевский.

Циркуляр Главного управления по делам печати редакторам безцензурных периодических изданий, 30 января 1905 г., № 1102[1]

В виду беспорядков, происходящих в среде фабричных и заводских рабочих, распоряжением от 29 сего января уже было воспрещено периодическим изданиям печатание резких и возбуждающих статей и заметок по рабочему вопросу.

Соответственно сему, в виду появляющихся до ныне в газетах статей о столкновениях между офицерами и частными лицами, имевших связь с беспорядками 9 сего января, г. министром внутренних дел признано необходимым воспретить печатание каких бы то ни было статей и заметок, касающихся столкновений военных нарядов с толпою и отдельными лицами.

О таковом распоряжении г. министра Главное управление по делам печати, на основании статьи 140 устава о цензуре и печати, объявляет гг. редакторам безцензурных периодических изданий.

Вр. исп. об. начальника Главного управления по делам печати, член Совета В. Адикаевский.

---

[1] Там же, л. 41.
[2] Там же, л. 47.

Всеподданнейший доклад министра внутренних дел А. Г. Булыгина Николаю II, 10 марта 1905 г.[1]

В то время, как враждебные правительству органы печати, в силу предоставленной им в последнее время значительной свободы, приобретают в среде политически-незрелого русского общества все большее и большее распространение, а с тем вместе силу и авторитет,— охранительная партия, преданная идеям законности, порядка и разумного прогресса в путях, указываемых с высоты престола, лишена возможности проводить в обществе свои зрелые и отрезвляющие идеи, так как не располагает в центре политической жизни страны, в Петербурге, принадлежащим ей печатным органом.

Причиною тому не недостаток публицистических или литературных дарований, которыми консервативная партия наша располагает в изобилии, а недостаток материальных средств для предприятия, требующего весьма значительных затрат. Притом же, вновь учреждаемый консервативный орган, который ныне распространенная повсюду печать крайнего направления стала-бы либо замалчивать, либо осыпать озлобленной клеветой и пристрастной критикой, лишь после нескольких лет упорной и тяжкой работы мог бы пробить себе дорогу и завоевать доверие и внимание публики. В таких условиях трудно собрать на учреждение такого органа потребный капитал, который в течение продолжительного времени грозил бы остаться бездоходным, а, в конце концов, быть может и безвозвратно погибшим.

Субсидироваться у правительства консервативная партия не желала бы, так как это дало бы враждебной ей партии только лишний повод к клевете и дискредитированию газеты, учрежденной на казенную субсидию, выданную хотя бы только в виде ссуды. По этому, единственным исходом представлялось бы приобретение такой газеты, которая имеет уже определенный круг читателей и упроченное положение в семье русской печати, и которая, вместе с тем, была бы до некоторой степени обеспечена и со стороны материальных рессурсов.

Таким органом является газета «С. Петербургские ведомости», находящаяся в бездарных руках князя Э. Ухтомского, который извлекает из нее лишь материальные выгоды, предоставив редакционную часть в распоряжение группы публицистов, крайне враждебных русской национальной идее, и, ради популярности и успеха, отстаивающей интересы инородцев и иноверцев, преимущественно же евреев.

«С. Петербургские ведомости» составляют регалию императорской Академии наук и, подобно «Московским ведомостям», состоящим в таких же отношениях к Московскому университету, обеспечены доходом с казенных и промышленных объявлений, монополия которых закреплена за этими органами.

Привиллегии эти предоставляют арендаторам этих двух газет полное обеспечение дела с материальной его стороны, что для небогатого средствами кружка публицистов консервативного направления дало бы возможность сразу поставить дело прочно и независимо. Притом же, обеспеченная готовым кружком читателей-подписчиков, такая консервативная газета не была бы поставлена в трудное положение завоевать себе аудиторию среди враждебных голосов печати противуположного направления.

Наиболее трудная сторона осуществления этого дела заключается в том, что оно сопряжено с нарушением материальных интересов нынешнего арендатора «С. Петербургских ведомостей», князя Э. Ухтомского; но я полагаю, что правительство, сознавая в данную минуту

[1] Главное управление по делам печати, всеподд. доклады, за 1905 г., д. № 1, лл. 1—4.

всю государственную важность создания свободного, крепкого в своих убеждениях и верованиях, талантливого консервативного органа, не затруднилось бы поддержать такое полезное дело отпуском сравнительно незначительной суммы (и я полагаю тысяч сто) для возмещения князю Ухтомскому убытков от досрочного прекращения заключенного с ним контракта. Этим способом «С. Петербургские ведомости» могли бы в ближайшем будущем перейти в руки вновь избранного правительством редактора, около которого сгруппировались бы вполне преданные русскому делу сотрудники по всем разнообразным отделам большей политической газеты.

Список этих сотрудников, с распределением их по отделам, при сем прилагаю. Он, конечно, далеко еще не полон и пополнение его всецело зависело бы от будущего редактора. Здесь выставлены лишь имена, более или менее известные в литературе и публицистике и которые ясно выражают дух и направление предполагаемого органа.

Из лиц, поименованных в прилагаемом списке, наиболее соответствующим в качестве редактора кажется мне приват-доцент С. Петербургского университета, Б. В. Никольский, человек, до фанатизма преданный охранительным началам и глубоко убежденный в непоколебимости исторических основ русского государственного строя, православия, самодержавия и народности. Г. Никольский человек молодой, ученый, энергичный и весьма талантливый. В разговорах с ним, довольно продолжительных, я имел случай убедиться, что задачи большой политической газеты и техника этого хлопотливого и сложного дела ему не чужды, притом же он пользуется большими связями среди литераторов и публицистов, родственных ему по мысли и духу[1].

(Подпись).

Доклад министра внутренних дел А. Г. Булыгина Николаю II, 20 апреля 1905 г.[2]

Давно сознано, что печать есть великая сила, которою пользуются обыкновенно правительства, а в государствах, имеющих развитую и окрепшую политическую жизнь, и отдельные политические партии для проведения в общество и жизнь своих общих и партийных взглядов и стремлений. В России, благодаря существующим в действующих постановлениях о печати стеснениям и исторически сложившимся причинам, печать заняла иное положение, но и здесь она всегда имела более или менее важное влияние на общественное мнение по тем вопросам, которые подвергались ее обсуждению. Такую силу печати прекрасно поняли развившиеся в последнее время в России революционные группы, которые образовали здесь разного наименования революционные сообщества (социал-революционеров, социал-демократов, коллективистов и проч.) и которые стали забрасывать районы своей деятельности особыми революционными листками-прокламациями, отпечатанными иногда в значительном числе экземпляров. В прокламациях этих подвергаются обсуждению обыкновенно все более или менее выдающиеся явления и события общественной жизни, при чем им дается, конечно, соответствующая окраска и объяснение. Распространяются такие прокламации не только среди интеллигенции, где подобная литература менее опасна, так как производит в большинстве

[1] Вначале доклада помета Николая II: «К докладу». Кроме того министром внутренних дел А. Г. Булыгиным сделана заверительная запись: «Его величество собственноручно соизволил начертать: «к докладу» 16 марта 1905 г. Доложено его величеству 16 марта. Гофмейстер Булыгин.

[2] Главное управ. по делам печати, всеподд. доклады за 1905 г., д. № 2, лл. 5—6.

случаев впечатление бреда больных острым помешательством, но также, главным образом, среди простого народа, который, благодаря своей малограмотности и неразвитости, не имеет возможности критически отнестись к содержанию прокламаций и дать им надлежащую оценку. Поэтому нельзя, к сожалению, сказать, чтобы прокламации революционных обществ были совершенно безвредны, чтобы они не могли не вызывать частичных смут, беспорядков и даже отдельных преступлений.

Между тем опыт показал, что борьба с подобной нелегальной литературой путем преследования тайных типографий, захвата тюков, в которых литература эта пересылается из-за границы, и, наконец, путем изъятия из обращения отдельных прокламаций, не достигает своей цели и эти последние все более и более распространяются среди простого народа и расположенных в городах войсковых частей. Необходимо, поэтому, бороться с этим злом иными средствами и, между прочим, при помощи той же печати, так как подпольная литература не в состоянии выдержать свободной критики и эта последняя вполне может парализовать тот вред, который приносится означенной литературой.

В настоящее время, в силу высочайшего указа 12 декабря прошлого года, законы о цензуре и печати пересматриваются как в Комитете министров, так и в особой высочайше утвержденной комиссии, состоящей под председательством члена Государственного совета Кобеко, и потому можно надеяться, что печать со временем будет поставлена в такое положение, что не только получит возможность быть выразительницею разумных общественных стремлений, но и будет в состоянии бороться с такими явлениями, которые, не соответствуя правильным условиям общественной жизни, вредны или опасны интересам государства или отдельным частям его. Пока, однако, общая печать займет в России такое видное положение и сослужит нашей родине великую службу, смело и открыто раскрывая преступную деятельность революционных обществ и критически относясь к издаваемой этими обществами литературе, казалось бы в высшей степени полезным теперь же распространять среди простого народа особые бесплатные печатные листки, в которых давалась бы правильная оценка главнейших современных событий и которые составляли бы необходимый противовес революционным прокламациям. Составление таких листков может быть поручаемо лицам, известным своею благонамеренностью, опытностью и знанием той среды, для которой означенные листки предназначаются [1].

Гофмейстер Булыгин.

Отношение с. петербургского генерал-губернатора министру внутренних дел. 3 июня 1905 г. [2]

Отношением от 13 мая с. г. за № 1546 я обратился к вашему высокопревосходительству, прося сделать зависящее распоряжение о том, чтобы все редакции периодических изданий во исполнение изданного Главным управлением по делам печати циркуляра от 12 января 1905 г. за № 400, представляли в мою канцелярию на разрешение все вообще статьи, заметки и известия, касающиеся стачек и беспорядков на наших фабриках и заводах, а равно и других нарушений скопом общественного порядка и спокойствия.

[1] В начале доклада помета Николая II: «К докладу». Конец доклада отчеркнут от слов: «Казалось бы...», а на полях возле этих слов помета Николая II: «например издателю газ. «Киевлянин» Пихно».

[2] Главное управ. по делам печати, I отд., д. № 235, 1906 г., л. 220.

В настоящее время, несмотря на последовавшее со стороны Главного управления по делам печати подтверждение о неуклонном исполнении редакциями газет изданного по вышеозначенному вопросу циркуляра, усматривается, что многие газеты продолжают упорно воздерживаться от представления в мою канцелярию указанных выше статей, вследствие чего неоднократно имеют место случаи, когда присланная какой-либо газетой и запрещенная к печатанию заметка, тем не менее появляется полностью в других газетах.

Подобные явления, по справедливости, могут вызвать нарекания со стороны редакций газет, коим запрещены к помещению в печати присланные на разрешение статьи, и, до некоторой степени, дискредитируют деятельность моей канцелярии; независимо от сего, подобное отношение редакций к циркулярным распоряжениям Главного управления по делам печати является несовместимым с авторитетом правительственных учреждений и требует наложение кары на нарушителей циркуляров Главного управления по делам печати.

Вследствие сего, позволяю себе вновь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать сделать зависящее распоряжение о том, чтобы редакциям периодических изданий было предложено неуклонно исполнять требования циркуляров Главного управления по делам печати, касающихся представления на разрешение в мою канцелярию всех указанных выше статей и заметок [1].

Генерал-майор Трепов.

Доклад министра внутренних дел А. Г. Булыгина Николаю II о реорганизации газеты «Сельский вестник», 5 июля 1905 г. [2]

Во исполнение высочайших указаний вашего императорского величества о полной реорганизации издаваемого при «Правительственном вестнике», согласно высочайше одобренной 25 августа 1881 г. программе журнала, «Сельский вестник», на началах, соответствующих современным потребностям крестьянского населения империи, мною, по обсуждении этого дела в особом совещании из сведущих лиц, под председательством начальника Главного управления по делам печати, выработаны следующие главные основания.

«Сельский вестник» должен представлять собою самостоятельное правительственное издание, предназначенное преимущественно для крестьянского населения внутренних губерний империи; поэтому он должен быть доступен по цене и по содержанию для самого широкого распространения среди крестьян, выходить ежедневно, кроме понедельников и дней послепраздничных, при годовой цене в два рубля за экземпляр; будучи изданием правительственным, эта газета по способу изложения не должна однако иметь оффициального характера, а должна быть живою ежедневною газетою, отвечающей совершенно выяснившимся настоящим потребностям крестьянского населения. Соответственно сему программа газеты «Сельский вестник» должна иметь три главных отдела: 1) правовой, 2) отдел внутренних известий и 3) отдел сельско-хозяйственный. На время войны должен быть обра-

[1] После жалобы петербургского генерал-губернатора Главное управление по делам печати, по приказанию министра внутренних дел, разослало новый циркуляр редакторам бесцензурных периодических изданий от 7 июня 1905 г., об обязательном доставлении в канцелярию с.-петербургского генерал-губернатора на рассмотрение всех статей, заметок и известий о стачках и забастовках на фабриках и заводах, а также и о разных революционных событиях.

[2] Главное управ. по делам печати, всеподд. доклады за 1905 г., д. № 4, лл. 8—9.

зован в газете специальный военный отдел. В каждом нумере должны помещаться иллюстрации, не менее двух. Сверх того в программу газеты должен быть введен фельетон («Беседы») повествовательно-поучительного характера на разнообразные темы. Язык газеты должен быть вполне приспособлен к народному пониманию, не переходя однако в подделку под язык простонародный. При газете должны по прежнему издаваться приложения, а именно: ежемесячное литературное прибавление «Бог помочь», ежегодный календарь и, по мере надобности, особые приложения в виде кратких брошюр или листков.

Для выполнения указанных условий и при рассылке, согласно высочайше одобренной 25 августа 1881 г. программе, 15-ти тысяч экземпляров «Сельского вестника» бесплатно волостным правлениям, необходима единовременная затрата на приобретение типографских машин со всеми принадлежностями для типографии и конторы до 50 тыс. рублей и ежегодная субсидия в таком же размере.

В виду необходимости некоторого времени на оборудование типографии и невозможности немедленной полной реорганизации «Сельского вестника», при условии сохранения для существующих 115 тыс. подписчиков до конца текущего года подписной цены в 1 рубль, предположено было немедленно приступить к выпуску этой газеты, вместо одного раза,— три раза в неделю с полным применением всех предположенных прочих условий; ежедневный же выпуск газеты начать с 1 декабря 1905 года. При таком условии в текущем году, как доказал предпринятый уже с 8-го минувшего июня опыт издания газеты, потребовалось бы воспособление лишь в 48 тыс. рублей.

Необходимая на реорганизацию «Сельского вестника» в текущем году сумма до ста тысяч рублей могла бы быть позаимствована из свободной наличности находящегося в распоряжении министерства внутренних дел капитала винного откупа иностранных поселенцев южного края России, к чему министр финансов с своей стороны не встречает препятствий.

Во исполнение преподанных мне высочайших указаний, всеподданейшим долгом поставляю довести о всех изложенных предположениях моих до высочайшего вашего императорского величества сведения [1].

Гофмейстер Булыгин.

Телеграмма московского губернатора Дубасова начальнику Главного управления по делам печати А. В. Бельгарду, 27 декабря 1905 г. [2]

Москва наводняется привозимыми из Петербурга газетами возмутительного содержания о совершившемся восстании, о мерах, которыми оно подавлено, и о представителях власти, главным образом, о генерал-губернаторе, стоявших во главе этого подавления. Благоволите сообщить, какие из этих изданий являются запрещенными, дабы я мог безотлагательно принять меры недопущения их в обращение. Вместе с этим, позволю обратить внимание на сегодняшнюю статью в «Молве», под названием «Листки», а также на журнал «Бурелом», и убедительно прошу запретить издания этого рода и списки их не отказать сообщить мне.

Генерал-адъютант Дубасов.

---

[1] В начале доклада знак рассмотрения Николая II и запись министра внутренних дел А. Г. Булыгина: «Высочайше рассмотрено, 6 июля 1905 г. Гофмейстер Булыгин».

[2] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 235, 1905 г., л. 346.

Доклад председателя Совета министров С. Ю. Витте Николаю II «о распространении в народе печатных изданий общественного и политического характера», 2 февраля 1906 г.[1]

Мемория Совета министров 27 января.

Одним из средств успокоения населения и утверждения в нем правильных политических понятий является разъяснение ему печатным путем действительного положения вещей и намерений правительства. Не подлежит сомнению, что одна из причин возбуждения народных масс лежит в противоправительственной пропаганде, принявшей обширные размеры. Необходимо воздействие и в противоположном духе.

В этом отношении должны иметь значение точная передача и правильное освещение совершающихся событий. Правдивое и спокойное описание событий способно оказывать воздействие на настроение умов, разъяснение же в спокойном и сдержанном тоне истинного значения правительственных действий представляет еще большее значение.

Отдельные лица и учреждения уже обратились к этому способу борьбы с революционными идеями, но главным для них препятствием является отсутствие средств.

Вместе с тем статс-секретарь граф Витте обратил внимание Совета министров на существующее в настоящее время положение, что в случае признания председателем Совета необходимости напечатать какое-либо сообщение или разъяснение по изданным законам, приходится искать желающих принять на себя подобное печатание и обращаться каждый раз по этому предмету с особыми просьбами. Благодаря содействию входящей в состав министерства внутренних дел редакции «Сельского вестника» удалось, хотя с трудом, в виду стесненности в средствах этого издания, напечатать три брошюры, разъясняющие для народа значение высочайших манифестов 17 октября и 3 ноября 1905 г. и выборные правила.

Признавая за распространением в народе сведений печатным путем о происходящих в политической жизни России явлениях государственное значение, следует поставить дело это на более определенную почву.

В настоящее время в этом направлении весьма полезною представляется, например, деятельность по изданию народных брошюр высочайше учрежденной постоянной комиссии народных чтений, издавшей уже несколько брошюр, посвященных современным событиям, и имеющей готовую организацию для распространения своих изданий: через посредство директоров и инспекторов народных училищ и учителей начальных школ, как ведомства министерства народного просвещения, так и духовного ведомства, через губернские и уездные управы, управы по делам земского хозяйства, попечительства о народной трезвости, земские книжные склады и проч. Но деятельность комиссии не может широко развиваться, в виду крайней ограниченности средств: ей отпускается на издания всего по 1 500 руб. в год из сумм министерства народного просвещения, и комиссия не в состоянии печатать новые, уже намеченные ею, брошюры иных издателей.

Другим учреждением, издательская деятельность которого, как сказано выше, должна быть отмечена, является редакция «Сельского вестника». Более значительными средствами располагает ведомство православного исповедания, принявшее это последнее время живое участие в издательской деятельности.

Нельзя не упомянуть, наконец, и о частных предприятиях, заслуживающих поощрения и поддержки, каков например «Союз 17 октя-

[1] Совет министров, д. № 23, 1906 г., лл. 5—6.

бря», «Кружок друзей свободы и порядка», действующий при партии правового порядка. Точно также многие частные лица жертвуют свой труд и время на составление по текущим вопросам брошюр и листков, иногда вполне удачных, но издавать их за отсутствием средств не в состоянии. В случае ассигнования особой суммы на усиление средств для распространения в народе через печать правительственных воззрений, привлечение к деятельности этой главного редактора «Сельского вестника» было бы очень полезно, точно так же как и председателя комиссии народных чтений, с чем вместе явилась бы возможность направить до известной степени деятельность этих учреждений к большему единству.

Кроме того, вышеназванные два учреждения обладают одним из необходимых условий для распространения печатных изданий, а именно обширными связями на местах, поэтому пользоваться их помощью представлялось бы весьма важным; расходование же казенных денег будет производиться при этом под контролем и с ручательством за полезность трат.

Поэтому Совет министров согласно предложению председателя Совета полагал: 1) испросить высочайшее вашего императорского величества соизволение на предоставление из средств государственного казначейства, в виде опыта, на первое время, с целью печатания и распространения доступных для народа брошюр и листков по общественным и политическим вопросам, сумму в 10 тыс. руб., предоставив министру финансов, по соглашению с председателем Совета министров, установить ближайший источник ассигнования и порядок расходования означенных денег, и 2) составить для расходования этих средств особую издательскую комиссию, под председательством председателя высочайше учрежденной комиссии народных чтений, с участием представителей по одному от министерства внутренних дел и ведомства православного исповедания и других приглашаемых по соглашению их лиц, с тем чтобы на обязанности совещания лежало, между прочим, выполнение получаемых от председателя Совета министров указаний, по вопросу о распространении в народе сведений по различным вопросам, путем печати, и, в случае надобности в ассигновании дальнейших сумм, представление о том председателю Совета министров [1].

Граф Витте.

Донесение витебского губернатора министру внутренних дел, 3 июля 1906 г. [2]

Из поступающих ко мне донесений о настроении сельского населения Витебской губернии усматривается, что внимание крестьян в сильной степени обращено на деятельность Государственной думы. Возникла огромная, никогда ранее не замечавшаяся, потребность в газетах, которые переходят из деревни в деревню. Читая отчеты заседаний Думы и газетные комментарии, в особенности по аграрному вопросу, крестьяне все более и более приходят к убеждению, что Дума даст им земли, и вполне уверены, что получат ее на самых выгодных условиях. Такое сознание и всегдашняя склонность крестьян принимать близко к сердцу все, что говорит в их пользу, настраивает крестьян враждебно не только к помещикам, но и вообще к землевла-

[1] Резолюция Николая II: «Это дело министерства внутренних дел, ибо оно располагает специальным капиталом на полезные издания, а если бы средств не хватило, то министр обязан их изыскать».

Рукою С. Ю. Витте написано: «2 февраля 1906 г. Царское Село». Им же написано: «Нужно обращаться к министру внутренних дел с требованиями».

[2] Главное управление по делам печати, IV отд., д. № 24, 1906 г., л. 150. Это донесение было передано в Главное управление по делам печати.

дельцам, на землю которых они смотрят как на долженствующую перейти в самом непродолжительном времени в их собственность. Обстоятельство это дает повод предполагать, что ко времени уборки хлебов взаимные отношения между крестьянами и землевладельцами могут обостриться, хотя в настоящее время случаи правонарушения и захвата частной собственности являются пока единичными и сравнительно легко устраняются.

В ряду возможных мер к успокоению населения представляется необходимым обратить серьезное внимание на повременные издания крайнего направления, которыми неблагонадежные в политическом отношении элементы всеми способами стараются наделить крестьян. Газеты этой категории, своими невоздержанными комментариями работ Государственной думы и сообщением ложных и вымышленных известий о происходящих будто бы в разных местах беспорядках сильно возбуждают умы и настраивают крестьян весьма враждебно, как к земледельцам, так и к агентам правительства.

Вследствие сего и в предупреждение нежелательности распространения, в особенности, среди сельского населения, газет с явно вредным направлением, прошу распоряжения вашего высокопревосходительства о том, чтобы номера повременных изданий, на которые Петербургским комитетом по делам печати налагается арест, были по возможности конфискуемы в Петербурге, так как при позднем получении телеграфных сообщений об этом (не ранее 7—8 час. вечера, а весьма часто ночью и даже на следующий день), не представляется возможности арестовать те номера, которые с скорым поездом из Петербурга № 1 начинают прибывать в губернию с 7 часов вечера дня выхода газет в С. Петербурге.

Вместе с сим считаю необходимым довести до сведения вашего высокопревосходительства, что как свидетельствуют бывшие в последнее время случаи, арестованные в Петербурге газеты получают однако там распространение и затем, спустя 2—3 дня, присылаются в губернию частными лицами под бандеролью, оплаченной почтовым сбором.[1]

Губернатор Гаршау-Флотов.

Особый журнал Совета министров от 1 декабря 1906 г. об установлении уголовной ответственности за восхваление преступных деяний в речи или печати[2]

Политические партии и отдельные лица, ведущие борьбу против существующего государственного строя, далеко не всегда прибегают к открытому призыву населения к учинению преступных действий, направленных к ниспровержению государственных установлений. Напротив того, весьма часто они пытаются достигнуть своих преступных целей косвенными способами, подрывая уважение к существующим законам и распространяя в народе убеждение, что нарушение их не только не представляет чего-либо позорного, но заслуживает даже нравственного оправдания. Такие восхваления в печати или в публичных речах преступных деяний создают для современных обществ весьма серьезную опасность, и западно-европейские государства приняли уже меры к противодействию им.

В большинстве иностранных уголовных кодексов содержатся постановления, предусматривающие ответственность не только за прямое публичное возбуждение к преступным или вообще законопротивным

[1] На подлинном помета начальника Главного управления по делам печати А. В. Бельгарда «12. VII. Уже написано — выждать ответа».

[2] Совет министров, особые журналы за 1906 г., д. № 159. Заголовок подлинника.

деяниям, но также и за косвенное подстрекательство, выражающееся в восхвалении преступлений. Так, например, во Франции законы 1835 и 1845 гг. широко карали восхваление преступных деяний. Но при составлении закона 29 июля 1881 г. о свободе печати в наказуемости восхваления преступных деяний усмотрели кару только за обнаружение мнения, почему законы 30-х и 40-х годов были отменены. Однако, после анархических посягательств, в особенности после того, как Вальяном была брошена бомба в палате депутатов, указанный взгляд изменился: в восхвалении преступлений признали весьма опасное преступное деяние, близкое к подстрекательству к совершению преступления. В виду этих соображений законом 12 декабря 1893 г. правила о свободе печати были дополнены установлением ответственности за восхваление убийства, разбоя, поджога, кражи и разрушения взрывчатым снарядом.

В нашем законодательстве, до воспоследования именного высочайшего указа 24 ноября 1905 г. о повременных изданиях в уложении о наказаниях существовало постановление, находившееся в известном соответствии с карательными правилами западно-европейских законодательств. На основании статьи 1035 уложения о наказаниях, отмененной приведенным высочайшим указом, каралось оспаривание в печати обязательной силы законов и одобрение или оправдание воспрещенных ими действий с целью возбудить к ним неуважение. Составители нового уголовного уложения также обратили внимание на опасность, какую может представлять для государства восхваление преступных деяний, и внесли в удостоившееся 22 марта 1903 г. высочайшего утверждения уголовное уложение постановление, коим воспрещается, под угрозою ареста, восхваление тяжкого преступления или преступления в речи или сочинении, публично произнесенных или прочтенных, или в распространении, или публичном выставлении сочинения или изображения, заведомо содержащих такое восхваление.

Приведенное карательное правило составило в новом уголовном уложении статью 133, которая, за невведением в действие самого уложения, не получила еще практического применения. Между тем, в настоящее время, когда для удержания в стране порядка правительству приходится особенно усиленно бороться с злоупотреблениями печатным словом и, в частности, с неоднократно бывавшими случаями восхваления в печати таких преступников, как, например, лейтенант Шмидт, Спиридонова,— указанный пробел в наших действующих уголовных законах оказывается весьма чувствительным.

Признавая, вследствие сего, существенно важным дополнить существующие уголовные законы правилом, коим установлялась бы ответственность за восхваление преступных деяний, министр юстиции, во внесенном им в Совет министров представлении по сему предмету, ходатайствует о введении в действие постановления статьи 133 уголовного уложения, с теми однако изменениями, которые вызываются частью несогласованностью этой статьи с терминологиею и карательными нормами действующего уложения о наказаниях, частью же самым существом дела. Упомянутая статья предусматривает случаи восхваления «тяжкого преступления» или «преступления», причем понимаем эти термины в том значении, какое установлено для каждого из них в уголовном уложении, в зависимости от тяжести положенных за указанные преступные деяния наказаний [1]. Между тем

[1] Тяжкими по уголовному уложению (ст. 3) признаются преступные деяния, за которые в законе определены, как высшие наказания, смертная казнь, каторга или ссылка на поселение, а преступлениями — те преступные деяния, за которые в законе определены, как высшие наказания, заключение в исправительном доме, крепости или тюрьме (прим. подлинника).

действующее уложение употребляет эти термины, не устанавливая между ними особого различия. Вследствие этого суды, при применении статьи 133 в настоящем ее виде, неизбежно встретились бы с затруднением, что именно следует им понимать под каждым из упомянутых терминов. В устранение такого неудобства, надлежало бы, по мнению действительного статского советника Щегловитова, заменить в проектируемом узаконении термины «тяжкое преступление» и «преступление» одним общим выражением «преступное деяние», при чем это последнее понятие обнимало бы собою и «проступки», то есть, согласно терминологии уголовного уложения, такие преступные деяния, за которые в законе определены, как высшие наказания, арест или денежная пеня.

Подобное расширение наказуемости преступных деяний принятое, между прочим, некоторыми западно-европейскими уголовными кодексами, оправдывалось бы, по объяснению министра юстиции, тем соображением, что во многих случаях восхваление, хотя бы сравнительно маловажных преступных деяний, например, проступков против порядка управления, может тем не менее послужить весьма действительным средством к колебанию обязательной силы закона.

Переходя затем к вопросу об установлении наказаний по проектируемому закону, министр юстиции находит, что, в видах согласования размера таковых с действующим уголовным законом, надлежало бы понизить высший, назначенный статьею 133 уголовного уложения срок ареста с шести месяцев до трех месяцев. При этом, однако, соображая ответственность за восхваление преступных деяний, установленную в большинстве западно-европейских кодексов в значительно высших сравнительно с нашим уголовным уложением нормах[1],— соответственным, по мнению действительного статского советника Щегловитова, представлялось бы избрать в настоящем случае такой размер наказания, которым не только восполнялось бы обусловленное выше указанным формальным основанием понижение ареста до трех месяцев, но вообще усиливалась бы уголовная ответственность. С другой же стороны, справедливым казалось бы предоставить суду право назначать в маловажных случаях вместо лишения свободы денежный штраф. В виду сего и применяясь к карательным нормам, принятым временными правилами 24 ноября 1905 г. о повременных изданиях, а также к закону 13 февраля 1906 г. об ответственности за распространение ложных сведений о деятельности правительственных установлений и должностных лиц,— за обсуждаемое преступное деяние следовало бы, по мнению министра юстиции, установить: заключение в тюрьме от двух до восьми месяцев, или арест не свыше трех месяцев, или денежный штраф не свыше трехсот рублей.

Наконец, что касается подсудности дел о восхвалении преступных деяний, то таковую надлежало бы установить на единообразном основании с установленною законом 24 ноября 1905 г. подсудностью дел

---

[1] За восхваление преступных деяний полагается: во Франции — тюремное заключение от 1 до 5 лет и денежный штраф от 100 до 3 000 франков; в Норвегии — штраф от 3 до 6666⅔ крон, арест от 21 дня до 13⅓ лет или тюрьма до 5⅓ лет, в Италии заключение от 3 месяцев до 1 года и денежный штраф от 50 до 1 000 лир; в Венгрии — тюрьма до 6 месяцев; в Австрии — строгий арест до 1 года, к которому может быть присоединено удаление из места жительства или коронной земли, а если виновный иностранец, то высылка из всех коронных земель империи. Независимо от сего специальными законами об анархистах наказания за восхваление преступлений, совершаемых взрывчатыми веществами, значительно повышены. В Италии за это определено заключение от 6 месяцев до 2 лет, в Австрии тяжкая тюрьма от 6 до 10 лет, в Норвегии — также тюрьма до 10 лет (прим. подлинника).

о преступных деяниях, совершенных посредством печати, а именно подчинить их ведению окружных судов.

На основании изложенных соображений и находя осуществление предположенной меры, по обстоятельствам настоящего времени, неотложно необходимым, министр юстиции предполагал бы, в изменение и дополнение подлежащих узаконений, на основании статьи 87 основных государственных законов (свод. зак., т. I, ч. 1, изд. 1906 г.), постановить нижеследующие правила:

I. Виновные в восхвалении преступного деяния в речи или сочинении, публично произнесенных или прочтенных, или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, заведомо содержащих такое восхваление, подвергаются: заключению в тюрьме на время от двух до восьми месяцев, или аресту не свыше трех месяцев, или денежному взысканию не свыше трехсот рублей.

II. Дела о преступных деяниях, предусмотренных в предшедшей (I) статье, подлежат ведению окружных судов.

Рассмотрев настоящее дело, Совет министров вполне присоединился к заключению министра юстиции о необходимости установления ныне же предполагаемой карательной меры. Признавая поэтому правильным одобрить в общем предположения министра юстиции по сему делу, Совет счел лишь полезным, в целях предоставления суду большого простора назначать размер наказания в возможно точном соответствии с значением караемого преступного деяния, повысить с 300 р. до 500 р. высший предел денежного штрафа, подлежащего взысканию с лиц, изобличенных в восхвалении преступных деяний.

Вследствие этого и за изъявленным министром юстиции согласием на указанное изменение, Совет полагает:

В изменение и дополнение подлежащих узаконений, на основании статьи 87 основных государственных законов (свод. зак., т. I, ч. 1, изд. 1906 г.) постановить нижеследующие правила:

I. Виновный в восхвалении преступного деяния в речи или сочинении, публично произнесенных или прочтенных, или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, заведомо содержащих такое восхваление, подвергается: заключению в тюрьме на время от двух до восьми месяцев, или аресту не свыше трех месяцев, или денежному взысканию не свыше пятисот рублей.

II. Дела о преступных деяниях, предусмотренных в предшедшей (I) статье, подлежат ведению окружных судов.

На приведение вышеизложенных предположений в исполнение Совет министров всеподданнейшим долгом почитает испрашивать высочайшее вашего императорского величества соизволение[1].

Следуют подписи членов Совета министров.

Циркуляр Главного управления почт и телеграфов начальникам почтово-телеграфных округов, 22 января 1907 г.[2]

По имеющимся в министерстве внутренних дел сведениям, редакции некоторых столичных и провинциальных газет, служащих органами нелегализованных партий или вообще отличающихся противуправительственным направлением, рассылают свои повременные издания в волостные правления без подписки и бесплатно.

[1] Резолюция Николая II «Согласен».

[2] Главное управление по делам печати, IV отд., д. № 219, 1912 г., л. 12. Дело называется: «О воспрещении к выписке волостными правлениями некоторых изданий, враждебного правительству направления». К циркуляру приложен список периодических изданий в колич. 550 экз., состоящий из столичных и провинциальных изданий.

В виду того, что волостным правлениям в настоящее время воспрещено выписывать газеты противуправительственного направления, г. министр внутренних дел приказал сделать распоряжение по почтово-телеграфному ведомству о том, чтобы и бесплатные экземпляры изданий, посылаемые волостным, станичным, гминным и сельским правлениям и управлениям, или должностным лицам органов крестьянского самоуправления, не выдавались с почты по назначению, а представлялись местным губернаторам для уничтожения.

Об изложенном сообщаю вашему... к исполнению, препровождая список означенных повременных изданий.

Начальник Главного управления Севастьянов.

Из отношения Главного управления по делам печати в канцелярию министерства по делам дворянства, 21 июня 1907 г.[1]

При отношении от 1 сего июня за № 503 канцелярия министерства по делам дворянства препроводила на заключение Главного управления по делам печати представление симбирского губернского предводителя дворянства от 4 минувшего мая за № 282, по ходатайству Симбирского чрезвычайного губернского дворянского собрания, о принятии мер к ограждению народной школы, сельских библиотек и читален от доступа в них изданий революционной прессы, ...каковые издания, за недавнею отменою циркуляром министерства внутренних дел списка изданий, недозволенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях, свободно обращаются среди народа.

Соображая изложенное, Главное управление по делам печати, возвращая при сем помянутое представление за № 282, имеет честь уведомить канцелярию по делам дворянства, что проникновение в народные читальни и библиотеки революционных и порнографических изданий не могло явиться, как то полагает Симбирское губернское дворянское собрание, последствием отмены циркулярным предложением г. министра внутренних дел от 8 февраля сего года за № 1805 ранее действовавшего алфавитного указателя произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях.

Помянутым циркулярным предложением в публичные библиотеки и общественные читальни, а также бесплатные народные читальни, подчиненные, за воспоследовавшею отменою по всеподданнейшему докладу г. министра внутренних дел 2 декабря 1905 г. высочайшего повеления от 4 февраля 1888 года о возложении на особый отдел ученого комитета министерства народного просвещения пересмотра каталогов бесплатных читален, общим правилам о публичных библиотеках, допускаются лишь те из произведений печати, как периодической, так и неповременной, которые не воспрещены вообще к обращению в империи, т. е. произведения печати, не заключающие в себе признаков уголовно наказуемых преступных деяний...

К вышеизложенному Главное управление по делам печати считает долгом присовокупить, что выбор учебников, допускаемых в народные школы, зависит не от министерства внутренних дел, а от министерства народного просвещения.

Начальник Главного управления
по делам печати Бельгард.

---

[1] Главное управление по делам печати, IV отд., д. № 21, 1907 г., л. 4.

Новые материалы о М. Е. Салтыкове-Щедрине

Творческий путь М. Е. Салтыкова представлял для него в условиях царской России «не только муку, но целый ад душевный». Говоря о своем положении, как писателя, Салтыков с болью восклицал: «Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под печатный станок... Чего со мною ни делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и всенародно объявили, что я вредный, вредный, вредный...» *

Эти капли писательской крови, эти следы жгучих мучений великого писателя русского проступают каждый раз, когда обнаруживаются новые его письма и другие материалы о нем.

Публикуемые ниже письма и документы, преимущественно о цензурном гнете, давившем свободное и острое обличительное слово писателя, представляют значительный интерес для углубленного изучения жизни и творчества М. Е. Салтыкова.

Невыразимо тяжелые условия, в которые самодержавие поставило писателя, заставили Салтыкова через два года и девять месяцев после первого выхода в отставку (9/II — 1862 г.) снова бросить себя в омут проклятой «палатской службы».

6/19 ноября 1864 г. Салтыков был назначен председателем Пензенской казенной палаты, а через два года (2/XI — 1866 г.) был переведен на ту же должность в Тулу. Для характеристики настроений Салтыкова в этот период его провинциальных скитаний очень важно публикуемое письмо писателя из Тулы в Петербург к крупному чиновнику Ф. А. Вонлярскому.

Порвать с литературой Салтыков не мог и, как только редакция «Отечественных записок» перешла в руки Н. А. Некрасова (с 1 янв. 1868 г.), писатель решил снова оборвать свою служебную деятельность и всецело посвятить себя журнальной работе. В июне 1868 г. Салтыков вышел в отставку и сделался одним из основных сотрудников и фактическим руководителем «Отечественных записок». Он страстно и упорно работал для передового печатного органа либеральной русской художественной литературы и общественной мысли, пока, в 1884 г., этот журнал не погиб от рук палачей свободного слова.

Активное участие Салтыкова в «Отечественных записках» послужило основанием для многократных его столкновений с цензурой. Публикуемые три письма Салтыкова к начальнику Главного управления по делам печати В. В. Григорьеву и три записки председателя Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрова уточняют и дополняют ранее опубликованные цензурные материалы о Щедрине **.

Салтыков и его литературные друзья питали антипатию к В. В. Григорьеву, известному ориенталисту, выдвинутому правительством на пост руководителя печатью из среды «благонамеренных» профессоров Петербургского университета. Первая встреча Салтыкова с Григорьевым, в сентябре 1876 года произ-

---

* См. «Мелочи жизни».

** См. «Цензурные материалы о Щедрине» с пред. В. Евгеньева-Максимова в «Литературном наследстве», № 13—14, М., 1934 г.

М. Е. Салтыков-Щедрин
Фотография 60-х гг.

вела на писателя, пользовавшегося уже тогда большой популярностью, тяжелое впечатление. Несмотря на то, что Григорьев был предупрежден о встрече, Салтыкову пришлось выждать в приемной два часа. «Принял же меня,— писал Салтыков Некрасову,— не только холодно, но почти неприязненно, даже не посадил. Хотел ли он поломаться надо мной, но первым вопросом его было следующее: «Вы в каком журнале участвуете?» Хотя свидание продолжалось с минуту,— подчеркивает Салтыков,— но, несмотря на это, мне показалось, что на меня целый час плевали» *. Салтыков остро чувствовал обиду, нанесенную ему Григорьевым.

В письме к А. М. Жемчужникову (8/IX 1876 г.), находившемуся тогда за границей, Салтыков, рассказывая о своей встрече с Григорьевым, говорил: «Только нужда в еде и сладкая привычка жить могут заставить переносить все, что переносится... я думал, что пьян или во сне все это вижу» **.

Салтыков решил не скрывать от общественности нанесенное ему Григорьевым оскорбление, «писал об этом некоторым знакомым его, и многим говорил». Писатель считал, что он делает это не напрасно и не неосторожно, так как «право, есть такие несносные вещи, которые трудно терпеть да и не следует» ***.

Передовая общественность быстро реагировала на слухи о грубом поступке Григорьева с писателем, и уже 21 сентября 1876 г. Салтыков писал в Ялту к Н. А. Некрасову: «Дело о моем свидании с Григорьевым разыгрывается несколько странно. В университетском совете ему чуть не сделали скандала, но ограничились тем, что через Градовского **** потребовали объяснения. Теперь он уверяет, что меня в глаза никогда не видал, и вчера присылает ко мне Ратынского ***** с просьбой приехать в пятницу и удостовериться лично, что он не видал меня. Хотя все это не особенно лестно, тем не менее я решил ехать, и в случае нужды даже подтвердить, что мы в первый раз видимся. Все это словно во сне было» ******.

Получив заслуженный урок от университетской общественности, В. В. Григорьев понял, что в лице М. Е. Салтыкова перед ним выступают крупные общественные силы передовой интеллигенции. Поэтому, в редких сравнительно случаях, начальник Главного управления по делам печати несколько смягчал нажим цензуры на статьи великого сатирика и обличителя.

Очень важным для понимания взаимоотношений между В. В. Григорьевым и М. Е. Салтыковым является письмо последнего от 20 ноября 1878 г. В нем Салтыков выступает с исключительной тактичностью и стремлением убедить Григорьева в возможности разрешить печатание очерка «Тревоги и радости в Монрепо». Здесь автор очень сжато и умело излагает содержание своего произведения, обходя моменты, могущие вызвать опасение цензуры.

Два письма М. Е. Салтыкова к А. Н. Ераков добавляют несколько новых черточек для характеристики отношений писателя в общему другу Некрасова, Унковского и Лихачева. Небольшая выдержка из письма М. А. Дмитриева, активного противника романтизма и реализма в русской литературе первой половины XIX в., содержащее оценку «Губернских очерков» Щедрина дополняет наши сведения об откликах читателей на это первое собрание обличительных очерков великого сатирика. В очерке «Читатель» («Мелочи жизни») М. Е. с исключительной яркостью охарактеризовал положение передового писателя в царской России. «Когда окрест царит глубокая ночь, та ночь, которую никакой свет не в силах объять,— тогда не может быть места для торжества

* См. Полн. собр. соч., т. XIX, М., 1939, стр. 69—70.

** Там же, стр. 71—72.

*** В письме к Н. А. Некрасову от 11/IX—1876 г. См. Полн. собр. соч., т. XIX, М., 1939, стр. 73.

**** Градовский, Александр Дмитриевич (1841—1889), крупный ученый профессор Петербургского университета (с 1867 г.) и публицист.

***** Ратынский — цензор, сочувственно относившийся к литературной деятельности Салтыкова. См. Полн. собр. соч., т. XIX, М., 1939, стр. 103.

****** См. Полн. собр. соч., т. XIX, М., 1939, стр. 74.

живого слова. Сердца горят, но огонь их не проникает сквозь густоту мрака, сердца бьются, но биение их не слышно сквозь толщину желез. До тех пор, пока не установилось прямого общения между читателем и писателем, последний не может считать себя исполнившим свое призвание» *.

Великий писатель делал все, чтобы установить контакт между своими произведениями и читателями, но царские чиновники и вся мерзость самодержавия русского делали так же все, чтобы разобщить писателя и народ.

Только сейчас, когда великие завоевания Октября открыли перед литературой народов СССР, перед советскими писателями полную возможность говорить с народом, гениальный Щедрин стал писателем для масс, «исполнившим свое призвание».

Г. Залкинд

I. Письма М. Е. Салтыкова-Щедрина

Ф. А. Вонлярскому ** [1]

Тула, 11 июля [1867 г.][2]

Прошу у вас извинения, многоуважаемый Федор Ардальонович, что до сих пор не отвечал на ваше письмо. Во-первых, меня страшно обуревает лень, во-вторых, ездил по губернии и, в третьих, был у жены в деревне, куда и опять дней на десять на-днях отправлюсь. Крайне благодарен вам за память, и надеюсь предстоящей зимой быть в Петербурге и разделить с вами время. Очень верю, что вам скучно; новые ваши обязанности далеко не привлекательны. В Пензе эта служба далеко не так несносна, в Петербурге же вы имеете дело совсем с другими лицами. Я думаю, что для вас было бы полезнее удалиться в уезд: и жизнь дешевле и дело сподручнее. Крайне рад, что у вас Софья Федоровна [3], и что она здорова и воспитывается в правилах благочестия. Таким образом, желание Марии Федоровны [4] осуществилось, и теперь надобно озаботиться исполнением другого желания относительно Антона Федоровича. Вероятно, он ждать себя не заставит.

К Розену [5] я не пишу, ибо опасаюсь оторвать его от государственных занятий. Будьте так добры, узнайте от него, можно ли надеяться на возвращение Куприянова [6] к прежней должности, а также на возвращение Грота [7]. Для меня это вопросы первой важности, ибо если этих лиц не будет, то министерство финансов сделается для меня пустыней, и мне будут строить одни пакости. О себе скажу вам одно: ленюсь и скучаю безмерно, и даже не могу преодолеть себя, потому что палатская служба опротивела до тошноты. Не знаю, что со мной и будет, ежели не выручит какой-нибудь случай. Я вообще не из тех людей, которые удобно и скоро пристраиваются, а теперь еще более стал брюзглив и нетерпелив. К этому еще присоединились денежные затруднения. Литературного ничего в голову не идет, кроме самого непозволительного. Коли хотите я и пишу, но единственно для увеселения потомства [8].

Сегодня я получил на имя жены письмо. Судя по почерку, должно быть это Марья Федоровна. Разумеется оно лежит не распечатанное, а так как жена в деревне, и я буду у нее не ближе 22-го числа, то письмо должно покуда пролежать у меня. Во всяком случае, бог наградит М. Ф. за ее добродетель.

Прощайте, покуда, и не забывайте искренно вам преданного,

М. Салтыкова.

Барону и баронессе [9] передайте мой глубочайший поклон.

---

* Полн. собр. соч., 4-ое изд. т. V, СПБ. 1900, стр. 182.

** ГАФКЭ, ос. от., ф. 80, л. 1.

ная болѣзнь не позволяетъ мнѣ отлучиться изъ дома.

Изъ включенія, вновь извиняясь въ моей назойливости, я позволяю себѣ обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшей просьбой разрѣшить мнѣ, могу ли я помѣстить прилагаемый разсказъ въ Декабрьской книжкѣ журнала, не подвергая, ради его, книжку задержанію. Для вослушанія этого рѣшенія я явлюсь къ Вамъ лично, какъ только состояніе моего здоровья дозволитъ мнѣ сдѣлать это.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга,
М. Салтыковъ

20 ноябр. 1878 г.

Письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина к В. В. Григорьеву
20 ноября 1878 г.

В. В. Григорьеву * [10]

Петербург, 24 марта 1877 г.

Милостивый государь
Василий Васильевич!

Вследствие указания вашего превосходительства, А. А. Краевский [11] был сегодня у г. управляющего министерством вн. дел, который сказал, что с его стороны препятствия к удовлетворению ходатайства редакции «Отечественных записок» не будет, т. е. к вырезке из 3-го № тех статей, на которые будет указано цензурным ведомством и затем к выпуску № в новом виде [12].

Считая долгом довести об этом до сведения вашего превосходительства, имею честь покорнейше просить о благосклонном содействии к скорейшему разрешению выпуска книжки.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга

М. Салтыков.

Литейная, 62.

В. В. Григорьеву **

Петербург, 20 ноября 1878 г.

Милостивый государь
Василий Васильевич!

Усерднейше прошу ваше превосходительство извинить меня за назойливость. Представляемую при сем мою собственную статью [13] я предполагал поместить в ноябрьской книжке «Отечественных записок», но так как, по мнению компетентных людей, это могло бы повлечь за собой арест книжки, то, разумеется, я предпочел не подвергать журнал этой случайности. Тем не менее, я считаю возможным обратиться к вашему превосходительству, во-первых, потому, что вы, как мне всегда казалось, небезучастно относитесь к моей литературной деятельности, а во-вторых, и потому, что по прочтении настоящих объяснений, вы, быть может, не откажете мне в некоторой поддержке.

Мысль моего нового рассказа заключается в том, что с тех пор, как наша администрация выдвинула на первый план вопросы так называемой внутренней политики, то для людей даже весьма умеренно-либеральных, ежели они не мировые судьи и не члены земельных управ, пребывание в провинции и, в особенности, в деревнях сделалось почти немыслимым. Я ни мало не касаюсь в рассказе самого существа упомянутых вопросов, я говорю только о том, что будучи предоставлены толкованию низших представителей администрации, они могут привести к результатам неожиданным и нежелаемым. Герой моего нового рассказа — становой пристав. В редком из моих прежних очерков не упоминается об этом должностном лице, и потому с этой стороны рассказ не представляет ничего нового. Хотя же мне не безъизвестен циркуляр Главного управления по делам книгопечатания, приглашающий относиться к чинам полиции с большею осмотрительностью, но так как я всегда очень тщательно индивидуализировал изображаемые мною лица, то и полагал, что действия того или другого из них не могут быть распространены на действия полицейских чинов вообще. Скажу даже более: таких становых приставов, какой изображен в прилагаемом рассказе, в действительности совсем не существует; но существует наклонность и возможность выйти на эту покатость — и в этом-то собственно, то есть в указании этой покатости, и заключается вся задача моего рассказа. Думаю, что ежели, ваше

* ГАФКЭ, Отд. личн. фонд., ф. 339, д. № 195, л. 1.
** ГАФКЭ, Отд. личн. фонд., ф. 339, д. № 195, л. 2.

превосходительство, дадите себе труд прочитать его, то вы сами согласитесь, что никаких других толкований и вывести из него нельзя.

Все это я, конечно, мог бы гораздо обстоятельнее объяснить вашему превосходительству на словах, но, к сожалению, мучительная болезнь не позволяет мне отлучиться из дома.

В заключение, вновь извиняясь в моей назойливости, я позволяю себе обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой разрешить мне, могу ли я поместить прилагаемый рассказ в декабрьской книжке журнала [14], не подвергая, ради его, книжку задержанию. Для выслушания этого решения я явлюсь к вам лично, как только состояние моего здоровья дозволит мне сделать это.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга

М. Салтыков.

А. Н. Еракову * [15]

Петербург, 15 сентября 1879 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Если вы в Петербурге, то откликнетесь на зов любящих сердец! Приезжайте завтра, в воскресенье, в 8 часов по полудни ко мне на вечер. Будет Алексей Михайлович [16].

Весь ваш,
М. Салтыков.

В. В. Григорьеву **

Петербург, 22 декабря 1879 г.

Милостивый государь
Василий Васильевич!

Извините, что я задержал присылкою препровождаемых при сем четырех моих новых изданий [17]. Причины замедления были следующие: во-первых, ожидание окончания цензурного срока для «Убежища Монрепо», и во-вторых, несноснейшая болезнь, которая даже самую мысль мою парализует.

Искренно желал бы, чтоб мои книжки доставили вам, если не удовольствие, то хотя возможность провести несколько часов без скуки.

С совершенным почтением и преданностью имею честь и пр.

М. Салтыков.

А. Н. Еракову ***

Петербург, 20 октября 1885 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Считаю долгом засвидетельствовать вам и вашему почетному семейству о моем чувстве горечи, которое я испытал, прочитав известие о кончине Льва Александровича [18].

Многострадальный
М. Салтыков.

II. М. Е. Салтыков-Щедрин и царская цензура

Записка председателя Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрова и. о. начальника Главного управления по делам печати В. В. Григорьеву, 19 января 1876 г. ****

Представляя при сем январскую книжку «Отечественных записок», долгом считаю доложить вашему превосходительству, что редакция,

* ГАФКЭ, Ос. о., ф. 106.
** ГАФКЭ, Отд. личн. фонд., ф. 339, д. № 195, л. 3.
*** ГАФКЭ, Ос. о., ф. 106.
**** ГАФКЭ. Отд. личн. фонд. ф. 339, д. № 69, л. 8.

судя по прежним примерам, вероятно, с готовностью исключила бы по первому требованию места, признанные неудобными; но что я с таким требованием к ней не обращался, не будучи уверен, что этими требованиями можно будет ограничиться.

Статья Щедрина [19] заключает в себе сначала едкую, злую сатиру на наше провинциальное общество, в котором, под руководством какого-то начальствующего Солитера (тоже что прежний Помпадур), царит бюрократический произвол и развита до нелепости привычка доносов и инсинуаций. Все это в роде тех щедринских шаржей, к которым, как вы изволили заметить, читающая публика давно привыкла.

Во всяком случае необходимо из этого введения исключить три места на страницах 120, 124, и 127-й. Вторая половина щедринской статьи — отправление за границу — не представляет никаких затруднений и исполнена юмора.

Статья Головачева [20] «Мысли вслух» написана спокойно, но проникнута недоверием к административной власти и выражает желание, чтобы законодательство подчинило ее контролю судебной власти. Такое требование, полагаю я, диаметриально противоположно видам нашего министерства. Но, по мнению моему, обвинять эту статью перед комитетом г.г. министров было бы крайне неудобно. Можно скорее попытаться потребовать ее исключения.

А. Петров.

Записка председателя Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрова и. о. начальника Главного управления по делам печати В. В. Григорьеву, 26 января 1876 г.*

Честь имею довести до сведения вашего превосходительства, что редактор «Отечественных записок» [21] обязался исключить из статьи Щедрина в январской книжке три указанных места, а статью Головачева исключить всю.

Переделанную книжку редактор обещал завтра часам к 11-ти утра доставить ко мне. Независимо от того, я завтра часов в 9 утра пошлю в типографию Краевского осведомиться: работали ли ночью над переделкою книжки.

За сим, полагаю я, нет надобности принимать еще чрез посредство градоначальника или инспектора типографий какие-либо меры предосторожности. Редакция считает снисхождением с нашей стороны соглашение на сделку и не решится употребить этого снисхождения во зло.

А. Петров.

Записка председателя Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрова и. о. начальника Главного управления по делам печати В. В. Григорьеву, 18 ноября 1878 г.**

Честь имею довести до сведения вашего превосходительства, что помещенный в ноябрьской книжке «Отечественных записок» сатирический очерк Н. Щедрина под заглавием: «В добрый час» оказался весьма неудобным. Это едкая сатира на преобразованную сельскую полицию. При всей неопрятности и неблаговидных качествах прежних чинов полиции, которых народ титуловал куроцапами, автор отдает им предпочтение перед представителями новой, которые, взявши на себя охранение основ и краеугольных камней, задались мыслью читать в сердцах граждан и получили себе помощников в лице новых урядников. В уста станового нового покроя влагается речь к его под-

* ГАФКЭ, Отд. личн. фонд., ф. 339, д. № 69, л. 9.
** Там же, лл. 35—35 об.

чиненным [22], которая есть ни что иное, как пародия речи одесского градоначальника Гейнса [23]. В ней шпионство и соглядатайство прямо ставятся в обязанность полицейским властям.

Такое осмеяние новой полиции и самих мотивов ее преобразования показалось нам особенно неуместным после сентябрьского циркуляра министра, изданного на основании высочайшего повеления.

Вследствие доклада цензора и по представленному мне уполномочию я, предварительно представления вашему превосходительству о задержании книги, вошел в аккомодацию с редактором об исключении или переделке статьи. Он предпочел заменить ее другой и на сей конец же просил возвратить ему представленные в комитет экземпляры для вторичного представления в измененном виде.

А. Петров.

III. М. Е. Салтыков в письмах современников

Из письма Михаила Александровича Дмитриева [24] к Федору Николаевичу Глинке [25] и Авдотье Павловне Глинке

с. Богородское, 15 августа 1857 *

...Вы вероятно читали «Губернские очерки» Щедрина или Салтыкова [26]. Мне, признаюсь, они не нравились, потому что в них слишком уж много черноты; мне казалось, что этого даже и нет в России. Но сосед мой (тот самый, который перевез к себе казенные бревна,— следовательно знаток этих пакостей), уверяет, что все это верно, что все это есть, и именно так, как описал автор очерков: ему нужно поверить, потому что он и сам купается в этом омуте!— Однако, видите ли вы из этого, как трудно у нас проникнуть тайну беззакония, когда, проживши здесь почти десять лет, я ее знаю не вполне?..

Мих. Дмитриев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вонлярский, Федор Ардальонович,— помещик Пензенской губернии, знакомый и сослуживец М. Е. Салтыкова. Долгое время служил в министерстве финансов в качестве старшего ревизора департамента неокладных сборов, а затем состоял чиновником для особых поручений при министре финансов. Умер в начале 1903 г. в Лигове (см. некролог в «Пензенских губернских ведомостях», 1903 г., № 194 и в «Новом времени», 1903 г. 5 сентября). Других писем к Вонлярскому в эпистолярном наследстве В. Е. Салтыкова пока не обнаружено.

2. В 1866 г. М. Е. Салтыков был переведен из Пензы в Тулу на должность председателя Казенной палаты.

3. Младшая дочь Вонлярских, недавно родившаяся.

4. Жена Вонлярского (урожденная Уварова).

5. Розен, барон, Герман Оттонович (1829—1884), лицеист выпуска 1848 г.; был управляющим акцизными сборами в Пензенской губернии (1861—1866) в бытность там М. Е. Салтыкова председателем казенной палаты (с 1864 г.). Салтыков был в дружбе с Розеном и встречался с ним в Петербурге и за границей.

6. Куприянов, ревизор министерства финансов, знакомый с М. Е. Салтыковым еще с 1856 г., когда им была произведена ревизия Рязани, вскрывавшая большие злоупотребления чиновников.

7. Грот, Константин Карлович (1818—1897), бывший лицеист. В 1861 г. был самарским губернатором, в 1863 г.— директором департамента неокладных сборов; активно боролся за отмену откупов и введение (с 1870 г.) акцизной системы. В 1866—1867 г.— был членом комиссии для пересмотра системы податей и сборов.

8. Годы 1864—1867 были периодом наименее интенсивной литературной деятельности М. Е. Салтыкова. За три года (1865—1867) в печати появилась лишь одна его статья «Завещания моим детям» («Современник», 1866, № 1).

* ГАФКЭ, Отд. личн. фонд, № 584.

9. Розеном.

10. Григорьев, Василий Васильевич (1816—1881), крупный ученый ориенталист; профессор С.-Петербургского университета. С конца декабря 1874 г., по март 1880 г. был начальником Главного управления по делам печати.

В молодости В. В. Григорьев был близок к кружку Станкевича и Грановского и сохранял долгие годы дружбу с Я. Неверовым, но более склонялся к идеям славянофилов и всегда поддерживал близкие отношения с М. Погодиным, И. С. Аксаковым и Надеждиным, разделял их взгляды и вместе с ними выступал против западников. Будучи руководителем царской цензурой в течение пяти с лишним лет, Григорьев принес много вреда делу развития русской литературы и печати, так как он, как и прочие охранители самодержавия, считал, что «одна из важнейших задач цензуры — охранять государство от посягательств на целость его и существующий строй» (см. Н. И. Весеновский, «Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881». Спб. 1887, стр. 261). Из писем М. Е. Салтыкова к В. В. Григорьеву, связанных с обязанностями Салтыкова, как редактора «Отечественных записок», в печати известно только одно (13 февраля 1880 г., см. Полн. собр. соч., т. XIX, М., 1939, стр. 142—143).

11. Краевский, Андрей Александрович (1810—1889), литератор и редактор-издатель многих русских периодических изданий XIX в. В 1839—1867 гг. был редактором-издателем «Отечественных записок», позже — только издателем.

12. Петербургский цензурный комитет обратил внимание на помещенные в «Отечественных записках» за 1877 г. четыре статьи: «Вымирание некультурных рас», «Оглянемся назад», разбор книги Путяты «Политическая экономия в рассказах» и «Современная идиллия» (глава 2-я) М. Щедрина.

Цензурный комитет решил арестовать книжку журнала. Узнав об этом, Краевский поспешил сам обратиться к начальнику главного управления по делам печати о разрешении выпустить книжку в измененном, по указаниям цензуры, виде. Председатель цензурного комитета А. Г. Петров, которому было поручено снова просмотреть книгу и очерк Щедрина, в частности нашел, что в очерке «выведены представители самых низших слоев общества и администрации, отличающиеся почти идиотизмом и тупоумным отношением к общественным вопросам», поэтому считал возможным допустить его в печать.

В. В. Григорьев согласился с этим предложением. Из номера были вырезаны две статьи журнала: «Вымирание некультурных рас» и разбор книги Путяты «Политическая экономия в рассказах». (См. «Литературное наследство», № 13—14, М., 1934, стр. 148—150).

13. «В добрый час» — (первоначальное название очерка «Тревоги и радости в Монрепо»). Этим очерком (См. Полн. собр. соч., т. XIII, М., 1936, стр. 57—87) великий писатель быстро откликнулся на введение царским правительством института урядников (9 июня 1878 г.), которые должны были усилить состав сельской полиции. Председатель цензурного комитета А. Г. Петров предложил изъять этот очерк из ноябрьской книжки «Отечественных записок» (см. письмо М. Е. Салтыкова к Н. А. Энгельгарду. Полн. собрн. соч., т. XIX, М., 1939 г., стр. 121.).

14. Напечатан был только во 2-й книжке «Отечественных записок» за 1879 г., стр. 569—602. По требованию цензуры термин «урядники» везде заменен словом «сотские».

15. Ераков, Александр Николаевич (1817—1886), инженер-путеец, в 1869 г. оставил службу по министерству путей сообщения и принимал активное участие в развитии частного железнодорожного строительства в России, являясь членом правлений (по выбору) некоторых акционерных железнодорожных обществ. Ближайший и интимный друг Н. А. Некрасова, близкий знакомый М. Е. Салтыкова. Сотрудничал в «Отечественных записках». М. Е. Салтыков посылал ему в письмах свои знаменитые «рескрипты Николая I господину Поль-де-Коку».

16. Унковский, Алексей Михайлович (1828—1893), либеральный, общественный деятель периода реформы 60-х годов, юрист. Сотрудничал в «Московских ведомостях» В. Ф. Корша, «Современнике», «Вестнике Европы», «Отечественных записках» и др. изданиях. Был близким другом М. Е. Салтыкова, А. Н. Еракова, А. А. Головачева, Н. А. Некрасова. О нем см. Джаншиев, «А. М. Унковский и освобождение крестьян», М. 1894.

17. «Господа Головлевы» (СПБ. Тип. А. С. Суворина, 1880 г., 401 стр.); «Круглый год» (СПБ. Тип. А. С. Суворина, 1880 г., 228 стр.); «Убежище Монрепо» (СПБ. Тип. А. С. Суворина, 1880 г., 211 стр.).

18. Ераков, Лев Александрович (1839—1885), сын А. Н. Еракова.

19. «Культурные люди» («Отечественные записки», 1876, № 1, отд. I, стр. 119—158). Эта серия очерков была задумана и писалась во время первой поездки М. Е. Салтыкова за границу (1875—1876). Первый очерк был послан в редакцию «Отечественных записок» из Ниццы 5 янв. 1876 г. Статья «Культур-

ные люди», а также другая статья (А. А. Головачева,— «Мысли в слух») вызвали яростные нападки цензуры.

Статья Головачева была вырезана, а в «Культурных людях» сделаны изъятия. Первоначальный текст восстановлен в первом авторском издании собрания сочинений (СПБ. 1889 г., т. IV, стр. 571—602). Подробнее об этом см. публикацию И. Векслера «История незавершенного цикла «Культурных людей» («Литературное Наследство», №№ 13—14, М. 1934, стр. 23—56).

20. Головачев, Алексей Адрианович (1819—1903), видный общественный деятель 60—80 годов; писал по крестьянскому вопросу и о железнодорожном строительстве в разных периодических изданиях.

21. Н. А. Некрасов.

22. У Салтыкова — речь станового пристава Милия Васильевича Грацианова (См. Полн. собр. соч., т. XIII, М., 1936, стр. 73—78).

23. Когда в 1878 г. была опубликована в печати «Инструкция полицейским урядникам», Гейнс выступил с речью, в которой рекомендовал полиции не ограничиваться явным надзором за жизнью обывателей, а прибегать к сыску. Опубликованная в «Правительственном вестнике» речь Гейнса вызвала большое возмущение среди либеральных кругов. Она послужила М. Е. Салтыкову материалом для пародийной речи станового Грацианова, местами текстуально совпадающей с речью одесского помпадура.

24. Дмитриев, Михаил Александрович (1796—1866), племянник баснописца И. И. Дмитриева (1760—1837). Писал посредственные стихи, которые печатались в «Атенее», «Галатее», «Московском вестнике», «Телескопе», «Молве» и «Москвитянине». Выступал в печати против романтизма и вообще против новых направлений в литературе 30—50-х годов.

25. Глинка, Федор Николаевич (1786—1880), декабрист; писатель, после ссылки в Карелию переведен (1830) в Тверь, затем в Орел (1832). В 1835 г. вышел в отставку и поселился в Москве (до 1862 г.), а затем в Твери. См. о нем А. К. Жизневский, Биография Ф. Н. Глинки. Тверь, 1890 г. Глинка, Авдотья Павловна — жена Ф. Н. Глинки. (1795—1863). Занималась литературной деятельностью; главным образом переводами стихотворений Шиллера.

26. «Губернские очерки» вышли отдельным изданием в 1857 г.

Из записной книжки архивиста

К истории московской большевистской рабочей печати в годы революционного подъема (1913—1914 гг.)

Подъем забастовочного рабочего движения, вспыхнувшего с особенной силой вслед за ленским расстрелом 1912 года, вызвал к жизни большевистскую «Правду», явившуюся «могучим оружием в руках большевистской партии в деле укрепления своих организаций и завоевания влияния в массах...» [1]. Подъем массового революционного движения выдвинул вместе с тем перед партией задачу создания, наряду с общероссийской рабочей газетой, издававшейся в Петербурге,— так же местной, московской газеты, которая могла бы уделять большее внимание вопросам рабочего движения в Москве и в Московском промышленном районе. Однако, попытка создания такой газеты, предпринятая еще в конце 1912 года в Москве группой большевиков, не удалась, несмотря на то, что московские рабочие живо откликнулись на это и организовали через редакцию «Правды» сбор денег. Аресты, произведенные среди московских партийных работников, не дали возможности тогда приступить к изданию газеты. Только в августе 1913 года по поручению Центрального комитета партии издание московской ежедневной рабочей газеты «Наш Путь» было организовано вернувшимся после высылки из-за границы Яковлевым Н. Н. [2].

В числе сотрудников «Нашего Пути» был В. И. Ленин, который принимал участие и в редактировании газеты. В газете сотрудничали тт. Сталин, М. Горький, М. Ольминский, И. Степанов, И. Шагов, А. Бадаев, Ф. Самойлов и др. Редакция «Северной правды» в своем приветствии по поводу выхода первого номера газеты «Наш Путь» писала: «Это та именно газета, которой так жадно желали московские товарищи».

Выход в Москве новой рабочей большевистской газеты был крупным событием, на которое с радостью откликнулись своими приветствиями и сбором денег рабочие не только Москвы, но и самых отдаленных уголков России.

Однако, условия существования рабочей газеты в России были очень тяжелыми: предварительная цензура, конфискации, запрещения продавать газету и т. д. практиковались на каждом шагу. Конфискации «Нашего Пути» начались с первого же номера. Из 16-ти вышедших номеров газеты лишь 4 не были конфискованы, причем почти в каждой статье и заметке цензура видела призыв «к ниспровержению существующего строя».

Желая наглядно показать, за что преследуется рабочая газета, редакция выпустила № 12 «Нашего Пути» с целым рядом «белых» мест вместо статей и заметок, выброшенных по требованию цензуры, в том числе была изъята и статья В. И. Ленина «Буржуазия и правительство» [1].

В «Нашем Пути» в его 16 номерах были напечатаны следующие статьи В. И. Ленина, одновременно посылавшиеся им так же в «Правду»: «Российская буржуазия и российский реформизм», «Роль сословий и классов в освободительном движении», «Классовая война в Дублине», «Новые меры земельной реформы», «Неделю спустя после побоища в Дублине», «Принципиальные вопросы политики», «Либералы и демократы в вопросе о языках», «Язык цифр», «Господа буржуа» о «трудовом» земледелии», «Гарри Квелч».

«Наш Путь» для московских рабочих, как и большевистская «Правда», за короткое время стал не только газетой,

---

[1] «История ВКП(б)», Краткий курс, 1939 г., стр. 143.

[2] Бывший студент Моск. университета, активный работник моск. большевистской организации. Революц. деятельность начал с осени 1905 г. Был несколько раз арестован, сидел в тюрьме. После ареста в 1910 г. выслан из Москвы в Тулу, а затем за границу, где работал в качестве рабочего в Ганновере. Состоял в переписке с заграничной частью ЦК. В 1913 г. после амнистии вернулся в Москву. После разгрома газеты «Наш путь» был выслан в Нарым на четыре года, откуда дважды совершил побег. В 1916 г. был мобилизован в армию, причем вместе с другими организовал в Томске военно-социалистический союз. В 1917 году был председателем Зап. Сиб. обл. Совета раб. и солд. деп., а затем председателем ЦИК Советов Сибири. После падения советской власти в Сибири расстрелян белогвардейцами. См. «Братская могила», сборник, т. I, М. 1923, стр. 196—201.

[1] Текст этой статьи не найден.

но и организующим и руководящим центром рабочего движения. В ответ на репрессии против рабочей газеты редакция «Нашего Пути», в одном из номеров, обратилась к рабочим с призывом поддержать свою газету забастовкой протеста. В этой забастовке приняли участие целый ряд московских предприятий.

Не рассчитывая на то, что газета сама, вследствие репрессий, будет вынуждена прекратить свое существование, власти решили закрыть газету. Определением Московской судебной палаты 12 сентября 1913 г. издание «Нашего Пути» было запрещено. Среди рабочих это вызвало взрыв возмущения. Редакцией закрытой газеты была выпущена прокламация с призывом к забастовке протеста. 23 сентября забастовали рабочие около ста предприятий Москвы. Общее количество забастовавших было около 50 тысяч.

«На Театральной площади к 9 часам утра — сообщается в корреспонденции «Правды Труда»[1] — был собран большой наряд конной и пешей полиции. Рабочих разгоняли шашками. 25 рабочих были загнаны во двор и там арестованы.

В 12 часов толпа в 12 тысяч собралась на Страстной площади и, остановив трамвайные вагоны, предложила публике и вагоновожатым выйти из вагонов. Затем с пением революционных песен толпа двинулась по Малой Дмитровке, где была встречена большим нарядом полиции, которая, разгоняя толпу, снова обнажила шашки. Разбившись на три части, толпа снова собралась на Триумфальной площади, где состоялся митинг, на котором принята резолюция протеста против преследования рабочей печати».

В ответ на демонстрацию помещение редакции было разгромлено полицией, а работники редакции были арестованы и осуждены. Яковлев был выслан на 4 года в Нарымский край.

Перед началом войны в Москве была предпринята еще одна попытка создания рабочего большевистского печатного органа. Это был литературно-политический и обще-профессиональный еженедельный журнал «Рабочий Труд». Создание его, как и создание «Нашего Пути», рабочие Москвы встретили массой приветствий и энергичной материальной поддержкой. «Мы хотим,— писали в своем приветствии рабочие,— чтобы он был органом всех рабочих марксистов-большевиков и шел бы по тому пути, по которому шла газета «Наш Путь».

Первый № «Рабочего Труда» вышел 14 июня 1914 года. Всего же его вышло 4 номера, причем последний его номер датирован 5 июля 1914 года. Каждый из номеров журнала был конфискован.

«Рабочее Дело» было последним перед войной печатным органом московских рабочих. Воспользовавшись войной и расправившись с рабочим движением, правительство разгромило и рабочую печать.

Публикуемые документы относятся к издававшейся в Москве большевистской рабочей газете «Наш Путь» и к журналу «Рабочий Труд». Они отражают политическую атмосферу, в которой большевистской партии приходилось вести в эти годы борьбу за создание рабочей печати.

Документы хранятся в Московском областном историческом архиве.

Е. Осокин

«НАШ ПУТЬ»[2]

Приветствие газете «Наш Путь» от редакции «Северной Правды»[3]

Товарищи! Поздравляем вас с выходом первого номера московской рабочей газеты «Наш Путь». Это — та именно газета, которой так жадно желали наши московские товарищи. Это та газета, которую своими собственными руками создал московский пролетариат, подобно тому как в 1912 г. петербургский пролетариат создал свою «Правду». Появление на свет газеты московского пролетариата — большой праздник и для петербургских рабочих. Мы становимся менее одинокими: растет надежда на появление рабочих газет и в других крупных центрах.

От всей души желаем московским товарищам успеха на их трудном пути. Ваш путь — наш путь.

Редакция «Северной Правды».

Приветствие газете «Наш Путь» от группы мытищенских рабочих[1]

Мы, группа мытищенских рабочих, приветствуем вновь народившуюся рабочую газету и желаем ей успеха в ее трудном деле. Наконец-то мы можем читать свою газету, но мы, товарищи, должны помнить, что наша газета встретит много препятствий на своем пути: ее так же будут стараться задушить и обессилить штрафами, как обессилили петербургскую «Рабочую Правду».

---

1 «Правда Труда», 1913 г., № 12.

2 Легальная — ежедневная большевистская газета; выходила с 25 августа по 12 сентября 1913 года.

3 «Северная Правда», 1913 г., № 20.

1 «Наш путь», 1913 г. № 1.

Товарищи, наша святая обязанность помочь и защитить свою газету, как выразительницу и защитницу классовых интересов пролетариата. Товарищи, вы должны помнить, что ни одна из буржуазных и либеральных газет не помещает наши статьи и заметки о наших нуждах и порядках на фабриках и заводах, а если и помещают некоторые из них, то стараются извратить и не писать правды. Если же мы будем иметь свою газету, которая будет существовать на наши гроши, то она будет писать все, что мы напишем о наших порядках на фабриках и заводах: как нас притесняют и как бессовестно, по нашей темноте, выжимают последние соки из нас наши хозяева.

Товарищи, наша печать не нравится господам капиталистам. Она им, что называется, стоит поперек горла, и поэтому они всеми силами будут стараться ее задушить. По их велению ее будут конфисковать, штрафовать и закрывать. В виду этого ей будет трудно существовать без средств и нашей поддержки. Мы, товарищи, должны ее защищать и помогать материально, стараясь выписывать ее на продолжительные сроки и предлагать товарищам подписываться, тогда ей не будет страшна конфискация и не страшны будут штрафы. Примером могут служить петербургские рабочие. Они объединились около своей рабочей газеты «Звезда», которую закрыли, но петербургские рабочие не упали духом; они на свои гроши организовали несколько газет, одну за другой. Закрывают «Звезду», они открывают «Невскую Звезду», а затем и ежедневную «Правду». Закрыли «Правду» — они открыли «Рабочую Правду», а потом «Северную Правду». Этого мало: петербургские рабочие, благодаря своей сплоченности около рабочих газет, добились улучшения заработка, который выше заработка московских рабочих. Их не могут оскорблять и хозяева, и мастера, как оскорбляют московских рабочих, вообще, над ними не могут глумиться, как глумятся над московскими рабочими. Они благодаря своей сплоченности и солидарности, умеют дать отпор своим эксплоататорам, они борцы, они герои-пролетарии.

Мы, группа мытищенского вагоностроительного завода, сознавая трудную задачу рабочей газеты, посылаем свою посильную лепту и обращаемся к товарищам мытищенцам и призываем их последовать нашему примеру.

Группа мытищенских рабочих.

Обвинительный акт Московской судебной палаты, 6 февраля 1914 г.[1]

25 августа 1913 г. в Москве был выпущен № 1 рабочей газеты «Наш Путь», причем помещенная в этом номере передовая статья под тем же заглавием намечала основные задачи газеты. Указав, что газета «Наш Путь» создана самими рабочими и потому обязана творить их волю, редакция заявляла, что «следуя этой воле, газета будет твердо и упорно бороться со старыми оковами, тяготеющими над рабочим движением и над всей жизнью народных масс». «Эти оковы,— говорилось далее,— все еще в полной силе; их не разберешь по отдельным звеньям... Одним лишь общим стремлением могут быть разрешены все частичные бедствия и нужды — стремлением решить три главных вопроса — общеполитический, рабочий и земельный. Новая рабочая газета будет звать к решению этих старых задач старыми способами, а наряду с ними также и новыми, завоеванными пролетариатом в последней его великой борьбе. Сама рабочая газета — один из таких способов».

Продолжая развивать поставленные задачи, редакция указывала, что газета «Наш Путь» прежде и больше всего будет неустанно бороться с реакционными партиями — партиями помещиков и капиталистов, построивших свое благосостояние на почве остатков крепостничества в России». Статья заканчивалась следующим заявлением: «Под знаменем ортодоксального марксизма и в рядах авангарда международного пролетариата пойдет московская рабочая газета. Наш путь есть общий путь рабочих всех стран».

Во исполнение намеченных задач, в № 1 и следующих пятнадцати номерах газеты «Наш Путь» был помещен ряд статей о рабочем движении и о положении рабочих на различных фабриках и заводах. Московский комитет по делам печати, найдя преступным содержание многих из этих статей, наложил арест на №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 15 и 16 означенной газеты...

Определением Московской судебной палаты от 12 сентября 1913 г. был утвержден арест, наложенный на №№ 1—6, 8 и 9 газеты «Наш Путь» и приостановлено до судебного приговора самое издание этой газеты, а засим определениями Судебной палаты от 23 сентября был утвержден арест, наложенный на №№ 10, 11, 15 и 16.

Осмотром номеров газеты «Наш Путь», подвергшихся аресту, выяснено, что в них помещены, между прочим, следующие 29 статей:

В № 1 от 25 августа 1913 года: 1) статья под заглавием «Наш Путь», содержание которой приведено выше. 2) Письмо в редакцию «От группы Мытищенских рабочих»... 3) Заметка, озаглавленная «Магазин готового платья Боген», указывающая, что рабочие в мастерской этого магазина «когда-то были организованы, считались передо-

[1] Ф. Моск. судебн. палаты, д. № 61—67, 1913 г., лл. 3—12.

выми товарищами, готовыми к борьбе за свое будущее... Не то стало теперь. В мастерской — лакейство перед администрацией, которая гнет рабочих в дугу и выбрасывает, когда ей хочется»... Заметка заканчивается призывом: «Товарищи! Проснитесь... Читайте рабочие газеты, объединяйтесь в общую семью... Сбросьте с себя цепи апатии и рабства». 4) Статья «Беглый обзор жизни московских печатников»; автор статьи, доказывая необходимость для рабочих организоваться в профессиональное общество, изображает положение типографских рабочих в следующих выражениях: «достаточно знать до невозможности нахальное обращение с работниками и работницами, чтобы сказать свое мощное «довольно» царству произвола и реакции... Неужели вам не больно, когда просите за свой труд, а вам говорят — «пошел вон, мерзавец»... Неужели вы, товарищи, останетесь довольны, когда вместо заработанных денег получаете в зубы... Если товарищи чувствуют, что они являются в своем отечестве рабами, эксплоатируемыми всеми, кому не лень, то они должны были бы сейчас записаться в союз и вступить в борьбу за улучшение своего классового положения»...

В № 2 газеты «Наш Путь» от 27 августа 1913 года обращают на себя внимание следующие статьи: 1) статья под заглавием «Фабрика Циндель», автор которой, описывая положение рабочих на этой фабрике, приходит к выводу о неудовлетворительности такового. «Здесь,— говорится в статье,— попираются наши элементарные права. Мы не видим человеческого обращения и глубокое издевательство свило гнездо в нашей жизни... Фабриканты нас унижают, заставляют нас, под давлением голода, работать на них при столь тяжелых условиях». Статья заканчивается призывом противопоставить силе капитала силу рабочей солидарности, так как эта сила заставит фабрикантов улучшить положение рабочих. 2) Статья, озаглавленная «Ситценабивная фабрика Рябова», в этой статье условия жизни на означенной фабрике характеризуются, как «самые скверные», и фабрика сравнивается с каторгой. Поэтому, по мнению автора, необходимо искать выход к иной светлой жизни; этот «путь к лучшей доле — борьба... Лишь борьбой мы достигнем желаний». «В борьбе,— говорится далее в статье,— побеждает тот, кто сильнее... Сила наша — в организации. Посмотрите, как объединены наши враги — фабриканты. Организацией мы заставим считаться с нами, уважать нас».

№ 3 газеты «Наш Путь» от 28 августа 1913 года заключает в себе, в числе других статей, также следующие: 1) статью «Разбитые стереотипы», в которой автор, сообщая о конфискации в типографии № 2 газеты и уничтожении стереотипа, обращается к рабочим с такими словами: «товарищи, думаете-ли вы, что здесь разбивали ваши цепи? Нет, здесь хотели разбить вашу волю тверже металла, вашу великую свинцовую мощь. Не отступайте перед этим... Наступит время, если вы захотите этого крепко, и оно станет тверже всякого свинца, и разбить его станет невозможным». 2) Приветствие «Нашему Пути» от фабрики Гивартовского; в этом приветствии рабочие названной фабрики выражают надежду, что «Наш Путь» «будет проводить их идеи с точки зрения последовательного марксизма». «Все рабочие,— заявляется далее,— не должны верить краснобаям буржуа, которые елейными словами угощают нас, а на деле эксплоатируют... Нужно понять, товарищи, что мы все создали и нам должно принадлежать все».

В № 4 газеты «Наш Путь» от 29 августа 1913 года надлежит отметить следующие статьи: 1) «Петербургский суд и бакинский градоначальник»; автор этой статьи, сообщая о привлечении к суду за забастовку рабочих завода Гартмана в Петербурге и о разрешении сходки рабочих в Баку для обсуждения вопроса о стачке, объясняет различное положение рабочих «растерянностью власти перед стачками» и заявляет, что «рабочее движение не может остаться в таком положении. Оно не может развиваться в таких условиях, когда никому не известно, что будет ответом на предъявление экономических требований... Это до того понятно, что даже либеральные капиталисты начинают это соображать. Они заговаривают о необходимости свободы коалиций. Но рабочие должны помнить, что надеяться на свободу стачек, рабочих организаций, собраний при сохранении общих условий жизни,— это значит предаваться пустым либеральным мечтам». 2) Приветствие «Нашему Пути» от рабочих фабрики «Дукс»; здесь, между прочим, говорится: «темные силы со всех сторон окружают и давят нас, рабочих. Все, что служит на пользу рабочих, угнетается и преследуется. Все лучшие и честные товарищи наши вырываются из наших рядов. У наших эксплоататоров дела обстоят иначе: они могут вырабатывать всякие мероприятия для более успешной и беззастенчивой эксплоатации рабочего класса. Но, несмотря на все это, рабочий класс делает свое великое дело... Исторический ход вещей на стороне рабочего класса, и никакие плотины не остановят нас». 3) Статью, озаглавленную «Новые меры земельной реформы»[1]; эта статья рассматри-

[1] Статья написана В. И. Лениным, подписана псевдонимом — В. Ильин; одновременно помещена в «Северной Правде». См. Соч., т. XVI, стр. 582.

вает правительственный законопроект, по коему хуторские и отрубные участки при продаже и переходе по наследству должны оставаться в руках единоличного собственника. Автор статьи полагает, что таким путем «помещики хотят создать привиллегированную земельную собственность крестьянской буржуазии... Я поделюсь с вами маленькой долей своих привиллегий,— говорит помещик кулакам и богатеям,— я вам помогу наживаться на счет разоряемых крестьян, а вы меня защитите от этой массы, вы будете опорой порядка»...

В № 5 газеты «Наш Путь» от 30 августа 1913 г. обращает на себя внимание статья «Жертвы капитализма», в которой приводится статистика несчастных случаев с рабочими и засим заявляется: «Промышленный подъем всюду несет с собою страшное увеличение несчастных случаев с рабочими, а у нас в России, еще в гораздо большей мере. Фабрикантам и заводчикам — усиленные барыши. Рабочим — усиленные поранения и калечания. Таков капитализм».

В № 6 газеты «Наш Путь» от 31 августа 1913 г. содержатся, между прочим, следующие статьи: 1) статья «Женский труд и рабочее движение», автор которой, указав, что фабриканты в стремлении получить больше прибыли заменяют труд рабочих мужчин женским трудом и постановкой машин, утверждает, что «не нужно бороться с введением машин, а нужно передать их в общественную собственность», и что борьба против женского труда вредна для пролетариата, так как «чем раньше женщины примкнут к мужчинам, тем быстрее наступит окончательная победа рабочего класса». 2) Статья «Голос парфюмера», в которой автор советует «товарищам парфюмерам» не падать духом от неудачного исхода забастовок, объясняя неуспех недостаточной организационностью, между тем как «фабриканты,— говорится в статье,— хорошо организовались против нас; оттого то они со своими любимчиками и самодурствуют над нами в фабричных станах... Хотя и крепко фабриканты организуются, но как только совесть рабочая зашевелится, тогда все их укрепления затрясутся».

В № 8 газеты «Наш Путь» от 3 сентября 1913 г. помещен ряд статей преступного содержания, а именно: 1) статья под заглавием «Жертвы капитализма»; в ней приводятся цифровые данные о несчастных случаях с рабочими в России, и далее следует вывод: «чем больше развивается капитализм, тем более обогащаются капиталисты, тем больше рабочих жизней приносится на алтарь капитала... Хороша жизнь русского рабочего! Капиталисты создают для него такие технические условия труда, что число убитых русских рабочих больше, чем в передовых промышленных странах Европы. Русских рабочих калечат, как нигде»... 2) Приветствие газете «Наш Путь» от группы рабочих завода Грачева; здесь высказывается желание, чтобы газета освещала тот тернистый путь, по которому идет угнетенный, исковерканный эксплоатацией рабочий голодный люд... 3) Статья под заглавием «О милитаризме»; в ней доказывается, что в интересах народных масс — уничтожение постоянной армии и замена ее народной милицией. «В отдельных странах,— говорится в статье,— рабочий класс уже добился значительного влияния на внутреннюю политику, необходимо подчинить народному контролю и политику внешнюю... Следовательно, одним из условий, облегчающих борьбу с милитаризмом, является демократизация современного государства».

В № 9 газеты «Наш Путь» от 4 сентября 1913 г. обращают на себя внимание следующие статьи: 1) статья под заглавием «Фабрика т-ва М. Демент», в которой описываются условия труда на этой фабрике в таких выражениях: «если бывают случаи, что рабочий достиг хоть сколько-нибудь удовлетворительной платы, так оказывается, что он уже на пороге инвалидности, т. е. из него выжаты все соки, и наступило время, когда ревнители капитала начинают придираться к нему, чтобы или резко понизить его заработок или выжить его... Возьмем одного закройщика... Всю кровь из него паук... то бишь капиталист, высосал, а теперь старший прилагает все силы, чтобы выпихнуть его». 2) Статья, озаглавленная «Тверские стачки» и излагающая историю развития забастовочного движения в Твери в 1913 г.; статья заканчивается призывом к объединению: «Товарищи, организуйтесь в профессиональный союз, он укажет вам путь, как бороться против кнута капиталиста».

В № 10 газеты «Наш Путь» от 5 сентября 1913 г. помещены несколько статей, заключающих в себе преступные суждения, а именно: 1) статья под заглавием «Не с того конца»; в этой статье автор, сообщив о неудачном исходе забастовки на заводе «бр. Гантерт», говорит в заключение так: «вернувшись в знакомый ему хлев, рабочий невольно приходит к заключению, что не с того конца он начал борьбу, что незачем ему обращаться к заводской администрации, раз главные заводские конторы находятся в охранных отделениях и полицейских участках, и что весь успех его экономической борьбы зависит от изменения общеполитического положения, которое обеспечит законорожденность его союзов и обществ». 2) Стихотворение под заглавием «К другу»; в нем автор заявляет, что он «сломавший под тяжестью спину, обезличенный рабства

ярмом, видя братьев, согнутых в дугу», не может «петь песни восторга. Пусть про восторги поют, кто не знает тот каторжный труд, кто, по горло наевшись тем хлебом, что добыт под расплавленным небом, позабылся мечтательным сном». 3) Статья, озаглавленная «Товарищество табачных фабрик Бостанжогло»; здесь, после описания расчета 360 работниц названной фабрики, вследствие постановки усовершенствованной машины, помещено следующее обращение к рабочим: «Товарищи рабочие и работницы! Организуйтесь в союзы; знайте, что фабрикант и рабочие — это два полюса, которые никогда не могут сойтись вместе... Довольно терпения. Пора расстаться с жалким страхом за кусок хлеба, разве может быть что-нибудь хуже нужды и болезней..., так чем же мы рискуем? Мы потеряем лишь оковы, а завоюем целый мир». 4) Статья под заглавием «К товарищам мясникам»; автор статьи, описывая положение рабочих мясников, называет заработок ничтожным, а обращение с ними хозяев чрезвычайно плохим и засим внушает рабочим, что они «не должны безучастно смотреть на произвол хозяев». «Мы,— говорится далее в статье,— творцы капитала, мы вскормили и взлелеяли его своим потом и кровью. Мы вправе поэтому требовать себе человеческого существования... Взгляните, как борются за свое человеческое достоинство и за улучшение жизни другие рабочие, они уже многого добились... Бросьте буржуазные газеты,— ими угощают нас хозяева, которым дорога наша тьма и спячка».

В № 11 газеты «Наш Путь» от 6 сентября 1913 г. помещены, между прочим, следующие статьи: 1) статья под заглавием «Наука о борьбе с преступностью»; автор ее, называя себя участником международного съезда криминалистов, обсуждает рекомендованные членами съезда меры борьбы с преступностью и высказывает мнение, что эти члены, проповедуя усиление репрессий, в то же время обнаруживали боязнь перед общественным мнением, «которое не допустит новых жестокостей современного общества против жертв им же созданных и поддерживаемых условий». Если «даже эти меры войдут в законодательство,— это не поможет буржуазному обществу.. Только улучшение положения масс может уменьшить количество преступлений. Уничтожить их можно только вместе с общественным строем, их порождающим». 2) Статья «Рабочие и семья», обсуждающая наблюдаемое среди германских рабочих стремление сократить деторождение, причем проповедники этого движения объявляют его новым орудием классовой борьбы пролетариата. Отрицая правильность такого взгляда, автор статьи утверждает, что «социальный вопрос будет решен лишь на почве суровой экономической и политической борьбы... Рабочий должен не отказываться от семьи, а борьбой добиться человеческого существования для нее уже сейчас... И главное воспитывать ее в духе борьбы за полное освобождение труда... Проклят тот строй жизни, при котором трудящимся слоям населения приходится даже только задумываться над такими вопросами».

В № 15 газеты «Наш Путь» от 11 сентября 1913 г. содержится статья преступного содержания под заглавием «Господа буржуа о «трудовом» земледелии»[1]. Автор статьи подвергает критическому разбору прочитанный профессором Коссинским на Киевском сельско-хозяйственном съезде доклад о трудовом хозяйстве в земледелии. Указав, что трудовым хозяйством докладчик называет крестьянское хозяйство, имеющее достаточное количество земли, и, не соглашаясь с главным тезисом доклада, что «крестьянское хозяйство растет, а крупные хозяйства, эксплоатирующие наемный труд, разлагаются и гибнут», автор статьи доказывает, что «трудовые» хозяйства, это и есть мелкобуржуазные, капиталистические хозяйства». «Интересы пролетариата,— говорится далее в статье,— требуют разоблачения капитализма и эксплоатации наемного труда, требуют раскрытия глаз массам на глубину классовой пропасти... Марксисты отстаивают интересы массы, разъясняя крестьянам: вам нет спасения вне присоединения к пролетарскому движению».

В № 16 газеты «Наш Путь» от 12 сентября 1913 г. обращают на себя внимание следующие статьи: 1) статья под заглавием «Мытищенский вагоностроительный завод». Автор о положении заводских рабочих говорит так: «Наша администрация, напрягая все усилия, чтобы больше извлечь барыша, прибегает ко всем родам эксплоатации. За последнее время усилились штрафы. За малейший пустяк выбрасывают за ворота, сбавляют расценки... До невозможности дошли акционеры, чтобы побольше выколотить % на свой капитал; они забыли самые элементарные обязанности по отношению к нам». 2) Статья под заглавием «Строительные рабочие». Автор статьи, говоря о положении рабочих, занятых в строительном деле, отмечает, что «строительные рабочие не подчинены надзору фабричной инспекции и вообще не пользуются покровительством рабочего законодательства». «Благодаря этому,— говорит далее автор,— ни чем не стесняемые подрядчики и старого закала Титы Титычи — ученые инженеры-

[1] Статья написана В. И. Лениным, подписана псевдонимом — В. Ильин; одновременно помещена в «Правде Труда». См. Соч., т. XVI, стр. 603.

строители применяют к своим рабочим самую разнузданную, самую азиатскую эксплоатацию. Сплошь и рядом договор найма между подрядчиком и рабочими заключается только словесный и при расчете рабочим приходится полагаться на весьма глубокую совесть подрядчика». 3) Статья под заглавием «Гибель «Надежды», написанная по поводу постановки на сцене драмы под тем же названием. Составитель статьи заканчивает ее следующими словами: «Погибла шхуна «Надежда», но не погибнет наша надежда. Наш корабль крепок... Имя ему марксизм. По бурным волнам, не боясь ни бури, ни рифов, он домчит нас в царство свободы. Смелее, товарищи, на руль, к машинам, к парусам и на славные вахты».

Личности авторов всех перечисленных статей остались на следствии неустановленными.

Для правильного же представления об общем направлении газеты «Наш Путь» нельзя не указать, что во второй половине сентября 1913 г. в Москве было распространено воззвание от группы рабочих социал-демократов «Ко всем московским рабочим товарищам»...[1]

Закрытие московской рабочей газеты «Наш Путь»[2]

Еще одна жертва третьеиюньского режима.

Телеграф принес удручающее известие:— Разбиты стереотипы «Нашего Пути» — навсегда... Закрыли рабочую газету, погасили пролетарский светильник, насильно прервали жизнь одного из самых могучих нервов рабочего движения.

Родился он в кошмарное время. Холод реакции начал умерщвлять рабочую жизнь, сковывать ее дыхание, наваливать на нее непосильную тяжесть разгульного произвола. То были страшные дни беспрерывных набегов со всех сторон на рабочую семью.

Надвигались тучи неслыханных репрессий. И, как дерзкий вызов темным силам реакции, раздался смелый зов на наш пролетарский путь. Зашевелились пролетарские ряды. Голос рожденного на руках наемных рабов свободного слова был услышан далеко, далеко... В рабочей каморке стало светлее и уютнее. С радостным волнением собирались туда товарищи по станку прочитать свою рабочую, мозолистыми руками созданную газету. Свою газету! Российские пролетарии, полтора года питая свою газету, знают эту радость, это счастливое сознание, когда из рабочих грошей создается свой печатный орган, обслуживающий классовые рабочие интересы.

И вот одним росчерком пера отнята газета.

С первого дня ее встретил недруг целым градом бичей и ударов.

Конфискация за конфискацией, преследование людей, помогавших газете, исключительное положение,— все это на деле поставило газету как бы вне закона, все это давало право каждому полицейскому мундиру расправляться с рабочей газетой, как ему заблагорассудится. Открытая война, объявленная газете, всем подсказывала исход этой неравной борьбы.

— Задушат, закроют,— говорили испуганно кругом.

А рабочие массы Москвы отвечали массовыми сборами, забастовкой и усиленной работой по укреплению обстреливаемой газеты. Со всех концов России, из всех рабочих казарм доносился властный голос пролетариев:

— Не дадим.

Но вот реакция оказалась временной победительницей. Будучи не в силах преодолеть пролетарскую волю, она с одного размаха наложила руку на рабочее детище: задушила. Нет больше московской рабочей газеты. С глубокой болью отзовется это чудовищное известие в сердцах миллионов пролетариев. Одна из двух крепостей взята реакцией.

Осиротевшие на аванпосте рабочего движения, мы, вместе с московским пролетариатом, делим эти скорбные минуты по убиенном третьеиюньской реакцией. День насильственного умерщвления московской рабочей газеты станет одним из траурных дней рабочего класса.

Петербургская марксистская газета находится в той же опасности. Все средства пущены в ход, лишь бы отвоевать у рабочих и эту крепость.

Теснее ряды. У свежей могилы погибшего брата мы должны собрать всю нашу пролетарскую волю и заявить:

— Не убить вам вольного слова рабочих!

— Да здравствует рабочая газета!

И эхо раздается в рабочих кварталах.

Обращение группы рабочих социал-демократов, [сентябрь] 1913 г.[1]

Ко всем московским рабочим товарищам.

13 сентября задушена грязными лапами царских чиновников, созданная нашими руками, на наши трудовые

---

[1] 18 апреля 1914 г. Московская судебная палата вынесла приговор: подвергнуть аресту редактора, подписывавшего конфискованные номера газеты «Наш Путь», все издания этих номеров газеты уничтожить, самое издание газеты запретить навсегда (ф. Моск. суд. палата, д. № 69—67, 1913 г., лл. 40—43).

[2] «Правда Труда», 1913 г., № 3.

[1] Фонд Моск. суд. палаты, 1913 г., д. № 61—67. Печатается по копии. По сведениям Московского охранного отделения это обращение было отпечатано в типографии «Русского товарищества печатного и издательского дела», на Большой Дмитровке, д. 26. Написано оно после закрытия газеты «Наш Путь».

гроши, первая московская рабочая газета «Наш Путь». Это не отдельный случай. Вы знаете, что почти в это же время закрыта и петербургская газета «Северная Правда», а до того — «Правда» и «Рабочая Правда».

Вы знаете, как рабочие газеты преследуются на каждом шагу, как обнаглевшие охранники не дают свободно вздохнуть рабочим газетам.

За что же они так преследуются? Только за то, что они рабочие. В них не было ничего незаконного, нелегального, выбрасывались всевозможные резкие выражения в статьях. Но всего этого было недостаточно: правительство не желает терпеть самого существования рабочей газеты, не разрешая рабочим того, чем пользуются все.

Может быть, скоро наступит время, когда легальную рабочую печать запрещать совсем. Что же делать? Выход остается старый: восстанавливая вновь легальную рабочую газету, нужно не покладая рук бороться путем старой нелегальной организации против всего теперешнего строя. Перед раскрытой могилой нашей газеты мы должны подумать и о создании новой газеты и о восстановлении сильной партии, которая сумела бы отбить все нападения реакции и готовить рабочий класс к новой революции. Но как ответить теперь на это новое нападение черносотенной шайки. Теперь, когда нам всем рабочим Москвы заткнули рот, когда потушили светильник, озарявший нам путь к лучшей жизни, нельзя сносить это молча. Нужно встать, как один, на защиту рабочего слова.

Товарищи рабочие Москвы! В понедельник 23 сентября бросайте все заводы, фабрики и мастерские в знак протеста против гонений на рабочую печать. Каждый день идут частичные протесты, видно, что борьба идет, но еще неуверенная. Пусть наш призыв будет сигналом к общему широкому выступлению. Покажем, что мы умеем отстаивать наше дело, что наши приветствия и обещания поддержки не были пустым звуком. Что московские рабочие снова выходят на борьбу, на те улицы, на которых раньше реяли красные знамена и высились баррикады.

Вперед, товарищи, дружнее в одном ряду!

Да здравствует стачка протеста!

Да здравствует РСДРП!

Да здравствует новая революция!

Группа рабочих социал-демократов.

Из телеграммы московского градоначальника директору департамента полиции, 23 сентября 1913 г.[1]

Сегодня 23 сентября в Москве была однодневная забастовка на почве протеста против закрытия рабочей газеты. Всего сегодня бастовало около ста предприятий по преимуществу типографии, портные и металлообрабатывающей промышленности с общим числом рабочих восемнадцать тысяч[1], при общем числе ста пятидесяти тысяч рабочих. До 12 часов дня в некоторых местах города бастующие рабочие собирались толпами двести—шестьсот человек, пытавшихся итти с пением революционных песен, но нарядами полиции все были рассеиваемы. В двух случаях толпа пыталась останавливать трамваи, при чем на Страстной площади толпа рабочих пыталась снять с проходившего трамвая вагоновожатого и испортить вагон, но благодаря решительности постового городового Антона Козловского, обнажившего шашку и бросившегося на толпу, вагон удалось отстоять. На Пятницкой улице толпа разбила в вагоне стекла, вследствие чего исполняющий должность городского головы Брянский, опасаясь повреждения трамваев и причинения неприятностей публике, в два часа дня прекратил по своей инициативе трамвайное движение. На Страстной же площади один из задержанных временно исполняющим обязанности пристава 2 участка Тверской части штабс-капитаном Боргестом участников демонстрации, при задержании его, ударил Боргеста кулаком по плечу. Он будет подвергнут судебному преследованию. Все задержанные также будут подвергнуты трехмесячному аресту административным порядком и затем воспрещению жительства в Москве. Всех задержанных 60 человек.

Подполковник Мартынов.

Из обвинительного акта Московской судебной палаты об участниках политической демонстрации 23 сентября 1913 года в Москве в связи с закрытием газеты «Наш Путь». 9 августа 1914 г.[2]

В августе 1913 года в Москве вышел в свет № 1 рабочей газеты «Наш Путь»... Содержание статей, помещенных, как в № 1, так и в последующих №№, призывавших к ниспровержению существующего в России общественного строя и возбуждавших вражду между предпринимателями и рабочими, вызвало распоряжение об аресте этих №№ и возбуждение уголовного преследования против редактора газеты, причем определением Московской судебной палаты от 12 сентября 1913 года издание газеты «Наш Путь» было приостановлено.

---

[1] Ф. Моск. суд. палаты, оп.— 120. Сведения и переписка о моск. забастовке трамвайщиков... л. 20.

[1] По сообщению «Правды Труда» количество бастовавших в этот день было около 50 тыс. чел.

[2] ЦАР, ф. 68. № 20, 1914 г., лл. 13—19.

Вслед за сим лица, входящие в состав московской организации российской социал-демократической рабочей партии, выразительницей идей которой являлась газета «Наш Путь», приступили к агитации среди рабочих за устройство однодневной забастовки и уличных демонстраций для выражения таким путем протеста против приостановления издания газеты. Вскоре группой рабочих социал-демократов было отпечатано и распространено в Москве воззвание под заглавием «Ко всем московским рабочим товарищам», с инициалами РСДРП...

Результатом означенной агитации явились следующие обстоятельства.

Утром 23 сентября рабочие многих фабрик, типографий и иных торгово-промышленных заведений не приступили к работам и стали собираться на Тверском бульваре. В 12-м часу дня толпа рабочих численностью до 400 человек, постепенно увеличиваясь во время движения, направилась Тверским бульваром к Страстной площади с пением революционных песен,— так называемых «Рабочей марсельезы» и «Похоронного марша». Многие из толпы шли с обнаженными головами, размахивая фуражками; в то же время над толпой появились на непродолжительное время два красных флага небольшого размера; некоторые из демонстрантов называли присутствующих на бульваре чинов полиции «опричниками». Дойдя до Страстной площади, толпа остановилась на несколько минут вокруг памятника Пушкина с пением той же «Марсельезы»; из толпы раздавались крики «долой самодержавие, долой полицию». Вслед за тем толпа двинулась с тем же пением направо к Тверской улице, но, увидев, что путь туда прегражден нарядом полиции, остановилась. Некоторые участники скопища начали возбуждать толпу к дальнейшему движению криками «ура» и «вперед»; при этом и. о. пристава 2 уч. Тверской части штабс-капитан Боргест, убеждавший демонстрантов прекратить пение и разойтись, получил два удара в голову от лица, оставшегося необнаруженным, а другой участник скопища, руководивший его действиями... нанес удар штабс-капитану Боргесту в спину...

Убедившись в невозможности проникнуть на Тверскую улицу и Страстной бульвар, большая часть толпы направилась на Малую Дмитровку через Путинковский переулок. Навстречу толпе показался вагон городской электрической дороги; он был остановлен и окружен демонстрантами, требовавшими, чтобы пассажиры оставили вагон, но постовой городовой Козловский, обнажив шашку, задержал нападавших до прибытия полицейского наряда. Путинковским переулком и М. Дмитровкой толпа числом в 300—400 человек двигалась с пением упомянутой выше «Марсельезы» и криком «опричники» и другими ругательствами по адресу чинов полиции, уговаривавших толпу разойтись. Движение скопища по М. Дмитровке было вскоре остановлено помощником пристава 2 уч. Арбатской части Николаевым и несколькими городовыми, задержавшими восемь человек, находившихся в передних рядах...

После произведенных арестов участники скопища разбежались, причем большинство направилось через Настасьинский и Дегтярный переулки на Старую Триумфальную площадь.

Около 12 часов дня означенные выше демонстранты, соединившись на Старой Триумфальной площади с рабочими, группировавшимися ранее в сквере на этой площади, образовали толпу численностью приблизительно в 300 человек и двинулись к Тверской заставе с пением «Рабочей марсельезы» и криками «долой самодержавие»; над толпой развевался красный флаг; многие шли с обнаженными головами. На углу Тверской-Ямской и Б. Грузинской улиц толпа встретила вагон городской электрической дороги, шедший с двумя прицепными вагонами из Петровского парка. Демонстранты окружили вагоны, потребовали удаления пассажиров и нанесли побои вагоновожатому и одному из кондукторов за неприсоединение к бастовавшим тогда служащим городского трамвая. В это время явился помощник пристава 2 участка Сущевской части Висковский с несколькими городовыми. Висковскому удалось задержать некоторых из числа участников скопища... После всех этих арестов и появления наряда конной полиции, вызванного помощником пристава Висковским, скопище рассеялось.

В 4 часа того же дня в Екатерининском парке образовалась толпа в 100, приблизительно человек и с пением «Рабочей марсельезы» прошла на Самотечную площадь и оттуда на Цветной бульвар; за это время численность скопища возросла до 400—500 человек. На Цветном бульваре толпу встретил околоточный надзиратель Дрожжин с несколькими городовыми. При виде чинов полиции участники скопища начали разбегаться. Дрожжин, заметив, что несколько демонстрантов скрылись во дворе дома Морозова, отправился туда и при содействии городовых во дворе и на лестнице этого дома задержал нескольких лиц...[1]

---

[1] Всего по делу политической демонстрации 23 сентября 1913 г. было привлечено по суду 27 человек, но в связи с началом войны и призывом на военную службу большинства обвиняемых приговора Палаты по этому делу не состоялось. (Ф. Моск. суд. палаты, д. № 20, 1914 г.).

«РАБОЧИЙ ТРУД»[1]

Доклад члена Московского комитета по делам печати Ф. И. Янека о наложении ареста на № 1 журнала «Рабочий Труд» и привлечении к судебной ответственности издателя журнала, 14 июня 1914 г.[2]

В ночь с 13 на 14 июня поступил в Комитет № 1 (от 14 июня с. г.) литературно-политического и обще-профессионального еженедельного журнала «Рабочий Труд»...

В передовой статье под заглавием «Наши задачи» указывается, что «в своих иностранных обзорах «Рабочий Труд» в первую очередь постарается использовать богатый опыт пролетарской борьбы на Западе. В области международных отношений журнал всегда станет последовательно разоблачать ту политику национальной травли, которая несет узким общественным группам возрастание барышей, взваливает на народные массы увеличение тягостей налоговой системы и рекрутчины, расточает общественные производительные силы, тормозит экономическое развитие и угрожает пролитием потоков народной крови. Национальной вражде, раздуваемой и разжигаемой своекорыстными группами, «Рабочий Труд» будет противопоставлять международную солидарность труда. Руководящей идеей журнала будет единство великих исторических целей рабочего движения».

В статье — фельетоне «Карл Маркс» говорится: «Гений Маркса — это душа рабочего класса, отразившаяся и сознавшая себя в самом сильном мозгу XIX века. Идите дальше — его завет... 66 лет прошло с тех пор, как прозвучали над миром призывающие к объединению слова знаменитого манифеста, написанного им (т. е. Марксом) с Энгельсом. И эхо живой жизни продолжает повторять их громче и громче, с самых далеких уголков земли».

В статье «Уход Р. В. Малиновского» буржуазные воззрения на работника характеризуются следующим образом: «Буржуазия видит в работнике своего рода лимон, из которого надо выжать как можно быстрее и как можно больше прибыли и потом вышвырнуть его на мостовую. Выжаты все жизненные соки из одного работника,— можно нанять другого с свежей, незатронутой рабочей силой. Разрушена на работе у капитала одна рабочая сила, остается только показать ей дверь, дать пинка и поставить на ее место новую».

В статьях, посвященных вопросу о страховании рабочих Москвы и Моск. губ. на случай болезни и потери трудоспособности проводится мысль, что предложенные ко введению уставы отнюдь не послужат к улучшению положения рабочих.

Статья «К выборам в губернское по страховым делам присутствие». Так называемым уставом московских фабрикантов «сведены почти к нулю и те незначительные права, которые обеспечивают закон за рабочими в управлении кассами».

Статья «Итоги страхования в Москве»: «Во всех действующих по сие время больничных кассах приняты хозяйские уставы со всеми их прелестями и особенностями».

Статья «Городские рабочие и страхование». «Да улучшится ли, по сравнению с прежним, положение рабочих с введением страхования. Безусловно нет».

В статье «Выборы в Московское губернское страховое присутствие» указывается на «злорадствующих хозяйских ставленников».

Статья «Караси и люди». В заседании Московской городской думы «восемь ораторов из столпов либерализма выступили с речами за сохранение Самотецкого пруда и его обитателей», а «проект устава больничной кассы более чем в 120 статей провели в несколько минут без всяких замечаний... Плачут над карасями и молчат... с упорством... когда дело касается тысяч людей».

Ввиду такого отношения хозяев к рабочим и их нуждам журнал в статье Незнамова: «К выборам в Губернское по страховым делам присутствие» напоминает рабочим представителям то место наказа, где говорится, что «они обязаны всю свою деятельность согласовать с решениями организованных марксистов. Только действуя в согласии с марксистской организацией, только проверяя свои действия при свете марксистской мысли, рабочие представители не разойдутся в своих решениях с тем направлением, которое приняло за последнее время рабочее движение».

Относительно рабочих городских предприятий на стр. 14 журнал убеждает, что «никакие покушения на наш заработок не должны иметь место, городское самоуправление обязано принять взносы рабочих в больничную кассу на себя».

На стр. 18—19 помещены приветствия различных «групп».

«Торговые служащие» заявляют, что «неотложные задачи, стоящие на очереди дня, повелительно диктуют не защиту отдельного безразлично какого вопроса и не отстаивание экономических интересов, каких бы то ни было профессиональных организаций, а полное, всестороннее освещение российской действительности, и неразрывной органической связи профессио-

[1] Легальный литературно-политический и обще-профессиональный еженедельный журнал. (Издавался с 14 июня по 5 июля 1914 г.)

[2] Ф. Моск. судебн. палаты, д. № 875, л. 34.

нально-экономических интересов с общими целями пролетарской демократии». «Группа приказчиков съестников» выражает уверенность, что «журнал встанет в ряды борцов за великие лозунги последовательной демократии».

«Группа московских марксистов, вынужденных находиться вне Москвы», уверена, что трудная работа сотрудников «Рабочего Труда» достаточно будет оценена рабочими всей России.

«Калужские портные» (к ним присоединяются и «московские портные») обращаются к новому журналу: «Развивай в нас классовое самосознание в духе последовательного марксизма и мы сплотимся вокруг тебя. Будь ты нашим проводником в рабочем движении».

Статья Конст. Сенина «Все в союз» дает «сознательным» рабочим практические указания, порицает заявление рабочими отдельной фабрики или завода требований под угрозой забастовки, находя подобные выступления безполезными в виду того, что хозяйские организации окрепли и расширились. Стачки должны объявляться профессиональным союзом и не для рабочих одной фабрики, а для рабочих всего производства, и лучше всего одновременно со стачкой на предприятиях, рабочие которых состоят членами других профессиональных союзов. Права рабочих устанавливать профессиональные союзы однако попали в такие тиски всякого рода административных усмотрений, предписаний, постановлений, разъяснений и т. д., они настолько сжаты всякого рода положениями об усиленных и иных охранах, что применение их и использование является делом и трудным и рискованным». Сенин призывает к преодолению всех препятствий и провозглашает лозунг «Все в союз».

Статья «Среди торговых служащих» призывает торговых служащих к борьбе. «Мы должны предъявить свои права, права человека, мы должны знать, что созданы для себя, а не для наших эксплоататоров и мы имеем такое же право на жизнь, как и они... Наших передовых товарищей арестовывают, высылают, душою страдают за нас все они... Товарищи, для нас давно настала пора проснуться от вековой спячки... Мы добьемся своих прав, только сомкнувшись плотно в ряды... Пойдем, товарищи, в союз скорей...»

В статье «К товарищам — членам профессионального т-ва портных» сознательные товарищи приглашаются вступить в о-во и аккуратно вносить членские взносы, чтобы «разбить козни врага, разорвать его сети и, укрепляя свой союз, наносить врагу серьезные удары, ибо силе капитала вы можете противопоставить мощь пролетариата».

Статья «Кооперативное движение» указывает, что кооперации рабочих должны быть поставлены в прочную связь с общим рабочим движением и не зарываться по уши в мелочные интересы купли-продажи, так как тогда в дело кооперации будет внесен здоровый дух демократизма».

Находя, что основною целью № 1 «Рабочего Труда» служит уловление рабочих в сети социал-демократической партии и превращение рабочих профессиональных и кооперативных союзов в активные органы русского «марксизма», преследующего преступные противо-общественные и противогосударственные цели, полагаю необходимым № 1 «Рабочего Труда» арестовать, а виновных в издании его привлечь к судебной ответственности по п.п. 2 и 6 ст. 129 Угол. Ул..

Член Московского комитета по делам печати Янек.

Содержание

Архивные материалы о революционной деятельности И. В. Сталина за период 1908—1913 гг. 3

Иранская революция 1905—1911 гг. и большевики Закавказья. Вводная статья *Е. Бор-Раменского* 33

К истории борьбы крестьянства Правобережной Украины против Центральной рады и Временного правительства в 1917 г. Вводная статья *М. Осетрова* 71

У великой могилы (Революционные настроения среди украинского крестьянства в связи со смертью Т. Г. Шевченко. Вводная статья *А. Юрченко, А. Гринберг* 99

К биографии Шамиля, Вводная статья проф. *С. Бушуева* 115

Царизм в борьбе с революционной печатью в 1905 г. Вводная статья *И. Ковалева* 140

Новые материалы о М. Е. Салтыкове-Щедрине. Вводная статья *Г. Залкинд* . . 156

Из записной книжки архивиста. К истории московской большевистской рабочей печати в годы революционного подъема. Вводная статья *Е. Осокина* . . 168

Редакционная коллегия

Год издания 20-й. Подписано к печати 10/V 1941 г. Тираж 4630 экз. А37984
Объем 11¼ п. л. В 1 п. л. 60 000 зн. Уч.-изд. 16,2 л. Зак. тип. 306. Изд. № 9 (п.). Цена 5 руб.

18-я тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10

Замеченные опечатки в № 1 (104) „Красного Архива“

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
200	15 снизу	послание Книжной палате,	послание к нижней палате,
203	25 сверху	контингентов держав»,	континентальных держав»,
206	17 снизу	добившихся	добивавшихся

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ТЕХНИКУМ ГАУ НКВД СССР

ОБЪЯВЛЯЕТ НАБОР

на первый курс 1941—1942 учебного года

ТЕХНИКУМ ГОТОВИТ СЛЕДУЮЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ:

а) инспекторов архивных отделов УНКВД
б) заведующих районными архивами
в) старших архивно-технических работников

Срок обучения 3 года

Принимаются граждане обоего пола в возрасте от 15 до 30 лет, имеющие образование в объеме 7 классов неполной средней и средней школы.

ПРИЕМ ЗАЯВЛЕНИЙ С 1 ИЮНЯ ПО 15 АВГУСТА

К заявлению должны быть приложены: 1) свидетельство об образовании, 2) метрическое свидетельство, 3) справка о состоянии здоровья, 4) автобиография, 5) две фотокарточки.

Поступающие подвергаются испытаниям в объеме семилетки по математике, русскому языку и литературе, физической географии и конституции СССР.

ОТЛИЧНИКИ ПРИНИМАЮТСЯ БЕЗ ИСПЫТАНИЙ.

Испытания проводятся с 15 августа

НАЧАЛО ЗАНЯТИЙ С 1 СЕНТЯБРЯ

Иногородние обеспечиваются общежитием и постельными принадлежностями. Стипендии выдаются в соответствии с постановлением СНК СССР от 3/X—40 г.

ДОКУМЕНТЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

г. Ленинград — 31, Казначейская ул., д. 11. ◆ Телефон 5-26-26

Дирекция техникума

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3 (106)

ОГИЗ ★ ГОСПОЛИТИЗДАТ ★ 1941

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ
(СТО ШЕСТОЙ)

1941

ОГИЗ ★ ГОСПОЛИТИЗДАТ ★ 1941

Содержание

К 35-летию IV (Объединительного) съезда РСДРП. Вводная статья *Е. Ярославского* 3

Волнения крестьян в удельных имениях Грузии в 1905—1906 гг. Вводная статья *В. Евфимовского* 40

Крестьянские волнения в Харьковской губ. (1861—1862 гг.). Вводная статья *Френкель* 58

Из истории шелководства в России. Вводная статья *А. Чернова* 79

Англия перед угрозой десанта Наполеона I (1801—1805 гг.) Вводная статья *А. Попова* 120

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Новые материалы о Глебе Успенском. Вводная статья *И. Гудкова* 147

К биографии Коста Хетагурова 156

Письма А. В. Суворова. Вводная статья *Г. Никольской* 160

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Проф. Н. Коробков — Наступление Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 года 165

Ф. Юдин, Н. Фиронов — М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны 173

Редакционная коллегия

Год издания 20-й. Подписано к печати 4/VI 1941 г. Тираж 4 610 экз.
А38159. Объем 11 п. л. В 1 п. л 62 000 зн. Уч.-изд. 17,85 л. Зак. тип. 555. Изд. № 11 (п.). Цена 5 руб.

18-я тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10

К 35-летию IV (Объединительного) съезда РСДРП

Поражение декабрьского вооруженного восстания — высшей точки революции 1905 года — было серьезнейшим ударом по рабочему классу, по большевистской партии. Но, в отличие от меньшевиков, хоронивших революцию, большевики считали, что поражение декабрьского восстания не есть еще окончательное поражение революции. Непосредственно, сейчас же после декабрьского восстания, большевистские партийные комитеты не только не ослабили своей работы, но стали готовиться к новому восстанию. Конечно, правительство стремилось углубить, закрепить свою победу. Карательные экспедиции, посланные в Польшу, Прибалтийский край, Закавказье, Сибирь, продолжили удар, нанесенный революции в декабре 1905 года: «...начался поворот к постепенному отступлению революции. Подъем революции сменился ее постепенной убылью» [1].

В чем была сущность большевистской тактики в этот период непосредственно после поражения декабрьского вооруженного восстания? Большевики боролись за новый подъем революции, за ее расширение. Подобно тому, как после поражения революции 1848 года, Маркс и Энгельс в течение почти двух лет считали возможным новый подъем революции и боролись за этот подъем революции, организовывали его, так и большевики в 1906 году не ожидали пассивно, что из продолжающихся рабочих стачек, крестьянских восстаний и усиливавшихся военных восстаний может автоматически получиться новая революция. Большевики боролись за новый, более мощный подъем революции и организовывали новое вооруженное восстание масс. Это восстание пришло позже на 11 лет, но подготовка к нему, «генеральная репетиция» не пропала даром.

Тогда, в начале 1906 года нельзя было сказать еще, что этот поворот к отступлению уже начался. Мы видим, например, как поднимается в 1906 году и количество восстаний, и революционных волнений в армии и флоте, и нарастает количество участников этого революционного движения: наряду с фактом поражения вооруженного восстания и отступления революции имелись и факты противоположные. Вот почему партия большевиков не считала возможным в этот период менять тактику, снимать лозунг вооруженного восстания, отказываться от тактики активного бойкота Государственной думы.

Только спустя год картина стала ясной — революция шла на убыль. Это показала, в особенности, статистика рабочих стачек.

Число стачечников составляло: в 1905 г.— 2 863 тыс., в 1906 г.— 1 108 тыс., в 1907 г.— 740 тыс., в 1908 г.— 176 тыс. [2].

Наибольшую активность в этот период проявил рабочий класс, и Ленин писал с полным основанием, что «За всю нацию систематически, организованно, беспрерывно боролся один только пролетариат» [3].

Царское правительство видело, что поражение декабрьского восстания еще не означало конца революции. Революция отступала с боями, и 1906 год дает еще очень яркую картину борьбы рабочих, крестьян, солдат и матросов. Крестьянских выступлений в 1906 году было 2 600, в 1907 году — 1 137; при-

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 80.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 29.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. XII, стр. 38.

чем в 1906 году до 2 миллионов сельскохозяйственных рабочих принимали участие в стачках. Царское правительство, обрушиваясь свирепыми репрессиями против «бунтовщиков», громя революционные организации, наполняя тюрьмы и ссылки десятками тысяч революционеров, решило еще накануне декабрьского восстания начать игру в конституцию, объявило закон о созыве Государственной, так называемой виттевской думы. В тот самый момент, когда партия повела массы на вооруженное восстание против царизма, царское правительство показало пряник. Смысл объявления о созыве Государственной думы в момент вооруженного восстания был тот, что царское правительство как бы указывало «мирный исход» из создавшегося положения.

На самом деле Государственная дума, разработанная по проекту графа Витте, лишала избирательных прав широкие массы рабочих, женщины вообще были лишены избирательных прав. Чернорабочая прислуга, строительные рабочие, рабочие торговых, общественных и государственных предприятий, рабочие железнодорожного и водного транспорта и городских трамваев, рабочие фабрик и заводов с общим числом рабочих меньше 50 человек совершенно не имели права выбирать. Таким образом, свыше двух миллионов рабочих лишались избирательных прав. Характеризуя этот закон о выборах, Ленин писал:

«Самодержавие уже не в силах открыто выступить против революции. Революция еще не в силах нанести решительного удара врагу» [1].

Допуская к выборам довольно широкие массы крестьянства, царское правительство рассчитывало, что крестьянство пошлет в Думу самых верноподданных, самых реакционных представителей — священников, кулаков, помещиков и т. п. Но в этом царское правительство в значительной степени ошиблось.

Нет никакого сомнения в том, что часть крестьянства верила в возможность через Государственную думу получить землю, оно, несомненно, питало конституционные иллюзии, которые усиленно поддерживались и в крестьянстве, и в широких демократических слоях города кадетами, меньшевиками, народническими организациями. Против этих конституционных иллюзий и боролись большевики, считая, что не было никаких оснований в тот момент снимать с очереди лозунг вооруженного восстания.

«Конституционные иллюзии,— объяснял Ленин,— это обманчивая вера в конституцию... Когда действительная политическая жизнь расходится с ее отражением в парламентской борьбе, тогда и только тогда борьба с конституционными иллюзиями становится очередным делом передового революционного класса пролетариата» [2].

Какие же средства борьбы против конституционных иллюзий выдвигала большевистская партия в тот период? Основным вопросом этого периода был вопрос о том, как отнестись к выборам в I Государственную думу. Меньшевики все свои надежды возлагали на эти выборы.

В противовес меньшевикам, большевики объявили и проводили тактику активного бойкота Государственной думы, на основании решений, принятых Таммерфорской конференцией большевиков, при чем эта тактика активного бойкота была поддержана в целом ряде областей и имела огромный успех на местах. Активный бойкот, проводимый большевиками, вовсе не означал самоустранения пролетариата с поля политической борьбы, воздержания, абсентеизма. Активный бойкот означал самое активное участие во всех избирательных собраниях, с тем, чтобы на этих собраниях разъяснять массам смысл происходящих событий, разъяснять назначение Государственной думы, а главное,— разъяснять задачи, которые стоят перед рабочим классом, призывать его к подготовке нового вооруженного восстания.

Конечно, для успеха активного бойкота необходимо было наличие широкого революционного движения, даже известного подъема его: «...вне массового возбуждения, повсюду переливающего, так сказать, через края старой легальности, не может быть и речи об успехе бойкота» [3],— писал Ленин.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 333.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. IX, стр. 204.
[3] В. И. Ленин, Соч. т. XII, стр. 23.

Вот почему и на Таммерфорской конференции в декабре 1905 года и накануне IV съезда РСДРП, и на самом съезде, и тотчас после него вопрос о тактике бойкота занимал такое большое место в жизни большевистской партии.

Точку зрения Ленина на бойкот Государственной думы защищал и в литературных произведениях, и во всех своих выступлениях того времени товарищ Сталин. В брошюре «Текущий момент и объединительный съезд рабочей партии», изданной нелегально после IV съезда РСДРП, тов. Сталин писал:

«Теперь ни для кого не тайна, что народная революция не погибла, что, несмотря на «декабрьское поражение», она все же растет и стремительно несется к высшей точке. Мы говорим, что это так и должно быть: движущие силы революции не утихают; разразившийся кризис все больше и больше усиливается; голод, в конец разоряющий деревню, изо дня в день углубляется и расширяется,— а это означает, что близок час, когда грозным потоком хлынет революционное возмущение народа.

Да, факты нам говорят, что в общественной жизни готовится новое наступление,— более ожесточенное и могучее, чем декабрьское наступление...» [1]

* * *

Вопрос о единстве рабочего класса и его партии стоял в этот период особенно остро. Этого единства партии требовали рабочие. Известно, что вопрос об объединении поставлен был уже на Таммерфорской конференции в конце 1905 года. Но, как известно, меньшевики, предвидя в тот момент, накануне восстания, что они окажутся в меньшинстве, не пошли на объединение. Ленин боролся против такого объединения, которое бы означало смазывание существующих острых разногласий. Ленин стоял за созыв объединительного съезда, на котором партийные организации объединили бы свои действия, предварительно произведя полное размежевание по всем вопросам борьбы, чтобы всем рабочим было ясно на чем, на каких идейных основах происходит объединение. Большевики настаивали на созыве IV объединительного партийного съезда, на котором наряду с организациями, имевшими право голоса по уставу, Ленин предлагал дать голос и национальным с.-д. организациям,— поляков, латышей и других.

Комментируя воззвание ЦК о созыве IV съезда, Ленин, в статье «О реорганизации партии», писал:

«На то, что «верхи» партии объединятся сами, рабочие почти потеряли надежду. Необходимость объединения была признана официально и III съездом РСДРП и конференцией меньшевиков в мае текущего года. С тех пор прошло полгода, а объединение почти не двинулось вперед. Неудивительно, что рабочие стали проявлять нетерпение» [2].

Ленин решительно боролся против примиренцев вроде Богданова, Красина, которые затушевывали разногласия между большевиками и меньшевиками. Когда встал, например, вопрос о представительстве в Международном социалистическом бюро, примиренцы предложили поручить это представительство Плеханову, тому самому Плеханову, который оплевывал декабрьское вооруженное восстание и поучал российский пролетариат, что «не надо было браться за оружие». Ленин решительно протестовал против этого.

«Вправе ли мы назначить представителем партии человека, который не желает войти в партию и признать III съезд?..— писал Ленин.— Представьте только себе конкретно, что значит иметь представителем в Бюро человека, с которым никто не разговаривает, которого невозможно заставить «представлять» действительно ЦК, а не самого себя!» [3].

Ленин предупреждал, что нельзя «смешивать политику объединения двух частей с спутыванием обеих частей. Объединить две части — согласны.

---

[1] Л. Берия, «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», Госполитиздат, 1939 г., стр. 110.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 379.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 7.

Спутать две части — никогда... Если мы будем хорошо сплочены, вполне организованы, если мы от себя удалим всяких кисляев и перебежчиков, тогда наше твердое ядро, хотя бы не очень большое, поведет за собой всю ораву «организационной туманности» [1].

К объединительному съезду большевики четко и ясно сформулировали свою точку зрения по всем основным вопросам революции, в виде проекта резолюции для съезда. Это была подлинно революционная тактическая платформа.

* * *

23 апреля 1906 года в Стокгольме, в столице Швеции, открылся IV съезд РСДРП, названный впоследствии «Объединительным». Делегаты ехали через Финляндию, оттуда на пароходах из Або, Ханко и Гельсингфорса направлялись в Швецию. Во время переезда на пароходах между большевиками и меньшевиками кипела яростная полемика. Дело доходило до такого ожесточения, которое слишком далеко было от идиллии объединения. В самом Стокгольме шведская полиция подвергла почти всех приехавших допросу в полицейских участках о целях приезда, требовала паспортов и т. п. Многие находились при этом в большом затруднении, выдумывали всякие небылицы, так как ни один делегат не должен был сообщать о том, что он приехал на съезд. Почти все рассказывали о том, что они вынуждены скрываться от преследований царского правительства и причисляли себя к различным партиям, но только не к большевикам.

Съезд происходил в Народном доме, находившемся в пользовании шведских социал-демократов, оказывавших тогда покровительство русским социал-демократам. Такие видные депутаты парламента, как Брантинг, пользовались в Швеции большим влиянием. Так как дело было перед первым мая, то королевское правительство издало специальный закон, запрещавший иностранцам участвовать в политической деятельности в Швеции, а значит, и в первомайских демонстрациях. Об этом делегатов съезда предупредил стоявший тогда на левом крыле шведской социал-демократии Инке Бергегри, впоследствии ярый враг коммунистов.

В депеше поверенного в делах царского правительства в Стокгольме министру иностранных дел от 30 мая (12 июня) 1906 года царский чиновник, барон К. Сталь-фон Гольштейн жалуется на то, что его обманули: только спустя довольно долгое время, после того как съезд закончился и делегаты разъехались из Стокгольма, министр иностранных дел Швеции выражал царскому чиновнику сожаление, что королевское правительство не знало ничего о заседаниях съезда и уверил, что ныне приняты все меры, чтобы подобного рода оплошность не могла повториться... [2].

Архивные документы свидетельствуют о том, что царское правительство действительно очень плохо было осведомлено об этом съезде. Охранное отделение даже не знало, где будет происходить съезд, и сначала давало своим агентам указания внимательно следить за приезжающими в Выборг (Финляндия). Затем в печати, в целях конспирации, был пущен слух, что съезд будет происходить в Швейцарии. Несомненно, что царская полиция была сбита с толку. А партия сумела организовать съезд таким образом, что царская охранка даже не знала в точности, где он происходит и в какое время, хотя о предсъездовской подготовке царская охранка имела довольно подробные сведения.

После декабрьского вооруженного восстания во многих организациях были произведены массовые обыски. Причем эти обыски коснулись больнее всего тех организаций, которые принимали активное участие в вооруженном восстании. Больше всего арестов было произведено среди большевиков. Так, например, в Харькове в ночь на 7 марта 1906 года был арестован объединенный комитет в количестве 7 человек, а 9 марта были арестованы 12 большевиков. В письме из Харькова в Москву от 22 марта 1906 года сообщалось, что в Харькове был большой провал, «сели» почти все большевики сразу.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 247.
[2] См. ниже, стр. 36.

Перед съездом происходила ожесточенная дискуссия в объединенных организациях, выборы шли по «платформам». Так, в Петербурге было в несколько дней опрошено около 4 тыс. членов организации. При чем для двух тысяч устраивались дискуссии по вопросу о двух тактиках. И это при отсутствии возможности открыто собираться.

В одном из писем из Харькова в Симферополь, перлюстрированном царской охранкой, мы читаем: «Наша работа продолжается, но меньшевики все-таки сильно мешают, ничего не создавая, стремятся разбить, что создано. Тупость голов их, с душой в пятках и глупостью на языках, вот их характеристика» [1].

Так как очень большая часть большевиков была арестована, а с другой стороны меньшевики, применяя мартовскую формулировку 1-го параграфа устава, «зачислили» в партию огромное число мелкобуржуазных интеллигентов, торговцев, мелких хозяйчиков, ремесленников и т. п., то оказалось, что при открытии съезда преобладали меньшевики. На съезде присутствовало 62 меньшевика и 46 большевиков. В этом нет ничего удивительного, если мы вспомним, что меньшевики считали тогда членом партии любого профессора, любого гимназиста, любого лавочника, сочувствовавших революции. Вот почему, например, тифлисская меньшевистская организация послала на съезд столько же делегатов, сколько послал крупнейший центр — Петербург. Нельзя себе представить лучшей характеристики меньшевистских делегатов, чем этот пример, когда ставился знак равенства между пролетарским Петербургом и мелкобуржуазным Тифлисом того времени. Меньшевистские делегаты были самыми настоящими представителями «гнилых местечек». К тому же надо еще иметь в виду, что меньшевики с самого начала отказались предоставить решающий голос представителям национальных социал-демократических организаций, значительная часть которых стояла в то время на большевистских позициях. Меньшевики провели решение отодвинуть вопрос о национальных организациях на конец съезда.

Это определило уже и дальнейший характер решений съезда и состав Центрального комитета. В состав ЦК, избранного на съезде, вошло 3 большевика и 6 меньшевиков, а в редакцию Центрального органа вошли одни только меньшевики.

Съезд этот не мог создать единства партии и не создал его. Единство получилось формальное.

* * *

Ленин оставил нам полный отчет о IV съезде РСДРП. Товарищ Сталин тотчас же после съезда опубликовал (нелегально) брошюру «Текущий момент и объединительный съезд рабочей партии». Оба эти документа дают нам полную возможность изучить подробно линию большевистской партии в тот период. Ленин тщательно излагает ход прений и решений съезда, в особенности, обсуждение большевистской тактической платформы. Он подробно обосновывает большевистскую точку зрения на вооруженное восстание, партизанские боевые выступления, на временное правительство, роль Советов рабочих депутатов, отношение к буржуазным партиям и национальным социал-демократическим организациям, к профессиональным союзам, к Государственной думе, к основам организации партии.

Основным вопросом на съезде был вопрос о роли пролетариата в революции, об отношении к либеральной буржуазии. Товарищ Сталин формулировал разногласия следующим образом:

«...если, по мнению товарищей меньшевиков, нам нужна не гегемония пролетариата, а гегемония демократической буржуазии, тогда само собой ясно, что ни в организации вооруженного восстания, ни в захвате власти мы не должны принимать непосредственного активного участия. Такова «схема» меньшевиков. Наоборот, если классовые интересы пролетариата ведут к его гегемонии, если пролетариат должен итти не в хвосте, а во главе текущей рево-

[1] См. ниже, стр. 21.

люции, то само собой понятно, что пролетариат не может отказаться ни от активного участия в организации вооруженного восстания, ни от захвата власти. Такова «схема» большевиков. Или гегемония пролетариата, или гегемония демократической буржуазии — вот как стоит вопрос в партии, вот в чем наши разногласия»[1].

Несмотря на преобладание меньшевиков на этом съезде, влияние большевиков в стране и на съезде было настолько громадно, что меньшевики должны были снять собственную резолюцию об оценке момента, которую они предложили до съезда.

Меньшевики согласились с формулировкой параграфа 1-го устава, которую предложил еще на втором съезде Ленин. Меньшевики признали необходимым осуществить принцип демократического централизма, избрать только один руководящий партийный центр — ЦК. Это было победой большевистских организационных принципов.

Очень большое место в прениях на съезде и в решениях занимает аграрный вопрос. Еще Таммерфорская конференция признала необходимым изменить аграрную программу. В предложениях IV съезду Ленин формулировал требование национализации земли: «Если же решительная победа современной революции в России обеспечит полностью самодержавие народа, т. е. создаст республику и вполне демократический государственный строй, то партия будет добиваться отмены частной собственности на землю и передачи всех земель в общую собственность всего народа»[2].

На съезде развернулись горячие споры по аграрному вопросу. Однако и в среде самих большевиков не было полного единства по этому вопросу. Часть большевиков считала, что никакой необходимости нет в самостоятельной аграрной программе рабочей партии. Такой точки зрения, например, придерживались в опубликованной тогда брошюре П. Ларионов (Черномордик) и Никодим (А. В. Шестаков). С защитой этой точки зрения на съезде выступил Струмилин. Он мотивировал свое отрицательное отношение к Ленинскому проекту национализации земли тем, что крестьяне, де, могут ответить на такое требование контрреволюционным восстанием, вандеей. Кроме того, на съезде выступали сторонники раздела земель — «разделисты». Ленин предлагал большевикам: если предложение о национализации земли не будет принято, голосовать за программу раздела земли. Меньшевики внесли составленный П. Масловым проект муниципализации земли. Это была полукадетская программа. Даже после тех поправок, которые были внесены в эту программу под давлением большевиков, эта программа была неприемлема для большевиков. Она совмещала частичную национализацию, муниципализацию земли и частную собственность на землю средних и мелких землевладельцев.

Совершенно ясно было, что никакого единства на основе таких решений в рабочей партии быть не может. «Объединительный» съезд не уничтожил разногласий между большевиками и меньшевиками, а углубил их. Если на втором съезде эти разногласия были главным образом организационного характера, то уже на IV съезде эти разногласия обострились не только по вопросам тактики партии, но и по программным вопросам. Поэтому совершенно ясно было, что неизбежна дальнейшая борьба между большевиками и меньшевиками. И хотя большевики оказались в меньшинстве на съезде, они были уверены в том, что это меньшинство случайное, что в стране они пользуются поддержкой и доверием большинства передовых рабочих. И когда некоторые товарищи хныкали по поводу того, что они оказались в меньшинстве, Ленин говорил: «Не хныкайте, товарищи, мы наверняка победим, ибо мы правы». «Ненависть к хныкающим интеллигентам, вера в свои силы, вера в победу — вот о чем говорил тогда с нами Ленин. Чувствовалось, что поражение большевиков является временным, что большевики должны победить в ближайшем будущем»[3]. Это действительно было так.

[1] Протоколы IV (объединительного) съезда РСДРП, ИМЭЛ, Партиздат, 1934 г., стр. 235. (Разрядка моя.— *Е. Я.*).

[2] ВКП(б) в резолюциях, ч. I, изд. 6, стр. 61—62.

[3] И. Сталин, «О Ленине», Госполитиздат, 1939 г., стр. 41.

Мы — большевики — разъезжались со Стокгольмского съезда по-прежнему убежденными в правоте наших взглядов. Мы не считали себя побитыми. Повсюду, в организациях, где мы выступали с докладами, мы нашли поддержку большинства рабочих. Перед тем как разъехаться, большевики собрались вместе с Лениным и совещались о дальнейшей линии поведения. Самым крупным идейным делом съезда Ленин считал определенное размежевание правого и левого крыла РСДРП. В особом обращении к партии большевики — делегаты IV съезда определили свое отношение к решениям съезда и призывали к дальнейшей борьбе за принципы революционного марксизма.

Ленин был прав. Не прошло и нескольких недель, как избранный на съезде, в большинстве своем меньшевистский, ЦК скомпрометировал себя оппортунистическими, в корне неправильными, вредными решениями, и партийные организации одна за другой стали требовать созыва нового экстренного съезда. А через год в Лондоне собрался V съезд, давший огромный перевес большевикам.

Ем. Ярославский.

I. Партийные организации в период подготовки к съезду и после него

Листовка Рижского комитета РСДРП, февраль 1906 г.[1]

По поводу созыва съезда.

Для успешной подготовки партии к объединительному съезду необходимо возможно более полное осведомление всех ее членов о существующих в партии решениях и мнениях по вопросам проектированного Центр. комитетом порядка дня. Поэтому Объединенный[2] Ц. К. предлагает всем партийным организациям и активным товарищам доставлять ему подготовленные резолюции и доклады по вопросам порядка дня объединительного съезда. Эти резолюции и доклады целиком или в конспективном виде будут немедленно печататься в «Партийных известиях»[3] и послужат таким образом материалом для дальнейшей разработки вопросов, подлежащих разрешению предстоящего съезда.

Рижский комитет Российской социал-демократической рабочей партии
Редакция О. Ц. К.
Типография Рижского комитета РСДРП

---

[1] ДП, о. о., II отд., 1906 г., д. № 150, л. 2. Воспроизведено с перевода листовки на латышском яз., под заглавием «К партии», распространявшейся в Риге «на этих днях» (Донесение начальника Лифляндского губернского жандармского управления в департамент полиции 2 марта 1906 г.). Текст листовки взят с листка Объединенного Ц. К. РСДРП, февраль 1906 г.— см. приложение к Соч. Ленина, т. IX, стр. 450. Печатаемые ниже документы подготовлены к печати научн. сотр. Центрального Исторического архива М. Сыромятниковой и В. Истоминым. Большая часть документов этого раздела воспроизведена с копий перлюстрированных департаментом полиции писем, направленных по разным условным адресам.

[2] Объединенный Центральный комитет РСДРП создался согласно решениям конференции меньшевиков, состоявшейся в конце ноября (предполагалась на 20 ноября,— ДП, о. о., 1905 г., № 105, ч. 4, л. 28) 1905 г., и большевиков, состоявшейся в Таммерфорсе в первой половине декабря 1905 г. О. Ц. К. составился из равного числа представителей бывших центров обеих фракций. Ему был поручен созыв партийного съезда.

[3] № 1 «Партийных известий» (орган Объединенного Ц. К. РСДРП, издававшийся нелегально в Петербурге) вышел 7 февраля 1906 г., № 2-й — 20 марта 1906 г. (инв. № 361). После IV съезда издание «Партийных известий» было прекращено.

Письмо секретаря Пермского комитета РСДРП в Москву, 1 февраля 1906 г.[1]

Принимая во внимание, что порядок выборов на 4-й объединительный съезд, выработанный партийной конференцией[2], не может быть осуществлен при изменившихся условиях, Пермский комитет, отвечая на запрос ЦК, полагает, что выборы желательно произвести следующим образом:

1) Выбирают [все] члены организации.

Примечание: Комитет отдельного делегата не посылает;

2) Число избранных делегатов определяется количеством стоящих за организацией организованных членов, по порядку выработанному на конференции.

Примечание: Понятие «член организации» и «организованный» понимаются различно. Конференция железнодорожников желательна. Потом сообщим подробности.

Секретарь к-та Вен-н[3].

Письмо Объединенного Ц. К. РСДРП в Одессу, 7 февраля 1906 г.[4]

Если вы еще не ответили на наше письмо по поводу конференции, то поторопитесь; в интересах большей подготовленности и полного представительства на съезде Объединенный Центр. комитет не находит возможным созвать съезд раньше конца марта, и, следовательно, конференция будет более чем своевременной[5].

О. Ц. К. РСДРП.

Из письма из Петербурга в Париж, 11 февраля 1906 г.[6]

...В ближайшие дни начнется подготовка к обще-партийному съезду. Вопросы, которые должен разрешить съезд, следующие: 1) изменения в крестьянской программе, 2) вопрос о Государственной думе, 3) вооруженное восстание, 4) временное революционное партийное и временное революционное самоуправление, 5) всенародное учредительное собрание, 6) о работе среди крестьянства, 7) о работе в войсках, 8) профессиональные союзы, 9) партийный устав[7]. По этим вопросам

---

[1] ДП, о. о., перлюстрация 1906 г., д. № 27, л. 91.

[2] Речь идет о Таммерфорской (первой) конференции РСДРП, состоявшейся с 12 по 17 (25—30) декабря 1905 г. В пункте 3 «о созыве объединительного съезда» резолюции конференции «о слиянии центров» указан порядок выборов делегатов на съезд (ВКП(б) в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, стр. 62—63, 1932 г.).

О созыве IV съезда ЦК РСДРП 10 ноября 1905 г. выпустил обращение «Ко всем партийным организациям и ко всем рабочим социал-демократам» — инв. № 10206; оно опубликовано в «Протоколах Объединительного съезда РСДРП», стр. 345—346; «Основы для созыва объединительного съезда» (состав съезда, выборы делегатов, список организаций, имевших право представительства) — были изданы отдельным листком — инв. № 8378 (опубликованы в «Протоколах Объединительного съезда РСДРП», стр. 350—351 и в приложении к т. IX сочинений Ленина, стр. 447—449).

[3] По предположению начальника Пермского охранного отделения это письмо было написано «Вениамином» — Г. И. Кокосовым, нелегальным, вошедшим в новый состав Пермского комитета РСДРП (фонд № 102, о. о., 1905 г., д. № 2494, л. 64). Кокосов принимал участие на IV съезде РСДРП от Екатеринбургского комитета РСДРП (ф. № 102, № 6, 1906 г., д. № 25, ч. 10, л. 155). В списке делегатов в приложении к протоколам Объединительного съезда РСДРП, изд. 1926 г. делегата от Екатеринбургской организации не значится. («Протоколы», стр. 342—344).

[4] ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 1666, т. I, л. 160.

[5] Речь идет о конференции южных организаций РСДРП.

[6] ДП, о. о., 1906 г., д. № 29, л. 24. Письмо адресовано Татарыковой, до востребования.

[7] В порядке дня съезда, помимо перечисленных вопросов, Объединенный ЦК предлагал следующее: «Отношение к разным не социал-демократическим партиям и объединение с национальными социал-демократическими организациями».

начнутся теперь же подготовительные работы: 1) обсуждение этих вопросов во всех районах — среди всех организованных, 2) обсуждение этих же вопросов на пропагандистских собраниях. Образована аграрная комиссия для подготовки материалов по аграрному вопросу [1]. Затем в ближайшие дни ожидается выход «Партийных известий», нелегального органа, в котором будет дано место для всех точек зрения по указанным вопросам. Подготовка к съезду займет, надо полагать, около месяца. Следовательно ты на целый месяц знаешь какая будет итти работа в партии. На собрания являются «генералы»; прибыло много старых опытных работников.

Твой Александр.

Из отчета о конференции Северных комитетов РСДРП, февраль 1906 г. [2]

Во второй половине февраля в Москве состоялась конференция представителей комитетов большинства Северного района. Конференция была созвана по инициативе Центрального комитета. Целью конференции было выяснение отношения комитетов большинства Северного района к предстоящему съезду. В порядок дня конференции вошел весь порядок дня съезда. Кроме того в порядок дня были внесены вопросы о терроре и о совместном издании газеты. Так как целью конференции было желание столковаться по некоторым вопросам, внесенным в порядок дня съезда, то М. К., взявший на себя инициативу созыва конференции, нашел совершенно бесцельным приглашать на нее представителей организаций меньшинства. Поэтому не была приглашена Московская группа. Приглашение на конференцию получили: Московская окружная организация (объединенная), Орловско-Брянский комитет, Тульский, Иваново-Вознесенский, Иваново-Вознесенский окружной, Владимирский, Костромской, Тверской и Ярославский. Московский окружной комитет отказался от участия в конференции и обратился к Объединенному Ц. К. с предложением созвать общую конференцию (О. Ц. К. обращался с таким же предложением к М. К., но М. К. не нашел возможным брать на себя инициативу созыва такой конференции). Орловско-Брянский комитет не мог послать своего представителя, ввиду полной невозможности оторвать кого-либо из своих членов от местной работы. Тульский комитет прислал извещение, что не мог прислать своего представителя, отчасти благодаря ложным слухам о полном провале М. К., отчасти благодаря крайне краткому сроку для посылки представителя. Представитель Ярославского комитета пробыл на конференции один день и затем уехал, не уведомив никого о причинах своего отъезда. Наконец тверской представитель на один день запоздал.

Таким образом на конференции были представители: Московского комитета, Владимирского, Иваново-Вознесенского, Иваново-Вознесенского окружного, Костромского, Тверского и Ярославского. Конференция продолжалась три дня и постановила не опубликовывать своих резолюций, ввиду того, что представители комитетов были делегированы не всей организацией, а лишь комитетами, которые ввиду краткости срока не могли дать своим представителям определенных директив. Поэтому голосование делегатов, выражая их личные взгляды, могло и не совпадать с мнением комитета или всей организации.

Ввиду того, что конференция продолжалась всего три дня, далеко не все вопросы порядка дня съезда были обсуждены. Резолюции вынесе-

---

[1] К IV съезду по аграрному вопросу готовилось «три проекта программы: Ленин — национализация земли при демократической республике, Маслов — муниципализация, Рожков — расширенные отрезки» (Письмо из Петербурга от 6 апреля 1906 г.— ф. 102, оп. 171, 1906 г., д. № 43, л. 3). В комиссию для выработки проекта аграрной программы, выбранную Объединенным Центральным комитетом, входил и В. И. Ленин.

[2] ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 1666, т. I, лл. 18а, 18б, 18в.

ны лишь по следующим вопросам: 1) аграрная программа, 2) революционное самоуправление, 3) совет рабочих депутатов, 4) профессиональные союзы...

Резолюция по вопросу об аграрной программе

Высказываясь решительно против внесения в программу каких бы то ни было проектов, предрешающих формы землевладения и землепользования (национализация, муниципализация, уравнительное распределение, революционный захват путем общественных запашек и проч.), считая недопустимым внесение в программу требований конфискации всей земли в пользу крестьян или же передачи всей земли крестьянам, находя опасным перенесение в программу тактической резолюции о поддержке революционных мероприятий крестьянства вплоть до полной конфискации всех земель, конференция признает необходимым внести в аграрную часть программы лишь следующие изменения[1]. Пункт 1-ый формулировать так: «отмена всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие». Пункт 2-ой оставить в прежнем виде. Пункт 3-й формулировать так: «экспроприация монастырских земель, и также имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии». Пункт 4-й редактировать так: «учреждение крестьянских комитетов для конфискации всех земель, служащих для закабаления крестьян (отрезки, посессионные владения на Урале, хизанские участки на Кавказе, земли, находящиеся в испольной продовольственной и отработочной аренде и т. п.), для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и др. местностях государства. (За резолюцию голосовало 5, против 2).

Резолюция о революционном самоуправлении

Принимая во внимание, что 1) функция революционного самоуправления заключается в устранении органов самодержавной власти и замене их органами власти народной, 2) что поэтому революционное самоуправление, не опирающееся на вооруженное восстание, неизбежно будет вынуждено: а) или вступить в резкий конфликт с самодержавной властью и преждевременно вызвать народные массовые восстания, б) или до крайности урезывать свои задачи, не ставя перед революционными массами общенародных политических лозунгов, а отвлекая их внимание на разрешение мелких местных задач, в) или же, если боевое выступление масс совершенно невозможно, принять на себя всю тяжесть неизбежного столкновения с самодержавием и вести борьбу вместо масс,— конференция считает глубокой политической ошибкой бросание лозунга «революционное самоуправление», как средство подготовления вооруженного восстания. (Принято единогласно).

Резолюция о советах рабочих депутатов

Принимая во внимание: 1) что для успеха революционного движения необходимо вовлечение в борьбу самых широких прогрессивных масс, 2) что в боевые моменты особенно необходима сплоченность и организованность этих масс, 3) что поэтому в момент открытых вы-

[1] Повидимому, речь идет о проекте аграрной программы Маслова, пункт 1-й которого требовал «отмены всех сословных стеснений крестьян и крестьянской собственности»; пункт 3-й «конфискации церковных и удельных земель и передачи их во владение демократического государства для наиболее удобного пользования ими населением»; пункт 4-й — «уничтожения долговых обязательств, носящих кабальный характер» (см. «Протоколы Объединительного съезда РСДРП»).

ступлений пролетариата одной из важнейших задач партии является сплочение и организация его, 4) что это сплочение может быть доступно лишь путем образования широких рабочих организаций, 5) что, с другой стороны, в некоторых случаях (в тех в особенности местах, где влияние социал-демократии слабо) широкие рабочие организации могут подпасть под влияние не социал-демократической партии, конференция высказывается за образование в боевые моменты советов рабочих депутатов наряду с другими рабочими организациями и находит безусловно необходимым: 1) чтобы непосредственной целью своего участия в советах рабочих депутатов члены партии ставили обеспечение преобладающего влияния социал-демократической партии, 2) чтобы члены партии, входящие в совет рабочих депутатов, действовали под строгим контролем партии и неуклонно охраняли ее независимость. (6 — за, 1 — против).

Резолюция о профессиональных союзах

Принимая во внимание, что социал-демократия берет на себя руководство всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата; что поэтому она должна руководить профессиональной борьбой пролетариата, никогда не забывая об этой задаче; что профессиональные союзы, объединяя широкие слои пролетариата и являясь опорными пунктами социал-демократии в революционный момент, переживаемый Россией, могут сыграть большую роль в подготовке и проведении активных политических выступлений, конференция признает необходимым, чтобы партийные организации взяли на себя организацию профессиональных союзов (легальных, полулегальных и нелегальных), стремясь в них обеспечить свое влияние и руководство во всех политических выступлениях; вместе с тем конференция считает недопустимым объявление профессиональных союзов партийными.

Протокол заседаний IV районной конференции Мальцевской группы Орловско-Брянского окружного комитета, 26 февраля 1906 г.[1]

4-я районная конференция, созванная 26 февраля для того, чтобы послать делегатов на окружную конференцию, которая должна выбрать представителя на 4-й партийный съезд, имеющий состояться в первых числах марта, признала себя неполноправной посылать самостоятельно представителей, так как при созыве конференции делегаты на нее посылались от заводских комитетов, а не от заводских собраний. Ввиду этого районная конференция вынесла такую резолюцию: наметить нескольких кандидатов на окружную конференцию и предложить заводским собраниям баллотировать предложенных кандидатов[2]. Два из них, получившие наибольшее число голосов, поедут на окружную конференцию. Вместе с этим конференция просит собрания дать отзыв о поступке конференции и о принятых на конференции резолюциях, указанных ниже: резолюции приняты по тем вопросам, которые указаны в порядке дня съезда. Районный комитет с своей стороны просит немедленно по получении этого извещения созвать заводское собрание и определить свое отношение к конференции и принятым ею резолюциям немедленно потому, что, как указано выше, съезд состоится в первых числах марта, а окружная конференция еще раньше. Секретарь заводского комитета должен записать число голосов, поданных за того или

[1] ДП, VII, 1906 г., д. № 5097, лл. 16—17.

[2] 15 марта на собрании пропагандистского коллектива в присутствии периферийных работников, представителей от кружков ремесленников, обсуждавшем резолюции 2-го окружного очередного съезда Орловско-Брянской окружной организации, был выбран большинством 7 голосов против 6, при 2 воздержавшихся, делегат большевик (ДП, VII, 1906, д. 5097, л. 7).

другого кандидата, и немедленно послать результат в районный комитет.

На конференцию прибыло: 4 члена Революционного комитета и представители от заводских комитетов: Дятькова, Стари (он же 5-й член Р. К-та), Стеклянный, Цементного. Кроме того были товарищи: из Песочни, из Цементного 2 и товарищи Я. и Ю. Присутствовал товарищ, присланный Окружным комитетом, как ответственный организатор. Не было представителя от Ивота. 2 члена Р. К.-та присутствовали с решающим голосом, остальные с совещательным. При таком составе конференция считается действительной. Конференция утвердила ранее кооптированных членов. Была прочитана мотивировка созыва конференции и утвержден порядок дня, предложенный Центральным комитетом. При обсуждении мотивировки выяснилось, что представители посылались заводскими комитетами, а не заводскими собраниями; этим самым был нарушен устав Мальцевского района; это же самое и вынудило конференцию принять уже указанную выше резолюцию о том, чтобы принятые решения были утверждены на местах. Затем приступили к обсуждению вопросов, намеченных в порядке дня.

Аграрный вопрос

Товарищ пропагандист сделал небольшой доклад и предложил конференции высказаться за проект аграрной программы, предложенный тов. Масловым. Сущность этой программы сводится к следующему: требовать конфискации всех земель (частновладельческих, монастырских и т. п.). Конфискованные земли нужно передать в руки демократических земств, построенных на основе всеобщей и прямой подачи голосов, имея в виду полную демократизацию государства. За эту резолюцию было подано 2 голоса. Был предложен товарищем организатором проект программы товарища Ленина, сущность которой сводится к следующему: требовать передачи всех земель, которые обрабатываются не капиталистическим способом (экстенсивно), в руки крестьян. Вопрос же о землях, которые обрабатываются на капиталистических началах (интенсивно), оставить открытым до Учредительного собрания. Товарищ Алексей предложил изменить программу таким образом: требовать передачи всех земель, которые являются средством для закабаления крестьян, в полную собственность крестьян, а остальные земли передать в руки демократических земств, при полной демократизации государства. За эту резолюцию никто не высказался из имеющих решающий голос. Остальные товарищи воздержались от голосования. Затем начали обсуждать тактические вопросы и приняли следующие резолюции.

I. Государственная дума

Конференция высказалась за полный бойкот Государственной думы — срывать предвыборные собрания, отказываться выбирать и т. д. в первой стадии выборов. Если при выборах не удастся сорвать собрание, то наши товарищи должны демонстративно покидать собрание. Этим закончилось первое заседание конференции.

Второе заседание открылось при не полном составе: отсутствовал представитель Цементного, уехал также товарищ из Песочни.

Начали дальше обсуждать вопросы, намеченные в порядке дня. Районная конференция вынесла следующие резолюции.

II. Вооруженное восстание

Только победоносное вооруженное восстание даст полную демократизацию государства, поэтому социал-демократия должна взять на себя организацию и практическое осуществление вооруженного восстания.

III. Временное правительство и революционное самоуправление

а) Временное революционное правительство явится как результат победоносного вооруженного восстания. Ему будет принадлежать вся власть в период от свержения теперешнего правительства впредь до созыва Учредительного собрания. Для окончательной победы над контрреволюцией и для правильного созыва Учредительного собрания мы должны воздействовать на временное революционное правительство всеми средствами: как со стороны вооруженного народа, так и со стороны наших представителей во временном революционном правительстве.

б) Революционное самоуправление.

Истинное революционное самоуправление может быть как эпилог, а не как пролог вооруженного восстания, поэтому осуществление такого революционного самоуправления, которое бы взяло на себя организацию вооруженного восстания — невозможно.

IV. Профессиональные союзы

Профессиональные союзы должны быть беспартийными. Социал-демократия же должна стремиться проводить своих членов на ответственные должности союза.

V. Отношение к крестьянскому движению

Стараться основать беспартийные революционные крестьянские комитеты, стараясь проводить в них своих представителей, которые бы и руководили революционной деятельностью этих комитетов.

VI. Отношение к национальным социал-демократическим партиям и организациям

К национальным с.-д. организациям и партиям, как например, Латышской с.-д.,— должно быть полное слияние с ними, так как мы стоим на точке зрения международного пролетариата.

VII. По вопросу об учредительном собрании в Польше Конференция считает себя неосведомленной.

Организационные вопросы: 1) Принята резолюция конференции большинства по этому поводу § 2. 2) Вырешен раньше в 17[1]. 3) Конференцией были выставлены и подвергнуты баллотировке 6 кандидатов.

Примечание: Под революционным самоуправлением подразумевается представительное учреждение, выбранное всем каким-либо классом или несколькими классами, как напр., Совет рабочих депутатов.

Письмо из Харькова в Петербург, 9 марта 1906 г.[2]

Дорогие товарищи! Передаю вам просьбу товарищей «большинства». Они просят поскорее прислать Артема и еще кого-нибудь из «большинства» для защиты их съездовской платформы. За последние дни у нас арестовано 28 человек, преимущественно с.-д. Эти аресты значительно задели Комитет[3].

С товарищеским приветом Вадим.

---

[1] Так в подлиннике.

[2] ДП, о. о., перлюстрация 1906 г., д. № 1 (март), л. 20.

[3] В Харькове в ночь на 7 марта 1906 г. был арестован объединенный комитет в количестве 7 человек (ДП, о. о., 1906 г., д. № 1599, л. 6).

9 марта были арестованы 12 большевиков (ДП, о. о., 1905 г., д. № 2494, л. 91).

В письме из Харькова в Москву от 22 марта 1906 г. сообщалось, что в Харькове был большой провал: «сели почти все «большевики» сразу», (ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 1666, т. I, л. 358).

Тов. Артем приехал в Харьков 20 марта.— (ДП, о. о., 1906 г., д. № 2, ч. 67, л. 277).

Из письма Московского бюро Объединенного Центрального комитета РСДРП в Харьков, 22 марта 1906 г.[1]

Дорогие товарищи, Московское бюро Объединенного Центрального комитета передает вам просьбу тов. Николая (меньшевик) выставить его кандидатуру по О. С.[2] в Харькове. Взгляды его вам известны. По аграрному вопросу стоит за муниципализацию. Ответ сообщите по телеграфу. Мандат пришлите либо с товарищем сюда, либо на съезд.

М.Б.О.Ц.К.

Письмо секретаря Объединенного Центрального комитета РСДРП в Харьков, 24 марта 1906 г.[3]

Уважаемые товарищи, Объединенный Ц. К. извещает вас, что съезд состоится в самых первых числах апреля[4] (вы получили уже, конечно, нашу телеграмму). Делегатов нужно направлять в условленный пункт по мере того, как заканчиваются выборы. Письмо ваше получили. На днях высылаем проекты резолюций к съезду[5].

С товарищеским приветом секретарь О. Ц. К.

Письмо из Харькова в гор. Сумы Харьковской губ., 24 марта 1906[6].

Уважаемые товарищи! Приближается время выборов на съезд. Сумская организация не имеет права самостоятельно посылать делегата, но может передать мандат одному из соседних правоспособных комитетов. Поэтому постарайтесь поскорее обсудить среди всех организованных рабочих вопросы, стоящие в порядке дня съезда, и передать полномочия нам. У нас за недостатком времени для приготовления к съезду обсуждался только один вопрос — о вооруженном восстании[7]. Это наиболее боевой вопрос, который сам собой уже выясняет две точки зрения и в некоторых других, связанных с ним, вопросах.

С товарищеским приветом Вадим.

Резолюция Московского военно-технического районного бюро[8], март 1906 г.[9]

Товарищи, Объединительному съезду предстоит определить направление партийной работы на долгий срок, по меньшей мере на год.

---

[1] ДП, о. о., 1906 г., д. № 1 (март), л. 78.

[2] «О. С.» — Объединительный съезд РСДРП.

[3] ДП, о. о., 1906 г., д. № 1 (март), л. 67.

[4] В письме в Париж от 28 марта 1906 г. сообщалось, что съезд состоится за границей 5 апреля. «Часть публики уже проехала» (см. т о ж е дело, л. 86а). IV съезд РСДРП происходил в Стокгольме с 10 по 25 апреля 1906 г.

[5] Проекты резолюций к съезду как большевиков, так и меньшевиков, были напечатаны в № 2 «Партийных известий» и изданы отдельными листками. Они опубликованы в приложениях к IX тому сочинений Ленина, стр. 450—463 и в «Протоколах Объединительного съезда РСДРП», изд. 1926 г., стр. 352—365.

[6] Фонд № 102, оп. 6, 1906 г., д. № 9, ч. 20, л. 48.

[7] В письме из Харькова от 31 марта 1906 г. сообщалось, что идут предвыборные партийные собрания перед IV съездом РСДРП. «Город разделен на несколько частей». В другом письме от 5 апреля подчеркивалось, что «предвыборная кампания обострила фракционные разногласия и здесь почти вся работа встала» (т о ж е дело, лл. 56 и 62).

[8] Военно-техническое бюро при Московском боевом Центральном комитете РСДРП организовалось для объединения военно-боевой деятельности области в марте 1906 г.

[9] Фонд № 102, перлюстрация 1906 г., д. № 1 (март), л. 90-б. Воспроизведено с подлинника гектографированной листовки, посланной 27 марта 1906 г. из Москвы в Астрахань, Екатеринослав, Елец, Курск, Рыбинск, Симбирск, Смоленск, Тверь, Тулу, Ярославль и в апреле в Томск (см. т о ж е дело, л. 40).

Истекший год был годом целого ряда восстаний, в то же время он обнаружил крайнюю неприспособленность наших организаций к боевым действиям и их подготовке. В тех резолюциях, которые, как проекты съездовых резолюций, вынесены общими центрами, вооруженное восстание выставляется, как самый важный лозунг, как единственный способ довести революцию до конца. Но этот лозунг выставляется в общей форме, из него не делается тех выводов, которые партия обязана сделать, если с вооруженным восстанием она считается серьезно, если она чувствует на себе обязанность приложить все силы для его подготовки, и тем, по возможности, избежать напрасных кровопролитий и поражений. За последнее время во многих организациях партии возникали конфликты между центрами боевыми и общими (Москва, Кострома, Казань и др.). Объясняются они, на наш взгляд, не случайными причинами и не личным составом центров, а неоформленностью компетенций боевых и военных центров, стремлением боевых организаций объединить работу в целой области и отсутствием формальной возможности это сделать. В нашей резолюции мы предлагаем оформить это отношение боевых организаций к общим центрам и возложить обязанность на Ц. К. образовать Военно-Техническое центральное бюро. Мы предлагаем товарищам приложить все усилия для того, чтобы съезд пошел дальше признания общего лозунга, и принятием прилагаемой резолюции высказался не только за агитацию вооруженного восстания, но и за подготовку к нему. Мы предлагаем членам партии, сочувствующим нашей резолюции, подписывать на прилагаемом листке свои клички, чтобы послать потом эти подписи на съезд и предложить ему обсудить прилагаемую резолюцию.

Принимая во внимание,

1) что подготовка к вооруженному восстанию ставит перед партией ряд специальных задач — формировка и обучение дружин, добывание и хранение оружия, всякого рода разведки и т. п., которые могут быть удачно разрешены лишь партийными работниками, всецело посвятившими себя этой цели;

2) что деятельность этих работников как в центре, так и на местах должна быть объединена, централизована и планомерно организована;

3) что по самому характеру задач, требующих строгой конспиративности и выходящих за пределы повседневной парт. работы, создаваемым с этой целью организациям должна быть предоставлена известная самостоятельность;

4) что, как показал опыт декабрьских дней, местные партийные центры, многолюдные и составленные из неспециалистов, не способны ни технически подготовиться к восстанию, ни, в особенности, руководить вооруженным пролетариатом в момент боевого выступления;

5) что, с другой стороны, тесная связь между обще-политическим и специально военным руководством является безусловно необходимой, так как только такая связь может быть ручательством, что восстание не сделается бесполезной или даже вредной для общих целей революции военной авантюрой,— мы предлагаем съезду признать,

1) что руководство подготовкой к вооруженному восстанию должно быть сосредоточено в специально боевых организациях, состоящих при местных комитетах;

2) что при сохранении постоянной связи между боевой организацией и местной партийной организацией в ее целом и безусловном подчинении первой политическому руководству местного центра, боевой организации должна быть предоставлена полная самостоятельность, как в разрешении технических вопросов, связанных с вооружением пролетариата, так и в пополнении своего состава новыми членами путем кооптации;

3) что при Ц. К., под его непосредственным политическим руководством, должен быть организован военно-технический центр для военно-

технического руководства и объединения работы по подготовке к вооруженному восстанию как в армии, так и среди пролетариата, а также для централизации отдельных операций в мирное время и руководства в военное время боевыми выступлениями;

4) что в военное время, когда местными общеполитическими центрами дан лозунг вооруженного восстания, все руководство восстанием переходит к заранее составленным боевым советам из представителей общеполитической пролетарской, военной и боевой организаций, с преобладанием последних. За общим же центром остается право по соглашению с боевыми советами вести общеполитическую агитацию и давать общеполитические лозунги.

Резолюции Тульского комитета РСДРП, принятые на собрании уполномоченных для выбора делегата на IV съезд РСДРП, марта 1906 г.[1]

1) По аграрному вопросу

Высказываясь за пересмотр аграрной программы, Тульский комитет считает необходимым для IV съезда высказаться по вопросу о формах землевладения и землепользования.

(Комитет: за резолюцию — 4, против — 1, воздержались —1. Собрание: за — 16, воздержались — 6).

2) Вопрос о тактике по отношению к выборам в Государственную думу и об отношении к самой думе

Принята резолюция конференции большинства.

(Комитет — единогласно. Собрание: за — 9, против — 7, возд.— 6).

3) Вооруженное восстание

Считая, что декабрьские события в Москве и других городах еще раз показали полную возможность вооруженного восстания, Тульский комитет полагает, что партия должна немедленно употребить все усилия к подготовке и организации вооруженного восстания повсюду, ибо только его победа даст возможность созвать всенародное Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

(Комитетом и собранием принята единогласно).

4) Временное революционное правительство

Принята резолюция 3-го съезда. (Комитетом и собранием единогласно).

Революционное самоуправление

Принята резолюция конференции Северных комитетов (Комитетом и собранием единогласно).

5) Отношение к совету рабочих депутатов

Принята резолюция конференции Северных комитетов. (Комитетом и собранием единогласно).

6) Профессиональные союзы

Принята резолюция конференции Северных комитетов. (Комитет: за — 4, против — 2. Собрание: за — 18, против — 2, возд.— 2).

---

[1] Фонд № 102, перлюстрация 1906 г., д. № 1 (март), лл. 75 б. в.

7) Отношение к крестьянскому движению

Принята резолюция 3-го съезда. (Комитетом и собранием единогласно).

8) Отношение к различным не социал-демократическим партиям и организациям

Принята резолюция 3-го съезда. (Комитетом и собранием единогласно.)

9) Отношение к требованию особого учредительного собрания для Польши

Принимая во внимание, с одной стороны:
1) что одной из целей РСДРП является обеспечение права на самоуправление для всех наций, входящих в состав Российского государства; 2) что воля нации может самоопределиться и в требовании особого учредительного собрания; 3) что требование особого учредительного собрания не вызывает возражений с точки зрения демократической; и не имея поэтому ничего против созыва особого учредительного собрания в Польше, поскольку в требовании его самоопределяется воля нации;
принимая далее во внимание, с другой стороны: 4) что успех пролетариата на пути к социализму зависит от расширения его международной солидарности; 5) что требование особого учредительного собрания для Польши, как лозунг, основанный на делении национальном, а не классовом, затемняет классовое самосознание пролетариата и сознание его международной солидарности и потому не может явиться лозунгом социалистического пролетариата, поскольку он принимает участие в национальном самоопределении,— Тульский комитет высказывается против поддержки партией требования особого учредительного собрания для Польши, поскольку воля нации в нем не самоопределилась. (Принята Комитетом и собранием единогласно).

10) Организация партии

Принимая во внимание: 1) усложнившиеся политические условия деятельности партии, требующие осуществления внутри ее твердого и подвижного политического руководства; 2) развитие ее сил, ставшее в несоответствие с узкими рамками организации в ее настоящем виде; 3) характер ее ближайшей деятельности и ближайших выступлений, требующих глубины ее организационного влияния в массах (чтобы она выступила практическим руководителем масс),— Тульский комитет считает необходимым перестроить партию на началах демократического централизма, понимаемого, как 1) равноправие всех членов (участие всех членов в законодательной власти), 2) отделение законодательной власти от исполнительной, 3) автономия групп партийных работников, ведущих как целостную, так и специальную работу, 4) последовательный, всюду проведенный принцип централизации руководства и децентрализации исполнения.
Тульский комитет находит, что этим принципам в общем отвечает план реорганизации, предложенный группой московских периферийных работников (принята комитетом: за — 5, против — 1; собранием за недостатком времени не рассмотрена).

11) Объединение с национальными социал-демократическими организациями (П. С. Д., Латыши и Бунд)

(Ни комитетом, ни собранием не рассмотрено).
Кроме того, пропагандистская коллегия при Тульском комитете просит съезд высказаться по следующим вопросам: референдум, ини-

циатива, пропорциональное представительство. Просит также съезд поручить Ц. К. выпустить ряд популярных брошюр по всем, еще неосвещенным вопросам программы и тактики, снабдив их указаниями существующей литературы.

(Поддержано собранием выборщиков).

Считая вопрос о реорганизации партии одним из важнейших вопросов, подлежащих разрешению предстоящего партийного съезда, и признавая правильными и заслуживающими внимания партии организационные взгляды «группы московских периферийных работников», лежащие в основе предлагаемого ею общего плана организации партии, Тульский комитет считает желательным присутствие на съезде, хотя бы с совещательным голосом, представителя группы; ввиду этого Тульский комитет обращается к О. Ц. К. с предложением допустить на съезд представителя группы (принято: за — 2, против — 1, воздержавшихся — 4).

Тульский комитет РСДРП.

Из письма из Петербурга в Казань, 3 апреля 1906 г.[1]

На днях провели жаркую кампанию (это и было причиной задержки моего письма к вам), достойную лучшей участи. По поводу съезда в три дня собрали и опросили около 4-х тысяч рабочих, причем для 2-х тысяч устраивали дискуссии по вопросу о двух тактиках. Работа была адская, но Петербург блестяще ее выполнил. В результате отсюда едут 6 большевиков и 6 меньшевиков. Меньшевики выиграли одно лишнее место благодаря обилию у них интеллигентных сил, чего нельзя сказать про большевиков[2]. Но все бы, конечно, это пустяки, если бы не появились уже некоторые зловещие симптомы. Меньшевики уже поговаривают о необязательном подчинении, о полезности раскола и т. д., словом, уже подготовляют себе путь к отступлению, а раскол грозит теперь страшными осложнениями; среди рабочих тогда совершенно нельзя будет показаться...

Из письма из Москвы в Казань, 4 апреля 1906 г.[3]

Работа пойдет хорошо вместе. Московская организация после объединения будет представлять из себя нечто очень грандиозное. Доказательством тому является следующее: На съезд посылаются делегаты от каждых 300 организованных членов партии; и вот от Москвы едут 8 делегатов от нашей организации, 9-й с совещательным голосом от Московского комитета и 3 или 4 от организации Московской группы. И это после декабрьского поражения! Но в Москве уже страшное безлюдье, партийных работников крайне мало. На ответственные обязанности недостаток в исполнителях; наш Бутырский район, например, без ответственного организатора...

Из письма из Харькова в Симферополь, 7 апреля 1906 г.[4]

Работа идет не живо; прения с меньшевиками продолжаются; скорей бы съезд, который раз навсегда вывел бы из этого положения. Наша

[1] Фонд № 102, оп. 171, 1906 г., д. № 44, л. 48. Письмо за подписью «В» по адресу Тихомировой.

[2] В письме из Петербурга в Париж от 30 марта 1906 г. по вопросу о выборах на IV съезд РСДРП сообщалось: «В итоге голосования по Петербургу из числа уполномоченных (выборы были двустепенные) 116 голосов за большевистскую платформу, 126 — за меньшевистскую и 140 — воздержавшихся или примиренцев, не желающих голосовать по платформам» (ДП. о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 9, ч. 60, л. 367).

[3] Фонд № 102, оп. 171, 1906 г., д. № 44, л. 66. Письмо без подписи по адресу Гордеевой.

[4] Фонд № 102, оп. 171, 1906 г., д. № 43, л. 80. Письмо за подписью «М» по адресу Дохман, для «К».

работа продолжается, но меньшевики все-таки сильно мешают, ничего не создавая, стремятся разбить, что создано. Тупость голов их, с душой в пятках и глупостью на языках, вот их характеристика. Приезжать тебе нет смысла. Смысл вступить в работу будет после съезда, тогда вообще будет подобие работы. Теперь подчитай, займись, ибо, по моему убеждению, все последующее время придется много отдавать сил, тогда некогда будет ни читать, ни заниматься. Скоро я приеду к тебе, ускорение приезда будет зависеть от здоровья и общего положения дел. На съезд уехал один наш и 2 меньшевика, причем они подтасовали голоса тех организаций, где мы не были с докладами, а только они; мы протестовали...

Письмо из Одессы в Петербург, 15 апреля 1906 г.[1]

Городской районный комитет Одесского объединенного комитета РСДРП[2], объединяющий 800 организованных товарищей, рассмотрев в заседании своем 4 апреля вопрос о посылке О. О. К. на партийный съезд 3-х делегатов и принимая во внимание: 1) что выборы на съезд по поручению всей организации должно было произвести общее собрание выборщиков по одному на 25 организованных товарищей, причем это собрание являлось суверенным по всем вопросам посылки делегатов на съезд; 2) что собрание выборщиков, в количестве всего 22 человек, обсудив все вопросы съезда и принимая во внимание возможные препятствия в отправке делегатов, постановило отправить на съезд 5 делегатов или ни одного; 3) что собрание делегатов, после детального обсуждения достоинств всех предложенных кандидатов на съезд единодушно остановилось на определенных 5 товарищах; 4) что собрание выборщиков, вследствие появления полиции в последний момент подачи записок, не закончило своих функций и последней выборной формальности не исполнило; 5) что О. О. К. в половинном своем составе, т. е. в числе 5 товарищей, из которых голосовали согласно пункту 2-му, считаясь с последними обстоятельствами, отменил постановление собрания выборщиков о посылке полного числа делегатов, остановился на посылке 3-х, по количеству голосов кандидатов на съезд, Городской раойнный комитет, присоединив к своему составу выборщиков гор. района, постановляет выразить протест по поводу самовольного нарушения со стороны О. О. К. постановления организации, в лице собрания выборщиков, и настоящий протест отправить на партийный съезд[3].

Статья из газеты «Волна» № 3, 28 апреля 1906 г.[4]

Съезд Р. С. Д. Р. П.

Последний съезд РСДРП состоялся при исключительных условиях. Объявлен он был еще в «дни свободы». Поэтому устав съезда был составлен «демократический»: предполагалось, что каждые 300 членов партии пошлют по 1 делегату; — при этом выборы должны были быть произведены «пропорциональные», — по тактическим платформам, являющимся в партии, как известно, спорными. Для более или менее значительного меньшинства в каждой организации было предостав-

[1] ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 1666, т. 2, л. 257. Письмо по адресу Никольской, Женский медицинский институт.

[2] Одесский объединенный комитет РСДРП образовался 6 ноября 1905 г. на собрании всех членов обеих местных социал-демократических организаций: Одесского комитета большевиков и Одесской группы меньшевиков, объединившихся под общим вышеуказанным наименованием (ДП, о. о., 1 отд.. 1906 г., д. № 25, ч. 1, л. 88).

[3] В письме от 7 апреля 1906 г. сообщалось, что в Одессе большевики «сильно разгромлены» (ДП, о. о., 1906 г., д. № 1666, пр. 5, л. 66).

[4] Библиотека Архива Революции.

«Волна» — большевистская легальная газета, издававшаяся в Петербурге с 26 апреля по 24 мая 1906 г., вышло 25 номеров.

лено отдельное представительство. При громадной важности и сложности вопросов, подлежащих решению Объединительного съезда, который должен был не только ликвидировать раздиравший так долго партию раздор на две фракции, но и слить в одну Российскую социал-демократическую партию все обособленные национальные социал-демократические организации и выработать единую тактику в предстоящей великой борьбе российского пролетариата за освобождение России,— другое представительство партии было бы недопустимо. Но съезд собрался в обстановке кровавой контр-революционной вакханалии. Организации партии во многих местах были разбиты, в остальных ослаблены. Более или менее многолюдные предвыборные собрания, необходимые для обсуждения вопросов порядка дня съезда, были невозможны.

Также невозможно было организовать демократические прямые выборы делегатов. Наконец, съезд не мог собраться открыто на территории России и должен был прибегнуть к конспиративным собраниям, как и предшествующие три съезда РСДРП. Все эти условия повели, конечно, к тому, что партия далеко не была представлена на съезде так полно, как было желательно, и во всяком случае о «пропорциональном» представительстве на нем существующих в партии течений не может быть и речи.

Численное преобладание на съезде получили «меньшевики». Правда их большинство было ничтожно и притом достигалось исключительно «кавказскими» голосами, удельный вес которых, во всяком случае, не равен весу представителей промышленной России, но все же факт «победы меньшевиков» на съезде остается фактом. Эта победа прежде всего означает, что на всех постановлениях съезда лежит печать фракции «меньшинства». Это — «меньшевистское» законодательство, продиктованное съездовским большинством всей партии. Значение этого факта тем многознаменательнее, что представители трех национальных партий социал-демократов — Польши и Литвы, Латышской социал-демократии и Бунда — целиком и категорически примыкали к большевистской тактической платформе. Но представители национальных партий присутствовали на съезде в качестве гостей, их голоса не имели решающего значения. И «победители» едва ли тактично подчеркнули этот факт, отвергнув предложение товарищей из «большинства» поставить первым в порядке дня вопрос об объединении с национальными социал-демократическими партиями.

Каков же будет результат этой своеобразной комбинации сил отдельных партийных течений на съезде?

Прежде всего мы должны разочаровать тех «доброжелателей» с.-д. из рядов буржуазных партий, которые с тайной радостью ожидали нового раскола.

Раскола не будет. Съездовское меньшинство (бывшая фракция «большинства») останется лояльным. Оно будет, конечно, в оппозиции «правящей» фракции партии, подвергнет критике постановления съезда, будет вести идейную борьбу за свои тактические лозунги, но организационно партия останется единой и будет выступать в борьбе с самодержавным правительством и реакционной буржуазией, как единая, сплоченная организация пролетариата.

Мы своевременно опубликуем постановления съезда, теперь отметим лишь главнейшие из них, указывая основные разногласия, выяснившиеся на съезде.

Но об этом до другого раза[1].

Б-к.

[1] Статьи, посвященные IV съезду РСДРП, в газете «Волна» были помещены в № 8 от 4 мая 1906 г. за подписью «П. Ор.», в № 11 от 7 мая 1906 г.— передовая «К итогам съезда» за подписью «Н. Л-н» (В. И. Ленин — см. сочинения, т. IX, стр. 237) и «Съезд и его истолкователи» за подписью «В. Ба-ров».

Из письма из Москвы в деревню Борки, Рязанской губернии, 3 мая 1906 г.[1]

...О съезде социал-демократов вы, конечно, уже слышали кое-что. Завтра будут уже известны все резолюции в окончательной форме. Факт тот, что меньшевики оказались в большинстве (на 18 человек). Резолюции следовательно приняты меньшевистские; аграрная программа принята Маслова с добавлениями Плеханова, т. е. муниципализация крупных образцовых хозяйств и черный передел остальных земель. Произошло объединение с Бундом, латышской и польской социал-демократическими партиями, которые были на съезде с совещательными голосами. А эти национальные партии ведь большевистские, так что мы посмотрим на следующем съезде, кто окажется в большинстве. В Ц. К. избраны 3 большевика, 7 меньшевиков и по 1-му от Бунда и латышей. На съезде большевики заявили, что они подчиняются постановлению съезда и не захотят раскалываться...

Письмо из Петербурга в Нью-Йорк, 13 июня 1906 г.[2]

На «объединительном» съезде соотношение фракционных сил было: 62 — меньшевиков и 46 — большевиков. Ц. К. был составлен из 7 меньшевиков и 3 большевиков. Конечно, Ц. К. в своей деятельности проводит меньшевистскую платформу, которая заражена «кадетизмом». Главный пункт его резолюции гласит: поддерживать Думу во всех ее шагах, направленных к ниспровержению министерства и замене его думским министерством, видя в такой замене условие, способствующее созыву учредительного собрания.

Петербургский комитет, в котором 13 большевиков и 7 меньшевиков, по праву автономной организации, протестовал против этой резолюции. Бунд, польские социал-демократы и латышские социал-демократы — все, конечно, высказались за П. К.-ую резолюцию[3].

Твой брат.

Из письма из Петербурга в Одессу, 22 июня 1906 г.[4]

Вчера было третье заседание Центрального комитета. Происходило на нем следующее: неожиданно для меньшевиков, большевики вынесли резолюцию, строго осуждающую действия Центрального комитета за конспиративную от Петербургского комитета организацию совещания рабочих с думской фракцией, и в этой резолюции сказано, что

В №№ 15 от 12 мая 1906 г. и 25 от 21 мая 1906 г. в связи со съездом были напечатаны две заметки: 1) по вопросу объединения Бунда с РСДРП и 2) «Свобода критики». Постановления и резолюции съезда были опубликованы в №№ 11, 12 и 13 газеты «Волна» от 7, 9 и 10 мая 1906 г. Они были изданы отдельным листком в типографии Южного технического бюро Центрального комитета РСДРП — арх. инв. № 10126, и в типографии Окружного района, май 1906 г.— арх. инв. № 30565 (См. «Протоколы Объединительного съезда РСДРП», стр. 334—341).

[1] Фонд № 102, оп. 171, 1906 г., д. № 51, л. 52. Письмо за подписью «В. Т.» по адресу Кушнеренко.

[2] Фонд № 102, оп. 171, 1906 г., д. № 58, л. 92. Письмо по адресу Волкина для Померанц.

[3] Резолюция Ц. К. и П. К. по вопросу о думском министерстве в мае 1906 г. см. «Протоколы объединительного съезда РСДРП», Гиз, 1926, стр. 379—380. В августе 1906 г. Петербургский комитет РСДРП большинством 15 голосов против 7, при одном воздержавшемся, принял резолюцию, порицающую тактику Ц. К. после роспуска Государственной думы, и высказался за необходимость немедленного созыва экстренного партийного съезда. (Текст резолюции см. «Протоколы Объединительного съезда РСДРП», стр. 383—384). Резолюция была издана в виде листовки; копия этого листка, переизданного Казанским комитетом РСДРП, хранится в Архиве Революции — ДП, о. о., 1906 г., д. № 25, ч. 28, лл. 13—14.

[4] Фонд 102, оп. 171, 1906 г., д. № 62, л. 62. Письмо по адресу Дейч.

Петербургский комитет подчиняется директивам Центрального комитета, но находит нужным высказаться за созыв съезда для избрания нового Центрального комитета...

Письмо из Москвы в Казань, 25 июня 1906 г.[1]

Дела все прибывает и прибывает. Работа идет хорошо. К темным сторонам нашей жизни относится в высшей степени враждебное отношение к большевикам наших товарищей, принадлежащих к фракции бывших меньшевиков. Объединительный съезд РСДРП постановил уничтожить отдельные организации большевиков и меньшевиков, объединиться в единую партию и работать. Кажется, ведь хорошее дело. А посмотрели бы вы, к каким результатам приводит объединение на местах. Съезд оставил за каждой фракцией право вести идейную борьбу. И борьба идет... жестокая, упорная. Съезд, на котором преобладали меньшевики, вынес известные резолюции, им приходится подчиняться, хотя ты с ними и не согласна была. Ц. К., выбранный съездом — меньшевистский почти целиком. Его директивы обязательны для каждого члена партии. Вот положение! Что делать нам, бывшим большевикам. Вести идейную борьбу с меньшевиками? Началась вражда. Теперь по всей Москве происходят генеральные сражения между большевиками и меньшевиками. Перья только летят...[2].

У нас в районе преобладают большевики. Отношения с меньшевиками ужасные. Грызня идет везде. Думают, что Ц. К. возьмет свои резолюции обратно, так как большевики уступить не хотят и подумывают об уходе из партии, если их будут заставлять подчиняться. Ц. К. приходится считаться с мнением большевиков, так как они выражают волю четырнадцати тысяч рабочих. Вот печальная сторона дела.

Вообще работа идет хорошо. Число организованных рабочих растет. Митинги и массовки продолжаются. Наша публика, которая работает в рабочем предместье, действует почти совсем открыто. В Москве жизнь кипит. Близость бури чувствуется в воздухе.

Часть меньшевиков ведет против меня агитацию, как против большевика. Пускают в ход некрасивые средства. Они хотят уронить в глазах массы районный комитет, членом которого и я являюсь.

Из письма «Бори» из Казани «Сене» в Малмыж, Вятской губернии, 21 сентября 1906 г.[3]

...Сообщаю некоторые новости партийной жизни. Прежде всего перед партией в данный момент на очереди стоит вопрос о немедленном созыве экстренного съезда. Политика Центрального комитета расходится не только с волей большинства членов партии, но даже и с постановлениями последнего съезда. Тактика Центрального комитета, выражая собой оппортунистическую и неопределенную политику «меньшинства», выражаясь в директивах и немедленных частичных выступлениях,—вредна и опасна для партии, дезорганизуя и провоцируя пролетариат и крестьянство. Необходимо во что бы то ни стало сломить оппортунистическое крыло русской социал-демократии, которая должна иметь определенную тактику, так как теперь раздоры и фракционные разногласия должны погибнуть в вихре революционных событий. Центральный комитет в данный момент собирает резо-

[1] Фонд 102, оп. 171, 1906 г., д. № 62, л. 17. Письмо Д. Смирновой по адресу М. Смирновой.

[2] В письме из Москвы от 2 июня 1906 г. сообщалось: «Большевики бьют нас здорово, хотят совсем выжить нас и заморить голодом...» (Ф. № 102, оп. 171, 1906 г., д. № 58, л. 10).

[3] Фонд № 102, оп. 171, 1906 г., д. № 83, л. 17.

люции о новом съезде; если половина партийных организаций выскажется за съезд,— то он будет созван[1]. Казанская организация, вероятно, выскажется за созыв съезда[2]. Более из партийной жизни ничего сообщить — не могу. Мне пишите только заказным письмом и только в том случае, если это безусловно необходимо, так как в Казани у нас происходит на почте перлюстрация (просмотр) простых писем...

Из письма Миролюбова из Казани Прасолову в село Ильинское, Пермской губернии и уезда, 25 сентября 1906 г.[3]

...В социал-демократической партии теперь идет борьба: часть социал-демократов (большевики) агитируют за новый съезд для разрешения тактических вопросов; особенно сильная агитация за съезд началась после того, как Ц. К. партии высказался за требование созыва Думы в прежнем составе. Этой резолюцией Центральный комитет подорвал свой авторитет. 3 члена Центрального комитета, большевики (в Центральном комитете 7 меньшевиков и 3 большевика), разослали письма в областные организации с предложением агитировать за созыв нового съезда. Большевики, очевидно, убеждены, что на новом съезде им удастся провести более радикальные резолюции, чем на прежнем съезде; на этом съезде должен быть решен вопрос об отношении к будущей Думе; большинство социал-демократов сейчас, кажется, высказались за участие в выборах...

II. Департамент полиции о IV съезде РСДРП

Телеграмма департамента полиции в Киевское охранное отделение, 14 февраля 1906 г.[4]

Получены два новых циркулярных письма из Киева от Южного бюро объединенного Центрального комитета социал-демократов[5] с предложением участвовать в конференции южных организаций, ввиду предстоящего в конце марта партийного съезда. На конференции между прочим предполагается обсудить вопросы об особой организации революционной работы на железных дорогах, с устройством узловых центров и общероссийского центра в Москве, и о создании особой военной организации. Бюро сообщает о предстоящем выходе партийных органов легального и нелегального, просит материалов и обещает выслать проект избирательного закона на общепартийный съезд. Устанавливается, что большинство южных организаций высказалось за

---

[1] 19 августа 1906 г. ЦК РСДРП «в письме к членам партии по вопросам о созыве экстренного съезда» предлагал организациям высказаться, но сам приводил аргументы за то, что съезд явится несвоевременным — ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 25, ч. 1, лл. 165, 166, 171.

[2] К 25 августа 1906 г. Саратовский комитет (большевистский) высказался за созыв партсъезда и на собрании периферии, в количестве 183 человек, голосовали за созыв экстренного съезда — 95, против — 76, при 12 воздержавшихся (ф. 102, оп. 171, 1906 г., д. № 76, л. 86 и д. № 81, л. 11).

[3] Фонд № 102, оп. 171, 1906 г., д. № 84, л. 6.

[4] ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 25, ч. 69, л. 17.

[5] Южное бюро при Ц. К. «большинства» и бюро при областном комитете слились в единое бюро при Объединенном Ц. К. (в феврале 1906 г.).

Южное бюро взяло на себя инициативу по созыву южной конференции для выработки общей тактики в период выборной кампании и разослало письма по организациям с призывом приступать к выборам делегатов на конференцию в случае согласия на ее созыв.

Копия письма Южного бюро Объединенного Ц. К. РСДРП от 6 февраля 1906 г., посланного из Киева в Курск, хранится в этом же деле лл. 3—4.

конференцию, ввиду чего бюро посылает на места своего представителя, просит к его приезду созвать комитет, назначить депутата, заготовить адреса, явки, пароль. Примите энергичные меры для наблюдения, выяснения участников и места конференции и съезда. Телеграфируйте.

Директор Вуич.

Донесение начальника розыскного пункта из Николаева в департамент полиции, 7 марта 1906 г.[1]

На телеграмму от 7-го сего марта за № 765 доношу вашему превосходительству, что от объединенного Комитета социал-демократических организаций г. Николаева делегатами на общепартийный съезд предназначены от фракции меньшинства известный в организации под именем «Михаила»[2], а от фракции большинства николаевский мещанин Георгий Исаев Костевский («Судак»), в организации «Жорж».

По сведениям агентуры, делегаты должны между 17 и 20 марта съехаться в г. Киев, где им указана явка «Бассейная, № 2, Зубной врач Шнейдерман».

В Киеве делегаты получат указание о дальнейшем пути следования, вероятно в Петербург.

О киевской явке поставлен в известность начальник охранного отделения[3].

Ротмистр Левдиков.

Донесение заведующего розыскной агентурой в Финляндии помощнику начальника Финляндского жандармского управления по пограничному пункту, 10 марта 1906 г.[4]

По некоторым сведениям в текущем марте месяце (около 15 числа) в Гельсингфорсе имеет состояться съезд представителей организаций Российской социал-демократической партии[5].

Ввиду сего, приняв с своей стороны необходимые меры розыска, я имею честь просить ваше высокоблагородие, не признаете ли с своей стороны возможным распорядиться об усилении совершенно негласного наблюдения за прибывающими с поездами из г. Выборга русскими, из которых наиболее подозрительных можно будет проводить до места их остановки и затем не упускать по возможности из виду. Так как съезд будет, вероятно, многолюдным, человек 40—60, то может быть удастся выследить его участников, с тем, чтобы при возвращении их в Россию представилось бы возможным опознавать их на границе и задерживать.

На следующей неделе, если не получится сведений о перемене места съезда, надеюсь быть в Гельсингфорсе и лично с вами переговорить.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

---

[1] ДП, о. о., 1906 г., 1 отд., д. № 25, ч. 69, л. 52.

[2] «Михаил» — М. В. Немой, член Николаевского объединенного комитета РСДРП (то же дело, л. 56).

[3] 5 марта 1906 г. начальник розыскного пункта в Николаеве телеграфировал в департамент полиции о том, что делегат от Николаева — «Наум» — выехал 2 апреля, (то же дело, л. 114).

В отчете Николаевского комитета РСДРП с 1 марта по 5 апреля 1906 г. значилось в расходе 40 руб. на поездку делегата — см. инв. № 5381.

[4] ДП, о. о., 1906 г., д. № 2, ч. 1, т. 5. л. 2. Документ без подписи.

[5] Еще 5 марта 1906 г. департамент полиции предупреждал начальников губернских жандармских управлений и охранных отделений о предполагаемом съезде РСДРП и предлагал принять меры к выяснению делегатов (ДП, о. о., 1905 г., д. № 2075, т. II, л. 38).

Донесение заведующего розыскной агентурой в Финляндии в департамент полиции, 22 марта 1906 г.[1]

Вследствие предложения от 15-го сего марта за № 4374, имею честь уведомить департамент полиции, что положительных сведений о съезде, который представители действующих в России социал-демократических организаций предполагали устроить в Финляндии,— в мое распоряжение не поступало. Ввиду имевшихся указаний, что упомянутый съезд состоится «до 15 марта в г. Гельсингфорсе» мной были приняты соответствующие меры наблюдения, но таковым приезда в названный город, или на Иматру, или в г. Выборг, лиц, в коих можно было бы подозревать делегатов,— констатировано не было и есть основание полагать, что съезд русских социал-демократов еще только предстоит в будущем. По сведениям ротмистра Провольского (из Або), помянутый съезд соберется 6 апреля в г. Выборге. Но агентурный источник, из коего почерпнуты эти указания (разговоры в местном клубе друзей шведской образованности), слишком ненадежен и нельзя быть уверенным, что вышеупомянутое предсказание сбудется.

По другим сведениям, социал-демократический съезд, ввиду оглашения в печати телеграммы департамента полиции, из которой было видно, что о намерении собраться в Финляндии властям уже известно, переносится, будто бы, за границу, но позволительно думать, что этот слух распускается лишь затем, чтобы лучше скрыть действительное место ожидаемого съезда.

Так как предстоящие праздники являются наиболее удобным временем для группового посещения Финляндии и на страстной неделе, например, по некоторым указаниям, должны здесь съехаться представители организаций русских среднеучебных заведений, то необходимые меры розыска мной будут приняты, в пределах тех крайне ограниченных средств, которыми я располагаю.

Титулярный советник Меньщиков.

Телеграмма Московского охранного отделения в департамент полиции, 23 марта 1906 г.[2]

Съезд социал-демократов, по сведениям агентуры, состоится близ Петербурга 5 апреля. Предварительно к 3-му делегаты съезжаются в Петербург; от Петербурга будут Аксельрод, Засулич и, вероятно, Анатолий Луначарский; от Москвы: Николай Рожков, Петр Маслов и Иван Скворцов.

Подполковник Климович.

Из донесения заведующего полицией на Кавказе в департамент полиции, 8 апреля 1906 г.[3]

По сведениям начальника Тифлисского охранного отделения, 23 марта в Тифлисе собралась конференция кавказских социал-демократических рабочих организаций. Накануне состоялось предварительное собрание для выработки программы конференции, обсуждению коей подлежали те вопросы, которые впоследствии должны были фигурировать на общем всероссийском съезде партии; 24 марта, не придя ни к какому соглашению, делегаты стали разъезжаться, и таким образом конференция признается несостоявшейся...

Заведующим охранным пунктом в городе Баку от 30 марта представлены следующие революционные издания: 1) копия записки под заглавием: «Тактическая платформа к объединительному съезду рос-

[1] ДП, СО, 1906 г., д. № 2, ч. 1, л. 5.
[2] Фонд № 102, оп. 6, 1906 г., д. № 25, ч. 69, л. 63.
[3] Фонд № 102, оп. 7, 1906 г., д. № 190, лл. 86, 92 об., 93.

сийской социал-демократической рабочей партии»[1], содержащей в себе программу конспиративных вопросов о приемах и способах активной борьбы с правительством, которая будет подлежать обсуждению на предстоящем в текущем апреле съезде партии. В записке этой в особенности заслуживают внимания те параграфы, которые трактуют о роли и значении войск в демократической революции; 2) воззвания к войскам под заглавиями: «Братья артиллеристы» и «Из солдатской народной жизни»; 3) «Последние известия Черногородского и Железнодорожного районов», № 5 от 31 минувшего марта. Означенная платформа в настоящее время детально разрабатывается на «дискуссионных собраниях» Бакинской организации Российской социал-демократической рабочей партии, причем больше всего споров возбуждает 4-й параграф предложения части, озаглавленной «Партизанские боевые выступления», трактующий о том, «что допустимы также боевые выступления для захвата денежных средств, принадлежащих неприятелю, т. е. самодержавному правительству, и для обращения этих средств на нужды восстания, причем необходимо обратить серьезное внимание на то, чтобы интересы населения были по возможности менее нарушаемы». Одним из противников этого вопроса является, между прочим, член комитета Бакинской организации, председатель статистического бюро совета съезда нефтепромышленников — Василий Ильин Фролов, не видящий, по его словам, в данном вопросе грани между нарушением интересов правительства и населения...

За заведующего полицией на Кавказе Гурович.

Телеграмма начальника Киевского охранного отделения в департамент полиции, 27 марта 1906 г.[2]

Конференция состоялась вчера двадцать шестого в доме девять по Жилянской улице[3], представителем на съезде избран член Комитета Мариан Григорьев Гурский, в организации Григорий, он же Барабан, бывший в 1903 году на съезде в Брюсселе. Наблюдение установлено, прошу указаний на случай выезда заграницу[4].

Ротмистр Еремин.

Из донесения начальника Петербургского охранного отделения начальнику Петербургского губернского жандармского управления, 29 марта 1906 г.[5]

Российская социал-демократическая рабочая партия в настоящее время озабочена созывом объединительного съезда для ликвидации партийного раскола, т. е. с целью слияния партии, разделившейся после III съезда на две фракции — «большинство» и «меньшинство». Каждая из этих фракций к предстоящему съезду выработала ряд резолюций (платформу)[6], в которых излагает свой взгляд на все во-

[1] «Тактическая платформа к Объединительному съезду РСДРП» — проекты резолюции большевиков были изданы отдельным листком в типографии Объединенного Ц. К. РСДРП — арх. инв. № 10189 (см. «Протоколы Объед. съезда РСДРП», стр. 352—359).

[2] ДП, о о., 1906 г., 1 отд., д. № 25, ч. 69, л. 68.

[3] Речь идет о конференции Южных организаций РСДРП, созывавшейся Южным бюро Объединенного Ц. К. РСДРП.

[4] В телеграмме из Киева от 1 апреля 1906 г. начальник Киевского охранного отделения сообщал, что делегат на съезд Гурский выехал в Петербург 31 марта 1906 г. (то же дело, л. 77).

[5] Фонд № 102, оп. 6, 1906 г., д. № 25, ч. 10, л. 5—6.

[6] «Тактическая платформа большевиков к Объединительному съезду РСДРП» 6 февраля 1906 г. и проекты меньшевистских резолюций к Объединительному съезду опубликованы в «Протоколах Объединительного съезда РСДРП. 1926 г., стр. 352—363.

просы, выдвигаемые политической жизнью России, а также революционной борьбой пролетариата и его стремлением к вооруженному восстанию, как единственному, с точки зрения этого пролетариата, средству борьбы за свободу. Так как съезд этот общепартийный и на нем должна быть закончена работа по объединению партии, причем эта «работа должна быть закреплена веским и авторитетным вотумом съезда, как суверенного выразителя партийной воли» («К партии» изд. Объединенного комитета РСДРП) [1], то естественно, что члены партии в настоящее время напрягают все усилия, чтобы возможно удачнее прошли выборы делегатов на съезд.

По проекту системы выборов Петербургская с.-д. организация посылает на съезд не менее 10 делегатов. Для выборов выборщиков (по одному от 10 членов) созываются избирательные собрания; выборщики участвуют в районных конференциях, где должно происходить голосование платформ («меньшевиков» и «большевиков»).

Выборы делегатов на съезд происходят в междурайонных конференциях сторонников каждой платформы.

26-го сего марта отделением задержана конференция выборщиков городского ремесленного района Петербургской организации РСДРП, где, согласно вышеуказанному порядку, предполагались «дискуссии» о достоинствах той и другой платформы и голосование их.

Конференция собралась в д. № 40, по Загородному пр., в квартире учителя танцев Евгения Федоровича Эльснера, который, не зная о цели собрания, уступил одну из своих комнат под конференцию по просьбе своего знакомого крестьянина Ярославской губернии Василия Рязанова. В конференции участвовало 41 человек, в том числе 5 женщин и 2 мужчин, отказавшихся первоначально назвать себя, но затем частью установленных.

Некоторые участники конференции назвались ложными фамилиями и до сего времени не установлены.

На полу в комнате, где происходило заседание конференции, обнаружены несколько десятков разных прокламаций, в том числе платформы «большевиков» и «меньшевиков», а также обрывки записок и разные рукописи, которые собравшиеся поспешили уничтожить при входе полиции. В числе этих рукописей обращает на себя внимание резолюция, принятая цеховым комитетом социал-демократических рабочих печатного дела по вопросу об участии членов партии в профессиональных союзах, и резолюция, принятая цеховым комитетом ремесленного района, который, обсудив вопрос о предстоявшем съезде и принимая во внимание, что большинство партийных работников не успели обсудить фракционных платформ, «энергично протестует против скоропалительности созыва съезда и предлагает отложить таковой по крайней мере на две недели». Резолюция эта относится к 20 сего марта. Затем найдена также рукопись (карандашом) на 2-х листах, представляющая подлинник 2 резолюций «меньшевиков» по вопросам о значении представительных учреждений в революционную эпоху и о вооруженном восстании.

Сообщая об изложенном, отделение препровождает на распоряжение вашего превосходительства всю по этому делу переписку со всеми вещественными доказательствами.

---

[1] Объединенный ЦК РСДРП выпустил два обращения «К партии»: 1-ое — сообщение о созыве съезда, 2-ое — об объединении партии перед съездом, с указанием состава съезда, порядка выборов на съезд и со списком организаций, имеющих права представительства.

Оба обращения — листовки опубликованы в приложении к «Протоколам Объединительного съезда РСДРП», 1926 г., стр. 347—352 и в приложениях к т. IX сочинений Ленина, стр. 444—446.

Выдержка взята из 2-го обращения, стр. 349.

Подлинник типографской листовки Объединенного ЦК РСДРП «К партии» хранится в деле ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 1, лит. Б, лл 18—19.

Из числа задержанных 19 лиц, как это отмечено в списке, освобождены.

(Подпись).

Циркулярная телеграмма департамента полиции начальникам отделений, розыскных пунктов и ГЖУ, 28 марта 1906 г.[1]

Поступающими в департамент агентурными сведениями охранных отделений и пунктов выясняется, что партийный съезд социал-демократов должен состояться пятого апреля около Петербурга. В некоторых местах делегаты уже выяснены. К третьему числу они предварительно съедутся в Петербурге. Предлагается всем начальникам отделений и начальникам жандармских управлений принять меры к выяснению делегатов и сопровождать их до места съезда под наблюдением одного или двух филеров, обязанных по прибытии в Петербург немедленно явиться в местное охранное отделение. Филерам строго внушить всеми мерами избегать возможности провала. Безотлагательно телеграфировать департаменту все вновь поступающие сведения.

Директор Вуич.

Телеграмма начальника Томского охранного отделения в департамент полиции, 1 апреля 1906 г.[2]

По агентурным сведениям в Петербурге находятся инженер Илья Александров Фрязиновский[3], мещане: Василий Алексеев Мукосеев, Иван Александров Сошников, которые несомненно примут участие в партийном съезде социал-демократов, как представители Томского комитета Сибирского союза этой партии; Сошников может находиться по адресу Церковная улица, шесть, квартира двадцать один.

Ротмистр Долгов.

Из телеграммы начальника Воронежского охранного отделения в департамент полиции, 1 апреля 1906 г.[4]

По полученным агентурным сведениям, делегатами на партийном съезде от Воронежской группы будут скрывшиеся из Воронежа Федосий Кривобоков и Дмитрий Большаков... Из наличных членов местной группы пока никто не выезжал, наблюдение продолжается.

Полковник Тарханов.

Телеграмма заведующего полицией на Кавказе из Тифлиса в департамент полиции, 3 апреля 1906 г.[5]

По указаниям агентуры, для участия в съезде представителей социал-демократических организаций в Финляндии от Тифлиса были намечены бывший учитель Михаил Цхакая и редактор грузинской газеты Ахмет Елашвили, представителем Баку будет Александр Брекзагов, задержанный в январе сего года на станции Грязи и бежавший в конце февраля из Козловской тюрьмы; сопровождать наблюдением не удалось.

Генерал-лейтенант Ширинкин.

---

[1] Фонд № 102, оп. 5, 1905 г., д. № 2075, т. II, л. 95.

[2] ДП, о. о., 1906 г., 1 отд., д. № 25, ч. 69, л. 78.

[3] Фрязиновский И. А., инженер путей сообщения, служил в управлении Сибирской жел. дор. в Томске. В конце 1904 г. и в 1905 г. стоял во главе Сибирского союза комитета РСДРП, поддерживая постоянную связь с Читинским комитетом РСДРП; Мукосеев В. А.— конторщик в отделе управления Сибирской ж. д.— (ДП, о. о., 1906 г., д. № 25, ч. 44, лл. 12, 52).

[4] ДП, о. о., 1906 г., 1 отд., № 25, ч. 69, л. 83.

[5] Там же, л. 89.

Телеграмма начальника Ревельского охранного отделения в департамент полиции, 3 апреля 1906 г.[1]

Прибывающие на съезд Август Ястров и агент управления Эдуард Орна собираются: Троицкая, 38, квартира Рейзнера. Из Нарвы явится на съезд книготорговец Педерь.

Подполковник Тихонович.

Отношение директора департамента полиции заведующему розыскной агентурой в Финляндии, 3 апреля 1906 г.[2]

Имею честь просить ваше высокоблагородие сообщить о том, где именно, по имеющимся сведениям, должен состояться партийный съезд социал-демократов.

За вице-директора Васильев.

Донесение заведующего розыскной агентурой в Финляндии в департамент полиции, 4 апреля 1906 г.[3]

Вследствие предложения от 3 сего апреля имею честь донести департаменту полиции, в дополнение к представлению от 22 минувшего марта, что определенных указаний на место съезда представителей действующих в России социал-демократических организаций в мое распоряжение до сего времени не поступало. Принятыми мерами наблюдения до последних дней съезда русских революционеров в местах, где этого можно было ожидать (Таммерфорс, Иматра, Гельсингфорс, Выборг), пока не замечалось и очень может быть, что ожидаемый партийный съезд социал-демократов, действительно, состоится за границей, может быть в Стокгольме, на каковой случай сделан мною запрос местной агентуре.

О последующем будет сообщено департаменту полиции дополнительно.

Титулярный советник Меньщиков.

Из телеграммы начальника охранного отделения из Ростова на Дону в департамент полиции, 4 апреля 1906 г.[1]

Получены указания, что явка для делегатов: Петербург, номер дома двадцать три, улица не выяснена, спросить доктора, сказать «от Бориса Степановича». Второго апреля от Ростова на съезд избран известный под революционными кличками «Волков» и «Струмилин», выехавший полным мандатом третьего [апреля] из Ростова в сопровождении командированных агентов Кулешова и Горбачева, которые будут телеграфировать. Совещательный голос за упоминаемым в донесении № 744, скрывающимся вне Ростова Гуревичем, повидимому, остается в силе. Приметы Волкова: высокого роста, блондин, лет тридцати, русский, в светлых очках или пенснэ, несколько сутуловатый, редкая бородка, щеки без растительности, темный костюм, шляпа котелок; желательна встреча на Петербургском вокзале.

Ротмистр Заварзин.

Донесение начальника Московского охранного отделения в департамент полиции, 4 апреля 1906 г.[4]

Доношу вашему превосходительству, что по имеющимся у меня агентурным сведениям 4 сего апреля из г. Москвы выехали два деле-

[1] ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 25, ч. 69, л. 85.
[2] ДП, СО, 1906 г., д. к № 2, ч. 1, т. 5, л. 8.
[3] Там же, л. 9.
[4] ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 25, ч. 69, л. 82.
[5] ДП, о. о., 1906 г., II отд., д. № 150, л. 24.

гата гг. Костромы и Иваново-Вознесенска на съезд социал-демократов, который должен состояться в окрестностях г. С. Петербурга, причем названным делегатам, в день приезда их в С. Петербург, назначена явка по следующему адресу: «Усачев переулок, 13, квартира 36, от 4 до 6 часов дня».

Приметы делегатов следующие: первого — 21 года, худощавый, брюнет, среднего роста, чуть заметные усики; а второго — лет 26, отросшая рыжеватая колючая бородка, среднего роста, носит синее пенснэ, одет в синее шевьетовое пальто; оба в длинных смазных сапогах.

По тем же сведениям, для делегатов, прибывающих из других городов, назначена в С.-Петербурге явка на 6 апреля «угол Адмиралтейской площади и Вознесенского проспекта, контора «Надежда», отдел заграничной транспортировки».

От Москвы на предполагаемый съезд социал-демократов, по тем же сведениям, выехал литератор, казак Оренбургского войска Петр Павлов Маслов, кличка «Магазинный», отъезд которого из Москвы наблюдением не замечен.

Подполковник Климович.

Донесение начальника Одесского охранного отделения в департамент полиции, 6 апреля 1906 г.[1]

Доношу вашему превосходительству, что на Куяльницкой дороге первого сего апреля собрались члены местного объединенного социал-демократического комитета и представители районных комитетов и цехов для обсуждения вопросов, касающихся предстоявшего партийного съезда и окончательного назначения делегатов для поездки на этот съезд, так как выяснилось, что из числа указанных мной делегатов Хана Краснянская, Берель Богданов и Борух Столпнер, по неизвестным причинам, отправиться на съезд не могут. Ввиду того, что собравшиеся были рассеяны, а девять из них, в том числе Краснянская и Богданов, были задержаны, выборы в этот день не состоялись, причем успели наметить лишь одного делегата «Антона», который и выехал 4 апреля по направлению к Петербургу. В дальнейшем были получены сведения, что кроме Антона должны отправиться на съезд еще два делегата, из коих один рабочий, известный в организации под именем «Кирилла»[2] (личность не установлена), состоит ответственным организатором Пересыпского района, а другой, именующийся «Павлом Борисовичем»[3], будто бы, принимал деятельное участие в издании «Социал-демократа».

Точных сведений о выезде последних двух лиц еще нет; что же касается имевшихся ранее указаний, что съезд перенесен за границу и, будто бы, в Австрию, то данные эти в то время были действительно получены в организации и служили предметом обсуждения на ежедневных комитетских явках.

Полковник Бобров.

Телеграмма начальника Астраханского губернского жандармского управления в департамент полиции, 6 апреля 1906 г.[4]

Второго [апреля] вечером из Астрахани выехал в сопровождении двух филеров известный департаменту Редкозубов, по агентурным сведениям, делегатом на съезд социал-демократов. Прошу ускорить отпуск аванса, ожидаемого второй месяц.

Полковник Шейман.

---

[1] ДП, о. о., 1906 г., I отд., д. № 25, ч. 1, л. 61.

[2] «Кирилл» — Х. М. Штейнбах, член Одесского объединенного комитета РСДРП (то же дело, л. 99).

[3] «Павел Борисович» — Б. Г. Столпнер, называвшийся «Борисом Григорьевичем Будоедом» (то же дело, л. 91).

[4] ДП, о. о., I отд., 1906 г., д. № 25, ч. 69, л. 113.

Телеграмма начальника Пермского охранного отделения в департамент полиции, 7 апреля 1906 г.[1]

На съезд от Екатеринбурга выехал Вениамин по установке Кокосов, упомянутый в телеграмме моей директору 25 февраля; от Перми — наблюдавшаяся под кличкой «странная», привлекавшаяся в Екатеринбурге Клавдия Тимофеева Новгородцева, проживала последнее время по паспорту здешней крестьянки, Камышловского уезда, Каменской волости и завода, а ныне Михеевой Засыпкиной, и скрывшаяся недели две. Первый выехал давно, вторая в субботу — без наблюдения. Приметы ее, среднего роста, лицо смуглое, рябая, лет двадцать семь, в длинном коричневом саке, низкая котиковая шапка, поверх платок закрывает плохо стриженные волосы.

Ротмистр Самойленко.

Телеграмма заведующего полицией на Кавказе из Тифлиса в департамент полиции, 8 апреля 1906 г.[2]

По агентурным указаниям на общий социал-демократический съезд делегатами из Тифлиса выехали: от группы «меньшинства» — интеллигенты Ной Жордания, Георгий Ерадзе, Калистрат Гогуа, рабочие — Степан Паркосадзе, он же Корпусадзе, Лев Золотарев, Калистрат Долидзе и Чубин Ашвили; от фракции «большинства» — Михаил Бочаридзе и некий Сосо[3] — интеллигенты.

За заведующего полицией Гурович.

Донесение жандармского ротмистра из гор. Николаева в департамент полиции, 9 апреля 1906 г.[4]

Доношу вашему превосходительству, что упомянутый в моей телеграмме делегат от объединенных социал-демократических организаций г. Николаева в организации «Наум (Абрам Лиманов Штифчик)[5] не был сопровождаем филерами по следующим обстоятельствам:

Как мной было донесено департаменту полиции от 7 марта № 237, на общепартийный съезд от социал-демократических организаций г. Николаева были назначены «Жорж» (Георгий Исаев Костевский) и «Михаил», первый от фракции «большинства» и второй от «меньшинства». Через несколько дней после этого решения агентура сообщила мне, что в организации начались распри по поводу посылки делегатов на общепартийный съезд; фракция «большинства» категорически протестовала против посылки делегата, доказывая, что предполагаемый съезд не будет пользоваться популярностью, так как лучшие работники в настоящее время сидят по тюрьмам, а оставшиеся сознательные члены организации деморализованы последними арестами, благодаря чему ни одна из конференций не могла до настоящего времени пройти при надлежащем числе членов; таким образом, следовательно, нельзя голосовать и делегата. Вслед за этим от имени 160 политических заключенных в Николаевском арестантском отделении была в организацию прислана резолюция, в которой категорически доказывалась невозможность общепартийного съезда при настоящих тяжелых условиях, когда все лучшие силы рассажены по тюрьмам; в резолюции предлагалось съезд отложить до более благоприятного момента, кото-

[1] ДП, о. о., I отд., 1906 г., д. № 25, ч. 69, л. 116.
[2] Фонд № 102, оп., ОО, 1906 г., д. № 150, л. 25.
[3] «Сосо» — И. В. Сталин — участвовал на съезде под псевдонимом «Иванович».
[4] Фонд № 102, оп. 6, 1906 г., д № 25, ч. 16, лл. 14—15.
[5] Наум — А. Л. Штифчик, член Николаевского комитета РСДРП (ф. № 102, оп. 6, 1906 г., д. № 25, ч. 21, л. 7).

рым считалась св. пасха, когда ожидалась большая амнистия политических.

В таком неопределенном положении вопрос этот оставался открытым до 31 марта.

31 марта было получено от Центрального комитета извещение, предлагающее Николаевской объединенной организации немедленно избрать из числа членов Объединенного комитета делегата по назначению, который должен прибыть в Петербург к 5 апреля. 1 апреля состоялась конференция в доме № 29 по Привозной улице в квартире Хвата, где было прочитано письмо от Центрального комитета. Начались дебаты, причем «большевики» вновь настаивали не посылать делегата, а послать в Центральный комитет мотивированную резолюцию с отказом от посылки делегата от г. Николаева. Дебаты с меньшевиками приняли настолько острый характер, что многие из членов удалились с конференции, а предполагавшийся в делегаты «Михаил» совершенно отказался от посылки его делегатом. Хотя большевиков на конференции было 28 человек, а меньшевиков 20, последние, несмотря на протесты «большевиков», назначили делегата «Наума», который должен был немедленно же выехать по назначению.

Конференция окончилась во втором часу ночи, а с поездом в 6 час. 58 мин. утра 2 апреля «Наум» уже выехал по назначению.

Таким образом агентура своевременно не имела возможности меня предупредить об отъезде делегата.

Об изложенном доношу вашему превосходительству.

Ротмистр Левдиков.

Телеграмма начальника Московского охранного отделения в департамент полиции, 11 апреля 1906 г. [1]

Сборы на съезд социал-демократов видимо затягиваются; выезжающие делегаты получают явки в Петербург и заграницу. Вчера выехал на съезд, через Петербург, в сопровождении наблюдения, член Центрального комитета Афанасий Игнатов, кличка «бритый» [2].

Подполковник Климович.

Донесение состоящего в резерве при Ярославском губернском жандармском управлении начальнику Яросл. ГЖУ, 12 апреля 1906 г. [3]

В последних числах марта месяца Ярославским комитетом РСДРП по адресу: «Ярославль, редакция газеты «Северная Мысль», А. П. (Антонине Петровне) Русиной» было получено от Центрального комитета (С. Петербургского) той же партии печатное предложение — обсудить прилагаемые при нем 12 резолюций, ввиду предстоящего в скором времени IV съезда РСДРП.

Означенный съезд, по только что полученным мной агентурным сведениям, имеет быть в Финляндии, в двадцатых числах текущего апреля, причем делегатом на него от местного Ярославского комитета РСДРП избран бывший рабочий Корзинкинской мануфактуры Николай Емельянов, ныне проживающий, якобы, в С. Петербурге [4].

По тем же сведениям, доклад об аграрной программе к названному съезду готовится приват-доцентом императорского Московского университета Рожковым, читавшим в г. Ярославле 8 сентября 1905 г. лек-

---

[1] Д. П., о. о., II отд., 1906 г., № 150, л. 26.

[2] В состав Московского объединенного комитета РСДРП в марте 1906 г. входили А. И. Игнатов — представитель Ц. К., Петров — представитель от большевиков, и неизвестный от меньшевиков — (ДП. о. о. 1905 г., д. № 1877, ч. 69, лл. 3—4).

[3] ДП, о. о., 1906 г., I отд., д. № 25, ч. 10, л. 23.

[4] Делегатом от Ярославля на съезде был Емельян Ярославский.

цию по данному вопросу, подробное донесение о коей представлено мною 10 сентября м. г. за № 172[1].

Об изложенном доношу.

Ротмистр Немчинов.

Отношение директора департамента полиции, 19 апреля 1906 г.[2]

Имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что партийный съезд представителей российской социал-демократической рабочей партии для выработки оснований к совместной деятельности так называемых фракций «большинства», который предполагалось созвать в пределах империи, ныне, по телеграфному донесению заведующего заграничной агентурой, происходит в Стокгольме.

К сему считаю долгом добавить, что, с целью выяснения участников съезда, мной вместе с сим предложено коллежскому советнику Гартингу командировать своих людей в Стокгольм[3].

Директор Вуич.

Отношение департамента полиции в Московское охранное отделение, 21 апреля 1906 г.[4]

По полученным из агентурного источника указаниям, на социал-демократический съезд, происходящий в настоящее время будто бы в Швеции, в качестве делегата от Московского комитета выехал некий Скворцов, известный под кличкой «Степанов» и «Базаров».

Сообщая о сем, департамент полиции предлагает вашему высокоблагородию выяснить личность, деятельность и сношения упомянутых лиц по г. Москве и о последующем представить.

Директор Вуич.

Донесение начальника Московского охранного отделения в департамент полиции, 3 мая 1906 г.[5]

Имею честь донести вашему превосходительству, что, по полученным мной агентурным сведениям, IV съезд Российской социал-демократической рабочей партии в настоящее время окончился, причем на съезде, большинством 80-ти голосов против 40, было признано несвоевременным принятие программы Ленина о немедленном приступе к вооруженному восстанию, с целью ниспровержения существующего строя, а также и проектируемые Лениным отдельные партизанские боевые выступления пролетариата.

При этом съезд признал тактической ошибкой партии, осуществленный в предвыборный период бойкот выборов в Государственную думу и решил принять меры к вовлечению в партию возможно большего числа членов Государственной думы, из числа сочувствующих социал-демократическим воззрениям, надеясь этим путем образовать в Государственной думе свое представительство, т. е. социал-демократическую фракцию (по подсчету партии — в думе 14 организованных социал-демократов).

---

[1] Н. Рожков, издатель большевистской легальной газеты «Светоч» в Москве.

[2] ДП, о. о., 1906 г., I отд., д. № 25, ч. 10, л. 21. Документ без указания адресата.

[3] Список участников съезда, в количестве 140 человек, фамилии которых названы, повидимому, согласно паспортов, с которыми они приехали на съезд, имеется в том же деле, лл. 83—105, а также был дан к циркуляру департамента полиции от 28 июня 1906 г. за № 9922, с предложением власти на местах «выяснить личность, деятельность и сношения названных лиц» и уведомить департамент (ДП, о. о., циркуляры 1906 г., лл. 80—92).

[4] МОО, 1901 г., д. № 80, л. 73.

[5] ДП, о. о., 1906 г., I отд., д. № 25, ч. 10, лл. 31—32.

Вместе с тем, съезд признал наиболее целесообразным в данный момент для партии войти в соглашение с конституционалистами-демократами, так как эти последние своей открытой борьбой с правительством и стремлением к созыву народного представительства на основах всеобщего прямого тайного и равного избирательного права идут по пути с так называемыми социал-демократами.

В деле же вооруженного восстания съезд социал-демократов решил в настоящий момент ограничиться собиранием денежных средств и нужных для восстания сведений, а также приисканием лиц, способных, в случае надобности, организовать мятежные отряды. Вербовка самих отрядов и вооружение рабочих масс пока признаны преждевременными.

То обстоятельство, что Государственная дума в настоящем ее составе, видимо, решила не довольствоваться отведенной ей новыми основными законами ролью и предлагает, опираясь на революционные партии, достигнуть учреждения в России конституционной монархии, в самом широком смысле этого слова, не брезгая никакими средствами для достижения своих целей, делает временный союз конституционалистов-демократов, составляющих большинство депутатов думы, с социал-демократами весьма вероятным, так как обстоятельство это даст Думе возможность опираться, в подкрепление своих требований, на революционно настроенные слои населения.

Социал-демократы же рассчитывают, что неосуществление современной Думой слишком широко намеченного ею плана реформ подорвет в населении приверженность к конституционно-демократическому строю и совместно с ожидаемыми конфликтами между Государственной думой и правительством создаст благоприятную почву для революционного выступления их партии.

Подполковник Климович.

Телеграмма начальника Одесского охранного отделения в департамент полиции, 11 мая 1906 г.[1]

Днем, десятого, в конспиративной квартире, собрались члены местного Объединенного демократического комитета, в количестве одиннадцати человек, во главе с возвратившимся со съезда делегатом Кириллом, для выслушивания его отчета и обсуждения вопросов, связанных с ежедневными забастовками на разных заводах, к рабочим которых в целях агитации комитет выпускал в последнее время воззвания. Все арестованы. Результаты обысков буду телеграфировать дополнительно[2].

Полковник Бобров.

Депеша поверенного в делах в Стокгольме министру иностранных дел, 12 июня (30 мая) 1906 г.[3]

С начала прошлой зимы, проездом в Германию и Америку, прибывало в Стокгольм необыкновенно много эмигрантов из России. Главный контингент их состоял из латышей, эстов и евреев, в большинстве случаев причастных к революционному движению в России и желавших избегнуть законной ответственности.

---

[1] ДП, о. о., I отд., 1906 г., д. № 25, ч. 1, л. 87.

[2] Первое собрание членов Комитета для выслушания доклада о съезде возвратившегося делегата состоялось 5 мая в присутствии 12 человек (то же дело, л. 89).

[3] Фонд № 102, оп., 1906 г., д. № 25, ч. 10, лл. 130—131. Воспроизведено с копии, пересланной из министерства иностранных дел министру внутренних дел 12 июня 1906 г. (л. 129 того же дела).

Здешние социалисты с радостью воспользовались прибытием их русских единомышленников для усиления своей политической пропаганды. Они оказывали им широкое гостеприимство, устроили в их честь собрания в своем клубе и даже содержали партию приблизительно в тридцать человек латышей и эстов довольно продолжительное время, в особо нанятой даче, в окрестностях Стокгольма.

В противоположность социалистам остальное местное население относилось весьма несочувственно к «подозрительным иностранцам», и правительство сильно опасалось, как бы социалисты не заставили своих гостей участвовать в готовившихся тогда демонстрациях рабочих, что легко могло бы вызвать международный инцидент. Опасения эти однако не сбылись и помянутые иностранцы уехали через некоторое время, тем не менее полиция зорко следила за всеми прибывающими русскими эмигрантами, требовала от них представления паспорта и подвергала их строгому допросу касательно средств к существованию, цели поездки и проч. В некоторых случаях подозрительные лица были немедленно отправляемы назад в Финляндию. Полиция принимала все эти меры, так сказать, на собственный страх и секретным образом, не имея на то законного права. Ввиду сего был издан 27 апреля сего года нового стиля королевский указ, предписывающий подлежащим властям временно установить надзор за русскими эмигрантами, «прибывшими в Швецию вследствие происшествий в России». При этом полиции было вменено в обязанность внушать иностранцам, что они будут высылаемы из королевства в случаях их вмешательства в политические дела Швеции.

Большой неожиданностью как для правительства, так и для публики явилось сообщенное в прошлую субботу в здешнем органе социалистов «Social Demokraten» известие о том, что 23 минувшего апреля по 8 сего мая нов. ст. в Стокгольме происходят заседания конгресса представителей русских социалистов. Автор статьи откровенно передает, что для большей безопасности был в свое время пущен слух, будто конгресс этот состоится в Швейцарии. Заседания в Стокгольме происходили при соблюдении самой глубокой тайны. И, действительно, оказывается, что здешняя полиция не имела до сих пор никаких сведений о происшедшем, в чем меня уверял сегодня министр иностранных дел, не без некоторой застенчивости, по поводу непростительного недосмотра шведских властей. Г. Тролле[1] просил меня передать вашему высокопревосходительству сожаление королевского правительства по поводу всего этого и уверил меня, что ныне приняты все меры, чтобы подобного рода оплошность не могла повториться.

По словам «Social Demokraten», на конгрессе участвовало 140 представителей социалистов из всех частей России, принадлежащих к разным народностям. Заседания происходили в клубе социалистов «Folketshus» и были открыты приветственной речью здешнего редактора Брантинг.

Как главный результат конгресса, помянутая газета отмечает, что русские социалисты всех оттенков ныне впервые пришли к полному согласию и выработали общую, обязательную для них всех программу, к которой присоединились также латыши, эсты, поляки и евреи.

Судя по отчету, помещенному в «Social Demokraten», конгресс поставил главной задачей социалистов революционную работу в народе, оставляя в стороне все теоретические фразы. Ввиду этого рекомендовалось принимать в будущем живейшее участие в выборах депутатов в Государственную думу и всячески стараться обострять возникающие несогласия между Думой и правительством, с целью низвержения существующего государственного строя, а также добиваться скорейшего

[1] Е. Тролле — генеральный секретарь министерства иностранных дел в Швеции.

созвания учредительного собрания на основании принципа всеобщей подачи голосов. Одновременно с этим имеет происходить деятельная пропаганда среди деревенского и городского населения и в войсках, что должно служить подготовлением для всеобщей революции. При этом конгресс признал бесполезность отдельных попыток вооруженного восстания.

Обсуждая аграрный вопрос, Конгресс предъявил уже известные требования социалистов касательно конфискации казенных и частных земель и раздачи их малоземельным крестьянам и пр.

В заключение «Social Demokraten» отмечает с радостью, что русские социалисты, до созвания настоящего конгресса значительно расходившиеся во мнениях по многим политическим вопросам, оставили Стокгольм в полном согласии.

С глубочайшим почтением и неизменной преданностью имею честь быть, К. Сталь-фон Гольштейн.

Донесение начальника Московского охранного отделения в департамент полиции, 2 июня 1906 г.[1]

Вследствие предписания департамента полиции от 23 июня за № 9674, имею честь донести вашему превосходительству, что, по имеющимся в отделении вполне достоверным агентурным сведениям, областной съезд Российской социал-демократической рабочей партии действительно состоялся в первых числах июня месяца, но как надо полагать не в Москве, а в одном из провинциальных городов или окрестностях Москвы. От Московского окружного комитета на съезд были избраны: известный отделению бывший студент Ярославского лицея Сергей Васильев Модестов и неизвестный мужчина, носящий революционную кличку «Иван Иванович»; ввиду позднего получения агентурных указаний о съезде и ввиду проживания этих лиц на нелегальном положении, сопровождать их наблюдением для установки места съезда не представилось возможным.

На съезде, по агентурным сведениям, происходило обсуждение следующих вопросов:

1. Отношение к постановлениям последнего партийного съезда.
2. Политическая кампания.
3. Крестьянское движение.
4. Рабочее движение.
5. Профессиональные союзы.
6. Постановка работы среди железнодорожных служащих и рабочих железнодорожных мастерских.
7. Организация области.
8. Выборы комиссии.

После областного съезда в Москве имел место ряд мелких конференций Российской социал-демократической рабочей партии, результатом которых явилось отрицательное отношение к постановлениям партийного Объединительного съезда, происходившего в Стокгольме в апреле месяце. Проектированное съездом объединение фракций не состоялось и подразделение на большевиков и меньшевиков продолжает существовать и ныне; программа же фракции выливается в форму, указанную в предложении департамента полиции от 23 июня за № 9674.

По полученным мной дополнительным агентурным сведениям, арестованные мной 8 июня сего года, в квартире нелегального, назвавшегося Иваном Кирилловым Усачевым (донесение мое от 10 июня за № 6679): 1) Усачев, Иван Кириллов; 2) Сухорученко, Михаил Алексеев, тульский мещанин; 3) Розенберг, Борис Самуилов, студент Московского

[1] ДП, о. о., 1906 г., д. № 25, ч. 4, лл. 16—17.

университета; 4) Большаков, Александр Федоров, крестьянин Пошехонского уезда; 5) Сухов, Капитон Максимов, крестьянин Тульской губернии и уезда; 6) Гастев, Алексей Капитонов, потомственный почетный гражданин; 7) Пенкин, Дмитрий Иванов, крестьянин Гжатского уезда деревни Поганкино; 8) Тулин, Трофим Васильев, крестьянин Рузского уезда, села Нестерова; 9) Смирнов, Гавриил Егоров, крестьянин Дорогобужского уезда, деревни Кислова, и 10) Рыжев, Никита Борисов, крестьянин Верейского уезда деревни Ерелиной, принадлежали к числу участников областного съезда, происходившего вблизи Москвы в июне месяце сего года и собрались в квартире Усачева на конференцию.

Обстоятельство это отчасти подтверждается также результатами произведенного у этих лиц обыска.

Подполковник Климович.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в департамент полиции, 8 октября/25 сентября 1906 г.[1]

Относительно внутреннего положения РСДРП следует отметить, что фракция «большинства», чувствуя за собой перевес в партии, настаивает на созыве нового съезда, не желая подчиняться решениям последнего Стокгольмского съезда, на котором случайно преобладали «меньшевики», тем более, что последние, особенно представители их в Центральном комитете, сильно скомпроментировали себя разными предприятиями, вроде устройства неудавшейся забастовки после роспуска Государственной думы, частичных выступлений в разных городах с отдельными стачками и проч. «Меньшевики» же и Центральный комитет не хотят нового съезда и всеми средствами борятся против его созыва. В свою очередь «большевиками» была устроена в России конференция Северных комитетов, при участии 19 комитетов, единогласно высказавшихся за новый съезд. Многие комитеты юга тоже стоят за «большевиков». Польская и Латышская социал-демократические партии и «Бунд», будучи сторонниками «большинства», тоже высказались за созвание съезда. Петербургский и Московский комитеты, состоящие из «большевиков», выпустили уже 4 номера нелегальной газеты «Пролетариат»[2] и «большевики» считают это издание за лучшее агитационное средство против «меньшевиков», а Центральный комитет пока все еще собирается приступить к изданию своего печатного органа под названием «Социал-демократ».

Заведующий агентурой Гартинг.

---

[1] ДП, о. о., 1906 г., д. № 1, ч. 1, т. 3, лл. 34—35.

[2] Речь идет о газете «Пролетарий», нелегальном органе Московского и Петербургского комитетов РСДРП, фактически органе большевистского центра, № 1 которого вышел 21 августа 1906 г.

Волнения крестьян в удельных имениях Грузии в 1905—1906 гг.

Революционная борьба рабочих и крестьян Закавказья в 1905—1906 гг. приняла необычайно широкий размах. По силе и организованности вооруженной борьбы Закавказье занимало одно из первых мест среди других районов царской России. По поводу вооруженной борьбы на Кавказе в 1905 г. Ленин в статье «Современное положение России и тактика рабочей партии» писал: «Нас опередили в этом отношении и Кавказ и Польша, и Прибалтийский край, т. е. именно такие центры, где движение всего дальше ушло от старого террора, где восстание подготовлено всего лучше, где массовый характер пролетарской борьбы всего сильнее и ярче выражен» [1]. Революционной борьбой рабочих и крестьян Закавказья руководили большевики, во главе с товарищем Сталиным [2]. Товарищ Сталин провел огромную теоретическую и организационную работу, ведя непримиримую борьбу против меньшевиков и прочих мелкобуржуазных националистических партий и направляя революционную энергию масс на вооруженное восстание, на завоевание революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Революционное движение крестьян особенно широко развернулось в 1905—1906 гг. в Грузии. Еще в 1902 г. началось известное восстание грузинских крестьян, причем движение это быстро перекинулось в другие районы и не прекращалось до 1906 г. О революционной борьбе крестьянства Грузии в годы первой революции Л. Берия пишет: «Особенно большой подъем революции мы имели в закавказской деревне. В ряде районов Грузии (Озургетский, Зугдидский, Сенакский, Горийский, Душетский, Тифлисский и Телавский уезды), в особенности в Гурии (Озургетский уезд), происходили крупные вооруженные восстания крестьян. Крестьянские революционные комитеты — органы вооруженного восстания революционного крестьянства — осуществляли захват помещичьих земель, отмену всяких налогов, бойкот помещиков, духовенства и правительственных учреждений» [3].

За революционной борьбой крестьян Закавказья внимательно следил Ленин, по его инициативе на III съезде РСДРП (в апреле—мае 1905 г.) был поставлен специальный доклад представителя закавказских большевиков Барсова (Миха Цхакая) о крестьянском движении на Кавказе и о руководстве большевиков этим движением. В резолюции «По поводу событий на Кавказе» III-й съезд указал: «1) что особые условия социально-политической жизни Кавказа благоприятствовали созданию там наиболее боевых организаций нашей партии; 2) что революционное движение среди большинства населения Кавказа, как в городах, так и в деревнях, дошло уже до всенародного восстания против самодержания» [4]. Съезд принял также резолюцию «Об отношении к крестьянскому движению», в которой высказался за всемерную поддержку и организацию революционного движения крестьянства [5].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. IX, стр. 27.

[2] См. «Прокламации большевистских организаций Закавказья», 1904—1906 гг., Тбилиси, 1940 г.

[3] Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г., стр. 39.

[4] «Революционная борьба крестьянства Грузии в 1905 г.», материалы III съезда РСДРП и корреспонденции из большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий», Партиздат ЦК ВКП(б), 1935 г., стр. 31.

[5] Там же, стр. 29—30.

Публикуемые ниже документы касаются революционной борьбы крестьянства и сельского пролетариата в удельных имениях Грузии в 1905—1906 гг. Удельные имения были фамильной собственностью первых помещиков России — Романовых. К началу XX в. Удельное ведомство владело огромными земельными богатствами в лучших районах России и широко применяло в своих имениях капиталистические формы хозяйства. В удельных имениях Крыма и Закавказья основной отраслью хозяйства было виноделие; на удельных виноградниках эксплоатировались тысячи наемных рабочих, главным образом, местных безземельных и малоземельных крестьян. В Закавказье главная масса удельных имений была расположена в Грузии; здесь уделы прибрали к рукам богатые виноградные районы Кахетии и Карталинии.

Развернувшаяся в Грузии в 1905 г. революционная борьба крестьянства, естественно, не могла пройти мимо таких ненавистных для народа объектов, как поместья дома Романовых. Революционное движение в удельных имениях проявлялось в захвате крестьянством удельных земель, лесов и имущества, в забастовках и демонстрациях наемных рабочих. Наибольшего напряжения революционное движение в удельных имениях Грузии достигло весною 1905 г. (март — апрель) и потом летом 1906 г. (июнь). Удельная администрация и местные власти применяли суровые меры для подавления движения: военные экзекуции, террор, массовые увольнения рабочих и т. п.

Документы, печатаемые ниже, относятся к Кахетинским, Карталинскому и Чаквинскому удельным имениям в Грузии. Во главе всех удельных имений на Кавказе стоял инспектор кавказских удельных имений (в г. Тифлисе). Кахетинские удельные имения до июня 1905 г. в административном отношении были объединены и подчинялись одному управляющему, а с июня 1905 г. были разделены на 3 самостоятельных имения: Цинондальское, Напареульское и Мукузанское с отдельным управляющим в каждом из имений; Кахетинские имения были расположены на территории Телавского уезда, Тифлисской губ. Карталинское удельное имение управлялось отдельным управляющим и было расположено в Душетском уезде, Тифлисской губ. Чаквинское удельное имение (с чайными плантациями) также имело отдельного управляющего и находилось в Батумском округе.

Большинство публикуемых документов охватывают период с марта 1905 г. по сентябрь 1906 г. и представляют собою переписку удельных чиновников на Кавказе между собою и с Главным управлением уделов. По мнению чиновников удельных имений виною «всех бед и всей смуты» являются агитаторы, которые обманом и угрозами принуждают рабочих и крестьян выступать против законного начальства и предъявлять нелепые, неосуществимые требования. Конечно, верные слуги «августейших» помещиков не могли относиться иначе к событиям 1905—1906 гг. Несмотря, однако, на крайнюю реакционность взглядов, переписка удельных чиновников дает нам фактический материал для изучения революционного движения в удельных имениях.

Документы хранятся в Центральном Государственном Архиве Народного Хозяйства в Ленинграде, фонд № 515 — Главного управления уделов, опись № 45, 7-го делопроизводства, дело № 899.

В. Евфимовский.

Рапорт инспектора кавказских удельных имений в Главное управление уделов, 7 марта 1905 г.

Имею честь донести Главному управлению уделов, что в районе Карталинского имения с прилежащими соседними сельскими обществами, захватывающими довольно значительный район Душетского и смежного Горийского уездов, с 1 марта сего года крестьяне совер-

шенно открыто проявляют неповиновение властям и нарушение прав собственности. Действуя скопом и по уговору, собравшись 2 марта по колокольному звону на сход в с. Мухрань, крестьяне как только что сказанного селения, так равно и других, участвовавших на сходе, решили безотлагательно приступить к рубке удельного леса в даче Ломуани, что немедленно и привели в исполнение, выехав с арбами в количестве более 400 штук в лес, силою прогнав удельную лесную стражу.

Получив о происшедшем донесение от г. управляющего имением и познакомив с положением дела губернскую администрацию, я просил о принятии самых энергичных мер к немедленному прекращению беспорядков, наносящих уделам ущерб, и в то же время заручился согласием высшей в крае власти на посылку в с. Мухрань вооруженной силы на тот случай, если бы уездному начальнику, получившему по телефону предписание выехать безотлагательно в Мухрань, не удалось восстановить порядок собственными, имеющимися в его распоряжении средствами.

Душетский уездный начальник, во исполнение предписания г. губернатора, прибыл в с. Мухрань уже 3 марта и в тот же день телеграфировал одновременно и мне и г. тифлисскому губернатору о том, что без военной силы он не в состоянии остановить крестьянское движение, почему и просит о присылке ему одной роты пехоты. Немедленно было сделано распоряжение о высылке просимой уездным начальником помощи, которая была готова выступить в Мухрань по первому его требованию. Но затем, в виду быстрого развития событий и волнения, охватившего 14 смежных селений, выяснилось, что высылка одной роты является недостаточной, а потому душетский уездный начальник г. фон-Баумгартен 6 числа лично прибыл в г. Тифлис для доклада г. губернатору общего положения вещей и для исходатайствования присылки в Мухрань и окрестные селения достаточной воинской силы для подавления возникших беспорядков. Означенное ходатайство, поддержанное мною перед высшей в крае властью, удовлетворено и сделано распоряжение о командировании воинской части.

При этом считаю долгом довести до сведения Главного управления уделов, что, ввиду крайне серьезного положения вещей, поручиться в настоящее время за целость удельного имущества и за личную безопасность служащих в Карталинском удельном имении лиц не представляется возможным; вся местность охвачена революционным движением, проникшим из Западного Закавказья, находящегося в настоящее время в периоде почти полной анархии.

По мере развития дальнейших событий, а равно и о принимаемых мерах к подавлению беспорядков, мною будет своевременно доложено Главному управлению уделов.

А. Гурский.

Рапорт инспектора кавказских удельных имений в Главное управление уделов, 14 марта 1905 г.

В дополнение к рапорту моему от 7 сего марта за № 391, имею честь донести Главному управлению уделов, что в настоящее время для прекращения беспорядков в районе Карталинского имения по моему энергичному настоянию отправлен в распоряжение душетского уездного начальника 1-й кавказский стрелковый батальон, который и прибыл на место беспорядков 10 марта. Своевременным прибытием военной силы был предупрежден разгром удельной усадьбы и виноградников и в настоящее время беспорядки выражаются в самовольной пастьбе скота в пределах некоторых лесных дач и порубках удельного леса, но и эти правонарушения с прибытием военной силы вскоре будут прекращены. Части батальона распределены следующим образом: рота

на усадьбе, рота в сел. Цилканы, рота в сел. Дзалиси и рота в сел. Мчадис-Джвари; до восстановления порядка содержание рот лежит на обязанности затеявших беспорядки сельских обществ; на усадьбе же Карталинского имения по распоряжению г. тифлисского губернатора, впредь до прекращения беспорядков и до удовлетворения претензий удельного ведомства, имеет пребывание и г. дешутский уездный начальник.

В целях скорейшего водворения порядка, а равно имея в виду скорейшее прекращение экзекуции, которая несомненно отразится на благосостоянии крестьянских обществ, мною предложено г. управляющему имением настаивать перед местной администрацией о принятии нижеследующих мер:

1) Арест и высылка главарей движения, известных как самим жителям, так равно и управляющему имением. 2) Возмещение понесенных уделами убытков от вырубки лесных площадей. 3) Выдача огнестрельного оружия теми из крестьян, которые не имеют разрешения на право ношения его и 4) освобождение жителей сел. Мухрань от экзекуции, так как последние почти не принимали участия в беспорядках, а если и принимали, то вследствие принуждения и угроз других сельских обществ, причем, в виду такого, в общем не враждебного, настроения жителей сел. Мухрань я полагал бы возможным сделать для них даже некоторые снисхождения при взыскании денег за вывезенный ими самовольно лес.

О дальнейшем ходе событий в имении мною предложено г. управляющему имением доносить мне еженедельно, каковые сведения мною будут в свою очередь представляться в Главное управление уделов.

А. Гурский.

Прошение постоянных месячных рабочих Напареульского удельного имения управляющему Кахетинским удельным имением, 28 марта 1905 г.

Мы, ниже сего подписавшиеся, месячные рабочие, покорнейше просим оказать нам милость на наше несчастное положение на счет содержания и прибавки нам жалованья, как например, каждый из нас получает: младшие рабочие в месяц по 15 рублей, а мы просим: 1) чтобы младшие рабочие получали в месяц по 20 руб., а старшие согласно к тому прибавив столько же, то есть в месяц по 5 рублей; 2) чтобы всякие штрафы на виновных по службе были бы возложены по вашему усмотрению; 3) в случае болезни, чтобы больной был бы вылечен в приемном покое на счет удельного средства с получением следующего жалованья; 4) чтобы чиновники удельного ведомства имели бы приличное обращение к рабочим; 5) чтобы месячные рабочие имели в год месячный отпуск по просьбе рабочих, в случае необходимости; 6) чтобы служащие живущие в квартирах удельного имения имели бы освещение и отопление, так и равно выдавались бы освещение и отопление и живущим в нездешнем имении и получали бы наемную плату за квартиру; 7) чтобы каждому рабочему было бы разрешено в год на распашку бесплатно десятину земли; 8) чтобы служащие мортирные имели бы отдых после стрельбы 6 часов; 9) чтобы имели совместно назначенного рабочим отдыха: летом назначить нам отдых 9 часов, а зимою 8 часов; 10) чтобы в каждую субботу распустили бы рабочих в 4 часа пополудни; 11) чтобы каждые рабочие имели бы баню и могли купаться по крайней мере в неделю раз; 12) чтобы пенсии служащим как подвальным, так равно и служащим в виноградном саду и полевым сторожам назначались по истечении службы 10 лет; 13) чтобы дети были бы воспитаны на счет удельных средств; 14) чтоб рабочие получали бы сверх жалования за работу на праздничные и воскресные дни двойную плату; 15) чтобы полевые и лесные сторожа, служащие

в удельном имении верхом, получали бы в месяц каждый из них по 25 рублей. В чем просим покорнейше ваше высокоблагородие обратить ваше внимание на нашу просьбу и, надеемся, не оставить без внимания и удовлетворить по возможности в скором времени, в чем подписуемся.

(Следует около 100 подписей; подавляющее большинство на грузинском языке и только незначительная часть на русском).

Из представления управляющего Кахетикским удельным имением инспектору кавказских удельных имений, 31 марта 1905 г.

Имею честь донести вашему высокоблагородию, что 30 марта все рабочие в Цинондали не вышли на работу, предупредив с вечера, что их требуют на сход. Оставшиеся рабочие мастера, бондари, сторожа, дворники и даже прислуга были также потребованы утром, угрожая в случае неприбытия [1].

Во всем имении остались лишь сторож дворца, магазинер, шорник и кучер, все русские. Требовали также служащих, но они по моему совету остались на службе. Сделав распоряжение запереть все ворота, просил назначить от взвода патрули. Около 12 час. дня толпа до 2000 чел. с красным флагом двинулась из селения к усадьбе, поэтому я заявил полицейскому чиновнику, что толпу в усадьбу не допущу ни под каким видом, а если толпа желает что либо мне заявить, то я могу выдти к ним за ворота, где буду говорить только с выборными. Взвод был наготове. Полицейский чиновник при приближении толпы предупредил ее о моем заявлении и потому толпа с флагом остановилась на дороге, а человек 20 выборных или вернее руководителей подошли к воротам.

Когда я вышел вместе с некоторыми служащими за ворота, руководители просили подписать принесенный ими лист бумаги, написанный на грузинском языке. По переводу служащего в бумаге были изложены требования крестьян по отношению земельного устройства, пастьбищ, арендных статей, разных льгот и т. п. и никаких требований по отношению к уделу. Объяснив им что ни я, ни служащие — не местные служащие и не крестьяне, и что наша подпись не будет иметь никакого значения и даже самое постановление схода потеряет значение, если будут подписи посторонних лиц,— я хотел уйти, но толпа сильно возбужденная и частью полупьяная начала кричать, что им не нужно советов и они просят только подписать, обещав после этого спокойно уйти. Предупредив еще раз, что при таких условиях наши подписи значения никакого иметь не будут,— я, Жоффрио, Джапаридзе и Панич [2] написали свои фамилии и ушли. Толпа прокричала ура, и чтобы убрали солдат, пошла по другим помещикам и селениям...

Н. Куроедов.

Рапорт инспектора кавказских удельных имений в Главное управление уделов, 1 апреля 1905 г.

Охватившее все Западное Закавказье революционное движение, начавшееся как бы на аграрной почве, произошло в настоящее время не только в Карталинии, но и в Кахетии, куда еще летом прошлого года приезжали пропагандисты и побуждали рабочих во время сбора винограда к забастовкам. Принятыми своевременно мерами беспорядки были предупреждены и казалось, что революционная пропаганда в Кахетии, не найдя подготовленной и благоприятной почвы, потерпела в

[1] Так в подлиннике.

[2] Жоффрио и Джапаридзе — вновь назначенные управляющие удельными имениями: первый — Цинондальским, а второй — Мукузанским; Панич — помощник винодела.

этом районе неудачу. Однако теперь и добродушные кахетинцы заволновались: крестьянское движение охватило почти весь Сигнахский уезд и значительную часть Телавского уезда, в особенности Заалазанский район. Насильственных действий пока крестьяне не проявляли, но, ввиду упорных слухов среди населения о готовящихся в Напареули и Цинондали беспорядках, по просьбе г. управляющего Кахетинским имением, в Напареули с 27 марта находится рота пехоты при 3 офицерах, а в Цинондальской усадьбе взвод при офицере.

В частности крестьянское движение коснулось и рабочих управления Кахетинским имением, которые 18 марта, по подговору одного годового рабочего, оставили работы раньше установленного времени и демонстративно ушли из усадьбы в 5 час. вечера. Г. Куроедов, собрав на другой день всех годовых рабочих, объяснил им всю нелепость их поступка, предупредил о последствиях, какие могут произойти, если они будут слушаться наущений разных агитаторов — проходимцев, обратил внимание рабочих на постоянные заботы удельной администрации об улучшении их быта и настолько успокоил рабочих, среди которых было много поденно-рабочих из местных крестьян, что работы на другой день возобновились в обычное время и обычным порядком, несмотря на то, что г. Куроедовым был уволен в тот же день годовой рабочий, подбивавший остальных рабочих и поденщиков накануне бросить работы. Из объяснений г. управляющего с годовыми рабочими выяснилось, что все претензии их сводятся пока к увеличению содержания и к отпуску дров и керосина тем из годовых рабочих, которые не пользуются помещениями на усадьбе, а проживают у себя на деревне.

В виду предстоящего фактического разделения Кахетинского имения на 3 отдельные управления и принимая во внимание, что каждое из 3-х имений имеет свои особенности, в настоящее время полагаю несвоевременным возбуждать перед Главным управлением уделов ходатайства об удовлетворении заявлений цинондальских рабочих, действующих под влиянием сеющих смуту агитаторов. Считаю более целесообразным, вслед за разделением имений, обсудить неотложные нужды рабочих и служащих в каждом имении кахетинской группы с г.г. управляющими имений по принадлежности и только тогда ходатайствовать перед Главным управлением уделов об устранении причин, которые в наше смутное время нередко вызывают справедливые жалобы и заявления со стороны рабочих, обыкновенно достигающих удовлетворения своих требований путем забастовки и всякого рода насильственных действий.

А. Гурский.

Предписание управляющего Кахетинским удельным имением младшему виноградарю князю Андрокикову, 4 апреля 1905 г.

На переданную мне просьбу годовых рабочих и поденных имений Мукузани [1], предлагаю вам объявить им нижеследующее:

1. Если они желают, чтобы просьбы их были представлены на усмотрение и разрешение Главного управления уделов и получить ответ, то по закону они должны изложить их в прошении на русском языке и оплатить гербовым сбором (2 марки по 60 к.), как это сделали рабочие имения Напареули.

2. С своей стороны могу лишь ответить им, что прибавка жалованья рабочим производится заслуживающим рабочим установленным порядком за выслугу лет и хорошую верную службу, без всяких их просьб. Общая же прибавка жалованья всем будет несправедлива и невозможна, т. к. имеется больше, чем нужно, желающих поступить рабочими

[1] Упоминаемой здесь просьбы розыскать не удалось.

даже на меньшее жалованье, чем платится теперь, а потому недовольные настоящим жалованьем и всеми другими преимуществами могут получить расчет во всякое время.

В случае болезни никто из рабочих не заявил мне, что им отказывалось в бесплатной помощи от доктора или не выдавали лекарства. Все постоянные рабочие имели и имеют на это право и, насколько мне известно, всегда этим пользовались.

За время действительной болезни, удостоверенной врачем, из жалованья никто ни с кого из рабочих не вычитывал, если болезнь эта продолжалась не более 1 месяца, а в более серьезных случаях и с более старых и заслуженных рабочих и дольше одного месяца.

По этим двум пунктам предлагаю проверить рабочих опросом в присутствии всех.

О выдаче дров и керосина рабочим, живущим в своих домах, лично уже сделано ходатайство в Главное управление еще ранее их просьбы.

Учитель мукузанской школы получает жалованье 300 рублей из удельных сумм, а потому дети всех рабочих имения имеют право обучаться у него без всяких расходов от рабочих. Что касается постройки особой удельной школы и бани, то с разделением имения, вероятно, Главным управлением это будет сделано в будущем году.

О рабочих часах и других рабочих вопросах по высочайшему повелению законы ныне пересматриваются и до выхода нового закона никаких перемен в этом быть не может. В имении установлена работа с 6 час. утра до 7 час. вечера летом, из этого времени на отдых с 8 до 8½ утра, с 12 до 2 дня и с 5 до 5½ вечера, а всего 10 час. работы — 3 часа отдыха, а зимой с 7½ утра до 5½ веч.— 9 час. работы и 1 час. отдыха.

Поденная плата устанавливается в зависимости от необходимости и срочности работы и обязывать поденных работать по установленной цене никто не имеет права. Всякий, если находит невыгодным работать за установленную плату, может не становиться на работу, а вместо них будут приглашаться поденные из других мест. Во всяком случае плата поденным назначается по взаимному соглашению. До 1 мая установлена плата поденным: мужчинам — 50 коп. и женщинам — 30 коп.

Что касается указанного срока на ответ, то в виду его назначения на конец апреля, и едва ли возможно будет удовлетворить все просьбы, то одновременно с сим сделано представление о найме, и, если нужно будет, высылке рабочих из России.

Н. Куроедов.

Рапорт инспектора кавказских удельных имений в Главное управление уделов, 7 апреля 1905 г.

Имею честь доложить Главному управлению уделов, что со времени последнего донесения о крестьянском движении в районе Карталинского имения положение дел мало изменилось к лучшему, несмотря на присутствие воинской силы. Правда, рубка леса приостановилась и по крайней мере массового появления крестьян с арбами не замечается; комиссия определила, насколько это было возможно, стоимость самовольно срубленного и вывезенного леса, но наиболее упорствующие селения, как например Дзалиси, заявляют, что стоимость убытков они возместят только по судебному решению, а глядя на дзалисцев и жители других селений, из страха перед угрозами дзалисцев, говорят, что они готовы внести гораздо более определенной комиссией сумму, но боятся это исполнить в силу данной друг другу клятвы — действовать во всем с полным единодушием и внесут деньги немедленно вслед за дзалисцами.

Из личного доклада по настоящему делу г. управляющего имением можно прийти к заключению, что отсутствие положительных результатов уездной администрации, в распоряжение которой высшей властью в крае было предоставлено необходимое число войск для восстановления порядка, объясняется исключительно малодеятельностью, нераспорядительностью и каким-то страхом перед решительными действиями, в подтверждение чего г. фон-Раабен[1] объяснил, что уездным начальником были арестованы 2 крестьянина сел. Дзалиси, которых в тот же день выпустил по просьбе толпы крестьян, явившейся на усадьбу в количестве нескольких сот человек, несмотря на наличность на усадьбе роты пехоты, изготовившейся к действию до прибытия толпы.

Доведя до сведения г. губернатора о малодеятельности уездной администрации и об обстоятельствах, сопровождавших арест и освобождение двух дзалисцев, на следующий день я отправился в с. Мухрань, чтобы на месте ознакомиться с тем, какая произошла перемена в настроении крестьян за время пребывания в Мухрани и близ лежащих селениях войск экзекуционным порядком, и насколько правильны обвинения г. фон-Раабена в бездействии уездной администрации.

В Мухрани на удельной усадьбе я застал командированного г. губернатором члена губернского по крестьянским делам присутствия г. Шестакова, которому поручено было выяснить причины движения и выслушать заявления и жалобы крестьян всех, находящихся в районе Карталинского имения, селений. Г. Шестаков просил меня присутствовать на крестьянском сходе, на котором он намерен познакомиться с их нуждами и желаниями, при чем предупредил меня, что так как ему поручено беседовать с крестьянами с глазу на глаз, то он считает долгом предупредить меня, что прежде чем я выеду на сход, он спросит, не стесню ли я их своим присутствием. Вскоре последовал ответ схода, в котором крестьяне единогласно выразили желание, чтобы и я присутствовал на сходе, после чего я отправился в сельское управление, где уже была в сборе громадная толпа крестьян.

В числе своих заявлений, изложенных в 22 пунктах и большею частью затрагивающих общие государственные вопросы, как например, наделение землею безземельных крестьян, возврат выкупных платежей и предоставление безвозмездного выкупа тем крестьянам, которые до сего времени находятся в положении временно-обязанных (вперед за выкуп), всеобщее обучение на счет казны, установление жалованья священникам и др., были и такие заявления и жалобы, которые непосредственно касались администрации Карталинского имения.

Вот главнейшие из заявлений:

а) Отвод каждому селению в полную собственность участка леса в размере, обеспечивающем собственные нужды жителей.

б) Предоставление только жителям, проживающим в границах имения, выпаса скота на свободных от посевов и насаждений пространствах, без права отдачи части этих земель посторонним.

в) Бесплатный отпуск камня и песка.

г) Уменьшение арендной платы за пахотные земли: на полевых землях с 5 руб. на 2 руб., а на неорошаемых полях с 3 р. на 1 руб.

д) С невыкупленных надельных земель взимать натурою не 1/4 ч. урожая, а всего 1/10.

Жалобы:

1) Управление имением взимает за колючку плату вдвое высшую чем то положено по уставным грамотам, а именно 50 коп. за арбу, вместо 25 коп.

2) За таркальник взимается за арбу 2 руб. вместо 50 коп., установленные уставными грамотами.

---

[1] Фон-Раабен — управляющий Карталинским удельным имением.

На обращение ко мне г. Шестакова с вопросом, насколько основательны заявления и в какой мере удельное ведомство могло бы пойти навстречу в разрешении затрагиваемых в заявлениях вопросов, я объяснил, что из всех выраженных крестьянами в своих заявлениях желаний обоюдно выгодно по возможности скорее прийти к соглашению по п. б), касающемуся вопроса о пастбищах. Еще 2 года тому назад, как известно сходу, я предложил последнему возбудить перед Главным управлением уделов ходатайство о предоставлении в собственность крестьянам с. Мухрани, имеющим право в силу уставных грамот пасти свой рабочий и домашний скот на всех свободных от посевов и насаждений помещичьих землях, участка земли с тем, чтобы Карталинское имение было бы избавлено от сервитутного права, предоставленного крестьянам уставными грамотами по вопросу о пастьбе. Но решением схода мое предложение было тогда отвергнуто не потому, чтобы оно не отвечало желаниям крестьян, а потому, что на сходе, кроме крестьян, имеющих право на бесплатную пастьбу скота на землях имения, присутствовало гораздо более таких лиц, на которых право выпаса на свободных от посевов и насаждений помещичьих землях не распространялось (во время составления уставных грамот в с. Мухрани было не более 100 дымов, а в настоящее время свыше 500); а между тем при голосовании этого вопроса последнее обстоятельство было упущено, так как в голосовании принимали участие все жители с. Мухрани. Далее я объяснил, что я готов, одновременно с возбуждением ходатайства об отводе им в полную собственность участка под выпас, ходатайствовать перед Главным управлением уделов также и об отводе каждому селению на условиях, которые могут быть выработаны впоследствии, лесной площади на предмет получения таркальника и колючки, каковые материалы они, в силу уставных грамот, имеют право получать по определенной, весьма низкой для настоящего времени, цене.

По пунктам в), г) и д) заявления я не считал удобным останавливаться и разъяснять сходу их неосновательность, так как они явно нарушают право собственности, к чему несомненно придут и сами крестьяне, как только общее возбуждение уляжется и последует некоторое успокоение умов.

Обе приведенные жалобы крестьян оказались вполне правильными, почему мною было обещано сходу сделать распоряжение о возврате излишне перебранных управлением имения денег за таркальник и колючку, при чем, если управление имением будет затрудняться составить поименный список крестьянам, переплатившим лишнее, то о присылке на время необходимых документов, представляемых вместе с ежемесячною отчетностью, я буду иметь честь просить распоряжения Главного управления уделов.

Быть может Главное управление уделов найдет, что я поступил не вполне правильно, взяв на себя распоряжение о возврате неправильно взысканных с крестьян нескольких сот рублей без предварительного на то разрешения Главного управления уделов. На это имею честь доложить, что обстановка, при которой мне пришлось действовать, и желание показать возбужденной толпе, что удельное ведомство выше личных интересов ставит принцип справедливости и права, заставили меня поступить именно так, причем я еще имел в виду, что обо всем происшедшем на сходе в с. Мухрани будет точно же известно всем соседним селениям. Спрошенный затем мною г. фон-Раабен, почему им взималось за таркальник и колючку более установленного уставными грамотами, объяснил, что цены эти были установлены прежним управлением и что он ожидал лишь разъяснения мирового посредника о том, какое количество таркалы на десятину имеют право получать крестьяне на льготных условиях, для того чтобы исправить ошибку прежнего режима; но до сего времени мировым посредником ничего не

сделано по этому вопросу, почему, в виду отсутствия жалоб со стороны крестьян, он продолжал взимать по установленному ранее расчету.

В заключение имею честь доложить, что малодеятельность уездной администрации во многом подтвердилась, о чем я лично заявил по возвращении из с. Мухрани г. помощнику наместника.

А. Гурский.

Из рапорта инспектора кавказских удельных имений в Главное управление уделов, 10 мая 1905 г.

Крестьянское движение, охватившее за последнее время Карталинию и Кахетию и возникшее главным образом на почве аграрной и экономической, нашло себе также отголоски среди рабочих Кахетинских удельных имений, в огромном большинстве принадлежащих к местному крестьянскому сословию... Будучи осведомленными о достигнутых рабочими повсюду результатах, являющихся следствием забастовки, и руководимые исключительно экономическими соображениями, кахетинские рабочие подали г. управляющему целый ряд петиций, с содержанием которых хотели непосредственно меня познакомить как только узнали о моем приезде в Кахетию...

Ознакомившись с просьбами рабочих, прежде чем собрать их и разъяснить по пунктам насколько основательны и подлежат удовлетворению предъявленные домогательства, мною собрано было совещание, в состав коего вошли гг. Куроедов, Жоффрио и Гоголь-Яновский [1], как лица, близко стоящие к рабочим, подробно рассмотрены все ходатайства рабочих, приведенные ими мотивы, побудившие выступить с просьбою, и могущие произойти последствия от неудовлетворения наиболее справедливых заявлений, выраженных в весьма корректной и почтительной форме.

Мотивы, выставленные рабочими Кахетинских имений, состоящие в общем вздорожании жизни, а в особенности предметов первой необходимости, единогласно признаны были членами совещания вполне справедливыми. И действительно, за последние несколько лет, при общем подъеме цен решительно на все предметы, в районе Кахетинских имений многие жизненные припасы возрасли в цене на 30—150%, как например, 6 лет тому назад 1 фунт говядины продавался не свыше 5—6 коп., в настоящее время в г. Телаве, снабжающем служащих и рабочих наиболее необходимыми жизненными припасами, цена на говядину колеблется между 12—14 коп.; фунт свинины продавался по цене 3 коп. за фунт, ныне — 15 коп.; курица стоила 25—30 коп., теперь 60—80 коп.; хлеб обходился 2—2½ коп. за фунт, в настоящее время продается за 3½ и 4 коп. тот же, далеко не высокого качества, хлеб и т. п.

Нельзя при этом сказать, что на чрезмерное повышение в последние годы цен на продукты первой необходимости можно смотреть как на явление временное, ставя его в связь с тревожным временем и переживаемым повсюду брожением среди рабочего и крестьянского населения. Полагаю, что повсеместные забастовки, сделавшиеся обычным, чуть ли не ежедневным явлением и имеющие ближайшим последствием существенное улучшение условий труда лиц, принадлежащих к самым разнообразным профессиям (в том числе и пекарей и мясников), едва ли дадут возможность вернуться когда-либо к прежним ценам на предметы первой необходимости даже по водворении в крае нормальных условий существования. Все сделанные работодателями в пользу служащих и рабочих уступки, в большинстве случаев весьма основательные, несомненно будут удерживать и впредь на высоком уровне

[1] Гоголь-Яновский — заведывающий Тифлисским удельным винным подвалом.

цены вообще на все, а в частности и на предметы первой необходимости.

Исходя из вышеприведенных соображений и принимая во внимание: а) что немедленное удовлетворение некоторых заявлений и просьб годовых рабочих группы Кахетинских имений, будучи лишь актом справедливости, внесет в их среду успокоение, обеспечит правильность, своевременность и беспрерывность работ в крупнейшем винодельческом удельном хозяйстве; б) что только коренное улучшение быта рабочих может повести к полному успокоению на более или менее продолжительное время рабочих, хотя и подбиваемых в своих домогательствах извне, но в действительности терпящих нужду по причине несоответствия получаемого содержания с изменившимися до неузнаваемости условиями жизни, в) что всякие палиативы в роде временного увеличения содержания, не дают гарантии в том, что через самое непродолжительное время (чему было масса примеров в Тифлисе и в Баку) временно успокоенные рабочие предъявят в наиболее важный в жизни имения момент (сбор винограда) гораздо более нескромные требования, которые в конце концов придется удовлетворить в предупреждение колоссальных убытков,— имею честь представить на благоусмотрение Главного управления уделов ряд мероприятий, выработанных нашим совещанием, которые необходимо провести по возможности безотлагательно во всех трех Кахетинских имениях...[1]

Разобрав таким образом по пунктам заявления и просьбы рабочих Кахетинского имения, подтвердив рабочим, что выраженные ими просьбы отчасти уже исполнены по инициативе удельной администрации, отчасти намечены к исполнению гораздо ранее подачи ими заявлений, из чего они могут видеть, что удельному ведомству нет надобности напоминать о нуждах рабочих, которые известны ему и к постепенному удовлетворению коих намечен целый ряд важных мероприятий; указав на то, что ни я, ни управляющий имением не вправе разрешить теперь же вопросов, связанных с денежными, не входящими в смету, расходами, я просил их спокойно работать, не поддаваться советам злонамеренных людей, сеящих смуту и подбивающих доверчивых крестьян к противузаконным действиям, за которые в конце концов будут отвечать введенные в заблуждение сами же крестьяне и рабочие, а не агитаторы, обыкновенно ничего не имеющие, а стало быть и не рискующие своим материальным достатком,— в трудных случаях рекомендовал обращаться за советами и указаниями к своим ближайшим начальникам, которые обязаны заботиться о нуждах рабочих и, действительно, прилагают к тому старания, к чему у рабочих есть много неопровержимых доказательств.

Докладывая о вышеизложенном Главному управлению уделов, а равно и о том, что ни корректное поведение рабочих Кахетинского имения среди всеобщего возбуждения, охватившего Кахетию, и проявляющегося нередко в самых грубых насильственных формах по отношению к землевладельцам, ни почтительная форма поданных заявлений и просьб, ни умеренность рабочих в своих просьбах, столь редкая в переживаемое время, не могут служить гарантией в том, что в силу доверия к удельной администрации кахетинские рабочие будут спокойно и неопределенное время ожидать резолюции Главного управления уделов на поданное ими г. управляющему имением и мне заявления и просьбы,— выражаю лишь уверенность в том, что в течение мая месяца, если общее положение в Закавказьи не ухудшится, то и кахетинские рабочие будут спокойно работать в ожидании кате-

---

[1] Далее в рапорте следует подробный разбор петиции рабочих и заключения по ним инспектора.

Опускаем эту часть рапорта, т. к. изложенные здесь соображения и решения отчасти повторяются в публикуемых частях настоящего рапорта.

горического ответа со стороны Главного управления уделов на поданные заявления и просьбы. Всякое замедление в ответе, а тем более неудовлетворение справедливых просьб, которые, как например общее увеличение содержания, могут быть осуществлены уже с июня месяца,— могут вызвать самые нежелательные последствия, не говоря уже о материальных убытках в случае отказа работать в наиболее важные моменты жизни виноградников. В Кахетии, при всем миролюбии и относительном спокойствии местного населения к совершающимся повсюду событиям, отлично осведомлены о том, каких можно достигнуть результатов путем организованной забастовки даже в том случае, когда последняя сопровождается целым рядом насильственных действий и далеко не такими умеренными просьбами, какие предъявили кахетинские рабочие. Поэтому позволю себе высказать мнение, что нужно теперь же, когда рабочие только просят, а не требуют, пойти на встречу их справедливым заявлениям и по возможности без промедления удовлетворить их.

Заканчивая настоящий доклад, не могу обойти молчанием вопроса об улучшении положения вообще всех служащих закавказских имений, так как приведенное кахетинскими рабочими основание для возбуждения их ходатайств — «сильное вздорожание за последнее время жизни» — в одинаковой, если не в большей степени, касается и положения всех служащих при таких тяжелых экономических условиях, сложившихся в Закавказьи почти повсеместно, и едва ли было справедливо, при разрешении в благоприятном для рабочих смысле рабочего вопроса в Кахетии, не войти одновременно в рассмотрение условий существования и службы прочих служащих по вольному найму. Но по сему вопросу буду иметь честь доложить Главному управлению уделов особо и лишь тогда, когда Главное управление уделов, разрешив ходатайство кахетинских рабочих, найдет нужным разработать затронутые мною вопросы, касающиеся служащих по вольному найму во всех закавказских имениях, находящихся хотя в несколько иных, отличающихся от кахетинских, но также неблагоприятных условиях.

А. Гурский.

Предложение Главного управления уделов инспектору кавказских удельных имений, 10 июня 1905 г.

По рассмотрении представления вашего высокородия в рапорте от 10 мая с. г., в коем вы подробно и с должной обстоятельностью излагаете как заявления, которые были сделаны удельной администрации рабочими кахетинских удельных имений, так и свое заключение по существу заявленных ходатайств, Главное управление уделов предлагает вашему высокородию принять к руководству и исполнению нижеследующие указания Главного управления, которые будут излагаться в порядке пунктов В/рапорта.

По пункту первому Главное управление уделов считает необходимым указать, что оно принципиально не встречает препятствий к увеличению получаемого рабочими и низшими служащими жалованья, но по таким же принципиальным соображениям не считает возможным согласиться на предполагаемое вами 10%-ное увеличение всех окладов рабочих и низших служащих с июня, откладывая вопрос об увеличении окладов в проектированном вами размере до будущей сметы. Принимая однако во внимание удостоверяемое вами вздорожание предметов первой необходимости, Главное управление уделов считает возможным притти на помощь рабочим и низшим служащим, разрешив вам выдать этим лицам единовременное пособие в размере месячного оклада содержания для лиц, получающих менее 25 рублей в месяц, и в

размере двадцати пяти рублей для получающих большие месячные оклады. Что же касается вопроса о праве служащих получать обязательные прибавки к окладу жалованья по прослужении пяти лет, то Главное управление уделов отклоняет такую постановку вопроса, находя, что такие прибавки могут делаться не иначе, как по усмотрению начальства, в зависимости от служебных достоинств каждого.

По пункту третьему Главное управление уделов признает вполне возможным согласиться с предложением вашим и разрешает выдавать впредь всем рабочим, не живущим в удельных помещениях, на отопление полторы куб. сажени дров и на освещение полтора пуда керосина. Распоряжение об увеличении сметного кредита будет сделано дополнительно.

Ходатайство, заявленное в пункте 4-ом, о перечислении должностей старших рабочих на виноградниках из 2-го в первый разряд на право получения пособий по правилам 1903 г. отклоняется.

По пунктам 5, 6 и 7 — немедленного разрешения требует вопрос о постройке бань в Напареуле и в Мукузани и в этом отношении Главное управление, признавая вполне возможным пойти навстречу желанию рабочих, предоставляет вам сделать соответствующие распоряжения.

По пункту 8 — Главное управление не встречает возражений к утверждению предположенных вами правил об увольнении рабочих в кратковременные отпуска.

По пункту 10 — Главное управление уделов признает возможным согласиться на предположение ваше об изготовлении из более плохого винограда вина для бесплатного отпуска рабочим и служащим в размере двух ведер на человека.

Рапорт инспектора кавказских удельных имений в Главное управление уделов, 12 января 1906 г.

Управляющий Карталинским удельным имением доносит, что с объявлением г. Тифлиса на военном положении в соседние с имением селения прибыло из Тифлиса много агитаторов, вооруживших крестьян разного рода оружием, почему крестьяне, чувствуя за собою силу вооружения и полное отсутствие административной власти и возбуждаемые агитаторами, производят порубку леса, выезжая для этого в лес целыми вооруженными деревнями. При таких обстоятельствах лесная и полевая стража имения, вообще и ранее мало проявлявшая свою деятельность, в настоящее время не рискует даже показаться в лес, получив от Душетского отделения революционного комитета предостережение, что появление кого-либо из сторожей в лесу будет наказываться смертью. Признав совершенно бесполезным содержание дорого стоящей лесной стражи, обязанности которой за последнее время сводились к аккуратному посещению канцелярии имения каждое первое число за получением жалованья, мною вместе с сим сделано распоряжение о временном упразднении этой стражи с разрешением управляющему имением удовлетворить увольняемых лиц жалованьем за 1 месяц вперед.

Согласно ходатайству г. Колотова, оставлены на службе для исполнения обязанностей смотрителя и рассыльного лишь два сторожа. О вышеизложенном имею честь донести Главному управлению уделов, присовокупляя при этом, что мной возбуждено ходатайство о командировании в Карталинское имение полусотни казаков из числа находящихся в распоряжении г. временного генерал-губернатора Душетского и Горийского уездов Тифлисской губернии.

А. Гурский.

Из рапорта инспектора кавказских удельных имений в Главное управление уделов, 7 февраля 1906 г.

Имею честь доложить Главному управлению уделов о положении дел в Карталинском имении. Благодаря близости г. Тифлиса, удобству сообщения и особенностям жителей входящих в район имения селений, воспринявших отрицательные качества, присущие горожанам, за счет деревенских добродетелей,— аграрное, а отчасти и революционное движение, проходило в Карталинском имении в более бурных формах, чем в Кахетинском. Масса помещичьих усадеб разграблена, наиболее неприятные крестьянам землевладельцы убиты, почти все помещики поголовно обезоружены, никаких платежей и обязательств крестьяне не признавали, беспощадно и безнаказанно рубили помещичьи и казенные леса, и если Карталинское имение не подверглось такой же участи, какой подверглись усадьбы частных лиц, то лишь благодаря присутствию на усадьбе военной силы, которая с марта месяца прошлого 1905 г. и поныне находится на усадьбе.

В настоящее время, с объявлением военного положения в Горийском и Душетском уездах и переходом административных функций к временному генерал-губернатору, благодаря принятым энергичным мерам, положение изменилось вообще к лучшему в сказанных уездах и в частности и в Карталинском имении, особенно после разгрома при помощи артиллерии 2-х домов принадлежащих агитаторам и после объявления временным генерал-губернатором населению, что если в 2-х недельный срок (к 7 февраля) не будут исполнены все предъявляемые требования, как-то выдача оружия и агитаторов, признание местных законных властей, уплата всех накопившихся недоимок и т. д., то, по окончании данного для исполнения требований срока, все селение будет уничтожено огнем артиллерии. Вслед за объявлением населению временным генерал-губернатором вышепоименованных требований, выраженных в весьма категорической и решительной форме, население, повидимому, смирилось и немедленно было возвращено много оружия, рубка лесов прекратилась, а в кассу Карталинского имения стали поступать всякого рода платежи так обильно, что в течение 3-х дней, не взирая на мелочность расчетов с крестьянами, целые толпы которых с утра собирались у помещения конторы для взноса денег, было заприходовано свыше 4 тыс. рублей, и теперь есть надежда в самом непродолжительном времени получить все недоимки за 1905 год, если только по снятии военного положения законные власти также энергично будут продолжать действовать и почаще напоминать разнузданному и признающему только силу населению о том, что власть существует и что она достаточно сильна.

Пользуясь смутой и царившей в Карталинском имении анархией, постоянные рабочие имения, действуя под давлением революционеров и агитаторов, незадолго до объявления Горийского и Душетского уездов на военном положении, также предъявили целый ряд требований управлению имением, почти впрочем не отличающихся от таковых же требований рабочих других имений. Но, к сожалению, г. Колотов, вследствие новизны обстановки, в которую он попал, а также по причине малого знакомства с характерными особенностями местного населения, не разъяснил рабочим с подобающей авторитетностью неисполнимость и вздорность многих пунктов петиции, а вошел ко мне с особым представлением, прося по пунктам дать ответы для сообщения рабочим, что мною и было сделано в форме предложения по ним г. управляющим имением.

В представляемой при сем копии предложения[1], заключающего ответы на пункты петиции рабочих Карталинского имения, Главному

[1] Это предложение, составленное на основании предложения Главного управления уделов от 10 июня 1905 г. (см. стр. 51) опускается.

управлению уделов нетрудно будет усмотреть, что только вопросы об отпуске топлива и керосина и обязательном обучении детей служащих и рабочих заслуживают внимания; остальные пункты, очевидно, извлечены из общей выработанной партией социал-демократов программы...

А. Гурский.

Из рапорта инспектора кавказских удельных имений в Главное удельное управления, 14 июня 1906 г.

Телеграммами от 5 сего июня управляющие Цинондальским и Напареульским удельными имениями донесли мне о забастовке всех рабочих имений.

Из поступившего затем донесения управляющего Цинондальским имением видно, что начало забастовке положили бондари Цинондальского имения, работающие сдельно, 21-го минувшего мая потребовавшие значительного увеличения сдельных цен на бочки, бесплатного помещения, отопления и освещения, и заставившие под угрозой насилия примкнуть к забастовке и постоянных бондарей...

В виду того, что в текущем году по Цинондальскому району, где ожидается очень хороший урожай, цены на рабочие руки сильно возросли, г. Жоффрио пришлось, насколько то позволяли сметные ассигнования, удовлетворить требования об увеличении платы. Но через два дня требования возобновились и приняли совершенно ни с чем не сообразные размеры. 3 июня все телианские рабочие (считая и всех постоянных) предъявили управляющему имением ряд требований, решительно заявив, что до выполнения всех этих требований они не станут на работу.

Разобрав подробно все их требования и выяснив рабочим, что часть их требований давно уже удовлетворена, другая часть была лично доложена и мне и г. инспектору удельного виноделия, при чем вероятно часть их будет удовлетворена, и показав им всю несообразность остальных требований, управляющий имением убеждал их стать на работу и терпеливо ожидать решения затронутых вопросов, так как все прошлое показывает, что интересы удельных рабочих близки лицам, стоящим во главе Удельного управления, и все, что возможно, делается и будет делаться на пользу и благо рабочих имения. Но все доводы оказались тщетными и рабочие, наэлектризованные агитацией, решили не становиться на работу до удовлетворения всех их требований.

4 июня на деревне происходили сходки, на которые сгонялись почти все рабочие, а с 5-го числа началась всеобщая забастовка, до мужской прислуги включительно. Таким образом, еще с 4 июня имение осталось почти без рабочих и служащим приходится делать самим все работы по уходу за лошадьми и скотиной и др. вплоть до косьбы травы в парке; 5-го числа остались на постах только ночные сторожа, но без права работать. 5 и 6 июня от рабочих являлись депутации с прежними требованиями. Все старания управляющего Цинондальским имением, направленные к тому, чтобы убедить рабочих стать в назначенный срок на работы, под угрозой всеобщего увольнения, не произвели должного действия, почему г. Жоффрио объявил всем рабочим расчет, о чем и донес мне телеграммой от 9 сего июня.

Из донесения управляющего Напареульским имением видно, что и там забастовка рабочих, начавшаяся одновременно с Цинондалами, шла тем же порядком, очевидно управляемая одним и тем же дирижером, почему и в Напареули пришлось также объявить рабочим расчет.

Рассмотрев требования забастовавших рабочих, я познакомил г. Жоффрио с моим по этому поводу взглядом.

Допуская возможность, что забастовка может принять более острый характер и перейти в форму полного бойкота по отношению ко всем

удельным служащим, я обратился с просьбой к г. тифлисскому губернатору о командировании в Цинондальское и Мукузанское имение воинских частей, и распоряжение о командировании было сделано в тот же день. По полученным сегодня сведениям, забастовка распространилась также и на Мукузанское имение...

Управляющий Напареульским имением находит, что судя по теперешнему состоянию виноградников, временная приостановка работ не может принести большого ущерба и он надеется достать в самом непродолжительном времени большую партию совершенно свежих рабочих (не взяв ни одного из прежних), закончить ими подвязку и лечение, убрать сено и ячмень, а затем обойтись без рабочих до самого сбора винограда.

Из донесения управляющего Мукузанским удельным имением видно, что рабочие предъявляли требования аналогичные с цинондальскими. Все работы по виноградарству в имении почти закончены, почему представляется возможным без ущерба выдержать забастовку в течение месяца. Г. Гейне преподаны те же указания, как и управляющему Цинондальским имением.

А. Гурский.

Требования рабочих в удельных имениях Телавского уезда, 3 июня 1906 г.

1. Удовлетворение забастовавших бондарей.
2. Девятичасовой день на виноградниках.
3. По субботам работа до 12 час., а после раздача денег (заработка).
4. Прибавка жалованья: получающим 15 руб.— 20%, 20 руб.— 15% и выше 20 руб.— 10%.
5. Всем постоянным рабочим бесплатное помещение, дрова (с подвозкой) и 10 фунтов керосина.
6. Временно-месячным рабочим 20 руб. жалованья.
7. Поденным — плата летом 1 руб., зимой — 80 коп.; женщинам — летом 60 коп., при сборе винограда — 50 коп.; малолетним 7—10 л.— 25 коп., 10—15 л.— 35 коп.
8. Немедленное увольнение обоих Овчаренко.
9. Вежливое обращение к рабочим со стороны заведывающих и обуздание г. Андроникова, Цулукидзе и др.[1].
10. Увольнение и прием рабочих производится самими рабочими.
11. Для мортирщиков устанавливается очередь на 2 недели с вознаграждением 3 рубля в месяц.
12. Страхование мортирщиков от несчастных случаев.
13. Установить 10-летний срок на право получения пособия и для рабочих на воздухе.
14. Бесплатное обучение для детей рабочих.
15. Работающих ночью во время сбора удовлетворять платой вдвойне.
16. Прекращение беспрерывной днем и ночью работы.
17. Выдача жалованья в дни забастовки.
18. Освобождение ночных сторожей в праздничные и воскресные дни.
19. Все постоянные рабочие имеют право на месячный отпуск с сохранением содержания.
20. Принятие обратно всех уволенных товарищей.

До полного удовлетворения сих требований объявляем всеобщую забастовку.

Рапорт управляющего Мукузанским удельным имением инспектору кавказских удельных имений, 23 июня 1906 г.

9 июня сего года около обеда, как я уже имел честь донести вашему превосходительству рапортом, от 9 июня за № 107, забастовали все рабочие вверенного мне имения. Забастовка эта была вызвана давлением

[1] Овчаренко, Андроников и Цулукидзе — виноградари.

и угрозами со стороны цинондальских рабочих, которые забастовали шестью днями раньше. Наши рабочие в течение этих шести дней не соглашались прекратить работы, несмотря на сильную агитацию каких то посторонних лиц, приезжавших из Телава, но затем, когда их настращали тем, что в них будут бросать бомбы, они оставили работу и предъявили те же самые требования, что и цинондальские рабочие. На все главные требования я ответил категорическим отказом, обещал лишь войти с ходатайством относительно открытия школы в нашем имении по образцу цинондальской.

Немедленно после начала забастовки я телеграфировал сигнахскому уездному начальнику о командировании для охраны имения воинской части. На другой же день к вечеру пришло пол-эскадрона драгун, а еще через день полурота пехоты.

В виду того, что рабочие до 18 июня не вставали на работу, я послал сельским старшинам объявление о том, что все рабочие Мукузанского имения уволены от службы и имеют получить расчет 19 сего июня. За расчетом никто из постоянных рабочих не явился. 20 июня я стал набирать новый комплект рабочих и взял в этот день 14 человек, которые тотчас же встали на работу, а с ними встали с моего разрешения и все пришлые и несколько местных постоянных рабочих. Увидя, что дело приняло для остальных очень печальный оборот, на другой же день, то есть 21 июня, все рабочие явились ко мне в 5 часов утра и стали просить о пощаде, обещая впредь никогда не слушаться агитаторов и постараться добросовестной работой загладить свой проступок. Видя искреннее раскаяние со стороны рабочих, я разрешил им встать на работу, но с условием, что я буду ходатайствовать за них пред вашим превосходительством об обратном приеме их на службу и о прощении им их хотя и вынужденной забастовки, но при непременном условии удержания жалованья за все время ее. Все временно месячные были уволены и обратно я их не принял. Теперь у нас в имении получилось месячных рабочих на 14 человек больше положенного штата. Уволить вновь принятых значило бы обмануть их и тем подорвать свой авторитет, с другой стороны не принять теперь всех старых рабочих значило бы заставить продолжать забастовку, которая хотя для нас и не страшна, но которая все же давала бы повод различным злонамеренным лицам торжествовать и кричать об единодушной забастовке во всех удельных имениях.

Это заставляет меня обратиться с ходатайством к вашему превосходительству об утверждении временно всего штата рабочих, тем более, что новых ассигнований не потребуется, так как им можно будет уплатить из кредита на поденных рабочих, и вся разница выразится только в нескольких пудах керосина и в 10 куб. саж. дров, за то у нас останется экономия в кредите на месячных, которая вполне компенсирует эту новую затрату.

В заключение не могу обойти молчанием о выдающейся работе нижних чинов Башкадыклярского батальона и их начальника поручика Фриде, который целые дни проводит вместе с солдатами на работе в виноградниках. Точно также и все служащие вверенного мне имения оказались на должной высоте; все словом и делом старались всеми силами помочь беде, не отказываясь даже от самых грязных работ.

Э. Гейне.

Из рапорта управляющего Цинондальским удельным имением инспектору кавказских удельных имений, 13 июля 1906 г.[1]

На предписание вашего превосходительства от 5 июля за № 1967. имею честь донести, что мною приняты на службу обратно все рабочие

[1] Настоящий рапорт препровожден 21 июля инспектором кавказских удельных имений в Главное управление уделов.

за исключением одного, уволенного мною за агитацию среди солдат той полуроты, которая стояла на усадьбе. При этом все рабочие приняты на пониженный оклад жалования (на оклад, бывший до последних прибавок) с тем условием, что если они до окончания виноделия будут работать хорошо, не будут замечены ни в чем предосудительном и клонящемся к ущербу для удельного имения, то я войду с ходатайством о выдаче им задержанной части жалования, а равно и о прощении им перерыва в службе, в противном же случае они потеряют и то и другое безвозвратно. Рабочие усиленно просили об уплате им денег за забастовку, но эта просьба их не была, конечно, мною уважена. Бондарная мастерская (за исключением годовых бондарей) — закрыта, и я считал бы возможным не начинать работ в ней до 1 августа, а затем предполагал бы принять обратно некоторых уволенных бондарей, но со строгим отбором.

В настоящее время наступило некоторое затишье, но в виду переживаемых событий, нет ничего невозможного в том, что агитации удастся вновь устроить забастовку на время виноделия, что было бы чрезвычайно серьезно, и на такой случай было бы необходимо иметь возможность без замедления получить рабочие руки из местного резервного батальона, в количестве не менее 150—175 человек, хотя это не окончательно устранило бы все препятствия, т. к. подвозка винограда из Телиани собственными средствами была бы чрезвычайно затруднительна, но не невозможна; в случае забастовки во время виноделия, можно было бы при помощи солдат обойтись без местного населения, а затем и совершенно прекратить все работы на виноградниках до нового года, сосредоточив все внимание на выдержке вин, т. к. молодые вина ни в коем случае не могут оставаться без досмотра.

В. Жоффрио.

Крестьянские волнения в Харьковской губ.

(1861—1862 гг.)

Еще задолго до опубликования манифеста 19 февраля 1861 г. среди крестьянства России ходили различные слухи об освобождении от крепостной зависимости. Отмена крепостного права была произведена правительством, «которое после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков. Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» так повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам» [1].

Ограбленное крестьянство ответило на реформу волной стихийных возмущений.

По неполному черновому подсчету, проведенному чиновниками канцелярии Харьковского губернатора, только за 1861 год, не считая рецидивов, в губернии было охвачено волнениями 51 село.

Группа документов, представленная в этой публикации, говорит о повсеместности крестьянских волнений в губернии — ими охвачены почти все 11 уездов губернии.

В тех местах, где находились заводы (сахарные, винокуренные), выступления крестьян были упорней, длительней, принимали широкие размеры. Так, например, Сумской уезд был на первом месте по количеству крестьян, принимавших участие в движении.

В Богодуховском уезде на водочно-винокуренных заводах Уварова из-за волнений крестьян были приостановлены работы. Крупные выступления крестьян произошли в селе Знаменском Валковского уезда, в деревне Петровеньки и слободе Штормовой, Старобельского уезда, в селах Славгород, Тростянец Ахтырского уезда.

Крестьянство использовало многие и сочетавшиеся между собой методы борьбы: отказ от подписания уставных грамот, невыполнение повинностей, поджог помещичьих имений, порубка лесов, неповиновение сельским, волостным и уездным властям, уход в город с жалобой на действия местных властей и т. д.

В ответ на крестьянские волнения власти пустили в ход «успокаивающие» мероприятия: аресты, предания суду «зачинщиков», длительные постои карательных отрядов, опись и продажа крестьянского имущества.

Бурный протест крестьянства был сломлен военной силой самодержавия. И хотя в архивных документах конца 1863 г. по Харьковской губернии еще встречаются сообщения о пожарах, порубках леса, и эти события являлись (по донесению изюмского уездного исправника) «поводом к распространению панического страха между владельцами, живущими в собственных имениях», но движение идет на убыль.

Публикуемые документы отражают период наибольшего подъема крестьянских волнений в Харьковской губернии.

Френкель.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 108—109.

Рапорт купянского земского исправника харьковскому военному губернатору, 23 марта 1861 г.[1]

Сего числа получил я донесение станового пристава 2 стана, что он, вследствие объявлений, присланных ему помещиком Купянского уезда Николаем Земборгским, о том, что крестьяне его после объявления высочайшего манифеста о новом устройстве быта помещичьих крестьян вовсе отказываются от выполнения барщины, и что взбунтовавшиеся крестьяне посягают на жизнь его, отправился в имение г. Земборгского с сотским и понятыми, где созвал всех крестьян для узнания от них причины неповиновения, и когда они явились, то он, пристав, по указании г. Земборгским главных зачинщиков неповиновения, а именно: Антона Губу, Гордея и Павла Удовиковых, приказал им выйти на сторону для удобнейшего спроса, но они, не выходя, объявили что они не одни виной непослушания, а вся деревня, и что они не хотят слушать его приказов, а отправляются сами все в город Купянск, и забрали каждый в руки колья и пошли. И хотя он, пристав, приказал понятым задержать их, но понятые исполнить этого не могли, потому что крестьяне объявили им, что если осмелятся брать их, то они нанесут им побои.

О чем донося нашему превосходительству, имею честь доложить, что я для прекращения происшедшего беспорядка в имении г. Земборгского теперь же отправляюсь и об успехе буду иметь честь донести вашему превосходительству.

Земский исправник Богуславский.

Рапорт корпуса жандармов генерал-майора Богдановича харьковскому военному губернатору, 14 апреля 1861 г.[2]

Получив сего числа в 9 часов вечера отношение господина изюмского исправника за № 38, которым извещает, что в имениях владельцев Алексея Михайловича и Аполона Дмитриевича Мартыновых, Марии Алексеевны Коростовцевой, Александры Алексеевны Мартыновой и Дмитрия Александровича Ботвиньева временнообязанные крестьяне, получив высочайше утвержденное Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, договорили государственного крестьянина Александра Петрова, сына Морошенка, для прочтения им Положения.

Морошенко выдавал себя за писаря волостной расправы, будто бы прослужившего десять лет и за время службы своей обратил на себя внимание высшего начальства, и даже государь император знает его лично, как отличного писаря. Подобные рассказы увлекли крестьян и возродили к нему, Мирошенко, весьма сильное доверие, тем более, что, внушая им превратные понятия о настоящем их быте, уверял с дерзостью, что все им сказанное так верно, что он «готов помимо всего начальства, дойти прямо до царя, и все будет по ихнему», чем возбудил умы в сильной степени у крестьян означенных имений, которые самовольно бросили работы, управляющих не признают и наносят им грубости. Когда по донесению управляющего г-жи Коростовцевой исправник приказал представить к себе из имения Ботвиньева Морошенка, то крестьяне Коростовцевой задержали его, объявив управляющему при посланном и рассыльном земского суда Панченко, отвечали, что не выдадут чтеца и во что бы то ни стало поставят на своем, хоть бы дело дошло до ножей.

По поводу этого господин исправник предложил земскому суду о командировании временного отделения на место беспорядков, а к окружному начальнику отнесся о присылке понятых до 300 человек. Просил о прибытии предводителя дворянства, а на случай крайней необходи-

[1] ХОГА, ф. № 3, д. № 445.
[2] ХОГА, ф. № 3, д. № 49, л. 3—4.

мости, предупредить полковника Моллера, командира драгунского полка, расположенного в Изюме, по первому востребованию командировать команду для поддержки требований временного отделения.

По важности изложенных обстоятельств и руководствуясь отношением вашего превосходительства от 27 марта за № 96 я вместе с сим отправляюсь на место беспорядков и буду находиться там, пока не будет все успокоено и не приведется в надлежащий порядок.

О чем вашему превосходительству честь имею донести.

Генерал-майор Богданович.

Из рапорта земского исправника Изюмского уезда харьковскому военному губернатору, 21 апреля 1861 г.[1]

...Становый пристав 2 стана рапортом от 19 числа сего месяца, за № 995, доносит мне, что 18 числа сего месяца прибыл он в село Сергеевку помещика Замятина и нашел, что крестьяне все совершенно взволнованы, не слушают никаких экономических распоряжений и делают своеволие, почему он, созвавши их, в присутствии понятых, читал им высочайше утвержденное Положение, объяснил им содержание оного и делал внушение в присутствии приходского священника. Но они все единогласно кричали, что не хотят больше слушать никаких экономических распоряжений и приказчика, и больше одного дня помещику работать не будут, и что они готовы на все решиться, хотя бы стоило жизни, и при нем же, становом, бросились было на приказчика с кулаками и хотели бить его за то, что он приказывал им слушать то, что становой читал, призванных же им понятых выгнали из двора. Видя подобное направление крестьян села Сергеевки и общий их бунт, становый признает необходимым усмирить их не иначе как военною силою, о чем просит со стороны моей распоряжений.

Исправник Сонцов.

Из рапорта старобельского земского исправника харьковскому военному губернатору, 22 апреля 1861 г.[2]

Управляющий имением наследников умершей помещицы Марьи Шидловской, коллежский регистратор Чекрыжев, в объявлении, поданном в Старобельский земский суд, объявил, что крестьяне управляемого им имения деревни Петровеньки, после обнародования всемилостивейшего манифеста о крестьянской реформе обнаружили неповиновение. Перестали по Положению отбывать господские повинности, некоторые совершенно не являются на работы, находятся в неизвестных своевольных отлучках недели по две, а некоторые хотя и являются на работы, но не отрабатывают всех сполна положенных господских дней, и что вообще крестьяне окончательно выходят из повиновения и хотят сделать бунт. А как в том имении и в декабре прошлого 1860 года было — произошли между крестьянами означенной деревни подобные беспорядки, которые в то же время были мерами приведены в должное повиновение, то в настоящее время земский суд, вследствие определения своего состоявшегося по объявлению г. Чекрыжева в 13-й день апреля, для приведения в означенном имении порядка, а также и произведения дознания об ослушностях крестьян, дабы обнаруженный в деревне Петровеньке беспорядок не мог служить вредным примером и для соседственных помещичьих имений, назначил на место в деревню Петровеньку временное отделение, которым благоразумными мерами увещаний и внушений в том имении между крестьянами и водворено послушание и спокойствие.

---

[1] ХОГА, ф. № 3, д. № 149, л. 7—8.
[2] ХОГА, ф. № 3, д. № 151, лл. 1—3.

При исследовании же открылось, что крестьянин деревни Петровеньки, Прокофий Коваленко, он же Слюсарь, превратно истолковал односельцам своим всемилостивейший манифест и Положение о дарованных крестьянам правах, отчего и произошел настоящий между ними случай. Означенный Коваленко был вызван в присутствие временного отделения, где при отобрании от него показания оказал сопротивление и дерзости, и вообще в ответах своих высказал все превратное истолкование Положения, имеющее вредное влияние на односельцев его и соседственные владельческие имения, почему временное отделение для устранения беспорядков, на основании 133—134 стат. 2 част. 15 тома закон. уголов. изд. 1857 года, постановило: крестьянина Прокофия Коваленка, он же Слюсарь, как отвергающего убеждения членов в прямом смысле Положения, подвергнуть аресту и для содержания в тюремном замке препроводить в земский суд. Но он, Прокофий Коваленко, выйдя из присутствия временного отделения на двор, собравшимся там людям, как из деревни Петровеньки, так и из соседственных помещичьих имений, внушал, что временное отделение, заключающееся только из трех членов, не есть суд, могущий судить по их делам, что эти три лица со стороны управляющего их деревнею могли быть и подкуплены, а что их может по их делам разбирать и судить соседственное Трехизбенское общество государственных крестьян; кричал на тех собравшихся крестьян, что они еще не все в сборе, и чтобы они вместе с ними шли из двора.

Видя таковые крестьянина Прокофия Коваленка дерзкие и вредные выражения, временное отделение распорядилось его, Коваленка, арестовать, но когда было приказано полицейским сотским взять его, тогда Коваленко и крестьянин соседнего имения помещика Горцевица деревни Капитановой Емельян Андрющенко обратились к собравшимся людям, чтобы его Коваленка не давать к заарестованию, почему все собравшиеся крестьяне, толпою обступив Коваленка, отнявши из рук сотских, ушли все из двора. Потом крестьяне деревни Петровеньки, собравшись среди той деревни на улице, поставили стол, накрытый скатертью, где имели заседание и какое то совещание и избрали из среды себя человек пять под предводительством упоминаемого крестьянина Прокофия Коваленка, для какой то надобности отрядили в соседственную слободу государственных крестьян — Трехизбенскую.

Земский исправник (подпись).

Рапорт валковского земского исправника харьковскому губернатору, 2 мая 1861 г.[1]

Опекун над имением наследников умершего полковника Дунина в селе Знаменском Александр Шидловский объявлением 29 прошлого апреля уведомил меня, что крестьяне села Знаменского, явившись в тот день к нему, объявили, что они будут работать только по одному дню в неделю, на том основании, что слышали будто положено работать теперь только по одному дню и что, будто бы, в других имениях только по одному дню уже и работают; все увещания его, Шидловского, остались тщетны.

На другой день, т. е. 30 числа того же месяца, я выезжал с уездным стряпчим в село Знаменское для разъяснения крестьянам настоящего смысла Положения относительно их обязанностей, но все усилия мои внушить им должное повиновение и послушание опекуну, а равно и обязанности их относительно исполнения лежащих на них повинностей оказались недействительны. Они остались упорны в своем убеждении, не поверили ни разъяснению моему настоящего смысла Положения, ни

[1] ХОГА, ф. № 3, д. № 148, лл. 11—14.

изъясненным в объявлении вашего превосходительства обязанностям их. Для внушения большей доверчивости объявление, а равно и Положение было сперва отдано мною грамотному человеку их общества для прочтения, но они не слушали его и не хотели верить прочитанному, после этого они были потребованы мною и я сам разъяснял им как Положение, так и присланное вашим превосходительством объявление, причем объяснил и цель присланного объявления, но они остались при своем убеждении, что они должны теперь работать только один день, причем объявили о прежних своих безосновательных претензиях и требованиях, что воспрещается и самим Положением.

При разъяснении им смысла Положения и увещании их мною замечено, что не все общество находится в таком упорном непослушании, а есть между ними несколько человек, которые возбуждают и в прочих дух неповиновения, но эти благомыслящие, из опасения быть наказанными от прочих, не высказывали явно ни ослушания, ни повиновения, а были в кругу их, собственно, для того, чтобы увеличить их общество и тем самым дать понятие, что все общество их одного образа мыслей. Между прочим, своеволие их проявилось еще и в том, что они потребовали, чтобы крестьяне, бывшие на винокуренном заводе, оставили работы и не работали бы более одного дня, а некоторые потребовали, чтобы им отданы были другие избы на том основании, что в них прежде помещались отцы их, чему прошло уже около 20 лет. И несмотря на то, что опекун воспрещал им это, но они оказывали ослушание, а работа на винокуренном заводе вовсе приостановилась.

Причиною такого непослушания и своеволия, как оказывается из всего замеченного мною, была поездка на ярмарку некоторых крестьян из села Знаменского в сел. Снежков Кут, где некоторые из крестьян, несмотря на единогласно изъявленное ими послушание, и до сего времени не отбывают повинностей в том размере, в каком обязаны отбывать и, кроме того, рассказывают другим крестьянам, что их не подвергли наказанию потому, что это запрещено. Хотя управляющий имением помещика Базилевского не доводил до сведения земского суда официально о продолжающихся некоторых беспорядках по имению, но это единственно потому, что вскоре наступили праздники и чтобы дать время крестьянам самим прийти к убеждению о их обязанностях, а также, чтобы жалобами не раздражать их, но беспорядки со стороны самых главных зачинщиков и до сего времени продолжаются, о чем он, управляющий, мне лично объявил. Но, имея в виду праздник, я не принимал до сего времени никаких мер к водворению окончательного порядка и ограничился покамест посылкою объявлений об их обязанностях, после чего я не имел еще сведения о последствиях этого.

Беспорядки же, происшедшие в селе Знаменском, ясно показывают, что они проистекают из одного места — сел. Снежкова Кута, на что указывали и сами крестьяне сел. Знаменского, будто бы там работают один день, что передано было им некоторыми неблагомыслящими крестьянами сел. Снежкова Кута, которые и тогда, при выезде временного отделения, были особенно замечены, а потому для прекращения беспорядков, могущих разойтись и по сему уезду, я нахожу необходимым прекращение их на первых порах более энергическими мерами, т. е. наказать ослушников как села Снежкова Кута, так и села Знаменского, тем более, что кроткие и мягкие меры ведут лишь к большим беспорядкам, что доказывается самим положением дела в имении Базилевского. Для употребления же более строгих мер необходима военная команда, которая для таких имений как село Знаменское, в котором до 700 ревизских душ, должна быть в большем составе, нежели находящиеся в г. Валках инвалидная команда и артиллерийская батарея в половинном составе, из которых может быть отправлено всего только

150 человек нижних чинов. А потому, представляя об этом на усмотрение вашего превосходительства, имею честь покорнейше просить сделать распоряжение, дабы в село Знаменское была назначена еще часть какого-либо войска, хотя в эскадронном составе; а как в слоб. Мерефе, Харьковского уезда, находящейся в 20 верстном расстоянии от села Знаменского, расположены войска, то не благоугодно ли будет вам для ускорения времени назначить оттуда, и если будет сделано вашим превосходительством распоряжение о командировании войска, то не оставить дать знать мне об этом заранее, дабы одновременно были сделаны и другие нужные для этого распоряжения.

К употреблению военной команды в большем составе побуждает еще и то обстоятельство, что имение тех же наследников сел. Комышеватое находится в 20-верстном расстоянии от села Знаменского и там, как опекун объявил мне, крестьяне тоже имели намерение объявить, что они больше одного дня не будут работать, что, вероятно, вскоре и последует; да и самое село Снежков Кут состоит из двух имений и равных частей помещика Базилевского и помещицы Кирьяковой. Поэтому, чтобы водворить порядок в означенных имениях, необходимо потребовать хотя по некоторой части крестьян из села Комышеватого, Мануйлова Байрака — помещика Базилевского и Снежкова Кута — помещицы Кирьяковой, дабы и они убедились, что толкование ими по-своему Положения есть ложное, и что постановленной над ними власти они должны повиноваться, в противном случае выезд станового пристава или временного отделения будет без всякой пользы и успеха и беспорядки увеличатся.

Земский исправник Костырь.

Рапорт харьковского военного губернатора военному министру, 7 мая 1861 г.[1]

В селе Знаменском Валковского уезда, владения наследников помещика Дунина, временнообязанные крестьяне, будучи, вероятно, кем то научены, не прочитав даже высочайше утвержденного 19 февраля сего года Положения, отказались было от исполнения установленных барщинных работ и, несмотря на внушения и убеждения временного отделения земского суда и предводителя дворянства, упорно отозвались, что по известной им воле его императорского величества они более одного дня в неделю работать не будут.

Для вразумления заблуждающихся, а в случае неуспеха, приведения их в должное повиновение я поручил отправиться в село Знаменское корпуса жандармов генерал-майору Богдановичу, на которого во всех отношениях я мог положиться, и вслед за тем командировал дивизион Белгородского уланского полка, после чего выехал туда же и флигель-адъютант граф Шувалов.

По полученным доселе мною сведениям, все увещания остались тщетны. Упорство крестьян и наконец, буйство и полное неуважение власти вынудили взять силою из толпы более замеченных в дерзости и наказать их. Это энергичное действие заставило остальных образумиться и на коленях просить прощения.

Во всей окрестности было самое дурное настроение, и все соседние имения, как видно, ожидали, чем кончится сопротивление, резче других высказанное в селе Знаменском. Я поручил генералу Богдановичу пробыть и оставить дивизион на месте еще несколько дней, чтобы более убедиться в прочности водворения порядка и дознания, по возможности, причин происшедшего в народе волнения. Мне кажется, по выказанным упорству и некоторым мыслям, несвойственным простому народу, что здесь должно скрываться какое-нибудь злоумышление,

[1] ХОГА, ф. № 3, д. № 148, л. 21—22.

истекающее от кого-нибудь более развитого, чем бывают обыкновенно грубые распространители между крестьянами всегда нелепых и глупых толков. Все меры будут приняты к обнаружению истинных причин этого явления.

Генерал-майор Ахматов.

Из рапорта сумского земского исправника харьковскому военному губернатору, 24 мая 1861 г.[1]

В продолжение всего хода крестьянского дела между крестьянами вкоренилось непоколебимое убеждение, что земля, коею они пользуются, будет отдана им безвозмездно; во 2-х, что они получают в то же время полную свободу и независимость от владельцев; и в 3-х, по той самой естественной причине, что за таковым своим убеждением, слыша теперь совершенно противоречащее оному положению и не имея возможности, по безграмотству своему, лично убедиться в действительности слышимого, они не верят ни владельцам, ни чиновникам, ни даже самому Положению. Подозревают скрытие от них настоящего, сообразного с их желаниями Положения и ожидают такового непременно под определенным ими названием третьей воли, считая таковую от манифеста им объявленного, который они называют первой, затем раздачу Положений, что они называют второй волей. Ожидание это распространено между крестьянами не только в Сумском, но, сколько мне известно, и в других уездах, и вот что именно, положительно можно сказать, послужило основанием к появлению в Лебединском уезде прокламации, сообразной с духом и соответствующей ожиданию крестьян, которая и нашла в них сочувствие.

Кроме этого в имениях, находящихся вблизи границы Курской губернии, усиливается в большем против других размере ослушание и уклонение крестьян от установленных Положением обязанностей, потому что в настоящее время в той губернии повсеместно существуют значительные беспорядки, которые по недостатку ли средств, или почему другому, но не прекращаются быстрыми и решительными мерами, на чем производящие таковые, основывая законность своих проступков, увлекают своим примером и других соседей, с коими по ближайшему расстоянию имеют частные сообщения; таким примером в настоящее время служат для крестьян Сумского уезда имения князя Барятинского и графа Рибопьера.

Независимо от объясненных мною причин беспорядков между крестьянами Сумского уезда, самый дух их чрезвычайно дурной, так что они совершенно не уважают власти, прав и собственности владельцев и даже мало боятся земской полиции, от чего происходит то, что вообще владельцы не только не изъявляют притязаний на точное исполнение крестьянами их обязанностей пред ними, по Положению установленных, но даже делают им значительные снисхождения, уступки, пособия и льготы, собственно для смягчения неудовольствия и враждебных чувств крестьян, заметно все более проявляющихся против них. Однако же таковые добрые побуждения владельцев не приносят никакой пользы, и крестьяне принимают делаемое им как должное со стороны владельцев. При таком общем возбуждении крестьян хотя в нужных случаях и употребляются меры строгости со стороны земской полиции, но весьма осторожно, отделяя в больших имениях виновных и высылая их в суд для взыскания, дабы не встретить при том в самых имениях непременного сопротивления и даже противодействия силой полиции, которая в таком случае неминуемо должна показать всю свою слабость, еще крестьянам неизвестную.

[1] ХОГА, ф. № 3, д. № 152, лл. 2—4.

Принимая все это в соображение, можно безошибочно заключить, что если и протянется время до полевых работ без особенных беспорядков и особенных потерь во времени для владельцев, то с начатием таковых работ непременно и повсеместно произойдут большие беспорядки, и владельцы понесут большое расстройство и потери от несвоевременной, а может быть, и совершенной неуборки хлеба, при чем земская полиция не в состоянии будет что-либо сделать сама с местными ее средствами.

Не признаете ли, ваше превосходительство, возможным отнестись к начальнику Курской губернии о скорейшем прекращении беспорядков в указанных мною пограничных имениях для прекращения заразы, распространяющейся от них в Сумском уезде.

Исправник Алферов.

Прошение помещика Старобельского уезда Сонцова харьковскому губернатору, 27 июля 1861 г.[1]

Старобельского уезда во 2 стане имею я свое имение, называемое Белый Колодезь, в коем находится на жительстве временных крестьян 199 душ. Ныне получил я от управляющего оным имением донесение, что вышеозначенные крестьяне, со дня объявления манифеста о предоставлении крестьянам свободы, начали делать непослушание, сначала в малом виде, и именно: уменьшили посев хлеба против прошлых лет, несмотря, что число тягол увеличилось более прежних; прежде десятину пахали в день 2 сохи, а теперь самовольно учредили по 3 сохи пахать и то очень дурная пахота; самоуправно собирались по 30 человек и более, ходили в становую квартиру за 40 верст с разными неосновательными требованиями, оставив работу, и те дни, кои проходили, засчитали за барские дни, отчего трава осталась невыкошенною, и хлеб также поспел, и везде уже соседние крестьяне убирают оный, а мои не хотят собирать моего хлеба. О каковом непослушании, по донесению старосты, становой пристав приезжал усмирять их, то они и его не послушались, и наделали грубости и, наконец, к большому ущербу моего имения, находившуюся в клуне пшеницу, уже вымолоченную, самовольно разобрали. Все таковые беспорядки и самоуправление крестьян могут лишить меня годового доходу и разорить мое имение. А как настало уже рабочее время и недолго уже продлится, то если в скором времени не понудить крестьян к уборке моего хлеба, в таком случае хлеб должен на поле остаться неубранным и ни на что неспособным, ибо может повалиться, высыпаться и погнить. Находясь в столь затруднительном положении, покорнейше прошу ваше превосходительство предписать коему следует восстановить порядок в вышеупомянутом моем имении, привести крестьян в должное повиновение местным властям и мне.

Отношение председателя Змиевского уездного мирового съезда харьковскому военному губернатору, 14 ноября 1861 г.[2]

Мировой съезд, рассуждая о действиях мирового посредника полковника Гурского по введению уставной грамоты на издельную повинность в Петровском сельском обществе Бурлуцкой волости, имении помещика Тимофея Федорова Тимченко-Ярещенко, находит:

1) когда грамота г. Тимченко-Ярещенком была написана, люди решительно отказались ее принять, 2) когда г. мировой посредник им предлагал послать двух или трех депутатов в Харьков к вашему превосходительству, чтобы от вас услышать необходимость повиноваться

[1] ХОГА, ф. № 3, д. № 151, л. 54.
[2] ХОГА, ф. № 3, д. № 201.

и принять грамоту, они весьма грубо ему отвечали, что людей не дадут и 3) вовсе отказались ходить на издельную повинность (барщину), в чем представляется подлинное объявление управляющего г. Захарашевич-Капустянского.

К полному сожалению мировой съезд приходит к заключению, что дальнейшие кроткие меры будут только вредны, а потому имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство принять законные меры для приведения сельского общества к должному повиновению и принятию законоположений, указанных в высочайше утвержденных правилах 19 февраля 1861 года.

Председатель съезда Кудашев.

Из отношения предводителя дворянства Ахтырского уезда харьковскому губернатору, 16 ноября 1861 г.[1]

Согласно отношения посредника и личного распоряжения вашего превосходительства, я пригласил с собою в село Мезиновку г.г. посредника, земского исправника и пристава 2 стана и 12-го числа прибыл с ними на место.

По общему совещанию предположено было, что мировой посредник, объявив о прибытии всех лиц, еще попытался сам от себя употребить все меры вразумления и убеждения вкоренившихся понятий о том, что на составление уставных грамот нет высочайшей воли, что крестьяне, получив назначенный Положением надел земли и усадьбы по новому, ожидаемому через два года манифесту, не обязаны к вознаграждению владельцев какою бы то ни было повинностью или оброком.

Когда продолжительные увещания и объяснения г. Пассека вновь оказались безуспешными, тогда я вышел к обществу и объявил высочайшую волю на составление грамот и строгую ответственность крестьян за усваиваемые ими ожидания нового манифеста, по которому безвозмездно прекращаются обязательные отношения, и употребил все доводы и несколько раз обращался к чтению Положения через волостного писаря, но и мои внушения, несмотря на содействие в том посредника и исправника, встретили со стороны крестьян те же самые выражения, о которых известил меня мировой посредник в своем отношении.

Я терпеливо выслушивал их, подвергал каждое разбору и объяснению, беспрестанно напоминал об ответственности их и том неудовольствии, с коим государь император может узнать непризнательность крестьян за высочайше дарованные милости; опять обратился к ним с внушениями о необходимости составить уставную грамоту, объявив, что, составляя ее, они могут согласиться и не согласиться по основательным причинам на предложение владельца, и их мнение будет принято в соображение и поверено начальством по положению.

Но крестьяне прямо высказали, что они выражают свое несогласие не на предметы, входящие в состав грамоты, а отвергают право владельцев на какое бы ни было вознаграждение по истечении двух лет, и что как дарована была даром свобода, так даром будет дарована им земля. Тогда я сделал распоряжение, чтобы земский исправник арестовал тех, кои с большим упорством, настойчивостью и грубостью делали мне противуказанные возражения и тех, кои в том подстрекали крестьян не принимать никакого соглашения.

Арестование этих крестьян хотя не встретило явного сопротивления, но во всей толпе раздался ропот против этого распоряжения и взаимные совещания о том, чтобы не выдавать.

После того, из арестованных изъявили истинное раскаяние крестьяне: Тимофей Андреев и Макар Мартыненко, и вместе с другими уличили экономического и сельского старосту в подстрекательстве не

[1] ХОГА, ф. № 3, д. № 102.

принимать никакого соглашения и предложения мирового посредника; оба старосты тоже были арестованы.

Это побудило меня объявить обществу, что за явное неуважение высочайшей воли и неповиновение, упорно оказанное высочайше утвержденным властям, без всякого сомнения, по распоряжению вашего превосходительства, приведена будет военная команда, которая подвергнет виновных строгому наказанию и займет в селении на крестьянский счет постой, но и это на них нисколько не подействовало; оставаясь при своих убеждениях, они сказали, что никого не послушают и ничего не побоятся.

По очевидной бесполезности дальнейших объяснений мировой посредник предложил обществу разойтись, но оно осталось неподвижно и требовало возвращения арестантов. Энергическое повторение посредником и исправником того же приказания разделило общество на две толпы, которые, отойдя на недальнее расстояние, крикливо и шумно совещались об освобождении арестантов. Но видя, что все присутствующие власти на эти крики не обратили внимания, и с своей стороны остались неподвижными на местах, крестьяне начали с криками и маханием рук расходиться на две стороны; после сего арестованные под досмотром были отправлены и когда миновали село, то из-за бурт выскочили до сорока крестьян с намерением освободить арестованных, но не исполнили этого, встретив противодействие в становом приставе, догнавшем в это время отводимых.

Долгом считаю иметь честь сообщить вашему превосходительству все подробности этого события, чтобы по характеру его вы смогли иметь основание составить полное понятие о том пагубном влиянии, какое имеет и еще более будет иметь на направление временнообязанных крестьян вообще, на вкоренение между ними гибельных убеждений в безмездном даровании им чужой собственности, на ободрение их о распространении вредных слухов и толкований, и на совершенную невозможность приступить к каким бы то ни было добровольным соглашениям и составлению уставных грамот.

Кроме того, до сведения моего дошло, что по тем же самым преступным и вкореняющимся убеждениям временнообязанные крестьяне 4 участка в селе Видневке и Поповке, ссылаясь на Мезиновку, отвергли все предложения посредника о соглашении.

Внимательно наблюдая эти события на месте и проверяя потом направление временнообязанных крестьян вообще, я признаю необходимым вызвать военную команду в село Мезиновку, подвергнуть по дознанию строгому взысканию зачинщиков и подстрекателей, а остальное население постою.

Я надеюсь и совершенно уверен, что как влиятелен был на соседние селения пример Мезиновского общества в усвоении преступных заблуждений и толкований, так влиятельно будет и взыскание, которому оно неизбежно должно подвергнуться.

Мнение свое я имею честь представить на благоусмотрение вашего превосходительства, присовокупляя, что с. Мезиновка заключает до 400 ревизских душ и отстоит от г. Ахтырки в 60 верстах.

Предводитель дворянства князь Голицын.

Из отношения мирового посредника Ахтырского уезда земскому исправнику, 13 января 1862 г.[1]

На сходе[2] крестьяне Данило Пащенко, Семен Ткаченко, Александр Карабут, Тихон Обуховский и Иван Ильченко закричали, чтоб общество ни на что не соглашалось, что надо ждать влучного часа и ново-

[1] ХОГА, ф. № 3, д. № 74, л. 2—4.

[2] Упоминаемые события произошли в с. Славгороде, принадлежавшем кн. Голицыну.

го царского манифеста, чтоб оно никому рук не давало и от грамоты вовсе отказалось.

К этим крестьянам я обратился с убеждениями и увещаниями, наконец, с объяснением ответственности, какой подвергают они себя своим поступком и наглым подстреканием общества к несогласию.

Убеждения мои нимало не подействовали, а только усилили дерзость в тоне разговора и самые крики тех крестьян, которые как-будто о защите обратились к близ стоявшим, а те закричали, что если их будет брать начальство, то не выдадут; от этого произошло общее волнение и беспорядок, которые, впрочем, без затруднения, немедленно были мною прекращены.

Чтоб разрешить совершенно определительно последствия этих преступных внушений, я предложил из общества оставаться тем, кто согласен на составление грамоты, и расходиться по домам не желающим принимать в ней участия.

Означенные пять крестьян и тут повторили приглашение свое обществу следовать за ними, что большая часть и исполнила, а остальных, изъявивших полное согласие, но не составлявших большинства, я тоже отпустил домой.

Мировой посредник Пассек.

Из отношения мирового посредника Ахтырского уезда земскому исправнику, 15 января 1862 года № 25 [1]

Славгородский волостной старшина, по распущении мною прошлого 13-го числа общества, заметил буйные крики и подстрекательства упомянутых в отношении моем за № 24 крестьян, и, опасаясь волнения, какое они могли сделать в обществе, трех из них: Семена Ткаченка, Александра Карабута и Тихона Обуховского арестовал, а арест двух отложил до утра, потому что они скрылись и по наступившей темноте поиски за ними были бы напрасны.

Вчера утром, чуть свет, начали собираться крестьяне большими толпами на площади между волостью и господской усадьбой, а когда старшина объявил эти сборища противузаконными и спрашивал о цели и поводе их, то крестьяне буйно и дерзко отвечали ему, что они сделали его начальником, стало быть не они его, а он их должен слушать и делать то, что они хотят; осыпали его грубостями и неприличной бранью и потом потребовали, чтоб арестанты были освобождены, но, получив решительный отказ в этом требовании, силою ворвались в волостное правление, вытолкали старшину и арестантов освободили.

После того, самовольно образовав из себя сельский сход, временно-обязанные крестьяне предались громким и буйным крикам о том, что им далее делать. Благоразумнейшие из них, образовав отдельную толпу, человек в 80, предложили идти всем обществом и просить у меня и владельца прощения, и когда к ним многие начали приставать, то те же пятеро виновных угрозами насилия и драки заставили их отменить свое намерение. Но и после того некоторые из крестьян, а в особенности Василий Майстренко [2] настойчиво объяснял всю преступность и противузаконность их действий и намерений, убеждал их раскаяться, за что большинство подвергало их вновь брани и угрозам, а крестьянина Майстренка три раза вытаскивали из толпы и запрещали ему говорить под угрозой опасности жизни.

Ныне старшина донес мне, что крестьяне совещаются тайком и друг друга подговаривают убить его, старшину, если он будет не за них.

Мировой посредник Пассек.

---

[1] ХОГА, ф. № 3, д. № 74, л. 2—4.

[2] При усмирении этих крестьян дивизионом Стародубского драгунского принца Петра Ольденбургского полка оказали «особенное усердие и самоотвержение: волостной старшина Супрун, писарь Заславский и выборный Майстренко, которые за это удостоены монаршей награды...» Е. А. Мороховец, Крестьянское движение 1827—1869 годов, вып. II, 1931 г., стр. 37.

Отношение мирового посредника Ахтырского уезда харьковскому военному губернатору, 21 января 1862 г.[1]

По представлении мною вашему превосходительству сведений от 15 января за № 26, хотя ничего особенно важного и видимого в с. Славгороде не происходило, но спокойствие селения вообще ненадежное и принятие мною или земскою полицию к водворению прочного порядка соответствующих мер несомненно поведет к общему волнению и беспорядкам, размер и степень которых трудно предвидеть и определить.

Г. земский исправник, удостоверившись из разговора с сельскими должностными лицами и выборными, что население силой будет противодействовать всякому вмешательству полиции или посредника, что оно самовольно желает сменять свое начальство, да и вообще считает себя в праве признавать законным только то, что делается от имени и по решению целого общества (громады),— объявил, что по закону такое настроение и принятые решения считаются возмущением, что оно прекращается военной силой и приказал готовить помещения для воинских чинов и лошадей.

По отъезде исправника, крестьяне собирались, хотя не столь явно, как прежде, в отдельные толпы, единогласно решили и приказали рабочим, чтобы они отнюдь от работ не уклонялись и работали с усердием впредь до того, чем все это кончится, ибо лишь бы работы, по их мнению, шли хорошо, за все другое никто с них взыскать не смеет, но о том, как самим поступать далее, мнение подразделилось: одни — наименьшее количество — советовали раскаяться, другие — в случае прибытия войска собирались встретить его дрекольем, но зная вооружение военной команды, предлагали насадить на дреколье топоры, вообще же намерение открытого и вооруженного сопротивления встретило одобрение, повидимому, в ограниченном меньшинстве, а большинство предложило более хитрую меру — встретить военную силу с хлебом и солью и тем снискать ее расположение.

Все эти сведения передаются мне урывочно, неопределенно, и чрезвычайно трудно обобщить их или вывести из них какое-нибудь ясное понятие, тем более, что само население находится в состоянии неизвестности и ожиданий, и это состояние естественно отражается в его совещаниях и нерешимости принять что-нибудь определительное; кроме того, после несбывшихся ожиданий войска в Мезиновке, и Славгородцы мало верят в его прибытие и полагают, что войско никто вызвать не смеет и что его вовсе нет[2].

Соображая все это, я по прежнему считаю свое непрерывное присутствие необходимым и полагаю, что отъезд до прихода военной команды немедленно подал бы крестьянам повод и случай возвратиться к явным беспорядкам; а чтоб ограничить ночные сборища, составляемые зачинщиками, я пригласил станового пристава, который с вечера объезжает Славгород по всем улицам и наблюдает, чтоб нигде не было огня позже обычной поры и все оставались дома, не выходя на улицы.

Мировой посредник Пассек.

Из донесения предводителя дворянства Старобельского уезда харьковскому губернатору, 23 апреля 1862 г.[3]

21 настоящего апреля месяца письменно я был извещен господином мировым посредником 1 участка майором Голодолинским, что при по-

[1] ХОГА, ф. харьковского губернатора, д. № 75, л. 29.

[2] Беспорядки были прекращены «при содействии дивизиона Стародубского драгунского принца Петра Ольденбургского полка, заключением под стражу 8 зачинщиков и возмутителей для предания их суду и наказанием наиболее виновных в буйстве».— Е. А. Мороховец, Крестьянское движение 1827—1869 годов, вып. II, 1931 г., стр. 37.

[3] ХОГА, ф. № 3, д. № 151, л. 69—71.

верке и введении в действие уставной грамоты в имении помещика Дурасова — слободе Штормовой он встретил следующие неожиданные к тому препятствия: крестьяне первоначально отказались избрать из среды себя уполномоченных для присутствия при поверке грамоты, и г. Голодолинский принужден был ограничиться вызовом нескольких крестьян через волостного старшину, в присутствии которых, как равно и сторонних добросовестных, грамота на полном сходе была прочитана с подробным объяснением смысла каждой статьи и с истолкованием значения сего акта, установленного законом.

По выслушании уставной грамоты, первоначально крестьяне заметили, что в состав отрезанного им полевого надела местами вошла неудобная земля; по расследовании мировым посредником сего обстоятельства претензия крестьян оказалась неосновательной и акт поверки уставной грамоты подписан им, уполномоченным от помещика Дурасова, и посторонними добросовестными, но назначенные по распоряжению волостного старшины крестьяне, присутствовавшие при поверке подписать не согласились. Затем при передаче уставной грамоты крестьянам они не приняли ее и отозвались, что ни уставной грамоты им не нужно, ни выполнять по ней повинностей они не намерены, а что будут продолжать по прежнему работы трехдневные до окончания двухлетнего срока со дня издания Положения о крестьянах 19 февраля, т. е. до 19 февраля 1863 г., как сказано это в первом манифесте; при этом г. мировой посредник присовокупляет, что никакие с его стороны разъяснения и увещания не убедили крестьян исполнить своего долга, налагаемого на них законом.

Желая лично удостовериться о причинах, побуждающих крестьян к своеволию, и вместе с тем желая содействовать со своей стороны к вразумлению их в неотвратимости того исхода крестьянского дела, который они отвергают, я отправился в слободу Штормовую 22 числа апреля и нашел крестьян, собравшихся близ волостной расправы по окончанию уже обедни и отслуженного ими общего молебна с целованием креста. Прибыв на место сходки, я обратился к сельскому обществу (составленному из крестьян слободы Штормовой и хуторов Колпакова и Петровенкова) с вопросом, справедливы ли дошедшие до меня слухи, что они не хотят принять уставной грамоты и исполнять указанные в ней обязанности их? Громкое единогласное подтверждение этого было ответом, с особенным самостоятельным повторением, что никакой грамоты для них не нужно, исполнять по ней ничего не будут, а будут исполнять по прежнему порядку трехдневной работы. При разъяснении мною им правил, высочайше утвержденных, о приведении в действие Положения ст. 4, что прежний порядок мог быть терпим только до введения в действие уставной грамоты, и 187 ст. местного Положения, что увеличение числа рабочих дней решительно воспрещено и что исполнение в точности закона как их, так и каждого из нас обязывает долг присяги. Но все мои внушения и увещания не достигли желаемой цели, напротив, они с большею настойчивостью единогласно повторили, что никакой грамоты им не нужно и исполнять ее не будут, а будут по прежнему отбывать трехдневные работы, как сказано в первом манифесте, до истечения двухлетнего срока, по истечении которого они ожидают нового манифеста с новыми льготами и правами их на владельческие земли безвозмездно, каковых преимуществ лишаются те, которые добровольно примут к исполнению уставную грамоту [1].

Предводитель дворянства (подпись).

---

[1] Волнение в сл. Штормовой 30 мая 1862 г. было прекращено тремя ротами 2-го батальона Одесского пехотного полка под командой подполковника Лисовского (ХОГА, ф. № 3, д. № 183).

Из отношения предводителя дворянства Богодуховского уезда харьковскому гражданскому губернатору, 14 мая 1862 г.[1]

3 сего мая получил я прошение помещика — надворного советника Нахимова, в коем он изложил о зловредном настроении умов временнообязанных крестьян села Новой Рябины, владения его и наследников Еремеевых, препятствующих, в ожидании ими влучного часу и царского выкупа, к достижению соглашения на составление уставных грамот...

По прибытии людей первоначально мировой посредник объяснил им как сущность постановлений по составлению уставной грамоты, так и выкупную систему; когда и при этом в присутствии его Быков и Савенко объявили, что они ни на что не согласны и будут ждать влучного часу, тогда мировой посредник пригласил меня. При разговоре моем с людьми, когда некоторые с любознательностью стали меня расспрашивать, то крестьянин Нахимовского общества Наум Мацака, перебив меня, с дерзостью сказал: «да ни на какую грамоту не согласны и ничего не хочем, а будем робить до влучного часу», при чем Быков с усмешкою добавил: «ни на что не согласны, хотя пан и дарит пятую часть выкупа». Имея навык понимать крестьян, я обратясь спросил: «вероятно у этого первого человека ничего нет?» — «нема ничего», отвечали мне...

Видя, что здесь уже не заблуждение, но возмутительный уговор не только ни на что не соглашаться, но даже не повиноваться мировому посреднику, не давая ему никаких ответов, что повторялось и при личном моем увещании, я поспешил обратиться к находящемуся в уезде г-ну генерал-майору Богдановичу и просить его прибытия в село Новую Рябину, дабы оказать личное свое содействие к вразумлению обеих обществ в их дурных поступках, вредных для них самих, выражающих явное возмущение и неповиновение, и тем отклонить вредный пример для соседних имений и самого уезда. Ибо если доселе где и выражалось неповиновение и буйство, то, по крайней мере, видно было в чем дело, но здесь молчанием затаенный замысел неизвестно какой может принять размер в своих действиях.

10 мая его превосходительство прибыл в Рябину. Суровый и даже злобный вид, с коим в обоих обществах встретили его люди, показал вполне, как глубоко закоренились в них ложные убеждения, что в составлении уставных грамот кроется для них обман, что обязательства, кои они на себя примут по оным, их снова закрепостят, но что, устояв до двух лет определенного для них термина работы помещикам, они получают полную свободу и землю даром в царском выкупе и как по сим убеждениям они решились быть стойкими, ничего не слушать и никому не повиноваться.

Прежде всего вызван был крестьянин Иван Малежик и, по нелепым ответам его, он тотчас же был отведен и поставлен в стороне.

Долго продолжались увещания и убеждения его превосходительства, деланные крестьянам; кроме меня и мирового посредника, присутствовал здесь и приходский священник. Наконец, уже призывом во свидетели бога и св. угод. Николая чудотворца, во имя коего у них в селении храм, что все, что им ни говорится есть истина, и что толкования им людей зловредных — ложь, мало-по-малу приводили людей к сознанию их неверия и потом все, после краткого наставления, сделанного священником, объяснили, что они генералу верят, и целовали крест. После сего, когда на вопрос и Малежик объявил, что также всему верит, он был присоединен к обществу. Генерал посоветовал людям тут же приступить к делу и в добрый час выбрать из среды себя уполномоченных, причем объяснено им и самое значение уполномоченных...

[1] ХОГА, ф. № 3, д. № 155, лл. 22—26.

Прошло четыре часа, и мы к величайшему удивлению получили сведение, что выбор уполномоченных не сделан, что люди обоих обществ снова отказываются и находятся в чрезвычайном волнении. И действительно, прибыв в Нахимовское общество и потом Еремеевское, мы увидели людей далеко в худшем настроении умов, чем при первой встрече. Вместо выбора уполномоченных, с возвращением в Нахимовское общество Малежика и подобных ему недоброжелателей, именно: Лариона Акимова, выразившегося прежде, как объявил старшина, что не нужно поддаваться, чтобы ни случилось, а ждать влучного часу и молчать; Луки Прощенко и Логина Перепелицы, кои при всех бывших сходках выказывали дух вольнодумства и делали возражения на самые ясные и полезные для них вразумления,— люди пришли снова к неверию, волнению и отказу от всего. Два же крестьянина Нил Клец и Василий Бондаренко, как объясняет волостной старшина, были главные виновники в расстройстве обществ, кои вслух бранили многих крестьян, что поверили генералу и целовали крест, и от чего они сами в толпе уклонились. Еремеевское общество выразило то же самое, которое во всем руководствуется первым и где, как я заметил, и сам староста, по моему заключению, весьма неблагонамеренный.

При таковых руководителях и других еще скрытных напрасно были употреблены все усилия к вразумлению обществ, что таковыми своими поступками они выражают явное возмущение,— все осталось тщетным; люди после долгого молчания начали объявлять, что они ничего не хотят, на грамоту не согласны, будут работать, как работали, до влучного часу и ожидать царского выкупа, а там — что бог даст.

(Подпись).

Рапорт Богодуховского земского исправника харьковскому гражданскому губернатору, 22 мая 1862 г.[1]

Вашему сиятельству честь имею донести, что дивизион Стародубского драгунского полка прибыл в с. Новую Рябину часу в первом ночи и расположен мною во всем селе с соблюдением всех предосторожностей. Исполняя распоряжение вашего сиятельства, я приказал собрать находившихся на лицо людей для вразумления, не тревожа войск. Между тем по предпринятым мною розыскам доношу, что ушедшие крестьяне запрятались в степи, в кустарниках терну, отправив немедленно верховых в те кустарники верст за девять с объявлением от меня крестьянам, чтобы они явились, что я до последней крайности буду их вразумлять, между тем требовал, чтобы они мне объявили, чего они желают и чего волнуются, что я разберу их желания и объясню им, исполнимы ли они по закону или нет. Часа через три крестьяне явились и собрались в волостном правлении, только не более десяти душ изо всех скрылись, но в числе их к несчастью и Иван Малежик. Прибыв с мировым посредником к обществу, я три часа уговаривал его, объяснял снова Положение, на что был тот же отпор криками изо всей массы: «Ничего не хотим, берите, хотя рубите нас,— а мы ничего не признаем, а будем ждать влучного часа». Когда я, доведенный не встречаемым до сих пор упорством,— спросил их: «дайте же мне средства доказать вам, что я говорю правду, и ту что в Положении, скажите, наконец, кого же вы желаете видеть, чтобы уверил вас, что мы объясняем вам ту правду, что в Положении, и что влучного часу никакого не будет?» то крестьяне ответили криками: «Поверим одному богу и царю», а вслед за сим снова неистово закричали: «Ничего и ничего не хотим — хотя из пушек палите». Опасаясь повторения сцены 20 мая, тем более, что солдаты были утомлены, я прекратил действия и приказал читать им Положение.

Между тем, ожидая ваше сиятельство, имея в виду усталость солдат и опасаясь по позднему уже сбору крестьян приступить к допро-

[1] ХОГА, ф. № 3, д. № 155, л. 33.

сам, а также и взять под караул главных зачинщиков,— я распрашивал о Иване Малежике и получил ответ: «Что же, его теперь и под землей не найдут». Завтрашнего же числа я возьму под арест главных зачинщиков, произведу опрос и буду ожидать прибытия вашего сиятельства для дальнейшего.

Земский исправник Богаевский.

Из донесения мирового посредника Сумского уезда харьковскому гражданскому губернатору, 5 июня 1862 г.[1]

Велико-Бобрицкий волостной старшина рапортом от 23 мая за № 312, донес мне, что 24 того же мая был им собран Велико-Бобрицкий сельский сход, и он предлагал обществу разделить по душам толочную мирскую землю, которая до сего времени находится в прежнем порядке,— на тяглы, ибо вошедшие в состав общества крестьяне, бывшие на дворовом положении, и подлежащие дворовые желают принять и использовать наделом земли. Но крестьяне, участвовавшие на сходе: Иван Еременко, Иван Пташниченко и Яков Куплинский, сделали отзывы, что они желают, согласно Положению, получить землю по 3 десят. на душу, а такого количества, как причитается по грамоте, всего на душу 1 десят. 980 квад. саж. вовсе не намерены получать, и вслед за сим в один голос весь сход повторил вышеобъясненное требование. Вдобавок крестьянин Иван Еременко вынул из кармана платок, разостлал его пред обществом и показывал, что не более они получают земли, как платок, следовательно, из чего им остается жить, а что они тогда только приступят к разверстке, когда они получат показанные по Положению 3 десят. на душу, называя это количество казенным. И поэтому сход не захотел слушать никаких разъяснений старшины, без всякого решения по предмету разверстки земли и без его роспуска разошелся. Вследствие чего я, дабы убедиться в справедливости донесения старшины и отвратить вкрадшееся недоразумение в обществе, сего числа выезжал в селение Великий Бобрик, где созванному сходу, в присутствии посторонних лиц, внушал, чтобы они приступили к разверстке общественного их поземельного надела так, как они найдут для себя выгодным согласно 113 статьи великоросс. Положения. Но после многих моих разъяснений и убеждений крестьяне оказали и мне ослушность и даже сопротивление, о чем составлен мною на месте акт за подписанием моим и бывших при том сторонних лиц, с объяснением в нем того, что происходило.

Желая вывести общество из недоразумения, я предлагал им,— так как их требование 3 десят. на душу земли незаконное, и что они, согласно 120 ст. и последующих великоросс. Положения не имеют права отказаться от пользования землей, показанной в грамоте, ибо по грамоте они наделяются таким количеством, какое было в пользовании общества до обнародования Положения о крестьянах, и что не лучше ли им, избрав несколько человек из среды себя, отправить в Сумской мировой съезд для удостоверения, что требование их о наделе большим количеством земли против того, какое показывается по грамоте — незаконное, то, в один голос, отвечали, что и на мировом съезде покажут то самое, что и вы говорите, обращаясь ко мне. А когда я просил их, куда же они намерены обратиться при таком их недоверии, то они отвечали, что некуда обращаться, а когда приходится на таком малом количестве земли, по их мнению, пропадать, то они готовы пропадать, и что хотят, то пусть с нами и делают, а земли не возьмут менее 3 десятин на душу, ибо у владелицы имения достаточно земли для того, чтобы обществу дать по 3 десятины на душу.

Крестьяне селения Великого Бобрика по грамоте, утвержденной мировым съездом, состоят на оброке и уже уплатили за полгода оброк

[1] ХОГА, ф. харьковского губернатора, д. № 180, л. 1—2.

с 1 января по 1 июня сего года, и до сего подобных недоразумений не произошло, и при том грамота подписана крестьянами и, следовательно, составлена по обоюдному с ними соглашению, а потому и предполагаю, что настоящие беспорядки происходят от подстрекательства неблагонамеренных лиц.

Мировой посредник Дмитрий Алферов.

Рапорт сумского земского исправника харьковскому губернатору, 11 июня 1862 г.[1]

Имею честь донести вашему сиятельству, что 10 числа сего июня на пути выезда моего в с. Великий Бобрик для водворения там порядка и повиновения между крестьянами, мною получено отношение от мирового посредника 3 участка Сумского уезда за № 323 от 8 числа сего же месяца, в котором он, сообщая мне, что управляющим имением помещика Бутурина доведено до сведения его, что в селе Ястребенном произошел большой беспорядок: крестьяне выгнали из села землемера Бестужева за то, что он хотел провести проектированную линию их надела, экономку угрожали смертию, механика выгнали в то время, когда машина шла полными парами, так что он едва успел погасить огонь. Все люди, которые служат при экономии, амбарные сторожа подверглись разным оскорблениям и угрозам, а потому скрылись, кто куда мог, так что имение оставалось на ночь без надзора и присмотра; это подтвердил посреднику и волостной старшина, им вызванный. Кроме того, посредник объясняет, что жители села Ястребенного не один раз замечены им в дурном отбывании повинностей, в произведении беспорядков и неисполнении законов, особенно в последнее время, почему просит меня, сколь возможно скорее, сделать распоряжение о переводе в с. Ястребенное эскадрона войск для водворения порядка и назначения временного отделения земского суда для открытия следствием виновных в возмущении и предания суду, так как между томашними крестьянами есть несколько человек, имеющих влияние на общество и производящих беспорядки.

Не имея возможности сделать по вышеозначенному отношению распоряжения до возвращения из Бобрика, я сего же числа отнесся к командиру 4 эскадрона Вознесенского уланского полка, расположенного вверенного мне уезда в с. Степановке, о немедленном выступлении с экскадроном в с. Ястребенное, а также сообщил Сумскому уездному суду о немедленном назначении, по важности происшествия в Ястребенном, следственную комиссию для производства на месте следствия к открытию виновных в возмущении и беспорядках и предания их суду. Затем сего же числа отправляюсь и сам туда, откуда и буду иметь честь о последствиях донести вашему сиятельству.

Исправник Алферов.

Рапорт сумского земского исправника харьковскому губернатору, 15 июня 1862 г.[2]

После события, происшедшего в с. Ястребенном 13 числа сего июня, о котором донесено вашему сиятельству мною и мировым посредником по эстафете, на другой день утром крестьяне, оставя экономические и свои работы, самовольно собрались к волостному правлению, где находились посредник, я и следственная комиссия, и, несмотря на переданное им чрез волостного старшину приказание немедленно разойтись, оставались на месте, шумя и крича. Тогда посредник и я, выйдя к ним, объявили, что самовольный сбор их есть противозакон-

[1] ХОГА, ф. харьковского губернатора, д. № 180, лл. 9—10.
[2] ХОГА, ф. харьковского губернатора, д. № 180, л. 23.

ный поступок, и несколько раз требовали лично разойтись по местам, если же они имеют какую-нибудь надобность или просьбу, то прислали бы нескольких из среды себя человек, но крестьяне и на этот раз не послушались, а напротив собирались все большей и большей толпой, и с тем же шумом и криком. Вследствие чего, дабы разогнать их, нами признано было необходимым просить эскадронного командира собрать немедленно эскадрон, о каковой мере объявлено и крестьянам. Часа два по сборе эскадрона мы потребовали от толпы указать и выдать, кто и зачем собирал их на сходку, но они не исполнили того, отвечая: «все, все пришли».

Затем вновь им повторено было приказание разойтись, но они вновь не повиновались. Тогда мировым посредником признано было необходимым, чтобы принудить толпу разойтись, наказать для примера нескольких розгами, и только после наказания двоих и нового приказания разойтись, толпа стала расходиться. При наказании заметны были в толпе порывы, знаки между собою, выражавшие какое то намерение их, вероятно, оказать сопротивление или защиту. Но только угрозы гг. офицеров, беспрестанно разъезжавших с обнаженными саблями, удержали их на местах, однако же вся толпа подняла сильный крик, который мог быть принят за сзов людей, а наказанные, поднявшись, махали руками к толпе, как бы вызывая к защите или нападению. Наконец, когда толпа решилась расходиться, побуждаемая солдатами, то один из них кричал: «остановитесь, воротитесь», но был схвачен и также наказан, о каковых событиях в то время составлены нами акты, а эскадрон оставлен на площади при правлении бивуаком.

Исправник Алферов.

Из отношения валковского мирового посредника харьковскому гражданскому губернатору, 22 июля 1862 г.[2]

21 июня, прибыв в село Старую Водолагу к волостному правлению, где уже были собраны временнообязанные крестьяне деревень Федоровки и Павловки, владения помещика майора Черепанова, и находился г. становой пристав, но государственных крестьян из слободы Новой Водолаги еще не было, приказал я отделиться крестьянам каждому из двух обществ особо; и на вопрос мой, почему они не пашут толоки, ответа удовлетворительного и сколько-нибудь положительного дано ими не было. Почему и вынужден был спрашивать каждого из них особо, при чем причин их действий дознать тоже не мог, ответы их были у всех почти одни и те же: «люди не орют, и я не орал», или «я пеший, люди не орют и мне для оранки волов не дают». На вопрос, просили ли они у кого-либо волов, ответ: «нет» или иные: «я орал наемную землю, а панскую, за наступлением рабочей поры, не успел», но будут ли они пахать, каждый особо отвечал: «как люди, так и я».

Наконец, при многократном спрашивании о причине их упорства, двое объявили, что «проезжие люди» говорили им, что: «боже вас сохрани на что-нибудь соглашаться с панами и подписывать или орать панскую землю: если только взорете, то паны, кроме издельной повинности, возьмут с них за землю большую плату». Но кто эти люди? отвечали: «проезжие издалека, чумаки и цыгане», но кто они именно — не знают. На предложение же мое, чтобы они пахали толоку, и что помещик, кроме следуемой с них по уставной грамоте издельной повинности, не возьмет с них денег за вспаханную землю, за что я отвечаю, ответ их был один и тот же — «как люди, так и мы». Причем все возможные доводы, убеждения и доказательства дурных последствий от их поступков, при всем желании моем сделать полезное и склонить их к послушанию, не принесли никакой пользы.

[1] ХОГА, ф. № 3, д. № 182, л. 19.

Во время моих убеждений подошли из слободы Новой Водолаги и государственные крестьяне. Не замечая в крестьянах дер. Федоровки и Павловки никакой готовности и склонности, и даже внимания к моим убеждениям, я вынужден был прибегнуть к мерам взыскания с тех из них, которые в особенности были замечены мною в упорности. И когда становой пристав, по просьбе моей, хотел приступить к наказанию и обратился к государственным крестьянам за содействием ему в этом, то в это время государственные крестьяне, вместо содействия, начали все громко кричать: «Их сечь, за что они не хотят пахать толоки? Пусть и не пашут. Они такие же люди, как и мы, и сечь мы их не будем. Да разве нас за тем сюда прислали, чтобы сечь?» Слыша громогласные в свою пользу отзывы понятых, временнообязанные крестьяне еще громче начали повторять с азартом те же слова: «за что нас сечь?», причем добавили, «мы казенные, и никакой земли орать не будем, пусть царь даст нам землю даром», и при этом все стали на колени с поднятыми вверх руками, повторяли «брать земли мы не согласны, не будем». И обращаясь к понятым, добавили: «Спасибо вам, что вы нас не оставили». Но когда азартный шум их несколько утих, я вновь приступил к увещанию их оставить все ложные их убеждения и исполнять то, чего требует от них закон, и прибавил, что за неисполнение закона и неповиновение им будет худо, и вслед за сим спрашивал их несколько раз: будут ли они орать землю. Единогласный с воодушевлением ответ их был один и тот же: «не согласны, не будем».

Не имея при себе, за отказом понятых к содействию, никаких средств привести к повиновению, отпустил их домой. Спустя несколько времени после их ухода, старшина пришед ко мне, объявил, что по уходе моем из волостного правления, федоровские и маловские крестьяне обещали понятым поставить могарыч, что он услыхавши, запретил и приказал итти домой, но они, вопреки его приказаниям и запрещению, ушли окольными дорогами в шинок, взяли там три четверти ведра водки, вышли в поле и там выпили вместе с понятыми, о чем он только что узнал и пришел донести мне.

После всего этого я пришел к тому убеждению, что приведение означенных крестьян к должному повиновению при содействии государственных крестьян, без воинской команды, не только неудобоисполнимо, но и еще влечет за собою явный вред от подавания, участием их неуместным повода к большему только непослушанию и возмущению других.

(Подпись).

Донесение купянского мирового посредника предводителю дворянства Купянского уезда, 17 августа 1862 г.[1]

Во исполнение лежащей на мне обязанности по составлению уставных грамот, прибыл я в имение г-жи Захаржевич-Капустянской деревню Калинову 15 числа этого месяца и 16-го, собрав крестьян Калиновских обществ, всеми силами старался убедить их в выгодах выкупной грамоты, когда же убеждения мои не возымели успеха, то я объявил крестьянам обязанность свою ввести грамоту на издельную повинность без их участия, на что общество с криками отвечало мне, что ни на какую грамоту они не согласны и будут ожидать исхода двухлетного срока, будто бы, предоставленного им в высочайшем манифесте, «а там, что бог даст». Все уверения мои в том, что ожидать далее они не имеют права, и что я, обязанный исполнить свое дело, также не имею права откладывать далее составление и ввод грамоты, не повели ни к чему, и крики «несогласны, да и только» раздались

[1] ХОГА, ф. № 3, д. № 320, лл. 1—2.

еще сильнее. Затем на вопрос мой, каким количеством земли пользовались они при обнародовании Положения, крестьяне отвечали, что не мерили и не знают, почему состоящий при мировом съезде землемер Краевский был приглашен мною и владелицей для измерения отдельных участков крестьянской земли, чтобы сообразно количеству ее могла быть определена повинность, следуемая с крестьян по Положению; а как для этого измерения нужно было указать, где именно расположены крестьянские участки, то я предложил обществам избрать из среды себя несколько человек для сопровождения г. землемера при его работах и указания настоящего надела крестьян, а также приказал старосте назначить 10 человек рабочих землемеру. Рабочие были в моем присутствии назначены, общество же положительно объявило, что назначенным людям, да и никому оно не позволит исполнить мое приказание и наделы указать не согласно. Рабочим было объявлено мною, что за неисполнение моего законного требования они будут отвечать, и что только задержание их открытой силою может избавить их от ответственности, а подвергнет ответственности тех, которые бы решились на насилие, затем сход был распущен.

Через некоторое время все 10 рабочих вновь явились во двор, в сопровождении всех крестьян, и, объявив, что без приказания обществ не согласны исполнить мое требование, были поддержаны новыми криками «не согласны, не согласны, мы все не согласны указать надел и не пустим рабочих». Никакие убеждения не доводить дела до крайности, даже обещание простить им глупое упрямство и дерзкие крики, ничто, словом, не могло вразумить крестьян, и я принужден был отнестись к земской полиции, требуя приведения крестьян в повиновение; а старосте приказал отрядить кого-нибудь в лес для заготовления нужных при измерении земли вех и кольев. Назначенный старостою крестьянин готов был исполнить это требование, но общество следило за ним, и запряженных волов силою выпрягло, пригрозив изрубить воз тому, кто осмелиться исполнить мое требование.

Так прошел день 16-го числа, 17-го же г. становой пристав прибыл на место, в сопровождении понятых из соседних казенных селений, и крестьяне вновь были собраны. Прежде чем обратиться к ним, я объяснил понятым дело, по которому они призваны, и те обязанности, которые могли бы быть возложены, в случае нового упорства крестьян, потом обратился вновь с увещаниями к калиновским обществам. Результаты оказались те же, с тою только разницей, что, при выразившемся нежелании понятых из слободы Гороховатки содействовать приведению крестьян в повиновение, крики о несогласии указать надел и пустить рабочих стали еще сильнее, в сопровождении объятий и поцелуев между собою, в знак решимости поставить на своем, какие бы последствия не вышли; на требование же станового пристава выдать 10 человек оставшихся рабочих и тех из крестьян, которые более других замечены выразили, что готовы отвечать все, но никого из своих не выдадут. Нерешительность действий призванных, из которых некоторые замечены, как особенно виновные в потворстве, заставила как меня, так и станового пристава, прекратить свои требования и, оставив дело не причем, отнестись к вам, милостивый государь, с просьбой употребить зависящие от вас меры для приведения калиновских крестьян к сознанию своих обязанностей вызовом в деревню Калинову военной команды, без чего нет никакой возможности водворить порядок в имении г-жи Захаржевич-Капустянской. Долгом считаю также сказать, что для калиновских обществ, в которых числится до 400 душ, одного эскадрона, по моему мнению, недостаточно; во всяком же случае, о решении вашем относительно этого дела покорнейше вас прошу не оставить меня без уведомления, которого буду ожидать в слободе Силих до 19 числа этого месяца.

Мировой посредник (подпись).

Донесение харьковского земского исправника харьковскому военному губернатору, 5 сентября 1862 г.[1]

Харьковского уезда мировой посредник 2 участка отношением от 1 сентября за № 449 уведомил меня, что временнообязанные крестьяне селения Березовки помещиков Алферовых, по введении в действие уставной грамоты, вышли из повиновения: 27 и 30 августа вовсе на работы не выходят, а 29 числа ворвались в господский двор, наносили управляющему имением оскорбления. А потому просил меня принять немедленно зависящие от меня меры к прекращению своеволия крестьян и привести их в повиновение, заставив работать помещику по уставной грамоте и взыскав в пользу экономии за неотработанные дни с виновных работников по 1 р. 50 к. с каждого, причем приложил список таковым крестьянам и подлинные донесения Березовского волостного старшины о самоволии и непослушании, и заведующего имением г. Алферова, купеческого сына Удовиченкова, о буйстве их.

Вследствие уведомления того, я, мировой посредник и становой пристав 4 сентября прибыли в село Березовку для побуждения временнообязанных крестьян к исполнению уставной грамоты, но крестьяне при посторонних понятых, села Песочина государственных крестьян, от исполнения работ по уставной грамоте совершенно отказались, объяснив, что они работать будут попрежнему. И из них временнообязанный крестьянин Марк Петренко во всеуслышание кричал, что уставную грамоту выдумал помещик без воли на то царя, что утверждал и крестьянин Федор Ивченко. Потом все собранные крестьяне объявили, что они будут ожидать какого-то влучного часу, при этом становой пристав 1 стана представил рапорт Березовского волостного правления со списком о взыскании денег с крестьян села Березовского и Коротича за неотработанные дни всего сто шестьдесят один день, от уплаты коих крестьяне вовсе отказались; причем волостной старшина и сельские старосты доложили нам, что, действительно, денег у крестьян для уплаты за неотработанные дни не имеется и взыскать с них невозможно по упорству их и по постоянному непослушанию и неуважению никого из старших.

Старшина добавил, что временнообязанный крестьянин Даниил Костеница, прийдя к нему в дом в ночное время, напал на жену его, старшины, с ругательством, как она смела с мужем своим принять уставную грамоту.

Неуважение старших, упорство и подстрекательства крестьян к неисполнению уставной грамоты заметно было у временно-обязанных крестьян села Березовки: Калиника Березовского, Евсея Бережного, Сергея Светенка, Марка Петренка, Даниила Костеницы и Федора Ивченко, почему я и г. посредник долго убеждали крестьян исполнять правила, изложенные в высочайшем Положении о крестьянах, объявили всю их ответственность за упорство и меру наказания за неисполнение высочайшей воли, но крестьяне остались непреклонны. Затем, когда было приказано арестовать виновных, то крестьяне кричали «мы все за одно, равно виноваты», и не позволяли отделять виновных. Когда же я своеручно взял из толпы главного виновного, имеющего на крестьян влияние, Евсея Бережного, передал его сотским и понятым, то все крестьяне бросились за ним, удерживали его, говоря один другому «не давать во что бы то ни стало». Я видевши озлобление крестьян, во избежание несчастного случая, могущего произойти при том, приказал оставить Бережного, а Марка Петренко, стоявшего близ моего экипажа, схватил и увез с собою, крестьяне хотя желали освободить его, но не успели, который содержится при земском суде.

О таковом буйстве березовских крестьян вашему превосходительству имею честь донести и почтительнейше просить о разрешении предписания.

Исправник Танков.

[1] ХОГА, ф. № 3, д. № 352, л. 1.

Из истории шелководства в России

Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) о мероприятиях по дальнейшему подъему шелководства [1] является крупнейшим шагом в развитии одной из важнейших отраслей социалистического хозяйства и предусматривает план развития советского шелководства на ближайшие пять лет.

За годы советской власти и особенно в период сталинских пятилеток впервые в СССР создано крупное шелководческое хозяйство.

Однако в свете новых задач, поставленных партией и правительством перед советским шелководством, успехи этой отрасли нашего хозяйства нельзя признать достаточными. «Шелководству необходимо обеспечить дальнейший большой подъем»,—говорил тов. Молотов на XVII съезде ВКП(б).

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) устанавливает государственный план обязательных поставок шелковицы в колхозах, согласно которому площадь кустовых плантаций должна быть увеличена за 1941—1947 гг. больше чем в пять раз по сравнению с 1940 г. Расширяется сеть государственных и колхозных питомников, предоставляются большие материальные возможности для всемерного развития тутоводства, вводится дополнительная оплата труда за перевыполнение планов, намечается широкая программа агротехнических мероприятий; большое место в постановлении уделено созданию прочной кормовой базы.

В свете этих мероприятий партии и правительства и достигнутых уже успехов в развитии шелководства за годы советской власти, большой интерес представляют публикуемые ниже материалы по истории развития шелководства в дореволюционной России. Печатаемое ниже «Предначертание истории шелководства в России с очерком истории шелководства вообще...» было составлено по царскому указу третьим департаментом министерства государственных имуществ в 1838 г. для практических потребностей вновь учрежденного министерства. Ценность публикуемого документа заключается в том, что в кратком, но насыщенном фактами и статистическими сведениями, изложении, дается обзор развития шелководства в России более чем за 150 лет, причем более подробно освещается состояние шелководства в первой половине XIX в. Обзор как бы подводит итоги развития шелководства в XVIII — первой половине XIX вв. Эти итоги были крайне неудовлетворительны даже в условиях крепостнической России.

Неоднократные попытки развития государственного шелководства, начатые еще в XVII в. и особенно поддерживаемые Петром I, окончились полным крахом.

Незначительные результаты дало и частное предпринимательство, как русское, так и иностранное, несмотря на материальную помощь и различные льготы со стороны правительства. Частные предприниматели больше думали о собственной наживе, о возможности попользоваться государственной субсидией, чем о развитии шелководства в России.

Основным производителем шелководства в дореволюционной России было крестьянство. Но мелкое распыленное крестьянское хозяйство крепостнической России не могло быть серьезной движущей силой в развитии шелковод-

[1] См. «Известия» № 62 от 15 марта 1941 г.

ства. Вплоть до социалистической революции крестьянское шелководство имело примитивный кустарный характер.

Царское правительство не использовало даже тех возможностей, которые могло дать крестьянское шелководство. Мизерные премии, назначаемые за расширение тутовых насаждений и увеличенную сдачу шелка-сырца, как правило, не выдавались, и сами чиновники уже не осмеливались «ходатайствовать о награждении отличившихся по шелководству», поскольку «прежние... представления не были удостоены внимания».

Об отношении правительства к развитию шелководства можно судить по следующим фактам. На представление главного инспектора над шелководством Стевена о заведении казенных садов и учеников при них было отвечено, что «предположения его очень хороши и обещают большие успехи нашему садоводству, но оно не может быть приведено в исполнение, потому что для этого требовалось 26 000 рублей единовременно и по 10 000 рублей ежегодно». Предложения таврического губернатора об организации государственной скупки шелка у крестьян и отправки его на фабрики, с отпуском на эти мероприятия из казны 5 000 руб., были поддержаны новороссийским и бессарабским генерал-губернатором графом М. С. Воронцовым, но министерством внутренних дел «найдены неудобоисполнительными».

Крепостнический гнет и бюрократическое руководство царских чиновников приводили к тому, что крестьянство отказывалось от шелководства. Удачные опыты разведения шелководства в Ахтубинском районе свелись в конце концов к тому, что при наступлении сроков для сдачи в казну податей шелком крестьяне старались покупать сырые шелковые пузырьки или коконы в Кизляре и на Тереке и привозили их на ахтубинский завод для мотания. По свидетельству академика Палласа озлобление крестьян «противу шелкоделия дошло до того, что они нарочно убивали шелковичных червей, опрыскивая их соленою водою и надеясь чрез то избавиться от занятий шелководством». Через пятнадцать лет чиновники снова указывают «о необыкновенном упорстве и отвращении к шелководству ахтубинских жителей, из коих большая часть обращена была в соляные вощики».

Не лучше было положение и в основном шелководческом районе дореволюционной России — на Кавказе. Даже царские чиновники вынуждены были признать, что «упадок шелководства в Кавказской области происходит от несчастного положения того края, которого жители едва могут помышлять о хозяйстве».

Тяжелое правовое и экономическое положение крестьянства и было причиной того, что «до революции эта отрасль сельского хозяйства представляла собой примитивный, отсталый промысел крестьян, которые нещадно эксплоатировались баями и скупщиками коконов» [1].

Такое положение давало и соответствующие результаты. За 150-летний период своего развития шелководство в крепостнической России к 1838 г. представлялось в следующем виде: около 3½ миллионов тутовых деревьев и около 300 пуд. ежегодной добычи шелка-сырца, стоимостью в 150—180 тыс. рублей. Эти цифры интересно сравнить с ввозом из-за границы. В 1837 г. было ввезено шелка-сырца на 10 694 руб. и шелковых изделий более чем на 12 млн. рублей. Значит шелководство и, особенно шелкоделие в очень ограниченном размере удовлетворяли потребности крепостнической России.

Публикуемый документ хранится в Центральном Государственном архиве Древних актов (Москва).

А. Чернов.

---

[1] «Известия» от 20 марта 1941 г.

Предначертание истории шелководства в России с очерком истории шелководства вообще

Отечество шелкового червя и первые следы шелководства

Шелк есть достояние благорастворенных стран Азии: в особенности Китая и Индии, где история находит первые следы нынешних шелковичных червей. Древнейшие рукописи китайские писаны были, как уверяют, на шелковых тканях, и историки Китая упоминают о употреблении там шелка будто бы уже за 2600 лет до Р. Х. Тогда, говорят они, Зилинг-ти, супруга китайского императора Гоанг-ти, первая показала китайцам искусство выкармливать червей и выделывать шелковые ткани. С этого времени шелководство, распространившись по Китайской империи, сделалось для оной источником государственного богатства. Распространение это шло так быстро, что вскоре после Гоанг-ти шелк вошел уже во всеобщее употребление в Китае, из коего вывоз яичек шелковичных бабочек и тутовых семян был запрещен под смертною казнию. И доселе китайцы, по свидетельству о. Иакинфа Бичурина, в известное время приносят жертвы изобретательнице шелководства [1].

Китайцы долго оставались едва ли не единственными производителями шелковых тканей и обладателями торговли шелком. У римлян самый шелк назывался sericum, вероятно, по стране Серика (Serica), заключавшей в себе одну из северных провинций нынешней Китайской империи и не малую часть внутренней Азии.

Торговля шелковыми тканями у древних ассириан и мидийцев

От китайцев получали шелковые товары ассириане и мидийцы, которые передавали оные европейцам. Мидийцы особенно славились этою торговлею, почему у древних историков и самые шелковые ткани назывались мидийскими. При описании великолепия Соломонова храма впрочем не упоминается о шелковых тканях. Может быть, говорит академик Лепехин, виссон древних был если не настоящая шелковая материя, то по крайней мере вещество, близко к шелку подходящее [2].

Торговля шелком у древних персов

Основатель персидской монархии Кир и его преемники поддерживали торговлю шелком. В их царствование шелковые изделия покупались за Оксусом (р. Аму Дарья) и отпускались торговым греческим городам на берегах Эгейского моря.

Свидетельство Аристотеля

Так как персы скрывали, откуда и как они достают шелк, то греки и вообще европейцы долгое время не знали не только отечества, но и происхождения его. Победы и завоевания Александра Македонского в Азии разрешили это недоумение. Аристотель в «Истории о животных» (кн. V, гл. 19) говорит уже о черве, из ткани коего на острове Косе Памфила дочь Латоя впервые стала разматывать шелк и выделывать материи.

---

[1] См. описание Китая о. Иакинфа, напечатанное в «Сыне отечества» за 1838 год (апрель м. отделение наук и искусств, стр. 129. (Прим. подлинника).

[2] Краткое руководство к разведению шелка в России, сочиненное И. Л. 1798 г. Должно заметить, что у греков слово виссон имело, повидимому, различные значения; но у римлян byssus значило только хлопчатая бумага. а byssinus бумажная материя, между тем как у них же bombyx значило и шелк и хлопчатая бумага. (Прим. подлинника).

Впрочем шелковый червь, известный грекам и римлянам, судя по дошедшим до нас описаниям, должен быть не тот, от которого мы ныне получаем шелк[1]. Поэтому статься может, что наш нынешний шелковичный червь до VI века не был известен в Европе.

Причина необыкновенной дороговизны шелковых материй в древности

Таким образом объясняется и чрезвычайная дороговизна настоящих шелковых материй, привозившихся тогда из Азии. Материи эти были так дороги, что во II и III столетиях по Р. Х. римские императоры восставали против употребления китайских шелковых тканей. Тиверий вовсе запретил употребление шелка, а Марк Аврелий в 173 году позволил носить шелковые платья только римлянкам высшего класса. Аврелиан в 270 году даже не решился купить супруге своей шелкового платья пурпурового цвета по причине его дороговизны.

Предание о введении шелководства в Восточную Римскую империю при Юстиниане I

Наконец, в VI веке император Юстиниан I нашел средство к прекращению этой чрезмерной дороговизны.

Для приобретения настоящих шелковых червей он убедил двух монахов, бывших уже в качестве миссионеров в Китае, ко второму путешествию в сию землю. Монахи отправились; тайно и с опасностью жизни они достали несколько семян тутового дерева и яичек шелковичных червей и, сокрывши их в выдолбленные трости свои, принесли в начале второй половины VI века в Константинополь.

Так повествует история, но ей в этом случае не легко верить, ибо еще не дознано, могут ли яички шелковичных червей быть сохраняемы несколько лет сряду, а когда червячки вышли в течение первого года, то их кормить было нечем, если не было уже и в Византии произвольно растущих или прежде того разведенных тутовых дерев.

Шелководство у греков

Таким образом, как уверяют, положено было основание шелководству не только в Греции, но и во всей Европе; ибо от греков оно перешло к итальянцам, а от сих последних к французам и испанцам. Греки, однако же, на долгое время удержали в руках своих первенство по сей отрасли промышленности. Хотя арабы, покорив в VIII веке Испанию, и научили испанцев выделке шелка, но, кажется, шелководство, несмотря на благоприятствующий климат, до Карла V не имело там значительного успеха, потому что арабы получали сырец большею частию из Азии, преимущественно чрез Багдад и греки, в течение целых шести веков (от VI до XII) удержали за собой исключительное преимущество выделывания шелка в Европе.

Шелководство в Италии

Только с начала XII века итальянцы вступили в соперничество с греками по шелкоделию. Рожер, король Сицилийский, завел в 1130 году фактории в Палермо, употребив для сего мастеров, захваченных им в Афинах, Коринфе и других местах Греции во время войны с восточным императором Мануилом Комнином.

[1] Плиний в своей «Естественной истории» (Historia naturalis, lib. XV, cap. 22 et 23), повторив слова Аристотеля, присовокупляет, будто бы насекомое, от которого на острове Косе был добываем шелк, рождалось из осыпавшегося от дождей цвета кипарисовых, терпентинных, ясеневых, и дубовых дерев, при действии на оный земных испарений (Прим. подлинника).

Шелководство в Испании

Из Палермо шелководство мало по малу распространилось по всему Неаполитанскому королевству, по соединении коего при Карле V с Испаниею, оно распространилось более и на Пиринейском полуострове, где уже славились своими шелковыми мануфактурами города Лиссабон и Алмерия, а вместе с тем перешло оно и в герцогство Миланское и Савойю.

Шелководство во Франции

Во Франции шелководство началось при Карле VII. Но попытки, деланные как при сем государе, так и при Франциске I, остались без успеха, и слава основания шелководства во Франции принадлежит, по всей справедливости, Генриху IV, слава же усовершенствования оного — Людовику XIV и великому Кольберту. С их то времен город Лион сделался средоточием шелковичных плантаций и шелковых фабрик.

Оливье де Серр и Генрих IV

При Генрихе IV известный тогда агроном Оливье де Серр[1] (Olivier de Serres) рассадил в королевских садах до 20.000 дерев черенками, выписанными из Италии. Деревья сии, число которых в скором времени дошло до 4 миллионов, и шелковичные семена, вместе с наставлением о шелководстве, были раздаваемы безденежно сельским жителям, и особенно поощряем был к сему занятию женский пол. Но более всего шелководство французское обязано славному Кольберту (1683), который ничего не щадил на то, чтобы усилить эту отрасль промышленности. Он не налагал пени на нехотевших разводить шелковицы, но обещал каждому, сберегавшему сие дерево в продолжении трех лет по 24 sols и исполнил это[2]. Следствием сего было то, что шелковицы размножились в большом количестве и весьма скоро в тогдашних провинциях Лионнезе, Фореце, Дофине, Провансе, Лангедоке, Гасконии, Гвиенне, Сентонже. Провинции сии, казалось, составляли естественный предел к северу, далее которого не могло распространяться французское шелководство, но г. Орри (Orry)[3], главный контролер Людовика XV, доказал противное, приказав заводить шелковичные разсадники в провинциях Ангумуа, Берри, Мене, Орлеаннезе, Иль де Франсе, Пуату. В 1741 году шелковицы появились уже в Мантбаре в Бургундии, также в Дижоне, а потом перешли в Шампанию и Франш-Конте. Разумеется, что шелководство северных провин-

[1] Оливье де Серр, которого французы по справедливости называли отцом французской агрономии, известен сколько личными своими трудами и наставлениями не только по шелководству, но и вообще по сельскому хозяйству, столько же и как писатель. Особенно два сочинения сделали его известным: I. «Traité de la cueillete de soie», писанное по приказанию Генриха IV, который поручил де Серру разводить белую шелковицу в садах своих, что делалось собственно для того, чтобы показать французам возможность заниматься шелководством (вопреки мнению Сюлли, несоглашавшегося с де Серром). В то же время, по настоянию де Серра, построено особенное здание в Тюльерийском саду для вывода червей и выделывания шелка. Первая пара шелковых чулков, выделанная на этой фабрике, отослана была Генрихом IV в подарок Елизавете английской. II. «Theatre d'agriculture et menage des champs» — образцовое творение, доставившее автору имя отца французской агрономии. Генрих IV, говорят, так любил это сочинение, что каждый день после обеда прочитывал из него что-нибудь. В самом деле это истинный магазин для сведений о всех родах сельского хозяйства, и последующие французские агрономы много заимствовали из этой книги. (Прим. подлинника).

[2] Dictionnaire methodique des sciences, des arts et c. art. murier (Прим. подлинника).

[3] Controleur général (Прим. подлинника).

ций Франции есть более попытка, нежели промышленность, которой главнейшее местопребывание есть южная Франция и часть средней полосы оной.

Первенство Франции по шелководству и торговле шелковыми материями

В царствование Людовика XIV в одном Лионе щиталось уже до 18.000 различных шелковых фабрик. В 1670 году туда вызван был из Болонии некто Бене, основавший первую шелкопрядильню.

С этого времени Франция заняла первое место по шелкоделию в Европе, которую она снабжает своими шелковыми тканями. Жаккардовы станки весьма много послужили к усовершенствованию сих тканей. В 1826 году по свидетельству статского советника Гацци[1] в 12 департаментах, где производится шелководство, Франция от одного производства шелка получила 23,560,000 франков и от изделий оного 84 миллиона. Следовательно, весь капитал от шелка, во Франции обращающийся, простирается в год до 107.500.000 франков. Во время уничтожения Нантского эдикта в 1685 году, большая часть мастеровых, работавших на французских фабриках, удалилась в Англию, Германию, Пруссию, где государи приняли под свое покровительство сих полезных граждан. Это обстоятельство послужило ко введению шелкоделия в северных странах Европы, где оно однако же, несмотря на старания Иакова I в Англии и Фридриха II в Пруссии, не имело большого успеха. Неблагоприятствующий шелководству климат сих стран был главнейшею тому причиною.

Шелководство в Австрии

В Австрии шелководство обязано началом своим императрице Марии Терезии. В половине прошедшего столетия стараниями сей государыни оно распространилось, а потом пришло в цветущее состояние в Славонии, Баннате и на военной границе. В королевстве Ломбардо-Венецианском оно с давних времен уже процветало.

Шелководство в Баварии

В Баварии в 1824 году, при Генеральном комитете общества сельского хозяйства, учреждено особое отделение шелководства, составленное из знатоков и любителей этой ветви хозяйства, старающееся распространить оную разными поощрительными мерами.

Шелководство в России до Петра I

Таков ход шелкодельной промышленности в Азии и Европе. Что касается до нашего отечества, то большую часть предметов роскоши, а в том числе и шелковые материи, мы получали сначала преимущественно из Византии, потом из Азии, через купцов бухарских и других и из Италии через венецианцев, а наконец из Кафы от тамошних генуезских негоциантов. Что же касается до шелковичных дерев, то еще до Петра I. они водились на Волге, около Астрахани[2], и даже выделывался шелк, который и присылался в Москву, где также находился так называемый Тутовый двор и Тутовый сад. По словам экспедиции государственного хозяйства, первым насаждением шелко-

---

[1] Lehrbuch des Seidenbaues für Deutschland und besonders für Bayern von Staatsraht von Hazzi, München, 1826 (Прим. подлинника).

[2] В наказе, данном Петром Великим астраханскому воеводе Мусину-Пушкину, сказано, что еще по указу царя Алексея Михайловича заведены в Астрахани тутовые сады (Прим. подлинника).

виц в нашем отечестве мы обязаны древним болгарам, жившим на Волге[1], и нет сомнения, что первые шелковицы принесены к берегам Волги из Азии.

Шелководство при Петре I

Вот все что можно сказать о начале шелководства в России. Петр Великий первый обратил внимание на эту отрасль промышленности, и с тех пор она не переставала поддерживаться правительством. При сем государе заведены были шелковичные плантации и заводы в Киеве, Белевской крепости (что ныне Константиноград) и на Волге. Последние впрочем существовали уже и при родителе Петра I, царе Алексее Михайловиче, как то видно из наказа данного Петром Великим астраханскому воеводе Мусину-Пушкину, где государь приказывает: «переписать деревья, находящиеся у жильцов в Астрахани и вновь приискать угожие места и заводить сады большие. Учинить же наказ крепкий, чтобы никто под смертною казнию тутовых дерев не сек. А велеть тутовые деревья в Астрахани разводить наемными людьми»[2].

Частный завод армянина Васильева

Это было в 1700 году. В 1718 году является у нас первый частный шелковичный завод армянина Сафара Васильева. Завод этот устроен был также по повелению Петра Великого. В 1718 году государь пожаловал грамоту армянину Васильеву, по силе которой он мог избрать земли по Тереку для заведения шелковичного завода. Место было отведено, и Сафар употребил довольно большой капитал на первоначальное заведение. Ему дано право суда и расправы над рабочими за исключением уголовных преступлений и, сверх того, сам он и его фабрика вверены были попечению казанского и астраханского губернаторов[3].

Война с Персиею и посещение Петром I Астрахани

Между тем приобретение от Персии Дагестана, Гилани, Мазандерана и Астрабада даровало возможность с большим успехом разводить шелк внутри пределов Российской империи. Во время самого похода против Персии Петр I старался одобрять и поощрять казаков, живших на Тереке, к заведению в их жилищах шелководства[4]. Возвращаясь из сего похода, Петр Великий посетил и Астрахань, где он, вероятно, осматривал и тутовые насаждения; но сделал ли государь какие-либо новые распоряжения по сей части и принесли ли плоды те распоряжения, которые им сделаны были пред тем за двадцать лет в наказе воеводе Мусину-Пушкину, это неизвестно[5]. Вероятно однако

---

[1] Доклад экспедиции государственного хозяйства императору Павлу, в коем вкратце изложена история шелководства в России (Прим. подлинника).

[2] Наказ астраханскому воеводе Мусину-Пушкину в 1700 году 30 мая (Прим. подлинника).

[3] Завод Сафара Васильева находился на земле, принадлежащей ныне к селению Шелковскому ниже Щедринской станицы по течению Терека, в 49 верстах выше Кизляра (Прим. подлинника).

[4] Доклад экспедиции государственного хозяйства Павлу I в 1797 году (Прим. подлинника).

[5] Голиков представляет только разговор Петра Великого с индейцем Банианом Абдураном. Индеец этот рассказывал государю, что прежде войны, из одной Гиланской провинции вывозилось в Турцию ежегодно до 9 000 тай шелку, что составляет, полагая каждый тай в 8 пудов, до 72,000 пудов, число едва ли не преувеличенное, судя по тому, что Гилань, по словам Соймонова, простиралась в длину только на 50, а в ширину на 30 верст. Когда зашла речь о том, что и терские казаки делают шелк, то государь отвечал: «со временем и терские места не хуже Гилани быть могут». «Не доказывает ли это,— говорит Голиков,— что великий государь имел надежду довести терские земли до богатства чрез делание шелка?» (Прим. подлинника).

же, шелководство наше в продолжении сего времени не оказало больших успехов — от неуменья, как должно думать, обращаться с тутовыми деревьями, выводом и кормлением червей, ибо через два года потом, именно в 1724 году, государь счел необходимым отправить несколько человек в Италию для обучения шелковичному производству. Проект о сем подан был мануфактур-коллегии советником Кассисом.

Проект Кассиса

«Итальянские мастера,— говорит Кассис,— в приготовлении шелка, содержании шелковичных червей, в сучении и прочем весьма искусны, а наипаче в Болонии, Сицилии и Милане, из которых мест в Савойю, Лион и Брабандию призываемы бывают мастера. Наипаче в Милане, Флоренции и Венеции заведены всякие шелковые мануфактуры и делаются в оных парчи не хуже французских». «Учеников надлежит выбрать,— продолжает Кассис,— охочих из обретающихся в российских фабриках молодых людей. Им и их семействам должно обещать некоторые привиллегии и награждения по мере показанных ими успехов и отправить водою в Ливорно для определения к научению всякого по своей склонности». Против всего этого Петр Великий сделал отметку собственноручно: «Против предположенного проекта следующее надобно: 1) мастеров шелковых, которые около червей ходят и шелк строить по италиянски умеют, 2) бархатных и легких парчей мастеров, 3) русских ребят для ученья; но ежели скорее поймут, нежели определен срок ученикам, то б их, освидетельствовав, прислать, хоть б на то и особливое иждивение употребить, 4) бисерных, если возможно».

Все сии начинания великого государя старались поддерживать и преемницы его Екатерина I, Анна и Елисавета.

Шелководство при императрицах Екатерине I и Анне Иоанновне

Армянин Сафар Васильев своим заводом обращал на себя внимание и покровительство наследницы Петра Великого Екатерины I. Когда жители тех мест, где находился его завод, переведены были в новопостроенную крепость Св. Креста (недалеко от Терека), то оставлены были только те, которые работали на фабрике Васильева. Однако ж это не помогло: большая часть работавших на фабрике Сафара его оставили, новых набирать было негде, и завод его по необходимости должен был придти в упадок, а по смерти его и совершенно был оставлен. В таком жалком положении завод Васильева находился до времен императрицы Анны Иоанновны, когда потомки его армяне: с.-петербургский мещанин Ширванов, астраханский житель Богданов и московские купцы Макаровы в 1740 году подали императрице прошение о дозволении владеть местами, принадлежавшими некогда их предку. Они просили об этом особенно потому, что по случаю построения крепости Кизляра, явились новые поселенцы около тех мест, где находился завод и шелковичный сад армянина Васильева, и истребляли деревья, употребляя их на дрова и другие потребности. Справедливая просьба потомков Васильева была удовлетворена: им не только возвращены насаждения их предка, но и отведены места как около Кизляра, так и в Астрахани, где они обещали добывать шелк, хлопчатую бумагу, сарачинское пшено и даже завести в Астрахани шелковую фабрику, на изделия которой употреблять собственный шелк. До первого же урожая дозволено им вывозить шелк и другие произведения из Персии безпошлинно. Вскоре потом армяне прислали и образ-

цы шелка сырца, желтого, подзолотного, малинового, лазоревого, темно-зеленого, светло-зеленого, белого и, кроме того, из Астрахани несколько шелковичных пузырьков. Все привиллегии, данные сему заводу Петром Великим и Екатериною I, утверждены были и императрицею Елизаветою в 1742 году.

Шелководство при Елизавете

До сего времени по части шелководства действовали у нас большею частью армяне, которые заимствовали из Персии как производство работ, так и самые шелковичные деревья. В царствование же Елизаветы Петровны в 1749 году явился француз Гамбет с предложением завести шелковый завод в Малороссии. Правительство даровало ему всевозможные пособия, права и привиллегии, из коих главнейшие состояли в следующем: «1) Фабриканту Гамбету дозволялось завести шелковичный завод и к тому заводу потребное строение своим коштом построить на свободных государевых землях или близь Киева, или внутри Малороссии. А буде свободных земель не окажется, то завесть ему тот завод в землях владельческих по договору с владельцами, которые не должны его притеснять в таком полезном для государства деле. 2) Кроме нанимаемых людей, дать ему в ученики на тот завод с бывшего в Киеве шелковичного казенного завода некоторое число людей по его усмотрению, и тот завод завесть ему и распространить, как он обещает в восемь лет. 3) По прошествии восьми лет тот завод со всем строением и прочим оставить тем людям, на чьих землях он будет построен. 4) Если найдутся в Киеве на казенном шелковичном заводе какие инструменты не в употреблении, то оные, также как и лист шелковичный, в казенном саду излишний, отдавать ему Гамбету безденежно. А ежели он пожелает и весь шелковичный завод взять в свое содержание, то оный ему со всеми мастеровыми людьми, материалами и инструментами отдать по описи под росписку для того, чтоб наилучшая польза в разведении шелка от него Гамбета последовать могла; понеже от мануфактур-коллегии объявлено, что в оном казенном заводе от нынешних содержателей никакого размножения не оказалось. 5) Оный завод заводить и распространять сильною рукою и в каком состоянии находиться будет, о том ему Гамбету рапорты присылать в мануфактур-коллегию. 6) Во время восьми лет помянутого шелковичного завода в С.-Петербурге или в околичностях фабрику о сте станах для делания травчатых, золотых, серебряных и шелковых штофов ему Гамбету завесть своим коштом под смотрением мануфактур-коллегии и на таковом же основании, как выше о шелковом заводе предписано».— Кроме того, Гамбету дано право суда и расправы в его заводе за исключением, разумеется, уголовных случаев.

Привиллегии занимающихся шелководством

Но, или все это не состоялось, или успехи Гамбета по шелководству были так незначительны, что в указе, данном императрицею Елисаветою в 1752 правительствующему сенату сказано: «Правительствующему сенату известно, что в России шелковых парчей мануфактуры размножаются, а шелковых заводов почти нет, а достают шелк из Персии по высоким ценам; небезизвестно же, что в Малой России тутовых дерев и к размножению их мест довольно». Вследствие того правительствующий сенат публиковал по Малороссии, а также на Украинской линии и в губерниях Оренбургской и Астраханской, что, «ежели кто пожелает завести шелковичные заводы, то те люди от службы и постоя будут уволены и с продажи шелка десять лет не будет брато пошлины».

Завод армянина Макарова, прежде бывший Сафара Васильева

Между тем завод Макарова (Хастатова) и компании, устроенный при Петре Великом и возобновленный при Анне Иоанновне, находился в довольно хорошем состоянии, даже несмотря на то, что подвергался нападениям окрестных народов, на что именно и жалуется Макаров, говоря, что, без сих нападений и пожаров, он был бы в состоянии привесть свой завод в лучшее состояние. И воинская команда для защиты его завода, состоявшая из двадцати человек, не была в состоянии защиты бедного промышленника от хищников. Завод Макарова составлял род крепости, обнесенной кругом палисадником. Крепость эта была довольно велика, потому что внутри ее находилось до сорока дворов для жительства рабочих людей. Кроме того, в заводе было семнадцать сараев для шелкового дела, из которых двенадцать были сожжены неприятелями. Для кормления червей посажено было 20.000 дерев. Главное несчастие постигло завод Макарова с 1740 году, но, по первому возгласу заводчика, ему была оказана помощь. Ему дарована привиллегия разсаживать тутовые деревья и продавать листья, а вместе с тем для успешнейшего приискания работников, которых наем был очень труден в тех местах, даны сим последним различные льготы. Кроме определенных для защиты завода от набегов неприятелей двадцати солдат, дозволено заводчикам брать и большое число; при отправлении же с завода материалов и людей — пользоваться конвоем.

В 1747 году, издавая регламент Академии наук, императрица Елизавета вменяла между прочим в обязанность физико-математическому отделению заботиться об учреждении в России разного рода фабрик, в том числе и шелковых, и суконных фабрик.

Состояние шелководства в царствование Екатерины II

С восшествием на престол Екатерины II начинается у нас новая эпоха улучшений и преобразования по всем частям. Все роды промышленности весьма много обязаны сей государыне своим усовершенствованием; не было ни одной из них, которой бы она не поощряла с щедротами, истинно царскими. Довольно было изъявлять желание и тем более оказать хотя малейший успех, чтобы обратить на себя внимание императрицы и заслужить от нее или поощрение, или награду.

Таковых поощрений и наград удостоивались и занимавшиеся шелководством. Но эта отрасль нашей промышленности, несмотря на щедроты великой государыни, подвинулась вперед лишь очень мало в сорок лет ее царствования.

Армянин Моисей Сафаров

Армянину Моисей Сафарову, который объявил желание развести в Астрахани сады шелковичных дерев, указом 25 сентября 1763 года, не в пример другим, повелено было отвести земли, сколько сам пожелает с выдачею ему 10.000 рублей на десять лет без процентов; ему же дозволялось и покупать для завода деревни, лишь бы они заключили в себе не свыше ста душ.

Французы Вердье и Ру

В следующем 1764 году граф Орлов, президент канцелярии опекунства иностранных, донес государыне, что русский посланник в Гамбурге, Пушкин рекомендует, для разведения в России шелковиц, а со

временем и заведения чулочной фабрики на подобие французских,— двух французов Антона Вердье и Жана Ру. По повелению императрицы иностранцы сии были тотчас приглашены с тем: 1) чтобы поселиться около Саратова, где отведутся им 60 десятин собственно для разведения шелковиц и сверх того дастся земля под пашню и строения. 2) Они получат в ссуду 6000 рублей, которые впрочем выдадутся им не вдруг, а на первый случай не больше 2000 рублей. 3) Определятся к ним русские ученики из находящихся по близости тех мест воспитанников гарнизонных школ, с выдачею на содержание каждого по 10 руб. в год. Вердье, в самом деле, поселился около Саратова, завел плантацию и содержал ее до 1774 года. В этом году, раззорившись от пожара, он был не в состоянии поддерживать плантацию в прежнем порядке, и она за долги его поступила в казну.

Француз Буссероль

Вслед за тем (в 1765 году) француз Буссероль стал просить о выдаче ему из казны до 20.000 рублей на пятнадцать лет, которые он обещал возвратить пятью равными платежами по 4000 рублей каждый. Кроме того, он требовал себе в вечное и потомственное владение 2000 десятин земли, на коей он намеревался поселить вывозимых им из за границы поселенцев и 30 человек молодых людей обоего пола, которых он брался содержать и обучать, лишь бы они пробыли у него не менее пятнадцати лет. Волков, президент мануфактур-коллегии, ходатайствовавший за Буссероля, говорит в докладе своем императрице, что невозможно, кажется, чтобы успех не соответствовал ожиданию, если только климат тому не препятствует.

Просьба Буссероля была исполнена: ему отведены 2000 десятин земли по обеим сторонам р. Хопри от устья р. Завалы и дано 20.000 рублей, но успех не оправдал ожидания.

Предположения астраханского губернатора Бекетова о шелководстве на Ахтубе

Несмотря на это, государыня продолжала покровительствовать шелководству и шелководам, которых приказано: «с прочими фабрикантами не равнять, но освобождать от всяких поборов с заводов их». Это распоряжение сделано было по представлению астраханского губернатора генерал-майора Бекетова и относилось преимущественно до шелководства по реке Ахтубе. По мнению того же губернатора, шелк, добываемый по Ахтубе, должен быть лучшего качества, нежели астраханский, что, как он говорит в докладе императрице, дознано им по собственному опыту. Бекетов велел построить на Ахтубе большой сарай и отправить туда из астраханской садовой конторы одного заводчика с семенами шелковичных червей. Этот заводчик сделал и смотал в один моток белого, а в другой желтого шелка весом (из 1890 пузырьков) чистого 87 золотников; таким образом ахтубинский шелк противу астраханского явился выгоднее 36 золотниками, ибо там оного вышло из 2000 только 55 золотников. Ахтубинский шелк, по словам Бекетова, и добротою своею превосходил астраханский, несмотря на то, что проба была делана не весьма искусным человеком при кормлении червей лесною шелковицею, из чего Бекетов заключил, что, при хорошем надзоре, можно было бы, по умножении числа тутовых дерев, выделывать шелка на Ахтубе до 80 пудов в год. Генерал Бекетов надеялся даже, что чрез это средство и при помощи частных добывателей шелка на Ахтубе, мы в состоянии будем в скором времени снабжать наши фабрики собственным шелком.

Постановления о шелководстве на Ахтубе

Надежды сии однако же не осуществились, ибо в указе, данном правительствующему сенату 24 февраля 1772 года, императрица говорит: «как из донесения полковника Гурьева усмотрели мы, что на прежнем учреждении ахтубинские шелковые заводы до желаемого размножения никак довести невозможно, то восхотели мы размножению в том краю шелка дать новое основание. Чего ради повелеваем: 1) приписным к означенным заводам крестьянам остаться по-прежнему, только ту работу производить им не в казенную, но в собственную пользу, то-есть каждому семейству особо и не на заводе, но в своих жилищах и собственных строениях и тем обрабатываемым шелком платить им государственные подати, вместо денег, с каждой души по цене на два рубля 74 копейки. 2) Отмежевать тем крестьянам земли, лугов и лесов надлежащее число десятин на каждую душу, из тутовых же лесов выделить каждому участки. 3) Все вышеупомянутые участки, на которых поселенцами заведутся тутовые деревья, жалуем тем заводчикам в собственность вечно. 4) Над определенными для разведения шелка крестьянами быть одному смотрителю и с ним одному помощнику, и определяем в смотрители капитана Рычкова, которому быть в ведомстве астраханского губернатора. При этом утверждена была и инструкция Рычкову, которого должность главнейше состояла в истолковании крестьянам пользу от разведения шелка. Для поощрения же их назначалось каждогодно по 50 рублей, которые разделяли на три части таким образом, что выдавали тому семейству, которое принесет лучший шелк — 25 рублей, следующему по нем 15 рублей, а третьему — 10 рублей. В том случае, когда собственные семена у крестьян погибнут, им дозволялось просить новых у астраханского губернатора, а чтобы не отнимать у них времени, нужного для присмотра за собственными червями и домашнею экономиею, то полагалось употреблять по надобностям казенного производства вольных работников, производя им по договорам плату из казны.

Шелководство в Украйне

С этого времени ахтубинские плантации обращали на себя постоянное внимание императрицы, тем более что, получив преобразование, они стали приносить и большую пользу. Вследствие сего Екатерина II велела завести подобные же плантации и в Украине: «С удовольствием усматривая,— писала она в указе к Щербинину, губернатору слободско-украинскому,— пользу шелковичного производства, при Царицыне по Ахтубе заведенного, и находя что Слободская губерния весьма сходствует климатом, а притом будучи от вас уведомлены, что уже в некоторых частях вашей губернии тутовые леса растут, разсудили мы за благо стараться о распространении шелкового производства в Слободской губернии. Намерение наше состоит,— продолжает государыня,— не в прибытке казне, но собственно в том, чтобы показать жителям образ сеяния тутовых дерев и хождения за шелковичными червями».

Новые Водолаги

Для приведения сего в действие послан был в Украйну ахтубинский смотритель Рычков, который, осмотрев, вместе с Щербининым, волость Ново-Водолажскую, сделал распоряжение к разведению там шелковиц. Для сего назначены были слободы: Новые Водолаги, Водолажки и Караванская, к которым присоединен также и тутовый сад в Белевской крепости (Константинограде). Рычков сделан инспектором над заводами Ахтубинским и Водолажским вместе, но к нему определены были два помощника, из коих один назначался собственно для Слободской губернии.

Из Белевской крепости тутовые деревья перенесены были в Водолаги, куда причислены не только Константиноградский фруктовый сад, но и 5475 душ крестьян, на коих возложена обязанность заниматься шелководством и разводить в известном числе на каждое семейство тутовые деревья. На устройство завода отпущено было из казны единовременно пять тысяч рублей.

В течение 15 лет со времени учреждения рассажено в Водолагах и окрестных селениях при крестьянских домах до 20 тысяч шелковиц. Шелка выделывалось до 1789 года каждогодно от одного до шести фунтов; во время же управления заводом директора графа де Пармы от 1789 до 1800 выделано всего 10 пудов и шесть фунтов, т. е. почти по пуду в год.

Все остальные распоряжения Екатерины II касательно шелководства относились преимущественно к сим двум заводам Ахтубинскому и Водолажскому. Кавказ и Крым, как места новоприобретенные, в коих прежде всего надлежало устроить порядок управления, не могли в отношении к шелководству, обратить на себя того внимания, которое оказано было им впоследствии. Однако же и в Крыму в 1786 году также учрежден был казенный шелковичный завод близ старого Крыма. Он состоял под надзором определенного на десять лет по контракту из италиянцев смотрителя (графа де Пармы, выписанного из Милана графом Разумовским, а потом принятого на службу князем Потемкиным и бывшего впоследствии директором Нововодолажского завода).

Шелковичный завод в Киеве

Находился еще, как сказано выше, шелковичный завод в Киеве. Он поручен был государынею в ведение губернского предводителя Капниста с приказанием сему последнему избрать для плантаций новое место по р. Лыбеди, поручив надзор за деревьями придворному садовнику Пельцу. Фабриканта же Гуттена императрица приказала отправить в Италию для привоза оттуда восьми человек шелководов и орудий, нужных для завода.

1300 семейств, вновь переселенных на Ахтубу

Видя, что ахтубинские плантации находятся под управлением Рычкова в довольно хорошем состоянии, императрица приказала переселить туда еще 1300 семей, которые с поселенными уже там в 1756 году составили всего до 5000 душ мужского пола. Наставление, данное по сему случаю главному смотрителю Рычкову, состояло в следующем:

Всех переводимых крестьян, приняв в свое ведомство, смотритель должен был заставить их производить работы не для казны, а для себя с тем, чтоб они платили в казну известную подать вырабатываемым шелком. Для домашнего обзаведения давалась переселенцам двухлетняя свобода от государственных податей, с тем, однако ж, чтобы поселенные по близости старых тутовых дерев и в самый первый год их водворения начали платить подати шелком.

Показание академика Палласа о плантациях ахтубинских и водолажских

Таковы были распоряжения Екатерины II в отношении к шелководству. Академик Паллас, который в 1774 году посещал плантации ахтубинские и водолажские, говорит об них следующее[1]:

«При Ахтубе недалеко от Царицына, в обыкновенном лесу встречается и дикорастущая шелковица, которая является там и сям до-

[1] Reise durch verschiedene Prowinzen des Russischen Reichs von Pallas.

вольно в хорошем состоянии, распространяясь более, нежели на расстоянии двадцати верст вдоль по Ахтубе. Между всеми деревьями это было одно, которое в сие время (в апреле месяце) не имело еще листьев. Почки его едва только начинали развиваться: оттого и сараи, устроенные собственно для разведения шелка, были еще пусты. Несмотря на то, однако ж, все, что необходимо для вывода червей, было уже заготовлено. Шелковицы здесь растут обыкновенно довольно худо и перемешаны с другими породами дерев так, что они большею частию подвержены наводнениям Волги. Чрез это собирание листьев делается затруднительным[1]; а большие пожары, ежегодно случающиеся в низменных местах и попускаемые как калмыками и казаками, приходящими сюда для лебединой охоты, так и ахтубинскими крестьянами, чрезвычайно вредят шелковицам: это случилось и в нынешнем году. Все сие тем более возбуждает желание, чтоб шелковицы мало-по-малу перенесены были на места возвышеннейшие, не поемаемые Волгою, где, по распоряжению постановленного для надзора за здешними шелковицами ассесора Рычкова, о коем я упоминал, как о моем сопутнике, построены сараи и чрез то обеспечено воспитание червей. Деревья сии можно было бы размножить до бесконечности, как вдоль берегов всей Ахтубы, так и по возвышенным местам островов и, сверх того, можно бы завести богатое шелководство по всем нижним частям Волги, равно как и по Куме и Тереку, где тутовые деревья растут дико, чрез что ту сухую и бесплодную землю удалось бы обратить в богатейшую, населеннейшую и обильнейшую страну империи, соделав из нее русский Гилан. Может быть, к этому поспособствовало бы переселение сюда части колонистов, водворенных на левом берегу верхней Волги».

Водолажские плантации посещены были Палласом при самом начале их устроения. «Только нынешнею весною,— говорит он,— розданы здешним жителям шелковичные семена, из которых взошли очень немногие, да и тех большая часть засохла. В числе сеянцев иные были вышиною в поларшина, а толщиною равнялись уже гусиному перу».

Начало нынешнего порядка управления по шелководству и состояние оного в царствование императора Павла I

Устройство управления по части шелководства в том виде, как оно находится в наше время, принадлежит первым годам царствования Павла I.

Экспедиция государственного хозяйства в докладе своем от 8 ноября 1797 года, изложив сперва краткую историю шелководства в России, говорит, что, несмотря на все попечения правительства, промышленность сия не имела у нас почти никакого успеха. Заводы, устроенные как частными людьми, так и правительством, приходили в упадок и оставались в бездействии. На ахтубинской плантации крестьяне до того пренебрегали шелководством, что, при наступлении сроков для отдачи в казну податей шелком, они старались покупать сырые шелковые пузырьки или коконы в Кизляре и на Тереке у казаков и армян и привозили их на Ахтубинский завод для мотания. По свидетельству же Палласа, озлобление их противу шелкоделия дошло до того, что они нарочно убивали шелковичных червей, опрыскивая их соленою водою и надеясь чрез то избавиться от занятий шелководством. Шелковичный завод в Тавриде, не приносивший никакой прибыли и коего содержание стоило казне до 2000 рублей в год,

[1] То же самое сказано и в докладе экспедиции государственного хозяйства императору Павлу I в 1797 ноября 8 (Прим. подлинника).

уничтожен; на нем шелка выделывалось в год не более 10 или 12 фунтов. Один только Водолажский завод в это время находился еще в сносном положении, но число шелковичных дерев в оном не превышало пятнадцати тысяч. Что же касается до партикулярных заводов, учрежденных иностранцами, которые получили от казны денежные ссуды, то от них не произошло никакой пользы.

Желая усилить шелководство в России, экспедиция Государственного хозяйства поручила члену своему статскому советнику Габлицу составить правила для управления оным. Правила сии, которыми отчасти и ныне еще руководствуются, состоят в следующем:

В тех селениях, где тутовые деревья разведены быть могут, определено было на каждую семью рассадить в каждый год по 10 дерев; с тех же, которые, по нерадению своему, не позаботятся о разведении тутовых дерев, положено взыскивать пени за каждое дерево 10 копеек.

Отличившимся в разведении шелковиц и выделывании шелка давались награждения: дворянам и помещикам — медали, а купцам, мещанам, крестьянам, казакам — денежные награждения, но тем только, кои сделают шелка не менее 10 фунтов. Таковым положено было выдавать 10 руб. награды; выделавшим до полпуда — 25 рублей, выделавшим пуд — 50 руб. К тем местам, где шелк разводится, положено было приставить знающего и опытного смотрителя.

Определено было три смотрителя, или инспектора над шелководством: один в Тавриде и Новых Водолагах, другой — на Ахтубе, третий — на Кавказе и к каждому из них определено по одному шелкомотальщику и по два воспитанника сиропитательных домов. На содержание управления по части шелководства назначалось по 2460 руб. в год.

Постановлении сии в самом деле послужили к некоторому усилению шелководства. До 1798 года в Астрахани и Крыму считалось около 689,000 шелковиц; в этом же году к ним присажено было новых более 112,000, а в 1799 году еще 140.000.

Количество добытого шелка составляло в 1798 г.— 65 пуд. 14½ фунтов, а в 1799 г.— 190 пуд. и 41 фунтов. Это подало надежду добывать впредь столько шелка, сколько нужно было для снабжения оным хотя одной Купавненской фабрики[1]. На потребности всего государства в 1798 году привезено было из-за границы шелка до 14,594 пудов суммою на 1.963.619 рублей, а шелковых материй на 486,762 рубля. Следовательно, эта статья привоза обходилась России без малого в 2½ миллиона рублей.

Меры к распространению шелководства в царствование Александра I

Меры, принятые в сие время для распространения и усовершенствования шелководства и усиленные при Александре I, состояли, по свидетельству Шторха[2], в следующем.

Старались более всего поощрять частных людей, не оставляя впрочем и заведенных уже казенных плантаций, которые превращены были в частные. Ахтубинские плантации, стоившие больших денег и не приносившие никакой пользы, отданы были жителям тех мест. Плантация Хастатова близ Кизляра (которая с 1784 года по причине неуплаченного казенного долга в 35.836 руб. находилась в руках казны) поступила в казенное ведомство вместе с находившимися на ней 40 крестьянами. Вскоре однако ж плантация сия отдана была в распоряжение армян и грузинцев, живших на ней вследствие контракта,

[1] Слобода Купавна, известная шелковою фабрикою, находится в 27 верстах от Москвы в Богородском уезде (Прим. подлинника).

[2] Russland unter Alexander dem Ersten. Von. H. Storch. S.-Petersburg, Heft II.

заключенного с Хастатовым, и занимавшихся шелководством, с тем условием, чтобы они оставались на своих местах и, по прежнему, продолжали заниматься шелководством. Шестьдесят десятин земли близ Саратова, отданные в 1764 году для разведения плантации французу Вердье и потом с тем же намерением переданные саратовскому купцу Шехватову, отданы были городской думе, с тем, чтобы в продолжении шести лет посажено было на каждую десятину по крайней мере по 250 дерев. Вскоре потом и вице-губернатор саратовский получил приказание поощрять жителей к насаждению шелковиц как в окрестностях города, так и в их собственных огородах и фруктовых садах.

Другою, весьма дельною мерою к усовершенствованию шелководства было то, что в Астраханской губернии и в Крыму шелководы могли легко и свободно сбывать свой шелк. Инспекторы над шелководством обязаны были покупать все приносимые к ним шелки русской выделки по той же цене, по какой получаются иностранные шелки того же достоинства. Такого шелку с 1800 по 1807 год куплено казною на 13.624 рубля. Шелк этот продан в Москве за 13.032 рубля. На покупку шелка ежегодно ассигновалось 1500 руб. Купленный таким образом шелк инспекторы должны были посылать для переработки на казенные мануфактуры. Вслед затем предписано было гражданским губернаторам поощрять жителей всеми возможными способами к заведению шелковых мануфактур. Предположено даже было набавить по истечении пяти лет 10% на привозные шелки, в том случае, когда бы шелководство у нас значительно умножилось, с тем, чтобы сборсей обратить в награду тем, кои будут употреблять на своих мануфактурах русский шелк.

Третьего рода меры, принятые для усовершенствования шелководства, состояли в том, что правительство заботилось о распространении оного особенно в нынешних губерниях: Саратовской, Астраханской, Таврической, Екатеринославской, Херсонской, Харьковской, Подольской и Киевской и в Кавказской области. Кроме того, деланы были опыты разведения шелковиц в губерниях: Смоленской — помещиком Духовского уезда генерал-майором Лесли в 1807 году и Симбирской — иностранцем Антоном Флинке в самом Симбирске в 1828 году. Лесли имел у себя 60 больших шелковиц и несколько сот сеянцев, а Флинке до 400 дерев [1].

В сих губерниях, исключая Смоленской и Симбирской, между жителями находятся греки, армяне и немцы, знакомые с сею промышленностью еще в прежнем своем отечестве. Чтобы водворить там шелководство, считалось нужным поощрять насаждение шелковиц и для этого назначены были следующего рода награды:

Купец, рассадивший в один год 10.000 шелковиц, получал серебряную медаль, носимую на груди; мещанин или крестьянин за каждую тысячу посаженных деревьев получал 10 руб., за 2000 — 25 руб., за 4000 — 50 руб. Такие награды одному и тому же лицу могли быть назначаемы только три раза. О дворянах, отличившихся по шелководству, доводимо было до высочайшего сведения.

Дворянам дозволялось отводить земли под шелковичные заведения до 1600 десятин. Предполагалось, что, ежели получивший употребит только одну шестнадцатую долю сего количества, то-есть 100 десятин под посадку тутовых дерев, то он может развести оных, по крайней мере, 25.000, от коих можно бы получить 50 пудов шелка, для выработания коего потребно около 200 душ мужеского пола. Остальные за тем 1500 десятин дозволялось употреблять на другие предметы, ибо для шелководства потребно немного времени.

---

[1] В 1794 году коллежский ассесор Гелен делал опыты разведения шелковиц в Воронежской губернии (Прим. подлинника).

Купцам, которые могли обрабатывать землю и делать посадки только наемными людьми, отводилось не более ста десятин земли и то преимущественно в Крыму, где земли и без того уже разделены были на мелкие участки и где вообще садоводство предпочиталось земледелию.

Получившие землю обязывались в продолжение первых шести лет рассадить на каждой десятине не менее 250 шелковиц. В противном случае земля у них отбиралась, и они должны были, сверх того, внести за каждую десятину по 20 копеек штрафа за каждый год. В следующие шесть лет долженствовали они ежегодно с каждой десятины выработать, по крайней мере, десять фунтов, а по прошествии сего срока, по крайней мере, по полупуду шелка под опасением в противном случае лишиться земли вместе с насаждениями, но уже без взноса штрафных 20 копеек.

Управление по шелководству

Вместе с тем увеличен и штат по управлению шелководством. Так как, за исключением Кизляра и некоторых других мест, мотание шелка было почти совершенно неизвестно, то определены были в Астрахани, на Кавказской линии и в Крыму шесть шелкомотальщиков, избранных преимущественно из армян и грузинцев.

Каждый шелкомотальщик получал 300 рублей жалованья и имел двух учеников из сиротского дома, которые получали по 60 руб. в год. Кроме того, отпущено было единовременно 1800 руб., на материалы и другие вещи. Для того, чтобы сколько можно более распространить сведения о шелководстве и иметь надзор за плантациями и шелковичными заведениями, было определено четыре инспектора с жалованьем по 600 рублей и два унтер инспектора с жалованьем по 300 рублей в год. Все сии чиновники состояли под управлением одного главного инспектора, которого должность была: объезжать все места, где производится шелководство, давать как жителям, так и подчиненным своим наставления и, наконец, изобретать все возможные средства к поощрению сей ветви промышленности. Место сие, с жалованьем по 1875 рублей в год, занимал с 1800 года бывший смотритель над шелководством по Кавказской линии статский советник барон маршал ф.-Биберштейн, известный своею ученостью и сочинениями по части естественной истории. Он каждогодно присылал в экспедицию государственного хозяйства отчеты и предложения о улучшении шелководства. С 1803 года на заведывание шелководством казна стала употреблять уже не 2460, но 7695 рублей, а для учреждения одного образцового шелковичного завода назначено было единовременно 500 рублей.

Во всех девяти губерниях, где производилось шелководство, количество земель, занимаемых плантациями, простиралось по примерному исчислению до 12.364½ десятин, на которых каждогодно должны бы были разводиться вновь 282,900 дерев. Всех же тутовых дерев в 1803 году числилось до 2.670.000; добыто шелку:

В 1800 году	194 пуда 21 фунт.
» 1801 »	285 пуд. 34 фунта.
» 1802 »	364 пуда 3 фунта.

Все дальнейшие распоряжения по шелководству в царствование Александра I должно отнести более или менее к попечительности о сем главного инспектора над шелководством барона маршала Биберштейна.

В представлении своем министру внутренних дел маршал Биберштейн изъяснял, что, по наблюдениям его, в течение восьми лет деланным, успех по шелководству в полуденной части России, особливо

в губерниях Кавказской, Астраханской и Таврической, несмотря на затруднения, встречаемые там по недостатку в людях, оказывается несомненным. В доказательство сему он приводит как ежегодно возрастающее количество выделанного шелка, так и постепенное оного улучшение и умножение шелковичных дерев. Посему можно надеяться, что при пособиях и поощрениях со стороны правительства, эта отрасль сельского хозяйства может усовершенствоваться также и в губерниях малороссийских, Саратовской и Слободско-украинской (ныне Харьковской), где почва земли и климат благоприятствуют разведению шелковиц и выделке шелка; но, к сожалению, говорит барон Биберштейн, жители, единственно по предрассудкам, находят в сем роде промышленности мнимые затруднения, которые впрочем можно будет отвратить.

Образцовое шелковичное заведение близ Харькова

Для достижения сего главный инспектор предложил учредить особенное по части шелководства заведение в окрестностях Харькова, дабы тем удостоверить жителей в возможности упражняться с пользою в шелководстве без нарушения порядка в прочих частях сельского хозяйства; ибо мысль, будто бы шелководство несовместно с обыкновенным хозяйством, была уже общим мнением и очень препятствовала видам и действиям правительства. Заведение это, действительно, было основано в виде частного предприятия, порученного маршалу Биберштейну, которому и выдано на сей предмет из казны 15.000 рублей сроком на десять лет без платежа процентов. А дабы барон Биберштейн мог иметь более свободного времени к усовершенствованию этого заведения, ему позволялось осматривать только те места, где его присутствие оказывалось необходимым, определив к нему помощником грузинского инспектора над шелководством надворного советника Стевена. В Грузии между тем оставлен один только шелкомотальщик с двумя учениками и предоставлено местному начальству употреблять их в заведениях для выделывания шелка, как казенных, так и частных. Такое распоряжение казалось барону Биберштейну тем более удобным, что разъезды инспекторов по Грузии, вместо поощрения жителей, приводят их в сомнение, ибо люди сии, не постигая намерения правительства, думают, что осмотры инспектора делаются только для того, чтоб установить новый налог на тамошний шелк, составляющий, особливо в Кахетии, важную часть дохода.

Колония Парканы близ Тирасполя

В 1808 году, по предположению херсонского военного губернатора, основана была колония из турецких выходцев близ города Тирасполя, на месте, называемом Комаровы Балки, или Парканы, где находились остатки бывшей там во время турецкого владения шелковичной рощи. Выходцы сии, избранные из шелководов, получили землю, отделенную частию от самого города, а частию от казенного селения Малаешты.

Сочинение г. Стевена о шелководстве

В том же году разослано было безденежно печатное сочинение о шелководстве г. Стевена. До сих пор руководством к сему служило подобное же сочинение академика Лепехина, напечатанное в 1798 году.

Путешествие г. Стевена по Закавказским областям

В 1810 году помощник главного инспектора г. Стевен предпринял на своем иждивении путешествие по Закавказским областям: он объехал Кумукскую степь, Тарку, Шекинское ханство, Ширван, Баку, Тифлис, Кахетию и Карталинию. Касательно шелководства замечено

им, что оно лучше всего производится в Ширване, Шекинском ханстве, Елисаветпольском уезде и в провинциях Шамшадальской и Казахской[1]. Первая из сих провинций доставляет в Россию до 1000 пудов шелка ежегодно; но, как в оной, так и в прочих шелководство в 1810 году не было успешно по причине военных обстоятельств. Производству же торговли сих мест с Россиею, по мнению г. Стевена, препятствовали как беспрестанные военные тревоги, так и недостаток в хороших дорогах и вновь наложенные стеснительные таможенные сборы, в течение года расстроившие всю бакинскую торговлю.

Из донесения главного инспектора в сем году видно, что число шелковиц, посаженных на места, простиралось за три миллиона, а сеянцев считалось до двух миллионов.

Сложение пени за неразведение шелковиц

Несчастное положение, в котором находились Астраханская губерния и Кавказская область, где, по сю сторону гор, находятся самые большие тутовые насаждения, было причиною, что не могло быть лучших успехов по шелководству. Это побудило барона Биберштейна представить о сложении пени за сей год с кавказских и астраханских жителей, простиравшейся до 5649 рублей, за исключением впрочем крымских и ахтубинских жителей, у которых накопилась недоимка единственно от их нерадения.

С издания положения о пени, она была взыскана только с 1800 по 1805 год, за прочие же годы она вообще всем была прощаема сперва по неприведению в действие положения о шелководстве, а потом по разным уважениям, как то: крымским жителям — по жестокости бывших зим и погод, по замешательству во владении земель и военным обстоятельствам, кавказским же и ахтубинским — по бывшей в тех местах заразе.

Армяне Арутинов и Иллингеров

В 1811 году выходец из турецкого города Амасии[2] армянин Арутинов просил дать ему землю в Крыму за известную плату и дозволить купить крестьян. Ему предоставлено было право избрать себе земли, безо всякой платы, в степной части Крыма, именно в Мелитопольском и Днепровском уездах, в покупке же людей отказано. То же решение последовало по прошению и другого выходца из Амасии, города Бахчисарая, купца Иллингерова, просившего отвести ему землю из казенной дачи, известной под названием Замруцкой, обещаясь выделывать каждодневно пять, а по истечении десяти лет — сорок пудов чистого сырцу и сматывать шелк собственными машинами, которые, равно как и другие инструменты, намеревался он выписать из Анатолии.

Награды отличившимся по шелкововодству и состояние оного в 1811, 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 гг.

В конце того же (1811) года представлены были министру внутренних дел О. П. Козодавлеву, а чрез сего истинного ревнителя отечественной промышленности государю императору — первые опыты выделки шелка в Саратовских колониях Норке и Шафгаузене. Колонисты награждены были за сию выделку медалями и деньгами.

[1] Записка о путешествии г. Стевена была напечатана в «Северной почте» (Прим. подлинника).

[2] Амасия в Натолии в Азиатской Турции славится своими виноградниками и шелковичными плантациями. По свидетельству армянина Иллингерова там выделывается до 40 пудов шелка (Прим. подлинника).

1811 год был один из лучших по шелководству: шелку выделано в сем году 505 пудов, то есть 141 пудом более против лучших прежних годов. Представляя к наградам тех, которые в 1811 году отличились по шелководству, главный инспектор с особенною похвалою отзывался о таврическом вице-губернаторе Шостаке.

По 1812 год скуплено у частных людей шелка на 16.420 руб. Сумма сия продажею шелка вся выручена, а сверх того оказалась прибыли 393 рубля. Прибыль произошла от того, что некоторое количество шелка куплено в пузырьках, а продан он смотанный казенными шелкомотальщиками.

1812 год хотя уступал в успехах по шелководству 1811-му, но все еще далеко превосходил прочие годы. В сем году выделано шелка 414 пудов, несмотря на продолжавшуюся во многих местах холодную и сырую погоду. Барон Биберштейн, рекомендуя многих колонистов Саратовской губернии, свидетельствовал вместе с тем о необыкновенном упорстве и отвращении к шелководству ахтубинских жителей, из коих большая часть обращена была в соляные вощики.

В 1813 году шелка выделано 372 пуда. Отличились по шелководству многие колонисты, но особенно в Кизляре армянской дворянин Дидебулидзев, выделавший до семи пудов шелку. Причиною меньшего количества выделанного шелка против 1811 и 1812 годов главный инспектор полагал жестокую зиму с 1812 на 1813 год, наводнение около Кизляра, где наиболее занимаются шелководством, военные обстоятельства, занимавшие поселян, и отяготительные временные карантины в Новороссийском крае.

По отчетам главного инспектора за 1814, 1815 и 1816 г.г. видно, что в первый из них выделано шелка 406 пудов, во второй 401 пуд, в третий 470 пудов.

Состояние шелководства в 1817 году

К 1817 году шелководство наше находилось в следующем состоянии. 1) Кроме 444.000 старых шелковиц с 1800 года, имелось вновь рассаженных к 1817 году дерев 4.212.000, сеянцев 2.263.000. Число первых умножилось в 1816 году 283.500, а последних 352.700.

2) Вновь заведенные казенные рассадники год от года приходили в лучшее состояние. В них в 1817 году находилось на лицо рассаженных дерев 87,500 и сеянцев 452,300. Из этих рассадников с 1805 года для распространения шелководства роздано разным лицам безденежно по 1817 год 477,000 шелковиц, в том числе в 1815 году — 75.000, а в 1816 году — 47000.

3) До 1817 года главнейшим предметом по шелководству было разведение шелковичных дерев и, хотя оное было столь успешно, что можно было ожидать значительной выделки шелка, но за всем тем, по мнению барона Биберштейна, часть сия необходимо требовала продолжительного покровительства и поощрения со стороны правительства. Это доказано на опыте в разных европейских государствах, где было правительством предположено введение шелководства и чему именно служит примером Франция, в южных провинциях которой шелководство могло быть упрочено и составить значительную ветвь народной промышленности не прежде, как по восьмидесятилетнем, беспрерывно продолжавшемся об оном попечении.

Шелководство в 1818 году

Следующий 1818 год был лучшим изо всех предшествовавших (за исключением 1811). В 1818 году выделано шелка 490 пудов. С сего времени до самой смерти барона Биберштейна (последовавшей в половине 1826) количество выделанного в год шелка уже не превышало 390 пудов.

Предположения барона Биберштейна о соединении плантаций шелковичных с плантациями фруктовых дерев

Последние шесть лет управления барона Биберштейна ознаменованы были с его стороны тою же ревностию к улучшению разных отраслей нашего народного хозяйства, которою он отличался во все прежнее время своего служения. В начале 1817 года он представил в министерство внутренних дел записку о новых мерах в пользу шелководства и к разведению плодовых дерев в полуденной России.

Главнейшая цель сих новых предположений о шелководстве состояла в соединении плантаций шелковичных с плантациями фруктовых дерев. Для сего, по предложению барона маршала Биберштейна, чиновники по шелководству должны бы состоять во взаимном сношении с начальствами казенных садов. При этих садах, равно как и при училищах виноделия и шелковичных рассадниках, следовало бы учредить школы фруктовых дерев (Baumschulen) для раздачи оных желающим; из числа же казенных учеников по шелководству и учеников, находящихся при Кавказском и Крымском училищах виноделия, назначать по нескольку человек к садам Никитскому и Екатеринославскому для обучения садоводству. Подобные же училища Биберштейн желал завести и при общественных плантациях и фруктовых садах, предоставив смотрение за ними волостным головам под главным надзором инспекторов шелководства. Деревья он полагал продавать по 10 копеек, а вырученные деньги употреблять на усовершенствование и содержание самых заведений.

Представляя все это на усмотрение хозяйственного департамента, Биберштейн говорит, что меры сии, равно как и сосредоточение фруктовых и шелковичных плантаций под одним надзором, необходимы, ибо поселяне, имея более понятия о пользе фруктовых дерев, нежели о пользе шелковиц, конечно, усерднее примутся за заведения, включающие в себе и первые. Сколько благодетельно и нужно,— продолжает главный инспектор,— размножение всякого рода дерев в наших полуденных, в особенности степных губерниях, это кажется не требует доказательств; а сколь малы и медленны поныне в том успехи, всякий заметит, кто хотя раз проехал по сказанным краям. Каждое в наших полуденных степях выращиваемое дерево есть истинный дар для потомства[1]. От умножения садов и рощей можно даже ожидать благую перемену в климате тех мест, где, как известно, обыкновенные летние засухи, при всей плодородности земли, подвергают полевые произрастания частому неурожаю, а в домашнем скоте, составляющем главное сих краев богатство, особливо в рогатом, рождают ежегодные падежи.

Причины, побудившие барона Биберштейна к изложению сих мер, заключаются особенно в том, что всеобщий беспорядок в его время по казенным селениям и беспечность о том местного начальства и земской полиции превосходили всякое вероятие. Повсюду, особливо в раннюю весну и в глубокую осень, видны были толпы скота, бродившего по полям, лесам и садам без всякого присмотра, и против этого не принималось никаких мер: огорожи и плетни, вместо того, чтобы возобновляться и поправляться, разрушались и употреблялись на топливо самыми же крестьянами. Это зло отнимало всякую возможность разводить живые изгороды, которые могли бы доставить большие выгоды.

Министр внутренних дел и министр финансов были совершенно согласны с предположениями барона маршала Биберштейна; но для исполнения оных требовались деньги, и это было причиною, что по-

[1] Кто не вспомнит при этом Петра Великого, собственными руками насаждающего дубовые желуди около Таганрога... (Прим. подлинника).

лезные предположения ученого и благонамеренного мужа не приведены в действие. Переписка о сем продолжалась до самой кончины барона Биберштейна.

Состояние шелководства в последние семь лет управления барона Биберштейна

В последние семь лет его управления выделано было шелка всего 2503 пуда, то-есть:

В 1819 году	391	пуд.
» 1820 »	382	»
» 1821 »	290	»
» 1822 »	353	»
» 1823 »	338	»
» 1824 »	335	»
» 1825 »	394	»

Следовательно, многим менее против предыдущих шести лет, чему причиною, по донесению барона Биберштейна, как упавшие цены на шелк в Кизляре, так и то, что старания инспекторов и других чиновников оказываются тщетными без содействия местных начальств.

Трибодино и Герци

В 1824 году два пиемонтские фабриканта Трибодино и Герци, заведшие, при помощи правительства, в С. Петербурге фабрику для выделывания шелковых материй и крашения шелков, объявили желание употреблять на своей фабрике русский шелк. По требованию хозяйственного департамента главный инспектор прислал на пробу шелка разных сортов, но они назначили им цены слишком низкие и именно за пуд желтого шелка № 1 по 500 рублей, № 2 по 300 рублей и белого № 2 от 450 до 475 рублей, между тем как, по свидетельству барона Биберштейна, московские фабриканты платили за пуд тонкого шелка по 600 и по 750 рублей.

Г. Стевен определяется главным инспектором над шелководством.—Его представления

По смерти барона маршала Биберштейна в 1826 году преемник его статский советник Стевен возобновил предположения своего предшественника касательно садоводства. Г. Стевен предполагал завести сады в разных местах, лежащих на полдень от 52 град. север. широты и именно в Симферополе, Херсоне, Парканах близ Бендер, Киеве, Лубнах, Елисаветграде, Харькове, Бахмуте, Воронеже, Саратове, Сарепте и Ставрополе. Из этих садов деревья могли бы быть легко получаемы за сходную цену жителями окрестных мест. При каждом из сих садов предполагалось иметь учеников, число которых могло простираться, смотря по обширности сада, от шести до пятнадцати. Учеников сих, если не найдется охотников из крестьян, можно бы было заимствовать из воспитательных домов с тем, чтобы они были не моложе семнадцати лет. Для шелковиц при сих садах полагалось учредить особенную плантацию, коею должно бы ежегодно пользоваться для выкармливания червей.

«В Германии,—присовокупляет ко всему этому г. Стевен,— особливо в землях протестантских, садоводство обязано пасторам не только всеобщим распространением, но и лучшими сочинениями, каковы например классические книги Христа и Сиклера. Российское духовенство, подавшее уже похвальный пример прививанием оспы, без сомнения, и в садоводстве не откажется послужить наставником своих сограждан: у многих из приходских священников и дьяконов в деревнях

есть небольшие сады. Можно бы отвесть им места для древесных школ, с предоставлением права продавать деревья в свою пользу».

На такое представление г. Стевена ответствовано, что предположение его очень хорошо и обещает большие успехи нашему садоводству, но что оно не может быть приведено в исполнение, потому что для этого требовалось 26.000 рублей единовременно и по 10.000 рублей ежегодно.

Шелководству у гг. Реброва и Скаржинского на р. Куме

Представляя ведомости за 1826 год, в который выделано было шелка 359 пудов, г. Стевен представил также министерству внутренних дел пробы шелка, добытого в имениях статского советника Реброва и коллежского ассесора Скаржинского на реке Куме в Кавказской области. Шелк этот, по свидетельству г. Стевена, не уступал лучшему итальянскому.

Предприятия Кастеллы за Кавказом

В том же 1826 году получил десятилетнюю привиллегию на разматывание шелка в Закавказских провинциях иностранец Кастелла (Eduard Henri Castellaz). По получении оной он составил компанию, которой главнейшими членами были он и его товарищи Дидло (François Didelot de la Ferté) и Гернозан (Hernosant), флигель адъютант полковник кн. Голицын и тифлисский гражданин Кетхудов.

Главною целию Кастелла было, как сказано, разматывание шелка. Для этого он предполагал устроить в разных местах шелкомотальни, из коих десять должны были находиться между Тифлисом и Баку. Заведения сии назначались средоточиями, куда мог собираться добываемый в тех местах шелк. Размотанный на них шелк должен был отправляться, вместе с другими товарами, на пароходах из Баку к Волге и в 46 дневный срок доставляться в С. Петербург. На проезд от Тифлиса до Баку Кастелла полагал десять дней, от Баку до Астрахани четыря дня, от Астрахани до Нижнего Новгорода десять и оттуда до С. Петербурга двадцать два дня. Доставка каждого пуда товаров, по его исчислениям, должна была обходиться в шесть рублей, между тем как прежним путем через Моздок и Москву она стоила 12 рублей.

Кроме шелка, которого Кастелла надеялся добывать в Закавказских провинциях до 25.000 пудов, он желал восстановить или усовершенствовать и другие отрасли народного богатства сих провинций. Особенно обращали на себя внимание его город Баку, как лучшая гавань в Закавказьи и самая Бакинская провинция, где он надеялся добывать шафран, нефть, рис, марену и соль. Хлопчатую бумагу этой провинции и вообще берегов Каспийского моря он предполагал заменить хорошею хлопчатою бумагою (coton à longue soie) и вообще обратить внимание на рыбную ловлю, торговлю и судоходство Каспийского моря. Для собрания сведений о всех сих предметах, посланы им были четыре путешественника, которые в феврале и марте 1828 года успели объехать три провинции Шекинскую, Ширванскую и Бакинскую [1].

Для усовершенствования земледелия за Кавказом Кастелла выписал из Франции опытного землевладельца с помощниками, надеясь,

[1] Имена их: Лапорт (Laporte) — для исследований по части статистики и мануфактурной промышленности, Равержи (Ravergie) — для минералогии и натуральной истории, Виттман (Wittmann) — для земледелия и ботаники, Раго — (Ragault) как товарищ Лапорта для исследований по части торговли. При них был переводчик для татарского и грузинского языков и проводник из нухинских татар. (Прим. подлинника).

что при главном предмете — произведении и размотке шелка, и прочие отрасли сельского хозяйства усовершенствуются по лучшим методам.

Центром действий своих Кастелла избрал Тифлис, где, учредив годовую ярмарку, а в Баку устроив торговую контору, он надеялся открыть себе путь — с одной стороны через Астрахань к Нижнему Новгороду (как сказано выше), оттоль в северную Россию; с другой — через Астрабат в Персию и верхнюю Азию. Другой пункт — редут Кале в Мингрелии должен был соединять его с Южной Россиею, Константинополем, Марселью [1] и всею Европою. Третьим пунктом, где Кастелла хотел устроить контору, избран им был Моздок, как место сухопутного переезда в Москву и Петербург. Он уверен был, что ничего нет легче, как направить в Россию всю торговлю азиатскую и европейскую, направленные до того времени на Смирну и Константинополь.

Хотя капитал компании Кастелла простирался слишком за полмиллиона рублей, но он не мог обойтись без помощи правительства. Ему выдано было из казны 80.000 руб. сер. заимообразно на 10 лет. Кроме того, он получил до 30 десятин земли около Тифлиса для устройства образцовой фермы и шелкомотального заведения и до 2000 десятин, участками в тех из Закавказских провинций, где найдутся годные для его заведения пустопорожние казенные земли [2].

От 2 декабря 1827 года Кастелла уведомлял уже г. министра финансов, что работы его по шелкомотанию в полном ходе: люди, выписанные им из Франции, числом 100 человек, находились уже в Тифлисе и трудились, сто пленных персиян, доставленных генерал-адъютантом Сипягиным, военным губернатором г. Тифлиса, работали недалеко от немецкой колонии, сто других были ожидаемы через несколько дней. Ему обещано было доставить до 400 ссыльных женщин для работы на его заведениях, и он хотел выписать мастериц из Франции, которые бы могли обучать сих женщин. Ему дозволено было также закупать коконы у казны. Кроме множества строений в Тифлисе, Кастелла строил также шелкомотальню в Имеретии и снабжал водою 30 десятин около Тифлиса посредством трех колодцев с водоподъемными снарядами (munis de roues à chapelet).

Кастелла однако ж не суждено было видеть конец его предприятий. Он умер в ноябре месяце следующего 1828 года во время путешествия в Нуху, а со смертию его не только рассеялись все его планы, но и существенная часть его предприятий. По распоряжению местного начальства (графа Паскевича Ериванского) заведение его поступило в заведывание комитета, учрежденного для рассмотрения планов и смет по устройству фабрик Кастелла, и оставалось под управлением оного до 1835 года.

В продолжении этого времени подано множество проектов о восстановлении фабрики Кастеллы, которая посещена была многими лицами.

Камер-юнкер Пельчинский и иностранец Моренас, посетив оную в конце 1829 года, отнеслись об ней с очень невыгодной стороны. Очень справедливо однако ж последний (г. Моренас) порицает намерение Кастелла организинировать шелк в Грузии, где содержание машин и работников обходится так дорого. Это действие, по мнению г. Моренаса, удобнее было бы производить в Москве и вообще внутри России, ибо шелк в сыром виде (la soie écrue) может перевозиться безо всякого

---

[1] Через этот город Кастелла выписывал свои машины, инструменты и рабочих. На корабле, сфрактованном Кастеллою в этом городе, приехал в 1825 году в Мингрелию и главный товарищ его механик Дидло (Прим. подлинника).

[2] Один князь Голицын с товарищами своими сенатором кн. Куракиным и полковником Потемкиным внесли 500.000 руб. ассигнациями (Прим. подлинника).

вреда очень далеко. В пример приводит он англичан, которые, употребив все старания о размотке шелка в Индии по европейской методе, не заводили ни одной машины для организинирования шелка.

Сенатор обер-берг-гауптман 3 класса Мечников, ревизовавший вместе с графом Кутайсовым комитет, учрежденный для надзора за фабрикою Кастелла, хотя и соглашался, что иностранец этот сделал важную ошибку, стараясь разом подвинуть все свои огромные предположения, утверждал однакож, что предприятие Кастелла, не будучи удачно для него самого, впоследствии принесло пользу Закавказскому краю: ибо на заведении, им начатом, обучено много людей шелкомотанию по европейской методе.

Почти то же говорит о предприятиях Кастелла и коллежский советник Калиновский, в 1834 году подавший г. министру финансов проект о преобразовании его фабрики. Вместе с сим проектом г. Калиновский представил и некоторые сведения о шелководстве Закавказского края вообще. Значительное шелководство за Кавказом, по наблюдениям г. Калиновского, находится в провинциях Шекинской, Ширванской и Кабардинской, в Имеретии и Джаро-Белоканской области. В Грузии, провинции Кубинской и в Талашинском ханстве оно не важно; а в Армянской области, провинциях Бакинской, Дербентской и Ахалцыхском пашалыке им почти вовсе не занимаются. Шелководством занимаются большею частию татары, шелковичные же сады принадлежат частию казне, но более частным людям. Первые находятся только в провинциях Шекинской, Ширванской и Карабахской. Для добывания шелка к казенным садам приставляются так называемые речбары из казенных бездомовных поселян: они обязаны выматывать для казны шелк, представляя ей из пяти частей три, две же части остаются им на прокормление с семействами. Шелководство в Кубинской провинции отдается на откуп, а в Елизаветпольском округе вносится за оное определенная подать. Во всем Закавказском крае подать шелком собирается только с жителей Карабахской, Ширванской и Шекинской провинций, жители же Джара-Белоканской области и Илисуйского владения платят, вместо шелка, деньгами. Число шелка, собираемого в трех первых провинциях, простирается до 420 пудов в год.

В 1834 году был уничтожен комитет, управлявший фабрикою Кастелла, а в начале 1835 года она поступила совершенно в казенное ведомство под именем Тифлисской образцовой шелкомотальной фабрики. Состоя под управлением особого директора и под начальством главноуправляющего Грузиею, фабрика сия назначена местом сбора шелка и коконов в Закавказском крае, из которых она должна была производить ежегодно до 129 пудов трощеного шелка. На содержание фабрики отпущено всего 40.510 рублей сер., содержать оную потом предполагалось собственными доходами, которых ожидалось до 28.000 руб. сер. в год.

Успехи шелководства с 1826 по 1830 год

Количество шелка, выделанного по сю сторону Кавказских гор, было:

в 1826 году	. . . . .	359 пудов
» 1827 »	. . . . .	377 »
» 1828 »	. . . . .	432 »
» 1829 »	. . . . .	455 »

В том числе в одной Кавказской области добыто в 1828 году 345 пудов, а в 1829 году 350 пудов.

Следственно, успехи шелководства двух последних годов были довольно значительны, но с этого времени они приметно уменьшались.

В Таврической губернии шелка выделывалось в год от 8 до 45 пудов, а всего с 1797 по 1828 год выделано 489 пудов.

Предположения таврического гражданского губернатора о шелководстве в Таврической губернии

Надеясь усилить шелководство в Таврической губернии, тамошний гражданский губернатор Нарышкин представлял министру внутренних дел о том, чтобы ему дозволено было принять в свое распоряжение шелковичные заведения Таврической губернии со всеми чиновниками и служителями по сей части и чтобы в его распоряжение было отпущено также до 5000 руб., из коих он полагал производить платеж по вольным и выгодным для хозяев ценам за выделываемый ими шелк. Закупленный же таким образом шелк он, чрез своих корреспондентов, намеревался отправлять на фабрики внутрь России.

Предположения таврического губернатора признавались полезными новороссийским и бессарабским генерал-губернатором графом М. С. Воронцовым, но в министерстве найдены неудобоисполнительными.

Представление саратовского гражданского губернатора о уничтожении шелковичной плантации в городе Саратове

Между тем в 1828 году саратовский гражданский губернатор (кн. Голицын) представил об уничтожении Саратовской шелковичной плантации, стоившей, по показанию Саратовской городской думы, до 600 рублей в год и не приносившей никакой пользы. Это та самая плантация, которая некогда принадлежала иностранцу Вердье, с тою только разницею, что 60 десятин, отведенные ему в 1764 году, находились за городом, в безводном месте, доставшись же купцу Шехватову, эта земля заменена была другою, более удобною в городе (у белой Глинки). Поступив потом в ведение городской думы, плантация эта доставляла от 3 до 7 фунтов шелка, а по мнению инспектора над шелководством, она должна бы доставлять вообще не менее четырех пудов в год. Вследствие представления саратовского губернатора об уничтожении Саратовской плантации инспектор Фофанов отозвался, что она находится в дурном состоянии единственно от худого присмотра, но что саратовский аптекарь Шеньян изъявил желание взять ее на свое попечение. Начальство уважило желание аптекаря Шеньяна и Саратовская плантация была отдана в его ведение.

Жалобы г. Стевена на упадок шелководства

В это время главный инспектор над шелководством в письме на имя г. министра внутренних дел (графа Закревского) объяснил, что шелководство в течение многих лет лишено всякого поощрения, что лица, представляемые к наградам за успехи, не нуждаются, и суммы для покупки у них шелка не отпускаются и что ученики шелководства получают жалованье слишком малое. В отчете же за 1828 год г. Стевен пишет, что он уже не осмеливается ходатайствовать о награждении отличившихся по шелководству, потому что прежние его представления не были удостоены внимания. Между тем он представил на благоусмотрение департамента доставленные в сем отношении от инспекторов свидетельства.

В отчете за 1829 год г. Стевен относится с большой похвалою о коллежском ассесоре Арешеве и статском советнике Реброве. «Как в прошедшем году»,— говорит он,— так и в нынешнем самой большой изо всех шелковичных заводов был у коллежского ассесора Арешева, и я не думаю, чтоб где-либо в Европе у одного хозяина выделывалось столько шелка: в 1828 году у него добыто 11, а в 1829 году 14 пудов. Хождение за червями для такового количества требует необыкновенного усилия, ибо от малейшей неисправности в кормлении и присмотра весь завод мог бы погибнуть».

Цены на шелк в этом году были весьма низки и именно: на месте от 7 руб. 50 коп. до 8 руб. 50 коп. за фунт, а на Нижегородской ярмарке лишь несколько дороже. Тонкого шелка, подобного итальянскому, выделывалось мало, потому что сбыт его был неверен; обыкновенный же кизлярский, как и всегда, покупался в Астрахани и для небольших подмосковных фабрик, самый толстый шелк расходился по ногайским аулам, где взамен давались шерсть, сало и т. п.

На реке Куме близь старых Маджар и ниже, где местоположение и почва земли несколько похожи на страну около Кизляра, шелководство мало по малу стало вводиться. Там статский советник Ребров, в селении Володимировке в 1829 году выделал до пяти пудов шелка, заботясь о распространении своего заведения. Шелк у него разматывается на подобие лучшего итальянского и размотка усовершенствована еще тем, что нить с пузырьков идет прямо на тростильные катушки, вместо того, что шелк обыкновенно мотается сперва с пузырьков на мотовила (или вязанки), а с сих уже на катушки. Хотя, по замечаниям г. Реброва, мотальщик, который в день смотает до одного фунта шелка на колесо, и не смотает более четвертой, а много третьей доли фунта на катушки и, вместо одного мальчика для топки печки, носки воды и вертения колеса, ему нужны два; однако же это заменяется тем, что нить идет всегда ровная без хлопков, что более получается шелка с того же количества коконов и что фабрикант уже избавляется от издержек на размотку (составляющих до 1 рубля с фунта) и от траты до 10 процентов, полагаемой на рвань.

Занимаясь дальнейшим усовершенствованием шелковичного производства, г. Ребров изыскивал также средства к тому, чтобы вместе с трощением шелка и сучить его, на чем уже оканчивается отделка сырого шелка, который в таком виде может поступать прямо на фабрики. Г. Ребров начал вместе с тем выделывать у себя довольно хорошие шелковые материи.

Сведения о шелководстве, собранные г. Кеппеном

Из донесений помощника главного инспектора над шелководством коллежского советника Кеппена за 1828 и 1829 годы между прочим явствует, что в течение восьми лет (от 1820 по 1829) пуд мотаного шелка в Таврической губернии продавался не дешевле 405 и не дороже 465 рублей. «Правительство,— говорит он,— могло бы смело назначить по 11 руб. за фунт простого шелка. Для поощрения же шелководства можно бы, в продолжение первых двадцати лет, назначить за каждый фунт от 12 до 14 рублей. Из числа колонистов, водворенных на Таврическом полуострове, одни болгары производят шелк, употребляемый ими на домашние изделия, армяне же григориопольские, равно как и жители Дубоссар и окрестных мест, забыв уже о поощрениях и наградах, которыми казна отличала рачительнейших шелководов, иногда даже скрывают свое занятие, боясь, чтобы их не обложили податью».

Замечания и предположения г. Кеппена

В отношении к шелководству южной России вообще Кеппен замечает, что во всех местах, лежащих на север от Екатеринослава, неудобно уже кормить червей целыми ветьвями, но дается им один только лист, сощипанный с тутовых дерев, что требует несравненно более занятий и при чем самых червей труднее содержать в надлежащей чистоте. Обстоятельство сие может служить доказательством, что шелководство во всех местах, на север от Екатеринослава лежащих, всегда будет сопряжено с значительными неудобствами и что, при

новом каком-либо образовании управления сею ветвию государственного хозяйства, правительство не имело бы большой нужды заботиться о распространении оной на север от Новороссийских губерний, где садоводство может принесть несравненно большие выгоды. Если бы в некоторых странах, например в Италии, и действительно выкармливали шелковичных червей сощипанным с ветвей листом, вместо того, чтобы класть им целые ветви, то сие в отношении к России не может быть принято во внимание. Там, при многолюдстве и господствующей в народе неге, сия легкая ветвь промышленности может привлекать к себе жителей; у нас же этого долго еще ожидать нельзя, потому что крестьяне и крестьянки, посвящая труды свои другим занятиям, могут приобретать более того, что доставляет добывание шелка, коего сбыт у нас иногда затруднителен.

На этом основании Кеппен полагает, что, не взирая ни на какие поощрения и старания чиновников, по части шелководства служащих, еще долго, а, может быть, и вовсе нельзя ожидать успеха по шелководству в Харьковской губернии,— разве только в южной части оной — в Изюмском уезде. Полезнее, кажется, было бы обратить большее в сем отношении внимание на другие, более к полудню лежащие губернии.

Мерами к улучшению нашего шелководства, говорит он, могли бы быть также устроение в Крыму, в Кавказской области и на Днестре небольших заведений для выделывания шелковых, наипаче же полушелковых материй и ежегодное печатание известий о состоянии шелководства. Первая мера обеспечила бы сбыт шелка и приохотила бы жителей к выкармливанию червей,— последняя могла бы служить для предотвращения ложных известий, распространяемых иногда несведущими по сей части людьми, или корыстолюбивыми прожекторами.

Разного рода шелки, употребляемые на русских фабриках

В отношении к торговле в России и употреблению оного на наших фабриках, Кеппен предоставил следующие известия[1].

Италианского шелка, отличающегося от прочих сортов тем, что мотан в две тончайшие нити, употребляется вообще немного. Все количество оного, привозимое в Москву, простирается до 800 тюков кип (Ballen), или до 3200 пудов основы (organsin) и до 50 тюков, или до 2000 пудов утоку (trame).

Прочие шелки, употребляемые на Московских фабриках, известны под названиями Брузского, Кашанского и Шамахи.

Брузский шелк очень хорош, бел и имеет лоск, приятный для глаз. Нить его гладкая, мотан наиболее в 5, 6 или 8 волокон.

Кашанский шелк бывает мотан в 10 или 12 волокон. Он получается чрез астраханских армян кипами в 2 пуда и 12 фунтов. Мотка сего шелка не лучшая, ибо, мотая его коконов в двенадцать, не редко встречаются нити в пять и даже в четыре волокна, что понуждает карасников заботиться об уравнении сего шелка до трощения оного. Дыль или то, что при уравнении сем выбрасывается, продается не свыше трех рублей за фунт. При трощении сего шелка из пуда выходит не более 37 и даже 35 фунтов.

Шамаха. При трошении сего шелка с пуда получается, если он хорош, около 34 фунтов; если же в нем много рвани, то не более 32 и даже 30 фунтов. Шелк сей бывает мотан в 20 и в 25 волокон.

---

[1] Они напечатаны были в журнале министерства внутренних дел за ноябрь месяц 1834 года (Прим. подлинника).

Цены на шелк в 1829 году

Цены на шелк в Москве в 1829 году были следующие:

Италианский	от 850 до 1000 руб. за пуд.
Брузский	» 630 » 640 » » »
Кашанский	» 450 » 500 » » »
Шамаха	» 300 » 320 » » »

Симферопольский, мотанный в три волокна, был оценен в 650 рублей за пуд.

Тот же	в 12 волокон в 500 руб.
» »	» 20 » от 325 до 350 руб.

Кизлярский, господ Арешевых, мотанный в 5 волокон, был оценен только в 475 руб. за пуд.

Вопросы касательно шелководства в колониях, предложенные министерством внутренних дел

В следующем 1830 году министерство внутренних дел, желая знать о состоянии шелководства в колониях иностранных поселенцев, разослало следующие запросы о сем предмете в конторы иностранных поселенцев: Екатеринославскую, Бессарабскую, Грузинскую и Одесскую.

1. В каких колониях наиболее занимаются разведением тутовых дерев?
2. Какие роды шелковицы разводятся в каждой колонии?
3. Так как всем видам белой шелковицы предпочитаются в Ломбардии два вида ее: 1) murier rose à feuilles d'Italie и 2) Capo longo ou à feuilles d'Espagne, то нужно знать, те ли виды ее разведены в южном крае России?
4. Употребляется ли при разведении шелковицы провивание, как средство, ускоряющее рост дерева и способствующее большему развитию листьев его?
5. Не было ли опытов над выкармливанием червей другими растениями, кроме шелковицы, и в таком случае какие употреблялись к тому растения и с каким успехом? Не было ли употребляемо таких растений, кои прозябают ближе к северу и кои следовательно могут служить для разведения шелководства в тех местах, в коих шелковица, по ее свойствам, не произрастает?
6. Какие коконы производятся более: белые или желтые и какие из них преимущественно употребляются на то или на другое?
7. Что причиною малого успеха в выкармливании червей в южной России и почему колонисты не употребляют для собственных своих выгод старания к усилению сей ветви хозяйства?
8. Какие должно предпринять меры к успешному распространению у нас шелководства?
9. Употребляется ли у колонистов шелковица для добывания вина из оной, или для сидения водки?
10. Употребляют ли шелковицу для живых заборов около садов и виноградников?

Ответы на оные, составленные г. Фадеевым, членом Екатеринославской конторы иностранных поселенцев

В числе полученных ответов особенное внимание заслуживают те, которые представлены Екатеринославскою конторою и которые составлены были членом оной Фадеевым.

Дав ответ на первые семь вопросов, г. Фадеев излагает мнение свое о том, какие надлежало бы принять меры к усовершенствованию у нас шелководства.

Шелководством у нас занимаются из иностранных поселенцев особенно жители колоний Кронсгарт и Иозефсталь (в Екатеринославской губернии).

В 1807 году в Иозефстале делаемы были опыты кормления червей листьями калины, береста, олив, вишен и салата, но не удались: черви слабо поддерживались в жизни сею пищею только несколько дней и потом умирали [1].

Изложив краткую историю шелководства в России, г. Фадеев продолжает: «У нас полагается возможным предпринять насаждение тутовых дерев на всем пространстве, лежащем между Днепром и Уралом, до 53 сев. широты. Но самыми удобными местами к разведению шелка признаны по климату Астраханская, Кавказская и Таврическая губернии, а впоследствии предположено было распространить оное и на губернии Киевскую, Подольскую, Слободско-Украинскую (Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую) и полуденную часть Саратовской.

Число жителей в сих губерниях, причитающееся на каждую квадратную милю, простирается:

В Астраханской	. . . . .	до	57 чел.
» Кавказской	. . . . .	»	92 »
» Таврической	. . . . .	»	211 »
» Киевской	. . . . .	»	1503 »
» Подольской	. . . . .	»	1542 »
» Харьковской	. . . . .	»	817 »
» Екатеринославской	. . . . .	»	583 »
» Херсонской	. . . . .	»	380 »
» Саратовской	. . . . .	»	310 [2] »

Из этого усматривается, что те губернии, где климат распространению шелка наиболее способствует, именно: Астраханская, Кавказская и Таврическая, слишком мало населены для того, чтобы шелководство могло в них соделаться в скором времени важною статьею народной промышленности.

Значительность населения Киевской, Подольской и частию Харьковской губернии, заметная в сравнении с таковою в прочих наших губерниях, все еще далеко отстоит от многолюдства в Италии, южной Франции и самой Германии. Оно не многим еще превосходит степень населенности, которая в Пруссии была признана недостаточною для распространения шелководства. Основания новых отраслей хозяйства в тех местах можно бы ожидать только от богатых помещиков, более других предприимчивых и расположенных к опытам с пожертвованием выгод настоящих для выгод будущих. Но для сего выгоды будущие, шелководством обещаемые, слишком незначительны и слишком неверны, тогда как помещики могут еще долгое время устранять неудобства оказывающегося стеснения в земле улучшением самого производства хлебопашества и скотоводства.

---

[1] В последнее время (1838) некто г. Решетников пробовал кормить червей листьями скорсонеры. Черви, кормленные сим растением, по словам г. Решетникова, дали коконы, которые ничем не уступали коконам червей, кормленных шелковицею.

Опыт Моризе де Кмарвезана и Дюрана во Франции, говорят, были так удачны, что они предлагали скорсонерою заменить шелковицу во всей Франции («Русский земледелец», 1838 г. № 1). Однако же опыты, деланные в Симферополе статским советником Стевеном, не подтвердили показаний г. Решетникова и поименованных иностранцев, которых открытие, если бы было дельно, конечно, вскоре распространилось бы по земному шару. Не раз уже подобные известия были предметом газетных статей, но пользы никакой не приносили!

[2] Г. Фадеев заимствовал это исчисление из: Essai d'une statistique général de l'Empire de Russie par Schnitzler.

Одно неудобство: защитить шелковичные деревья от повреждения скотом,— для чего нужно копать рвы, при затруднении обгородить насаженные пространства деревом, или камнем, по недостатку сих материалов,— достаточно остановить покушение многих помещиков обзаводиться тутовыми плантациями.

Многие из помещиков Малороссии, проживая более 20 или 30 лет на одном месте, не озаботились до сего времени даже о том, что развести хотя несколько деревьев, которые могли бы им доставить тень в знойное время. Можно ли после этого от таких людей ожидать какого-либо полезного нововведения в сельском хозяйстве? Еще менее можно сего ожидать от наших казенных поселян. Желания побудить к шелководству крестьян, поселенных в Саратовской губернии по р. Ахтубе, были столь неудачны, что промышлять о распространении шелководства у простолюдинов Новороссийского края, при настоящем их образе жизни, характере и нравах, совершенно невозможно.

По докладу 8 ноября 1797 г. видно, что правительство ожидало успехов в шелководстве от греков, а Паллас надеялся сего в особенности от армян; но, как те, так и другие предпочитают мелочной торг всякому другому промыслу. Армяне, поселенные при городе Старом Крыме, довели до совершенного уничтожения и те шелковичные насаждения, кои там существовали в прежнее время, а греки, переселенные из Крыма в Мариупольский округ, не многим разнятся, в отношении к промышленности, от соседних с ними ногайцев.

Наложение пени на нерадивых не могло быть успешною мерою к распространению шелководства, потому что тутовые деревья станут размножаться тогда только, когда жители будут насаждать их в надежде получить со временем от сего выгоду. Награды же выделывателям шелка были слишком незначительны и назначались только тем, которые выделывают шелка не менее десяти фунтов; между тем как во Франции, при введении там шелководства (в XV столетии), выдавалось за каждый фунт по 30 су. Благоразумная мера покупать у частных людей выделанный ими шелк была у нас прекращена очень некстати. Что же касается до раздачи земель частным людям для тутовых насаждений, то едва ли кто-либо из получивших земли на сем основании исполнил свою обязанность. Мера эта служила наиболее только предлогом к получению земли, в надежде удержать оную за собою под разными предлогами, не выполняя условий, на коих она отводилась. Изо всего этого г. Фадеев выводит справедливое заключение, что шелководство никакими мерами правительства не может составить вскоре важного предмета народных занятий и промышленности в России, успехов же от него должно ожидать только в будущее время. Если бы разведение тутовых дерев и умножение количества выделываемого у нас шелка продолжалось и ныне так быстро, как сие было в первые два десятилетия нашего века, то, конечно, не было бы причины сетовать на худые в том успехи. Но так как впоследствии насаждение шелковичных дерев не умножалось, и самое количество выделываемого шелка не возрастало, то меры к распространению у нас шелководства должны состоять в дополнительных только распоряжениях, устраняющих препятствия к возможному, так сказать, натуральному ходу шелководства.

Посему не должно увлекаться мыслию, будто бы шелководство могло когда-либо соделаться общею отраслью хозяйства в южной России; но следует ожидать современем успеха в оном только от людей недостаточных, не ищущих обогащения, но усматривающих скудность средств для своего пропитания и возможность несколько усилить сии средства побочным, дополнительным упражнением в шелководстве, как сие с 1824 года предполагается и в Баварии.

Такого рода люди могут у нас быть (кроме армян, грузинцев и козаков в Грузии и по рекам Тереку и Кубани) между живущими в

южной России разночинцами, низшими чиновниками, духовенством, мещанами и поселянами, также иностранными и военными поселенцами. Их-то надлежало бы убедить в действительной и несомненной пользе, которую они могли бы извлечь от шелководства...

Состояние шелководства в 1831, 1832 и 1833 годах

Отчеты главного инспектора за 1831, 1832 и 1833 годы наполнены жалобами на худое состояние не только шелководства, но и вообще всех отраслей сельского хозяйства. Причинами оного были свирепствовавшая в это время холера и неурожаи, а в Кавказской области и частые нападения горцев, от которых убегая, жители оставляли на разорение свои сады и пажити.

Изо всех шелководов в эти годы отличались г. Ребров в Кавказской области и провизор Шеньян в Саратове. Последний с плантации, на коей до того выделывалось в год только от 3 до 7 фунтов, получал уже до двух пудов разного шелка и в 1833 году пуд этого шелка поднесен был, согласно желанию саратовского градского общества, государю императору для употребления на Александровской мануфактуре.

Количество шелка, выделанного в сии три года, не могло быть значительно:

В 1831	году	оно	составляло	287	пуд.
» 1832	»	»	»	262	»
» 1833	»	»	»	279	»

Число шелковиц также не увеличилось, а уменьшилось и в 1833 году, например, в Кавказской области их разведено вновь только 18.000, между тем как убыль простиралась до 220.000.

Жалобы разных лиц на дурное состояние шелководства

Это время, то-есть начало нынешнего десятилетия, можно назвать по справедливости эпохою жалоб на шелководство. Кроме изложенных выше представлений о сем г.г. Нарышкина, Стевена, Кеппена и Фадеева, последовали еще таковые же представления от г. Переверзева, управлявшего департаментом государственного хозяйства и киевского военного губернатора генерал-адъютанта Левашева.

Представления о сем действительного статского советника Переверзева

Г. Переверзев подал министру внутренних дел записку, в коей, изложив историю шелководства в России и, сказав о попечениях об оном правительства, доказывает, что труды и издержки не вознаграждаются ожиданными пользами и что по сему излишне было бы продолжать какие-либо на то от казны пожертвования. И потому Переверзев, оставляя без внимания то, что с заведыванием над шелководством состоит в связи и доставление сведений о других ветвях сельского хозяйства, полагал: учрежденные от правительства места и должности для надзора над шелководством уничтожить, занимаемые заведениями под шелководством казенные земли отдать в ведомство министерства финансов, а доставление министерству внутренних дел сведений и ведомостей по шелководству и виноделию возложить на гражданских губернаторов. Меры сии, по мнению г. Переверзева, сохранили бы казне каждогодно 30.248 руб. асс. и 1112 руб. сер., издерживаемых на содержание чиновников по шелководству.

Зная, что инспекторы над шелководством заведывают, кроме шелководства и другими отраслями сельского хозяйства в южной России, хозяйственный департамент полагал: не уничтожая штатного положения о шелководстве, переименовать главного инспектора в инспекторы хозяйственных заведений, а подчиненных ему инспекторов назвать его помощниками.

Генерал-адъютанта Левашева

Представление киевского военного губернатора от 2 мая 1833 года касалось только Киевской и Подольской губерний, где шелководство найдено им в самом ничтожном состоянии. Причинами этому он поставлял не совсем шелководству благоприятствующий климат сих губерний, недостаток охотников к занятию шелководством и то, что существуют другие отрасли промышленности, лучше шелководства вознаграждающие труды тамошних жителей. Генерал Левашев признавал, что издержки правительства в тех губерниях напрасны и что достаточно было бы одних поощрения и вознаграждений, делаемых тем, кои отличаются по сей части.

Предположения графа де Парма

Как бы в противоположность сим мерам и предположениям, направленным против шелководства, граф де Парма, инспектор над шелководством в губерниях Харьковской, Екатеринославской и Таврической, вошел в 1834 году с представлением, в котором он изложил свои предположения по сей части. Исчислив причины малых успехов разведения шелка в России, гр. де Парма утверждал, что, независимо от сего, шелковицы растут у нас под 51° широты и не погибают при 32° мороза. Это служит, говорит он, лучшим доказательством возможности усвоить нашему отечеству шелковичную промышленность. А для такого усвоения он считал необходимым устроить школы шелководства и увеличить штат чиновников, даровав им различные привиллегии.

Предложение г. Реброва устроить блондовую фабрику в С. Петербурге

Между тем статский советник Ребров в октябре 1836 года представил г. министру внутренних дел новый проект, именно об устройстве в Петербурге блондовой фабрики. Доставив министру внутренних дел образцы высокого сорта под названием сина, выделанного в его поместьи посредством недавно выписанных из Кяхты настоящих китайских червей, г. Ребров предлагал устроить в Петербурге блондовую фабрику. Мысль об устройстве этой фабрики подал ему находящийся в Париже агент министерства финансов по мануфактурному департаменту камергер барон Мейендорф, по случаю требования на шелк Реброва, объявленного известным лионским фабрикантом Дюфуром д'Арль.

«В окрестностях Кана (Caen) в Нормандии,— пишет барон Мейендорф г. Реброву,— существует в крестьянских жилищах промышленность, разливающая довольство: она, кажется, может быть введена и в России. Торговые домы в Кане покупают более чем на миллионы франков кружевного шелка. Шелк этот сходствует с тем, который был прислан г. Ребровым в Лион, но вообще низшего сорта. Материал этот раздается окрестным поселянам, коих жены выделывают из него кружева. Работа сия до того прибыльна, что женщины, ею занимающиеся, выигрывают от полутора до трех франков в день, а все вместе выделывают кружев почти на 5.000.000 франков. Можно бы выписать двух работниц из Кана на следующих условиях:

1. Уплатить им за проезд из Кана до С. Петербурга.
2. Положить 1000 руб. в год обеим работницам, которые могли бы сами себя пропитать.
3. За каждый аршин белого кружева платить им половину цены, существующей на французские кружева.
4. По прошествии пяти лет уплатить издержки на возвратный путь из России в Кан.

Работницы сии были бы у нас учительницами этого рода промышленности. Их окружили бы другими работницами, и это небольшое заведение могло бы сделаться ядром промышленности, на произведения коей требования беспрестанно возрастают в России. Кружев употребляют у нас более, нежели на полмиллиона рублей. Поставку шелка для предполагаемой блондовой фабрики г. Ребров принимал на себя.

По докладе о сем г. министром внутренних дел государю императору его величество повелеть соизволили: представить обще с министром финансов его величеству мнение о том, как бы поощрить сие дело.

Мнение общего присутствия Хозяйственного департамента касательно предположений гг. Реброва и гр. де Парма

Предположение г. Реброва, равно и предположение прибывшего в С. Петербург графа де Парма о новом устройстве шелководства были рассматриваемы в общем присутствии Хозяйственного департамента, которое 11 генваря 1837 г. положило:

1. Уничтожив инспекции Астраханскую, Саратовскую, Слободско-Украинскую, Киево-Подольскую и Херсонскую, штаты оных — 10.944 рубля — употребить на поддержание и усиление инспекций Таврическо-Екатеринославской и Кавказской.
2. Упразднив звание главного инспектора над шелководством, подчинить инспекторов каждой губернии гражданским губернаторам.
3. Определение места и обширности суммы, потребной на учреждение казенного шелковичного завода с училищем, возложить на особый комитет, в котором бы, сверх членов общего присутствия, находились люди, занимавшиеся практически шелководством, и другие, сведущие в физических науках. Комитету сему предоставить начертать проект положения о казенном заводе и руководство для частных шелководов.
4. Между тем снестись с здешним опекунским советом об отделении воспитанниц воспитательного дома для образования из них на предполагаемой фабрике блондовых мастериц. По получении же отзыва опекунского совета выписать двух мастериц блондового дела из Нормандии.

Решение о том совета министерства внутренних дел

Совет министерства внутренних дел, куда поступило дело сие, одобряя предположения общего присутствия Хозяйственного департамента, определил однако же не приступать к решительным мерам, не снесясь касательно уничтожения инспекций по шелководству с местными начальствами тех губерний, где оно предположено, касательно же учреждения блондовой фабрики в Петербурге — с министром финансов.

Мнения, требованные по сему предмету от разных лиц

Вследствие сего положено было снестись с главным инспектором над шелководством, губернаторами: саратовским, астраханским, харь-

ковским, киевским и херсонским, вместе с тем и с г. министром финансов.

В числе ответов, полученных на сии запросы, заслуживают особенное внимание отзывы главного инспектора над шелководством и г. министра финансов.

Мнение главного инспектора над шелководством

Главный инспектор над шелководством в отношении к предполагавшемуся заведению шелкодельного училища изъяснился таким образом: существовавшие как в России, так и в других государствах, например в Пруссии, Баварии и пр. казенные шелкодельные училища и заводы довольно доказали безполезность таковых заведений, стоющих больших издержек и подающих повод ко многим злоупотреблениям. По сим причинам уничтожен в 1800 году и казенный Ахтубинский завод и после того всегда отвергаемы были проекты, подаваемые разными лицами об учреждении подобных заведений. Что же касается до улучшения шелководства, то относя оное к выкармливанию червей, должно заметить, что принятый в России способ есть тот самый, который употребляется в Персии и Индии и который далеко превосходит обыкновенный италианский и французский. Если же распространить улучшение на шелкомотание, то это уже не есть собственно шелководство, но фабрикация, которая относится к производству шелковых коконов, как прядильная фабрика к овцеводству. Но как всякий исправный шелкомотальщик может, по востребованию, смотать самый тонкий шелк, то и явствует, что заводы и училища шелкоделия в России совершенно безполезны, тем более, что Индия и Персия так дешево продают нам свой шелк, между тем как холодный и сухой климат полуденной России столько препятствует успешному шелководству, что разве при большом населении, какого ожидать можно только по миновании целых столетий, сельский хозяин найдет выгоду заниматься воспитанием червей и фабрикант — устроить шелкомотальню. Поэтому гораздо полезнее было бы обратить у нас внимание на садоводство вообще: шелководство же присоединить к нему как отрасль, а не как главный предмет.

Отзыв г. министра финансов касательно учреждения в Петербурге блондовой фабрики

Г. министр финансов, в отношении к учреждению в Петербурге блондовой фабрики, заметил, что устройство подобной фабрики в России не есть новость, ибо француз Журдень уже в 1832 году завел было таковую в Петербурге, но без успеха. Подобное же заведение, состоявшее при воспитательном доме, признано блаженной памяти государынею императрицею Мариею Федоровною совершенно бесполезным; отвергнут был также проект о том же предмете, поданный в 1826 году государыне императрице французским купцем Руми. Опекунский же совет чрез г. статс-секретаря Вилиамова ответствовал г. министру финансов, что, как опыты плетения в России блонд не только в самом воспитательном доме, но и воспитанницами оного на фабрике Журденя, были неудачны, то он не полагает выгодным повторить сии опыты...

Состояние шелководства в 1834, 1835 и 1836 годах

В 1834, 1835 и 1836 годах шелководство ни сколько не подвинулось вперед. Шелка выделано в сии годы:

в 1834	году	362 пуда
» 1835	»	264 »
» 1836	»	257 »

Общество распространения за Кавказом шелководства и торговой промышленности

В 1836 году составилось общество распространения за Кавказом шелководства и торговой промышленности. В ведомство сего общества, коего существование предположено на 30 лет, отданы были все казенные тутовые сады в Шекинской провинции на пять лет бесплатно, и на следующие 25 лет со взносом ежегодно в казну получаемого с них по средней сложности пяти последних лет до 1836 года, дохода.

Речбары, находящиеся при сих садах, должны также находиться в ведении общества, которое освобождалось от платежа в откуп по существующей в Закавказском крае рахтарной статье, именуемой Мизан[1]. Из свободных казенных земель, как в Шекинской, так и других Закавказских провинций обществу позволено было избрать участками 5000 десятин, которые и оставлены ему в вечную и полную собственность в том случае, когда оно исполнит назначенные ему условия. Кроме шелка, общество предполагало добывать красильные и другие растения, как то сафлор, шафран, марену, индиго и т. п. и содержать на морях Черном и Каспийском свои суда и пароходы для развоза Закавказских произведений. Капитал общества состоял из 2 млн. рублей асс. Число акций определялось выпустить на первый случай 400 и 500 руб. асс. каждая. Главное управление общества находилось в С. Петербурге под надзором первых учредителей, которые приняли на себя звание директоров. Число сих особ было пять и именно: гр. Бенкендорф, обер-шталмейстер кн. Долгоруков, д. ст. сов. кн. Дондуков-Корсаков, колл. сов. камергер Жадовский, мануфактур советник Карл Трибодино.

О состоянии шелководства в последнее десятилетие главный инспектор представил в 1836 году следующие сведения:

Обзор состояния шелководства в последнее десятилетие с 1827 по 1837 год

В последние 10 лет сия часть сельского хозяйства весьма мало распространилась и небольшие успехи оказались только в западных губерниях.

В Херсонской губернии как число рассаженных шелковиц, так и количество выделанного шелка постепенно увеличивается, наипаче в селениях, на Днестре находящихся. В 1826 году во всей губернии было около 152.000 дерев, а в конце 1835 по ведомостям значится уже 210,000. Шелка в 1826 году добыто только 8½ пудов, потом несколько лет — меньше, с 1831 же года выделка стала возрастать и в 1833 его получено уже 20, а в 1835 году — 35 пудов.

В колониях Екатеринославской и Херсонской губернии также приметны некоторые, но не столь быстрые успехи по части шелководства. В 1826 году в них было 95.000 дерев, а в 1835 уже 136.000. Шелка в 1826 году выделано было 5½ пудов, в 1832 году — 16 пудов, а в 1835 году — 12½ пудов. Пред прочими отличается колония Иозефсталь недалеко от Днепра. Колонисты Таврической губернии как при р. Молочной, так и в Крыму вообще не занимаются шелководством: они посвящают все свое время овцеводству, хлебопашеству и частию разведению картофеля и огородных растений.

В Киевской и Подольской губерниях хотя число шелковиц против 1826 года и несколько умножилось, но количество выделанного шел-

[1] Рахтаром собственно называется сбор пошлин с предметов торговли заграничной. Он и действительно был таковым, когда провинции Закавказские имели своих собственных владетелей; но когда они соединились под владением России, часть этого сбора сделалась уже не заграничною, но внутреннею податью, оставив за собою прежнее название рахтара. Мизан есть внутренняя рахтарная подать, собираемая за перевес шелка. (Прим. подлинника).

ка остается почти то же: в Киевской — от 4 до 7, а в Подольской — от 8 до 10 пудов в год.

В Астраханской губернии число шелковиц от 1826 до 1832 умножилось, а шелка выделывалось несколько менее: от 25 пудов, добытых там в 1826 году, оно дошло в 1831 г. до 20 пудов, а в 1832 выделано не более 15 пудов.

В Саратовской губернии при городской г. Саратова плантации, также как и в колонии Шафгаузен теперь только стали с некоторым успехом заниматься шелководством.

В губерниях Харьковской и Екатеринославской выделка шелка, не превышавшая и прежде 12 или 13 пудов в обеих губерниях, уменьшилась до половины. Дерев в сих губерниях погибла почти четвертая часть всего на лице состоявшего количества.

В губернии Таврической выделка шелка уменьшилась еще в большем размере, ибо, вместо 38 пудов, выделанных в 1826 году, в 1835 году добыто только 12½ пудов, дерев же и сеянцев из числа 381.000 убыло 162.000, то-есть около ²/₅ всего количества.

В Кавказской губернии шелка выделывается обыкновенно от 200 до 300 пудов и только в 1835 году, по причине неблагоприятствовавшей погоды, выделано не было 100 пудов. Самые лучшие годы были 1828 и 1829, в кои было выделано 345 и 377 пудов (почти исключительно в Кизляре и Кизлярском уезде); после того выделка шелка не превышала 250 пудов. С 1826 года погибло в Кавказской области 391.000 шелковиц, что составляет шестую часть всех бывших там тутовых дерев. Плантации уничтожаются и шелководство уменьшается особливо в западных округах Кавказской области. Доброта шелка в Кизляре остается одинаковою с прежнею, а статский советник Ребров на Куме выделывает шелк, продающийся до 1800 руб. за пуд, между тем как обыкновенный Кизлярский не бывает дороже 500 рублей.

Упадок шелководства в Кавказской области происходит от несчастного положения того края, которого жители едва могут помышлять о хозяйстве; в западных округах все общественные плантации истребляются, после того как жители освобождены от платежа пени за неразведение шелковиц и это, конечно, есть лучшее доказательство, что они не приносили пользы.

В Таврической губернии причина упадка другая: шелковица здесь может расти только в поливных местах, где однако же виноделие и садоводство, даже посев кормовых трав приносят гораздо более прибыли. В прочих губерниях климат для шелководства менее способен и несколько холодных зим сряду истребили много шелковиц....

Состояние шелководства за 1837 год

О шелководстве за прошлый 1837 год доставлены г. Стевеном следующие сведения по разным губерниям:

Кавказская область. Вновь посажено в сей области шелковиц 68.000, в том числе в Кизляре 40.000, а убыло 56.000. Шелка выделано 226 пудов, в том числе в Кизляре 160½ пудов. Весною выведено было червей столько, что, за недостатком листа, шелководы покупали оный в отдаленных местах, платя до 15 руб. за воз. С июня месяца сильные ветры и дожди столь вредное имели влияние, что нарочитая часть червей погибла. Кизлярский шелк продавался от 11 до 13 руб. за фунт, а в станицах и селениях от 8 до 12 руб. за фунт. Количество выделываемого шелка уменьшается не только на Тереке, но и помещики мало уже занимаются шелководством. В селении Шелководском например на Тереке выделано всего 11 фунтов, в Парабичевом — один пуд, между тем как в прежние годы добывалось в первом вдесятеро, а во втором вчетверо более. Так и в других селениях, несмотря на множество шелковиц, или вовсе не выделывают шелка,

или делают оного количество, несоразмерное с числом годных к тому дерев. Прекрасные шелковичные рощи в Ставропольском округе: в Надежде, Михайловке, Пологиаде, в Медведском, Высоцком, Калиновке и пр., хотя не могли еще совершенно быть истреблены, но остаются без всякого присмотра, и деревья не приносят никакой пользы. Даже и там, где выделано несколько шелка, по малому его количеству и по низкой цене не вознаграждены труды выкармливания червей и издержки на содержание сарая. Однако же выделанный в Бургон Мажаре на Куме у помещика Скаржинского продан в Москве по 850 рублей за пуд. В Прасковее, на Куме, более всех жители имеют шелковицы: иные от двух до восьми тысяч, к чему много способствует удобность поливать сады; но шелка они выделывают мало и во всей слободе с 58.000 дерев добыто оного только два пуда. Шелковицы у них более употребляются на колья для винограда, на что их рубят каждые три или четыре года.

Губерния Астраханская. Шелка выделано здесь: сырца — 18 пуд. 3½ ф., хлопчатого — 6 пуд. 12 ф., всего 24 пуда 15½ фунтов. По неудачному сбережению червячковых яичек у некоторых значительных шелководов не было шелка. Цена шелка была от 12 до 16 руб. 50 коп. за фунт. Дерев посажено вновь 3134, а убыло прежних 351. Г. Стевен замечает, что астраханский шелк был отличной доброты. Цены на оный были: сырца — от 12 до 16 руб. 50 к., хлопчатого — от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп., а коконов по 2 руб. 50 коп. за фунт.

Саратовская губерния. Саратовский шелк, добытый на городской плантации, не уступал итальянскому. Оценить его можно было по доброте — сырец от 20 до 25 руб. за фунт, а хлопчатый от 3 до 5 рублей. Шелка выделано всего в Саратовской губернии 1 пуд 27 фунтов сырца и 9½ фунтов хлопчатого. Дерев состояло всего 5400 годных. В сем году посажено 600 дерев и из семян взошло 16.600.

Губерния Таврическая. В конце майя от частых дождей шелковичный лист местами пожелтел и испортился, так что червям в пищу не годился, отчего по недостатку корма, их много пропало. Несмотря на то, получено во всей губернии 13 пудов 20 фунтов шелка. Шелк продан на месте от 12 до 15 руб. за фунт. Шелковичных дерев посажено вновь всего 12.000.

Губерния Екатеринославская. Шелка выделано всего 4 пуда 18 фунтов, наибольшее количество 41 фунт в Таганроге при городском саду. Посажено в Таганроге и Таганрогском ведомстве около 3400, а убыло 22.600.

Колонии Екатеринославские. Выделано шелка всего 5 пудов, 5 фунтов. В колонии Иозефстале выделано 2 пуда 30 фунтов. Вновь не посажено ничего, а убыло 1800 дерев.

Киевская губерния. Шелка выделано чистого 2 пуда 19 фун., хлопчатого 20 ф. Дерев посажено вновь всего 5728, убыло 20.577 разсаженных дерев. В казенном рассаднике при селе Жуковцах на Трипольской земле находятся 8000 дерев, годных для кормления червей и до 40.000 сеянцев для раздачи желающим. Подобный же рассадник при селе Черняхове состоит из 10.000 больших дерев и 3200 сеянцев. В самом Киеве шелковичный сад с казенным рассадником ныне уничтожается по назначению его под эспланаду вновь строимой крепости. В нем до 10.000 старых дерев и 2800 сеянцев.

Подольская губерния. Шелка выделано 5 пудов 30 фунтов сырца, 1 пуд 26 фунтов хлопчатого, наибольшее количество у могилевских евреев.

Херсонская губерния. Урожай шелка в 1837 году был не велик, по причине разлития Днепра, который четыре раза выступал из берегов своих, так что жители не могли собрать лист с растущих по низ-

менным местам шелковиц. Выделано по всей губернии, кроме колоний, 3 пуда 30 фунтов, большая часть у обывателей казенных селений.

При казенных адмиралтейских садах в Николаеве выделано 12 фунтов. Шелк продавался частию в Одессе — обществу сельского хозяйства по 2 руб. 50 коп. серебром. У г. Иснара в Одессе имеются большие школы привитой крупнолистной шелковицы того же рода, как на хуторе умершего грека Мавротери близь Херсона.

Харьковская губерния. Шелка выделано при общественных плантациях: в Водолагах 7 фунтов, а вместе с другими всего 16¼ фунтов. Посажено шелковиц 13.215, а убыло 22.000.

Итак, в 1837 году шелководство по сю сторону Кавказа находилось в следующем состоянии:

Название мест		Выделано шелка	Число шелковичных дерев
1. Область — Кавказская	г. Кизляр 160½ п.	226	1.729.710
	прочие места 65½ п. . .		
	226		
2. Губерния Астраханская		24½ п.	60.167
3. » Таврическая		13½ »	240.538
4. » Екатеринославская		4½ »	139.123
5. » Херсонская		3¾ »	222.569
6. Новороссийские колонии		8 »	156.079
7. Губерния Саратовская		2 »	25.923
8. » Харьковская		½ »	67.326
9. » Киевская		3 »	554.162
10. » Подольская		7½ »	526.815
Итого . . .		294 пуда	3.722.412

В числе сих 294 пудов шелка было 268½ пуд. сырца и слишком 25 пуд. хлопчатого шелка[1].

Из этого явствует, что шелководство по сю сторону Кавказских гор собственно сосредоточено в Кизляре, где количество добываемого шелка превышает половину всего количества шелка, выделываемого не только в других местах Кавказской области, но и во всех губерниях Европейской России.

[1] В видах торговли за 1837 год помещена статья, в которой количество шелка и шелковых материй, привезенных из-за границы в три последние года, означено следующим образом:

Шелка сырца и пряденого привезено

в 1835 году	в 1836 году	в 1837 году
на 13.107 руб	на 8.792 руб.	на 10.694 руб.
шелковых материй		
на 9.859.608 руб.	на 9.655.354 руб.	на 12.296.214 руб.

Из Персии и Турции через Кавказский край привезено в 1837 году шелковых и бумажных изделий на 6.859.000 (Прим. подлинника.)

Число шелковичных плантаций и шелковичных рассадников в России

Число шелковичных плантаций и рассадников в России простирается до 1731, из них 26 казенных, 546 принадлежат обществам, а 1159 частным людям. Количество земли, ими занимаемой, по примерным исчислениям, может простираться до 1193¼ десятин.

В казенных шелковичных рассадниках в 1838 году всего состояло 619.955 дерев и сеянцев. С 1805 года по 1838 всего роздано безденежно желающим 1.542.150 дерев и сеянцев.

Шелкопрядильная машина Генриха Графа и товарищество Закавказской механической шелкопрядильни

Усовершенствования по шелководству ныне ожидать можно от вводимой в России иностранцем Графом шелкопрядильной машины[1]. Машина эта, по описанию г. Графа, взявшего на нее привилегию, есть изобретение мюльгаузенского уроженца Эрзама, который, находясь в продолжение тридцати лет в Италии и управляя знаменитою шелкопрядильною Альи (Aglie) в Пиемонте, постоянно стремился к изобретению улучшения по сей части. После безчисленных попыток, он остановился, наконец, на этой машине, простой по своему устройству и к употреблению весьма удобной для выделки шелка, не уступающего итальянскому, о чем письменно удостоверили все здешние шелковичные фабриканты.

Проба шелка, смотанного на машине г. Графа в Технологическом институте, в присутствии начальника второго отделения третьего департамента государственных имуществ и описание самой машины посланы были к г. главному инспектору над шелководством, который ответствовал, что эта машина может принести нашему шелководству величайшую пользу и приобретение оной для Симферопольской казенной плантации было бы желательно.

В настоящее время для обеспечения сбыта добываемых жителями шелковичных пузырьков весьма было бы желательно, чтобы предполагаемая г. Графом компания для размотки шелка состоялась, ибо существование оной было бы едва ли не лучшее и, может быть, единственное средство усилить в наши дни шелковичное производство по сю сторону Кавказа.

Из следующей таблицы о количестве шелка, добытого в России с 1798 года, видно, в какие годы шелководство возвышалось и упадало в продолжение целых четырех десятилетий.

Годы	Количество выделанного шелка	Годы	Количество выделанного шелка
1798	65	1802	365
1799	190	1803	229
1800	194	1804	238
1801	285	1805	304

[1] Замечателен способ разматывания шелка, найденный бароном Биберштейном у Терских казаков в 1798 году. Казаки брали пузырьки, размягчали их водою, потом перетирали, расчесывали на подобие шерсти и пряли. Для обучения их лучшему способу шелкомотания, приобретены были экспедициею государственного хозяйства, по настоянию Биберштейна, у машиниста Юни в Петербурге две машины для Кавказской области и одна для Крыма. Барон Биберштейн пригласил также двух шелкомотальщиков из Кизлярских армян, которые отправлены были — один к терским казакам, а другой на Таврический полуостров. (Прим. подлинника.)

Годы	Количество выделанного шелка	Годы	Количество выделанного шелка
1806	269	1822	353
1807	193	1823	338
1808	199	1824	335
1809	220	1825	394
1810	326	1826	359
1811	505	1827	377
1812	414	1828	432
1813	372	1829	455
1814	406	1830	378
1815	403	1831	287
1816	471	1832	262
1817	487	1833	279
1818	490	1834	362
1819	391	1835	264
1820	382	1836	257
1821	290	1837	294
		Итого в 40 лет	13,069 пудов

а средним числом каждогодно 326 пудов. Из этого числа слишком 300 пудов добывается на частных плантациях, 9 пудов на общественных и 24 фунта на казенных.

Англия перед угрозой десанта Наполеона I

(1801—1805 гг.)

Публикуемые документы посвящены одному из эпизодов англо-французской борьбы, той борьбы, под знаком которой развивались международные отношения конца XVIII — начала XIX веков.

Это была борьба между достигшей к концу XVII в. наибольшего могущества феодальной Францией и выходившей после только что пережитой буржуазной революции на путь бурного капиталистического развития Англией.

В результате ряда войн, завершившихся семилетней войной (1756—1763), Франция лишилась своих важнейших колоний — она потеряла большую часть завоеванных ею ранее территорий в Индии, почти весь Сенегал в Африке и почти все свои владения в Северной Америке.

В это же самое время росли — и в значительной степени за счет французских — колониальные владения Англии: к 80-м годам XVIII в. Англия утвердилась в Канаде, приобрела ряд колоний на атлантическом побережье Северо-Американского континента, стала располагать Вест-Индскими островами, устьем р. Гамбии и берегом Сьерра-Леоне на Африканском материке и, наконец, громадными территориями в Австралии.

Овладев Гибралтаром, запиравшим вход в Средиземное море, и о. Миноркой, Англия начинала обгонять Францию на путях к Леванту и подрывать ее торговую гегемонию в Турции, хотя у Франции и оставался прямой выход к Средиземному морю.

С давних пор англичане располагали и точкой опоры в Германии в лице курфюршества Ганноверского,— фамильные владения новой английской династии.

В то время как французская монархия старалась утвердить свое влияние на Пиренейском полуострове династическими связями, англичане овладевали рынками пиренейских государств и захватывали опорные пункты на море. Особенно крупного влияния они добились в Португалии, а также в Голландии. Удар, нанесенный Англии в Новом свете успешной борьбой американской буржуазной демократии за независимость, не поколебал могущества Англии. Промышленный же переворот дал английской индустрии огромный перевес над остальною Европой. Это получило свое выражение прежде всего в торговом договоре, заключенном Англией в 1786 г. с Францией Людовика XVI; французское землевладельческое дворянство хотя и получило в Англии хороший рынок для сбыта сельскохозяйственного сырья, но, прокладывая британским промышленным товарам широкий доступ во Францию, договор этот наносил удар по интересам французских промышленников. Французская абсолютная монархия обнаруживала свою неспособность в деле защиты интересов отечественной промышленности.

Когда, после крушения «старого порядка», во Франции у власти стала буржуазия, англо-французская борьба возобновилась с новою силою.

Осуществившееся в процессе борьбы с интервентами укрепление военного могущества Франции, оккупация Бельгии и немецких владений на Рейне, при-

соединение Савойи и Ниццы создали предпосылки для реализации экспансионистской программы французской буржуазии. Достигнутое Францией военное преобладание в Европе определило дальнейший ход международной борьбы.

Борьба французской буржуазии за европейскую и мировую гегемонию не могла не быть прежде всего борьбою с Англией, для которой создавалась прямая угроза потери европейского рынка. Перед Англией стояла задача — не допустить расширения Франции в Европе, нанести удар ее военному могуществу.

Начав борьбу с революционной Францией, Англия продолжала борьбу и с Францией наполеоновской. В этой борьбе она старалась использовать военные силы крупнейших, но экономически отсталых монархий Европы, оказывая им помощь своими деньгами и своим флотом.

Обрушив удар на континентальных союзников Англии, заключив с Австрией мир в Кампо-Формио (17 октября 1797 г.), и окружив себя поясом дочерних республик, Франция предприняла экспедицию в Египет, чтобы укрепить свое положение в Леванте и с египетского плацдарма угрожать английскому владычеству в Индии. Англии удалось тем временем создать новую коалицию против Франции с участием Австрии, России и Неаполитанского королевства. Египетская экспедиция Франции, как и предпринятая за год до того попытка поддержать морской экспедицией восстание в Ирландии, кончилась неудачей. Но борьба со второй коалицией была успешна: Австрия была разбита, Россия вышла из коалиции.

По Люневильскому договору (9 февраля 1801 г.) Австрия согласилась на отторжение Бельгии, на уступку Люксембурга и всех владений по левому берегу Рейна, на признание Батавской, Гельветической, Цизальпинской и Лигурийской республик. Ослабление Австрии и антибританская позиция, занятая Павлом I, создали для Англии неблагоприятную международную обстановку. Расстройство финансов в результате крупных расходов, связанных с содержанием коалиционных армий, национальное движение в Ирландии, рост недовольства рабочих масс, разорявшихся от войны, все это указывало правящим кругам Англии на необходимость временно прекратить борьбу.

Дворцовый переворот в Петербурге мог принести плоды далеко не сразу. Занятый борьбой с якобинцами и роялистами и упрочением своего единодержавия, Наполеон в свою очередь был заинтересован в том, чтобы, получив передышку, собрать силы для новой борьбы. Он начал с англичанами переговоры о мире. Переговоры продолжались около полугода и закончились подписанием 26 марта 1802 г. Амьенского мирного договора. Франция обещала возвратить Египет Турции и эвакуировать свои войска из Рима. Англия вернула Франции и союзным с ней странам (Голландии и Испании) все колонии, которые она захватила во время войны (кроме Цейлона и Тринидада). Она обязывалась эвакуировать все занятые ею пункты на Адриатическом и Средиземном морях, она обязывалась, наконец,— и это было особенно важно — не вмешиваться в дела Германии, Голландии, Италии и Швейцарии.

Добиться заключения торгового договора англичанам не удалось. Амьенский мир являлся победою Франции: Англия теряла для сбыта своих товаров не только французский рынок, но и значительную часть европейского. Владея Бельгией и Голландией, Наполеон, по его собственным словам, держал в своих руках «пистолет, направленный в грудь Англии».

Амьенский мир являлся не более как передышкой для обеих сторон.

Англия приступила к организации новой коалиции и поддерживала террористические выступления французских роялистов. Наполеон, действуя при поддержке вассальных государств (Голландии и Испании), готовил большой транспортный флот и армию для десанта на Британских островах. Воспользовавшись тем, что Англия не выполнила обязательства об эвакуации Мальты, Наполеон с февраля 1803 г. вступил с английским послом в Париже в резкие объяснения, ориентируясь на разрыв.

В начале мая 1803 г. Уитворт выехал из Парижа. Началась новая англо-французская война.

Англия имела перед собой старого противника, выросшего территориально, укрепившегося экономически, располагавшего лучшею в мире армиею, возглавляемою талантливыми полководцами. Новым — и это являлось моментом, благоприятным для Англии — было теперь только то, что выступала не прежняя революционная Франция, несшая на своих знаменах лозунг «мир хижинам — война дворцам!», а страна, возглавляемая деспотом, уничтожавшим последние остатки якобинизма и политических свобод и утверждавшим свое могущество на порабощении давно сложившихся, жизнеспособных национальных государств.

Начавшаяся война не прекращалась до самого конца царствования Наполеона. Свой план сокрушить могущество Англии при помощи высадки в туманные дни десанта Наполеону осуществить не удалось, хотя к концу 1804 г. Булонский лагерь и вырос в грозную силу. Англичанам удалось организовать новую коалицию с участием Австрии, Пруссии и России.

В августе 1805 года собранные на побережье Ламанша войска Наполеон должен был двинуть не против Англии, а против вооруженных сил коалиции, в Баварию и далее к Дунаю. Тем самым непосредственная опасность для Англии миновала. Положение Англии стало еще более прочным через два месяца, когда (21 октября 1805 г.) в морской битве при Трафальгаре командующему английским флотом адмиралу Нельсону удалось разбить и уничтожить соединенный франко-испанский флот.

Публикуемые донесения российского посла в Лондоне повествуют о тех приготовлениях к решающей схватке, какие проводились Наполеоном на берегах Ламанша в рассматриваемые годы, и о мероприятиях по организации обороны, предпринимаемых в Англии.

Из документов явствует, что в Англии высадки десанта ждали уже во второй половине 1801 г., то-есть в ту пору, когда шли дипломатические переговоры, закончившиеся подписанием Амьенского мира.

Документы рассказывают о проводившейся английской эскадрой блокаде Бреста, об опасениях англичан по поводу возможной высадки французов в северной Шотландии и на Оркнейских и Шотландских островах, об активных операциях английской эскадры под Булонью и Гавром.

Особенно большое внимание посол уделяет организации обороны побережья, подчеркивая неукротимую энергию первого министра Великобритании Вильяма Питта и охватившее страну в связи с военной опасностью патриотическое воодушевление.

Посвященные определенному эпизоду из истории англо-французской борьбы, тому моменту, когда Британским островам угрожала непосредственная опасность высадки неприятельского десанта, публикуемые документы представляют несомненный интерес для современного читателя.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, говоря об охватившем страну патриотическом подъеме, посол имеет в виду настроения высших кругов английского общества. В качестве иллюстрации он даже приводит тот факт, что множество «молодых людей из самых первых здешних фамилий» явились в качестве добровольцев, «имея каждый из них слугу, вооруженного и на самом лучшем коне, кои за господами и вместе с ними сражаться будут с неприятелем».

Обращает на себя внимание также и то, что свою информацию о происходящих в Англии событиях посол сопровождает нередко сентенциями о преимуществах политического строя Англии.

Мы остановились на двух последних моментах, потому что они характеризуют ту субъективную призму, через которую автор донесений воспринимал наблюдаемые им факты.

Российский посол в Лондоне гр. Семен Романович Воронцов, как и его брат, Александр Романович, принадлежал к деятелям «бабушкина века». Представитель крупной родовитой помещичьей знати, Семен Воронцов занимал пост посла в Лондоне с 1785 года. Хорошо изучив государственное устройство Англии, завязав близкие дружественные связи с английскими государствен-

ными деятелями, он сросся с культурой и бытом высших кругов английского общества.

По ряду вопросов (о вооруженном нейтралитете, о польских разделах, о поддержке изгнанных Бурбонов) Воронцов позволял себе заявлять о своем расхождении со своим правительством, но тем не менее он пользовался неизменным расположением петербургского двора.

Свои донесения в министерство, начиная с 1802 г., он адресовал брату своему Александру, назначенному тогда канцлером.

Вступление на престол Александра I принесло торжество той внешне-политической ориентации, носителями которой являлись правящие группы тогдашней царской России.

Фигура Семена Воронцова на посту русского посла в Лондоне, как и фигура его брата, Александра, на посту канцлера — не случайны для внешней политики России на данном этапе. Англофильский характер донесений русского посла в Лондоне является понятным. Рассматриваемые в этом плане донесения Воронцова представляют, как исторический источник, для исследователя также своеобразный интерес.

А. Попов.

Из всеподданнейшего рапорта российского посланника в Лондоне С. Воронцова[1] Александру I, 28/16 июля 1801 г.*

Всемилостивейший государь!

Здешнее правление, будучи уведомлено, что неприятель намеряется сделать сильные высадки войск на здешные берега и в неукоснительном времени, приняло всевозможные меры для уничтожения сих неприятельских намерений.

Как сии попыты могут быть сделаны неприятелем с той части берегов, ему принадлежащих или от него зависящих, начиная от Булонья[2] до Текселя, то вице-адмирал лорд Нельсон[3] избран главным начальником для морской обороны здешних берегов, начиная от Дувра до самого Севера, всей восточной части Англии. Сия защита берегов ему вверена с великою властию и предписано ему иметь надзирание о всем, что делается на противных берегах неприятельских и брать все те меры, кои он, по превосходным его талантам и великой опытности, за благо рассудит. Начальству его препоручены много военных кораблей, фрегатов и бесчисленное множество слопов, бригов, лугеров[4], котеров, канонерских шлюпок и других береговых вооруженных легких судов, кои приморские графства добровольно вооружили; все плавающие батареи на устьи Тамизы, так и много сухопутного войска для нагрузки судов сих разных назначений вверены его власти; одним словом, сия власть и великая доверенность, на него возложенная, доказывают, что правление здешнее знает всю цену сего великого человека, и вся здешняя земля, похваляя сии меры правления, радуется и спокойна пребывает о намерениях неприятеля...

Маркизу Корнваллису[5] поручена защита сухопутная трех провинций, кои, повидимому, паче других угрожаемы неприятельскими высадками, а именно: Эссекс, Сеффолк и Норфольк. В прочем по всей внутренности Великобритании все вооружаются и готовы с радостью и бодрым духом следовать туды, где неприятель может, прокравшись способом туманов, избегнуть от встречи морских флотилий и сделать высадку на какую ни есть часть сего острова. Вообще здесь думают, что сии попытки Франции и зависящей от нее больше аки преданной, чем союзной мнимой республики Батавской[6], будут произведены в действо в весьма скором времени.

Остаюсь с глубочайшим благоговением вашего имп. вел. вернейший подданный

С. Воронцов.

---

* МИД, канц., 1801 г., д. № 6742. Печатаемые ниже документы подготовлены к печати А. А. Юрьевым.

Из всеподданнейшего рапорта российского посла в Лондоне С. Воронцова Александру I, 4 августа/23 июля 1801 г.*

...Лорд Нельсон вышел четвертого дни из Диля с флотилиею легких судов и пошел к Булонью. Все здесь с нетерпеливостью ожидают известий о том, что он сделает в сем месте, где великое множество собрано неприятельских легких судов всякого звания, и где на берегу собрано великое число войск для намереваемой сюды высадки.

Остаюсь с глубочайшим благоговением вашего имп. вел. вернейший подданный С. Воронцов.

Из письма священника Якова Смирнова[7] из Лондона вице-канцлеру графу Н. П. Панину, 7 августа/26 июля 1801 г.**

...Лорд Нельсон, которому поручена в канале особенная команда для охранения берегов противу французов, угрожающих нашествием, на сих днях с небольшим числом вверенных ему судов (всего около 40) подходил под Булонь для пробы, как пишет к своим приятелям, бомб и пороху. Во время сей пробы потопил четыре пловучие батареи и несколько других разного рода мелких судов... Вчера возвратился он на рейду к Маргету[8], и, как слышно, через день, либо через два опять оную оставит, усилив число своей эскадры более прежнего.

Яков Смирнов.

Письмо Якова Смирнова графу Н. П. Панину, 11 августа/30 июля 1801 г.***

Честь имею донести вашему сиятельству, что третьего числа сего месяца, по нов. шт., его величеству королю в Веймуте угодно было пожаловать лорда Нельсона достоинством барона Соединенного королевства Великобританского и Ирландского, и его законных наследников мужеского пола, с титулом барон Нельсон Нила и Гильбороуг в графстве Норфольском, и по них в наследствие его отцу священнику Едмунду Нельсону, и его законным наследникам мужеского пола, а после сих законным наследникам Сузанны, жены Томаса Болтона, сестры лорда Нельсона; в случае же неимения наследников от сей, законным наследникам Катерины, жены Жоржа Матчама, другой сестры упомянутого лорда Нельсона. Сие отличие ему и с поступлением в фамильное его потомство пожаловано, как скоро согласился он принять на себя команду в канале для обережения берегов Англии от нападения французов...

Яков Смирнов.

Письмо лорда Нельсока секретарю Великобританского адмиралтейства г-ну Непен, на борту «Медузы», близ Булони, 16/4 августа/23 июля 1801 г.****

Бриги, плоскодонные суда противника (вооруженные в Лугре) и один бот, всего в количестве 20, бросили сегодня утром якорь против Булонской башни. Так как ветер был благоприятным для действия бомбард[9], я подал им сигнал сняться с якоря и бросать бомбы в упомянутые суда, но с таким расчетом, чтобы городу был причинен возможно меньший ущерб. Корабли заняли прекрасную позицию и через несколько часов три плоскодонных судна и один бриг были потоп-

* МИД, канц., 1801 г., д. № 6742.
** Там же, д. № 6744.
*** Там же.
**** Там же. Перевод с французского.

лены, а на следующее утро шесть судов, получивших сильные повреждения, были отведены к берегу. В шесть часов вечера, во время прилива, пять судов, севших на мель, были с большими трудностями введены в порт, другие остались под водой; я полагаю, что, при наличии достаточной воды, все суда смогли бы войти во внутренний порт. Невозможно сказать, какой ущерб получил противник сверх того, что мы могли видеть; впрочем все это сражение не имело иных последствий, как показать противнику, что он не сможет безнаказанно выходить из своих портов.

Артиллерийские офицеры бросали бомбы с большой ловкостью; с сожалением, должен вам сообщить, что капитан королевской артиллерии Фрайерс был легко ранен разрывом неприятельской бомбы, так же как и два матроса.

Только что затонула одна канонерская лодка.

Донесение поверенного в делах в Лондоне Николаи вице-канцлеру гр. Н. П. Панину, 2 октября/20 сентября 1801 г.*

Имею честь препроводить при сем перевод ноты, направленной сегодня государственным секретарем лордом Гоуксбери его превосходительству господину послу, в которой лорд уведомляет посла, что прелиминарный мир [10] между его британским величеством и французской республикой был подписан вчера вечером им и господином Отто. Эта новость только что опубликована здесь в экстраординарном выпуске придворной газеты, которую я также имею честь при сем препроводить.

Эта публикация произвела в обществе большую сенсацию, тем более, что за истекшие дни здесь распространился смутный слух, будто переговоры шли к концу, не увенчавшись успехом...[11]

Нота государственного секретаря лорда Гоуксбери российскому послу в Лондоне гр. Воронцову, 2 октября/20 сентября 1801 г.**

Лорд Гоуксбери приносит свои поздравления г. графу Воронцову и имеет честь уведомить его превосходительство, что прелиминарный мир между его величеством и Французской республикой был вчера вечером подписан лордом Гоуксбери и г. Отто.

Даунинг Стрит.

Из донесения российского посла в Лондоне С. Р. Воронцова канцлеру А. Р. Воронцову [12], 11 марта/27 февраля 1803 г.***

...Военные приготовления проводятся с величайшей активностью. В начале этой недели в Лондоне и в соседних со столицей портах в течение 48 часов было сосредоточено до 6 тысяч матросов; двумя воззваниями король призывает всех матросов, находящихся в стране, вернуться на королевскую службу, а английским матросам, находящимся на иностранной службе, дается приказ оставить ее и итти служить своему отечеству.

Вчера в парламент было представлено еще одно послание короля, по которому снова должно собираться ополчение.

Впрочем, г. граф, еще не вполне известно, как окончатся переговоры, происходящие в этот момент между британским правительством и Францией [13], но возможно, что проводимые здесь приготовления будут способствовать приведению их к решительному исходу.

---

* МИД, канц., 1801 г., д. № 6743. Перевод с французского.
** Там же. Перевод с французского.
*** Там же, 1803, д. № 6754. Перевод с французского.

Как только я буду иметь более точные сведения, я не замедлю сообщить их вашему превосходительству.

Курсы фондовых бумаг понизились. Но это не потому, что нация боится войны, а потому, что правительство вынуждено делать в начале войны займы и дорого платить заимодавцам, а богатые капиталисты извлекают свои капиталы из торгово-промышленных предприятий, чтобы более выгодно употребить их в государственных займах; вот это состояние людей, которые извлекают свои фондовые бумаги и продают их, и произвело внезапное изменение в государственных фондах.

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 15/3 марта 1803 г.*

Вооружения энергично продолжаются. Лорд Нельсон будет командовать Средиземноморским флотом, лорд Кейт — флотом, который будет находиться в Ярмуте для наблюдения за берегами Голландии, большой флот канала будет находиться под командой адмирала Корнваллиса или адмирала лорда Гарднера; кавалер Сомарец примет командование стоянкой на Севере, одной из задач которой является защита входа в Тамизу. Будут еще другие небольшие легкие флотилии под командой видных офицеров, хорошо знающих берега Франции, в их числе — кавалер Сидней Смит.

Несколько дней назад французский посол вручил ноту, которой его правительство просит объяснить, почему еще не эвакуирована Мальта [14]. Он пока не получил ответа; я знаю, что ответ ему должны отправить сегодня вечером, и думаю, что по содержанию он будет схож с тем, какой британский посол в Париже около месяца назад получил приказ объявить французскому министру [15].

Французское правительство скорее, чем лорд Уитворт [16] получило известие о послании короля в двух палатах [17]. Лорд Уитворт пишет, что Бонапарт пришел от этого в ярость, а Талейран послал британскому послу нечто в роде неподписанного меморандума, в котором сказано, что Франция ожидает точного выполнения Амьенского договора и последующей эвакуации Мальты, в противном случае она снова оккупирует Голландию своими войсками, укрепит внушительными силами берега Фландрии [18] и берега напротив Англии, вновь введет свои войска в Швейцарию и Италию и оккупирует Торенто, сосредоточит армию на Нижнем Рейне, что является косвенной угрозой вторжения в Ганновер. Так как в течение восьми дней не было ответа на ноту, врученную генералом Андреосси [19], то сомнительно, чтобы лорд Уитворт был снабжен ясным и точным документом, относительно намерения эвакуировать Мальту, потому что в ответе, данном Андреосси на ноту, очень ловко обойден вопрос о том, чтобы признать это решение окончательным. Я жду более ясного развития этого кризиса, чтобы отправить моего курьера к вашему превосходительству.

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 18/6 марта 1803 г.**

Дела между сею землею и Франциею не доходят еще до развязки. Кажется, что с обеих сторон есть недостаток в ясности объяснений, так что одна не разумеет другой; между тем здесь продолжают сухопутные и морские вооружения; первые для обороны, а другие как для защиты, так и для деятельности ополчения во всех местах, где флоты могут действовать.

---

* МИД, канц., 1803 г., д. № 6754. Перевод с французского.
** Там же.

Во Франции по недостатку морских сил все приготовления делаются со стороны сухопутного войска, коим, кажется, первый консул угрожает Великобритании и Ирландии.

В ожидании скорой развязки сих недоразумений, я удерживаю отправление курьера...

P. S. Ваше превосходительство вероятно, читали в некоторых газетах, что один французский корабль потерпел неудачу у южных берегов здешнего острова; экипаж бежал в лодке, потому что на судне находилось 100 тысяч ружей и боевые знамена Франции и объединенной Ирландии; этот корабль был, якобы, предназначен для Ирландии.— Ваша светлость можете быть уверены, что все это вымышленно и не имеет никакого реального основания *.

С. Воронцов

Из донесения российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 19/7 апреля 1803 г. **

...Сегодня, прежде чем покинуть государственного секретаря, я спросил его,— вопрос идет о мире или о войне? Он мне ответил, что Талейран и вся семья Бонапарта, за исключением первого консула, желает мира, что послу в Париже было послано приказание потребовать удовлетворительного ответа на вопросы здешнего двора, и что, если этот ответ не будет удовлетворительным, то послу разрешается покинуть Париж, не ожидая приказов из Лондона.

Я спросил у него, в чем состоит их ультиматум; он мне ответил, что они хотят, подобно тому как когда-то голландцы разместили гарнизоны в крепостях Фландрии по Барьерному трактату [20], оставить на Мальте гарнизон, предоставив королю Сицилии верховную власть над островом; что они готовы оплатить Мальтийскому ордену [21] стоимость зданий, которыми владеет этот орден на острове, и что этот орден мог бы жить в Англии или в одной из религиозных общин Германии, как это сделал Тевтонский орден [22]; что они хотят, чтобы Франция раз навсегда эвакуировала свои войска со всей территории Батавской республики; что они хотят еще, чтобы королю Сардинии были надлежащим образом возмещены убытки [23] и для этого, они готовы признать короля Этрурии [24] и существование Итальянской [25] и Лигурийской [26] республик.

Я тут же обратил его внимание на то, что король Сардинии будет компенсирован в соответствии с требованиями императора, который, однако, не высказал до настоящего времени никакого желания признать перевороты, произведенные Францией в Италии. Он мне возразил, что есть многое, что император России может сделать, а они не могут.

Я ему задал вопрос, требует ли Франция этих признаний? Он мне сказал, что нет. Почему же, заметил я ему, вы сами вздумали их предлагать? Потому,— ответил он мне, что надо же было Бонапарту, который публично хвастался, что никогда не оставит англичан хозяевами порта и крепости Мальты,— дать некоторую возможность выпутаться из этого положения с наименьшим стыдом перед своей собственной нацией...

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 6 мая/24 апреля 1803 г. ***

Вчера утром в городе было большое возбуждение, в связи с распространившимся слухом о том, что дела между здешней страной и Францией были улажены полюбовным образом. Государственные про-

* Post-scriptum — перевод с французского.
** МИД, канц., 1803 г., д. № 6754. Перевод с французского.
*** Там же. Перевод с французского.

центные бумаги повысились с 64 до 72. Но к часу дня оказалось, что источником этого известия было подложное письмо, написанное лорду мэру от имени лорда Гоуксбери. Пять тысяч фунтов стерлингов было предложено тому, кто раскроет автора этого письма.

Как только этот обман был раскрыт, главные банкиры, собравшись, пришли к обоюдному соглашению, считать недействительными все сделки, которые были совершены в течение этих четырех часов.

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 20/8 мая 1803 г.*

Из моего доклада императору ваше превосходительство увидит, что первый консул, повидимому, решился воевать и что он стремится только выиграть время, чтобы поставить в безопасность эскадры, разбросанные по Вест-Индии. Ваше превосходительство увидите также из печатных материалов о всех переговорах, имевших место между обеими странами, что Уитворт запиской от 12 мая потребовал у Талейрана паспорт, чтобы вернуться в Англию, и что, хотя граф Марков [27] еще накануне сообщил министру внешних сношений рескрипт его императорского величества с предложением добрых услуг, чтобы уладить возникшие между Францией и Великобританией разногласия,— однако министр не сделал британскому посланнику никакого предложения в связи со столь дружественным выступлением нашего августейшего монарха, как будто никакого выступления не было. Лорд Гоуксбери, хотя и лишенный талантов, но человек правдивый, уверял меня, что ген. Андреосси, остававшийся здесь еще два дня после того, как я сообщил министру предложение его императорского величества, ни разу не упомянул ему о том, что его правительство хотело бы использовать это предложение, хотя за этот промежуток времени он пять раз, один за другим, получил почту, причем последняя доставила ему депешу от 19-го.

Так как переговоры, к несчастью, прерваны, и война объявлена [28], то сейчас здесь всецело заняты только вооружениями и морскими экспедициями. Одиннадцать линейных кораблей отплыли к Бресту под командою адмирала Корнваллиса, брата маркиза Корнваллиса; десять — двенадцать других кораблей скоро присоединятся к первым в тех же водах. Адмирал Корнваллис должен командовать флотом канала. Адмирал лорд Кейт будет командовать эскадрой в тех же водах, где командовал адмирал лорд Дункан, контролируя Северное море и окрестности Текселя. Контр-адмирал лорд Нельсон должен сегодня отправиться, чтобы принять командование эскадрой, находящейся в Средиземном море. Контр-адмирал Торнбору крейсирует на широте устья Мааса. Контр-адмирал кавалер Сомарец вернется в ту же стоянку у берегов Франции, которую он в течение некоторого времени имел в последнюю войну, а капитан-командор кавалер Сидней Смит будет командовать эскадрой из легких судов в Дюнах, откуда он сможет контролировать все, что происходит между Остенде и Булонью. Среди всех этих адмиралов, которые считаются превосходными, наиболее видным и наиболее любимым является лорд Нельсон, а также кавалер Сомарец, который ничуть не ниже первого.

Из донесения российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 5 июля/23 июня 1803 г.**

Хотя здесь не боятся угрозы и приготовлений, которые предпринимает Бонапарт во французских и голландских портах для десанта в здешнюю страну, тем не менее этим вопросом озабочены, чтобы не

* МИД, канц., 1803 г., д. № 6754. Перевод с французского.
** Там же, д. № 6755. Перевод с французского.

быть захваченными врасплох; поэтому обе палаты парламента заняты организацией сил, необходимых для защиты и для того, чтобы должным образом принять вооруженных «гостей», которых можно ожидать с различных пунктов неприятельских берегов. А так как все министры входят в состав той или другой палаты, то участие их в парламенте и в совете, которые заседают ежедневно, всецело посвящено этому важному вопросу. Таким образом, как бы ни было значительно дело Мальты, но дело защиты Великобритании от предполагаемого десанта войск Бонапарта рассматривается как бесконечно более важное. Поэтому я не получил еще от лорда Гоуксбери ответа на предложения нашего двора, которое девять дней тому назад привез мне курьер Артемьев [29]. Вероятно, я получу его только через 5—6 дней...

Из донесения российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 19/7 июля 1801 г.*

Вчера, наконец, в палату общин был представлен столь долго жданный билль генерального плана защиты страны. Автор его — г. Питт [30], и ему принадлежит вся заслуга, хотя он с этим и не согласен по вполне свойственной ему природной скромности. Этот билль был представлен военным секретарем и принят единогласно. Нижеследующие выдержки дадут вашему превосходительству представление об условиях и значении этого плана:

1. Будет поголовное ополчение.

2. Все здоровые мужчины от 17 до 55 лет в каждом приходе Соединенного королевства будут регулярно обучаться обращению с оружием.

3. Это ополчение будет разделено на 4 класса: первый будет состоять из людей холостых или не имеющих детей в возрасте до 10 лет; второй — той же категории от 30 до 50 лет; третий будет состоять из лиц, имеющих детей в возрасте свыше 10 лет; и четвертый класс будет состоять из лиц, которые не подходят к вышеупомянутым категориям.

4. Духовенство, милиция, резервы, отряды добровольцев и т. д. будут освобождены от действия билля.

5. Лорды-лейтенанты получат полномочия и права раз в неделю собирать всех мужчин в различных приходах всех комитетов, чтобы обучать их военному строю.

6. Оружие будет им выдано его величеством, и соответствующие приходы позаботятся обо всем необходимом после.

7. Всякий, кто не явится в назначенные сроки и места, подвергнется штрафу в 5 шиллингов, а лица из беднейшего класса — в один шиллинг.

8. Будут изданы приказы о назначении офицеров и об объединении небольших приходов с тем, чтобы формировать роты.

9. В случае нападения врага, его величество будет поставлен в необходимость приказать лордам-лейтенантам и комитетам мобилизовать всех и распорядиться, чтобы один или два класса или все вместе направились к берегу или в то или иное место, чтобы сражаться с врагом.

10. В продолжение военной службы каждый человек должен подчиняться правилам установленной дисциплины и действию военного закона таким же образом, как в регулярной армии.

---

* МИД, канц., 1803 г., д. № 6755. Перевод с французского.

11. Каждый мобилизованный будет получать две гинеи, чтобы приобрести себе все необходимое, а при возвращении ему будет уплачено, сверх обычной платы, еще одна гинея.

12. Служба в этих частях будет определяться продолжительностью вражеского нападения.

13. Когда враг будет отброшен, потоплен или уничтожен иным способом, эти части будут иметь позволение вернуться домой.

Содержание этого билля даст вашему превосходительству возможность судить об особенностях правительства и о национальном характере этой страны. И если бы страны, которые были так легко захвачены Францией, были бы столь же дальновидны и энергичны, тогда этот могущественный колосс, выросший вследствие непредусмотрительности и трусости правительств, оставался бы в старых своих границах, которые он смог бы переступать время от времени, но нигде не смог бы укорениться прочно и постоянно (так как управляемые, которые всюду довольно простодушны, помогали бы своим правительствам)...

С глубочайшим почтением и уважением и т. д.

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 21/9 июля 1803 г.*

В парламенте продолжают заниматься ежедневно с крайним прилежанием о пространном плане для вооружения народа противу намереваемого и сильного нападения, коим угрожает и неусыпно занимается Бонапарте, на сию землю. Вчера заседание в нижней камере продолжалось во всю ночь до пятого часа сегодняшнего утра.

Вообще единодушие и усердие к обороне отечества везде оказывается и умножается ежедневно. На сих днях собралось более тысячи молодых людей из самых первых здешних фамилий, кои усердно обязались служить конными на своем иждивении и на самых лучших лошадях везде, где их потребуют, имея каждый из них слугу вооруженного и на самом лучшем коне, кои за господами и вместе с ними сражаться будут с неприятелем. Сие собрание и подписка были сделаны в одной только здесь столице и будет продолжаемо в других городах и графствах двух соединенных королевств**.

Большой план поголовного ополчения для защиты страны был составлен г-ном Питтом и вручен герцогу Иоркскому, который в свою очередь сдал его в министерство. Так как последнее не позаботилось внести его в парламент, зная от кого исходит план, то г-н Питт снова выступил с нападками на небрежность правительства, которое мешкало с представлением мероприятий, предназначенных для спасения страны. После этого эти мероприятия были предложены парламенту. В ожидании рассмотрения, план, проходя через неумелые руки, частично был испорчен неуместными поправками. В настоящее время действительный автор этой спасительной меры занят исправлением в парламентских прениях того, что было искажено. Вероятно, его огромные познания и его настойчивость одержат победу над упрямством тех, кто ничего не делает и все портит.

Этот великий человек пренебрег ролью вождя партии для того, чтобы целиком отдать себя делу спасения родины. На него поэтому единодушно смотрят, как на спасителя; и никогда этот человек не был столь велик, как при теперешних обстоятельствах, когда он под-

* МИД, канц. 1803 г., д. № 6255.
** Дальше перевод с французского.

держивает в стране единство и занят только исправлением промахов министерства, которое он презирает, но не домогается заменить лишь из простого уважения к королю.

С. Воронцов.

Из дневника заседания палаты общин парламента, 22 июля 1803 г.*

Третье чтение законопроекта о всеобщем вооружении вызвало весьма оживленные прения.

Полковник Крауфорд подробно остановился на тех мероприятиях, которые необходимо предпринять, чтобы иметь возможность остановить продвижение французской армии в случае, если бы ей удалось произвести высадку. Он советовал построить укрепления для защиты подступов к столице и назначить военный совет, введя в его состав самых опытных генералов.

Военный секретарь выступил против полковника Крауфорда и заявил, что никогда правительство не намеревалось укреплять город Лондон.

Г-н Питт заметил, что, повидимому, соображения полковника Крауфорда, неясно поняты. Никто не думает превратить Лондон в укрепленный город. Речь идет только о том, сказал г-н Питт, чтобы на некоторых пунктах побережья и в других местах возвести укрепления, которые могли бы на несколько дней задержать наступление врага.

Г-н Уиндгам говорил в том же смысле, что и полковник Крауфорд.

Г-н Аддингтон сказал, что строительство таких укреплений уже было начато в некоторых графствах.

Законопроект был наконец принят без возражений.

Из дневника заседания палаты лордов парламента, 25 июля 1803 г.**

Билль о всеобщем вооружении был прочитан в первый раз.

Лорд Гобарт заметил, что вступительная часть, которая предшествует законопроекту, в достаточной мере раскрывает сущность вопроса.

Герцог Кумберлендский и лорд Уестмореленд один за другим высказались в пользу билля, который и был окончательно принят с незначительными поправками, подсказанными лордом Гобартом.

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 2 августа/21 июля 1803 г.***

...Ваше сиятельство изволили видеть из прежде посланных парламентских журналов, что в нижней камере предложено было об укреплении той линии, которая должна прикрывать сию столицу, в случае нападения, от неприятеля. Хотя больше чем вероятно, что он встретит множество вооруженных корпусов, которые с равною, ежели не большею, храбростью будут с ним сражаться, как на месте высадки, ежели бы она случилась, так и по дороге его далее от берегов, и, конечно, не допустят его до Лондона; однакож мера сия не почитается безнужною...

С. Воронцов.

---

* МИД, канц., 1803 г., д. № 6755. Перевод с французского.
** Там же. Перевод с французского.
*** МИД, канц., 1803 г., д. № 6755.

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 3 августа/22 июля 1803 г.*

Вчера распространился повсюду слух о том, что с острова Уайта была видна многочисленная флотилия плоскодонных судов и других нагруженных войсками французских кораблей, державших паруса на восток и имевших якобы намерение совершить десант в Сессексе. Но я только что узнал из канцелярии лорда Гоуксбери, что этот слух оказался ложным и что в действительности это была флотилия английских торговых судов, направлявшихся к Дюнам. Эта ложная тревога привела в движение только войска в окрестностях Портсмута; эти войска — как линейные, так и ополчение — уже в течение часа были готовы вступить в бой с врагом всюду, где бы он ни высадился.

Из донесения российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 23/11 сентября 1803 г.**

...Вооружения для обороны земли продолжаются здесь с неусыпным рачением и неутомимостью и хотя теперь настало самое выгодное время для начинания высадок, но видно, что и французы еще не готовы для предприятия оных, однакож, чем долее отлагать станут, тем меньше останется им надежды к получению успехов, ибо энтузиазм и патриотизм здешней нации умножаются ежедневно чрезвычайным образом.

С. Воронцов.

Донесекие российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 15/3 ноября 1803 г.***

Имею честь переслать вашему превосходительству при сем прилагаемую небольшую карту ****, на которой отмечены различные пункты, откуда, как предполагают, будут иметь место проектируемые консулом экспедиции войск. Все сообщения с берегов Франции все более и более подтверждают, что отправка этих экспедиций не так уж отдаленна, так как все приготовления почти закончены.

Эти приготовления к экспедиции, которые французами не перестают превозноситься как нечто экстраординарное и невероятное, расцениваются здесь как первый шаг к невзгодам того, кто управляет несчастными французами. Здесь убеждены, что его предприятие потерпит полный крах, потому что ни в одном из пунктов, откуда экспедиции должны поднять паруса, нет сил, достаточных для защиты скопившихся в этих пунктах судов от английских эскадр, которые зорко наблюдают за всем, что происходит; потому что невозможно, чтобы все эти суда могли отплыть и прибыть в одно время; потому что фландрские и голландские суда могут выйти из своих портов только при восточном ветре, самом опасном для приставания к берегам Великобритании, где волны, по мере приближения к берегу, нарастают и низвергаются с такой силой, что невозможно сделать десант без того, чтобы большинство кораблей не оказалось разбитыми и чтобы солдаты не были бы вынуждены пройти большое расстояние по воде, прежде чем подойти к берегу; потому что, наконец, чтобы достичь английского берега, надо дважды использовать морской прилив, а в продолжении двадцати четырех часов со всех пунктов Англии, отмеченных на карте, можно легко собрать силу в 25 тыс. чело-

---

* МИД, канц., 1803 г., д. № 6755. Перевод с французского.
** МИД, канц., 1803 г., № 6755.
*** Там же. Перевод с французского.
**** Карты в деле не оказалось.

век, готовых выступить навстречу неприятелю,— ваше превосходительство легко можете себе представить, что для осуществления высадки 20 тыс. человек потребуется времени гораздо больше двадцати четырех часов.

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 20/8 декабря 1803 г. *

Что бы полнее осведомить ваше превосходительство о состоянии обороны Великобритании, я пользуюсь отчетом, представленным парламенту. Число добровольцев значительно превышает 350 тыс. человек; число линейных войск и ополчения вместе с запасным корпусом и дополнительной милицией доходит до 130 тыс. человек; кроме того, имеется корпус, составленный из лодочников и рыбаков, обслуживающих побережье как на судах, так и на суше, для охраны батарей; этот корпус называют «береговой надсмотрщик» и их насчитывают 25 тыс. человек,— все это в итоге составляет более 500 тыс. человек, преисполненных отваги и твердо решивших защищать свою родину. При этом следует, однако, отметить, что добровольческие корпуса, будучи составлены в большей части из рабочих и фермеров, не могут удаляться от своих селений; следовательно, все, которые находятся в центре страны, не будут в состоянии двинуться к берегам; но они служат для поддержания порядка там, где они находятся; поэтому все линейные и ополченские полки сосредоточены в приморских графствах. Таким образом, за вычетом 200 тыс. добровольцев из внутренних областей страны, на побережье остается еще свыше 300 тыс. человек, достаточно храбрых для того, чтобы уничтожить французов, если бы они когда-нибудь имели неосторожность явиться сюда.

Что касается Ирландии, то число добровольцев там доходит до 82 тыс. человек, не считая регулярных войск и ополчения в этом королевстве, насчитывающих свыше 40 тыс. чел.

Состояние морского флота здешней страны подробно изложено в извлечении, которое я имею честь присоединить к сему для осведомления вашего превосходительства...

Одним словом, эта страна готова встретить десант, которым так давно грозят и который должен закончиться позором и поражением тех, кто его предпримет. Но если сверх всякого ожидания эта страна имела бы несчастье пасть в этой гибельной борьбе, то Европа попадет под иго тирана, власть которого уже простирается на девять десятых этой прекрасной части земного шара.

Я не могу не упомянуть о беспримерной настойчивости, с какой адмирал Корнваллис продолжает блокировать Брест. Он находится там уже в продолжении восьми месяцев и ни разу не заходил ни в один порт. Ему доставляют воду, продовольствие и снаряжение из Плимута; в период самых жестоких бурь он продолжает оставаться у самых опасных берегов, какие только существуют в мире,— вся Бретань окружена скалами.

Размещение британского военно-морского флота

Нижеследующее детальное описание наших различных эскадр и их стоянок наглядно докажет, насколько эффективно использованы в настоящее время военно-морские силы Великобритании.

---

* МИД, канц., 1803 г., д. № 6755. Перевод с французского.

Флот канала

Главнокомандующий адмирал Корнваллис

	Число пушек		Число пушек
«Ville de Paris»	110	«Menotaur»	74
«Saint Josef»	112	«Royal Sovereign»	100
«Vénérable»	74	«Plantagenet»	74
«Conqueror»	74	«Le Spartiate»	74
«Culloden»	74	«Dreadnought»	98
«Malta»	80	«Defiance»	74
«Le Tonant» *	80	«Dragon»	74
«Spenser»	74	«L'Impétieux»	80
«Mars»	74	«Colossus»	74
«Northumberland»	74	и 21 мощный фрегат.	

Следующие корабли будут вскоре готовы присоединиться к флоту канала:

«Témerère»	98	«Princesse Royal»	98
«Neptun»	98	«Terrible»	74
«Prince»	98	«Leviathan»	74
«Prince George»	98	«Hero»	74

Стоянка в Северном море, в Дюнах и на Севере

Главнокомандующий адмирал лорд Кейт

«Monarch»	74	«Zeeland»	64
«Prince of Orange»	74	«Utrecht»	64
«Repuls»	74	«Illustrius»	74
«Raisonable»	64	«Defence»	74
«Ruby»	64	«St. Albans»	64
«Jork»	64	И 22 фрегата.	

Вдоль Ирландского побережья

Под командою адмирала лорда Гарднера

«Trent»	36	«Thunderer»	74
«Prince of Wales	98	«Ardent»	64
«Magnificent»	74	«Ganges»	64
«Majestic»	74	И 7 фрегатов.	

В Средиземном море и на высоте Тулона

Под начальством вице-адмирала лорда Нельсона

«Victory»	100	«Relleisle»	74
«Triumph»	74	«Canopus»	80
«Superb»	74	«Donnegal»	80
«Stately»	64	«Excellent»	74
«Kent»	74	«Renown»	74
«Monmouth»	64	«Gibraltar»	80
«Agincourt»	64	И 14 фрегатов.	

Стоянка у Ямайки

Под командою контр-адмирала кав. С. Дюкворт

«L'Herculè»	74	«Theseus»	74
«Bellerophon»	74	«Vanguard»	74
«Cumberland»	74	«Elephant»	74
И 6 фрегатов			

Стоянка у Подветренных островов [31]

«Centaur»	74	«Bleinheim»	74
И 9 фрегатов			

* «Le Tonant» с 80 пушками и четыре других линейных корабля из флота канала крейсируют на высоте Ферроль под командой кавалера Э. Пелло (Прим. в подлиннике).

В Восточной Индии

Под командой вице-адмирала Рениера

«Trydent»	66	«Russel»	74
«Tremendous»	74	«Albion»	74
«Sceptre»	74	«Lancaster»	64

И 7 фрегатов

В Портсмуте и Спитхэйде

Главнокомандующий Джордж Монтегю

«Royal William»	80	«Goliath»	74
«Courageux»	74	«Gladiator»	44
«Britannia»	100	«Windwor Casthe»	98

Плимут

Главнокомандующий адмирал кавалер Кольпойс

«Salwador del Mundo»	112	«Foudroyant»	80

Лейт

«Rocbuck»	44

Джерсей

«Cerberus»	32	«Leander»	50
«Gelikheid»	64	«Texel»	64
«Tsis»	50	«Leyden»	64

И 5 фрегатов.

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 23/11 декабря 1803 г.*

Сейчас получил я от лорда Гоуксбери прилагаемую у сего в оригинале и в переводе ноту [32], относительно до запрещения нейтральным судам входить в какие-либо из здешних портов, лежащих между рекою Гумбер и Дюнами, с тем однако же, что оные могут стоять на рейдах, состоящих в Дюнах, равно как и на Ярмутской рейде в устье помянутой реки. Вероятно, что мера сия принята для избежания замешательств, могущих случиться в течение скоро ожидаемой французской высадки.

С. Воронцов.

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 27/15 декабря 1803 г.**

Вчера получил я от лорда Гоуксбери изъяснительную ноту той, которую я имел честь препроводить к вашему сиятельству с прошедшей почтою. Ваше сиятельство изволите усмотреть, что запрещение нейтральным судам входить в английские порты, начиная от реки Гумбер до Дюнов, относится только к тем судам, кои приходят из голландских или французских портов.

Таковая мера, принятая в настоящее время, изъясняет более и более ожидание приближающейся французской высадки, которая, как слышно по известиям, полученным из Голландии, должна пуститься в путь в непродолжительном времени, и что уже распоряжения и нужные повеления относительно сего покушения были уже напечатаны и публикованы.

С. Воронцов.

---

* МИД, канц., 1803 г., д. № 6755.
** Там же.

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 6 января 1804 г./25 декабря 1803 г.*

В исходе прошедшей недели морские штурмы столь были сильны, что, не взирая на всю похвально-упрямую решимость адмирала Корнваллиса, который даже при повреждении снастей у многих кораблей своего флота старался удержать свою позицию около Бреста, он принужден был наконец уступить суровости бури и взять путь к английским портам в намерении исправить все поврежденное, как между тем неприятель не отважится в такую жестокую погоду пуститься в море. В таком ожидании сей адмирал прибыл в Торбей, где нагрузил с поспешностью нужные запасы и, починя что было можно, как скоро увидел, что буря несколько поуменьшилась, то, не пробыв и двадцати часов в сей гавани, немедленно отправился опять занять свое место у Бреста, взяв с собою и другие корабли, какие он нашел по пути в Плимут.

Сей час получено известие, что одна неприятельская дивизия, состоящая из нескольких десятков легких вооруженных судов и ботов, шедшая из Дункирка** в Булонь, была атакована и разбита английскою фрегатою «L'Immortalité». Одна канонерская лодка, один галиот [33] и три плоскодонных судна взяты и присланы оною же фрегатою в Диль, откуда и известие сие получено. Ожидают, что и оставшаяся часть неприятельской флотилии будет взята или истреблена тою же самою фрегатою и другими легкими судами, кои в большом количестве беспрерывно крейсируют между Дункирка и Булони. На приведенных в Диль неприятельских лодках солдат не было, а только одни морские чиновники и матросы, кои объявили, что означенная дивизия шла в Булонь для соединеня с другою, там уже находящеюся, и для принятия войск.

С. Воронцов.

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 10 января 1804 г./29 декабря 1803 г.***

Я имел честь сообщить вашему превосходительству, что адмирал Корнваллис, после 20-часового пребывания в портах здешней страны, снова занял свою позицию перед Брестом. От него из Бреста уже имеются письма, которые сообщают, что неприятельский флот, в отсутствии адмирала, не осмелился выйти из своего порта во время бури; нет сомнения, что он и не выйдет больше, пока английский адмирал продолжает его блокировать.

Думаю, что Бонапарт в настоящее время находится в Булони, чтобы сделать смотр своей армаде, которая отнюдь не будет непобедимой; с большим чем когда-либо нетерпением ожидают прибытия французов, в виду того, что приготовления к нападению с некоторых пор усилились.

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 14/2 февраля 1804 г.****

Лорд Гоуксбери сказал мне, что здесь имеются сообщения о том, что эскадра небольших вооруженных судов, под батавским флагом, но с французскими войсками, одетыми в голландскую форму, прибыла в Берген в Норвегию, где она ожидает другие такие же суда из Текселя; что экипаж этих судов не скрывает своего места назначения — север Шотландии или же Оркнейские и Шотландские острова, находящиеся на севере этой части Великобритании; что копенгаген-

* МИД, канц., 1803 г., д. № 6755.
** Дюнкерк.
*** МИД, канц., 1804 г., д. № 6674. Перевод с французского.
**** Там же, д. № 6760. Перевод с французского.

ский двор, допуская в своих портах это сосредоточение, нарушает строгий нейтралитет, и что ему из-за этого будут сделаны весьма серьезные представления; другая признанная цель этой экспедиции — неприятель может также послать эти суда из Бергена крейсировать в пролив Категат, чтобы захватывать на своем пути товаро-пассажирские пароходы, которые поддерживают сообщение здешней страны с Готебургом; это нанесло бы большой ущерб торговым интересам России и Великобритании, нарушив сообщение и почтовую связь между обеими странами. Если датский двор не прекратит этого беззакония, можно предвидеть, что отсюда будут вынуждены послать экспедицию, чтобы уничтожить эту вражескую флотилию.

Если до отправки настоящего донесения я получу от государственного секретаря документы относительно этого дела, то я не премину присоединить их.

Из донесения российского посла в Лондоне С. Воронцова канцлеру А. Воронцову, 14/2 февраля 1804 г.*

...По известиям, кои доходят сюды с той стороны Канала, Бонапарте паки объезжает все те порты, кои от Булоня до Флесинга наполнены мелкими судами для предприятия противу сей земли: беспрерывно сажают войска на сии суда и потом обратно высаживают на землю, чтобы приучать их к высадкам. Здесь нетерпеливо ожидают, чтобы он отважился сделать сие покушение, которое должно обратиться на его стыд и, может быть, на его низвержение...

С. Воронцов.

Из дневника заседания палаты общин парламента, 23 апреля 1804 г.**

Г-н Фокс [34] начинает свое выступление некоторыми предварительными замечаниями, содержание которых сводится к тому, что проявляемое обществом усердие не следует рассматривать как молчаливое одобрение деятельности министров. Английский народ, сказал он. перед угрозой нашествия считает, что он раньше всего должен думать о защите своих очагов. Теперешнее правительство не получило никаких признаков удовлетворения ни от народа, ни от парламента. Несколько выдающихся членов палаты в момент разрыва даже не выступили с критикой того, как велись предшествовавшие ему переговоры. Было бы нетрудно доказать, что энергичные усилия нации были вызваны бездеятельностью министров. В самом деле, видя, что правительство не делает никаких приготовлений к защите, народ счел необходимым самому взяться за оружие. Если правда, что враг серьезно угрожает нам страшным нападением, то мер временной защиты недостаточно, необходимы мероприятия постоянные. Если враг имеет проект вторгнуться к нам, то он, конечно, не ограничил срока, в течение которого он смог бы осуществить свой проект.

Нельзя скрывать, что французы сделали огромные приготовления: необходимо, чтобы наши приготовления были равноценны. Мое предложение будет чрезвычайно ограничено в своей основе. Я удовольствуюсь тем, что предложу палате объявить себя Комитетом для того, чтобы обсудить вопрос о всеобщей обороне. Мои замечания будут касаться, главным образом, линейных войск, и я тщательно буду избегать затрагивать побочные вопросы, в равной мере важные, как размеры наших морских сил, недостаток звонкой монеты в Ирландии и т. д. и т. п.

Первые два вопроса, которые надо будет обсудить в Комитете, следующие: 1) увеличение линейных войск, 2) формирование вспомога-

* МИД, канц., 1804 г., д. № 6760.

** Там же. Это приложение в письму С. Воронцова канцлеру А. Воронцову от 27/15 апреля 1804 г. Перевод с французского.

тельной силы. Несмотря на уверения министров, с трудом верится, что наши линейные войска сейчас столь же многочисленны, как и в конце последней войны. Что касается ополчения, то как бы великолепно оно ни было, оно по своей природе не может быть равноценно регулярным войскам. Однако, напрасно добиваться увеличения регулярных войск поскольку за вступление в резервную армию будет предложено 50 гиней, в то время, как на вербовку армейских полков выдают только 10 гиней [35]. Другое препятствие, еще более серьезное, заключается в обычае бессрочных вербовок. Англия является единственной страной в Европе, где следуют этому варварскому обычаю. Разве не удивительно, чтобы в стране, где личность и собственность находятся под непосредственной охраной законов, человек на всю жизнь продавал свою свободу.

Что касается вспомогательных войск, которыми необходимо себя обеспечить, то я полагаю, что самое полезное сформировать их из сельских жителей. Располагая такой силой, можно ничего не опасаться, даже последствий поражения. Допустим, в самом деле, что французы в большом количестве высадились бы на наши берега и что они одержали бы первый успех. Какие плоды извлекли бы они из такой победы, в случае, если бы все население страны выступило бы против них?— Никаких; они не могли бы достать себе продовольствия, не рискуя быть уничтоженными по частям. Я высказываю такое предположение потому, что надо все предвидеть. Величайшее мужество и самые возвышенные идеалы не всегда достаточны для обеспечения победы.

Повергнув критике положение, которое заключается во вступительной части акта о всеобщей обороне и согласно которому король имеет право принудить всех своих подданных взяться за оружие, г-н Фокс заканчивает свое выступление внесением оформленного предложения и требует образования Комитета...

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова министру иностранных дел князю Чарторыйскому, 24/12 июля 1804 г. *

Сессия парламента сегодня еще не закончится, она продолжена, вследствие большого количества нерассмотренных дел.

Вот уже несколько дней серьезно ожидают предстоящей высадки французов в здешнюю страну. Это мнение основывается на необычайном передвижении войск, которое наблюдается на всем протяжении противоположного берега. Однако, если эта высадка будет отложена, то французы будут еще в худшем положении, так как через некоторое время они встретятся с еще более грандиозными средствами обороны чем те, которые здесь уже существуют. Лорд Мельвилль [36] с присущим ему характером и необычайной активностью так хорошо содействует видам господина Питта, что морской флот, который при лорде Винсенте [37] и господине Аддингтоне [38] был в невероятном пренебрежении, настолько изменился к лучшему, что его никак нельзя сравнить с тем флотом, который был при отставке последнего министерства, и прилагают все усилия, чтобы поставить этот департамент на современную ногу, как этого требует его значение. Не перестают также ежедневно заботиться об улучшении сухопутных войск... В общем здесь все так хорошо организовано, что можно сейчас предположить, что в случае, если французские войска бросятся на здешние берега, то не больше четвертой части их сможет высадиться на землю. Возможно, что они будут в более выгодном положении, если направятся к берегам Ирландии, но там для них будет помехой другое затруднение,

* МИД, канц., 1804 г., д. № 6760. Перевод с французского.

именно — морское расстояние, которое им придется пересечь. Они не раз подвергнутся опасности со стороны флота, блокирующего Брест и способного преследовать всякую силу, которая выйдет из французских портов в Ирландии.

Из донесения российского посла в Лондоне С. Воронцова министру иностранных дел князю Чарторыйскому, 7 августа/26 июля 1804 г.*

Сегодня утром здесь распространился слух, оказавшийся однако недостоверным, о том, что во время тумана часть французского флота в составе 4—5 линейных кораблей и нескольких фрегатов, под командой адмирала Гантома, ускользнула из Бреста и что адмирал Гревес, выделив 6 линейных кораблей, пустился в погоню за адмиралом Гантомом.

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова министру иностранных дел князю Чарторыйскому, 10 августа/29 июля 1804 г.**

Не имея времени перевести официальную ноту, которую я только что получил от лорда Гарроубай, я посылаю ее вашему превосходительству в оригинале. Из нее вы узнаете, что британское правительство решило подвергнуть строжайшей блокаде перечисленные в ноте французские порты. Со времени вступления настоящего министерства в обязанности, здесь занимаются исключительно вооружением судов, в особенности тех, которые могут ближе всего подступить к неприятельским берегам; так что вместо того, чтобы ждать высадки французов здесь, их тревожат на их собственном берегу, о чем свидетельствует последняя бомбардировка Гавра, которая причинила сильный ущерб городу и находящейся в порту французской флотилии...

Донесение поверенного в делах в Лондоне Николаи министру иностранных дел князю Чарторыйскому, 31/19 августа 1804 г.***

В последние дни демонстрации со стороны французских сил, собранных в Булонском порту, были, так сказать, более импозантными и более показательными, чем когда-либо раньше. Несколько сот канонерских лодок вышли из порта и выстроились вдоль побережья под защитой сухопутных батарей. Английская наблюдательная эскадра, крейсирующая перед Булонью, в значительной степени мешала движениям неприятеля; с прошлого воскресенья почти каждый день с этого участка слышна чрезвычайно напряженная канонада. Один английский котер под названием «Конституция», пошел ко дну, пробитый бомбой в момент, когда он, преследуя со слишком большой горячностью несколько французских судов, спешивших укрыться в порту, слишком приблизился к неприятелю. Однако, весь экипаж спасен лодками других английских судов. Всего со стороны англичан было только трое убитых; французские же потери должны были быть значительными, так как им пришлось выдержать хорошо направленный огонь. По донесениям, полученным вчера правительством, французские лодки вошли обратно в Булонский порт, за исключением шестидесяти, продолжавших занимать прежнее положение.

---

* МИД, канц., 1804 г., д. № 6760. Перевод с французского.
** Там же. Перевод с французского.
*** Там же. Перевод с французского.

Донесение поверенного в делах барона Николаи в Лондоне министру иностранных дел князю Чарторыйскому, 11 сентября/30 августа 1804 г.*

Сильная канонада, которая весь прошлый четверг слышна была на этой стороне Ла-Манша, была вызвана атакой нескольких английских судов против пятидесяти небольших неприятельских судов, пробиравшихся вдоль берегов Остенде в Калэ; некоторые повреждения были с той и с другой стороны, но французские силы, защищенные как всегда береговыми батареями, укрылись в Калэ. С тех пор ничего значительного с той стороны не произошло.

Третьего дня лорд Кейт, командующий эскадрой в Дюнах, отправился на разведку на борту судна «Монарх» с 74 пушками, вместе с первым лордом адмиралтейства Мельвиллем, взявши курс на Калэ и Булонь; вчера вечером они возвратились из своей поездки.

Господин Питт, со свойственной ему активностью, был последнее время занят тем, что тщательно проверял средства защиты на той линии берега, которая находится на более близком расстоянии к Франции.

Из донесения российского посла в Лондоне С. Воронцова министру иностранных дел князю Чарторыйскому, 5 октября/23 сентября 1804 г.**

Лорд Гарроубай еще не вернулся из поездки в Вельмер-Кестль, которую он предпринял туда, чтобы сговориться с господином Питтом.

Ваше превосходительство увидит, что газеты здешней страны со вчерашнего дня пишут о новом способе атаки, который два дня назад англичане применили против части французских канонерских лодок, числом приблизительно около 150, которые вышли из Булонского порта и выстроились по линии береговых батарей; в момент, когда среди французских сил началось замешательство, англичане направили против них брандеры. Дело в том, что в данном случае брандерами не воспользовались полностью, а только двумя машинами новой конструкции, которые, идя между двумя водометами и подойдя на довольно близкое расстояние к неприятелю, должны своим взрывом, происходящим после определенного времени, произвести разрушение среди находящихся около них судов. На этот раз хотели только сделать опыт с этим новым изобретением, но результат был настолько удачен, что надеются в будущем на громадный успех, если пустят в дело большее количество таких машин. Здесь больше всего желают выхода флотилии из Булони, но так как она медлит с выходом в море, то думают об ее истреблении, несмотря на береговые батареи, под защитой которых она до сих пор находилась...

Из донесения российского поверенного в делах в Лондоне Николаи министру иностранных дел князю Чарторыйскому, 30/18 октября 1804 г.***

...Придворная газета за прошлую субботу содержит рапорт Оуенса, капитана фрегата «L'Immortalité». Согласно этого рапорта несколько дней тому назад он атаковал новый небольшой отряд вражеских судов и лугеров, которые шли вдоль своего берега, направляясь в Булонь; они достигли его, выполнив свое намерение, однако лишь после того, как выдержали усиленный обстрел с фрегата, который в свою очередь получил некоторый урон от береговых батарей. Впрочем мы абсолютно лишены интересных сообщений с берега...

---

* МИД, канц., 1804 г., д. 6760. Перевод с французского.
** Там же. Перевод с французского.
*** Там же. Перевод с французского.

Из донесения российского посла в Лондоне С. Воронцова министру иностранных дел князю Чарторыйскому, 6 августа/25 июля 1805 г.*

...Здесь уверены, что неприятель думает, наконец, серьезно сделать десант в здешней стране. Известно, что в Гельдере, в Текеле, на борту транспортных судов, находятся 25 тыс. человек, для конвоирования которых голландцы должны доставить возможно большее количество военных судов. В Булонь также царит необычайное оживление, и число канонерских лодок постоянно увеличивается. Не менее возбуждены и на здешнем берегу: эскадра в Дюнах готова принять врага, а сухопутных сил вдоль берега достаточно, чтобы его отразить...

Имею честь заверить ваше превосходительство, что все, что «Moniteur» и другие французские газеты пишут о мнимых победах над англичанами, якобы одержанных французскими флотилиями при проходе в Булонь, являются лишь рядом измышлений. Когда эти флотилии украдкой тянутся вдоль своих берегов, маленькие английские суда заставляют их обычно поспешно скрываться в ближайшем порту; и всегда часть их топится, а другая захватывается. Только англичане берутся за это с таким рвением, что слишком подвергают себя огню французских береговых батарей, и, несмотря на то, что перевес на их стороне, однако, в целях сбережения людей, английские офицеры получили приказ больше не идти под огонь батарей, но ожидать пока враг выйдет дальше в открытое море.

Донесение российского посла в Лондоне С. Воронцова министру иностранных дел князю Чарторыйскому, 9 августа/28 июля 1805 г.**

Правительство получило вчера утром депеши от лорда Нельсона, доставленные сюда маленькой шхуной. Они сообщают, что адмирал достиг Гибралтарского залива 19 июля, что 22-го он бросил якорь в Тетуане, чтобы запастись провизией и что 26-го, после переговоров с вице-адмиралом Коллингвуд [39], он, согласно полученным им сообщениям, вышел в море к северу от Кадикса, держа курс на север. Флот его находится в наилучшем состоянии и вновь снабжен провизией на четыре месяца. До этого времени он ничего не слышал о сражении 22-го прошлого месяца. Он сдержал данное им обещание, что он будет в Европе раньше неприятеля, который бежал впереди него, и пришел в Гибралтар 19-го, в то время как соединенные флоты по указаниям адмирала Кальдера 22-го были еще в 50 милях западнее мыса Финистер [40]. Здесь превозносят изумительную энергию, с которой адмирал Нельсон преследовал врага. Этот превосходный человек вышел от мыса Сан-Винцента в западную Индию, где он застал бы еще соединенный флот и сразился бы с ним, если бы не был введен в заблуждение одним американским кораблем,— обогнул Индию, взял на борт и выгрузил войска и вернулся в Европу раньше врага, употребив на весь этот путь только 67 дней...

Из донесения российского посла в Лондоне С. Воронцова министру иностранных дел князю Чарторыйскому, 23/11 августа 1805 г.***

Вы хорошо понимаете, князь, что все внимание правительства должно быть направлено на свое собственное сохранение, прежде чем принять в соображение все остальное в мире, и что вся Европа, за исключением Бонапарта, должна также желать сохранения здешней страны, без которой всякие коалиции против корсиканца будут невозможны, или же по меньшей мере бесполезны. Сейчас здешняя

* МИД, канц., 1805 г., д. № 6783. Перевод с французского.
** Там же. Перевод с французского.
*** Там же. Перевод с французского.

страна более угрожаема чем когда-либо, или вернее начинает быть угрожаемой в течение последних трех недель, в связи с усилиями врага и сосредоточением огромной силы от Текселя до Ферроля. Там собрано более 150 тысяч человек и более 60 французских, испанских и голландских кораблей, кроме 3000 небольших судов, которые находятся в Булони и в окрестностях для транспорта войск. Чтобы отразить врага, средства защиты вполне достаточны, но ведь все это держится на одном человеке — господине Питт. Он — один, способностей у него на это хватает, но непонятно, как его организм может выдерживать падающие на его долю работу и утомление. С утра до вечера он занят морскими и военными делами. Это он, который смотрит, побуждает, направляет и заботится обо всем с такой осмысленностью и с таким упорством, которые составляют основные свойства его характера...

Из донесения российского посла в Лондоне С. Воронцова министру иностранных дел князю Чарторыйскому, 27/15 августа 1805 г.*

Правительство получило донесения от адмирала Корнвалисса о том, что он 21-го вечером видел, как флот вышел из Бреста, в составе 21 линейного корабля, и стал прямо у входа в порт. Тотчас же он отправился сам и бросил якорь против врага, а на другой день утром на рассвете он дал сигнал к атаке. Но так как англичане стреляют только на близком расстоянии, то раньше чем они дали залп, первый французский корабль дал орудийный залп, повернул борт, подошел к берегу и вошел в порт; все остальные корабли последовали за ним; последний едва не был отрезан двумя английскими кораблями «Cesar» и «Montegue», но в тот момент, когда они собирались осуществить свой план, их до такой степени засыпали ядрами и бомбами с береговых батарей, что они принуждены были отказаться от этого...

Из донесения российского посла в Лондоне С. Воронцова министру иностранных дел князю Чарторыйскому, 20/8 сентября 1805 г.**

...Здесь производят крупнейшие демонстрации различных высадок (связанные с большими издержками из-за расходов по транспорту и скопления войск в местах посадки), показывая, что хотят немедленно произвести их на французских берегах, с целью вынудить Бонапарта не только не оттягивать войска от берега, но посылать туда новые, чтобы усилить и защитить эту уязвимую часть Франции, особенно на западных берегах...

Донесение российского поверенного в делах в Лондоне барона Николаи министру иностранных дел князю Чарторыйскому, 6 ноября/25 октября 1805 г.***

Известие о победе, одержанной под Кадиксом английским флотом над соединенными силами французов и испанцев[41], принесло сюда одновременно и радость и печаль; за эту славную победу пришлось заплатить очень дорого — храбрый Нельсон погиб в тот момент, когда он должен был стяжать новые лавры. Он с 27 кораблями напал на врага, имеющего 33 линейных корабля, и взял у него в плен 18,— и это почти одновременно с тем, как Бонапарт (согласно «Moniteur'у») заявил генералу Маку[42], что ему нужны только корабли, колонии и торговля.— Адмирал Вильнёв взят в плен.

---

* МИД, канц., 1805 г., д. № 6783. Перевод с французского.
** Там же. Перевод с французского.
*** Там же. Перевод с французского.

Я располагаю временем, господин князь, только для того, чтобы приложить только что вышедшую придворную газету, в которой помещены подробности сражения *. Правительство отправит в штаб курьера к лорду Гарроубай, и я пользуюсь этим случаем, чтобы отправить мое нижайшее донесение.

Донесение поверенного в делах в Лондоне Николаи министру иностранных дел князю Чарторыйскому, 8 ноября/27 октября 1805 г. **

Пушечный гул возвестил нам утром третьего дня о какой-то победе, одержанной британскими силами над врагом, а вскоре после этого по всему городу распространилось известие, что объединенный французско-испанский флот в составе 33 линейных кораблей, вышедший из Кадикса 19/7 октября, был 21-го атакован лордом Нельсоном с его 27-ю кораблями (среди которых только три имели по 64 орудия); во время боя этот великий герой был поражен ружейной пулей и час спустя скончался; неприятель потерпел полное поражение, потеряв 18 линейных кораблей.

Отправившись тотчас же в государственный секретариат, я там получил подтверждение этой важной новости; я узнал также, что курьер отправится на континент, как только придворная экстраординарная газета выйдет из печати. В моем распоряжении имелось, князь, время, чтобы написать вашему превосходительству только несколько строк об этой знаменитой победе и переслать вам придворную газету, описывающую подробности ее. Так как возможно, что судно, коему поручено было перевести упомянутого курьера, встретило противный ветер, я для большей уверенности, присоединяю при сем другой экземпляр придворной газеты.

Смерть лорда Нельсона встречена здесь как настоящее бедствие. Невозможно описать ту печаль, которую она внесла в душу каждого англичанина. Вся нация его обожала, и нет человека, который произнес бы сейчас его имя без глубокой печали. Как ни велика победа, из двух событий она произвела меньшее впечатление.

Лорд Нельсон заранее разработал план нападения, не желая мешать своему флоту слишком частыми сигналами во время боя; каждый из его капитанов знал, что ему делать, и пошел на врага, который построился полукругом, убежденный в том, что атака будет непреодолимой. Адмирал был ранен в разгаре сражения и прожил после этого всего один час, но сохранил сознание до конца и с удовлетворением узнал, что 15 неприятельских кораблей сдались. За полчаса до смерти он приказал сигнализировать: «Англия надеется, что каждый выполнит свой долг».

Неприятель потерял 20 линейных кораблей, из которых один взлетел на воздух; два из сдавшихся после сражения судна, пользуясь сильной бурей, пустились в бегство; до сих пор еще нет уверенности, не должны ли были бы англичане из предосторожности уничтожить все захваченные ими призы. С нетерпением ждут будущих докладов адмирала Коллингвуда, который заканчивал дело, начатое лордом Нельсон. Правительство полностью одобрило его поведение и уже назначило его заместителем покойного начальника в командовании британским флотом на участке от мыса Сент-Винсент и по всему Средиземному морю.

Экспедиция, так долго ожидавшая для отплытия попутного ветра, подняла паруса третьего дня, направляясь к берегам Эльбы...

---

* В приложенной к донесению газете излагается подробно сражение у Трафальгарского мыса.

** МИД, канц., 1805 г., д. № 6783. Перевод с французского.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Воронцов, Семен Романович, граф (1744—1832). Значительную часть жизни прожил в Англии, где занимал пост царского посла (с 1785 до 1806 г.), с небольшим перерывом при императоре Павле. Сторонник тесных торговых связей России с Англией.

2. Булонь — приморский французский город на берегу пролива Па-де-Калэ. Здесь Наполеон Бонапарт сосредоточил свою большую армию, опиравшуюся на значительную флотилию судов и предназначенную для высадки на берег Англии. Отсюда — название «Булонский лагерь».

3. Нельсон, Горацио, лорд (1758—1805). Выдающийся английский адмирал. В морском сражении при Трафальгарском мысе (у юго-западной части Испании) уничтожил франко-испанский флот в 1805 году, лишив в дальнейшем Наполеона I возможности нанести Англии решительный удар на море. В битве при Трафальгаре Нельсон был смертельно ранен.

4. Слоп (шлюп) — одномачтовое, бриг — двухмачтовое и лугер — трехмачтовое парусные военные судна.

5. Корнваллис Чарлз Манн (1738—1805), видный государственный деятель Англии. В 1801 году вел переговоры с Францией о заключении мира.

6. Батавская республика — республика, провозглашенная в Голландии в 1795 году. При Наполеоне I в 1806 г. объявлена королевством с Людовиком Бонапартом во главе.

7. Смирнов, Яков — священник русской посольской церкви в Лондоне. Исполнял обязанности приватного секретаря у посла С. Р. Воронцова.

8. Маргет — приморский город в Англии, на берегу Северного моря, в графстве Кент.

9. Бомбарда — один из видов первоначальных артиллерийских орудий в начале XIX века.

10. Предварительный мир между Англией и Францией, подписанный 1 октября 1801 г. в Лондоне лордом Гоуксбери и представителем Франции Луи Гильомом Отто. Окончательный мир был подписан в Амьене 27 марта 1802 года между Францией, Испанией и Батавской республикой с одной стороны и Англией — с другой. По Амьенскому мирному договору Англия обязалась вернуть иерусалимским рыцарям иоаннитам остров Мальту, захваченный ею у французов в сентябре 1800 г.

11. Оставаясь под угрозой французского десанта и потеряв в 1801 году всех своих союзников, заключивших или готовых заключить в 1801 г. мирные договора с Наполеоном Бонапартом, Англия уже в средине 1801 года вынуждена была начать мирные переговоры с Францией, чтобы избегнуть полной изоляции, которая грозила ей при сложившейся в 1801 году международной обстановке. Наряду с этим крайне тяжелое финансовое положение, смена министерства, настроение общественного мнения, требовавшего мира,— все это порождало всякие смутные слухи в английском обществе, и заключение прелиминарного мира было встречено, как большая сенсация.

12. Воронцов, Александр Романович, граф (1741—1805). Брат С. Р. Воронцова, посла в Лондоне. Государственный деятель второй половины XVIII в. и начала XIX в., государственный канцлер при Александре I.

13. Амьенский мирный договор не уничтожил вековой взаимной вражды между Англией и Францией: Англия боролась за сохранение своего морского могущества, Франция — за уничтожение этого могущества и установление своего господства в Европе. Обе державы понимали, что Амьенский договор — лишь короткая передышка, непрочное перемирие. В частности, Англия не хотела эвакуировать остров Мальту, нарушая тем самым один из пунктов Амьенского договора. Франция мечтала о владычестве на морях и в колониях. Вокруг этих вопросов между Англией и Францией шли длительные переговоры.

14. В 1798 г. Мальту захватил Наполеон Бонапарт. В 1800 г. остров был осажден англичанами, и французы вынуждены были его сдать. По Амьенскому миру англичане обязались эвакуировать Мальту, чтобы передать ее рыцарям ордена Иоаннитов, но Англия этого условия не выполнила и оставила остров за собой; с тех пор Мальта является важнейшим портом Англии, играющим большую роль в деле защиты ее интересов на Средиземном море.

15. В своем донесении канцлеру А. Воронцову от 15/3 февраля С. Воронцов указывает на следующие причины отказа Англии эвакуировать Мальту: 1) вмешательство Франции в общее положение дел в Европе уже после заключения Амьенского договора, 2) агрессивный образ действий Франции в отношении Швейцарии и Голландии, независимость которых была гарантирована при заключении мирного договора в Амьене, 3) присоединение к Франции различных областей, особенно в Италии, что увеличило территорию Франции и усилило ее мощь. В этом смысле британский посол в Париже дал французскому правительству ответ Англии на предложение выполнить пункт Амьенского мирного договора об эвакуации Мальты.

16. Уитворт — английский посол во Франции.

17. Послание короля обеим палатам парламента, приложенное в копии к донесению С. Воронцова А. Воронцову от 8 марта/24 февраля 1803 г., говорит о том, что в портах Франции и Голландии производятся значительные военные приготовления, поэтому король считает своевременным принять дополнительные меры предосторожности для безопасности его владений. Король указывает, что эти приготовления, делаемые под видом колониальной экспедиции, происходят в момент переговоров между Англией и Францией, результаты которых еще не известны. Поэтому король считает нужным сделать это сообщение палате общин и палате лордов.

18. Фландрия — северо-западная приморская часть Бельгии — в эпоху революционных войн (1792—1794) отошла к Франции. После Венского конгресса (1815) вошла в состав Голландского королевства.

19. Андреосси, Антуан-Франсуа. граф (1761—1828). Французский генерал и дипломат. После заключения Амьенского мира был назначен посланником в Лондон.

20. В истории было три барьерных трактата, заключенных голландскими генеральными штатами сначала с Англией, а затем с германским императором, в начале XVIII века. По этим трактатам Англия и Австрия гарантировали Голландии право держать гарнизоны по всей Фландрии и другим городам, расположенным вдоль французской границы, чтобы создать таким путем барьер между территорией Голландии и Францией, стремившейся присоединить Бельгию к своим владениям. Англия и Австрия, заключая барьерные договора с Голландией, поддерживали ее намерения укрепиться против Франции, с целью, однако, использовать эти трактаты против интересов Голландии, ведя борьбу за захват голландской колониальной торговли.

21. Мальтийский орден — религиозная католическая организация родосских рыцарей, возникшая в Средние века и получившая тогда от императора Карла V остров Мальту, обязавшись вести борьбу против турок и морских пиратов.

22. Тевтонский орден — духовно-рыцарская организация, основанная в конце XII столетия немецкими крестоносцами в Палестине. Впоследствии объединилась с Ливонским орденом. В 1242 г. тевтонские рыцари были разбиты Александром Невским на льду Чудского озера («Ледовое побоище»). В начале XV века в борьбе с поляками, русскими и литовцами Тевтонский орден был вновь разбит. В XVI веке все земли Тевтонского ордена были захвачены Пруссией и присоединены к ее владениям под названием Прусское герцогство. Оставшиеся рыцари объединились в простые религиозные общины, не имевшие никакого политического значения.

23. Сардинское королевство (Пьемонт), было оккупировано Бонапартом во время итальянского похода в конце XVIII века. Во время происшедшей в 1798 г. революции в Турине, столице Сардинии, ее король бежал на остров Сардинию. В 1802 г. Сардинское королевство за исключением острова Сардинии, было присоединено Наполеоном Бонапартом к Франции.

24. Этрурия — королевство, созданное в 1801 году Наполеоном I и включавшее территорию нынешней Тосканы и Италии. В 1807 г. Этрурия была присоединена Наполеоном I к Франции.

25. Итальянская республика, переименованная в 1802 г. из Цизальпинской республики, образованной Наполеоном Бонапартом в 1797 г. из итальянских областей: Ломбардия, Модена, Болонья, Феррара, Романья, часть герцогства Пармы. В 1805 г. была преобразована в королевство.

26. Лигурийская республика — создана в 1797 г., во время итальянского похода Наполеона Бонапарта, из аристократической Генуэзской республики. В 1805 г. была присоединена к Франции.

27. Морков Аркадий Иванович, граф (1747—1827), русский дипломат. С 1801 по 1803 г. был послом в Париже, где не смог наладить нормальных отношений с Наполеоном Бонапартом, вследствие чего и был отозван из Франции.

Россия, заключив еще в 1801 г. Парижский договор с Францией, приняла на себя посредничество в разрешении мирным путем ряда вопросов между Францией и Италией, а также и Германией.

Используя свое положение посредника, Россия предложила через своего посла Моркова услуги в улажении разногласий между Францией и Англией.

28. Английский посол во Франции Уитворт покинул Париж 12 мая 1803 г. С этого момента Амьенский мирный договор перестал действовать. Между Францией и Англией возобновились военные действия.

29. Предложение русского двора в форме рескрипта Александра I состояло в том, что русское правительство, желая предотвратить кровопролитие в войне Англии с Францией, готово было в целях сохранения мира в Европе, принять остров Мальту под защиту России впредь до разрешения спорных вопросов между враждующими сторонами.— На этот рескрипт английское правительство ответило, как это видно из донесения С. Воронцова А. Воронцову от 12 июля/30 июня 1803 г., в том смысле, что раз война началась, то было бы неизвинительным и опасным вновь заключать непрочный мир, подобно Амьенскому. Если Бонапарт желает мира, то он должен без чьего-либо посредничества, принять то, что ему уже предлагала Англия.

30. Питт Уильям (Младший) (1759—1806) — английский государственный деятель. Сын Питта Старшего, графа Чатама. С 1783 по 1801 и с 1804 по 1806 занимал пост премьер-министра Англии. Организатор европейских коалиций против республиканской Франции.

31. Подветренные острова — иначе называемые Ливардские острова: группа Вест-индских островов в Атлантическом океане, принадлежащих Великобритании.

32. В ноте (письме) Гоуксбери к С. Воронцову от 23 декабря 1803 г. государственный секретарь сообщает о только что изданном им приказе о том, чтобы никакое судно под русским или каким-либо другим нейтральным флагом не входило ни в один порт или какое другое место на берегу между р. Гумбер и Дюнами, за исключением рейда Ярмут и рейдов Дюн, куда эти суда могут заходить как и раньше.

33. Галиот (гальот) — парусное судно для каботажного морского плавания.

34. Фокс Чарлз Джемс (1749—1806) — видный английский политический деятель. Сторонник мирной политики по отношению к республиканской Франции, что лишило его поддержки со стороны парламента, где он был членом палаты общин. После смерти Уильяма Питта (Младшего) вошел в состав кабинета в качестве секретаря по иностранным делам (1806).

35. По существовавшему в английском военном ведомстве положению 10 гиней уплачивалось лицу, пожелавшему вступить в регулярные постоянные войска, в то время как лицам, вступающим в период войны в резервную армию, уплачивалось по 50 гиней.

36. Мельвилль Генри-Дендас, лорд (1741—1811) — английский государственный деятель. В 1803 г. первый лорд адмиралтейства.

37. Винсент, лорд — английский государственный деятель в области морского ведомства.

38. Аддингтон Генри, лорд Сидмут (1757—1844) — английский государственный деятель. С 1801 по 1804 гг. был во главе кабинета; вынужден был выйти в отставку, вследствие нападок со стороны парламента за недостаточно энергичную заботу о морском флоте.

39. Коллингвуд, Катберт (1750—1810) — английский адмирал, участник морского сражения с франко-испанским флотом при Трафальгарском мысе, где после смерти Нельсона принял командование над английской эскадрой.

40. Близ мыса Финистер 22 июля 1805 г., во время густого тумана, английский адмирал Кальдер напал на французский флот, возвращавшийся под командой адмирала де-Вильнев с Антильских островов. Морской бой не имел решающего значения.

41. Речь идет о морском сражении 21 октября 1805 г. вблизи г. Кадикса у мыса Трафальгар между франко-испанским флотом под командой французского адмирала де-Вильнев и английским флотом под командованием Нельсона, закончившемся полным разгромом франко-испанского флота.

42. Мак, Карл, фон Лейберих (1757—1828) — австрийский генерал. В октябре 1805 г. был окружен со своей армией в г. Ульме Наполеоном I и сдался.

Новые материалы о Глебе Успенском

Имя Г. И. Успенского вполне заслуженно занимает почетное место среди классиков русской художественной литературы.

Талантливый, чуткий и вдумчивый писатель, выдвинутый революционной демократией 60—70-х годов, Успенский по тонкости своих наблюдений и по глубине своего анализа стоит в первом ряду беллетристов своего времени.

Подобно многим писателям царской России, Успенский был глубоко несчастным человеком; обладая горячим, благородным характером, он чутко реагировал на человеческие страдания, на всякую социальную несправедливость.

Личная жизнь писателя тоже сложилась неудачно. Постоянные материальные затруднения заставляли Успенского отвлекаться от любимого писательского дела и заниматься другой работой. Одно время он пробовал свои силы на педагогическом поприще (учительствовал в Епифанском уезде Тульской губ.) [1], в 1878—1879 гг. работал письмоводителем сельского ссудо-сберегательного товарищества в селе Сколкове Самарской губернии и т. д.

Тяжелая действительность царской России с ужасами крепостничества глубоко угнетала до чрезвычайности впечатлительную натуру Глеба Ивановича и довела его до сумасшествия.

Литературное творчество Г. И. Успенского распадается на два периода. Первый период охватывает 60-е годы, а второй — 70—80-е годы.

В 60-х годах у Успенского еще не было определенных политических убеждений и его произведения были объективно революционными лишь благодаря беспристрастному реализму крупного художника и тонкого наблюдателя своей эпохи.

Позднее, под влиянием Салтыкова-Щедрина и Некрасова, окончательно окрепли и оформились революционно-демократические убеждения писателя.

Значительную роль в установлении революционно-демократических убеждений Глеба Ивановича сыграла поездка его за границу в 1872 году. В этом году он посетил столицу Франции — Париж, куда попал после разгрома Парижской Коммуны.

В письме к своей жене А. В. Успенской-Бараевой от 10 мая 1872 г. он, как настоящий писатель-гуманист, возмущается гнусным поведением палачей рабочего класса, проникаясь сочувствием к безымянным героям Коммуны. После посещения Пантеона Успенский пишет: «Здесь и на этом самом месте версальцы в прошлом году 21 мая расстреляли 450 коммунистов, вся площадка была залита кровью, и теперь даже кровь так въелась в камень, что, как ни отчищали ее, пегие пятна видны. Я на этой площадке простоял час словно помешанный или в столбняке, ноги мои словно приросли к тому месту, где умерло столько народу» [1].

В этом же письме Успенский описывает гнусную инсценировку военного суда версальцев над побежденными коммунарами.

Второе путешествие во Францию Успенский совершил в 1874—1876 гг. Во время этих путешествий Глеб Иванович познакомился в Париже с революционерами — Иванчиным-Писаревым, Германом Лопатиным, Д. А. Клеменцом. В беседах с ними Успенский неоднократно возвращался к судьбе парижских коммунаров. Так, А. И. Иванчин-Писарев вспоминает об одной прогулке в Бютт-де-Шомон. Глеб Иванович все время возмущался наполеоновским режимом, породившим Тьера и его сподвижников.

«— Ведь какое зверье! — говорил он.— Расстреляли народ тысячами, а в Бютт-де-Шомон еще соорудили из трупов колоссальный костер, облили его керосином и зажгли... Им показалось мало убить и зарыть их в землю, захотелось изжарить в огне, обратить людей в густое вонючее облако дыма, стоявшее более недели над лесом» [2].

Из русских революционеров народнического толка Глеб Иванович был знаком с В. Фигнер, А. Желябовым, С. Перовской, Кибальчичем, Исаевым, Саблиным и др.; дружил он также и с французским коммунаром бланкистом, участником Парижской Коммуны, Жакларом. Общение с ними воодушевляло Успенского, вселяло в него бодрость, веру в свои творческие силы.

Большинство дореволюционных литературоведов имя Глеба Успенского безого-

---

1 В публикуемых нами ниже архивных документах Г. И. Успенский именуется «уездным учителем» — это было его официальное звание с 31 мая 1867 г., когда он получил «свидетельство на звание учителя русского языка в уездных училищах».

1 «Глеб Успенский в жизни», составил и снабдил примечаниями А. С. Глинка-Волжский, М.— Л., 1935 г., стр. 119.

2 Там же, стр. 198.

ворочно отождествляли с народниками. Бесспорно, что в рассказах и очерках Глеба Ивановича второго периода мы найдем многие характерные черты народничества. Но интерпретировать творчество Успенского только лишь как народническое, было бы неверно. Дружа со многими представителями народнического направления, Успенский идейно с ними не солидаризировался до конца. По отношению к их догматам писатель проявлял свой тонкий скептицизм, «отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию» (известные слова А. И. Гурвича, цитированные Лениным). В 70—80-е годы творчество Глеба Успенского носит ярко выраженный революционно-демократический характер.

Произведения писателя беспощадно искажались, уродовались царской цензурой; из них нередко хирургически удалялось самое яркое и основное. Александра Васильевна, жена писателя, в письме к Н. А. Долганову [1] пишет, что Глеб Иванович «давно не подписывает своего имени — не пропускают» [2].

Очерки и рассказы Глеба Успенского дают исключительно ценный материал для изучения жизни и быта крестьян в пореформенную эпоху, в которых ярко вскрываются социальные корни классовой дифференциации крестьянства в 70—80-х годах.

«Г. И. Успенский,— по словам некролога о нем в Ленинской «Искре»,— неизмеримо больше всех легальных писателей 70-х и 80-х годов оказал влияние на ход нашего революционного движения. Его деревенские очерки конца 70-х годов, совпадая с личными впечатлениями ходивших в народ революционеров, содействовали крушению первоначального анархически-бунтарского народничества. Еще большее значение имели некоторые из его произведений 80-х годов, в которых мыслитель, сливаясь с художником, на нескольких страницах, иногда в нескольких строках намечал самые глубокие выводы, сообщая им непосредственную убедительность художественного наблюдения действительности.

Первым русским марксистам-революционерам... эти очерки Г. Успенского помогали конкретно выяснить и себе и другим свою историческую теорию».

Поэтому «социал-демократы всегда будут любить и читать Г. И. Успенского как одного из тех глубоко искренних наблюдателей и мыслителей, которые — где бы ни была их любовь в прошедшем и в будущем — в силу своей великой правдивости помогают все большему и большему выяснению того единственного пути, который идет через социальную революцию пролетариата» [3].

Известно, как высоко ценил Успенского В. И. Ленин, который неоднократно ссылался на его произведения, иллюстрируя ими те или иные свои тезисы. В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин приводит следующий отзыв Гурвича: «Народник семидесятых годов,— очень метко говорит Гурвич,— не имел никакого представления о классовом антагонизме внутри самого крестьянства, ограничивая этот антагонизм исключительно отношениями между «эксплуататором» — кулаком или мироедом — и его жертвой, крестьянином, пропитанным коммунистическим духом. Глеб Успенский одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию. Со своим превосходным знанием крестьянства и со своим громадным артистическим талантом, проникавшим до самой сути явлений, он не мог не видеть, что индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще» [1].

В художественных произведениях Успенского мы встречаемся с именем Карла Маркса, к которому он относился с глубоким уважением. Успенский считал Маркса не только изобретателем «железных законов развития капитализма», но и «радетелем» о человеческой личности (из письма к В. М. Соболевскому) [2].

Глеб Иванович с глубоким интересом отнесся к письму К. Маркса, адресованному редактору «Отечественных записок». Под влиянием этого письма он написал специальную статью «Горький упрек» [3], из которой видно, что автор ее в этот период (1888 год) уже окончательно убедился в неизбежности развития капитализма в России.

Все это показывает нам Глеба Успенского как писателя гуманиста, «печальника горя народного», всю жизнь мечтавшего о народном счастье. За это благородное стремление «великий советский народ любит и ценит Глеба Ивановича Успенского, сподвижника Некрасова и Щедрина, корифея революционной демократии, так много давшего своей стране, своему народу в деле художественной критики буржуазно-помещичьей России» [4].

Писательская деятельность Глеба Успенского, несмотря на ее актуальность, по справедливому мнению большинства литературоведов (А. Глинки-Волжского, Н. Мещерякова, В. Буша и др.), не привлекла к себе должного внимания исследователей.

«Литературное наследство Глеба Успенского и материал его биографии до сих пор остаются не только весьма мало разработанными, но даже и недостаточно разысканными и собранными» [5].

Публикуемые ниже материалы дополняют биографические сведения о писате-

---

1 Долганов Н. А.— дальний родственник и приятель А. В. Бараевой, впоследствии семьи Успенских.

2 «Глеб Успенский в жизни», стр. 206.

3 По поводу смерти Г. И. Успенского. Газ. «Искра» от 1 мая 1902 г., № 20.

1 В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 157—158.

2 Соболевский, Василий Михайлович (1846—1913), редактор газеты «Русские ведомости».

3 Н. К. Пиксанов, Глеб Успенский о Карле Марксе, журн. «Новый мир», 1933, № 3.

4 Н. А. Глаголев, Творческий путь Г. И. Успенского, журн. «Литература в школе», 1939, кн. 3, стр. 29.

5 А. Глинка-Волжский, Г. Леман, Из архива Глеба Успенского, «Летописи», кн. 4, М., 1939, стр. 1.

ле, уточняют итинерарий Глеба Успенского, так трудно поддающийся изучению, и показывают неустанную полицейскую слежку за писателем, которого царские сатрапы считали опасным.

Публикуемые материалы о Г. Успенском касаются его пребывания в Новгородской губернии, в селе Сопки, Валдайского уезда, с. Коломенском, мызе Лядно и в дер. Сябриницы, близ станции Чудово, где в 1882 г. семья Успенских приобрела свой собственный домик с небольшим земельным участком.

Начиная с 1873 г. за Глебом Ивановичем и его женой Александрой Васильевной был учрежден строгий негласный полицейский надзор, который продолжался до 1902 года, т. е. до смерти Успенского в Новознаменской психиатрической больнице под Петербургом.

Основной причиной, послужившей к учреждению за ним негласного надзора, было то обстоятельство, что Глеб Иванович был «заподозрен в политической неблагонадежности в виду стремления к сближению с крестьянами в Саратовской губ. Из наблюдения за Успенским в Петербурге обнаружена его дружба с государственными преступниками: Исаевым и Саблиным и связи вообще с лицами политически-неблагонадежными» (из карточки поднадзорного).

Домик в Сябриницах был своеобразной Меккой, куда ездили, как вспоминает В. В. Тимофеева (Починковская) [1], повидать Глеба Ивановича, поклониться Глебу Ивановичу, спросить у него совета, как жить и что делать, ездили отдохнуть от «сиденья» где-нибудь в «предварилке» или в «крестах»...» [2].

Полиция вела слежку не только за Успенским, но и за его близкими друзьями, как например, за Андреем Васильевичем Каменским, который был его близким приятелем, и сам имел отношение к литературе (Каменский был редактором журнала «Библиотека дешевая и общедоступная» [1].

Каменский, подобно Успенскому, был лично связан со многими революционерами (О. Э. и Э. Э. Веймаром и Н. А. Грибоедовым, Д. А. Клеменцом, Г. А. Лопатиным, В. Н. Стрекаловым, Александровыми и т. д.). Знакомство с ними побудило Каменского приобрести пустошь Лядно, которую он хотел сделать «временным убежищем для революционеров, скрывающихся от жандармов».

За посещение Глеба Успенского в Сябриницах попали под негласный надзор и другие лица (Саввина, Э. Веймар и др.).

Как видно из публикуемых документов слежке за Успенским жандармерия придавала большое значение.

Под негласным надзором полиции была и жена Успенского Александра Васильевна, она состояла «под строгим секретным надзором полиции» якобы за участие в нечаевском деле; на самом деле с нечаевцами была связана — Александра Успенская, но не жена Глеба Ивановича.

Согласно циркуляру департамента полиции Александра Васильевна была уволена с работы за то, что якобы не вела списка учеников, расписания занятий, выдавала для чтения книги, не включенные в каталог министерства народного просвещения. Но это были формальные причины, а на самом деле, как она пишет в письме к мужу, был «получен циркуляр 1872 г., где значится в числе лиц, не имеющих права быть учительницами,— Успенская Александра,— я полагаю, что опять смешали с той Успенской,— что судилась по нечаевскому делу... [2]. Но и этот курьезный факт смешения фамилий показывает об отношении полиции к семье Успенских [3].

И. Гудков

I.

Отношение петербургского градоначальника новгородскому губернатору, 5 мая 1877 г. [3]

Проживавший в С.-Петербурге под негласным наблюдением полиции уездный учитель дворянин Глеб Иванов Успенский и жена его Александра Успенская, состоящая под строгим секретным надзором полиции, 3 сего мая выбыли в усадьбу Сопки, близ Валдайской станции, по Николаевской железной дороге.

Сообщая об этом вашему превосходительству для распоряжений, имею честь присовокупить, что Успенский отдан под наблюдение полиции по распоряжению III отделения собственной е. и. в. канцелярии от 11 октября 1873 г. за № 3165, а жена его состоит под надзором, согласно предложению г. министра внутренних дел, как причастная к так называемому Нечаевскому делу и оправданная решением С.-Петербургской судебной палаты. При этом, со стороны министерства народного просвещения сделано распоряжение, чтобы во всех подведомственных ономy учебных заведениях она не была допускаема в качестве учащейся, ни к испытаниям для приобретения учительского и воспитательских званий на служ-

---

1 Тимофеева Варвара Васильевна (1850—1931), (псевдоним Починковская) — писательница-беллетристка и мемуаристка.

2 «Глеб Успенский в жизни», стр. 414.

3 Дело канцелярии Новгородского губернатора, ф. 76, ос. оп. 388 (3644), лл. 1—2.

1 А. В. Каменский — был верным помощником и другом не только «опальных» литераторов, но и «крамольных» революционеров, хотя сам он активным революционером и не был.

В 1878 г. Каменский, оставив место в морском министерстве, где он служил инженер-механиком флота, занял должность управляющего Бакинской конторой нефтяного о-ва.

В 1895 г. Каменский уехал за границу.

2 Из неопубликованного письма, хранящегося в Институте литературы Академии наук СССР.

3 Считаю своим долгом выразить благодарность научным сотрудникам Новгородского архива Ю. И. Мартову, Л. Я. Тиманской и Орлову, а также М. Г. Кричинской-Успенской за ее содействие при изучении архива Успенских, хранящегося в Институте литературы Академии Наук СССР.

бу к учительским и всяким другим должностям; равным образом, по распоряжению министра народного просвещения, она не должна быть допускаема к преподаванию в частных домах и частных учебных заведениях, а также и к начальному обучению, в особенности же к преподаванию в начальных народных училищах.

Ген.-адъютант Трепов.

Рапорт и. д. валдайского уездного исправника новгородскому губернатору, 13 октября 1877 г.[1]

Во исполнение предписания вашего превосходительства от 8 мая с. г. за № 142, имею честь донести, что учитель дворянин Глеб Иванов Успенский и жена его Александра Успенская из усадьбы Сопок выбыли на жительство в г. С.-Петербург.

И. д. уездного исправника Дорогомилов.

Отношение петербургского обер-полицеймейстера новгородскому губернатору, 12 марта 1882 г.[2]

Получено сведение, что литератор Глеб Успенский, за которым, по требованию III отделения собственной е. и. в. канцелярии от 11 октября 1873 года за № 3161, учреждено было негласное наблюдение полиции, поселился с некоторого времени на станции Чудово, близ полотна Николаевской железной дороги.

Означенные сведения получены при следующих, обращающих на себя внимание обстоятельствах: Успенский, уезжая в 1879 году из Мурзинок Шлиссельбургского участка, взял с собою в качестве служанки дочь своей квартирной хозяйки, которая, как дознано ныне через сельского старосту Александра Изотова, получает секретным образом письма от сказанной дочери своей, заключающие в себе известия, что она продолжает жить у Успенского на упомянутой выше станции Чудово.

Успенский, со времени учреждения за ним негласного наблюдения, постоянно переменял места жительства, переезжая из города в город, из дачи на дачу, нигде долговременно не проживая, и, наконец, в 1881 году выехал из С.-Петербурга, не дав отметки, куда именно,— вследствие чего сделано распоряжение о розыскивании его.

Из наблюдений за Успенским, во время проживания его в столице, обнаружено, что он имел постоянные связи с лицами неблагонадежными в политическом отношении и находился в дружбе с государственными преступниками Исаевым[3] и Саблиным[1], застрелившимся в Тележной улице в С.-Петербурге.

Сообщая об изложенном на зависящее распоряжение, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство о последующем не оставить меня уведомлением.

Свиты его величества ген.-майор (подпись).

Рапорт и. д. новгородского уездного исправника новгородскому губернатору 12 апреля 1882 г.[2]

Вследствие предписания вашего превосходительства от 16 минувшего марта за № 252, о литераторе Глебе Успенском мною совершенно секретно дознано следующее: Глеб Иванов Успенский прибыл в Новгородский уезд из С.-Петербурга первоначально в мае месяце прошлого 1881 года и поселился в Коломенской волости близ Селищенских казарм на берегу реки Волхова в доме новгородского мещанина Ивана Иванова Ковровцева; вместе с ним одновременно приехали жена его Александра Васильева и дети — сын Александр 8 лет; дочери: Вера 5 л., Мария 3 л., Ольга 1 г. и для прислуг — крестьянская девица Тверской губ. и уезда, Щербинской волости, села Кузьминского Анна Иванова, 20 лет, крестьянская девица Новгородского уезда, Ракомской волости, дер. Воробьевки, Прасковья Васильева, крестьянская девочка С.-Петербургской губернии и уезда, села Рыбацкого Анна Ермолаева, 13 лет, и в качестве лакея мещанин г. Вышнего Волочка Павел Иванов, 62 л. В доме Ковровцева Успенский жил вместе со всеми вышепоименованными лицами до сентября месяца того же 1881 года, занимаясь литературой.

Тогда летом в разное время к нему приезжали гости — с.-петербургский нотариус Николай Павлович Орлов[3] и корреспондент Николай Васильевич Семенов, но жили весьма недолго. Затем в конце сентября Глеб Успенский со всем своим семейством и прислугой переехал Чудовской волости в деревню Сябриницу, расположенную на с.-петербургском шоссейном тракте и отстоящую от села Чудово на расстоянии одной версты; там он поселился в доме губернского секретаря Ивана Степановича Малиновского[4], а ныне дом этот Успенский приобрел покупкою в свою собственность, как он сам заявил местным крестьянам, но купчей крепости еще не совершил; прежний же

---

1 Дело канцелярии новгородского губернатора, ф. 76, ос. оп. 388(3644), л. 6.

2 Дело канцелярии новгородского губернатора, ос. оп. № 561, лл. 1—3.

3 Исаев Григорий Прокофьевич — народоволец.

1 Саблин Михаил Алексеевич — революционер-народоволец, начал с кружка чайковцев. Участвовал в организации «Земля и Воля», а после раскола ее примкнул к «Народной Воле», принимая активное участие в ряде террористических актов и в подготовке убийства 1 марта 1881 г. Во время ареста 3 марта 1881 года покончил жизнь самоубийством.

2 Дело канцелярии новгородского губернатора, ф. 76, ос. оп. № 561, лл. 5—6.

3 Орлов Николай Павлович — писатель (литературный псевдоним Северов). Был нотариусом.

4 Малиновский Иван Степанович — владелец усадьбы Сябринцы (Курцево), приобретенной 23 октября 1882 года Успенскими. В настоящее время в доме открыт музей.

домовладелец Малиновский постоянного жительства в Сябриницах не имел, так как он состоит на службе в С.-Петербургском сиротском суде и, по сдаче дома с принадлежащею к нему землею Успенскому, выбыл окончательно в С.-Петербург.

Глеб Успенский живал в Новгородском уезде по свидетельству на звание уездного учителя, выданному от с.-петербургского градоначальника 18 мая 1879 года за № 15790/6668 без срока, равно и все прочие лица, при нем находящиеся, имеют у себя надлежащие письменные виды, которые своевременно были явлены у местного станового пристава 1 стана. В имении бывшем г. Малиновского, где ныне живет Успенский, числится земли всего одна десятина, часть которой занята постройками; дом по лицу 6 саж., вглубь 4½ саж. и рядом с домом избушка на 3 саж., остальная земля занята под дворовое и садовое места. Внутренних переделок в доме никаких не произведено, а с наружной стороны, обращенной к шоссейному тракту и к линии Николаевской железной дороги, которая находится по прямому направлению (где нет никакой дороги, ни пешей, ни конной и грунт земли болотистый), насадил деревьев близ самого дома; с задней стороны онаго саду расчистил почти совсем заросший пруд, который имеет в длину 10 саж., в ширину 5 саж. и глубиною полторы сажени, а от дома на расстоянии 10 сажен; расчистку двора и рассадку деревьев производили местные крестьяне деревни Сябриниц Николай Богданов, Василий Васильев и отставной рядовой 87 пехотного Нейшлотского полка Александр Яковлев Закалдаев, проживающий в селе Чудове, а деревья для посадки доставлял местный сельский староста Семен Никитин, который на своих лошадях иногда возит Успенского на прогулку в село Чудово и на Чудовскую станцию железной дороги. Из поименованных выше рабочих солдат Закалдаев и по настоящее время занимается поставкою полисадника, который рассказывает, что г. Успенский очень добр, так как он, кроме платы за работу, ежедневно угощает рабочих водкою, беседует с ними и расспрашивает о сельском быте, обычаях и вообще об обстановке крестьян и семейном их положении.

О чем вашему превосходительству имею честь донести, докладывая, что до сих пор за г. Успенским ничего предосудительного в политическом отношении не замечено и что самое бдительное негласное за ним полицейское наблюдение продолжается.

И. д. исправника И. Останкович

Донесение начальника Новгородского ГЖУ новгородскому губернатору, 18 апреля 1882 г.[1]

В апреле месяце прошлого 1881 года, вследствие полученных мною негласных сведений, я сносился с новгородским уездным исправником о лицах, живущих и приезжающих на мызу Лядно, отстоящую от села Чудово в 12-верстном расстоянии, по поводу того, что будто бы приезжающие на упомянутую мызу неизвестные молодые люди некоторыми поступками навлекали на себя подозрение в неблагонадежности в политическом отношении.

Из доставленного ко мне при отзыве вышеупомянутого исправника рапорта к нему станового пристава от 27 марта прошлого года, за № 25, при сем прилагаемого, ваше превосходительство изволите усмотреть, что на мызе Лядно, где, в числе других живших там лиц, проживал известный революционер доктор Веймар[1], бывал и упоминаемый в отношении вашем от 16 марта за № 253 Глеб Успенский.

Ввиду того, что Глеб Успенский, живущий ныне близ станции Чудово, как сообщил мне новгородский исправник, продолжает и по настоящее время посещать мызу Лядно, приезжая туда к лицам, очевидно, ему знакомым, и что личность Успенского представляется крайне загадочною в политическом отношении, как учредившая свое местопребывание близ полотна железной дороги, я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство учредить особое негласное наблюдение как за личностью Глеба Успенского, так и за проживающими и приезжающими к нему и на мызу Лядно лицами, с целью выяснить отношение этих лиц и знакомство между собою, их образ жизни, степень политической неблагонадежности и вообще всякого рода деятельность, могущую подать повод к заподозрению в неблагонадежности.

При чем имею честь присовокупить, что я с своей стороны считал долгом по вышеизложенному неоднократно лично объясняться как с уездным исправником, так и с приставом I стана Новгородского уезда, представляя им важность наблюдения за сказанными лицами.

Полковник Кононов.

Из предписания новгородского губернатора новгородскому исправнику 21 апреля 1882 г.[2]

...Давая[3] об этом знать вашему высокородию к немедленному и точному исполнению, предписываю о таких в будущем мне донести, независимо от сего представить объяснения,— почему в рапорте вашем от 12 сего апреля, за № 615, не было упомянуто, что Глеб Успенский ранее мая месяца 1881 года приезжал в Новгородский уезд и что об этом уже производилась переписка.

Губернатор Лерхе.

---

1 Дело канцелярии новгородского губернатора, ос. оп. № 561, л. 8.

1 Веймар Орест Эдуардович (1845—1885) — по профессии врач, видный и активный участн. револ. движения, карийский каторжанин.

2 Дело канцелярии новгородского губернатора, ос. оп. № 561, л. 9 → На документе помета: «Исполнено 21 апреля 1882 г.».

3 В опущенной части приводится изложение предыдущего документа.

Рапорт и. д. новгородского уездного исправника новгородскому губернатору, 30 апреля 1882 г.[1]

На предписание вашего превосходительства от 21 апреля, за № 369, имею честь донести, что за личностью литератора Глеба Успенского, а равно и за проживающими и приезжающими к нему, а также на мызу Лядно лицами, особое негласное и притом самое бдительное полицейское наблюдение имеется. Глеб Успенский действительно знаком с семейством г. Каменского — землевладельца мызы Лядно, куда приезжал из С. Петербурга с несколькими другими лицами еще в зиму 1880/1881 г. для охоты на самое короткое время,— о чем собирались сведения, по отношению ко мне новгородского губернского жандармского управления от 23 марта 1881 года, за № 162-м (в оригинале при сем представляемому); подлинный рапорт по этому предмету пристава I стана от 27 марта 1881 г., за № 25, в коем подробно изложены все сведения о мызе Лядно и о лицах туда приезжавших, мною тогда же и препровожден к начальнику означенного жандармского управления.

В числе прочих молодых людей в имение Лядно приезжал и Глеб Успенский, но о том, состоял ли он тогда под наблюдением с.-петербургской полиции и что о нем производятся розыски, мне известно не было и как он, Успенский, так и прочие лица, за время своего кратковременного пребывания на мызе Лядно своими поступками не навлекали никакого подозрения в неблагонадежности в политическом отношении, почему и в производившейся о них переписке вашему превосходительству донесено не было.

Что же касается известного революционера доктора Веймара, то он бывал на мызе Лядно (будучи студентом медицины),— как видно и из отношения жандармского управления,— очень давно и именно лет за шесть до возникшей о нем переписки и тогда еще, когда означенное имение принадлежало не нынешнему владельцу Каменскому, а Лиденбургу, по продаже имения неизвестно куда выбывшему, и никаких сведений о том, что Веймар принадлежал тогда уже к партии революционеров, не имелось.

После моего рапорта вашему превосходительству о Глебе Успенском мною в настоящее время собраны самые подробные сведения и об его знакомствах, при чем оказалось, что он, действительно, знаком с семейством землевладельца титулярного советника Андрея Васильевича Каменского, который в настоящее время проживает в г. Баку, управляя Бакинским нефтяным заводом, а на мызе Лядно проживает постоянно его жена Леонтина Карловна Каменская, занимающаяся сельским хозяйством, и имеет при себе детей: Андрея, Василия и Льва и дочь Ольгу, из коих старшему 12 лет от роду; там же проживает частный землемер Андрей Алексеевич Трофимов, в качестве управляющего имением, дочь священника Елизавета Петровна Мелиоранская, учительница при детях Каменских, и из прислуги: работник крестьянин Леонтий Осипов Беляев, его жена Анна Васильевна, крестьянин Михаил Карпов (тоже работник), работница крестьянка Матрена Иевлева и пастух скота крестьянин Петр Яковлев, и все они имеют при себе узаконенные письменные виды, своевременно местной полицией, т. е. приставу I стана вверенного мне уезда, явленные.

Литератор Глеб Успенский, будучи знакомым Каменских, изредка их посещает, а также г. Каменская, управляющий Трофимов и учительница Мелиоранская бывают у Г. Успенского в семействе сего последнего, приезжая к ним к дер. Сябриницу из мызы Лядно Чудовской же волости, отстоящей одна от другой на расстоянии около 13 верст.

К сему имею честь присовокупить, что по самым бдительным полицейским наблюдениям за всеми вышеименованными лицами до сих пор, как в политическом отношении, так и в образе их жизни ничего предосудительного не замечено.

И. д. исправника И. Останкович.

Рапорт и. д. новгородского уездного исправника новгородскому губернатору, 31 мая 1882 г.[1]

Состоящий под негласным надзором полиции, проживающий в дер. Сябриницах Чудовской волости уездный, учитель литератор Глеб Иванов Успенский 29 числа сего мая выбыл в г. Москву, и, когда возвратится, неизвестно. Семейство же его в настоящее время проживает в дер. Сябриницах.

О чем вашему превосходительству имею честь донести и присовокупить, что об Успенском вместе с сим сообщено мною начальнику жандармского управления.

И. д. исправника И. Останкович.

Рапорт и. д. новгородского уездного исправника новгородскому губернатору, 1 июня 1882 г.[2]

Пристав I стана рапортом от 30 мая, за № 83, мне донес, что этого числа предъявлен ему к прописке документ на жительство, выданный конференцией императорской Медико-хирургической академии 16 мая 1878 года, за № 584, без срока лекарю Эдуарду Веймару[3], который прибыл на дачу во вверенный ему стан 13 числа мая и поселился близ села Чудова в дер. Сябриницах, в доме митавского гражданина Альфонса Колберга.

Из собранных приставом негласным путем сведений выявилось, что Веймар есть родной брат проживающему на мызе Лядно известному революционеру доктору Веймару. Причем пристав присовокупил, что означенный Веймар часто ездит в

---

1 Дело канцелярии новгородского губернатора, ос. оп. № 561, л. 10—11.

1 Дело канцелярии новгородского губернатора, ос. оп. № 561, л. 14.

2 Там же, л. 16—17.

3 Веймар Эдуард Эдуардович — врач, родной брат Ореста Веймара.

С.-Петербург, где будто бы имеет собственный дом; в деревне Сябриницах вместе с ним живет и жена его дочь губернского секретаря Вера Николаевна, урожденная Полежаева.

Донося о вышеизложенном вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить дать мне знать, следует ли за лекарем учредить негласный полицейский надзор, потому, во 1-х, что он родной брат революционера доктора Веймара и, во 2-х, что он знаком с состоящим под надзором полиции литератором Глебом Успенским, проживающим в той же деревне Сябриницах.

И. д. исправника И. Останкович.

Донесение начальника НГЖУ новгородскому губернатору, 30 июня 1882 г.[1]

На отношение вашего превосходительства от 4 сего июня, за № 501, имею честь сообщить, что, ввиду полученных мною сведений от начальника жандармского управления г. С.-Петербурга о том, что во вверенном ему управлении не имеется никаких сведений, указывающих на политическую неблагонадежность лекаря Эдуарда Веймара и его жены Веры Николаевой, урожденной Полежаевой, я не нахожу оснований к учреждению за ними негласного полицейского надзора, согласно положения о сем надзоре, утвержденного г. министром внутренних дел, до той поры, когда оба эти лица, будучи несомненно знакомы с Глебом Успенским и его знакомыми, не подадут поведением своим повод к тому, хотя вообще полицейское наблюдение за Веймаром и его женою, как знакомыми Успенского, признавал бы с своей стороны далеко не лишним.

Начальник Управления полковник Кононов.

Рапорт и. д. новгородского уездного исправника новгородскому губернатору, 8 июня 1882 г.[2]

Вашему превосходительству имею честь донести, что в имении прусского подданного Карла Карловича Ваплера, бывшее Некрасовой, 29 минувшего мая прибыли на жительство: 1) жена дворянина Павла Засодимского[3], служащего в цензуре Александра Николаевна Засодимская, имеющая свидетельство, выданное с.-петербургским обер-полицеймейстером от 27 января 1882 г. за № 5710, на три года; 2) девица — дворянка Тамбовской губернии, Борисоглебского уезда Варвара Николаевна Кривенкова[4], имеющая свидетельство борисоглебского уездного полицейского управления от 7 мая 1882 г., за № 5425, без срока, и 3) крестьянка той же губернии и уезда, Никольско-Кабанской волости, дер. Кривенковой Марфа Нестерова Жукова, с паспортом выданным из волостного правления 19 ноября 1881 г., без №, сроком на один год. Первая из означенных лиц — знакомая с семейством состоящего под негласным надзором полиции учителя Глеба Успенского, вторая — родная сестра жены Успенского, а последняя кухаркою служит у дворянки Кривенковой.

И. д. исправника И. Останкович.

Рапорт и. д. новгородского уездного исправника новгородскому губернатору, 8 июня 1882 г.[1]

Вашему превосходительству имею честь донести, что состоящий под негласным надзором полиции уездный учитель Глеб Иванович Успенский 3 числа июня из г. Москвы возвратился в дер. Сябриницы.

И. д. исправника Останкович.

Рапорт и. д. новгородского уездного исправника новгородскому губернатору, 21 июля 1882 г.[2]

В пополнение к рапорту от 30 апреля текущего года, за № 799[3], вашему превосходительству имею честь донести, что землевладелец, титулярный советник Андрей Васильевич Каменский, из г. Баку прибыл в свое имение мызу Лядно, где и живет вместе с семейством; он недавно ездил в С.-Петербург и посещал литератора Глеба Успенского в дер. Сябриницах, по знакомству с последним, бывая друг у друга, но редко, вследствие чего и за г. Каменским имеется негласное полицейское наблюдение.

Проживающий же у него в имении частный землемер Андрей Алексеевич Трофимов выбыл в г. Баку 28 числа прошлого июня месяца.

И. д. исправника И. Останкович.

Рапорт и. д. новгородского уездного исправника новгородскому губернатору, 18 сентября 1882 г.[4]

Вашему превосходительству имею честь донести, что титулярный советник Андрей Васильевич Каменский из имения своего выбыл в г. Баку в начале сентября месяца.

И. д. исправника И. Останкович.

Рапорт и. д. новгородского уездного исправника новгородскому губернатору, 18 сентября 1882 г.[5]

Вашему превосходительству имею честь донести, что проживавший в деревне Сябриницах Чудовской волости лекарь Эдуард Веймар и его жена Вера Николаевна,

---

1 Дело канцелярии новгородского губернатора, ос. оп. 561, л. 23.
2 Там же, л. 18—19.
3 Засодимский Павел Владимирович (1843—1912); беллетрист народник, впоследствии детский писатель.
4 Кривенко, а не Кривенкова, как ее неверно именует уездный исправник, Варвара Николаевна — родная сестра публициста народника С. Н. Кривенко.

1 Дело канцелярии новгородского губернатора, ос. оп. 561, л. 21.
2 Там же, л. 28.
3 См. выше, стр. 152.
4 Там же, л. 27.
5 Там же, л. 29.

урожденная Полежаева, в начале сентября сего месяца выбыли в С.-Петербург.

И. д. исправника И. Останкович.

Отношение московского обер-полицеймейстера новгородскому губернатору, 19 октября 1882 г.[1]

Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство сообщить мне, не возвратился ли на жительство во вверенную вам губернию состоящий под негласным наблюдением полиции уездный учитель Глеб Иванов Успенский.

Свиты его в. ген.-майор (подпись).

Отношение новгородского губернатора московскому обер-полицеймейстеру, 19 октября 1882 г.[2]

На отношение за № 6182 имею честь уведомить ваше превосходительство, что по имеющимся в делах моей канцелярии сведениям, уездный учитель Глеб Иванов Успенский возвратился из Москвы в дер. Сябриницы Новгородского уезда 3 июня сего года, о чем я имел честь сообщить вам, м. г., отношением от 11 июня за № 537.

Губернатор Лерхе.

Донесение начальника новгородского губернского жандармского управления новгородскому губернатору, 23 сентября 1883 г.[3]

Препровождая при сем к вашему превосходительству отношение ко мне новгородского уездного исправника от 22 сего сентября, за № 765, с приложением к оному объяснения пристава I стана Новгородского уезда, за № 130, возникшее по поводу сообщения ко мне с.-петербургского градоначальника о выезде и проживании в С.-Петербурге состоящего под негласным надзором полиции, находящегося на учительстве в дер. Сябриницы Чудовской волости литератора Глеба Успенского[4], я, руководствуясь циркуляром тов. министра внутренних дел, заведывающего полициею от 11 марта сего года, за № 159 к гг. губернаторам, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство о подтверждении чинам полиции вверенной вам губернии о том, чтобы они оказывали полное содействие чинам отдельного корпуса жандармов по исполнению лишь последними их служебных обязанностей и не уклонялись от удовлетворения всех законных с их стороны требований.

О последующем по сему распоряжении вашего превосходительства с возвращением приложений благоволите меня уведомить.

Начальник Управления полковник Кононов.

1 Дело канцелярии новгородского губернатора, л. 25.
2 Там же, л. 24.
3 Там же, л. 31.
4 Глеб Иванович никогда в Сябриницах народным учителем не был.

Предписание новгородского губернатора новгородскому уездному исправнику, 30 сентября 1883 г.[1]

Начальник новгородского губернского жандармского управления препроводил ко мне ваше отношение от 22 сего сентября, за № 765, с объяснением станового пристава Панфилова, по делу о наблюдении за отлучками в С.-Петербург состоящего под негласным надзором полиции литератора Глеба Успенского.

Находя объяснение пристава Панфилова о невозможности уследить за всеми отлучками г. Успенского совершенно неосновательным, ввиду того, что для этой цели он всегда имеет возможность пользоваться содействием полицейского урядника, а также сотского и других лиц, служащих на Чудовской железнодорожной станции, с которой г. Успенский обыкновенно отъезжает в С.-Петербург, предлагаю вашему высокородию объявить и. д. пристава Панфилову от меня замечание за неуместный ответ на обращенный к нему запрос, и принять меры к тщательному наблюдению за отлучками и поведением г. Успенского со стороны подведомственных вам чинов полиции и о каждой его отлучке извещать начальника жандармского управления.

При этом ставлю на вид в. высокородию, что я нахожу ваше мнение о невозможности уследить за отлучками Успенского и неуместным, и несогласным с циркулярным предложением моим от 29 марта с. г., № 184.

Губернатор Мосолов.

II.

Сведения департамента полиции о Глебе Ивановиче Успенском за 1882—1900 гг.[2]

Январь 1882 г. «Успенский, Глеб Иванов, уездный учитель, вероисповедания православного, проживает в дер. Сябриницы Чудовской волости. Имеет свой дом, занимается литературой, женат, имеет четырех детей, которые при нем. Надзор за ним учрежден по распоряжению бывшего III отделения с. е. в. канцелярии от 11 октября 1873 года за № 3161, за политическую неблагонадежность в 1881 году» (Дело НГЖУ, оп. 118, л. 4).

5 июня 1882 г. Глеб Иванович Успенский, уездный учитель 45 лет, имеет жену Александру Васильевну и детей:— Александра — 8 лет, Веру — 5 лет, Марию — 3-х лет и Ольгу — 1 года. Имеет в дер. Сябриницы Чудовской волости собственный дом. Ведет себя прилично свое-

1 Дело канцелярии новгородского губернатора, оп. оп. 561, лл. 32—33.
2 Публикуемые ниже полицейские материалы, разбросанные в донесениях станового — уездному исправнику, уездного исправника — начальнику жандармского управления и новгородскому губернатору и начальника жандармского управления — в департамент полиции, находящиеся в Новгородском архиве, для удобства пользования, соединены воедино. Эти материалы не представляют полной картины той слежки, какая велась за Г. И. Успенским, некоторые документы в архиве не сохранились.

му званию, занимается литературой»[1]. (Там же, оп. 118, л. 9).

1 июля 1882 г. «Проживая с сентября месяца (1881 г.) с семейством своим в дер. Сябриницы Новгородского уезда в расстоянии 1 версты от ст. Чудово, в купленном там доме, Успенский неблагонадежности в политическом отношении ничем не выразил. Наблюдением достаточно выяснено его знакомство с лицами, живущими по соседству в мызе Лядно и других мызах[2]. Известна поездка его в Москву на самое короткое время». (Дело НГЖУ, оп. 118, л. 41).

1 января 1883 г. «Продолжая проживать в дер. Сябриницы, что близ ст. Чудово, со своим семейством, занимается литературным трудом. Посещает иногда знакомых своих, живущих по соседству в мызе Лядно. Наблюдением не замечено ничего преступного или подозрительного в политическом отношении, с соседним народонаселением живет, повидимому, в ладах». (Там же, 146, л. 64).

1 июля 1883 г. «Продолжая проживать в дер. Сябриницы, занимается литературным трудом. Наблюдением выяснено, что Успенский в январе и мае выезжал в Петербург, в феврале — в Москву на Тифлис, Баку и Батум, откуда возвратился в апреле месяце. За время проживания в Сябриницах, а равно при поездке в г. Баку, видимой политической неблагонадежности не проявлял». (Там же, оп. 146, л. 132).

29 сентября 1883 г. «Глеб Иванович Успенский, уездный учитель, литератор, за которым с 10 октября 1873 г. без срока учрежден негласный полицейский надзор. Проживает в дер. Сябриницы Чудовской волости Новгородского уезда». (Дело канцелярии новгородского губернатора, № 3842, л. 4).

1 января 1884 г. «Проживая с семейством своим в дер. Сябриницы Чудовской волости и занимаясь литературным трудом, вообще часто выезжает в С. Петербург. Наблюдением выяснено близкое знакомство с состоящим под негласным надзором отставным титулярным советником Андреем Каменским, имение которого в 15 верстах от села Чудова, куда Успенский ездит со своими знакомыми. Видимой политической неблагонадежности наблюдением не обнаружено». (Там же, оп. 169, л. 35).

1 июня 1884 г. «Видимой политической неблагонадежности наблюдением не замечено. Выяснено близкое знакомство его с состоящим под негласным надзором титулярным советником Каменским, у которого он часто бывает в имении, а также выяснены частые отлучки его из Чудова в С. Петербург. На месте жительства в селе Чудово Успенский занимается литературным трудом». (Там же, оп. 169, л. 102).

1 октября 1884 г. Те же самые сведения, что и от 29 сентября 1883 г.[1]— (Дело НГЖУ, оп. 171, лл. 62—63).

1 января 1885—1886 гг.[2]. То же самое.— (Дело канцелярии новгородского губернатора № 3842, лл. 7 и 9).

1 июля 1886 г. В графе «Где проживает» написано: «В дер. Сябриницы Новгородского уезда. 28 марта 1886 года выбыл в Крым для пользования от болезни».— (Там же, л. 23).

1 января 1887 г. В графе «где проживает» сказано: «В дер. Сябриницы Новгородского уезда».

14 октября. «Выбыл в С. Петербург.» (Там же, л. 25).

1 января 1889 г.[3]. То же самое, что и за 29 сентября 1883 г.[4] (Там же, л. 45).

1 июля 1889 г. То же самое[5].— (Там же, л. 49).

1 января — 1 июля 1890 г.[6]. То же самое.— (Там же, лл. 59 и 87).

1 января 1891 г.[7]. В графе «где про-

---

1 В «Ведомости о лицах, состоящих под надзором полиции в Новгородском уезде за 1882 г.», направленной уездным исправником новгородскому губернатору, поведение Г. И. «хорошее» (дело канцелярии новгородского губернатора, ф. 76, ос. оп. 586, д. 3777, л. 439), а в ведомости от 3 декабря 1882 г. Успенский именуется высланным из С. Петербурга «за политическую неблагонадежность» (Там же, л. 22). Это явная ошибка, так как писатель не подвергался гласному надзору и административной высылке.

2 Мыза Лядно принадлежала А. В. Каменскому. Какие другие мызы посещал Глеб Иванович, живя в Сябриницах, трудно сказать.

1 В донесении время учреждения надзора за писателем помечено 1879 г., т. е. годом появления писателя в пределах Новгородской губернии. В «Алфавитном списке лиц, состоящих под негласным надзором полиции в Новгородском уезде», за 1884 г. числится «Михайловский, Николай Константинович — сын штабс-капитана, от роду 46 лет, живет на станции Любань Николаевской железной дороги. Прибыл из С.-Петербурга, проживает в Любани с июля месяца 1883 года. Образ жизни ведет хороший и ни в чем предосудительном не замечен. Занятий определенных нет. Надзор учрежден по распоряжению бывшего с.-петербургского генерал-губернатора, изъясненному в отношении С. Петербургского жанд. управления от 11 декабря 1879 г. за № 4740 без срока». (Дело нач-ка Новгород. ж. у. № 1, оп. 169, лл. 76—77).

Михайловский Н. К. (1842—1904) — публицист и критик. Близкий друг Г. И. Успенского.

2 Списки и донесения о лицах, состоящих под негласным надзором полиции по губернии, становым, уездным исправником и начальником Ж. У. составлялись дважды в году и отправлялись губернатору и в департамент полиции. Некоторые списки и донесения, видимо, утеряны.

3 В списках лиц, состоящих под негласным надзором полиции за 1888 г., Г. И. Успенский отсутствует, так как в этот год писатель совершал поездку в Западную Сибирь.

4 В списках за 1889 г. упоминается дворянин, отставной подпоручик С. Н. Кривенко, проживающий в г. Новгороде. (Там же, л. 45).

Кривенко Сергей Николаевич (1847—1906) — публицист, народник. За связь с народовольцами был сослан в Зап. Сибирь. С Глебом Успенским Кривенко был в очень близких, дружественных отношениях.

5 В графе «время учреждения надзора» ошибочно указан 1883 г. вместо 1873 года.

6 В списках за 1890 г. упоминаются С. Н. Кривенко проживающим в Курцеве, т. е. Сябриницах, куда он перебрался из Новгорода, чтобы жить вместе с Глебом Ивановичем, и А. П. Саввина, дворянка «Прибыла в сентябре 1889 г. из г. Шенкурска, ведет себя скромно, ни в чем предосудительном не замечалась, определенных занятий не имеет». (Там же, лл. 67—68).

Анна Павловна Саввина знакомая Г. Успенского. Работала секретарем журнала «Устои».

7 В списках отмечено выбытие А. П. Саввиной из Сябриниц в г. Бобруйск в сентябре 1890 г. (л. 105), а С. Н. Кривенко в Борисоглебский уезд Тамбовской губернии в октябре 1890 г. (л. 105).

живает» сказано: «В дер. Сябриницы Новгородского уезда. В сентябре минувшего года выбыл в С. Петербург».— (Там же, л. 105).

1 июля 1891 г.[1] «Успенский, Глеб Иванович, отставной уездный учитель, литератор, с 18 по 20 апреля 1891 г. проживал в дер. Сябриницы Новгородского уезда, а затем выбыл в С. Петербург». (Там же, л. 117).

1 января 1892 г.[2] В графе «где проживает» сказано: «с сентября минувшего года проживает в С. Петербурге».— (Там же, л. 131).

1 июля 1892 г. В графе «где проживает» отмечено: «С 20 июня сего года проживает в своей усадьбе, что близ ст. Чудово».— (Там же, л. 145).

1 января 1893 г. В графе «где проживает» помечено: «В своей усадьбе, что при деревне Сябриницы Новгородского уезда. Ныне содержится в Колмове»[3].

1 июля 1893 г. В графе «где проживает» сказано: «В своей усадьбе, что при деревне Сябриницы Новгородского уезда. С 9 июня находится на излечении в Колмовской больнице»[4].— (Там же, л. 186).

1 января 1894 г. В графе «где проживает» отмечено: «В своей усадьбе при дер. Сябриницы Новогородского уезда. Ныны находится в С. Петербурге». (Там же, л. 194).

1 июля 1894 г. В графе «Где проживает» написано: «Находится в Колмовском заведении».— (Там же, л. 218).

1 января 1895 г. В графе «Где проживает» — сказано: «На излечении в Новгородском Колмовском заведении душевно-больных».— (Там же, л. 232).

Январь 1899 г.[1] «Глеб Иванович Успенский, литератор. Имеет жену и 4 человек детей[2]. Имеет собственный дом близ ст. Чудово при дер. Сябриницы. Постоянное местожительство Колмовская больница душевно-больных. Прибыл 23 апреля 1894 г. из 2-го стана Новгородского уезда, как душевно-больной; ничем не занимается. Надзор учрежден по отношению начальника Новгородского жанд. управления 12 мая 1894 г., за № 22[3]». (Дело новг. уездного исправника, оп. 14, лл. 7—8).

Июль 1899 г. «Глеб Иванович Успенский, имеет жену и 5 человек детей (2 мальчика и 3 девочки). Имеет собственный дом близ ст. Чудово при дер. Сябриницы, стоимостью неизвестно. Больной, в Колмовской больнице душевнобольных. Обстоятельства прошедшей жизни неизвестны. В настоящее время находится в Колмовской больнице душевнобольных». (Там же, оп. 14, л. 4).

1 января 1900 г. В графе «Где проживает» сказано: «На излечении в Новгородском Колмовском заведении душевно-больных».— (Дело канцелярии новгородского губернатора, оп. 4161, л. 4).

1 июля 1900 г. В графе «Где проживает» помечено: «18 марта 1900 г. выбыл в С. Петербург»[4].— (Там же, л. 18).

К биографии Коста Хетагурова

35 лет назад умер великий поэт осетинского народа, создатель осетинского литературного языка и поэзии, художник-живописец и революционер Коста Левонович Хетагуров.

С юношеских лет, овладевая высшими достижениями русской и европейской культуры и науки, Коста Хетагуров весь отдается общественно-политической и революционной деятельности, выражая интересы и стремления угнетенного осетинского народа.

Он был душой и вдохновителем национально-освободительного движения своего народа.

Своей пламенной революционной поэзией Коста Хетагуров призывал народ к борьбе за свободу, разоблачая паразитизм и подлость духовенства, протестовал против насилий и издевательств царских чиновников и военщины.

За свои горячие стихи, полные революционного гнева, поэт-революционер подвергается преследованию. Его высылают из пределов Осетии «за подстрекательство живущих во Владикавказе осетин». Царские сатрапы преследовали гениального поэта до конца его жизни. Ненависть царских жандармов доходила до того, что один из царских полковников совершил покушение на Косту, и только случайно поэт остался жив. Когда этим путем не удалось освободиться от беспокойного поэта-революционера и оторвать его от активной политической деятельности среди горских народов, царский жан-

---

1 В жандармских сведениях отмечено пребывание на ст. Любань, на даче Мамонтовой и в имении наследников Стобеус друзей Успенского — Н. К. Михайловского, С. Н. Кривенко и С. Е. Усовой.

Усова, Софья Ермолаевна — учительница-революционерка. В 1882—1883 г.— член народовольческого центра; выдана провокатором Дегаевым и сослана в Зап. Сибирь, где вышла замуж за С. Н. Кривенко.

2 В списках на 1 января 1892 г. С. Е. Усова и С. Н. Кривенко числятся выбывшими в С. Петербург 19 сентября 1891 г.— (Там же, лл. 125—127).

3 Г. И. Успенский в первый раз поступил в Колмовскую психиатрическую больницу в Новгороде 22 сентября 1892 г.

4 Новая дата поступления писателя в Колмовскую лечебницу душевно-больных, указанная новгородским уездным исправником, представляет интерес, указывая на то, что Глеб Иванович в минуты душевного прояснения находился вне больницы, проживая в кругу своей семьи или даже выезжая в С. Петербург.

1 Списки и донесения за 1896—98 гг. в архиве нами не были найдены.

2 На самом деле у Г. И. Успенского было пять человек детей — три дочери (Вера, Мария и Ольга) и двое сыновей — Александр и Борис.

3 Этот факт доказывает, с какой тщательностью полиция вела негласный надзор за писателем. Зная, что Успенский тяжело болен, надзор над ним не только был снят, а, наоборот, распоряжением начальника губернского жандармского управления от 12 мая 1894 г., усилен.

1 В 1900 г. Г. И. Успенского из Колмовской больницы перевели на излечение в Новознаменскую психиатрическую лечебницу под Петербургом, где он и умер в 1902 году.

дарм Каханов состряпал соответствующее донесение о том, что Хетагуров своей агитацией вызвал возмущение и неповиновение местного населения властям.

В 1899 г. поэта приговорили к высылке на жительство в Курскую губ. на 5 лет. После долгих хлопот Хетагурову заменили место высылки и разрешили проживать в гор. Херсоне.

Все эти преследования не сломили революционного духа народного борца. По возвращении из ссылки он вновь входит в общественную жизнь: выступает в качестве доверенного лица от безземельных горцев-осетин Нарской долины, громит в печати врагов осетинского народа. Но лишения, преследования, ссылка подорвали здоровье Косты Левановича Хетагурова и на 47 году жизни — 1 апреля 1906 г. он умер.

Гениальный поэт, революционер-демократ и гуманист отдал всю свою жизнь служению своему народу и всему трудящемуся человечеству.

Он писал о себе:

«Люблю я целый мир, люблю людей
бесспорно;
Люблю беспомощных обиженных сирот!
Весь мир — мой храм, любовь — моя
святыня!
Вселенная — отечество мое!»

Публикуемые ниже документы дополняют биографию великого осетинского поэта некоторыми данными за период пребывания его на родине.

Из донесения начальника штаба Кавказского военного округа в совет главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 22 декабря 1898 г.[1]

Начальник Терской области рапортом от 9 сего декабря за № 11729 вошел с ходатайством о высылке жителя селения Георгиевско-Осетинского, Баталпашинского отдела, Кубанской области Константина Хетагурова в отдаленную от вверенной ему области местность, во избежание преступных между осетинами событий и для успокоения умов местного населения, так как Хетагуров, проживая в гор. Ставрополе, часто посещает осетин Владикавказского округа, и распространяет между ними нежелательные слухи о бессилии местной административной власти, подстрекая их к неповиновению, равно как рассылает вырезки из газет, заключающие в себе пасквили на начальствующих и духовных лиц, а также на преданных правительству осетин, и разные корреспонденции о мнимом угнетении осетин, автором которых преимущественно является он сам или руководимые им лица.

Из сведений, разновременно доставленных генерал-лейтенантом Кахановым, видно, что еще в 1891 г. Хетагуров стал известен местной администрации...

Так начальник Терской области удостоверяет, что Хетагуров в том году принимал деятельное участие в составлении доносов, поданных ее императорскому высочеству, в бозе почившей великой княгине Ольге Федоровне, и обер-прокурору святейшего синода и заключавших в себе заведомо ложные сведения относительно закрытия осетинского женского училища во Владикавказе, причем сведения эти были направлены против бывшего преосвященного экзарха Грузии архиепископа Палладия.

Затем Хетагуров, несмотря на предостережение начальника Терской области, оказался виновным в участии в составлении адреса отъезжавшему в то время епископу владикавказскому и моздокскому Петру, от имени осетин, которые его на это не уполномачивали. Адрес этот заключал в себе ту же клевету относительно закрытия вышеупомянутого осетинского женского училища, существующего и поныне под названием приюта, и должен был служить исходной точкой речей, направленных против экзарха Грузии, о чем генерал-лейтенант Каханов был предупрежден смотрителем Ардонского духовного училища архимандритом отцем Иоанном.

Ныне же генерал-лейтенант Каханов доносит, что Хетагуров разъезжает по Осетии и внушает осетинам, что начальник области не властен их наказывать и что они не должны бояться местной власти, вследствие чего неповиновение осетин стало с течением времени проявляться все чаще и чаще и наконец завершилось противодействием военным патрулям 24-го минувшего ноября.

Из представленного при этом полицейского протокола об упомянутом происшествии видно, что в час ночи под 24 ноября сего года разводящий военный патруль 1-го поста постовой городовой Подкопаев дал знать через ночного сторожа дежурному по городской полиции, помощнику пристава Змайлову, что пьяные осетины на Касибилевской и Восточно-Выгонной улицах производят выстрелы и, собравшись большой толпой, ходят с пением и пляской из двора во двор, не обращая внимание на протесты сторожей, а на замечание обхода разойтись по домам грубят и угрожают всех перебить и отнять оружие, если только им будут препятствовать гулять и стрелять. Получив такие сведения, Змайлов, вызвавши 10 казаков и дав знать приставу, сам отправился на место сборища, где нашел толпу более чем в 30 человек, собравшуюся на празднество по случаю свадьбы осетина, жителя селения Дарг-Кох, Хаматхана Дудиева. К тому времени прибыли и 10 казаков под командой урядника Мышева. Заметив Змайлова, осетины как бы нарочно еще более начали шуметь, отвечая на предложение Змайлова разойтись по домам, что для них мало будет помещения, если их арестуют. Указав на поз-

[1] ДП, V, 1894 г., д. № 34, лл. 219—221. Документы подготовлены к печати В. Истоминым.

днее время и что выстрелами они делают тревогу, Змайлов еще раз предложил им разойтись, но, видя, что никто из них не обращает никакого внимания на слова, приказал казакам оцепить несколько человек и отправить их в канцелярию, что казаки исполнили. Был при этом и обход: разводящий городовой и два солдата Апшеронского пехотного полка. Оцепленные казаками 15—20 человек осетин не соглашались итти в полицию, а напротив начали сопротивляться, цепляясь за поводья и хватая за одежду казаков и призывая при этом на помощь других осетин. На крик этот не замедлили явиться осетины и не бывшие на месте происшествия, вследствие чего образовалась толпа более чем в 100 человек. Прибывшие начали отбивать оцепленных казаками осетин, причем одни бросали в казаков камнями, другие же, вооруженные длинными палками и крючьями, толкали казаков с целью освободить арестованных, так что казакам пришлось взяться за оружие, а ночному обходу отступать держа ружья на руку.

В этот момент, когда уехал Змайлов, одному из казаков, Ивану Ступникову, пробили камнем голову, а другому, Фоке Чувалову, камнем же испортили винтовку. Облитый кровью Ступников был отправлен в лазарет при казачьей сотне, а остальные казаки, не решившись стрелять, прибыли в полицию одни...

Окружной штаб, имея в виду, что дальнейшее пребывание Константина Хетагурова в пределах Кавказского края и частые посещения им Терской области могут повлечь за собой нежелательные волнения и беспорядки среди населения, полагал бы удовлетворить настоящее ходатайство генерал-лейтенанта Каханова и выслать означенного туземца в одну из внутренних губерний империи.

Изложенные сообщения штаба Кавказского военного округа, по поручению командующего войсками округа, представляются на обсуждение совета главноначальствующего.

Генерал-майор (Подпись)

Рапорт начальника штаба Кавказского военного округа в гор. Тифлисе в Главный штаб, 26 января 1899 г.[1].

Согласно постановления Совета главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, состоявшегося 9 сего января, жителю сел. Георгиевско-Осетинского, Баталпашинского отдела, Кубанской области, Константину Хетагурову воспрещено жительство в пределах Кавказского края.

Донося об этом и представляя при сем копию с доклада Окружного штаба от 22 декабря минувшего года за № 20690 и список с журнала Совета главноначальствующего по настоящему делу, по поручению его сиятельства командующего войсками, прошу Главный штаб уведомить, в какую именно губернию подлежит высылке упомянутый туземец с установлением за ним особого надзора[1].

Рапорт начальника штаба Кавказского военного округа в Главный штаб, 9 апреля 1899 г.[2]

Подлежащий высылке из пределов Кавказского края в Курскую губернию житель селения Георгиевско-Осетинского, Кубанской области, Константин Хетагуров обратился к командующему войсками округа с просьбой о назначении ему местом жительства Таврическую губернию, ввиду болезненного состояния его здоровья. При этом проситель представил медицинское свидетельство из Петербургской Александровской городской больницы, из которого усматривается, что он страдал туберкулезом правой бедренной кости и что жительство в северном климате для него, Хетагурова, может иметь вредные последствия, в смысле возобновления болезни.

По докладе означенной просьбы генерал-адъютанту князю Голицыну, его сиятельство изъявил свое согласие на перевод Хетагурова в Таврическую губернию, но с тем, чтобы названный туземец был поселен там в пункте, наиболее удаленном от Кавказа.

Ввиду изложенного прошу распоряжения Главного штаба о передаче Константина Хетагурова в Таврическую губернию, в наиболее удаленный ее пункт от Кавказского края.

Генерал-майор Пещанский.

Отношение Главнонач. граж. частью на Кавказе министру внутренних дел, 3 мая 1899 г.[3]

Препровождая при сем докладную записку Константина Хетагурова, подлежащего высылке административным порядком из пределов Кавказского края, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что я не встречаю препятствий к удовлетворению просьбы Хетагурова, т. е. к назначению ему местом жительства, на время высылки, Таврической губернии, о чем и поручил начальнику окружного штаба довести до сведения вверенного вам министерства. Представление это, вероятно, не достигло еще департамента полиции, почему вышеуказанную просьбу Хетагурова препровождаю на ваше благоусмотрение.

Что же касается временного посещения Хетагуровым Кавказа, как он о том просит в докладной записке, то таковое признаю неудобным и нежелательным.

Генерал-адъютант князь Голицын.

---

1 ДП, V, 1894 г., д. № 34, л. 218.— Воспроизведено с копии посланной начальником Главного штаба в департамент полиции 6 февраля 1899 г. (см. то же дело, л. 217).

1 Департамент полиции назначил местом высылки К. Хетагурова Курскую губернию, указав, что срок высылки должен быть не свыше 5 лет (см. то же дело, л. 223).

2 ДП, V, 1894 г., д. № 34, л. 228.

3 Там же, л. 238.

Докладная записка К. Л. Хетагурова главноначальствующему гражданской частью на Кавказе и главнокомандующему войсками Кавказского военного округа, 27 апреля 1899 г.[1]

Вопреки извещения отделения походной канцелярии вашего сиятельства от 27 марта 1899 года, за № 138, о назначении мне, на время ссылки из пределов Кавказского края, местом жительства Таврическую губернию, пристав 1-го участка Московской части г. С. Петербурга сего 27 апреля выдал мне, взамен отобранного паспорта, проходное свидетельство за № 14549 на следование в Курскую губернию с воспрещением пребывания в столице свыше семи дней и всяких остановок по пути следования. Ввиду этого, а также и неотложной необходимости возвращения моего на Кавказ для сдачи должности при Управлении Кавказских минеральных вод[2] и для приведения в порядок домашних дел, покорнейше прошу распоряжения вашего сиятельства: 1) о приостановке высылки моей в Курскую губернию, как несогласной с последовавшим 27 марта постановлением вашего сиятельства и 2) о разрешении мне, до выезда в Таврическую губернию, двухмесячного срока для сдачи служебной должности и устройства домашних дел.

И. д. помощника делопроизводителя управления Кавказских минеральных вод

Константин Леванович Хетагуров[3].

С. Петербург, Николаевская ул. д. № 4, кв. 5.

Отношение Главного штаба военного министерства в департамент полиции, 27 июля 1899 г.[4]

Вследствие отношения от 4 мая сего года за № 5757, Главный штаб имеет честь уведомить, что согласно рапорта Кавказского начальства от 14 сего июля, за № 12003[5], житель Кубанской области Константин Хетагуров подлежит водворению в Херсонскую губернию под надзор полиции сроком на три года.

Генерал-майор Путята.

Письмо секретаря осетинского землячества в Томске председателю осетинского литературного кружка в Саратове, 15 марта 1916 г.[6]

Кружок томских студентов на заседании 13 марта постановил вторично запросить председательствуемый вами кружок с просьбой ближе ознакомить его с задачами нашего общества и характером практической деятельности. Одним из могучих фактов широкой деятельности студенческих кружков, ввиду малочисленности входящих в них членов, видим в живом, дружеском обмене мнений, в совместном разрешении тех или иных вопросов и в совместном выступлении по ним. По мнению кружка нам необходимо установить наличность сил, необходимо понять, из кого состоит наша интеллигенция, сколько нас в высших школах, сколько культурных сил на местах. Мы должны действовать сообща, поддерживать друг друга и быть в непрерывной связи с сердцем Осетии, Владикавказом, где кстати организован комитет для чествования Коста[1]. Нет сомнений в том, что в комитет попали люди с большим желанием работать на пользу родины, и мы должны приветствовать их порыв, пойти им навстречу.

Необходимо, чтобы эти черновые работники, которых было не мало и в прошлом, черпали где-нибудь нравственную силу, чтобы они осязательно чувствовали и поверили в большое культурное значение своей работы и в то, что вслед за ними идет дружное, с общественной инициативой поколение, способное продолжать их работу.

Без такой веры всякое культурное начинание обречено на гибель. Исходя из всего сказанного вновь просим высказаться по предложенным раньше вопросам.

А в заключение поздравляем вас с первым культурным национальным праздником,— чествование памяти мощного выразителя души народной, дорогого Коста. Да будут памятны нам его заветы.

Донесение начальника Терского областного жандармского управления в департамент полиции, 30 апреля 1916 г.[2]

Доношу, что в гор. Владикавказе никакого комитета для чествования памяти первого осетинского поэта Коста Хетагурова пока не организовывалось. 20 марта сего года в десятую годовщину смерти поэта была отслужена панихида, по окончании которой некоторыми из присутствующих на панихиде было сказано слово памяти поэта, а учениками рассказаны и пропеты некоторые стихотворения покойного.

Среди осетин, правда, есть предположение в память Хетагурова устроить в будущем или народный дом, или открыть какое-либо учебное заведение — вообще сделать что-либо в память Хетагурова, осуществить же что-либо в настоящее время не представляется возможным, так как многие из его почитателей находятся на театре военных действий.

Полковник Гладышевский.

---

1 ДП, V, 1894 г., д. № 34, л. 239. Воспроизведено с подлинника автографа Хетагурова.

2 К. Хетагуров был и. д. помощника делопроизводителя Управления Кавказских минеральных вод.

3 К. Хетагуров выехал из Петербурга с проходным свидетельством 16 мая 1899 г.

4 ДП, V, 1894 г., д. № 34, л. 247.

5 Этот рапорт в архиве не обнаружен.

6 ДП, о. о., 1916 г., д. № 110—0, л. 2.— Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма из Томска в Саратов,— Университет, студенту Тхапсаеву.

1 В 1916 г. исполнилось 10 лет со дня смерти К. Хетагурова.

2 ДП, о. о., 1916 г., д. № 110—о, л. 6.

Письма А. В. Суворова

Хранящийся в рукописном отделении Гос. публичной библиотеки в Ленинграде «Суворовский сборник» представляет собою ценнейшее собрание документов, относящихся к биографии Суворова[1]. Он был передан в Публичную библиотеку в 1882 г. потомком великого полководца — кн. А. А. Суворовым и, в большей своей части, до сих пор еще не опубликован. Большинство материалов, заключающихся в «Сборнике», составляют подлинные письма самого Суворова. К их публикации приступил В. А. Алексеев, издавший в 1901 г. «Письма и бумаги Суворова из Суворовского сборника имп. Публичной библиотеки», но на 1-м выпуске это издание прекратилось. В 1916 г. В. А. Алексеевым снова было предпринято издание «Писем и бумаг Суворова» уже по самым различным источникам, но и оно остановилось на I томе.

Для настоящей публикации выбраны наиболее интересные из писем Суворова, относящиеся к его пребыванию в Варшаве в 1795 г. и в Тульчине в 1796—1797 гг.

Тяготившийся своей деятельностью в Херсоне, Суворов с радостью встретил свое назначение — командовать русскими войсками в Польше.

Война с Польшей дала ему возможность к длинному ряду одержанных им блистательных побед прибавить еще и взятие Варшавы.

1795 год Суворов провел в Варшаве, а в 1796 г. был назначен командующим русской армией в Новороссии. Там главною своею квартирою он избрал Тульчин, где и оставался до 1797 г., т. е. до того момента, когда вскоре после воцарения Павла I попал в положение опального и должен был выехать в свои имения — сначала в Кобрин, а затем в Кончанское.

Письма Суворова за эти годы интересны с нескольких точек зрения. Во-первых, они содержат характеристику положения в завоеванной Польше; во-вторых, в них имеются многочисленные,— всегда веские и точные,— высказывания Суворова по вопросам общеполитическим и военным; в-третьих, они дают интересный материал для истории взаимоотношений Суворова с последним временщиком Екатерины II — кн. Платоном Александровичем Зубовым и, наконец, в них заключаются отзывы Суворова о Павле I и о его нововведениях в армии.

Центром писем из Тульчина является, так называемая «персидская экспедиция». Бездарному, но весьма высоко о себе мнившему П. А. Зубову не давали спать лавры Потемкина. Имя последнего было соединено с неосуществившимся, но широко задуманным «греческим проектом». Зубов решил связать свое имя с проектом еще более грандиозным: для установления сообщений России с Индией занять все важнейшие торговые пункты от Персии до Тибета... Сначала главою «экспедиции» был назначен Суворов; однако, это назначение не состоялось. Вероятнее всего, от него отказался сам Суворов, которому гораздо больше хотелось принять участие в войне коалиции европейских держав с Францией, а вступление России в эту коалицию к концу царствования Екатерины было делом почти решенным. Командующим русскими войсками, отправленными в «персидскую экспедицию», был назначен граф Валериан Зубов, столь же бездарный, как и его брат и, вдобавок, стяжавший печальную славу в польской войне, в которой он участвовал.

Известен финал этого зубовского предприятия: в ноябре 1796 г. Екатерина II скончалась, и Павел I немедленно приказал русским войскам вернуться из похода.

В письмах Суворова, посвященных «персидской экспедиции», встречается одно, как будто бы, противоречивое обстоятельство. В одних письмах Суворов резко-отрицательно отзывался о Валериане Зубове, а в других — называл его «героем» и писал о его действиях подробные и хвалебные реляции.

Для понимания этого противоречия следует знать и иметь в виду общий характер суворовских писем и двоякую цель, преследовавшуюся Суворовым при их написании.

Адресат почти всех публикуемых писем — Дмитрий Иванович Хвостов,— родственник Суворова, подполковник, дослужившийся впоследствии до поста обер-прокурора синода. Хвостов являлся своеобразным доверенным Суворова. С ним Суворов состоял в постоянной оживленной переписке, давал ему подробные инструкции, как себя держать, и что с кем говорить, охраняя интересы Суворова в высших военных и придворных кругах Петербурга. Суворова не интересовали придворные интриги до тех пор, пока они,— прямо или косвенно,— не затрагивали его интересов. Но на все, связанное непосредственно с ним, с его военной карьерой, он реагировал живо и нервно. Откровенно высказываясь в большинстве своих писем к Хвостову, он иногда писал письма с явным расчетом на их прочтенье, если не самою императрицею, то близкими к ней людьми.

В одном из писем к Хвостову Суворов писал: «Ныне паче не верьте никому. Я угнетен благовидностью,— отвечайте ею»... Под «благовидностью» Суворов разумел «лицемерие».

Зато уже никакая «благовидность» не маскирует в письмах отношения Суворова к П. А. Зубову, между тем, как эти отношения в начале 1790-х годов, казалось, не оставляли желать лучшего. Суворов приветствовал сказочно быстрое возвышение фаворита, называл его «благородным» человеком.

Как мог Суворов не видеть истинного лица Зубова и не знать его истинной цены?

1 Описание «сборника» было помещено в «Отчетах имп. Публичной библиотеки», 1884 г.

Отзывы современников позволяют думать, что в первые годы своего «фавора» Зубов еще не выказывал тех отрицательных черт, которые впоследствии стали от него неотъемлемы. Кроме того, в те годы сам Зубов естественно заискивал в людях, которые составляли блеск и славу екатерининского царствования, а к ним, разумеется, принадлежал и Суворов. Наконец, охлаждение, происшедшее в отношениях Суворова с Потемкиным, могло повлиять и на сближение Суворова с Зубовым.

Но у Зубова очень быстро закружилась голова от потока монарших милостей и от фимиама лести. Ничтожество по уму и по способностям, он возомнил себя великим государственным деятелем на самых разнообразных поприщах.

Неизвестно, как бы сложились в дальнейшем отношения этих двух,— столь противоположных,— деятелей царствования Екатерины, если бы ее смерть не положила конец бесславному периоду зубовского фаворитизма.

Публикация писем Суворова представляет собою большие трудности вследствие особенностей эпистолярного стиля этого во всем своеобразного человека. Характернейшими особенностями писем Суворова являются сокращения или условные обозначения имен, обилие намеков и намеренно-темных мест, постоянные недомолвки, делающие подчас его письма (особенно на первый взгляд) совершенно непонятными.

Для нас, отделенных от Суворовской эпохи полуторасталетней давностью, к сожалению, многие места его писем являются не поддающимися раскрытию. В предисловии к 1-му выпуску «Писем и бумаг Суворова» (Спб. 1901) издатель их В. А. Алексеев говорит: «В ней [переписке] есть места не только темные, а прямо не поддающиеся никакому удовлетворительному толкованию».

Но, даже при наличии таких мест, письма Суворова являются ценнейшим материалом не только для биографии великого полководца, но и для военной и политической истории России конца XVIII века.

Письма печатаются с подлинников, с сохранением особенностей суворовской орфографии.

Г. Никольская

Д. И. Хвостову.

Варшава, марта 6 дня 1795 году.

Благословение боже Наташа. И здравие з графом Николаем Александровичем [1]. А и да куда, как мне это утешно!

Дмитрий Иванович! И ведомо, вы очень виноваты, что вы холодно не вникали в газету 1-го № и по нескладности не участвовали. Ожидаю вашего объяснения о несходствии № с указом сенатским [2]. Тако ж, пожалуйте, будьте точны, кто был № орудием? Чтобы сколько не согрешить на иную, сколько остерегатца той особы. Высочайшие милости преизобильны, но 1-й № — в публике. Равно тож: Г[лавная] в[оенная] к[оллегия] лишала меня титла главно-командующего. Я благосклонностью г[рафа] Пл. А. Зу[бова] очень доволен. При сем титле должно писать в Польше, а не в Варшаве.

Гр[а]ф Н[икола]й Ал[ександрови]ч — неинтересантен, но и я не меньше. У Наташи есть моих 1.500 душ — довольно. А ежели мало, то я лутче впредь приобретением им присвоять буду, нежели испрашивать по общему правилу. И осыпан я высочайшими милостями. Вы это знали и прежде. Я — неколеблен. Оставте это судьбе. Мне жаль, что и к[нязь] Алек[сей] [3] лишне в то входил. Его величества императора портрет при дворе неуважен [1]. Что же вы место него желали? Уведомте меня. Г[рафу] Н[иколаю] Ал[ександрови]чу в потребности я писать готов, но в чем важнее. Не можно оставить кореспонденции с графом Пла[тоном] А[лександрови]чем. А оную первый будет ведать. Теперь, слава богу, претикания от клевретов сокращены. А впредь, ежели что, вы вмиг одолевайте, уведомляя меня в подробности.

О перемене рапортиции войск здесь слух ежевремянный. В письме граф[а] Пл[атона] А[лександрови]ча это неприметно. О том дайте мне знать и впредь наиблаговременнее предваряйте. Правда, здесь весьма всюду тихо, но парит еще земля телесами. Желал бы я домой обратитца в компанию к моему другу Ос[ипу] Мих[айловичу] [2].

Здесь я налегке. Все мое осталось в Херсоне. Так и перстень. За ним нарочного пошлю для услуг любезной Наташи.

Г[раф] А. С[уворов]-Рым[никский].

Д. И. Хвостову.

Варшава, марта 17-го дня 1795 году.

Дмитрий Иванович! О моей мечте по прежнему желанию графа Платона А[лександрови]ча к личной власти в страну за Дунай, что я писал к Осипу Мих[айлови]чу, к[нязь] Алексей [3] неясен. Уведомте, как ныне, но и впредь.

---

1 Дочь Суворова, Наталия Александровна в феврале 1795 г. вышла замуж за гр. Николая Александровича Зубова — брата фаворита Екатерины II.

2. Речь идет, очевидно, не о 1-м, а о 2-м номере «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1795 г., в котором был помещен указ Екатерины II сенату о пожаловании Суворову звания фельдмаршала. Суворова беспокоило разночтение между подлинным указом и его текстом в газете.

3 Алексей Горчаков — племянник Суворова.

1 После взятия Суворовым Варшавы австрийский император прислал ему свой портрет, осыпанный бриллиантами.

2 Де-Рибас, Осип Михайлович. По его проекту начала строиться Одесса.

3 Горчаков, Алексей Иванович, кн.— племянник Суворова.

Граф Игнац Потоцкий, тоже Мостовский, Закржевский, банкер Капустас и башмашник Килинский[1] в угодность двора от меня в С. Пбурге изрядно они хорошо содержатца. На мой пароль тем не содержан, в нем забытие прежнего, и они вольны. Стыдно России их боятся, ниже остерегатца. Полша обезоружена. Пора им домой, и не в коня корм. Вашему благоразумию это внушение весьма рекомендую. Мне совестно, хотя без торопливости. Граф Игнац — враль, и раздражение им обстоятельств должно презреть.

Бесхлебные офицеры инсургентов здесь площадь бьют. Их за десяток будет по больше. Они не худы о принятии в нашу службу по их желаниям и как. Я писал г[рафу] П[латону] А[лександрови]чу. К[нязь] Алек[сей] отвечает, что приказано по отзыву сего; мне же — формального нет. А весьма должно: так с сим разрешением ускорьте. За то они мною недовольны.

Нещастной капитан флота — шурин адмирала Круза — Варлант, вы писали, высочайше прощен, дальнейшего вида по сему я от вас не имею.

Князь Марцин Любомирский[2] мне отзываетца о его сыне Станиславе, чтоб его определить в российскую службу, что он причислен был к[нязем] Г. А-чем Потемкиным в ле[йб]-г[в] Преображенский полк сержантом. Осведомтесь у е[го] п[ревосх.] Н. А-ча Татищева[3], изчисляетца ли он тамо, дабы я взял мои меры, и, ежели счисляетца, то просить его пре[восх.] показывать его при мне в титле ординарца. Г[оспо]дь бог с вами!

Против карманьолцев[4] будут ли наши и я? Особливо в Вене на то надежда.

Д. И. Хвостову.

Тулчин, маия 5-го дня 1796 году.

Дмитрий Иванович! За письма ваши от 11, 26, 27 и 29 марта — моя дружеская благодарность. Со шведом очень хорошо; лишь жаль что их не выгонят за море. А Померания... Сумнительно без войны. Турки без Магмут-хана[5] пуще заснут, и тут жаль, что мы особливо не по Дунай — живой рубеж. Театр — на Востоке. Герой граф Валериан[6] — за Дербент, покорить и укрепить Каспийское море, простирт свои мышецы до Аракса, далее завоеваниев Петра Великого, и ограничить Грузию. Тогда ему ф[лот] мал. Пла[тон] А[лександрови]ч, князь, взял мой наем,— вы на это холодно взираете. Титлы мне — не для меня, но для публики потребны. Хорошо, ежели поправить. В протчем фортуна улителa с ее лбинами волосами и кажет голой затылок. Долго ждать или и навеки? Попеняйте г. Кобенцлю[1] за императорову неблагодарность. Портрет я кассировал, как их много у министров. Також неукрашаюсь прускими орлами по множеству их у иных. За перо получил к[нязь] Пл[атон] шпагу и скоро при призидентстве[2] получит кейзер-флаг черноморских флотов, кои в своем правлении изгноил и людей выморил над ими, отнесенной мне им команде. После в начертании ни слова не имею. Свойства я не знаю[3]. Вы не унижайтесь.

Г[раф] А. С[уворов]-Рым[никский].

К гр. Н. А. Зубову[4].

Тульчин, 5 мая 1796 г.

Время проходит, люди мрут, суда гниют. К[нязь] Пл[атон] А[лександрови]ч знает, сколько ныне в лом и пред сим было против прежнего; найдет, что оба уменьшились, а у турков флоты возросли многочисленнее и несказанно исправнее наших.

Не без военных видов...

У Оси[па] Мих[айлови]ча при мне умирает против прежнего 1/4 доля, другой месяц будет умирать 1/8 доля... Киселеву я послал паспорт. Под Очаковым он из Астраханского гранодерского полку уморил в 2 месяца — 700. За то от к[нязя] Г[ригория] А[лександрови]ча был лишен полку. Вот все его достоинство! Чего ради я его никогда не хочу у себя иметь[5].

Д. И. Хвостову.

Тулчин, августа 29 дня 1796 году.

Дмитрий Иванович!

За письмо ваше от 3 августа благодарю, как оно невлажно[6]. У вас вид в одном настоящем; но оправдает мое подозрение на зломыслие к[нязя] Пл[ато]на при ином, по Вронском[7]. Команда его над черноморскими флотами — не робячество, но кейзер-флаг. Руководство его персидскою експедициею — для вступления во

---

1 Перечисляемые Суворовым лица — участники польской Преображенского полка.

2 Любомирский Мартин, кн.— польский госуд. деятель.

3 Татищев Николай Алексеевич, премьер-майор Преображенского полка.

4 «Карманьольцами» Суворов называл французскую революционную армию.

5 Агу-Магомет-хан — персидский шах.

6 Зубов Валериан Александрович, гр., главнокомандующий русскими войсками в «персидской экспедиции».

1 Кобенцль Людвиг, гр.— австрийский посол в Петербурге. Способствовал в 1795 г. заключению союза Австрии и Англии против Франции.

2 Кн. П. А. Зубов был назначен вместо Н. И. Салтыкова президентом Военной коллегии.

3 Намек на родственные отношения Суворова к брату П. А. Зубова — Н. А. Зубову.

4 Печатается по копии.

5 Вопросам военной гигиены, бывшей в то время в русских войсках в весьма печальном состоянии, Суворов уделял большое внимание. В бытность свою в Финляндии в 1791—1792 гг., затем в Херсоне и в Тульчине, он вел систематическую и успешную борьбу с эпидемическими заболеваниями в армии (см. его приказы, опубликованные в труде А. Петрушевского, «Генералиссимус князь Суворов», СПБ, 1884, т. II, прилож.).

6 «Влажный» на своеобразном языке Суворова значило «пустой», «малозначущий».

7 Вронский — секунд-майор. В Варшаве подал Суворову записку на злоупотребления по провиантской части. В дальнейшем, пользуясь доверием Суворова, Вронский сам совершил ряд противозаконных деяний. Дело о нем, то прекращаясь, то возобновляясь, тянулось несколько лет.

все будущее... Там неприятно. Вы — ни слова. Казалось бы, обстоятельное ваше вам надлежало отложить до преставления света. Турецкая ваша война,— нет... А принятца за корень, бить французов. От них она родитца. Когда они будут в Польше, тогда они будут тысяч 200—300. Варшавою дали хлыст в руки прусскому королю,— у него тысяч 100. Сочтите турков (благодать божия со Швецией)... России выходит иметь до полу-миллиона. Ныне ж, когда французов искать в немецкой земле, надобно на все сии войны только половину сего. Публика меня посылает с $\frac{50}{60}$ 000 против французов,— вы один молчите. Вот что из сего вам надобно говорить с г[рафом] А. А. Безб[ородко] [1], хотя бы он вам отвечал глубоким молчанием, особливо посторонним видом. Алгебра чертящего пушку фельдцехмейстера и знающего имяна мачт, парусов г. адмирала [2], до сего никогда не достигнет мне.

Д. И. Хвостову.

Тулчин, августа 29 дня 1796 году.

Г[раф] А. А. Без[бородко], ежели вас послушал о умножении войск (на один сей предопасной случай), легко 100.000. Вы не пишите и домогаетесь обстоятельного кладу. У гранодер запасные баталионы хороши, но у мушкетер 3-й баталион лутче 2 ротной команды. Они одни прежде хранили Прусию. Буде ж по австрийскому, 4-й баталион худо, гарнизон есть. Лутче новые полки. Кавалерия имеет 6 эскадро[нов]; коли ее прибавлять, то в титле гусар. У меня она, где потребно,— те же гусары. Вот скаски гр. А. А. Без[бород]ке.

Ученик, давший себе то звание, к[нязь] П[лато]н, несмыслит. Лутче бы было дело на меня. В доверенности я не злоупотребителен; не так, как сей детя, хотя ему надлежит быть ближним. Уж не мне быть фикционером. К[нязь] Потем[кин] хотел быть королем лунным [3]; к[нязь] Плат[он] сближаетца с Николаем [неразб.]. Пора ему опомнитца, не для меня, но для России, в чем бы ему очень пособил г[раф] А. А. Без[бородко], оставя свою застенчивость.

Идет очень худо медленностью нашей. Козел — к[нязь] П[латон] с научением не будет лев. Пора давно начинать! Уже судят в Москве по обычаю развратных нравом больших городах: Россия будет Франциею. Уже король пруской по Варшаве и частью Гнезне хочет быть польским королем, хотя то вовсе ненадежно. Французы не захотят силы в сем короле и лутче дадут ему Саксонию за уступки его польских частей.

А. С.

1 Безбородко Александр Андреевич, граф, затем князь — до 1795 г. канцлер, руководитель внешней политикой России.

2 Намек на П. А. Зубова, получившего звание генерал-фельдцейхмейстера и начальника над Черноморским флотом.

3 Намек на проектировавшееся кн. Г. А. Потемкиным завоевание Константинополя.

Д. И. Хвостову.

Тулчин, августа 30 д. 1796 году.

Дм[итрий] Ив[анович]! Тако и по команде флотской ваше робячество, а как насмешка, что я их не починил. С основания интриги О. М. Рибаса должно было мне от вас описуемо быть течение ее по степеням. Вы мне скажите,— проникнуть было тяжело. Пошлите на площадь и на кабак, и там много узнаете. Ныне вам надлежало меня уведомить о контр-балансе, что мне при выезде из С. П. Бурга они к[нязем] П[отемкины]м поручались, равно г[раф] Н[иколай] З[убо]в здесь обещал. Что это было, для чего и как опрокинуто? Я не имею такой трубы, чтоб отсюда смотреть на вас, и попредь уведомлением вашим избежал бы я по сему разной подлости...

О. М. Рибас не один раз меня предавал [1]. Я был на то и останусь всегда холоден. Он играл к[нязем] Потем[кины]м; сей им играл больше. К[нязь] П[лато]н играть не умеет; разве, по свойству своему, змею в пазуху спрячет.

З гра[фом] Н. И-м Сал[тыковы]м [2] будьте весьма откровенны. Я помню старую дружбу. Ни в ком мне нужды нет; пекусь я только о общем благе, но паче желаю зло предварять. Я его не затрудняю соответствиями мне. То ж особливо г[раф] А. А. Безб[ородко]. Ему в политическом мысли мои нужнее, хотя для любопытства. К[нязь] П[лато]н отобрал у него польские письма,— он пред монархинею мудро доказал опасность России.

Д. И. Хвостову.

[1796, Тульчин]

Война с прусаками... Множество причин, но все натянутые и партикулярные, а истинной нет. Отдача Варшавы доказывает слабость нашего министерства и непредприимчивость [3]. Турки се верно не хотят, и молодой Кочубей [4] — хорошей там посол,— честь отдать ему в виде г[рафа] А[лександра] Анд[реевича]. Ближе она должна быть с французами, как бы отвращение на то быть не казалось. Померания — обманка... Отдать в Стокгольме министерство Рибасу — неистово [5] разве продать государственный интерес на интерес к[нязя] П[лато]на. И как может быть прозрачность г[рафа] А[лександра] Ан[дреевич]а к тому неприкосновенную.

Г[раф] В[алериа]н освободил грузинское царство?.. Ложь,— он там не был. Лютый

1 При постройке одесского порта Де-Рибас беззастенчиво наживался, в то время, как войска, расположенные в Одессе и ее окрестностях, были в самом тяжелом положении — это обстоятельство Де-Рибас тщательно скрывал от Суворова. (А. Петрушевский, «Генералиссимус князь Суворов», т. II, гл. XXI).

2 Салтыков Николай Иванович, гр. генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии до назначения на эту должность кн. Зубова.

3 По третьему разделу Польши в 1795 г. Варшава была присоединена к Пруссии.

4 Кочубей Виктор Павлович — русский посол в Константинополе.

5 По поводу проекта назначения Де-Рибаса русским послом в Стокгольме.

Магмут,— он с ним не встречался. Покорение? Покоряют ослушных и противуборных. Дербент 150 [1 слово неразб.] сдавался Савельеву, Баку занят казаками, и там войска вошли в Шамаху. «Соблюдение войск» — последняя ложь. Здесь умирает в год 50 чел., а там в полгода т[ысячи больше] и говорят, 3 ты[сячи] побито. Запрещено о том рассуждать под смертною казнию. Это принадлежит одному государю.

Д. И. Хвостову.

Тулчин, августа 31 д., 1796 году.

Д[митрий] И[ванови]ч! Для вашего обстоятельного от сюда доношу[1].

Г[рафа] В[алериана] З[убо]ва ордер баталии состоял из одной пехоты. Как скоро неприятель приближился к его фарпостам в 5-ти пунктах за 15-ть верст от армии отстоящих, он пустил против его всю свою кавалерию, которая сильно поразя, не возвратилась. Неприятель в трепете отважился зделать новый опыт и сближился с его пехотой, которая его раз 100 отбивала. Место баталии покрыто было 100.000 его трупами. На конец, пехота, утрудясь, маршировала отдыхать в замок в полном порядке. Неприятель не осмелился коснутца замка и в военном ужасе побежал в лево, в дол Каспийского моря, где, встречал многие мелкие отряды, претерпит от них последнее разрушение. Сам главнокомандующий отправился тот час после победы на корабле, называемом «Слава», чтоб изкоренение сих бунтовщиков ускорить. В Баку, храбростью и искусством военноначальников завоеваном, спокойно, и победители готовы принять противников целой 1.000.000.

Газетчик о артиллерии точно не докладывает и мог ошибитца в пулях. Сказывают, что умерший Магмут-ага-шах — самозванец паки народился. На сей генеральной баталии взят в плен и принят главнокомандующим очень вежливо. Мы, может быть, обстоятельнее узнали.

Д. И. Хвостову.

Тулчин, декабря 29 дня, 1796.

Обширность России далеко зрения государя,— сего дозволить не может. От белых медведей и ненаситицких порогов имеет она дело с тремя прочими сферами. Французы заняли лутче от нас. Мы теряем; карманьольцы бьют немцов; от скуки будут бить русских, как немцов. Я далеко зашел, но подозрение — мать премудрости.

В нравности вы верны. Естественность ищите в отечестве. Сила моего контраста.

Командир... Инспектором до генерал-майора; Наряду фельдмаршал понижается. Разве бы был по армии генерал-инспектор, и тогда не его дело сам заниматься. Довольно с него быть, как прежде всегда, главнокомандующим, до которого звания я служил больше полувека и честно его заслужил больше всех иных ранами, увечьями и многими победами, и на краткую уже мою жизнь грех его у меня отнимать[1].

Д. И. Хвостову.

Тулчин, декабря 30-го дня 1796.

Гусарские новые полки определены на фарпосты; они будут раздроблены, больше будут терпеть и эскадронную службу забудут. О козаках ничего не сказано. Слышно, что они пойдут на Дон и пр. Их службу забудут, уподобятся крестьянам[2].

Д. И. Хвостову.

12 ч. января 1797 году. Тулчин.

Милосердие покрывает строгость. При строгости надобна милость, иначе строгость — тиранство.

Я строг в удержании здоровья, истинного искусства благонравия,— милая, солдатская строгость. А за сим — общее братство. И во мне строгость по прихотям была бы тиранством. Гражданские доблести не заменят бесполезную жестокость в поисках[3].

Хотя бы я остался при всех моих прежних преимуществах, но опыт воинского искусства, недовольствие солдат и чиновников, не русские преображения... Васильчиков, Татищев, Митусов гонят меня немедленно в Кобрин, где на сей год буду ждать лутчего. Потом или продолжу там, или вовсе оставлю, как долг велит естественного божиего закона. Ныне,— чуть что от к[нязя] А[лексе]я,— я, оставлял до того у себя все попрежнему, перееду тот час в деревню, а оттуда, по полной резолюции, мгновенно в Кобрин.

---

1 Далее следует реляция о взятии гр. В. А. Зубовым Баку.

1 По поводу павловских реформ в армии,— об учреждении инспекторов вместо командующих дивизиями.

2 Очевидно, речь идет о расформировании войск, посланных в «персидскую экспедицию».

3 Эти рассуждения Суворова относятся к Павлу I.

Наступление Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 года

Сборник документов, Центральный Государственный Военно-Исторический архив, Военное издательство НКО СССР, М, 1940, стр. 548 + 22 схемы

Объемистый сборник, подготовленный к изданию Центральным Военно-Историческим архивом, в лице его научных сотрудников М. М. Семина (бригадир), А. И. Назарова, Н. П. Шляпникова, А. Н. Малышева, под общим руководством начальника ЦВИА — полкового комиссара Б. А. Сергеева, и при консультации полковника Л. В. Ветошникова,— крупный вклад в русскую военно-историческую литературу.

В сборник включены материалы, характеризующие отношение генеральных штабов союзников, и документы ставки верховного главнокомандующего русской армией, Юго-Западного фронта и его армий за время подготовки, осуществления и развития «Луцкого прорыва». Материал располагается по разделам:

I. Военно-политическая обстановка на театре войны к марту — апрелю 1916 г.: 1) военные совещания командования союзных армий при главной французской квартире в Шантильи (февраль — март 1916 г.), 2) союзники и Румыния.

II. Выработка оперативных планов на восточно-европейском (русском) театре: 1) план русского командования, принятый на совещании 1 (14) апреля 1916 г. в ставке, 2) укрепленные позиции русских и австро-германских войск на Юго-Западном фронте, 3) оперативный план командования Юго-Западного фронта, 4) оперативные планы командующих армиями Юго-Западного фронта, 5) изменение плана и срока наступления на русском фронте в связи с наступлением австрийцев на итальянском фронте, 6) расположение сторон к началу наступления армий Юго-Западного фронта.

III. Проведение прорыва армиями Юго-Западного фронта и его развитие 22 мая (4 июня) — 2 (15) июня 1916 г.: 1) прорыв тактической обороны австро-германцев 22 мая (4 июня) — 25 мая (7 июня) 1916 г., 2) развитие тактического прорыва 26 мая (8 июня) — 2 (15) июня 1916 г., 3) контрудар австро-германцев на фронте 8-й и 11-й армий и его парирование. Продолжение наступления 7 и 9-й армий 3 (16) июня — 8 (21) июня 1916 г., 4) сношения с союзниками по вопросам наступления русской армии.

IV. Развитие дальнейшего наступления армиями Юго-Западного фронта 9 (22) июня — 26 июня (9 июля) 1916 г.: 1) подготовка к наступлению, 2) наступление армий Юго-Западного фронта 21 июня (4 июля) — 28 июня (11 июля) 1916 г.

В приложениях даны директивы ген. Н. И. Иванова от 26 января 1916 г., документы, характеризующие боевой состав армий Юго-Западного фронта, документы, касающиеся материального обеспечения и устройства тыла армий, и группа приказов по вопросам военных сообщений, организации этапных войск и работ по восстановлению железных дорог на занятых территориях.

Сборнику предпослано археографическое предисловие, введение, заключающее в себе сжатую характеристику развития операций и список принятых сокращений. В конце приводится именной указатель. Ввиде отдельной вкладки дано 22 схемы, составленных полк. Ветошниковым.

Подавляющая масса документов сборника впервые появляется в печати. Почти все приводятся полностью и лишь немногие в выдержках. Материал расположен в хронологическом порядке; в пределах каждой главы даются сначала документы, исходящие из ставки, затем от фронта и армий; при этом материал, касающийся последних, размещен в порядке их расположения на фронте, считая справа налево. Документы тщательно оформлены. Заголовки строго унифицированы, четки и сжаты. Небольшие отклонения от принятого порядка можно отметить лишь как исключения (например, в заголовке документа № 81). В столь же редких случаях определение вида документа без достаточных оснований дается по определению подлинника, как например в документе 54, который в противоположность прочим «телеграммам» назван «депешей».

Легенды, а также примечания, в том числе воспроизводящие пометы подлинников, исправления и пояснения хорошо дополняют текст.

Мало удовлетворит читателя именной указатель. Он крайне неполон: в нем отсутствует ряд имен, часто встречающихся в документах (напр. ген. Порро, ген. Безобразов и др.). Биографические сведения схематичны и не единообразны. Так, напр. для большинства перечисленных в указателе лиц устанавливается чин и должность, а также титул (если он был); у некоторых отмечены только чины, а у других только титул и должность (напр. Келлер... граф... командир 3-го кавалерийского корпуса). Мало удовлетворителен и список сокращений, в частности тем, что он вовсе не согласован с обозначениями

на схемах, приложенных к изданию. Если в список включены даже такие понятные сокращения, как «арм. — армейский», «бриг.— бригада», «подполк.— подполковник», то рядом с этим находим на схемах «ак.», «ск.», «пд.», «кд.», «сд.»,— более нуждающиеся в объяснениях, чем вышеприведенные слова.

Несколько мелких замечаний можно сделать также относительно введения. Так, напр. исчисления войск Северного и западного фронтов даны в дивизиях, а Юго-Западного фронта — почему-то в корпусах (стр. 12—13). Армии везде обозначаются номерами, а на стр. 28 встречаем изолированное указание на армию Безобразова,— что это была за армия, из контекста понять нельзя.

Нельзя согласиться с высказываниями автора, снижающими значение операции. Без достаточных оснований ей придается только тактическое значение; неверно и утверждение о неувязке работы частей фронта в плане прорыва. Однако, надо признать, что статья помогает читателю ориентироваться в документах.

Хронологически сборник ограничен временем с января по конец июня 1916 г., вследствие чего боевые действия фронта за июль — сентябрь выпадают. Нельзя не пожалеть, что они не освещены, хотя бы вкратце. Этот недостаток, видимо, сознавался и составителями сборника, которые нашли нужным оговорить его в предисловии. Еще ощутительнее то, что в сборнике, начиная с третьей главы, отсутствуют какие бы то ни было сведения о положении на Западном и Северном фронтах, вследствие чего планы, операции Юго-Западного фронта оказались искусственно изолированными, и исследователь, а тем более читатель, хотя бы и специалист, не в состоянии критически оценить многие моменты именно в силу локальной изолированности материала; понятно, не требуется подробное освещение дел Северного и Западного фронтов, а лишь приведение тех основных, опорных документов, которые давали бы представление об общем фоне изучаемых операций. Количество таких материалов не столь значительно и место для них могло бы быть освобождено за счет некоторых, представляющих второстепенный интерес, приложений и документов, не заключающих в себе сведений, существенно дополняющих данные других документов.

Недостаточно освещен такой важный момент, как артиллерийская подготовка прорыва и вообще роль артиллерии в операции.

Перечисляя недостатки издания, нельзя не упомянуть об опечатках, которые, к сожалению, столь обычны в большинстве наших изданий; есть и другие технические небрежности, вроде напр. рассыпающихся колонок цифр на стр. 37.

Все эти замечания, однако второстепенны перед важностью, свежестью, ценностью обширной коллекции документов, введенных в научный оборот составителями сборника. Значение последнего выходит далеко за рамки «пособия для изучения организации и развития фронтовой операции по прорыву неприятельского фронта». Сборник дает прекрасный материал и для военно-исторического исследования, и для историка, изучающего международные отношения эпохи империалистической войны, и для историка, сосредоточившего внимание на исследовании общества этого времени. Содержание вновь опубликованных документов столь интересно, что на изложении освещаемых ими событий нельзя не остановиться подробнее.

* *
*

В истории империалистической войны 1914—1918 гг. русское наступление весной и летом 1916 г. занимает видное место. Оно не только сыграло огромную роль в развитии дел на восточно-европейском (русском) фронте, но и имело решающее значение для оперативного успеха союзников.

Уже зимой 1915—1916 гг. с большой настойчивостью проявилась, обнаруживавшаяся и раньше тенденция французского командования к всемерной экономии в расходовании своей живой силы и стремление щедро жертвовать силами русской армии.

У русских чувствовался острый недостаток в тяжелой артиллерии, снарядах, даже в винтовках и патронах; союзники не торопились с выполнением своих обязательств по доставке вооружения, но не переставали настаивать на всемерной активизации их действий. Ген. Алексееву приходилось давать на все «подобные выходки и нелепости» «спокойные, но внушительные отповеди». «Хуже того, что есть, не будет в отношениях,— писал он ген. Жилинскому, но мы им очень нужны,— на словах они могут храбриться, но на деле на такое поведение не решатся. За все нами получаемое они снимут с нас последнюю рубашку. Это ведь не услуга, а очень выгодная сделка. Но выгоды должны быть хотя немного обоюдные, а не односторонние».

Примерно так же действовали и англичане, обещавшие, что после того, как в апреле их армия будет насыщена артиллерией, они смогут передать излишки своей промышленности русским. «Значит получим мы помощь в июне (в лучшем случае), а в марте — апреле нужно атаковать противника. Думаю, что все эти вопросы нужно ставить определенно и без оговорок. Быть может, пользы особой и не будет, но и вреда тоже, а своекорыстные идеи союзников выяснять нужно. Повторяю, что мы им очень и очень нужны» (стр. 26).

Затягивавшаяся война, одинаково тяжелая для всех ее участников, могла быть решена только смелыми, одновременными и совместными действиями на всех фронтах. Такой план союзного наступления был составлен, но французское командование под разными предлогами упорно откладывало его реализацию. Алексеев настаивал на том, чтобы начать наступление из Салоник, поддержать рус-

ские операции в Турции овладением Александретты или Аданы, что позволило бы русским продвинуться до Униа-Сивас, парализовало бы влияние Турции на Балканах и обезопасило Персию, Египет, Индию. Но союзное командование отказывалось, выдвигая вместо этого идею вовлечения в войну Румынии.

Между тем в русской ставке были весьма обеспокоены возможностью большого германского наступления в конце зимы 1916 г. «Склонен думать,— писал Алексеев 9 (22) февраля 1916 г. ген. Жилинскому,— что, шумливо демонстрируя против французов, немцы разовьют удар против нас на северном и южном флангах; наши союзники будут взирать из своих траншей и авторитетно высказывать наше обязательство активно помогать Румынии, совершенно не желая изучать нашу обстановку».

Русское командование считало необходимым не ждать опасного наступления противника, а взять инициативу в свои руки, перейдя к активным операциям тотчас, как только позволит состояние дорог. Это казалось тем более необходимым, что при растянутости фронта на 1.200 верст и недостаточности тяжелой артиллерии противник имел возможность, действуя сосредоточенными массами по наиболее уязвимым направлениям, не только наносить тяжелые удары, но и прорвать линию русского фронта. Ставка хотела, чтобы русское наступление было поддержано союзниками, но постоянно натыкалось «на тенденции ген. Жоффра», игравшие «в руку врагу» и дававшие последнему возможность «бить нас по частям». «Те же тенденции влияют на англичан: все стягивается на французский театр, отсутствует гибкость, желание использовать обстановку. Предложение развить наш успех в Малой Азии, захватить Александретту, грозить Багдаду — отклонено ради сбора сил на главном театре. Спокойное сиденье на последнем окончательно развяжет руки противнику, даст ему много шансов для успешной борьбы» (стр. 39).

Между тем в конце февраля положение на западе резко изменилось. Германское командование начало разворачивать свою грандиозную Верденскую операцию. 28 февраля (12 марта) 1916 г. состоялось военное совещание союзников в Шантильи, на котором общее наступление было признано необходимым: «Общая тенденция на совещании была гораздо более в пользу наступления, чем это было в декабре. Однако, не у всех в одинаковой степени. Англичане... говорили о нем сдержанно. Италия еще сдержаннее»,— доносил 5 (18) марта ген. Жилинский ген. Алексееву (стр. 41). Подводя итоги конференции в своем докладе ген. Жоффр высказал, что «если согласованное наступление, которое коалиция решила предпринять в довольно скором времени, удастся, то вскоре за ним последует и счастливое окончание войны». Наряду с этим, по его мнению, «наилучшее, что может сделать в настоящее время Франция,— это шаг за шагом защищать национальную территорию, сберегая по возможности свои силы и подготовляя одновременно предстоящий переход в наступление.

Россия, Италия и Англия должны сосредоточить на главных театрах действий наибольшее количество своих сил и средств, в кратчайшее время довести до наивысшего предела подготовку своих атак, в которые должны быть затем введены все силы до последнего солдата и последнего орудия» (стр. 43—44).

Развитие Верденской операции вызывало все большую тревогу со стороны французского и английского командования. Последовал ряд запросов и просьб в русскую ставку. В телеграмме от 2 (15) апреля Жоффр просил русских союзников «перейти в наступление всеми свободными силами».

Уже в начале марта русские сделали попытку наступления, дорого стоившую и, в конечном счете, безрезультатную, войсками 2-й армии на участке между рекой Дисенка и озером Вишневское и частью 5-й армии в Якобштатском районе. Основными причинами неудачи были — плохая подготовка, недочеты управления войсками, и особенно — недостаток в тяжелой артиллерии и снарядах. Продвижение шло, главным образом, за счет усилий пехоты, которая несла при этом огромные потери. Конец операции положила начавшаяся распутица.

Снова ставка сделала представление союзникам о необходимости ускорить подвоз тяжелой артиллерии и снарядов. Вместе с тем, в соответствии с решениями совещания в Шантильи, она стала готовить большое наступление. Главный удар предполагалось нанести на Западном фронте, а вспомогательные — на Северном, примерно в Двинском районе и на северных участках Юго-Западного фронта.

Согласно союзному плану, вслед за русскими должны были перейти в наступление также английские и французские силы. В ставке, однако, мало верили обещаниям и опасались новых оттяжек. «Желательно,— писал ген. Алексеев начальнику французской военной миссии в России ген. По в средине апреля 1916 г.,— когда обстоятельства позволят союзникам, окончательно разрешить вопрос о времени наступления и установить определенное согласование действий всех союзников по времени.

Мы могли бы принять на себя обязательство или атаковать ранее на две недели, чем союзники, или одновременно с ними. Необходимо, чтобы общая мысль связала операции на итальянском, французском и русском фронтах» (стр. 51).

Соглашаясь первым начать наступление, даже без уверенности в том, что оно достаточно быстро будет поддержано союзниками, Алексеев, однако, категорически отклонял настояния союзников о дополнительных действиях в Румынии.

По предварительному плану Алексеева предполагалось, что Западный фронт нанесет главный удар из Молодеченского

района в направлении Ошмяны, Вильно, с исходными точками на участках Листопады — Вишнев. Северный фронт направляет главный удар в сторону Двинска — Видзы, т. е. на расстоянии не более 100 верст от направления главного удара с Западного фронта. Предварительно Северный фронт производит операцию в Рижском районе в направлении на Митаву. Крупное численное превосходство в силах обоих фронтов над противником являлось залогом успеха. Юго-Западный фронт должен был предпринять подсобную атаку из района Ровно, начав действовать после того, как наступление в Северном Полесье получит полное развитие.

Точку зрения ген. Алексеева не разделяли командующие Северным и Западным фронтами генералы Куропаткин и Эверт. На совещании, созванном в ставке 1 (14) апреля, оба они заявили, что в успех наступления не верят и считают необходимым держаться оборонительной тактики впредь до того, как армия будет снабжена достаточным количеством тяжелой артиллерии и снарядов к ней.

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом ген. Брусилов выразил, наоборот, уверенность в необходимости активных операций и в качестве корректива к плану предложил начать наступление на своем фронте одновременно с действиями на Северном и Западном фронтах. После выступления Брусилова ген. Эверт и Куропаткин отказались от первоначально высказанных точек зрения, хотя и подчеркнули, что не имеют полной уверенности в успехе.

В результате совещания ставка 11 (24) апреля разослала главнокомандующим директиву, подтверждавшую рассмотренный на совещании план и заключавшую в себе, в частности, следующие пункты:

«Западный фронт атакует противника из Молодеченского района, развивая удар в направлении Ошмяны, Вильна.

Северный фронт наносит удар или из района Иллукст, оз. Дрисвяты в направлении на Ново-Александровск, или из района южнее оз. Дрисвяты в общем направлении на Видзы, Уцяны.

Юго-Западный фронт, тревожа противника на всем протяжении своего расположения, главную атаку производит войсками 8-й армии в общем направлении на Луцк» (стр. 81). Срок начала операции в основном приурочивался к установленному на конференции в Шантильи, но мог быть изменен в зависимости от климатических условий и должен был быть определен дополнительной директивой.

К этому времени русские силы на Северном фронте достигали 466 тыс. штыков и шашек против 200 тыс. германских. Входившая в состав фронта 12 армия (9 пех. и 4½ кав. дивизий) занимала фронт от Туккума до Крейцбурга, а 5 армия (12 пех. и 4½ кав. дивизий) линию фронта по восточному берегу Западной Двины до линии Ново-Александровск. Особая 6 армия несла охрану Рижского побережья и Петрограда; резерв фронта, в составе 7 дивизий, был размещен от Риги до Двинска. На том же фронте противник располагал 8 армией (7 пех. и 3 кав. дивизии), частью соприкасавшейся с Западным фронтом, и армейской группой в составе 9 пех. и 2 кав. дивизий. Общая протяженность фронта достигала 240 клм.

Силы Западного фронта достигали 754 тыс. штыков и сабель против 420 тыс. германских. Входившие в состав фронта 5 армий располагались на пространстве около 480 клм. в следующем порядке: 1-я армия (4 пех. и 2 кав. дивизии) — от Яновки (в 5 клм. южнее Двинска) к озеру Дрисвяты, Видзы, Медзины; 2-я армия (14 пех. дивизий) — Медзины, озеро Нароч, озеро Вишневское; 4-я армия (10 пех. дивизий) — озеро Вишневское — Крево; 10-я армия (7 пех. и 1 кав. дивизий) занимала пространство южнее Крево до Любчи. Отсюда к югу вдоль железной дороги Сарны — Ковель стояла 3-я армия (14 пех. и 7 кав. дивизий). Резерв фронта состоял из 7 пех. и 2 кав. дивизий. Силы противника в северной части фронта были представлены 10-й армией (11 пех. и 3 кав. дивизий), далее 12-й армией (5 пех. дивизий) и 9-й армией (10 пех. дивизий).

На Юго-Западном фронте, с общим протяжением 360 клм., 8-я армия (6 арм. и 1 кав. корпус) занимала фронт от линии железной дороги Сарны — Ковель и далее к югу от Дубно. Южнее располагалась 11-я армия (4 арм. корпуса), фронт который шел через Тарнополь, 7-я армия (3 арм. и 1 кав. корпус) и на крайнем юге, до румынской границы, 9-я армия (5 арм. и 1 кав. корпус).

Силы противника с севера на юг располагались в следующем порядке: армейская группа Линзингена (14 пех. и 6 кав. дивизий); группа. Бем-Эрмоли (7 пех. и 2 кав. дивизий); южная армия (6 пех. дивизий) и на юге 7-я австрийская армия (9 пех. и 4 кав. дивизий).

Неприятельские позиции были прекрасно укреплены. Они состояли не менее как из трех укрепленных полос, в расстоянии друг от друга приблизительно от 3 до 5 верст. В каждую полосу входило не менее трех линий окопов, от 150 до 300 шагов один за другим в зависимости от конфигурации местности. Глубокие окопы были застроены тяжелыми блиндажами, перекрытыми двумя рядами бревен, засыпанных почти двухметровым слоем земли и во многих случаях укрепленных железобетоном, и снабжены убежищами. В них можно было укрываться даже от огня тяжелой артиллерии. Имелось много лисьих нор. Окопы были снабжены гнездами для пулеметов, бойницами, козырьками и целой системой ходов для связи с тылом. Подступы к позициям обстреливались перекрестным ружейным и пулеметным огнем. Перед укрепленными полосами располагались плетенья колючей проволоки иногда настолько толстой, что она не поддавалась ножницам. Ряды проволочных заграждений располагались в 20—50 шагах один от другого и заклю-

чали в себе от 19 до 21 ряда кольев. Заграждения были местами электрифицированы или имели подвешенные бомбы. Перед укрепленной полосой были поля самовзрывчатых фугасов (стр. 97).

Совершенно иной характер имели русские укрепленные полосы. Лишь местами удовлетворительные, они чаще состояли из примитивных окопов, с землянками вместо блиндажей, без лисьих нор и искусственных препятствий. Так, напр., участок 126 Рыльского полка, охваченный со всех сторон противником, «сильно укрепившимся и закрывшим себя широчайшими до 15 линий полосами препятствий и грудами рогаток», был укреплен на 25—30% сравнительно с теми даже требованиями, которые применялись к тыловым укреплениям (стр. 89).

5 (18) апреля 1916 г. главнокомандующий Юго-Западным фронтом Брусилов созвал совещание командующих армиями (8-й — Каледина, 11-й — Сахарова, 7-й — Щербачева и замещавшего командира 9-й армии Лечицкого — Крымова). Было решено, как это еще раньше наметил Брусилов, нанести главный удар силами 8-й армии в направлении на Луцк, чем оказывалась непосредственная помощь Западному фронту. Кроме того, при ударе на Луцк и далее Ковель, движение специально выделенного для этого 46 корпуса вдоль полотна железной дороги на Маневичи — Ковель позволяло захватить противника в клещи, вследствие чего он должен был очистить район к северу от Пинска.

Для решения тактической задачи фронта Брусилов решил применить новый метод. До 1914 г. в практике полевой войны лобовые фронтальные атаки считались невозможными ввиду силы огня. Решения задачи искали на одном или обоих флангах, где сосредоточивались резервы, в то время как фронт позиции сковывали артиллерийским огнем. Разгром фланга определял исход боя, а в случае полной удачи приводил к окружению противника. В новой практике позиционной войны система фланговых операций оказалась неприемлемой, так как флангов не было, а имелась сплошная линия фронта.

В этих условиях германцы, а за ними и другие стали применять методы, обеспечивавшие возможность прямой фронтальной атаки. На избранном участке сосредоточивали массы артиллерии и пехотные резервы. Ураганным огнем сметали заграждения, уничтожали укрепления и живые силы. После этой подготовки пехота, поддержанная артиллерией, шла в атаку, всемерно расширяя прорыв фронта. Затем начинался обход противника, разрушение его тылов и неизбежное для него поспешное отступление с неатакованных участков фронта. Применение такого способа в 1915 г. по отношению русского фронта заставило русских отступить, отдавая в руки противника огромные территории, колоссальное количество военных материалов и более 2 млн. пленных. Успеху австро-германцев тогда способствовал, однако, ряд привходящих причин: крайне неудовлетворительное состояние русской оборонительной полосы, острый недостаток в тяжелой артиллерии и полное отсутствие огнестрельных припасов.

В более нормальных условиях операция прорыва представляла не только огромные трудности, но во многих случаях вообще оказывалась безуспешной, так как сосредоточение масс артиллерии и боевых припасов, войск, интендантских складов, устройство плацдарма, требующее огромных земляных работ, не могло быть произведено быстро и незаметно от противника. Последний имел, таким образом, возможность стянуть к тому же участку свою артиллерию и резервы и принять соответствующие контрмеры.

Большой заслугой Брусилова нужно признать, что он первый применил очень простой, но весьма эффективный способ, которым в аналогичных и даже более благоприятных условиях не сумели воспользоваться ни Куропаткин, ни Эверт.

Для того, чтобы помешать противнику организовать сопротивление на участке главного удара, Брусилов приказал «не в одной, а во всех армиях» фронта подготовить по одному ударному участку, а, кроме того, в некоторых корпусах выбрать каждому свой ударный участок и во всех них немедленно начать «земляные работы для сближения с противником». Противник, констатируя земляные работы в 20—30 местах и ожидая атаки в любом из них, «лишен возможности стягивать к одному месту все свои силы и не может знать, где ему будет наноситься удар». Ориентируя главный удар 8-й армии на г. Луцк и собирая для этого резервы и артиллерию, Брусилов решил, что и остальные армии должны наносить каждая, «хотя и второстепенные, но сильные удары и, наконец, каждый корпус на какой-либо части своего боевого участка сосредоточивал возможно большую часть своей артиллерии и резервов, дабы сильнейшим образом притягивать на себя внимание противустоящих ему войск и прикрепить их к своему участку фронта» (стр. 113).

Крупнейшим недостатком этого метода являлась невозможность полного сосредоточения сил в точке главного удара. Но Брусилов находил, что в реальных условиях фронта эта невыгода будет компенсирована. В директиве главнокомандующего фронтом от 5 (18) апреля срок готовности для атаки был определен «не позже 1 мая»[1] (стр. 113). Была предусмотрена и возможность перехода противника в наступление ранее нанесения намеченного удара. В таком случае части должны были ответить энергичной контратакой (стр. 123).

При дальнейшем уточнении плана было решено одновременно с атакой 8-й армии двинуть в наступление сильный отряд конницы в направлении на Ковель с назначением разрушить тылы противника.

[1] В составленной позже записке Брусилова сроком окончания подготовки ошибочно указано 10-е мая (стр. 114).

Разработку планов действия армий и корпусов Брусилов предоставил соответствующим штабам.

В окончательном виде план приобрел следующий характер: главный удар наносит 8-я армия на фронте Ставок — Корыто в направлении на Луцк. 3 армейский и 5 кавалерийский корпуса, объединенные под командованием ген. Зайончковского, обеспечивают правый фланг армии, воспрещая противнику переброску войск по дороге Колки — Цумань. 4 кавалерийский корпус производит набег в направлении на Ковель; его деятельность поддерживает заново сформированный 46 корпус (в составе 2 пех. дивизий и 1 кав. бригады), обеспечивающий также правый фланг 8-й армии и наступающий вдоль железнодорожной линии Сарны — Ковель. 11-я армия наносит удар 6 армейским корпусом на фронте Глядки — шоссе Тарнополь — Езерна, в то время, как остальные ее корпуса сковывают противника демонстрациями, а резервная кавалерийская дивизия направляется в прорыв, и затем на Злочев и далее, смотря по обстоятельствам. 7-я армия наносит удар посредством 2 армейского корпуса, поддержанного 3 стрелковой дивизией и тяжелой артиллерией. Район удара намечен на фронте Гипсарка — Новоселка. В образовавшийся прорыв должен двинуться 2 кавалерийский корпус, в то время как остальные корпуса ограничатся демонстрациями.

Удар 9-й армии возлагался на 11 и 12 корпуса на фронте Миткеу, Онут, Доброновце. Наступление поддерживали 41 и 33 сводный корпуса. Резерв составляли две пехотные бригады, а 1 пехотная бригада выделялась в резерв верховного главнокомандующего.

* * *

Переход в общее наступление на всех фронтах был назначен на конец мая (ст. стиля), а оставшееся время должно было быть использовано для накопления артиллерийских припасов и для других видов подготовки.

Между тем Верденская операция немцев получила поддержку в австро-венгерском наступлении в Трентино. Итальянцы, хотя и располагавшие превосходящими силами, скоро начали отступать, а возрастающая тревога итальянского командования проявилась в целой серии обращений к командующим союзными армиями. Уже в начале мая генералиссимус Кадорна обратился к Жоффру с просьбой телеграфировать Алексееву о необходимости ускорить русское наступление. Вслед за тем русский военный агент в Италии получил предложение «доложить ген. Алексееву от имени генералиссимуса Кадорна усердную просьбу ускорить во имя общих интересов начало наступления русской армии» (стр. 172). В тот же день начальник итальянской военной миссии в России передал в ставку сообщение своего главнокомандующего, который, между прочим, указывал: «в случае, если давление австрийцев будет продолжаться с той же силой, положение наше может стать очень опасным и могло бы заставить нас выбрать новую позицию еще далее в тылу, причем это абсолютно лишило бы нас возможности перейти в наступление на Изонцо одновременно с русской и другими союзными армиями.

Единственным средством для предотвращения этой опасности является производство сейчас же сильного давления на австрийцев войсками южных русских армий» (стр. 173).

В это время подготовка наступления на Северном и Западном фронтах была еще далеко не закончена, немедленный переход в общее наступление был поэтому невозможен, а демонстрация в южном направлении, о чем, как о крайней мере, просил Кадорна, оказалась бы просто вредной. Поэтому ген. Алексеев, уступая давлению союзников и учитывая подготовленность Юго-Западного фронта, приказал Брусилову быть готовым предпринять атаку уже к 19 мая. Начало действий ставилось в зависимость от хода дел у итальянцев, ибо большой промежуток времени между атаками Юго-Западного и Западного фронтов мог оказаться весьма опасным.

12 мая в ставке получили телеграмму: «Итальянская главная квартира самым энергичным образом настаивает на том, чтобы русская армия немедленно начала наступление на австрийском фронте, и утверждает, что нынешнее затишье в действиях русских армий создает весьма серьезную опасность для союзников» (стр. 176). Далее последовал ряд представлений итальянского и французского командований и, наконец, телеграмма итальянского короля Николаю II.

Ставка решила назначить наступление Юго-Западного фронта сначала на 19, а потом на 22 мая. Судя по директиве от 18 (31) мая основы общего плана не получили существенных изменений:

«1. Главный удар при предстоящем переходе в наступление производят армии Западного фронта.

2. Вспомогательный, но сильный удар наносит австрийцам Юго-Западный фронт, усиливаемый 5 Сибирским корпусом.

3. Северный фронт, отправив 5 Сибирский корпус, привлекает на себя внимание демонстративными действиями, особенно в Рижском районе, и переходит к решительным действиям только при благоприятной обстановке...

7. Почин атаки принадлежит Юго-Западному фронту, который начинает атаку 22 мая...

8. Западный фронт начинает атаку 28 или 29 мая по ближайшему рассмотрению главкозапа, сообразуясь со степенью подготовки» (стр. 188—189).

Благодаря присоединению 5 корпуса ударная группа 8-й армии на фронте атаки в 20 верст была доведена до 9½ дивизий, т. е. 148 батальонов или 145 тыс. пехоты против 53 неприятельских батальонов. На ударную дивизию приходилось 2½ версты. Общее соотношение сил фронта определялось примерно следующими цифрами: русских — 600 тыс.

штыков, 58 тыс. шашек; австро-германских — 450 тыс. штыков, 31 тыс. сабель.

22 мая рано утром по всей линии Юго-Западного фронта был открыт артиллерийский огонь, беспрерывно длившийся на участке 8-й армии 29 часов, 7-й армии — 47 часов, 11-й армии — около 10 часов и 9-й — 6—8 часов. В тот же день пехота на отдельных участках перешла в наступление. Прекрасная артиллерийская подготовка во многих местах совершенно смела первую и даже вторую линию укреплений. В районе действий 8-й армии фронт противника был прорван у с. Ставок, а на фронте 11-й армии — у села Сопаново, где были захвачены все три линии обороны. В то время как 7-я армия еще вела артиллерийскую подготовку, части 3 Заамурской дивизии 9-й армии прорвали фронт противника в центре Самушинского участка, а части 11 и 32 дивизий, выбив противника из его укреплений, быстро продвигались вперед, поддержанные артиллерией, разрушавшей тылы противника. Захвачен ряд важных высот. Местами австрийцы переходили в контр-атаки, которые, однако, повсеместно были отбиты (стр. 203—206).

На рассвете следующего дня артиллерийский огонь был возобновлен, а затем началась общая атака 32, 39, 40 и 8 корпусов. В течение ближайших трех дней 4-я австрийская армия была разгромлена. Деморализованные солдаты, брошенные офицерами, бежали в направлении на Луцк или массами сдавались в плен. К концу дня 25 мая русские захватили Луцк, прорвав фронт противника на протяжении 70—80 километров и продвинулись на 25—35 километров в глубину его расположения. Выклинивание у Луцка позволяло нанести удар по тылам 1-й и 2-й австрийских армий, оставшихся в районе своего прежнего расположения, но Брусилов ограничился распоряжением 8-й армии «прочно утвердившись на Стыри, на участке Сокуль, Рожище, Луцк, Торговицы, правым флангом наступать на фронт Островск, Н. Черевище, Кашовка, Сокуль, а левым флангом на фронт Торговицы, Демидовка, дабы облегчить переход в наступление правого фланга 11-й армии; переправы у Рожище, Луцка и Торговицы должно оборонять активно. Всей кавалерии, в особенности 4 корпусу, во что бы то ни стало, невзирая ни на какие потери, прорваться в тыл противника» (стр. 242). Это соответствовало и указанию ставки, которая телеграммой № 2851 от 27 мая предписала: «Юго-Западному фронту, продолжая сковывать противника на Стыре скорее демонстративными боями, все силы и усилия свои сосредоточить на своем правом фланге, поставив главной задачей завершить поражение левого крыла австрийцев, отрезать их армию от Сана, путей сообщения на запад. Для сего надлежит правый фланг фронта выдвинуть первоначально на высоту Луцка и развивать дальнейший удар в общем направлении Луцк — Рава-Русска. Сильным конным отрядом, деятельным и предприимчивым прикрыться в стороне Кобрина, Бреста, откуда вероятно появление германских войск. Вообще обстановка требует смелых, настойчивых предприятий конницы всего фронта» (стр. 252).

Намереваясь пожать плоды победы на правом фланге наступающей армии, ставка отказывалась от первоначально намеченного ею намерения «расширять отверстие, уже образованное у Луцка, отбрасывая пока меньшей частью сил 8-й армии на Владимир-Волынский, большей же частью давить в направлении Демидовки, заставляя очистить Дубненские Сады» (стр. 241—242).

Принятое решение ограничивало задачи операции закреплением тактического успеха, в чем, впрочем, Алексеев был последователен, поскольку по его плану операции Юго-Западного фронта должны были оказаться лишь подсобными и подготовительными к главным действиям Западного фронта. Эти последние были, впрочем, отложены до 4 июня, а на ближайшее время намечалась лишь ограниченная операция на левом фланге в направлении на Пинск и Кобрин в целях обеспечения правого фланга Юго-Западного фронта.

Отказ от решительных действий в юго-западном направлении и ограничение действий лишь флангами 8-й армии позволили противнику оправиться и произвести некоторые перегруппировки войск. Уже 27—28 мая к угрожаемому направлению подтянулись дивизии, вызванные из Двинского и Пинского районов, с итальянского и французского фронтов, а несколько позднее так же снятые с Кременецкого и Бродского направлений.

Поскольку действия 4 и 46 русских корпусов оказались безуспешными, попытки прорыва на этом участке были прекращены, а кавалерийская дивизия направлена к Луцку. В последующие дни 40 армейский и 5 Сибирский корпус, сменивший истощенный 39 корпус, продолжали двигаться вперед, а 32 корпус, действуя во фланг и тыл противнику в Дубненском направлении, заставил его очистить Дубно и Дубненские Сады. Армейская группа Зайончковского оперировала по течению реки Стырь от Семки до Гадомичей.

С 3 июля наступление 8-й армии было приостановлено энергичными контратаками с Ковельского направления.

Действия 11-й армии получили иное, чем предполагалось по плану, развитие. Атака 6 ударного корпуса была встречена жестокой контр-артиллерийской подготовкой, а некоторые позиции, захваченные первоначально, утеряны в результате австрийских контратак, при которых русские не получили поддержки ни 7, ни 18 корпусов. Неизмеримо удачнее были действия 17 корпуса, прорвавшего линию фронта у Сопанова и взявшего здесь множество трофеев. Успех должна была поддержать переброшенная сюда Заамурская дивизия, при этом, однако, была упущена возможность совместных действий с 33 корпусом 8-й армии в районе Дубненских Садов.

Попытки расширения сопановского плацдарма были приостановлены австрийскими контратаками, и наступление возобновилось лишь 31 мая, когда в результате успехов 32 корпуса австрийцы частями 17 корпуса были отброшены за реку Пляшевку.

В дальнейшем начавшаяся перегруппировка войск и неопределенность распоряжений главнокомандующего армией задержали движение корпуса, что позволило остаткам разбитых австрийских частей отойти за реки Ситенка и Слонувка.

2 корпус 7-й армии, прорвав в начале атаки оборонительную линию противника, отбросил его за реку Стрыпу. В образовавшийся прорыв был введен 2 кавалерийский корпус, а вслед за ним 16 корпус, устремившийся в направлении на Трибуховце. Наступление приостановилось на фронте Порхова — река Днестр и Возилув. Попытки 16 корпуса преследовать австрийцев на Доброводы были приостановлены неприятельскими контратаками.

Действия 41 и 11 корпусов 9-й армии уже в первый момент атаки дали большой успех, ввиде захвата всей укрепленной полосы от Миткеу до Доброновце. Дальнейшее продвижение было задержано контратаками противника и возобновилось лишь 28 мая. При этом противник был разбит и отступил на укрепленные позиции по линии реки Прута к Завале, Волчковце, Сороки, Незвиске.

Дальнейшей задачей 9-й армии было поставлено отбрасывание австрийцев к недалекой румынской границе. Избранное направление не отвечало целям 8-й армии, оперировавшей на Ковель, а успехи 9-й армии не были поддержаны необходимыми подкреплениями.

Угроза русского вторжения в Венгрию и Силезию заставила австро-германское командование принять все возможные меры для ликвидации прорыва. Подкрепления были стянуты отовсюду. Между тем наступление Западного фронта задержалось, вследствие утвержденного ставкой представления ген. Эверта, настаивавшего на перенесение атаки с Виленского на Барановическое направление. В связи с этим понадобились перегруппировки, и операции пришлось отложить на 16 суток.

Ближайшей задачей Юго-Западного фронта ставилось наступление на Ковель. Однако 3 июня противник, опираясь на собранные подкрепления, повел контр-наступление одной группой вдоль реки Турия и на Луцк, двумя другими на Локаши и 1-й армией на Голудов. Добиться существенного успеха ему не удалось, а прорыв между его 1-й и 4-й армиями, образовавшийся в результате действий 11-й русской армии, повлек за собой необходимость даже некоторого отступления левого фланга. Если контр-наступление не получило развития, то оно все же позволило австрийцам к 8 июня закрыть прорыв на Ковельском направлении и приостановить продвижение 8-й армии.

В дальнейших сражениях 11-я армия отбросила противника на линию Шклин — Остров — Радзивилов — Янковце. В то же время 9-я армия форсировала реку Прут, заняла Черновицы 4 (17) июня, затем отбросила австрийцев за Серет и далее на Кимполунг, который был занят 10 (23) июня, после чего австрийцы отошли на Якобени. На фронте 12 армейского корпуса были заняты Куты, а 33 и 41 корпуса наступали на Станиславов и Коломыю.

В основном, к 8 июня на фронте наступило некоторое затишье, обусловленное необходимостью перегруппировок. Директивой от 7 июня Брусилов временно приостановил наступление и приказал прочно закрепиться на занятых позициях.

Поскольку начало действий Западного фронта было назначено на 20 июня, Брусилов приурочил к этому времени и возобновление операций своего фронта. 21 июня 8-я и 3-я армии форсировали реку Стырь, а 46 и 1 корпуса прорвали фронт противника у Колки и севернее. Попытки противника остановить русских у Маневичей оказались безуспешными. К 26 июня наступающие закрепили за собой восточный берег р. Стохода от Любашев до железнодорожной линии Ковель — Луцк. Намеченные для правого фланга 3-й армии активные операции в особенно важном Пинском направлении, однако, развития не получили. Очень успешно действовала 9-я армия, к началу июля отбросившая противника к Днестру на линию Долина — Живачев — Тартаров.

Артиллерийская подготовка наступления Западного фронта началась 19 июня. Произведенная на следующий день атака и две последующие (21 и 24 июня) оказались безуспешными. Изолированно действовавшая 4-я армия, слабо поддержанная 2-й и 10-й армиями, добившись лишь ничтожного успеха, потеряла за 9 дней операции 80 тыс. чел. и была вынуждена прекратить действия до 1 июля.

Потерпев неудачу на Западном фронте, ставка решила основные усилия направить на развитие успеха на юго-западе. Сюда были направлены подкрепления из резерва верховного главнокомандующего, а также Западного фронта. Наступление возобновилось 15 июля. К 17 числу противник был отброшен к западу от Кашовки и на фронт Бугуславка — Киселин. В районе операции 8-й армии немцы отошли за линию Затуру Пустомыты. 11-я армия заняла Броды, 7-я теснила австрийцев за реку Днестр, а 9-я успешно продвигалась на Станиславов. Далее развиваются операции на реке Стоходе и продолжаются успехи 9-й армии, очистившей Буковину от австрийцев.

В результате наступления неприятель потерял до полутора миллиона человек, из них более 400 тыс. пленными, 580 орудий, 1800 пулеметов, 450 бомбометов и огромное количество разного военного имущества. Русские потери не превышали 500 тыс. чел. Он был вынужден для ликвидации прорыва оттянуть массу сил с французского и итальянского фронта, что чрезвычайно помогло операциям французов под Верденом и на Сомме и итальянцев в Трентино. Русское наступление

1916 г. сыграло таким образом крупнейшую роль в решении исхода мировой войны.

Нельзя не признать, что в развитии операции было допущено несколько существенных ошибок, корни которых лежат в слишком точном следовании принципам первоначального плана, согласно которому наступление должно было иметь подсобное значение для западного фронта. Несомненная ошибка была допущена в разбросе войск с ориентацией основных усилий по двум противоположным направлениям,— с одной стороны на Ковель, с другой к румынской границе. Едва ли целесообразно было, особенно после неудач на Западном фронте, движение на Ковель, встретившее огромные препятствия на р. Стоходе. Вместе с тем успех и значение операции говорят сами за себя. Опыт «Брусиловского наступления» обогатил русское оперативное искусство новым методом осуществления прорыва укрепленной полосы и остается доселе важным уроком по организации и проведению подобного рода операций.

Проф. **Н. Коробков.**

Ценный вклад в историю и теорию советского военного искусства

Центральный Государственный архив Красной армии. «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Сборник документов. Воениздат. 1941 г., стр. 470. Цена 11 р. 50 к. с пер.

«Великая революция всегда рождала великих людей, великих полководцев, и не будет преувеличением, если скажем, что наша Великая Октябрьская революция рядом с другими именами выдвинула ярко блестевшую звезду — т. Фрунзе, преданного делу революции и полного любви к пролетариату»[1]. В этих замечательных словах Г. К. Орджоникидзе ярко, образно и правдиво дан незабываемый образ пролетарского полководца.

Михаил Васильевич Фрунзе воплотил в себе лучшие черты своего класса — пролетариата и его авангарда — большевистской партии, черты военного и политического деятеля ленинско-сталинского типа: бесстрашие в бою и беспощадность к врагам народа, мудрость, правдивость, чёткость и величайшую любовь к рабочим и крестьянам, ко всем угнетенным и эксплоатируемым народам.

М. В. Фрунзе умело сочетал в себе замечательные качества большевистского организатора, полководца и политического руководителя масс, не знавшего поражений на своем боевом пути.

* * *

Сборник документов «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны», подготовленный к печати научными сотрудниками Центрального Государственного архива Красной армии, содержит ценные документы, извлеченные из фондов Центрального Государственного архива Красной армии и Центрального Государственного архива Октябрьской революции: боевые директивы, приказы, доклады, телеграммы, указания М. В. Фрунзе о постановке партийно-политической работы в частях и среди населения; в состав сборника входят обращения и воззвания М. В. Фрунзе и материалы по организации и вооружению Красной армии и Флота, а также и важнейшие документы Ленина, Сталина, связанные с деятельностью М. В. Фрунзе.

Большинство помещенных в книге документов публикуется впервые. Документы расположены в хронологическом порядке в трех разделах. В первом разделе даются документы, характеризующие М. В. Фрунзе, как командующего 4-й армией и Южной группой, а затем — командующего всеми армиями Восточного фронта. Исключительный интерес представляют документы о Бугурусланской, Белебеевской и Уфимской операциях. В этих операциях впервые во всю ширь развернулся стратегический талант М. В. Фрунзе.

«М. В. Фрунзе на Туркестанском фронте» — так озаглавлен второй раздел сборника. В этом разделе приведены документы об уничтожении колчаковской Южной армии (Орская операция), о разгроме уральского белоказачества и закаспийской белогвардейщины (Гурьевская и Красноводская операции), об организации и укреплении обороны Туркестана, о ликвидации семиреченской контрреволюции, о борьбе с басмачеством и освобождении Бухары. Это второй этап полководческой деятельности М. В. Фрунзе.

В третьем разделе помещены документы, освещающие деятельность М. В. Фрунзе на Южном фронте.

Документы третьего раздела расположены в такой последовательности: парирование удара Врангеля на Донбасс и уничтожение белых на правом берегу Днепра, разгром Врангеля в Северной Таврии, штурм перекопских и чонгарских укреплений и освобождение Крыма, организация внутреннего фронта по борьбе с бандитизмом. Это был период наивысшего

---

1 Г. К. Орджоникидзе, Избранные статьи и речи 1911—1937 гг. Под редакцией А. И. Микояна, Л. З. Мехлиса, Л. П. Берия и З. Г. Орджоникидзе, ОГИЗ, 1939 г., стр. 209.

расцвета полководческого таланта М. В. Фрунзе.

Вводная статья полковника Бушманова о деятельности М. В. Фрунзе правильно и обстоятельно характеризует образ великого пролетарского полководца.

Комментарии к первому разделу составлены одним из соратников М. В. Фрунзе — Ф. Ф. Новицким. Подстрочные примечания в тексте связывают документы, поясняют отдельные факты.

Сборник хорошо иллюстрирован фотографиями, фотодокументами и 15 хорошо выполненными схемами.

В сборнике приведены документы, говорящие о тех решительных мерах, которые были приняты Фрунзе по выкорчевыванию остатков партизанщины в армии и введении железной воинской дисциплины (стр. 63—65).

Сборник рассказывает, как большевики брали, казалось бы, неприступные крепости в годы гражданской войны.

В документах сборника читатель найдет основные элементы ленинско-сталинской военной доктрины, всегда применяемой М. В. Фрунзе в его практической деятельности.

* * *

Анализируя полководческое искусство М. В. Фрунзе в годы гражданской войны, необходимо остановиться на тех принципах, которыми руководствовалась вся партия Ленина — Сталина: правильный выбор направления главного удара; правильная расстановка сил и средств при сосредоточении их на решающем направлении и в решающий момент; твердость и последовательность в достижении главной цели; смелость и решительность действий; максимальное напряжение усилий для достижения полной победы.

Воспитанный партией Ленина — Сталина, Михаил Васильевич умел творчески применять их в самой различной обстановке. Правильно выбрать направление главного удара, как учит И. В. Сталин, означает предрешить характер операций на весь период войны, предрешить на $^{9}/_{10}$ судьбу всей войны. М. В. Фрунзе завоевал себе бессмертную славу великого пролетарского полководца тем, что он всегда правильно выбирал направление основного, главного удара и держался его до завершения операции. Фрунзе всегда правильно определял направление главного удара, потому что он всегда ясно понимал цель своих операций, прекрасно знал особенности театра военных действий, учитывал сильные и слабые стороны противника.

Характерной особенностью М. В. Фрунзе как военно-политического деятеля было уменье творчески проводить в жизнь политику большевистской партии и Советской власти в сложных условиях и добиваться сочувствия и горячей поддержки огромных масс рабочих, крестьян России и угнетенных народов Востока.

С исключительным уважением, с особенной теплотой и любовью относились к Фрунзе рабочие, крестьяне, интеллигенция. Он хорошо знал нужды и настроения бойцов, умел запросто, по душам побеседовать с ними, во-время ободрить их, и если надо, строго потребовать. Эта постоянная связь с массами позволяла ему найти и выдвинуть таких героев как В. И. Чапаев и другие.

31 января 1919 г., вступая в командование 4-й армией Восточного фронта, Фрунзе издает приказ войскам армии, в котором, приветствуя своих новых боевых товарищей, разъясняет бойцам цели и задачи справедливой, отечественной войны Советской республики против соединенных сил внешних интервентов и белогвардейцев. «Не для захвата чужих земель, не для ограбления иноземных народов, послала вас, своих детей, трудовая Русь под ружье.

Здесь, на фронте решается судьба рабоче-крестьянской России, решается окончательный спор между трудом и капиталом» (стр. 50).

Его горячие призывы всегда находили могучий отклик в массах. Когда по предложению ЦК РКП(б) М. В. Фрунзе был назначен командующим Южной группой (большого состава), он 10 апреля 1919 г. обратился к войскам с горячим призывом разбить Колчака.

«Слишком велики жертвы, принесенные рабочим классом и крестьянством. Слишком много крови пролито ими, чтобы теперь, накануне своей полной победы позволить врагу вновь сесть на плечи трудового народа.

Дело идет о его настоящем и будущем... Помощь идет. Вперед же, товарищи, на последний решительный бой с наемником капитала — Колчаком!» (стр. 98). На помощь фронту спешили рабочие и крестьяне, шли в бой и побеждали интервентов и белогвардейцев. Каждый частный успех на фронте Михаил Васильевич стремился развить для достижения успеха всей операции.

18 августа 1919 г. М. В. Фрунзе вступил в командование Туркестанским фронтом. Здесь он развивает колоссальную энергию по осуществлению ленинско-сталинской национальной политики по установлению правильных отношений с народами Туркестана.

Товарищ Сталин в статье «Наши задачи на Востоке» в марте 1919 г. писал:

«Построить цитадель Советской власти на Востоке, поставить социалистический маяк в Казани и Уфе, Самарканде и Ташкенте, освещающий путь к освобождению измученным народам Востока,— такова задача» (стр. 204).

Эта задача имела поистине гигантское, всемирно-историческое значение. И именно поэтому для ее разрешения был послан М. В. Фрунзе. Партия не сомневалась, что верный сын ее сумеет с честью выполнить и эту задачу.

И действительно, эта историческая задача была блестяще выполнена войсками Туркестанского фронта, возглавляемыми М. В. Фрунзе. За один только месяц войны революционеры взяли 55 тысяч пленных, много орудий, около 150 пулеметов.

С напряженным вниманием и надеждой следила за успехами войск Туркестанского фронта вся Советская Россия, все народы Востока, чувствующие, что победа Красной армии несет полное освобождение от ненавистного ига империалистов и их агентуры.

В постановлении Совета рабоче-крестьянской обороны за подписью В. И. Ленина от 1 октября 1919 г. была дана высокая оценка боевых заслуг 1-й армии (Туркестанского фронта), которая неустанным натиском расчистила пути, связывающие Советскую Россию с красным Туркестаном. Всему красноармейскому и командному составу 1-й армии была объявлена благодарность отечества (стр. 210—211).

Соединившись с войсками красного Туркестана, находившимися в огненном кольце интервентов и белогвардейцев, М. В. Фрунзе принимает ряд энергичных мероприятий по окончательному освобождению народов Средней Азии.

Во время своей поездки в Закаспийскую область он провел съезд депутатов туркестанских племен. Туркмены и другие народы Средней Азии увидели в его лице подлинного представителя новой власти, осуществляющего новую национальную политику, решительно исправляющего грубые ошибки, допущенные революционным туркестанским правительством.

В телеграмме В. И. Ленину от 24 марта 1920 г. Фрунзе, докладывая о своих впечатлениях от поездки по маршруту Ташкент, Красноводск, резюмировал: «В политическом отношении наше положение в Закаспии в данный момент вполне благоприятно» (стр. 275).

Максимальное развертывание политической работы среди населения Средней Азии, проводимой М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым параллельно с военными мероприятиями, обеспечило также блестящие успехи в борьбе с басмачеством (стр. 311—312).

Басмачество поддерживалось и вдохновлялось бухарским эмиратом и стоящими за его спиной английскими интервентами. Англия пыталась создать против Советской России контрреволюционный блок Персии, Бухары, Афганистана.

Это не ускользнуло от бдительного внимания Михаила Васильевича Фрунзе, который в своей директиве войскам Туркестанского фронта от 12 августа 1920 г. отметил, «что существует определенное намерение наших противников создать против нас союз Персии, Бухары и, если удастся, Афганистана, дабы затем, пользуясь еще не ликвидированным басмаческим движением в Фергане, ударить по нас по всей южной границе» (стр. 320).

Но идеи Октябрьской революции проникали в сознание народов Востока. Не только в Средней Азии, но и в Персии, Индии, Афганистане нарастал революционный подъем среди народных масс и выливался в ряде районов в открытые вооруженные выступления. В Персии дело доходило до открытой вооруженной борьбы восставшего народа с правительством шаха, в Бухаре с каждым днем созревали условия для революционного взрыва. Бухарский народ восстал 2 сентября 1920 г. В телеграмме В. И. Ленину Фрунзе сообщает радостную весть о том, что вся центральная и северная Бухара уже установила революционный режим (стр. 330).

Во всей своей деятельности М. В. Фрунзе исходил из учета общегосударственных интересов. Он зорко следил за ходом боевых действий на других фронтах республики. Он был в курсе всей борьбы против белополяков и Врангеля. Когда, ввиду болезни И. В. Сталина, по его предложению, М. В. Фрунзе был назначен командующим Южным фронтом, он немедленно выехал на Южный фронт, чтобы взять руководство всеми операциями против Врангеля.

Уезжая на Южный фронт, Фрунзе обратился с прощальным приветом к войскам Туркестанского фронта, в котором говорил:

«До сих пор все попытки удушения нашей революции кончались крахом. Иначе и быть не могло, ибо безмерны запасы энергии, таящиеся в недрах народа, борющегося за свою свободу и лучшую жизнь» (стр. 334). Эта величайшая вера в народ, в его неиссякаемую энергию является одной из характерных особенностей большевика М. В. Фрунзе.

27 сентября, вступая в командование Южным фронтом, М. В. Фрунзе в своем приказе — обращении к красноармейцам Южного фронта писал о необходимости разрубить узел интриг империалистов на Юге России и выражал твердую уверенность, что «Врангель должен быть разгромлен и это сделают армии Южного фронта» (стр. 342).

18 октября в телеграмме Ленину Фрунзе уже сообщал о крупном успехе на фронте 6-й армии и 2-й Конной армии (стр. 400).

Несмотря на величайшие трудности, лишения, недостаток обмундирования, питания и холод бойцы Южного фронта блестяще выполнили стратегический план Фрунзе, разработанный на основе Сталинского плана разгрома Врангеля.

Бессмертные герои Южного фронта, вдохновляемые Лениным и Сталиным и идущие в бой под руководством товарищей Фрунзе, Ворошилова, Буденного, Тимошенко, Пархоменко, разгромили врангельцев и до конца выполнили свой революционный долг перед республикой.

В телеграмме В. И. Ленину и Центральному Комитету от 12 ноября 1920 г. М. В. Фрунзе сообщал:

«Свидетельствую о величайшей доблести, проявленной геройской пехотой при штурмах Сиваша и Перекопа» (стр. 443).

Через пять дней Фрунзе известил Владимира Ильича о занятии нашей конницей Керчи и полной ликвидации белогвардейцев и интервентов в Крыму.

17 ноября 1920 г. М. В. Фрунзе обратился с воззванием к войскам Южного фронта, в котором подвел итоги разгро-

ма подлого наемника англо-французских империалистов ген. Врангеля.

«Несмотря на богатство техники, щедро поставлявшейся союзниками, несмотря на ловкие маневры и изворотливость тактики, барон Врангель в своих попытках обосноваться в Приднепровье потерпел полное поражение» (стр. 449).

Враг пытался укрыться за первоклассными укрепленными линиями Перекопского и Чонгарского перешейков, за естественными преградами Сиваша. Но ничто не могло остановить победного движения наших большевистских чудо-богатырей, которые еще раз показали, что нет таких крепостей, которые бы не взяли большевики.

За разгром Врангеля ВЦИК наградил Фрунзе почетным Революционным оружием (шашка с орденом Красного Знамени с надписью «Народному герою»).

Высокой награды Советского правительства удостоились многие бойцы и командиры, принимавшие участие в разгроме Врангеля.

Неоценимую помощь Красной армии в разгроме Врангеля оказали партийные и непартийные большевики и комсомольцы, которые в подполье, в тылу у врага организовали мощное партизанское движение, подрывавшее тыл врангельцев и облегчавшее продвижение Красной армии.

Так в директиве армиям Южфронта от 20 октября 1920 г. М. В. Фрунзе, ставя конкретные задачи армиям фронта, указывает «При этом учесть, что в горном районе Крымского полуострова действует Красная повстанческая армия» (стр. 408).

М. В. Фрунзе имел ввиду именно ту Красную повстанческую армию, которая возглавлялась т.т. А. В. Мокроусовым и дважды героем Советского Союза И. Д. Папаниным. Последний с величайшими трудностями прибыл из Крыма к т. Фрунзе и подробно доложил ему о росте красного партизанского движения в Крыму, получил от Фрунзе директивы и вместе с другими отважными моряками организовал второй десант в тылу у Врангеля, соединился с красными партизанами и участвовал в окончательной ликвидации врангелевщины (о чем подробнее рассказано в сборнике «Перекоп», Соцэкгиз, 1941 г.).

К сожалению, эти интереснейшие факты не нашли своего отражения в комментариях к документам III раздела сборника. Напр., к документу № 392 на стр. 408 о Крымской «Красной повстанческой армии» дается следующий комментарий:

«М. В. Фрунзе имеет в виду отряды так называемых «зеленых», действовавших в тылу у Врангеля» (стр. 408).

Ясно, что такой комментарий ничего не дает читателю. Следует подчеркнуть, что комментарии по отдельным важнейшим документам Туркестанского и Южного фронтов даются неполно и не раскрывают всей сложности обстановки, в которой работал М. В. Фрунзе.

* * *

Сборник является ценнейшим вкладом в научное наследие М. В. Фрунзе, которое еще до сих пор полностью не собрано. Существующее трехтомное издание его сочинений, далеко не полно и давно стало библиографической редкостью. Недавно изданный сборник произведений М. В. Фрунзе дает лишь небольшую часть его литературного и военно-научного наследия. Изучение и освоение всего этого наследия имеет огромное значение для начальствующего состава Красной армии, Красного Флота, войск НКВД и всех научных работников. В работах М. В. Фрунзе мы видим замечательные образцы сочетания огромного боевого опыта и глубокого марксистско-ленинского анализа.

Многие его мысли о стратегии, тактике, обучении и воспитании войск имеют актуальнейшее значение. Этим также объясняется исключительный интерес к его произведениям. На очереди стоит задача — создать действительно полное, хорошо подготовленное и снабженное необходимым научным аппаратом, собрание сочинений М. В. Фрунзе.

Разумеется, рецензируемый сборник отнюдь не исчерпывает всех документов М. В. Фрунзе периода гражданской войны. Уже сейчас, после выхода в свет книги найдены новые чрезвычайно интересные документы М. В. Фрунзе о его военно-политической деятельности в Средней Азии.

Нам необходимо продолжать работу по собиранию и публикации всех документов М. В. Фрунзе. Изучение этих документов идейно вооружает наши кадры, учит их науке побеждать.

Ф. Юдин. Н. Фиронов.

Цена 5 руб.

5 БАГ
КАЛАНЧЕВСКАЯ 15А
ДОМУ НКВ
X 1.12 КР. АРХ

ОГИЗ
Госполитиздат

Продолжается подписка на 1941 год

на журнал

КРАСНЫЙ АРХИВ

Год издания 20-й.

6 номеров в год.

„КРАСНЫЙ АРХИВ“ ИМЕЕТ ЦЕЛЬЮ ПУБЛИКАЦИЮ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ДО СИХ ПОР НЕИЗВЕСТНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ И НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗРАБОТКИ КОНКРЕТНЫХ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ, В СООТВЕТСТВИИ С ЗАДАЧАМИ, ВЫДВИНУТЫМИ ПЕРЕД СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКОЙ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ТОВАРИЩА СТАЛИНА И УКАЗАНИЯХ ЦК ВКП(б) и СНК СССР О ПРЕПОДАВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ, РУКОВОДСТВУЯСЬ В РАЗРЕШЕНИИ ЭТИХ ЗАДАЧ ПРИМЕРОМ, ДАВАЕМЫМ КРАТКИМ КУРСОМ «ИСТОРИИ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)».

„КРАСНЫЙ АРХИВ“ ОСВЕЩАЕТ НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ КОНКРЕТНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО, ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СССР И ОТДЕЛЬНЫХ НАРОДОВ, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ СССР, ПО ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА, ГЛАВНЕЙШИЕ ВОПРОСЫ ОБОРОНЫ НАШЕЙ РОДИНЫ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В НАШЕЙ СТРАНЕ.

„КРАСНЫЙ АРХИВ“ РАССЧИТАН НА РАБОТНИКОВ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, АСПИРАНТОВ И СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ, НА ПОЛИТРАБОТНИКОВ РККА, ПРОПАГАНДИСТОВ И ВСЕХ ЛИЦ, ИЗУЧАЮЩИХ ИСТОРИЮ СССР.

„КРАСНЫЙ АРХИВ“ НЕОБХОДИМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ ИНСТИТУТАМ, ВУЗАМ, АРХИВНЫМ ОРГАНАМ, ПОЛИТОРГАНАМ РККА, БИБЛИОТЕКАМ, ДОМАМ ПАРТИЙНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ, РЕДАКЦИЯМ ГАЗЕТ, ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ, ВОЕННЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛОВ И ДР.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.— 30 руб., на 6 мес.— 15 руб.
Цена отдельного номера — 5 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ПРЕДПРИЯТИЯМИ СВЯЗИ (ГОРОДСКИМИ И РАЙОННЫМИ ОТДЕЛАМИ, ВСЕМИ ПОЧТОВЫМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ И АГЕНТСТВАМИ), А ТАКЖЕ ПИСЬМОНОСЦАМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПЕЧАТИ.